

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

ЮЛЪ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Императоръ Николай I въ 1828—1829 гг. (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа). Гл. II. (Оконч.).	3—27	X. Автобіографія Юрьевского архимандрита Фотія. Книга третья.	163—199
II. Россія и Англія въ Турціи въ 1877—1878 гг. II.	31—44	XI. Воспоминанія, мысли и признанія члѣстна, домивающего свой вѣкъ смеленскаго дворянина. Гл. XVII—XIX.	201—226
III. Ки. В. А. Чернышій и гражданское управленіе въ Болгаріи. 1877—1878 гг. Гл. XVII. Д. Г. Анучина.	45—81	XII. Записная книжка «Русской Старины»: Попытки къ заведенію торговли Россіи съ Японіей въ 1791 г. Сообщ. Нарановичъ. (стр. 28).—Приказъ погншшим П. М. Черниковой о выборахъ рекрутъ. Сообщ. кн. А. Л. Голицинъ (82).—Высочайшій указъ отъ 8 мая 1801 г. О снятіи амбарго съ англійскихъ судовъ. (126).—Указъ изъ С.-Петербурга, губернскаго правленія объ именованіи порпорщика Шервуда—Шервудъ-Вѣрный. (200).	
IV. Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину. (1830—1833 гг.)	83—98	XIII. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи	227—230
V. Основаніе русскаго флота. Историческій очеркъ. проф. Д. И. Павлова.	99—112	XIV. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Замятна о домѣ Романовыхъ. Г. М.	113—117		
VII. Замятна о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ - Шуйскихъ. Г. М.	118—125		
VIII. Императоръ Александр I и гр. Аршфельдъ 1811—1812 гг. Гл. I—III.	127—152		
IX. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. VI. Барона Н. В. Дризенна.	153—162		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Виктора Григорьевича Теплянова. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 часовъ полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайшии утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39.

1896.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го июля 1896 г.

Бібліографіческій листокъ.

Д. И. Иловайскаго мелкія сочиненія, статьи и письма. Выпускъ второй. Москва. 1896 г.

Д. И. Иловайскій извѣстенъ какъ защитникъ истины, хотя и простыхъ, но не успѣвшихъ еще войти въ общественное сознаніе.

Во второмъ выпускѣ мелкія сочиненія собраны статьи и письма, посвященныя въ-которымъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, — помѣщенны въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, за послѣднія 7—8 лѣтъ.

„Весь смыслъ этихъ статей и писемъ, — говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, — можетъ быть выраженъ слѣдующими словами: проповѣдь строго національнаго направленія во всѣхъ общественныхъ сферахъ. И разумѣется, эта проповѣдь касалась наиболѣе важныхъ предметовъ, выдѣляемыхъ на передній планъ самой современной исторіей“.

Прежде всего авторъ останавливается на вопросахъ національной политики и экономіи; затѣмъ, разобравъ подробно еврейско-нѣмецкій *Drang nach Osten*, онъ переходитъ къ обсужденію причинъ нашей культурной отсталости сравнительно съ Европой. „Я убѣдился, — говоритъ онъ, — что важнѣйшей причиной былъ недостатокъ постоянного и неуклоннаго покровительства русской обрабатывающей промышленности и техники, отъ развитія которыхъ непосредственно зависитъ усвоеніе европейской матеріальной культуры вообще. Эта неразрывная связь успѣховъ культуры съ покровительственной системой, или точнѣе — ихъ зависимость отъ сей послѣдней, является плодомъ личныхъ моихъ наблюденій“.

Чему же должно покровительствовать по преимуществу? Задавшись такимъ вопросомъ, г. Иловайскій приводитъ, какъ слѣдствіе своихъ историческихъ наблюденій, — слѣдующій выводъ: недостаткомъ покровительства у насъ страдаютъ тѣ именно отрасли промышленности, которая называется „основными“ и развитіе которыхъ необходимо для успѣховъ у насъ европейской техники и всякой культуры; къ „основнымъ“ отраслямъ онъ относитъ машины и химическіе продукты, вмѣстѣ съ добычею желѣза и каменнаго угля.

Не мало мѣста отведено авторомъ въ его сборникѣ полемикѣ съ противниками главнаго его труда, т. е. „Исторіи Россіи“. Съ ослабляющимъ интересомъ читается и послѣдняя часть этого сборника, озаглавленная: „По тѣмъ же и другимъ вопросамъ исторіи, политики и культуры“.

Статьи г. Иловайскаго написаны прекраснымъ литературнымъ языкомъ и, благодаря умѣнию автора кратко и просто излагать самыя сложныя идеи, — онѣ доступны даже

для людей, не имѣющихъ спеціальнаго образованія. Нельзя не пожелать такой книгѣ самаго широкаго распространенія.

Н. Н.-ш.

1) Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ М. А. Протопопова.

2) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова.

Много было писано о жизни и дѣятельности нашего маститаго критика; есть даже такіе труды, которые смѣло могутъ быть названы капитальными ¹⁾, тѣмъ не менѣе біографическій очеркъ г. Протопопова, состоящій всего изъ 77 страницъ, — заслуживаетъ полнаго вниманія.

„Судъ общественнаго мнѣнія такъ же, какъ и судъ исторіи, такъ же, какъ и судъ совѣсти, не налагаютъ никакихъ формальныхъ вѣръ, но они страшнѣе суда уголовнаго для людей, не окончательно угрившихъ всякое нравственное чувство“, — говоритъ авторъ разсматриваемого очерка въ своемъ введеніи. „Мы своимъ рассказомъ не убедемъ въ читателѣ ни одного благороднаго вѣрованія; ни горечи, ни разочарованія не испытаетъ онъ, познакомившись съ нравственной личностью нашего знаменитаго критика. Наоборотъ: это — одно изъ созерцаній, которыя освѣжаютъ душу и укрѣпляютъ вѣру, — вѣру въ человека и его достоинство. Безгрѣшенъ только Богъ, но и между людьми есть праведники, безъ которыхъ земля не стояла бы, и Бѣлинскій былъ однимъ изъ нихъ, — это мы заявляемъ съ перваго же шага и безъ малѣйшихъ сомнѣній“.

Жизнь Виссаріона Григорьевича столько же бѣдна внѣшними событиями, сколько богата внутреннимъ содержаниемъ. Ж. Ж. Руссо сказалъ про себя, что онъ явится на страшный судъ, держа въ рукахъ свои „Confessions“. Бѣлинскій можетъ явиться на тотъ же судъ, не выбирая между своими произведеніями, ни отъ чего не отрекаясь, ничего не скрывая. Онъ писалъ, какъ думалъ, и жилъ, какъ писалъ ²⁾.

¹⁾ А. Н. Панинъ. „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“. — Два тома. О. Э. М и л е р ъ. „Бѣлинскій, какъ педагогъ“ и др.

²⁾ Въ полную противоположность своему учителю, профессору Надеждину, лекціи котораго Бѣлинскій усердно посѣждалъ и который въ нравственномъ отношеніи принад-

ВИКТОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
ТЕПЛЯКОВЪ.

(Род. 15 августа 1804 г. † 2 октября 1842 г.).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1896.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯВРЬ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Височайши утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39
1896.

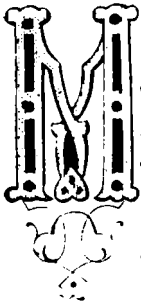
Императоръ Николай I въ 1828—1829 г г

(Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа) ¹.

II.

1829 годъ.

Убийство Грибоѣдова въ Тегеравѣ.—Положеніе цесаревича Константина Павловича въ Польшѣ. — Объ участіи польской арміи въ турецкой войнѣ. — Поѣздка императора Николая въ Варшаву для коронаціи. — Благосостояніе царства Польскаго. — Въѣздъ императора Николая въ Варшаву. — Коронація. — Поѣздка государя въ Берлинъ. — Дипломатическіе переговоры генералъ-адъютанта Бенкендорфа съ прусскимъ министромъ графомъ Бернсторфомъ. — Извѣстіе о Кулевчинской побѣдѣ. — Путешествіе государя изъ Варшавы въ Кіевъ. — Пребываніе государя въ Тульчинѣ. — Пребываніе государя въ Кіевѣ. — Крѣпость Бобруйскъ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Военныя поселенія. — Адрианопольскій миръ. — Хоазревъ-Мираа въ Петербургъ. — Благодарственный молебенъ на Царицыномъ дугу послѣ окончанія турецкой войны. — Болѣзнь императора Николая. — Извѣстіе объ англійскомъ фрегатѣ, вошедшемъ въ Севастополь, сообщенное графомъ Толстымъ государю во время его болѣзни. — Возвращеніе гвардіи въ Петербургъ.

можно представить себѣ, что слѣдовавшая за симъ печальнымъ событіемъ зима была не изъ веселыхъ. Балы и театры прекратились; ихъ мѣсто заняли приготовленія ко второй кампаніи и политическія сплетни. Европейскимъ державамъ, всегда завидующимъ Россіи, крайне неприятна была наша война съ Турціею, и онѣ, предусматривая неминуемое пораженіе послѣдней, опасались, съ тѣмъ вмѣстѣ, новаго усиленія нашего могущества. Молодой монархъ, увлеченный на поприще войны и побѣдъ, не могъ, по мнѣнію этихъ

¹) См. «Русск. Старину». іюнь 1896 г.

кабинетовъ, не потрясти системы европейскаго равновѣсія. Англія страшилась за свою торговлю на Средиземномъ морѣ; Франція, считая обязанностію оградить султана, стариннаго своего союзника, отъ вторженій Россіи, ограничивалась, впрочемъ, одними происками, заставляя дѣйствовать другіе кабинеты; наконецъ, Австрія, по своему сосѣдству съ Турціею, болѣе всѣхъ заинтересованная ея дѣлами, представляя себѣ Валахію и Молдавію уже русскими областями, тревожилась, участливо предлагала свое посредничество, молила Бога объ успѣхѣ турецкаго оружія и возбуждала противъ насъ недовѣріе берлинскаго двора. Всѣ заботливо ждали исхода войны и кричали противъ честолюбія императора Николая, не отваживаясь однако явно поднять забрала.

Государь, съ своей стороны, при увѣренности въ правотѣ дѣла и при твердой рѣшимости не употребить во зло побѣды, отклонилъ всѣ, такъ называемыя, услуги иностранной дипломатіи и дѣятельно готовился къ новой кампаніи.

Потери лошадей въ кавалеріи и артиллеріи были вскорѣ пополнены, а полки, приведенные утомленіемъ, болѣзнями и, наконецъ, чумою въ кадровый составъ, укомплектованы изъ резервныхъ батальоновъ.

Чума въ особенности свирѣпствовала въ Варискомъ гарнизонѣ. Командовавшій имъ генераль Головинъ былъ вынужденъ вывести войска за городъ и расположить ихъ лагеремъ въ окрестныхъ садахъ. Были полки, въ которыхъ на лицо оставалось не болѣе ста человекъ. Головинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ примѣчательною распорядительностію, а добрые и покорные наши солдаты выказали, самымъ блестящимъ образомъ, свою терпѣливость и преданность. На сторожѣ отъ непріятеля, въ разрушенномъ городѣ, нуждаясь часто въ необходимѣйшемъ для жизни, поражаемые заразою, они ни единожды не позволили себѣ какого-нибудь ропота, и служба шла тѣмъ же порядкомъ и съ тою же дисциплиною, какъ бы гарнизонъ находился въ отличнѣйшемъ благосостояніи.

Графъ Витгенштейнъ былъ слишкомъ старъ для веденія новой кампаніи, и потому явилась необходимость замѣстить его другимъ главнокомандующимъ, и вмѣсто него назначенъ былъ графъ Дибичъ.

Въ это самое время одно, столько же неожиданное, сколько и

плачевное событіе прибавило еще новую помѣху нашему правительству. Г-нъ Грибоѣдовъ, посланникъ нашъ въ Персію, человекъ умный, но можетъ быть не довольно осторожный, возбудилъ противъ себя умы тегеранскихъ жителей, которыхъ недавній, уничтожительный миръ еще болѣе предрасположилъ противъ Россіи. Онъ пренебрегалъ общественнымъ ихъ мнѣніемъ, которое ждало только случая, чтобы вспыхнуть. Бездѣльная ссора между нѣсколькими персіянами и прислугою Грибоѣдова дала къ тому поводъ. Народъ выломалъ двери въ домъ нашего посланника, и какъ самъ онъ, такъ и большая часть его чиновниковъ и служителей, пали жертвою разъяренной черни. Ихъ безчеловѣчно умертвили, прежде чѣмъ подоспѣла помощь отъ правительства, испуганнаго этимъ неслыханнымъ происшествіемъ. Раздраженный шахъ тотчасъ арестовалъ и наказалъ виновныхъ; но такое жестокое оскорбленіе не могло не угрожать разрывомъ едва лишь восстановленнаго мира, а продолжительность времени, необходимаго для соглашенія между Петербургомъ и Тегераномъ, оставляла надолго въ сомнѣніи вопросъ, какой ходъ приметъ это дѣло.

Въ это же время интересы, хотя совѣмъ инаго рода, но не менѣе важные, обращали вниманіе государя на Варшаву.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, командовавшій русскими и польскими войсками въ Царствѣ Польскомъ и мало-по-малу сосредоточившій въ своихъ рукахъ управленіе и гражданскою частью, не умѣлъ стяжать народной любви. Подъ его начальствомъ состоялъ также и корпусъ, квартировавшій въ Литвѣ и носившій, какъ бы въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, означавшихся нумерами, именованіе Литовскаго. Всѣ возвращенныя отъ Польши губерніи: Виленская, Гродненская, Минская, Волынская и Подольская и область Бѣлостокская состояли равномѣрно подъ управленіемъ цесаревича и вѣдались имъ на военную ногу. Эта централизація всего, принадлежавшаго нѣкогда Польшѣ; либеральная конституція, пожалованная Царству; польскіе малиновые воротники, вмѣсто красныхъ, на мундирахъ Литовскаго корпуса, — все это, вмѣстѣ взятое, было, конечно, большою политическою ошибкою со стороны императора Александра, который далъ полякамъ, въ противоположность намѣреніямъ и дѣйствіямъ императрицы Екатерины, надежду

на восстановленіе ихъ самостоятельности и огорчилъ чрезъ то русскихъ.

Императоръ Николай ясно понималъ неудобство такого порядка вещей, но въ то же время чувствовалъ и всѣ трудности выйти изъ него. Первая заключалась въ необходимости измѣнить личное положеніе старшаго его брата, имѣвшаго въ супружествѣ польку, влюбленнаго во вѣрныя его начальству войска и благопріятствовавшаго желанію поляковъ присоединить къ Царству Польскому прочія одноплеменные съ ними губерніи, уже столь давно находившіяся подъ русскою державою. Второю трудностью представлялось ниспроверженіе устройства, созданнаго императоромъ Александромъ. Преемникъ отказался бы, чрезъ то, отъ наслѣдственнаго имени освободителя и благодѣтеля Польши, вооружилъ бы противъ себя милліоны поляковъ, еще болѣе напугалъ бы Европу, уже безъ того устрашенную его могуществомъ, и, наконецъ, жестоко огорчилъ бы цесаревича, который, относя всю вѣрную ему власть къ волѣ покойнаго императора, почелъ бы вопіющимъ несправосудіемъ отнятіе у него этой власти братомъ, которому онъ уступилъ престолъ.

Поляки, крайне недовольные управленіемъ цесаревича и уже начинавшіе постепенно забывать благодѣянія Александра, съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ждали рѣшенія своей судьбы отъ новаго императора. Носились слухи, что онъ не жалуется поляковъ и негодуетъ на данныя имъ привилегіи; что въ характерѣ его преобладаетъ строгость, и что онъ никогда не согласится на присоединеніе къ Царству прежнихъ польскихъ областей. Никто почти еще не зналъ его, и всѣ колебались между страхомъ и надеждою.

Государь долгое время зрѣло соображалъ и обдумывалъ всѣ трудности своего положенія въ отношеніи къ цесаревичу, къ многочисленнымъ польскимъ своимъ подданнымъ, къ обязанностямъ своимъ касательно Россіи и къ той дани уваженія, которую налагала на него память его предшественника.

Онъ призналъ необходимымъ удостовѣриться во всемъ лично и, пользуясь одною изъ статей конституціонной хартіи, рѣшился ѣхать въ Варшаву для коронованія себя тамъ царемъ польскимъ.

Слухъ о томъ оживилъ новыми надеждами жителей возвращенныхъ отъ Польши губерній и не порадовалъ русскихъ.

Еще во время предшедшей кампаніи, государь, въ намѣреніи болѣе сблизить между собою обѣ націи и въ особенности ихъ войска, убѣдительно просилъ цесаревича прислать въ Задунайскую армию часть польской, — отвѣтъ Константина Павловича, въ которомъ онъ изъявлялъ на то свое согласіе, неописуемо обрадовалъ государя. Но уже въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ цесаревичъ выставилъ опять всѣ трудности привести въ исполненіе мысль государя, настаивая въ особенности на томъ, какъ больно было бы для его чести отпустить въ бой сформированныя имъ войска, безъ возможности раздѣлить самому предстоящія имъ опасности. Эта фраза, прельстивъ благородное сердце государя, положила конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ его настояніямъ.

Все было готово къ нашей поѣздкѣ. 22-го апрѣля государь отправился сперва въ Динабургъ, куда, два дня спустя, пріѣхала и императрица.

Работы по возведенію Динабургскихъ укрѣпленій значительно подвинулись впередъ и производились съ совершенствомъ, заслужившимъ полное одобреніе государя.

Оттуда императрица продолжала свой путь прямо на Варшаву, а мы поѣхали въ Вильну, куда прибыли ночью, при свѣтѣ нѣсколькихъ плошекъ, догоравшихъ отъ иллюминаціи, зажженой жителями вечеромъ, для встрѣчи новаго ихъ монарха.

Государь остановился во дворцѣ, который съ ранняго утра обступила многолюдная толпа. Посѣтивъ сначала русскій соборъ, его величество присутствовалъ потомъ на разводѣ одного изъ батальоновъ Литовскаго корпуса. Вся площадь и всѣ ведущія къ ней улицы были полны народомъ, жаждавшимъ, казалось, его видѣть, и на всѣхъ лицахъ сіяли радость и довѣріе. Государь осмотрѣлъ въ подробности университетъ и больницы и вездѣ остался доволенъ найденнымъ порядкомъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, мы уже были въ Гроднѣ, и здѣсь государь присутствовалъ на разводѣ и осмотрѣлъ всѣ общественныя заведенія; и здѣсь, такъ же какъ и въ Вильнѣ, народъ всюду стремился къ нему навстрѣчу.

Къ ночи мы пріѣхали въ Бѣлостокъ и остановились въ прекрасномъ дворцѣ, бывшемъ нѣкогда жилищемъ сестры послѣдняго

короля польскаго, гдѣ ожидалъ государя командиръ Литовскаго корпуса баронъ Розень. Переночевавъ здѣсь, еще впервые съ Динабурга не въ коляскѣ, мы утромъ пустились къ Тыкочину, лежащему на границѣ имперіи съ Царствомъ Польскимъ.

Хотя я не видалъ этихъ мѣстъ съ войны 1806 и 1807 годовъ, однако не сомнѣвался, что тотчасъ узнаю мѣстности, извѣзанныя мною верхомъ, съ небольшимъ за 20 лѣтъ, во всѣхъ направленіяхъ, и даже увѣрялъ государя, что объясню ему по дорогѣ всѣ позиціи, сраженія и марши нашихъ войскъ. Каково же было мое удивленіе, когда, съ самага выѣзда изъ Бѣлостока, насъ, вмѣсто тогдашнихъ сыпучихъ песковъ и бездонныхъ болотъ, повезли по чудесному шоссе! Точно такъ-же измѣнилась мѣстность передъ Тыкочинномъ. Движущагося моста, топкой плотины, уже не было; самое мѣстечко приняло видъ опрятности и довольства; все преобразилось: край, самый бѣдный и самый грязный въ мірѣ, чуждый всякой промышленности, былъ превращенъ, какъ бы волшебствомъ, въ страну богатую, чистую и просвѣщенную. Роскошныя почтовые дороги, опрятные города, обработанныя поля, фабрики, наполненныя чужеземными мастерами, общее благосостояніе, наконецъ, все, чего мудрое и отеческое правительство можетъ достигнуть развѣ съ усиленіемъ въ пол-вѣка, было сдѣлано императоромъ Александромъ въ 15 лѣтъ. Самая закоренѣлая неблагодарность молодыхъ польскихъ патріотовъ вынуждена была, очевидностью, воздать дань истинѣ и сознаться, что покойный императоръ пересоздалъ эту часть Польши.

На полѣ сраженія близъ Пултуска я не могъ, въ разговорѣ съ государемъ, не перенестись воображеніемъ къ тому, что было 23 года тому назадъ и что съ тѣхъ поръ произошло.

Тогда Наполеонъ, торжествующій въ Варшавѣ и угрожающій Россіи; поляки, обольщенные мечтами о своемъ возрожденіи; наши войска, возвращающіяся къ своимъ границамъ, въ утомленіи и уныніи. А теперь? — Наполеонъ, уже давно перешедшій въ область исторіи; Парижъ, видѣвшій наши побѣдоносныя знамена; поляки — русскіе подданные и обязанные своимъ благосостояніемъ единственно великодушію русскаго императора, а я — въ коляскѣ возлѣ могущественнаго преемника этого императора, царя той же самой Польши, гдѣ въ то время я воевалъ для защиты собственныхъ нашихъ гра-

ницъ! Мы философствовали объ этихъ мировыхъ переворотахъ до самой той минуты, пока не остановились на городской площади, для принятія назначеннаго къ государю почетнаго караула.

Спустя нѣсколько минутъ пріѣхала императрица, и мы, переночевавъ въ Пултускѣ, на другой день всѣ вмѣстѣ отправились въ Варшаву.

Въ Яблонѣ, хорошенькомъ имѣніи князя Понятовскаго за 14 версть отъ Варшавы, ожидали насъ обѣдъ и —цесаревичъ Константинъ Павловичъ, съ почетнымъ рапортомъ. Княгиня Ловичъ прибыла вслѣдъ затѣмъ, и оба брата съ своими супругами провели вмѣстѣ остатокъ дня съ видомъ самой сердечной другъ къ другу пріязни.

Я въ тотъ же вечеръ отправился въ Варшаву, для нѣкоторыхъ распоряженій къ торжеству слѣдующаго дня.

Всѣ войска, русскія и польскія, стали подъ ружье уже съ ранняго утра: кавалерія по ту сторону Вислы, а пѣхота—вдоль тѣхъ улицъ, по которымъ должна была слѣдовать императорская чета. Чтобы показать городъ на большемъ протяженіи и вмѣстѣ для избѣжанія крутаго подъема съ Прагскаго моста, ниже его былъ устроенъ, нарочно для этой церемоніи, еще другой. Все населеніе польской столицы и множество прибывшихъ къ этому дню иностранцевъ и поселянъ заняло всѣ окна, балконы и улицы. Яркое солнце сіяло надъ городомъ и его окрестностями, уже убравшимися въ весеннюю зелень и цвѣты.

Передъ взѣздомъ на мостъ цесаревичъ и вся государева свита сѣли на лошадей. Мнѣ впервые случилось тутъ увидѣть войска, состоявшія подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича. Ихъ выправка, обмундировка и выборъ людей и лошадей были истинно великолѣпны. Русскіе полки—два пѣхотные и три кавалерійскіе—находились въ однѣхъ и тѣхъ же дивизіяхъ съ польскими. Видъ ихъ былъ одинаковъ, и по внѣшности между войсками обѣихъ націй царствовало полное сліяніе.

Цесаревичъ проѣхалъ со мною вдоль фронта первыхъ кавалерійскихъ полковъ; при похвалахъ моихъ блестящей ихъ выправкѣ, на лицѣ его выразилось очевидное удовольствіе. У перваго взвода

л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка онъ представилъ мнѣ поручика Александрова.

Наконецъ, показались кареты, везшія государя, императрицу и наслѣдника.

Они остановились у Прагской заставы, въ небольшомъ домикѣ, гдѣ ожидали ихъ высшіе придворные сановники и парадные экипажи и гдѣ императрица переодевалась. Государь сѣлъ на лошадь—и шествіе тронулось.

Войско, еще впервые видѣвшее своего молодого и прекраснаго императора, привѣтствовало его обычнымъ «ура!» Я внимательно наблюдалъ за выраженіемъ лицъ солдатъ. Казалось, всѣ, и поляки и русскіе, радостно смотрѣли на государя и одинаково одушевлялись желаніемъ заслужить его удовольствіе.

Въ ту минуту, какъ государь со всею свитою вѣхалъ на мость, лошадь цесаревича вдругъ повернула назадъ и, при всѣхъ усиліяхъ всадника, никакъ не хотѣла его слушаться. Взбѣшенный великій князь принужденъ былъ сойти съ нея и слѣдовать по мосту и частью по городу пѣшкомъ, пока привели заводную лошадь, въ замѣнъ той, которая, ходивъ подъ нимъ нѣсколько лѣтъ, теперь впервые заупрямилась. Командуя парадомъ и слѣдуя за государемъ, съ опущенною шпагою, цесаревичъ, отъ этой непріятной случайности, потерялъ все удовольствіе, обѣщанное имъ себѣ отъ блестящаго положенія, въ которомъ онъ думалъ представить свои войска. Черты его лица совершенно измѣнились, и привычныя къ его вспышкамъ подчиненные легко могли угадать, что ихъ ожидаетъ.

Эта нечаянность, какъ она ни была маловажна сама по себѣ, набросила облако на всю церемонію и, болѣе или менѣе, всѣхъ поразила.

Войско и народъ продолжали встрѣчать государя радостными кликами; дамы у оконъ и на балконахъ махали платками и казались въ восторгѣ отъ красоты императора, отъ неподобнаго личика его сына, отъ привѣтливыхъ поклоновъ и всей очаровательной осанки императрицы; словомъ, глазъ самый наблюдательный не открылъ бы въ варшавской встрѣчѣ ничего, кромѣ радости и привязанности вѣрнаго своему монарху народа. Такимъ сей послѣдній намъ предста-

вился; таковъ онъ былъ и въ сущности, по крайней мѣрѣ относительно массы.

Государь остановился передъ римско-католическимъ соборомъ и принялъ тутъ отъ привѣтствовавшего его духовенства святую воду, къ общему восхищенію присутствовавшихъ.

Сойдя съ лошади у входа въ королевскій дворецъ, онъ остановился чтобы подождать императрицу и принять ее изъ кареты. Княгиня Ловичъ и знатнѣйшія польскія дамы встрѣтили ее внизу лѣстницы.

Послѣ обѣда государь пошелъ къ цесаревичу объ руку съ императрицею, одинъ, безъ всякаго конвоя или свиты. Этотъ знакъ довѣрія и эта простота очаровали всѣхъ жителей; единодушные виваты долго сопровождали августѣйшую чету по улицѣ.

На слѣдующее утро государь присутствовалъ у развода на Саксонской площади; несмѣтная толпа ожидала тамъ его прибытія.

Цесаревичъ старался подавать собою примѣръ почтительности и усердія. У развода онъ суетился какъ бы простой генералъ, уstraшенный высочайшимъ присутвіемъ; при церемоніальномъ маршѣ становился самъ на правый флангъ и при второмъ проходѣ шель въ замкъ, съ карманною книжкою въ рукѣ, для отмѣтки тутъ же высочайшихъ приказаній.

По наружности между обоими братьями царствовало величайшее согласіе, и государь прилагалъ всѣ силы, чтобы его поддерживать. Но пребываніе его тяготило цесаревича, привыкшаго въ продолженіе столькихъ лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему надлежало, по крайней мѣрѣ по виду, давать примѣръ покорности. Зная, что не одинъ голосъ поднимется противъ его самовластныхъ дѣйствій и противъ его насильственной, часто переходящей всякую мѣру строгости, онъ страшился пронипательнаго взгляда своего брата. Ближайшіе изъ его наперсниковъ также боялись подпасть отвѣтственности, между тѣмъ какъ поляки, полные надеждъ, ожидали переменъ и въ особенности ограниченія власти великаго князя. Все это крайне затрудняло государя. Идти среднимъ путемъ между сими крайностями казалось невозможнымъ: надо было или поссориться съ старшимъ братомъ; котораго самъ онъ признавалъ своимъ монархомъ и который уступилъ ему престолъ,

или, предпочтеніемъ братскихъ связей благосостоянію края, упасть навсегда въ мѣніи польскихъ своихъ подданныхъ.

Государь умѣлъ, конечно лишь временно, выйти изъ этого двусмысленнаго положенія благородною твердостью въ отклоненіи разныхъ желаній своего брата и тою внимательностію, съ которою онъ занялся дѣлами по управленію и финансамъ царства. Такъ, напр., государь велѣлъ, чтобы въ составъ Литовскаго корпуса поступали впредь рекруты изъ внутреннихъ губерній, а цесаревичъ всемѣрно старался выхлопотать отмену сего порядка, съ возстановленіемъ того, какъ было при Александрѣ, т. е. чтобы упомянутый корпусъ наполнялся исключительно людьми изъ губерній, возвращенныхъ отъ Польши. Какъ онъ лично, такъ и окружавшіе его, предпринимали все, чтобы достигнуть этой цѣли, но государь настоялъ на своемъ, и цесаревичъ принужденъ былъ скрыть свою досаду.

Въ доказательство того, что обѣ страны находятся подъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ, государь велѣлъ привезти изъ Петербурга императорскую корону.

Въ назначенный для коронаціи день дворцовыя залы наполнились приглашенными сановниками и дамами; войска стали отъ дворца до римско-католическаго собора; улицы, балконы и даже кровли покрылись зрителями.

Императорская чета съ наслѣдникомъ, обоими великими князьями и всею военною свитою, въ предшествіи двора, вступила въ тронную залу королей польскихъ. Вокругъ залы помѣстились министры, сенаторы, прелаты и нунціи.

Государь на ступеняхъ трона, подъ королевскимъ балдахиномъ, возложивъ на себя корону, произнесъ присягу передъ распятіемъ. Въ выраженіи его голоса было столько величественности и правды, что всѣхъ предстоящихъ объяло глубокое умиленіе.

Потомъ царь съ царицею слѣдовали пѣшкомъ къ собору, среди восторженныхъ криковъ толпы.

Въ соборѣ, подъ древними сводами котораго столько королей воспринимали корону и столько поколѣній поклонялись своимъ владыкамъ, поляками не могло не овладѣть нѣкоторое самодовольство, при видѣ потомка Петра Великаго, отдающаго почестъ вѣроисповѣданію ихъ края, и католическое духовенство не могло не

ощущать страннаго чувства, вознося молитвы о возведенномъ на престолъ православномъ царѣ. На насъ, напротивъ, все это произвело какое-то тягостное впечатлѣніе, какъ бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которою этотъ легкомысленный и тщеславный народъ оплатитъ современемъ за довѣріе и честь, оказанныя ему русскимъ императоромъ.

Возвратясь во внутреннія комнаты дворца, государь прислалъ за мною. При видѣ моего душевнаго смущенія, онъ не скрылъ и своего. Онъ принесъ присягу съ чистыми помыслами и съ твердою рѣшимостію свято ее соблюдать. Рыцарское его сердце всегда чуждалось всякой затаенной мысли.

Послѣ церемоніи былъ во дворцѣ банкетный столъ.

Этотъ день ознаменовался немалыми милостями, между прочимъ и пожалованіемъ князя Адама Чарторижскаго въ оберъ-камергеры, что нѣсколько огорчило тщеславнаго князя, постоянно мечтавшаго носить титулъ царскаго намѣстника.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть между нуиціями; жалуясь на жестокую грубость цесаревича и превознося привѣтливость новаго ихъ царя, они отзывались, что охотно отдали бы послѣднему свою конституціонную хартію, со всѣми ея привилегіями, лишь бы онъ управлялъ ими непосредственно, какъ управляетъ Россією.

За церемонією слѣдовали иллюминаціи, балы, театры и большіе смотры.

Въ Варшаву прибылъ братъ императрицы принцъ Вильгельмъ. Король прусскій, съ своей стороны, намѣревался пріѣхать въ одинъ изъ принадлежащихъ ему замковъ въ Силезіи, для принятія тамъ августѣйшей дочери и внука. Все уже было и приготовлено къ этому свиданію, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что здоровье короля не позволяетъ ему пуститься въ путь. Государь въ ту же минуту рѣшился самъ ѣхать въ Берлинъ; но, для полнаго сюрприза своему тестю, запретилъ мнѣ кому бы то ни было о томъ говорить.

Императрица уѣхала впередъ, а государь со мною отправился двумя днями позже. Кромѣ меня, при немъ были только фельд-егерь, скакавшій впередъ для заготовленія лошадей на мое имя, и графъ Орловъ. Мы пролетѣли не останавливаясь, черезъ Калишь и Бреславль, до Грюнберга, гдѣ назначенъ былъ ночлеги для импе-

ратрицы. Въ ту минуту, какъ ея карета остановилась у приготовленнаго для нея дома, государь отворилъ дверцы и, къ большому удивленію всѣхъ окружавшихъ, которые все еще воображали, что тутъ лишь одинъ я, принялъ императрицу въ свои объятія. Весь городокъ огласился виватами, и вѣсть о неожиданномъ никѣмъ присутвіи тутъ императора Николая произвела настоящій театральный эффектъ. Мы весело отъужинали и рано утромъ сѣли снова въ коляску, принявъ всѣ нужныя мѣры, чтобы эта вѣсть насъ не опередила.

У въѣзда во Франкфуртъ на Одерѣ лошади наши должны были идти почти шагомъ посреди толпы, скопившейся окрестъ и возлѣ дома, отведеннаго для обѣда императрицы. Навстрѣчу ей пріѣхали изъ Берлина наслѣдный принцъ, съ двумя своими братьями. Наша коляска, медленно подвигаясь черезъ массу народа, остановилась, наконецъ, у подѣзда гостиницы. Одинъ изъ принцевъ въ окошко узналъ государя, и всѣ трое, выбѣжавъ на улицу, бросились обнимать его. Нельзя довольно описать восторга ихъ и всего населенія, офицеровъ и солдатъ, при этой нечаянной встрѣчѣ!

Императрица пріѣхала получасомъ позже, и радость принцевъ и народа вновь выразилась съ тою же живостію.

Послѣ обѣда всѣ вмѣстѣ отправились въ Берлинъ.

Король, съ остальными членами своего семейства, ожидалъ августѣйшую свою дочь въ одномъ маленькомъ загородномъ домѣ. Пріѣздъ императора и наслѣдника былъ и для него радостнымъ скорпизомъ. Вѣсть объ этомъ вскорѣ достигла Берлина, и весь городъ поднялся на ноги и побѣжалъ ко дворцу; всѣ поздравляли другъ друга, кричали и толпились на улицахъ; казалось, Пруссію посѣтило какое-то неожиданное счастье. Дѣйствительно, народное самолюбіе было польщено и появленіемъ русскаго монарха, и нѣжною предупредительностію его къ королю, столь любимому своимъ народомъ. Общій кликъ привѣтствовалъ короля, императора и императрицу, при входѣ ихъ во дворецъ, и перешелъ почти въ неистовый вопль, когда король показался на балконѣ, держа за руку своего маленькаго внука, наслѣдника русскаго престола.

Остановясь, въ первую минуту, въ гостиницѣ, я могъ, въ моей роли неизвѣстнаго зрителя, вполне судить о радостномъ чувствѣ,

объявшемъ всѣхъ жителей города, до нижнихъ сословій. Потомъ, когда пригласили меня перейти изъ гостиницы въ отведенное во дворцѣ помѣщеніе, я, пробираясь сквозь толпу пѣшкомъ, снова убѣдился въ томъ же самомъ. Это было такое наслажденіе, которымъ одинаково могли гордиться и русскіе и пруссаки.

Король, желая показать своему августѣйшему зятю берлинскій гарнизонъ, назначилъ большой парадъ, подъ липами, передъ малымъ своимъ дворцомъ. Онъ самъ ѣхалъ впереди фронта и отдалъ честь нашему императору. Собранный густыми толпами народъ любовался красотою отца и сына, который находился верхомъ, съ принцами и генералами, въ царственной свитѣ.

Король, имѣвшій привычку проводить вечера свои всегда въ театрѣ, повезъ туда и нашу императорскую чету, которую публика приняла съ безконечными рукоплесканіями. Между прочими пьесами дали однажды и «Нѣмую изъ Портычи» (Фенеллу), восхищавшую въ то время всю Европу своею музыкою, но революціонныя сцены которой испугали бы, даже на театрѣ, всякое другое монархическое правительство кромѣ прусскаго, сильнаго любовію къ нему народа и общимъ благоденствіемъ.

Король возилъ также своихъ гостей въ Потсдамъ и Шарлотенбургъ, и всѣ были въ постоянномъ движеніи.

Сверхъ того, во время нашего пребыванія въ Берлинѣ, праздновалось бракосочетаніе принца Вильгельма съ принцессою Веймарскою, младшею дочерью великой княгини Маріи Павловны.

Государю нельзя было оставаться въ Берлинѣ долѣе 6-ти дней, почему, желая представить въ настоящемъ свѣтѣ прусскому кабинету турецкій вопросъ, столь живо и почти исключительно занимавшій тогда европейскую дипломатію, онъ велѣлъ мнѣ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ графомъ Бернсдорфомъ, который, по случаю мучительной болѣзни, принужденъ былъ сидѣть дома. Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ казался чрезвычайно испуганнымъ честолюбивыми видами, которые и онъ и прочіе кабинеты свились приписать императору Николаю. Онъ предвидѣлъ вѣроятность паденія Оттоманской имперіи, и положительное отклоненіе мною всякаго иностраннаго посредничества еще болѣе утвердило его въ этихъ мысляхъ.

Перечисливъ всё, уже извѣстныя причины нашей войны, возбужденной самою Портою, и неизбежность которой предвидѣлъ еще императоръ Александръ, столь всегда умѣренный въ своихъ требованіяхъ, я развилъ Берндорфу старанія къ сохраненію мира, употребленныя съ нашей стороны при Аккерманскихъ переговорахъ, и представилъ ему, что настойчивость государя продолжать начатую войну съ усугубленною еще дѣятельностію должно приписать препятствіямъ, полагаемымъ ему европейскими кабинетами, — и надеждамъ, которыя они подаютъ Дивану на ихъ посредничество; что если предстоящая кампанія не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то на слѣдующій годъ государь снова лично станетъ во главѣ своихъ войскъ, за которыми, въ случаѣ нужды, послѣдуетъ вся Россія, горящая желаніемъ показать свѣту, что она не страшится ничьихъ угрозъ и, для славы нашего оружія и молодаго нашего монарха, готова всѣмъ пожертвовать; что Европа своими интригами понудитъ насъ дойти до Константинополя и сама вызоветъ паденіе Турціи, тогда какъ сохраненіе ея входитъ въ обоюдные наши интересы; что если, напротивъ, кабинеты, вмѣсто ободренія султана къ борьбѣ съ Россіею и обѣщанія ему или помощи, или посредничества, постараются убѣдить его въ его безсиліи и въ необходимости просить того мира, который предложенъ ему былъ императоромъ Николаемъ еще при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, то они тотчасъ увидятъ готовность нашу предложить честныя условія и довольствоваться тѣми гарантіями, какихъ необходимо требуютъ наша торговля и обезпеченіе нашихъ азіатскихъ границъ.

— Но вы, вѣрно, оставите за собою, по крайней мѣрѣ, Молдавію и Валахію? — возразилъ Берндорфъ.

Я отвѣчалъ, что намъ нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей надобности, и что ему надлежало бы имѣть болѣе довѣрія къ слову нашего императора, объявившаго передъ войною, что онъ начинаетъ ее не для завоеваній.

Я продолжалъ далѣе, что прибытіе наше въ Берлинь даетъ прусскому кабинету поводъ принять на себя роль миротворца.

— Тестю, — сказалъ я, — прилично завести въ Константинополь рѣчь о мирѣ, въ качествѣ услуги и своему зятю, котораго умѣренныя и справедливыя требованія ему вполне извѣстны, и доброму своему

союзнику — султану. Такая миссія, не имѣя вида посредничества и способствуя къ увеличенію славы Пруссіи, привела бы, по всей вѣроятности, къ послѣдствіямъ, одинаково полезнымъ и для Турціи, и для Россіи, и для всей Европы, желающей сохраненія мира.

Эта мысль понравилась прусскому министру. Обѣщаясь тотчасъ довести ее до свѣдѣнія короля, онъ прибавилъ, что вѣрить въ искренность моихъ словъ и въ желаніе государя окончить друженственно эту борьбу, столь опасную для политическаго равновѣсія Европы.

Какъ нашъ государь, такъ и король остались довольны этимъ объясненіемъ, и было рѣшено немедленно отправить въ Константинополь съ мирными совѣтами генерала Мюфлинга.

По минованіи предназначенныхъ шести дней, которыя были для государя отдохновеніемъ и истинною отрадою, онъ отправился обратно въ Варшаву, а императрица осталась еще на нѣкоторое время въ Берлинѣ.

Близъ Бреславля государь остановился переночевать въ маленькомъ замкѣ «Sybilleport»¹⁾, чтобы на слѣдующее утро сдѣлать смотръ прусскому кирасирскому полку его имени, пришедшему для этого, по повелѣнію короля, довольно издалека.

Государь, въ мундирѣ этого полка, училъ его цѣлый часъ и командовалъ на нѣмецкомъ языкѣ, по прусскому воинскому уставу, ни единожды не ошибаясь, какъ будто бы всю жизнь только этимъ и занимался. Полкъ и всѣ зрители не могли довольно ему надивиться и порадоваться. Потомъ его величество провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ корпуснымъ командиромъ Цитеномъ и, пригласивъ всѣхъ офицеровъ къ обѣденному своему столу, пожаловалъ нѣкоторымъ изъ нихъ ордена, а нижнихъ чиновъ щедро одѣлилъ червонцами.

При вѣздѣ въ Царство Польское, государь остановился въ Калишѣ, для осмотра тамошняго кадетскаго корпуса и 2-го польскаго Конно-Егерскаго полка.

Потомъ мы останавливались, для подобнаго же осмотра, еще въ Ловичѣ, откуда поѣхали уже прямо въ Варшаву: государь съ

¹⁾ Названіе замка вставлено рукою императора Александра II.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1896 г., т. LXXXVII. ІЮЛЬ.

выѣхавшимъ ему навстрѣчу цесаревичемъ, а я съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ нашего прѣзда, государь былъ обрадованъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной графомъ Дибичемъ надъ верховнымъ визиремъ при К у л е в ч ѣ.

На слѣдующее утро это радостное событіе было праздновано среди всѣхъ войскъ, собранныхъ на Позвонокскомъ полѣ, торжественнымъ молебствіемъ, совершеннымъ подъ двумя великолѣпными палатками, изъ которыхъ одна была раскинута для православнаго, а другая для римско-католическаго богослуженія. По окончаніи молебна, во время пушечной пальбы, государь самъ первый закричалъ «ура», повторенное за нимъ десятками тысячъ голосовъ, къ большому неудовольствію цесаревича, очень не желавшаго подобной демонстраціи и даже самаго слова «ура».

13-го іюня мы отправились обратно въ Россію. По пути государь пробылъ цѣлыя сутки въ небольшой крѣпости Замосцѣ, основанной въ мѣстечкѣ, купленномъ съ этою цѣлью императоромъ Александромъ у фамиліи Замойскихъ. Крѣпостныя работы, еще не совсѣмъ оконченныя, но уже доведенныя до такой степени, что могли выдержать осаду, совершенно удовлетворили государя, который благодарилъ за нихъ какъ инженеровъ, такъ равно цесаревича, особенно дѣятельно внимавшагося симъ дѣломъ.

Въ Ломжѣ государь, по осмотрѣ расположенной тамъ дивизіи Литовскаго корпуса, простился съ цесаревичемъ и послѣ того проѣхалъ, не останавливаясь, до Тульчина, гдѣ нашелъ палатку свою раскинутою въ лагерѣ Гвардейскаго корпуса, съ которымъ мы разстались въ прошломъ году, передъ Варною. Войско было въ восхищеніи, что увидѣло государя, онъ тоже былъ чрезвычайно радъ тому, что снова находился посреди своей гвардіи, въ которой зналъ не только всѣхъ генераловъ и офицеровъ, но и многихъ изъ нижнихъ чиновъ.

Лагерь былъ расположенъ въ прекрасной мѣстности, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тульчина (собственности графовъ Потцкихъ). Пребываніе здѣсь было для всѣхъ насъ настоящимъ празд-

никомъ. Государь любовался своимъ войскомъ, и на общихъ парадахъ, и на частныхъ смотрахъ, и на маневрахъ, и остался имъ вполне доволенъ. Гвардейскій корпусъ былъ опять такъ же хорошъ, какъ и при выступленіи его изъ Петербурга. Слѣды утомленія отъ похода и военныхъ потерь совершенно исчезли; здоровый и бодрый видъ людей и лошадей не оставялъ ничего желать.

Проведя три дня съ Гвардейскимъ корпусомъ и съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, его командиромъ, мы поѣхали въ Кіевъ, куда прибыли въ тотъ же день подъ вечеръ, измученные нестерпимымъ зноемъ и пылью. Государь впервые еще посѣщаль эту древнюю колыбель русскаго православія. Онъ остановился у воротъ Печерской лавры, гдѣ ожидалъ его митрополитъ съ духовенствомъ и всею монастырскою братією. Множество богомольцевъ, въ эту пору года стекающихся въ Кіевъ, наполняло всю монастырскую ограду. Древній соборный храмъ вмѣщаль въ себѣ столько чиновниковъ, гражданскихъ и военныхъ, городскихъ дамъ и проч., сколько могло въ него вмѣститься.

Выйдя изъ монастыря, государь взялъ къ себѣ въ коляску стараго и почтеннаго фельдмаршала Сакена и отвезъ его въ занимаемую имъ квартиру, и потомъ уже поѣхалъ въ приготовленное для себя помѣщеніе.

На слѣдующее утро, осмотрѣвъ резервные батальоны и другія, находившіяся въ Кіевѣ войска, государь снова посѣтилъ Лавру, для поклоненія святымъ мощамъ, почивающимъ въ ея пещерахъ. Онъ осмотрѣлъ также важнѣйшія городскія церкви, общественныя заведенія, арсеналь, крѣпостныя работы и турецкихъ плѣнныхъ, которые въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ участвовали въ этихъ работахъ; заботливо освѣдомился объ ихъ содержаніи и велѣлъ дать имъ денежное пособіе. На всѣ эти осмотры, при которыхъ отдавались многія приказанія объ исправленіяхъ и улучшеніяхъ, ему, при обычной его дѣятельности, довольно было двухъ дней, хотя въ то же время онъ нисколько не задерживалъ текущихъ дѣлъ; курьеры, ежедневно приѣзжавшіе, въ продолженіе высочайшаго путешествія, изъ Петербурга или изъ арміи, были отправляемы обратно въ ту же ночь. Государь ложился спать не раньше 3-хъ часовъ утра, чтобы только порѣшить и отослать всѣ

*

безъ изытія поступившія бумаги. Такимъ образомъ доклады Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ, и начальниковъ дѣйствовавшихъ армій возвращались точно такъ же не замедлительно, какъ бы государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ. Кромѣ того, онъ удосуживался ежедневно писать очень подробныя письма къ императрицѣ, прочитывать донесенія о здоровьѣ и ходѣ уроковъ его дѣтей, перелистывать газеты и часто даже пробѣгать вновь появлявшіяся въ печати книги, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Во время пребыванія нашего въ Кіевѣ было получено донесеніе о взятіи Силистріи.

Изъ Кіева отправились мы въ Ковелецъ, для осмотра стоявшихъ тамъ 3-й кирасирской и 4-й гусарской дивизій, и оттуда — въ Бобруйскъ.

Государь, до восшествія на престолъ, управлялъ нѣсколько лѣтъ, въ званіи генераль-инспектора по инженерной части, работами этой крѣпости, и потому онъ очень любопытствовалъ увидѣть, на сколько онѣ подвинулись впередъ съ тѣхъ поръ, какъ высшія государственныя заботы не позволяли ему болѣе заниматься исключительно инженерною частью. Едва выйдя изъ коляски, онъ тотчасъ пошелъ по работамъ, хотѣлъ все видѣть собственными глазами, вникнуть лично во всѣ подробности, все обсудить и всему дать дальнѣйшее направленіе. Я помнилъ эту крѣпость въ началѣ войны съ Наполеономъ: тогда она окружена была только песчаною насыпью въ видѣ вала; теперь Бобруйскъ обратился въ образцовую крѣпость, примѣчательную сколько прочностью ея построекъ, столько же п щеголеватостью всей отдѣлки.

И здѣсь, на крѣпостныхъ работахъ, находилось нѣсколько тысячъ плѣнныхъ турокъ. Государь явился среди нихъ совершенно одинъ и, распросивъ объ ихъ нуждахъ, возвратилъ свободу нѣкоторымъ старикамъ, наиболѣе просившимся на родину.

Въ Бобруйскѣ привезли намъ цѣлый грузъ турецкихъ знаменъ, взятыхъ въ Силистрію и подъ Кулевчою. Государь велѣлъ помѣстить часть ихъ въ Бобруйской крѣпостной церкви, на память своего здѣсь пребыванія, а прочія отправить въ Петербургъ.

Пробывъ въ Бобруйскѣ три дня, мы поѣхали черезъ Могилевъ, Витебскъ и Великія-Луки, не останавливаясь, въ Старую Русу, не задолго передъ тѣмъ причисленную къ Новгородскимъ военнымъ поселеніямъ.

Жители этого города—все люди торговые, которыхъ я думалъ найти въ большомъ уныніи отъ такой перемѣны въ ихъ положеніи, подчинявшей ихъ, нѣкоторымъ образомъ, военной дисциплинѣ, — встрѣтили, напротивъ, государя, у заставы съ выраженіями живѣйшаго восторга. Правда, что эта перемѣна имѣла для нихъ и свои выгоды. Казна возводила въ городѣ множество значительныхъ построекъ, отчего чрезвычайно оживилась торговля, и, кромѣ того, жителямъ предоставлены были нѣкоторыя особыя преимущества и уменьшены прежнія казенныя ихъ повинности.

До государя, прежде восшествія его на престолъ, столько доходило жалобъ и вопля на военныя поселенія, въ особенности же на Новгородскія, что онъ не могъ сомнѣваться въ необходимости измѣнить во многомъ это любимое установленіе императора Александра. Впрочемъ, чувствуя всѣ неудобства военныхъ поселеній, онъ не рѣшался, однако же, совсѣмъ ихъ уничтожить, имѣя въ виду огромность употребленныхъ на нихъ издержекъ и принесенную уже ими важную пользу, черезъ обработку невоздѣланныхъ дотолѣ земель. Слезы крестьянъ, оторванныхъ военною дисциплиною отъ прежняго спокойнаго ихъ образа жизни, нельзя уже было воротить. Онѣ изсякли въ то же время, какъ исчезло проливавшее ихъ населеніе, съ мирными его жилищами. Огромныя казармы, подъ названіемъ деревень, великолѣпныя экзерциргаузы, настоящіе дворцы для генераловъ и офицеровъ, чудесныя дороги и мосты, роскошныя госпитали совершенно преобразили этотъ край. Въмѣсто крестьянъ явились двѣ дивизіи гренадеръ; въ школахъ дѣти готовились къ строю или къ канцелярскимъ обязанностямъ; все, словомъ, было превращено и устроено на совсѣмъ иную отъ прежняго ногу. Надлежало, слѣдственно, обратить, по возможности, въ пользу эти результаты непоколебимой воли императора Александра, поглотившей столько милліоновъ и трудъ столькихъ рукъ.

Государь уже сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ образованіи военныхъ поселеній и еще помышлялъ о другихъ, въ видахъ улуч-

шенія участи поселенія и смягченія жестокихъ и самоуправныхъ мѣръ графа Аракчеева. Онъ велѣлъ также переимѣнить, на будущее время, однообразную и непривычную для нашего крестьянина архитектуру этихъ, выравненныхъ въ строй домовъ, имѣвшей весь скучный видъ казармъ, безъ ихъ простора и удобствъ. Сдѣланы были, наконецъ, переимѣны и въ устройствѣ школъ, которыя, какъ по объему преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, такъ и по содержанію воспитанниковъ, подходили къ кадетскимъ корпусамъ, будто бы какіе-нибудь разсадники будущихъ полководцевъ, тогда какъ назначеніе ихъ воспитанниковъ было—становиться подъ ружье наряду съ простыми солдатами.

13-го іюля мы прибыли, наконецъ, въ Красносельскій лагерь, гдѣ стояли гвардейскіе батальоны, не ушедшіе въ турецкій походъ, и вся 1-я кирасирская дивизія.

Осмотрѣвъ лагерь, государь снова сѣлъ въ коляску, и мы поспускали навстрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Берлина. Государь имѣлъ удовольствіе обнять ее за двѣ станціи отъ Нарвы, откуда они и возвратились вмѣстѣ въ Петербургъ.

Между тѣмъ Турецкая война, по плану для кампаніи 1829 года, предначертанному самимъ государемъ, шла съ блестящимъ успѣхомъ. Побѣды Паскевича въ Азіатской Турціи, Кулевчинское пораженіе, занятіе Адрианополя и Эноса на Средиземномъ морѣ, наконецъ, блокада нашею эскадрою Дарданеллъ, и нашъ флотъ, грозившій Босфору, — весь этотъ рядъ удачъ съ нашей стороны и несчастій для турокъ распространяли уныніе въ Константинополь и ужасъ въ Диванѣ. Въ народѣ царствовало общее смятеніе; янычары волновались; все предсказывало распаденіе Оттоманской имперіи, и какъ турецкое правительство, такъ и находившійся въ Константинополь дипломатическій корпусъ трепетали передъ близкою вѣроятностью кровавой революціи. Въ эту минуту прибылъ въ Константинополь генералъ Мюфлингъ, съ извѣстною своею миссіею.

Диванъ, съ восторгомъ ухватясь за эту спасительную нить, обратился къ помощи дипломатическаго корпуса. Сей послѣдній, страшась за самого себя въ случаѣ народнаго бунта и ища всемѣрно

отвратить грозу, носившуюся надъ державою, столь необходимою для политическаго равновѣсія Европы, рѣшился просить графа Дибича, посредствомъ особой депутаціи, не двигать далѣе своей арміи и спасти черезъ то Константинополь и султана отъ конечной гибели. Графъ отвѣчалъ, что онъ не въ правѣ принимать посредничество какой-либо чужестранной державы; но что какъ всѣ желанія его монарха клонятся къ прекращенію войны и къ сохраненію самобытности Оттоманской имперіи, то онъ останавливаетъ дальнѣйшее движеніе и самъ предлагаетъ миръ, составляющій всю нашу цѣль.

Въ предвидѣніи, что несчастное положеніе султана вынудитъ его, наконецъ, просить мира, государь еще прежде отправилъ въ главную квартиру графовъ А. Ѳ. Орлова и Ѳ. П. Палена, для положенія на нихъ Дибичамъ мирныхъ переговоровъ.

Мирныя условія были составлены въ кабинетѣ государя, въ той самой силѣ, въ какой онъ предначерталъ ихъ еще при открытіи кампаніи. Мѣстомъ переговоровъ назначили главную нашу квартиру въ Адрианоуполь, и, несмотря на извилистую политику Дивана и недоброжелательство посланниковъ англійскаго, французскаго и австрійскаго, дѣло пришло къ тому концу, какой назначень былъ энергическою волею государя.

Послѣ подписанія извѣстнаго мирнаго трактата, обезпечившаго всѣ наши интересы и упрочившаго положеніе Придунайскихъ княжествъ, графъ Орловъ отправился въ Константинополь, для возобновленія тамъ политическихъ нашихъ сношеній и окончательнаго соглашенія объ исполненіи условій трактата. Успѣхъ его миссіи превзошелъ всѣ ожиданія. Графъ чрезвычайно полюбился султану, вошелъ въ ближайшія связи съ членами Дивана и умѣлъ даже привлечь къ себѣ иностранныхъ пословъ, какъ бы еще оглушенныхъ нашими успѣхами, а еще болѣе—току умѣренностью и тѣмъ праводушіемъ, съ какими мы воспользовались силою обстоятельствъ.

Пока совершались эти громадной важности событія за Балканами и въ Азіи, Петербургъ принималъ персидскаго принца, посланнаго шахомъ для исходатайствованія, у подножія царскаго престола, прощенія въ убійствѣ нашего посланника въ Тегеранѣ.

Прибывшій для сего, въ сопровожденіи многочисленной свиты, Хозревъ-Мирза, любимый сынъ Абасса-Мирзы и предполагаемый наслѣдникъ персидской державы, имѣлъ торжественную свою аудіенцію въ первыхъ дняхъ августа.

Государственные сановники, дворъ, свита государева, генералы и офицеры гвардіи и городскія дамы были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, обставленную дворцовыми гренадерами, и размѣщены по обѣимъ ея сторонамъ, а государь съ императрицею стали на ступеняхъ, ведущихъ къ трону. Оберъ-церемоніймейстеръ ввелъ молодаго принца съ его свитою и, послѣ трехъ поклоновъ тому, котораго онъ прибылъ умолять о пощадѣ именемъ своего дѣда, Хозревъ-Мирза прочелъ свою рѣчь, съ видимымъ для всѣхъ волненіемъ, внушеннымъ ему и ея цѣлью и высокимъ кругомъ предстоявшихъ слушателей. Отвѣтъ нашъ, написанный въ самыхъ дружественныхъ и успокоительныхъ выраженіяхъ, былъ прочитанъ вице-канцлеромъ графомъ Нессельродомъ.

По волѣ государя, приложено было все стараніе сдѣлать персидскому принцу пріятнымъ пребываніе его въ Петербургѣ. Его окружили всевозможнымъ почетомъ, разнообразными развлеченіями и самою нѣжною предупредительностью со стороны двора, даже ввели въ тѣснѣйшій кругъ императорскаго дома. Его возили по всѣмъ общественнымъ заведеніямъ, театрамъ, кадетскимъ корпусамъ, приглашали на разводы и на маленькіе маневры въ окрестностяхъ Царскаго Села; наконецъ, осыпали, вмѣстѣ съ чинами его свиты, подарками, достойными его высокаго сана и того монарха, отъ котораго они жаловались.

Хозревъ-Мирза уѣхалъ изъ Петербурга въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему пріема и отъ достигнутаго, черезъ его пріѣздъ, возобновленія дружественныхъ сношеній между Россією и Персією. Двѣнадцать пушекъ, посланныхъ въ даръ Аббасъ-Мирзѣ еще отъ императора Александра и взятыхъ у персіянъ съ боя въ продолженіе минувшей войны, были замѣнены равнымъ числомъ орудій превосходнѣйшей отдѣлки и отправлены въ Тавризъ съ прочими подарками для отца, принца-посланника.

Подъ конецъ осени послѣдовалъ обмѣнъ ратификацій съ Оттоманскою портою, и государь велѣлъ собрать на Царицыномъ лугу

всѣ войска, расположенныя въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, которыя, хотя главная часть гвардіи еще только, что тронулась изъ Тульчина, составили довольно значительную массу. Посреди площади воздвигли высокій и обширный амвонъ для императорской фамиліи, духовенства и двора. Ступени его были украшены турецкими знаменами, завоеванными въ Азіи и Европѣ, а войска стали вокругъ густыми колоннами. По командѣ государя всѣ головы обнажились, и началось благодарственное молебствіе. Огромныя толпы народа стояли за рядами войскъ и вмѣстѣ съ ними молились. Громъ орудій и многотысячнаго « ура! » возвѣстилъ окончаніе молебствія, какъ бы утверждая, знаменіемъ силы, прочность мира, силою же завоеваннаго. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ, а турецкія знамена, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, были поставлены въ Преображенскій соборъ, украшенный впоследствии оградой изъ орудій большаго калибра, отнятыхъ у турокъ въ эту достопамятную войну ¹⁾).

На зиму предсказывали много удовольствій и празднествъ; но, къ несчастію, въ первыхъ числахъ ноября, государь опасно занемогъ. Сперва, при общей увѣренности въ крѣпкомъ его сложеніи, никто, даже и во дворцѣ, не предполагалъ, что болѣзнь его серьезна; но на третій день она такъ усилилась, что врачи испугались и потребовали консультаціи. Тогда и при дворѣ, и въ городѣ все перетревожилось. Входъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной, былъ всѣмъ запрещенъ; толпились въ дворцовыхъ залахъ за извѣстіями о его положеніи; спрашивали докторовъ, камердинеровъ, опасеніе несчастія увеличивало въ глазахъ всѣхъ его возможность; всѣ трепетали при мысли о потерѣ монарха, столь необходимаго для существованія, для блага, для славы имперіи. Императрица, съ ангельскою своею добротою, выходила по временамъ изъ комнаты своего супруга, съ заплаканными глазами, сообщать намъ о немъ вѣсти или спросить, нѣтъ ли чего пересказать для развлеченія. Нерваче-

¹⁾ „C'est faux; ils furent pris à Warna et donnés aux Polonais par moi comme souvenir de la mort du Roi Wincelas sous ces mêmes murs de Warna; les Polonais, par reconnaissance de ce don, les tournèrent un an après, contre nous; la garde les reprit; j'en fis cadeau à ceux qui deux fois en firent la conquête au prix de leur sang“. Примѣчаніе императора Николая,

ская горячка въ нѣсколько дней совершенно ослабила государя и физически и морально. Врачи были въ большомъ безпокойствѣ и не таили его отъ меня. Я видѣлся съ императрицею по нѣсколько разъ въ сутки и не могъ довольно надивиться ея неутомимости въ ухаживаніи за больнымъ, котораго она не покидала ни днемъ, ни ночью; не могъ также не удивляться точности ея разума и правильности сужденій въ дѣлахъ, съ которыми, въ эту болѣзнь государя, многіе приходили, чтобы узнавать ея о нихъ мнѣніе.

Наконецъ, послѣ 12-ти томительныхъ длинныхъ дней, проведенныхъ между страхомъ и надеждою и лучше всего доказавшихъ искреннюю и общую привязанность къ государю, врачи объявили, что онъ начинаетъ выздоравливать, но что это выздоровленіе будетъ идти очень медленно, и больному легко можетъ сдѣлаться снова хуже при малѣйшемъ возбужденіи, о чемъ мы и были предупреждены неоднократно передъ допускомъ къ нему.

Первымъ удостоился этой чести князь А. Н. Голицынъ, на условіи не говорить ни слова о дѣлахъ. Вторымъ ввели въ спальню меня, и я былъ глубоко пораженъ найденною въ государѣ перемѣною. Кромѣ того, что онъ страшно исхудалъ, во всѣхъ чертахъ его отражались страданія и слабость. Онъ спросилъ меня, чтѣ новаго случилось въ его болѣзнь и, удовлетворяя его любопытство, я долженъ былъ, однакожъ, всемѣрно стараться не проронить ни одного слова, которое дало бы работать его головѣ или имѣло бы видъ какой-нибудь утайки отъ него. Разговоръ, въ такомъ родѣ, продолжавшійся болѣе часа, былъ не легокъ, и подобныя бесѣды возобновлялись нѣсколько дней сряду, то утромъ, то вечеромъ, соображаясь съ приговоромъ врачей о болѣе или меньшей степени его слабости и раздражительности. Наконецъ, онъ сталъ видимо опривляться и, съ возвращеніемъ силъ, все болѣе и болѣе настаивать на поставленіи его въ полную извѣстность о дѣлахъ.

Однимъ утромъ былъ призванъ не видѣвшійся еще съ государемъ графъ П. А. Толстой. Несмотря на всѣ предупрежденія, этотъ гость, на вопросъ государя: нѣтъ ли чего новаго, отвѣчалъ ему въ невинности своей души: «Кажется ничего, ваше величество, развѣ извѣстіе о томъ, что англійскій фрегатъ вошелъ въ Севастопольскую гавань». Государь тотчасъ весь измѣнился въ лицѣ,

началъ трястись отъ досады, бранить дерзость англичанъ, отважившихся вступить въ Черное море, и глупость турокъ, имъ то дозволившихъ, и велѣлъ немедленно позвать къ себѣ графа Нессельроде и князя Меншикова. Нельзя было ослушаться, и оба приглашенные явились внѣ себя отъ неосторожности Толстаго, которая могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для государева здоровья, а вмѣстѣ—и для нашихъ политическихъ сношеній. Государь принялъ ихъ, въ страшномъ жару, приказаніемъ отправить линейный корабль п фрегатъ въ Босфоръ и потребовать объясненія отъ англійскаго кабинета, разославъ курьеровъ, съ депешами о семъ, непременно въ тотъ же день.

По выходѣ отъ государя, Нессельроде съ Меншиковымъ долго совѣщались о томъ, какимъ бы образомъ привести въ дѣйствіе такое строгое приказаніе и какіе оно можетъ имѣть результаты, и порѣшили тѣмъ, что не возможно отсрочить, а тѣмъ болѣе не исполнить высочайшей воли. Къ счастью, извѣстіе объ отъѣздѣ обоихъ курьеровъ, съ нетерпѣніемъ ожиданное государемъ, тотчасъ ослабило усилившуюся въ немъ лихорадку; къ счастью также, благодаря разумнымъ мѣрамъ графа Орлова, еще находившагося въ Константинополѣ, вступленіе судовъ нашихъ въ Босфоръ не оскорбило турокъ, а лондонскій кабинетъ удовлетворилъ насъ блестящимъ образомъ, сдѣлавъ выговоръ посланнику своему при Оттоманской портѣ и отрѣшивъ отъ службы капитана несчастнаго фрегата. Такимъ образомъ остался въ накладѣ одинъ лишь графъ Толстой, а самое дѣло, въ сущности очень маловажное, но угрожавшее безконечною вознею съ Константинополемъ и Англією, окончилось совершенно благополучно.

Вскорѣ здоровье государя совсѣмъ возстановилось, и все вошло въ обычный свой порядокъ.

Въ продолженіе зимы возвратился къ намъ Гвардейскій корпусъ, и петербургская общественная жизнь приняла обычное движеніе.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

Попытки къ заведенію торговли Россіи съ Японіей въ 1791 году.

По поводу исполнившагося, 5-го января, столѣтія со дня кончины извѣстнаго естествоиспытателя, академика Эрика Лаксмана, въ нѣкоторыхъ газетахъ было сообщено о немъ нѣсколько біографическихъ данныхъ. Въ нихъ сказано, что Э. Лаксману принадлежитъ первая попытка завязать торговыя и дипломатическія сношенія съ Японією, недоступною въ то время для европейскихъ государствъ.

Въ помѣщаемомъ ниже писемѣ графа Александра Воронцова къ графу А. А. Безбородко, читатели найдутъ интересныя подробности по этому дѣлу.

С.-Петербургъ, 23 августа 1791 г.

Вслѣдствіе высочайшей ея величества воли, ваше сіятельство требовать изволили моего мнѣнія, на поданное вамъ отъ профессора Лаксмана подлинникомъ при семъ возвращаемое письмо, касательно заведенія съ Японією торгова, по случаю полагаемаго отправленія изъ Россіи паки въ Японію тѣхъ подданныхъ японскыхъ, кои на кораблѣ своемъ, безъ руля и мачты, семь мѣсяцевъ по морю страдали, пока прибило ихъ къ одному Алеутскому острову, откуда, по прошествіи трехъ лѣтъ, а именно въ 1787 году, російскими, тамъ случившимися, промышленниками привезены они, числомъ девять, въ Нижнекамчатскъ, гдѣ равно, какъ и въ Иркутскѣ, оставшіеся изъ нихъ напоследокъ въ живыхъ только шесть, содержимы были на казенномъ иждивеніи, котораго, однако, съ 1790 года, указомъ Правительствующаго Сената, даннымъ Иркутской казенной палатѣ, велѣно имъ болѣе не производить, а доставить способъ къ возвращенію въ ихъ отечество, но при всемъ томъ, они донынѣ безъ вѣрнаго пропитанія остаются неотправленными.

Къ приобрѣтенію вѣщаго объ ономъ обстоятельстве свѣдѣнія отъ означеннаго профессора Лаксмана, который изъ Иркутска на время сюда пріѣхалъ и привезъ съ собою начальника тѣхъ японцевъ, не безвѣстнаго японскаго купца, именемъ Коодая, не преминулъ я пригласить того профессора къ себѣ и взять отъ него надлежащія по сей матеріи объясненія, изъ коихъ краткую выписку ¹⁾ имѣю честь при семъ сообщить вашему сіятельству, равно и слѣдующее мое на то мнѣніе.

Никакому европейскому народу нѣтъ столько удобностей имѣть торговыя съ Японією обращенія, какъ російскому, въ разсужденіи ближайшаго по морю разстоянія или, такъ-сказать, сосѣдства. Но поелкику съ давнихъ временъ терпятся тамъ изъ европейскихъ народовъ одни только голландцы, а частью, какъ слышно теперь, и англичане, то потому, конечно, и были російскіе промышленники всегда отвлекаемы отъ покушеній своихъ приближаться къ Японіи. Однакожь, какъ нынѣ случай весьма удобный къ тому открывається по поводу тѣхъ въ Иркутскѣ находящихся японцевъ, то и можно бѣ онымъ воспользо

¹⁾ Краткой выписки при письмѣ не оказалось.

ваться слѣдующимъ образомъ, дабы изъ того установить торговыя связи между нашими купцами и японцами.

1-ое. Поручить иркутскому генераль-губернатору ¹⁾, чтобъ для путешествія къ Японіи было на казенный коштъ нанято у Охотскаго порта одно надежное мореходное судно, съ искуснымъ кормщикомъ и потребнымъ числомъ работниковъ или служителей, довольно въ плаваніи испытавшихся. Но ежели къ тому времени случится, что морской капитанъ Виллингъ съ эскадрою своею обратно туда прибудетъ, то вмѣсто онаго найма, гораздо лучше употребить въ сію экспедицію одно изъ его судовъ, исправное, со всѣмъ нужнымъ къ оному экипажемъ.

2-ое. На ономъ суднѣ отправить, на всемъ казенномъ содержаніи, помянутыхъ японцевъ, но только четырехъ, поелику два, принявшіе тамъ греко-россійскую вѣру, должны оставлены быть въ Россіи для надобности, о коей ниже сего означено будетъ.

3-ое. Для препровожденія тѣхъ японцевъ въ ихъ отечество, можно употребить одного изъ сыновей профессора Лаксмана, кои при должности въ Иркутскомъ намѣстничествѣ находятся: они оба были хорошо воспитаны, имѣютъ познанія астрономіи и навигаціи, слѣдовательно, и замѣчанія ихъ могутъ быть не бесполезны. При такомъ отправленіи одного изъ сыновей профессора Лаксмана, при опредѣленіи ему пристойнаго содержанія, поручить должно смотрѣніе за тѣми японцами и возвращеніе ихъ туда, а въ пути и въ бытность его въ японскихъ мѣстахъ, чтобъ онъ дѣлалъ свои наблюденія на водахъ, островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія примѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ,

4-ое. Для установленія порядка управленія сей экспедиціи правящей должностъ иркутскаго генераль-губернатора могъ бы взять замѣчанія отъ упоминаемаго профессора Лаксмана, который обыкновенно живеть въ Иркутскѣ, будучи тамъ употребляемъ отъ Кабинета.

5-ое. При семъ обратномъ отправленіи японцевъ иркутскій генераль-губернаторъ могъ бы отозваться къ японскому правительству съ привѣтствіемъ и съ описаніемъ всего происшествія, какъ они въ російскія области привезены были и какимъ призервніемъ они пользоавались, и что здѣсь тѣмъ охотѣе на оное поступили по сосѣдству обоихъ государствъ, что всегда желали здѣсь имѣть сношенія и торговыя связи съ японскимъ государствомъ, увѣряя, что со стороны Россіи всѣмъ подданнымъ японскимъ, приходящимъ къ портамъ и предѣламъ оной, всевозможныя пособія и ласки изъявляемы будутъ.

6-ое. Для большаго еще обласканія японскаго правительства можно объ иркутскому генераль-губернатору употребить изъ казны до тысячи рублей на покупку разныхъ товаровъ, кои бы онъ отъ имени своего въ Японію въ подарокъ послалъ.

¹⁾ Ивану Алферьевичу Пимо, генераль-поручику.

7-ое. Иркутскій генераль-губернаторъ при сей самой экспедиціи могъ бы старанія свои употребить, дабы склонить кого-либо изъ лучшихъ нашихъ иркутскихъ купцовъ отправиться для опыта на томъ же отъ Охотска суднѣ въ Японію, или изъ ихъ приказчиковъ, съ нѣкоторымъ количествомъ отборныхъ товаровъ, для жителей той страны потребныхъ, по продажѣ коихъ могъ бы онъ купить японскихъ товаровъ; а сей опытъ и даль бы нѣкоторый свѣтъ и для будущихъ нашихъ торговыхъ предпріятій въ Японію, ибо въ торговлѣ иногда и малыя начала приносятъ за собою большіе слѣды.

8-ое. Профессоромъ Лаксманомъ оказанное къ японцамъ признаніе, а паче, что онъ начальника ихъ Коодаю на своемъ иждивеніи привезъ въ С.-Петербургъ, и стараніе его развѣдать отъ означеннаго японца обо всемъ, что только служить можетъ къ заведенію съ ними торгова, равно и представленія его, чрезъ ваше сіятельство поднесенныя ея величеству, достойны, конечно, всякія похвалы; въ разсужденія чего и не благоугодно ли будетъ ея величеству, сверхъ выдачи ему изъ казны обыкновенныхъ прогонныхъ денегъ до Иркутска на отправленіе его туда съ находящимся при немъ японскимъ купцомъ Коодаемъ, пожаловать ему какое-либо денежное награжденіе.

9-ое. Что жъ касается до другаго предложенія г-на Лаксмана, о изысканіи новаго пути по рѣкѣ Амуру, то по настоящимъ обстоятельствамъ нашимъ съ китайцами, я нахожу оное крайне неудобнымъ, ибо всякое тому подобное съ нашей стороны движеніе можетъ возбудить большое съ ихъ стороны вниманіе и въ какія-либо дальности завести.

10-ое. А какъ изъ числа японцевъ двое изъ нихъ приняли нашу вѣру, кои натурально въ ихъ землю ужъ и не возвратятся, можно бы ихъ употребить для обученія японскаго языка, который и нужнымъ будетъ, если установятся у насъ какія-либо торговыя сношенія съ японцами; для чего и не угодно ль будетъ иркутскому генераль-губернатору предписать, чтобы онъ при какомъ-либо училищѣ, въ Иркутскѣ, ихъ приказалъ помѣстить, снабдя ихъ соразмѣрнымъ жалованьемъ; а на первый случай отдать имъ для обученія японскаго языка пять или шесть мальчиковъ, нарочно къ сему выбранныхъ изъ дѣтей солдатскихъ тамошняго гарнизона, или лучше еще изъ тамошнихъ семинаристовъ, дабы они современемъ могли служить переводчиками, когда произойдетъ у насъ желаемая связь съ японскимъ государствомъ.

Изъяснивъ, такимъ образомъ, вашему сіятельству мнѣніе мое на всѣ статьи учиненнаго профессоромъ Лаксманомъ представленія, имѣю честь быть навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный и вѣрный слуга.

Сообщ. К. Нарановичъ.

Россия и Англія въ Турціи въ 1877—1878 гг.

II ¹⁾.

Болгарскія вѣрства. — Война Сербіи и Черногоріи. — Константинопольская конференція и конституція. — Русско-Турецкая война.

линый періодъ волненій, началомъ которыхъ были изложенныя нами событія, долженъ былъ закончиться войною между двумя сосѣдними государствами. Послѣ манифестація софтовъ и изложенія султана наступило нѣкоторое затишье. Но вскорѣ тревожные слухи о возстаніи въ Болгаріи снова возбудили безпокойство публики. То подтверждаемые, то опровергаемые эти слухи распространялись и упрочивались, но Порта отвергала ихъ по недостатку ли свѣдѣній или въ надеждѣ втихомолку усмирить возстаніе. Наконецъ, донесенія адрианопольскихъ и софійскихъ консуловъ посламъ великихъ державъ не оставили больше мѣста сомнѣнію.

Теперь мы подходимъ къ печальной страницѣ исторіи Востока и, не вдаваясь въ подробности этой драмы, напоминающей ужасы религиозныхъ войнъ, мы ограничимся группировкой фактовъ такимъ образомъ, чтобы выяснитъ участіе, принятое въ ней официальными или тайными органами двухъ державъ, политаку которыхъ мы разсматриваемъ.

Въ первыхъ числахъ мая жители селенія Отлу-Кей, расположеннаго у подножія Балканъ, по наущенію пришлыхъ подстрекателей и подъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1896 года.

угрозою, въ случаѣ отказа, поджоговъ и грабежей ихъ имущества, — умертвили мѣстныя власти и нѣсколькихъ мусульманъ изъ окрестностей и затѣмъ, запасшись доставленнымъ этими подстрекателями оружіемъ, удалились въ сосѣднія горы. Этотъ бунтъ не замедлил распространиться, и вскорѣ мятежники могли удачно бороться съ турецкими властями.

Событіе было очень важно и имѣло особое значеніе для Турціи, въ виду ея положенія въ ту пору. Дѣйствительно, Герцоговина болѣе года съ успѣхомъ отражала всѣ усилія турецкихъ войскъ. Сербія, съ своей стороны, тоже волновалась и ей приписывали воинственные замыслы противъ ея падишаха. Среди этихъ обстоятельствъ возстаніе въ Болгаріи должно было поставить Порту тѣмъ болѣе въ критическое положеніе, что она уже въ то время считалась безсильной усмирить горсть непокорныхъ герцоговинцевъ. Неужели же ей вступать въ сдѣлку съ возстаніемъ, подрѣпляемымъ недовольными изъ всѣхъ провинцій имперіи? Было весьма вѣроятно, — а сами турки были въ томъ вполнѣ увѣрены, — что болгары, сербы, босняки и герцоговинцы, связанные столь многочисленными племенными и религіозными узами, являлись лишь покорнымъ орудіемъ иностраннаго вліянія, дѣятельнаго и могущественнаго.

Среди такихъ обстоятельствъ Порты имѣла бы полное право дѣйствовать со всею, требуемою въ подобныхъ случаяхъ, энергіею, чтобы подавить возстаніе въ самомъ его зародышѣ. Но была ли она права, когда, вмѣсто правильнаго и болѣе или менѣе законнаго подавленія, выпустила на всѣхъ, на виновныхъ и невинныхъ, на женщинъ и дѣтей, разнузданныя и дикія орды черкесовъ и баша-бузуковъ, находившихся по близости и воспользовавшихся случаемъ, чтобы на христіанскомъ населеніи удовлетворить свои гнусныя инстинкты. Въ короткое время эти шайки предали огню и мечу богатѣйшую провинцію имперіи.

По поводу болгарскихъ зѣвствъ много писали, много спорили, многое утверждали и многое опровергали; газетные репортеры, официальные коммиссіи, разоблаченія съ самыхъ различныхъ сторонъ, — все способствовало затѣмнѣнію вопроса о происхожденіи и причинахъ возстанія, о числѣ жертвъ, о пространствѣ и свойствѣ варварскаго его усмиренія. Мы уже сказали то, что знаемъ и думаемъ о виновникахъ этого столь мало самостоятельнаго возстанія. Но мы не можемъ установить ни числа жертвъ, ни подробностей этой ужасной бойни. Всякое исправленіе, хотя бы основанное на самыхъ точныхъ данныхъ, не могло бы ни усилить, ни умалить ужаса, охватившаго общество во всѣхъ концахъ земли. Не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ, доходило ли число людскихъ жертвъ, перебитыхъ разбойниками, до 12.000, согласно англійской версіи, или до 45.000, согласно увѣреніямъ славянофиловъ? И 12.000 слишкомъ много. Что въ томъ, что въ сожженныхъ черкесами шеолахъ было

столько-то дѣтей обоого пола, погвбшихъ въ пламени? Что двѣ или болѣе церквей были набиты трупами? Что число разлагавшихся труповъ, покрывавшихъ, подобно желатину (картинное выраженіе очевидца изъ свиты г. Барита) сожженное селеніе Батакъ, доходило до 2.000 или 3.000? Развѣ все это не ужасно? Поэтому цифры не могутъ служить обстоятельствомъ ни отягощающимъ, ни умаляющимъ вину творцовъ этихъ звѣрствъ.

Никто не отрицаетъ, что звѣрства были вызваны возстаніемъ мятежниковъ. Но, несмотря на этотъ вызовъ, сама Порта, извлекая въ то же время изъ него выгоду, въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ постоянно выражала самыя искреннія сожалѣнія о звѣрствахъ, совершенныхъ ея пререгулярными войсками. Въ свое оправданіе она приводила превышеніе мѣстными властями данныхъ имъ полномочій и непониманіе ими ея намѣреній.

Способъ защиты, принятый Портою, ясно доказываетъ ея недобросовѣстность. Сверхъ того, снисходительность, даже благоволеніе, выказанное ею генераль-губернатору Шефкету-пашѣ, палачу Болгаріи, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о ея виновности. Несмотря на настоянія графа Дерби, который громко и неугомонно требовалъ наказанія Шефкета-паши, послѣдній былъ назначенъ эрзерумскимъ генераль-губернаторомъ и осыпанъ милостями. А онъ, именно, не только поваялъ какъ слѣдуетъ даанныя ему полномочія, не только не превысилъ власти, но, напротивъ, слѣпо руководился предписаніями Порты, телеграфировавшей ему дословно: «подавите возстаніе, не разбирая средствъ».

Но сама Порта, сознавая важность положенія и необходимость энергическаго подавленія, не слѣдовала ли она совѣту своихъ друзей? Лучшій другъ ея, пользовавшійся ея наибольшимъ довѣріемъ, хранилъ ли онъ молчаніе въ эту критическую минуту? этому трудно повѣрить. Дѣйствительно извѣстно, что сэръ Генри Эллиоттъ, узнавъ о возстаніи и боясь новыхъ опасныхъ осложненій, первый далъ Портѣ совѣтъ потушить мятежь «не разбирая средствъ». Это не было тайной ни для кого, пока не узнали, какимъ образомъ Порта воспользовалась даннымъ совѣтомъ. Понятый и осуществленный иначе, совѣтъ этотъ былъ бы въ сущности хорошъ. Но всякій совѣтъ, будь онъ самъ по себѣ прекрасенъ, становится пагубнымъ и роковымъ, какъ скоро примѣняется людьми, лишенными такта. Быть можетъ, сэръ Генри не зналъ, что Порта прибѣгаетъ къ черкесамъ, быть можетъ, онъ не зналъ, на что эти дикари способны. Но онъ очень хорошо зналъ, что мусульмане всѣхъ слоевъ общества, какъ въ Стамбулѣ, такъ и въ провинціяхъ, одушевлены враждою и ненавистью къ христіанамъ, чему были даны кровавыя доказательства. Онъ долженъ былъ предвидѣть, что всякій совѣтъ, выраженный въ такой формѣ и направленный противъ христіанскаго насе-

ленія, могъ дать мѣсто прискорбнымъ злоупотребленіямъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы говорить Портѣ «подавите возстаніе, не разбирая средствъ», онъ долженъ бы былъ посовѣтовать ей благоразуміе, употребленіе законныхъ средствъ; онъ долженъ бы былъ умѣрить ея пылъ, чтобы предотвратить его послѣдствія. Какъ могъ онъ не обратить вниманія турецкихъ министровъ на то обстоятельство, что, если нужно безъ промедленія водворить порядокъ среди мятежниковъ, то существенно важно, для спасенія нравственнаго кредита страны, не давать повода, ненужными жестокостями и пролитіемъ христіанской крови, къ новому неудовольствію Европы на Турецкую имперію и на фанатизмъ мусульманъ.

Среди страшнаго шума, вызваннаго во всемъ свѣтѣ этими сценами разрушенія и кровопролитія, сильно возбужденное общественное мнѣніе Англій, напавъ на представителя королевы въ Константинополь, ставило ему, однако, въ упрекъ только то, что онъ не предупредилъ своевременно министерство о происходившемъ у самыхъ воротъ столицы и не постарался своими совѣтами удержать Порту въ предѣлахъ умѣренности. За его совѣтами дѣло не стало; но мы видѣли ихъ смыслъ, а также и то, что г. Эллиоттъ сталъ настоящимъ,—мы охотно признаемъ,—безсознательнымъ соучастникомъ черкесовъ и баши-бузуковъ.

Въ то время, какъ посолъ былъ предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со стороны Европы, а особенно его отечественной печати, въ то время, какъ графъ Дербі по мѣрѣ силъ старался его защитить, самъ онъ продолжалъ поступать по своему усмотрѣнію и руководиться личными побужденіями, не обращая никакого вниманія на инструкціи изъ Лондона. Такъ, когда ему было предписано отправить въ Болгарію, на самое мѣсто звѣрствъ, слѣдственную комиссію, и когда министерство указывало ему для этой цѣли на вице-консула Вренча, сэръ Генри, собственною властью, замѣнилъ его однимъ изъ секретарей посольства, г. Бэрингомъ. Отчего? А оттого, что г. Вренчъ раздѣлялъ мнѣнія своего непосредственнаго начальника, сэра Филиппа Франсиса, генеральнаго консула въ Константинополь, и что оба они находились въ постоянномъ противорѣчій съ посломъ.

Къ тому же г. Вренчъ, человѣкъ открытый и честный, не согласился бы ни смягчать факты, ни оцѣнивать ихъ съ намѣреніемъ уменьшить ихъ важность. Напротивъ того, г. Бэрингъ подчинялся непосредственно г. Эллиотту, который, давая особыя инструкціи, могъ внушить ему представить положеніе вещей въ свѣтѣ, наиболѣе благоприятномъ его личному поведенію и дѣйствіямъ мѣстныхъ властей въ Болгаріи. Прибавимъ, что г. Бэрингъ, по своей ли инициативѣ и чтобы быть въ состояніи сказать правду, не слишкомъ увеличивая общественнаго возбужденія, или въ силу секретнаго предписанія, представлялъ своему началь-

нику два донесенія: одно содержало голую истину безъ всякихъ стилистическихъ прикрасъ и должно было остаться тайной; другое, изложенное болѣе сдержанно, предназначалось для одурманиванія, если можно такъ выразиться, англійскаго общества.

Какъ видно, сэръ Генри питалъ къ Турціи и туркамъ искреннія и какъ мы думаемъ, совершенно безкорыстныя симпатіи. Но развѣ теперь не въ модѣ подобныя симпатіи? Мы уже видѣли, что г. Монрое-Бэттлеръ Джонстонъ на свои средства поддерживалъ возстаніе софтовъ, а г. Давидъ перомъ служилъ на пользу исламизма. Уркхардтъ защищалъ его же въ теченіе полувѣка. Да развѣ Стюартъ Милль, философъ, экономистъ, публицистъ, политическій ораторъ, человекъ, выдающійся въ всѣхъ отношеніяхъ, не раздѣлялъ симпатій къ исламизму и не былъ его защитникомъ? Слишкомъ долго было бы перечислять здѣсь всѣхъ выдающихся на Западѣ людей, пронзенныхъ тѣми же чувствами. Впрочемъ эти стремленія легко объяснимы, если мы отдадимъ себѣ отчетъ въ идеяхъ, руководящихъ публицистами въ дѣлахъ религіи, нравственности и философіи. Многіе христіане — христіане только по имени, и тѣ изъ нихъ, которые открыто не принадлежатъ къ матеріалистамъ или нигилистамъ, охотно исповѣдуютъ натурализмъ или рационализмъ, ученія, одинаково проводящія абсолютный деизмъ, безъ стѣснительныхъ таинствъ обрядовъ, что и есть въ сущности ученіе Магомета. Самой личностью пророка естественно не дорожатъ; онъ просто идетъ за великаго человека. Самыя омовенія совершаются сообразно требованіямъ гигиены и хорошаго тона. Что касается многоженства, то оно примѣняется сообразно обстоятельствамъ, пока какой-нибудь преобразователь отечества, наперекоръ извѣстной общественной стыдливости, не поставитъ открыто о томъ вопроса. Тогда многіе, безъ сомнѣнія, къ нему примѣнутъ. На свѣтѣ, такимъ образомъ, кромѣ открытыхъ исповѣдниковъ ислама, существуютъ и другіе мусульмане. Наконецъ, вступленіе многихъ правовѣрныхъ въ ряды франкмасоновъ обезпечиваетъ за турками, со стороны братьевъ и друзей, партію защитниковъ, почтенную по числу и опасную по средствамъ дѣйствія.

Какъ бы то ни было, взрывъ негодованія, вызванный болгарскими звѣрствами во всѣхъ частяхъ свѣта, произвелъ удручающее впечатлѣніе на лучшихъ друзей Порты. Ихъ политическія убѣжденія были сильно поколеблены и они съ беспокойствомъ спрашивали себя, будетъ-ли поддержаніе неприкосновенности Оттоманской имперіи совѣстимо съ чтимыми въ данную минуту принципами человечества, такъ какъ эти принципы были теперь грубо попораны турками.

Вспомнимъ волненіе, возникшее въ Англии. Одинъ изъ ея выдающихся государственныхъ людей, во главѣ значительной партіи, до-

шелъ даже до проповѣди крестоваго похода противъ этого неизлѣчимаго варварства, одно существованіе котораго является настоящимъ позоромъ для Европы и цивилизаціи. Въ этомъ человѣкѣ не трудно угадать Гладстона.

Понятно, что въ Россіи броженіе умовъ было не менѣе сильно. Оно впрочемъ, имѣло свое особое основаніе въ личности жертвъ, этихъ братьевъ по крови и вѣрѣ, славянъ и православныхъ. Если въ Россіи волненіе не выразилось, подобно другимъ странамъ, съ торжественностью публичнаго диспута въ многолюдномъ собраніи, то печать взяла на себя дополнять послѣднюю силою рѣчи и постоянными совѣтами къ вооруженному столкновенію. На одномъ изъ собраній славянофиловъ въ Москвѣ, въ началѣ іюня, И. С. Аксаковъ, съ высоты предсѣдательскаго кресла, употребилъ все свое краснорѣчіе противъ турокъ и заключилъ свою рѣчь словами: «Братья наши въ Турціи должны быть освобождены; сама Турція должна прекратить существованіе; Россія имѣетъ право занять Константинополь, такъ какъ свобода проливовъ для нея вопросъ жизненной важности».

Между тѣмъ, несмотря на кровавый разгромъ Болгаріи, прекратившей пополненіе рядовъ возставшихъ, подстрекатели усилили ободренія, блестящія обѣщанія и всякую помощь мирнымъ сербамъ, чтобы убѣдить ихъ взяться за оружіе противъ ихъ сюзерена. Это было нѣсколько поздно; однако противникамъ турокъ удалось навлектризовать массы, привлекая на свою сторону нѣсколько пылкихъ головъ, взявшихся распространять волненіе. И вскорѣ князю Милану предстояла альтернатива: или объявить войну, или быть сверженнымъ своимъ народомъ съ престола.

Достовѣрно, что князь Горчаковъ неоднократно пытался отклонить князя Милана отъ всякаго воинственнаго предпріятія. Но угроза предоставить его собственнымъ силамъ и формальное заявленіе, что онъ не долженъ рассчитывать ни на какую, хотя бы чисто нравственную, поддержку со стороны с.-петербургскаго двора, не произвели никакого дѣйствія. Тогда императоръ Александръ, какъ бы для приданія особой торжественности своимъ словамъ, избралъ для передачи ихъ иностраннаго дипломата, который долженъ былъ служить ему въ нѣкоторомъ родѣ свидѣтелемъ. Онъ поручилъ австро-венгерскому агенту въ Бѣлградѣ, князю Вреде, подтвердить отъ его имени князю Милану всѣ предыдущія заявленія князя Горчакова и снова увѣрить его, что, въ случаѣ неуспѣха и пораженія сербской арміи, онъ не долженъ ожидать никакого содѣйствія Россіи.

Дальнѣйшее извѣстно: царскому слову не вняли...

Сербія и Черногорія послѣдовательно взяли за оружіе. Тотчасъ же иностранная дипломатія, проникнутая сердечнымъ согласіемъ и тро-

гательнымъ единодушiемъ, удвоила свою дѣятельность и усилія передъ Портой, чтобы, примиривъ столкнувшихся интересовъ, положить конецъ и безъ того уже тяжелому и грозившему стать еще болѣе опаснымъ, положенію. Но это согласіе и единодушiе, бывшія, какъ мы по крайней мѣрѣ думаемъ, искренними со стороны кабинетовъ и монарховъ Запада, были ли въ такой же степени искренними среди ихъ представителей въ Турціи? Мы въ этомъ сильно сомнѣваемся. Всякаго, кто могъ по своимъ связямъ или по положенію слѣдить за сношеніями этихъ представителей въ Константинополѣ между собой и съ блистательной Портой, не могло не поразить столь мало правильное поведеніе великобританскаго посла. Совершенно пренебрегать категорическими предписаніями своего правительства, слѣдовать имъ только въ совершенно противоположномъ смыслѣ и какъ бы поднимать ихъ на смѣхъ; давать понять своимъ сдержаннымъ поведеніемъ, что графъ Дерби говоритъ, конечно, языкомъ, принятымъ другими кабинетами, но что онъ ни слову не вѣритъ изъ того, что говоритъ; давать побѣду своимъ личнымъ чувствамъ, ослабляя и разрушая дипломатическое воздѣйствіе, которое Европа обязалась произвести на Порту—таковою, кажется, была постоянная цѣль усилій и личной дѣятельности г. Эллиотта.

Хотя его инструкціи категорически предписывали ему во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать за одно со своими коллегами, онъ всегда держался въ сторонѣ, чтобы предоставлять болѣе простора Портѣ и ослаблять значеніе заявленій, вся нравственная сила которыхъ заключалась въ единодушiи. Такъ, въ моментъ предъявленія требованій по сербскому вопросу, когда, послѣ объявленія войны, державы старались остановить борьбу, совмѣстный образъ дѣйствія долженъ бы былъ имѣть чрезвычайное значеніе. И что же? Сэръ Эллиоттъ и здѣсь отказался присоединиться къ своимъ коллегамъ, предложилъ имъ сдѣлать свои заявленія отдѣльно, а самъ, въ качествѣ старѣйшины дипломатическаго корпуса ¹⁾, держался въ сторонѣ. Нѣсколько дней спустя его коллеги настойчиво требовали отъ него объясненій, выразилъ ли онъ достаточно твердо и ясно заключавшуюся въ заявленіи угрозу о прекращеніи шестью великими державами сношеній съ Портой и о предполагаемомъ отозваніи ихъ представителей. Сэръ Генри Эллиоттъ отвѣтилъ съ усмѣшкою, что онъ дѣйствительно сказалъ Портѣ то, что ему было предписано, и тѣмъ далъ открыто понять, что онъ дѣйствовалъ только для очистки совѣсти въ столь маловажномъ дѣлѣ.

Съ одной стороны, кабинеты пребывали въ сердечномъ согласіи, съ другой—одинъ посолъ наносилъ ущербъ единодушному образу дѣйствія, своимъ личнымъ положеніемъ нейтрализуя его результаты! И каждый

¹⁾ За отсутствіемъ генерала графа Игнатъева.

разъ, какъ новыя инструкціи настоятельно требовали собранія представителей, послѣднимъ стоило не мало усилій добиться отъ временнаго старѣйшины, чтобы онъ ихъ созвалъ. Но по состоявшемся собраніи и по принятіи имъ представленія Порты, старѣйшина неизмѣнно передавалъ его черезъ своего драгомана, который, вопреки обычаю, никогда не присоединялся къ драгоманамъ прочихъ великихъ державъ.

Въ лѣтописи англійской дипломатіи на Востокѣ не рѣдки случаи подобнаго неповиновенія ея агентовъ, а равно и ихъ чисто личной политики, находящейся въ прямомъ противорѣчій съ политикой правительства. Лордъ Страффордъ Редклиффъ, напримѣръ, вызвалъ войну 1854 года и коалицію противъ Россіи только потому, что далъ объясненія, заключавшимся въ одной депешѣ графа Нессельроде, толкованіе, дѣлавшее ихъ совершенно недопустимыми; тогда онъ убѣдилъ Решидъ-пашу отвергнуть ихъ, несмотря на то, что лордъ Пальмерстонъ предписалъ ему настаивать передъ Диваномъ, чтобы Порты этими объясненіями удовлетворилась.

Но если это дѣло обычное для англійской дипломатіи, то послѣдствія этого, какъ мы видимъ, очень важны; и если бы с. джемскій кабинетъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ злоупотребляютъ его агенты своимъ авторитетомъ и личнымъ вліяніемъ, то, безъ сомнѣнія, подумалъ бы о средствахъ добиться менѣе двусмысленнаго ихъ повиновенія и содѣйствія.

Какъ бы ни было странное въ данномъ случаѣ поведеніе сэра Генри Эллиотта по отношенію къ своимъ коллегамъ въ ихъ общихъ сношеніяхъ съ Портою, это поведеніе стало просто скандальнымъ по случаю открывшихся въ Константинополѣ совѣщаній.

Мы не будемъ говорить ни о практическомъ значеніи, ни о пригодности принятыхъ на этихъ совѣщаніяхъ рѣшеній: проекта устройства Болгаріи, (выработаннаго молодымъ атташе посольства), назначенія христіанскихъ губернаторовъ, иностранной стражи и т. д. Мудрость государственныхъ людей имѣеть тайны, недоступныя пониманію простыхъ смертныхъ. Въ качествѣ послѣднихъ, мы замѣтимъ только, что, въ отношеніи послѣдовательнаго хода трудовъ, уполномоченные шли навстрѣчу вѣрному неуспѣху, настоящей неудачѣ; собраніе пословъ Константинополя по вопросу о реформахъ для провинцій, или находившихся въ возстаніи или бывшихъ театромъ кровавыхъ сценъ, особенно когда ничего не было сдѣлано для провинцій, оставшихся покорными, — обезпечивало за Портою возможность легкаго торжества. Сверхъ того, отказались выслушивать Порту, имѣя въ виду навязать ей мѣры, принятыя безъ нея и направленные противъ нея.

Дѣйствуя подобнымъ образомъ, упускали изъ вида важныя политическія соображенія. Прежде всего устранялся неотъемлемый принципъ

власти, который не позволялъ Турціи какъ бы поощрять возстаніе и мятежь, допуская только непокорныя провинціи къ пользованію выгодами реформъ и оставляя всё попеченія провинціи покорныя. Упускали изъ виду значеніе, которое придавала Порта своему собственному достоинству и своимъ правамъ независимаго государства, однимъ словомъ всему тому, что она всегда такъ ревниво охраняла. Не принимали также въ расчетъ взаимоотношеній дворца и Порты съ тѣхъ поръ, какъ влияние общественнаго мнѣнія дало себя почувствовать сильно и не впервые по случаю возстанія софтовъ и слѣдовавшихъ за нимъ событій, и султана ставили въ необходимость или вызвать взрывъ уже безъ того возбужденнаго общественнаго мнѣнія, или проявить смѣлую независимость, давъ суровый урокъ шести великимъ державамъ. Не признавали также и законовъ логики, заявляя о желаніи сохранить въ силѣ Парижскій трактатъ въ ту самую минуту, когда совѣщались о внутреннемъ устройствѣ имперіи. На самомъ дѣлѣ это было нарушеніемъ статьи 9-ой этого трактата, въ силу которой державы запрещали себѣ всякое единичное или совмѣстное вмѣшательство въ отношенія Порты къ ея подданнымъ. Наконецъ, не принимали въ расчетъ опытности и проницательности турецкихъ дипломатовъ, когда угрожали Портѣ—въ случаѣ не принятія ею мѣръ, выработанныхъ въ конференціи, —не прерваніемъ дипломатическихъ сношеній, что имѣло бы совершенно иное значеніе, но отъѣздомъ пословъ и специальныхъ делегатовъ. Секретари должны были остаться въ качествѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ.

Требованіе, обращенное къ Дивану конференціей, при весьма слабой угрозѣ, не могло не пропасть даромъ. Портѣ было весьма пріятно проявить безъ всякихъ усміи твердость, лестную для національнаго самолюбія. Въ глазахъ населенія имперіи это было настоящимъ торжествомъ надъ объединеннымъ противъ Турціи Западомъ. И Порта, среди трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ она находилась, получала удовлетвореніе въ томъ, что освобождалась отъ назойливыхъ настояній иностранной дипломатіи. Министры султана знали, что соглашеніе великихъ державъ ограничится пустою угрозою; что дѣло не пойдетъ дальше; что различные интересы, влеченные въ Восточный вопросъ, разъединятъ державы, какъ только та или другая изъ нихъ сдѣлаетъ видъ, что отъ словъ переходитъ къ дѣлу. Порта ясно сознавала положеніе. Странное дѣло, какъ послы, бывшіе въ числѣ членовъ конференціи, много дѣтъ прожившіе въ Турціи, могли хотя одно мгновеніе подумать, что турецкіе дипломаты, обезпокоенные или смущенные этою угрозою, подчинятся приказаніямъ знаменитаго ареопага? Допустимъ, что министры султана не обладали ни достаточною опытностью, ни прозорливостью, чтобы спокойно пренебречь отъѣздомъ пословъ, но у

нихъ были-же передъ глазами странныя взаимныя отношенія представителей королевы Викторіи и ихъ образъ дѣйствія въ конференціи. Одного этого было достаточно, чтобы побудить турокъ на отчаянное сопротивленіе.

Англійскій посоль имѣлъ собратомъ маркиза Салисбюри, вельможу важнаго по своему официальному положенію, но человѣка, не отличавагося особенною гибкостью. Способности, необходимыя для успѣшнаго участія въ этомъ дипломатическомъ собраніи, блистали у него только своимъ отсутствіемъ, развѣ признать таковыми взгляды, мнѣнія и чувства, диаметрально противоположныя тѣмъ, которыя исповѣдывалъ сэръ Генри Эллиоттъ,—изъ ряда вонъ выходящее невѣдѣніе людей и дѣлъ Востока, а равно и политической географіи Европы... Не разъ говорилось о немъ среди дипломатовъ Босфора, гдѣ лордъ Салисбюри оставилъ по себѣ неизгладимую и ироническую память.

Благородный лордъ счелъ полезнымъ, для лучшаго служенія взглядамъ своего правительства и интересамъ мира, придерживаться по отношенію турокъ оскорбительной рѣзкости и нескрываемаго презрѣнія. Благодаря этому странному поведенію онъ лишился передъ Портой всякаго личнаго кредита.

Не менѣе полезнымъ онъ счелъ примкнуть, въ нѣкоторомъ родѣ, къ русскому посольству, постоянно тамъ бывать, раздѣлять всѣ мнѣнія русскаго посла, стать его ревностнымъ приверженцемъ и поддерживать всѣ предложенія, инициативу которыхъ послѣдній бралъ на себя, на конференціи. Все это свидѣтельствуетъ о ловкости его дипломатическихъ приѣмовъ.

А вотъ образчикъ его географическихъ познаній.—На одномъ общемъ собраніи, на которомъ присутствовали представители Дивана, былъ поднятъ вопросъ объ уступкѣ Турціею порта на Адриатикѣ Черногоріи, которая того домогалась. Уполномоченные Порты стали возражать, какъ вдругъ лордъ Салисбюри съ живостью заявилъ, что эти возраженія относятся только къ упомянутымъ мѣстностямъ: «но что онъ не видитъ причины, почему султанъ не согласился бы уступить Черногоріи портъ и городъ Каттаро!»...

Можно судить объ изумленіи графа Зичи, австро-венгерскаго посла.

Очевидно спеціальнѣйшій уполномоченный Foreign Office'a не подготовился къ обсужденію стоявшаго на очереди вопроса.

Помимо этого комическаго инцидента поведеніе маркиза Салисбюри обстоятельствамъ не особенно соответствовало. Въ глазахъ Порты оно компрометтировало англійское правительство и дѣлало еще болѣе оскорбительными для Дивана приемы конференціи. Съ другой стороны, отношенія благороднаго лорда къ сэру Генри Эллиотту изъ холодныхъ превратились просто въ дурныя; и это разногласіе, ясное для всѣхъ, ока-

зало на ходъ и исходъ конференціи болѣе сильное, чѣмъ вообще полага- гали, вліяніе.

На засѣданіяхъ сэръ Генри погружался въ абсолютное молчаніе, не- ускользавшее отъ вниманія турецкихъ уполномоченныхъ. Можно-ли думать теперь, какъ нѣкоторые предполагаютъ, а многіе даже утвер- ждаютъ, что въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ Портою г. Эллиоттъ поддерживалъ ея сопротивленіе, увѣряя ее, что, каковы-бы ни были осложненія, англійскій кабинетъ никогда не станетъ на сторону вра- говъ Турціи? Это весьма правдоподобно. Но достовѣрно то, что разно- гласіе между двумя великобританскими уполномоченными отняло вся- кій кредитъ у совѣтовъ с. джемскаго кабинета.

Нельзя не сожалѣть, что этотъ кабинетъ, искренне желая пре- кращенія пререканій между Россією и Портою, былъ настолько не- счастливъ въ выборѣ своихъ дипломатическихъ агентовъ, что не могъ воспользоваться въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежавшимъ ему по праву авторитетомъ въ рѣшеніяхъ Дивана.

Еще болѣе обидно для чести европейской дипломатіи, что турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, сидя спокойно у окна блистательной Порты и видя, какъ иностранныя военныя суда, увозившія пословъ, съ трудомъ разсѣкали поднятыя непогодю волны Мраморнаго моря, спрашивалъ у своего собесѣдника съ чисто восточною флегматичностью: «Но кого-же, наконецъ, здѣсь обманываютъ?»

Пока представители шести великихъ державъ доставляли Портѣ случай легкаго торжества, послѣдняя заканчивала законы и распоря- женія, откосившіеся до созыва народныхъ депутатовъ, сообразно поста- новленіямъ конституціи, дарованной султаномъ своимъ народамъ и обжа- родованной, какъ-бы для полной обстановки неожиданнаго зрѣлища, въ день перваго общаго засѣданія международной конференціи. Прибавимъ, что залпы, данные столичною артиллерією по случаю чтенія импера- торскаго указа, раскатились эхомъ надъ Босфоромъ, и Савфеть-паша, предсѣдательствовавшій въ засѣданіи, прервалъ его на минуту и въ напыщенныхъ выраженіяхъ объявилъ о преобразованіи государствен- ной власти въ Турціи.

Другими словами, Порта этимъ давала понять, что, участвуя въ за- сѣданіяхъ конференціи, она напередъ твердо рѣшила отвергнуть все ея постановленія. Но, со своей точки зрѣнія, она шла дальше того, что отъ нея требовали, даруя коренное замѣненіе формы правленія, въ чемъ видѣла для себя двойную выгоду добровольно принятаго рѣшенія и благодѣянія для всѣхъ провинцій имперіи. Къ тому же великимъ ви- зиремъ былъ тогда Мидхатъ-паша и онъ не могъ не воспользоваться случаемъ, чтобы восторжествовать надъ сопротивленіемъ, встрѣчаемымъ имъ еще въ рядахъ мусульманскихъ консерваторовъ, и настоять на при-

нятіи проекта конституціи, которому уже давно онъ посвятилъ всѣ свои попеченія.

Разсматриваемое съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія обнародованіе конституціи было, конечно, дѣломъ ловкимъ. Но не грѣшило-ли оно излишнею ловкостью и не было-ли дальше цѣли? Говорятъ, что ничтожныя причины часто имѣютъ большія послѣдствія. Въ предшествующее въ Россіи царствованіе, учрежденіе въ Турціи конституціоннаго государства было бы само по себѣ достаточнымъ поводомъ для рѣшенія императора Николая немедленно объявить войну своему сосѣду на Черномъ морѣ. Но императоръ Александръ, потребовалъ для славянъ Турціи прочныхъ обезпеченій, хорошей администраціи, а въ этихъ обезпеченіяхъ отказывали и замѣняли ихъ конституціонною хартіею. Учрежденія зарождаются въ правахъ народовъ, а не въ силу законовъ и указовъ. Конституціонная Турція не то же ли, что конституціонный Египетъ? Поэтому, слышалъ-ли кто-нибудь, чтобы феллахъ сталъ счастливей съ измѣненіемъ государственныхъ учрежденій и чтобы его трудъ въ потѣ лица теперь цѣнился немного дороже прежняго? Стали-ли лучше государственныя финансы подъ контролемъ народа? Сдѣлало-ли когда-нибудь ужасающее банкротство больше жертвъ съ большимъ шумомъ? Наконецъ, самъ султанъ, со времени провозглашенія конституціонной формы правленія, не продолжалъ-ли назначать и смѣщать министровъ, не обращая никакого вниманія на палаты, на большинство и на его мнѣнія?

Очевидно, что съ этой точки зрѣнія Россія не могла казаться довольною щедростью султана, хотя бы и призрачною, мертворожденною и могущею быть принятою благосклонно лишь тѣми, кто добровольно давалъ себя въ обманъ.

Обнародованіе конституціи въ Турціи вызвало въ печати и въ русскомъ обществѣ всеобщій взрывъ смѣха.

На конституцію посыпались самыя злыя насмѣшки, самыя жесткія эпиграммы. Все казалось смѣшнымъ, потому что не доставало главнаго: опытности министровъ, умственнаго развитія и независимости въ представителяхъ народа, краснорѣчіе которыхъ должно было встрѣтить непреодолимое препятствіе въ разнообразіи нарѣчій разныхъ провинцій имперіи. Наиболе сдержанные органы печати, напуская на себя какъ-бы спокойную оцѣнку и соглашаясь разсуждать въ болѣе приличномъ тонѣ объ учрежденіяхъ, дарованныхъ султаномъ своимъ народамъ, видѣли въ нихъ только болѣе или менѣе удачно поставленную ловушку для довѣрчивой Европы, хартію, предназначенную остаться мертвою буквою послѣ того, какъ она дастъ Портъ возможность отдѣлаться отъ постоянныхъ и назойливыхъ настояній западныхъ кабинетовъ, — однимъ словомъ, обманъ, одну изъ тѣхъ уловокъ, къ которымъ всегда умѣло

прибѣгали турецкіе министры, чтобы выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ, и о которыхъ, по минованіи грозы, обыкновенно не бывало и рѣчи.

Таково было первое впечатлѣніе, произведенное въ Россіи обнародованіемъ оттоманской хартіи.

Между тѣмъ болгарскія звѣрства, негодование, вызванное ими въ Россіи, не прекращавшееся безпокойство Европы по поводу внутренняго положенія Турціи, пораженія сербовъ, съ которыми Россія была нравственно солидарна, вслѣдствіе значительнаго числа русскихъ офицеровъ и солдатъ, сражавшихся въ рядахъ побѣжденныхъ, роковыя заблужденія официальныхъ круговъ С.-Петербурга относительно слабости и безпомощности классическаго б о л ь н а г о (Турціи), равно и относительно быстрыхъ побѣдъ, обезпеченныхъ за нападающею арміею, наконецъ, закончившаяся мобилизація русской арміи и заключенный съ этою цѣлью заемъ, — все это, по нашему мнѣнію, служило достаточнымъ поводомъ къ объявленію войны.

Многія войны, во всякія времена, возгорались изъ-за менѣ важныхъ причинъ. Но послѣ того удовлетворенія, которое кабинеты великихъ державъ дали Россіи при посредствѣ своихъ представителей на Константинопольскихъ конференціяхъ, раздѣляя ея мнѣнія и поддерживая всѣ ея требованія; послѣ доказательствъ уваженія этихъ требованій, доказательствъ, возобновленныхъ державами отозваніемъ пословъ, подписаніемъ Лондонскаго протокола и принятіемъ на себя въ нѣкоторомъ родѣ ручательства за исполненіе Портою реформъ—можно, даже должно полагать, что с.-петербургскій кабинетъ отказался бы отъ всякаго воинственнаго предпріятія, хотя бы изъ уваженія къ сочувствію, выказанному ему Европой съ такимъ постояннымъ и полнымъ единодушіемъ ¹⁾. Однако дипломатія, какъ бы пламенно ни желала сохранить миръ, могла удовлетворить Россію лишь относительно высказанныхъ и оформленныхъ ею неудовольствій; а Россія имѣла неудовольствіе, которое она не могла не только высказать, но и дать о немъ понятъ: Россія не желала турецкой конституціи.

Вотъ почему обнародованіе ея было слѣшкомъ большою ловкостью, бьющею дальше цѣли. Вотъ почему мѣры, менѣ рѣшительныя и менѣ коренныя со стороны турецкихъ преобразователей и ихъ совѣтниковъ,

¹⁾ Нельзя не отмѣтить нѣкотораго преувеличенія въ томъ значеніи, которое авторъ придаетъ «постоянному и полному—какъ онъ говоритъ—единодушію Европы». Что европейскія державы дѣйствительно усилено трудились надъ тѣмъ, чтобы отогнать надвигавшуюся грозу со всеми ея непредвидѣнными послѣдствіями,—въ этомъ нельзя сомнѣваться; но одинаково не подлежитъ сомнѣнію, что сопротивленіе Порты вытекало именно изъ отсутствія величественнаго единодушія въ образѣ дѣйствій представителей великихъ державъ.

мѣры, которыя хотя не измѣнили бы внутренняго положенія имперіи,—дали бы, по крайней мѣрѣ, Турціи возможность пользоваться благами мира, а не быть опустошенною войной, ближайшимъ послѣдствіемъ которой оказалось полное истощеніе ея средствъ на полстолѣтіе.

Предлагая великимъ державамъ Лондонскій протоколъ, Россія требовала отъ нихъ въ подтвержденіе единодушія взглядовъ, обнаруженнаго ими на конференціи въ Константинополь, взять на себя въ нѣкоторомъ родѣ поручительство за исполненіе Портою дѣйствительныхъ реформъ и, въ случаѣ не успѣха, сообщать приступитъ къ мѣрамъ, требуемымъ обстоятельствами. Россія не требовала, да и не могла требовать, чтобы Порты подписала протоколъ, такъ какъ онъ былъ направленъ противъ нея. Болѣе того, послѣдняя не должна была знать о его существованіи. Прибавимъ, что она проявила чрезмѣрную щепетильность, выразивъ согласіе неофициально съ нимъ ознакомиться и выступивъ затѣмъ съ тѣмъ знаменитымъ протестомъ, отъ котораго загорѣлся весь сыр-боръ и который вызвалъ объявленіе войны со стороны Россіи.

Слабость Турціи въ военномъ отношеніи съ наибольшою очевидностью выразилась, какъ казалось, въ ея безуспѣшнѣйшій усмирить герцеговинцевъ и въ напряженіяхъ въ войнѣ съ Сербіею, и существованіе этого роковаго заблужденія болѣе чѣмъ подтверждается численностью выступившей противъ нея арміи. Нынѣ неоспоримо, повидимому, что Россія начала войну, имѣя не болѣе 70 тысячъ войска на Дунаѣ и менѣе 60 тысячъ въ Азіи. Конечно, если бы Турція даже и была такъ слаба, какъ думали, самое простое благоразуміе требовало, чтобы нападающій призналъ за нею ту оборонительную силу, которую она всегда выказывала въ прежнихъ войнахъ, и онъ долженъ былъ это сдѣлать тѣмъ болѣе, что далеко не всегда могъ побороть встрѣчаемое сопротивленіе. Не представлялось-ли безусловно выгоднымъ принять эти данныя въ основаніе предстоявшей кампаніи? Разгромъ непріятеля, помимо обезпеченія въ удовлетвореніи чести, избавилъ бы Россію отъ крупныхъ расходовъ; а побѣжденный, лишённый всѣхъ симпатій, порождаемыхъ честною и славною защитою, оказался бы въ полномъ распоряженіи побѣдителя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» въ статьѣ «Россія и Англія на Востоцѣ», на стр. 278 вкралась крупная опечатка: на 4-ой строкѣ снизу напечатано: «внутри жевщичъ и евнуховъ»; слѣдуетъ—«реди жевщичъ и евнуховъ».

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

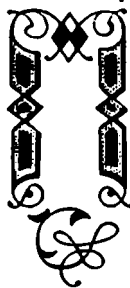
и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРИИ.
1877—1878 гг.

ГЛАВА XVII ¹⁾.

Гражданское управленіе съ 1-го января по 19-ое февраля 1878 г. до Санъ-Стефанскаго договора.

Неопредѣленность положенія князя Черкаскаго. — Назначеніе комиссара. — Образованіе Филиппопольскаго и Сливевскаго санджаковъ. — Введеніе въ прочіхъ частяхъ Забалканья военнаго управленія. — Внутреннее управленіе княжества Болгарскаго. — Проектъ учрежденія Совѣта управленія княжества Болгарскаго. — Записка о генералъ-губернаторахъ.

олученное 7-го января 1878 г. изъ Петербурга извѣщеніе о томъ, что пребываніе князя Черкаскаго при арміи считается особенно необходимымъ, окончательно разрѣшило вопросъ о слѣдованіи и самого князя и его канцеляріи, вмѣстѣ съ главною квартирою, за Балканы, но не заставило тогда же отказаться отъ мысли объ учрежденіи въ Забалканскомъ краѣ исключительно военнаго управленія, не приѣмаясь не только къ выработаннымъ и дѣйствовавшимъ основаніямъ гражданскаго управленія, но и къ тѣмъ началамъ, которыя

¹⁾ См. «Русскую Старину», май 1896 г.

были утверждены главнокомандующимъ въ іюлѣ 1877 г., именно для руководства начальникамъ войскъ отъ момента занятія края, до учрежденія въ немъ гражданскихъ властей. Чисто военное управление введено было въ округахъ Филиппопольскомъ, Казанлыкскомъ и Адрианопольскомъ. Все, что удалось тогда сдѣлать князю Черкаскому для гражданского управленія, было испрошеніе разрѣшенія ввести правильное гражданское устройство въ Софійскомъ санджакѣ.

Дальнѣйшія мѣропріятія по гражданской части, силою самыхъ обстоятельствъ, отлагались до прибытія въ Адрианополь, гдѣ ожидалось подписаніе перемирія съ Турціей, а слѣдовательно, и опредѣленіе района нашего непосредственнаго вліянія и гдѣ князь Черкаскій могъ соединиться съ своей канцеляріей. Перемиріе подписано было 19-го января, а канцелярія прибыла въ Адрианополь 25-го. Перемиріе отдавало въ наше распоряженіе огромное пространство земель по обѣимъ сторонамъ Балканъ, и такимъ образомъ наступало время, когда мы не только могли, но и обязаны были приступить къ прочному устройству занятаго края и возстановленію въ немъ гражданскихъ порядковъ.

Придется ли ему самому управлять Болгаріей, впредь до передачи ея народному правительству или онъ долженъ будетъ уступить эту работу другому лицу, князь Черкаскій въ точности еще не зналъ, но самый фактъ признанія необходимости его пребыванія при арміи былъ настолько серьезенъ и важенъ, что онъ, ставя всегда на первое мѣсто не личные свои интересы, а пользу государственную, всецѣло отдался соображеніямъ о будущей дѣятельности гражданского управленія. Продолжавшаяся однако неопредѣленность дѣла ставила его въ большое затрудненіе и не позволяла работать какъ бы слѣдовало, зная къ чему идти и чего нужно достигнуть.

Исполняя требованіе оставаться на мѣстѣ, онъ въ то же время глубоко былъ убѣжденъ въ необходимости ѣхать въ Петербургъ, дабы тамъ условиться о будущихъ дѣйствіяхъ и получить обстоятельную инструкцію. Эти противорѣчія весьма его тревожили, возбуждали нервы и разрушительно вліяли на его мощный, но потрясенный уже организмъ. Чтобы освѣтить его положеніе и занимавшія его тогда мысли, привожу выдержки изъ писемъ его, отъ 8-го и 20-го января 1878 г. изъ Казанлыка и Адрианополя. Первое было напи-

сано тотчасъ по полученіи телеграммы изъ Петербурга, а второе — по подписаніи перемирія.

«Великому князю угодно было сообщить мнѣ телеграмму государя, въ которой его императорское величество соизволилъ милостиво выразить, что присутствие мое здѣсь именно въ настоящую минуту считается наиболѣе необходимымъ. Это выраженіе довѣрія государева не могло не тронуть меня глубоко и не укрѣпить меня еще болѣе въ твердой рѣшимости сдѣлать съ своей стороны все возможное для выполненія воли государевой, посвятить на это весь мой посильный трудъ и малое умѣнье и принести въ жертву всякіе личные интересы и выгоды. Не знаю, какъ и въ какомъ смыслѣ разрѣшены тѣ коренные вопросы, которые истекають изъ существа дѣла и которые я счелъ долгомъ изложить въ представленной мною запискѣ. Не знаю также, касается ли рѣшеніе государево временнаго моего здѣсь нынѣ пребыванія или будетъ мнѣ приказано оставаться здѣсь и въ будущемъ. Каково бы ни было это рѣшеніе, я подчиняюсь ему съ полнымъ забвеніемъ всего, касающагося лично меня и хотя бы даже въ моемъ умѣ остались бы сомнѣнія насчетъ будущаго» (8-го января).

Въ письмѣ отъ 20-го января князь Владиміръ Александровичъ писалъ:

«Съ одной стороны мнѣ еще неизвѣстны ни точная воля государя, ни то какимъ образомъ предрѣшены главные вопросы, ва которые я позволилъ себѣ указать; мнѣ невозможно представить нынѣ никакихъ дальѣйшихъ соображеній, хотя бы даже представленіе ихъ почему-либо оказалось необходимымъ; притомъ, излагая нынѣ мои мысли, при такой полной неизвѣстности, я рискую впасть въ ошибочное сужденіе по дѣлу, уже рѣшенному, чего я, конечно, желалъ бы избѣгнуть всѣми мѣрами, дабы не подать повода заподозрить меня въ упрямствѣ. Съ другой стороны, событія идутъ съ поразительною быстротою, и я невольно страшусь, что они опередятъ возможность своевременнаго принятія многихъ предварительныхъ мѣръ, настоятельно необходимыхъ для правильнаго и прочнаго обезпеченія въ будущемъ положенія и управленія императорскаго комиссара, и обойтись безъ которыхъ окажется на дѣлѣ едва ли возможнымъ. Между прочимъ, кромѣ указанныхъ уже мною вопросовъ, необходимо точно и обстоятельно опредѣлить самый размѣръ комиссарскихъ полномочій и предѣлы его власти. Притомъ, будущему комиссару, задача котораго будетъ часто политическаго свойства, необходимо, казалось бы, получить точную инструкцію, которою онъ могъ бы руководиться въ будущемъ по множеству вопросовъ—народныхъ, церковныхъ, организаціонныхъ и административныхъ. Ему необходимо также дополнить личный составъ чиновъ своего управленія не только лицами, предназначенными для общей администраціи, но еще и специальными по разнымъ специальнымъ отраслямъ управленія—по отраслямъ судебной, контрольной, желѣзнодорожной, почтовой, телеграфной, горной, каменноугольной и проч., или, по крайней мѣрѣ, ему слѣдуетъ вступить въ Петербургъ и Москвѣ въ надлежащее соглашеніе относительно постепеннаго выбора хѣмъ-либо и командированія этого рода чиновъ, въ Болгарію на лицо не имѣющихся.

«Наконецъ, если бы государю угодно было возложить званіе комиссара на меня, въ чемъ, впрочемъ, я не имѣю еще положительной увѣренности, то, независимо отъ настоящихъ чисто служебныхъ дѣлъ, мнѣ самому лично было

бы необходимо прибыть въ Россію на нѣсколько дней, хотя бы для самаго общаго и поверхностнаго учрежденія своихъ собственнхъ семейныхъ и имущественныхъ дѣлъ.

«Сколь ни сложны всѣ эти обстоятельства, тѣмъ не менѣе покуда шла война я, въ виду двойной службы, которую несъ пр. арміи, не помышлялъ даже и о кратковременномъ отпускѣ и не просилъ о немъ даже въ ту минуту, когда умиравшая мать моя настоятельно просила моего возвращенія хотя бы на одинъ день... Не вѣдая окончательныхъ рѣшеній его величества, я осмѣливаюсь вновь выразить самое твердое убѣжденіе, что будущему въ Болгаріи комиссару необходимо испросить и получить подробныя личныя указанія въ Петербургѣ, по множеству самыхъ важныхъ вопросовъ, и заняться тамъ многими необходимыми предварительными распоряженіями. Съ другой стороны, если бы выборъ государя императора, паче чаянія, выпалъ бы на меня, и въ виду моихъ семейныхъ и имущественныхъ обстоятельствъ не предвижу возможности обойтись безъ кратковременной поѣздки въ Россію.

«Для такой, примѣрно шестинедѣльной, поѣздки удобнѣйшей минутой я смѣю считать нынѣшнюю или ту, которая послѣдуетъ между мирными переговорами генераль-адъютанта Игнатьева въ главной квартирѣ и окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла на европейскомъ конгрессѣ, котораго мы едва-ли избѣжимъ. Должность мою могъ бы временно править генераль-лейтенантъ Ануцинъ. Позволю себѣ для лучшаго разъясненія дѣла указать на примѣръ Польскихъ дѣлъ, весьма живо сохранившійся въ моей памяти и вашему высоко-пр-ству близко знакомый. Думаете ли вы, что покойный Николай Алексѣевичъ (Милютинъ) могъ бы завѣдывать этимъ дѣломъ успѣшно, если бы не были предварительно при его участіи и даже при участіи моемъ и покойнаго Самарина заранѣе рассмотрѣны и утверждены въ Петербургѣ положенія объ учредительномъ комитетѣ и другихъ тогдашнихъ мѣропріятіяхъ. А между тѣмъ дѣло Болгарское представляеть по малой мѣрѣ не менѣе трудностей, чѣмъ Польское, и Николай Алексѣевичъ имѣлъ счастье жить въ Петербургѣ при особѣ государя и лично пользоваться высочайшимъ руководствомъ... Казалось бы, что если здѣсь для Болгаріи, по самому роду дѣла, невозможно предварить составленіе подробныхъ положеній, тѣмъ не менѣе необходимо было бы установить и преподать къ руководству съ полною точностію нѣкоторыя общія и главныя начала.

«Кончаю слишкомъ длинное уже и безъ того письмо мое и передаю мою судьбу всецѣло на волю государя. По крайней мѣрѣ никому нельзя будетъ въ будущемъ обвинить меня въ томъ, что мною не указаны были заранѣе предстоящія затрудненія, и я съ спокойною совѣстью, хотя и съ тревожнымъ духомъ, могу встрѣтить ожидаемыя мною въ близкомъ будущемъ почти неизбежныя невзгоды.

«Что касается до личныхъ жертвъ, которыя могутъ быть отъ меня потребованы, то и послѣ печальнаго мною проведеннаго послѣдняго года, а съ радостью готовъ принести еще всякую новую личную жертву, которая можетъ быть угодна государю и полезна отечеству».

Первое изъ двухъ этихъ писемъ не было отправлено и даже не было окончено, а второе вполне изготовленное должно было пойти съ курьеромъ, который везъ документы по перемирію. Письмо это помѣчено сперва 19-мъ января, но потомъ, цифра 19 передѣлана

на 20. Готовое къ отправленію, оно осталось въ бумагахъ князя Черкаскаго, потому что, въ самый моментъ его отправленія, получено было княземъ Владиміромъ Александровичемъ письмо военнаго министра отъ 27-го декабря 1877 г., которымъ генераль Милютинъ увѣдомлялъ, что государь, вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ князя Черкаскаго о необходимости соединить въ Болгаріи власти гражданскую и военную въ однѣхъ рукахъ, изволить полагать «согласно и съ вашимъ мнѣніемъ, что лицо это должно быть избрано изъ числа высшихъ военныхъ чиновъ». Въ томъ же письмѣ прибавлялось:

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ государь императоръ желаетъ, чтобы, до того времени когда выяснится будущая постановка Болгарскаго вопроса и пока продолжаютъ военныя дѣйствія, ваше сіятельство продолжали вашу полезную дѣятельность, какъ по завѣдыванію дѣлами гражданскаго управленія при особѣ главнокомандующаго, такъ и по даннымъ вамъ отъ Общества Краснаго Креста полномочіямъ. Его величество остается въ полной увѣренности, что подъ руководствомъ вашимъ не только будетъ продолжаемо постепенное водвореніе въ занятыхъ нашими войсками краѣ временнаго управленія, но и выработаются основанія того будущаго политическаго и гражданскаго устройства, которое желательно даровать освобожденному русскимъ оружіемъ болгарскому народу. Государь императоръ полагается на ваши способности и патриотизмъ».

Князь Черкасскій отвѣчалъ немедленно.

«Письмо это вывело меня изъ томительной неизвѣстности и опредѣлило ясно будущій ходъ дѣла, въ которое я успѣлъ вложить если и мало знанія, то, по крайней мѣрѣ, добрую долю любви и добросовѣстнаго труда. Отнынѣ надѣюсь на его успѣхъ, будучи увѣренъ, что дѣло, созданное государемъ, вѣнчающее его славное царствованіе и довершающее историческую задачу его великихъ прародителей — Петра, Екатерины и въ Бозѣ почившаго императора Николая, передано будетъ въ вѣрныя, способныя и знающія руки. Самъ я почту себя счастливымъ исполнить свято волю его величества въ настоящемъ случаѣ, какъ постарался бы исполнить ее, по мѣрѣ крайняго разумнія в тогдa, когда бы мнѣ было объявлено иное рѣшеніе государя. Убѣдительно прошу ваше высокопревосходительство благоволить повергнуть эти искреннѣйшія чувства мои и безыскусственное ихъ выраженіе къ августѣйшимъ стопамъ его императорскаго величества».

«Еще полнѣе и добросовѣстнѣе, если возможно, чѣмъ въ прежнее время, будутъ послѣдніе дни моего здѣсь пребыванія посвящены возложеннымъ на меня высочайшею волею временнымъ занятіямъ, и ничто, конечно, не будетъ мною опущено, что можетъ въ будущемъ сколько-нибудь облегчить дѣятельность лица, избраннаго доврѣемъ государя».

Подобное разъясненіе вопроса, ожидавшееся княземъ Черкасскимъ, по собственному его выраженію, «съ тревожнымъ духомъ», было большимъ ударомъ для его самолюбія и тѣмъ болѣе тягостнымъ,

что налагало на него тяжелую обязанность, подготовить все необходимое для будущего политического и гражданского устройства создававшегося тогда княжества Болгарского, управление которым вѣрялось однако не ему, а другому лицу. Суровый жребій выпалъ на долю князя Черкаскаго, но онъ былъ не изъ такихъ людей, которые при превратностяхъ судьбы впадаютъ въ малодушіе. Онъ за былъ о себѣ и рѣшительно принялся за оставшаеся ему въ Болгаріи

Еще одно, послѣднее сказанье...

Къ сожалѣнію сказаніе это было дѣйствительно послѣднимъ... чего, конечно, никто не ожидалъ, ни самъ князь Владиміръ Александровичъ, ни его окружающіе.

Курьеръ, привезшій князю Черкаскому отвѣтное письмо военнаго министра, доставилъ соотвѣтственное извѣщеніе и главнокомандующему, но указаніе о предназначеніи на должность императорскаго комиссара князя Дондукова-Корсакова, бывшаго тогда командиромъ 13-го армейскаго корпуса въ составѣ восточнаго отряда, получено только 8-го или 9-го февраля въ письмѣ государя отъ 26-го января.

Когда въ армію получено было новое высочайшее повелѣніе, требовавшее, чтобы князь Черкаскій оставался на своемъ мѣстѣ до прибытія комиссара, и ему самому сообщена была увѣренность государя, что подъ его руководствомъ «не только будетъ продолжаться постепенное водвореніе въ занятомъ нашими войсками краѣ временнаго управленія, но и выработаются основанія того будущаго политическаго и гражданского устройства, которое желательно даровать освобожденному русскимъ оружіемъ болгарскому народу» — всѣ прежнія недоразумѣнія и пререканія прекратились, и предложеніе князя Черкаскаго о немедленной замѣнѣ военнаго управленія за Балканами было принято безпрекословно, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что гражданское управленіе не будетъ вводиться въ Адрианополь и тѣхъ ближайшихъ къ нему округахъ, которые и предполагаемыми условіями обсуждававшегося тогда мирнаго договора должны были остаться за Турціей. На остальномъ пространствѣ, входившемъ въ районъ, ограниченный демаркаціонными линіями,

должно было ввести новое гражданское управленіе на утвержден-ныхъ уже прежде основаніяхъ, примѣненныхъ въ санджакахъ: Тульчинскомъ, Тырновскомъ, Систовскомъ, Раховскомъ (Виддинскомъ) и Софійскомъ.

Согласно прежде принятому порядку, оставлять санджаки въ ихъ старыхъ границахъ, гражданское управленіе за Балканами слѣдовало ввести въ двухъ санджакахъ—Филиппопольскомъ и Сливенскомъ, но такъ какъ они были раздѣлены между военными округами Филиппопольскимъ и Казанлыкскимъ и сохраненіе военного управленія на нѣкоторое еще время считалось необходимымъ, то и рѣшено было вводить гражданское управленіе сообразно границамъ не санджаковъ, а военныхъ округовъ, чѣмъ главнымъ образомъ и сохранялся порядокъ, учрежденный для обезпеченія движенія войскъ и ихъ тяжестей по линіи Шипка—Казанлыкъ и далѣе по желѣзной дорогѣ на Адрианополь.

При образованіи новыхъ санджаковъ положено было держаться прежнихъ нашихъ порядковъ, но теперь въ дѣлѣ введенія гражданского управленія рѣшилось принять участіе и высшее начальство арміи предоставленіемъ въ вѣдѣніе князя Черкаскаго: необходимаго числа военныхъ офицеровъ,—на первый разъ дали двадцать три человѣка преимущественно изъ гвардейскаго корпуса — и назначеніемъ въ каждый санджакъ нѣкоторыхъ частей войскъ исключительно въ распоряженіе губернаторовъ для охраненія въ краѣ порядка и поддержанія авторитета нашихъ властей, устанавливаемыхъ въ краѣ, бывшемъ только-что ареною жестокихъ преслѣдованій ту-рокъ противу христіанъ и обратно.

Особенное вниманіе князя Черкаскаго обращалъ на себя Филиппольскій санджакъ, гдѣ военныя власти круто водворяли порядокъ, примѣняя крайне рѣшительныя мѣры. Можно было предвидѣть, что посылаемые туда чины гражданской администраціи встрѣтятъ тамъ немалыя затрудненія.

Въ докладѣ своемъ главнокомандующему отъ 1-го февраля 1878 г. ¹⁾ князь Черкасскій просилъ:

¹⁾ Докладъ этотъ напечатанъ въ VII выпускѣ «Сборника офф. расп. и документовъ по Болгарскому краю».

1) Филиппопольскій санджакъ образованъ, на первое время, изъ городовъ и округовъ этого санджака, бывшихъ въ вѣдѣніи генераль-лейтенанта Столыпина.

2) Въ распоряженіе филиппопольскаго губернатора назначить на экстраординарные расходы по шести тысячъ рублей въ годъ.

3) Войти въ сношеніе съ начальникомъ полевого штаба о предписаніи военному губернатору, генераль-лейтенанту Столыпину, передать филиппопольскому губернатору всё тѣ свѣдѣнія, которыя имъ собраны, на основаніи временнаго положенія о военномъ управленіи въ сихъ округахъ, какъ въ отношеніи военно-полицейскомъ, такъ и объ имуществвахъ, принадлежащихъ бывшему турецкому правительству и оставленныхъ частными лицами, а равно и о тѣхъ хлѣбныхъ запасахъ, которые не переданы еще имъ въ интендантское вѣдомство.

4) Оставить въ вѣдѣніи новаго филиппопольскаго губернатора тѣхъ г.г. офицеровъ, которые состоятъ въ должностяхъ комендантовъ въ округахъ, прежде подчиненныхъ бывшему филиппопольскому военному губернатору, пока не представится возможности или откомандировать ихъ къ своимъ частямъ, или же просить объ окончательномъ назначеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ соотвѣтственныя по гражданскому управленію должности.

5) Поручить помощнику моему, генераль-лейтенанту Аничину, съѣздить въ Филиппополь, для наблюденія за правильнымъ введеніемъ въ дѣйствіе гражданскаго управленія въ Филиппопольскомъ санджакѣ и образованіемъ надлежащаго личнаго административнаго состава въ самомъ Филиппополѣ и округахъ, а равно для возможнаго устраненія тѣхъ главнѣйшихъ затрудненій, которыя могутъ въ настоящихъ обстоятельствахъ встрѣтиться на мѣстахъ.

6) Увѣдомить начальника полевого штаба, что, по волѣ вашего императорскаго величества, генераль-лейтенантъ Столыпинъ освобождается отъ заведыванія гражданскими дѣлами.

7) За отсутствіемъ резервныхъ батальоновъ, предоставить немедленно же въ полное и постоянное распоряженіе филиппопольскаго губернатора, независимо отъ этапныхъ командъ и отъ гарнизона филиппопольскаго, собственно для нуждъ санджака, по крайней мѣрѣ, двѣ сотни казаковъ и одинъ батальонъ пѣхоты приблизительно въ полномъ комплектѣ, а въ случаѣ некомплекта—соотвѣтственно большее количество войска, для водворенія и сохраненія порядка въ краѣ, такъ какъ безъ этого самое введеніе гражданскаго управленія было бы немислимо и не достигло бы цѣли.

8) Затѣмъ поручить начальникамъ военныхъ частей, расположенныхъ въ краѣ, оказывать во всѣхъ случаяхъ законное содѣйствіе губернатору.

Главнокомандующій написалъ на этомъ докладѣ «согласенъ» и приказалъ назначить въ распоряженіе губернатора двѣ сотни Донскаго казачьяго № 4-го полка и батальонъ пѣхоты отъ 31-й дивизіи.

Въ своемъ мѣстѣ было разсказано, что занятіе Филиппопольскаго санджака предполагалось еще въ іюлѣ 1878 г. и на должность губернатора предназначался генеральнаго штаба полковникъ Г. И. Бобриковъ, получившій потомъ особую командировку въ Сербію.

Такъ какъ въ февралѣ онъ порученія своего не окончилъ, то вмѣсто его филиппопольскимъ губернаторомъ назначенъ былъ вызванный княземъ Черкасскимъ изъ Петербурга полковникъ А. А. Шепелевъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ генеральнаго штаба ¹⁾. Сборы А. А. Шепелева нѣсколько затянулись, а тутъ заболѣлъ князь Черкасскій, и моя поѣздка въ Филиппополь не состоялась. Опасенія князя Черкаскаго относительно недоразумѣній, могущихъ встрѣтиться въ этомъ городѣ — отчасти оправдались. 13-го февраля полковникъ Шепелевъ прибылъ туда и, являсь къ генералу Столыпину, предъявилъ приказъ о своемъ назначеніи и просилъ о сдачѣ дѣлъ и управленія. Генералъ Столыпинъ не рѣшился на это, такъ какъ еще не имѣлъ предписанія полевого штаба, и вошелъ съ представленіемъ — слѣдуетъ ли ему сдавать должность прибывшему губернатору? 18-го февраля послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, до полученія котораго правильность отношеній между гражданскими и военными властями не могла установиться на прочныхъ основаніяхъ. Всю вину въ этомъ надо отнести къ полковому штабу; онъ 18 дней не сообщалъ генералу Столыпину повелѣнія главнокомандующаго несмотря на то, что между Адрианополемъ и Филиппополемъ существовали телеграфъ и желѣзная дорога, переѣздъ по которой требовалъ всего нѣсколькихъ часовъ.

Сливенскій санджакъ образованъ по докладу отъ 10-го февраля 1878 г. Онъ долженъ былъ состоять изъ всѣхъ входящихъ въ него семи округовъ. Губернаторомъ назначенъ былъ начальникъ Казанлыкскаго военнаго округа, генеральнаго штаба полковникъ Ильшевичъ, которому сверхъ того предписывалось: во-первыхъ — ввести гражданское управленіе въ округахъ Казанлыкъ, Карлово (нахія), Чирпанъ и Ески-Загра — составлявшихъ не упраздненный еще Казанлыкскій округъ — впредь до отчисленія ихъ по принадлежности къ Филиппопольскому санджаку и во-вторыхъ — оставаться въ Казанлыкѣ до того времени, пока не будетъ уничтоженъ Казанлык-

¹⁾ Потомъ онъ былъ: членомъ международной комиссіи въ Румелии, состоялъ при князѣ Александрѣ Болгарскомъ, былъ военнымъ агентомъ въ Вѣнѣ и уловилъ въ Баку, куда прибылъ съ генераль-адъютантомъ княземъ Довдуковымъ-Корсаковымъ, при которомъ занималъ должность правителя канцеляріи по гражданскому управленію Кавказа.

скій военный округъ и не разрѣшено будетъ ему переѣхать въ Сливно ¹⁾). Въ распоряженіе его, кромѣ бывшихъ уже въ его вѣдѣніи войскъ, назначена сотня казаковъ и батальонъ пѣхоты. Тогда же предрѣшено было присоединить къ Сливенскому санджаку округа Киркъ-Килиса и Кизиль-Агачъ, отходившіе по предполагаемому договору къ Болгаріи изъ состава Адрианопольскаго санджака.

Ко времени образованія Сливенскаго санджака съ достаточною ясностью выказались нѣкоторые недостатки условій заключеннаго нами съ турками перемирія. Въ § 7 этого документа было сказано: «въ провинціяхъ, занимаемыхъ русскими или союзными войсками, въ которыхъ во время подписанія этихъ условій будутъ находиться турецкія административныя власти, онѣ должны остаться при исполненіи своихъ обязанностей для охраненія спокойствія и порядка въ населеніи. Они будутъ исполнять, по мѣрѣ возможности, требованія русскихъ военныхъ властей». Такъ какъ именно въ составъ Сливенскаго санджака входили такія мѣстности, то губернатору Ильяшевичу предложено было дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ со всевозможною осторожностью и не иначе, какъ по совѣщаніи съ военными властями, устраняя всякіе поводы къ столкновеніямъ и оставляя за симъ дѣйствовать военныя власти, требованія коихъ, по смыслу той же 7-й статьи, обязательны для остающейся на мѣстахъ турецкой администраціи. Къ счастью, турецкія власти бѣжали изъ Сливно и Ямболя, а въ другихъ мѣстахъ Сливенскаго санджака не встрѣтилось съ ихъ стороны препятствій. Не то было въ Виддинѣ, Варнѣ, Шумлѣ и другихъ мѣстахъ Сѣверной Болгаріи. Тамъ § 7-й повелъ ко многимъ совершенно напраснымъ усложненіямъ. Произошло это оттого, что о содержаніи § 7-го не было спрошено мнѣнія гражданскаго начальства, во время проектированія условій перемирія.

¹⁾ Докладъ 10-го февраля напечатанъ въ VII вып. «Сборника офф. расп.» Казанльскій округъ упраздненъ по докладу моему отъ 12 марта (Сбор. вып. VII, стр. 16), а разрѣшеніе полковнику Ильяшевичу переѣхать въ Сливно дано 6 апрѣля. Особой сотни казаковъ и батальона, сливенскій губернаторъ не получилъ, такъ какъ 20-го апрѣля главнокомандующій призналъ неудобнымъ разбрасывать войска и указалъ губернатору, въ случаѣ надобности, обращаться за содѣйствіемъ къ стоящимъ въ санджакѣ войскамъ.

Сдѣланными распоряженіями объ учрежденіи Забалканскихъ санджаконъ окончены были дѣйствія по введенію гражданскаго управленія на всемъ пространствѣ будущей Болгаріи, гдѣ мы могли распоряжаться самостоятельно и съ увѣренностью, что вводимъ новые порядки въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя уже никогда не возвратятся подъ владычество турокъ.

Засимъ на первый планъ выступалъ вопросъ о государственномъ устройствѣ не только занятаго нашими войсками края, но и будущаго княжества Болгарскаго.

Сдача Османа-паши и быстрые успѣхи нашего оружія, по направленію къ Софіи, несомнѣнно передавали въ руки Россіи будущее устройство Болгаріи. Объ этомъ недостаточно уже было только предполагать, необходимо было приступить къ окончательнымъ по этому предмету соображеніямъ, дабы не быть застигнутымъ врасплохъ готовившимися событіями, которыя, какъ и оказалось послѣ, слѣдовали одно за другимъ съ поразительною быстротою.

Поэтому, еще въ Боготѣ, въ первыхъ числахъ декабря 1877 г. князь Черкасскій приступилъ къ соображеніямъ о будущемъ устройствѣ Болгаріи и велъ о семъ со мною долгія и частыя бесѣды. Результатомъ этихъ совѣщаній было письменное изложеніе, какъ отдѣльныхъ мыслей о томъ или другомъ предметѣ, такъ и составленіе окончательныхъ положеній о центральномъ управленіи Болгаріи на время оккупации ея нашими войсками и приготовленія ко введенію въ ней національнаго правительства. Приступая нынѣ къ изложенію всѣхъ этихъ соображеній, я руководствуюсь различными составленными мною (съ декабря 1877 по конецъ февраля 1878 г.) записками, проектами и положеніями, одобренными княземъ Черкасскимъ и представленными потомъ или имъ самимъ великому князю главнокомандующему, или мною въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ мои записки были отлитографированы.

За послѣднія двадцать лѣтъ, до войны 1877 г., болгарская народность заявила такую живучесть и силу, что народившійся «Болгарскій вопросъ» приковалъ къ себѣ вниманіе Европы и привелъ Россію, съ оружіемъ въ рукахъ, въ самое сердце Турціи для обезпеченія Болгаріи самостоятельнаго существованія.

Понятно, что при такомъ возникновеніи болгарскаго вопроса,

среди самого народа, народъ этотъ заслуживалъ, чтобы, при дальнѣйшемъ устройствѣ его государственнаго быта, были искренно приняты къ сердцу тѣ проявленія національнаго духа, которыя помогли ему заявить о себѣ и получили уже фактическое осуществленіе въ тѣсныхъ предѣлахъ дѣятельности, предоставлявшейся болгарамъ ихъ угнетателями, турками.

Было ясно, что, приступая къ устройству гражданскаго строя Болгаріи, прежде всего слѣдовало обратить вниманіе на все хорошее, тамъ уже существовавшее, и энергически поддержать его. Затѣмъ ввести дѣйствительно необходимое для водворенія въ странѣ порядка, правосудія и правильнаго сбора и употребленія финансовыхъ средствъ края, а все остальное, безъ чего можно обойтись на первое время, отложить до той поры, когда юное Болгарское княжество начнетъ жить своею жизнью, получивъ свободу и начатки общественнаго и государственнаго устройства изъ рукъ великодушнаго Царя-Освободителя.

Хорошимъ изъ проявленій общественнаго и государственнаго быта въ Болгаріи слѣдовало признать: во-первыхъ — устройство духовной части и во-вторыхъ — школьное дѣло.

Сохраненіемъ вѣры православной, языка и народности во все время пятивѣковаго рабства, болгары главнымъ образомъ и прежде всего обязаны своему духовенству. Не будучи особенно образованнымъ, оставаясь даже въ большинствѣ случаевъ малограмотнымъ, оно жило одною жизнью съ народомъ, дѣлило его радости и горе, обнадеживало лучшею будущностью и, во время неистовства турокъ, принимало на себя первые удары изувѣровъ, не скрываясь отъ врага, а встрѣчая его впереди своихъ прихожанъ. Духовенство болгарское сослужило службу своему отечеству. Оно любимо и уважаемо народомъ. Оно имѣетъ несомнѣнное вліяніе на народъ.

Такимъ положеніемъ духовенства слѣдовало воспользоваться. Экзархатъ предполагалось перевести въ столицу княжества ¹⁾, предоставля въ его распоряженіе достаточныя средства, для возобновленія разрушенныхъ церквей и монастырей, снабженія ихъ цер-

¹⁾ Болгарія имѣлась въ виду пѣлокупная, въ границахъ Санъ-Стефанскаго договора, а не урванная Берлинскимъ конгрессомъ.

ковными вещами, открытія духовныхъ училищъ и улучшенія нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія духовенства.

Вмѣшательство въ дѣла духовныя признавалось вреднымъ, переустройство внутреннихъ порядковъ въ болгарской церкви — предполагалось всецѣло предоставить усмотрѣнію самого духовенства. Представители гражданской власти должны были во всемъ этомъ участвовать только доставленіемъ полезныхъ свѣдѣній, указаніемъ лучшихъ способовъ къ выполненію той или другой реформы и принятіемъ внѣшнихъ мѣръ къ охраненію православія.

Такъ какъ отношенія болгарскаго духовенства къ греческому могли подать поводъ къ разнымъ столкновеніямъ, то нашимъ властямъ предложено было возможно меньшее вмѣшательство въ подобныя дѣла (такъ было въ Тульчинскомъ санджакѣ) и вмѣшавшіеся дѣйствовать въ качествѣ благоразумнаго совѣтника, а не полновластнаго распорядителя.

Кромѣ того, высшее духовенство полагалось привлечь къ участию въ управленіи краемъ, назначеніемъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, по занимаемымъ ими мѣстамъ, членами совѣта, который полагалось поставить въ главѣ управленія странюю. Вызовъ ихъ къ присутствованію въ совѣтѣ полагалось производить по-очереди, по соглашенію съ экзархомъ.

Предоставляя такое выдающееся положеніе духовенству, князь Черкасскій тѣмъ не менѣе рѣшился безповоротно и при первой же возможности покончить съ тѣмъ безобразнымъ способомъ, которымъ, при турецкомъ правительствѣ, обезпечивалось содержаніе высшаго духовенства. Оно содержалось сборами съ вѣнчиль или такъ называемою «владычиною». Каждая брачная пара облагалась сборомъ, отъ 5 до 9 піастровъ въ годъ. Сообразно населенію, владычина была различная въ разныхъ частяхъ страны, но распределеніе ея всюду было одинаково. Одна треть денежныхъ поступленій съ вѣнчиль отчислялась въ пользу экзарха, другая треть — въ пользу епархіальнаго архіерея и остальная — на консисторскіе расходы, содержаніе училищъ и прочія духовныя потребности епархій. Сборъ этотъ, тягостный для населенія и по существу, дѣлался для него вполне ненавистнымъ по способу взиманія. Въ виду уклоненія жителей отъ своевременной и безнедоимочной уплаты владычины,

архіереи обращались къ содѣйствию турецкихъ властей, и тѣ посылали за сборомъ своихъ заплѣвъ. Такой порядокъ, обременительный для жителей и унижительный для болгарскаго населенія, служилъ нерѣдко средствомъ для интригъ греческаго духовенства. Во время распрей съ возникавшимъ и постепенно усиливавшимся Болгарскимъ экархатомъ, богатые архіереи-греки прощали владычнину, а какъ послѣдовать этому примѣру для болгаръ-епископовъ было невозможно, то греки выставляли народу ихъ алчность, чѣмъ и привлекали многихъ на свою сторону и вообще сѣяли въ странѣ смуту.

Подобные порядки стали извѣстны гражданскому управленію съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности въ Болгаріи и теоретически были осуждены немедленно, но принятіе какихъ-либо противъ этого мѣръ считалось преждевременнымъ, такъ какъ до перехода за Балканы не было несомнѣнной увѣренности въ возникновеніи свободной Болгаріи, а потому, при неудачномъ оборотѣ дѣлъ, распоряженіе о прекращеніи сбора владычнины черезъ полицію могло только раздражить страсти, не принеся существенной пользы. Заключеніе перемирія, за полнымъ разгромомъ турецкихъ армій, совершенно измѣняло дѣло, и распоряженіемъ, принятымъ изъ Адрианополя, князь Черкасскій предложилъ губернаторамъ немедленно и навсегда прекратить подобный способъ сбора владычнины, запретивъ всѣмъ административнымъ властямъ назначать для этого полицейскихъ чиновъ или какихъ бы то ни было иныхъ лицъ. Сообщая о такомъ распоряженіи архіереямъ, князь Владиміръ Александровичъ просилъ ихъ видѣть въ этой мѣрѣ искреннее его желаніе содѣйствовать возвышенію достоинства и увеличенія ихъ престижа, предваряя, что никто ближе его не принимаетъ къ сердцу интересы духовенства, обезпечить бытъ котораго онъ надѣется, въ недалекомъ будущемъ, назначеніемъ — на первое время высшимъ епархіальнымъ властямъ — постояннаго денежнаго жалованья изъ казны княжества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для необходимыхъ соображеній, онъ просилъ сообщить ему о дѣйствительномъ размѣрѣ доходовъ, доставляемыхъ владычиной.

Незадолго до принятія такой мѣры, князь Черкасскій бесѣдовалъ съ пріѣзжавшимъ въ Адрианополь сливенскимъ митрополитомъ Серафимомъ, котораго и просилъ войти въ сношеніе съ прочими архіе-

реями и разъяснить имъ сущность дѣла. При этомъ князь не преминулъ передать митрополиту и свои соображенія относительно включенія всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ въ число членовъ совѣта. Серафимъ, конечно, не могъ отказаться отъ предложеннаго ему посредничества и, какъ я убѣдился потомъ въ Санъ-Стефано, — совѣщался съ своими коллегами. Предположенія князя Черкаскаго о замѣнѣ владычины постояннымъ денежнымъ содержаніемъ впоследствии осуществилось.

Положеніе школьнаго дѣла въ Болгаріи тоже было благоприятно. Заведеній средняго курса было мало, но зато, народныхъ школъ — достаточно. Въ санджакахъ — Филиппопольскомъ, Сливенскомъ, Тырновскомъ и Рушукскомъ, рѣдкое село оставалось безъ начальной школы. Въ городахъ и во многихъ мѣстечкахъ, кромѣ начальныхъ школъ, существовали, подъ именемъ «главныхъ», и училища съ четьрьмя, пятью и даже шестью классами.

Всѣ эти школы, безъ исключенія, своимъ началомъ и существованіемъ обязаны были частной инициативѣ и полному къ нимъ чувству мѣстнаго общества, во всѣхъ слояхъ котораго было большое стремленіе къ обученію дѣтей.

Съ началомъ войны, всѣ почти школы закрылись. Зданія многихъ изъ нихъ обращены были подъ военныя больницы (гимназія въ Габровѣ) или на другія временныя потребности, а многіе изъ учителей поступили въ войска переводчиками и даже охотниками въ ополченіе; нѣкоторые изъ нихъ заняли мѣста въ новомъ гражданскомъ управленіи.

Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій предполагалось оказать городскимъ и сельскимъ обществамъ полное содѣйствіе къ возобновленію ученія въ закрытыхъ школахъ и увеличенію ихъ числа, держась прежняго порядка ихъ открытія т. е. предоставляя все частной инициативѣ. На устройство училищъ среднихъ и духовныхъ семинарій предполагалось затратить, если будетъ неизбежно нужно, и казенныя средства. Засимъ, на первое время, въ виду того, что мѣстныя школы еще долгое время не будутъ давать полного образованія ни средняго, ни высшаго, ни техническаго, ни наконецъ спеціально военнаго, полагалось создать на средства страны большое

число стипендій и организовать правильную высылку въ Россію молодыхъ людей для образованія въ русскихъ гимназіяхъ, университетахъ и военныхъ заведеніяхъ. Наблюденіе за стипендіатами, по возможности сосредоточенными въ нѣсколькихъ только пунктахъ (напр., Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса), полагалось возложить на образованныхъ болгаръ, которыхъ и тогда было немало въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ. Для руководства, на этихъ началахъ, училищнымъ дѣломъ былъ вызванъ въ Болгарію профессоръ Харьковскаго университета—Дриновъ; болгаринъ родомъ, который и занимался дѣятельно собраніемъ необходимыхъ по этой части матеріаловъ и свѣдѣній. Для лучшаго знакомства съ училищнымъ дѣломъ на практикѣ, профессоръ Дриновъ, съ его согласія, назначень былъ вице-губернаторомъ въ Софію, что давало ему возможность неспрадно ожидать времени вступленія въ исполненіе предназначенной ему должности въ центральномъ управленіи.

Признавъ серьезныя достоинства устройства въ турецкой Болгаріи организаціи православнаго духовенства и школьнаго дѣла и найдя сообразнымъ съ пользою дѣла ограничиться по этимъ частямъ только поддержаніемъ существовавшихъ порядковъ всѣми зависящими отъ правительства средствами, князь Черкасскій составилъ себѣ совершенно ясный взглядъ на дѣло введенія въ Болгарскомъ княжествѣ правильнаго государственнаго устройства и полагалъ осуществить его на слѣдующихъ основаніяхъ ¹⁾:

1) Мѣстное самоуправленіе. Сельскимъ и городскимъ обществамъ и населенію отдѣльныхъ округовъ предоставить полное самоуправленіе посредствомъ учрежденія совѣтовъ, состоящихъ изъ выборныхъ лицъ безъ различія народностей и вѣроисповѣданій. Мысль эта уже была осуществлена возобновеніемъ въ селеніяхъ совѣтовъ старѣйшинъ, а въ городахъ и округахъ (казы)—устройствомъ городскихъ и окружныхъ управительныхъ совѣтовъ, въ которые почетными членами вошли представители всѣхъ вѣроисповѣданій. Совѣтамъ этихъ предоставлено широкое управленіе всѣми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за распредѣленіемъ и сборомъ налоговъ.

2) Сѣтъ административно-полицейскихъ властей. Оставляя по возможности безъ измѣненія границы существовавшихъ при турецкомъ правительствѣ санджаковъ и округовъ, подчинить ихъ въ административномъ

¹⁾ Слѣдующія за снмъ 10 статей вошли въ составъ записки, написанной мною для представленія въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ она съ двумя другими была отлитографирована.

отношеніи, на первое время, русскими властями въ лицѣ губернаторовъ (мундсарифовъ) и начальниковъ округовъ (каймакамъ), давъ имъ въ помощь вольнонаемную, изъ мѣстныхъ жителей, полицейскую стражу по расчету четырехъ стражниковъ (треть конныхъ) на каждую тысячу душъ населенія.

3) Судебная часть. а) Предоставить населенію немедленно, за появленіемъ среди его русскихъ войскъ, скорый и близкій судъ, посредствомъ возобновленія прежнихъ судебныхъ совѣтовъ, должствующихъ руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ или существующими законами, или обычными правомъ за отсутствіемъ права письменнаго,

и б) подготовить проекты преобразованія судебной части на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

4) Милиція. Устроить національную милицію, распространить воинскую повинность на все населеніе края безъ различія народности и вѣроисповѣданія и ограничить военную службу возможно короткими сроками. Въ составъ милиціи полагалось ввести существовавшее при дѣйствующей арміи болгарское ополченіе, доведя его до полнаго штатнаго состава дружинъ (12), считая по тысячѣ человекъ въ каждой. Для развитія молодежи и облегченія ея обученія въ милиціи, предполагалось образовать во всемъ краѣ военныя стрѣлковыя общества и общественныя стрѣльбища, насколько это возможно было совмѣстить съ крайне желательнымъ уничтоженіемъ мусульманскаго обычая носить оружіе.

5) Учрежденіе совѣта. Для руководства текущими дѣлами, въ помощь императорскому комиссару, предполагалось образовать совѣтъ управленія княжества Болгарскаго изъ лицъ русскихъ и мѣстныхъ. Самый край предполагалось раздѣлить на два генералъ-губернаторства.

6) Собраніе силъ страны. Обезпечивъ въ краѣ спокойствіе, порядокъ и тишину, устроить полицію, сѣтъ административныхъ властей и милицію, обезпечивъ на первое время правильное отправленіе правосудія, предполагалось, при посредствѣ вышеупомянутыхъ хозяйственныхъ, административно-полицейскихъ и судебныхъ органовъ, привести въ извѣстность и собрать нравственныя и матеріальныя силы страны, устроить финансы и кредитъ.

7) Собраніе нотаблей и законъ о выборахъ. Поведенію во всемъ краѣ первоначальнаго управленія на вышеприведенныхъ основаніяхъ—предполагалось собрать нотаблей въ лицѣ представителей духовенства, председателей управительныхъ и судебныхъ совѣтовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ для обсужденія вопроса о выборномъ законѣ. Право избирать предполагалось предоставить всѣмъ безъ различія гражданамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста (25 лѣтъ), имѣющимъ недвижимую собственность или платящимъ какія-либо казенныя подати. Право быть избранными имѣлось въ виду поставить въ зависимость отъ образованія и владѣнія собственностью. Такъ полагалось, что избранными могутъ быть лица духовныя, учителя и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ по установленному цензу для разлчныхъ мѣстъ края. Неграмотнымъ не предоставлялось бы права быть избираемыми.

8) Собраніе представителей, избранныхъ населеніемъ. По изданіи закона о выборахъ, предполагалось приступить къ созыву представителей всего края, правильно выбранныхъ, для разработкы различныхъ проектовъ будущаго устройства всѣхъ частей управленія.

9) Переходъ къ личному составу администраціи изъ мѣстныхъ жителей. Такъ какъ каждому губернатору назначены были

вице-губернаторы изъ мѣстныхъ уроженцевъ, то при переходѣ отъ администраціи временной къ постоянной - полагалось губернаторовъ изъ русскихъ замѣнять вице-губернаторами-болгарами, уже оввакомленными съ дѣлами и могущими остаться при томъ содержаніи, которое опредѣлено для нихъ штатами по должности вице-губернатора. Въ округахъ имѣлось въ виду постепенно сокращать число начальниковъ округовъ изъ русскихъ офицеровъ, соединяя по два округа подъ управленіемъ одного начальника съ назначеніемъ ему помощника изъ болгаръ съ тѣмъ, чтобы помощники эти замѣнили потомъ должности начальниковъ округовъ. Этимъ порядкомъ достигнуто было бы полное замѣщеніе всѣхъ административно-гражданскихъ должностей болгарами.

10) Князь В. Переходъ къ національному правительству, то-есть къ выбору князя, полагалось возможнымъ сдѣлать не ранѣе, какъ черезъ годъ или полтора послѣ заключенія мира.

Какъ извѣстно, 19-го февраля 1878 г. заключенъ Санъ-Стефанскій договоръ и въ тотъ же день, утромъ, умеръ князь В. А. Черкасскій. Совпаденіе этихъ обстоятельствъ даетъ чрезвычайно важное значеніе полному и по возможности подробному выясненію всего того, что было сдѣлано гражданскимъ управленіемъ арміи во время войны, т. е. въ теченіе десяти мѣсяцевъ, и чѣмъ теоретическія соображенія князя Черкаскаго объ устройствѣ Болгаріи выразились на практикѣ. Нижеприводимый перечень всего сдѣланнаго показываетъ какъ полноту и обширность, такъ и строго систематическую послѣдовательность плодотворныхъ трудовъ управлявшаго гражданскою частью на послѣднемъ поприщѣ его дѣятельности, весьма мало у насъ извѣстной и совсѣмъ не оцѣненной.

А. По части административно-полицейской. На точномъ основаніи утвержденнаго великимъ княземъ главнокомандующимъ 7-го іюля 1877 г. «проекта главныхъ основаній гражданского управленія въ санджакахъ и округахъ Болгарскаго края», правильное гражданское управленіе было введено (отчасти вводилось) въ 8-ми санджакахъ и 56 округахъ. Слѣдующая таблица показываетъ названіе учрежденныхъ санджаковъ, числа въ нихъ округовъ и фамиліи губернаторовъ и вице-губернаторовъ.

Названіе санджаковъ.	Число округовъ.	Губернаторы.	Вице-губернаторы.
1. Систовскій	3.	Ген.-м. Золотаревъ.	Г. Балабановъ.
2. Рущукскій	7.		Г. Доскаловъ
3. Тульчинскій	10.	Над сов. Бѣлоцерковецъ.	Полк. Юргенсонъ.
4. Раховскій (Виддинскій)	8.	Ст. сов. Тухолка.	Н. С. Ставишевъ.

Названіе санджаковъ.	Число округовъ.	Губернаторы.	Вице-губернаторы.
5. Тырновскій.		7. Кам.-юнк. Щербинскій.	Г. Драганъ-Цанковъ.
6. Софійскій		8. Д. с. с. Алабинъ.	Проф. Дриновъ.
7. Филиппополюскій		7. Полк. Шенелевъ.	Кол. сов. Ивановъ
8. Сливенскій.		6. Полк. Ильяшевичъ.	(вакансія).

Варненскій санджакъ не былъ еще образованъ потому, что лежалъ за демаркаціонной линіей, и въ Адрианополѣ и его окрестностяхъ введено было исключительно военное управленіе ¹⁾.

Всѣ губернаторы были русскіе, а всѣ вице-губернаторы, за исключеніемъ Тульчинскаго, — болгары. Изъ болгаръ же къ каждому губернатору были назначены особые совѣтники (по одному) по финансовымъ дѣламъ.

Начальники округовъ назначены были изъ командированныхъ въ распоряженіе князя Черкаскаго военныхъ офицеровъ, и затѣмъ всѣ второстепенныя и низшія должности въ управленіяхъ санджаковъ и округовъ (за единичными исключеніями) и всѣ безъ исключенія въ совѣтахъ были замѣщены по назначенію и выбору (въ совѣтахъ) изъ мѣстныхъ жителей. Для подготовленія къ гражданской службѣ кандидатовъ изъ Болгаръ, еще въ Кишиневѣ, а потомъ въ Плоэштахъ, приглашено было нѣсколько молодыхъ людей, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, которые, по мѣрѣ образованія санджаковъ, поступали въ распоряженіе губернаторовъ, получившихъ возможность образовать изъ нихъ соотвѣтственный обстоятельствамъ комплектъ переводчиковъ. Впослѣдствіи, для той же цѣли, мѣстные уроженцы прикомандировывались къ канцеляріи гражданскаго вѣдомства, гдѣ, получая опредѣленное содержаніе (не выше 80 р. въ мѣсяцъ), готовились къ службѣ. Весьма охотно на гражданскія должности въ санджакахъ и округахъ поступали учителя закрывавшихся во время войны сельскихъ и городскихъ училищъ. Какъ ни велика была приносимая ими польза, но рассчитывать на ихъ удержаніе на службѣ по заключеніи мира не только было невозможно,

¹⁾ Впослѣдствіи, уже при императорскомъ комиссарѣ, гражданское управленіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, введено было и въ Адрианопольской губерніи.

но и нежелательно. Ознакомленные со школьнымъ дѣломъ, учителя, разумѣется, были болѣе полезны въ школахъ, нежели въ разныхъ гражданскихъ канцеляріяхъ. Съ осени 1878 г. слѣдовало ожидать возобновленія прежнихъ школъ и слѣдовательно ухода учителей изъ администраціи, а потому, чтобы приготовить имъ замѣстителей изъ мѣстныхъ уроженцевъ, князь Черкасскій рѣшился открыть въ Филиппополѣ «Практическіе курсы русскаго языка» на 40 стипендіатовъ и неограниченное число вольноприходящихъ. Попечительство надъ курсами было ввѣрено мѣстному губернатору, ближайшее же руководство предоставлено—начальнику курсовъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, капитану Флейшеру и инспектору классовъ болгарину Начевичу, извѣстному потомъ политическому дѣятелю. На курсахъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, перебивало до 150 молодыхъ болгаръ, изъ коихъ на экзаменахъ, произведенныхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, 76 чел. оказались весьма достаточно усвоившими русскій языкъ. Большинство изъ нихъ поступило въ военную службу во вновь формировавшееся народное войско. Вслѣдъ за экзаменами Филиппопольскіе курсы были переведены въ Софію, но уже съ преобразованиемъ въ юнкерское училище подъ завѣдываніемъ того же капитана Флейшера.

Для руководства вновь учрежденнымъ въ краѣ гражданскимъ властямъ, составлены, и съ утвержденія главнокомандующаго, введены въ дѣйствіе:

а) положеніе о гражданскомъ управленіи въ санджакахъ и округахъ (со штатами);

б) положеніе и штаты выборныхъ управительныхъ совѣтовъ въ округахъ и городахъ Болгаріи;

в) временныя правила для образованія въ Болгаріи полицейской вольнонаемной стражи и вооруженныхъ карауловъ изъ мѣстныхъ жителей, и

д) правила о подводной повинности съ населенія для удовлетворенія потребностей войскъ и для проѣзда отдѣльныхъ лицъ, слѣдующихъ по дѣламъ службы.

Всѣ инструкціи, по гражданскому управленію изданныя, были напечатаны отдѣльными выпусками «Сборника официальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому краю».

Устроенное княземъ Черкасскимъ первоначально исключительно для надобностей арміи почтовое сообщеніе, весьма скоро стало служить и для выгодъ администраціи. Всѣхъ почтовыхъ станцій было 21 съ 320 лошадьми, законтрактованными въ окрестностяхъ Одессы у нѣмецкихъ колонистовъ, доставившихъ свои повозки и сбрую и принявшихъ на себя содержаніе ямщиковъ и лошадей. Соединяя главную квартиру съ базой и тыломъ, гражданская почта образовала три тракта: а) Систовъ—Рушукъ—Тырновъ, Шипка и Ени-Загра, гдѣ начиналась желѣзная дорога; б) Систовъ—Плевна и в) Плевна—Габрово—Шипка. Кромѣ того распоряжено было устройство тракта отъ Ени-Загры до Бургаса на Черномъ морѣ, чтобы получать почту изъ Имперіи моремъ помимо Константинополя. Почтовые конторы были въ Систовѣ и Тырновѣ.

Такимъ образомъ не только была создана гражданская администрація въ 8 санджакахъ и 56 округахъ, но для руководства ея были составлены и изданы всѣ необходимыя для нея инструкціи и положенія. Огромный край, занятый нашею побѣдоносною арміей, былъ въ твердыхъ рукахъ гражданской власти, по требованію которой, въ каждое данное время, на всемъ пространствѣ страны, можно было осуществить ту или другую мѣру, вызываемую нуждами арміи, политическими или экономическими соображеніями.

Б. По части судебной. По мѣрѣ занятія нашими войсками Болгаріи, вездѣ возобновлены дѣйствія сельскихъ и городскихъ совѣтовъ, въ составъ коихъ, за уходомъ мусульманъ, поступали почти исключительно христіане. Возстановленные совѣты дѣйствовали прежнимъ порядкомъ, но для привлеченія въ нихъ болѣе надежныхъ лицъ составлены были штаты, по которымъ членамъ судебныхъ совѣтовъ назначено содержаніе наравнѣ съ членами управительныхъ совѣтовъ.

Для сужденія лицъ, предаваемыхъ суду военному, въ городахъ Систовѣ и Тырновѣ были учреждены отдѣльные полевые суды, для дѣйствія которыхъ главнокомандующимъ утверждены 9-го августа 1877 г. временныя правила.

Удовлетворивъ этимъ насущнымъ потребностямъ арміи и населенія, князь Черкасскій обратилъ особое вниманіе на составленіе проектовъ для необходимаго переустройства и улучшенія судебной

части въ Болгаріи. Осуществить эти преобразованія полагалось немедленно по составленіи проектовъ положеній, не ожидая организаціи въ княжествѣ національнаго правительства, такъ какъ существовавшее въ Болгаріи при туркахъ судебное устройство было до такой степени неудовлетворительно, что требовало неотложной реформы въ виду состоявшейся замѣны мусульманскаго режима христіанскимъ.

Признавая за этимъ дѣломъ чрезвычайную важность, князь Черкасскій, еще въ Петербургѣ, пригласилъ для завѣдыванія судебною частью вполнѣ компетентное лицо—члена консультаціи при министерствѣ юстиціи, дѣйств. стат. сов. Лукьянова (съ 1879 г. сенаторъ), которому тотчасъ же по прибытіи, въ половинѣ іюля 1877 г., въ Тырново и поручено заняться соображеніями по судебной реформѣ. Подъ его предсѣдательствомъ была составлена особая юридическая коммиссія, въ составъ коей вошли: профессоръ Новороссійскаго университета Богишичъ¹⁾, стат. сов. Тухолка, товарищъ прокурора Полтавскаго окружнаго суда Теохаровъ (родомъ болгаринъ) и исправ. должн. юрисконсульта при нашей миссіи въ Константинополѣ тит. сов. Каченовскій. Коммиссія основалась въ Систовѣ, откуда предсѣдатель ѣздилъ въ Тульчинскій санджакъ.

Благодаря тому, что Тульчинскій санджакъ былъ занятъ нами почти во весь его объемъ и весьма мало пострадалъ отъ военныхъ дѣйствій, и что въ Тырново и Систовѣ прежде существовавшіе суды, прекративъ было свою дѣятельность въ началѣ войны, весьма скоро возобновили ее и уже затѣмъ не прерывали, коммиссія могла ознакомиться съ ихъ организаціей, личнымъ составомъ и дѣйствіями на практикѣ и тѣмъ вполнѣ освоиться съ бывшими по судебной части порядками при владычествѣ турокъ. Получивъ отъ князя Черкаскаго, въ главныхъ и общихъ чертахъ, ближайшія указанія на цѣли будущей реформы, дѣйств. стат. сов. Лукьяновъ дѣятельно принялся за ввѣренное ему дѣло и, вскорѣ по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, прибылъ въ главную квартиру съ готовою

¹⁾ Г. Богишичъ, составитель черногорскаго уложенія, оставался недолго; прибывъ 28-го мая 1877 г. въ Плоэшти, онъ 7-го сентября былъ уже отчисленъ отъ гражданскаго управленія.

уже работою. Дѣло, ему порученное, настолько подвинулось, что министерство иностранныхъ дѣлъ, давая въ апрѣлѣ 1878 г. инструкцію императорскому комиссару, могло сказать (дополнительная инстр. № 32), что руководствомъ судебного отдѣла должны служить основанія «готовящагося къ изданію положенія о судебномъ устройствѣ въ краѣ».

Составленные юридическою комиссіей проекты были потомъ утверждены и введены въ дѣйствіе, а потому, всецѣло относя ихъ разработку къ періоду дѣятельности князя Черкаскаго, я считаю вполне умѣстнымъ привести здѣсь подробное указаніе на все сдѣланное юридическою комиссіей, руководствуясь при этомъ запискою ея предсѣдателя ¹⁾. Коммиссіею дѣйст. стат. сов. Лукьянова были изготовлены:

1) положеніе объ устройствѣ и предметахъ вѣдомства судовъ сельскихъ; 2) положеніе объ устройствѣ судовъ окружныхъ и губернскихъ; 3) положеніе о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ въ сихъ судахъ; 4) правила о надворѣ за опеками, о порядкѣ совершенія письменныхъ актовъ и договоровъ, о составленіи инвентарной описи и о порядкѣ охраненія наслѣдствъ.

Составлены были, равнымъ образомъ, предположенія объ учрежденіи судовъ административныхъ, о разграниченіи предметовъ вѣдомства по дѣламъ гражданскимъ между судами общими и судами духовными православнаго и другихъ вѣроисповѣданій, и наконецъ, положеніе о судѣ кадиевъ, для дѣлъ гражданскихъ, исключительно между мусульманами.

При составленіи сихъ положеній и правилъ, руководящею мыслью, какъ уже сказано выше, служило то основное начало, чтобы, избѣгая рѣшительныхъ нововведеній, не совмѣстныхъ съ тогдашнихъ неустановившимъ положеніемъ края, воспользоваться и формами судовъ уже существовавшими и узаконеніями еще неотмѣненными, по скольку они не противорѣчили новому государственному и христіанскому порядку, не лишая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мусульманскаго населенія того высокаго покровительства, которое даровано ему было въ прокламаціи государя.

¹⁾ Изъ перваго отчета князя Дондукова-Корсакова отъ 13-го іюля 1878 г.

Касательно внутренняго порядка судебного устройства главная задача заключалась въ томъ, чтобъ въ составъ судовъ ввести лицъ болгарскаго происхожденія, получившихъ среднее, а по возможности, и высшее образованіе; опредѣлить съ точностью предметы вѣдомства каждаго суда, установить твердый, но простой и не сложный порядокъ производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и обезпечить за судебными рѣшеніями возможность дѣйствительнаго приведенія ихъ въ исполненіе, что при прежнемъ турецкомъ правительствѣ достигалось лишь съ большими затрудненіями.

В. По части финансовой. Во время продолжительныхъ своихъ досуговъ, прерванныхъ только службою по крестьянскому дѣлу, а потомъ въ Царствѣ Польскомъ и въ должности московскаго городскаго головы, князь Черкаскій серьезно изучалъ финансовое право и считалъ себя знатокомъ по этой части. Вступая въ должность завѣдующаго гражданскою частью, т. е. въ сущности правителя вновь, исподоволь, среди военныхъ дѣйствій, складывавшейся Болгаріи, князь Черкаскій всѣ финансовыя вопросы, возникавшіе на практикѣ при его новой дѣятельности, обсуждалъ самъ и не считалъ необходимымъ имѣть для сего какое-либо особое лицо. Впослѣдствіи онъ имѣлъ въ виду пригласить какого-либо специалиста собственно для устройства финансовыхъ порядковъ и наблюденія за финансовыми учрежденіями края.

Дѣйствуя при обстоятельствахъ совершенно неустановившихся, князь Черкаскій твердо рѣшился, по части финансовой, ограничиться только собраніемъ матеріаловъ объ ея устройствѣ въ Болгаріи при турецкомъ правительствѣ; возстановленіемъ кассъ и низшихъ финансовыхъ учреждений, завѣдующихъ собственно сборами и расходами всякихъ денежныхъ поступленій; принятіемъ мѣръ къ охраненію поступающихъ суммъ и вообще къ собранію силъ и средствъ страны и упорядоченію дѣйствій администраціи по сбору податей съ населенія. Всѣ свои дѣйствія онъ считалъ временными и полагалъ невозможнымъ приступить къ кореннымъ реформамъ существовавшей финансовой системы, потому что и времени было для сего недостаточно, и сравнительно незначительный районъ, занятый нашими войсками, не давалъ средствъ изучить на практикѣ тѣ условія края, народнаго быта, промышленности и торговли, ко-

торыя слѣдовало положить въ основаніе всѣхъ по сему предмету соображеній. Подобное право, по его взгляду, должно было всецѣло предоставить будущему національному правительству. Только оно могло перейти къ какимъ-либо новымъ финансовымъ системамъ, наиболѣе согласнымъ съ обстоятельствами мѣста и потребностями народа. Навязывать же ему что-либо спѣшное, выработанное людьми, мало знакомыми съ мѣстными условіями и дѣйствовавшими среди тревогъ браннаго времени—онъ считалъ несоотвѣтственнымъ.

При такомъ взглядѣ на дѣло, очевидно, что дѣйствія князя Черкаскаго по финансовой части не были особенно обширны и оживлены, но во всякомъ случаѣ они были цѣлесообразны и плодотворны.

Параллельно принятію мѣръ къ упроченію въ краѣ гражданскаго порядка, разработаны были и надлежащія инструкціи для первоначальнаго устройства и взисканія податей. Одна изъ большихъ податей—бедель—взимавшаяся съ христіанскаго населенія за изытіе отъ воинской повинности, была уничтожена совершенно (5 іюня 1877 г.). За симъ особое вниманіе обращено было на устройство десятинной подати, столь тяжело ложившейся на населеніе Болгарскаго края при турецкомъ правительствѣ, не столько своею величиною, сколько способомъ взиманія посредствомъ откупщиковъ, дозволявшихъ себѣ крайнія злоупотребленія и высасывающихъ жизненныя силы изъ забитаго населенія.

Десятинный налогъ съ хлѣбныхъ полей и луговъ, согласно прокламаціи великаго князя главнокомандующаго, съ начала 1878 г. отмѣненъ навсегда съ замѣною его поземельною податью, взимаемой на правильныхъ основаніяхъ.

По прочимъ податамъ тоже были выработаны особыя правила, но по повелѣнію главнокомандующаго взиманіе податей съ населенія занятаго края временно было пріостановлено, впрочемъ только въ смыслѣ принятія понудительныхъ мѣръ противъ неплательщиковъ; вносимыя же подати принимались и даже удерживались изъ денежнаго вознагражденія, слѣдовавшаго населенію за реквизиціонныя поставки.

Приняты были также мѣры къ возстановленію правильнаго дѣйствія таможенъ, находившихся какъ по линіи Дуная на границѣ,

такъ и внутри края. Очевидно, что эту часть службы пришлось оставить, на первое время, безъ всякаго измѣненія противъ существовавшихъ при турецкомъ правительствѣ порядковъ. Однако, нужды войскъ заставили сдѣлать значительныя послабленія при пропускѣ въ край (черезъ Систовъ) заграничныхъ товаровъ, такъ:

во - первыхъ, освобождены были отъ всякихъ ввозныхъ пошлинъ всѣ транспорты: Краснаго Креста, товарищества Горвица и К^о, продовольствовавшего войска арміи, войсковыхъ маркитантовъ и комиссіонерства Новосельскаго, и во - вторыхъ, допущенъ беспошлинный ввозъ, черезъ всѣ дунайскія таможи, соли, строительнаго дерева и всѣхъ вообще предметовъ отопленія.

Съ другой стороны, въ виду той же потребности войскъ въ теплой одеждѣ, запрещенъ былъ вывозъ изъ Болгаріи всякаго рода овчинъ. Въ тѣхъ же видахъ возможнаго облегченія нуждъ войскъ и солдата, порядокъ взиманія акциза съ табаку оставленъ прежній, безъ принятія особыхъ охранительныхъ мѣръ къ прекращенію бандерольной его продажи.

Несмотря на такія обстоятельства, значительно вліявшія на уменьшеніе поступленія денежныхъ сборовъ, а также и на то, что большая часть турецкаго населенія бѣжала изъ Болгаріи, изъ сборовъ таможенныхъ, отъ акциза и отъ аренды казенныхъ имуществъ, а частію и отъ поступленія податей (десятины и верги) всѣхъ доходовъ, до половины февраля 1878 г., поступило до четырехсотъ тысячъ рублей, на счетъ коихъ и содержалась администрація санджаконъ—Тулчинскаго, Тырновскаго, Систовскаго и отчасти Рушукскаго. Затѣмъ, эти доходы стали быстро возрастать и къ 9-му мая 1878 г., т. е. ко дню замѣны гражданскаго управленія при арміи управленіемъ императорскаго комиссара, цифра всѣхъ сборовъ, сдѣланныхъ гражданскимъ управленіемъ, достигла 1.300.000 рублей, изъ коихъ 500.000 было израсходовано на содержаніе администраціи, 100.000 руб. возвращены въ суммы государственнаго казначейства, а 700.000 руб. находились въ наличности. На эту наличность падалъ долгъ полевому казначейству въ 404.736 рублей 65 коп.; за покрытіемъ этого долга свободныхъ суммъ было бы 295.264 рубля.

Что касается до части организаціонной, то за время управле-

нія князя Черкасаго, во-первыхъ, возобновлены, по мѣрѣ возможности, кассы сборщиковъ, существовавшія въ округахъ; во-вторыхъ, для наблюденія за финансовыми дѣлами въ санджакахъ, опредѣлены при каждомъ губернаторѣ совѣтники по дѣламъ казеннаго управленія, и въ-третьихъ—разработаны правила о санджаковыхъ казначействахъ, въ которыхъ должны были содержаться всѣ суммы, поступавшія въ счетъ доходовъ Болгарскаго края. Казначейства эти организовались, по требованіямъ завѣдывавшаго гражданскою частью, распоряженіемъ главнаго полеваго казначея, въ вѣдѣніи коего и считались. Составленіе положенія о санджанковыхъ казначействахъ нѣсколько затянулось и было утверждено уже послѣ смерти князя Черкасаго—20 февраля 1878 г.¹⁾

Въ видахъ устройства мѣстнаго кредита, гдѣ было возможно, возстановлялись ссудо-сберегательныя кассы, учрежденныя въ Болгаріи Митхадомъ-пашой. Вообще о нихъ собирались и были собраны весьма обстоятельныя свѣдѣнія для руководства въ будущемъ.

Г. По части военной. По этой части сдѣлано было менѣе всего, что и понятно, такъ какъ во время войны никакихъ болгарскихъ военныхъ учреждений не существовало, а болгарское ополченіе входило въ составъ дѣйствующей арміи и было въ полномъ вѣдѣніи военныхъ властей. По инструкціи, гражданское управленіе обязано было содѣйствовать правильному содержанію и развитію болгарскаго ополченія, а въ будущемъ, когда оно (управленіе), по образованіи Болгарскаго княжества, становилось уже болгарскимъ правительствомъ, на него распространялась обязанность озаботиться правильной организаціей военнаго устройства въ молодомъ государствѣ.

Попытки князя Черкасаго о развитіи болгарскаго ополченія, какъ это изложено выше, были многочисленны, но къ благимъ результатамъ не привели. Что касается до будущаго военнаго устройства края, то само собою разумѣется, что до опредѣленія мирнымъ договоромъ основныхъ условій существованія Болгаріи, никакихъ подробныхъ мѣропріятій исполнено быть не могло. Въ предвидѣніи

¹⁾ Вошли въ V выпускъ «Сборника офф. распоряженій и документовъ по Болгарскому краю».

же того, что болгарскія дружины, во всякомъ случаѣ, должны были войти въ составъ болгарскаго войска, гражданское управление обязано было приготовить всѣ предположенія къ пополненію его рядовъ правильнымъ призывомъ молодыхъ людей на службу, пользуясь самымъ удобнымъ случаемъ. Таковыя правила, на основаніи общеобязательной воинской повинности и двухлѣтней службы въ войскахъ, были разработаны еще въ Бюгетѣ и дѣйствительно, съ полнымъ успѣхомъ, примѣнены къ первому призыву на военную службу, свыше семи тысячъ болгаръ, исполненному въ началѣ мая 1878 г.

Относительно будущаго военнаго устройства края, князь Черкасскій, предоставляя подробности дѣла болѣе его компетентнымъ военнымъ людямъ, ясно сознавалъ, что въ какихъ бы размѣрахъ ни возродилась Болгарія, она долгое время не будетъ имѣть возможности содержать въ мирное время сильную армію и должна будетъ прибѣгнуть къ такому устройству военныхъ силъ, при которомъ бы большая часть подростящаго молодаго мужскаго населенія поступала въ постоянныя войска, обучалась тамъ въ возможно короткое время — не менѣе однако двухъ лѣтъ — и, возвращаясь затѣмъ въ свои дома, составляла бы запасъ, готовый во всякое время, въ случаѣ надобности, стать подъ знамена и довести армію до желаемаго размѣра. Такимъ образомъ въ основаніе военной системы слѣдовало положить общеобязательную воинскую повинность и короткій срокъ службы въ войскахъ. Для лучшаго подготовленія молодыхъ людей къ военной службѣ, а главное для усиленія вооруженныхъ силъ Болгаріи на первое время ея существованія, когда можно было рассчитывать на сильный подъемъ народнаго духа и особое одушевленіе, князь Черкасскій полагалъ обратиться къ широкому развитію гимнастическо-стрѣлковыхъ обществъ.

Впослѣдствіи, по проекту военнаго министерства, болгарскія военныя силы получили весьма стройную организацію, и въ населеніи, по мысли князя Черкаскаго, образованы стрѣлковыя общества. Изъ донесенія военному министру, начальника штаба 4-го армейскаго корпуса генераль-маіора Духонина, отъ 28-го августа 1879 г. № 24, составленнаго въ Адрианополѣ по выходѣ нашихъ оккупационныхъ войскъ, видно, что въ то критическое время въ предѣлахъ Восточной Румелии, т. е. въ Филиппольскомъ и Сливенскомъ

санджакахъ, кромѣ милиціи въ 7.500 чел., было 14-ть гимнастическо-стрѣлковыхъ друществъ, въ которыхъ числилось 64.000 пѣшихъ вооруженныхъ людей и 1.000 всадниковъ. Въ запасахъ друществъ находилось до 12.000 ружей. Какъ видимъ, основные принципы князя Черкаскаго по устройству военной части Болгаріи были осуществлены въ полномъ объемѣ. Имъ же избранный для завѣдыванія военнымъ устройствомъ Болгаріи, генеральнаго штаба генераль-маіоръ Золотаревъ (Рушукскій губернаторъ)—былъ назначенъ управляющимъ военнаго отдѣла совѣта управленія.

Въ видѣ завершенія всѣхъ своихъ предположеній объ устройствѣ возникавшаго государства, князь Черкасскій, за нѣсколько часовъ до своей смерти, 18-го февраля 1878 года подалъ главнокомандующему въ Санъ - Стефано послѣднюю свою работу — «Проектъ учрежденія управленія княжества Болгарскаго» со штатами и «Записку о генераль-губернаторахъ».

Первый документъ состоялъ изъ XV статей, главнѣйшія изъ которыхъ были:

I. Во главѣ всѣхъ правительственныхъ учрежденій княжества Болгарскаго, находится императорскій російскій верховный комиссаръ, назначаемый высочайшею властью. Его права и обязанности опредѣляются особымъ наказомъ ¹⁾.

II. Для руководства текущими дѣлами управленія и разработки, въ законодательномъ порядкѣ, различныхъ проектовъ и положеній, при верховномъ комиссарѣ состоитъ «совѣтъ управленія княжества Болгарскаго».

IV. Совѣтъ управленія состоитъ изъ девяти членовъ, назначаемыхъ высочайшею властью. Сверхъ того, членами совѣта считаются, по занимаемымъ ими мѣстамъ, экзархъ и всѣ болгарскіе епархіальные архіереи, которые для присутствованія въ совѣтѣ вызываются

¹⁾ Проектъ наказа только еще соображался. Для его составленія необходимо было знать условія мирнаго договора и имѣть согласіе правительства на проектъ образованія высшихъ учрежденій княжества Болгарскаго. Составленіе наказа князь Черкасскій отлагалъ до поѣздки въ Петербургъ, гдѣ думалъ получить ближайшія указанія на обязанности и предѣлы власти императорскаго комиссара.

въ порядкѣ, опредѣляемомъ императорскимъ комиссаромъ по соглашенію съ экзархомъ.

VI. По распоряженію верховнаго комиссара назначаются: одинъ изъ членовъ совѣта завѣдующимъ дѣлами совѣта, а другой директоромъ его канцелярiи.

VII. Каждый изъ прочихъ свѣтскихъ членовъ совѣта получаетъ званіе главноуправляющаго и завѣдуетъ особо одною изъ слѣдующихъ частей управленія: 1) внутренними дѣлами; 2) финансовыми; 3) дѣлами учебными и духовными; 4) судебною частью; 5) военными дѣлами; 6) почтой, телеграфами, путями сообщенія и общественными работами и 7) контролемъ.

IX. Разсмотрѣнію совѣта управленія подлежатъ: во-первыхъ—всѣ дѣла, внесеніе въ него коихъ будетъ указано верховнымъ комиссаромъ; во-вторыхъ—дѣла по всѣмъ частямъ управленія, требующія новаго закона или принятія общихъ мѣръ; въ-третьихъ—дѣла по всѣмъ частямъ управленія, рѣшеніе коихъ превышаетъ власть, предоставленную начальникамъ отдѣльныхъ частей управленія, и въ-четвертыхъ—отчеты по всѣмъ учрежденіямъ.

XI. Дѣла въ совѣтѣ разсматриваются коллегіально и рѣшаются большинствомъ голосовъ. При раздѣленіи голосовъ поровну, перевѣсъ отдается той сторонѣ, съ которою согласенъ предсѣдатель. Для законности рѣшеній совѣта необходимо присутствіе, кромѣ предсѣдателя, трехъ членовъ.

XII. Всѣ журналы совѣта представляются верховному комиссару, который или утверждаетъ ихъ, или, принимая на себя отвѣтственность, предлагаетъ совѣту направить дѣло согласно его указаніямъ.

«Запиской о раздѣленіи княжества на два генераль-губернаторства», предполагалось отнести: къ сѣверному—санджакъ Систовскій, Рушукскій, Варненскій, Тульчинскій, Тырновскій и Софійскій, и къ южному—санджакъ Филиппольскій и Сливенскій. Генераль-губернаторъ южной Болгаріи вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и вице-предсѣдателемъ совѣта управленія.

18-го февраля, на послѣднемъ докладѣ великому князю главнокомандующему, князь Черкасскій, передавъ ему «Проектъ учрежденія совѣта управленія» и «Записку о генераль-губернаторахъ», закончилъ свое служеніе дѣлу. Ближайшихъ свѣдѣній о томъ, на какихъ именно основаніяхъ вводилось княземъ Черкасскимъ первоначальное гражданское управленіе въ Болгаріи, что онъ предполагалъ сдѣлать въ будущемъ и что было сдѣлано ко дню мира—никогда не было изложено ни въ отчетѣ, ни въ какомъ-либо особомъ докладѣ. Между тѣмъ, со смертью князя, необходимо было выяснитъ все это и сообщить въ Петербургъ, какъ для соображеній при составленіи наказа и инструкцій императорскому комиссару, такъ и для свѣдѣнія князя Горчакова, который, по телеграфу, просилъ главнокомандующаго о присылкѣ этихъ данныхъ, нужныхъ ему и для представленія на предстоящемъ конгрессѣ.

По порученію главнокомандующаго мною были составлены три записки: въ первой, отъ 23-го февраля 1878 г., изложены основныя правила, которыми покойный князь Черкасскій имѣлъ въ виду руководствоваться при введеніи въ княжествѣ Болгарскомъ правильнаго государственнаго устройства; вторая, отъ 28-го февраля, «о принципахъ, которыми руководствовалась гражданская администрація Болгаріи, при установленіи первоначальнаго управленія краемъ», и третья, отъ 1-го марта 1878 г., «о положеніи гражданскаго управленія въ Болгаріи ко времени заключенія мира т. е. къ 19-му февраля 1878 г.».

Оканчивая составленіе записокъ, я докладывалъ содержаніе записокъ главнокомандующему, который внимательно выслушивалъ ихъ содержаніе, прерывая чтеніе разспросами и требованіями подробнѣе объяснить то или другое мѣсто. 28-го февраля, по прочтеніи записки о томъ, что было нами сдѣлано къ 19-му февраля, главнокомандующій сказалъ:

— Неужели все это сдѣлано и приведено въ исполненіе? Я никакъ не ожидалъ, чтобы по гражданскому управленію вы столько поработали.

— Въ запискахъ приведены только факты самыя точныя; ихъ всегда можно провѣрить,—отвѣчалъ я.

— Однако, покойный ничего мнѣ объ этомъ не докладывалъ.

— Князь Владиміръ Александровичъ не любилъ говорить о своихъ трудахъ; онъ работалъ для дѣла, а не для оглашенія о своей дѣятельности. Если онъ не докладывалъ вашему высочеству объ общемъ положеніи работъ, то это можно объяснить, во-первыхъ, тѣмъ, что текущія злобы дня отнимали у него возможность сдѣлать это, а во-вторыхъ, большинство принятыхъ имъ мѣръ, о которыхъ говорится въ запискѣ, послѣдовали по предварительномъ утвержденіи высочайшею властью или непосредственно вами, и безъ сомнѣнія князь Черкасскій полагалъ, что обстоятельства эти сохранились въ вашей памяти.

— Нѣтъ, нѣтъ, общая группировка фактовъ и представленная вами картина были мнѣ неизвѣстны. Очень жалю, что я не зналъ объ этомъ. Ваши записки будутъ очень интересны для министерства иностранныхъ дѣлъ; передайте ихъ Николаю Павловичу (графу Игнатьеву) и скажите, что я вполне одобряю ихъ содержаніе.

Послѣ такого милостиваго отзыва, я доложилъ его высочеству, что покойный князь, еще въ Бюро, задумалъ составленіе подробнаго отчета о дѣятельности гражданскаго управленія, и что работа было началась, но ходъ событій прервалъ начатый трудъ, отъ котораго осталось весьма немного.

Откровенное заявленіе главнокомандующаго о незнаніи имъ совокупности результатовъ дѣятельности князя Черкасскаго по гражданскому управленію глубоко врѣзалось въ мою память и тогда же было занесено въ мой дневникъ. Только много лѣтъ спустя выяснилось мнѣ, почему главнокомандующій такъ заинтересовался моими записками и почему, выслушавъ ихъ, выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что не зналъ прежде о результатахъ занятій князя Черкасскаго.

Въ началѣ 1889 г. мнѣ стало извѣстнымъ содержаніе всеподданнѣйшаго письма главнокомандующаго отъ 13-го февраля 1878 года изъ Санъ-Стефано. Въ немъ, между прочимъ, написано: «Мнѣ пріятно также, что мы съ тобою сошлись въ выборѣ князя Дондукова комиссаромъ и командующимъ оккупационными войсками въ Болгаріи. Я именно хотѣлъ тебѣ объ этомъ писать и просить. Долгомъ считаю тебѣ конфиденціально сказать, что я совершенно

недоволенъ княземъ Черкасскимъ въ отношеніи его управленія гражданскою частью въ Болгаріи. По этой части, почти что до сей минуты имъ ничего не сдѣлано и не подготовлено. Напротивъ, по дѣламъ Краснаго Креста, онъ выказалъ много энергіи и умѣнья. Князь Черкасскій теперь серьезно боленъ, и если выздоровѣетъ, то возстановленіе здоровья потребуетъ много времени. Его обращеніе съ болгарами и вообще съ подчиненными возбудило съ перваго начала уже нерасположеніе къ нему и росло оно все болѣе и болѣе; и лично съ нимъ ладилъ, хотя признаюсь — работать съ нимъ не легко. Теперь, по случаю его болѣзни, возможна замѣна его другимъ лицомъ: его страшное самолюбіе не будетъ такъ раздражено, и замѣну его для пользы дѣла нахожу до крайности необходимымъ».

Письмо это дошло до Петербурга уже послѣ смерти князя Черкасаго и было единственнымъ, въ которомъ главнокомандующій дѣлалъ оцѣнку его дѣятельности и говорилъ о своихъ къ нему отношеніяхъ. Заключенія главнокомандующаго были, какъ видимъ, основаны на неполномъ ознакомленіи съ дѣломъ, а потому въ главномъ не соотвѣтствовали дѣйствительности. Пріятно замѣтить, что разъясненіе дѣла содержаніемъ моихъ записокъ вызвало и со стороны его высочества выраженіе сожалѣнія. Очевидно, что, дѣлая свой отзывъ о князѣ Черкасскомъ и говоря, что онъ ничего не сдѣлалъ и не подготовилъ по гражданской части, главнокомандующій дѣйствовалъ только по прискорбному недоразумѣнію.

Всѣ предположенія князя Черкасаго объ образованіи центрального управленія Болгаріи, за исключеніемъ раздѣленія ея на два генераль-губернаторства, были утверждены въ Петербургѣ и приведены въ исполненіе за самыми незначительными измѣненіями, чисто редакціоннаго характера. Генераль-адъютантъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ назначенъ императорскимъ російскимъ комиссаромъ въ Болгаріи и при немъ образованъ «совѣтъ управленія княжества Болгарскаго».

Въ инструкціяхъ, данныхъ князю Дондукову-Корсакову 10-го апрѣля 1878 г. за №№ 30 и 32, всѣ вообще основанія, примененныя княземъ Черкасскимъ на практикѣ или имѣвшіяся еще въ виду,

были одобрены и многое изъ нихъ приведено въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ это было изложено завѣдывавшимъ гражданскими дѣлами. Измѣненіе сдѣлано только въ значеніи совѣта управленія; по проекту князя Черкаскаго, члены его назначались высочайшею властью, и дѣла въ совѣтѣ рѣшались по большинству голосовъ, между тѣмъ какъ по положенію, одобренному въ Петербургѣ, совѣтъ сдѣланъ учрежденіемъ чисто совѣщательнымъ и назначеніе его членовъ предоставлено самому комиссару. Такимъ образомъ, «совѣтъ управленія княжества Болгарскаго» лишень былъ той самостоятельности, какую хотѣлъ ему придать князь Черкасскій, и въ сущности былъ не совѣтомъ княжества, а совѣтомъ императорскаго комиссара. Такое измѣненіе, впрочемъ, можно назвать исправленіемъ. Новому совѣту приходилось дѣйствовать крайне непродолжительно и спѣшно; руководить его работами изъ Петербурга не было возможности, и по необходимости слѣдовало ограничиться тѣмъ, что совѣтъ самъ сдѣлаетъ на мѣстѣ по указаніямъ императорскаго комиссара.

Кромѣ этого существеннаго измѣненія, число членовъ совѣта ограничено семью, и должности вице-предсѣдателя не учреждено. Число членовъ уменьшено отъ соединенія отдѣла внутреннихъ дѣлъ съ почтами и телеграфами и отъ необразованія совѣтъ отдѣла контрольнаго; директоръ канцеляріи назначенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и завѣдующимъ дѣлами совѣта, и всѣ начальники отдѣловъ (члены совѣта) названы управляющими, а не главноуправляющими, какъ было въ проектѣ. Самое положеніе о совѣтѣ утверждено императорскимъ комиссаромъ 26-го октября 1878 года и объявлено подъ заглавіемъ: «Предметы вѣдомства и кругъ власти членовъ совѣта, управляющихъ отдѣлами и директора канцеляріи». Въ этомъ постановленіи 26 статей; изъ нихъ 14 взяты цѣликомъ изъ проекта князя Черкаскаго, одна (12-ая) составлена взамѣнъ 11-й ст., а остальные относятся исключительно до порядка дѣлопроизводства и правъ службы чиновниковъ.

Проектъ штатовъ, составленный княземъ Черкасскимъ, тоже былъ принятъ цѣликомъ, но съ увеличеніемъ окладовъ содержанія и отпуска денегъ на общіе расходы. Оклады увеличены однако немного, кромѣ членовъ совѣта, которымъ, вмѣсто предполагавшихся 8 тысячъ руб. каждому, назначено по 15 тыс. руб. На писцовъ и

канцелярскіе расходы, вмѣсто 13 тысячъ, ассигновано 20 тысячъ рублей.

Подводя итоги дѣятельности князя Черкаскаго по гражданскому управленію въ Болгаріи, по справедливости слѣдуетъ сказать, что на него пало не только бремя управленія краемъ во время войны, но и составленіе всѣхъ проектовъ и положеній для возстановленія и созданія вновь различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, организація окружныхъ и губернскихъ административныхъ органовъ, изученіе вопросовъ экономическихъ, а также относящихся до народнаго образованія и положенія мѣстнаго православнаго духовенства; проектированіе судебной реформы и, наконецъ, составленіе устава центральнаго управленія, дѣйствительно осуществленнаго на практикѣ, хотя и въ менѣ самостоятельномъ видѣ, чѣмъ это имъ предполагалось. Словомъ, ко дню заключенія Санъ-Стефанскаго договора, князь Черкасскій ввелъ правильную администрацію въ край, начерталъ проектъ будущаго центральнаго управленія и успѣлъ не только покрыть всѣ расходы полученными съ края доходами, но и сдѣлалъ еще нѣкоторый запасъ наличными деньгами, сохранивши почти нетронутыми податные ресурсы. Если припомнить, что въ послѣднее время онъ работалъ, зная, что не ему придется приводить въ исполненіе его работы по устройству новаго государства, то нельзя не сказать, что онъ не только сдѣлалъ все, что ему надлежало, но и гораздо болѣе... Его преемнику достался край не только съ стройной и хорошо дѣйствовавшей администраціей, но и съ массой вполнѣ разработанныхъ проектовъ, изъ которыхъ проекты судебной реформы и устройства совѣта управленія почти буквально, безъ дальнѣйшей работы, приведены были въ осуществленіе. Вообще, преемнику его не пришлось озабочиваться никакими новыми организаціонными работами по администраціи края, а можно было довольствоваться развитіемъ уже сдѣланнаго и осуществленіемъ подготовленнаго. Государственное устройство возрождавшейся Болгаріи было не въ однихъ мечтаніяхъ и неясныхъ представленіяхъ, а существовало уже на дѣлѣ въ цѣломъ рядѣ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, поставленныхъ на началахъ строго соображеннаго единства и отчетливо выполненныхъ

человѣкомъ энергичнымъ, способнымъ и знавшимъ свое дѣло, которому посвятилъ всѣ силы своей души и за которое сложилъ свою голову.

Оправдалось обѣщаніе князя Владиміра Александровича, помѣщенное въ письмѣ къ военному министру 20-го января 1878 г. «Еще полнѣе и добросовѣстнѣе, если возможно, чѣмъ въ прежнее время, будутъ послѣдніе дни моего здѣсь пребыванія посвящены возложеннымъ на меня высочайшею волею временнымъ занятіямъ, и ничто, конечно, не будетъ мною опущено, что можетъ въ будущемъ сколько нибудь облегчить дѣятельность лица, избраннаго до вѣрїемъ государя».

Остается сказать нѣсколько словъ о мысляхъ князя Черкаского относительно будущаго политическаго устройства княжества Болгарскаго. Введенію въ Болгаріи національнаго правительства, князь Черкасскій предполагалъ предпослать весьма продолжительный періодъ русской оккупации. О кратковременномъ нѣскольکو-мѣсячномъ занятіи Болгаріи онъ и не думалъ. Самое малое для этого время онъ опредѣлялъ въ два, полтора года, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ допускалъ, что мы останемся тамъ три года. Въ виду такой продолжительной оккупации, вопросъ о политическомъ устройствѣ края не считался имъ въ числѣ требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія; для обсуждения его было много времени впереди, а главное во время войны не было возможности изучить край, особенности и потребности населенія, безъ чего всѣ политическіе планы оказались бы построенными на пескѣ. «Все придетъ въ свое время, — говорилъ онъ; — край освобожденъ, надо его успокоить, собрать его силы, изучить во всѣхъ подробностяхъ, а тамъ явится возможность серьезно говорить и о политикѣ». Тѣмъ не менѣе приготовляясь къ будущимъ работамъ, князь (изъ Бюгота) выписалъ тексты конституцій Сербіи, Румыніи и Греціи и, по полученіи ихъ, прежде всего хотѣлъ изучить вопросъ о порядкѣ удаленія изъ предѣловъ названныхъ трехъ государствъ бывшихъ распорядителей ихъ судебъ — турокъ. Извѣстно, что турки совершенно выселились изъ Сербіи, Румыніи и Греціи. Опытомъ прошлаго князь Черкасскій хотѣлъ воспользоваться для скорѣйшаго достиженія той же цѣли въ Болгаріи. Запрещеніе туркамъ оставаться и владѣть имуществомъ въ дерев-

няхъ, сосредоточеніе ихъ въ городахъ и, наконецъ, обязательный выкупъ ихъ городскихъ имуществъ—вотъ что болѣе всего занимало князя Черкаскаго при обсужденіи будущей политики вновь создавшейся Болгаріи. Приведись ему поработать въ этомъ направленіи, онъ, безъ сомнѣнія, освободилъ бы Болгарію не только отъ церксовъ, но и отъ большей части турокъ, съ умысломъ разселенныхъ султанами въ разныхъ частяхъ страны. Не оставилъ бы онъ безъ вниманія и вопроса о возвращеніи помаковъ (потурченныя болгары) къ вѣрѣ своихъ праотцевъ.

Д. Анучинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Приказъ помѣщицы П. М. Черниковой о выборѣ рекрутъ.

Деревни «Китаево» бурмистру Васькѣ Лютому.

П Р И К А З Ъ.

Уведомилась я, что съ моей экономіи скоро рекрутовъ брать будутъ, а по сему изволь, получивъ сіе, немедля собрать сходъ и миромъ выбрать рекрутовъ; да чтобъ выбирали изъ самыхъ отпетыхъ, ненадежныхъ, питьемъ балующихъ, беглыхъ, чѣмъ-либо подмеченныхъ и чтобы межъ ими не попало человѣка хорошаго, трезваго поведенія; а буде то—берегись Васька самъ.

Прошку конюха сдать безпремѣнно, а Гришку, беглаго отъ Маѣра Юрасовскаго заковать и подъ крепкимъ карауломъ свѣзти въ сдачу, понеже Маѣръ Юрасовскій уведомилъ меня письмомъ, что онъ отъ Гришки вовсе отступился и знать его совсѣмъ не хочетъ.

Обо всѣхъ выбранныхъ въ рекруты отпущи немедля ко мнѣ и дай доказательство, что эти люди—дурные люди и что выбраны они не по нападеамъ мира; ихъ же, особливо Гришку, свести въ сдачу бережно, чтобы они съ дороги не утекли и лиха ни какого не учинили бы и тебѣ бы не пришлось, особливо за утечку ихъ, въ отвѣтъ быть.

Помещица ротмистерша Прасковья Михайлова Черникова.

Сообщилъ Князь А. Л. Голицынъ.

Въ Орлѣ.
1817-го года.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА

В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину ¹⁾.

1.

13 (25) апрѣля 1830 г.

Ты вѣрно сердишься на меня за мое молчаніе, мой милый, рѣзвый котикъ. Прошу тебя, не сердись и продолжай по-прежнему быть милостивъ и ко мнѣ и къ моему малюткѣ (Воейкову), о которомъ заботы твои трогаютъ меня до глубины сердца. Твоя жена знала нѣсколько его несчастную мать; ея судьба пускай ходатайствуетъ передъ тобою за ея сына. Продолжай, прошу тебя, извѣщать императрицу, но адресуй по-прежнему письма къ Шамбо, дабы это имѣло видъ officialный; что тебѣ до молчанія Шамбо! вѣдь ты не къ нему пишешь, а пишешь къ императрицѣ. Для меня же весьма важно, чтобы она была, такъ сказать, въ прямомъ сношеніи съ моимъ сиротою посредствомъ тебя. На мое же молчаніе не сердись: я давно имѣю несчастную привычку откладывать писать письма и это вѣчно заведетъ меня слѣшкомъ далеко.

Надѣюсь на твою снисходительную дружбу, которой право стою, ибо люблю тебя постоянно по-прежнему и никогда, никогда любить не перестану.— Я еще не исполнилъ твоего порученія, но непремѣнно исполню. На всякой страхъ (случай?) соберу все, что есть Пушкина, нѣсколько альманаховъ и даже романовъ, ибо у насъ принялись за романы. Булгаринъ состряпалъ два, по моему мнѣнію, весьма плохихъ: «Иванъ Выжигинъ» въ родѣ «Жильблэза» и «Дмитрій Самованецъ», но есть и два прекрасныхъ: «Юрій Милославскій» Загоскина и «Монастырка», только первая часть, Перовскаго (Алексѣя). Сверхъ того вышелъ и полный переводъ Иліады

¹⁾ О Д. П. Северинѣ см. «Русскую Старину» 1896 г., № 1, стр. 79.

Гиддича. Журналы наши глупы по-прежнему и ведутъ между собою войну смертельную. Выберу лучшее и пришлю черезъ Нессельроде.—

Вотъ тебѣ нѣсколько вѣстей о нашихъ. Карамзинъ всѣ здѣсь и княгиня Мещерская съ мужемъ съ ними. На лѣто они ѣдутъ въ Ревель, а на будущій годъ вѣроятно отправятся за-границу, этого требуетъ здоровье Екатерины Андреевны. Вяземскій уже недѣли четыре какъ въ Петербургѣ; онъ вѣроятно вступитъ въ службу, а въ ожиданіи того лiteratorствуетъ и готовитъ изданіе полныхъ сочиненій Фонвизина, которое также доставлю тебѣ, какъ скоро оно выйдетъ. Блудовъ хвораетъ и служить; мы съ нимъ выдаемъ очень рѣдко, ибо каждый изъ насъ слишкомъ занятъ по своему. Дашковъ министерствуетъ вѣрою и правдою и женится на Пашковой, дочери Василя Александровича; Пушкинъ Александръ гуляетъ по Москвѣ. Пушкинъ Василій боленъ подагрой, а муза его водяною. Жихаревъ оберъ-прокуроритъ и желтѣетъ. О Батюшковѣ, который и теперъ въ Москвѣ, куда уже два года, какъ перевезенъ изъ Зонненштейна ¹⁾,—весьма худыя вѣсти: онъ почти при концѣ жизни и надобно желать, чтобы эта жизнь кончилась, чтобы его высокая душа вырвалась изъ тѣхъ цѣпей, которыя такъ страшно обременяли ее; надежды излѣченія для него нѣтъ никакой. Объ Иванѣ Ивановичѣ Дмитриевѣ слышу стороною, что онъ здоровъ и нисколько не вянетъ. Наконецъ, скажу о себѣ: живу въ своемъ кабинетѣ съ учебными книгами и не показываю никуда носа; мое дѣло идетъ довольно успѣшно, милый воспитанникъ мой ²⁾ разцвѣтаетъ, въ этомъ вся моя жизнь; все прочее миновалось, даже и поэзія, и въ память моей не найдешь ни одного стиха моей онѣмѣвшей музы. Прости, милый другъ, не забывай своего вѣрнаго Арзамаса и попроси любезную жену твою также не забывать его. Скажи мой поклонъ Фурману. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

2.

1832 года ³⁾.

Здравствуй, мой милый, рѣзвый котъ. Обнимаю тебя по арзамасски. Віолѣ отдасть тебѣ пакеты съ русскими новыми книгами, вышедшими въ теченіе 1831-го года, а я письменно благодарю тебя за твои дружескія добрыя попеченія о малюткѣ Воейковѣ, котораго снова поручаю въ твою милость. Если случится тебѣ покинуть твою Швейцарію и сдать

¹⁾ О пребываніи Батюшкова въ Зонненштейнѣ см. его біографію, составленную Л. Н. Майковымъ, С.-Петербургъ, изд. 1887 г. стр. 300. Р е д.

²⁾ Наслѣдникъ цесаревича, впоследствии императоръ Александръ II. Р е д.

³⁾ Рукою Северина написано на письмѣ: отъчалъ 10 (22) мая.

мѣсто другому кому, то поручи его сему послѣднему, передавъ ему и обязанность увѣдомлять о немъ государыню. Віулье—живая грамота, онъ расскажетъ тебѣ о томъ, что у насъ творится. О моихъ же подвигахъ рассказывать нечего, они не на виду. Видимые же заключаются въ двухъ томахъ балладъ, кои найдешь въ княжномъ паветѣ: между старыми есть и новыя, которыя поручаю твоей бархатной лапкѣ. Между нашими прежними арзамасцами есть уже два министра: Дашковъ и Блудовъ. Нашего почетнаго арзамасца Дмитріева видѣлъ я въ Москвѣ; онъ нисколько не пережился, здоровъ, пополнилъ я въ домѣ его все на старомъ мѣстѣ; недостаетъ одной Елизаветы Петровны. Полетика все тотъ же квакеръ, каковъ былъ. Вяземскій волочится по старому, хотя у него есть уже и брюшко. Я начинаю плѣшивѣть. Карамзинны здѣсь, здоровы, собираются въ Ревель, а оттуда въ Дерптъ на житье. Вотъ тебѣ вся наша карта. Прости. Положи меня къ стопамъ твоей любезной жены и люби по-прежнему. Твой Жуковский.

3.

31 іюля (12 августа) 1832 г. Эмсъ.

Рѣзвый котъ, погладь свою усатую морду своею бархатною лапкою: это будетъ значить, что къ тебѣ прійдетъ гость. А кто этотъ гость? Я, Святлана. Удивляешься этому, котъ? Чего на свѣтѣ не дѣлается? Я занемогъ; доктора, по высочайшему повелѣнію, приняли меня въ свои бархатныя лапы и положено было, чтобы я отправился въ Эмсъ пить воду и брать ванны, чтобы потомъ лѣчился виноградомъ, чтобы потомъ прожилъ зиму въ Италіи и чтобы, наконецъ, въ маѣ возвратился въ Петербургъ. Вотъ я и въ Эмсѣ: пилъ, купался. Теперь ѣду въ Висбаденъ на три недѣли, а оттуда отправлюсь въ Вевер на виноградъ. Это значить, что я пройду черезъ Бернъ, что мы съ тобою увидимся и что это весьма, весьма будетъ хорошо. Смотри же, чтобы я тебя нашелъ въ Бернѣ. Намъ пробыть вмѣстѣ будетъ не долго, но я поселюсь по твоему сосѣдству въ Вевер, гдѣ пробуду три недѣли. Всему этому я очень радъ. Приложенную записочку доставь немедленно *sh-me Wildemett*, она должна быть въ своемъ помѣстѣ близъерна. Если же нѣтъ ее тамъ, то прошу тебя позаботиться о немедленномъ доставленіи пакета туда, гдѣ она теперь. Отъ тебя надѣюсь узнать, гдѣ ее найти, если получишь ее отвѣтъ. Я просилъ ее писать ко мнѣ въ Бернъ, или на твое имя или *poste restante*. Прости, котикъ, до свиданья. Мой дружескій поклонъ твоей любезной кошечкѣ.—Вотъ мой маршрутъ: завтра покидаю Эмсъ, въ Висбаденъ

пробуду до 30-го августа, а въ Веве приѣду къ 15-му сентября. Итакъ съ тобою, вѣроятно, увижусь около 10-го сентября. Обнимаю тебя въ ожиданіи этой пріятной минуты.

4.

5 октября 1832 г Веве.

Мой милый котъ, пишу тебѣ нѣсколько строкъ изъ Веве (куда я приѣхалъ третьяго дня, то-есть 3-го октября). Я останусь здѣсь три недѣли, слѣдовательно до 26-го числа, потомъ отправлюсь въ Женеву черезъ Лозанну, гдѣ погляжу на старика Лагарпа. Но дѣло не о Лагарпѣ, а о коляскѣ. Ты удовлетворишь меня, если въ этой коляскѣ приѣдешь въ Женеву; тамъ мы и кончимъ торгъ нашъ. Хорошо бы было, если бы мнѣ уступилъ это великолѣпное созданіе вѣнскаго каретника за 2.000 рублей; если не можешь, то я согласенъ дать тебѣ и требуемую тобою сумму; только прошу тебя отложить уплату до моего возвращенія въ Петербургъ, гдѣ, по приѣздѣ моемъ, деньги отданы будутъ твоему банкиру. Второе условіе: ты возьмешь мою императорскую коляску въ Женевѣ и отѣдешь въ ней обратно въ Бернъ, гдѣ она и должна храниться, подъ эгидою нашей миссии, до удобнаго случая отправленія въ Петербургъ. Иначе, что могу съ нею сдѣлать? а такимъ образомъ ты избавишь меня отъ бесполезной издержки, не сдѣлавъ самъ никакой, ибо тебѣ нуженъ же будетъ экипажъ для возвращенія въ Бернъ. Наконецъ, третье: осмотри хорошенько коляску, дабы въ ней не было никакого такого несовершенства, отъ котораго могутъ приключиться хлопоты путешественнику; нѣкоторыя вещи нужно имѣть въ запасѣ, какъ-то шкворень, ремень для тормоза и тому подобное: все это можешь вѣдѣть сдѣлать на мой счетъ, только заранѣе, дабы мнѣ не жить по пустому въ Женевѣ. Нынче начинаю ѣсть виноградъ, дай Богъ, чтобы это пошло мнѣ въ прокъ. Я очень поправился съ отѣзда моего изъ Петербурга; но все чувствую большую слабость; сверхъ того, во мнѣ бродитъ ревматизмъ, это ни къ чорту не годится. Прости, милый котъ, до свиданія въ Женевѣ. Поцѣлуй за меня бархатную лапку твоей кошечки. Обнимаю тебя искренно твой Жуковскій.

5.

21 октября 1832 г.

На письмо твое, нацарапанное твоею бархатною лапкою, любезный мой рѣзвый котъ, отвѣчаю слѣдующее: не могу теперь приѣхать къ тебѣ въ Женеву, ибо возобновившіеся пароксизмы (тому уже третій день) моей болѣзни требуютъ, чтобы я сидѣлъ дома и былъ весьма покоенъ.

Я даже не пользуюсь такъ, какъ бы желалъ прелестною погодою: мой спутникъ Рейтернъ (вмѣстѣ съ Лори, который прѣѣхалъ къ намъ изъерна, и съ Килемъ, который прѣѣхалъ изъ Пятера и ѣдетъ въ Италию) разѣзжаетъ по берегамъ живописнаго Лемана и рисуется; а я тихонько прохаживаюсь вдоль по шоссе и ѣмъ виноградъ. Вотъ уже другой разъ, какъ эта бѣда со мною случилась, и это заставило меня совершенно исковеркать планъ моего путешествія. Я вѣдь не путешественникъ, а просто больной, которому нужно будущей весною возвратиться въ Петербургъ здоровымъ. Мнѣ всего нужнѣе провести самую спокойную, самую уединенную зиму въ южномъ климатѣ. Нѣтъ удобнѣе для этого мѣста, какъ теплый, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ уголокъ между Веве и Монтрѣ. Я и намѣренъ тутъ поселиться на всю зиму. Но одинъ на это никакъ не рѣшусь: скука задушитъ. Рейтернъ хочетъ тамъ же со всею семьей со мною поселиться въ моемъ уединеніи; онъ уже писалъ объ этомъ къ женѣ и послалъ ей нужныя деньги. Если ей можно будетъ прѣѣхать, то я останусь и не поѣду въ Италию. Если же нельзя будетъ устроить этого круга, то пушусь черезъ Альпы, хотя увѣренъ, что это мнѣ будетъ болѣе вредно, нежели полезно. Усталость отъ путешествія, удаленіе, самая жизнь, полная наслажденій новыхъ, но безпкойная и тревожная, и, наконецъ, возвращеніе, — все это не для больного, особенно не для моей болѣзни, которая требуетъ физическаго покоя. Долго, долго боролся я съ собою, наконецъ, разсудокъ побѣдилъ: я не имѣлъ права жертвовать удовольствію здоровьемъ; меня сюда не затѣмъ послали. Если останусь въ Веве съ семействомъ Рейтерна, то проведу зиму прекрасно, ибо у меня будетъ много занятій и время мое будетъ принадлежать совершенно мнѣ, а для веселаго разнообразія и отдыха ты подъ бокомъ. Въ концѣ сего мѣсяца рѣшится, остаюсь ли здѣсь или нѣтъ. До сей эпохи я не тронусь изъ Веве. Между тѣмъ нанялъ квартиру прекрасную, которую можно будетъ устроить на русской образецъ и такимъ образомъ могу смастерить себѣ теплую зиму въ уголкѣ, защищенномъ отъ сѣвернаго вѣтра.

Когда рѣшится моя участь (а она должна рѣшиться дней черезъ десять) увѣдомлю тебя. Увѣдомь, долго ли пробудешь въ Женевѣ и не вдумашь ли приплыть на пароходѣ въ Веве? Ты не ѣшь виноградъ, ты здоровъ, здѣсь теплѣе. А?

Цѣлую бархатную лапку у кошечки.

6.

9 (21) ноября 1832 г.

Мой милый Северинъ! наконецъ, моя судьба рѣшена, и я остаюсь въ своемъ гнѣздѣ на берегу Лемана. Помогни моему уединенію. Пришли

скорѣе каталогъ своихъ книгъ; вѣроятно, что мнѣ не многое изъ нихъ понадобится, но все не худо знать, что у тебя есть. Самонужнѣйшее для меня есть исторія Карамзина, которую прошу тебя выслать мнѣ немедленно. Также продолжай доставлять «Debatz» и «Сѣверную почту». Нѣтъ ли у тебя какого литературнаго журнала, напримѣръ, «Bibliothèque Universelle» или «Revue encyclopédique». Не худо имѣть ихъ, ибо надобно знать, что творится въ литературномъ свѣтѣ. Нѣтъ ли «Revue Britannique»? Можешь быть увѣренъ, что все будетъ сохранено и возвращено съ возможною точностью. Вотъ какія книги, которыя далъ мнѣ Лагарпъ (я желалъ бы имѣть эту книгу): *Geschichte des auslandes des polnischen Volks in den Jahren 1830 – 1831 von Rischard Otto Spazier Altenbourg. 1832. 2 Band.*—Ее можно имѣть черезъ бернскаго книгопродавца Jenni. Доставь мнѣ ее поскорѣе. При свиданіи сочтемся. Здѣсь пробуду безвыѣздно до половины апрѣля. Въ концѣ апрѣля явлюсь къ вамъ въ Бернъ, а въ началѣ мая отправлюсь чрезъ Вейльбахъ обратно на родину, вѣроятно, чрезъ Берлинъ, но заѣхавъ на двѣ недѣли въ Вейльбахъ, чтобъ повидаться тамъ съ моимъ котомъ и попить сѣрныхъ водъ. Если получишь какія-нибудь вѣсти изъ Россіи, увѣдомь. Обнимаю тебя и кошку.

7.

24 декабря 1832 г.

Благодарствую Каска за книги, коихъ, однако, я не получилъ еще. На сихъ дняхъ я также получилъ нѣчто красное, вязаное, теплое, при коемъ вмѣсто письма былъ № франкфуртскихъ газетъ. Воображая, что это вязанье пронстекаетъ изъ милыхъ рукъ или лапокъ твоей кошку, прошу тебя за меня поцѣловать сіи милыя лапки, сказавъ при томъ, что мои губы не могутъ достать изъ Верне доерна. Я соглашаюсь пересылать мягкіе листы Булгарина для употребленія Маріи Антоновны, но только прошу мнѣ прислать форму, какъ къ ней надписывать; съ полученія оной формы, газета будетъ отправляться исправно. Письмо за орломъ получено исправно; оно отъ великаго князя ¹⁾). Рейтернъ нарисовалъ три маленькихъ моихъ портрета, которые я намѣренъ къ нему, т. е. къ великому князю, переслать. Какъ вѣрнѣе: прямо ли черезъ почту или черезъ тебя, также по почтѣ? Думаю просто адресовать на имя Булгакова. — Мы живемъ мирно и порядочно; но нельзя сказать, чтобъ совсѣмъ здорово. Воронъ, грызущій меня,

¹⁾ Александра Николаевича.

отъ меня отстать не хочетъ, а Рейтернъ также похвариваетъ. Это печалитъ, и сердитъ, и мрачитъ будущее: что, если я отсюда поѣду такимъ же, каковъ прѣѣхалъ,—въ Петербургѣ будетъ еще хуже. Увидимъ, что скажетъ конецъ зимы. Нѣтъ ли у тебя Коховой исторiи европейскихъ государствъ; она въ трехъ томахъ съ картами, генеалогическими и хронологическими таблицами. Миѣ бы она была нужна для генеалогiи. Если есть, пришли. Изъ *memoires* я желалъ бы прочесть «*Memoires de Louis XVIII*»: хотя онѣ и подложныя, но прекрасно составлены, и авторъ мастерски поддѣлался къ своему герою.

Прости милый, обнимаю тебя и цѣлую еще разъ лапку кошурочки. Нынче 24 декабря, большой пиръ у Петербургскихъ моихъ дѣтей *Weihnachtsbaum*.

Поздравляю тебя съ будущимъ новымъ годомъ.

8.

11 (23) января 1833 г.

Посылаю тебѣ, коть, мое письмо къ Шамбо, къ которому прошу тебя присоединить экземпляръ свидѣтельства о моей жизни, нужнаго въ Петербургѣ для полученiя слѣдующихъ миѣ жалованiй денежныхъ всякаго рода. Прошу тебя сдѣлать это немедленно. Благодарю тебя, дорогая моя киска, за снабженiе меня книжными конфитюрами. Дюмона прочесть я съ особеннымъ удовольствiемъ: какая картина безумства и какое зеркало для нашего времени; но въ это зеркало никто не смотрится; и прежнее доказанное временемъ сумасшествiе принимаютъ теперь за высокую мудрость. Дочитываю четвертый томъ «*Записокъ Лудвига XVIII*» и жалѣю, что онѣ поддѣльныя: на нихъ печать истины. Пришли поскорѣ V и VI. Да нѣтъ ли у тебя «*Memoires d'un homme d'état*», приписываемыхъ Гарденбергу? Получаешь ли ты «*Berliner Politische Wochenblatt*»? Если нѣтъ, то совѣтую на него подписаться. Я подписался. Теперь читаю прошлый годъ и нахожу много прекраснаго. Революцiя порядочно достается и подѣломъ. Я получилъ письмо отъ Вяземскаго весьма милое и забавное. Пришлю его тебѣ, какъ скоро напишу отвѣтъ, а ты, его прочесть, самъ напиши къ Вяземскому: онъ сѣтуетъ на твое забвенiе и любитъ тебя по старому. Вяземскiй—славный человекъ, теперь опала его мнновалась, и онъ служить отечеству съ пользою въ санѣ вице-директора департамента виѣшной торговли. Не забавно ли? Какъ у насъ умѣютъ употреблять людей! Потребуй службы, у тебя не спросать, къ чему ты способенъ и къ чему готовъ, а толкнуть на первое

мѣсто, которое придется случайно въ голову. И русскій человекъ за все беретса и все какъ-то влеть.—Прости, котъ. Скоро книги тебѣ возвращу, а ты присылай новыхъ. Да все бы ты лучше сдѣлалъ, когда бы прислалъ мнѣ хоть выписку изъ твоего каталога. Посылку къ великому князю я рѣшился отправить прямо на имя Булгакова.

Дружескій поклонъ кыскѣ. Возвратилась ли m-elle Wildemett?

9.

12 (24) февраля 1833 г. Веве.

Здравствуй, душа моя, котъ. Посылаю тебѣ пакетъ, заключающій въ себѣ брошюру, которую прошу переслать съ курьеромъ въ Петербургъ по адресу. Можешь отправить опять къ Анштету, ибо у него случаетса болѣе, нежели въ горахъ Швейцарскихъ. Что ты дѣлаешь? А у меня все идетъ какъ шло, ни хуже, ни лучше. А весьма бы весьма хотѣлось поскорѣе раздѣлаться съ чужою и отправиться во-свояси. Тамъ не все въ порядкѣ: Мердеръ такъ же какъ и я, по причинѣ болѣзни, долженъ ѣхать за границу, и это меня жестоко тревожитъ, а дѣлать нечего. Получилъ ли ты письмо Виземскаго? Возврати. Правда ли, что вышло повелѣнiе, чтобъ всѣ русскiе, находящiеся въ чужихъ краяхъ, возвратились въ Россiю? Это было бы для многихъ крайне затруднительно. И не могу вообразить, чтобъ такое повелѣнiе было для всѣхъ безъ изыятiя. Увѣдомь. Нѣтъ ли въ твоей библиотекѣ Neanders Geschichte der Religion? Пришли. Скоро возвращу тебѣ большую часть того, что имѣлъ. Шато-бриана читалъ—болтовня и fatuité. Краснорѣчiя много, а здраваго смысла ни на копейку. Кромѣ «Debats», которые берегу, чтобъ тебѣ возвратить, получаю «Journal de Francfort» и «Berlinische Staats Zeitung». Беречь ли ихъ? Смерть какъ хочется поподчивать ими... такъ мягко и приманчиво. Отвѣчай на этотъ важный вопросъ. Прошу знать напередъ, что одинъ изъ доставленныхъ мнѣ № «Voleu g»—безъ первой страницы. Это не моя вина. Кыскѣ нѣжный поклонъ.

Свѣтлана.

Р. С. Нынче получилъ отъ Бактеева письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что моя посылка, за недостаткомъ курьеровъ, пролежала во Франкфуртѣ до 2 (14) февраля и отправлена съ Лабинскимъ въ Берлинъ. Боюсь, чтобъ она и тамъ не залежалась. Не можешь ли ты сдѣлать мнѣ величайшаго одолженiя написать въ Берлинъ къ Рыбопьеру, чтобъ ввѣренные Лабинскому пакеты были немедленно отправлены къ Булгакову, что въ нихъ находятся письмо и посылка къ великому князю. Въ то же время напиши отъ себя и къ Булгакову, что эти па-

кеты, адресованныя на имя Мердера, должны быть отданы Кавелину съ тѣмъ, чтобы вынуть изъ нихъ письма и посылку (кои раздать по адресамъ, посылку же великому князю). Письма, принадлежащія Мердеру, переслать туда, гдѣ онъ будетъ находиться, ибо Мердеръ, вѣроятно, уже выѣхалъ изъ Петербурга. Прошу тебя объ этомъ убѣдительно, душа моя. Письмо же твое къ Булгакову пускай Рибоьеръ перешлетъ при моихъ пакетахъ. Обнимаю тебя.

И приложенную брошюру можешь отправить въ Берлинъ для доставленія Булгакову, онъ передастъ Жилию (?).

10.

20 марта (1 апрѣля) 1833 г. Женева.

Милостивый государь
Дмитрій Петровичъ!

Покорнѣйше прошу васъ снабдить меня и ѣдущаго со мною подполковника Рейтерна, для проѣзда черезъ южную Францію, въ Италию, паспортомъ, засвидѣтельствованнымъ здѣшней французскою миссіею. Дорога черезъ Симплонъ и Монъ-Сенисъ заперта снѣгами, и въ теперешнее время нѣтъ безопаснаго проѣзда для путешественниковъ. Мнѣ же откладывать невозможно, я долженъ быть къ концу мая опять по сю сторону Альповъ, дабы въ началѣ юня ѣхать къ водамъ и потомъ въ Россію. Такъ какъ я ѣду не во Францію, а только хочу (для избѣжанія вреднаго мнѣ холода и альпійскихъ теперь непроходимыхъ снѣговъ) проѣхать отъ Женевы до Ліона, гдѣ намѣренъ сѣсть на пароходъ, чтобы плыть въ Марсель, а изъ Марсели, на другомъ пароходѣ, отправиться немедленно въ Неаполь, то и полагаю, что не можетъ быть никакого затрудненія въ доставленіи мнѣ требуемаго мною пропуска, тѣмъ болѣе, что прошу ваше превосходительство о сей моей просьбѣ и о причинахъ, заставившихъ меня съ нею къ вамъ отнестись, извѣстить высшее начальство.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи, съ коимъ честь имѣю быть

Милостивый государь

Вашего превосходительства

Покорнѣйшимъ слугою В. Жуковскій.

11.

21 марта (2 апрѣля) 1833 года. Женева.

Ты, вѣроятно, получилъ уже письмо мое, въ коемъ я извѣщаю тебя о своемъ намѣреніи съѣздить въ Италію. Я хотѣлъ было отправиться черезъ Монъ-Сенисъ или Симплонъ; но говорятъ, что нѣтъ никакого проѣзда отъ снѣга. Итакъ, надобно ѣхать черезъ Марсель. Но мнѣ нельзя ѣхать тихомолкомъ, и я рѣшился написать къ тебѣ официальное письмо, которое дастъ тебѣ право доставить мнѣ пропускъ французскаго министра. Прошу тебя не замедлить мнѣ оный доставить, ибо думаю, что тебѣ это сдѣлать можно, опираясь на письмо мое и на изложенныя мною въ ономъ причины, особенно на томъ, что это пропускъ не для вѣзда во Францію, а только для проѣзда черезъ Ліонъ и Марсель въ Италію, о чемъ немедленно можешь увѣдомить свое начальство. Пожалуйста, возьми это на себя, иначе мнѣ надобно будетъ не видать Италіи, и грѣхъ останется на душѣ твоей.—Пришли поскорѣе паспорта. Обнимаю тебя.

Р. S. Мнѣ надобно быть къ 20-му въ Марсели, слѣдственно выѣхать отсюда не позже 12-го числа. Отвѣчай мнѣ въ Веве, куда нынче отправляюсь.

12.

28 марта (9 апрѣля) 1833 года.

Благодарствую, котъ, за паспорта. Ты снялъ ими великое бремя съ честнаго моего сердца: большая разница ѣхать черезъ южную Францію въ Марсель, нежели черезъ Симплонъ, заваленный снѣгами, въ Геную. Трактиры, деньги, холодъ—все это было бы великимъ затрудненіемъ. Я отправляюсь вмѣстѣ съ Рейтерномъ въ субботу. Вечеру въ Женевѣ отслушаю заутрею, а на другой день, послѣ обѣда на греческомъ языкѣ, съ Божиимъ благословеніемъ въ путь. Если еще въ Неаполѣ существуютъ карантинны, то выйду на берегъ въ Чивитавеккии и поѣду въ Римъ, оставивъ для будущихъ временъ Неаполь. Въ Римѣ дождусь парохода и на ономъ въ Ливорну, гдѣ опять выйду на берегъ и загляну во Флоренцію. Изъ Флоренціи черезъ Пизу берегомъ въ Геную, гдѣ сяду на пароходъ и въ Женеву. Изъ Женевы въ Верне, изъ Верне чрезъ Бернъ къ водамъ, а тамъ и въ Россію. Вотъ вся моя одиссея. Что-то Богъ велитъ!—Книги твои всѣ отправляются къ тебѣ завтра или послѣ завтра. Въ «Journal des Debats» нѣтъ 31 марта, который не былъ ко мнѣ

прислать. Есть нѣсколько № «Gallani» и «Gazette de France», Богъ знаетъ почему ко мнѣ присылается «Berlinische Staats Zeitung», а «Journal de Francfort» потратила ж... «Сѣверная Пчела» отчасти досталась ж..., отчасти переслана въ Женеву. Напрасно ты мнѣ не прислалъ альманаха «Новоселье», я очень желалъ прочитать его и могъ бы тебѣ тотчасъ возвратить. Если еще по полученіи сего письма онъ можетъ успѣть быть посланъ въ Женеву и тамъ быть въ субботу, то пошли, если же нѣтъ, то удержи у себя до моего возвращенія. Прошу тебя всѣ мои письма пересылать, какъ до сихъ поръ. Ихъ получать будетъ Рейтернова жена, которая остается до нашего возвращенія въ Верне. Также прошу тебя доставлять ей и «Journal des Debats» и «Journal de Francfort» и «Staats Zeitung». Это скопятся къ моему прибытію, а ей будетъ пища въ уединеніи. Обнимаю тебя, малый, и бархатную ручку кошечки цѣлую.—«Христось Воскресе» обонимъ вамъ. Если бы не Италия, то мы бы встрѣтили этотъ праздникъ вмѣстѣ въ Бернѣ.

P. S. Если будетъ прислать на мое имя кредитивъ, то лучше удержи его у себя, а въ случаѣ отъѣзда передай m-lle Wildemett. Вопросъ, если не получу кредитива во-время, можешь ли мнѣ найти денегъ, ибо моя касса вся почти истратится. По моемъ возвращенія въ Петербургъ немедленно будетъ все заплачено кому назначишь въ Петербургѣ. Если успѣешь, отвѣчай на этотъ пунктъ въ Женеву.

13.

1 (13) апрѣля 1833 года.

Я получилъ твое письмо, а «Новоселья» не получалъ. Что съ нимъ сдѣлалось?—Прости. Ёду черезъ два часа, а на дворѣ мракъ и дождь. Говорятъ, что это знакъ хорошій для путешественниковъ. Посылаю тебѣ Симонди, коего забылъ отправить съ другими книгами. «Христось Воскресе», обнимаю васъ. Завтра слушаю обѣдню въ Женевѣ и послѣ обѣдни отправлюсь въ Лионъ.

14.

6 (18) апрѣля 1833 года.

Что же ты мнѣ не отвѣчаешь, котище. Пришли паспорта мнѣ и Рейтерну для Италиі съ нужными отиѣтками австрійскаго, сарданскаго, тосканскаго и, если можно, французскаго посланниковъ. Я долженъ отправиться отсюда 12-го числа, чтобы захватить пароходъ или въ Мар-

сели или въ Генуѣ. Итакъ поспѣши. Не забудьте въ паспортѣ моемъ челоѣка моего Теодора Титова. Присылай скорѣе.

Обнимаю тебя и на всякій случай «Христось Воскресе» тебѣ и вашей женушкѣ. Я писалъ къ императрицѣ, что ѣду черезъ Лионъ и Марсель.

P. S. Ёду сейчасъ къ Лагарпу. Нынче день его рожденія.

15.

7 (19) іюня 1833 года. Верне.

Здравствуй котъ! я уже третій день какъ возвратился въ свой Эрми-тажъ. Такъ усталъ отъ дороги, что не собрался по сію пору къ тебѣ написать. И теперь пишу не много, ибо надобно написать кучу писемъ, кои однако будутъ всѣ коротки. Мое путешествіе совершилось благополучно, вездѣ былъ, гдѣ хотѣлъ быть, даже и тамъ, гдѣ не хотѣлъ: въ Неаполь, Римъ, Флоренціи, Пизъ и Генуѣ; все видѣлъ, какъ сонъ, и голова еще кружится. Отдохнувъ и совершивъ здѣсь послѣднее важное дѣло моего лѣченія, отправляюсь въ обратный путь, разумѣется черезъ Бернъ. Но вотъ бѣда, чтобы ѣхать, надобны деньги, а мои всѣ истратились на дорогѣ. Между письмами же, кои ожидали меня въ Верне, нѣтъ письма отъ Шамбо, который долженъ былъ мнѣ прислать кредитивъ; не лежитъ ли это письмо у тебя.

Увѣдомъ немедленно; между тѣмъ пришли мнѣ поскорѣ свидѣтельство о жизни, которое мнѣ надобно немедленно отпратить къ Шамбо.

Прости, мой милый котъ, до свиданія. Отвѣчай поскорѣ на это письмо. Обнимаю тебя и цѣлую лапку у кошечки.

16.

18 (30) іюня 1833 года. Верне.

Я пробуду здѣсь до 10-го іюля, по крайней мѣрѣ, можетъ быть и долѣе. Причина тому, мой милый котъ, что я сдѣлалъ себѣ операцію, которой слѣдствіе держать меня теперь въ постели. Дѣло кончилось хорошо, но случиться можетъ, что операція возобновится, тогда опять придется пролежать дней десять. Кредитивъ получилъ и благодарю. Нѣтъ ли у тебя какой-нибудь новой очень интересной книги: нѣтъ ли хорошаго романа. Лежачему это раздолье. Что дѣло Бланшане и марсель-

скаго консульства? Прошу тебя его не выпускать изъ виду. Прости, до свиданія, ибо во всякомъ случаѣ поѣду черезъ Бернъ.

17.

27 іюня (9 іюля) 1833 г.

Мой милый котъ, я выѣзжаю вѣроятно 12-го іюля изъ Верне, 13-е пробуду въ Лозаннѣ, потомъ къ тебѣ въ Бернъ, на день. Рейтернъ также ѣдетъ 12-го, но не черезъ Бернъ. Онъ проситъ тебя сдѣлать ему одолженіе, прислать паспортъ для проѣзда черезъ Германію, черезъ владѣнія Баденскія, Виртембергскія и прочія до Франкфурта. Устрой это самъ, какъ знаешь. Только перешли немедленно паспортъ въ Базель на имя Рейтерна, *poste restante*. До свиданія.

18.

3 (15) іюля 1833 г.

Возвращаю тебѣ твои книги, котъ, и всѣ журналы до вышнѣшняго дня. Въ послѣдніе дни я ихъ не получаю. Я самъ отправляюсь отсюда 17-го числа, вѣроятно буду въ Бернѣ 18-го ввечеру. Этотъ переѣздъ про б н ы й, ибо моя ранка не совсѣмъ зажила: я сподобился сдѣлать вторую операцію. Если нельзя будетъ ѣхать далѣе, то останусь дня на четыре въ Бернѣ или на недѣлю, смотря по обстоятельствамъ.

Жаль, что тебя съ нами не будетъ. Какъ скоро буду тамъ, то увѣдомлю тебя, тогда пріѣзжай для свиданья. Письма мои будутъ пересылаться къ тебѣ, а ты уже ихъ пересылай прямо въ Петербургъ на имя Булгакова, котораго увѣдомь отъ себя, что я въ дорогѣ и чтобъ онъ уже писемъ ко мнѣ не посылалъ. Прости, до свиданія.

19.

19 (31) іюля 1833 г. Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Котъ, я попалъ дорогою въ западню доктора Коппа, который требуетъ, чтобъ я непременно провелъ три недѣли въ Шлангенбадѣ, купался въ ваннѣ и пилъ воду. Этому я и радъ, и не радъ.

Пріѣду позже въ Петербургъ, зато пріѣду совсѣмъ здоровымъ, если Богъ велитъ. Рана моя не беспокоила меня дорогою, и я совсѣмъ въ порядкѣ. Но Шлангенбадъ довершилъ начатое. Можетъ быть увижу и кошечку твою въ Эмсѣ. Если будутъ ко мнѣ письма, то адресуй на имя Маркелова для доставленія мнѣ или прямо на мое имя. Я пробуду въ Шлангенбадѣ до 20-го августа. Итакъ, можешь самъ расчестъ. Послѣ же письма отправляй назадъ на имя Булгакова. Твою книгу, «*Proverbes de Lecture*», я отдалъ Мердеру, который самъ тебѣ ее доставитъ; а два тома «*Людвига XVIII*» перешлю отсюда. Обнимаю тебя.

20.

1833 года ¹⁾.

Мой милый котъ, мнѣ очень, очень жаль, что такіа грустныя обстоятельства заставили тебя на время удалиться изъ Берна; надѣюсь, что въ Карлсруѣ вы найдете все въ лучшемъ порядкѣ и что пословица русская: «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ» сбудется съ тобою на дѣлѣ. А я къ тебѣ съ просьбою. У меня здѣсь есть пріятель, господинъ Blanchenau, у котораго я вмѣстѣ съ Рейтерномъ былъ нѣсколько времени на пенсіонѣ. Отецъ семейства, честивѣйшій и добривѣйшій человекъ, но весьма недостаточный. Я ему истинно обязанъ, ибо всѣ возможныя услуги оказывалъ онъ мнѣ съ величайшимъ доброжелательствомъ. Онъ желаетъ отъ австрійскаго правительства получить упразднившееся мѣсто марсельскаго консула и адресовался уже съ просьбою къ посланнику австрійскому въ Бернѣ. Онъ проситъ меня, чтобы я попросилъ тебя попросить за него сего вышеозначеннаго посланника. Не откажи мнѣ въ этомъ, прошу тебя; очень меня одолжишь, ибо я усердно желалъ бы оказать услугу доброму старику, стѣсненному обстоятельствами и имѣющему необходимую нужду въ какомъ-нибудь мѣстѣ, которое даю бы ему вѣрный хлѣбъ. Можешь за него смѣло поручиться австрійцу, ибо его всѣ вообще здѣсь уважаютъ; онъ человекъ строгой честности, дѣятельный и весьма здраваго ума, словомъ, человекъ надежный. Мое письмо, вѣроятно, не застанетъ тебя въ Бернѣ и будетъ послано тебѣ въ Карлсруѣ; напиши оттуда немедленно къ посланнику, а возвратясь пріударь въ него словесными убѣжденіями. А ко мнѣ напиши непременно изъ Карлсруѣ; очень нетерпѣливо желаю знать, чтѣ тамъ дѣлается, и быть успокоеннымъ на твой счетъ. Богъ милостивъ. Прости, милый. Цѣлую ручки твоей мудростя.

¹⁾ Рукою Д. П. Северина написано: отвѣчалъ 14 августа.

21.

4 (16) августа 1833 г. Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Вотъ я во Франкфуртъ, пробыль двѣ недѣли въ Шлангенбадѣ, купался и скучалъ; теперь ѣду прямикомъ въ Петербургъ. Хотѣлось бы поспѣть туда къ 30-му августа нашего стиля, но не надѣюсь. Возвращаю тебѣ твоего «Людвига XVIII» и при сей okazji обнимаю тебя и благодарю за твое дружеское гостепрѣимство въ Швейцаріи. Сважу тебѣ однако, что карета твои немного пошаливаетъ: кожа, служащая покровомъ въ самомъ кузовѣ, и фартукъ на козлахъ промокаютъ насквозь, какъ сукно, и я нашелъ необходимымъ ихъ перемѣнить, ибо вчера, при маленькомъ дождѣ, почти капало во внутренность, что же было бы при большомъ? Впрочемъ, я ею весьма доволенъ: легка и помѣстительна. — Найди поскорѣе случай сбыть съ рукъ мою придворную карету; только прошу тебя, не ввѣрять ее человѣку не аккуратному. — Прости, обнимаю тебя. Что-то у васъ теперь творится. Видно Швейцарія и была только до тѣхъ поръ тиха, пока я въ ней жилъ; я васъ покинулъ, и все взбунтовалось.

22.

17 (29) ноября 1833 г. С.-Петербургъ.

Благодарю тебя, милый котъ, за твою любовную писуличку. Скажу тебѣ, однако, что твой здѣшній повѣренный въ дѣлахъ черезчуръ ужъ скромнень: я по сію пору еще и слуху не имѣлъ о немъ, не является ко мнѣ, да и только, а я же не взялъ о немъ отъ тебя записки и не знаю ни имени его, ни жительства; зналъ ихъ прежде, но забылъ. Напиши къ нему, чтобы онъ мнѣ сказался. Я уже тебя увѣдомилъ, что расплата моя съ тобою не прежде можетъ быть, какъ въ началѣ января или февраля 1834 г. За это ты, я думаю, не разсердишься. У меня же всего на всего сотни двѣ рублей на всѣ мои расходы до конца года. Разбогатѣю только по полученіи моего жалованья, что не прежде можетъ случиться, какъ по истеченіи трети. Особенно коробитъ меня то, что въ эту минуту я не могу уплатить того, что я долженъ Лори и Жантону въ Веве, первому 850 франк., послѣднему — 312 франк. 50 сантимовъ (монетою французскою). Не можешь ли одолжить меня, заплатить эту сумму въ Швейцаріи франками, тотчасъ по полученіи моего письма, а я заплачу ее здѣсь корреспонденту твоему рублями, въ январѣ вмѣстѣ съ прочими. Увѣдомь поскорѣе, можешь ли это сдѣлать, дабы я понапрасну не посылалъ векселя. Уди-

вляюсь, какъ мнѣ это не пришло въ голову гораздо прежде; а бы уже давно былъ спокоенъ насчетъ этого долга. Къ Жантону я писалъ. Теперь пишу къ Лори на всякій случай и прошу тебя передать ему письмо мое.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ мы переселились изъ Царскаго Села въ Петербургъ, погода у насъ стоитъ теплая; со вчерашняго дня показались легкіе морозы, а то все былъ туманъ или попытки наводненія, что весьма, весьма не усладительно для очей и сердца. Я живу довольно уединенно, по сію пору не видался еще почти ни съ кѣмъ, то-есть не сдѣлалъ еще никому визитовъ и некогда. Часто, однако, бываю у Вяземскаго и Карамзинныхъ. Первый живетъ здѣсь отцомъ семейства: его дочери обѣ премыльны; но онъ все-таки волочитя. Карамзины покинули Дерптъ, гдѣ Екатерина Андреевна похоронила сына и внука; старшіе сыновья, Андрей и Александръ, вступаютъ въ конные громовержцы, то-есть артиллерію. За нѣсколько времена до пріѣзда моего былъ здѣсь Дмитріевъ, но я его, къ сожалѣнію, не засталъ. Его здѣсь женятъ. Но все-таки онъ не женится. О тебѣ толкую съ Булгаковымъ, съ Радофиникинымъ и Бруновымъ; толку, однако, немного, хотя и увѣряютъ меня, что будетъ скоро для тебя сдѣлано, а что будетъ, кто ихъ угадаетъ. По крайней мѣрѣ, все не перестану надѣяться имъ. Простя. Поблагодари и обними Виолѣ за его письмо. Я еще не получалъ рисунка Лори. Съ кѣмъ онъ послалъ. Отвѣчай поскорѣе на это письмо. Кискину ланку цѣлую и тебя.

Жуковскій.

Хорошъ я! Написалъ къ тебѣ письмо, да и забылъ его послать: былъ увѣренъ, что послалъ. Не надобно ли будетъ тебѣ какихъ-нибудь русскихъ книгъ и на какую сумму. Увѣдомь, я могъ бы, рассчитываясь съ твоимъ невидимымъ комиссіонеромъ, часть суммы моей заплатить и книгами. У насъ много теперь романовъ, есть и историческія книги. Хорошо бы, когда бы ты доставилъ мнѣ реестръ твоимъ русскимъ книгамъ, дабы я не прислалъ тебѣ чего-нибудь вдвойнѣ. Недавно былъ у меня толкъ о тебѣ съ Дашковымъ (который хотя и не въ ладу съ тобою, а все-таки за тебя стоитъ предъ зеркаломъ вице-канцлера) и съ Полетиною. Послѣдній увѣряетъ, что ты стоишь первымъ въ спискѣ для будущаго приличнаго тебѣ помѣщенія. Итакъ, терпи казакъ—атаманъ будешь. Обнимаю тебя и поздравляю васъ обоихъ съ новымъ годомъ. Увѣдомь о томъ, что сдѣлаешь съ Лори и Жантономъ, я бы здѣсь заплатилъ деньги твоему комиссіонеру. Если заплатишь за меня, то пришли росписки, просто тебѣ не повѣрю.

ОСНОВАНІЕ РУССКАГО ФЛОТА.

Историческій очеркъ ¹⁾.

Положеніе вопроса въ исторической наукѣ. — Значеніе рѣкъ для русскаго судоходства и судостроенія. — Судоходство и торгово-военныя флотиліи въ удѣльный періодъ. — Суда въ Новгородѣ и ушкуйники. — Походы казаковъ и чайки. — Состояніе судостроенія въ Московскомъ государствѣ. — Попытки московскаго правительства къ заведенію торгово-военнаго флота. — Подготовка почвы и удобныхъ условій для дѣла Петра. — Сооруженіе Азовскаго флота. — Построеніе Балтійскаго флота. — Судостроеніе въ другихъ мѣстахъ. — Размѣры и организація военнаго флота. — Торговый флотъ. — Взаимодѣйствіе военнаго и торговаго флотовъ. — Значеніе дѣятельности Петра Великаго.

въ исторической наукѣ, и въ общественномъ сознаніи основаніе русскаго флота долгое время всецѣло приписывалось Петру I, которому, какъ полагали, не предшествовало никакого опыта московско-русскихъ людей, послѣ потери Балтійскаго побережья утратившихъ будто-бы даже «не только сочувствіе, но и сознаніе въ потребности и пользѣ мореходства» ²⁾. Поэтому начало флота объясняли простымъ случаемъ — находкой англійскаго ботика въ сараѣ боярина Никиты Ивановича Романова, утверждая, что единственно этотъ-де случай заронилъ въ душу пылкаго юноши-государя стремленіе къ морскому дѣлу и мысль о созданіи у насъ флота ³⁾. Первое успѣшное морское дѣло Петра, подѣ

¹⁾ Публичная лекція, произнесенная въ Варшавскомъ русскомъ собраніи, въ домѣ военнаго вѣдомства.

²⁾ С. Елагинъ, «Исторія русскаго флота». Періодъ Азовскій. Спб. 1864, 16.

³⁾ Не касаясь мнѣнія авторовъ болѣе раннихъ, вспомнимъ слова проф. Н. Г. Устрялова, которыми онъ сопровождаетъ сообщеніе о находженіи Пе-

Азовомъ, при помощи флота, построеннаго въ одну зиму за тысячеверстныя разстоянія отъ моря, не поддавалось уже никакому анализу, представлялось подвигомъ необъяснимымъ. Было много беспочвеннаго и загадочнаго въ изображеніи и всего дальнѣйшаго. Успѣхи науки русской морской исторіи и исторіи Россіи вообще постепенно, однако, проливали и проливаютъ все болѣе и болѣе свѣта и въ эту область; отдавая должное заслугамъ Петра, научная исторія старается не упустить изъ вниманія и предшествовавшихъ ему попытокъ заведенія у насъ кораблей и вообще прежнихъ судебъ торговаго и военнаго русскаго флота, найти внутреннюю связь между предыдущимъ и послѣдующимъ и тѣмъ создать цѣльность представленія ¹⁾.

Колыбелью нашего флота могли быть только тѣ воды, которыя находились во владѣніи Россіи, и онъ долженъ былъ соответствовать имъ. Русская страна — континентальная, для нашихъ предковъ слишкомъ долго загораживаемая отъ морей разными чужими племенами. Какъ бы

тронъ этого ботика: «Много было въ жизни Петра минутъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ознаменованныхъ творческою силою его гевія; но та минута, когда онъ, шестнадцатилѣтній юноша, вверилъ вдохновенный взоръ въ полусгнившій боть, около полявка валявшійся въ дѣдовскомъ сараѣ, между всякимъ хламомъ, въ пыли, въ грязи, безъ мачты, безъ парусовъ, и въ умѣ его мельнула, какъ молнія, мысль о русскомъ флотѣ,—принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ... Случайное обстоятельство пробудило въ Петрѣ охоту къ забавамъ янаго рода: эта вторая потѣха была началомъ русскаго флота» («Исторія царствованія Петра Великаго». Сиб. 1858, II, 26, 25). Вблизи къ этому возрѣтію держался и Елагинъ (17—18). Вспомнимъ о почестяхъ, возданныхъ «Дѣдушкѣ русскаго флота» въ двухсотлѣтній юбилей рожденія Петра Великаго. Ботикъ найденъ Петромъ въ 1688 году, и въ 1887—1888 годахъ серьезно поднимался вопросъ, чтобы къ этому случаю приурочить празднованіе двухсотлѣтняго юбилея нашего флота, но въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» не появилось сообщеніе, очевидно оффиціознаго характера, что юбилейное празднованіе «отлагается» — до истеченія двухсотлѣтія азовскимъ походамъ Петра.

¹⁾ Со стороны фактической, полную цѣну въ данномъ отношеніи имѣть трудъ Ф. Ф. Веселаго, выполненнаго по порученію морскаго министерства и изданный на его средства: «Очеркъ русской морской исторіи» (Сиб. 1875, I, 1—652). Приведа соответственные факты изъ до-Петровской эпохи, авторъ, подъ вліяніемъ съистари сложившихся возрѣній и практиковавшейся терминологіи, недостаточно еще сближаетъ эти факты съ послѣдующими явленіями, ставитъ ихъ въ тѣни, съ усиліемъ указывая на значеніе случайности находженія ботика и о постройкѣ Петромъ Азовскаго флота, выражаясь, что «подобное событіе скорѣе походило на баснословный подвигъ какого-нибудь миенческаго героя древности, нежели на дѣяніе монарха, жившаго только за полтора столѣтія до нашего времени» (73, 75, 145). Затѣмъ, существенное значеніе имѣть здѣсь трудъ Н. Боголюбова «Исторія корабля». М. 1880, I—II. Дальнѣйшая литература о «корабельномъ дѣлѣ» собственно до Петра Великаго приведена нами въ историческомъ изслѣдованіи «Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій». М. 1890, 723—725.

въ вознагражденіе за это, природа щедро надѣлила ее рѣками, которыя, при неустроенности надлежащихъ дорогъ и непроходимости лѣсовъ и болотъ, въ древнюю пору служили лучшими и главными путями сообщенія, а лодка представлялась самымъ подходящимъ, такъ сказать, экипажемъ, удобнѣйшимъ средствомъ для передвиженій. Системы важнѣйшихъ, идущихъ къ морямъ, рѣкъ, очень близко расположенныхъ между собою въ своихъ верховьяхъ, соединявшихся волоками, и Днѣпровскіе пороги опредѣляли размѣры и качества судовъ: представляя возможность безопаснаго плаванія по большимъ рѣкамъ и озерамъ, суда эти должны легко перетаскиваться или даже, мѣстами, переноситься на рукахъ чрезъ волоки и пороги.

За неимѣніемъ своихъ морскихъ гаваней, гдѣ бы можно было строить и хранить особыя суда, предки наши вынуждены были на этихъ рѣчныхъ лодкахъ совершать и свои морскія плаванія, почему ихъ морскія суда ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ рѣчныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ приспособленій. На Днѣпрѣ изготовлялись по преимуществу «однодеревки», т. е. однодеревные челноки или днища, къ которымъ прикрѣплялись набойныя доски, продѣвались весла, а въ устьѣ Днѣпра при выходѣ изъ него, оснащались они всѣмъ необходимымъ (мачтами, парусами и проч.) для дальняго плаванія. Помѣщаться на нихъ могло человѣкъ до 40-ка и болѣе, или соответственное количество товаровъ. На нихъ древніе русскіе люди, держась ближе къ берегамъ, переплытали Черное море и привозили къ Константинополю товары или наводили на него ужасъ. Какъ купецъ того времени легко превращался въ воина, охраняя по пути свои товары, или же водилъ свои торговые караваны подъ охраной нанимаемаго имъ военнаго отряда, а главный воинъ, князь, велъ самую обширную торговлю, былъ главнымъ купцомъ, такъ и суда торговаго флота легко превращались въ суда флота военнаго: они были тѣ же самыя, лишь нагружаемыя не товарами, а военными запасами и оружіемъ. Отсюда легкость созданія военныхъ флотилій, въ случаѣ надобности. Число судовъ, на которыхъ совершали свои набѣги на Константинополь наши первые историческіе князья, въ древнихъ извѣстіяхъ опредѣляется тысячами: Святославъ вторгнулся въ Болгарію черезъ Дунай на ладьяхъ съ 60.000 войскомъ. Движеніе на русскихъ судахъ, военное и торговое, было настолько велико, что за Чернымъ моремъ усвоилось названіе моря Русскаго. Неразъ наши, большими массами, появлялись на Волгѣ и изъ нея на берегахъ Каспійскихъ.

Своеобразное устройство судовъ, мало замѣтныхъ издали и сподручныхъ и для волоковъ, помогало искуснымъ и навычнымъ храбрецамъ одерживать значительныя побѣды. Только удача легче доставалась въ моменты отсутствія подъ Константинополемъ большаго греческаго флота съ которымъ наши лодки не выдерживали открытаго боя. Часто онѣ, на-

груженныя добычей и товарами, гибли и на возвратномъ пути при встрѣчѣ съ ожидавшимъ непріателемъ.

За весь періодъ удѣльно-рѣчевой системы князьями не сдѣлано было почти ничего важнаго для усовершенствованія судостроенія; они предпочитали пользоваться тѣмъ, что было въ народѣ, и не основали верфи или адмиралтейства, гдѣ приносились бы большія матеріальныя жертвы и требовалась сложная и устойчивая организація. Флотъ, способный къ дальнимъ плаваніямъ, даже потомъ падалъ, военные походы подъ Византію и въ Каспій дѣлались все неудачнѣе и совсѣмъ прекратились; волны дикихъ инородцевъ, выбрасываемыя Азіей, гуще и гуще застилали устья южныхъ рѣкъ, пока новая, послѣдняя дикая степная волна, татарская, не затопила собою всѣ русскія владѣнія. О доступѣ къ Черному и Каспійскому морямъ нечего было и думать; оставшееся русское населеніе, не имѣя возможности жить по сосѣдству съ татарскими кочевьями, отхлынуло отъ юга, и только впоследствии казаки напомнили намъ о немъ.

Морскія сообщенія съ остальною Европой поддерживали теперь одни новгородцы, флотъ которыхъ тоже былъ рѣчной и озерной, и лишь у важнѣйшихъ купцовъ, ведшихъ морскую торговлю, были свои корабли, судя по свидѣтельству былинъ, подобные скандинавскимъ. Охраняя выходъ въ Балтійское море изъ большихъ русскихъ рѣчныхъ путей, они еще въ годы татарскаго нашествія могли одерживать въ устьѣ Невы такія блестящія побѣды, какова была одержана подъ предводительствомъ князя Александра Ярославича, получившаго за нее названіе Невскаго. Но и ихъ упорная борьба, не поддержанная другими русскими областями, не приводила къ дѣлу: почти все балтійское побережье было отнято у Россіи, а Ганза, успѣвшая монополизировать отпускную торговлю новгородцевъ, всѣми средствами старалась прекратить ихъ непосредственныя морскія торговыя сношенія. Новгородскую предприимчивость и удачу напоминали еще вольныя дружины ушкуйниковъ, но и они, разъѣзжая на своихъ лодкахъ, хотя и чинили нападенія на инородцевъ и тревожили сосѣднія владѣнія шведовъ и норвежцевъ, однако отягчались больше разбоемъ по русскимъ рѣкамъ—Волгѣ, Сѣверной Двинѣ и ихъ притокамъ, грабя русскіе города и села, почему встрѣтили суровый отпоръ со стороны крѣпнувшей московской власти.

Какъ бы на смѣну ушкуйниковъ, явились потомъ отважные русскіе люди въ другихъ мѣстахъ. То были — казаки, постепенно заселявшіе степныя мѣста, которыя прилегали къ низовьямъ Днѣпра и Дону. Сила татаръ, подъ напорами на нее снизу и распатывавшаяся внутри, скоро обнаруживала слабость, начала отступать; московскіе князья, сбросивъ татарское иго, насыли уже на татарскія гнѣзда, царства Казанское и Астраханское; крымскіе татары подчинились Портѣ, — и казаки не упу-

скали теперь случая «промышлять» и на счет крымских и др. татаръ, и на счет турокъ, иногда доставали себѣ на шипуны и въ Константинопольскихъ предмѣстьяхъ, отважно предпринимая рѣчные и морскіе походы на своихъ, наскоро сготовляемыхъ, челнахъ или чайкахъ. «Шестьдесятъ человекъ, искусныхъ въ дѣлѣ, успѣвали въ 15 дней построить челнъ». Маленькія компаніи, въ случаѣ сбора въ походъ, работали дружно, и весь ихъ флотъ, состоявшій иногда въ 100 и болѣе судовъ, могъ поспѣвать въ нѣсколько недѣль.

Суда эти своей конструкціей и размѣрами напоминали прежнія однодеревки. Полезнымъ нововведеніемъ былъ шедшій по верху борта толстый тростниковый поясъ, ослаблявшій губительность непріятельскихъ стрѣлъ и пуль и поддерживавшій челнъ на водѣ въ случаѣ поврежденій и большого волненія. На такихъ лодкахъ легче было пускаться въ открытое море и не держась вблизи береговъ. И все же, настигаемые кораблями, вооруженными пушками, «челны» эти, по выраженію современника, «разсыпались какъ стая скворцовъ и гибли въ морской пучинѣ»; было крайне опасно пробираться въ море или возвращаться изъ него. Устья рѣкъ сторожились турецкими галерами; Донъ запирался крѣпостью Азовомъ, Днѣпръ — Очаковомъ. Обманывая вниманіе непріятеля, казаки проскальзывали мимо подобныхъ препятствій, пользуясь темнотою ночи и волоками. Разорительность набѣговъ и другія причины побуждали иногда султана заключать съ запорожцами миръ и союзъ, а донскимъ казакамъ однажды, въ сороковыхъ годахъ XVII в., до того посчастливилось, что они взяли было самый Азовъ, но удержать его были не въ состояніи. Царь Михаилъ Федоровичъ, какъ извѣстно, также не рѣшился вступить изъ-за него въ войну съ турками, и крѣпость была покинута.

Воднымъ путемъ донскіе казаки учили свои набѣги также на Востокъ. Поднявшись по Волгѣ и съ нея по Камѣ и Чусовой проникши въ сибирскія рѣки, знаменитый Ермакъ съ своими удалцами положилъ начало великому дѣлу—покоренію Сибиря. Гуляя по Волгѣ и Каспію, донцы разоряли прибрежныя селенія и грабили торговыя суда, безразлично чужія или русскія. При самомъ дерзкомъ нападеніи ихъ, по обширности превзошедшемъ грабежи новгородскихъ ушкуйниковъ, произведенномъ подъ водительствомъ Разина, флотилія ихъ простиралась до нѣсколькихъ сотъ судовъ.

Дѣйствія казаковъ, какъ и ушкуйниковъ, противныя русскимъ интересамъ, требовали обузданія: политическимъ центромъ, плѣсообразно направлявшимъ и объединявшимъ русскія силы, была уже Москва, правительство которой приняло на себя задачу постановки и организаціи, между прочимъ, и судоходнаго дѣла.

Роль древняго Днѣпра, Волхова и Невы занимають теперь Волга и

Сѣверная Двина съ ея притоками. Торговые люди и выселенцы, колонисты изъ Новгорода и Днѣпровскихъ береговъ помогли первоначальному основанію здѣсь русскаго судоходства, которое, подъ охраной московскаго правительства, достигаетъ потомъ до такихъ размѣровъ, что уже въ концѣ XVI в., по словамъ англичанъ, по однимъ верховьямъ Волги плавало до 500 большихъ и малыхъ судовъ. Это были — лодки, барки и т. п., не считая плотовъ. Другія лица, продолжая русское дѣло, на судахъ-шитикахъ, кочахъ и т. п. входили въ глубь Сибири, безъ всякихъ научныхъ пособій проплывали одну ея рѣку за другой, извѣдывали все ея сѣверное поморье, узнали ближайшіе острова, добиралась до острововъ Курильскихъ и Сахалина. Казакъ Дежневъ переплылъ (1648 г.) проливъ, получившій впоследствии названіе Берингова. Московское правительство думало о настоящемъ морскомъ судоходствѣ, котораго, однако, нельзя было организовать безъ иностранной помощи, безъ чужихъ образцовъ и людей.

По невозможности добыть берега Балтійскаго моря и основать на немъ постоянный флотъ, какъ ни добивались того московскіе государи, для непосредственныхъ морскихъ сношеній съ западной Европой оставалось въ русскихъ рукахъ одно отдаленное—Бѣлое море, требовавшее большихъ кораблей и опытныхъ моряковъ. Какъ только англичане съ неизмѣрными опасностями проложили себѣ путь черезъ него, царь Іоаннъ Грозный, наградивъ ихъ большими привилегіями, пригласилъ черезъ нихъ мастеровъ, которые бы умѣли строить корабли и управлять ими. При помощи англійскихъ кораблестроителей онъ выстроилъ у Вологды до 20 кораблей, думалъ довести число ихъ до 40; его намѣренія шли далѣе: онъ выпытывалъ у англичанъ о самыхъ большихъ судахъ, бывшихъ въ англійскомъ военномъ флотѣ, досталъ описаніе ихъ на бумагѣ и рисунокъ лучшаго изъ нихъ. Но неудобства въ положеніи моря, послѣдующія неблагопріятныя политическія обстоятельства и упорные заговоры иностранныхъ торговыхъ людей, не дозволившихъ русскимъ купцамъ ѣздить съ своими товарами въ европейскіе города, воспрепятствовали созданію морскаго флота и на сѣверѣ.

Оставалось снова обратиться къ внутреннимъ рѣчнымъ путямъ, и по преимуществу къ Волжскому, ведшему въ Каспійское море, наиболѣе доступное для насъ. Здѣсь иностранцы не могли быть монопольными хозяевами; напротивъ, они сами искали себѣ у правительства разрѣшенія на свободный проѣздъ и транзитную черезъ Россію торговлю съ Персіей и другими странами Востока.хлопоты эти особенно усилились послѣ смутной эпохи: ими и задумало воспользоваться наше правительство, чтобы основать флотилію по иностранному образцу. Отказывая въ разрѣшеніи транзита англичанамъ и другимъ сильнымъ торговымъ націямъ, которыя могли бы подавлять самостоятельную русскую торговлю, Ми-

хантъ Федоръ вичъ предоставилъ его народу незначительному, голштинцамъ. По договору съ нами, Голштинская торговая компанія могла выстроить 10 кораблей, причемъ плотниковъ, въ прибавку къ своимъ корабельнымъ мастерамъ, должна была нанимать изъ русскихъ охочихъ людей, съ обязательствомъ «отъ тѣхъ плотниковъ корабельнаго мастерства не скрывать»; въ прибавку къ своимъ людямъ, компанія должна была нанимать русскихъ къ себѣ и на службу—въ провожатые, лоцманы и проч. Срокъ привилегіи опредѣлялся на десять лѣтъ, послѣ чего всѣ корабли, построенные и снаряженные такимъ способомъ, могли перейти въ русскія руки.

Первый корабль, длиною 120 футъ, шириною 40 футъ, сидѣвшій въ водѣ 7 футъ, съ разными каютами внутри, дѣйствительно выстроенъ съ помощью русскихъ плотниковъ, подъ управленіемъ иностранныхъ мастеровъ. Вооруживъ его пушками для отраженія разбойническихъ нападеній, голштинское посольство отправилось (1636 г.) на немъ изъ Нижняго Новгорода, но у береговъ Дагестана корабль потерпѣлъ крушеніе. Переговоры посольства съ персидскимъ правительствомъ не имѣли успѣха. Голштинія оказалась слишкомъ слабою для такой отдаленной транзитной торговли, вслѣдствіе чего не состоялось и строеніе остальныхъ кораблей.

Неудача съ голштинцами побудила правительство подумать о новыхъ средствахъ. Мысль о нихъ занимала правительственныя сферы. Среди бояръ весьма вліятельнымъ былъ двоюродный братъ Михаила Федоровича, Никита Ивановичъ Романовъ, большой охотникъ до разныхъ «нѣмецкихъ» бездѣлушекъ и забавъ; англичане подарили ему ботикъ, получившій потомъ столь почетную извѣстность. Англичане, тѣмъ не менѣе, считались неудобными для насъ; дѣйствуя слишкомъ своекорыстно и крайне угнетая русскую торговлю, Англійская торговая компанія, утвержденная Грознымъ, потеряла свой кредитъ; царь Алексѣй Михайловичъ удалилъ ея членовъ къ Архангельску, лишивъ ихъ прежнихъ торговыхъ привилегій. Ихъ во многомъ замѣнили у насъ голландцы, съ тѣмъ отличіемъ, что, не составляя одной компаніи, они ближе держались къ русскимъ. Многие изъ нихъ выполняли тогда важныя порученія правительства, другіе основывали заводы—жѣлезные, кожевенные, хрустальные, бумажные; иные, предвидя приближеніе устройства у насъ флота, сулившее выгоды, отсылали своихъ сыновей за границу для изученія морской службы. Ближе къ голландцамъ стоялъ Ординъ-Нащокинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ московскихъ людей своего времени и правая рука царя Алексѣя Михайловича по проведенію различныхъ проектовъ. Испробовавъ, но неудачно, устроить небольшой флотъ на Западной Двинѣ, Ординъ убѣдилъ государя воспользоваться помощью голландцевъ для заведенія хорошо вооруженныхъ судовъ на Волгѣ и Каспѣ,

чтобы мы могли, за выгодную плату, перевозить и защищать персидскіе товары, направляемые въ Россію, какъ равно и отвозить товары изъ Россіи въ персидскія владѣнія. И Ординъ-Нащокинъ получилъ царскій указъ (19 іюля 1667 г.) «для посланки изъ Астрахани на Хвалынское море двѣнадцать кораблей въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ Дѣдиновѣ».

Корабельные строители были уже готовы и на этотъ разъ все голландцы. Ихъ наняли чрезъ фанъ-Сведена, голландскаго купца, давно уже жившаго въ Москвѣ. Этотъ предприимчивый голландецъ основалъ у насъ заводъ для писчей бумага, обѣщалъ устроить шерстяныя фабрики, содѣйствовалъ учрежденію почты и теперь взялся нанять и доставить въ Москву своихъ земляковъ для постройки и управленія кораблей. Мѣсто для стройки избрано село Дѣдиново (на Окѣ, близъ устья Москвы-рѣки), какъ, по близости къ Москвѣ, удобное для наблюденія и какъ славившееся своими рѣчными плотниками, строившими лодки и барки для спуска по Окѣ и Волгѣ и уже соорудившими суда, на которыхъ царь Алексѣй Михайловичъ предъ тѣмъ совершалъ свой рѣчной походъ подъ Рягу. Подъ высшимъ надзоромъ Ордина-Нащокина и подъ руководствомъ голландцевъ, дѣдиновцы принялись за постройку корабля «Орла», яхты, бота и двухъ шлюпокъ. Какъ ни много встрѣчалось препятствій, особенно по доставкѣ желѣзныхъ и артиллерійскихъ запасовъ, эта торгово-военная флотилія, обошедшаяся правительству съ небольшимъ 9.000 рублей по тогдашнему курсу (около 100.000 рубл. нынѣшнихъ), чрезъ полтора года, именно весной 1669 г., была спущена на воду и потомъ изъ Нижняго Новгорода отплыла въ Астрахань. «Орелъ» былъ около 80 футовъ длины, 21 футъ ширины и сидѣлъ въ водѣ, не въ полномъ грузу, до 5 футовъ; вооруженъ 22 пушками отъ 2-хъ до 5-ти фунтоваго калибра. Команда его была человекъ изъ 20-ти иностранцевъ, къ которымъ въ Казани присоединилось 35 нижегородскихъ стрѣльцовъ для охраны судовъ. Капитанъ, племянникъ фанъ-Сведена, Бутлеръ, при своемъ приѣздѣ въ Россію представившій «корабельнаго строю письмо», т. е. какъ бы небольшой морской уставъ, везъ съ собою карту Каспійскаго моря и инструменты для навигаціоннаго счисленія и астрономическаго опредѣленія широты мѣста. Въ Астрахани, гдѣ выстроили еще одно военное судно, флотилія встрѣтилась съ полчищами Стееньки Разина, который, усмотрѣвъ въ большомъ царскомъ кораблѣ опасность для своихъ мелкихъ судовъ, велѣлъ сжечь его. Разгромъ флотиліи случился наканунѣ эпохи Петра, года за два до его рожденія. Иноземная команда расѣялась, двое изъ ея членовъ: именно корабельный пушкарь Карстень Брантъ, впоследствии учитель Петра, и гѣваръ Термунтъ, лицо тоже ставшее близко извѣстнымъ Петру, возвратились въ Москву.

Нѣтъ нужды, что такой былъ печальный исходъ корабельнаго дѣла.

Попытки показывали возможность строенія кораблей въ Россіи, и послѣ этого мысль о созданіи флота представлялась хотя трудно исполнимою, но уже не могла казаться несбыточною. Важна идея, установленіе преданій, появленіе надобныхъ людей. Важно, что само правительство взяло это дѣло въ свои крѣпкія руки и находило исполнѣ естественнымъ вести его и до приобрѣтенія удобныхъ морскихъ гаваней; часть русскихъ плотниковъ поознакомилась съ иностранною техникою построенія большихъ судовъ и могла на опытѣ видѣть ея преимущества; съ присоединеніемъ къ Московскому государству малороссійскихъ казаковъ и усмиреніемъ донскихъ, въ числѣ подвластныхъ московскому государю русскихъ людей оказалось много такихъ, которые были знакомы со всѣми опасностями мореплаванія и умѣли съ ними справляться. Среди жителей подмосковной Иноземной слободы было немало лицъ, извѣдившихъ западно-европейскія моря, и нѣкоторые изъ нихъ предлагали правительству свои планы и услуги на устройство у насъ флота, указывая на многочисленныя выгоды отъ него и торговль, и государственнымъ доходамъ, и военно-политическому дѣлу. Но крѣпче всего держалась у насъ мысль объ устройствѣ его чрезъ голландцевъ. Эта мысль была самой живою въ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ, окружавшей Петра. Не безъ причины первые видные иноземцы, близкіе къ нему, были по преимуществу голландцы, которые обучали его плаванію и постройкѣ судовъ и на московскихъ прудахъ, и на Переяславскомъ озерѣ, и въ Архангельскѣ; они долго сохраняли въ этомъ дѣлѣ для него значеніе и послѣ. Тутъ, конечно, имѣли долю значенія и случайности, какъ находженіе ботика и т. п. Но англійскій ботикъ, никогда не выдавшій русскихъ большихъ рѣкъ и морей и не бывавшій ни въ какомъ дѣлѣ, ни торговомъ, ни военномъ, въ сущности былъ дѣтскою игрушкой, не Богъ знаетъ какъ далеко ушедшей отъ тѣхъ деревянныхъ корабльковъ и лошадокъ, деревянныхъ пушекъ и другихъ игрушекъ иностранной работы, которыми Петръ любилъ забавляться въ свое время; еще ранѣе находженія ботика, Петръ бралъ изъ Оружейной палаты модели даже кораблей. Случайности, въ родѣ находженія ботика, потому такъ возбуждительно и дѣйствовали на Петра, что разъясняли ему знакомое уже преданіе, непосредственно знакомили и сближали его съ надобными людьми. Самъ Петръ, чувствуя «Дѣдушку русскаго флота», признавалъ прямое значеніе для себя и попытки царя Алексѣя Михайловича построить флотъ въ Дѣдиновѣ.

Замѣчательно, что въ тѣхъ предпріятіяхъ, когда, на первыхъ порахъ, Петръ послѣпно отступалъ было отъ указаній прежняго опыта, отъ создававшихся традицій, сама дѣйствительность возвращала его на надлежащій путь.

Извѣстна его тяжелая неудача подъ Азовомъ въ первый туда походъ,

въ 1695 году, куда онъ прибылъ съ однимъ сухопутнымъ войскомъ, которое ничего не могло сдѣлать съ турецкимъ флотомъ, подававшимъ крѣпости помощь съ моря. «Подступая къ Азову, царь полагалъ возможнымъ сначала овладѣть морскимъ берегомъ и потомъ на немъ построить флотъ; но тяжелый опытъ показалъ, что безъ содѣйствія морской силы невозможно было и самое завладѣніе берегомъ». Петръ на мѣстѣ убѣдился, что надобно было воспользоваться прежнимъ опытомъ и примѣромъ, какъ дѣйствовали донскіе казаки съ ихъ походными атаманами, и тѣмъ, что признавалъ необходимымъ и пробовалъ устроить при осадѣ Риги Алексѣй Михайловичъ, — и, отступивъ отъ Азова осенью, онъ рѣшилъ къ слѣдующей веснѣ, за зиму, изготовить большую флотилію, способную къ состязанію съ турецкимъ флотомъ.

Быстро, не какъ его предшественники, повелъ свое дѣло молодой государь-корабельный плотникъ, объединяя и веда къ одной цѣли способныхъ, и своихъ и чужихъ, людей и отдѣльно разбѣянные по Россіи средства. Въ ту пору привезли въ подмосковное Преображенское предназначавшуюся для Волги и Каспійскаго моря галеру, построенную въ Голландіи и доставленную въ частяхъ съ моделью и при мастерѣ для ея сбора. По ея образцу здѣсь, вдали отъ морей и даже большихъ рѣкъ, не медля начали строить суда, и къ концу февраля 1696 года срублены были изъ сыраго, мерзлаго дерева части 22-хъ галеръ и 4-хъ брандеровъ; работали солдаты преображенскіе и семеновскіе, плотники изъ Вологды, Нижняго, Дѣдинова и другихъ мѣстъ и группа иностранцевъ. Одновременно съ тѣмъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ, по близости, прежде рубили свои лодки донскіе казаки и куда Михаилъ Ѳеодоровичъ посылалъ вологодскихъ судовыхъ мастеровъ къ постройкѣ судовъ для отправки хлѣба въ занятый было казаками Азовъ, т. е. въ верховьяхъ Дона, на Воронежѣ и др., 26.000 работниковъ должны были къ веснѣ соорудить надобное количество струговъ, лодокъ и плотовъ; работали по преимуществу жители Дона и Украйны, крупныя суда по планамъ и подъ руководствомъ людей, присылаемыхъ изъ Москвы; недостававшіе строительные матеріалы, провіантъ и боевыя снаряды спѣшно свозились изъ разныхъ дальнихъ мѣстъ. Самъ Петръ наблюдалъ и трудился и въ Преображенскомъ, и въ Воронежѣ, — и флотилія была готова. Весною, когда вскрылись рѣки, болѣе 1.300 судовъ, отъ 15 до 19 сажень длиною, покрыли воронежскія воды, не считая сотенъ мелкихъ лодокъ и разныхъ плотовъ; между большими судами были 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера, главный изъ нихъ, подъ названіемъ «Апостолъ Петръ», вооруженный 36 пушками, длиною былъ 113, шириною 25 футовъ. На этотъ флотъ были посажены двигавшіеся къ Азову полки и нагружено все необходимое для осады крѣпости.

Вмѣстѣ съ сухопутными войсками флотъ успѣшно разрѣшилъ свою

нелегкую задачу: загородилъ дорогу турецкому войску къ устьямъ Дона и счастливо отгонялъ турецкія суда, а полевая войска довершали остальное на сушѣ, отражая нападенія татаръ съ тыла и не безъ удачи бомбардируя крѣпостныя укрѣпленія и дома. «Городъ Азовъ»,—рапортовалъ осаждавшій его бояринъ и воевода,—«осажденъ накрѣпко, възду и възду изъ него и въ него нѣтъ; сухіе и водяные пути, море и устья Донскія всѣ заперты московскаго каравана судами, а на нихъ многочисленными великаго государя ратными людьми и пушками тѣ непріятельскія пути отняты». Стѣсненный со всѣхъ сторонъ и оставшійся безъ обычной помощи своего флота, Азовъ сдался 18 іюля.

Это было первое крупное и счастливое дѣло флота, созданнаго московскою властью. Флотъ съ честью обнаружилъ, на сколько полезенъ и надобенъ онъ,—и при триумфальномъ вшествіи побѣдителей въ Москву ему отданъ былъ почетъ, равный съ арміей; всѣ наглядно видѣли, что важны не однѣ сухопутныя, но и морскія силы. Устроитель его, Петръ, потомъ на совѣты Гордона и другихъ иностранцевъ, что необходимо имѣть безопасныя гавана прежде, чѣмъ заводить флотъ и посылать его въ море, съ полнымъ убѣжденіемъ могъ отвѣтить: «флотъ самъ себѣ отыщетъ гавань».

Какъ бы развивая идею товариществъ, практиковавшуюся прежде донскими казаками при постройкѣ военно-походныхъ чаекъ, дальнѣйшую постройку судовъ для Азовскаго моря государь поручилъ учрежденнымъ затѣмъ компанствамъ, которыя и успѣли соорудить однихъ кораблей нѣсколько десятковъ, какъ вскорѣ онъ долженъ былъ обратить свое главное вниманіе и энергію въ другую сторону—по направленію къ Балтикѣ. По сложившимся обстоятельствамъ, азовско-черноморскій флотъ тогда не могъ получить надлежащаго развитія и даже, послѣ Прутскаго похода, вынужденъ былъ прекратить свое существованіе, тѣмъ не менѣе онъ сослужилъ намъ свою службу, и не одну только временную военно-политическую: «онъ далъ возможность приобрѣсти широкую опытность въ кораблестроеніи, подготовилъ массу людей и (ближе) ознакомилъ правительство съ источниками средствъ, способныхъ быстрому созданію балтійскаго флота».

Уже при самомъ началѣ Сѣверной войны было замѣтно, что Петръ отстранялъ повтореніе ошибки, допущенной въ первый Азовскій походъ: онъ сразу обратилъ вниманіе на водяные пути и на развитіе и укрѣпленіе тамъ судостроенія. Несмотря на то, что въ заграничное предъ тѣмъ путешествіе вмѣстѣ съ своими волонтерами прошелъ превосходную школу въ кораблестроеніи на лучшихъ верфяхъ Голландіи и Англіи и воротился оттуда съ большимъ количествомъ нанятыхъ корабельныхъ мастеровъ и моряковъ, Петръ, за спѣшностію времени, первое, что сдѣлалъ теперь—велѣлъ переписать струя у прежнихъ владѣльцевъ близъ

театра начинавшихся военных дѣйствій и готовить новые на рѣкѣ Сязи, впадающей въ Ладожское озеро, и переѣхать на нихъ служившимъ подъ Азовомъ. На этихъ уже судахъ наши успѣшно открыли свои дѣйствія на Ладожскомъ и Чудскомъ озерахъ и съ такою быстротою и такъ незамѣтно проплыли Неву, что въ устьѣ ея, весной 1703 г., неожиданно напавъ на нѣсколько шведскихъ судовъ, не подозревавшихъ опасности, Петръ лично взялъ ихъ на бордажъ и тѣмъ воскресилъ въ памяти народа блистательную побѣду, одержанную здѣсь Александромъ Невскимъ. Не дожидаясь, пока устья этой рѣки будутъ уступлены намъ формально, онъ основалъ тамъ городъ-крѣпость, заложивъ адмиралтейство. Судостроеніе пошло теперь въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Работа, съ участіемъ Петра, кипѣла и на Ладожскомъ озерѣ, на берегахъ Свири, и въ устьяхъ Невы; строились уже и настоящіе корабли.

Флотъ этотъ, росшій съ замѣчательною быстротою, не былъ въ состояніи одержать побѣды, равной по размѣрамъ и значенію побѣдѣ Полтавской; но и онъ выигралъ такія серьезныя сраженія, какъ Гангутское и Гренгамское; оказывалъ нашей арміи важную помощь въ доставленіи провіанта, артиллерійскихъ орудій и другихъ необходимыхъ для нея предметовъ, и тѣмъ содѣйствовалъ взятію Выборга, Нарвы, Риги; защищая Кронштадтъ отъ нападеній шведскаго флота, сдѣлалъ устья Невы недоступными для непріятельскихъ нападеній, что обезпечивало безпрепятственное развитіе всего, заготовляемаго здѣсь для войны; разъединялъ шведскую армію отъ шведскаго флота, заставляя послѣдній держаться вдали отъ занимаемыхъ русскими береговъ, и даже пытался тревожить спокойствіе Стокгольма. Славными условіями Ништадтскаго мира, поэтому, мы несомнѣнно обязаны успѣхамъ и арміи, и флота.

Во время первой половины Сѣверной войны Петръ заботился о развитіи флота на Балтійскомъ морѣ, по окончаніи ея — на Каспійскомъ, по которому Петръ совершалъ свой походъ къ персидскимъ владѣніямъ; въ послѣдніе годы царствованія онъ принялъ мѣры къ восстановленію Воронежской верфи и сдѣлалъ распоряженіе и послалъ изъ Москвы людей для постройки судовъ въ Кіевѣ и Брянскѣ; за нѣсколько вѣдѣлъ до кончины онъ начертилъ планъ морской экспедиціи Беринга, приказывая для нея «въ Камчаткѣ, или въ другомъ тамъ мѣстѣ, сдѣлать одинъ или два бота съ палубами».

Создавшійся флотъ достигъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Онъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ сотенъ другихъ судовъ разныхъ наименованій. Всѣхъ судовъ — кораблей, фрегатовъ, галеръ, бригантинъ, ботовъ, эверсовъ и т. п. — въ царствованіе Петра на русскихъ верфяхъ построено было около 900, значительная часть коихъ осталась и послѣ него; наибольшими размѣрами отличался корабль «Гангутъ», имѣвшій длину 164, ширину 47, глубину 19 футовъ, и вооруженный 92 пушками.

Людей во флотъ было тысячъ 27—28. Годовое содержаніе его опредѣлилось, къ концу царствованія, до 1½ милліона рублей (по штатамъ 1720 г. цифра расходовъ на сухопутныя войска назначалась въ 4 милліона рублей). Флотъ выдѣлился въ особое самостоятельное вѣдомство, морское, съ адмиралтейскою коллегіею и адмираломъ во главѣ; явились для него узаконенія, уставы, регламенты, книги, карты, спеціальныя училища съ общеобразовательными предметами—навигаціонная школа и морская академія, доставлявшія контингентъ подготовленныхъ высшихъ чиновъ; нижніе чины комплектовались чрезъ рекрутскіе наборы; способные люди отправлялись для обученія и практики на иностранныя верфи и суда. Выработываясь въ періодъ непрестанныхъ дѣйствій, вся эта организація создававшася флота пріобрѣтала характеръ практичности; получаемые съ Запада образцы, за исключеніемъ терминовъ, быстро видоизмѣнялись соотвѣтственно съ мѣстными условіями, заявившими о себѣ. Флотъ удерживалъ національный характеръ не только по преобладавшему составу членовъ, но и по духу его регламентовъ, узаконеній. Къ 1721 году почти всѣ матросы были уже одни русскіе; мѣры къ сокращенію числа иностранныхъ морскихъ офицеровъ и замѣнѣ ихъ русскими привели къ тому, что въ слѣдующемъ году Крюйсъ писалъ Апраксину: «по мнѣнію моему, ни одного иноземца въ офицеры не надлежитъ принимать, который не былъ добрымъ штурманомъ и констапелемъ, понеже здѣсь и своихъ русскихъ офицеровъ довольно»; важнѣйшія руководственно-отвѣтственныя должности—адмиральство, президентство въ коллегіи, предоставлялись исключительно однимъ русскимъ людямъ.

Нравственныя начала во флотѣ положены были тѣ же, что и въ арміи: при строгой дисциплинѣ тѣсная моральная связь между членами флота. Непосредственному главному начальнику его, генераль-адмиралу, который, по регламенту, хотя и «презентовалъ собою персону своего государя», вѣнялось относиться къ подчиненнымъ, «яко отцу», и «образомъ своего житія» подавать всѣмъ примѣръ въ храбрости, справедливости и ревности. Какъ и самъ Петръ, который постепенно былъ плотникомъ, басомъ, шкиперомъ, капитаномъ и, наконецъ, адмираломъ, дѣлившимся съ сослуживцами заботы, дѣло, радость и горе, онъ долженъ былъ жить общою, неразрывною съ флотомъ жизнью.

Вмѣстѣ съ развитіемъ военнаго флота быстро росъ и флотъ торговый. Часть торговыхъ кораблей была построена отъ казны, и на нихъ отправлялись казенные и частные товары въ дальніе заграничныя порты. Къ ихъ постройкѣ государь побуждалъ крупныхъ купцовъ, предоставляя предпринимателямъ различныя льготы. Морскимъ офицерамъ разрѣшалось поступать на торговыя и промысловыя суда капитанами, туда опредѣлялись и матросы. Для распространенія по нашимъ рѣкамъ и озерамъ

новыхъ судовъ, вмѣсто прежнихъ, староманерныхъ, Петръ посылалъ въ разныя мѣста Россіи офицеровъ, мастеровыхъ, подмастерьевъ и учениковъ изъ адмиралтейства. Посланные строили большею частию образцовыя суда, по которомъ окрестные жители сами могли бы учиться новому судостроенію. Принципъ взаимодѣйствія торговаго и военнаго флотовъ проводился вообще въ широкихъ размѣрахъ, оказывая тѣмъ помощь и сухопутнымъ войскамъ въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ и нашей торговлѣ и промышленности, причѣмъ на всеѣ мы видимъ яркій отпечатокъ возрѣній и дѣятельности главнаго Строителя.

Не уступая въ отвагѣ древне-русскимъ князьямъ, учинявшимъ морскіе походы и набѣги, этотъ Строитель былъ вмѣстѣ и гениальный преемникъ московскихъ государей, которые, не довольствуясь уже рѣчными лодочками, посмотрѣли на флотъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. Но «московскіе государи надѣялись выполнить дѣло, не выходя изъ Кремля, путемъ указовъ и порученій»,—и оно не двинулось у нихъ далѣе попытокъ. А Петръ, бывши лучшимъ въ Европѣ корабельнымъ мастеромъ и опытившимъ морякомъ, «съ топоромъ въ рукахъ самъ сходить на верфь, строить лодки, закладываетъ галеры, корабли», влагаетъ въ дѣло всю свою душу, увлекая съ собой и за собой подвластныхъ и наймитовъ,—и флотъ, во всеѣ его разнообразіи, получаетъ прочное существованіе, постоянно напоминая о мысли Великаго Преобразователя, что «всякій potentatъ (владѣтель), который едино войско сухопутное имѣеть, одну руку имѣеть; который и флотъ имѣеть,—обѣ руки имѣеть», и что флотъ долженъ быть способенъ не къ однимъ оборонительнымъ дѣйствіямъ, но и къ наступательнымъ, всегда быть въ состояніи, въ случаѣ надобности и потребности, самъ «сискать себѣ гавань».

Профес. Дм. Цвѣтаевъ.

Замѣтка о домѣ Романовыхъ ¹⁾

происхожденіи дома Романовыхъ существуетъ два мнѣнія. Родоначальникомъ этого дома считаютъ то выходца изъ Пруссіи, то выходца изъ Литвы. Почти всѣ наши историки придерживаются перваго предположенія и, основываясь, какъ кажется, на заявленіи Кампенаузена, доказываютъ, что пра-родитель дома Романовыхъ былъ братъ нѣкоего прусскаго князя,—Глянда Камбига Дивоновичъ, который прибылъ въ

¹⁾ 12-го іюля настоящаго года исполнится 300 лѣтъ со дня рожденія родоначальника дома Романовыхъ—царя Михаила Феодоровича, а между тѣмъ и до настоящаго времени, помѣщаемыя въ родословныхъ сборникахъ росписи членовъ русскихъ дворянскихъ родовъ вообще и дома Романовыхъ въ особенности крайне неудовлетворительны въ научномъ отношеніи. На этомъ основаніи Костромская ученая архивная коммиссія уже нѣсколько лѣтъ занимается собираніемъ историческихъ матеріаловъ для воссозданія прошедшаго предковъ царя Михаила Феодоровича, какъ со стороны его матери—великой инокини Марфы, такъ и со стороны отца—святѣйшаго всероссійскаго патріарха Филарета.

Собранные ученою архивною коммиссіею матеріалы настолько обширны и важны, что побудили предсѣдателя коммиссіи, члена Государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря Н. Н. Селифонтова ходатайствовать объ учрежденіи при коммиссіи особаго отдѣла бібліотеки и архива подъ наименованіемъ „Романовскій отдѣлъ архива и бібліотеки Костромской губернской ученой архивной коммиссіи“. Въ этомъ отдѣлѣ предполагается сосредоточить, какъ собранные уже документы о домѣ Романовыхъ, такъ и тѣ, которые будутъ вновь найдены въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. Сюда же войдутъ всякаго рода замѣтки, ученныя изслѣдованія и монографіи, касающіяся дома Романовыхъ.—Къ числу такихъ замѣтокъ принадлежатъ и двѣ печатаемыя нынѣ на страницахъ „Русской Старины“. Онѣ помѣщаются въ томъ видѣ, въ какомъ доставлены

Р е д.

Росію, въ послѣдней четверти XIII вѣка и принялъ св. крещеніе съ именемъ *Ивана*, въ 1287 году. По другой же версіи, онъ былъ знатнымъ литовскимъ вельможею, пріѣхавшимъ въ Росію около 1280 года. Въ пользу этого послѣдняго предположенія говорятъ два обстоятельства: а) названіе *Глянда Камбла*—несомнѣнно литовскаго корня; вѣроятно отсюда произошло и прозваніе *Кобыла*, которое придано было сыну его *Андрею Ивановичу*, являющемуся уже историческимъ лицомъ, какъ занимавшій высокое положеніе при дворѣ Московскаго великаго князя *Симеона Ивановича Гордаго*, и б) время прибытія въ Росію, во второй половинѣ XIII вѣка, совпадаетъ съ происходившими тогда въ Литвѣ большими смутами, послѣ смерти великаго князя *Миндовга*, въ 1263 году, когда многіе знатные литовцы бѣжали отъ преслѣдованія своихъ; въ одинъ *Псковъ* удалилось до 300 семействъ и тамъ поселились, принявъ святое крещеніе.

Былъ ли родоначальникъ дома Романовыхъ выходцемъ изъ Пруссіи или изъ Литвы, во всякомъ случаѣ онъ былъ знатнымъ лицомъ, такъ какъ и сынъ его *Андрей Ивановичъ Кобыла*, и внукъ *Федоръ Андреевичъ Кошка* были возведены въ боярскій санъ и занимали важныя государственныя должности, будучи приближенными людьми при московскихъ великихъ князьяхъ, у которыхъ пользовались большимъ довѣріемъ.

Знатность рода доказывается и тѣмъ, что уже *Федоръ Андреевичъ Кошка*, въ 1391 году, выдалъ дочь свою *Анну* замужъ, за сына великаго князя *Михаила Александровича Тверскаго*—*Федора Михайловича Микулинскаго* и тогда же породнился съ *Рюриковскимъ* домомъ. Такое родство происходило и впослѣдствіи неоднократно. Такъ, внучка того же *Федора Андреевича*, дочь сына его, *Федора Голтая*, *Марія* была за княземъ *Ярославомъ Владиміровичемъ Боровскимъ*, правнукомъ великаго князя *Ивана Калиты*¹⁾, а правнучка *Федора Андреевича*, дочь предыдущей, *Марія Ярославна* была супругою великаго князя *Василія III Темнаго*.—На этой свадьбѣ произошелъ извѣстный споръ о драгоценномъ поясѣ, отобранномъ у *Галицкаго князя Василія Юрьевича Косого*, что было поводомъ къ жестокой распрѣ между великимъ княземъ *Василіемъ III* и его двоюродными братьями, ознаменовавшея столь печальными послѣдствіями для обѣихъ враждовавшихъ сторонъ. Въ четвертый разъ домъ Романовыхъ породнился съ домомъ *Рюрика* черезъ бракъ царя *Ивана Василіевича IV Грознаго* съ *Анастасією Романовною* и, наконецъ, въ пятый разъ—черезъ женитьбу ея брата *Ни-*

¹⁾ У великаго князя *Ивана Калиты* былъ сынъ *Андрей* († 1353), внукъ *Владиміръ Храбрый* († 1410) и правнукъ *Ярославъ*.

кты Романовича на княжнѣ Евдокии Александровнѣ Горбатой-Шуйской (22-ое колѣно отъ Рюрика) ¹⁾.

У Никиты Романовича было пять сыновей, которые, за исключеніемъ Ѳедора, впоследствии патріарха Филарета, и недужнаго брата его Ивана, всѣ погибли, не переживъ и года жестокаго съ ними обращенія въ ссылкѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ, избранныхъ для жительства царемъ Борисомъ Годуновымъ въ 1601 году. Да и самое это гоненіе, основанное на подготовленной умышленно недѣльной клеветѣ, не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ, какъ родъ Романовыхъ, близко стоявшій къ престолу, даровитый и любимый народомъ, казался опасенъ для царя Бориса ²⁾.

Никита Романовичъ женатъ былъ два раза. Первая его супруга Варвара Ивановна, урожденная Ховрина, скончалась въ 1552 году, а вторая—Евдокія Александровна, дочь князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, въ 1576 году. Самъ же онъ умеръ въ 1586 году.

Естественно является вопросъ—отъ какого брака какіе именно были дѣти?

Въ родословной фамиліи Романовы-Юрьевы-Захарьины, приложенной къ «Русской Старинѣ» за 1878 годъ, сказано, что старшій Ѳедоръ (въ монашествѣ Филаретъ) родился отъ перваго брака отца съ Варварою Ивановною Ховриной, около 1550 года и что всѣ остальные дѣти были отъ втораго брака.

¹⁾ Родъ князей Горбатовъ-Шуйскихъ ведетъ свое начало отъ сына св. Александра Невскаго—Андрея Суздальскаго, старшаго брата Данила Московскаго. Ближайшимъ предкомъ этой отрасли считается Иванъ Городецкій, прозванный Горбатымъ, правнукъ великаго князя Дмитрія III Константиновича Суздальскаго. Отъ Рюрика до св. Александра Невскаго насчитываютъ 11 колѣнъ, отъ него до великаго князя Дмитрія III Суздальскаго четыре колѣна, затѣмъ до князя Ивана Горбатаго-Городецкаго еще три колѣна и, наконецъ, отъ сего послѣдняго до княжны Евдокии Александровны четыре колѣна, — всего 22 колѣна.

²⁾ Боярина Александра Никитича (пожалованъ въ бояры въ 1599 г.), по словамъ гѣтописцевъ, удавили въ ссылкѣ, у береговъ Бѣлаго моря. Братьевъ его Василя и Ивана сослали въ Пермь. Околицкаго Михаила Никитича уморили голодомъ, держа въ землявѣ-тюрьмѣ, въ Ныробской волости, въ окрестностяхъ Чердыни. Боярина Ѳедора Никитича (бояриномъ съ 1587 г.) насильно постригли въ монахи въ Сѣвскомъ-Антоніевомъ монастырѣ, въ Холмогорскомъ краю, подъ именемъ Филарета. Жену его Ксенію Ивановну, урожденную Шестову, постригли подъ именемъ Марфы и сослали въ Заонежье. Малолѣтнихъ дѣтей ихъ, будущаго царя Михаила, пяти лѣтъ, съ сестрою Татьяною, сослали на Белоозеро, вмѣстѣ съ теткою ихъ—дѣвицею Анастасією Никитичною, которая вышла потомъ замужъ за князя Бориса Михайловича Лыкова-Оболенскаго. Пострадали также и многіе другіе родственники изъ семейства Романовыхъ.

Между тѣмъ въ жизнеописаніи святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи, составленномъ А. Смирновымъ, положительно утверждается, что онъ родился отъ второй супруги Никиты Романовича—Евдокии, изъ рода князей Горбатовыхъ, полагая время рожденія между 1554 и 1560 годами ¹⁾).

Какое изъ этихъ двухъ противорѣчивыхъ показаній заслуживаетъ болѣе вѣроятія?

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, точнаго дня рожденія не обозначено,—слѣдовательно оба заявленія основаны не на неопровержимомъ фактѣ. Поэтому можно принять за достовѣрное лишь то предположеніе, которое наиболѣе отвѣчаетъ другимъ извѣстнымъ обстоятельствамъ.

Прежде всего необходимо установить время второго брака Никиты Романовича. Не подлежитъ сомнѣнію, что бракъ этотъ былъ совершонъ вскорѣ послѣ смерти первой его супруги, послѣдовавшей въ 1552 году. Невозможно допустить, чтобы Никита Романовичъ, не возбуждая гнѣва грознаго царя Ивана Василевича, могъ жениться, не только на дочери казеннаго боярина, но даже и такого, который впалъ въ немалость. Поэтому можно съ увѣренностью предположить, что бракъ состоялся задолго до казни ²⁾, еще при жизни родной сестры Никиты Романовича—царицы Анастасіи и при ея содѣйствіи.

Такъ какъ отецъ невесты, князь Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій, послѣ покоренія Казани, былъ первымъ намѣстникомъ въ этомъ городѣ, съ 1552 по 1555 годъ, то свадьба могла состояться по возвращеніи его въ Москву, т. е. въ 1555 же году, и въ такомъ случаѣ Федоръ Никитичъ могъ родиться въ 1556 году.

Продолжая изслѣдованіе, нельзя не остановиться на времени вступленія въ бракъ Федора Никитича, на времени ссылки его и постриженія въ монахи и, наконецъ, на времени его кончины. По приведенной родословной бракъ Федора Никитича состоялся около 1585 года. Въ сочиненіи же А. Смирнова говорится, что Федоръ Никитичъ женился при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, по принужденію, съ цѣлью унижить его (по

¹⁾ Въ родословной росписи рода Романовыхъ, составленной П. Хавскимъ, изданіе 1863 года, показано также, что Федоръ Никитичъ родился отъ второй супруги своего отца.

²⁾ Казнь князя Александра Горбатаго совершена при учрежденіи опричнины въ 1565 году. Въ «Визліоникѣ» Новикова, изданія 1791 года, бояринъ князь Александръ Борисовичъ Горбатый показанъ выбившимъ изъ списковъ въ 1566 году (7074); въ томъ же году послѣдовала кончина дворецкаго Давида Романовича Юрьева и назначеніе на эту должность боярина Никиты Романовича Юрьева (въ званіи боярина пожалованъ былъ въ 1563 году). Назначеніе на столь приближенную должность какъ дворецкаго подтверждаетъ, что царь Иванъ Васильевичъ продолжалъ благоволить къ Никитѣ Романовичу, несмотря на казнь его тестя.

мѣстныя понятія) связью съ обѣдѣншею фамиліею, но онъ нашелъ добрую жену въ Ксеніи Ивановнѣ, урожденной Шестовой.

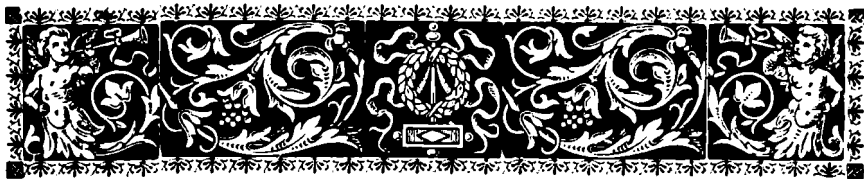
Если причина такого брака справедлива, то кто же могъ стараться увизить Ѳедора Никитича, какъ не Борисъ Годуновъ? Съ другой стороны, окончательное вліяніе послѣдняго на царя Ѳедора Ивановича утвердилось лишь послѣ смерти Никиты Романовича, послѣдовавшей въ 1586 году, когда царь лишился высокочтимого и любимого имъ дяди. Надо поэтому полагать, что и бракъ Ѳедора Никитича состоялся послѣ 1586 года. Отъ этого брака было пять сыновей и одна дочь. Старшіе четыре сына померли еще въ младенческихъ лѣтахъ, въ періодъ времени съ 1592 по 1599 годъ; замужняя дочь умерла въ 1611 году; отца пережилъ только царь Михаилъ Ѳедоровичъ.

Опала постигла домъ Романовыхъ въ 1601 году. Извѣстно, что всѣ братья Романовы были тогда въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. По удостовѣренію современниковъ, старшій изъ нихъ, Ѳедоръ Никитичъ, не только отличался умомъ, дарованіями и привѣтливостію, но обладалъ также замѣчательною ловкостію и красотою. Никто лучше его не ѣздилъ верхомъ; не было въ Москвѣ красивѣе и щеголеватѣе мужчины. Какъ же согласовать эти отзывы съ 50-ти-лѣтнимъ возрастомъ, если рожденіе его отнести къ 1550 году? Не служить ли это новымъ подтвержденіемъ, что онъ былъ значительно моложе и что ему было тогда не болѣе 45 лѣтъ.

Обращаясь затѣмъ ко времени кончины патріарха Филарета († въ 1663 г.), мы опять наталкиваемся на слишкомъ большую разницу лѣтъ между 83 и 77 годами. Если принять въ соображеніе, что до конца своей жизни, почти до послѣдней минуты, патріархъ проявлялъ замѣчательную энергію по управленію, не однимъ духовнымъ вѣдомствомъ, но и государственными дѣлами вообще, то едва ли онъ могъ быть столь преклонныхъ лѣтъ, какъ 83-хъ-лѣтній возрастъ, въ особенности послѣ тѣхъ физическихъ страданій и нравственныхъ потрясеній, которыя онъ испыталъ въ продолженіе своей жизни. Ссылка, постриженіе и заточеніе въ теченіе пяти лѣтъ, во время опалы; разлука съ женою и малолѣтними дѣтьми, что сокрушало его страшнымъ горемъ, и потомъ продолжительное, съ 1610—1619 годъ, пребываніе въ плѣну въ Польшѣ, при всякихъ лишеніяхъ и оскорбленіяхъ,—всѣ эти обстоятельства не могли содѣйствовать сохраненію глубокой старости, какъ бы онъ ни былъ крѣпко сложенъ.

Вышеизложенныя данныя приводятъ къ убѣжденію, что Ѳедоръ Никитичъ родился позже 1550 года и былъ не отъ перваго, но отъ втораго брака его отца съ княгинею Евдокіею Александровною Горбатово-Шуйскою, а потому въ благополучно царствующемъ нынѣ домѣ течетъ несомнѣнно Рюриковская кровь, и царь Михаилъ Ѳедоровичъ возсѣлъ на престолъ, не по одному только избранію народному, но и по законному прврожденному праву.

Г. М.

ЗАМѢТКА

о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ.

Занимаясь изслѣдованіемъ родственныхъ связей между домомъ Рюрика и царственнымъ домомъ Романовыхъ, мы должны были, по необходимости, войти въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся суздальскихъ князей, какъ родоначальниковъ двухъ угасшихъ фамилій—князей Шуйскихъ (старшая вѣтвь) и князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ (младшая вѣтвь). Къ этой послѣдней отрасли принадлежала вторая супруга боярина и дворецкаго Никиты Романовича Юрѣева-Захарыина, дѣда царя Михаила Феодоровича, которую считаемъ, какъ старались доказать въ предыдущей статьѣ, матерью его отца—святѣйшаго патріарха Филарета Никитича.

Наши историки, прежде всего, несогласны между собою насчетъ самаго происхожденія суздальскихъ князей, ведя родъ ихъ отъ брата св. Александра Ярославича Невскаго или отъ его сына. Причина такого разногласія заключается въ той путаницѣ, которая существуетъ въ родословныхъ русскихъ князей вообще и въ тѣхъ противорѣчивыхъ часто показаніяхъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ. Многое приходится потому основывать на догадкахъ, болѣе или менѣ удачныхъ, которыя являются неизбежно, при сопоставленіи сомнительныхъ данныхъ съ другими уже вѣстными фактами. Н. М. Карамзинъ, Н. Г. Устряловъ и нѣкоторые другіе историки, а въ послѣднее время П. Н. Петровъ и А. В. Экземплярскій, ведутъ родъ суздальско-нижегородскихъ князей отъ великаго князя Андрея Ярославича, втораго сына великаго князя Ярослава Всеволодовича, тогда какъ другіе изслѣдователи, начиная съ С. М. Соловьева, считаютъ этотъ родъ происходящимъ отъ великаго князя Андрея Александровича, сына св. Александра Яро-

славича Невскаго. При этомъ нашъ извѣстный историкъ, въ подтвержденіе своего предположенія, приводитъ два доказательства:

1) Въ Никоновской лѣтописи, годъ 1365, о старшемъ братѣ великаго князя Дмитрія III Константиновича Суздальскаго выражено: «Преставися кроткій, и тихой, и смиренной, и многодобродѣтельный князь Андрей Константиновичъ Суздальскій, Новгорода-Нижняго и Городецкій, внукъ Васильевъ, правнукъ Михайловъ, праправнукъ Андреевъ, препраправнукъ Александровъ, пращуръ Ярославъ... и т. д.»

Въ приведенномъ перечнѣ суздальскихъ князей, какъ поколѣніе св. Александра Невскаго, вкралась ошибка: согласно установившемуся нынѣ взгляду, князь Василій († 1309) приходился князю Михаилу († 1304) не сыномъ, а роднымъ братомъ.

А. В. Экземплярскій, указывая на эту ошибку, находитъ въ двухъ мѣстахъ Никоновской же лѣтописи, что Михаилъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича. Такъ, подъ 1264 годомъ, говорится: «Того же лѣта преставися князь великій Суздальскій Андрей Ярославичъ... Сего сынове: Юрьи, Михайло.» Подъ 1279 годомъ въ той же лѣтописи сказано: «Того же лѣта преставись князь великий Юри Андреевичъ Суздальскій, внукъ Ярославичъ, правнукъ Всеволожъ... ..И по немъ сяде братъ его (слѣдовательно внукъ Ярославичъ) на великомъ княженіи в Суздале князь Михайло Андреевичъ.»

Нельзя допустить, чтобы нашъ историографъ, которого труды отличаются замѣчательною добросовѣстностью, могъ не знать этихъ двухъ послѣднихъ указаній означенной лѣтописи; если же онъ не придалъ имъ значенія, а остановился на первомъ указаніи, то, по всей вѣроятности, потому, что оно казалось ему болѣе согласованнымъ съ другими обстоятельствами. Замѣтимъ при этомъ, что С. М. Соловьевъ специально занимался изученіемъ родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома.

и 2) царь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ грамотѣ о своемъ избраніи, говоря о происхожденіи своемъ, ведетъ общій родъ до Александра Невскаго, котораго называетъ своимъ прародителемъ, а послѣ Александра начинается развѣтвленіе рода на двѣ отрасли—отрасль Андрея Александровича, отъ котораго пошли они, князья Суздальско-Шуйскіе, и отрасль Данила Александровича, отъ котораго пошли князья, потомъ цари московскіе.

А. В. Экземплярскій находитъ этотъ аргументъ болѣе чѣмъ слабымъ, усматривая въ словахъ цари Василія Ивановича одну похвальбу передъ боярами и толпою о происхожденіи отъ Невскаго, такъ какъ ему нуженъ былъ знаменитый предокъ для того, чтобы власть его была, такъ сказать, санкціонирована въ глазахъ народа.

Съ такимъ возрѣніемъ А. В. Экземплярскаго согласиться безусловно

нелзя. Необходимо припомнить, что мѣстническія понятія сохранялись тогда еще въ полной силѣ, и каждый очень хорошо зналъ какъ свой, такъ и чужіе роды. Василій Ивановичъ Шуйскій, будучи одаренъ умомъ, обладалъ и большимъ лукавствомъ. Но если такое свойство его характера не мало способствовало ему къ достиженію престола, то оно же должно было, какъ искуснаго политика, удержать его отъ публичной лжи, которая, при извѣстности его происхожденія, могла ему только повредить въ общемъ мнѣніи. Поэтому мы не можемъ признавать аргумента С. М. Соловьева слабымъ, а напротивъ того, находимъ его весьма сильнымъ и думаемъ, что царь Василій Ивановичъ Шуйскій объявилъ такое всенародное воззваніе потому, что самъ былъ убѣжденъ въ прямомъ своемъ происхожденіи отъ св. Александра Невскаго.

Въ доказательство противнаго мнѣнія, т. е., что родъ Суздальскихъ князей слѣдуетъ вести отъ брата Невскаго, великаго князя Андрея Ярославича, А. В. Экземпларскій приводитъ одинъ фактъ, на его взглядъ очень вѣсскій, на который уже указывалъ профессоръ Сергѣевичъ въ своихъ «Лекціяхъ по русскому праву» (издан. 1887 года). Фактъ этотъ, заключающійся въ женитьбѣ великаго князя Андрея Александровича (сына Невскаго) на дочери Ростовскаго князя Дмитрія Борисовича, изложенъ въ лѣтописномъ указаніи слѣдующимъ образомъ:

«Въ Воскресеніи: престависъ (въ 1294 году) князь Дмитрій Ростовскій... Того же лѣта женисѣ князь Андрей Александровичъ (вторымъ бракомъ), поня книгиню Василису, дщерь Дмитріеву Борисовича Ростовскаго» (см. 183 примѣчаніе къ IV тому «Исторіи государства російскаго»).

Обратимъ сначала вниманіе на то, что Н. М. Карамзинъ, какъ отмѣчено имъ въ скобкахъ, считаетъ этотъ бракъ вторымъ. А. В. Экземпларскій же, не находя источниковъ, на основаніи которыхъ сдѣлана такая отмѣтка, и относя ее къ простому соображенію историка, полагаетъ, что названный бракъ былъ первымъ; при чемъ ставитъ вопросъ: если Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Александровича, женившася въ 1294 г., то могъ ли онъ самъ жениться въ 1304 г., когда ему было 10-тъ лѣтъ, а въ 1305 г., когда ему было лѣтъ одиннадцать, избить вѣчниковъ? ¹⁾

Какъ бы выводы логичны ни были, но они получаютъ серьезное значеніе лишь тогда, когда исходятъ изъ твердаго основанія. Но приписывать такому глубокому изслѣдователю, какъ Н. М. Карамзинъ, личныя одни соображенія, тогда какъ онъ пользовался богатыми матері-

¹⁾ Въ 1305 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ, червь избилъ бояръ великаго кн. Андрея Александровича; въ томъ же году возвратился изъ орды князь Михаилъ Андреевичъ и наказалъ вѣчниковъ.

алами, относясь къ нимъ критически, едва ли справедливо. Если же бракъ былъ не первымъ, а вторымъ, то и приведенныя разсужденія падаютъ сами собою.

По всѣмъ вышеизложеннымъ даннымъ, нельзя не согласиться съ С. М. Соловьевымъ и не придти къ заключенію, что вопросъ о происхожденіи князей Суздальско-Нижегородскихъ не можетъ быть пока рѣшенъ окончательно. Съ своей стороны, для большаго его разъясненія, можемъ указать на одно обстоятельство въ пользу происхожденія ихъ отъ св. Александра Невскаго, которое, сколько намъ извѣстно, не принималось еще въ соображеніе. Въ ордѣ, при соисканіи на великое княженіе Владимірское, суздальскіе князья, соперничая съ московскими, указывали постоянно на свое родовое старшинство ¹⁾. Такъ, по смерти великаго князя Семена Гордаго, соперникомъ его брату, Ивану Красному, явился суздальскій князь Константинъ Василевичъ; точно также и послѣ кончины великаго князя Ивана II, соперникомъ его сыну, Дмитрію Донскому, былъ—сынъ Константина Суздальскаго—Дмитрій Константиновичъ III, который и получилъ сперва ярлыкъ на великое княженіе, но не надолго.

Отъ Рюрика до св. Александра Невскаго или до его брата Андрея Ярославича насчитывается 11-ть колѣнъ. Ведя счетъ далѣе до великаго князя Дмитрія III Константиновича, получимъ отъ Рюрика же, въ одномъ случаѣ, считая родъ Суздальскихъ князей отъ Андрея Ярославича,—14, а въ другомъ, если вести родъ отъ Андрея Александровича—15 колѣнъ. Поэтому, правнукъ Дмитрія III Константиновича, князь Иванъ Горбатый (Городецкій), который былъ родоначальникомъ младшей вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ, представляетъ 17-ое, или 18-ое колѣно отъ Рюрика.

Между тѣмъ изъ XVII-го полутома энциклопедическаго словаря Брокгауза (стр. 215) узнаемъ, что князь Иванъ Василевичъ, прозванный Горбатымъ, (19 колѣно отъ Рюрика) жилъ въ концѣ XV вѣка. Спрашивается, откуда явились эти 19 колѣнъ, вмѣсто упомянутыхъ выше 17 или 18, а также на основаніи какихъ данныхъ онъ жилъ въ концѣ, а не въ половинѣ XV вѣка?—Время его смерти, правда, неизвѣстно, но знаемъ однако, что князь Иванъ Горбатый, по договору съ великимъ княземъ Василиемъ Темнымъ, заключенному въ 1451 году, обязался отдать ему ярлыкѣ на Суздаль и Нижній-Новгородъ, получивъ за то, въ видѣ простой уже вотчины, а не удѣла, Волжскій Городецъ.

¹⁾ При чемъ, разумѣется, имѣли въ виду старшинство Андрея Александровича предъ Данииломъ Александровичемъ, который былъ его моложе, а не Андрея Ярославича, передъ братомъ своимъ св. Александромъ Невскимъ, который былъ его старше.

Въ слѣдующей статьѣ того же словаря, о князѣ Александрѣ Борисовичѣ Горбатовѣ-Шуйскомъ, между прочимъ, сказано, что онъ сложилъ голову въ 1564 году и что старшая его дочь Евдокія была за Романомъ Юрьевичемъ Захарьинимъ, дѣдомъ царя Михаила.

Въ этихъ свѣдѣнiяхъ, что ни слово, то ошибка. Казнь совершена 4 февраля 1565 года. Извѣстно, что царь Иванъ Василевичъ IV Грозный отъѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу 3-го декабря 1564 г. и только спустя мѣсяць, именно 3-го января, прислалъ митрополиту списокъ объ измѣнахъ боярскихъ, послѣ чего учреждена была опричина и послѣдовали казни ¹⁾. Княжна Евдокія Горбатая была замужемъ дѣйствительно за дѣдомъ царя Михаила Ѳеодоровича, но только за Никитою Романовичемъ, а не за прадѣдомъ его Романомъ Юрьевичемъ. Да и старшая ли она была изъ дочерей князя Александра Горбатаго? По Бутурлинской родословной, старшею дочерью показана княжна Ирина († 1565), которая была за княземъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Мстиславскимъ.

Мы уже говорили о недоразумѣнiяхъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ старыхъ родословныхъ. Новѣйшiе же ихъ составители не только не разъясняютъ возникающихъ сомнѣнiй, но, повидимому, еще болѣе затемняютъ дѣло. Какъ образчикъ путаницы, приведемъ выдержки о родѣ Суздальскихъ же князей изъ сочиненiя П. Н. Петрова—«Исторiи родовъ русскаго дворянства», изданiе 1886 года.

На страницахъ 120—121 тома I мы видимъ, что у втораго сына князя Василя Юрьевича Шуйскаго (правнука великаго князя Дмитрiя Константиновича и внука сына послѣдняго, князя Василя Кирдяпы Суздальскаго),—Михаила Васильевича было два сына: Иванъ Михайловичъ Плетень († 1559) и Андрей Ивановичъ (а не Михайловичъ), который былъ воеводою и убитъ въ 1553 году 29 декабря, при штурмѣ Полоцка. Далѣе налагается его краткая биографiя: въ послѣднiе годы княженiя Василя IV, онъ былъ на воеводствѣ въ Нлжнемъ; въ первый годъ правленiя Елены сохранялъ вѣрность ея правительству; въ 1540 году былъ намѣстникомъ въ Псковѣ; въ 1544 году—воеводой въ Казанскомъ походѣ, въ 1549 г.—въ Шведскомъ, въ 1550 г.—въ Полоцкомъ и тамъ сложилъ голову. Послѣ того говорится, что братъ Ивана Михайловича Плетня—Андрей Михайловичъ оставилъ одного

¹⁾ Лѣтосчисленiе велось тогда сентябрьскими годами; при переводѣ же этихъ годовъ на январскiе, данный годъ уменьшается на единицу въ томъ лишь случаѣ, когда событiе случилось въ мѣсяцахъ съ сентября по декабрь включительно; во всѣхъ же остальныхъ мѣсяцахъ, по общему правилу, изъ годовъ отъ сотворенiя мира прямо вычитается 5.508—число лѣтъ, протекшихъ до Рождества Христова.

сына, боярина князя Ивана Андреевича († 1573 г.), отца четырехъ сыновей: царя Василія Ивановича и трехъ его братьевъ—Дмитрія, Александра и Ивана Василіевичей. Наконецъ, вслѣдъ за повѣствованіемъ о дѣйствіяхъ опекуна царя Ивана Грознаго—Василія Василіевича Шуйскаго (Нѣмаго), и о поступкахъ брата его Ивана Василіевича, втораго верховника, который вынужденъ былъ въ 1542 году покинуть власть и умеръ потомъ въ неизвѣстности, мы читаемъ: «Другихъ его пособниковъ судьба была больше суровая: Андрея Михайловича обрекъ казни гнѣвъ юнаго Грознаго, въ первый разъ проявленный. Его бросили—по приговору своей же братіи бояръ—псарямъ на растерзаніе на улицѣ (29 декабря 1543 г.).»

Между тѣмъ въ родословной таблицѣ, помѣщенной на страницахъ 122—123, вторымъ сыномъ Михайла Василіевича и братомъ Ивана Плетня показанъ Андрей бояринъ († 1543), а не Андрей, названный почему-то Ивановичемъ, а не Михайловичемъ, который былъ убитъ подъ Полоцкомъ въ 1553 году.

Если предположить, что въ родословной таблицѣ вкралась опечатка въ годѣ, т. е. вмѣсто 1543, должно стоять 1553, въ такомъ случаѣ, кто же былъ другой Андрей Михайловичъ, пособникъ Ивана Василіевича, втораго временщика, который былъ умерщвленъ псарями? Вѣдь это лицо было весьма значительное, а не откуда-то явившееся. Захвативъ власть въ 1542 году, послѣ удаленія отъ дѣлъ князя Ивана Василіевича, онъ былъ третьимъ олигархомъ въ малолѣтство царя Ивана Василіевича Грознаго. Онъ же считается дѣдомъ царя Василія Ивановича, хотя П. Н. Петровъ и полагаетъ, какъ выше изложено, что послѣдній приходился внукомъ Андрею Михайловичу (онъ же Ивановичъ), убитому при штурмѣ Полоцка въ 1553 году.

За разъясненіемъ этихъ противорѣчій обратимся къ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева. Изъ тома VI, страницы 34, увидимъ, что послѣ Ивана Шуйскаго власть перешла въ руки троихъ его родственниковъ—князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ, да князя Ѳедора Ивановича Скопина-Шуйскаго и что между ними первенствовалъ князь Андрей. Эти три Шуйскіе, вмѣстѣ съ другими боярами, 9 сентября 1543 года, схватили любимца царя Ивана Василіевича Грознаго—Андрея Семеновича Воронцова, чтобы его убить, но, по усиленной просьбѣ царя, ограничились ссылкой его въ Кострому; 29 же декабря того же 1543 года, царь Иванъ Грозный велѣлъ взятьъ первосовѣтника боярскаго, князя Андрея Шуйскаго, и отдать его псарямъ, которые его и убили. Относительно же происхожденія царя Василія Ивановича Шуйскаго въ «Исторіи государства Россійскаго» Н. М. Карамзина (глава I, томъ XII) положительно высказано, что онъ былъ внукомъ ненавистнаго олигарха, Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Иванъ-

новой юности, а сыномъ боярина воеводы, убитаго шведами, въ 1573 г., подъ стѣнами Лодѣ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что названный въ сочиненіи П. Н. Петрова пособникомъ втораго временщика Ивана Шуйскаго, князь Андрей Михайловичъ (†.1543), не кто иной какъ родной дѣдъ царя Василія Ивановича, и потому въ родословной таблицѣ показанъ правильно. Кто же затѣмъ другой Андрей Ивановичъ, значащійся въ текстѣ якобы сыномъ князя Михаила и братомъ князя Ивана Плетня,—остается пока вопросомъ.

Далѣе въ томъ же сочиненіи говорится, что сынъ Андрея Михайловича былъ воеводою, что онъ въ 1569 году возведенъ былъ въ боярскій чинъ и что потомъ палъ геройски въ окрестностяхъ Ревеля; названъ же онъ почему-то Андреемъ Ивановичемъ, а не Иваномъ Андреевичемъ, тогда какъ въ таблицѣ онъ показанъ на своемъ мѣстѣ—отцомъ царя Василія Ивановича и, согласно исторіи Н. М. Карамзина, умершимъ въ 1573 году. Затѣмъ читаемъ, что одноименный (?) съ нимъ княже Андрей Ивановичъ Шуйскій, сынъ втораго ненавистнаго временщика-самовольца, достигнувъ боярскаго сана по воцареніи Ѳедора Ивановича, т. е. въ 1585 г., умеръ въ Каргополѣ въ 1587 году и что въ томъ же году скончался на Вѣлозерѣ сынъ его брата (слѣдовательно родной его племянникъ), князь Иванъ Петровичъ, знаменитый защитникъ Пскова отъ всѣхъ силъ Баторія.

Извѣстно, что двое князей Шуйскихъ, Андрей Ивановичъ и Иванъ Петровичъ, погибли въ 1587 году и, по словамъ современниковъ, были удушены въ мѣстахъ ихъ ссылки, по распоряженію Боряса Годунова, но приходились ли они другъ другу дядей и племянникомъ, это требуетъ разъясненія. С. М. Соловьевъ, въ своей исторіи, (томъ VII, глава вторая, стр. 543), говоритъ, что въ наказахъ посламъ, отправлявшимся въ Литву, Борисъ Годуновъ поручаетъ, на случай если спросать, за что на Шуйскихъ государь опалу положилъ,—отвѣчать: государь князя Ивана Петровича за его службу пожаловалъ своимъ великимъ жалованьемъ, какое не давалъ еще ни одному боярину. Братья же его князь Андрей и другіе, стали передъ государемъ измѣну дѣлать, неправду, на всякое лихо умышлять съ торговыми мужиками, а князь Иванъ Петровичъ имъ потакалъ. При этомъ Борисъ Годуновъ поясняетъ, что государь велѣлъ казнить виновныхъ—пять или шесть мужиковъ, а Шуйскаго, князя Андрея, сослать только въ деревню; братья же князя Андрея, князь Василій, князь Дмитрій, князь Александръ и князь Иванъ—въ Москвѣ, а бояринъ князь Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ себѣ въ отчину новую, въ государево данье, на Кинешму.

Изъ этого наказа видно, что князь Андрей Ивановичъ приходился Ивану Петровичу не дядею, а братомъ; родными же его братьями по-

именованы всѣ четыре сына князя Ивана Андреевича, т. е. царь Василій и его три брата. Такимъ образомъ, оставалось только предположить, что у князя Ивана Андреевича было не четыре, а пять сыновей, и мы старались найти подтвержденіе этой догадки.

Благодаря любезности профессора русской исторіи въ казанскомъ университетѣ Дмитрія Александровича Корсакова, догадки наши оправдались. Въ принадлежащей ему родословной книгѣ Россійскаго государства, помѣщенной въ X книгѣ «Временника» за 1851 годъ, которая составлена по списку, хранящемуся въ московской синодальной библиотекѣ и писанному, вѣроятно, при царѣ Василю Ивановичу Шуйскомъ, на стр. 44 мы читаемъ:

«А у князя Михаила князь-Васильева, брата Блѣднаго дѣти: князь Иванъ Плетень, да князь Ондрей, и у князя Ондрея сынъ князь Иванъ; а князь Ивановы дѣти Андреевича: князь Андрей, да князь Василій (царь), да князь Дмитрій, да князь Александръ, да князь Иванъ».

Итакъ князь Андрей Ивановичъ († 1587 г.) былъ старшій братъ царя Василя Ивановича, а не сынъ втораго временщика. Поэтому, если поставить его въ таблицѣ на соответствующее мѣсто, то можно только предположить, что дядю князя Ивана Петровича и вторымъ сыномъ временщика Ивана Васильевича (сынъ тотъ Андрей Ивановичъ, убитый въ 1553 году подъ Полоцкомъ, который показанъ у П. Н. Петрова, въ текстѣ, сыномъ князя Михаила Васильевича, и которому не нашлось мѣста въ родословной таблицѣ.

Г. М.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго.

**Изъ Правительствующаго Сената отъ 8 мая 1801 г. о снятіи амбарго съ
англійскихъ судовъ.**

объявляется всенародно.

Въ имянномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату сего мая въ 6-й день за собственноручнымъ его величества подписаніемъ изображено: «Причины удерживавшія до селѣ насъ отъ разрѣшенія англійскихъ купеческихъ кораблей и прочаго имущества ихъ отъ наложеннаго на нихъ амбарго, которое мы почитаемъ болѣе отяготительнымъ частнымъ людямъ нежели правительству, теперь уже не существуютъ. Англійскій флотъ вступленіемъ своимъ въ Балтійское море и наконецъ, приближеніемъ къ Ревельскому порту мѣру сію нами предположенную болѣе оставившій, по требованію нашему удалася съ изъясненіями, что въ поступкѣ его не имѣлъ онъ ни какого виду не приятнаго покушенія на наши берега, но руководствовался тѣми же мирными расположеніями, въ коихъ Англійское правительство дало намъ ясныя удостовѣренія. Произшествіе сіе поставило насъ въ возможности безъ нарушенія достоинства имперіи Россійской удовлетворить вмѣстѣ и справедливости правилъ нашихъ и взаимности мирныхъ сближеній; и въ слѣдствіе того повелѣваемъ наложенное на англійскіе купеческіе корабли амбарго во всѣхъ портахъ имперіи снять и имущества англичанамъ принадлежащія отъ секвестра на нихъ положеннаго повсѣмѣстно освободить, предоставляя государственной коммерцъ-коллегіи здѣлать удобнѣйшее и кратчайшее положеніе къ окончанію рашетовъ между подданными обѣихъ державъ со всевозможнымъ взаимныхъ ихъ пользъ и выгодъ соблюденіемъ». Правительствующій Сенатъ приказали: сей всемилостивѣйшій его императорскаго величества указъ объявить всенародно: что спмъ и исполняется.

Императоръ Александръ I и графъ Армфельдъ.

(1811—1812 г.г.)¹⁾.

I.

Прибытіе Армфельда въ Петербургъ въ 1811 году.—Сближеніе его съ императоромъ.—Характеристика Александра I.—Его взглядъ на собственную власть и управленіе государствомъ.

Въ той минуты, какъ Армфельдъ сталъ финляндскимъ гражданиномъ, онъ безъ устали работалъ на благо своего отечества. Къ великому князю финляндскому, самодержцу всероссійскому, онъ съ самаго начала сталъ въ табія отношенія, которыя имѣли громадное значеніе для Финляндіи. Двѣ главныя цѣли поглощали мысли Армфельда въ послѣдніе годы его жизни: во-первыхъ, «благо Финляндіи», а во-вторыхъ, «паденіе корсиканца» (Наполеона I). Находясь вблизи императора Александра I, онъ неустанно, съ свойственнымъ ему умомъ и энергіей, работалъ въ пользу этихъ двухъ главныхъ задачъ своей жизни. Сопровождая императора на борьбу противъ «всемирнаго тирана» ему удалось видѣть лишь пер-

¹⁾ Предлагаемая вниманію читателей статья есть извлеченіе изъ шведскаго сочиненія Е. Тегнера „Gustaf Mauritz Armfelt“ Stockholm. 1884.—Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой біографіи, прибавляютъ новыя черты къ характеристикѣ императора Александра и его отношеній, какъ къ Россіи, такъ и къ Финляндіи. Исслѣдованіе г. Тегнера рисуетъ передъ нами главнѣйшихъ дѣятелей Финляндіи ихъ же собственными словами, письмами и проч. Русскому читателю нѣтъ надобности указывать, съ какой точки зрѣнія онъ долженъ смотрѣть на нижеслѣдующія строки, но исторія должна быть безпристрастна и обязана принять во вниманіе показанія разныхъ сторонъ.—Р е д.

воначальныя неудачи этой борьбы. Во время побѣдъ 1813 и 1814 годовъ, Армфельдъ находился вдали отъ театра войны, что не мѣшало ему попрежнему неутомимо и до мельчайшихъ подробностей слѣдить за военными дѣйствіями, оставаясь, однако, въ Петербургѣ. Когда пришло извѣстіе о паденіи Наполеона, Армфельдъ, чувствуя уже, что и ему не долго осталось жить, воскликнулъ, какъ Симеонъ: «Господи, нынѣ отпускаеши раба твоего съ миромъ!»

Въ 1812 и 1813 году Армфельдъ былъ временнымъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи и, послѣ государя, наиболѣе вліятельнымъ лицомъ въ своемъ отечествѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, съ той минуты, когда онъ сдѣлался вѣрнопопдааннымъ русскаго царя, мѣсто, которое долженъ былъ занять Армфельдъ, ему было указано. Соотечественники его заранѣе предвидѣли, какую важную роль онъ сыграетъ въ судьбахъ Финляндіи, особенно съ того момента, когда обнаружилось, что новый властелинъ сдержать данное имъ обѣщаніе и позволить вновь покоренной странѣ остаться въ исключительномъ положеніи относительно обширнаго Россійскаго государства. Новое великое княжество нуждалось въ томъ, чтобы близко къ царю стоялъ представитель его, который могъ бы поддерживать интересъ монарха къ вопросамъ, касающимся этой страны. Въ то время находились въ Финляндіи и другіе патріоты и сановники, стоявшіе во главѣ правленія, но современники находили, что то были скорѣе «чиновники, а не государственные дѣятели». Если чиновничьи традиціи способствовали сохраненію старыхъ унаслѣдованныхъ формъ, то съ другой стороны ихъ формализмъ мѣшалъ быстрому проведенію полезныхъ и неизбежныхъ реформъ. Отсюда слѣдуетъ, что Финляндія не имѣла своего представителя, способнаго оберегать ея интересы. Молодой баронъ Ребиндъеръ, занимавшій впоследствии эту должность, былъ въ ту пору еще совсемъ юнымъ. Оставшіеся въ живыхъ финляндцы 1788 года—въ родѣ Спренгпортена или Егергорна, искавшіе въ Петербургѣ защиты противъ законныхъ преслѣдованій Швеціи, надѣялись, вѣроятно, повліять и на судьбу Финляндіи. Но чувство правосудія въ финляндскомъ народѣ возстало противъ того, чтобы измѣнники и предатели сдѣлались главами страны; генералъ-губернаторство Спренгпортена было бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, далеко не продолжительно: уже на ландтагѣ въ Борго, послѣдній почувствовалъ необходимость удалиться. Наконецъ, явился Армфельдъ. Имя его около столѣтія было почитаемо въ Финляндіи. Въ войну 1788—90 годовъ, своей храбростію онъ къ славѣ предковъ прибавилъ еще собственную. Жизнь его, богатая событіями, дала ему тотъ необходимый опытъ въ дѣлахъ государственныхъ, который не имѣли другіе. Армфельдъ обладалъ необыкновенной способностью, безъ малѣйшаго затрудненія, вращаться въ высшихъ сферахъ,

между царствующими лицами и ихъ приближенными. Несмотря на тѣнь, которую процессъ 1794 года бросилъ на личность Армфельда, многіе изъ его соотечественниковъ завидовали его блестящей карьерѣ и охотно бы помѣнялись съ нимъ. Густавъ Моритцъ Армфельдъ несомнѣнно былъ самый знаменитый изъ сыновъ Финляндіи. Его мужество, любовь къ отечеству не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Внѣшнее положеніе его было независимо: онъ всюду выдѣлялся личными качествами и умѣлъ достигнуть власти. Всему этому способствовали, разумѣется, его прежнія отношенія къ русскому двору. Екатерина пожаловала ему высшій русскій орденъ; преемники ея относились благосклонно къ нему, а императоръ Александръ I зналъ его лично. Не удивительно, если финскіе патріоты смотрѣли на Армфельда съ большимъ вниманіемъ, въ особенности, когда пронесся слухъ, что онъ намѣревается поселиться на своей родинѣ. Самъ онъ предпочиталъ уединеніе и жизнь въ имѣніи Омине, откуда онъ писалъ женѣ своей, вскорѣ послѣ прибытія туда, слѣдующее:

«Да хранитъ тебя Господь, и да сподобитъ Онъ насъ окончить наши дни въ спокойствіи! Ужасно, что буря, которая кидала меня отъ одной судьбы къ другой, еще не улеглась. Въ Петербургъ я не поѣду, въ виду вышшихъ финансовыхъ обстоятельствъ, и радъ, пока могу избѣжать этой поѣдки. Служить здѣсь я не намѣренъ, такъ какъ для Финляндіи и для меня было бы большимъ несчастьемъ, если бы мнѣ предложили, а я бы принялъ должность здѣшняго генераль-губернатора. Ко всему этому, вышшій генераль-губернаторъ великолѣпенъ, и его трудно замѣнять. Буду поэтому сидѣть спокойно на своемъ мѣстѣ; отдыхъ и забвеніе есть благо, котораго стоитъ добиваться».

Армфельдъ принялся ревностно управлять своимъ имѣніемъ, гдѣ онъ надѣялся найти отдыхъ, послѣ бурной жизни. Но не прошло и мѣсяца, какъ это спокойствіе было нарушено, и жизнь его получила то направленіе, которое дало послѣднимъ годамъ его существованія историческое значеніе.

Въ началѣ мая, два курьера, одинъ за другимъ, прибыли къ Армфельду изъ Петербурга, съ приказаніемъ немедленно явиться къ государю ¹⁾. Нежданный вызовъ въ столицу не обрадовалъ его. При-

¹⁾ Государь писалъ: «Уваженіе, которое я питаю къ вашему отечеству, увеличивается по мѣрѣ того, какъ оно соединяетъ въ нѣдрахъ своихъ людей достойныхъ и принадлежащихъ ей. Я желаю видѣть васъ въ непродолжительномъ времени въ Петербургѣ, чтобы лично доказать вамъ мои чувства». Поводомъ къ этому письму послужило письмо Армфельда изъ Або отъ 8 апрѣля 1811 года, въ которомъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ поселился въ Россійскомъ государствѣ, выражаетъ свои вѣрноподданскія чувства «Отцу и благодѣтелю Финляндіи» и одновременно хвалитъ стремленія генерала-губернатора Штейнгеля, на благо Финляндіи.

чина не была для него ясна, и Армфельдъ не могъ понять, почему императоръ желалъ его видѣть, такъ какъ онъ уже заявилъ ему, что избѣгаетъ всякаго рода службы. Онъ писалъ своей женѣ по этому поводу: «Войны не будетъ съ Франціей. Если бы она предвидѣлась, то я-бы понималъ, зачѣмъ меня вызываютъ въ Петербургъ. Теперь же я ничего не понимаю. Генералъ-губернаторъ (Фабіанъ-Штейнгель) ангель и почтенный человѣкъ, онъ думаетъ, что отъѣздъ мой имѣетъ что-нибудь общее съ финляндскими дѣлами, такъ какъ императоръ не доволенъ совѣтомъ (conseil). Я не знаю ни Финляндіи, ни дѣлъ ея, ни здѣшнихъ людей. Слѣдовательно я не могу имѣть «мнѣнія».

Боязнь, что въ Россіи предпринимаютъ что-нибудь противъ Швеціи, мучила его, и онъ писалъ женѣ: «Ничто на свѣтѣ не заставитъ меня забыть тѣ принципы, которыми я руководился всю мою жизнь, не зависимо отъ того, что Швеція поступила такъ низко и неблагородно со мною».

17-го мая Армфельдъ прибылъ въ Петербургъ, и уже 19-го мая объѣхалъ во дворцѣ. Послѣ объѣда императоръ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Армфельдъ писалъ по этому поводу своей женѣ, что: «день окончился, многое сдѣлано, и кажется я не буду больше никогда со всѣмъ спокойнымъ». Армфельдъ нисколько и не сомнѣвался, что Александръ I исполненъ самыхъ благихъ намѣреній по отношенію къ своему новому великокняжеству. «Императоръ желаетъ счастья своему народу, — пишетъ онъ, — но въ особенности заботится онъ о Финляндіи». Подозрѣвая, что рѣчь будетъ идти о финансовыхъ дѣлахъ его отечества, Армфельдъ прибавляетъ: «Къ несчастію, я такъ мало знаю это дѣло, что совѣты мои не могутъ принести пользы, ибо, къ сожалѣнію, для этого не достаточно одного искренняго желанія». Одновременно страхъ и опасенія покинули Армфельда послѣ перваго разговора его съ государемъ, и онъ уже писалъ женѣ (20 мая 1811 г.): «Ауденція продолжалась полтора часа, нельзя быть болѣе довольнымъ монархомъ, чѣмъ я. Его заботы о благѣ Финляндіи таковы, что могутъ составить лишь счастье моего отечества, въ томъ случаѣ, конечно, если постороннія вмѣшательства не помѣшаютъ этому благополучію. Сожалѣю, что мои знанія въ дѣлахъ не достаточно велики, чтобы оправдать довѣріе императора ко мнѣ, къ моему патриотизму и къ способностямъ моимъ. Я буду, вѣроятно, принужденъ, въ качествѣ главнаго представителя Финляндіи, проводить зиму въ Петербургъ и пользоваться правомъ входа къ его императорскому величеству. Императоръ заговорилъ о нашихъ законахъ и нашей конституціи. Я отвѣтилъ ему: вполне понимаю, что ваше императорское величество затрудняется тѣми формами, которыя проситъ правительство Финляндіи. Но затрудненіе вашего императорскаго вели-

чества происходитъ лишь оттого, что эта форма правленія такъ рѣзко отягчается отъ формъ остальныхъ частей имперіи.

— Добрѣйшій баронъ,—отвѣтилъ мнѣ государь,—клянусь вамъ, что эта форма нравится мнѣ болѣе, чѣмъ та, которая основывается только на моей власти и которая предполагаетъ у монарха принципы совершенства, увы! не существующіе въ человѣчествѣ. Тамъ я могу ошибаться лишь тогда, когда самъ этого пожелаю, и свѣтъ открытъ передо мной; здѣсь же я окруженъ неизвѣстностью, и такимъ образомъ могу руководствоваться только привычками, которыя почти всегда служатъ прибавленіемъ закону. Но тамъ, гдѣ найдется возможность сдѣлать перемѣну въ моемъ государствѣ, вы узнаете мои воззрѣнія на этотъ счетъ. Я хочу непременно присоединить старую Финляндію къ новой, и дать ей ту же самую конституцію и тѣ же формы свободы, какъ и у васъ.

Съ этой минуты будущность Армфельда была рѣшена и дружба его съ императоромъ завязалась крѣпкими узами; дружба эта не имѣла того интимнаго характера, какъ отношенія того же Армфельда къ Густаву III; но онъ съ тѣмъ же восхищеніемъ и съ равной преданностью относился къ своему новому повелителю, какъ нѣкогда въ молодости относился къ обожаемому королю. Послѣ первой работы его съ государемъ, онъ писалъ: «Трудно встрѣтить болѣе свѣтлый умъ, лучшіе принципы, соединенные съ такимъ добрымъ сердцемъ. Но эти чудныя качества не привели къ болѣе блестящему результату только потому, что имъ помѣшала обстановка и извѣстная слабость характера. Онъ добръ, даже слишкомъ добръ; онъ желаетъ, чтобы всѣ люди были довольны». Въ другомъ письмѣ Армфельдъ говоритъ: «Государь—ангелъ, и у м н ы й ангелъ. Работать съ нимъ вмѣстѣ, все равно, что находиться въ царствіи небесномъ». Армфельдъ былъ больше всего благодаренъ государю за то, что онъ всегда желалъ слушать правду безъ увертокъ ¹⁾.

II

Желаніе императора присоединить къ Финляндіи Выборгскую провинцію.—Реорганизация финляндской канцеляріи въ Петербургѣ.—Натанутое положеніе Россіи и Франціи.—Мысли Армфельда о Наполеонѣ и о внутреннемъ управленіи Финляндіи.

Дѣла, которыя въ эту пору обсуждались императоромъ и его новымъ совѣтникомъ, касались главнымъ образомъ двухъ вопросовъ: во-пер-

¹⁾ Въ одной запискѣ (безъ числа) императоръ писалъ Армфельду: „Я далекъ отъ мысли осуждать вашу откровенность, генераль; напротивъ, я вамъ очень признателенъ за нее, и прошу васъ въ будущемъ продолжать въ томъ же духѣ. Это лучшая и самая настоящая система быть мнѣ полезнымъ“.

выхъ, присоединенія Выборгской провинціи къ остальной Финляндіи, а во-вторыхъ, реорганизаціи нѣкоторыхъ частей финляндскаго управленія, въ особенности финляндской канцеляріи въ Петербургѣ. Первый вопросъ послужилъ поводомъ къ пріѣзду Армфельда въ столицу, а второй былъ причиной того, что онъ поселился въ Петербургѣ. Результатомъ этихъ обсужденій былъ, въ первый же годъ, указъ императора (11-го дек. 1811 г.), касающійся присоединенія Выборга, и инструкция 6-го ноября, относящаяся къ финляндскому комитету въ Петербургѣ, въ которомъ Армфельдъ былъ назначенъ председателемъ. Онъ понялъ съ самаго начала, что большая часть разработывавшихся проектовъ выпадеть на его долю. Это принудило его, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ столицу, письменно изложить свое мнѣніе касательно разныхъ предметовъ. Даже по шведскимъ вопросамъ, когда послѣдніе касались Финляндіи, государь совѣтывался съ Армфельдомъ, помимо шведскаго посольства ¹⁾. Когда Армфельдъ въ концѣ іюня уѣзжалъ изъ Петербурга, государь просилъ его вернуться къ осени въ столицу и принять на себя веденіе финляндскихъ дѣлъ.

Первоначальное обсужденіе дѣлъ окончилось обоюднымъ согласіемъ, и Армфельдъ радовался въ душѣ, что счастливая будущность ожидаетъ, повидимому, его отечество до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока оно находится подъ державой Александра I. Армфельдъ былъ въ душѣ финляндецъ, и желалъ остаться имъ. «Съ Россіей у меня нѣтъ ничего общаго,—писалъ онъ изъ Омине, куда вернулся изъ Петербурга.—Но есть у меня отношенія къ императору Александру I, благодѣтелю моей родины, который выказалъ лично мнѣ и моимъ близкимъ необычайную милость; я общалъ ему, что въ случаѣ войны съ Франціей, буду сопровождать его въ армію, которою онъ самъ будетъ командовать, а нынѣ организовать въ Петербургѣ канцелярію для веденія финляндскихъ дѣлъ. Я не просилъ для себя содержанія, ибо не хочу стать въ зависимое положеніе; буду довольствоваться казеннымъ помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Я не двинусь съ мѣста, если въ Россіи не пожелаютъ положиться на мои проекты и основныя мои правила. Его императорское величество самъ придерживается послѣднихъ».

Въ началѣ 1812 г., русскій дворъ былъ серьезно занятъ предстоящимъ нарушеніемъ Франціей европейскаго мира.

Континентальная система разорала торговлю Россіи. Наполеонъ

¹⁾ „Когда вы возьмете въ свои руки дѣла Финляндіи“, говорилъ государь Армфельду, „все устроится къ лучшему. Я не люблю имѣть дѣло со Стедингомъ, ни съ шведскимъ посольствомъ: съ этими господами, ипкогда не знаешь какъ быть“.

относился презрительно къ ея интересамъ; родственникъ Александра I, герцогъ Ольденбургскій былъ безцеремонно изгнанъ изъ своихъ владѣній. Императоръ рѣшилъ поставить свое государство въ оборонительное положеніе, и по этому поводу начались долгіе переговоры его съ разными лицами: во-первыхъ, съ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, который, будучи поклонникомъ Наполеона, возставалъ противъ военныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ него; далѣе — съ военнымъ министромъ Аракчеевымъ, готовымъ, если того пожелаетъ императоръ, начать немедля наступательную войну; наконецъ — съ учителемъ Александра I въ военныхъ наукахъ, нѣмецкимъ генераломъ фонъ-Пфулемъ (Phull), составившимъ подробный оборонительный планъ дѣйствій. — Нѣмецкій офицеръ, извѣстный полковникъ Вольцогенъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ императора и уже раньше составившій планъ будущихъ дѣйствій, получалъ приказаніе въ февралѣ 1811 года осмотрѣть западную границу въ томъ соображеніи, что Александръ I считалъ войну неизбежной. Въ виду ожидаемаго переворота въ политикѣ Россіи, можно было предполагать, что Арифельдъ, благодаря своему положенію и качествамъ, принесетъ громадную пользу. По всей Европѣ онъ былъ за яраго антибонапартиста, и Наполеонъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ его. Арифельду лучше чѣмъ кому-нибудь были извѣстны помысли новаго наследнаго принца шведскаго; а связи Арифельда со многими вліятельными лицами въ Европѣ, ненавидѣвшими Наполеона, дѣлали его почти необходимымъ для Александра I, который послѣ Тильзитскаго мира порвалъ со всѣми ими дружескія отношенія. Узнавъ, что императоръ готовъ «сбросить съ себя цѣпи», Арифельдъ сильно обрадовался и написалъ по этому поводу своей женѣ слѣдующее: «Когда я вчера видѣлъ императора, и по его приказанію долго обсуждалъ дѣла, то мнѣ удалось замѣтить, что онъ вполне раздѣляетъ мое мнѣніе; но если онъ допуститъ нападеніе со стороны, тогда все кончено!» Арифельдъ находилъ, что прошедшее сообщало настоящему такой страхъ, что если не принудить себя къ войнѣ, то никогда не достигнешь самостоятельности.

Императоръ возбудилъ вопросъ о поѣздкѣ Арифельда въ Англію въ теченіе лѣта, дабы вести переговоры о мирѣ съ этой державой. Послѣдній согласился, прося лишь позволенія государя взять съ собой бывшаго секретаря при подписаніи Верельскаго мира (Еренсверда). Въ письмѣ къ своей женѣ, (17 іюня 1811 года) онъ сообщаетъ подъ страшнымъ секретомъ этотъ проектъ. По словамъ его, война съ Франціей, тотчасъ послѣ заключенія мира съ Турціей, неизбежна, «но пока она еще не разразилась» — говоритъ онъ женѣ — «я хочу, чтобы ты оставила Швецію; Бонапартъ разозлится еще болѣе на меня за всѣ тѣ услуги, которыя я

доставляю ему и которыя надѣюсь доставить еще въ будущемъ» ¹⁾. Въ обширной и подробной статьѣ: «Memoire politique et militaire sur les circonstances presents»—съ девизомъ изъ Гамлета: «быть или не быть» Армфельдъ представилъ государю полное резюме своихъ воззрѣній на политику Россіи. Эта статья самая достопримѣчательная изъ всѣхъ статей, которыя когда-либо писались Армфельдомъ. Въ ней описаны въ общихъ чертахъ событія, происшедшія въ цѣломъ мірѣ въ теченіе 1812 и 1813 годовъ.

Послѣ ѣдкой характеристики Наполеона, показывающей горячую ненависть Армфельда къ «всемирному тирану» ²⁾, Армфельдъ умоляетъ самодержца всероссійскаго покончить обманчивый миръ, дѣйствующій такъ сильно на интересы торговли, и порвать сношенія съ коварнымъ союзникомъ. Слѣдуетъ предупредить врага,—говорилъ Армфельдъ,—и воспользоваться тѣмъ, что онъ занятъ Испаніей. Наполеонъ любитъ вести быструю войну,—надо заставить его вести войну продолжительную и гибельную. Благо государства не должно ставиться на карту, какъ сдѣлала это Австрія въ 1809 году; война должна вестись маневрами, отнятіемъ транспортовъ и неустаннымъ безпокойствомъ непріятеля. Надо заставить врага потерять даромъ четыре или пять мѣсяцевъ. Зима, холодъ, темнота, недостатокъ провіанта довершать остальное. Походъ долженъ начаться наступательнымъ движеніемъ на Вислу и Одеръ, съ занятіемъ Варшавы и Шлезвига; нужно воспользоваться настроеніемъ поляковъ и пруссаковъ. Если явится необходимость отступленія съ западной границы, то слѣдуетъ опустошить всю мѣстность, дабы непріятелю нечѣмъ было кормиться; нужно создать резервное войско, разсѣять непріятельскія силы; сражаться же лишь въ томъ только случаѣ, когда побѣда вѣрная.

¹⁾ Наполеону было извѣстно, что Армфельдъ не скрывалъ при русскомъ дворѣ свои воинственные замыслы. Незвѣстно, какимъ образомъ попала записка изъ мемуаровъ Армфельда въ руки французскаго посланника въ Стокгольмѣ, который переслалъ ее въ свое отечество (смотри *La Suède et la Russie en 1812*, въ „*Revue des deux mondes*“ 1855 XII; 568).

²⁾ Въ этой характеристикѣ онъ описываетъ всѣ дѣявія Наполеона. Онъ—человѣкъ, опьяненный своими побѣдами и не пасытникъ въ своемъ самолюбіи—говоритъ Армфельдъ—желающій подчинять своей волѣ все; онъ хочетъ вычеркнуть славу другихъ и начертать собственное имя въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ. Онъ доходитъ до того, что жертвуетъ политикою своему тщеславію (Испанія) или ненависти; онъ болѣе въ тягость своимъ союзникамъ, нежели врагамъ, вычеркиваетъ тѣхъ, которые перестали бояться его оружія; его покровительство, его капризы—зимы, не расчетливы, пагубны одновременно для торговли, промышленности и процвѣтанія всей Европы. Намѣренія его противъ Россіи давно открыты, онъ не перестаетъ поддерживать дружескія отношенія съ державами, воюющими съ ней (Турція и Персія); онъ нанесъ сильное оскорбленіе русскому царскому дому покореніемъ Оль-

Политическія предположенія Армфельда для благопріятнаго исхода войны были слѣдующія: заключеніе мира съ Турціей и Англіей въ результатѣ дастъ нарушеніе континентальной системы, и торговля Россіи тогда спасена; оказаніе всевозможной помощи Испаніи; союзъ съ Австріей или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ съ ея стороны; участіе въ военных дѣйствіяхъ Пруссіи; одновременно стараться произвести диверсію въ Тиролю, Итали и Голландіи, равно какъ и на берегахъ Франціи, дабы разбить силы. Уговорить Швецію вступить въ союзъ съ Россіей и съ Англіей ради собственныхъ интересовъ, и съ этой цѣлью обѣщать Швецію содѣйствіе въ покореніи Норвегіи.

«Въ рукахъ русскаго императора, — говоритъ Армфельдъ, — находится судьба всего цивилизованнаго міра. Исходъ похода неизвѣстенъ, но результатъ продолжительной войны несомнѣнно будетъ благопріятный; въ особенности противъ арміи безъ средствъ, если она не станетъ грабить, и безъ друзей, если она не побѣдитъ... Цѣль войны — освобожденіе Европы. Недостаточно построить плотину противъ врага, но надо его разбить; орудіе, которое все уничтожаетъ, должно быть само уничтожено».

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ Армфельдъ не занимался политикой, и государственные проекты, которые обсуждались Александромъ I и Армфельдомъ совмѣстно, не подвинулись къ осени ни мало впередъ. Миръ съ Турціей былъ еще вопросомъ отдаленнаго будущаго, благодаря явтригамъ Франціи, а планъ поѣздки Армфельда въ Англію въ качествѣ посредника былъ еще не осуществленъ. Въмѣсто всего этого англійскіе крейсера ходили взадъ и впередъ среди финскихъ шкеръ, въ ущербъ торговли. Надежда на войну Россіи съ Франціей казалась еще менѣе возможной осенью 1811 года, нежели весной того же года. Если политическіе вопросы Европы и перестали на время требовать услугъ Армфельда, зато дѣла Финляндіи сильно нуждались въ немъ. Армфельдъ искалъ себѣ помощниковъ и желалъ для этой цѣли имѣть вблизи себя людей, испытанныхъ имъ раньше. Ему хотѣлось, чтобы всѣ выдающіеся финляндцы покинули Швецію, и стали бы служить своему отечеству; одинъ человекъ былъ въ особенности дорогъ Армфельду, и его то онъ хотѣлъ во что бы то ни стало перевести въ Финляндію; это былъ другъ его и товарищъ по несчастію Еренстремъ. Другой другъ Армфельда, генераль-маіоръ Аминовъ, послѣ войны 1809 года, рѣшилъ поселиться въ Финляндіи подъ державой русскаго царя. Послѣ совмѣстнаго тюремнаго заключенія съ Еренстремомъ въ крѣпости Карлстенъ, Аминовъ командовалъ въ 1798 году пол-

денбурга. Въ довершеніе всего онъ хотѣлъ на сѣверѣ загладить тѣ неудачи, которыя онъ потерялъ на югѣ, и исполнить свои намѣренія относительно Исаавіи.

комъ въ Финляндіи, принималъ участіе въ войнѣ 1808 и 1809 годовъ, хотя лично не командовалъ отрядомъ. По заключеніи мира, недовольный Швецій, онъ навсегда поселился въ Финляндіи. Въ качествѣ представителя финляндской арміи, онъ былъ посланъ во главѣ депутаціи въ Петербургъ и исходатайствовалъ у императора разрѣшеніе войску получать содержаніе, несмотря на то, что вся армія была распущена (манифестъ 27-го марта 1811 г.). Благодаря этому успѣху, котораго Аминовъ достигъ большими усиліями, онъ сталъ пользоваться въ Финляндіи значительнымъ уваженіемъ. Армфельдъ былъ радъ имѣть возлѣ себя въ Петербургѣ своего пріятели, тѣмъ болѣе что государь лично зналъ Аминова. Онъ нехотя повиновался настоятельнымъ просьбамъ Армфельда занять мѣсто въ финляндскомъ комитетѣ, который въ скоромъ времени долженъ былъ начать свою дѣятельность въ столицѣ Россіи ¹⁾. Аминовъ находилъ въ началѣ, что совершенно достаточно, если Армфельдъ одинъ будетъ управлять дѣлами Финляндіи, и по этому поводу писалъ ему слѣдующее: «Употреби все твое превосходство и всѣ твои способности, чтобы склонить людей и обстоятельства на твою сторону—лучше если ты будешь одинъ въ родѣ министра, и съ помощью комитета оградить наши интересы. Когда нашъ государственный совѣтъ будетъ организованъ, мы перестанемъ нуждаться въ существованіи петербургскаго комитета, ибо со-временемъ онъ можетъ сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ деспотическаго правленія.»

Приглашая къ себѣ друзей, Армфельдъ избѣгалъ встрѣчи съ финляндцами, виновниками войны 1788 и 1808 годовъ. Въ письмѣ изъ Петербурга въ концѣ 1811 года, онъ пишетъ: «Всѣхъ негодяевъ, виновившихъ своему долгу и своему отечеству, презирають въ Россіи, хотя этимъ господамъ приходится подѣ-часъ пользоваться милостями, которыми въ нашъ вѣкъ награждаютъ за низкіе поступки, одинаково какъ и за благородныя. Несмотря на это, ни одинъ изъ подобныхъ субъектовъ не былъ до сихъ поръ допущенъ къ дѣламъ, и, надѣюсь, что впредь ихъ не допустятъ ни до какого вмѣшательства, по крайней мѣрѣ пока я нахожусь во главѣ. Спренгпортенъ и Кронстетъ—поворъ и безчестіе нашего отечества; я говорилъ императору, что слѣдовало бы прибавить имъ содержаніе, чтобы они никогда не показывались людямъ, и

¹⁾ Аминовъ получилъ въ награду за то, что сдѣлался членомъ комитета, чинъ тайнаго совѣтника и право владѣть имѣніемъ (Сари). Армфельдъ по его просьбѣ выхлопоталъ ему эту милость. Чтобы склонить Аминова сдѣлаться членомъ комитета, онъ сообщилъ ему слова М. М. Сперавскаго: „Если всѣ финляндцы будутъ отказывать е. и. в. служить своему отечеству и принимать участіе въ комитетѣ, то не придется жаловаться, если императоръ пригласитъ въ комитетъ иностранцевъ“. — „Эти слова,—говоритъ Армфельдъ,—удивительно вѣрны и не подлежатъ обсужденію“.

въ этомъ я совершенно правъ ¹⁾). Было еще два человека эпохи 1788 года, съ которыми Армфельду пришлось поддерживать переписку, Егергорнъ и Ладау. Последний въ Финляндіи считался русскимъ шпиономъ; онъ былъ назначенъ почтъ-директоромъ, съ правомъ засѣдать въ совѣтъ; это обстоятельство породило между финляндцами неудовольствіе. Армфельда стали упрекать въ этомъ назначеніи, въ чемъ послѣдній не соглашался: что же касалось Егергорна, то онъ надѣялся, что ему удастся еще разъ сыграть роль въ своемъ отечествѣ. Въ Петербургѣ онъ управлялъ дѣлами Финляндіи во времена Сперанскаго ²⁾. Этотъ человекъ явился къ Армфельду, вскорѣ послѣ пріѣзда послѣдняго въ столицу, и сталъ съ жаромъ доказывать, какую громадную пользу принесетъ организваніе въ Петербургѣ Финляндскаго комитета. Мысль о самостоятельности Финляндіи всегда была близка сердцу Армфельда. Утвердить законнымъ образомъ эту самостоятельность—было самымъ горячимъ его желаніемъ; вообще, то была главная цѣль, къ которой стремились финскіе патріоты. Извлечь для себя пользу изъ современныхъ обстоятельствъ, склонить императора къ тому, чтобы онъ съ уваженіемъ относился къ законамъ и правамъ Финляндіи, залечить раны, изъ которыхъ еще сочилась кровь, установить полезныя учрежденія для продвѣтанія умственной и матеріальной дѣятельности отечества—вотъ собственно цѣль, которой добивались финскіе патріоты, хотя случалось, что и между ними возникали подчасъ недоразумѣнія. Пока, все это были лишь одиѣ мечты, и никто не могъ сказать, когда онѣ осуществятся. Многіе страшились за судьбу отечества и безнадежно смотрѣли на его будущность, негодуя и жалѣя о томъ, что горькая, роковая судьба разъединила ихъ съ Швеціей. Армфельдъ употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы противодѣйствовать такому настроенію своихъ соотечественниковъ и успокоить ихъ. Онъ самъ искренно добивался самостоятельности Финляндіи, но находилъ, въ свою очередь, что благоразуміе, въ виду собственныхъ ея интересовъ, сохранить хорошія отношенія съ могущественнымъ государствомъ, ставшимъ несомнѣнно опорой новаго княжества. Ради сохраненія политической сво-

¹⁾ Свою первую встрѣчу съ Спренгпортономъ онъ описываетъ въ письмѣ къ женѣ своей, слѣдующими словами: „Среди прочихъ фигуръ, которыхъ я предпочелъ бы не встрѣчать, я встрѣтилъ 70-лѣтняго Спренгпортена; онъ былъ одѣтъ во фракъ безъ орденовъ; я не зналъ его, и страшно сконфузился, когда онъ назвалъ свою фамилію; что до него касается, то онъ былъ совершенно въ своей тарелкѣ, à sa portée, какъ-будто чувствовалъ себя порядочнымъ человекомъ. О, Боже, какой вѣкъ!

²⁾ Вскорѣ послѣ покоренія Финляндіи (1809 года), Егергорнъ задумалъ планъ, представивъ государю проектъ конституціи (26 февр. 1809 г.). Въ этой меморіи онъ льстилъ императору, новому владѣтелю Финляндіи, и издѣвался какъ надъ Густавомъ III, такъ и надъ самой Швеціей, говоря, что слѣдовало бы искоренить у финляндцевъ ихъ глупую преданность къ этой странѣ

боды, Армфельдъ стоялъ, главнымъ образомъ, за то, чтобы въ жертву были принесены всѣ притязанія на вопросы второстепенные. Онъ находилъ, напримѣръ, что знаніе русскаго языка должно быть обязательнымъ на государственной службѣ, и что языкъ этотъ долженъ преподаваться во всѣхъ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По этому поводу онъ писалъ: «Когда люди не въ состояніи объясниться между собой, то самыя обыкновенныя мысли становятся загадочными, а при другихъ условіяхъ онѣ казались бы совершенно ясными». Тѣ же практическія цѣли заставляли его добиваться въ послѣдствіи, чтобы команда въ финляндскихъ войскахъ произносилась на русскомъ языкѣ.

Благодарность императору Александру I за его милости, равно какъ и собственные интересы должны были заставить Финляндію забыть о Швеціи. Не разъ приходилось Армфельду вбивать въ голову своихъ недовольныхъ соотечественниковъ, что ихъ матеріальное положеніе гораздо лучше теперь, чѣмъ во времена шведскаго протекторства: нѣтъ ни новыхъ налоговъ, ни рекрутскаго набора; финляндскіе солдаты не служатъ, а между тѣмъ продолжаютъ получать жалованье; наконецъ, императоръ приказалъ съ необыкновенной щедростью выдать громадныя суммы на пенсіи и разныя полезныя учрежденія ¹⁾. Въ одномъ письмѣ Армфельдъ говоритъ: «Нельзя иначе назвать тѣхъ, которые не желаютъ остаться финляндцами, какъ канальями; они считаютъ себя то русскими, то шведами, и отрекаются, слѣдовательно, отъ своего отечества». Тѣ, которые лебезили передъ Швеціей, были ему одинаково противны, какъ тѣ, которые искали счастья своего въ Россіи. Армфельдъ требовалъ, чтобы государственная служба въ Финляндіи уважалась ея сынами. «Служить—это единственное спасеніе для финляндскаго дворянства; чѣмъ болѣе люди въ этомъ убѣдятся, тѣмъ будетъ лучше для нихъ». Съ подобными взглядами началъ Армфельдъ свою государственную дѣятельность.

¹⁾ „Финляндія должна бы колѣнопреклоненно благодарить Господа за свое счастье,—пишетъ Армфельдъ.—Счастье это можетъ, однако, скоро окончиться, ибо существованіе одного только человѣка служить причиной нашего блаженства“. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Императоръ расточаетъ на насъ свои милости и осмыкаетъ насъ деньгами. Академія въ Або въ настоящее время—самое богатое учрежденіе въ Европѣ. Если Финляндія будетъ продолжать свои жалобы, то она достойна кары Божіей, такъ какъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ стараются вылечить раны, навесенныя ей послѣдней войной“.

III.

Участіе М. Сперанскаго въ управленіи Финляндіею. — Присоединеніе Старой Финляндіи къ Новой. — Устройство вновь присоединенной Выборгской губерніи. — Финляндскій комитетъ въ Петербургѣ. — Генералъ Штейнгель. — Отношенія Арифельда къ императору Александру I.

«Пока у насъ не будетъ существовать отдѣльнаго комитета, и дѣла Финляндіи будутъ обсуждаться одновременно или по-очередно съ дѣлами остальныхъ провинцій Россіи, до тѣхъ поръ намъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ не выгодно», — писалъ Арифельдъ другу своему Аминову. Устройство отдѣльнаго финляндскаго комитета было слѣдовательно важнымъ обстоятельствомъ и шагомъ къ самостоятельности Финляндіи и къ исключительному ея положенію въ обширномъ Русскомъ государствѣ. Послѣ покоренія великаго княжества Финляндскаго, дѣлами его занимался статсъ-секретарь Сперанскій имѣя помощникомъ молодаго Ребиндера. Сперанскій раздѣлялъ либеральныя тенденціи императора по отношенію къ Финляндіи, которая съ благодарностью относилась къ этому сотруднику Александра I. Завѣдуя всѣми дѣлами Русскаго государства и намѣреваясь одновременно проводить крупныя реформы, Сперанскій не могъ посвящать достаточно времени на текущія дѣла Финляндіи. Масса бумагъ лежала съ 1809 года нерѣшенными, такъ что самъ Сперанскій возбудилъ въ 1811 году вопросъ объ учрежденіи финляндскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ особаго секретаря. Вопросъ этотъ обсуждался какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Арифельдъ прибылъ въ Петербургъ, а именно, весной 1811 года. Проектъ устройства этого комитета былъ разработанъ Арифельдомъ ¹⁾, причемъ предполагалось основать его на слѣдующихъ началахъ: комитетъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ членовъ, исключительно финляндцевъ, изъ коихъ одинъ — предсѣдателемъ, другой — докладчикомъ дѣлъ. Въ случаѣ присоединенія Выборгской провинціи къ остальной Финляндіи, предполагалось увеличить составъ комитета двумя членами. Послѣдніе должны были быть выбираемы на неопредѣленный срокъ русскимъ императоромъ. Задача комитета заключалась въ обсужденіи дѣлъ, которыя, согласно законамъ страны, подле-

¹⁾ Сперанскій увѣдомилъ Арифельда письмомъ (8 сент. 1811 г.), что государь сочувствуетъ его проекту и ожидаетъ его присутствія въ Петербургѣ, до извѣщенія остальныхъ членовъ комитета. Арифельдъ писалъ императору слѣдующее: „Устройство новаго комитета и доказательство отеческихъ попеченій вашего императорскаго величества произвели громадную сенсацію здѣсь, и даже въ Швеціи, такъ что большое число моихъ соотечественниковъ всѣхъ сословій мечтаютъ о переселеніи въ Финляндію“.

жали рѣшенію монарха. Всѣ главные пункты этого проекта были осуществлены, такъ что 6-го ноября 1811 года опубликованъ указъ императора, и одновременно издана инструкція для организаціи финляндскаго комитета. Дѣла, относящіяся къ Финляндіи и поступающія на воззрѣніе государя, должны были быть разсматриваемы въ комитетѣ и тамъ рѣшаться согласно законамъ, установленнымъ монархомъ. По настоянію Армфельда, въ члены комитета были назначены: генераль-маіоръ Амминовъ и два юриста Хисингеръ и Валеѣнъ, изъ коихъ послѣдній уже съ 1809 года состоялъ при финляндскихъ дѣлахъ въ Петербургѣ. Барону Ребиндеру было сначала поручено занять отвѣтственную должность финляндскаго статсъ-секретаря. Въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, когда Выборгъ былъ присоединенъ къ остальной Финляндіи, статскій совѣтникъ и секретарь русской законодательной комиссіи Розенкампфъ былъ назначенъ членомъ финляндскаго комитета.

Всѣ члены комитета, исключая Амминова, были юристами, что являлось совершенно необходимымъ въ виду юридической дѣятельности названнаго учрежденія ¹⁾. Дѣятельность комитета открылась въ началѣ декабря 1811 года, всѣ члены собрались къ этому времени кромѣ Амминова, который по болѣзни долженъ былъ отложить свой прїѣздъ, и только въ началѣ 1812 года вступилъ въ должность. Амминовъ, благодаря своему преклонному возрасту и уваженію, которое къ нему питали, былъ послѣ предсѣдателя однимъ изъ первыхъ въ комитетѣ. Впослѣдствіи, когда Армфельдъ, занятый другими важными дѣлами, принужденъ былъ оставить мѣсто предсѣдателя, то Амминовъ замѣнилъ его. Однимъ изъ выдающихся членовъ комитета, по своимъ способностямъ, считался молодой баронъ Ребиндеръ. Армфельдъ часто говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ. Ребиндеръ продолжалъ дѣятельность Армфельда послѣ смерти послѣдняго и оставилъ въ исторіи Фин-

¹⁾ Армфельдъ рассказываетъ, что еще до устройства комитета ему были присланы на дощъ четыре воза, наполненные дѣлами, совершенно позабытыми и заброшенными Сперанскимъ. Изъ писемъ Армфельда видно, что въ ту пору онъ былъ страшно заваленъ работой, приводя въ порядокъ дѣлную кучу запущенныхъ дѣлъ. При этомъ громадное количество бумагъ было затеряно. „Если будутъ продолжать посылать дѣла въ канцелярію статсъ-секретаря, — писалъ Армфельдъ Шернвалю — то они слишкомъ затянутся или вовсе не будутъ пересмотрѣны, тогда я умываю себѣ руки. Держусь того мнѣнія, что ни одно дѣло, касающееся Финляндіи, не должно докладываться государю, не пройдя сначала черезъ нашъ комитетъ. Если бы, вопреки всякой вѣроятности, случилось подобное недоразумѣніе, то его императорское величество тотчасъ бы прислалъ ко мнѣ это дѣло черезъ своего фельдъегера. Сперанскій совершенно согласенъ со мной; онъ никогда не говоритъ съ государемъ о дѣлахъ Финляндіи, не узнавъ сначала моего мнѣнія“.

ляндіи хорошою памятью о себѣ. Съ самаго начала своей дѣятельности, Армфельдъ смотрѣлъ широко на задачу, которая выпала на его долю. «Я не сижу здѣсь, чтобы заниматься пустяками,—писалъ онъ,—хочу дать администраціи правильный ходъ и возстановить нарушенный порядокъ». Текущія дѣла не отнимали бы у него столько времени, если бы онъ могъ посвятить себя всецѣло вопросамъ организаторскимъ. Когда онъ сталъ близокъ къ императору, мысль о созваніи всѣхъ государственныхъ чиновъ и земскихъ сословій въ Финляндіи не покидала его.

Еще въ началѣ 1811 года, Сперанскій говорилъ о пользѣ финляндскаго ландтага, замѣчая, что послѣдній послужитъ «твердой основой для современной организаціи страны». 1-го іюня 1811 года Армфельдъ писалъ изъ Петербурга: «Между нами будь сказано, я надѣюсь, что въ августѣ или въ сентябрѣ у насъ устроится ландтагъ». Надежды эти не сбылись, но продолжали жить въ душѣ Армфельда и остальныхъ финляндскихъ патріотовъ. Армфельдъ считалъ этотъ вопросъ лишь отложеннымъ на нѣкоторое время и часто возвращался къ нему. Приводимъ по этому поводу письмо его къ Шернвалю; оно интересно во многихъ отношеніяхъ. «Много есть причинъ для устройства ландтага въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1812 года (исключая народнаго ополченія). Наши уставы, не измѣняющіеся безъ согласія на это сословіи, до того нелиберальны, такъ дурно составлены, такъ мало подходятъ къ современному состоянію просвѣщенія, что необходимо замѣнить ихъ другими. Если удастся намъ сохранять миръ послѣ перемирія въ Турціи, то я сильно надѣюсь на благоприятные результаты. Серьезное расположеніе императора къ Финляндіи не подлежатъ никакому сомнѣнію. Я имѣю много основаній думать, что въ чувствахъ государя къ нашему отечеству политика не играетъ никакой роли; если же все предполагаемое не осуществится, то это будетъ зависѣть лишь отъ нашего дурнаго «esprit public», отъ плохаго состава совѣта и отъ тайныхъ интригъ противъ насъ въ Петербургѣ. Я все-таки не намѣренъ уступить этимъ чудовищамъ съ нѣсколькими головами, до тѣхъ поръ пока не увижу, что мнѣ не осталось ничего другаго дѣлать, и тогда милое Оминне ¹⁾ станетъ для меня убѣжищемъ. Множество радикальныхъ переменъ предположено у насъ съ государемъ. Хорошее начало выработано у насъ для устройства медицинскаго отдѣла; если тѣ, которые составляютъ «collegium medicum», люди порядочные, то отдѣлъ этотъ долженъ непремѣнно процвѣтать ²⁾. Что касается банка, то также рѣшено, и я на-

¹⁾ Имѣніе Армфельда.

²⁾ Указъ императора объ улучшеніи медицинскаго отдѣла былъ изданъ 26 ноября 1811 года. Законъ о банковыхъ операціяхъ въ Финляндіи—12 декабря 1811 г. Уставъ о квартирной повинности—31 января 1812 года.

дѣюсь занять 1.500,000 рублей ассигнаціями у императора и размѣнять шведскую монету. Вопросъ о судопроизводствѣ и повинностяхъ также въ ходу; проектъ послѣдняго такъ отвратительно составленъ, что я убѣжденъ, что дворникъ генерала-губернатора написалъ его; думать же, что членъ совѣта такъ мало смыслить въ томъ, что можно и чего нельзя предлагать,—было бы преступленіемъ».

Это извлеченіе изъ письма Армфельда очень характеристично и указываетъ, что масса занятій ожидала его на новомъ поприщѣ. Далѣе видно, съ какой поспѣшностью и реформаторскимъ жаромъ онъ принимался за дѣло. Изъ этого письма видно также, съ какими неудовольствіемъ Армфельдъ относился къ финляндскимъ чиновникамъ, и какъ непріятенъ былъ для него формализмъ и вялость государственнаго совѣта. Въ виду этого Армфельдъ сталъ думать объ его преобразованіи. Онъ предложилъ уничтожить финляндскій комитетъ и замѣнить его статсъ-секретаріатомъ и канцеляріей. Армфельдъ находилъ, что такимъ образомъ могъ бы уменьшиться во-первыхъ составъ управленія, за тѣмъ устранима двойственность власти, и наконецъ, сохраняться денежные средства.

Проектъ реформы финляндскаго правленія остался безъ результатовъ въ теченіе всей дѣятельности Армфельда; опасно было измѣнить организацію новаго государства въ то время, когда оно не успѣло еще окрѣпнуть и привыкнуть къ новымъ условіямъ. Зато въ другихъ отрасляхъ реформа быстро пробивала себѣ дорогу. Еще въ концѣ октября 1811 года, Армфельдъ представилъ государю общій обзоръ положенія Финляндіи въ экономическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ; общій обзоръ этотъ касался преимущественно вопросовъ экономическихъ и реорганизации управленія. Многочисленныя распоряженія, выходившія въ въ то время, указываютъ на обширную дѣятельность финляндскаго комитета. Уставъ, касающійся медицинскаго отдѣла, допускалъ организацію медицинской коллегіи по шведскому примѣру, въ которомъ число провинціальныхъ докторовъ было увеличено до 20-ти человѣкъ. Двѣ недѣли спусти появился законъ, касающійся депозитнаго банка въ Финляндіи. До окончанія года вышелъ указъ императора о присоединеніи Выборгской провинціи къ остальной Финляндіи (23-го и 31-го декабря 1811 года).

Для установленія новыхъ порядковъ въ Выборгѣ, составленъ былъ въ Петербургѣ комитетъ.

Присоединеніе къ Финляндіи тѣхъ провинцій, которыя, по заключеніи мира въ Або и Нисшадѣ, были уступлены Россіи и находились около столѣтія подъ властью русскаго монарха, имѣло громадное значеніе для Финляндіи. «Старая Финляндія», какъ назывались въ то время

эти провинціи—увеличила новую Финляндію на 376 квадратныхъ миль, а населеніе этой страны увеличилось на 200,000 жителей. Въ это время важный для торговли городъ Выборгъ сдѣлался снова владѣніемъ Финляндіи. Было однако не легко соединить то, что такъ долго находилось въ разъединенномъ видѣ. Близкое сосѣдство Россіи и полная зависимость отъ этой страны совершенно измѣнили прежній характеръ Выборгской провинціи. Вернуть прежній порядокъ управленія представлялось весьма трудной задачей; для этого было недостаточно однихъ императорскихъ указовъ. Надежда на желаемую переимѣну могла произойти лишь по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Сначала патріоты смотрѣли недовѣрчиво на это обстоятельство; баронъ Ребиндеръ говорилъ между прочимъ, «что Выборгъ будетъ той скалой, о которую разобьется независимость Финляндіи». Многие находили, что самая блестящая страница изъ жизни Армфельда была именно его ходатайство о присоединеніи Выборга къ Финляндіи. Форма, въ которую эта идея была сначала облечена, принадлежала императору Александру I или, быть можетъ, Сперанскому. Этотъ даръ народу, который, по собственнымъ словамъ Александра I на ландтагъ въ Борго (1809), вслѣдствіе переимѣны судьбы «возвышенъ между другими націями», былъ данъ имъ не столько въ силу политическихъ соображеній, сколько ради гуманныхъ цѣлей. Императоръ не могъ найти другаго болѣе вѣрнаго способа для того, чтобы получить преданность финляндскаго народа, какъ отдавъ ему обратно то, что около ста лѣтъ тому назадъ ему принадлежало; его императорское величество выказалъ лишь уваженіе законности и правдѣ, которою такъ гордились финляндцы, и въ доказательство присоединилъ имъ провинцію, начинавшую уже дѣлаться русской.

Вопросъ о присоединеніи Выборга уже обсуждался императоромъ при первой его встрѣчѣ съ Армфельдомъ весной 1811 года. Осенью того же года, проектъ этотъ былъ осуществленъ благодаря энергіи этого послѣдняго. Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ, Армфельдъ писалъ женѣ: «Сегодня я началъ свою трудную работу—соединеніе обѣихъ Финляндіи; если мнѣ удастся выполнить эту тяжелую задачу, то я получу великое удовольствіе какъ человѣкъ, и какъ гражданинъ». Двѣ недѣли спустя онъ писалъ снова: «Я окончилъ свою меморію, которая похожа на длинный «opus» и которая принесетъ человечеству несомнѣнную пользу; несчастныя существа, живущія въ старой Финляндіи, получаютъ снова благодаря ей «une existence civile». Завтра я представлю эту меморію Государственному Совѣту въ Петербургъ, и увидишь, выйду ли я съ честью изъ этого дѣла. Самъ я доволенъ моею меморіей, хотя, вѣроятно, въ цѣломъ Петербургѣ не найдется ни одного человѣка, который взялся бы написать или, еще меньше, про-

читать ее въ присутствіи извѣстныхъ личностей. Въ ней встрѣчается прямое нападеніе на незаконное насиліе, которое тяготило Финляндію съ момента ея поборенія».

Содержаніе и тонъ меморіи, равно какъ и набросковъ ея, сохранившихся до сихъ поръ въ бумагахъ Армфельда, свидѣлствуютъ, какъ непріятно было ему читать ихъ въ собраніи русскихъ. Онъ описываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно грустную картину законодательства въ русской Финляндіи. Свобода крестьянъ могла бы быть защищена, въ силу мирнаго договора съ Швеціей, но указы изъ Петербурга были всё въ пользу помѣщиковъ, владѣющихъ пожалованными землями, в всё дѣла шли въ ущербъ крестьянскаго землевладѣнія; такимъ образомъ свободные люди въ этихъ помѣстьяхъ сдѣлались крѣпостными; они продавались вмѣстѣ съ землей. Отъ свободы оставалось лишь одно преимущество: невозможность быть проданными безъ земли отдѣльно. Изъ работающихъ и покорныхъ работниковъ, эти мужики превратились въ лѣнвивыхъ, упрямыхъ, иногда приходившихъ въ отчаяніе людей. Правосудіе было въ упадкѣ, авторитетъ его унижался недостойными судьями, которые угнетали несчастныхъ. Народъ не былъ въ состояніи платить даже самыя незначительныя подати; богатые дѣса всюду вырубались, и страшная бѣдность царяла по всей мѣстности. Чтобы вырвать эту провинцію изъ ея упадка, Армфельдъ предложилъ, чтобы Сюстербекъ у Ладожскаго озера снова сталъ границей между Россіей и Финляндіей; одновременно, чтобы изданъ былъ манифестъ для жителей старой Финляндіи, гарантирующей имъ право сохранить какъ законы, такъ и конституціонное правленіе, существующіе по всей остальной Финляндіи. Мѣстныя русскія власти, съ губернаторомъ во главѣ, должны быть замѣнены выборгскимъ губернаторомъ, который управлялъ бы губерніей по шведскому образцу. Должно установить правильныя платежи податей и размежеваніе земли подъ надзоромъ губернатора; организовать судебную палату въ Выборгѣ. Духовныя дѣла и народное просвѣщеніе оставить подъ вѣдомствомъ епископа въ Борго. Для осуществленія же предлагаемыхъ реформъ, учредить комитетъ въ Выборгѣ. Предложеніе о перенесеніи епископства изъ Борго въ Выборгъ, а судебной палаты въ Або, къ которой предлагалось прибавить еще двухъ членовъ изъ старой Финляндіи, принадлежало инициативѣ Армфельда. Эти два предложенія служили поводомъ къ манифестамъ, изданнымъ 11-го и 31-го декабря 1811 года, въ силу которыхъ Выборгъ былъ присоединенъ къ Финляндіи и сталъ пользоваться конституціонными правами страны. Съ 1-го января 1812 года, законы финляндскіе стали примѣняться въ Выборгѣ, и доходы съ этой провинціи поступали въ финляндскій государственный банкъ. Всѣ русскіе чиновники, какъ

администрація такъ и юстиціи, за исключеніемъ магистратовъ, устранены отъ своихъ должностей; содержаніе оставлено имъ на полгода, въ томъ случаѣ, если они въ теченіе этого времени не найдутъ себѣ другихъ должностей. Милиція организована по образцу остальной Финляндіи. Въ манифестѣ отъ 31-го декабря было обращено особенное вниманіе на вопросъ объ ограниченіи правъ помѣщиковъ, относительно подчиненныхъ имъ крестьянъ, соотвѣтственно финляндскимъ законамъ. Указы изъ Россіи, которые, послѣ мирнаго договора въ Або и въ Нистадѣ, были изданы для народа, теперь прекратились. Совѣтъ долженъ былъ составить проектъ правильнаго платежа податей соотвѣтственно доходамъ отъ недвижимыхъ имуществъ.

Послѣ осуществленія своихъ желаній, Армфельдъ писалъ женѣ слѣдующее: «Если бы я теперь могъ покончить съ моимъ политическимъ поприщемъ, я былъ бы совершенно доволенъ; нахожу великой честью для себя—выиграть побѣду, содѣйствовать уничтоженію человѣческаго гнета. Можетъ быть это—послѣднее, что удалось мнѣ совершить, и придется снова вернуться къ прежнему «ничтожеству». Когда всѣ проекты были опубликованы, наступила очередь ихъ осуществленія; требовалось однако для новой финляндской провинціи найти правителя, человѣка сильной воли, дѣятельнаго и съ организаторскимъ талантомъ. Выборъ Армфельда палъ съ самаго начала на Шериваля; время доказало впоследствии, что найденъ былъ именно тотъ человѣкъ, котораго искали для столь трудной и совсѣмъ новой обязанности. Не безъ нѣкотораго страха принялъ Шериваль эту должность; это видно изъ нѣкоторыхъ писемъ Армфельда. Послѣдній писалъ младшему брату Шериваля: «Когда мнѣ удалось соединить Финляндію въ одно цѣлое, когда это великое дѣло въ политическомъ и нравственномъ отношеніи достигло своего осуществленія, когда я послѣ тяжелой борьбы добился, наконецъ, славы и побѣды на пользу человѣчества и Финляндіи—тогда я удивился, если бы благородный человѣкъ и хорошій патріотъ измѣнилъ мнѣ именно въ ту минуту, когда я зову его на помощь. Я знаю напередъ, что вашъ братъ своей дѣятельностью и энергіей достигнетъ хорошихъ результатовъ въ начатомъ мною дѣлѣ. Если нашъ добрый монархъ докажетъ ему свое довѣріе, то это тотъ пробный камень, на которомъ онъ можетъ построить все свое счастье въ будущемъ, не нуждаясь впрочемъ быть прикованнымъ къ одному мѣсту».

Армфельдъ употребилъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы убѣдить Шериваля принять на себя званіе губернатора въ Выборгѣ. «Уже признано всѣми, дорогой другъ, что вы годитесь на эту должность,—писалъ онъ самому Шериваля,—вамъ слѣдуетъ только взять подъ уздцы ваше патріотическое чувство и вашу живость, которыя не могутъ быть даже *à la hauteur du siècle*. Выборгская провинція

представляетъ для человѣка старательнаго, добраго и любящаго правосудіе, самую легкую, въ смыслѣ управленія, губернію во всей Финляндіи, по крайней мѣрѣ на первые 5-ть и 6-ть лѣтъ. Во-первыхъ, нигдѣ народъ не былъ такъ несчастливъ какъ именно въ этой губерніи, слѣдовательно, когда онъ почувствуетъ, что съ нимъ обращаются почеловѣчески, и одновременно пойметъ, что ему слѣдуетъ исполнять извѣстныя обязанности, то непременно будетъ доволенъ. Во-вторыхъ, не слѣдуетъ также забывать, что въ этой губерніи можно прибѣгать къ начальническому тону въ мелочахъ и даже употреблять нѣкоторую власть для достиженія благихъ цѣлей, потому что и уши, и глаза, и всѣ чувства привыкли къ этому. Въ третьихъ, переменна чиновниковъ представляетъ во всѣхъ областяхъ правленія случай дать своей дѣятельности то направленіе, котораго потребуютъ обстоятельства. Въ четвертыхъ, государь готовъ поддержать всѣ дѣйствія губернатора въ Выборгѣ, для того чтобы возстановить законный порядокъ и уничтожить отсутствіе въ этой губерніи демаркаціонной линіи между правомъ и долгомъ. Средства, которыя вы будете имѣть подъ рукою для исполненія вашей задачи, будутъ служить вамъ помощію: вы будете имѣть, кромѣ собственной силы воли, еще комиссію, которая организуется въ Выборгѣ, духовенство, которое усиліями патріота-епископа будетъ переорганизовано; наконецъ юристовъ, по мѣрѣ того, какъ мнѣ удастся замѣнить неспособныхъ людей способными».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Армфельдъ не скрывалъ передъ Шервалемъ невыгодныя стороны этого дѣла. Нѣкоторое время спустя онъ писалъ ему: «по пріѣздѣ вашемъ въ Выборгъ, васъ атакуютъ со всѣхъ сторонъ сплетнями, жалобами и ссорами. Выслушайте каждого, помните все, а главное, посвящайте свое время на обсужденіе всего, что вы увидите и услышите. Дворяне обращаются варварски съ крестьянами; судьи скверные; среднее сословіе нисколько не лучше; духовенство безнравственное и лицемерное; крестьянинъ не лучше животнаго, онъ угнетенъ, озлобленъ, и въ особенности лѣнивъ. Соединеніе подобнаго зла съ неспособностью составляетъ такое пѣлое, до котораго опасно даже дотронуться безъ предосторожностей. Самолюбіе есть причина тому, что Выборгская губернія близка моему сердцу, я потому я отъ души радуюсь, что вы будете управлять ею».

Съ живымъ интересомъ слѣдилъ Армфельдъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ новой Финляндской губерніи, почему новый энергичный губернаторъ находилъ въ Армфельдѣ огромную поддержку. Эта поддержка была дѣйствительно необходима, и если бы Армфельдъ не имѣлъ такого громаднаго вліянія на императора Александра I, то мудро было бы искоренить аристократическій и варварскій помѣщичій духъ. Привилегированныя сословія старой Финляндіи, желая сохранить во-

сточные нравы, возмущались новыми реформами и не скрывали своего неудовольствія передъ Армфельдомъ, зная что инициатива принадлежитъ ему; послѣдній въ свою очередь не скрывалъ своихъ воззрѣній и съ ужасомъ смотрѣлъ на порядокъ, который царствовалъ въ старой Финляндіи ¹⁾.

Вскорѣ послѣ присоединенія Выборгской провинціи, Армфельдъ написалъ меморію государю, по поводу того, что петербургскія власти продолжали одно время задерживать документы, планы и карты, касающіеся этой провинціи. Въ этой меморіи онъ выразилъ сожалѣніе, что «вліятельныя лица уже много лѣтъ тому назадъ отняли у простонародія законное право защиты», и просилъ императора приказать министру юстиціи прекратить задержку необходимыхъ бумагъ. О русскомъ же управленіи онъ въ своемъ письмѣ не стѣсняясь выразилъ искреннее негодованіе: «Боже мой, съ какимъ сбродомъ государь имѣетъ дѣло!—писалъ онъ.—Невѣжество, недоброжелательство противъ всего, что—не русское, поглощаетъ и уничтожаетъ справедливость». Армфельдъ противился желанію нѣкоторыхъ русскихъ дворянъ поступать въ финляндскую дворянскую палату. «Надо стараться,—писалъ онъ Амину, —избавиться отъ варваровъ и искать людей съ либеральными принципами ²⁾. Хотя Армфельдъ и совѣтовалъ новому Вы-

¹⁾ Хотя предводитель дворянства въ Выборгѣ, генералъ Фокъ изъяслялъ въ своемъ письмѣ къ Армфельду благодарность русскому царю, но несмотря на это принадлежалъ къ числу недовольныхъ финлянцева. По случаю его скоропостижной смерти Армфельдъ писалъ: „Толстый Фокъ умеръ въ три два; онъ, вѣроятно, умеръ отъ крика, такъ какъ былъ въ отчаяніи, глядя на реформы въ Выборгской провинціи. Если бы Господь прибиралъ почаще подобныхъ крикуновъ, то стало бы легче“.—Къ Шернвалю онъ писалъ 26 апрѣля 1813 г. „Много помѣщиковъ предпочли бы лучше продать свои помѣстья въ старой Финляндіи, нежели оставаться въ ней при новомъ порядкѣ. Законы и конституціонное правленіе кажутся имъ чѣмъ-то въ родѣ чумы, или другой заразной болѣзни“. Самъ Армфельдъ купилъ у русскаго помѣщика имѣніе возлѣ Ладожскаго озера (1812), но управленіе этимъ имѣніемъ доставило ему много хлопотъ.

²⁾ Армфельдъ пишетъ Шернвалю 15 декабря 1811 г. „Министръ финансовъ одинаково глупъ и гордъ, онъ постоянно имѣшивается въ финляндскія дѣла. Между тѣмъ желаніе государя, чтобы ни одинъ русскій чиновникъ, кромѣ вашего генералъ-губернатора, не касался нашей администраціи. Уничтоженіе русской таможи въ Выборгѣ—дѣло рѣшеное, и мнѣ уже официально извѣстно, что она скоро прекратитъ свою дѣятельность“. Тому-же Шернвалю 20 іюня—1 августа 1812 г. „Выборгское дворянство нельзя считать финляндскимъ. Оно должно еще доказать, какимъ образомъ оно снѣтаетъ себя принадлежащимъ къ намъ, дабы пользоваться нашими правами. Это важный вопросъ, и слѣдуетъ имъ дать понять это обстоятельство. Надо чтобы всѣ сословія были или равны между собой, или, чтобы дворянство имѣло свои права, которыя въ глазахъ философовъ считаются химерой; при всемъ томъ, необходимо, чтобы по такимъ вопросамъ существовали опредѣленные понятія“.

*

боргскому губернатору быть осторожнымъ, но это не мѣшало ему самому прибѣгать къ довольно энергичнымъ мѣрамъ, которыя казались многимъ слишкомъ поспѣшными и произвольными; послѣднія имѣли однако цѣлью содѣйствовать благополучію угнетеннаго крестьянина; вопросъ этотъ былъ всегда близокъ сердцу Армфельда. «Если у васъ хватитъ силъ, мой другъ,—писалъ онъ Шернвалю 9 апрѣля 1812 г.,—то съ вашимъ умомъ и сердцемъ и съ Божіей помощью все можетъ устроиться. Но все же замъ придется прибѣгнуть къ строгости, особенно по отношенію къ тѣмъ, которые рады надуть простолюдина. Если бы у васъ были достойные пасторы и истинные юристы, тогда дѣло было бы на половину легче».

Между тѣмъ не одни только русскіе помѣщики негодовали на то, что лишались крѣпостныхъ людей ¹⁾. Тѣ изъ русскихъ чиновниковъ, которые видѣли исчезновеніе своего прежняго вліянія и осужденіе совершаемыхъ ими поступковъ, и даже нѣкоторые изъ соотечественниковъ Армфельда, стали качать головой, глядя на нововведенія и распоряженія, совершавшіяся иногда произвольно, или вслѣдствіе совѣтовъ съ новымъ членомъ комитета Розенкампомъ. Послѣдній по своему происхожденію не былъ финляндецъ ²⁾, и потому на него смотрѣли недовѣрчиво, боясь что онъ можетъ дурно повліять на Армфельда ³⁾. Ближайшее къ Армфельду лицо въ комитетѣ, Аминовъ, по поводу быстраго выселенія какой-то подозрительной личности изъ Выборга, говорилъ Армфельду: «Слишкомъ быстрое присоединеніе старой Финляндіи

¹⁾ Иные пробовали другимъ образомъ объяснить нѣкоторые пункты манифеста отъ 31 дек. 1811 г. и старались приписать своихъ финляндскихъ крестьянъ къ другимъ помѣстьямъ и недвижимымъ имуществамъ въ Петербургѣ, для того только, чтобы эти несчастные продолжали оставаться въ крѣпостномъ состояніи. Въ виду такихъ безобразій было особенно виѣнено Выборгскому управленію строго слѣдить за происходящимъ.

²⁾ Розенкампфъ былъ уроженецъ Лифляндіи, но съ назначеніемъ членомъ финляндскаго комитета, тотчасъ же получилъ званіе финляндскаго дворянина.

³⁾ Другъ Армфельда, Еренстремъ писалъ Аминову 22 апр. 1812 г. «Тотъ способъ, который былъ примѣненъ при присоединеніи старой Финляндіи, не нравится многимъ; было бы желательно уменьшить это неудовольствіе. Дѣло хорошо въ принципѣ и вполне соотвѣтствуетъ основнымъ законамъ управленія, на которые императоръ изъявлялъ свое согласіе; но кажется, что присоединеніе совершилось слишкомъ быстро. Вся вина падаетъ на одну личность (Розенкампфа), которая только благодаря своей симпатичной наружности понравилась его превосходительству (Армфельду) и пользуется его полнымъ довѣріемъ. Надѣюсь однако, что его превосходительство не будетъ имѣть причинъ раскаиваться въ томъ, что довѣрился такъ скоро человѣку, который даже не финляндскаго происхожденія». Этотъ Розенкампфъ не заслуживаетъ въ русской исторіи благосклоннаго отзѣва. См. Bernhardi «Geschichte Russland». (XXI. 615, 641).

къ Россіи произвело враговъ у нашего добраго монарха». Онъ также предвидѣлъ грустныя послѣдствія, могущія прозойти отъ подобной ошибки. Однако же Аминовъ относился сочувственно къ интересной дѣятельности Армфельда, какъ дѣятельности государственнаго лица. «Мнѣ лучше чѣмъ кому-либо извѣстны ваши побужденія,—говорилъ Аминовъ,—я знаю, что вы всѣмъ сердцемъ преданы нашему доброму монарху. Въ одномъ мы всегда будемъ расходиться съ вами: въ томъ что я не сочувствую вашему образу дѣйствій». Онъ же предупреждалъ Армфельда, что его неосторожныя выходки, слишкомъ гордый откровенный тонъ съ министрами можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. «Вообразите себѣ,—пишетъ между прочимъ Аминовъ Армфельду,—что рано или поздно, когда бразды правленія снова перейдутъ въ ихъ руки, вся ненависть, которую они несомнѣнно чувствуютъ къ намъ нынѣ, повредитъ нашему бѣдному отечеству. Развѣ нельзя, вмѣсто того, чтобы выказывать гордость, надменный нравъ, раздражительный и повелительный тонъ, придти къ хорошимъ результатамъ помощью одной кротости, покорнаго права, съ сохраненіемъ извѣстной гармоніи? Мой другъ! Что я люблю и любилъ васъ всегда, о томъ свидѣлствуютъ Господь и мои поступки относительно васъ; но я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, что не сочувствую тѣмъ приемамъ, которые вы избрали, чтобы служить интересамъ нашего отечества; вы могли бы легко достигнуть счастья послѣдняго, благодаря вашимъ замѣчательнымъ способностямъ, вашему доброму сердцу и вашему рвенію къ дѣламъ; всѣ эти качества, вмѣстѣ взятая, помогли бы вамъ не только составить счастье Финляндіи, но даже утвердить и продолжить это самое счастье». Въ другомъ письмѣ Аминовъ говоритъ Армфельду: «Не забывайте, мой другъ, что у насъ есть законы».

Предупрежденія эти были не напрасны. Даже Ребиндеръ, находившійся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Армфельду, часто задумывался надъ этимъ лихорадочнымъ стремленіемъ его къ реформамъ и надъ той, необдуманной подчасъ поспѣшностью, съ которой онъ иногда дѣйствовалъ ¹⁾. Но послѣдствія, которыхъ многіе страшились, не сбылись къ счастью. Отношенія Армфельда къ Александру I были таковы, что позволяли ему дѣйствовать въ томъ духѣ какъ онъ самъ выражался: «traucher toutes les difficultés par un coup d'autorité». Свой взглядъ на Петербургъ онъ высказывалъ въ одномъ письмѣ въ слѣдующихъ

¹⁾ „Я слышалъ, что присоединеніе Выборга къ Финляндіи не сочувственно было принято ни въ старой Финляндіи, ни генераль-губернаторомъ; впрочемъ, я это предвидѣлъ, и пускай это обстоятельство послужитъ урокомъ Армфельду впредь слушаться совѣтовъ комитета“. (Ребиндеръ—Манергейму).

выраженіяхъ: «Въ этомъ городѣ не годится уступать въ какомъ-нибудь вопросѣ въ ущербъ правды и чести».

Увлекаясь иногда поступками произвольнаго характера, Армфельдъ, несмотря на всѣ возникавшія непріятности, неустанно и безкорыстно работалъ ради присоединенія Выборга; онъ смотрѣлъ теперь съ возрастающимъ удовольствіемъ на энергичныя стремленія Шериваля къ той же самой цѣли. «Человѣкъ этотъ дѣлаетъ чудеса, — писалъ онъ къ Еренстрѣму; — «его дѣятельность и ненависть къ мелкимъ интересамъ и ссорамъ сильно помогаютъ ему. Если бы намъ пришлось лишиться его, то я убѣжденъ, вся Выборгская провинція пропала бы, такъ какъ онъ не замѣнимъ¹⁾». Другой, не менѣе важный вопросъ, имѣющій въ политическомъ и конституціонномъ отношеніи болѣе значенія, нежели присоединеніе Выборга, занималъ также Армфельда и его соотечественниковъ. Вопросъ этотъ касался организаціи финляндской арміи. Финляндское войско было распушено послѣ ландтага въ Борго; сословія просили разрѣшенія новаго монарха, въ память тѣхъ узъ, которыя соединяли когда-то Финляндію съ Швеціей, не содержать въ теченіе 50-ти лѣтъ войска въ Финляндіи. Военная депутація отправленная въ началѣ 1810 года въ Петербургъ, возбудила вопросъ объ организаціи вольнонаемнаго войска единственно для защиты Финляндіи; но ходатайство это осталось безъ послѣдствій. Такимъ образомъ сыны отечества были лишены права, и имъ не вмѣнялось въ обязанность защищать свою родину, самостоятельность которой было главнымъ желаніемъ и цѣлью всѣхъ патріотовъ. Тяжело было видѣть вооруженное войско побѣдителя, заботившагося о защитѣ ихъ отечества. Квартирный постой въ городахъ и селахъ чужестранныхъ солдатъ палъ тяжелымъ бременемъ на финляндскій народъ. Несмотря на великую благодарность финляндцевъ за милости къ нимъ императора Александра I, отовсюду стекались жалобы и неудовольствія по случаю ожидаемаго прихода русскихъ солдатъ. Народъ страдалъ отъ совмѣстнаго сожителства съ ними, въ крошечныхъ и тѣсныхъ избахъ. Не менѣе страдало отъ того и имущество финляндцевъ, такъ какъ русское войско не подлежало финляндскимъ законамъ. Этотъ вопросъ сильно интересовалъ Армфельда. Со

¹⁾ Судя по письму Армфельда къ Шеривалю (29 іюня 1812 г.), примѣрный губернаторъ Шериваль самъ не разъ жаловался Армфельду, который отвѣчалъ ему на это слѣдующее: „Римъ не былъ построенъ въ одинъ день. Когда вся Выборгская провинція избавлена одновременно отъ рекрутскаго набора и отъ тѣхъ большихъ податей, которыми вся Россія манифестомъ отъ 11-го февраля обложена въ этомъ году, тогда простите меня, мой другъ, если самое названіе п а с с и в о в ѣ, которое вы себѣ даете, я найду не только преувеличеннымъ, но даже доказывающимъ черную неблагодарность вашу къ моему другу, который d'un traitъ сдѣлалъ такъ много для Финляндіи“.

стороны Финляндіи онъ былъ еще возбужденъ до пріѣзда барона въ Петербургъ, причѣмъ испрашивалось разрѣшеніе построить казармы, на что послѣдовало высочайшее согласіе ¹⁾). Армфельдъ написалъ собственноручно меморію, въ которой предлагалъ кромѣ казармъ построить еще рядомъ съ ними бараки; на содержаніе ихъ долженъ былъ взиматься сборъ съ каждой деревни въ теченіе 5-ти лѣтъ; далѣе, слѣдовало издать уставъ, дающій точныя инструкціи, въ предупрежденіе злоупотребленій, которыя въ этой области постоянно повторялись. Какъ предсѣдатель комитета, Армфельдъ принималъ живое участіе въ обсужденіи этого вопроса ²⁾). Въ концѣ декабря 1811 года Армфельдъ писалъ Аминову: «Вопросъ о квартирномъ постое рѣшенъ, но вы увидите иной экземпляръ, нежели та дрянъ, которую прислалъ сюда совѣтъ». Организация національной обороны была попрежнему главной цѣлью финляндскихъ патріотовъ. Весной 1811 г., когда Армфельдъ только прибылъ въ Петербургъ, этотъ вопросъ уже вызывалъ различныя мнѣнія ³⁾). Армфельдъ получалъ со всѣхъ сторонъ записки, съ изложеніемъ проектовъ по этому вопросу; успѣвши изложить это дѣло императору, но встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны монарха; на этотъ разъ не помогли ни влияніе, которое Армфельдъ имѣлъ на государя, ни его дружескія съ нимъ отношенія. По этому поводу онъ писалъ Шернвалю 5-го ноября 1811 года: «Его императорское величество совершенно противъ организаціи въ настоящее время милиціи; онъ боится, что это можетъ быть причиною общаго неудовольствія. Если не ошибаюсь, то я узнаю въ этомъ дѣлѣ влияніе нашего патріота епископа ⁴⁾), однако пускай мои

¹⁾ Манифестъ отъ 11-го февраля 1811 года.

²⁾ „Квартирный постой долженъ существовать,—писалъ Армфельдъ,—до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ собственного войска, но надо поставить границу злоупотребленіямъ, дать силу законамъ, поставить предѣлы между претензіями солдатъ и правами народа. Моя обязанность этимъ заняться, и именно надъ этимъ теперь работаю“.

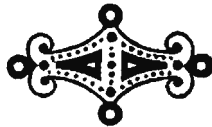
³⁾ Аминовъ въ письмѣ къ Армфельду (17 мая 1811 г.) отсвѣтовалъ ему не содѣйствовать организаціи національной милиціи, говоря, что „время для этого еще не пришло, и что это обстоятельство можетъ нарушить спокойствіе и выказать неблагодарность къ милостивому монарху. Неизвѣстно также, какъ поступило бы финляндское войско въ случаѣ войны со Швеціей“.

⁴⁾ Тенгстрѣмъ въ Або, къ которому Армфельдъ относился недовѣрчиво. Вообще Армфельдъ смотрѣлъ недоброжелательно на финляндцевъ, которые дѣйствовали въ противномъ духѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что нашлись лица, которыя увѣрили императора въ опасности организовать милицію въ Финляндіи; „это происходитъ—говорилъ онъ,—отъ полнаго отсутствія у насъ „esprit public“, отъ фальшиваго нашего патріотизма и отъ нашихъ мелвихъ и фатальныхъ взглядовъ. Наставетъ день, когда эти безмысленныя существа и убогоголова твари, которыя въ данный моментъ стоятъ противъ этого,

подозрѣнія останутся между нами. Дабы живѣе характеризовать нашего монарха, опишу вамъ конецъ нашего разговора съ нимъ. Чтобы доказать ему, что въ этомъ проектѣ не было ничего такого, что могло бы вызвать недовѣріе и отказъ, я представилъ императору многочисленныя доводы. Его императорское величество на это отвѣтилъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Послушайте, чѣмъ больше я вдумываюсь въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что у меня совершенно достаточное количество войска, которое должно быть лишь правильно ведено. Для чего же въ такомъ случаѣ мнѣ возбуждать неудовольствіе, и ставить цѣлую націю въ затруднительное положеніе, особенно въ тотъ моментъ, когда она должна оправиться послѣ войны? Зачѣмъ мнѣ рисковать получить отказъ, въ случаѣ если бы я сталъ совѣтоваться съ націей, или подвергать себя недовѣрію и всеобщему неудовольствію, если я пожелалъ бы дѣйствовать произвольно; нѣтъ, лучше отложить этотъ вопросъ въ сторону и подумать о томъ, чтó можетъ осчастливить Финляндію. Къ тому же мнѣ бы это стоило болѣе 100,000 человѣкъ. Я буду вполне счастливъ, когда соотечественникамъ вашимъ въ старой Финляндіи вернуть прежнія ихъ права, ибо нынѣшнее ихъ положеніе не можетъ жителямъ новой Финляндіи казаться иначе какъ ужаснымъ. Вотъ какъ я смотрю на это дѣло; вы же согласны ли со мной?»

Тронутый до глубины души мыслями и выраженіями императора, я высказалъ ему то, что въ подобныхъ случаяхъ чувствуется, но это не мѣшало мнѣ сожалѣть о недовѣріи, которое онъ, повидимому, питалъ къ нашему патриотизму и къ финляндской молодежи. Императоръ предложилъ устроить наемный полкъ, состоящій изъ 4-хъ батальоновъ съ удвоеннымъ числомъ офицеровъ. Я отвѣтилъ государю, что это будетъ un ris-aller, который также встрѣтитъ затрудненія. На этомъ пока окончился нашъ разговоръ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

будутъ кровавыми слезами оплакивать то зло, которому они сами стали причиной⁴. (Ф. Шернвалю 16 января 1812 года).

ГУСТАВЪ IV
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.
1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

VI ¹⁾).

Въ Стокгольмѣ и безъ Стедянга знали, что дѣло нужно поправить. На этомъ основаніи 26-го мая ст. стили, герцогъ Зюдерманландскій пишетъ второе, конфиденціальное письмо императрицѣ, въ которомъ кратко, опредѣленно и прямо идетъ на встрѣчу вопросамъ, столь близкимъ Екатеринѣ II. «Прошу ваше императорское величество—писатьъ между прочимъ герцогъ-регентъ,—быть вполне увѣренномъ, что нетерпѣніе мое видѣть скорѣе это сближеніе установленнымъ и утвержденнымъ, по крайней мѣрѣ, равно вашему и что я, съ своей стороны, употреблю все, чтобы ускорить желанную минуту. Я также льщу себя надеждою, что послѣднія объясненія посла короля при вашемъ величествѣ устраивать ваши сомнѣнія относительно этого предмета и что секретъ, который онъ сообщитъ вамъ по моему приказанію, докажетъ вамъ по крайней мѣрѣ всю силу моего къ вамъ довѣрія. Я знаю, что вамъ можно говорить смѣло, ясно и откровенно и что изліянія дружбы сохраняются свято вашимъ императорскимъ величествомъ. Итакъ я не колеблюсь повѣрить

¹⁾ См. «Русскую Старину», май 1896 г.

вамъ (но покуда—вамъ только), что бракъ короля, моего племянника, который, какъ говорятъ, отложенъ до времени его совершеннолѣтія, не осуществится никогда, и въ этомъ я вамъ даю мое честное слово. Зная нѣжное участіе, которое ваше величество принимаете во всемъ, что касается короля, я увѣренъ, что секретъ его не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, будучи ввѣренъ вашему императорскому величеству... Я уже сообщилъ мекленбургъ-шверинскому кабинету, что совершеніе брака отлагается, и мы согласились съ королемъ, что во время его совершеннолѣтія, которое приближается такъ быстро, онъ самъ объявитъ остальное. Къ счастью, совершеннолѣтіе послѣдуетъ всего черезъ 5 мѣсяцевъ и удовольствіе мое быть такъ близко къ этому сроку удвоится, если, прежде чѣмъ онъ наступитъ, я буду въ состояніи видѣть, соотвѣтственно желанію моему, скрѣпленнымъ самымъ прочнымъ согласіемъ тѣсный союзъ, который посоль короля имѣетъ приказаніе подписать, какъ только вашему императорскому величеству угодно будетъ на то согласиться. Вотъ мои истинные виды и желанія. Что касается до извѣстнаго дѣла, я не сомнѣваюсь, что оно будетъ окончено къ взаимному нашему удовольствію и увѣнчается полнымъ успѣхомъ, если съ обѣихъ сторонъ къ этому будутъ стремиться одинаково и съ осмотрительностью, которой безусловно требуютъ обстоятельства».

При такихъ условіяхъ, конечно, можно было на что-нибудь еще надѣяться, а съ другой стороны, неудивительно, что Стедингъ, чувствуя себя спокойнѣе и увѣреннѣе въ начатыхъ вновь переговорахъ, писалъ Рейтергольму 13-го (24) мая 1796 г.:

«Мой достойный другъ! Капитанъ Штириваль пріѣхалъ въ прошлый вторникъ и привезъ мнѣ письмо отъ 12 мая. Въ тотъ же день я былъ у графа Маркова, но засталъ его во время совѣщанія съ прусскимъ министромъ, который съ нѣкотораго времени проявляетъ чрезвычайную дѣятельность. Я успѣлъ только отдать письмо уполномоченнаго по дѣламъ—г. Будберга, вложенное въ твое, которое онъ быстро прочиталъ. Онъ, повидимому, остался очень доволенъ имъ, и мы условились, что на другой день онъ будетъ у меня завтракать, чтобы посоветоваться со мной насчетъ содержанія твоего письма. Это совѣщаніе состоялось. Я поставилъ себя съ г. Марковымъ въ самыя откровенныя и интимныя отношенія, и потому не поколебался передать ему или даже перевести буквально нѣкоторыя мѣста изъ твоего письма, которыя должны были познакомить съ тобой его и императрицу, а именно то мѣсто, гдѣ говорилось о разрывѣ короля съ принцессой Мекленбургъ-Шверинской; все, что относилось къ обязательствамъ, которыя бароны Будбергъ заключили съ барономъ Эссеномъ и тобой въ Стокгольмѣ; мѣста, въ которыхъ говорилось о характерѣ нашего молодого монарха, доказывающемъ его твердость и вмѣстѣ съ тѣмъ доброту, и, наконецъ, все то, что ты гово-

ришь мнѣ о своемъ взглядѣ на дѣло и о постоянствѣ въ рѣшеніи, которое ты принялъ, въ убѣжденіи, что оно будетъ самымъ лучшимъ для твоего короля и для твоего отечества, — г. Марковъ выслушалъ очень внимательно и не прерывалъ, но когда я кончилъ, онъ сказалъ, что чувствуетъ положительное отчаяніе по поводу только-что прочитаннаго. Нѣкоторыя мѣста въ этомъ письмѣ дѣйствительно могли бы доставить императрицѣ большое удовольствіе, но въ немъ находятся также другія, способныя еще болѣе утвердить во мнѣніи, которое, къ несчастію, сложилось у нея о недостаткѣ искренности съ нашей стороны. Онъ прибавилъ, что, сообщая ему все это, я поставилъ его въ величайшее затрудненіе, и поклялся, что если онъ дастъ императрицѣ подробный и точный отчетъ объ этомъ, она въ тотъ же моментъ дастъ своимъ войскамъ приказаніе выступить къ границѣ. Эти слова показались бы мнѣ еще болѣе странными и удивительными, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, если-бъ мнѣ не было извѣстно одно обстоятельство, о которомъ я сообщалъ тебѣ въ прибавленіи къ моему последнему письму. Дѣло въ томъ, что у императрицы вновь возникли подозрѣнія и неудовольствіе противъ тѣхъ, кого она считаетъ виновниками этихъ раздоровъ. Теперь она вообразила, будто этимъ лицамъ удалось совершенно отнять у нея расположеніе короля. Для того, чтобы внушить ей эту мысль, пустили въ ходъ интрига, которыя на этотъ разъ идутъ, по моему мнѣнію, изъ болѣе высокихъ источниковъ, чѣмъ тѣ, на которыя я указывалъ въ прошлый разъ. Кромѣ того, эту мысль подтверждало и письмо короля, которое показалось императрицѣ очень холоднымъ, о чемъ я уже сообщалъ тебѣ. Если это убѣжденіе укоренится въ ея умѣ, она, по своему природному нетерпѣнію, можетъ предаться мысли о мщеніи. Вотъ, по крайней мѣрѣ, что показалось мнѣ наиболѣе вѣрнымъ и справедливымъ въ томъ, что говорилъ мнѣ г. Марковъ въ отвѣтъ на удивленіе, которое я высказалъ по поводу его словъ. Мнѣ казалось особенно страннымъ, что можно было говорить подобныя вещи послѣ пріѣзда г. Будберга, такъ какъ послѣдній долженъ былъ сообщать императрицѣ обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Если же подозрѣнія императрицы все еще продолжаются, то для меня это рѣшительно непонятно, и я безсиленъ помочь этому. Г-нъ Марковъ замѣтилъ мнѣ, что г. Будбергъ зналъ объ этомъ не болѣе остальныхъ особъ, которыя желали бы положить конецъ подобнымъ распрямъ. Далѣе онъ объяснилъ мнѣ, что императрица наша, что г. Будбергъ зашелъ далѣе чѣмъ слѣдуетъ. Кромѣ того, по ея мнѣнію, онъ сдѣлалъ большую ошибку, слишкомъ поторопившись выѣхать изъ Стокгольма, не дожидаясь приказанія остаться, которое уже было ему послано и заоздало только вслѣдствіе болѣзни Семенова. Поэтому г. Будбергъ былъ встрѣченъ не такъ милостиво, какъ того ожидалъ. Быть можетъ, смущенный этимъ приемомъ, онъ говорилъ не такъ откровенно и правдиво, какъ долженъ

бы былъ это сдѣлать, и отсюда у императрицы получилось новое убѣжденіе, что дѣла въ Стокгольмѣ идутъ именно такъ, какъ хотять это представить ей наши враги ¹⁾. Что поведеніе г. Будберга не было вполнѣ свободно отъ смущенія и замѣшательства, доказываютъ еще два обстоятельства. Во-первыхъ, онъ не былъ у меня съ визитомъ, хотя уже нѣсколько дней какъ пріѣхалъ; затѣмъ, когда я написалъ ему очень вѣжли- вую записку, посылая письмо повѣреннаго въ дѣлахъ, которое было вложено въ твоемъ конвертѣ, онъ мнѣ не отвѣтилъ на нее. Въ тотъ же самый день я встрѣтилъ его на костюмированномъ балѣ, который графъ Безбородко давалъ для молодыхъ великихъ князей. Здѣсь онъ поблагодарилъ меня за присылку письма, но когда я началъ разговоръ о дѣлахъ, онъ обнаружилъ величайшее замѣшательство. Онъ началъ говорить, что очень недоволенъ тѣмъ, что во всѣхъ депешахъ изъ Стокгольма говорилось, будто онъ уже заключилъ съ нами нѣкоторыя положительныя обязательства отъ имени императрицы, тогда какъ онъ дѣлалъ это только условно. Я попросилъ его сказать, кто говорилъ объ этомъ, желая узнать, не сообщалъ ли ему Марковъ о вашемъ письмѣ. Этотъ вопросъ смутилъ его, но онъ отвѣтилъ, что это былъ его двоюродный братъ въ Стокгольмѣ. — «Я вполнѣ убѣжденъ, — сказала я, — что вы не только исполните вѣрно то, что обѣщали въ Стокгольмѣ, но что вамъ удастся легко разрушить ложныя представленія, которыя объ насъ могли еще остаться у императрицы — по отношенію къ дѣламъ и лицамъ». Эти слова только еще больше смутили г. Будберга. Онъ началъ сильно протестовать противъ этого, уѣбруя въ искренности своихъ намѣреній и въ готовности содѣйствовать успѣху переговоровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ, что здѣсь онъ не можетъ ничего сдѣлать. Одной изъ главныхъ причинъ, возбудившихъ снова недовѣріе императрицы, служить то, что наши сосѣди, датчане и особенно пруссаки, которые пріобрѣли здѣсь большою вѣсъ, сообщили русскимъ министрамъ о нашихъ попыткахъ расположить ихъ въ нашу пользу на случай разрыва съ Россіей. Разрывъ этотъ, котораго, быть можетъ, желаетъ Пруссія, но до известной степени

¹⁾ Въ депешѣ Тауэнцина (Берлинскій Архивъ, см. Бриквера, «Вѣстникъ Европы» 1890, XIII, 799) отъ 6-го (17) мая сказано, напротивъ, совершенно иное: «Баронъ Будбергъ пріѣхалъ третьяго дня изъ Стокгольма, говорятъ, съ хорошими вѣстями». Въ письмѣ Ростопчина къ Воронцову, писанномъ также въ первой половинѣ мая (Арх. кн. Воронцова, VIII, 139), говорится о неожиданномъ пріѣздѣ въ Петербургъ Будберга, но тутъ же прибавлено, что поводомъ къ путешествію генерала были переговоры о бракѣ короля съ великою княжною. «Отъѣздъ его изъ Стокгольма, — говоритъ Ростопчинъ, — произвелъ много шума и безпокойствъ въ Стокгольмѣ, потому что все ожидали ничего иного, какъ объявленія войны. Послѣ пріѣзда Будберга между Марковымъ и Стеднигомъ происходили частыя совѣщанія. Говорятъ, что Будбергъ не возвратится въ Швецію», и проч.

боятся Данія, былъ тѣмъ не менѣе для нихъ обоихъ случаемъ угодить императрицѣ, чѣмъ они никогда не пренебрегаютъ. Если эти министры въ своихъ донесеніяхъ приписали намъ личныя и оскорбительныя выходы противъ императрицы и великой княжны Александры, то это объясняется тѣмъ, что клеветать на насъ сдѣлалось модой, а такъ какъ этимъ господамъ еще не извѣстно о новомъ оборотѣ, который дѣла приняли въ Стокгольмѣ, то они все еще руководствуются старымъ обычаемъ. Г-нъ Марковъ, не входя въ подробности по этому поводу, увѣрялъ меня однако, что императрица имѣетъ такія точныя свѣдѣнія о нашемъ отношеніи къ тѣсному сближенію съ ней, что ей невозможно не быть недовѣрчивой и она не удивится никакой неожиданности. Но мнѣ показалось, что г. Марковъ, несмотря на очевидное безпокойство, также рѣшилъ употребить все свое вліяніе, чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ сплетнямъ. Онъ спросилъ, не желаю ли я написать императрицѣ письмо о томъ, что я ему сейчасъ довѣрилъ, и если я согласенъ на это, онъ предложилъ передать мое письмо ея величеству. Онъ увѣрялъ меня, что такой шагъ окажетъ больше дѣйствія, чѣмъ все то, что онъ самъ могъ бы сказать ей. Хотя мнѣ не понравилось это предложеніе, однако отказать было невозможно, иначе противъ насъ возникли бы новыя подозрѣнія, и я согласился съ наружной любезностью. Мое письмо, копію котораго посылаю, было написано въ тотъ же день и на слѣдующій отослано г. Маркову. Чтобы выразить ему еще больше довѣрія, я присоединилъ къ своей запискѣ такую же копію, съ тѣмъ чтобы онъ возвратилъ мнѣ ее по прочтеніи. Вы, конечно, понимаете, какого труда стоило мнѣ составить это письмо, въ виду его важности. Надо было, чтобы это письмо вышло очень яснымъ и очень сердечнымъ и въ то же время сохранить достоинство короля, отъ имени котораго я долженъ былъ писать. Я писалъ его такъ, чтобы произвести какъ можно большее впечатлѣніе на императрицу, которую я изучилъ достаточно, чтобы знать, что для этого нужно. Въ тотъ же день я видѣлъ г. Маркова. Проходя мимо, онъ шепнулъ мнѣ, что мое письмо произвело самое лучшее дѣйствіе и что все идетъ хорошо. На другой день я получилъ отъ него письмо, которое посылаю въ оригиналѣ¹⁾. Письмо это

¹⁾ Письмо барона Стедяга императрицѣ было слѣдующаго содержанія: «Ваше императорское величество! Я уполномоченъ со стороны короля, моего повелителя, и его королевскаго высочества герцога сообщить вашему императорскому величеству, и только вамъ однимъ, что бракъ, предполагавшійся между его величествомъ и принцессою Луизой-Шарлоттой Мекленбургъ-Шверинской, никогда не состоится. Но по личнымъ соображеніямъ короля и его королевскаго высочества этотъ разрывъ долженъ остаться въ глубокой тайнѣ во все время несовершеннолѣтія его величества и будетъ объявленъ только тогда, когда онъ самъ приметъ въ свои руки бразды правленія. Я увѣренъ,

доставило мнѣ большую радость, хотя и оставляло желать многого, но зато было написано мягкимъ и умѣреннымъ тономъ и обѣщало вамъ крупныя выгоды относительно вещей, которыя намъ желательно получить. Ты видишь, мой дорогой Рейтергольмъ, что уже нѣтъ болѣе рѣчи о бракѣ короля,—этотъ пунктъ оставленъ въ сторонѣ, независимо отъ нашего союза съ Россіей. Путешествіе же короля и его королевскаго высочества ради посѣщенія императрицы, котораго такъ желаетъ эта государыня, будетъ лишь политическимъ актомъ, который, вѣроятно, приобрететъ намъ большое вліяніе на этотъ кабинетъ. Дѣло въ томъ, что эта государыня, болѣе чѣмъ всякій другой монархъ въ свѣтѣ, руководится въ дѣлахъ тѣми чувствами, которыя она испытываетъ, а она навѣрное полюбитъ нашего короля. Скажу болѣе,—разъ король приобретѣ-

что ваше величество въ этомъ знакѣ довѣрія короля и его королевскаго высочества увидите тѣ чувства, которыми они одушевлены по отношенію къ вамъ, и эту тайну, которую она желаютъ сохранить еще нѣкоторое время для всѣхъ остальныхъ, они смѣло вѣрятъ охранѣ дружбы и лояльности, которою отличается ваше императорское величество.

«Да будетъ позволено мнѣ, государыня, къ выраженію глубочайшей преданности короля и его королевскаго высочества вашему величеству присоединить и мое пожеланіе, чтобы скорѣе вернулись тѣ прекрасныя дни, которыми было отмѣчено мое первое пребываніе при дворѣ вашего величества. Къ этому клонятся желанія и намѣренія короля и его королевскаго высочества, а ваше величество слишкомъ великодушны и чувствительны, чтобы не идти въ этомъ случаѣ впередъ короля, вашего родственника и сюзерена, который только что отдалъ себя въ ваши руки».

9-го мая 1796 г. Марковъ отвѣчалъ: «Посылаю вамъ, мой дорогой посланникъ, копію съ вашего письма къ императрицѣ, которую вы мнѣ давали. Оригиналъ я вручилъ ея величеству и, присутствуя во время его чтенія, могъ выслушать замѣчанія по поводу его».

«Прежде всего ея императорское величество изволила замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ начались серьезныя переговоры о сближеніи обоихъ дворовъ, это былъ единственный разъ, когда она нашла ясность и точность. Хотя она можетъ считать себя удовлетворенной въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе не перестанетъ желать, чтобы такимъ же образомъ были сдѣланы и другія разъясненія, касающіяся предметовъ не менѣе важныхъ. Она ясно чувствуетъ, что, находясь въ положеніи, противоположномъ тому, каковаго желательно достигнута, невозможно вести посредствомъ одной корреспонденціи переговоры о такихъ важныхъ и щекотливыхъ вопросахъ, которые необходимо окончательно опредѣлить и установить. Это поведетъ лишь къ безконечнымъ проволочкамъ и даже къ совершенному пренебреженію дѣлю. Самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ сократить эти проволочки, по меньшей мѣрѣ неудобныя для обѣихъ сторонъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, было бы свиданіе императрицы съ ея кузенами, королею и регентомъ. Однѣмъ часъ бесѣды поможетъ устранить больше трудности, выяснитъ больше недоразумѣнія и согласитъ больше интересовъ, чѣмъ дѣльный годъ переписки и дипломатическихъ переговоровъ. Въ силу этого мотива, достойнаго вниманія короля и регента, императрица приглашаетъ ихъ посѣтить ее въ теченіе этого

теть расположеніе императрицы, то она не поставитъ ему въ вину, если-бъ даже онъ и не думалъ никогда жениться на великой княжнѣ Александрѣ. Наконецъ, если мы желаемъ обезпечить себѣ спокойствіе съ этой стороны, если мы хотимъ получить вознагражденіе за то, что намъ должна императрица, если мы можемъ когда-нибудь надѣяться вернуть себѣ общее расположеніе, отнявъ у своихъ недоброжелателей самое лучшее ихъ средство,—если мы желаемъ всего этого, то будемъ держаться пути, который намъ указываютъ и который, несмотря на представляющіяся трудности, есть единственный, могущій привести насъ къ цѣли. Подумай, мой другъ, о миллионахъ твоихъ согражданъ, которые въ этотъ моментъ со страхомъ ожидаютъ рѣшенія своей участи, для которыхъ всѣ предметы любви служатъ уже предметомъ безпокой-

дѣла. Приемъ, который ихъ здѣсь ожидаетъ, будетъ соответствовать какъ этому мотиву, такъ и ихъ сану и положенію, какъ самыхъ близкихъ родственниковъ ея величества. Сверхъ того она предупреждаетъ ихъ, что въ этомъ случаѣ рѣчь будетъ идти только о государственныхъ дѣлахъ; что касается дѣлъ семейныхъ, то они будутъ всецѣло предоставлены вкусу и взаимной склонности сторонъ, которыя больше всего въ этомъ заинтересованы.

«Вотъ, дорогой посланникъ, предложеніе, которое императрица поручаетъ вамъ, зная ваше усердіе по дѣлу сближенія обоихъ дворовъ, усердіе, которое она цѣнитъ и удостаиваетъ самаго полнаго одобренія. Принятіе этого предложенія болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, убѣдитъ ее въ искренности намѣреній короля и его высочества регента по отношенію къ ней. Всѣ возраженія, которыя можно почерпнуть въ законахъ или въ завѣщаніи покойнаго короля, должны уступить передъ величайшей важною укрѣпленія и продленія союза и добраго согласія между обоими государствами.

«Чтобы предупредить заранѣе сомнѣніе и недоумѣніе, которыя, быть можетъ, внушатъ вамъ это письмо и его мотивы, я скажу вамъ, что не далѣе какъ по вчерашней почтѣ мы узнали изъ очень вѣрнаго источника слѣдующее: вашъ дворъ, стараясь сосредоточить вниманіе другаго двора на тѣхъ движеніяхъ, которыя совершались у васъ, внушаетъ ему ту мысль, что не въ его интересахъ допускать не только подавленіе Швеціи, но даже бракъ съ русской принцессой, которая не замедлитъ внести въ эту страну русское вліяніе. Вы сочтете это сообщеніе ложнымъ или злонамѣреннымъ,—я желаю бы, чтобъ это было такъ. Но согласитесь, по вашему собственному опыту, что если такого рода извѣстія вызываютъ недоразумѣнія между самими дружественными дворами, то гораздо болѣе сильное дѣйствіе должны они оказать на тѣ дворы, которые близки къ открытому столкновенію и отношенія которыхъ далеко не такъ прочны, какъ это можно пожелать для ихъ взаимнаго спокойствія. Во всякомъ случаѣ они оправдываютъ и подтверждаютъ необходимость предпринимаемыхъ мѣръ безопасности и предосторожности, особенно если сущность ихъ не представляетъ ничего дурнаго.

«Вотъ, дорогой посланникъ, тѣ соображенія, которыя я прошу васъ обсудить, руководясь голосомъ вашего сердца. Они въ большой мѣрѣ внушены мнѣ тѣмъ же самымъ желаніемъ мира, которое вы такъ ясно обваружили въ моихъ глазахъ...»

ства и печали, и представь себѣ ихъ счастье и радость, когда они узнаютъ, что король отправился въ Петербургъ, гдѣ ему будутъ оказаны многочисленныя знаки любви императрицы. Сколько пожеланій и благословеній изъ дворцовъ и изъ самыхъ убогихъ хижинъ полетитъ тогда въ слѣдъ его величеству! Путешествіе при такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ можетъ повести только къ хорошимъ результатамъ. И чье сердце болѣе твоего можетъ понять то счастье, которому оно такъ много способствовало. Только тогда твоя слава будетъ дѣйствительно прочной и блестящей, такъ какъ гораздо лучше дѣлать враговъ друзьями, чѣмъ сражаться съ ними и побѣждать ихъ. Ты, конечно, понимаешь, что отъ г. Маркова я заботливо скрылъ всѣ эти соображенія, которыя подсказаны мнѣ сердцемъ. Напротивъ, я говорилъ, что считаю эту поѣздку невозможной и подробно развилъ всѣ доводы, которые заставляли меня такъ смотрѣть. Но въ дѣйствительности я совсѣмъ не думалъ того, что говорилъ. Оно, напротивъ, кажется мнѣ и почетнымъ, и полезнымъ. Никто, безъ сомнѣнія, не будетъ думать, что король отправился выбрать себѣ супругу и, вѣроятно, во время его пребыванія здѣсь во всѣхъ церквахъ Швеція будутъ приноситься молитвы за ту, съ которой онъ теперь обрученъ. Императрица еще разъ черезъ Маркова подтвердила мнѣ то, о чемъ уже писала, именно, что во время свиданія не будетъ поднято вопроса о бракѣ. Но вы не можете себѣ представить, какъ она желаетъ этого свиданія. Г-нъ Марковъ употребилъ все свое краснорѣчіе и ловкость, чтобы доказать выгоды, которыя дастъ намъ эта поѣздка. Онъ убѣдительно проситъ тебя, и я присоединяюсь къ его просьбѣ, чтобы ты сдѣлалъ все возможное и убѣдилъ короля и его королевское высочество не отказываться отъ приглашенія императрицы.

Генералъ Будбергъ также ободрился вслѣдствіе благопріятнаго оборота, какой приняли дѣла. Третьяго дня онъ былъ у меня и говорилъ очень сердечно и, повидимому, съ самыми благими намѣреніями о возобновеніи согласія между обоними государствами. Онъ открылъ мнѣ, что императрица думаетъ опять послать его въ Швецію и для этого ждетъ только отвѣта короля и его королевскаго высочества на письма, которыя она имъ писала. Но онъ попросилъ меня держать это въ секретѣ и поручилъ мнѣ увѣрять тебя, что онъ пользуется здѣсь всякимъ случаемъ, чтобы воздать тебѣ должную справедливость. Въ этихъ случаяхъ недостатка у него нѣтъ, такъ какъ по слухамъ онъ теперь въ большой милости у императрицы и имѣетъ съ ней продолжительныя совѣщанія. Когда я представилъ ему всю трудность, если не невозможность поѣздки короля, которой такъ желаетъ императрица, онъ просилъ сказать тебѣ, что ты и представить себѣ не можешь, до какой степени императрица увлечена этой идеей. Если же это совершенно невозможно, что очень его огорчаетъ, то онъ умоляетъ ради всего святаго не торопиться, по крайней мѣрѣ, съ отка-

зомъ и не присылать его прежде, чѣмъ онъ возвратится въ Стокгольмъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно съ нимъ согласенъ, такъ какъ намъ предстоитъ не мало труда, чтобы выдержать бурю, которую опять вызоветь этотъ отказъ. Всего хуже то, что едва только какое-нибудь государство подвергается опасности, какъ тотчасъ всё остальные готовятся тѣмъ или инымъ способомъ извлечь себѣ отъ этого пользу. Теперь мнѣ извѣстно, что Пруссія была главнымъ виновникомъ послѣдней вспышки императрицы, о которой я говорилъ въ письмѣ, посланномъ съ Эльменомъ. Ей удалось внушить здѣсь мысль, что король ненавидитъ императрицу, что ему противенъ бракъ съ великой княжной, и что мы употребляемъ всевозможныя попытки, чтобы возбудить прусскій дворъ противъ Россіи. Объ этомъ рассказывалъ мнѣ г. Марковъ, но, какъ ты знаешь, онъ не называлъ именъ. Больше всего огорчило императрицу обвиненіе, которое мы будто бы вводимъ на нее, въ томъ, что она хочетъ заставить короля жениться на одной изъ великихъ княжеть. Это показалось величайшимъ униженіемъ достоинства и чести какъ ея, такъ и ея внучки, такъ какъ она пользуется репутаціей самой нѣжной и любящей матери и желаетъ устраивать браки своихъ дѣтей только справляясь съ ихъ желаніемъ. Я отвѣтилъ г. Маркову, что если оставить въ сторонѣ клеветы, сочиненныя относительно васъ и короля, то дѣйствительно, видя опасность со стороны Россіи, мы естественно могли бы искать помощи у своихъ сосѣдей; но если сопоставить между собою данныя, то будетъ очевидно, что упрекъ въ двоедушіи, который дѣлаютъ намъ, совсѣмъ нами не заслуженъ. Такой же отвѣтъ далъ генераль Будбергъ императрицѣ, когда она заговорила объ этомъ. Всѣ эти козни нашихъ явныхъ и тайныхъ враговъ заставляютъ меня сильно желать минуты, когда они покроются стыдомъ, но раньше этого времени мы никогда не будемъ имѣть ни покоя, ни безопасности.

Прошу тебя, дорогой мой Рейтергольмъ, повергнуть къ стопамъ короля и его королевскаго высочества увѣреніе въ моей глубочайшей преданности. Скажи имъ, что одинъ изъ самыхъ старыхъ слугъ ихъ, для котораго преданность и готовность служить имъ замѣняютъ геній и таланты, могущіе дать нѣкоторое право на ихъ довѣріе, на колѣняхъ умоляетъ ихъ не отталкивать средства примиренія, которое представляется теперь. Мое сердце и какое-то предчувствіе говорятъ мнѣ, что это свиданіе короля съ императрицей будетъ началомъ его счастья и спокойствія Швеціи.

Третьяго дня здѣсь прошелъ какой-то полкъ, который направился въ Финляндію, названіе его сообщить тебѣ Штириваль, такъ какъ я еще не могъ его узнать. Говорятъ, что на этихъ дняхъ ожидается еще два. вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ заготовка провіанта для Финляндіи, какъ будто въ ожиданіи войны, а въ то же самое время императрица занята

лишь планами приема, какой она устроить королю. Мое сердце также радостно готовится къ этому приему, но лишь въ твоихъ объятіяхъ я могу забыть всѣ страданія и неприятности, которыя перенесъ въ Петербургѣ. Удовольствіе видѣть тебя здѣсь примиреннымъ съ императрицей скинуло бы лѣтъ 20 съ моихъ плечъ. Поспѣши же и помоги мнѣ, мой добрый другъ, страхнуть эти годы. А я очень нуждаюсь въ этомъ, такъ какъ удивительно слабъ и старъ. Но пока дышу, я весь твой. Прощай, еще разъ прощай!

Баронъ Н. В. Дризенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.
Книга третья.

ПОВѢСТВОВАНИЕ

Священно-архимандрита отца Фотія ¹⁾.

Посланіе и апологія о. Фотія противу зловѣрія и нечестія.—Говорится, что восточная церковь Христа идопоклоннической стала быть, и въ ней есть сатана; что восточной церкви не стало аки бытъ съ VIII вѣка; что аки-бы истинная церковь моравская—гернгутерская.—Говорится, что западная церковь все акибы отъ ямичниковъ и есть идольская.—Угрозы революціею, дабы въ своихъ замыслахъ успѣхъ имѣть карбонаріямъ.—Въ теченіе 12 лѣтъ до 1836 года предположена учинить.—Явное уклоненіе Филарета митрополита отъ дѣла Божія, отъ православныхъ: участіе въ зловѣрїи въ самое важное время, когда всему духовенству нужно было дѣйствовать за единое; неудовольствіе императора на Фотія за анаемю.—Болѣзнь Фотія; письмо гр. дѣвницы къ императору Александру; отвѣтъ императора о Фотія дѣвницѣ; прїѣздъ его, императора, въ домъ къ дѣвницѣ; бесѣда его и расположеніе къ Фотію; ненависть зловѣрныхъ и козни истребить архимандрита Фотія.—Дѣйствіе на императора было различное и непрестанное противу сонмища зловѣрныхъ.—Объ адмиралѣ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ.—О князѣ Платонѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ.—О начальникѣ гвардіи Феодорѣ Уваровѣ.—Объ оберъ-полицімейстерѣ Иванѣ В. Гладкомѣ.—О состоящемъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ Алексѣѣ Павловѣ.—О Михаилѣ Леонтьевичѣ Магницкомѣ.—О графѣ А. А. Аракчеевѣ, любимцѣ императора Александра.—О лицахъ духовныхъ.—Продолженіе дѣйствій при самомъ гнѣвѣ императора.—Вліяніе иностранныхъ обычаевъ на Россію, и особенно на загородное сословіе и заведеніе для реформы.—Уничтоженіе проповѣди слова Божія въ придворной церкви.—Уничтоженіе древняго настоящаго гнѣва, и перемена на мірское неодобное.—Сказываніе поученій отъ людей въ свѣтскомъ званіи.—Опущеніе службъ церковныхъ.—Презрѣніе и умаленіе святыхъ Божіихъ церквей.—Обычай въ случаѣ осужденія духовныхъ лицъ въ военную службу или въ ссылку.—Обычай начальства для повышенія переводить часто на высшія мѣста безъ нужды и дѣла спасенія.—Перемѣщеніе архіереевъ частое съ епархіи на епархію и ихъ уклоненіе явное отъ правилъ вѣры и благочестія и несогласное съ самымъ житіемъ.—Занятіе монашествующихъ лицъ мірскими дѣлами.—Развратъ мірскаго сословія людей, охлажденіе къ церкви и вѣрѣ и благочестію.—Бесѣда съ царемъ, гнѣвъ царя, неустрашимость противу дара и явленіе Божіей милости и благодати предъ царемъ нечаянно и чудесно.—Отъѣздъ ивъ С.-Петербурга въ Новгородъ въ монастырь и дѣло о вывозѣ Кіевскаго митрополита Евгенія.

Видѣвъ слухъ истинный по всему граду царствующему, что вождь враговъ вѣры и истины ересіархъ, и всѣ его обвиняются, первые вель-

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1895 г. мартъ.

*

можи не благоволятъ уже къ открывшимся злодѣямъ, слугамъ сатаны, пришло въ помыслъ Фотію вскорѣ составить вообще и подробно изложене и открытіе тайны нечестія, которая опубликована подъ вліяніемъ кн. Голицына. И какъ онъ царю внушалъ все доброе о книгѣ, въ коей все напечатано и распространено, и самаго лжепророка Штиллинга убѣдиль князь самого царя Александра видѣть въ проѣздѣ по нѣмецкимъ странамъ ¹⁾, то онъ, Апологію составляя, изложилъ нѣкоторыя статьи злобы напечатанныя, и подписалъ такъ: «планъ революціи, обнародованный тайно, или тайна беззаконія двѣмая, въ книгѣ «Побѣдная повѣсть», гдѣ предположено тайными обществами въ теченіе 12 лѣтъ къ 1836 году надъ Россією и Европою все довершиться: религія христіанская исповѣданій всѣхъ уничтожится, царства разрушатся, и утвердятся универсальная монархія подъ именемъ тысячелѣтнаго царствованія въ Іерусалимѣ. Написалъ же и посланіе еще притомъ сильное царю, в все то отъ 7 мая 1824 года послалъ тайно царю прежнимъ путемъ чрезъ любимца царева, боярина Федора Уварова.

ПОСЛАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Помазанникъ Божій!

Царствуй съ Богомъ и радуйся!

Господь съ тобою!

Богъ Отцевъ нашихъ,—Богъ, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, послалъ меня возвѣстить Тебѣ, царю, правду въ сіи смутныя времена. И я возвѣстилъ и возвѣщаю: Спаси Отечество, Царство, Церковь Христову, о великій слуга Бога Вышняго! тайна беззаконія великая, страшная дѣется, которую и я открываю тебѣ, о, сильный крѣпостію и духомъ Божиимъ! сотвори волю Божию и дѣла Божіи исправи вскорѣ. Я же дѣло мое сотворилъ, на кое призванъ отъ Господа, и правъ буду предъ Богомъ въ день страшнаго суда и на земли предъ челоувѣками. Господу содѣйствующу все возможно сотворить. Господь съ тобою! Съ нами Богъ! Аще Богъ за насъ, кто противу насъ? Господь силъ съ нами! Подвизайся, о царю, миръ тебѣ. Царствуй съ Богомъ и радуйся о Дусѣ Святѣ во вѣки. Аминь.

Раба Бога и Господа Иисуса Христа и Дусѣ Святѣ, ревнитель Св. Церкви.

Вѣрно-вѣрноподанный царю,

1824-го года

послѣднѣйшій, но правовѣрный

маія 7 дня.

Архимандритъ Фотій.

¹⁾ Императоръ Александръ I въ 1814 году жилъ нѣкоторое время въ Баденѣ, гдѣ тогда находился и Ю. Штиллингъ. Здѣсь императоръ и видѣлъ Штиллинга, которому съ этого времени назначена была пенсія отъ русскаго правительства. Кромѣ того, Александръ I сдѣлалъ Ю. Штиллингу единовременное пособіе. Записки графини Эдлингъ, урожденной Стурдза. «Русскій Архивъ» 1887 г., кн. 3, стр. 296—297; 1892 г., кн. 12, стр. 365.

АПОЛОГІЯ,
то-есть,
раскрытіе плана
революціи, обнаруживаемой
или
тайны беззаконія дѣемой
и показанной
въ книгѣ: «Побѣдная повѣсть»
тайными обществами:

Что въ теченіе 12 лѣтъ къ 1836 году надъ Россією и Европою все довершится; религія христіанская всѣхъ исповѣданій уничтожится, царства разрушатся и учредятся акибы универсальная монархія подъ именемъ тысящелѣтняго Царствія Христова во Іерусалимѣ.

Толкованіе на Апокалипсисъ, книга «Побѣдная повѣсть» есть ложное пророчество, ложное толкованіе, въ коей вмѣсто истины обманъ принимается, вмѣсто вѣры невѣріе, вмѣсто благочестія нечестіе, вмѣсто христіанства анти-христіанство. Кратко сказать, книга сія есть торжество невѣрія, руководство вѣру христіанскую всѣхъ исповѣданій, Церковь восточную, западную и лютеранскую уничтожить и престолы и власти истребить. Ибо говорить «Побѣдная повѣсть», хуля и осмѣивая вѣру Христову нашу и восточную церковь такъ:

1) «Что съ 324 года, со времени Святаго императора Константина, «христіанская вѣра стала быть идолопоклонническою и въ самой церкви сатана воздвигнулъ престолъ свой».

Слѣдъ внушается, что съ 324 года по Р. Х. чрезъ всѣ годы во Іерусалимѣ, въ Царѣ-Градѣ и по всей вселенной и у насъ въ Россіи до сего 1824 года, есть вѣра христіанская идолопоклонническая, а въ церкви сидитъ акибы сатана, а не Христосъ; и что называется у насъ христіанскою вѣрою въ Россіи и въ западной церкви, это есть акибы обманъ.

Такъ-то истинную вѣру Христову, книга «Побѣдная повѣсть», въ основаніи разрушивъ, далѣе съ начала до конца, толкуя Апокалипсисъ, только разрушаетъ ее и похваляетъ антихристіанскую вѣру.

2) А посему говорить, «что (въ VIII-мъ вѣкѣ) греческая церковь крайне повредилась такъ, что и свѣтильникъ съ мѣста сдвинуть и угашень»: т. е. восточной церкви не стало быть еще въ VIII вѣкѣ, и это акибы обманъ, что она нынѣ въ Россіи есть.

А явилось уже общество истинныхъ христіанъ въ Валеяцахъ въ IX-мъ вѣкѣ; уже то общество называлось: моравская церковь, а нынѣ называется герингутерская братская церковь и ееотирская, которая продолжается и до пришествія Христова на 1.000 лѣтъ царствовать,

которое пришествіе если не ранѣе, то не позже, какъ въ 1836 году будетъ.

3) Разрушивъ восточную церковь, теперь уничтожаетъ и западную, говоря: «что почти все отъ язычниковъ заняла и сотворила языческое христіанство или христіанское язычество: и есть она вавилонская блудница Іезавель».

4) А для сего «Побѣдная повѣсть» всѣхъ еретиковъ, карбонаріевъ, отступниковъ отъ религіи христіанской и враговъ правительства, какъ-то Таулера ¹⁾, г-жу Гюнъ и проч., какіе только были въ западной церкви, называетъ ихъ истинными христіанами.

5) Далѣе отвергая и разрушая лютеранскую и кальвинскую съ прочими исповѣданіями, говоритъ: «что христіане изъ духовной еоетирь, т. е. изъ всѣхъ сектъ послѣ реформации, ими изъ братской гернгутерской церкви, изъ меннонистовъ, сепаратистовъ, шіетистовъ всякаго рода, методистовъ, квакеровъ и проч., составляютъ одинъ союзъ, одно общество, церковь филадельфійскую, т. е. братолюбскую: и вотъ токмо они истинные христіане; а прочая партія, т. е. христіане прочихъ всѣхъ исповѣданій: восточнаго, западнаго или лютеранскаго и кальвинскаго, суть устные, лжеименные христіане».

И что Господь Іисусъ Христосъ акибъ еще не явился на земли, говоритъ «Побѣдная повѣсть»: «1.800 лѣтъ ждать явленія Его и не дожидаться. Ахъ! какъ это долго! Какъ мучительно!»

«О, братія! потерпимъ, пождемъ еще!»

6) «Вотъ грядетъ искушеніе на всю вселенную, происшедшее чрезъ долговременную роскошь, охлажденіе къ вѣрѣ, желаніе вольности или свободы отъ всякихъ узъ законовъ, однимъ словомъ, революціонный духъ, разорившій Америку, разрушающій Европу и угрожающій Азію, который распространится по всей обитаемой землѣ. О! какъ страшень сей духъ! Ложное просвѣщеніе и проч. ово уже началось и есть всеобщее».

7) И что духъ революціи и ложное просвѣщеніе акибъ служить обществу карбонаріевъ токмо къ успѣхамъ и торжеству, то говоритъ «Побѣдная повѣсть»: «еоетирцы, т. е. члены гернгутерской церкви, методисты и проч., вамъ владычество надъ языками; а филадельфійцы суть столпы храма (т. е. во грядущаго Антихриста), вамъ вручено славное

¹⁾ Изъ сочиненій Таулера переведены были на русскій языкъ слѣдующія: 1) «Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской» (были три изданія въ 1801, 1820 и 1821 гг.) и 2) «Благоговѣнныя размышленія о жизни и сграданіяхъ Христа Спасителя» (напечатаны были въ 1823 году). Последнее сочиненіе издано по высочайшему повелѣнію и съ посвященіемъ высочайшему имени.—Галаховъ. Обзоръ містической литературы—въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1875 г. ноябрь, 91.

устроєніе новаго гражданства, новаго Іерусалима и Царствія Божія, т. е. тысячелѣтняго, которое будетъ въ 1836 году. Ибо сіе славное (устроєніе новаго Іерусалима) царство будетъ еократическое или богочальственное, въ собственномъ смыслѣ, т. е. царь-священство».

8) Любезная братія, время близко, мы это видимъ изъ всѣхъ обстоятельствъ и проч., и говорится, что всѣ изъ вельможъ, содѣйствующіе вышеозначенному заговору, у какого-то самозванца будутъ министрами, а ожидаемый самозванецъ, акибы то будетъ царь царей и Господь Господей».

Страшный обманъ и ужасная бѣда подъ симъ скрывается.

9) Со времянь Константина Великаго (и можетъ быть дѣйствительно съ 324 года) св. церковь христіанская учитъ, что было обѣтованное Царство Христово на земли и что будетъ единое стадо и единый Пастыръ (Іоанна X, 16), уже сбылося.

Которое духовное царствіе святой Іоаннъ Богословъ въ откровеніи видѣлъ подъ именемъ тысячелѣтняго Царствія Христова (о чемъ и «Побѣдная повѣсть» упоминаетъ, но дабы отвергнуть оное, а новое ложное выдумать для цѣли своей), которое давно уже и кончилось; а посему Духъ Святыя Церкви говорятъ, что тысячелѣтнее Царствіе Христа на земли (т. е. съ 1836 года), предположенное быть, чувственно есть обманъ, дьявольская хитрость: почему сіе мѣніе, во II-мъ вѣкѣ въ 117-мъ году по Р. Хр. бывшее, ересью названо: а послѣдователи хиліастами названы.

10) Но «Побѣдная повѣсть» убѣждая вѣровать, что будетъ тысячелѣтнее царствіе, надобно ожидать его и всячески все къ тому направлять, слиятся терминъ назначить и говорить, что между 1800-мъ и 1836-мъ годами всѣ счеты апокалипсическіе ковчуются.

11) А посему говорить «Побѣдная повѣсть»: «что судъ надъ языческимъ Римомъ въ VIII-мъ и IX-мъ вѣкахъ кончился; но вотъ грядетъ судъ и надъ нѣкоторымъ великимъ царствомъ, особенно надъ такимъ, каковы были Вавилонская и Римская монархія (т. е. надъ Россією). Подъ словомъ земля разумѣется область, экономическое, гражданское и общественное состояніе народа, имущество его и образъ правительства,— что все потрясено будетъ».

«Солнце знаменуетъ религію или источникъ оной, божество и божественное ученіе; луна — мудрость человѣческую, философію, просвѣщеніе народа; звѣзды — учителей, наставниковъ и предстоятелей церкви, какъ то и прежде сказано о знаменованіи звѣздъ въ рукѣ Господа. И такъ помраченіе солнца значить совершенное испроверженіе религіи въ томъ народѣ, испроверженіе ихъ боговъ. Помраченіе луны значить погруженіе въ варварство и невѣжество».

«Спаденіе звѣздъ съ небеси на землю означаетъ разрушеніе іерар-

хическаго порядка (т. е. чрезъ введеніе духовнаго министерства), представляющаго небо и землю, презрѣніе священства и учителей церковныхъ, которые съ высоты своей ниспадають на землю, т. е. лишаются блеска сана своего, частію и самаго пропитанія, и смѣшиваются съ чернію, какъ незрѣлыя смоковницы, теряющія свою силу жизни, или, съ которыхъ сильный вѣтръ обиваетъ незрѣлыя плоды». Ахъ! чего же далѣе ожидать можно отъ разрушенія порядка іерархіи чрезъ введеніе духовнаго министерства и чрезъ врученіе вѣры гражданскому правительству.

Говорить «Побѣдная повѣсть»: «наконецъ (т. е. церковь) небо свѣтается какъ свитокъ, который долго развернуть былъ на покаяніе; и теперь сталъ не нуженъ, т. е. всѣ учрежденія религіи и іерархіа уничтожатся на земли какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, все будетъ новое: никакой горы, никакого острова болѣе не будетъ (т. е. вся сила пастырей и царей будетъ ослаблена), примѣръ сему недавно показала Франція».

Симъ внушается, что и Россіи то готовится, а частію въ ней сбылось и акибы сбудется вскорѣ.

12) Внушается, что тысячелѣтнее царствованіе въ 1836 году акибы будетъ торжествующая церковь.

13) Вовсе отвергаетъ восточную церковь, западную, лютеранскую и кальвинскую.

14) А посему говорится, что жена, облеченная въ солнце, есть духовное гражданство, церковь моравская есть гернгутерское братское общество. Тако восхваляется общество карбонаріевъ,—скопнище изъ всѣхъ сектъ, вѣрующее во Антихриста.

Ужасная прелесть! Страшная бѣда церкви и государствамъ!

15) Духъ гернгутерской церкви, яко церкви карбонаріевъ, есть противень самодержавію.

А посему въ 845-мъ и (?) 836-мъ годахъ гернгутерская церковь, акибы жена, облеченная въ солнце, родила чадо мужеска пола—конституцію.

Чтобы чрезъ оную можно было образовать и учредить еоократію, или божественное правленіе на земли, что въ 1836 году, подъ именемъ тысячелѣтнаго царствія, акибы и должно начаться.

Сей общій духъ (т. е. конституціи) есть чадо жены гернгутерской церкви,—который взросъ и все станетъ производить, дабы вездѣ свергнуть яго религіи и бремя подначалія.

16) А посему карбонарія, павликіанцы, гонимые греческою царицею Θεодорою, сектанты, члены гернгутерской церкви, называются свидѣтелями Христовыми. Страшная поддѣлка и заманчивая!

Церковь же восточная святѣйшая называется зміємъ, которая потому и должна быть разрушена.

17) А моравская церковь (т. е. антихристова) мало-по-малу обра- зуется въ разсадникъ славнаго Царствія Христова на земли, — на 1000 лѣтъ, что аки-бы и сбудется въ 1836 году.

18) Для сего святая церковь уподоблена змію вездѣ въ книгѣ. А раз- умѣя далѣе и всю церковь Христову подъ звѣремъ и зміемъ, говоритъ «Побѣдная повѣсть» угрожая: «что въ 1836 году будетъ послѣдняя брань со звѣремъ ко вреду его и начнется Царствіе Господне на земли» (т. е. на 1000 лѣтъ и будетъ уничтоженіе всѣхъ религій и царствъ).

19) А посему «Побѣдная повѣсть», все направляя для своей злой цѣли, такъ незаконно мечтаетъ и называетъ 1-мъ ангеломъ Лютера, 2-мъ Якова Бема, 3-мъ (безбожника) Августа Германа Франциска.

20) Послѣ сего описывается кровопролитіе во Франція во времена революціонныя, и настоятельно говорится, что впредь еще кровь поте- четь рѣкою вездѣ (т. е. и въ Россіи).

1) Что «будетъ ужасный судъ чрезъ войну».

2) Что «пролитіе крови будетъ ужасное, невѣроятное, безпримѣрное; и то, что мы уже видимъ нынѣ, едва-ли когдѣ имѣло примѣръ, и яко жатву кровопролитіе продолжать ангели аки-бы (т. е. карбонарія) до пришествія Христова (т. е. до 1836 года), будутъ нѣкоторые проме- жутки для отдыха, но весьма малые».

21) А посему говоритъ «Побѣдная повѣсть»: «что худа надежда на миръ, какой бы ни заключили (т. е. тройственный союзъ), кровію должна омыться земля, ибо кровію очищаются незаконія» и проч.

22) Далѣе описывается, что духъ революціи и духъ республики прешли.

23) А на мѣсто вольности, равенства и республики начали свирѣп- ствовать ужасный деспотизмъ, угнетеніе и неограниченное самовластіе (т. е. самодержавіе, власть царей, князей и архіереевъ).

24) Говорится, что начнется (и началъ уже) дѣйствовать въ Турціи революціонный духъ, и сія имперія рухнется.

25) Далѣе описывается какой-то союзъ всѣхъ царей земли; и собра- ніе войскъ ихъ гдѣ-то въ Армагедонѣ; что аки-бы имъ послужить казню.

26) И что «яростный духъ революціонный взойдетъ вездѣ на край- нюю степень буйства; и всѣ узы гражданскаго союза расторгнутся, никто не будетъ безопасенъ ни въ чести, ни въ имѣніи, ни въ жизни своей, и нигдѣ не найдетъ себѣ пребывающаго града».

«Земля, т. е. государственныя постановленія, вездѣ потрясутся, и какъ человѣки нигдѣ спокойны не будутъ, то отъ горести и отчаянія станутъ скрежетать зубами, и не будутъ знать что дѣлать? Образчикъ

сего страшнаго потрясенія показала намъ революція во Франціи; тогда бѣдные французскіе эмигранты не знали наконецъ, гдѣ укрыться и куда бѣжать; — но это былъ еще частный судъ; чего же слѣдуетъ ожидать, когда вся земля потрясется».

Горе, горе, горе грядетъ (если не возьмемъ мѣры осторожности) и на Россію!

Скорбь велия грядетъ, если злодѣи главныя пощадятся!

27) Отъ сего горя и отъ сей скорби, яко отравы, морскія державы, и яко горы великія и сильныя (т. е. Россія) сдвинутся съ мѣста, т. е. сила и знаменитость ихъ исчезнетъ.

28) Загадочно дается знать о Наполеонѣ, что онъ акы-бы антихристъ, и что его поразитъ Царь Царей и Господь Господей; что Наполеонъ есть антихристъ, ложно есть; а что Царь Царей и Господь Господей (но въ лицѣ царя и государя А...) поразилъ его, сіе — справедливо.

29) Говорится о союзѣ десяти державъ, или конгрессѣ: кто подъ симъ разумѣтся, Наполеонъ съ своими, или кто другой, не знаю.

30) Царя и народы и все духовенство и учителя народныя именуются купцами, торгашами, дабы ко всему отвращенію внушить и на революцію ободрить.

31) За симъ говорится, что явится кто-то подъ именемъ Христа для царствія всемірнаго или еоократія. «Собравшіеся союзники противъ него будутъ поражены, и кровопролитіе будетъ страшное, совершенное истребленіе воинства, или арміи, и то будетъ акы-бы послѣдняя битва. Для сего звѣрь, который, вѣроятно, будетъ какой-нибудь сильный монархъ и проч., который оиолчится противу церкви Господней (т. е. скопища карбонаріевъ) и будетъ онъ мыслить, — навѣрное истребить враждебныхъ ему поклонниковъ Иисуса (т. е. карбонаріевъ); но вдругъ нечаянно какъ-то явится Господь Христось (т. е. ложный антихристъ, самозванецъ-карбонарій), сіе устрашитъ акы-бы войска его, и они либо сами обратятъ мечи другъ противъ друга, либо нейтральная партія, — какая-то сила нападетъ на нихъ какъ градъ на голову такъ, что не оставитъ и остатковъ страшныхъ силъ звѣря (т. е. великаго монарха). Кто же онъ?» Скрытно дается узнать его и почестъ за челоуѣка беззаконія: ибо 1) онъ долженъ быть великій царь, неограниченно самовластный; что онъ отвергнетъ и опорочитъ христіанскую религію (т. е. религію карбонаріевъ). 2) Самъ будетъ славнымъ воиномъ и все покорять и защищать будетъ силою оружія (т. е. противу карбонаріевъ), а потому въ глазахъ его всего почтеніе будетъ храбрый воинъ, т. е. будетъ любить особенно заниматься военными людьми и дѣлами (что весьма противно карбонаріямъ). 3) Военныхъ обогатитъ (т. е. главныхъ чиновниковъ) и землю раздѣлитъ имъ въ дары, т. е. поста-

вить ихъ въ чинахъ такихъ, въ какихъ правители мѣстъ. Таковъ есть тайный смыслъ. 4) Сей же монархъ яко звѣрь, или другой кто съ нимъ, но яко звѣрь же, тако описывается: по великимъ своимъ талантамъ, блестящему разуму, и льстивымъ поступкамъ вездѣ находить будетъ великое одобреніе и уваженіе, имѣя два рога агячи: мнимую кротость и мудрость. 5) Онъ будетъ вовсе истреблять потаенныхъ христіанъ (т. е. карбонаріевъ, принадлежащихъ къ геригудерской церкви антихристовой). Кто же тотъ, который, по мнѣнію карбонаріевъ (отъ 1824 года въ теченіе 12-ти лѣтъ до 1836 года), имѣеть жить великій царь въ Европѣ и въ коей имперіи? Это всякому можно разумѣть! Но сей карбонаріевъ заговоръ страшный, есть чучело, кое можетъ пугать врабьевъ, а не великаго Орла.

32) Но по слѣпотѣ, кою сатана карбонаріевъ ослѣпилъ, все къ тому направляется въ толкованіи фальшивомъ на Апокалипсисъ, что въ 1836 году непременно будетъ аки-бы тысящелѣтнее царствіе Христа на землѣ, а всѣ религіи и царства уничтожатся. И хотя Господь сказалъ, что о послѣднемъ дни и часѣ никтоже вѣсть, ни ангели небесные (Мѣ. XXIV, 36); но лжеучитель и слуга діавола Штилингъ силится увѣрить, что онъ постигъ, и аки-бы имено въ такомъ-то году будетъ пришествіе Господа и судъ послѣдній.

А посему и полагается 4.000 лѣтъ до Р. Хр., а когда 1836 годъ отъ Р. Хр. кончится, тогда настанеть тысящелѣтнее земное царствіе Его; наконецъ же и 164 года на разрѣшеніе сатаны дается. А всего 7.000 лѣтъ долженъ міръ существовать.

Вотъ какая лукавая и злѣйшая поддѣлка подъ видомъ набожности для революціи.

33) И что въ тѣ времена будутъ двѣ сильныя монархіи на сѣверѣ (т. е., конечно, Россія разумѣется) и проч., которыя будутъ стараться противу столицы (карбонаріевъ), которая именовъ Іерусалима называется; но аки-бы онѣ погибнуть. Плотское же тысящелѣтнее царствование Христова на земли, учрежденіе новой религіи и новаго гражданства совершенно противно священному писанію, ученію церкви, и есть токмо зловреднѣйшая прелесть.

Ахъ! какъ хитро и подъ священными помятіями на Апокалипсисъ внушается революція лжепророкомъ и безбожникомъ Юнгомъ Штилингомъ въ «Побѣдной его повѣсти»! Сію еще книгу кто-то дополнялъ, россиянинъ отступникъ святыхъ церкви.

Господи, воздвигни силу Твою и прійди во еже спасти насъ (Шсал. 79, ст. 3) въ лицѣ раба Твоего Боговѣчнанаго и превознесеннаго Александра І-го! Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ! яко Твое есть царство и сила, и слава Отца и Сына и Св. Духа во вѣки вѣковъ. Аминь.

1824 года маія 7 дня вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Повѣствованіе такое читая кто-либо, да не удивляется, что Фотій въ Апологіи и на «Воззваніе» и на «Побѣдную повѣсть» читалъ: это уже было общее зловѣрныхъ и многихъ чадъ церкви вѣрованіе. Императоръ Александръ всему сему былъ наученъ отъ князя Голицына и отъ чтенія книгъ таковыхъ начитанъ, и потому какъ въ добрѣ содѣйствовалъ царь мудрый. Никто же не смѣлъ ему ни писать, ни внушать лично; да лучше сказать: никто не хотѣлъ зловѣрію противиться отъ страха силы князя Голицына. А посему нужно было царю, не дѣлая обличенія въ видѣ постороннемъ, ясно и просто изложить главные догматы антихристіанскіе, дабы онъ, читая, самъ себя какъ въ зеркалѣ увидѣлъ, увѣрился въ истинѣ и заблужденіи, со всею силою и любовію исправленіе взялся сдѣлать, вредъ, пагубу отдалить, и всему злу положить явную преграду.

Помня, что князю людей твоихъ да не речеши зла, и что премудраго и кроткаго Давида св. пророкъ Наоанъ посланъ былъ отъ Бога притчею и постороннимъ образомъ на истину воззвать, да покается, Фотій со всею кротостію и мудростію св. Духа старался писать царю посланія и Апологіи, и не все писалъ, что могъ и хотѣлъ; а что, моляся Богу, помыслъ въ немъ свѣтелъ являлся—внушалъ и ободрялъ, что благо, то и писалъ. Когда бы царь не послушалъ истины, тогда бы обличеніе ему явно писалъ и возвысилъ гласъ свой, яко трубу. Но царь благополучливъ, яко ангелъ Божій во плоти, со смиреніемъ принималъ вся. Кто гдѣ молву недобрую о немъ разсѣвалъ, виня и обвиняя царя во всѣхъ заблужденіяхъ и дѣлахъ, и когда князь Голицинъ все заблужденіе царю приписывалъ, то Фотій, отвергая, какъ ложь, покрывалъ царя, что правъ есть царь предъ Богомъ: что все клевета на него. Тако творилъ вся, да любовію всею и сладостію всея Боголюбезныя истины воставитъ царя,—раба Господня Благословенна. Здѣсь прилагается посланіе и Апологія, какъ все было царю вручено. Написать же и отдать царю, за вѣрное, надѣялся онъ всего благаго отъ послѣдняго своего дѣйствія сего. Помыслъ ему говорить, что падеть столпъ злобы совершенно навсегда, что вскорѣ и сбылось съ великою славой церкви.

Дивный Богъ въ дѣлѣхъ своихъ вдругъ неожиданно тако сотворилъ въ сердцѣ царя Своего измѣну во благо отъ преткновенія, что 1824 года, въ день Вознесенія Господня, 15-го маія, все нужное главное совершилъ на пользу государства, церкви православныя, вѣры, отраду російскаго духовенства и всѣхъ вѣрныхъ. Далъ свое высочайшее повелѣніе не токмо уволить князя Голицына отъ Святѣйшаго Синода, но министерство духовныхъ дѣлъ онымъ уничтожено вовсе, отъ министерства просвѣщенія онъ отрѣшенъ, и прочія чести многія отъ него отняты.

Послѣдовалъ по сему дѣлу указъ Святѣйшему Синоду и прочіе указы по своимъ мѣстамъ. По вечеру уже поздно вдругъ царевъ вѣстникъ приноситъ пакетъ митрополиту въ домъ отъ императора, а каравдашемъ на пакетѣ написано: «Серафиму митрополиту». Трепетущими руками взялъ архіерей и, не зная тайны дѣла еще, но вида царскую печать, пагъ на землю, моляся Господу предъ Его образомъ, трижды поклоняся вкупѣ съ Фотіемъ, потомъ распечатавъ перекрестяся пакетъ, царское повелѣніе прочелъ объ оставленіи Святаго Синода по прежнему и объ уничтоженіи министерства духовныхъ дѣлъ. О какая была радость іерарха, лице всея церкви въ себѣ представлявшаго! О какая была радость вкупѣ Фотію! Старець архіерей обнялъ его, яко споспѣшника въ дѣлѣ семъ единого, цѣловалъ, благословлялъ Бога и радости всей не могъ выразить иначе, какъ хвалебными словами, пѣніемъ; а по сему онъ возглашалъ радуясь: кто Богъ велий, яко Богъ нашъ (псал. 76 ст. 14)? Съ нами Богъ! Чудна дѣла Твоя, Господи, и ни едино слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ! Велий Господь, и велия крѣпость Его и разума Его нѣсть числа (псал. 146 ст. 5)! Какъ свѣтъ солнца утреннаго, разлился свѣтлый слухъ о паденіи столпа злобы, о прогнаніи тмы зловѣрія, о исчезаніи молвы земнаго мірскаго владычества надъ церковію. Слава вѣры, побѣда церкви нечестія отъ устъ въ уста, отъ слуха въ слухъ общій, отъ единого вси узнають свободу свою отъ рабства мірскаго; мерзость на мѣстѣ святѣ попирается, нечестіе престааетъ. Въ день Вознесенія воля Божія чрезъ царя явилася во благо и вмѣсто многихъ словесъ, и митрополитъ пѣлъ, и Фотій пѣлъ, и многіе воспѣвали тако: «Вознесся еси во славу Христе Боже нашъ, радость сотворивый ученикомъ обѣтованіемъ Св. Духа и извѣщеннымъ имъ бывшимъ благословеніемъ; яко Ты еси Сынъ Божій, избавитель міра». Все приписывали всѣ волю Божію, премудрости—самому Господу Христу. Пронесся слухъ во всемъ градѣ, и вся столица славы великія исполнилася. Всѣ радовались, всѣ ликовали мірскіе и духовные, что власть темная, новые Корей, Дафанъ и Авиропъ падоша: паде адъ, диаволъ ратоборець побѣждень, бѣсы и вражіи духи потреблены въ начинаніяхъ своихъ! Нѣсколько дней всѣ вкупѣ радовались о благѣ церкви святыхъ, о вознесеніи ея и духовенства въ свое мѣсто и въ свою честь. По семъ извѣщаются по обычаю архіерей и всѣ духовныя лица, всѣ грады, всѣ церкви, св. обители, дома духовныхъ и мѣста оживляются отъ радости. Ибо сіе дѣло было таково, что, во власти бывъ церковь вся у князя Голицына, была яко въ плѣнѣ у князя тмы. Онъ бывъ, такъ сказать, сялоу, именемъ и дѣломъ, вся правилъ дѣла въ церкви по своему: нечестіе было приємлемо яко благочестіе, ложь,—яко истина, и враги церкви смѣсидись со служителями первыми; и тма зловѣрія волею и неволею или покрывала духовенство, или призраккомъ прельщала и, можно ска-

зять, время власти министерской надъ церковію было царство тмы. Изъ апологій, изъ оглашеній и открытій вражнихъ ученій въ «Воззваніи», выписки изъ книги «Побѣдной повѣсти» и другихъ въ ней, и дѣйство всякъ можетъ видѣть, что плѣтъ діавола былъ наведенъ на церковь въ Россіи за слабость вѣры пастырей и нерадѣніе.

Когда Господь послалъ гнѣвъ свой и силу свою на князя Голицына и на все сонмище зловѣрія, рука православныхъ сокрушила гордую главу святотатца и ересіарха; нигдѣ не было ему прибѣжища, не было у діавола никакихъ средствъ лестію и обманомъ себя оправдать и своихъ зловѣрныхъ. Тогда бывъ въ несогласіи на время нѣкое, яко года два, князь Голицынъ съ митрополитомъ Филаретомъ, прилѣпился къ нему, надѣялся его умомъ и разумомъ всему духовенству возстать въ прежней силѣ и славіи, или по крайней мѣрѣ, приудержаться при дворѣ. На Фотія возносилъ разныя клеветы императору Александру и разсмотрѣніе сочиненій Госнера желалъ отдать на судъ Филарета. Молва прошла, что Филаретъ словесно предъ всѣми, не стыдяся, оправдывалъ сонмище зловѣрныхъ. Здравомыслящіе пересказывали лично, что онъ, не бояся сердцемъ хулить Пресвятую Дѣву Богородицу, словесно многимъ рассказывалъ, что-де Пресвятая Богородица имѣла дѣтей и будто бы есть мяѣніе отцовъ нѣкоторыхъ. Слышно, что онъ будто и писалъ иѣчто о семъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, но я не видѣлъ¹⁾. Извѣстно же то, что онъ во время оно изъ всей силы подвизался за богоборное сонмище, за врага церкви, похитителя духовной власти, и сѣтовалъ до крайности, что съ паденіемъ ересіарха, властелина мірскаго, правившаго церковію, вскорѣ падеть все зданіе мудрованія мірскаго, послѣдуетъ разсмотрѣніе академическихъ заведеній, отиѣна перевода св. писанія, уничтоженіе библейскаго общества, подпадутъ сужденію безъ сумнѣнія и его сумнительныя сочиненія, а особенно катихизисъ его²⁾. Но все усиліе неправославныхъ и явныхъ враговъ церкви было тщетно: ибо перстъ Божій былъ во всемъ дѣлѣ, а не человѣческое

¹⁾ Одновременно съ запрещеніемъ катихизисовъ митрополита Филарета пошли толки о запрещеніи одной его проповѣди на день Благовѣщенія на томъ основаніи, что проповѣдникъ въ ней утверждаетъ, что Іосифъ не зналъ о тайнѣ Богородицы до явленія ангела. Митрополитъ Филаретъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ митрополиту Серафиму доказывалъ православіе своей проповѣди между прочимъ тѣмъ, что Серафимъ самъ читалъ и одобрилъ эту проповѣдь. (Сущковъ. Записки о жизни митрополита Филарета, приложение 51—52. Журн. министерства народнаго просвѣщенія 1868 г. январь, 26—28). Но отсюда еще далеко до того, въ чемъ Фотій обвиняетъ митрополита Филарета.

²⁾ Фотій обидно отзывался о катихизисахъ, составленныхъ митрополитомъ Филаретомъ, сравнивая ихъ съ канавною (т. е. грязною) водою, и далеко выше ихъ ставилъ катихизисъ Петра Могилы. «Русская Старина» 1882 годъ, августъ, 287.

умышленіе. Судъ надъ всѣми по дѣлу Госнера сочиненія продолжался, но очень слабо ¹⁾). Между тѣмъ императоръ, имѣвъ неудовольствіе на Фотія за то, что какъ онъ имѣть могъ право предать анаемѣ князя Голицына, всѣхъ неправовѣрныхъ и враговъ, какъ осмѣлился тридцатилѣтняго друга его предать посмѣянію, и что это значить личность, а не дѣло Божіе, что писаніе и ученіе св. церкви нигдѣ не велитъ тако поступать. Впрочемъ, что касается до Фотія, онъ ни гнѣвомъ царскимъ не оскорблялся, ни боялся въ заточеніе идти, готовился ѣхать всякой день въ Сибирь, радуясь, что врагъ испровергнуть, жало его отнято, церковь святая освобождена отъ плѣна дьявольскаго видимаго. Сообщено ему было тайно, что императоръ какъ о семь проклятій, такъ и о прочемъ хошетъ лично съ нимъ говорить, а потому и будетъ назначено свиданіе, а дотолѣ уѣхать въ Новъ-городъ не можно никакъ.

Отъ усалій, истощеній, оскорбленій и тѣлесныхъ немощей, Фотій весьма ослабѣвалъ такъ, что безъ двухъ теплыхъ одеждъ (шубъ), въ маѣ мѣсяцѣ, не могъ въ каретѣ ѣхать по С.-Петербургу, не смѣлъ уже писать императору о себѣ, дабы уволилъ хотя на нѣсколько дней выѣхать въ Новъ-городъ. Почему, долго не дождався званія къ императору, просилъ для испытанія сердца царева писать дочеръ дѣвицу къ нему, не соблаговолить ли по болѣзни ему на малое время токмо выѣхать. Императоръ вскорѣ отвѣтъ прислалъ, что онъ имѣетъ вскорѣ его видѣть и писалъ милостиво о немъ. Между тѣмъ вскорѣ самъ прибыть изволилъ для посѣщенія графини дѣвицы, и былъ у нея болѣе часа бесѣдуя. Заранѣе все сіе узнавъ, Фотій книгу велѣлъ ему предложить, гдѣ написано, что миръ съ Франціею не надолго; революція, бывшая въ ней, есть токмо образчикъ всеобщей революціи въ государствахъ, и что она вскорѣ въ Россію будетъ. Императоръ многое бесѣдовалъ весьма милостиво и съ любовію о Фотіи воспоминалъ. Въ то время дѣвица будто кстати отъ себя раскрыла книгу сію, гдѣ страницу едину прочиталъ императоръ и удивился дерзости; на него таковое

¹⁾ Дѣло лицъ, преданныхъ суду по изданію книги Госнера, первоначально разбиралась въ I отдѣленіи 5-го департамента, но потомъ, по равногласію членовъ, перешло въ общее собраніе сената. Ревностнымъ обвинителемъ Попова, какъ переводчика книги Госнера, явился сенаторъ Сумароковъ; на сторонѣ Попова находился другой сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ. (Мнѣнія обоихъ сенаторовъ напечатаны въ „Чтевіи общ. исторіи и древн.“ 1859 г. кн. IV. Смѣсь. 37—48). Судъ въ общемъ собраніи сената происходилъ уже въ маѣ 1825 года. Изъ сената дѣло Попова поступило въ Государственный Совѣтъ, но и здѣсь мнѣнія по этому дѣлу раздѣлялись поподамъ. Въ 1826 году судъ надъ лицами, причастными къ изданію книги Госнера, закончился, наконецъ, оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ. Пыльнѣ. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г. ноябрь—„Русскій Архивъ“ 1868 г. Записки Греча.

политическое дѣйствіе и умышленіе болѣе имѣло вліянія, нежели самое благо церкви всея. Онъ далъ видомъ своимъ знать дѣвциѣ, что вскорѣ онъ дерзость прекратить всякую въ книгахъ, людяхъ и обществахъ. Объ отцѣ же Фотіи сказалъ Александръ дщери его тако: скажу тебѣ то, что онъ — великій человекъ, но есть вмѣстѣ и таинникъ Божій; я его люблю много, и я знаю его, что онъ стоитъ моея любви. Сей императоръ явно предъ своими вѣрными изъяснялся, что о. Фотій имѣетъ ревность справедливую, стоитъ за дѣло, что на Серафима митрополита одного положиться во всемъ не можно. Онъ можетъ и измѣнить въ твердости, но его поддерживаетъ о. Фотій; надѣясь токмо на то, что отъ него онъ поддержится, можно дѣло вести какъ слѣдуетъ объ исправленіи всѣхъ дѣлъ по церкви и уничтоженіи возникшихъ нововведеній и злоупотребленій. Послѣ, хотя отъ устъ Серафима митрополита и вельможъ слышалъ Фотій гнѣвъ царя на себя, но зналъ, что онъ дѣлаетъ наружно все то, утанвая тѣмъ свою любовь къ нему, а сердцемъ онъ любитъ его, яко онъ ревнуетъ за дѣло Божіе. Сатана же и діаволь всячески ратовалъ противу Фотія: княгиня нѣкая Голицына А. С., любя князя Голицына, такъ ненавидѣла Фотія, что сто тысящъ рублей деньгами давала тому, кто бы успѣлъ содѣйствовать, чтобъ его токмо выслать изъ С.-Петербурга и отъ дѣйствій удалить. Ибо сколько ни старался Фотій дѣйствовать тайно, но ему приписывали всѣ успѣхъ дѣла. Онъ же старался всемірно все сокрывать, и отказывался отъ всего, не желая славы міра, говорилъ всѣмъ, что онъ ничтоже есть: онъ есть послѣдняя буква р у г л е ч к а (?), и человекъ яко глупый, грѣшный, больный, что можетъ смыслить? Его ли дѣло? На то есть Серафимъ митрополитъ и проч. А прочіе же методисты и ересіархи, имѣя вліяніе въ Санктъ-Петербургѣ по «Библейскому Обществу» и прочимъ мѣстамъ, милліонъ обѣщали тому, кто потребитъ жизнь его, о чемъ было донесено императору Александру, и слухъ былъ общій.

Непрестанно Фотій старался дѣйствовать на императора по наченшимся дѣламъ и обстоятельствамъ. И дѣйствовалъ: 1) самъ лично пиша и составляя посланія, апологіи и разныя свѣдѣнія и дѣла на низложевіе враговъ и тайны беззаконія; дѣйствовалъ, сверхъ личнаго свиданія, чрезъ внушеніе дѣлъ, мыслей и обстоятельствъ, военному генераль-губернатору Милорадовичу, оберъ-полиціймейстеру и особенно любимцу начальнику царскаго войска гвардейскаго Уварову, новымъ начальникамъ по просвѣщенію и первымъ вельможамъ при дворѣ и въ министерствѣ; 2) дѣйствовалъ на Серафима митрополита, дабы онъ писалъ о нужныхъ вещахъ, дѣлахъ и обстоятельствахъ по Синоду и комиссіи духовныхъ училищъ распоряжался; 3) дѣйствовалъ на новаго министра Александра Семеновича Шишкова, и его любимаго по просвѣщенію сотрудника князя Платона Шихматова, который послѣ былъ директо-

ромъ по министерству просвѣщенія. Но рѣдко видѣлся Фотій съ Шишковымъ и съ нимъ бесѣды имѣлъ о всемъ; ояъ же не токмо его любилъ, но и довѣрялъ во всемъ. Фотій же, бывая у императора, исповѣдывалъ его за истиннаго сына отечества, и царю преданнаго, дабы ояъ имѣлъ силу и дѣйствіе у императора, и всѣхъ благомыслящихъ старался во единъ союзъ соединить, да все благо церкви и отечества, во единствѣ силъ и духа, было скорѣе устроено, при явномъ уже безсиліи зловѣрія и его исчадій. А посему повѣдать дѣйствія писаніемъ сихъ двухъ особъ, Шихкова и князя Шихматова, я здѣсь за нужное выставляю, хотя въ малѣ описавъ свойства сихъ двухъ вельможъ.

Новый министръ просвѣщенія А. Шишковъ вельможа былъ, не простой человекъ; съ начала образовался въ военномъ искусствѣ, потомъ, служа отечеству по ученой части, известный былъ сочинитель, витія, смѣлый въ дѣлахъ, острый въ словахъ, прозорливъ въ дѣлахъ правленія, вѣренъ государю, преданъ совершенно отечеству, церкви православной ревнитель поколику имѣлъ свѣдѣнія. Ояъ былъ во время паденія министерства князя Голицына около 80 лѣтъ отъ рожденія; весь сѣдъ, какъ свѣтъ, краснорѣчивъ, благогласенъ, силенъ въ рѣчи и въ духѣ; много времени былъ президентъ Академіи Наукъ. Одинаъ былъ въ оное время изъ всѣхъ не токмо мірскихъ сочинителей, но и духовныхъ отличный знатокъ краснорѣчія и наукъ безъ примѣси зловѣрія.

Были въ сіе время сочинители и историки, но всѣ поврежденные, отечеству и церкви тайно были враждующіе; но сей каковъ былъ, весь былъ для отечества и церкви преданъ. Ежели гдѣ ояъ, несмотря на великую преклонность своихъ лѣтъ и слабость силъ тѣлесныхъ, брался за перо противу чего говорить, то ясно и точно испровергалъ словомъ писанія всѣ лжеумствованія и козни вражій. Отъ единого взора его умнаго никакъ не могло зміеподобное лукавство враговъ сокрыться. Глазь рѣчи его какъ острый серпъ переживалъ бредъ хитросплетеній зловѣрныхъ. Сей-то старецъ, природный россиянинъ, сынъ церкви и отечества, въ полномъ смыслѣ просвѣщенный мужъ, словомъ, дѣломъ, сряду по вступленіи въ должность министра просвѣщенія началъ дѣйствовать по всѣмъ частямъ министерства своего отъ края Россіи до края; воодушевлялъ Серафима митрополита въ многихъ случаяхъ, дѣйствовать побуждалъ и своими бумагами давалъ случаи. Когда же бывалъ у императора, то со всею силою по всѣмъ частямъ зловѣрія обличая и исправленія царю внушая, писалъ бумаги и доклады дѣлалъ. Когда часто быть не могъ у императора Александра, то чрезъ графа Аракчеева свое вліяніе имѣлъ. Сей мужъ ученый и благонамѣренный одинаъ по своему усердію, свѣдѣніямъ стоилъ болѣе, нежели всѣхъ помощь ученыхъ мірскихъ могла пользамъ церкви принести. Ояъ нелицепріятель былъ, не боялся ни враговъ, ни стыдился дѣла правды, и честности вѣрноподдан-

нической ни въ какомъ случаѣ не предавалъ; извинялся часто въ чело-
вѣческихъ своихъ слабостяхъ, но духа не угашалъ ни въ какомъ слу-
чаѣ полезномъ для общаго блага. Такого-то Господь внушалъ ревнителя
мірянина поставить царю въ оно время на дѣланіе свое, дабы сокру-
шить видимо сатану и его плевелы.

О князѣ Платонѣ Шихматовѣ ¹⁾, мужѣ патриотѣ и ревнителѣ пра-
вославія, словъ не достаесть изъяснить свойства его и дарованія! Отъ
природы кротокъ, тихъ, правдивъ, честенъ, отличныхъ дарованій; со-
вершенно образованъ во всѣхъ наукахъ, особенно въ витійствѣ; пи-
сатель онъ былъ стихотворецъ изрядный, остръ въ словѣ и дѣлѣ, раз-
умень, многосвѣдущъ, но смиренъ, пріятель, сладокъ въ рѣчахъ, до-
бродѣтеленъ, сострадателенъ, прозорливъ и точенъ; что токмо брался
дѣлать, легко все обозрѣвалъ, отлично на все составлялъ сужденіе благо-
гласно. При всемъ томъ правовѣренъ, благочестивъ, Христолюбивъ,
усердный совершенный сынъ церкви, любитель мира церковнаго, блага
общественнаго, почитателенъ къ служителямъ церкви; уважителенъ къ
подвижникамъ, свѣдущъ въ св. писаніи, въ правилахъ церкви, въ уче-
ніи православномъ, въ дѣлахъ по части духовной и части мірской уче-
ности. Съ таковымъ-то челоувѣкомъ, не весьма великимъ предъ челоувѣ-
ками, но великимъ предъ очами Божиими, можно сказать, челоувѣкомъ
праведникомъ, свѣтильникомъ, свѣтившимъ подъ спудомъ доселѣ, Го-
сподь далъ Фотію имѣть не токмо свиданіе, но и любовь. Въ немъ не
было лести, яко во Израильтянѣ. Сей князь, мужъ среднихъ лѣтъ, по
сердцу былъ министра Шишкова, вдыхалъ въ него духъ единенія, любви,
православія, ревности, все нужное ему внушалъ, показывалъ въ книгахъ,
составлялъ и писалъ ²⁾. Отъ Бога былъ данъ старцу Шишкову, яко
правое ухо, правое око, правая рука: они были обое едино, а не два
всегда: первый по силѣ и власти земной, а второй—орудіе Божіей
силы и мудрости, о Христѣ все смышляя и содѣвая.

Вотъ каковъ былъ правитель дѣлъ князь Платонъ Шихматовъ-Ши-
ринскій! Сіи два свѣтильника вдругъ изъяты были рукою Божіею изъ-подъ
спуда и поставлены ясно свѣтити всѣмъ на высотѣ царственнаго града,
въ первомъ и важномъ мѣстѣ по просвѣщенію. Истинно былъ просвѣ-

¹⁾ Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ родился въ
1790 году и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1820 году
занялъ мѣсто начальника отдѣленія въ инженерномъ департаментѣ; въ 1824 г.
получилъ приглашеніе занять мѣсто директора казанскаго университета, но
въ концѣ того же года при министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ полу-
чилъ мѣсто директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія.

²⁾ Священникъ М. Я. Морозкинъ приписываетъ, и не безъ основанія,
перу князя Платона Шихматова составленіе «записки о враждахъ враговъ
Россіи», (напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 годъ, 1329—1391).

щены, истину просвѣщенія земнаго они старались разливать на весь кругъ по просвѣщенію, извлечь изъ тмы зловѣрія, въ кое было повержено учебное сословіе отъ низшихъ до высшихъ, отъ князя Голицына и преобладанія иностранныхъ безбожниковъ и безумцовъ.

Военачальникъ первыхъ войскъ царскихъ, Ѳеодоръ Уваровъ мало разумѣлъ самъ какъ по учености земной, такъ и по духовнымъ дѣламъ, но былъ всегда къ царю совершенно преданъ, отечествомъ дорожилъ, русскихъ своихъ природныхъ всѣхъ уважалъ, церкви не былъ противникъ, но къ духовенству почитателемъ, общее благо поставлялъ за важное дѣло соблюдать. Онъ же былъ тридцатилѣтній любимецъ императора Александра, справедливъ всегда былъ, сколько могъ. Черезъ сего-то отъ начала все пришло содѣйствіе въ пользу церкви: сей открывалъ царю очи, внушалъ въ сердце его истину, но такъ искусно, что никто не могъ проникать къ сердцу сего военачальника. Онъ по природѣ былъ скромнень и скрытенъ, колико былъ предъ царемъ въ довѣренности и любви.

Во время оно Иванъ В. Гладкій оберъ-полиціймейстеръ былъ въ Санктъ-Петербургѣ военный генералъ, по ревности къ общему благу церкви и отечества наблюдая яко свое дѣло по полиціи, былъ любимецъ Уварову, непрестанно доносилъ обо всѣхъ козняхъ зловѣрія и враговъ общихъ, иныхъ же орудіемъ силы своея посѣкалъ совершенно: онъ всѣ почти дѣла и бумаги черезъ Уварова доводилъ тайно до рукъ императора. Онъ былъ какъ честенъ, такъ вѣренъ, справедливъ и неустрашимъ и ни подъ какимъ видомъ не былъ склоненъ измѣнить въ дѣлѣ вѣры и вѣрности своей. Самъ дѣйствовалъ и другихъ побуждалъ; всѣ свѣдѣнія отъ Фотія и Серафима митрополита старался получать и самъ всѣ свои открывалъ имъ, дабы едино у всѣхъ было дѣйствіе и ко единому благу.

Павловъ ¹⁾ человекъ былъ расположенный къ православной церкви, къ отечеству, любилъ духовенство, монашество, имѣя же и способности, старался какъ всѣ свѣдѣнія доставлять по разнымъ частямъ дѣйствія, такъ и внушенія ко благу единому дѣлалъ; отъ всего усердія себя посвящалъ на трудъ, находясь въ довѣренности у Шишкова, въ любви у Гладкаго, въ уваженіи у Серафима митрополита, въ дружествѣ съ архимандритомъ Фотіемъ, свободный имѣлъ приходъ къ дѣвацѣ графинѣ Аняѣ и ко многимъ боярамъ. Ему многимъ обязана церковь въ успѣхахъ побѣдъ надъ зловѣріемъ, ибо онъ за Госперомъ неууступительно

¹⁾ Алексѣй Александровичъ Павловъ, чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, камеръ-юнкеръ; съ 1824 года — чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ.

назиралъ ¹⁾, всё сѣти его, для предовращенія опасности, и пути ввухалъ для обличенія.

Ученый человекъ Магницкій, прежде бывъ въ числѣ заблудшихъ отъ церкви и истины, но обративъ отъ того сердце свое на путь правый, весьма много дѣлалъ пользы, какъ самъ бывшій во многихъ тайнахъ зловѣрія, многія вещи раскрывалъ важныя, по частямъ своимъ вездѣ сильно и благимъ намѣреніемъ дѣйствовалъ. Во оно время онъ былъ совершенно преданъ православію ²⁾, отличныхъ способностей, многоученъ, искусенъ въ знаніи священнаго и церковнаго писанія. Онъ, бывая у графа Аракчеева, нерѣдко ему дѣлалъ внушенія свои добрыя и разумныя къ содѣйствію въ дѣлахъ противу враговъ вѣры и блага общаго.

О Графѣ Аракчеевѣ кратко сказать можно то одно, что онъ, по примѣру своихъ предковъ, преданъ царю, церкви и отечеству; слово царево было для него законъ ³⁾. Царь Александръ изъ всѣхъ своихъ подданныхъ никого болѣе не любилъ, какъ графа Аракчеева, никто справедливѣе, точнѣе не исполнялъ царскихъ велѣній, какъ Аракчеевъ. Сему одному всё дѣла государственныя, тайны сердца царева были болѣе откровенны и извѣстны; а посему самая императорская канцелярія съ тайными дѣлами вся была въ рукахъ его, всё дѣла о церкви и вѣрѣ въ сіе время ему же тайно были ввѣрены.

¹⁾ А. А. Павловъ присутствовалъ при соженіи въ Невской лаврѣ, согласно высочайшему повелѣнію, книги Госнера. Одинъ экземпляръ полюбленной книги Павловъ успѣлъ взять себѣ и сохранить. „Русской Архивъ“, 1868 годъ, 1368, въ примѣчаніи.

²⁾ По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ („Русскій Архивъ“ 1868 г. 932 стр.). Фотій самъ „приманилъ“ къ себѣ Магницкаго. Г. Поповъ (Труды кievск. дух. акад. 1815 г. июнь, 791) утверждаетъ, что Магницкій дѣйствовалъ глядя по погодѣ и самъ занесивалъ расположенія Фотія, рассчитывая при паденіи Голлицы занять его мѣсто. Г. Пыпинъ („Вѣстникъ Европы“ 1868 г. ноябрь, 255) выражается кратко говоря, что Магницкій передался Аракчееву.

³⁾ Въ бумагахъ Фотія находится, въ копіи, его „Записка о графѣ Аракчеевѣ“ (кн. 1, № 39), написанная имъ въ 1824 году. Эта записка читается такъ: „Всячески познавая позналъ, что графъ А. А. Аракчеевъ совершенно всѣмъ сердцемъ Бога любитъ, царю и государю императору преданъ, вѣренъ, правдивъ, св. православную церковь истинно любитъ; содержитъ православную вѣру; мудръ и разуменъ. Кратко скажу—онъ есть правое око царя, столпъ отечества, и таковыя люди вѣками рождаются. Въ немъ кромѣ добра и ничего не видѣлъ. Ему можно все повѣрять и съ Божіею помощію все можетъ дѣлать. Теперь и народъ и всё состояніе любятъ его болѣе, нежели прежде, и всякъ чаетъ отъ него болѣе правды, даже и врагъ, нежели отъ кого другаго. За что спаси его, Боже, на многія лѣта для церкви и отечества“.

О духовныхъ же молчать здѣсь надобно! Какой позоръ будущимъ родамъ! Всѣ раздѣлены были на православныхъ и на новоученыхъ; не было даже ни единого сотрудника къ тому годнаго; всякъ былъ готовъ предать истину; изъ всѣхъ прежнихъ дѣлъ было видно, что въ Санкт-Петербургѣ никто не могъ и не хотѣлъ содѣйствовать, какъ прежде, тако и въ сіе время, въ дѣлѣ и словѣ Божіемъ. Сунодальныя особы ни къ православію, ни къ зловѣрію не были преданы, или сострадатели болѣе были при паденіи зловѣрныхъ. Изъ всѣхъ архіереевъ житіемъ, образомъ, словомъ, дѣломъ и духомъ пастырь являлся, и то издалека, Филаретъ, бывшій калужскій, потомъ архіепископъ рязанскій и казанскій. Евгенийъ митрополитъ ¹⁾ давалъ о себѣ великую надежду ревнителямъ по своей учености, вѣрѣ и саву своему; но онъ былъ въ Кіевѣ. Прочіе же въ своихъ мѣстахъ были ли кто ревнующіе, слышно не было; всѣ доселѣ болѣе или менѣе споспѣшествовали въ разныхъ отступленіяхъ отъ блага общаго и блага церкви. Были немногіе изъ настоятелей, епископовъ, разумѣющіе дѣло, но страха ради они предавали истину, даже проглаголатъ слово гдѣ-либо не дерзали и принимали всѣ негѣныя сочиненія и предписанія. Среди міра болѣе находилось дѣлателей, нежели изъ духовныхъ лицъ отъ архіерея до іерея. Когда событіе славное учинилось, свободу церковь пріяла, то всѣ пастыри архіереи весьма радовались. Это было знаменіе, что высшее духовенство все еще не было измѣнено въ духѣ. Съ жалостію можно сказать здѣсь о томъ, что слѣпо было предано негодному переводу св. писаніе: многіе къ стыду своему, не зная цѣли и умысловъ тайныхъ обществъ, ревновали за «Библейское общество», какъ за дѣло Божіе, многіе же, видя ходъ къ честолюбію прекрасенъ не дверьми, жалѣли о паденіи столпа злобы, т. е. духовнаго министерства. Многіе подвизались, исповѣдуя устами среди столицы успѣхи зловѣрія, каковъ былъ Герасимъ Павскій и другіе мнимо просвѣщенные духовные люди, словомъ и дѣломъ совершенные еретики и безбожники, хуже Лютера и Госнера, и коимъ не уступали въ злочестіи и дерзости. Одинъ изъ протоіереевъ, пастырь и наставникъ стада своего, по учености и православію свѣтло, старался свѣ-

¹⁾ Евгенийъ Болховитиновъ не пользовался расположеніемъ князя Голицына, который называлъ Евгения человекомъ „недуховнымъ“ (т. е. несочувствующимъ мистицизму), и потому не былъ вызываемъ въ Синодъ до самаго паденія министерства духовныхъ дѣлъ. Митрополитъ Евгенийъ неблаго-склонно относился къ Библейскому обществу и къ князю Голицыну и даже къ м. Филарету, называя того и другаго „временщиками“. Мало того, м. Евгенийъ касался и находилъ догматическія погрѣшности въ катихизисахъ Филарета. „Истор. Вѣстникъ“ 1883 г. іюнь, 315. „Прав. Обзорніе“ 1868 г. августъ, 526.

тять и нѣчто для Серафима архипастыря дѣлалъ! Онъ на книгу «Воззваніе» составилъ мудрую Апологію ¹⁾). Можетъ быть время явить, что онъ и окажется себя столпомъ православія и вождемъ учености духовной; ибо вельми искусенъ въ словѣ, духъ и любитель есть спасенія, хотя и протопресвитеръ, и жену и чадъ имѣеть. Слышно было, что онъ неправдою собралъ себѣ богатство, и упованіе свое возложилъ на него, а не на Бога жива.

Несмотря на то что Фотій продолжалъ дѣлать свои внушенія, приготовилъ посланіе побудительное къ императору Александру, свѣдѣніе о числѣ звѣриномъ, такъ какъ общее было мнѣніе тогда о грядущемъ 1836 годѣ, и краткое обзорніе плана революціи, или тайны беззаконія, дѣмой въ Россіи и вездѣ. Приготовилъ также краткое понятіе о вредѣ библейскаго общества и переводѣ св. писанія на простое нарѣчіе. Зная содѣйствіе свыше отъ Господа во всѣхъ дѣлахъ, начинаемыхъ за вѣру, и видя успѣхи, не робкою ногою онъ шествовалъ отъ подвига въ подвигъ, несмотря на гнѣвъ царя; вѣровалъ Богу, Имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, уповалъ, что не можетъ царь ничего съ нимъ сотворить, ежели не будетъ что дано свыше ему творить. При семъ прилагается для свѣдѣнія здѣсь посланіе Фотіево къ императору, поданное отъ 14-го іюня, обзорніе о звѣриномъ числѣ, какое въ тайныхъ обществахъ крылось,—а Фотію все то нѣкто изъ главныхъ соучастниковъ зловѣрія и тайны беззаконія, по своему обращенію, открылъ. Многія подлинныя статьи, записки, объясненія имѣются въ книгахъ Фотія въ копіяхъ ²⁾), гдѣ можно читать подробно о всемъ, противу чего было дѣйствовано отъ архимандрита Фотія, и собрано все по скорости времени кое-какъ въ отрывкахъ; а подлинныя бумаги вручаемы были императору и остались въ его тайной канцеляріи.

¹⁾ Здѣсь разумѣется протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ, составившій по порученію и. Серафима разборъ мистической книги: „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова“ („Христ. Чтеніе“ 1872 г. апрѣль, 700—701), и исполнявшій другія его порученія въ дѣлѣ борьбы съ мистицизмомъ.

²⁾ Послѣ Фотія сохранились двѣ объемистыя книги, содержащія въ себѣ копіи съ разныхъ документовъ и бумагъ, касающихся сколько-нибудь борьбы его съ мистицизмомъ. Въ первой книгѣ содержится сорокъ шесть № разныхъ бумагъ, во второй—тридцать восемь. Обѣ книги документовъ, собранныхъ Фотіемъ, сначала находились въ Юрьевѣ монастырѣ, а въ послѣднее время находятся въ библиотекѣ черниговской духовной семинаріи. Немалое число документовъ, собранныхъ Фотіемъ, въ настоящее время напечатано въ разныхъ періодическихъ издавіяхъ.

ПОСЛАНИЕ ПЯТОЕ.

Помазанникъ Божій!

Съ Богомъ радуйся и

Царствуй во вѣки!

Очи всѣхъ на Тебя обращены. Тебѣ Господь далъ вѣсы правды и милости. О силѣ Божіей за церковь, и святую вѣру, и за спасеніе Тебя Царя, можетъ быть, въ послѣдній разъ я нынѣ подвигаюся на поле брани; въ послѣдній разъ, можетъ быть, предсталъ въ сей часъ предъ лице Твое—возвѣститъ Тебѣ слово и дѣло Божіе. Любовь моя о Христѣ къ Тебѣ—Царю, къ Богу, Церкви и Отечеству, вытащила меня на поле брани духовной: Гласъ Божій, зовъ Власти, гласъ совѣсти меня вызвали изъ мирной моей кельи. Царь! Ужели Ты за слово и дѣло Божіе не вступишься? Ни честь, ни слава, ни вся благая не нужны Фотію, обремененному скорбями восемь лѣтъ. Фотій ревнуетъ за Святую Церковь, вѣру Христову и Святину. Слуга Господень! Царь благовѣрный! Се предстою предъ Тобою и вопію смиренно: призри, защити Церковь, вѣру и спаси вса. Въ дѣлѣ вѣры и малѣйшая пылинка подозрѣнія, лежащая на Тебѣ въ очахъ подданныхъ и правовѣрныхъ, покажется за великій камень преткванія, и время все откроетъ и возвѣститъ, что нынѣ въ тайнѣ дѣлается.

Господь съ Тобою, радуйся!

Рабъ Бога и Господа Іисуса

Христа О Дусѣ Святѣ

Вѣрно-вѣрноподанный Царю, Ревнитель Правовѣрія, послѣднѣйшій
но правовѣрный,

Архимандритъ Фотій.

1824 года

Іюня 14-го дня.

ОБОЗРѢНІЕ

Плана революціи, или тайны беззаконія, дѣмой нынѣ въ Россіи и вездѣ.

1) Тайныя общества церковь восточную отвергаютъ и говорятъ, что она съ 8-го вѣка не стала существовать.

2) Проповѣдуютъ, что герингутерская церковь токмо одна есть истинная, которая же между тѣмъ есть антихристіанская, и которую въ Россіи снѣются тайныя же общества ввести и во всемъ мірѣ единою сдѣлать.

3) Церковь западную они идолопоклонскою уже считаютъ.

4) Всѣхъ Святыхъ Отцевъ какъ нашей православной восточной церкви, такъ учителей и писателей западной церкви отвергаютъ, а отступниковъ отъ вѣры и лжеучителей мистиковъ считаютъ истинными

свидѣтелями Христовыми, какъ то: Таулера, Гюнъ и прочихъ. А потому и сочиненія ихъ еретическія переводятся на російскій языкъ.

5) Лютеранскую и кальвинскую также отвергаютъ они. Ибо цѣль ихъ есть та, чтобы уничтожить религію христіанскую всѣхъ исповѣданій, а съ тѣмъ разрушить нынѣ существующую власть, то-есть царскую, духовную и господскую; а потому устрояютъ тайныя общества всякимъ образомъ гернгутерскую церковь изъ всѣхъ сектъ, то-есть изъ меннонитовъ, сепаратистовъ, шетистовъ, методистовъ, квакеровъ и прочихъ, которыхъ однихъ истинными христіанами почитаютъ.

6) Для сего тайныя общества всюду революціонный духъ, духъ вольности, равенства и свободы распространяютъ въ Америкѣ, Европѣ и Азіи.

7) Для той же цѣли методисты во всемъ мірѣ разсѣваются и споспѣшествуютъ многіе свѣтскіе чиновники имъ, какъ въ Россіи, такъ и вездѣ, дабы къ 1836 году чрезъ 12 лѣтъ всѣ замыслы довершить и единое какое-то устроить царство и единую какую-то религію.

8) Тайныя общества обѣщаютъ содѣйствующихъ въ томъ вельможъ содѣлать министрами у самозванца, коего умыслили именовать христомъ, дабы удобнѣе обольщать кого токмо возможно будетъ.

9) Хотя по ученію святой церкви тысящелѣтнее духовное царствованіе Христово и было со временъ Константина царя; но нынѣ то отвергается, и съ 1836 года предполагается тайными обществами земное царствіе на 1.000 лѣтъ учредить, которое есть ересь, въ 117 году по Рождествѣ Христовѣ бывшая и отверженная святою церковію.

10) Обманъ также и то, что акн-бы между 1800 и 1836 годами всѣ счеты апокалипсическіе исполнились.

11) Но тайныя общества все къ сему царствію выдуманному приготавливаютъ, и дабы Россія не препятствовала, то угрожаютъ ей кровопролитнѣйшею войною и разрушеніемъ: 1) самодержавія; 2) іерархическаго порядка (чрезъ введеніе духовнаго министерства, кое теперь и уничтожено); 3) церкви реформою и 4) тройственнаго союза уничтоженіемъ.

12) Тайныя общества съ тою же цѣлію снѣются вышата Россію въ войну съ Турціею, въ которой они же возжгли революцію, предполагая навѣрное, что имперія сія отъ російскаго оружія рѣшится, и тогда откроется путь во Іерусалимъ, гдѣ столица назначена быть универсальной монархіи, и царемъ оныя будетъ акн-бы самъ Христосъ, по ихъ мнѣнію, а по ученію святой церкви—человѣкъ беззаконія—Антихристъ. И когда противъ сего царя-самозванца сдѣлаютъ союзъ нѣкоторые цари, то предположено погубить и царей и армію ихъ гдѣ-то въ Армагедонѣ, и тогда-то настанетъ яростнѣйшій духъ революціи вездѣ. Вотъ планъ тайныхъ обществъ во многихъ ихъ книгахъ, а навпаче въ толкованіи на Апокалипсисъ, у Штилинга нечестиваго начертанный.

Итакъ, дабы и Россія содѣйствовала тайно или явно къ исполненію

вышеозначеннаго плана, то въ Россіи и собственно для Россіи такыяе придуманы къ тому способы:

1) Отъ тайныхъ обществъ, между прочими коммиссіонерами, въ Россіи есть главный коммиссіонеръ Р. Кошелевъ.

2) Послѣдователь ему во всемъ кн. Голицынъ, дабы, совокупно дѣйствуя, содѣлать реформу, конституцію, вольность, равенство, истребивъ самодержавіе.

3) Дабы духовенство не препятствовало, то для сего введено духовное министерство.

4) Духовное же министерство изъ всѣхъ религій и сектъ усиливается составить одну какую-то всеобщую религію библейскую, чему доказательствомъ служить сочиненіе Госнера и проч.

5) Для содѣйствія цѣли сей выдумано англичанами Библейское общество, коего главными агентами суть методисты англійскіе, которые, посѣщая комитеты и товарищества и развозя библіи, внушаютъ, что власть, церковь, обряды и установленія не нужны, и что всякъ можетъ спастися по библіи одной; а дабы дать превратный во всемъ толкъ библіи, для сего печатаются книги Гіонъ, Тайнство Креста, Бемъ, Дю-Туа и проч., кои и разослало тайно и явно министерство духовныхъ дѣлъ въ духовныя мѣста, а министерство просвѣщенія въ мѣста по просвѣщенію чрезъ почты, которыя состоятъ въ вѣдѣніи одного и того же министра.

6) Къ тому помогаютъ цензуры и типографіи.

Все сіе есть вымыселъ и интрига Англій и тайныхъ обществъ для разоренія Россіи, страшной для всѣхъ.

Господи силъ! Съ нами буди! Яко Твое есть царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

1824 года 14-го іюня вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Число звѣрно въ Апокалипсисѣ 666.

По иллюминатскому преданію вождей сего ордена, изъясненіе славнаго Бенгеля, Штиллинга и всѣхъ его послѣдователей лукавыхъ и лжеучителей, что 1836 годъ долженъ быть важною эпохою въ событіяхъ церкви и человѣчества, состоитъ въ слѣдующемъ кабалистическомъ исчисленіи:

1836 состоитъ изъ двухъ чиселъ: 18 и 36. 18 есть сумма числа звѣринаго 666, а 36 есть число звѣрное 6, трикратно составляющее и на себя самого помноженное.

Если сія печать звѣря, кабалистикою указываемая, есть дѣйствительно знакъ времени той великой борьбы, которая вскорѣ по всѣмъ евангельскимъ знаменіямъ нашихъ временъ наступить должна, то чу-

десное обнаруженіе звѣринныхъ замысловъ, у насъ нынѣ происходящее, ясно утверждаетъ, что въ великой борьбѣ сей должно будетъ дѣйствовать за Бога государство православное, и что на главѣ его помазанника лежатъ великія судьбы церкви и всего человѣчества.

Мы ничего не теряемъ, если будемъ ожидать 12 лѣтъ во всемъ оружіи Божиємъ и во всей готовности и будемъ бдѣть и назирать козни вражій, и не будетъ ли гдѣ революція въ Россіи.

Тайна беззаконія дѣтется:

- 1) Божіе предвѣщаніе ужасовъ революціи было чрезъ потопа въ 1824 году 7-го ноября въ С.-Петербургѣ;
- 2) Бунтъ войскъ гвардейскихъ въ С.-Петербургѣ 14 декабря 1825 года ¹⁾, и въ то же время около Кіева армейскихъ, гдѣ были бунтовщики;
- 3) Холера въ Россіи, бунтъ въ Севастополѣ, война въ Персіи, Турціи.
- 4) Бунтъ въ Польшѣ и бунтъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ и въ С.-Петербургѣ и въ разныхъ мѣстахъ.

О, христіане! бдите и молитесь, да не выидите въ напасть (Марк. XIV, 38)! Господь при дверехъ!

1824 года 14-го іюня вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Во время оное иностранцы имѣли великое вліяніе на разныя части правленій, службъ и заведеній. Дворъ царскій исполненъ былъ прислугою изъ нѣмцевъ по службѣ; отъ царя и до роскошнаго вельможи, всѣ имѣли у себя въ чести нѣмцевъ. Воспитаніе было ввѣрено иностранцамъ: въ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мнимоблагодотворительныхъ обществахъ вездѣ были образователями французы, люди не рѣдко сумнительнаго состоянія и наказанные тѣлесно за разбой и высланные. Во всѣхъ почти домахъ людей знатныхъ по нѣскольку было гувернеровъ, мамокъ, воспитательницъ и учительницъ разныхъ, изъ французскихъ и другихъ женщиянъ. По всей Россіи, даже въ домахъ недостаточныхъ дворянъ, въ отдаленные края Россіи выписываемы были иностранцы, иностранки, а посему воспитаніе и жвтіе отъ старыхъ до юныхъ во всѣхъ почти благородныхъ было чуждое истиннаго христіанства. Всѣ, оставивъ правила св. Отець, преданія церкви, обычаи святые предковъ отцовъ своихъ, ни на что не взирая жили, будучи русскіе, какъ французы, нѣмцы и другіе инобѣрцы. Многіе жили хуже нѣмцевъ. За честь мно-

¹⁾ Такъ какъ Фотій свою автобіографію писалъ въ тридцатыхъ годахъ, то онъ и дѣлаетъ здѣсь ссылки на такія событія, которыя произошли гораздо позже, и на которыя онъ не могъ указывать въ донесеніи государю отъ 14-го іюня 1824 года.

гіе себѣ и за великое сокровище поставляли въ иностранныхъ земляхъ воспитаніе имѣть и образованіе. Многіе подъ разными предлогами въ непотребствѣ все состояніе проживали на теплыхъ водахъ, или во Франціи, или въ Италиі, или въ Англии, гдѣ токмо роскошь и своеволие болѣе дѣйствуютъ. Туда везли многіе безчисленныя свои суммы, и тамо сканчивали свое житіе безъ вѣры, безъ благочестія, ядуше и піюще (Мѡ. XXIV, 38), спяще и веселящеса по вся дни свѣтло. Многимъ знатымъ казалась родина нездорова, вредна, несносна; а потому къ ней даже имѣли отвращеніе; многіе, шатаясь съ иностранными день и ночь, и въ чужихъ краяхъ даже на природномъ русскомъ языкѣ говорить не знали. Правительство же, на все обращая вниманіе, а на сіе не обращало, вида явно, что какъ потопъ отъ сего разврата вредъ разливался. А тогда льстивые иностранцы, а особенно англичане, сребролюбимъ недугующе, и жида ¹⁾ всѣми хитростями изъ нѣдръ отечества вытаскивали золото, серебро, все драгоценное, а довольствовались за это единою роскошью и модами. Англичане, торгоши поддѣвались не токмо членами мнимоблагодѣтельныхъ обществъ, но даже и главными оныхъ пружинами: они были въ Библейскомъ обществѣ, въ тюрьмахъ, промышленя торгоши, развозили новоеретическое внушеніе писанія въ отдаленные края Россіи ²⁾. Общій духъ слѣпоты былъ таковъ въ сіе время, что

¹⁾ Въ бумагахъ Фотія (кн. I, № 9 и 8) помѣщена «Записка фактора о ввѣвѣ и приѣмѣ золотомъ монетою денежныхъ суммъ въ Россію» и Секретная записка Фотія противу фактора и денегъ его. Изъ этихъ двухъ документовъ видно, что въ 1825 году, одно заграничное общество предположило устроить международный банкъ съ цѣлью открыть кредитъ подъ залогъ имѣній знаменитыхъ русскихъ бояръ. Фотій высказываетъ основательныя опасенія о томъ, что имѣнія нашихъ бояръ перейдутъ въ руки иностранцевъ, а съ иностранцами явятся въ Россію и жида, вторые еще со временъ Владиміра Мономаха извѣстны Россіи. Они тогда жидовскую вѣру завели среди русскихъ и, по необходимости, были изгнаны изъ Россіи навсегда. Отъ жидовъ, по взгляду Фотія, чрезъ нѣсколько лѣтъ не минуемо будетъ нищета и бѣда государству. Фотій особенно настойчиво вооружается противъ евреевъ. «Если въ обществѣ, учреждающемъ банкъ,—говоритъ онъ въ своей запискѣ,—есть и жида, и будутъ они содержатели конторъ и управители, то безъ титула господъ и помѣщиковъ жида и прочіе сдѣлаются навсегда господами и помѣщиками, и лишь бы начало сдѣлать теперь, а то все можно сдѣлать со-временемъ тайно и явно деньгами. Ничто такъ въ убожество государство привести не можетъ, какъ жителство христуобидъ-жидовъ въ государствѣ». Записка Фотія написана 21-го іюля 1825 года. Она заканчивается словами: «хотя и недостойный, но яко стражъ дому Божію, то стою у дверей онаго и боюсь, дабы чрезъ вліяніе на дворянъ и крестьянъ не сдѣлали бы вліянія и на домъ Господень».

²⁾ Такъ, напримѣръ, англичанинъ Гордонъ во время пребыванія своего въ Охотскѣ, въ Сибири, выписалъ изъ Иркутска библіи и снабдилъ ими пожелательно каждый городской домъ. «Вѣстникъ Европы», 1868 г. августъ, 692.

многимъ нравилось духовнымъ ученіе лютеранскихъ богослововъ и толкователей, а другимъ—философовъ, однимъ иностранное правленіе, а другимъ обычай, свобода во всемъ; а посему царственный градъ С.-Петербургъ представлялъ всеобщее смѣшеніе, достойное многихъ слезъ. Почти не можно было узнать, какая въ немъ вѣра, какой народъ; земной адъ въ немъ почти представлялся со всѣми соблазнами. Пастыри и учителя церкви не обращали вниманія на существующія вещи, соблазны, не исправляли ничего, а говорили кое-гдѣ совсѣмъ отвлеченное не кстати и не къ дѣлу спасенія, бѣя одинъ воздухъ словами. Многіе духовные изъ новообразованныхъ въ среду, пятки и въ посты воздержанія не имѣли, и съ посмѣяніемъ нарушали оныя. При такомъ-то состояніи внутреннемъ, хитрые умы иностранныхъ мечтали свое все ввести ученіе, свое обладаніе, свое заведеніе, свое поведеніе и во все измѣненіе вдохнуть. Къ несчастію для споспѣшествованія въ общемъ соблазнѣ, въ учебныхъ мірскихъ заведеніяхъ не были хранимы посты, въ самый великій постъ мяса и всѣ яства запрещенныя дозволялись и принуждали въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей, не хотащихъ сквернитися, насильно. Въ частныхъ домахъ и въ мѣстахъ врачи были болѣе кѣмцы, французы и англичане. Они приводили необходимыя свои причины, чтобы мяса ясти непремѣнно. Все дышало оставить благочестіе отеческое и законы совсѣмъ испровергнуть и ввести реформу. На сей-то конецъ были введены Библейскія общества вездѣ, собранія, дабы вскорѣ вѣру переимѣнить всю, число церквей умалить, ввести тюрьмы; а дабы ослабить умы благочестія, ввести новыя пѣнія, мнимоблаготворительныя заведенія; дабы уваженіе истребить къ обителямъ и желаніе въ нихъ жить, разные институты и пансіоны въ частности заведены, вездѣ все отъ единства усиливалось отстать, и всему злу и соблазну болѣе всѣхъ послужилъ ученіемъ и заведеніемъ князь Голицынъ въ свое преобладаніе надъ духовенствомъ.

Здѣсь не неприлично будетъ упомянуть хотя нѣкоторые обычай благочестивые, уничтоженные въ нужныхъ мѣстахъ для поддержанія духа вѣры въ православныхъ. Такъ зловѣріе вездѣ въ царствующемъ градѣ усилилось и дошло до самыхъ царскихъ чертоговъ, что издавна проповѣдь слова Божія, сказываемая отъ учителей церкви предъ лицемъ царя и его вельможей, вовсе прекращена была по вліанію князя Голицына. А потому цари, не имѣющіе времени заниматься чтеніемъ книгъ священныхъ, святыхъ, отеческихъ, церковныхъ, не стали слышать слова Божія на пользу и въ рѣдкое свое пребываніе во время литургіи при церковныхъ собраніяхъ, а особенно посредѣ народа мало стали знать ученіе своєї церкви и житіе святое.

Столповое древнее церковное пѣніе вездѣ было оставлено, и введено было театроподобное, италянское, противное церкви, многія со-

блзнительныя пѣсни, подъ названіемъ концертовъ, введены, по-выдуманы хоры пѣвцовъ, которые всегда среди міра, въ театрахъ общихъ и домахъ дѣлали увеселенія при пирахъ, играхъ и забавахъ, а временемъ, съ тѣмъ же духомъ соблазна, становились на клироса въ церквахъ пѣть при божественныхъ службахъ въ еретическихъ одеждахъ и особенно въ польскихъ и нѣмецкихъ.

Многіе, а особенно изъ новопросвѣщенныхъ, книги, изданныя для церковныхъ поученій въ уставѣ церковномъ въ главѣ 20-й означенныя, не хотѣли я посмотреть, а не токмо читать на утреняхъ поученіе. По своему духу они составляли старались свои темныя и несогласныя съ простотою духа церковнаго разсужденія, сказывали же люди многи изъ духовнаго званія, не іереи, а просто учителя и ученики свѣтскіе, въ нѣмецкихъ одѣянїяхъ, обрѣтые, имѣющіе власы свои на подобіе свѣтскихъ шеголей хитро устроившіе. Таковыхъ-то проповѣдниковъ новыхъ народъ, не разумѣя, не слушалъ, хотя въ стихаряхъ видѣлъ ихъ бывающихъ, но внутрѣ по всему людей мірскихъ, не имѣющихъ свыше благодати на слово ученія, ни словомъ, ни дѣломъ; какъ скоро они выходили на кафедру говорить, большею частію сей народъ исходилъ къ стыду ихъ.

Во многихъ мѣстахъ дерзость до того дошла, что полуощипицу во все на утрени среди столицы не читали въ Казанскомъ соборѣ, каезмы опушали въ монастырѣ, а о прочихъ опущенїяхъ церковныхъ не нужно и сказывать: кто какъ хотѣлъ, такъ часто и поступалъ. Иной изъ новоученныхъ, имѣя служебникъ на божественной службѣ, за полезнѣйшее для себя размышленіе свое считалъ имѣть, а не чтеніе положенныхъ молитвъ церкви; пустыни и обители цѣлыя, по мѣстамъ, были уничтожаемы отъ правительства: гдѣ по бѣдности не можно было поддерживать оныя подвижникамъ и пастырямъ мѣстнымъ, а правительство, на все мірское находя довольно всего тратить, не соизволяло оныя поддерживать ¹⁾. Власть же свободный входъ въ званіе монашеское

¹⁾ На основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ извѣстно, что въ царствованіе Александра I было закрыто двадцать семь (27) монастырей. Но въ закрытіи этихъ монастырей правительство не имѣло никакой опредѣленной цѣли, — напримѣръ, сокращенія и ослабленія монашества вообще, какъ это, напримѣръ, дѣлалось при Екаторіи II. Монастыри закрывались по разнымъ, независѣвшимъ отъ правительства, причинамъ: наприимѣръ, по ветхости зданій, по малочисленности монашествующихъ, по неимѣнію земель, по неудобству мѣстоположеній (заливало водой), нѣкоторые монастыри закрыты были вслѣдствіе полного ихъ истребленія непріателемъ въ 1812 году и проч. Но взаимнѣ закрытыхъ монастырей въ царствованіе Александра I было восстановлено семь монастырей изъ прежде закрытыхъ и открыто восемь новыхъ монастырей. Звѣринскій. Сборникъ матеріаловъ о русскихъ монастыряхъ. СПб. 1890 г. т. I, кн. IX.

прекратила, дабы умалилось число подвижниковъ, подъ тѣмъ видомъ, аки-бы не нужно число самыхъ избранныхъ и святыхъ людей на землѣ. Вступившимъ же противу правилъ церковныхъ, поставило законы постригать въ монашество лѣтъ возмужалыхъ, а не какъ издревле было и есть предано; все сословіе святыхъ подчинено мірскимъ законамъ ¹⁾ и обычаямъ до того, что никого постригать невозможно безъ указа Святейшаго Синода. Послѣдній земледѣлецъ имѣеть приобрѣсть недвижимыя имѣнія, а монастырямъ, св. церквамъ и монашествующимъ для общей пользы подвижниковъ всѣ преграды положены земли, воды, дома и прочія угодія земныя стяжавать въ довольствѣ: ежели что таковое можетъ быть дозволено, то съ высшей власти и царскаго утвержденія, а не иначе. Всякія политическія притѣсненія и непрестанно законы исходили по вліянію мірскихъ властей и оберъ-прокурора въ Синодѣ.

Нечестіе до того достигло, что подчинило служителей св. олтаря неслыханному безчестію: въ случаѣ справедливаго или несправедливаго осужденія, инаго мѣста не дано по лишеніи званія и мѣста избрать, какъ въ военную службу годныхъ отсылать ²⁾, хотя бы то были архіереи, или въ Сибирь на поселеніе, хотя бы то монахъ былъ, коему свобода жену взять давалась. Во всѣхъ случаяхъ крайность великая сдѣлана явнымъ или окловетаннымъ въ поступкахъ обыкновенныхъ лицамъ духовнаго сословія, а особенно монашествующимъ.

Настоятелей монастырскихъ дѣлать вновь былъ обычай токмо для возвышеній; а потому ивъ съ мѣста на мѣсто, какъ птица, перелетать отъ низа на высоту по классамъ и степенямъ. То же можно сказать особенно объ ректорахъ и прочихъ учителяхъ по духовнымъ мѣстамъ; а отъ такого перелетанія и пребыванія краткаго на мѣстѣ службъ, чего можно ожидать добраго? Одинъ воздухъ многіе бьютъ лепетаніемъ своимъ ученымъ, а дѣла Божія не творять. Нигдѣ по краткости своего пребыванія гнѣзда себѣ свить не могутъ и добра сдѣлать.

Злѣе всего обычай введень, что архіереи съ мѣста на мѣсто почти безпрестанно переводятся для паствы ³⁾, а потому ни паствы они не

¹⁾ Рѣчь идетъ о законѣ, издаваемомъ въ 1817 году, по которому всѣ лица духовнаго званія и монашествующіе, за нарушеніе церковнаго благочинія и проступки въ церквахъ, предавались уголовному суду гражданской власти. Этотъ законъ отмѣненъ былъ въ 1821 году.

²⁾ По правиламъ, издааннымъ въ 1823 году, лица духовнаго званія, подвергнушіеся лишенію сана за какія-либо преступленія, отсылались въ гражданское вѣдомство для приписки въ податное состояніе или въ военную службу. Знаменскій. Читенія по исторіи русской церкви при Александрѣ I. 101.

³⁾ Въ подтвержденіе этого достаточно указать на тотъ фактъ, что старѣйшій членъ Синода, митрополитъ Серафимъ съ 1804 года по 1821 годъ пе-

могутъ узнать нигдѣ, ни житіемъ своимъ свѣтитъ. Многіе живутъ и о томъ одномъ мнятъ, чтобы съ одной епархіи скорѣе на высшую, обильнѣйшую и лучшую перейти или въ члены Синода попасть. Отъ такого противнаго духу церкви шатавія главнаго пастырскаго, что можетъ быть постояннаго въ дѣлѣ вѣры и благочестія въ пастырѣ и пастаѣ? Многіе, необразовавшіеся нигдѣ въ житіи у искусныхъ, руководясь однимъ школьнымъ ученіемъ и чтеніемъ различныхъ мудрованій, живутъ не какъ пастыри добрыя церкви и архіереи Божіи. Иные же безстрашно ядятъ мясо, какъ мірскіе; во святой даже постъ не хотятъ безъ рыбы жить самой вкусной и хорошей; безъ вина никогда не садятся за столъ; отъ елѣя и вина почти никто никогда не думаетъ воздерживаться когда положено. Хитоны въ крещеніи и постриженіи данные перемѣнили на раздранныя рубища рясъ и подрясниковъ. По крайней мѣрѣ я во всю жизнь не видѣлъ ни одного архіерея, монаха и іерея въ хитонѣ по образу святыхъ, какъ и на святыхъ образахъ изобразуются всѣ для подражанія святые. Всѣ почти согласно оставили самый видъ на себѣ имѣть одежды священныя. Часто церковники въ нѣмецкихъ платьяхъ, какъ нѣмцы обртые, служатъ во святыхъ олтаряхъ церковныхъ не токмо по градамъ, но и даже многимъ сельскимъ приходамъ бывають. Сему виною пастыри церкви, настоятели, ректоры и учителя, соблазнъ собою подающіе, безъ вниманія своевольство проходящіе. Во всѣхъ школахъ семинарскихъ, академіяхъ пастыри, ректоры, начальники просто допускають обычаи въ одѣяніи, житіи нѣмецкіе, иностранныя нравы и порядки держать. И такъ устами въ классахъ учать чему, тому вовсе на дѣлѣ не учать.

Между многими суетами мірскими въ духовномъ санѣ, особенно монашествующимъ привязаны многія суеты всегдашнія: нѣмѣ сдѣланы членами въ консисторіяхъ, а другіе въ правленіяхъ духовныхъ, а нѣмѣ поручають нѣмѣ мірскія должности, суетныя, вовсе противу обѣтовъ и цѣли монашества. Не достанетъ всѣ обычаи благочестія, уничтоженныя въ духовенствѣ, времени исчислить, и нравовъ неподобныхъ принятіе

ремѣняли шесть (Вятка, Смоленскъ, Минскъ, Тверь, Москва и Новгородъ) самыхъ разнородныхъ епархій. Со времени оберъ-прокурорства князя Голицына переводы епископовъ съ одной епархіи на другую входятъ въ особенную силу, что наглядно можно видѣть изъ „списка іерарховъ русской церкви“, составленнаго Строевымъ. Посредствомъ частыхъ переводовъ, князь Голицынъ развивалъ между епископами искательство лучшихъ епархій, порывалъ нравственную связь между паствою и пастыремъ, отнималъ всякую энергію у епископовъ трудиться на пользу вѣренной епархіи, такъ какъ каждый епископъ, изъ основательнаго опасенія перевода на новую епархію, не предпринималъ ничего новаго и полезнаго для своей епархіи, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на простую случайность.

списать, что дѣлаютъ особенно ученые и пастыри, отъ первыхъ изъ нихъ до послѣдняго прислужника при нихъ. Есть конечно таинники Божіи изъ нихъ нынѣ, но кто и гдѣ они? Такъ число умалилось избранныхъ, что они совершенно для міра таинники стали быть. Богъ единъ вѣдаетъ, кто суть они.

Коснуться до мірскихъ сословій христіанскихъ, особенно же обычаевъ въ сословія благородныхъ, страшно и ужасно. Большая часть живутъ какъ невѣрные и язычники: не токмо въ церковь къ службамъ церковнымъ не дозволятъ ходить, но даже въ самые великіе праздники Господни занимаются, во время бдѣній и утреній, пирами, балами, играми, театрами; постовъ вовсе не хранятъ и за ничто считаютъ оныя нарушать; мнимоправославные русскіе съ нѣмцами иновѣрными за едино все дѣлаютъ нечестіе. Другіе свободно чадъ своихъ въ зловѣріе отдають: театры, комедіи, маскарადы, парады, конскія ристанія, собачья охоты, забавы птичьи, книги вольнодумныя, сказки, романы, земныя бредни, карты, бостоны, гусли, музыка, пиры, балы, собраніе корысти, лихоимство, воспитаніе общее по-нѣмецки, по-французски, по обычаю міра, плотское и дьявольское дѣло и обученіе—есть упражненіе многихъ знатныхъ людей во всю ихъ жизнь. Оно въ столицахъ почти заразило даже всѣхъ духовныхъ пресвитеровъ, которые чадъ воспитываютъ какъ иностранцы, въ плотскомъ обученіи, будучи и сами ревнители плоти и дьявольскаго служенія по своимъ прихотямъ. Кто имѣетъ умъ и кто вѣдаетъ сословія всѣхъ состояніе въ царственномъ градѣ, тотъ разумѣетъ, что говорится здѣсь. Вотъ занятіе и дѣло отъ первыхъ до послѣднихъ почти въ мірскомъ быту, занятіе въ духовныхъ лицахъ богатыхъ! Дѣло же вѣры и благочестія было у всѣхъ какъ послѣднее и какъ бы не дѣло нужное. Явныхъ нарушителей всегдашнихъ поста, ядущихъ мяса во святые посты, среды и пятки, еретиковъ, враговъ церкви, блудниковъ и прочихъ развратныхъ людей допускали къ причастію Святыхъ Таинъ. Многіе духовные, яко безумные, нечестивыиъ богатыиъ и знатныиъ допускали предъ самымъ приобщеніемъ что-либо ѣсть и пить: вотъ изнѣженность однихъ и слабость житія и челоуѣкоугодливость другихъ!

Престану писать о горестномъ состояніи отступленія отъ вѣры во дни сіи, что все клонило многихъ къ желанію реформы. Скажу то, что въ самомъ жалкомъ, повидимому, состояніи все сословіе христіанское было въ С.-Петербургѣ. Скучность любви къ Богу болѣе всего была въ Петербургѣ; потоуъ былъ нечестія всего въ немъ же, а отсюда должны были законы и суды издаваться на всѣхъ другихъ. Какого же можно было ожидать добра отъ всѣхъ и каждаго, при всеобщемъ развращеніи? Како можно назвать градъ сей иначе, развѣ Вавилонъ, Египеть, Содомъ и Гоморъ? Слышно, что будто два полка, отъ перваго лица до по-

сѣдняго, лучше утопають въ содомскихъ мерзостяхъ, и уподобилися христіане содомлянамъ. Какое безчестіе просвѣщеннымъ временамъ и людямъ благороднымъ, а особенно военнымъ. Это ли есть знакъ христіанскаго воинства русскаго? Отраднѣе будетъ Содому и Гомору въ день судный, нежели имъ. (Марк. VI, 11).

Вообще противу всѣхъ золъ и беззаконій, явно всюду предъ лицомъ всѣхъ, отъ царя до послѣдняго раба срѣтавшася, ясно Фотій взывалъ; обличалъ же въ лицѣ тѣхъ, которые споспѣвають зловѣрнымъ своимъ союзомъ, а не Богу угодное творять, и токмо выгоды плоти своея наблюдаютъ. Въ сіе время вдругъ Фотію пришло назначеніе быть предъ лицомъ царя. Пошелъ онъ къ духовному отцу своему, подвижнику схіеромову Алексію ¹⁾, исповѣдався приѣлъ отъ него внушеніе стоять, ничего не бояся, до крови и смерти за дѣло Божіе. Святый подвижникъ исполненъ бывъ благодати Святаго Духа, рекъ ему на путь во благословеніе: «Не бойся, чадо! гряди во имя Господне! Не убойся на грѣхъ себѣ лица царева! Взрай къ Единому Все-Царю Богу! Не предавай правды и истины, не жалѣй враговъ вѣры сокрушать; подвизайся, чадо, Богъ дастъ тебѣ уста и премудрость, и дастъ тебѣ силу и крѣпость». Приобщився, въ часъ назначеннаго времени отправился Фотій въ Казанскій соборъ, а оттуда къ царю въ палаты. Его уже ожидалъ, тайно назирая, царскій слуга вѣрный: увидѣвъ, далъ ему маниемъ прійти къ себѣ. Фотій, соединився съ нимъ, слышалъ, что онъ ему повелѣвалъ итти за собою; и онъ шедъ восходилъ прежнимъ путемъ и тайною лѣстницею днемъ съ огнемъ, къ царю чрезъ святой оltарь. Отворились отъ святаго оltаря къ царю двери, и Фотій вошелъ, по обычаю помолвився, поклонился. Царь, приѣвъ благословеніе, посадилъ его за большой столъ свой; началъ самъ царь приличное къ дѣлу говорить; видно у него было написано на зракѣ лица оскорбленіе. Фотій, въ началѣ хотяи оправдаться, началъ слова глаголати истины, но царь, возвысивъ гласъ свой, не смотря на него, говорилъ высокою царскою рѣчью, яко повелитель и царь великій свое, давая тѣмъ разумѣть, дабы Фотій умолчалъ. Царь говорилъ отъ писанія ему, что онъ не имѣлъ права поступить такъ съ княземъ Голицы-

¹⁾ Схимонахъ Алексію—однѣ изъ выдающихся подвижниковъ царствования Александра I. Замѣчательно посѣщеніе его императоромъ Александромъ I въ 1825 году, предъ отъѣдомъ его въ Таганрогъ. Въ кельѣ схимонаха Алексію на столѣ стоялъ всегда черный гробъ, покрытый чернымъ покрываломъ, въ которомъ находилось все, принадлежащее къ погребенію. При посѣщеніи государя, старецъ-схимникъ, показывая на гробъ, сказалъ ему: «Смотри государь, вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы ляжемъ и будемъ спать долго». «Историко-статист. свѣдѣнія о с. петерб. епархіи», т. VIII, 510—513.

нымъ, предавая его анаемѣ. Онъ хотѣлъ-было нѣчто рещи царю въ оправданіе свое, но у царя гнѣвъ изображался на челѣ, слово было грозно, повелительно. Царь, не дая ему глаголатъ, самъ хотѣлъ все свое глаголаніе сперва содѣлать ему. Видѣлъ Фотій, что не пріиде часъ ему глаголатъ, и не дается ему свыше; слышалъ словеса отъ устъ царевыхъ, и какъ стрѣлы ударяли во глубину сердца Фотіева. Молчалъ, дая царю все продолжать; молчалъ совершенно, яко вѣмъ, и не отверзалъ устъ своихъ; сдѣлался, яко глухъ. Царь глаголатъ и вопрошалъ послѣ Фотія, понимаетъ ли онъ, что ему говорится? Фотій на сіе отвѣщалъ царю, что понимаетъ и, знаменаясь часто знаменіемъ креста, отвращалъ лице свое отъ царя на десно ко свѣту окна; туда зрѣлъ на небо и паки учащалъ знаменать себя крестомъ, да не смущается сердце его, да не видитъ грознаго лица царева. Отъ слуха словъ грозныхъ царевыхъ сердце его трепетало, что же отъ видѣнія лица царева быть могло? Зрѣлъ тѣлесными очами ко свѣту вещественному, а душевными взиралъ горѣ къ Богу, Отцу свѣта, и оттолѣ ожидалъ себѣ своего часа глаголатъ и силы, и разума. Царь восходитъ отъ гнѣва въ гнѣвъ; Фотій же себя знаменалъ знаменіемъ креста, молчалъ и трепеталъ лапа гнѣвнаго царева, но чувствовалъ въ сердцѣ своемъ отъ стрѣлъ царевыхъ, прободающихъ его сердце, горько; терпѣлъ, чаялъ утѣшенія; яко полчаса единъ царь ему глаголатъ внушеніе; наконецъ, оканчивая какъ бы рѣчь, царь, какъ Фотій себя перекрестилъ, также крестился, и вдругъ пересталъ глаголатъ. Связываются уста его, не имѣетъ далѣе словъ и глаголы, яко стрѣлы отъ сердца своего изводятъ. Взираетъ на Фотія, молчитъ. Фотій же, возрѣвъ мало на царя, обратился паки ко свѣту. Царь тогда сказалъ ему: «понимаешь ли?» Фотій отвѣщалъ: «разумѣю все». Хочетъ ему словомъ и маніемъ царь дать знанъ, что онъ на сіе скажетъ ему. Тогда Фотій началъ говорить: «Вѣдаю все, что ты глаголешь, о царю, слышу, чувствую, глаголы твоя проходить, яко стрѣлы, сердце мое. Но что я сказалъ за дѣло вѣры, слово Божіе, истину, правду, то сказалъ. Что дѣлать мнѣ дано было свыше, яко послалъ меня Богъ возвѣстити правду, то я содѣлалъ; я сотворилъ же волю Божію, и ничего не боюсь». Царь тогда сказалъ: «Отвѣщай мнѣ, какъ же ты могъ предать анаемѣ, кого я знаю тридцать лѣтъ?». Тогда Фотій сказалъ царю: «аще бы не токмо князь Голыцынъ, но ангелъ съ небесе пришелъ и глаголатъ мнѣ противно благовѣрію Христову, слову святыхъ и ученію церкви, я ему бы сказалъ: анаема. Аще бы ангелъ съ небесе пришелъ, и мнѣ сказалъ злая о царѣ, тебѣ, или ты бы самъ, царь мой, мнѣ о себѣ велѣлъ глаголатъ неблагогая, я не послушаю тогда тебя. Всякому зло на Бога и царя глаголющему азъ бы сказалъ: анаема, да не соблазнить другихъ и зло не сотворять. Что можетъ быть вреднѣе, какъ на царя

злое одно повѣдать и себя явно виновнаго оправдывать? Я милостивно, паче всѣхъ святыхъ, поступалъ съ княземъ за честь Божию и цареву: онъ въ книгахъ подъ прелестными названіями дозволялъ, содѣйствуя, издавать и всюду оглашать проклятіе Богу нашему, проклятіе всему духовенству, всѣмъ святымъ соборамъ, православію, безчестіе всякой правды и истинѣ. Вотъ зри, царь, какія книги печатають, въ нихъ же яко ученіе джи содержится, что ты, царь, будто бы Иродъ и тебѣ желаютъ смерти; хулятся присно-Дѣва Богородица. Первые святые отцы, апостольскіе ученики, именовуются яко звѣрь первый отъ бездны и слуги антихристовы; второй звѣрь—святѣйшіе вселенскіе соборы и синоды, третій—нынѣшнее духовенство православное; все святое испровергается, истина отвергается, возвѣщается едина злоба; то я ли молчать долженъ? Богъ далъ мнѣ уста, послалъ меня истину возвѣстити тебѣ и всѣмъ; то ужели я долженъ повѣрять, что все сіе зло и прочее смущеніе и развращеніе ты, царь, сотворилъ, чему вѣрять князь Годицынъ, и меня хотѣлъ научить вѣрывать? Я отвергъ все, яко ложь. Не я, а Вышній съ небесе рече ему мною, рабомъ Своимъ, неблаговоленіе. Святый Николай чудотворецъ на вселенскомъ соборѣ ударилъ Арія въ лице за дерзкую его ложь; я же не сотворилъ ему подобнаго. Болѣе стоитъ князь со своимъ сонмищемъ богоборнымъ, за что святаго Николая св. Отцы осудили лишить сана и знаки святительскіе снять». Тогда царь, подхвативъ слова сія, сказалъ: «вотъ видишь-ли, что съ Николаемъ сдѣлали?». Фотій же сказалъ царю: «всѣ святые неправильно хотѣли сдѣлать сей судъ со св. Николаемъ». Царь же сказалъ: какъ? Фотій же ему далъ листъ изъ книги житій, на сей случай вырѣзанный и у него за голенищемъ бывшій. Когда началъ читать царь, что было на немъ, и сказалъ не дочитавъ до конца: «вотъ святые не похвалили за дерзость великаго чудотворца». Тогда Фотій сказалъ: «но за то Богъ прославилъ. Они лишили сана его, а Господь явился самъ подалъ св. евангеліе святому Николаю; Божія же Матерь—омофоръ, знакъ архіерейскій: евангеліе подано ему, да не боязненно исповѣдуетъ, омофоръ же, что свыше его небесная сила зашити имѣетъ всегда». Тогда царь, урвѣвъ читая сіе, устыдился и молчалъ, потупивъ очи долу, яко царь кротокъ, премудръ, благочестивъ. По семъ, перекрестився, Фотій сказалъ царю: «ты ли, царь, не великъ на сей землѣ? Великъ еси ты, выше всѣхъ и яко выше облаковъ небесныхъ; азъ же не малъ-ли предъ тобою, яко мравій? Ты все дѣлать можешь, повидимому, со мною: токмо что меня коснешься—и меня не будетъ: яко мравій подъ ногою путника, я непримѣтно исчезну. Но слыши, о царю, что аще что не будетъ тебѣ дано свыше со мною творить, ничего не можешь творить; того ради я тебя не боюсь, истину я возвѣщалъ, возвѣщаю и буду возвѣщать; себя никакъ не пощажу?

*

Никого и ничего не хочу любить паче Господа Бога моего. Любовь Божію ни на что не промѣняю. Люблю Господа моего и ревную: кто мя разлучить отъ того?» Многая словеса глаголя таковая съ дерзнове-ніемъ царю, вынималъ Фотій хартіи печатныя для доказательства всего, то изъ-за рукава праваго, то лѣваго, то изъ-за сапоговъ, гдѣ были на случай разные листы, выдранные изъ книгъ, сокрыты непримѣтно. Царь сему дивился, между тѣмъ какъ пошелъ Фотій и въ пазуху доставать еще прилучившуюся надобную хартію; царь, внимательно все примѣчая, замѣтилъ нѣчто не обыкновенное и движимъ любопытствомъ, бросился, раскрывъ грудь Фотія, осмотрѣть, и узрѣлъ, что Фотій во вла-сяницѣ, желѣзныхъ веригахъ, и, зря нагу грудь его, увидѣлъ язву глу-боку до костей на ней посреде. Тогда Фотій ему сказалъ: «что ты ди-вишься? Зри, когда хочешь, все и узнай, что ежели я самъ себя не жалѣю, и ради Бога не жалѣю плоти моея, то кого же я пожалѣю, чтобы Богу измѣнить?» Тогда, узрѣвъ царь вся внутри сокровенная нечаянно, а не то, что Фотій казался ему быть наружно, весь былъ пораженъ, тронуть и, яко отъ огня велиаго, возгорѣлся отъ стыдѣнія, видѣвъ умерщвление до костей тѣла, сѣлъ на мѣсто свое, являя любовь свою, состраданіе, и сказалъ: «что тебѣ я сказалъ, о. Фотій, то все сказалъ, и только есть и болѣе ничего не будетъ». Снизъ далъ Фотію знать царь, что онъ ему выговоръ одинъ желалъ сотворить, а его наказывать не имѣлъ намѣренія и горшее что-либо ему творить и отъ любви своея перемѣниться не хочеть. Послѣ же всячески любовь свою старался ему излить, дабы язва отъ словесъ его, яко отъ стрѣлы, излѣчить въ немъ. Фотій же сказалъ ему: «знай, царю, что я тебя любилъ не видѣвъ, люблю нынѣ и буду во вѣки любить, когда и не будетъ тебя; на честь, злато и все благое въ мірѣ не промѣнялъ никому и истинѣ я не измѣнялъ; во колико я же былъ въ скорбѣхъ и опасностяхъ? Колико погубить меня враги хотѣли? Силою я Божіею спасенъ есмь доселѣ». Былъ же у него Фотій яко три часа. Наконецъ царь, по обычаю воставъ на колѣни предъ Богомъ, ему велѣлъ возложить руки, какъ и прежде на свою главу и прочеть молитву; Фотій, возложивъ руки свои, сотворилъ мо-литву и благословилъ его. Онъ же поклонился до земли и, воставъ, бла-гословился у него нѣсколько кратъ, провожалъ его, увѣряя въ своей царской милости, любви. Оставилъ же у себя нѣкоторыя свои нуж-ныя бумаги, но какъ у него копій не осталось, то здѣсь и не помѣ-щаются. А какія отъ 14 числа іюня выше написаны, то уже извѣстны. Оставилъ у него еще взятый указъ царь о запрещеніи противныхъ вѣрѣ святой и правительству книгъ ¹⁾, и дивился, что оный указъ не

¹⁾ Здѣсь разумѣется слѣдующій указъ Екатерины II-й отъ 27 іюля 1787 г.: „По установленіямъ предковъ нашихъ печатаніе книгъ, перковныхъ и до ва-

напечатанъ, а сокровенъ былъ въ одномъ Сунодѣ по хитрости враговъ и ихъ вліянію во всемъ. Фотій же сказавъ: «ты, о царю, правъ еси; у тебя на все были законы даны, и прежніе есть; но всѣ оныя разрушаютъ враги». И съ миромъ оставилъ царя. Чувствовалъ же, что великую благодать Господь далъ ему у царя, и славилъ Христа Спаса и Его милосердіе великое ¹⁾).

Возвратився Фотій отъ царя въ домъ ко дщери дѣвницѣ Аннѣ весь въ великомъ потѣ, яко бы весь былъ съ кровію смѣшанъ. Такой потъ произошелъ отъ слабости тѣлесныхъ силъ, отъ усилія же въ подвигѣхъ противу царя и отъ того, что стрѣлы отъ словъ царскихъ глубоко пронзили сперва сердце его, и онъ былъ готовъ на всякъ часъ въ заточеніе. Удивилась дщерь его такимъ видѣть. Доселѣ же не ѣлъ и не пилъ

кона нашего православнаго вообще относящихся, присвоено единственно типографіямъ духовнымъ. Свобода, отъ насъ дарованная на печатаніе книгъ въ свѣтскихъ публичныхъ и частныхъ людьми заводимыхъ типографіяхъ, ни мало не противорѣчитъ сему узаконенію; ибо она простирается на книги свѣтскія, къ пользѣ общественной служащія; и для того сямъ повелѣваемъ наблюдать, дабы ни изъ одной свѣтской типографіи, ни свѣтской книжной лавки, не были продаваемы молитвенники не отъ Синода издавныя, тако же книги церковныя, или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся, кромѣ тѣхъ, кои напечатаны или въ синодальной, или иныхъ духовныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Синода нашего состоящихъ, или же отъ комиссіи народныхъ училищъ съ дозволенія нашего изданы и впредь издаваемы будутъ. Вслѣдствіе сего во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, гдѣ найдутся въ продажѣ книги подобныя, не въ помянутыхъ духовныхъ типографіяхъ напечатанныя, или же не отъ комиссіи народныхъ училищъ издавныя, оныя тотчасъ запечатать отдать подъ сохраненіе Синода⁴⁾. (Собраніе бумагъ Фотія к. II № 29). Этотъ указъ подтвержденъ былъ высочайшимъ указомъ, даннымъ 9 февраля 1802 года, и высочайше утвержденнымъ 9 іюля 1804 года уставомъ о цензурѣ. 17 ноября 1824 года вышелъ новый указъ, данный на имя министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова (напеч. въ „Прав. обзор.“ 1868 г. ч. XXVI, стр. 542 и въ „Христ. Чтеніи“ 1872 г. ч. I, стр. 671—675), подтверждавшій предшествовавшіе ему указы о печатаніи книгъ религіознаго содержанія безъ вѣдома Синода и учрежденной имъ цензуры.

¹⁾ Фотій, отличающійся точностью въ показаніи времени представленій своихъ государю, умолчалъ здѣсь о числѣ, въ которое онъ представлялся государю, когда послѣдній дѣлалъ ему выговоръ за знаемое, произнесенную кн. Голицыну. Изъ другихъ бумагъ Фотія видно, что Фотій имѣлъ аудіенцію у государя въ Зимнемъ дворцѣ 14 іюня 1824 года, которая продолжалась три часа („Русск. Старина“ 1882 г. мартъ, стр. 772. Чтеніе въ общ. ист. и древн. 1868 г. кн. 1. Смѣсь стр. 269). А. С. Шишковъ (Записки — стр. 92)), объ этой аудіенціи говоритъ, что Фотій „вскорѣ“ позванъ былъ къ государю, что поставило въ затрудненіе г. Пыпина („Вѣстникъ Европы“ 1868 г. ноябрь, стр. 262), который склоненъ видѣть ошибку въ показаніяхъ Фотія о своихъ свиданіяхъ съ государемъ.

еще, ибо былъ постень у царя. Тако всегда и прежде дѣлалъ: не упо-
валъ бо на силы ума, разума, крѣпость тѣла, но на благодать Божию
въ дѣлѣ Его святомъ и оттуда ожидалъ милости. Повѣдалъ дщери
своей все подробно; она же дивилась, благодаря Бога, како Онъ все
строить на пользу. Не могъ же ни ясти, ни пити у нея: ему все тош-
нило, не принимала утроба пищи, алчбы и жажды не имѣлъ; имѣлъ же
на сердцѣ радость многую въ тайнѣ и воспѣвалъ пѣснь Богу глаголя:
съ нами Богъ! Изъ дому дѣвницы прибылъ къ архіерею своему Серафиму
митрополиту, все повѣдалъ ему, что можно. Никогда всего не говорилъ
онъ ему, дабы его въ уныніе не привести, ибо все не могъ онъ тер-
пѣть. А дщери единой все повѣдывалъ всегда: та бо, хотя дѣвница, но имѣла
духъ яко крѣпка и велика мужа. Митрополитъ, слышавъ реченное все
и увидѣвъ, что врагъ не одолѣлъ Фотія, яко единого отъ стада Христова
воина-ратоборца, радовался, благословлялъ Бога и его лобзалъ благо-
словляя; видѣвъ же весьма его утомленна, вскорѣ отступилъ на нош-
ный покой.

Пребывъ мало послѣ свиданія съ царемъ и не успѣвъ тайно дан-
наго имъ порученія отъ царя, касающагося до самаго митрополита Се-
рафима, исполнить, рѣшился ѣхать въ свой монастырь. Нужно было хотя
единого въ помощь въ Синодъ вызвать архіерея, о чемъ государю
предложилъ, что на время никого лучше вызвать нельзя, какъ кiev-
скаго митрополита Евгенія. Согласился царь его вызвать, но поручилъ
Фотію такъ сдѣлать, чтобы какъ кievскій Евгеній старшій митропо-
литъ ¹⁾, то дабы не оскорбился Серафимъ и не согласенъ дать ему пер-
венства въ Синодѣ, и чтобы самъ Серафимъ о семъ доложилъ царю пись-
момъ, дабы отъ него дѣло началось. Зная, что сіе смутятъ Серафима,
хотя и хотѣлъ ему многократно о семъ сказать, но уста не отворились;
а по сему съ Богомъ Фотій въ путь отправился, но заѣхалъ въ домъ
прежде ко дщери; тамъ переговоривъ съ нею многое, опоздалъ въ ночь
ѣхать и остался до утра, пребывъ ночь въ домѣ ея. По утру пришло на
сердце его, возвратясь въ лавру, сказать Серафиму объ Евгеніи и все
нужное къ тому. И тако прибылъ въ лавру рано, яко въ часъ 7-й утра;
какъ безъ доклада всегда ходилъ къ митрополиту, то, поутру нечаянно
пріѣхавъ, вошелъ въ его комнаты безъ доклада, шелъ, ища его. Взо-

¹⁾ По сану митрополита Серафимъ былъ старше (съ 15 марта 1819 года)
Евгенія (съ 24 янв. 1822 года), но послѣдній имѣлъ старшинство предъ ми-
трополитомъ Серафимомъ по степени занимаемой имъ епархіи, которая счи-
тается первою и старѣйшею митрополичею каедрю. Въ послѣдующее время
на практикѣ установился такой порядокъ въ Синодѣ, по которому новгород-
скій митрополитъ, онъ же и петербургскій, какъ имѣвшій постоянное пре-
бываніе въ столицѣ, фактически занималъ первое кресло въ Синодѣ. Съ 18 ок-
тября 1892 года званіе первенствующаго члена Синода предоставлено митро-
политу с.-петербургскому.

шелъ внутрь, гдѣ въ молитвенной кельи услышалъ, что онъ молится Богу, поминаетъ въ молитвахъ своихъ многихъ мірскихъ, а Фотія не поминаетъ, между тѣмъ какъ ему говорилъ увѣряя, что онъ молится о немъ всегда. Фотій же въ молитвахъ его нуждался, яко въ архіерейскихъ, воинъ на браня со всѣми врагами боряйся. Прочитавъ онъ молитвы свои, изшедъ, увидѣлъ его и воскликнулъ: «о сладкопоющій соловей! Какъ ты здѣсь? Какъ вина?». Фотій же дабы не смутить, радость въ радости усугубляя, говорилъ въ веселіи духа ему: «Ты нуждаешься, владыко, въ человѣкѣ для пособія по Синоду и по всѣмъ дѣламъ въ архіереѣ, старцѣ православномъ, весьма смысленномъ и ученомъ». Я посему объяснилъ волю цареву и все. Сперва онъ смутился, мня, что уже не на мѣсто ли его царь хочетъ кого вызывать; но Фотій все объяснилъ. Тогда Серафимъ, видя благоволеніе царя, согласился на вызовъ Евгенія писать къ царю ¹⁾. Онъ же, все устроивъ добрѣ, принялъ благословеніе его и отправился въ путь свой. Ибо былъ весьма немощенъ; но паки въ домъ дщери прибылъ, гдѣ она, какъ весьма слабого и больного, рѣшилась проводить, яко версть 60, и проводивъ видѣла, что перемѣна воздуха одного его оживляетъ въ пути; возвратилась въ Санктъ-Петербургъ. Онъ же, вскорѣ ѣхавъ, прибылъ въ монастырь свой 20 іюня: его же непрестанно стрегли сторожи, дабы пріѣздъ его видѣть и срѣтять. Тогда намѣстнику Петру онъ крестъ золотыи у царя исхотѣствовалъ, яко той его любилъ. Когда Фотій пріѣзжалъ къ стѣнамъ обители, срѣтили его со славой и звономъ слабого, съ крестомъ во вратахъ монастырскихъ; не думали же, что будетъ живъ и будетъ паки въ обители, а потому какъ бы его снова вѣвзающаго въ монастырь срѣтили съ пѣніемъ божественнымъ и радовались весьма. Фотій же, въ церковь пришедъ, приложился ко святому престолу и ко святымъ иконамъ, цѣловалъ намѣстника и всѣхъ братій, и началъ отдыхать послѣ. Въ обители же нашелъ онъ, что все въ порядкѣ дѣется. Кого слѣдовало благодарилъ, а иныхъ награждалъ за труды, въ небытность его понесенныя.

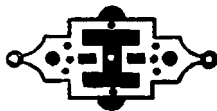
(О к о н ч а н і е с л ѣ д у е т ь).

¹⁾ Митрополитъ Серафимъ дѣйствительно письмомъ на имя императора Александра I отъ 11 декабря 1824 года просилъ о вызовѣ въ Синодъ кievскаго митрополита Евгенія. «Русскій Архивъ» 1868 г., стр. 940—942.

Указъ изъ Санктъ-Петербургскаго губернскаго правленія, объ именованіи прапорщика Шервуда—Шервудъ-Вѣрный.

Правленіе сіе слушавъ указъ Правительствующаго Сената по I деп. отъ 14 іюня сего года за № 27.594, въ коемъ напечатано: По имянному его императорскаго величества высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату іюня въ 1-й день, за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: «Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія нашего и признательности къ отличному подвигу, оказанному лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка прапорщикомъ Ивановомъ Шервудомъ противъ злоумышленниковъ, посягавшихъ на спокойствіе, благосостояніе государства и на самую жизнь блаженныя памяти государя императора Александра I-го всемилостивѣйше повелѣваемъ: къ нынѣшней фамиліи его прибавить слово Вѣрный, и впредь, какъ ему, такъ и потомству его, именоваться Шервудъ-Вѣрный. Правительствующему Сенату поручаемъ составить приличный для сей фамиліи гербъ и представить оный къ нашему утвержденію». Опредѣлило: О семъ, съ прописаніемъ означеннаго указа, дать знать всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, равнымъ сообщеніями, а подчиненнымъ указамъ. Августа 20-го дня 1826 года.

ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА,
ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢВЪ
СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ¹⁾.

Пріѣздъ Николая Павловича въ Москву.—Иностранные принцы въ московскомъ трактирѣ.—Филаретъ.—Популярность князя Голицына и Ермолова.—Танцовщица Лебедева.

Въ предыдущей главѣ я слишкомъ много занималъ благосклонное вниманіе читателя моею собственною особою, за что и прошу у него великодушнаго прощенія: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Зато теперь, покончивъ съ моимъ личнымъ существованіемъ, я хочу рассказать обо всемъ томъ, что въ теченіе двухлѣтняго моего пребыванія въ матушкѣ-Москвѣ случилось мнѣ видѣть болѣе или менѣе замѣчательнаго, а также и помянуть о тѣхъ лицахъ, съ которыми доводилось сталкиваться внѣ университета.

Прежде всего я долженъ рассказать о томъ, что скоро же послѣ моего поступленія въ университетъ я удостоился видѣть, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, того великаго самодержца Россіи, о которомъ и до настоящаго времени сужденія до безконечности разнообразны. Въ концѣ августа или въ началѣ сентября, по Москвѣ разнесся слухъ, что императоръ скоро туда пріѣдетъ, и намъ, студентамъ, было строго приказано ходить не иначе, какъ въ мундирахъ, причѣмъ субъ-инспекторы усердно намъ преподавали, какъ должны мы поступать въ случаѣ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1896 г.

встрѣчи съ государемъ на улицѣ. Слѣдовало остановиться, спустить съ лѣваго плеча шинель, «для того чтобы открыть оружіе», объяснялъ бывшій гусарь Константинъ Петровичъ Иогель,—затѣмъ перевернуть шляпу рогами въ стороны и, приложивъ къ ней руку, стоять до тѣхъ поръ, пока государь пройдетъ. Процедура эта была довольно сложна, и на репетиціяхъ многіе студенты исполняли ее до такой степени неловко, что начальство заравѣ приходило въ отчаяніе. Помню, что я я самъ боялся сдѣлать, при этомъ, какую-нибудь оплошность, а между тѣмъ мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на императора, передъ которымъ я благоговѣлъ съ самаго ранняго возраста. Наконецъ, стало уже достоверно, что государь прійдетъ ночью и на другой день утромъ будетъ шествовать изъ дворца въ Успенскій соборъ. Чуть не до пѣтуховъ поднялись мы, втроемъ: я, мой двоюродный братъ и теперешній георгіевскій кавалеръ «Саска» Г—й. Облеклись мы въ мундиры и, даже отказавшись отъ утренняго чая, отправились въ Кремль. Площадь передъ дворцомъ была еще совершенно пуста, но мы были этимъ очень довольны и помѣстились у самаго Краснаго крыльца, съ твердымъ намѣреніемъ не уступать никому ни шага изъ занятой нами позиціи. Къ нашему счастью, однако, какой-то добродѣтельный прохожій предупредилъ насъ, что государь остановился не въ Большомъ, а въ Маломъ, такъ называемомъ, Николаевскомъ дворцѣ. Мы, разумѣется, немедленно же снялись съ нашей позиціи и на площадь передъ Малымъ дворцомъ пришли положительно первыми. По выходѣ государя на площадь, гдѣ были мы, какъ-то вдругъ, разомъ сдѣлалась уже самая невозможная давка. Послѣ долгаго ожиданія изъ дворца, наконецъ, выскочилъ какой-то человѣкъ въ красной ливреѣ и торопливо махнулъ бѣлымъ платкомъ по направленію къ колокольнѣ Ивана Великаго. Какъ громовой ударъ грянулъ большой колоколъ, и понеслись надъ Москвою густыя волны величественнаго звука... въ то же мгновеніе на крыльцѣ дворца появилась еще болѣе величественная фигура государя, который былъ въ общегенеральской формѣ, въ лосняныхъ брюкахъ и ботфортахъ; онъ стоялъ на крыльцѣ, надѣвая перчатку на лѣвую руку. Народъ вдругъ откуда-то началъ валить цѣлыми толпами. Государь шелъ медленно по направленію къ Успенскому собору, и во время его шествія «ура» ревѣло не умолкая.

Въ тотъ же день вечеромъ я, уже одинъ, опять пошелъ въ Кремль, въ надеждѣ еще разъ увидѣть государя. У подъязда Малаго дворца, находящагося противъ колокольни Ивана Великаго, не было замѣтно никакого движенія, и я обогнулъ дворецъ, думая, что буду счастливѣе у другаго—выходящаго на Москву-рѣку. На этомъ подъяздѣ и около него стояла небольшая кучка людей, въ числѣ которыхъ мнѣ бросилась въ глаза какая-то пожилая барыня, въ плохонькомъ сапогѣ и ста-

ромодной шляпкѣ; а изъ рукъ этой барыни полиціймейстеръ, полковникъ Давыдовъ, старался вырвать какую-то бумагу. Барыня не давала, размахивала руками и бранилась, но полиціймейстеръ все-таки бумагу у нея вырвалъ, а одержавъ побѣду, обернулся ко мнѣ и объявилъ, что стоять здѣсь мнѣ нельзя, потому что сейчасъ подъѣдетъ государь. Нечего дѣлать, я отошелъ и не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ по набережной, въ коляскѣ, запряженной четвернею вороныхъ лошадей въ рядъ, проѣхалъ государь. Я остановился, думая, несмотря ни на какія запрещенія, опять пробраться къ подъѣзду, но государь проѣхалъ мимо по направленію къ Спасскимъ воротамъ, и это былъ послѣдній разъ, когда мнѣ случилось его видѣть.

Почти одновременно съ пріѣздомъ въ Москву императора Николая Павловича, немного ранѣе или немного позже, пріѣхалъ туда также, въ августѣ 1853 года, принцъ Оранскій съ своею супругою. Были ли это теперешній король нидерландскій, или какой-нибудь другой — сказать навѣрное не умѣю, но его видѣть мнѣ случилось два раза. Въ первый разъ это было въ университетскихъ нумерахъ. Студенты сидѣли за ужиномъ, когда въ столовую неожиданно вошелъ попечитель, ведя подъ руку какую-то весьма некрасивую и немолодую даму въ огромной шляпкѣ въ родѣ кибитки и коричневомъ с а л о п ѣ, а позади ихъ шелъ длинный, худой и рыжій господинъ въ черномъ пальто со свѣтлыми пуговицами (это пальто было такой же формы, какую, въ настоящее время, носятъ всѣ военные и у насъ; но въ то время оно казалось чѣмъ-то необычайнымъ). Молча, ни на кого не глядя, прошли эти посѣтители до конца столовой и обратно, не разговаривая ни о чемъ даже между собою, а затѣмъ уѣхали ранѣе, нежели окончился нашъ ужинъ. На другой день послѣ этого, вечеромъ, дядя Александръ Львовичъ, еще не успѣвшій уѣхать изъ Москвы, повелъ сына своего и меня въ Новотроицкій трактиръ ужинать. Только-что мы усѣлись за столъ, какъ въ трактиръ вошелъ вчерашній принцъ и, точно такъ же, не снимая верхняго платья, прошелъ, въ сопровожденіи бывшего съ нимъ, состоявшаго при генераль-губернаторѣ, коротенькаго и толстенькаго полковника Бахметева, по всѣмъ комнатамъ, не говоря ни слова и скромно опуствя глаза. При входѣ ихъ, сначала никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, но когда я сказалъ моимъ собесѣдникамъ, что это принцъ и что я вчера видѣлъ его въ университетѣ, то половые, прослышавъ это, засуетились, и когда посѣтители шли обратно къ выходу — на ихъ дорогѣ стояла уже цѣлая толпа, провожая ихъ почти-тельными поклонами. Въроятно принцу показывали Новотроицкій трактиръ въ качествѣ одной изъ московскихъ оригинальностей.

Въ 1855 году Москвою управлялъ знаменитый графъ Арсеній

Андреевичъ Закревскій, а митрополитомъ былъ еще болѣе знаменитый Филаретъ. Оба эти лица давно уже извѣстны всей Россіи.

Митрополита Филарета мнѣ случалось видѣть нѣсколько чаще. Еще во время моего дѣтства я уже твердо зналъ его фізіономію по тѣмъ многимъ портретамъ, которые попадались на глаза; но, по этимъ же портретамъ, болѣе или менѣе на него очень похожимъ, я почему-то составлялъ себѣ убѣжденіе, что онъ долженъ быть высокаго роста. По приѣздѣ въ Москву, однимъ изъ первыхъ заботъ было — гдѣ-нибудь увидѣть митрополита, и 6-го августа, въ день Преображенія Господня, узнавъ, что онъ будетъ служить обѣдню въ Новоспасскомъ монастырѣ, мы съ отцомъ отправились туда. Когда митрополитъ появился въ царскихъ вратахъ, то я сейчасъ же его узналъ: за толпою мнѣ видна была только одна его голова, и въ первую минуту я подумалъ, что онъ стоитъ на когнѣяхъ; только впоследствии я разглядѣлъ, какъ былъ онъ малъ ростомъ, въ особенности въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ я его себѣ воображалъ. Послѣ нѣсколькихъ разъ, когда мнѣ случилось видѣть митрополита Филарета, у меня составилось убѣжденіе въ томъ, что въ основѣ своего характера это долженъ быть человѣкъ деспотичный, холодный, безконечно-самолюбивый, но во имя иде и умѣющій очень искусно маскироваться. Само собою разумѣется, что это мое убѣжденіе было основано ни на чемъ иномъ, какъ на внутреннемъ чувствѣ, но еще въ то время случалось мнѣ слышать отъ современныхъ мнѣ студентовъ университета, прежде бывшихъ воспитанниками Московской семинаріи, кое-какіе рассказы, которые скорѣе подтверждаютъ, нежели опровергаютъ, вышеизложенное мнѣніе.

Впрочемъ, однажды мнѣ случалось быть свидѣтелемъ также и величайшаго примѣра кротости и самоотверженія, явленнаго митрополитомъ Филаретомъ публично. Какъ-то разъ онъ совершалъ литургію въ Благовѣщенскомъ соборѣ; нѣсколько студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, не попали въ соборъ по случаю тѣсноты и остались у входа ожидать окончанія обѣдни. Довольно долго мы воевали съ квартальнымъ, почему-то находившимъ наше здѣсь присутствіе несогласнымъ съ буквою закона, а затѣмъ все-таки остались, говоря по совѣсти — болѣе изъ упорства. Между тѣмъ, обѣдня окончилась, и народъ началъ выходить изъ собора. Тотъ же квартальный употреблялъ всѣ свои душевныя и физическія способности для того, чтобы убѣдить народъ расходиться поскорѣе и не тѣсниться вокругъ подъѣхавшей кареты митрополита; но все оказывалось тщетнымъ: народъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, а когда вышелъ митрополитъ, то такъ усердно кинулся подъ благословеніе, что огромное стекло кареты разлетѣлось въ дребезги и осколки его осыпали все сидѣнье. Квартальный поблѣднѣлъ, какъ пла-токъ, а митрополитъ, появившійся въ дверяхъ, какъ теперь вижу, въ

лиловой атласной шубкѣ, подбитой шиншиллой, остановился, благословилъ всѣхъ терпѣливо, и на его строгомъ и вмѣстѣ ангельски кроткомъ лицѣ не было замѣтно даже малѣйшей тѣни какого-либо движенія. А затѣмъ, онъ спокойно сѣлъ въ карету на самые осколки, даже не приказавъ ихъ отстранить.

Кромѣ этихъ двухъ тогдашнихъ московскихъ знаменитостей, то-есть Закревскаго и Филарета, въ то время гремѣли еще двѣ другія, которыхъ мнѣ также случалось видѣть; это были—князь Сергій Михайловичъ Голицынъ и Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Князь Голицынъ былъ почему-то очень популяренъ посреди простаго московскаго народонаселенія; оно его такъ и величало просто по имени и отечеству, и мнѣ не разъ случалось отъ разныхъ купцовъ, мѣщанъ или лавочниковъ слышать различные рассказы, даже не всегда вѣроятные, о его богатствѣ, важности, всемогуществѣ и оригинальномъ образѣ жизни. Быть можетъ, большинство этихъ рассказовъ были плодомъ личной фантазіи рассказчиковъ и не выражали даже ничего особенно характернаго, кромѣ развѣ того, что могли служить доказательствомъ существованія, въ мысляхъ и понятіяхъ простаго народа, идеала могущественнаго и вмѣстѣ не грознаго русскаго вельможи, назначеніе котораго—способствовать увеличенію народной славы и изливать изъ себя всякую благодать. Мнѣ случалось не разъ видѣть князя Сергѣя Михайловича, но всегда только по случаю какого-либо торжества, то-есть постоянно въ парадномъ облаченіи; онъ былъ именно таковъ, какимъ изображенъ на извѣстномъ портретѣ, написанномъ во весь ростъ академикомъ Зарянко и въ настоящее время находящемся въ Румянцевскомъ музеѣ. На расшитомъ, чуть не сплошь, золотомъ придворномъ мундирѣ, онъ почти постоянно носилъ только два ордена: андреевскую звѣзду, конечно съ лентою, и портретъ государя на шеѣ, также на андреевской лентѣ; и то и другое было густо усыпано великолѣпнѣйшими брилліантами. На упомянутомъ портретѣ эти брилліанты изображены такъ натурально, что даже кажутся сверкающими. Маленькій, сѣденькій, съ коротко остриженными густыми волосами и небольшимъ хохолкомъ, чопорный старичекъ,—онъ всегда важно выступалъ посреди почтительно разступавшейся, по собственному побужденію, толпы, и было не трудно замѣтить, что его популярность доставляетъ ему нѣкоторое удовольствіе.

Ермоловъ былъ въ равной степени популяренъ въ средѣ простыхъ обывателей, но его популярность была уже нѣсколько инаго рода. Въ окнѣ извѣстнаго эстампаго магазина Даціаро, на Кузнецкомъ мосту, долгое время былъ выставленъ портретъ Ермолова, уже такимъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни. Не разъ случалось мнѣ слышать, какъ уличные мальчишки, остановясь цѣлою толпою передъ портретомъ, сообщали другъ другу, съ яснымъ выраженіемъ почтенія въ

голосѣ, о томъ, что, молъ, это—«Алексѣй Петровичъ». Въ Москвѣ, въ то время, Ермоловъ былъ чѣмъ-то въ родѣ монумента, только живаго; но видѣть этотъ монументъ, не на портретѣ, могли только тѣ, кто къ нему имѣлъ доступъ, потому что онъ, какъ всѣ говорили, почти никогда не выѣзжалъ изъ дома. И мнѣ самому случилось его видѣть разъ въ жизни, только благодаря тому, что въ январѣ 1855-го года праздновался столѣтній юбилей Московскаго университета, который былъ почетенъ присутствіемъ также и знаменитаго полководца. Онъ былъ у обѣдни въ университетской церкви, а затѣмъ, вечеромъ, на актѣ; но видѣть въ церкви кого бы то ни было, кромѣ стоявшихъ вблизи, по случаю гѣсноты не было никакой возможности. Мнѣ, однако, по выходѣ отъ обѣдни, посчастливилось очутиться рядомъ съ нимъ, и тутъ-то я и имѣлъ возможность довольно продолжительно и подробно разсмотрѣть Ермолова. Въ это время, помнится, ему еще не кончилось семидесяти лѣтъ, но казался онъ уже очень дряхлымъ, хотя, глядя на него, легко было понять, что въ молодости онъ долженъ былъ обладать и красотой, и величіемъ, и богатырскою силою. Огромнаго роста, онъ былъ уже до того согбенъ, что его мундиръ, въ то время однобортный, не могъ застегиваться на верхнія пуговицы, и высочайшій воротничекъ его оттопыривался далеко позади затылка. Ермоловъ былъ одѣтъ въ простой конно-артиллерійскій мундиръ, съ номеромъ на кованыхъ эполетахъ и съ коротенькими фалдами; широчайшіе синіе рейтузы почти спускались съ пояса, андреевская лента какъ-то небрежно, не то неуклюже была перекинута черезъ плечо, а на шеѣ болтался огромнѣйшій георгіевскій крестъ. Онъ довольно долго стоялъ, совершенно одиноко на площадкѣ церковной лѣстницы, ожидая своего экипажа, и когда, наконецъ, университетскій синдикъ, съ любезнѣйшею улыбкою, подскочилъ съ докладомъ о томъ, что лошади поданы, то Ермоловъ медленно началъ опускаться съ лѣстницы, одною рукою опираясь на длиннѣйшую кавалерійскую саблю въ металлическихъ ножнахъ, а другою чуть не давя поддерживавшаго его съ правой стороны коротенькаго и толстенькаго синдика. Историческая львиная грива Ермолова, въ то время уже какъ-то зеленовато-бѣлая, спускалась такъ низко на невысокій лобъ, что почти закрывала еще чернѣвшія брови, а изъ-подъ этихъ густыхъ бровей тускло и безжизненно глядѣли небольшіе каріе глаза, когда-то, какъ говорятъ, метавшіе молніи; борода была небрита, видимо, въ теченіе нѣсколькихъ дней. По врожденному мнѣ жадному любопытству видѣть все то, что знаменито болѣе или менѣе, я оставался на завоеванномъ мною на площадкѣ посту, съ тою цѣлью, чтобы видѣть какъ можно ближе и болѣе лицъ подобнаго рода, а по этому случаю видѣлъ и то, какъ сіяла вся фигурка синдика, когда онъ возвратился на площадку, проводя знаменитаго гостя.

Впрочемъ, съ не меньшимъ любопытствомъ я разыскивалъ и разглядывалъ и всѣхъ другихъ сильныхъ или знаменитыхъ міра сего.

Съ того же занятаго мною поста, послѣ окончанія юбилейной обѣдни, на церковной площадкѣ, я увидѣлъ въ первый разъ и Михаила Петровича Погодина, также не менѣе значительную московскую знаменитость. Я узналъ его по академическому мундиру и по многочисленнымъ описаніямъ, слышаннымъ отъ бывшихъ нашихъ учителей, а его учениковъ, такъ какъ въ то время его портреты не были особенно распространены. Но Погодинъ, въ то время, такъ быстро проскочилъ мимо, что мнѣ не было возможности разсмотрѣть его хорошо, а могъ я только догадаться, что это онъ, и запомнить его черты; разглядѣть же его уже совершенно вблизи довелось мнѣ въ другой разъ и вотъ по какому случаю. Въ то время на московскомъ театральномъ горизонтѣ начинала загораться еще хотя очень юная, но уже яркая звѣздочка, которой въ непродолжительномъ времени было суждено стать блестящею кометою. Это была шестнадцатилѣтняя воспитанница театральной школы Праксовья Прохоровна Лебедева. Такъ какъ Большой театръ въ то время стоялъ въ развалинахъ, послѣ знаменитаго пожара, то балетныя представленія давались только изрѣдка въ Маломъ театрѣ, сцена котораго имѣла для нихъ очень мало удобствъ; да и то ставились не цѣлыя балеты, а только небольшіе отрывки. Такимъ образомъ ставились отрывки изъ балетовъ: «Жизель», «Катарина или дочь разбойника» и еще другихъ, названія которыхъ я теперь позабылъ. Вотъ въ этихъ-то отрывкахъ и начала дебютировать Лебедева, помнится, даже еще не имѣя полныхъ шестнадцати лѣтъ. Трудно изобразить словами то впечатлѣніе, которое она производила своею юною, безконечно граціозною, свѣжею и чистою фигуркою и своимъ умнымъ, выразительнымъ личикомъ, которое хотя въ строгомъ смыслѣ и нельзя бы было назвать хорошеенькимъ, было такъ обворожительно и мило, что нельзя было на него наглядѣться. Слава ея родилась и быстро упрочилась въ теченіе зимняго сезона 1854—1855-го годовъ, и подъ конецъ его уже не было возможности добиться билета на тѣ представленія, въ которыхъ она участвовала. Живо помню страшный фуроръ, какой производило «болеро», которое она танцевала, помнится, въ балетѣ «Гитана», вдвоемъ съ своимъ учителемъ Монтасю; ихъ такъ настойчиво заставляли повторять танецъ по нѣскольку разъ, что иногда даже становилось досадно глядѣть на эту глупую публику, такъ грубо злоупотребляющую своею властью. Этотъ восторгъ, однако, былъ вполне понятенъ, потому что трудно даже вообразить себѣ что-либо болѣе изящное. Монтасю, хотя уже въ то время далеко не молодой человекъ, замѣтно нѣсколько отяжелѣвшій, но все еще молодецъ, въ живописномъ испанскомъ костюмѣ изъ голубаго шитаго золотомъ бархата, былъ такъ, видимо, увлекаемъ своею восхититель-

вою ученицею, что молодѣлъ лѣтъ на двадцать, и танецъ исполнялся такъ гармонично и съ такою неподдѣльною страстью, что публика просто ревѣла. Вотъ, въ одно-то изъ такихъ представленій, я очутился рядомъ, въ одномъ изъ заднихъ рядовъ кресель, съ тѣмъ самымъ академикомъ, котораго я видѣлъ во время юбилея.

Старикъ приходилъ въ неистовый восторгъ: безпрестанно аплодировалъ, топалъ ногами и чуть ли не на весь театръ кричалъ: «что за прелесть! вѣдь испортятъ, подлецы! непременно испортятъ!» Не будучи, однако, вполне увѣренъ въ томъ, что это именно Погодинъ, я во время антракта обратился съ вопросомъ объ этомъ къ первому встрѣчному. Спрошенный, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, оглядѣвъ мой студенческій мундиръ и какъ будто призраительно отвѣтилъ: «да какъ же вы-то сами этого не знаете? это — Погодинъ».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Празднованіе столѣтняго юбилея Московскаго университета. — Труппа Малаго Московскаго театра; актеры-Соколовъ, Востоковъ, Шумскій, Разказовъ, Щепинъ, Садовскій и другіе.

Настоящую главу я начну съ описанія празднованія столичнаго юбилея Московскаго университета, а вмѣстѣ съ тѣмъ скажу нѣсколько словъ о тѣхъ знаменіяхъ, которыхъ мнѣ случилось видѣть и о которыхъ я не могъ упомянуть безъ связи съ празднованіемъ юбилея.

По опредѣленному заранее порядку, юбилей долженъ былъ праздноваться такъ: 12-го января — торжественная обѣдня, а вечеромъ — торжественный же актъ; 13-го — обѣдь для гостей, а 14-го — обѣдь для студентовъ и университетскаго начальства. Самое торжество акта должно было состоять изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ числѣ которыхъ у меня остались въ памяти: рѣчь профессора Шевырева, стихи его же сочиненія, которые долженъ былъ произнести студентъ юридическаго факультета Чернышевъ, и кантата съ хорами, сочиненная по этому же случаю начальникомъ московскихъ театровъ Верстовскимъ, которую предполагалось исполнить при участіи театральнаго оркестра и театральныхъ же хористовъ.

За нѣсколько дней до акта, произнесенію стиховъ и кантаты предшествовала репетиція въ той же залѣ университета, гдѣ они должны были осуществиться, и на эту репетицію я, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ студентовъ, смотрѣлъ и, разумѣется, слушалъ. Оркестръ и хористы помѣщались на хорахъ актовой залы, куда пробрались и мы, а Верстов-

скій, Чернышевъ, Шевыревъ и инспекторъ Веселаго были внизу. А. Н. Верстовскій, авторъ известной оперы «Аскольдова могила», былъ въ то время человекъ уже старый. Онъ былъ лысъ, сѣдъ, имѣлъ фигуру генеральскую и видъ чрезвычайно важный. Репетиція началась съ декламации стиховъ Шевырева, и студентъ Чернышевъ, ставъ на каедрѣ, началъ было произносить ихъ довольно просто, то-есть не прибѣгая ни къ какимъ жестамъ или восклицаніямъ.

Вотъ первая строфа этихъ стиховъ:

Возвеселись, обитель просвѣщенья!
 Великій день восходитъ надъ тобой:
 Отечество по вогѣ Провидѣнья
 Срѣтаетъ днесь столѣтній праздникъ твой!

Но Чернышевъ не успѣлъ договорить эту первую строфу, какъ Верстовскій остановилъ его, и даже на хорахъ ясно было слышно, какъ онъ объявилъ, что «такъ просто читать нельзя»... Затѣмъ, онъ началъ показывать, какъ надо это дѣлать. «Возвеселись!» — при этомъ непременно надлежитъ поднять правую руку къ верху, отдѣля отъ нея указательный палецъ, и держать ее въ такомъ положеніи до конца первой строки. Затѣмъ, при произнесеніи третьей и четвертой строкъ слѣдовало руку опустить и только немного потрясать ею до конца первой строфы. Такимъ образомъ всѣ стихи должны были быть сказаны съ разнообразными жестами. Бѣдника Чернышевъ повиновался молча и, согласно этимъ указаніямъ, продекламировалъ стихи, даже во время акта. Необходимо сказать, что это былъ тотъ самый Чернышевъ, который впоследствии сдѣлался извѣстенъ, какъ любитель-актеръ и съ огромнѣйшимъ успѣхомъ игралъ на сценѣ московскихъ Императорскихъ театровъ шекспировскія роли, преимущественно Гамлета.

Обѣдню и все, что видѣлъ послѣ нея, я уже очертилъ въ предыдущихъ главахъ, а торжественный актъ начался часовъ въ семь вечера. Не очень обширная актовая зала была почти сплошь заставлена стульями, въ нѣсколько рядовъ, а впереди, вокругъ каедръ, былъ установленъ довольно обширный кругъ кресель, исключительно для важныхъ особъ. Очень быстро въ залѣ распространились такая жара и духота, что трудно было выносить, но уходить изъ нея было нельзя, подъ страхомъ лишиться возможности попасть туда снова. Было установлено, что входъ въ залу будетъ допущенъ для всѣхъ, кромѣ студентовъ и особоважныхъ лицъ, не иначе, какъ по билетамъ, но, должно быть, первое время за этимъ слѣдили не очень строго, и зала наполнялась такъ быстро, что были приняты мѣры болѣе энергичныя. Для лицъ важныхъ, входившихъ безъ билета, былъ открытъ особый ходъ, черезъ желѣзныя, рѣшетчатыя двери, ведущія въ одну изъ залъ университетской бібліотеки,

и у этихъ дверей ихъ встрѣчало и привѣтствовало высшее университетское начальство; а для публики болѣе обыкновенной предназначался входъ подъ хорами, который былъ охраняемъ университетскимъ полиціймейстеромъ, штабсъ-ротмистромъ Новиковымъ, отбиравшимъ билеты. Когда высшее начальство прибыло уже все, то безбилетная публика, испытавъ энергическій отпоръ у входа, охраняемаго Новиковымъ, сдѣлала быструю диверсію и неудержимымъ потокомъ хлынула къ желѣзнымъ дверямъ. Бѣдняга Новиковъ, вѣроятно, уже успѣвшій получить хорошій нагоняй за то, что напустилъ много лишней публики, поспѣшно заперъ на ключъ входъ подъ хорами и со всѣхъ ногъ бросился къ желѣзной двери, въ которую уже успѣло проскользнуть нѣсколько счастливицевъ, бывшихъ впереди. Самымъ отчаянно-энергичнымъ движеніемъ онъ захлопнулъ обѣ половины дверей, болѣе похожихъ на ворота, и началъ ими оттискивать назадъ все болѣе напиравшую публику, которая не очень-то охотно поддавалась этому маневру. Но, наконецъ, Новиковъ все-таки одолѣлъ и, торжествуя, повѣсилъ на двери огромнѣйшій замокъ, ключъ отъ котораго упряталъ въ карманъ. Передовые инсургенты все-таки не смирились и начали пробовать надавить рѣшетчатую дверь, но, вѣроятно, она не такъ-то легко подавалась, и они оказались положительно къ ней придавленными, такъ какъ задняя публика продолжала напирать. Зрѣлище это представляло нѣчто въ родѣ звѣринца, такъ какъ ломившаяся публика была самая разнообразная. Отбивъ силою штурмъ инсургентомъ, бѣдный Новиковъ опять устремился къ своему прежнему посту, у котораго также уже успѣло собраться изрядное число чающихъ движенія воды, но публика эта была уже иного сорта: все мундиры, съ бѣлыми штанами, а нѣкоторые и съ дамами, разодѣтыми по-бальному. Здѣсь сила была не у мѣста; полиціймейстеръ уже очень нѣжно обращался къ каждому, желающему войти, очень деликатно прося его предъявить билетъ.

Главнымъ и даже чуть ли не единственнымъ говорящимъ лицомъ на этомъ актѣ былъ все тотъ же Степанъ Петровичъ Шевыревъ; даже можно, кажется, утвердительно сказать, что онъ былъ вполнѣ единственнымъ, потому что, помнится, онъ же, въ качествѣ секретаря совѣта, читалъ, обычный на всѣхъ актахъ, годовой отчетъ. Онъ же говорилъ устами студента Чернышева, и онъ же, битыхъ два часа, пронесъ какую-то рѣчь, которую едва-ли кто слушалъ. Впрочемъ, этотъ актъ не одинъ разъ описанъ во всѣхъ его подробностяхъ, и мнѣ нѣтъ надобности о немъ распространяться. Актъ продолжался часовъ до двѣнадцати, и думаю, что всѣ находившіяся на немъ высокопоставленные лица, какъ, напримѣръ: митрополитъ Филаретъ, графъ Закревскій, Ермоловъ и, въ особенности, оберъ-егермейстеръ графъ Гудовичъ, были очень довольны, когда онъ окончился.

Въ залѣ, гдѣ обѣдали студенты 14-го числа, для профессоровъ и вообще всего университетскаго начальства былъ накрытъ столъ особый, и за этимъ же столомъ, вмѣстѣ съ ними, обѣдалъ и самъ министръ народнаго просвѣщенія, почтеннѣйшій и симпатичнѣйшій старецъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, авторъ извѣстнаго «Путешествія ко святымъ мѣстамъ», извѣстный также и своимъ глубокимъ благочестіемъ, нисколько непохожимъ на то ханжество, какимъ отличался его предшественникъ, князь П. А. Ширвинскій-Шихматовъ. Министръ пріѣхалъ въ Москву наканунѣ дня, назначеннаго для юбилея, и остановился въ самомъ зданіи стараго университета, у инспектора Э. Э. Веселаго. Его первое появленіе между студентами было въ университетской церкви, во время всеобщей, происходившей наканунѣ, 12-го января; его наружность и обращеніе произвели на всѣхъ впечатлѣніе, внушавшее почтеніе и симпатію, которыя удваивались тѣмъ, что старецъ оказался инвалидомъ, потерявшимъ ногу въ Бородинскомъ сраженіи, чего многіе прежде не знали. Постукивая своею деревяшкою, министръ, войдя въ церковь, направился прямо къ группѣ студентовъ и усѣлся между ними на принесенномъ, вслѣдъ за нимъ, низенькомъ складномъ креслѣ. До начала и потомъ, по окончаніи всеобщей, онъ все время ласково разговаривалъ со студентами, а одинъ изъ моихъ товарищей удостоился даже такой ласки, что министръ все время держалъ его за руку; на этомъ же самомъ мѣстѣ онъ и на другой день просидѣлъ всю обѣдню, облеченный въ синій, расшитый золотомъ мундиръ, который очень украшалъ его почтенную и благодушную фигуру. Во время описываемаго обѣда, когда министръ предложилъ обычный тостъ за процвѣтаніе университета, то нѣсколько подпившихъ студентовъ бросились къ нему, подхватили на руки и начали качать и подкидывать. Старецъ благодушно вытерпѣлъ эту глупѣйшую процедуру, и когда, наконецъ, освободился отъ нея, то обратился къ намъ съ рѣчью, въ которой съ замѣтнымъ чувствомъ сказалъ, что этотъ день навсегда останется въ его памяти, наравнѣ съ днемъ Бородинскаго сраженія, когда онъ имѣлъ счастье потерять ногу за отечество. На другой (а, можетъ быть, и на третій—не помню) день послѣ этого, насъ собрали въ круглую залу инспекторской квартиры, и мы застали тамъ въ сборѣ уже почти всѣхъ профессоровъ, а чрезъ нѣсколько минутъ, изъ внутреннихъ комнатъ, въ сопровожденіи хозяина, то-есть Федосея Федоровича, къ намъ вышелъ министръ. Остановясь посреди залы, онъ заговорилъ своимъ мягкимъ и добрымъ голосомъ: «Господа! сейчасъ только я былъ въ храмъ Божию. Тамъ не было никого, кромѣ меня и священника, и никто не мѣшалъ мнѣ молиться. И знаете ли, за кого я молился? За тѣхъ почтенныхъ профессоровъ и за тѣхъ прекрасныхъ студентовъ, которыхъ теперь я вижу предъ собою. Говорю все это отъ чистаго сердца: никогда, до

*

сихъ поръ, мнѣ еще не случалось видѣть такого избраннаго состава и учащихся и учащихся». Затѣмъ, обратясь къ профессорамъ, онъ прибавилъ: «укажите мнѣ, господа, сами, кого изъ васъ мнѣ обнять на прощанье!» Старички-профессоры засуетились и зашептались между собою и, наконецъ, Андрей Ивановичъ Польш, съ тою улыбкою, немного подобострастною, которая всегда у него появлялась при разговорахъ съ начальствомъ, произнесъ: «Александра Григорьевича Фишера, ваше высокопревосходительство!» При этомъ, онъ же самъ выдвинулъ впередъ маленькаго ростомъ и какъ бы высушеннаго профессора-ботаника, который и выступилъ съ подобающимъ благоговѣніемъ въ довольно грузныя объятія почтеннаго начальника.

Отъ университетскаго юбилея переходу къ Московскому Большому театру, сгорѣвшему въ 1853 году и остававшемуся въ такомъ видѣ до 1856-го года, когда онъ былъ возобновленъ ко дню коронаціи императора Александра II. Представленія всякаго рода происходили въ одномъ только Маломъ театрѣ.

Драматическая труппа того времени особенно многочисленна не была, но зато какіе крупнѣйшіе таланты сіяли въ ней: Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Васильевъ, Живокини (отецъ), Никифоровъ! Кому не извѣстны эти имена и кто изъ видѣвшихъ когда-либо ихъ игру можетъ ее забыть, или сравнить съ нею игру хотя кого-либо изъ настоящихъ? По моему сужденію въ число этихъ звѣздъ первой величины было бы вполне справедливо включить и еще двоихъ, хотя и не пользовавшихся равною съ ними славой и теперь, быть можетъ, уже вовсе позабытыхъ, а именно: Соколова и Востокова. Первый изъ нихъ игралъ почти постоянно въ водевиляхъ, въ роляхъ такъ называемыхъ «благородныхъ отцовъ», а изъ ролей серьезныхъ я помню его въ одной: Земляники въ «Ревизорѣ», которая, впрочемъ, также отчасти имѣетъ характеръ нѣсколько водевильный. Игра его была очень симпатична, и въ ней былъ виденъ какой-то, если можно такъ выразиться, внутренний, тихій и безпретенціозный комизмъ, и я всегда съ глубокимъ наслажденіемъ слушалъ фразы и даже отдѣльныя слова, произносимыя его мягкимъ, своеобразнымъ голосомъ, въ которомъ постоянно звучала какая-то живая нота. Въ особенности онъ былъ почти неподражаемъ въ томъ мѣстѣ роли Земляники, когда на замѣчаніе Хлестакова о томъ, что давеча онъ, кажется, былъ немного ниже ростомъ, онъ, немного подумавъ и какъ бы наконецъ что-то сообразя, пресерьезнымъ тономъ отвѣчаетъ: «а очень можетъ быть!». Или немного послѣ: когда, выложивъ передъ Хлестаковымъ всѣ свои достоинства, онъ вдругъ встаетъ, подходит къ нему и, наклонясь къ его уху, уже нѣсколько фамильярно, начинаетъ кляузничать: «а вотъ здѣшній судья...» и такъ далѣе. Востоковъ игралъ довольно рѣдко и по большей части въ водевиляхъ

своего же сочиненія, которыя, сколько помнится, были всегда забавны и не лишены остроумія, а также иногда исполнялъ роль Загорѣцкаго въ «Горѣ отъ ума», то-есть ту, которую обыкновенно игралъ Шумскій. Послѣдній былъ хорошъ безусловно, всегда и вездѣ, но собственно въ этой роли, сравнивая двухъ названныхъ исполнителей я, по моему личному взгляду, отдаю положительнo Востокову преимущество. Шумскій былъ какъ-то слишкомъ благороденъ для этой роли и не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ, усвоить себѣ всѣ необходимыя для тонкости созданія роли манеры, которыми удивительно художественно передавалъ Востоковъ. Верхомъ совершенства у этого послѣдняго выходилъ тотъ моментъ, когда Загорѣцкій, сначала выдвинувшися впередъ, вдругъ «пропадаетъ» послѣ словъ Хлестовой: «плутышка онъ, картежникъ, воръ...» и такъ дагѣ.

Рядомъ съ именами двухъ названныхъ артистовъ, то-есть Соколова и Востокова, слѣдуетъ поставить также и имя Разсказова, впрочемъ, появившагося на сценѣ нѣсколько позже. Въ то время онъ былъ еще только начинавшій свою дѣятельность юноша, но уже подававшій надежду замѣнить собою Васильева, о которомъ ходили слуха, что онъ скоро покинетъ вовсе сцену. Говоря объ остальныхъ артистахъ мужскаго персонала тогдашней труппы, ихъ можно, и даже должно, раздѣлять (упомянутые выше отсюда, конечно, исключаются) только на двѣ группы: недурныхъ и изъ рукъ вонъ плохихъ. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести: Ленскаго, Степанова, Дмитревскаго, Полтавцева, Нѣмчинова и пожалуй, въ нѣкоторыхъ роляхъ — Черкасова. Впрочемъ, этотъ послѣдній представлялъ собою какъ бы переходную ступень отъ первой группы ко второй, а къ этой второй и послѣдней, безъ всякихъ возраженій, принадлежали: Колосовъ, Усачевъ, Ольгинъ и Леонидовъ. Были, кажется, еще какіе-то, но припомнить ихъ теперь я уже не могу...

Женскій персоналъ труппы составляли: Сабурова 1-я (мать), Кавалерова, Львова-Синецкая, Акимова, Рыкалова; все это были такъ называемыя «старухи», хотя, можетъ быть, въ то время и не всѣ онѣ были дѣйствительными старухами. Молодыя же, и по лѣтамъ и по ролямъ, артистки были: Васильева, или какъ ее писали въ афишахъ: Лаврова-Васильева, Никулина-Косицкая, Бороздина 2-я, Медвѣдова, Колосова, Воронова, Сабурова 2-я (дочь)... а больше, помнится, и никого не было...

Начну съ тогдашняго патриарха московской сцены, то-есть Михаила Семеновича Щепкина. Еще съ дѣтства я не только слышалъ и читалъ о немъ много, но даже и съ его наружностью былъ знакомъ по портретамъ. Въ то время когда я поселился въ Москвѣ, Щепкинъ путешествовалъ за границею и возвратился только въ началѣ, а быть можетъ даже и въ концѣ 1854-го года. Первый спектакль, въ которомъ

онъ участвовалъ по возвращеніи и въ которомъ видѣлъ его я, была пьеса Гоголя «Игроки», и въ ней онъ игралъ роль Степана Степановича Утѣшительскаго. Когда Щепкинъ появился на сценѣ, то какъ будто по данному сигналу весь театръ, съ верху до низу, началъ хлопать въ ладоши какъ одинъ человѣкъ, и аплодисменты эти вовсе не были сопровождаемы ни криками, ни топаньемъ ногъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ большинствѣ случаевъ выраженія восторга публики. Эти, если можно такъ выразиться, молчаливые аплодисменты, не умолкая и не ослабѣвая ни на секунду, продолжались минутъ, по крайней мѣрѣ, пять, въ теченіе которыхъ старикъ, хотя и почтительно, но довольно холодно кланялся во всѣ стороны; но какъ только онъ сдѣлалъ движеніе, показывавшее, что онъ желаетъ начать играть, они опять загремѣли съ удвоенною силою. И такимъ образомъ, все это прерывалось и возобновлялось нѣсколько разъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, минутъ двадцати, такъ что, подъ конецъ, у растроганнаго и видимо взволнованнаго старика на глазахъ показались слезы; онъ схватилъ себя обѣими руками за сердце, сдѣлалъ низкій общій поклонъ и чуть-чуть не расплакался. Когда, наконецъ, публика смиловалась и дозволила ему начать роль, то онъ уже довольно долго не былъ въ силахъ сдѣлать этого, пока въ немъ не возстановилось необходимое спокойствіе.

Игра Щепкина была безспорно удивительна и преимущественно тѣмъ, что въ его дикціи не было никогда ни одного положительно слова, которое можно бы было назвать произнесеннымъ, какъ говорится, на вѣтеръ; то-есть: каждое слово, имъ произносимое, непременно имѣло выраженіе, соответствовавшее тому смыслу, который вложилъ въ него авторъ, и произносилъ онъ его всегда какъ разъ съ тою степенью силы, какая ему была нужна. Подобная игра возможна только при имѣннн, кромѣ ума и глубокой наблюдательности, соединенной съ обдуманностью роли, — еще и большаго навыка къ сценѣ. Игра Щепкина, была дѣйствительно удивительна; слушая ее, нельзя было не сознавать, что его слава заслужена вполне; но его талантъ, какъ художника, по моему мнѣнію, былъ далеко ниже талантовъ Шумскаго, Садовскаго и, пожалуй, даже и Васильева. Онъ не былъ именно такимъ художникомъ, который способенъ воплощаться въ изображаемое лицо и на время становиться другимъ человѣкомъ. Всегда и вездѣ передъ глазами зрителя впереди каждой роли былъ все одинъ и тотъ же многопочтеннѣйшій Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, которому, въ тотъ или другой моментъ, захотѣлось назваться Утѣшительнымъ, или Кочкаревымъ, или Фамусовымъ; а эту послѣднюю роль, опять таки по моему личному сужденію, онъ даже и исполнялъ вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало, и положительно не передавалъ многихъ ея тонкихъ оттѣнковъ. Талантами воплощаться въ играемую роль были въ высшей степени одарены Шум-

скій, Садовскій, а въ нѣкоторыхъ роляхъ и Васильевъ; первый же изъ нихъ безспорно можетъ быть названъ гениемъ, заслуживающимъ даже монумента. Объ его игрѣ можно было бы написать цѣлые томы, а глядя на него, невозможно было не чувствовать удивленія тому искусству, съ которымъ онъ преображался то въ тотъ, то въ другой типъ, въ созданіи котораго онъ участвовалъ никакъ не менѣе самого автора. Даже и въ такихъ роляхъ, гдѣ Шумскій могъ сохранять свою собственную наружность, не прибѣгая къ сложной гримировкѣ, онъ умѣлъ быть постоянно разнообразенъ, именно своимъ великимъ искусствомъ передавать самыя тончайшіе оттѣнки изображаемаго типа, и никто не имѣлъ права сказать, что Шумскій, напримѣръ, Вихоревъ («Не въ свои сани не садись» Островскаго) похожъ на Шумскаго-Хлестакова. Всегда же и вездѣ онъ всего болѣе поражалъ зрителя, даже въ пустыхъ водевильныхъ роляхъ, какимъ-то, такъ сказать, внутреннимъ благородствомъ, какою-то постоянно его одушевлявшею мыслью, не засыпавшею ни на минуту и освѣщавшею ярко каждый его жестъ, каждый взглядъ, каждый оттѣнокъ голоса. Передъ вами какъ будто воочию совершался процессъ творчества.

Провъ Михайловичъ Садовскій былъ также, безспорно, однимъ изъ величайшихъ художниковъ; но мнѣ кажется, что далеко не всѣ роли, или типы, были ему одинаково по силамъ, а еще менѣе того были согласны съ особенностями его природы. Въ роли, напримѣръ, Русакова («Не въ свои сани не садись») его игра была верхомъ совершенства и вѣнцомъ художественнаго исполненія. Вы видѣли передъ собою типъ въ каждомъ мельчайшемъ движеніи артиста: въ томъ, какъ онъ входилъ, глядѣлъ, садился, держалъ въ рукахъ шляпу, или пилъ чай—что все, впрочемъ, не особенно трудно для исполнителя, при умѣ и наблюдательности; но вмѣстѣ съ этимъ, вы видѣли также и даже нехотя, понимали, что такъ сомнѣваться, такъ скорбѣть, такъ сердиться или такъ радоваться, какъ дѣлалъ это Садовскій—способенъ только именно стоящій передъ вами, живой, русскій купецъ Максимъ Фодотычъ Русаковъ, или изображающій его великій художникъ. Гораздо менѣе мнѣ нравилось, или лучше сказать не нравилось вовсе, исполненіе Садовскимъ роли Любима Торцова («Бѣдность не порокъ»), въ свое время надѣлавшее столько шума, наплодившее столько толковъ и производившее невозможный фуроръ довольно долгое время. Другимъ «вѣнцомъ созданія» Садовскаго была роль Подколесина въ «Женитьбѣ» Гоголя. Третьимъ, наконецъ, самороднымъ перломъ игры Садовскаго было исполненіе роли Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго»; это было, впрочемъ, уже нѣсколько позже описываемаго времени и объ этомъ его исполненіи написано столько, что уже ничего новаго сказать болѣе нельзя.

Тетка Шумскаго, и по имени и по отчеству, Сергѣй Васильевичъ Васильевъ былъ собственно комикомъ водевильнымъ и, играя въ самыхъ даже пустыхъ пьескахъ, всегда умѣлъ возбуждать въ зрителяхъ истинно-задушевный смѣхъ, никогда не прибѣгая къ шутловству, но игралъ онъ не въ однихъ только водевиляхъ, и у него были роли такъ высоко-художественно исполняемыя, что его по справедливости слѣдуетъ поставить рядомъ съ Шумскимъ и Садовскимъ. Таковой, и пожалуй лучшей изъ всѣхъ, была роль Вани Бородинна, все въ той же «Не въ свои сани не садись», и, глядя на игру Васильева въ ней, было ясно, что не одинъ только смѣхъ способенъ онъ возбуждать, какъ думали прежде, во и слезы и душевныя волненія. Что же касается его таланта собственно комическаго, то онъ былъ самороденъ, какъ самоцвѣтный камень, и положительно неподражаемъ; даже въ его голосѣ было что-то особенное и въ немъ какъ будто постоянно закипала смѣхъ, даже тогда, когда онъ говорилъ серьезно. Способность его возбуждать въ зрителѣ постоянный, искренній, свѣжій и неудержимый смѣхъ усиливалась еще и тѣмъ, что иногда было замѣтно, какъ онъ, произнося ту или другую, уже очень смѣшную фразу, самъ едва удерживается, чтобы не захохотать, а между тѣмъ его лицо постоянно сохраняло самый серьезный, почти даже мрачный видъ; его жесты и движенія были комичны какъ-то сами собою, безъ малѣйшаго усилія.

Умѣлъ смѣшнить публику также и Живокини, но его комизмъ былъ не такого сорта, какъ комизмъ Васильева. Живокини, если хотите, въ сущности былъ не болѣе какъ шутъ, но въ этомъ шутѣ все-таки было что-то такое, безъ чего московская сцена была бы не полна и чего вы бы не промѣнили на очень многое серьезное. Сама наружность его была какъ будто намѣренно приспособлена природою къ тому, чтобы возбуждать смѣхъ; нерѣдко ему стоило только появиться на сценѣ, и по театру мгновенно раздавался самый искренній и неудержимый взрывъ хохота. Ни въ одной серьезной пьесѣ, во всю свою жизнь, Живокини ни за одну роль не брался, но зато въ водевиляхъ—былъ положительно незамѣнимъ, и въ настоящее время врядъ ли возможно даже какое-либо подобіе той искренней веселости, какую онъ пробуждалъ въ массѣ зрителей своими, часто даже имъ самимъ изобрѣтенными, шуточками.

Точно такъ же своеобразно и неподражаемо былъ хорошъ въ водевильныхъ роляхъ и старикъ Никифоровъ, а изъ серьезныхъ—лучшими его ролями были: Бобчинскаго въ «Ревизорѣ» и Жевакина въ «Женитьбѣ»...

Теперь мнѣ остается еще сказать объ одной тогдашней звѣздѣ первой величины, которая впрочемъ и послѣ этого времени долго и ярко свѣтила на горизонтѣ московской сцены, хотя свѣтъ ея получилъ въ послѣдствіи и иной колоритъ, и иную силу. Я говорю

о Самаринѣ, который въ описываемую пору былъ единственнымъ московскимъ *jeune premier*, если не считать ничтожныхъ Черкасова и Колосова. Игра его была, безспорно, изящна и благородна всегда и вездѣ. Если сравнить собственно благородство его игры съ благородствомъ же игры Шумскаго, то, пожалуй, въ нихъ было можно найти слѣдующую разницу: у Шумскаго оно являлось какъ будто изнутри, безъ всякаго усилія съ его стороны, и какъ солнце изза тучъ освѣщало каждое его движеніе; а у Самарина оно было по преимуществу внѣшнее, или джентельменское, то-есть прежде всего бросалось въ глаза изящество его фигуры, одежды и манеръ. Но тѣмъ не менѣе и внутреннія достоинства его игры были очень не малоцѣнны, хотя не могу не выразить своего сужденія, что въ ней гораздо болѣе участвовали его умъ и образованность, нежели врожденный талантъ: всегда же и вездѣ, какую бы роль онъ ни игралъ, намъ постоянно звучала одна и та же нота какой-то сентиментальности, то-есть натянутой чувствительности.

Ленскій, Степановъ, Дмитревскій и Нѣмчиновъ были очень добро-совѣстные, далеко не молодые исполнители разныхъ второстепенныхъ ролей, но ни одинъ изъ нихъ уже вовсе не отличался никакою своеобразностью.

Послѣднюю группу актеровъ, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ *плохими*, составляли нижеслѣдующія лица: Черкасовъ и Колосовъ; оба были тогдашними «женъ-премьерами» московской сцены, а послѣдній, въ случаѣ надобности, изображалъ также королей, князей и бояръ.

Къ этому же третьему или, лучше сказать, къ особому, четвертому сорту принадлежалъ и еще одинъ. Этотъ актеръ былъ Леонидовъ. Онъ, какъ я узналъ уже много лѣтъ спустя послѣ того, какъ его видѣлъ, игралъ впоследствии трагическія же роли также и на петербургской сценѣ; а изъ его собственныхъ записокъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», мнѣ стало извѣстнымъ то, что и ранѣе описываемаго времени, то-есть до игры въ Москвѣ, онъ также игралъ въ Петербургѣ, но только второстепенныя роли. Къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ не случалось его видѣть во второй періодъ его петербургской дѣятельности; для сужденія же о первомъ можно имѣть готовый матеріалъ изъ тѣхъ же, упомянутыхъ выше, его записокъ. Перечисляя игравныя имъ еще при Каратыгинѣ 1-омъ роли, Леонидовъ, между прочимъ, говоритъ, что въ пьесѣ «Велизарій» онъ игралъ роль «вандала» и за ея исполненіе удостоился получить слѣдующій отзывъ Бѣлинскаго: «...роль «вандала» игралъ Леонидовъ и сыгралъ ее какъ настоящій вандалъ...» Не знаю, вслѣдствіе ли своей наивности, или по какимъ другимъ причинамъ, авторъ записокъ подозрѣваетъ въ

этомъ отзывѣ величайшую похвалу; а между тѣмъ, кто же изъ когда-либо читавшихъ рецензіи Бѣлинскаго не пойметъ настоящаго смысла цитированныхъ словъ?

Женскій персоналъ тогдашней московской труппы имѣлъ (повторю опять—по моему личному мнѣнію) гораздо менѣе талантовъ, нежели мужской. Мнѣ кажется, что истинными талантами можно было назвать только двухъ старухъ: Сабурову 1-ю и Кавалерову. Бородина 2-я (я не знаю, почему ее такъ называли, никакой первой Бородиной тогда на сценѣ не было) была молодая, очень милая, недурная собою и веселая толстуха, съ черненькими, живыми глазками и недурнымъ голоскомъ, которымъ пѣвала преимущественно русскія пѣсни; а въ pendant къ ней можно назвать Никулину-Косицкую, которая была также толстуха, также недурна собою и хотя не очень уже молодая, но за то имѣла прекрасный, сильный и хорошо выработанный голосъ.

Ставшія впоследствии очень громкими знаменитостями—Акимова и Васильева, въ то время называвшаяся Лавровой-Васильевой, уже и тогда появлялись на сценѣ настолько часто, что почти не было ни одной пьесы, въ которой бы не участвовала, по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, а нерѣдко и обѣ вмѣстѣ. Несмотря на то, что характеры тѣхъ ролей, которыя ими исполнялись, были совершенно различны—я говорю о нихъ вмѣстѣ потому, что, на мой взглядъ, у обѣихъ была одна общая черта—обѣ онѣ были артистки очень умныя, очень добросовѣстныя въ изученіи ролей и опытыя въ искусствѣ; но... да простить мнѣ читатель! на мой взглядъ, истиннаго таланта все-таки не было ни у одной.

Почти къ той же категоріи, какъ и двухъ предыдущихъ, можно отнести и Медвѣдеву, которая въ то время была еще очень молодая, но уже довольно часто появлялась передъ публикою. Я сказалъ: почти, потому что игра двухъ первыхъ была все-таки выше во многихъ отношеніяхъ, а своеобразнаго таланта не было и у Медвѣдовой.

Заканчивая мои воспоминанія о тогдашнемъ московскомъ театрѣ, я не могу не высказать, что тѣ впечатлѣнія, которыя бывали испытываемы зрителями игры: Шумскаго, Садовскаго, Васильева и другихъ, хотя бы и менѣе ихъ, но все же великихъ художниковъ, уже навсегда исчезли для человѣчества, и тотъ, кто не испыталъ ихъ самъ—не будетъ въ состояніи даже понять, каковы они были.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Жизнь въ Москвѣ.—Родные и знакомые.—Отъездъ въ Петербургъ—Испекторъ студентовъ Фицтумъ.—Оберъ-полиціймейстеръ Галаховъ.—Поступленіе въ военную службу.

Раскававъ все то, что мнѣ было извѣстно объ общественныхъ событіяхъ Москвы моего времени, я перейду къ воспоминаніямъ о тѣхъ московскихъ домахъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать и, вообще, о тѣхъ лицахъ, съ которыми былъ знакомъ.

Въ то время жилъ въ Москвѣ двоюродный братъ моей матери, П. П. Римскій-Корсаковъ, а такъ какъ въ то время родство, даже самое отдаленное, имѣло значеніе въ отношеніяхъ людей между собою, то мой отецъ, хотя и не былъ особенно близко знакомъ съ семействомъ его, по пріѣздѣ въ Москву, счелъ долгомъ меня ему представить. Меня приняли очень радушно и пригласили бывать, что я и дѣлалъ впоследствии даже очень часто. П. П. хотя и принадлежалъ къ числу дворянъ нашей губерніи, но чуть ли не съ самаго ранняго дѣтства не жилъ на родинѣ, въ теченіе всей жизни служилъ въ Москвѣ, гдѣ и женился. Въ то время, когда я началъ его знать, онъ занималъ должность переводчика въ иностранной экспедиціи московскаго почтамта. Человѣкъ онъ былъ очень серьезный, и наружность его на взглядъ казалась невозмутимо-холодною, взглядъ—неизмѣнно-стальнымъ, а движенія его были постоянно ровны и какъ-то медлительно-спокойны. Говорилъ онъ всегда однимъ тономъ, не возвышая и не понижая голоса, и я почти не видѣлъ его никогда въ веселомъ расположеніи духа или даже улыбающимся. Впрочемъ, въ то время, о которомъ я говорю, П. П. уже, видимо угасалъ, страдая постоянно отъ той болѣзни, которая заставила его, въ скоромъ времени, сначала оставить службу, а потомъ свела его и въ могилу.

П. П. былъ женатъ на княжнѣ Шаховской, родной племянницѣ когда-то очень извѣстнаго писателя, и въ то время, когда я началъ бывать въ ихъ домѣ, семейство ихъ состояло изъ четырехъ сыновей и дочери. Глубокочтимая В—а В—на была такою подругою жизни своего мужа, что не только въ настоящее время, но даже и тогда врядъ-ли скоро можно было найти ей подобную. Всю свою жизнь она посвящала заботамъ о немъ, и даже спустя уже долгое время послѣ его смерти при ней остерегались произносить его имя, или вообще чѣмъ-нибудь о немъ напомнить—такъ сильно на нее это дѣйствовало. Любовь и самоотверженіе были какъ-будто природою этой женщины; и послѣ смерти мужа она точно такъ же отдавалась заботамъ о дѣтахъ и ими только и жила. Много испытаній послано было ей судьбою, но

она твердо переносила ихъ, пока, наконецъ, не сломилась и ея жельзная энергія. Изъ всѣхъ ея дѣтей судьба была благосклонна только къ дочери: она вышла замужъ за прекраснаго человѣка и въ настоящее время сама мать многочисленнаго семейства.

Въ началѣ того времени, когда я началъ бывать въ домѣ Корсаковыхъ, я также познакомился съ княжною Шаховскою, жившею въ собственномъ домѣ, у Троицы, въ Сыромятникахъ. Не знаю, найдется ли въ моемъ перѣ достаточно красокъ для того, чтобы объяснить читателю всю прелесть, свѣжесть и изящество, и теплоту того впечатлѣнія, которое производилъ этотъ милый, свѣтлый, тихій уголокъ. Все то, что ощущается при чтеніи рассказовъ графа Л. Н. Толстаго или Тургенева, чѣмъ, такъ-сказать, дышать и благоухать ихъ описанія жизни прежнихъ московскихъ дворянскихъ семей—не тѣхъ, которыя проживали безчисленные доходы въ огромныхъ дворцахъ, со львами на воротахъ, а болѣе скромныхъ, но быть можетъ и болѣе сохранившихъ на себѣ печать и древности рода, и изящества воспитанія—все это ощущалъ я именно здѣсь. Къ этому уголку всего лучше могло быть примѣнено названіе, данное Тургеневымъ лучшему изъ его произведеній: это было именно «дворянское гнѣздо». Въ отдаленной отъ центра шумной столицы части ея, недалеко отъ церкви Троицы, такъ-называемой въ Сыромятникахъ, стоялъ небольшой, сѣрый домъ, окруженный садикомъ. Еще издали онъ смотрѣлъ на васъ такъ весело, какъ-будто манилъ заглянуть въ него и отогрѣть свою душу въ той средѣ, какая должна тамъ существовать, въ той жизни, какая тамъ происходить. Вы входили въ свѣтлую и довольно просторную переднюю, и тамъ васъ радушно привѣтствовала достопочтенный Сильверстъ, (такъ всѣ его называли въ домѣ), полновластный хозяинъ этой передней и единственный въ домѣ слуга мужскаго пола, исключая повара, вучера и дворника, никогда въ комнатахъ не появлявшихся. Сильверстъ этотъ былъ подлѣйшимъ выраженіемъ типа старинныхъ и старыхъ крѣпостныхъ слугъ, а слѣдовательно, отчасти, оригиналь. Типъ этотъ описанъ и давно, и много разъ, и остается отиѣтатъ лишь личныя особенности его представителя: онъ былъ, какъ кажется, и честенъ, и не особенно нетрезвъ, а объ его преданности ходило немало рассказовъ анекдотическаго характера, изъ числа которыхъ я помню, къ сожалѣнію, только одинъ. Какъ-то разъ, покойный митрополитъ Филаретъ посѣтилъ церковь Троицы въ Сыромятникахъ и совершалъ тамъ обѣдню. Княжна не пропускала почти ни одной праздничной службы и постоянно стояла на отгороженномъ рѣшеткою мѣстѣ; такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Сильверстъ, по случаю пріѣзда митрополита, одѣтый въ парадную ливрею и самъ упросившій княжну ее сопровождать, во все время, которое прошло въ ожиданіи пріѣзда,

очень суетился: безпрестанно расталкивалъ народъ и, видимо, былъ озабоченъ очищеніемъ прохода отъ рѣшетки до мѣста, приготовленнаго митрополиту. Княжна, наконецъ, сама обратила вниманіе на эти маневры и просила стоявшаго по близости церковнаго старосту спросить у Сильверста—для чего онъ это дѣлаетъ?—«Да помилуйте!—отвѣчалъ тотъ тономъ, выражавшимъ полную увѣренность въ необходимости его дѣйствій.—Ну, а вдругъ митрополитъ захочетъ подойти къ ея сіятельству и поговорить! вѣдь надо же ему приготовить, куда пройти!» Вся остальная, довольно многочисленная, прислуга была женская, и ея общою начальницею была почтеннѣйшая и милѣйшая Анна Антоновна, которая вмѣстѣ была и камеръ-фрау княжны. На всей этой прислугѣ какъ-будто лежалъ отпечатокъ какой-то внутренней связи съ господами и домою, гдѣ она жила, и, несмотря на то, что я бывалъ тамъ чуть не каждый день, я ни разу ни на одномъ лицѣ не замѣтилъ даже и тѣни неудовольствія или затаенной печали, какъ это нерѣдко встрѣчалось во многихъ помѣщичьихъ домахъ. Всѣ лица были всегда веселы; и я не помню, чтобы когда-нибудь слышалъ даже выговоръ, сдѣланный прислугѣ. Самой княжнѣ въ то время было уже лѣтъ подь сорокъ, но она еще сохраняла слѣды замѣчательной красоты, хотя не казалась, да вовсе и не старалась казаться, моложе своихъ лѣтъ. Тихій, но вовсе не мертвый порядокъ царилъ во всемъ домѣ, и все тамъ было такъ уютно, что какъ-будто свѣтлѣло на душѣ у каждого, кто туда входилъ (по крайней мѣрѣ, я долженъ сказать это о себѣ самомъ). Необходимо сказать, что еще съ давнихъ поръ постоянно и какъ-будто необходимою принадлежностью дома княжны были, по крайней мѣрѣ, одинъ, а иногда и нѣсколько студентовъ университета. Они слѣдовали другъ за другомъ въ порядкѣ поколѣній, и на мѣсто выбывшаго сейчасъ же появлялся новый, а всѣ они были извѣстны знакомымъ; княжны подъ общимъ названіемъ «сыромятниковскихъ студентовъ».

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ «сыромятниковскихъ студентовъ» изображалъ собою уже только одинъ Потѣхинъ, а взамѣнъ ихъ домъ княжны буквально наполнялся кадетами разныхъ корпусовъ. Каждое воскресенье или праздникъ туда являлись: три брата Корсаковыхъ, двое двоюродныхъ братьевъ князей Шаховскихъ, трое князей Д—хъ-С—хъ, и три брата М—хъ. Изъ нихъ я упомяну здѣсь только объ одномъ изъ князей Д—хъ-С—хъ, самомъ младшемъ. Онъ очень хорошо окончилъ курсъ въ корпусѣ, но затѣмъ обуялся духомъ такъ-называемаго «нигилизма». Сначала онъ поступилъ въ технологическій институтъ, но изъ этого ровно ничего не вышло; затѣмъ довольно долгое время проживалъ въ доставшемся ему по раздѣлу съ братомъ и сестрами имѣніи. Что онъ, собственно, дѣлалъ тамъ—это мнѣ достовѣрно

неизвѣстно, но помню, что онъ носилъ какой-то шутовской, якобы русскій, костюмъ, иногда надѣвалъ даже и полный, форменный мужицкій костюмъ, не исключая лаптей, и въ немъ появлялся гдѣ-нибудь въ обществѣ. Слышалъ отъ другихъ, что въ это же время онъ упражнялся въ хожденіи пѣшкомъ верстъ по пятидесяти и болѣе. Я въ то время жилъ въ губернскомъ городѣ, и онъ нерѣдко заходилъ ко мнѣ. Изъ разговоровъ его, а также и изъ всего вышесказаннаго, можно было заключить, что, дѣйствительно, онъ былъ одержимъ жаждою какой-то особой дѣятельности, но какой именно — не понималъ самъ; кончили онъ тѣмъ, что поступилъ простымъ рабочимъ въ каменноугольные копи, на югѣ, гдѣ и погибъ во время работы.

У княжны было довольно обширное знакомство по всей Москвѣ, но по отдаленности той мѣстности, гдѣ находился ея домъ, посѣтители необычныя бывали не особенно часто. Я здѣсь упомяну только о нѣкоторыхъ. Въ числѣ гостей бывали три сестры Н—вы, изъ которыхъ старшая была замужемъ, и уже въ то время была извѣстна, какъ писательница, печатавшая почти во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ огромное количество повѣстей, подъ псевдонимомъ Ольги Н. Вторая сестра, въ то время еще ничего не писавшая, впоследствии также начала печатать свои произведенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ именемъ «Толычевой», и сдѣлалась извѣстною гораздо болѣе старшей сестры, а младшая, помнится, занималась живописью. Исключительно съ праздничными визитами прѣзжалъ, не минуя, однако, ни одного, А. П. Е—въ, который былъ, отчасти, родственникомъ княжны. Онъ слылъ за ученаго и либерала, но иные злые языки утверждали, что вся его ученость состояла въ томъ, что когда-то, очень короткое время, онъ читалъ, въ качествѣ приватъ-доцента, географію въ Московскомъ университетѣ; а весь либерализмъ — исключительно въ томъ, что онъ состоялъ въ компаніи съ Катковымъ по изданію «Русскаго Вѣстника» и даже жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Кажется, впрочемъ, онъ печаталъ какія-то статьи, но я положительно не могу припомнить ни одной. Наружность онъ, однако, имѣлъ совершенно ученую: высокій лобъ, золотые очки и тому подобныя атрибуты, а говорилъ постоянно только «о камерахъ, присяжныхъ», вообще о «матеріяхъ важныхъ»; и если его нельзя отвести прямо ни къ одному изъ рѣзко очерченныхъ Грибоѣдовымъ типовъ, то все-таки, слушая его, когда онъ говорилъ о Катковѣ или вообще о компаніи «Русскаго Вѣстника», такъ и хотѣлось подсказать: «мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же взгляды!» Его либерализмъ былъ, сколько можно было понять изъ его разговоровъ, тотъ самый, давно извѣстный московскій либерализмъ, который обезсмертенъ словами той же безсмертной комедіи Грибоѣдова: «поспорятъ... пошумятъ...

и разойдутся»; впрочемъ, свои обязанности либерала онъ исполнялъ очень добросовѣстно.

Въ концѣ марта 1855 года, мы съ отцомъ и младшимъ братомъ Иваномъ собрались ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ. На третьи сутки мы прибыли въ столицу и остановились въ номерахъ противъ Знаменской церкви. Въ билетѣ, выданномъ мнѣ изъ Московскаго университета, до окончательнаго увольненія, которое обѣщали прислать по почтѣ, было сказано, что немедленно же по прїѣздѣ въ Петербургъ, я обязанъ явиться къ инспектору тамошняго университета, непременно въ мундирѣ, и предъявить ему мой билетъ. На другой же день я сказалъ объ этомъ отцу и отправился исполнять мою обязанность, думая воспользоваться этимъ временемъ также и для того, чтобы увидѣть хотя что-либо достопримѣчательное. Прогулка была не особенно короткая: надо было идти по Николаевскому мосту, такъ какъ тогда не существовало Исаакиевского, а затѣмъ вдоль всей набережной Невы, до зданія университета. Войдя въ сѣни, оказавшіяся мизернѣе нашихъ московскихъ, я засталъ тамъ что-то такое, что даже и на взглядъ человѣка, вошедшаго сюда въ первый разъ, не могло казаться обыденнымъ: швейцаръ стоялъ, вытянувшись въ струнку, и на мой вопросъ о томъ, могу ли я видѣть инспектора, даже и глазомъ не моргнулъ; студенты стояли какъ-то неподвижно, или посреди сѣней, или прижавшись къ стѣнамъ; и взгляды всѣхъ были устремлены на какого-то толстаго господина, въ пальто и шляпѣ, который, стоя посреди сѣней, стучалъ палкою объ полъ и что-то кричалъ очень громко. Поддался я и этой всеобщей паникѣ и невольно замеръ на мѣстѣ, рядомъ со швейцаромъ. Къ счастью, кричавшій господинъ не обратилъ на меня вниманія и вскорѣ, не снимая ни пальто, ни шляпы, ушелъ куда-то внутрь зданія. Только тогда швейцаръ сообщилъ мнѣ, что кричавшій господинъ былъ попечитель учебнаго округа. Услыша это послѣднее сообщеніе, я уже потерялъ охоту справляться о томъ, могу ли я послушать чтеніе какой-нибудь лекціи, а поспѣшилъ убраться, такъ какъ и до Москвы доходило немало слуховъ о томъ, что такое былъ тогдашній попечитель Петербургскаго учебнаго округа, М—ъ П—ъ. Я, однако, успѣлъ объяснить швейцару, въ чемъ заключается моя надобность къ инспектору, и онъ очень любезно посоветывалъ мнѣ прїѣхать завтра, только «пораньше». На другой день я опять прїѣхалъ, но также не засталъ инспектора, и это продолжалось нѣсколько дней сряду.

Инспекторъ студентовъ Петербургскаго университета, Александръ Ивановичъ Фицгумъ фонъ-Экштедтъ, былъ благообразный старичекъ, очень небольшого роста, съ чопорною, опрятною фигуркою и болѣзненнымъ, желтымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшими сѣдыми бакенбар-

дами, одѣтъ онъ былъ въ форменный фракъ, а на шеѣ висѣлъ Владимірскій крестъ. По-русски, впрочемъ, онъ говорилъ очень хорошо, и даже въ выговорѣ не было ни малѣйшаго иностраннаго акцента. Онъ повелъ меня по лѣстницѣ и по какому-то темному корридору, а когда онъ отворилъ дверь, то мы сразу очутились въ его кабинетѣ. Фицтумъ взялъ мой билетъ, усѣлся за письменный столъ и развернулъ какую-то огромную и толстую книгу, а пока онъ писалъ, я внимательно его разсматривалъ. Послѣ этого я встрѣтилъ Фицтума только одинъ разъ на Невскомъ проспектѣ, но онъ, не останавливаясь, проѣхалъ мимо.

Въ числѣ знаменитостей, видѣнныхъ мною въ Петербургѣ вскорѣ послѣ прїѣзда, былъ оберъ-полиціймейстеръ, генераль-адъютантъ Галаховъ. Слава Галахова гремѣла даже и въ провинціи, и еще въ дѣтствѣ я слышалъ множество рассказовъ не только о его распорядительности, строгости и безцеремонности его обращенія съ публикою, но даже и о его замѣчательномъ голосѣ, который, будто бы, узнають за нѣсколько улицъ. Рассказывали также и о томъ, что у него есть кучеръ, который обладаетъ такимъ же голосомъ и за этотъ свой талантъ получаетъ большія деньги отъ всѣхъ подчиненныхъ его господину лицъ; платять, говорили, ему только за то, чтобы онъ крикомъ своимъ предупреждалъ въ томъ случаѣ, когда генералъ желаетъ накрыть кого-нибудь врасплохъ. Самого Галахова я видѣлъ довольно часто, преимущественно въ первое время моего пребыванія въ Петербургѣ, но его кучера — только впоследствии и всего одинъ разъ. Какъ-то разъ, уже въ то время, когда поступалъ въ военную службу, я шелъ по Невскому и вдругъ повали себя услышалъ слово: «берегись!» — произнесенное такимъ басомъ, что я невольно вадрогнулъ. «Вѣрно Галаховъ», — подумалъ я, — и действительно, это былъ онъ, на своей, всѣмъ извѣстной, парѣ съ пристяжкой. Въ первый разъ я видѣлъ Галахова на разводѣ передъ Зимнимъ дворцомъ. Это былъ старикъ, по виду не менѣе лѣтъ шестидесяти, очень плотный по фигурѣ, съ круглымъ, какъ полная луна, лицомъ, какого-то безкровно-блѣднаго цвѣта и съ очень маленькими, блѣдыми, какъ лунъ, усиками. Публики, собравшейся поглядѣть на разводъ, въ числѣ которой были и мы съ отцомъ, было не особенно много; какъ разъ предо мною стояли два студента Петербургскаго университета, точно такъ же какъ я одѣтые въ мундиры и блѣлые перчатки, то-есть совершенно въ порядкѣ. Толпа публики стояла вдали и веда себя очень чинно, но вотъ, по краю ея, медленнымъ шагомъ пошелъ оберъ-полиціймейстеръ и началъ отодвигать передніе ряды назадъ. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, еще Николаевской, въ лосиныхъ и ботфортахъ, съ лентою Бѣлаго Орла черезъ плечо. Дойдя до стоявшихъ предо мной студентовъ, онъ вдругъ ударилъ одного изъ нихъ по рукѣ, такъ сильно, что звукъ удара раздался довольно громко и какъ изъ бочки рывкнулъ: «руки прочь!» Что дѣлалъ

студентъ со своими руками, или въ чемъ состояла его провинность— этого я не видѣлъ и не могъ понять, несмотря на всѣ усилія, но самый случай возбудилъ во мнѣ нѣкоторое недоумѣнiе. Роль, которую, во время моего пребыванія въ Московскомъ университетѣ, имѣли студенты въ обществѣ, оказалась, значитъ, далеко не тою, какая досталась на долю петербургскихъ. Въ Москвѣ на студентовъ смотрѣли, какъ на сословіе болѣе или менѣе высшее, и уже одинъ мундиръ съ голубымъ воротникомъ устранялъ даже возможность подобнаго безцеремоннаго обращенія. Въ Петербургѣ же, какъ оказалось, студенты или были смѣшаны съ толпою, или на нихъ смотрѣли, какъ на какихъ-нибудь школьничковъ. Въ Петербургѣ студенты очень рѣдко встрѣчались на главныхъ улицахъ, и послѣ рассказаннаго случая я сталъ наблюдать всѣхъ, попадавшихся навстрѣчу: мнѣ сдавалось, что каждый изъ нихъ идетъ какъ-то неувѣренно, какъ будто онъ попалъ не туда, куда слѣдуетъ. Что касается собственно полиціи, то и она въ Москвѣ обращалась со студентами болѣе или менѣе, если и нельзя употребить слово уважительное, то, во всякомъ случаѣ—снисходительно. Я помню, напримѣръ, какъ, однажды, въ театрѣ мнѣ случилось, второпяхъ, проскочить мимо самого оберъ-полиціймейстера Беринга и даже немного его зацѣпить; я, разумѣется, началъ извиняться и въ отвѣтъ получилъ благосклонный кивокъ головою. Здѣсь же, какъ доказывало произошедшее на моихъ глазахъ, было далеко не то. Впрочемъ, кажется, и вообще петербургская полиція того времени была нѣсколько отлична отъ всѣхъ другихъ.

Поступленіе наше на военную службу было вопросомъ рѣшеннымъ, и по пріѣздѣ въ Петербургъ мы узнали, что тамъ формируется запасная гренадерская дивизія, и вопросъ о томъ, куда мы поступимъ, рѣшился какъ бы самъ собою, такъ какъ и третій нашъ, средній, братъ уже служилъ въ гренадерскомъ корпусѣ. Оставалось узнать только о томъ, куда именно надо подать объ этомъ прошеніе и куда, затѣмъ, придется отправляться на службу. Мы отправились, вдвоемъ съ отцомъ, добывать эти свѣдѣнія и послѣ довольно продолжительныхъ скитаній отыскали штабъ, хотя не той дивизіи, въ которую думали попасть, но, по крайней мѣрѣ, того именно корпуса, къ которому она принадлежала. Штабъ этотъ находится гдѣ-то недалеко отъ Семеновскаго плаца, а корпусъ назывался «своднымъ запаснымъ гвардейскимъ и гренадерскимъ», командиромъ котораго былъ только-что назначенъ, на мѣсто умершаго графа Ридигера, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи Алексѣй Ѳеодоровичъ Арбузовъ. Въ этомъ штабѣ мы узнали: что корпусъ составляется изъ двухъ дивизій, гвардейской и гренадерской; что гвардейская дивизія еще формируется при Образцовомъ пѣхотномъ полку, а гренадерская, которою командуетъ генераль-лейтенантъ Максимовичъ, уже

сформирована и расположена въ Новгородской губерніи. Выѣсть съ этимъ, намъ сообщили, что всѣ служащіе въ этой дивизіи юнкера собраны въ одну особую команду, которая прикомандирована къ Образцовому полку и находится въ Царскомъ Селѣ.

Когда прошеніе было написано, то мы отправились подавать его начальнику запасной гренадерской дивизіи, генераль-лейтенанту Ивану Корнильевичу Максимовичу.

Я былъ въ студенческомъ мундирѣ со шляпою въ рукахъ и шпагою на боку. Меня съ братомъ ввели въ небольшую пріемную съ красивою, но довольно простою мебелью и прекрасно натертымъ паркетомъ, въ которой уже ожидали два молодыхъ, только-что произведенныхъ офицера Черновскаго полка. Ожидали мы не особенно долго, и изъ двери, ведшей во внутреннія комнаты, вдругъ какъ-то вынырнула, неслышными шагами, небольшая фигура худощаваго сѣдаго человѣка, съ совершенно бѣлыми усами, обрамлявшими недобрыя тонкія губы, на желтомъ, какъ воскъ, лицѣ. Мы, конечно, всѣ поклонились, но фигура, даже не отъѣтивъ на нашъ поклонъ, направилась прямо къ офицерамъ, смиренно стоявшимъ у печи. Отъ офицеровъ Максимовичъ подошелъ къ намъ. «Хорошо!»—сказалъ генераль, разсмотрѣвъ документы и складывая наши бумаги,— «навѣдывайтесь почаще въ мой штабъ!» и съ этими словами онъ насъ отпустилъ. За подачею прошенія, чуть не со слѣдующаго же дня, началось это «навѣдываніе» и продолжалось оно около двухъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, намъ было объявлено черезъ полицію, что мы опредѣлены въ 8-й запасный батальонъ лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества полка, съ прикомандированіемъ къ Образцовому пѣхотному, унтеръ-офицерами, до разрѣшенія нашихъ правъ инспекторскимъ департаментомъ военнаго министерства.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

Майновъ, Л. Н. Къ биографіи А. Х. Востокова. — Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1896, т. I, кн. I.

Майновъ, Л. Н. Къ биографіи А. С. Пушкина. Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1896, т. I, кн. I.

Шахматовъ, А. А. Нѣсколько словъ о Нестеровомъ житіи Θεодосія. — Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1896, т. I, кн. I.

Черевинъ, П. А. Еналогія си есть начало родословія фамиліи благородныхъ господей Черевиныхъ. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4

Б. П. Геннадій Владимировичъ Грудевъ. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Наши сношенія съ Германіей и Италіей до 1800 года (изъ книги Н. Н. Бавтыша-Камевскаго). — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Изъ исторіи театральной цензуры. Записка П. С. Федорова, съ предисловіемъ А. А. Ярцова. «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Юдинъ, П. А. Изъ рассказовъ о М. Д. Скобелевѣ. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Изъ записокъ А. А. Онуловой. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Письмо императора Николая Павловича къ дочери его великой княжѣ Ольгѣ Николаевнѣ. — 1846, «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Письма живописца А. А. Иванова къ А. О. Смирновой. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Два письма Пальмера къ А. С. Хомякову. — 1845 и 1853. «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Духовныя завѣщанія князя Долгорукова — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Перенесеніе праха князя и графовъ Орловыхъ. Письмо къ ядателю «Русскаго Архива» графа А. В. Орло-

ва - Давыдова. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Духовное завѣщаніе князя Θ. И. Хвостовича. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Письма архимандрита Фотія С. Д. Нечаеву. 1831 — 1835. «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Письмо Г. Р. Дермазина къ князю А. И. Горчакову. 1818. «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Два письма графа Растопчина къ князю Вагратіону. 1812 года. «Русскій Архивъ», 1896, № 4

Мартыновъ, А. А. Московскіе колокола (окончаніе). «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Голубевъ, П. И. Записки чиновника стараго времени. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4. и № 5.

Сиротиницъ, А. Н. Князь А. А. Шаховской. Очеркъ его дѣятельности. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Барсуковъ, А. П. Пензенская архивная старина. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Трефоловъ, Л. Н. Ярославская старина. — «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Изъ письма В. В. Сярилицына къ графу Д. Н. Толстому. — «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Письма архіепископа херсонскаго Мимонентія къ А. П. Озерову. — «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Изъ писемъ партизана А. Н. Сосланова (1817—1850). — «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Письмо князя А. Б. Куракина къ императору Александру Павловичу 1801. (Жалоба на гр. Н. П. Паняна). — «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Письмо А. С. Хомякова къ В. В. Ганкѣ (1847). — «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Митропольскій, И. А. Изъ воспоминаній врача (1865—1875). «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Юдинъ, П. Л. Къ исторіи пугачевщины. I — VII. «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго-Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Сообщила свѣщ. И. Кузнецовъ.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Собственноручная записка Екатерины II, къ гр. Н. Панину о «неотушемъ морскомъ судѣ».—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Письмо къ князю А. М. Голицыну съ изъясненіемъ неудовольствія имп. Екатерины II, за бездѣйствіе.—Сообщилъ В. А. Уляницкій.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Купчая 7091 года.—Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Жалованная грамота Спаска. Ярославскому монастырю.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Грамота митрополита Давида Всевятскому игумену Давиду объ освобожденіи пона въ монастырскомъ селѣ отъ дани...—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Цѣна людей въ Россіи сто лѣтъ назадъ. Сообщилъ И. С. Бѣляевъ.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

О блаженномъ Іоаннѣ Большомъ Колпакѣ. Сообщилъ свѣщенникъ И. Кузнецовъ.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Грамота великаго князя Василія Ивановича Владимирскому - Рождественскому монастырю съ подтвержденіями 1534 и 1551 годовъ царя Ивана IV. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Прозоровскій, А. Сильверстъ Медвѣдьевъ. (Его жизнь и дѣятельность).—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Письма Павла Іосифа Шафарика къ О. М. Бодянскому.—Съ приложеніемъ писемъ къ В. И. Григоровичу. Приготовлены къ изданію П. А. Лавровымъ и М. Н. Сперанскимъ (окончаніе).—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Титовъ, А. А. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ въ XVII в.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря Сообщилъ С. А. Шумаковъ.—

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Петръ Ивановичъ Нищинскій. Некрологъ.—«Кіев. Стар.» 1896, апр. М., Н. Лѣвобережная Украина въ XV — XVII ст.—«Кіев. Стар.» 1896, апр.

Изъ недавняго прошлаго Слободской Украйны—«Кіев. Стар.» 1896, апрѣль.

Лаликъ, В. Харьковское общество благотворенія въ 1812—1817 гг. Историческ. очеркъ.—«Кіев. Стар.» 1896 апрѣль.

Письмо прот. Арсенія Лебедничева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвящ. Иннокентію, архіеп. херсонскому и таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-мѣс. осады Севастополя (прод.).—«Кіев. Стар.» 1896, апрѣль.

Матеріалъ для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣателей. 1) Изъ мнѣхъ воспоминаній. И. Н. Павлова. 2) Изъ записной книжки И. Н. Павлова. 3) Отрывки изъ воспоминаній А. Чаева. 4) На родинѣ А. Н. Муравьева. А. Третьякова.—«Русское Обзоріе», 1896, апрѣль.

Р., В. Очерки Привислины.—«Русское Обзоріе», 1896, апрѣль и май.

Владиміровъ, А. П. Исторія расплаченія Западно-русскаго костела.—«Русское Обзоріе», 1896, апрѣль и май.

Георгіевскій, Г. П. Коронованіе русскихъ государей. Историч. очеркъ.—«Русское Обзоріе», 1896, апрѣль и май.

Проф. Аленстевъ, А. С. Легенда объ омигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. (Окончаніе).—«Русское Обзоріе» 1896, апрѣль.

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣателей: 1) Письма къ М. А. Максимовичу. П. А. Плетнева. (Сообщ. С. И. Пономаревъ). 2) По поводу стихотворенія, приписываемаго М. Ю. Лермонтову.—«Русск. Обзор.» 1896, май.

Бочаровъ, Н. П. Къ семисотъ-пятидесятилѣтію Москвы (Историч. справки).—«Русск. Обзор.» 1896, май.

Лыпинъ, А. Н. Народная поэзія въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ. (Продолж.).—«Вѣст. Европы», 1896, май.

Семевскій, В. И. На сибирскихъ золо-

тыхъ промыслахъ.—«Вѣстн. Европы», 1896, май.

Потанинъ, Г. Восточныя основы русскаго былиннаго эпоса.—(окончан.)—«Вѣстн. Европы», 1896, май.

Кирпичниковъ, А. И. П. Я. Чаадаевъ (По новымъ документамъ). „Русская Мысль“, 1896, апрѣль.

Бриммеръ, А. Шведская война 1788—90 гг. (По новымъ даннымъ изъ франц. архивовъ)—«Русская Мысль», 1896, май.

Обнинскій, П. Н. Калужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе при В. А. Ардимовичѣ.—«Русская Мысль» 1896, апрѣль и май.

Новые матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя.—«Русская Мысль», 1896, май.

Наканунѣ войны 1812 г.—«Вѣстн. Иностр. Литературы», 1896, май.

Шенрокъ, В. Гоголь и А. О. Смирнова (продолж.). «Сѣвери. Вѣстникъ», 1896, апрѣль и май.

Тучинова-Огарева, Н. Воспоминанія объ А. И. Герценѣ.—«Сѣвери. Вѣстникъ», 1896, № 4.

Степной, Ет. Марко Полоо Средней Азіи.—Средняя Азія.—Научно-литературный сборникъ.

С., А. Очеркъ востанія горцевъ Терской области въ 1877 г.—«Воен. Сборникъ» 1896, май.

Б., А. С. А. Бершадскій, какъ историкъ русскихъ евреевъ.—«Восходъ», 1896, апрѣль.

Д., А. В. Титъ Омичъ Эйдригевичъ.—Очерки изъ его жизни.—«Журн. Минист. Путей Собщ.», 1896, кн. 4.

Милюновъ, П. Н. Очерки по исторіи русской культуры. (Продолженіе).—«Мірѣ Божій», 1896, май.

Проф. А. Гольмстенъ. Къ пятидесятилѣтнюю учебной дѣятельности С. В. Пахмана.—«Журн. Юрид. Общества», 1896, май.

Дружининъ, Н. Крестьяне и общее гражданское право. (Къ 35-лѣтнюю реформу 19 февр. 1861 г.).—«Журн. Юрид. Общ.», 1896, май.

Красновъ, П. Н. Гуманный пѣвецъ (Я. П. Полонскій).—«Книжки Недѣли», 1896, № 4.

Оболенскій, Л. Е. Два момента творчества Достоевскаго. I. «Бѣдыне люди».—«Книжки Недѣли», 1896, № 4 и 5.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія о моей сестрѣ.—«Книжки Недѣли», 1896, № 4 и 5.

Абрамовъ, Я. В. Личность въ исторіи.—«Книжки Недѣли», 1896, май.

А. И. Нежеленовъ.—«Русскій филологич. Вѣстн.», 1896, № 1.

Н. Н. Страховъ.—«Русскій филолог. Вѣстн.», 1896, № 1.

Будде, Е. И. Е. Некрасовъ.—«Русскій филолог. Вѣстн.», 1896, № 1.

А. Н. Труворовъ. Некрологъ.—«Журн. Мин. Нар. Прос.», 1896, мартъ.

Смирновъ, В. Д. И. Н. Березинъ. Некрологъ.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1896, мартъ.

Пташицкій, С. Л. С. А. Бершадскій. Некрологъ.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1896, мартъ.

Бороздинъ, А. К. А. И. Нежеленовъ. Некрологъ.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1896, мартъ.

Миллеръ, В. Ф. Былины объ Иванѣ Гостининомъ-смиѣ.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1896, № 4.

Дьяконовъ, М. А. Бобыли въ XVI и XVII в.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1896, № 4.

Левитовичъ, Ф. И. Крестьян. дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ. (Продолженіе).—«Журн. Мин. Нар. Прос.», 1896, № 4.

Юнинъ, А. А. Новыя данныя къ исторіи Восточн. Сибири XVII в.—«Извѣстія Вост. Сибир. отд. И. Р. Г. Общ. т. XXVI. Приложеніе.

Безродный, А. В. Историческіе матеріалы изъ Слб. Сенатскаго Архива (продолженіе).—«Журн. Мин. Юст.», 1896, апрѣль.

Илларионовъ, Н. С. Историческій очеркъ крестьянскаго суда.—«Харьк. Сборникъ», вып. 9-й.

Прот. Лещенковъ, Н. А. Христофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій (оконч.).—«Харьковскій Сборникъ», вып. 9-й.

Демидовъ, В. А. Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи (окончаніе).—«Харьковскій Сборникъ», вып. 9-й.

Альбовскій, Е. А. Исторія Харьковскаго Слободскаго казачьяго полка.—«Харьк. Сборникъ», вып. 9-й.

Машпровскій, Е. И. Учрежденіе Смоленской епископіи.—«Сборникъ Ист.-Филол. Общ. при Инст. кн. Безбородко», 1896, т. I.

Мадлубовскій, А. П. Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи.—«Сборникъ Ист.-Филол. Общ. при Инст. кн. Безбородко», 1896, т. I.

Березинъ, М. Н. Георгій Ковинскій, какъ проповѣдникъ.—«Сборникъ Ист.-Филол. Общ. при Инст. кн. Безбородко», 1896, т. I.

Пѣтуховъ, Е. В. А. С. Грибоѣдовъ.—«Сборникъ Ист.-Филолог. Общ. при Инст. кн. Безбородко», 1896, т. I.

Сребиницкій, И. А. Къ біографіи Георгія Ковискаго. — «Сборникъ Ист.-Филолог. Общ. при Инст. кн. Безбородко», 1896, т. I.

Михайловскій, И. Н. Очеркъ жизни и службъ Николая Спаарія въ Россіи. — «Сборникъ Ист.-Филолог. Общ. при Инст. кн. Безбородко», 1896, т. I.

Сребрянскій, И. В. Мнѣологія. Слово о полку Игоревѣ. — «Извѣстія Ист.-Филолог. Инст. кн. Безбородко», т. XV.

Брайловскій, С. Н. Семень Сергѣев. Бобрѣвъ. (Историко-литер. очеркъ). — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Беремиковъ, М. Н. Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсень, записанныхъ во Владимірска. губерніи. — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Беремиковъ, М. Н. Г. Нѣжинъ въ началѣ XIX вѣка, по описанію московскихъ путешественниковъ. — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу. Второе изданіе... Е. В. Птуховъ. — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Добіашъ, А. В. Замятка объ основн. библиотекѣ Историко-филологич. Института князя Безбородко. — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Сребиницкій, И. А. Очерки изъ исторіи Лицея князя Безбородко. — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Птуховъ, Е. В. Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко. — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

И., П. Памяти К. Д. Ушинскаго. — «Церковно-приход. школа», 1896, кн. 7.

Булашевъ, Г. Очеркъ дѣятельности по народному образованію Арсенія (Москвина) митрополита Кіевскаго и Галицкаго. — «Народное образованіе», 1896, кн. IV.

Малыревскій, Г. Очеркъ исторіи и современнаго состоянія народнаго образованія въ Сибири. — «Народное образованіе», 1896, кн. IV.

Сokolovъ, Ив. Святій Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. — «Народное образованіе», 1896, кн. IV.

Наумовъ, Н. Н. М. Ядринцевъ въ Томской гимназіи. — «Сибирскій Сборникъ». Вып. IV.

Письма Н. И. Ильминскаго къ оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву. — «Православ. Собесѣдн.», 1896, мартъ.

Воскресенскій, А. О перепискѣ Н. И. Ильминскаго съ крещеными татарами. — «Правос. Собесѣдн.», 1896, мартъ.

Титовъ, Ф. И. Секта стригольниковъ. — «Миссіон. Обзоръніе», 1896, мартъ, кн. I.

А., А. Некрологъ А. П. Кирпотенко. — «Воспитаніе и Обученіе», 1896, № 4.

А. П. Кирпотенко. Некрологъ. — «Педагогич. Сборникъ», 1896, мартъ.

Знаменскій, П. Печальное двадцатипятил. — «Правосл. Собесѣдн.», 1896, апрѣль.

И., И. Казанская епархія и ея предѣлы. (Церковно-историч. и географ. очеркъ). — «Правосл. Собесѣдн.», 1896, май.

Толстой, М. В. Родовая икона Воейковыхъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. — «Богослов. Вѣстн.», 1896, февр.

Письма пресвящ. Никодима, епископа Енисейскаго и Красноярскаго къ проф. И. В. Платонову. Съ прииѣчаніями И. А. Колосова. — «Богослов. Вѣстн.», 1896, февраль.

Половъ, С. Г. Ректоръ Моск. Духов. Академіи прот. Александръ Васильевичъ Горскій. (Опытъ біогр. очерка). — «Богослов. Вѣстн.», 1896, февраль.

Инокъ Варсовій. Число раскольниковъ. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, мартъ - апрѣль.

Модраговъ, А. По святыхъ обителямъ и богоспасаемымъ градамъ. «Душеполез. Чтеніе», 1896, мартъ - апрѣль.

Письма пресвященнаго Феофана Затворника. Сообщилъ К. Е. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, мартъ - апрѣль.

Письма и резолюціи Филарета митрополита Московскаго. Сообщилъ архимандритъ Григорій. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, мартъ - апрѣль.

Линда, М. Д. Историческія преданія о селѣ Рублевѣ Богодуховскаго уѣзда. — «Сборникъ Харьков. Историко-филологич. Общ.», Т. 8.

Сумцовъ, Н. Ф. Сказанія о провалившихся городахъ. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.», Т. 8.

Плохинскій, М. М. Путешествіе Тарасія Каплонскаго въ Италію въ концѣ XVII столѣт. — «Сборникъ Харьк. Историко-филологич. Общ.», Т. 8.

Миллертъ, В. А. Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Черкаскаго полка. — «Сборникъ Харьковск. Историко-филологич. Общ.», Т. 8.

Миллертъ, Д. П. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. — «Сборникъ Харьковск. Историко-филологич. Общ.», Т. 8.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ И ПРАКТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА

Цѣна каждой книги 50 коп.

Міры дѣйствительныя и воображаемыя. Соч. Какилла Фламариона. Перевелъ Изв. Святокій. 192 стр.

Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Г. Первиля. Перев. подъ ред. проф. С. Глазалева. 104 стр. (съ 20 рис.).

Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Перев. съ 3-го французск. изданія. М. Гогунцова. Часть I. Будеснячества Калестро.—Магнетизеры - мистики.—Электробиологія.—Стучащіе духи. 224 стр.

Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Перев. съ 3-го французск. изданія, М. Гогунцова. Часть II. Электрическіе люди.—Отысканія улитки.—Вертящіеся столы и медиумы. 180 стр.

Научныя развлеченія. (Собр. простыхъ физич. опытовъ)—д-ра В. Вурикокаго. 128 стр. (съ 104 рисунк.).

Подъ водою.—Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Л. Фигье. Переводъ подъ редакціею и съ дополненіями Гр. Ф-та. 120 стран. (съ 22 рисунк.).

Рыболовъ-любитель. (Жизнь, ловля и разведенію прѣсноводныхъ рыбъ). Обще-доступное практическое руководство. Э. Пескова. 180 стр. (69 рис.).

Чудеса растительнаго міра. Составилъ Э. Медвѣдевъ. 148 стр. (съ 30 рис.).

Комнатное цвѣтоводство. Сост. Э. Медвѣдевъ. 144 стр. (съ 56 рис.).

Спортъ во всѣ времена года. Составилъ Гр. Ф.—тъ. 200 стр. (съ 60 рис.).

Драгоценныя камни. Составилъ Изв. Святскій. 184 стр. (съ 38 рис.).

Чудеса гипнотизма. Исторія и современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ.—Очерки В. Витнера. 266 стр. (съ 6 рис.).

Жизнь земли. Очерки популярной геологіи. Профессора Ф. Пуше. Перев. и доп. Н. Ляминъ. 164 стр. (съ 30 рис.).

Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Т. Стivenca. Часть I.—Отъ Саль-Франциско до Тегерана. 184 стр.

Самочитель фотографіи. Теорія и практика фотографическаго искусства. Ф. Длалей. Перев. подъ ред. В. Бурнакаго. 244 стр. (съ 35 рис.).

Домашняя лабораторія. (Руководство къ ознакомленію съ основаніи химіи). Ф. Федо. Перевелъ и дополнилъ Ф. Ляминъ. 160 стр. (съ 37 рис.).

Древніе и новѣйшіе колоссы. (Исторія и описаніе замѣчательныхъ статуи, каменная

съ древнѣйшихъ временъ). Е. Лебазейль. Переводъ съ французскаго Г. 234 стр. (съ 33 рис.).

Прѣсноводный асарумъ. Составилъ Т. Богдановъ. 65 стр. (съ 14 рис.).

Первые обитатели Москвы. Рассказъ изъ временъ сѣдой старины. В. Витнера. 184 стр. (съ 18 рис.).

Письма изъ Африки. Генриха Сенкевича. Перевелъ М. Круковской. 271 стр. (съ 26 рис.).

Домашній обиходъ. (Оборникъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства). Составилъ Ф. Г. 184—XIX стр.

Гальванопластика. Обще-доступное практ. руководство для любителей. С. Глаголева. 64 стр. (съ 7 рис.). 2-е изд.

Электричество въ домашнемъ быту Руков. для любит. электротехн. Сост. Н. Довьяковскій. 194 стр. (съ 117 рис.).

Пять вѣтшинныхъ чувствъ.—Л. Фигье. Обработалъ и дополнилъ д-ръ Ю. Малисъ. 152 стр. (съ 20 рис.).

Календарь флоры. Составилъ Э. Медвѣдевъ. 56 стр. (съ 3 рис.).

Джонъ-Буль и его колоніи. (Очерки изъ путешествій по колоніямъ Англіи): Макса О'Ралла, переводъ съ англійск. Л. Богдановичъ. 148 стр.

Начало и конецъ міра Ш. Рашара. Перев. и доп. Н. Святскій. 184 стр.

Въ странѣ черныхъ христіанъ. (Очерки Абиссиніи). Ф. Волгина. 128 стр. (съ 15 рис.).

Чудеса полярнаго міра. (Исторія путешествій.—Природа.—Жизнь и нравы обитателей). Е. Лебазейль. Перев. Е. Костко. 168 стр. (съ 35 рис.).

Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми. Обще-доступное руков. для подачи помощи до прибытія врача. Составилъ по проф. Эснарку, Мошегитъ-Мооргофу и др.—д-ръ С. Г. 188 стр. (съ 45 рис.).

Микроскопъ и телескопъ. Зюршертъ и Марголла. Перев. и доп. Н. Святскій. 140 стр. (съ 42 рис.).

Астрономъ-любитель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіямъ. Сост. дѣйств. чл. Русскаго Астрон. Общ. Е. Предтечскій. 200 стр. (25 рис. и черт.).

Горшечное комнатное плодоводство. Сост. Э. Медвѣдевъ. 40 стр. (съ 6 рис.).

Гг. многогородніе, выписывающіе изъ книжнаго склада П. П. Сойкина (Спб., Стрелнинная, 12), за пересылку не платятъ.

Принимается подписка на 1896 годъ на
СРЕДНЕ-АЗІАТСКІЙ ВѢСТНИКЪ
 ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
 издающійся въ г. ТАШКЕНТѢ
 Выходитъ книжками въ 7—10 печатныхъ листовъ.

«Средне-Азіатскій Вѣстникъ» ставитъ себѣ главною задачею, путемъ собранія научныхъ и другихъ данныхъ и безпристрастныхъ сужденій по вопросамъ мѣстной текущей жизни, дать читателямъ вѣрное представленіе о Средней Азіи, что значительно облегчается тѣмъ, что онъ издается въ центрѣ умственной жизни страны и въ немъ принимаютъ участіе всѣ лучшіе ея знатоки. — Кромѣ того, въ немъ будутъ помѣщаться научныя свѣдѣнія о сосѣднихъ съ Среднею Азіею странахъ: Центральной Азіи, Индіи, Афганистанѣ и Персіи, произведенія беллетристики, какъ оригинальной, такъ и переводной, отзывы о книгахъ, касающихся Средней Азіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, выходящихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а также будутъ печататься рефераты и другія работы членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи и Туркестанскаго общества сельскаго хозяйства (или въ текстѣ книжекъ, или въ видѣ приложеній).

Первая книжка журнала, вслѣдствіе поздняго разрѣшенія изданія, вышла въ мартѣ; за недостающіе мѣсяцы январь и февраль текущаго года подписчикамъ выдается научно-литературный сборникъ статей по Средней Азіи, изданный въ г. Ташкентѣ подъ заглавіемъ «Средняя Азія».

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою 7 руб.; на полгода—4 руб.; безъ пересылки на годъ—6 руб.; на полгода—3 рубля 50 коп. За границу на годъ—10 рублей. Отдѣльныя книжки по 60 коп., съ пересылкою 70 коп.

Книжнымъ магазинамъ, принимающимъ подписку, уступка по 50 к. съ годоваго экземпляра.

Въ С.-Петербургѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: „Посредникъ“ (Невск. пр. 54) и „Новаго Времени“ (Невск. пр. 38) и его отдѣленіяхъ въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Объявленія (только позади текста) принимаются по 10 р за страницу по 5 р. за полстраницы.

Подписныя деньги и вся корреспонденція адресуются: въ Ташкентѣ, редактору-издателю «Средне-Азіатскаго Вѣстника» *Евгенію Тимофеевичу Смирнову*.

Очеркъ г. Протопопова состоитъ изъ восьми главъ. Изъ второй главы: Дѣтство Бѣлинскаго (первая глава — введеііе) мы узнаемъ, что Виссаріонъ Григорьевичъ родился въ Свеаборгѣ, въ маѣ или февралѣ (это обстоятельство остается неразъясненнымъ) 1810 года. Дѣдъ Бѣлинскаго былъ священникомъ въ селѣ Бѣлици, Нижне-Новоскаго уѣзда, Пензенской губерніи, — откуда и фамилія „Бѣлинскій“, передѣланная въ „Бѣлинскій“ нашимъ критикомъ. Огедъ Бѣлинскаго, Григорій Никифоровичъ, кончилъ курсъ въ Петербургской медицинскон академіи и служилъ хѣваремъ во флотскомъ экипажѣ, во время стоянкія котораго въ Финляндіи у него и родился первенецъ-сынъ Виссаріонъ. Въ 1816 году онъ перешелъ на службу въ Чебаръ Пензенской губерніи на должность уѣзднаго врача. Будущій великій критикъ имѣлъ рѣдкое счастье найти въ своемъ отцѣ не зоологическую любовь только, но и вниманіе и пониманіе. Ничто такъ не развиваетъ и не возвышаетъ дѣтей — въ особенностн даровитыхъ и самолюбивыхъ — какъ разумно-дружеская короткость съ ними, отношеніе къ нимъ, какъ равнымъ, безъ постоянного напоминанія о своемъ авторитетѣ, безъ злоупотребленія своими формальными правами. Грамотѣ Виссаріонъ выучился у вольнопрактиковавшей учительницы, г-жи Ципровской, о личности которой свидѣній не имѣется, дальнѣйшее же обученіе началось для него въ только-что тогда открывшемся Чебарскомъ уѣздномъ училищѣ. Любовь къ литературѣ сказалась въ Бѣлинскомъ чрезвычайно рано. „Еще будучи мальчикомъ, — писалъ онъ по одному поводу, — ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, дневно и nocturno, и безъ всякаго разбора списывалъ стихотворенія Карамзина, Дидрихена, Державина и др.; я плакалъ, читалъ „Бѣдную Лизу“ и „Марьяну рошу“; я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже баллады Жуковскаго, не хуже „Риски“ Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума“.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ: III. Бѣлинскій въ гимназіи и IV. Бѣлинскій въ университетѣ г. Протопоповъ обрисовываетъ состояніе учебной части этихъ заведеній.

Главы V—VI посвящены авторомъ литературной дѣятельности Бѣлинскаго. „Періодъ пребыванія Бѣлинскаго въ Москвѣ, — говоритъ г. Протопоповъ, — можетъ быть названъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Началъ онъ свою литературную дѣятельность въ „Мольѣ“, продолжалъ ее въ „Телескопѣ“ Надеждина. Послѣ запрещенія „Телескопа“ (за известную статью Чаадаева) редактировалъ „Московский Наблюдатель“ и писалъ

лежалъ къ тѣмъ „учителямъ“, о которыхъ давно сказано:

Учить, какъ жить, я пять тысячъ беру;
Но жить, какъ учу, десяти не возьму.

въ немъ (съ 1838 г.); бѣдствовалъ въ матеріальномъ отношеніи; болѣлъ и ѣздилъ для поправленія здоровья на Кавказъ; въ октябрѣ 1839 года уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ въ слѣдствіе приглашенія сотрудничать въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Жизни и дѣятельности Виссаріона Григорьевича въ Петербургѣ отведена авторомъ седьмая глава. Въ заключительной, восьмой, главѣ М. А. Протопоповъ говоритъ объ идеяхъ Бѣлинскаго и доказываетъ, что ихъ отнюдь нельзя назвать устарѣлыми или смѣшными¹⁾. Въ введеніи къ своему очерку (стр. 11-я) г. Протопоповъ развиваетъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ: „Почти половина прошло со времени смерти незабвеннаго писателя, но основная тема и основной тезисъ его литературно-критической дѣятельности до сихъ поръ сохранялъ свѣжесть самой животрешущей современности. Фундаментальная идея возрѣвнн Бѣлинскаго была сформулирована имъ, наприимѣръ, такимъ образомъ: „никто, кромѣ людей ограниченныа и духовно-малодѣльныхъ, не обязанъ поэту воспѣвать непрѣменно гимны добродѣтели и карать пороки; но каждый умный человекъ въ правѣ требовать, чтобы поэтъ поэта или давала ему отвѣтъ на вопросы времени, или, во крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшенныхъ вопросовъ. Кто поэтъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній“.

Вновь выпущенное неутомимымъ Фл. Ф. Павлинковымъ изданіе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, по тщательности и изысканности, при крайней его дешевизнѣ (5 рублѣй за всѣ четыре тома), — вполне заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

Всѣ статьи въ этомъ изданіи размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, четкою печатью въ два столбца; при чемъ статьи критическія, какъ основныя и болѣе существенныя, напечатаны болѣе крупнымъ шрифтомъ.

Къ первому тому сочиненій приложенъ портретъ, гравированный въ Лейпцигѣ Геданомъ (тотъ же самый, что приложенъ и къ біографическому очерку М. А. Протопопова); ко второму тому — факсимиле письма Бѣлинскаго; къ слѣдующему — снимокъ съ известной картины А. Наумова „Бѣлинскій передъ смертью“; при четвертомъ же томѣ помѣщена статья Н. К. Михайловскаго: „Прудонъ и Бѣлинскій — изъ завискоу профессора 1875 года“, которая первоначально была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Н. К-ш-ъ.

¹⁾ Панаевъ, имѣя въ виду московскій кружокъ Бѣлинскаго, писалъ: „сколько молодости, свѣжести силъ, усилій ума потрачено на разрѣшеніе вопросовъ, которые теперь, черезъ 20 слншкомъ лѣтъ, кажутся смѣшными“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.**—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Э. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (35 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (24 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (1 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (13 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (45 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	12 книгъ (206 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	12 книгъ (144 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (25 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892	— 1895 гг.,	12 книгъ,	съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

АВГУСТЪ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Ии. В. А. Чернаскій и гражданское управление въ Болгаріи. 1877 — 1878 (Окопч.). Д. Г. Анучина. 231—254	↑
↓	IX. Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга третья. (Окопч.). 423—443
II. Духоборцы, ихъ ученіе, организація и настоящее положеніе: 1) Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ. * * 2) Письма о духоборцахъ. М. Тебенъкова. 257—293		X. Сперанскій и два Микитина Проф. В. Вильбасова. 445—447
III. Россія и Англія въ Турціи въ 1877 — 1878 гг. Гл. III. Страница изъ современной исторіи. 295—311		XI. Поправка къ статьѣ: «Т. Г. Шевченко въ Астрахани». А. Колоскаго. 449—450
IV. Два письма изъ эпохи Восточной войны 1853 — 1856 гг. А. Гирса. 313—322		XII. Записная книжка «Русской Старинѣ»: Два письма по поводу кончины императора Николая I отъ 5 февраля 1855 г. (стр. 255). — Гр. М. М. Сперанскій въ Тюмени (294). — Къ біографіи Феодосія архіепископа новгородскаго. Сообщ. А. Подвысоцкія (312). — Къ характеристикѣ нравовъ въ XVIII вѣкѣ. Сообщ. А. Е. Мерцалова (444). — О ввозѣ иностранныхъ книгъ въ Россію: Высочайшій указъ кн. Голицыну 18 августа 1802 г. Письмо Новосильцева Ѳ. И. Шуберту отъ 5 сентября 1804 г. (448).
V. Императоръ Александръ I и гр. Аримфельдъ 1811—1812 гг. Гл. IV—VI. 323—348		XIII. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи. 451—454
VI. Густавъ IV и вел. княгиня Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. VI. Барона Н. В. Дризенна. 349—366		XIV. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).
VII. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XII—XIII 367—404		
VIII. Графиня Р. С. Эдлингъ въ письмахъ къ В. Г. Теплякову А. Ѳ. Шидловскаго. 405—422		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графини Роксандры Смарлатовны Эдлингъ. Грав. К. А. дтѣ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стр. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. поповедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39.

1896.

VIII-я книга „Русской Старинѣ“ вышла 1-го августа 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиографическій листокъ.

Императоръ Александръ II Освободитель въ памяти своего народа.—По поводу открытія памятника Александру II въ Казани, 30-го августа 1895 г. Проф. А. А. Царевского. Казань. 1896 года.

Трудъ проф. А. А. Царевского, первоначально печатавшійся въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за минувшій годъ, несмотря на свой небольшой объемъ (въ книгѣ всего 78 страницъ) — очень содержателенъ и заслуживаетъ полнаго вниманія. Оставленъ этотъ историческій очеркъ, какъ сказано въ заголовкѣ книги, — по поводу открытія памятника государю Александру Николаевичу.

„30-е августа 1895 года, — такъ начинается авторъ свое изложеніе, — огненный день историческій для Казани, день праздничный и навсегда незабвенный. История Казани украсилась въ этотъ день событіемъ въ высокой степени важнымъ и знаменательнымъ, поистинѣ великимъ. Городъ Казань обогатился въ этотъ день однимъ безмолвнымъ, но безъ сравненія великимъ и дорогимъ, страстно любимымъ нами желаннымъ и благоговѣнно любимымъ гражданиномъ“.

Перечисливъ явившіеся въ Казани памятники различныхъ дѣятелей на почвѣ научной и государственной жизни, г. Царевскій о памятникѣ Царю-Освободителю отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „всегда, вездѣ и всякій памятникъ ему пребудетъ самымъ дорогимъ и близкимъ для русскаго сердца, какъ памятникъ безмѣрно великихъ дѣлъ и бездѣнно благихъ преобразованій, какъ образъ величайшаго изъ монарховъ, благодѣтелей и устроителей своего народа“.

Въ подтвержденіе этихъ немногихъ (подчеркнутыхъ нами) словъ проф. Царевского, чрезвычайно кѣтко характеризующихъ императора Александра Николаевича, — мы, вслѣдъ за авторомъ, назовемъ выдающіеся подвиги и заслуги этого монарха для Россіи. Въ его царствованіе покоренъ Кавказъ, присоединены къ Россіи Ташкентъ, Самаркандъ, Коканъ, Бухара и Хива. Путемъ мирной дипломатіи этого государя Россія, безъ пролитія и капли крови, присоединила къ своимъ владѣніямъ необъятный Приморскій и Приморскій край, проложившій Россіи путь къ Великому восточному океану. Александромъ II возобновленъ черноморскій флотъ, возвращена Россіи отнятая по Парижскому миру часть Вессарабіи; завоеваны и присоединены къ Россіи въ Малой Азіи крѣпость Карсъ и портъ Багумъ.

Видномъ всѣхъ великихъ дѣяній Александра Николаевича и „самымъ крупнымъ жемчугомъ, — скажемъ мы словами автора, — въ его безсмертной коронѣ является совершеніе того колоссальнаго, славнаго не только въ русской, но и общечеловѣческой исторіи, дѣла, которое дало новую жизнь Россіи, вдохнуло „душу живу“ въ многомилліонное крестьянство русское“. 19-е февраля 1861 года останется навсегда священнымъ днемъ для всей русской земли и въ памяти каждаго русскаго человѣка.

Давъ свободу крестьянству, государь вслѣдъ за тѣмъ далъ и самоуправленіе всему народу русскому, — ввелъ земскія учрежденія. Всемѣрно заботясь о благѣ народномъ, онъ совершаетъ не менѣе грандіозную реформу судебную: далъ народу судъ новый, судъ совѣсти, — равный для всѣхъ, и открыта самая широкая свобода защиты подсудимаго. „Таинственная пучина старихъ канцелярій, — поясняетъ А. А. Царевскій, — исчезла, и ее займилъ судъ открытый, гласный, всенародный“; — словомъ, весь судъ, по словамъ Манифеста, сдѣлался скорымъ, правымъ и милостивымъ. Уравнявъ права всѣхъ сословій предъ закономъ, Александръ II довершилъ это дѣло введеніемъ въ сего словной войскаго повинности, причѣмъ сокращенъ двадцатипятилѣтній срокъ службы на шестилѣтній, и запрещены тѣлесныя наказанія шпирутенами, фуктелами и т. под.; преращена отдача въ солдаты преступниковъ, чѣмъ поозрилось дотогѣ почетное и благородное званіе солдата. Александръ II настоялъ въ международной конвенціи на изгнаніи въ войнахъ мучительнѣйшихъ для человѣка разрывныхъ пуль. Человѣколюбію этого же государя и его милосердію — обязаны своимъ учрежденіемъ: санитарная часть въ войскахъ, Россійское общество Краснаго Креста, Главное попечительство о больныхъ и раненыхъ воннахъ, община сестеръ милосердія и т. п. человеколюбивыя учрежденія.

Для поднятія матеріальнаго благосостоянія страны предпринята была этимъ государемъ дѣлая система реформъ и преобразованій: уничтожены винныя откупа, разорившіе народъ; возмѣненъ весь порядокъ сбора податей и расходованія казенъ; преобразована контрольная и счетная часты; учреждено особое министерство финансовъ, основанъ Государственный банкъ, и разрѣшено открытіе частныхъ банковъ и контро-

ГРАФИНЯ РОКСАНДРА СКАРЛАТОВНА
Э Д Л И Н Г Ъ
(род. 12 окт. 1786 г. скон. 16 янв. 1844 г.).

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЪ БОЛГАРИИ.
1877—1878 гг.

ГЛАВА XVIII ¹⁾.

Агонія и смерть князя Черкаскаго.

Въ Адрианополь поѣздъ нашъ пришелъ 25 января вечеромъ. Узнавъ, что князь Черкасскій живетъ въ домѣ богатаго грека Алтынъ Алмаза, я рѣшилъ ѣхать прямо къ нему.

Войдя въ домъ, я былъ встрѣченъ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который, вѣроятно, заподозривъ во мнѣ желаніе остановиться въ домѣ, началъ объяснять по-французски, что въ домѣ нѣтъ болѣе мѣста, такъ какъ онъ уже занятъ княземъ Черкасскимъ. Я отвѣчалъ, что не желаю здѣсь останавливаться, а хочу только видѣть князя, причемъ назвалъ себя и должность, мною занимаемую. Князя не было дома и молодой человѣкъ — кажется сынъ хозяина — введя меня наверхъ въ приемную комнату, общалъ тотъ

См. «Русскую Старину», июль 1896 г.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1896 г., т. LXXXVII, АВГУСТЪ.

16

часть же послать въ городское управленіе узнать, гдѣ приготовлена для меня квартира.

Вскорѣ пришелъ князь Владиміръ Александровичъ и встрѣтилъ меня самымъ радушнымъ образомъ. Узнавъ, что я прямо со станціи желѣзной дороги и не знаю, гдѣ мнѣ отведено помѣщеніе, онъ рѣшительно объявилъ, что не отпустить меня отъ себя сегодня. На мой взглядъ онъ замѣтно постарѣлъ. Лицо его осунулось, глаза ввалились и свѣтились не обычнымъ своимъ пронцающимъ и какъ бы насмѣшливымъ блескомъ, а лихорадочно и тревожно; особенно не шли къ нему большіе волосы на головѣ и бакенбардахъ. Вообще же онъ казался въ хорошемъ расположеніи духа, что мнѣ особенно бросилось въ глаза, такъ какъ я думалъ найти его въ болѣе угнетенномъ видѣ. Заявивъ мнѣ, что всѣ служебные разговоры откладываетъ до утра, а теперь желаетъ передать мнѣ все имъ испытанное съ того времени какъ мы разстались въ Габровѣ т. е. съ 31-го декабря. А испыталъ онъ многое и видѣлъ немало интереснаго и знаменательнаго. Онъ пѣшкомъ перебрался черезъ Шипку, видѣлъ массу сдавшихся турецкихъ войскъ, видѣлъ турецкихъ комиссаровъ, присланныхъ для переговоровъ о заключеніи перемирія, говорилъ съ ними и отъ важнѣйшихъ дѣятелей главной квартиры зналъ о существенныхъ фазисахъ переговоровъ.

Князь Черкасскій былъ превосходнымъ рассказчикомъ, и когда былъ въ ударѣ или почему-либо желалъ овладѣть всецѣло вниманіемъ слушателей — умѣлъ вести бесѣду какъ никто другой; его можно было заслушаться. Такъ было и на этотъ разъ, даже больше. По поспѣшности, съ которой онъ переходилъ отъ одного предмета къ другому, я заключилъ, что онъ окончательно хочетъ овладѣть моимъ вниманіемъ, не давая возможности прервать нить его рассказа.

Затѣмъ князь Владиміръ Александровичъ перешелъ лично къ себѣ и заговорилъ о своемъ пребываніи въ главной квартирѣ, отзываясь о всемъ и о всѣхъ безъ столь обычной въ послѣднее время желчи и какого бы то ни было неудовольствія. Зная со словъ очевидца всѣ подробности о томъ, что произошло съ нимъ въ дѣйствительности въ первые дни его пребыванія въ Казанлыкѣ, я, выслушавъ начало его благодушнаго рассказа, сразу догадался, что онъ снова, подобно тому какъ уже сдѣлалъ это въ Кишиневѣ, задумалъ

упорно молчать о своихъ неудачахъ, скрывая ихъ и подавленное состояніе своего духа подъ напускнымъ одушевленіемъ и кажущимся удовлетвореніемъ современными обстоятельствами. Лихорадочное возбужденіе показывало только, что онъ самъ не вѣритъ успѣху своей хитрости и съ надеждою на мою догадливость ждетъ отъ меня деликатнаго отношенія къ его положенію и хорошо понятнымъ мнѣ нравственнымъ страданіямъ. Я старался ничѣмъ не выразить моего недоувѣрія и слушалъ его внимательно.

Графа Игнатѣва онъ ожидалъ съ особымъ нетерпѣніемъ и надеждами. Изъ его словъ и намековъ нельзя было не заключить, что князь Владиміръ Александровичъ считалъ возможнымъ свое привлеченіе къ переговорамъ о мирѣ. Для будущаго правителя Болгаріи было чрезвычайно важно знать всѣ подробности веденія мирныхъ переговоровъ, а съ другой стороны и личные его взгляды на это дѣло не могли не быть полезными въ подобныхъ обстоятельствахъ.

На другое утро мы рано сошлись за чаемъ и долго бесѣдовали исключительно о занимавшихъ насъ обоихъ служебныхъ дѣлахъ. Князь Черкасскій передалъ мнѣ, что рѣшенія по его запискѣ, посланной 6-го декабря въ Петербургъ, не получено до сего времени и что ничего положительнаго о будущей дѣятельности императорскаго комиссара пока неизвѣстно. Полное разъясненіе этого вопроса могло получиться, какъ думалъ онъ, черезъ графа Игнатѣва, пріѣзда котораго ожидали съ часа на часъ. Съ другой стороны, по словамъ князя, высшее начальство арміи, убѣдясь, что въ Петербургѣ считаютъ его пребываніе при арміи необходимымъ—во многомъ измѣнило свои прежніе взгляды и довольно легко идетъ на такія соглашенія, о которыхъ прежде и слышать не хотѣло. Вообще онъ полагалъ, что теперь, съ прибытіемъ въ главную квартиру гражданской канцеляріи, возможно будетъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ по продолженію начатаго нами дѣла. Военныя власти соглашались: во-первыхъ, упразднить за Балканами военное управленіе и замѣнить его гражданскимъ; во-вторыхъ, снять запретъ, наложенный на командированіе къ намъ офицеровъ изъ частей дѣйствующей арміи; намъ не только разрѣшалось просить о назначеніи въ гражданское вѣдомство тѣхъ офицеровъ, которыхъ

•

мы желаемъ получить, но полевой штабъ и войсковые начальники сами спѣшили рекомендовать такихъ своихъ кандидатовъ, о желаніи сбыть которыхъ изъ строя не могло быть и рѣчи; и въ-третьихъ—въ распоряженіе губернаторовъ вновь учреждаемыхъ санджарковъ за Балканами обѣщали немедленно назначать достаточныя военныя силы, не менѣ батальона пѣхоты и сотни казаковъ.

Всѣмъ этимъ князь Черкасскій полагалъ воспользоваться.

Что касается до будущаго устройства управленія въ Болгаріи во время ея оккупации и впредь до передачи власти національному правительству, то объ этомъ много говорить не пришлось. Въ принципѣ, мы еще въ Бюгортѣ условились образовать два генералъ-губернаторства и совѣтъ при верховномъ комиссарѣ. Въ Габровѣ я составилъ особую записку о томъ, что намъ предстояло дѣлать, и записку эту, помѣченную 12-мъ января 1878 года, передалъ князю Владиміру Александровичу въ самый вечеръ моего пріѣзда въ Адрианополь, такъ какъ она, вмѣстѣ съ другими важнѣйшими бумагами, находилась въ бывшемъ при мнѣ портфель. Стоило ему одобрить записку, и самый проектъ управленія княжествомъ могъ быть составленъ въ два, три дня потому, что обо всемъ уже было переговорено прежде, все соображено и обдуманно. Князь, прочтя записку до моего прихода, одобрилъ ее и безусловно согласился на учрежденіе совѣта. Совѣту онъ не хотѣлъ было придавать того самостоятельнаго значенія, какое, напримѣръ, было предоставлено бывшему учредительному комитету въ Царствѣ Польскомъ. Князь говорилъ, что онъ помнитъ, какую роль игралъ этотъ комитетъ въ его время, и не желаетъ стѣснять въ дѣйствіяхъ верховнаго комиссара, положеніе котораго въ Болгаріи будетъ иное, чѣмъ намѣстника въ Царствѣ. Напоминая, что большей части всѣхъ успѣховъ нашихъ по устройству гражданской части въ Привислянскомъ краѣ, мы обязаны именно самостоятельному характеру учредительнаго комитета, я говорилъ, что если нельзя устраивать въ Болгаріи такого точно учрежденія, то тѣмъ не менѣ нежелательно бы лишать его всякаго значенія, давая ему характеръ строго совѣщательный; нѣкоторая самостоятельность совѣта была нужна въ видахъ облегченія личныхъ заботъ комиссара. Съ этимъ князь согласился. Что

касается учрежденія должностей генераль-губернаторовъ, то онъ пошелъ на это неохотно.

О своей поѣздкѣ въ Петербургъ князь Черкасскій не говорилъ, но тѣмъ не менѣе считалъ безусловно необходимымъ отправить туда проекты устройства центральныхъ управленій съ довѣреннымъ лицомъ для представленія и защиты проектовъ и немедленнаго выбора лицъ, для различныхъ частей расширившагося центрального гражданскаго управленія. Подобное порученіе онъ хотѣлъ возложить на меня, и нѣтъ нужды прибавлять, что я охотно на то согласился. Разставаясь утромъ 26-го января, мы условились, по прежнимъ примѣрамъ, о раздѣленіи между собою предстоящей работы; онъ взялъ на себя составленіе доклада и всѣхъ соображеній по введенію управленія въ Филиппопольскомъ санджакѣ, а я изготовленіе проекта о совѣтѣ управленія княжества Болгарскаго съ положеніемъ о генераль-губернаторахъ и штатами. Я обѣщаль исполнить это въ нѣсколько дней и уже заранѣе радовался предстоявшей возможности уѣхать въ Петербургъ немедленно по заключеніи мира.

Разговоръ нашъ утромъ 26-го января былъ совершенно спокойный, дѣловой и крайне опредѣленный. Со свойственною ему ясностью излагать свои мысли, князь Владиміръ Александровичъ весь ушелъ въ соображенія о будущемъ устройствѣ Болгаріи и говорилъ объ этомъ совершенно обстоятельно. Возбужденія, столь замѣтнаго въ разговорѣ, бывшемъ наканунѣ вечеромъ, не оставалось и слѣдовъ. Я вышелъ отъ него съ мыслями о новыхъ спѣшныхъ занятіяхъ и съ убѣжденіемъ, что онъ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія изъ Петербурга и прибытія Н. П. Игнатъева, въ усиленной и хлопотливой работѣ, желаетъ забыть о непріятностяхъ, перенесенныхъ имъ въ главной квартирѣ вообще, и въ особенности съ 1-го января. Онъ такъ часто говаривалъ, что «не любить ни передъ кѣмъ выворачивать своего нутра», что я этою нелюбовью вполне объяснялъ себѣ рѣшимость его не вспоминать о старомъ, и далъ себѣ слово не дѣлать ни малѣйшихъ намековъ на прошлое, чтобы не раздражать его самолюбія и побережь его нервы, давно уже бывшіе въ ненормальномъ положеніи.

Между тѣмъ, стоило мнѣ только показаться въ главной квартирѣ въ тотъ же день за завтракомъ, какъ тотчасъ же пришлось

убѣдиться, что полученныя мною отъ князя Черкаскаго свѣдѣнія не вполне согласовались съ дѣйствительностью. Въ подтвержденіе давно уже ходившихъ слуховъ, дошедшихъ до меня еще въ Габрово, меня положительно удостовѣрили, что вопросъ о назначеніи императорскаго комиссара изъ военныхъ генераловъ рѣшенъ въ Петербургѣ окончательно, и что на это мѣсто прочать князя Дондукова-Корсакова. Въ полевомъ штабѣ имѣлись будто бы объ этомъ оффиціальныя свѣдѣнія. Несмотря однако на это, ни главнокомандующій, ни начальникъ штаба при встрѣчѣ со мною не упомянули о полученныхъ ими извѣстіяхъ, и я могъ только догадываться, что здѣсь великодушно не желаютъ высказываться, предоставляя все естественному ходу обстоятельствъ.

Оффиціальныя документы и оставшаяся послѣ князя Черкаскаго переписка, даютъ возможность возстановить факты во всей грозной ихъ дѣйствительности и показать, какую нечеловѣческую борьбу съ самимъ собою велъ онъ тогда, стараясь, подъ маской спокойствія и благодушнаго ко всему отношенія, побороть волновавшія его чувства.

Въ теченіе декабря 1877 года, разладъ князя Черкаскаго съ главной квартирой дошелъ до полнаго своего развитія и выразился не только служебными, но и личными противъ него манифестаціями — рѣшеніемъ не вводить гражданскаго управленія за Балканами и неприглашеніемъ самого князя въ Казанлыкъ на встрѣчу новаго года.

Желая разъяснить свое положеніе, князь Черкасскій, 1-го января пѣшкомъ переходитъ Шипку, кое-какъ достигаетъ Казанлыка и тамъ встрѣчаетъ приемъ крайне нелюбезный и даже неделикатный, что особенно бросалось въ глаза въ виду вообще сердечнаго и одинаково благосклоннаго со всѣми обращенія главнокомандующаго.

Глубоко оскорбленный въ своемъ самолюбіи и гордости, князь Черкасскій все-таки убѣждаетъ военныя власти въ необходимости, по телеграфу, спросить, что сдѣлано съ его запискою о верховномъ комиссарѣ. Отвѣтъ приходитъ уклончивый: присутствіе его на мѣстѣ въ настоящее время считается болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ. Смыслъ этого отвѣта истолковывается благоприятно. Князя Черкаскаго не пустили въ Петербургъ, но такъ какъ его присутствіе при арміи признано необходимымъ, то ему тотчасъ же и

было дозволено слѣдовать съ своею канцеляріей за главной квартирой для овнакомленія съ краемъ и для дальнѣйшихъ работъ по управленію занятою страной. Огорченный невызовомъ въ Петербургъ, князь Черкасскій самое признаніе его присутствія при арміи необходимымъ счелъ за выраженіе «довѣрія государева», которое, какъ пишетъ онъ, «не могло не тронуть меня глубоко и не укрѣпить меня еще болѣе въ твердой рѣшимости сдѣлать съ своей стороны все возможное для выполненія воли государевой, посвятить на это весь мой посильный трудъ и малое умѣнье и принести въ жертву всякіе личные интересы и жертвы».

Но князь Черкасскій еще не зналъ, касается ли рѣшеніе государя временнаго его при арміи пребыванія или приказано будетъ оставаться ему тамъ и въ будущемъ. Отвѣтъ на записку отправленъ изъ Петербурга съ курьеромъ 3-го января. Курьеры въ то время ѣздили долго; письменнаго отвѣта надо было ожидать около трехъ недѣль... И вотъ начались сомнѣнія, припоминалось старое, воскресли въ памяти событія, едва лишь отошедшія въ даль прошлаго. Накипѣвшая горечь просилась наружу, и князь Черкасскій, страдающій молча потому, что въ своемъ самоувѣреніи никого не считаетъ достойнымъ того, чтобы «раскрыть передъ нимъ свое нутро» — изливаетъ свою скорбь на бумагѣ въ письмѣ на имя военнаго министра (8 января 1878 г.).

Послѣ только что приведенныхъ выше фразъ «о довѣрія государевомъ», князь продолжаетъ:

„Обращаясь затѣмъ къ соображеніямъ такого рода, которыхъ къ истинному прискорбію и мое скромное лицо въ невѣстной мѣрѣ касается и которыя я, конечно, охотнѣе, чѣмъ кто-либо, оставилъ бы въ настоящую минуту въ сторонѣ, если бы это было возможно безъ явнаго вреда для дѣла.

„Вашему высокопревосходительству, безъ сомнѣнія, невѣстно какъ трудно было мое положеніе здѣсь до настоящей поры. Считаю излишнимъ входить въ подробное изложеніе тѣхъ весьма сложныхъ обстоятельствъ, частію личныхъ, частію служебныхъ, которыя не могли не породить этихъ трудностей. Но сколько они касались исключительно моего личнаго положенія, трудности эти, конечно, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Если мнѣ въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени придется сдать дѣла по гражданскому управленію другому лицу, въ такомъ случаѣ лишь во мнѣ лично можетъ остаться болѣе или менѣе неприятное и чувствительное воспоминаніе того, смѣю сказать, несоотвѣтствующаго первоначально навзначавшейся мнѣ роли положенія, въ которое я былъ поставленъ обстоятельствами съ того самаго перваго дня, когда я былъ какъ бы забытъ и заброшенъ одинъ въ Петербургѣ, по отъѣздѣ

главной квартиры въ Кишиневъ, и которое съ тѣхъ поръ выпадало на мою постоянную вѣсть долю. Но эти личныя ощущенія постепенно оправдывались бы съ возвращеніемъ моимъ къ частной жизни, и служба отъ этого не потерпѣла бы. Иначе представляется дѣло, если предположить, что волею государя на вышшаго завѣдующаго гражданскими дѣлами можетъ быть возложено внослѣдствіи управленіе и, такъ сказать, воссозданіе Болгарскаго края къ гражданской народной жизни. Я не думаю, чтобы было полезно, въ теченіе продолжительнаго четырнадцати-мѣсячнаго срока держать это лицо, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ и вслѣдъ за тѣмъ поручить ему одну изъ самыхъ трудныхъ въ мірѣ задачъ и притомъ на Востока, гдѣ народы такъ чутки ко всякому внѣшнему проявленію силы или бессилія, и въ странѣ, занятой военною силою и безъ того мало склонною къ признанію авторитета властей гражданскихъ. Я полагаю, что это вредно для дѣла, свидѣтельствуя либо о дѣйствительномъ пренебреженіи правительства къ человѣку, или первоначально избранному, либо, что еще гораздо вѣроятнѣе, о неумѣннн послѣдняго преодолѣть трудности и создать себѣ положеніе помимо официального, ускользавшаго изъ-подъ его ногъ. Думаю, наконецъ, что въ виду обстоятельствъ сложившихся тѣмъ или другимъ путемъ, было съ моей стороны во всякомъ случаѣ своевременно заранѣе возбудить вопросъ о томъ, стоитъ ли однако дѣйствительно человѣкъ этотъ въ уровень съ предназначавшимся ему первоначально положеніемъ или даже, если бы онъ паче чаянія и могъ первоначально годиться къ этому дѣлу, не испорчено ли его положеніе радикально и не лучше ли было бы привлечь къ дѣлу кого-либо другаго, покуда на это есть еще время и возможность“.

Если князь Черкасскій при извѣстной его гордости и самолюбіи рѣшился написать подобныя строки, то стало быть онъ страдалъ жестоко, и страдалъ четырнадцать мѣсяцевъ, видя свою «заброшенность». Случаевъ къ объясненію въ теченіе этихъ четырнадцати мѣсяцевъ было много, особенно съ іюня по начало декабря 1877 г., когда государь находился при арміи, и въ его свитѣ были Д. А. Милютинъ и графъ Адлербергъ, оба благоволившіе къ князю и съ которыми ему во всякомъ случаѣ было легче переговорить, что называется, по душѣ, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Но онъ не говорилъ съ ними и если уже написалъ вышеприведенныя строки, то несомнѣнно въ минуты глубокаго потрясенія и напряженія нервовъ, когда они, наконецъ, совладали съ его гордой натурой и заставляли вылить на бумагу то чувство негодованія, которое онъ скрывалъ въ себѣ и которое грызло его и въ корень подтачивало его жизненный организмъ.

Несомнѣнно, что время съ 8-го по 20-ое января, когда онъ получилъ извѣщеніе о томъ, что рѣшено назначить будущаго комиссара изъ военныхъ—было для князя Черкаскаго самымъ ужас-

нымъ изъ всѣхъ четырнадцати мѣсяцевъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ. Онъ не могъ не знать о слухахъ, носившихся въ главной квартирѣ о томъ, что все уже кончено, что будетъ комиссаромъ не онъ, а князь Дондуковъ-Корсаковъ, но безусловно довѣрять этимъ слухамъ было еще нельзя. Его оставили при арміи, признавая его присутствіе особенно тогда необходимымъ. Дѣло шло тогда о переговорахъ насчетъ перемирія, могущаго во многомъ предрѣшить будущую судьбу Болгаріи. Онъ естественно разсчитывалъ, что при переговорахъ потребуютъ и его мнѣнія, какъ лица занимавшагося именно Болгарскимъ вопросомъ—но этого не только не дѣлали, а даже скрывали отъ него весь ходъ переговоровъ, и о нихъ онъ могъ узнавать лишь изъ общихъ разсказовъ А. И. Нелидова, у котораго первые дни жилъ и съ которымъ потомъ часто видался. Непривлеченіе его къ переговорамъ о перемирії онъ относилъ къ нерасположенію къ нему главной квартиры, но думалъ, что вотъ, вотъ прійдетъ курьеръ изъ Петербурга и привезетъ точное указаніе на то, для чего собственно было нужно его присутствіе при арміи.

Наконецъ 20-го января пришло письмо военнаго министра, положившее конецъ мучительнымъ ожиданіямъ. Однако какой конецъ! Конецъ, рушившій всѣ его надежды и планы, способный убить всякаго другаго, обладавшаго менѣе сильнымъ организмомъ. Объяснилось, что не ему придется довершать дѣло, на которое онъ потратилъ столько энергіи, силъ, здоровья, не щадя своихъ личныхъ выгодъ и самолюбія. Объяснилось, что особыхъ причинъ, требовавшихъ его присутствія при арміи, въ сущности не было, что на нихъ сослались собственно для того, чтобы найти благовидный предлогъ для отклоненія его желанія пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ.

Но и тогда еще его несовсѣмъ покидала надежда, что послѣ отправленія официальнаго извѣщенія изъ Петербурга обстоятельства измѣнились и его привлекутъ къ участію въ переговорахъ о мирѣ... По крайней мѣрѣ онъ многого ожидалъ отъ пріѣзда Н. П. Игнатьева въ главную квартиру ¹⁾. Если дѣйствительно такая

¹⁾ Изъ Адрианополя, 17-го января, онъ писалъ своему семейству: „Когда увидится? Чѣмъ ближе конецъ войны, тѣмъ съ большею силой задаю себѣ этотъ вопросъ и ищу на него отвѣта. Но никто не можетъ отвѣчать на него

мысль приходила князю Черкасскому, то 28-го января, послѣ довольно продолжительнаго свиданія его съ прїѣхавшимъ Игнатьевымъ, всѣ надежды должны были рушиться. Н. П. Игнатьевъ не привезъ ничего для него утѣшительнаго, напротивъ того, вѣроятно сказалъ ему о петербургскихъ слухахъ насчетъ назначенія императорскимъ комиссаромъ князя Дондукова-Корсакова ¹⁾).

Вообще изъ сопоставленія всего вышеназложеннаго я прихожу къ заключенію, что здоровье князя Черкаскаго, съ самаго почти назначенія его на службу при дѣйствующей арміи начало разстроиваться и притомъ не отъ матеріальныхъ лишеній или физическихъ трудовъ, а отъ вліянія причинъ нравственныхъ. Мой дневникъ даетъ мнѣ возможность прослѣдить за послѣдними днями князя Черкаскаго весьма подробно, что я и сдѣлаю, пользуясь иногда рассказомъ очевидца, помѣщеннымъ въ изданной въ 1879 г. въ Москвѣ брошюрѣ: «Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій. Его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ».

Уже 29-го января особенно поразило меня его обращеніе съ митрополитомъ сливенскимъ Серафимомъ. Желая познакомиться съ духовнымъ вопросомъ и главное съ матеріальнымъ положеніемъ духовенства и подѣйствовать на епархіальныхъ архіереевъ по дѣлу о прекращеніи столь ненавистнаго народу порядка сбора владычины черезъ посредство турецкихъ заштіевъ, князь Черкасскій предварилъ трехъ митрополитовъ: софійскаго Мелетія, русскаго Климента и сливенскаго Серафима, что въ самомъ скоромъ времени вызоветъ ихъ въ Адрианополь для личныхъ объясненій. Говоря мнѣ объ этомъ, онъ прибавилъ, что вызвалъ ихъ не всѣхъ вмѣстѣ, а поодиночкѣ. Онъ хотѣлъ съ каждымъ поговорить отдѣльно и прежде, чѣмъ они успѣютъ переговорить другъ съ другомъ.

Изъ приглашенныхъ епископовъ ранѣе всѣхъ долженъ былъ прїѣхать митрополитъ Серафимъ. Съ нимъ первымъ и могли обсуждаться совершенно уже готовые циркуляры губернаторамъ и на-

положительно. Не привезетъ ли чего Игнатьевъ?» Брошюра „Князь Черкасскій“ и проч. стр. 358.

¹⁾ 19-го февраля въ Санъ-Стефано, великій князь сказалъ мнѣ, что еще въ Адрианополѣ получилъ отъ государя письмо, въ которомъ говорилось, что вѣроятно комиссаромъ будетъ назначенъ князь Дондуковъ.

чальникамъ епархіи о владычинѣ. Серафимъ прѣзжаетъ и 29-го января является къ князю. Тотъ очень любезно принимаетъ его, но ведетъ рѣчь о ничего незначущихъ предметахъ, упомянувъ о владычинѣ только вскользь. Послѣ получасовой бесѣды, митрополитъ говорилъ, что ему хотѣлось бы знать, долго ли ему придется пробить здѣсь, чтобы распорядиться личными дѣлами. «Поважайте, владыка, домой,—отвѣтилъ князь,—я васъ послѣ вызову». Тѣмъ и кончилась аудіенція къ крайнему удивленію и свидѣтелей и особенно самого Серафима, сдѣлавшаго неблизкій путь, какъ оказалось, совсѣмъ напрасно. Когда я потомъ спросилъ князя, почему онъ, вызвавъ Серафима, немедленно отпустилъ его; онъ мнѣ отвѣчалъ: «да не время съ нимъ говорить, я обожду вызывать и Климента съ Мелетіемъ».

На другой день 30-го января князь еще болѣе удивилъ меня, сказавъ, что главнокомандующій самъ лично выразилъ желаніе, чтобы я ѣхалъ въ Филиппополь вводить тамъ гражданское управленіе. Подобное сообщеніе не могло не поразить меня, потому что я былъ занятъ тогда составленіемъ проектовъ о совѣтѣ управленія и генераль-губернаторахъ, дѣломъ, не терпѣвшимъ проволочки и окончаніемъ котораго очень интересовался князь Черкасскій. Мы только что сговорились было, что, вслѣдъ за одобреніемъ главнокомандующимъ этихъ проектовъ, я буду командированъ съ ними въ Петербургъ,—вдругъ я долженъ былъ прервать спѣшную работу и ѣхать назадъ въ Филиппополь, для наблюденія за дѣломъ совершенно второстепеннымъ.

Поэтому я выразилъ мое недоумѣніе и по поводу требованія главнокомандующагои еще болѣе по поводу его на это согласія. Я не могъ не сказать, что не понимаю, что я буду дѣлать въ Филиппополь, такъ какъ назначенный туда губернаторомъ полковникъ Шепелевъ пользуется общимъ довѣріемъ и ему, находившемуся тогда въ Адрианополь, возможно лично преподать самыя обстоятельныя инструкціи.

— Вы лично наблюдаете, чтобы тамъ все было исполнено какъ слѣдуетъ, чтобы войска ни во что не вмѣшивались.

Я возражалъ, что если и были бы поводы предполагать возможность какихъ-либо особыхъ усложненій въ Филиппополь, то моя

посылка туда, явно выразивъ недовѣріе къ мѣстнымъ военнымъ властямъ, можетъ быть крайне щекотлива и для А. А. Шепелева, показывая ему, что и на него не вполне надѣются.

— Тутъ не въ томъ дѣло, а необходимо озаботиться о сохраненіи средствъ страны, о предупрежденіи расхищеній; вѣдь если повторятся порядки, которые мы наблюдали на сѣверѣ отъ Балканъ, то армія наша, за отсутствіемъ интендантства, окончательно можетъ пропасть, и солдаты перемрутъ съ голода. Вы должны будете все это видѣть и засвидѣтельствовать главнокомандующему.

Напрасно убѣждалъ я, что до интендантства намъ нѣтъ никакого дѣла, что о продовольствіи арміи тоже говорить нечего, потому что если она не погибла въ сѣверной Болгаріи во время войны, то несомнѣнно уцѣлѣветъ въ богатой Румелии по прекращеніи теперь военныхъ дѣйствій. Впрочемъ, прибавилъ я, если великому князю угодно будетъ возложить на меня такое порученіе, то разумѣется придется ѣхать, но во всякомъ случаѣ я буду ожидать подробныхъ указаній, которыя, вѣроятно, и получу, откланиваясь главнокомандующему.

1-го февраля дѣйствительно состоялось утвержденіе главнокомандующимъ доклада князя Черкасскаго объ образованіи Филиппопольскаго санджака, причемъ меня предполагалось послать: «для наблюденія за правильнымъ введеніемъ въ дѣйствіе гражданскаго управленія въ Филиппопольскомъ санджакѣ и образованіемъ надлежащаго личнаго административнаго состава въ самомъ Филиппополѣ и округахъ, а равно для возможнаго устраненія тѣхъ главнѣйшихъ затрудненій, которыя могутъ въ настоящихъ обстоятельствахъ встрѣтиться на мѣстахъ»¹⁾.

Между тѣмъ князь Черкасскій уже изнемогалъ не только нравственно, но и физически и тѣмъ болѣе, что все крѣпился и отъ всѣхъ, да и отъ самого себя, старался скрыть истину. 31-го января онъ пишетъ своему брату: «дѣла гибель, не успѣваемъ за нимъ. Истомился страшно, состарился и похудѣлъ. Думаю: когда Господь сжалится надо мною и дастъ мнѣ увидать свою семью и свой домъ!» Въ каждомъ словѣ этихъ немногихъ строкъ видно страданіе. Недугъ

¹⁾ Докладъ этотъ напечатанъ въ Сбор. оф. рас. вып. VII.

физическій уже овладѣлъ имъ, и голова его работала не такъ, какъ прежде; преслѣдуя одну и ту же цѣль, онъ начиналъ теряться въ подробностяхъ и впадалъ въ противорѣчія. Въ послѣдніе дни онъ чувствовалъ себя совсѣмъ дурно, лицо пожелтѣло, онъ ничего не ѣлъ.

Кажется, поѣздка его къ главнокомандующему 1-го февраля, была послѣднею въ Адрианополѣ. На слѣдующій день было рожденіе князя Владиміра Александровича. Ему исполнилось 54 года. Онъ долго говорилъ со мною, но не столько о дѣлахъ гражданскаго управленія, сколько о положеніи арміи. Онъ предвидѣлъ въ будущемъ немало усложненій и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ описывалъ о хозяйничаньи нѣкоторыхъ военныхъ начальниковъ, полномъ ихъ произволѣ, отсутствіи интендантства. «Вы увидите, — снова повторялъ онъ, — перемрутъ войска съ голоду». Противорѣчить ему было невозможно, онъ сильно волновался, какъ бывало прежде въ тяжелые дни, проведенные въ Тырновѣ въ іюлѣ и потомъ подъ Плевной. Видно было, что имъ всецѣло овладѣла мысль о лежащей на немъ нравственной отвѣтственности за всѣ хозяйственныя неурядицы, происходившія въ арміи. Онъ упоминалъ о своей отвѣтственности передъ Москвой, передъ всей Россіей.

3-го февраля, занятый спѣшною работой, я не былъ у князя, а зайдя утромъ 4-го, нашелъ его въ постели. Онъ еще наканунѣ ложился въ постель, почувствовавъ слабость и большую сонливость. Приглашенный къ больному лейбъ-медикъ Обермиллеръ, два раза навѣстилъ его и совѣтовалъ беречься, сказавъ, что «авось дѣло обойдется легкою простудою». Самъ князь превозмогалъ себя и полулежа продолжалъ заниматься дѣлами. 5-го я нашелъ его въ постели слабымъ, съ лицомъ желтымъ и изнуреннымъ, голова однако была вполне свѣжа, и онъ говорилъ совершенно сознательно. О поѣздкѣ моей въ Филиппополь онъ не упоминалъ, напротивъ убѣдительно просилъ окончить мою работу, говоря, что желаетъ скорѣе устроить мою поѣздку въ Петербургъ. Ухаживать за больнымъ была приглашена сестра милосердія г-жа Глыбина, молодая, рослая и на видъ очень сильная женщина.

Затѣмъ два дня князю было если не лучше, то и не хуже; окружающіе князя успокоились. Самъ онъ лежалъ въ постели и, несмотря на слабость, принималъ доклады и занимался дѣлами. Въ

эти то дни онъ продиктоваль П. В. Неклюдову и потомъ собственноручно исправиль замѣчательный циркуляръ Филиппопольскому и Сливенскому губернаторамъ о порядкѣ выборовъ въ управительные совѣты. Эта замѣчательная и, кажется, послѣдняя работа князя Черкаскаго свидѣтельствуеть, что и въ промежуткахъ между жестокими болѣзненными припадками, умъ его дѣйствовалъ правильно и память сохранялась въ полной неприкосновенности.

Докторъ Обермиллеръ опредѣляль болѣзнь его желчнымъ разстройствомъ. Повѣрить этому было нетрудно. «Гибель работы, — писалъ отъ 5-го февраля одинъ изъ приближенныхъ къ князю, — безпрестанныя непріятности и дразги не подь силу одному человеку... Такова обстановка, продолжающаяся почти годъ. Поучительно, но не радостно и невольно заставляетъ думать о шаткомъ и одиночномъ положеніи на свѣтѣ честнаго дѣятеля»¹⁾.

Утромъ 6-го, войдя къ нему въ комнату, я увидѣль около его постели, на полу, тазъ и въ немъ рыбу. Что это такое, спрашиваю. «А вотъ хозяйка прислала эту рыбу съ тѣмъ, чтобы я глядѣль на нее; говорить, что у нихъ такъ лечатъ отъ желтухи. Вотъ и смотрю. Очень меня тронуло вниманіе этихъ добрыхъ людей».

7-го февраля я попрежнему засталъ князя Вл. Ал. въ постели и въ томъ же положеніи. Желчь разливалась все болѣе и болѣе, но онъ былъ въ полномъ сознаніи и пожелалъ непременно выслушать мои проекты, которые я принесъ ему готовыми. Я уговаривалъ его отложить чтеніе до другаго раза, но онъ настояль на своемъ, прослушалъ вѣнимательно, сдѣлаь нѣсколько редакціонныхъ замѣчаній и, одобрявъ все, сказалъ, что прикажетъ переписывать на бѣло. Окончаніе проектовъ видимо его утѣшило. Къ вечеру ему однако сдѣлалось хуже; слова и мысли путались.

«Утромъ 8-го, — продолжаю выписку изъ дневника, — мнѣ пришли сказать, что Черкасскому хуже; онъ бредилъ ночью и теперь никого не узнаеть. Всѣ бумаги принесли отъ него неподписанными. Я отправился къ нему. Ну что? спрашиваю. — Худо, — отвѣчаетъ сестра милосердія, — войдите. — Худо, обросшій бородой, онъ сидѣль на кровати и усердно чистилъ мандаринъ. — Здравствуйте князь! Молчатъ. Наконецъ, взглянулъ на меня. Боже мой, что за взгляды! Огромные, совершенно желтые глаза смотрѣли на меня дико и какъ-то пугливо. Выраженіе лица, совершенно желтаго, было весьма непріятно. Онъ не узналь меня. — Это я, говорю, Дмитрій Гавриловичъ. — А, узналь. — На лицѣ появилась

¹⁾ Ев. „Вл. Ал. Черкасскій“, стр. 360.

улыбка и онъ смотрѣлъ довольно весело, но сердце сжималось, глядя на него. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣли четыре доктора: Обермиллеръ, Приселковъ, мѣстный французъ и старшій врачъ турецкой арміи армянинъ, прѣхавшій въ Константинополь по дѣламъ Браснаго Креста ¹⁾. Всѣ они согласны, что положеніе опасно. Желчь разлилась и кровь бросилась въ голову. Руки и ноги холоды. Можно ожидать удара. Рѣшили увѣдомить ближайшихъ родныхъ объ опасномъ положеніи. Потому онъ нѣсколько словъ сказалъ мнѣ разумно. Я его опять усаживалъ вѣсть маляринъ.—Выдоравливайтесь скорѣе, Богъ дастъ все окончится благополучно.—Нѣтъ, плохо мнѣ, плохо—я онъ заметался. Я побѣждалъ позвать докторовъ. Пришли, но онъ ничего не могъ объяснить, хотя слылся что-то сказать».

Въ два часа я пошелъ въ главную квартиру и просилъ Непокойчицкаго передать о положеніи Черкаскаго и испросить мнѣ дозволеніе доложить все великому князю. Сейчасъ же телеграфировали государю, а мнѣ великій князь велѣлъ отдать приказъ по арміи о вступленіи моемъ въ должность завѣдывавшаго гражданскими дѣлами, но я просилъ обождать съ этимъ до завтра—можетъ быть ночью ему станетъ лучше. Великій князь согласился.

Согласившись обожждать отданіемъ приказа о моемъ вступленіи въ должность, главнокомандующій задержалъ и отправленіе телеграммы государю, а послалъ ее только 10-го числа. Деша была такова: «Князь Черкасскій заболѣлъ мѣстною злокачественною желтухою; теперь желчное отравленіе крови—маларія; положеніе его опасно. Приказалъ пока генералу Анучину принять его управленіе». Въ тотъ же день вечеромъ пошла дополнительная деша: «Князю Черкасскому лучше; сегодня пришелъ въ себя, а то эти два дня былъ безъ памяти». Изъ этихъ дешей первая, посланная утромъ, получена была въ Петербургѣ 16 февраля, а вторая дошла во время—11-го вечеромъ.

Послѣ обѣда (8-го) телеграфировали П. А. Васильчикову (брату княгини Черкасской), что князь опасно боленъ и чтобы прѣзжалъ черезъ Одессу, не пугая княгини и передавъ о болѣзни Н. С. Аксакову. Князя, къ которому я вернулся немедленно, нашелъ въ худшемъ положеніи. Онъ никого не узнавалъ, всѣхъ отъ

¹⁾ Обермиллеръ—лейбъ-медикъ, состоявшій при главнокомандующемъ; Приселковъ—главный медицинскій инспекторъ дѣйствующей арміи; мѣстный французъ-докторъ Жупанъ и главный турецкій врачъ армянинъ Стефанъ. Мнѣнія докторовъ раздѣлились; Стефанъ признавалъ апоплексическій ударъ, прочіе—злокачественную болгарскую лихорадку (*Febris bulgariensis repticiosa*).

себя гналь, крича: «оставьте меня въ покоѣ», и дико водилъ страшными желтыми глазами. Позвали сестру милосердія, и ее гонить. Сбросилъ съ себя одѣяло, а между тѣмъ ему только что приложили къ ногамъ бутылки съ горячей водой; пришлось ихъ убрать, чтобы въ кого-нибудь не бросилъ. Сестра милосердія, выше меня ростомъ, храбрая, справляется съ нимъ. Въ пять часовъ пришлось послать за Обермиллеромъ. Узналъ его, позволилъ приложить мушку, но все капризничалъ. Я ушелъ домой въ шесть часовъ.

„9-ое февраля. Князь немного лучше, но положеніе опасное по-прежнему. Это самая злокачественная лихорадка, соединенная съ желтухой. Надѣются его спасти. Я былъ у него два раза—не узнаетъ. Послѣ обѣда великій князь верхомъ подъѣзжалъ къ дому Алтынь Алмаза и прислалъ Д. А. Скалона узнать о здоровьи князя. Я выходилъ къ великому князю на улицу. Приказъ о моемъ вступленіи въ должность подписанъ“.

Въ этотъ день главнокомандующій уже зналъ положительно о судьбѣ Черкаскаго. Государь, въ письмѣ отъ 26-го января, между прочимъ, сообщалъ: «на командованіе оккупационными войсками и управленіе гражданскою частью въ Болгаріи имѣю я въ виду генераль-адъютанта князя Дондукова-Корсакова на томъ же основаніи, какъ графъ Киселовъ оставался императорскимъ комиссаромъ въ княжествахъ по окончаніи войны въ 1829 до 1836 года».

Отѣздъ великаго князя изъ Адрианополя состоялся 10-го февраля и совпалъ съ переломомъ въ болѣзни князя Черкаскаго. Продолжаю выписку изъ дневника.

«10-ое февраля. Черкасскому нѣсколько лучше, приходитъ въ себя и узнаетъ нѣкоторыхъ, но вообще положеніе его печально, и мнѣ кажется, что много потребуется времени, чтобы онъ сдѣлался способнымъ къ работѣ, а особенно въ такой лихучей, каковой должна была быть дѣятельность гражданскаго прavitеля въ Болгаріи. Доктора говорятъ, что крайняя опасность прошла, но тѣмъ не менѣе вотъ уже третій день, какъ онъ не приходитъ вполнѣ въ себя. Боюсь, чтобы болѣзнь не оставила на немъ тяжелыхъ слѣдовъ... Какъ онъ страшно и безумно поводитъ глазами! Какъ ему трудно говорить и что-нибудь высказать, хотя бы одно слово! Мнѣ кажется, что едва ли не прекратилась его здѣсь дѣятельность, по крайней мѣрѣ слѣдуетъ его теперь замѣнить кѣмъ-либо на долгое время, а какъ теперь-то и идетъ самое важное и серьезное время, то такая замѣна весьма легко можетъ сдѣлаться полною..

«12-ое февраля. Князь Черкасскій, слава Богу, выздоравливаетъ такъ же внезапно и быстро, какъ заболѣлъ. Вчера ему было гораздо лучше. Сегодня уже онъ сидѣлъ въ креслѣ, выбрился и говорилъ о дѣлахъ съ полною ясностью и памятью о всемъ, что было до его болѣзни. Разница только въ томъ, что прежде болѣзни онъ считалъ необходимымъ послать меня въ Петербургъ съ проектами и для выбора лицъ, даже и въ томъ случаѣ, если я не соглашусь

остаться въ Болгаріи, а сегодня уже говорилъ, что мнѣ ѣхать нельзя, что на это нехорошо посмотреть государь и что, впрочемъ, объ этомъ онъ поговорить еще со мною“.

Вмѣстѣ съ сознаниемъ стала возвращаться къ князю и энергія. Узнавъ о выѣздѣ великаго князя изъ Адрианополя, онъ рѣшительно сталъ говорить о необходимости ѣхать въ Санъ-Стефано. Доктора и окружающіе его заявляли, что дѣйствительно надобно уѣхать изъ Адрианополя, но не теперь, а какъ только онъ наберетъ силъ и будетъ чувствовать себя лучше, но ѣхать не въ главную квартиру, гдѣ шумъ, суетолака и неизбѣжныя дѣла, а куда-нибудь на свободу, въ приморскій городъ, гдѣ бы онъ, рѣшительно отказавшись отъ всякихъ занятій, отдался бы весь отдохновенію на чистомъ морскомъ воздухѣ.

Онъ возражалъ, что и Санъ-Стефано на берегу моря, а потому и тамъ ему удобно будетъ отдохнуть, дѣлами же онъ будетъ заниматься немного. Когда же бывшій при немъ съ момента кризиса докторъ Делоне умолялъ его поберечь себя, князь отвѣчалъ: «забудьте докторъ, что въ настоящую минуту отъ меня зависитъ участь милліоновъ Болгаръ». При дальнѣйшихъ настояніяхъ онъ сказалъ, что поѣдетъ въ Санъ-Стефано непременно, что бы доктора ни рѣшали. «Я долженъ видѣть великаго князя до заключенія мира, отъ этого зависитъ участь Болгарія; послѣ этого свиданія общаюсь, любезный докторъ, быть самымъ послушнымъ изъ паціентовъ».

Упрашивалъ его не выѣзжать изъ Адрианополя и я—онъ не соглашался. Наставать особенно я не рѣшался потому, что князь Черкасскій зналъ объ отданномъ по арміи приказѣ о передачѣ его должности мнѣ на время его болѣзни, а потому при своей подозрительности, въ моихъ настояніяхъ могъ бы, пожалуй, усмотрѣть желаніе удалить его отъ дѣлъ. Я только настоялъ на томъ, чтобы онъ телеграфировалъ о своемъ выѣздѣ главнокомандующему и просилъ генерала Непокойчицкаго сдѣлать распоряженіе, чтобы желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ онъ поѣдетъ, не бросилъ бы его гдѣ-нибудь по пути, а непременно довезъ до Санъ-Стефано или того мѣста, гдѣ будетъ главная квартира. Адъютантъ главнокомандующаго, Д. А. Скалонъ, прислалъ князю слѣдующую отвѣтную телеграмму: *son altesse consent avec plaisir, que vous veniez à San-*

Stefano». Распоряженіе о безостановочномъ движеніи поѣзда, безъ сомнѣнія, также было сдѣлано. Съ своей стороны я сказалъ князю, что не рѣшусь ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобы не взять на себя отвѣтственности за то, что допустилъ его выѣхать въ такомъ еще слабомъ положеніи. Выѣздъ былъ назначенъ на утро 15-го февраля.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ 14-го я долго и откровенно разговаривалъ съ княземъ. Онъ былъ въ какомъ-то особомъ умиленномъ настроеніи, и я имѣлъ случай совершенно кстати, даже какъ будто по вызову его, затронуть всѣ пережитыя нами обстоятельства и указать на то, что мы оба перенесли и какія тяжкія испытанія нашихъ взаимныхъ отношеній пережили. Онъ спокойно, незлобливо говорилъ о своихъ увлеченіяхъ и можетъ быть ошибкахъ, особенно въ отношеніяхъ съ массою новыхъ лицъ, среди коихъ ему приходилось дѣйствовать... но при всемъ этомъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что его положеніе уже окончательно выяснилось и что онъ зналъ о временномъ только своемъ нахожденіи при арміи. Напротивъ, онъ уговаривалъ меня принять должность вице-предсѣдателя совѣта, мѣсто, которое, вѣроятно, будетъ соединено съ должностью генераль-губернатора въ Филиппполѣ. Такъ онъ владѣлъ собою и до такой степени не хотѣлъ выставить своего униженія тѣмъ, что его не оставляли въ Болгаріи оканчивать начатое имъ дѣло, а забраковали... Вотъ это-то чувство терзало его и было главною его болѣзнию. Онъ страдалъ молча, не произнося обвиненій, не ища утѣшеній... Все это не могло не привести его къ могилѣ—и онъ умиралъ тѣмъ же гордымъ и самолюбивымъ человекомъ, какимъ былъ въ теченіе всей своей жизни.

Утромъ 15-го февраля онъ всталъ рано и въ 7 часовъ поѣхалъ на станцію желѣзной дороги къ поѣзду, который обѣщали отправить въ 10 часовъ. Я уже засталъ его на желѣзной дорогѣ въ крайне неприглядномъ видѣ. Слабость его бросалась въ глаза, но онъ крѣпился, много говорилъ. Я замѣтилъ, что еще не поздно и можно остаться. Онъ засмѣялся и сказалъ, что онъ не упрямый прапорщикъ, который хочетъ поставить на своемъ.—Жаль, что вы не прапорщикъ,—отвѣчалъ я,—тогда бы вамъ можно было приказать остаться, и вы бы не сдѣлали того, на что въ вашемъ положеніи не рискнулъ бы и прапорщикъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ и по-

ѣздъ все еще не трогался. Князь очень истомился ожиданіемъ, и его уговорили войти въ приготовленное для него отдѣленіе вагона. Онъ просилъ меня сѣсть напротивъ его, взявъ за руку, проследился и съ дрожащими губами кое-какъ проговорилъ: «да, вы правы, Дмитрій Гавриловичъ, я поступаю хуже чѣмъ прапорщикъ, но я не могу оставаться, я долженъ ѣхать». Не выпуская моей руки изъ своей, онъ еще нѣсколько времени поговорилъ со мною, давъ мнѣ честное слово, немедленно по моемъ пріѣздѣ въ Санъ-Стефано, устроить мою командировку въ Петербургъ.

Поездъ тронулся въ половинѣ двѣнадцатаго, и мы разстались, чтобы болѣе не увидѣться. Князь сѣлъ въ купе вмѣстѣ съ докторомъ Делоне, Неклюдовымъ и служившимъ въ Красномъ Крестѣ Левашевымъ. Дорога была весьма утомительна, растрясла больного и произвела у него острые боли въ желудкѣ, которыя онъ старался скрыть отъ своихъ спутниковъ. Онъ совѣстился сказать, что присутствіе ихъ его стѣсняетъ... Только на ночь онъ остался въ вагонѣ съ докторомъ и своимъ деньщикомъ.

Въ Санъ-Стефано поездъ пришелъ вечеромъ 16-го. На вокзалѣ князя ожидалъ экипажъ, въ которомъ онъ и пріѣхалъ на приготовленную для него весьма удобную квартиру на берегу моря. Князь видимо обрадовался чистому европейскому помещенію, свѣтлымъ комнатамъ, а главное виду на море. Обращаясь къ Неклюдову онъ сказалъ: «vous voyez, que vous avez en tort de me déconseiller de venir ici». Обѣдалъ князь съ своими спутниками въ восьмомъ часу. Онъ съ удовольствіемъ ѣлъ устрицы, которыя, по мнѣнію доктора, не могли причинить ему вреда.

На слѣдующій день, 17-го февраля, великій князь былъ занятъ и не могъ принять князя, который весь день провелъ ничѣмъ не занимаясь, разговаривая съ нѣсколькими посѣтителями и наслаждаясь отличнымъ морскимъ воздухомъ съ балкона своей квартиры.

Въ числѣ посѣтителей былъ прибывшій изъ Петербурга нашъ военный агентъ въ Черногоріи, генеральнаго штаба полковникъ А. А. Боголюбовъ, привезшій князю письмо отъ военнаго министра. Д. А. Милютинъ писалъ отъ 24-го января 1878 г. Письмо это было не официальное и служило дополненіемъ къ прежнему его

письму отъ 27-го декабря 1877 г. Выписываю изъ него слѣдующее:

«Вамъ уже извѣстно, что предполагается по заключеніи мира на заявленныхъ нами основаніяхъ, въ случаѣ введенія въ Болгарію временнаго русскаго управленія и занятій ея русскими войсками, поручить высшее начальство въ край лицу военному. Выборъ этого лица и до сихъ поръ еще не рѣшенъ. Вѣроятно вопросъ этотъ рѣшится только тогда, когда удостовѣрится, что миръ состоится безъ измѣненія нашихъ условій относительно Болгаріи. Только тогда послѣдуетъ и назначеніе лица, на которое будетъ возложено временное начальство въ край и которому будетъ поручено введеніе новаго управленія. Само собою разумѣется, что этому лицу, кто бы онъ ни былъ, необходимо будетъ придать помощника специально для гражданскаго управленія, и выборъ этого лица будетъ весьма важенъ. Для этого нуженъ человѣкъ уже подготовленный, ознакомленный съ тѣмъ, что дѣлалось подъ вашимъ руководствомъ, такъ какъ желательно, чтобъ новое управленіе было продолженіемъ того, котораго основанія положены вами. Вотъ почему совершенно необходимо, чтобы вы, глубокоуважаемый князь Владиміръ Александровичъ, вооружились еще на нѣкоторое время терпѣніемъ и дождались того момента, когда вамъ можно будетъ передать, изъ рукъ въ руки, бразды правленія новому лицу. При этомъ и самый выборъ лица, завѣдующаго гражданскими дѣлами, могъ бы быть подъ вашимъ вліяніемъ. Всѣ подготовленныя вами работы для будущей организаціи края пойдутъ въ прокъ, на сколько окажется возможнымъ по соображенію съ тѣми условіями, при которыхъ откроется новое временное управленіе. Вполнѣ понимаю, какъ должно быть тяжело и непріятно для васъ выжидательное положеніе, но вы уже столько вытерпѣли, что, конечно, достанетъ у васъ твердости характера, чтобъ дотянуть до конца. Въ письмѣ моемъ отъ 27-го декабря я выразился вполнѣ искренно, а не для официальной фразы, что государь расчитываетъ на васъ и надѣется, что вы не прежде уйдете изъ края, какъ передавъ дѣла новому управленію».

А. А. Боголюбовъ, передавшій князю это письмо, вышелъ отъ него подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что князь еще серьезно боленъ, но превозмогаетъ себя. Вообще князь Черкасскій въ этотъ день мало занимался, нѣсколько разъ ложился, много спалъ и неоднократно жаловался на сильное утомленіе. Въ ночь съ 17-го на 18-е февраля надъ Санъ-Стефано разразилась сильная буря съ грозой. Около полуночи докторъ Делоне не ложился, такъ какъ князь не могъ заснуть отъ шума волнъ, ударявшихся почти о фундаментъ дома. Когда погода утихла, князю стали мерещиться какія-то галлюцинаціи. Крики солдатъ, гривню лошадей сосѣдняго эскадрона, а равно и мяуканье кошекъ князь принималъ за что-то необыкновенное. Ему представлялось, что турки рѣжутъ хозяина дома и что кто-то кричитъ «караулъ». Онъ безпрестанно призывалъ къ

себѣ Б. П. Делоне, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, съ открытою дверью въ спальню больного, и говорилъ ему: «*cher docteur, il se passe quelque chose de terrible, on egorge en bas*». Больной успокоился только тогда, когда докторъ пошелъ въ палисадникъ и, обойдя его, вернулся съ увѣреніемъ, что ничего особеннаго на дворѣ нѣтъ. На слѣдующее утро сонливость была сильная; на вопросы доктора, не болитъ ли у него что-нибудь, больной упорно отвѣчалъ, что онъ отлично себя чувствуетъ. Когда же зашелъ къ нему въ комнату Неклюдовъ и засталъ его еще въ постели, онъ жаловался на боль въ желудкѣ. Тогда Неклюдовъ предложилъ послать къ великому князю и доложить ему, что князь по нездоровью не можетъ въ этотъ день быть у него; но на это больной разсердился и объявилъ, что пойдетъ непременно и что чувствуетъ себя отлично. Въ 12 часовъ князь Черкасскій отправился къ великому князю. Всѣ, встрѣтившіе его по дорогѣ, были поражены болѣзненнымъ его видомъ и желтизною лица. У великаго князя онъ оставался около часа и доложилъ все то, что ему было нужно. Его высочество былъ очень привѣтливъ, утвердилъ всѣ представленія и пенялъ князю, что при болѣзненномъ состояніи и слабости онъ побеспокоился придти съ докладами, тогда какъ великій князь охотно бы самъ навѣстилъ его на его квартирѣ и переговорилъ бы о дѣлахъ. Великаго князя поразили болѣзненный видъ Черкаскаго и нервная его зѣвота. Утверждая представленія, великій князь просилъ прочесть ихъ графу Игнатьеву. Возвратившись домой, князь шутя отвѣчалъ Неклюдову, спросившему его, не утомился ли онъ: «я самъ утомилъ великаго князя, цѣлый часъ задержалъ его докладомъ». Неклюдова онъ просилъ, чтобы тотъ вечеромъ непременно былъ дома, такъ какъ надо будетъ продиктовать письмо къ военному министру.

«Послѣ этого онъ прилежъ и впервые сталъ жаловаться доктору Делоне на боли въ желудкѣ. На упрекъ доктора, отчего онъ до сихъ поръ это скрывалъ, князь отвѣчалъ: «ну что же? тогда не сказалъ, а теперь сказываю. У меня два раза были воспаления въ кишкахъ, когда мнѣ было лѣтъ двадцать». По сдѣланному докторомъ исследованію оказалось только сильное расширение кишекъ безъ признаковъ воспаления. Поставили горчичники, приложили теплыя салфетки, стали втирать теплую мазь съ хлороформомъ. Боли то утихали, то снова возобновлялись. Больной заснулъ и проснулся около шести часовъ. Вечеромъ онъ объявилъ, что диктовать письма онъ не въ состояніи,

и даже на отрѣзъ отказался подписать написанныя Неклюдовымъ срочныя телеграммы.

«Страданія продолжались. Князь сидѣлъ на креслѣ полулежа, съ протянутыми на стулѣ ногами.

«Въ 11 часовъ князь легъ въ постель. До половины втораго ночи Неклюдовъ и Левашевъ сидѣли въ сосѣдней комнатѣ доктора Делоне, навѣдывался безпрестанно о состояннн больного, который лежалъ какъ бы въ забытнн и повидимому даже спалъ. Около двухъ часовъ Неклюдовъ легъ спать. Делоне, не отходявшій отъ больного, сказалъ ему, что особеннаго въ состояннн его въ настоящую минуту ничего не видитъ, но едва ушелъ Неклюдовъ, какъ княземъ овладѣло сильное безпокойство. Дыханнн его стало еще затруднительнѣе; онъ то вставалъ, то садился въ кресло, упирая голову въ спинку или къ стѣнѣ, при чемъ ему подкладывали подъ спину шубу, то снова ложился, часто повторяя: «Господи, прости мои прегрѣшенія!» Обращался къ Делоне, онъ сказалъ ему «cher docteur, cela va mal, cette fois vous ne pouvez plus». На вопросъ, отчего онъ такъ думаетъ, князя отвѣчалъ: «cher ami, je sens que ma langue s'embarasse». Съ княземъ сдѣлался сильный обморокъ; голова повисла, ноги подкосились; больного съ трудомъ, на рукахъ, снова положили въ постель. Вслѣдствнн вдыханнн спирта и валериановыхъ капель, присланныхъ Обермиллеромъ, князь пришелъ въ себя. Прибѣжалъ Неклюдовъ. Онъ сталъ ввать князя; тотъ отвѣчалъ, но неясвенно. Князь попросилъ пить, но не могъ уже проглотить поданнаго. Больной сталъ, еще безпокойнѣе, безпрестанно кого-то ввать, но кого именно нельзя было разобратъ, хваталъ руку своего камердинера Алексѣя Потапова и притягивалъ ее къ груди своей. Снова у князя сдѣлался обморокъ, еще сильнѣе перваго. Когда положили больного на постель, появились въ ногахъ судороги. Обермиллеръ подошелъ къ нему. Князь не только узналъ его, но даже на вопросъ, что болитъ у него, ясно отвѣчалъ, что «ничего не болитъ». Пробовали дать тотчасъ растворъ хинины, но больной глотать уже не могъ. Подавая хѣбарство, его приподняли и потомъ снова положили на подушку. Обермиллеръ и Делоне отошли къ столу для совѣщаннн; въ это время больной два раза два повернулъ головою и тихо, безъ агоннн, скончался въ 5½ часа 19-го февраля 1878 г. Доктора полагають, что кончина была мгновенная безъ страданнн»¹⁾.

Умеръ мгновенно безъ страданнн! безъ агоннн! Доктора все доискивались физическаго боли, а не видѣли, что передъ ними были страданнн нравственныя и агоннн, длившаяся не часы и не дни. а цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы.

Я не засталъ князя живымъ. Поѣздъ, на которомъ я 17-го февраля оставилъ Адрианополь, шелъ невозможно медленно, безпрерывно останавливаясь. Только утромъ 19-го, часовъ въ 8, мы кое-какъ добрались до Санъ-Стефано. Отъ кого-то на станціи я и прибывшіе со мною чины гражданскаго канцелярнн (Соболевъ, Жемчу-

¹⁾ Описаннн послѣдняго дня взято изъ книги «Князь Черкасскій» стр. 365—367.

жинъ) узнали, что квартира князю Черкасскому отведена на самомъ вывѣдѣ изъ города къ сторонѣ Константинополя; о смерти его я узналъ въ пути, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до его квартиры. Извѣстіе это было поразительное, но можно ли сказать—неожиданное? Я не думалъ о его скорой смерти, но, видя постоянную борьбу его духа, часто задавалъ себѣ вопросъ—какую силу надо имѣть, чтобы выдержать всѣ эти по истинѣ нечеловѣческія страданія! Миръ его праху!

Главнокомандующій о смерти князя Черкаского донесъ государю по телеграфу: «Вчера скончался внезапно князь Черкасскій отъ такъ называемой апоплексіи мозга; третьяго дня еще, въ 2 часа дня, онъ со мною занимался около часа времени».

Въ тотъ же день, 20-го февраля, государь отвѣтилъ: «Весьма сожалѣю о бѣдномъ Черкаскомъ».

Тѣло покойнаго было выставлено въ той же комнатѣ, гдѣ онъ умеръ. Полнаго бальзамированія не было. Обермиллеръ ограничился нѣсколькими впрыскиваніями. Сперва лицо было строгое, жесткое. Голова имѣла что-то львиное. Длинные сѣдые волосы головы обрамляли желтое лицо съ очень заострившимися носомъ и подбородкомъ; густыя брови нависли надъ впавшими глазами, окруженными множествомъ морщинъ; густые усы и бакенбарды придавали выраженію покойнаго особенно строгій отпечатокъ. Около ушей и на шеѣ были сильныя желто-лиловые кровоподтеки. Для дополненія картины выписываю изъ дневника слѣдующую фразу: «послѣ небольшого бальзамированія, Черкасскій принялъ свой обыкновенный видъ, и лице его по-прежнему сдѣлалось умнымъ и насмѣшливымъ». Князь былъ положенъ въ цинковый обитый бархатомъ гробъ; на немъ былъ надѣтъ мундиръ военнаго министерства. Константинопольскій фотографъ Зебахъ снялъ съ него кабинетный портретъ, который и разошелся въ большомъ количествѣ между чинами главной квартиры и Краснаго Креста, военными и болгарями...

21-го февраля тѣло было вынесено въ греческую церковь. Греческій митрополитъ Іоакимъ былъ на выносѣ и служилъ сперва въ домѣ, а потомъ въ церкви. 22-го совершенно отпѣваніе русскимъ

духовенствомъ въ присутствіи того же митрополита ¹⁾). Великій князь прибылъ въ церковь къ самому началу панихиды. Въ 12 часовъ все было кончено. Цинковый гробъ положили въ деревянный и, въ ожиданіи отправления въ Россію, поставили у иконостаса праваго придѣла. Изъ Санъ-Стефано, гробъ былъ отвезенъ 7-го марта шуриномъ покойнаго, П. А. Васильчиковымъ, сперва въ Константинополь на буксирномъ пароходѣ «Одиссей», а потомъ въ Одессу на большомъ пароходѣ «Юнона». На баржѣ «Юноны» гробъ былъ встрѣченъ болгарскимъ экзархомъ Іосифомъ и митрополитами пловдивскимъ и рушукскимъ. Они явились неожиданно, никѣмъ не приглашенные, отдать послѣдній долгъ тому, кто такъ усердно и самоотверженно поработалъ за Болгарію.

15-го марта послѣ торжественной обѣдни въ церкви Московскаго университета (котораго князь былъ почетнымъ членомъ), къ гробу подошелъ преосвященный Амвросій и произнесъ слово, глубоко врѣзавшееся въ сердцахъ слушателей. Онъ говорилъ о стойкости характера князя Черкаскаго въ настоящую пору всеобщей дряблости; онъ вспомнилъ про глубокій, блестящій умъ его, про трезвый взглядъ на событія, про высоко-честную въ нравственномъ отношеніи дѣятельность его. «Прости,—сказалъ онъ въ концѣ,—лучшій представитель именитаго дворянства нашего; прости другъ крестьянъ, въ потѣ лица потрудившійся надъ вольностію ихъ; прости мученикъ за великое и святое дѣло освобожденія христіанъ»!

Опустили князя В. А. Черкаскаго въ могилу въ Даниловскомъ монастырѣ рядомъ съ Гоголемъ, Хомяковымъ, Самаринымъ.

Д. Анучинъ.

¹⁾ Къ сороковому дню, княгиня Е. А. Черкаская прислала митрополиту Іоакиму прекрасную иконаго съ образомъ Богоматери. Эмалевая работа Овчинникова или Хлѣбникова—не помню. Панагія была подъ княжеской короной и на массивной золотой цѣпи. Подарокъ очень красивый и приличный. Любопытная подробность. Читая разрѣшительную молитву на отпѣваніи князя Черкаскаго, митрополитъ Іоакимъ, помянулъ: «раба Божія дѣйств. ст. совѣтника Владиміра Александровича Черкаскаго», произнеся эти слова по-русски.

Два письма по поводу кончины Императора Николая I.

I.

Письмо Митрополита Филарета къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

25 февраля 1855 г.

Не знаю, позволительно ли дерзovanje которое приѣмлю, и потому медленно рѣшаюсь, однако, наконецъ, рѣшаюсь предстать предъ Ваше Императорское Величество съ смиреннымъ словомъ.

Но что скажу о великомъ лишении, которымъ Неповѣдимому въ судьбахъ своихъ Богу угодно было внезапно посѣтить Россію? Всѣми и каждымъ оно чувствуется, но удобнѣе и свойственнѣе выражается не словами, а воздыханіями, слезами и глубокимъ безмолвіемъ, проливныхъ печалію и съ тѣмъ вмѣстѣ покорныхъ судьбамъ Божиимъ сердець.

Твою душу первѣе всѣхъ пройде сіе оружіе: разумѣется что великости Твоей печали ничто не можетъ быть равно, какъ только великость любви, соединявшей Твою душу съ душою Державнаго Твоего супруга. И съ молитвою печали о Царѣ, въ Возѣ почившемъ, съ молитвою утѣшенія и надежды о Царѣ, Богомъ дарованномъ, и о Супругѣ Его, и о Наслѣдникѣ Его, соединяемъ особенную молитву о Тебѣ, Благочестивѣйшая Государыня, да услышитъ Тя Господь въ день печали и, осѣнивъ Твою душу своимъ благодатнымъ миромъ, даруетъ Тебѣ возможность рѣши къ Нему: по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою. По истинѣ, Матерь благословенно-воцарившагося Царя, Праматерь Наслѣдника Царева, въ сихъ наименованіяхъ не заключается-ли для Тебя утѣшеніе такъ же праведное и сильное, какъ Твоя печаль?

Да утѣшитъ Тебя воспоминаніе, что Твой Державный Супругъ, во все продолженіе царствованія, среди неутомимыхъ трудовъ и въ часы скорби или огорченій, всегда своимъ любящимъ сердцемъ находилъ успокоеніе близъ Твоего любящаго сердца. Храни Его спокойствіе, Ты хранила сокровище Россіи.

Да утѣшаетъ Тебя воспоминаніе, какъ значительно Господь благословилъ Его жизнь въ Его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ которыхъ свѣтлыя черты Царя и Отца семейства — христіанна, несмотря на изнеможеніе вѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно! Твоя молитва соединилась съ Его послѣднею молитвою. Надъ симъ союзомъ не имѣетъ власти смерть: онъ простирается отъ времени въ вѣчность. Молитва приближаетъ къ Богу, и близъ сего средоточія существъ и міровъ не разлученно то, что является разлу-

ченнымъ въ мѣрѣ перебѣтъ. Молитвою вѣры и упованія возвращаю на Господа печаль Твою

Съ утѣшеніемъ помышляемъ, что и Твоя любовь къ Твоему Державному Сыну побуждаетъ Тебя умѣрять Твою печаль, чтобы ею не увеличивать тяготу души Его тогда, какъ Онъ взялъ на свои рамена великое бремя — Россію.

Если позволительно мнѣ сказать нѣчто и о себѣ, — лишаясь послѣдняго утѣшенія въ близости принести послѣдній долгъ въ Божѣ почившему Государю, который малое мое служеніе удостоивалъ вниманія, и милостями своими далеко выше моего достоинства меня щедралъ и на мои недостатки снисходительно взиралъ, — то я долженъ покориться всякой необходимости: мой служебный долгъ привязываетъ меня къ мѣсту, и моя вѣтхость не оставляетъ мнѣ надежды перенести далекій путь.

II

Отвѣтъ Императрицы митрополиту ¹⁾.

Пресвященный митрополитъ!

Письмо вашего высокопреосвященства, отъ 25 февраля, дошло до меня на сихъ дняхъ. Спѣшу благодарить Васъ отъ всего сердца, проникнутаго горестью невыразимой, но и глубоко тронутаго вашими словами утѣшенія. Такъ можетъ утѣшать, такъ можетъ говорить только религія чрезъ своихъ проповѣдниковъ. Она одна, показывая намъ свѣтъ во тмѣ бѣдствій, коихъ цѣль для насъ непостижима, увѣряя насъ въ необходимости и спасительности самыхъ болѣзненныхъ испытаній, — имѣетъ власть повелѣвать намъ и давать силу жить для исполненія долга. Но то же завѣщалъ Мнѣ и Супругъ, Мною оплакиваемый.

На одрѣ смертномъ, почти въ часы кончины, равно ознаменованной умилительными чувствами христіанина и спокойною твердостью царя, Онъ еще просилъ Меня беречь жизнь Мою для семейства, для тѣхъ, которыхъ Онъ, конечно, не перестаетъ любить и нынѣ. Семействомъ своимъ Онъ называлъ всю Россію; при послѣднемъ прощаніи съ Наслѣдникомъ своего Престола, сказалъ, что идетъ молиться за нее и за насъ. Смѣемъ думать, что сей обѣтъ Его уже совершается, что Богъ правды и милости принялъ въ свои отеческія объятія исполненную благихъ и чистыхъ намѣреній душу Его.

Оканчиваю отвѣтъ Мой вашему высокопреосвященству такъ же, какъ Вы заключили письмо свое, изъявленіемъ сердечнаго желанія васъ видѣть и испросить вашего архипастырскаго благословенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ и сожалѣнія, столь же искреннаго, что саму прешатствуютъ обстоятельства и состояніе вашего здоровья.

¹⁾ Въ доставленной редакціи копій ни мѣсяцъ, ни число не обозначены.

ДУХОВОРЦЫ, ИХЪ УЧЕНІЕ, ОРГАНИЗАЦІЯ И НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Секта, извѣстная подъ именемъ духоборцевъ, впервые проявилась въ Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Екатеринославской и Тамбовской губерніяхъ. Первоначально сектанты носили различныя мѣстныя названія, какъ-то: щельниковъ, вслѣдствіе того, что укрывались въ оврагахъ и тѣснинахъ (щеляхъ); молочанъ, вслѣдствіе употребленія молока въ постные дни, и икоборцевъ, вслѣдствіе отрицанія поклоненія иконамъ. Настоящее свое названіе духоборцевъ сектанты получили только въ 1785 году.

Въ приложеніи къ «Автобиографической запискѣ государственнаго секретаря В. Р. Марченки» (см. «Русскую Старину» май, настоящаго года, стр. 315—317) были помѣщены краткія свѣдѣнія о духоборцахъ и ихъ смѣлый отвѣтъ императору Александру I, при свиданіи съ ними въ 1818 году.

Желая ближе ознакомить читателей съ особенностями этой секты, редація помѣщаетъ двѣ записки о духоборцахъ: одну, написанную еще въ 1805 году, а другую, — заключающую въ себѣ историческій очеркъ и настоящее положеніе секты.

Р е д.

I.

Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ¹⁾.

о второй половинѣ прошлаго столѣтія открылось въ Россіи такое общество, существованіе коего во всемъ государствѣ по всѣмъ обстоятельствамъ казалось бы невозможнымъ среди простаго народа, народа по большей части непросвѣщеннаго и привязаннаго къ однимъ наружностямъ въ религіи, безъ познанія духа оной. Вдругъ являются люди, не только отвергающіе всѣ обряды и наружныя установленія греко-

¹⁾ Записка написана въ 1805 году, авторъ ея невѣстенъ.

россійской церкви, но даже не приѣмлющіе и наружнаго крещенія водою и причащенія тѣла и крови Христовой—подъ видомъ хлѣба и вина.

По натуральному слѣдствію, таковыя люди не могли быть оставлены въ покоѣ, какъ со стороны сосѣдей, такъ и со стороны самаго правительства, тѣмъ паче, что никто не зналъ и не понималъ ихъ духа. Они отовсюду терпѣли почти безпрестанныя гоненія: каждая встрѣча съ попомъ, съ исправникомъ или засѣдателемъ вовлекала ихъ въ слѣдствія и въ заключеніе; каждая встрѣча съ сосѣдями сопровождается была ужасными для нихъ ругательствами и обидами, каждый ихъ поступокъ дѣлалъ ихъ въ глазахъ другихъ извергами и возмутителями общаго спокойствія. Высшее правительство судило объ нихъ большею частію по донесеніямъ низшаго начальства, и они не рѣдко посылались въ ссылку, какъ государственныя преступники.

Такимъ образомъ гоненія духоборцевъ не прежде должны были кончиться, какъ въ кроткое и мирное царствованіе Александра I¹⁾.

Въ 1801 году находившіеся въ Слободско-Украинской губерніи, для обривизованія оной, сенаторы: Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій—первыя открыли предъ государемъ людей сихъ въ настоящемъ видѣ, и по представленіямъ сихъ ревизоровъ его величество, желая отдѣлать духоборцевъ, какъ въ Слободско-Украинской, такъ и въ Новороссійской губерніяхъ, высочайше дозволилъ имъ сдѣлать переселеніе на Молочныя воды.

Въ прошломъ 1804 году просили о подобномъ туда переселеніи и находящіеся въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ духоборцы. Но прежде нежели объяснено будетъ, кто они таковы, должно разсмотрѣть ихъ происхожденіе, образъ жизни, также и ихъ ученіе.

1) Происхожденіе духоборцевъ.

Названіе духоборцевъ дано имъ уже въ 1785 году, и вѣроятно бывшимъ тогда екатеринославскимъ архіепископомъ. Сямъ названіемъ, конечно, хотѣли тогда означить ересь, содержащую ученіе духоборцевъ, такъ какъ непоклоненіе иконамъ, названо иконоборческою ересью; но

¹⁾ Гоненія духоборцевъ начались съ 1792 года, когда екатеринославскій губернаторъ писалъ въ Петербургъ, что „всѣ зараженные иконоборствомъ не заслуживаютъ челоѣколюбія“, ибо ересь ихъ особенно опасна и соблазнительна для послѣдователей тѣмъ, что „образъ жизни духоборцевъ основанъ на честиѣйшихъ правилахъ и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу и спасенію они чуютъ отъ благихъ дѣлъ“. Духоборцы были приговорены къ сожженію, но помилованы и сосланы въ Сибирь. Р е д.

духоборцы сами, производя названіе сіе отъ «духа», къ объясненію онаго говорятъ, что они духомъ Богу служатъ и духомъ бодрствуютъ. Итакъ, по ихъ истолкованію надлежало бы называть ихъ духоборцами. Прежде того правительство называло ихъ иконоборцами, а ихъ ученіе иконоборческою ересью, такъ какъ они отвергаютъ между прочимъ и поклоненіе иконамъ. Чернь называла ихъ всякими ругательными именами, но болѣе всего молоканами и фармазонами: молоканами потому, что они не наблюдали постовъ и ѣли во время оныхъ молоко и мясное; а слово фармазонъ есть испорченное, и есть то же, что масонъ (франкъ-масонъ). Что касается до ихъ самихъ, то они всегда называли и называютъ себя просто христіанами, а прочіихъ мірскими людьми.

Начало ихъ происхожденія имъ самимъ неизвѣстно, ибо они, какъ простолюдины и безграмотные, не имѣютъ у себя никакой исторіи; преданіе также не сохранило между ними о томъ памяти. Они говорятъ только, что происходятъ отъ трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила, пострадавшихъ за непоклоненіе образу Навуходоносора. Безъ сомнѣнія чрезъ то хотятъ сказать, что они такъ же страдаютъ и готовы страдать за непоклоненіе иконамъ и за отверженіе церемоній и обрядовъ наружной церкви.

Общество духоборцевъ до нынѣ было общество разсѣянное. Они нигдѣ не составляли изъ себя цѣлыхъ селеній, но въ разныхъ селеніяхъ жили только по нѣсколькѣ семействъ. Сверхъ того они разсѣяны и по всѣмъ странамъ Россіи; кромѣ нѣкоторыхъ полуденныхъ ея губерній, братья ихъ есть въ Архангельскѣ, въ Азовѣ, въ Георгіевскѣ, въ Ставрополѣ, въ Колѣ, даже въ Иркутскѣ и въ самой Камчаткѣ. Они увѣряютъ также, что многіе изъ ихъ братьевъ находятся въ Германіи и Турціи; но въ Германіи они больше гонимы, нежели между магометанами.

Сношенія между находящимися въ Россіи бываютъ по случаямъ, когда, напримѣръ, кому-нибудь изъ ихъ собратій случится быть въ тѣхъ мѣстахъ, за своими нуждами, или по торговымъ оборотамъ; въ случаѣ же нужды посылаютъ иногда и нарочныхъ.

2) Образъ ихъ жизни и правленія.

Если не касаться до правилъ исповѣданія вѣры, то духоборцы могутъ служить образцомъ въ домашней и общественной жизни для крестьянъ. Въ 1792 году екатеринославскій губернаторъ Коковскій въ донесеніи своемъ къ бывшему тогда генераль-прокурору между прочимъ представлялъ, что послѣдователи духоборческой ереси ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, пекутся неусыпно о своемъ домостроительствѣ, и суть благодѣтельны. Государствен-

ныя подати и другія общественныя повинности они всегда несли исправно, даже часто въ излишествѣ противу прочихъ крестьянъ, по причинѣ всегда чинимыхъ имъ отъ сельскаго начальства притѣсненій всякаго рода. Лѣность и пьянство не терпимы у нихъ до того, что зараженныхъ сими пороками исключаютъ они изъ своего общества.

Но какъ скоро касаются до такихъ обязанностей ихъ и дѣйствій, въ кои хотя нѣсколько входитъ вѣроисповѣданіе, то тутъ открывается совершенное несходство и даже противоположность ихъ въ сравненіи съ прочими крестьянами.

Духоборцы вовсе не ходятъ въ наружную церковь, не поклоняются иконамъ, во время молитвы не дѣлаютъ на себѣ рукою крестнаго знаменія, не наблюдаютъ обыкновенныхъ постовъ и не участвуютъ въ веселостяхъ и развратныхъ дѣлахъ мірскихъ людей. Вотъ сколько причинъ, совершенно отдѣляющихъ ихъ отъ всякаго обыкновеннаго общества крестьянъ, и также служившихъ всегдѣшнимъ поводомъ и къ безпрестанному ихъ гоненію.

Духоборцы думаютъ, что всякая наружность въ дѣлѣ спасенія вовсе бесполезна, и что наружная церковь, по причинѣ паденія истиннаго христіанства, сдѣлалась вертепомъ разбойниковъ; и потому признаютъ церковь единую, святую, соборную и апостольскую, которую Господь явленіемъ своимъ собралъ, осіялъ и осіяваетъ и украшаетъ дарованіями Духа Святаго, и которая потому есть собраніе вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ.

Въ семъ увѣреніи они дѣлаютъ между собою частыя собранія изъ своихъ собратій; однакожъ не имѣютъ для того особо назначеннаго какаго-либо мѣста, такъ какъ въ мѣстѣ не находятъ они никакой святости, но собираются другъ къ другу безъ всякаго различія. Они не назначаютъ также для сего и особыхъ какихъ-либо дней, почитая ихъ всѣ равными и не имѣя никакихъ праздниковъ: всякій день свободный бываетъ днемъ ихъ собранія. Впрочемъ собранія сіи большею частію бываютъ въ обыкновенныя церковныя и царскіе праздники, когда прочіе мірскіе люди не работаютъ; потому что есть-либы стали они работать во время сихъ праздниковъ, то тѣмъ навлекли бы на себя ругательства мірянъ и могли бы подвергнуться истязаніямъ за пренебреженіе государственныхъ установленій. Такимъ образомъ всякій изъ нихъ можетъ сдѣлать у себя собраніе, когда захочетъ, приглася къ себѣ всю собратію. Есть ли же такое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ накормить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему и нужную къ ужину пищу, или иногда приносятъ оную съ собою, ибо въ собраніяхъ они и ужинаютъ. Пришедъ въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга, мужчины мужчинъ, а женщины женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона в цѣлуясь

троекратно; при началѣ каждый читаетъ свою молитву. Три поклона и троекратное цѣлованіе дѣлаютъ они во имя Три-Впостаснаго Бога, въ очищеніе плоти и для отогнанія гордости; рука за руку берутся въ знакъ союза и любви, благовѣщанія, познанія разума, познанія тайнаго Бога внутрь себя.

Въ продолженіе собранія читаютъ молитвы одинъ послѣ другаго, какія кто знаетъ; поютъ всѣ вмѣстѣ псалмы и поучаются слову Божию. А какъ всѣ почти не умѣютъ читать, а потому не имѣютъ у себя и книгъ, то все сіе производится въ собраніи изустно. Священниковъ обыкновенныхъ у нихъ нѣтъ; они признаютъ священника единаго праведнаго, преподобнаго, не лживаго, не сквернаго, отлученнаго отъ грѣшниковъ и превознесеннаго превыше небесъ—Христа: онъ единъ и учитель ихъ. Итакъ, въ собраніяхъ поучаются они слову Божию другъ отъ друга; всякой можетъ говорить, что знаетъ, къ назиданію своей собратин: даже самыя женщины изъ того не изъемятся, ибо, говорятъ они, и женщины имѣютъ разумъ, а свѣтъ—въ разумѣ. Молятся, стоя или сидя, какъ случится.

При окончаніи собранія также бываетъ троекратное цѣлованіе, какъ и при началѣ онаго; и послѣ того братія расходится по домамъ.

Все, сказанное здѣсь о времени и мѣстѣ, относится къ тѣмъ только духоборцамъ, кои жили или живутъ еще разсѣянно по селеніямъ, вмѣстѣ съ прочими крестьянами; что-же касается до переселившихся на Молочныя воды, то они дѣлаютъ собранія свои на открытомъ воздухѣ въ двухъ кругахъ: кругъ мужчинъ и кругъ женщинъ.

Наиболѣе уважаемая въ обществѣ духоборцевъ добродѣтель, есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности; но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ. По переселеніи ихъ на Молочныя воды, они доказали сіе на самомъ дѣлѣ; ибо они сложили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ что теперь у нихъ общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазина. Каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ему ни понадобится. Страннопріимство—также не послѣдняя между ими добродѣтель, ибо съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ они ни за постои, ни за пищу. Впрочемъ, дабы братья ихъ со-временемъ не могли развратиться отъ пристающихъ у нихъ стороннихъ людей, то для сего построенъ на Молочныхъ водахъ особый общественный домъ, гдѣ должны останавливаться всѣ таковыя проѣзжающіе. Здѣсь также пристають и угощаются свѣтскіе начальники на счетъ общества, и тутъ же хранится у нихъ общественная сумма.

Къ ближнему духоборцы сострадательны; самыя мѣстныя начальства при всѣхъ возводимыхъ на нихъ клеветахъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовали предъ высшимъ правительствомъ, что они въ нуждахъ оказы-

вають ближнимъ пособіе и великія благотворенія. Они жалостливы даже къ домашнему скоту, ибо никогда почти не бьютъ онаго.

Строго также наблюдается между ними почтеніе дѣтей къ плотскимъ родителямъ и вообще младшихъ лѣтами къ старшимъ, хотя сіи старшіе и даже родители не присвоиваютъ себѣ надъ ними никакой власти, почитая себя духовно имъ равными.

Наказаній между братьями нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества. Сіе исключеніе бываетъ за такіе только поступки, изъ коихъ общество ясно видитъ, что въ исключаемомъ потерявъ уже духъ христіанства, в кои могутъ подать соблазнъ другимъ братьямъ. Но прежде такового исключенія каждый изъ братій, какъ скоро замѣтитъ въ комъ подобный поступокъ, по точному смыслу Священнаго Писанія, напоминаетъ ему, что онъ дѣлаетъ худо; есть ли проступившійся отъ того не усовѣстится, то увѣщается при двухъ или трехъ братіяхъ; есть ли не послушается трехъ, то обличается въ цѣломъ собраніи; но есть ли и тогда останется упорнымъ, то рѣшительно уже исключается изъ общества.

Бываютъ однакожъ примѣры, хотя весьма рѣдкіе, что нѣкоторые изъ ихъ братій, не сдѣлавъ явно никакого поступка, по которому бы могли подлежать исключенію изъ общества, сами собою оставляютъ его, безъ сомнѣнія для того, чтобъ пожить по своей волѣ безъ всякаго принужденія: случалось даже, что жены оставляли своихъ мужей. Таковыхъ они не удерживаютъ, но даютъ имъ свободу, надѣливъ притомъ по возможности и имуществомъ.

Впрочемъ, исключенные изъ ихъ общества и сами собою отдѣлившись, могутъ и опять приняты быть въ оное, есть ли совершенно раскаются въ своихъ проступкахъ и оставятъ развратную жизнь; чему также нерѣдко бываютъ примѣры.

Упражненія ихъ обыкновенныя, смотря по званію, кто въ какомъ изъ нихъ находится. Такимъ образомъ купецъ занимается купечествомъ, а земледѣлецъ—земледѣіемъ. Но какъ большая часть изъ нихъ суть земаедѣльцы, то и обыкновеннѣйшее ихъ упражненіе есть земледѣіе: нѣкоторымъ образомъ предпочитаютъ даже сіе благородное упражненіе всѣмъ прочимъ.

Въ обществѣ ихъ совершенно нѣтъ никакихъ старшинъ, кои бы управляли и распоряжались обществомъ; но общество управляетъ всѣми и каждымъ. Письменныхъ постановленій и правилъ также нѣтъ у нихъ никакихъ. Судя по обыкновенному духу простаго народа, въ обществѣ духоворцевъ должно бы казалось быть разногласіе и безпорядокъ; однакожъ такового безпорядка никогда у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ водахъ до трехъ и даже до пяти малолюдныхъ семействъ уживаются въ одной большой избѣ.

Что касается до управления семействъ, въ частности взятыхъ, то

слабость и нужды женскаго пола, неопытность юношей и воспитаніе не пришедшихъ въ возрастъ дѣтей, конечно, требуютъ уже другаго порядка. Въ каждомъ семействѣ естественно долженъ быть старшій, и сей старшій есть родитель по плоти. Долгъ его есть промышлять о нуждахъ своего семейства, смотрѣть за поступками дѣтей, исправлять ихъ недостатки и научать закону Божию. Когда умираетъ родитель, то мѣсто его заступитъ старшій изъ братьевъ; а въ случаѣ неспособности сего послѣдняго, въ управление семейства вступаетъ другой способнѣйшій.

Образъ воспитанія у духоборцевъ самый простой и единственный. Какъ скоро дитя начинаетъ говорить и понимать, то родителя начинаютъ изустно обучать ихъ краткимъ молитвамъ и псалмамъ, пересказываютъ имъ что-нибудь изъ священнаго писанія, и такимъ образомъ всегда продолжаютъ наставлять ихъ изустно въ христіанскомъ законѣ. Когда же дѣти выучатъ нѣсколько молитвъ и псалмовъ, то вмѣстѣ съ другими ходятъ въ собранія, читаютъ въ свою очередь выученныя ими молитвы и поютъ съ прочими псалмы. Впрочемъ, и кромѣ родителей каждый изъ духоборцевъ за долгъ считаетъ научить чему-нибудь полезному всякое дитя своей собратин, какъ скоро имѣетъ къ тому случай, и удерживать отъ зла, есть ли то въ немъ замѣтить.

При такомъ воспитаніи духъ родителей мало-по-малу переходитъ и въ ихъ дѣтей; образъ мыслей глубже въ нихъ вкореняется и ихъ склонность къ добру сильнѣе утверждается добрыми примѣрами. Увѣряютъ, и очень естественно, что между множества дѣтей, каждый отличить можетъ духоборческихъ дѣтей отъ всѣхъ прочихъ, какъ колосъ пшеницы между овсомъ.

3) Ученіе духоборцевъ.

1) Главнѣйшій догматъ исповѣданія духоборцевъ есть служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истиною. Всякую наружность, яко ненужную въ дѣлѣ спасенія, отвергаютъ.

2) Они не знаютъ никакого символа вѣры, но говорятъ только о себѣ, что они вѣры Иисусовой. Извѣстный въ нашихъ церквахъ символъ вѣры они читаютъ, и все содержащееся въ ономъ признаютъ за истину; но полагаютъ его въ числѣ обыкновенныхъ своихъ псалмовъ.

3) Бога признаютъ въ трехъ лицахъ единаго-неисповѣдаемаго. Вѣруютъ, что памятію мы уподобляемся Богу-Отцу, разумомъ—Богу-Сыну, волею—Богу-Духу Святому; также первое лице,—свѣтъ—Отецъ Богъ нашъ; второе лице—жизнь—Сынъ-Богъ нашъ; и третіе лице—покой—Святъ Духъ Богъ нашъ.

Изображеніе Три-Ипостаснаго Бога въ натурѣ: Отецъ — высота,

Смысль—широта, Духъ Святій—глубина. Сіе же берутъ и въ нравственномъ смыслѣ: Отецъ высокъ, и никто не можетъ выше его возглаголатъ; Смысль широкъ разумомъ; глубины никто не можетъ испровѣдать.

4) Понятіе, которое они имѣютъ о Христѣ, основано на евангельскомъ ученіи: они признаютъ пришествіе его во плоти, дѣянія, ученіе и страданіе; но болѣе все то берутъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что все, что содержится въ евангеліи, должно совершиться въ насъ. Такимъ образомъ Христосъ долженъ въ насъ зачатъ, родиться, возрасти, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись; и въ семь-то они полагаютъ процессъ новаго рожденія, или обновленія человѣка. Они говорятъ, что самъ Иисусъ былъ и есть евангеліе вѣчное, живое и посылаеъ оное словомъ проповѣдывать. Онъ самъ есть слово и пишется токмо на сердцахъ.

5) Вѣруютъ, что кромѣ Бога и Христа Его, нигдѣ нѣтъ спасенія; но есть ли Богъ не призывается отъ чистаго сердца, то и Онъ самъ спасти человѣка не можетъ.

6) Къ спасенію человѣка нужна несомнѣнная вѣра во Христа; но вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ, какъ и дѣла безъ вѣры. Вѣра же живая одна и есть сердечное принятіе евангелія.

7) Въ разсужденіи крещенія говорятъ, что они крестятся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, сказавъ: шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Крещеніе сіе совершается тогда, когда человѣкъ показается чистымъ желаннымъ сердцемъ и взываетъ къ Богу: тогда оставляются ему грѣха его, и онъ уже думаетъ о Богѣ, а не о мірѣ. Сіе едино крещеніе исповѣдуютъ они во оставленіе грѣховъ.

Новое рожденіе и крещеніе духовное, по ихъ разумѣнію, есть одно и то же. Средство къ достиженію новаго рожденія есть живая вѣра въ Бога и молитва. Знаки рожденнаго или крещеннаго свыше, суть дѣла новаго человѣка.

Впрочемъ, крещеніе сіе имѣетъ, по ихъ мнѣнію, семь состояній или степеней:

Первое—крещеніе есть оставленіе грѣховъ; второе—познаніе міра, или разумѣніе пути Господня; третье—реченіе слова Господня, или глаголь Божій; четвертое—елеосвященіе, или освященіе молитвы; пятое—исповѣданіе духовное; шестое—причащеніе духовное; седьмое—кровемученіе или смиреніе. Кровь означаетъ покрывало слова Божія. Сія же седьмая степень означаетъ еще у нихъ и соединеніе съ Богомъ.

Если кто достигъ до соединенія съ Богомъ, въ чемъ полагаютъ они

седьмую степень духовнаго крещенія, или новаго рожденія, тотъ живеть уже въ Богѣ; и таковой духовными очами можетъ зрѣть и ангеловъ.

Наружное крещеніе водою почитаютъ бесполезнымъ и говорятъ, что вода смываетъ только нечистоту наружнаго тѣла.

8) Они полагаютъ, что каждому истинному христіанину даются два имени: одно плотское, при плотскомъ рожденіи отъ родителей его даваемое; а другое духовное, которое нарицаетъ ему Небесный Отецъ при духовномъ его рожденіи, соответственно его дѣламъ. Сіе послѣднее имя никому здѣсь неизвѣстно, а познано будетъ въ вѣчности.

9) Исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ Богу Небесному, благому и милосердному, отпускающему всѣ наши согрѣшенія, — молитвами. Въ грѣхахъ противу своихъ собратій исповѣдуются предъ всѣми и просятъ у нихъ прощенія. Запираться въ грѣхахъ, когда другіе ихъ узнаютъ, почитается у духоворцевъ великимъ преступленіемъ: если по троекратномъ увѣщаніи таковой не усовѣстится, то его отвергаютъ отъ общества; они сильно оуждаютъ то, когда человѣкъ называетъ себя грѣшникомъ, дѣлаетъ изъ того родъ похвальбы и ложнаго смиренія, и какъ бы извиняясь тѣмъ, но притомъ не старается исправить себя отъ своихъ грѣховъ. Когда человѣкъ палъ, то тотчасъ долженъ встать, просить у Бога прощенія съ сокрушеннымъ сердцемъ и всѣми силами остерегаться, чтобъ паки не впасть въ подобный грѣхъ.

10) Что касается до причащенія, то они причащаются во всякое время святымъ и животворящимъ, безсмертнымъ и страшнымъ тайнамъ во оставленіе грѣховъ духовно, внутренно воспріятіемъ въ себя слова Божія, которое есть Христосъ; и таковое причащеніе, какъ говорятъ они, провищаетъ человѣчскій разумъ сквозь кости и мозговъ.

Тайнство причащенія тѣла и крови Христовой подъ видомъ хлѣба и вина не приѣмлютъ, говоря, что хлѣбъ и вино входятъ во уста, какъ обыкновенная пища, и ничего душѣ нашей не пользуютъ.

11) Постъ полагаютъ они не въ качествѣ пищи, но въ воздержаніи отъ объяденія и другихъ пороковъ, въ чистотѣ, въ кротости и смиреніи духа. Воздержаніе отъ мяса, по словамъ ихъ, не приноситъ душѣ никакой пользы.

12) Святыхъ почитаютъ, но не призываютъ на помощь, говоря, что они угодили Богу собственно для себя: мы должны только имъ подражать, что и называютъ они призывать ихъ дѣло.

Впрочемъ они не почитаютъ дѣла угодившихъ Богу праведниковъ — всѣ безъ разбора святыми: такимъ образомъ они судятъ, что когда Николай Чудотворецъ на соборѣ ударилъ Арія въ щеку, то тогда отъ него отступило слово Божіе, и онъ смѣшалъ рѣдку съ медомъ.

13) Бракъ у нихъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію молодой четы. Поелику нѣтъ между духо-

*

борцами никакого предпочтенія по богатству и знатности фамилій, то родители вовсе не мѣшались у нихъ въ браки дѣтей. Церемоній и обрядовъ притомъ также не бываетъ никакихъ: довольно для сего одного согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ. Иногда однакожь случается, что бракъ ихъ не прежде дѣлается явнымъ, какъ когда уже супруга понесетъ младенца. Впрочемъ, какъ скоро мужчина познаетъ дѣвицу, то онъ не можетъ отказаться имѣть ее своею женою; въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Сему же наказанію неминуемо подвергаются и прелюбодѣи, если бы случились оныя.

Разводовъ, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ другими лицами, у нихъ никогда не бываетъ, ибо сіе было бы также прелюбодѣйство. Но если бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для сохраненія чистоты, то сіе, конечно, зависеть отъ нихъ самихъ. Мужъ по смерти жены и жена по смерти мужа могутъ пакъ вступить въ бракъ до трехъ разъ, чему однакожь почти не бываетъ примѣровъ, ибо, говорятъ они, христіанинъ обязанъ укрощать плоть свою, а не похотствовать.

14) Усопшихъ поминиваютъ они добрыми дѣлами и никакого уже другаго поминовенія по нихъ не творятъ: праведныхъ самъ Господь помянетъ во царствіи Своемъ. Такимъ образомъ они и не молятся уже за умершихъ, почитая то для нихъ послѣ смерти бесполезнымъ. Впрочемъ, кончину христіанина не называютъ они смертію, но измѣненіемъ; а потому и не говорятъ, что братъ нашъ умеръ, но братъ нашъ измѣнился.

При погребеніи усопшихъ, обрядовъ у нихъ не бываетъ никакихъ; также никто объ нихъ и не плачетъ, кромѣ дѣтей, но и въ тѣхъ почитается сіе одною слабостію. Когда духоборцы жили скрытно, то тѣла умершихъ ихъ собратій погребались обыкновеннымъ образомъ на общемъ кладбищѣ; но когда они сдѣлались явны, то хоронили своихъ умершихъ въ особенныхъ мѣстахъ.

15) Сотвореніе перваго человѣка исповѣдуютъ они такимъ же образомъ, какъ говорится о томъ въ священномъ писаніи, то-есть, что тѣло его взято отъ земли, и что Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ былъ чистъ и непороченъ, и тѣло имѣлъ лучшаго и совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ мирномъ тѣлѣ. Паденіе полагаютъ въ преступленія заповѣда Божеской.

Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жила отъ корня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Сіе объясняется извѣстнымъ мнѣніемъ, что человѣкъ есть малый міръ.

О душѣ человѣческой говорятъ, что она есть сила въ Богѣ, а Богъ въ человѣкѣ.

16) Разсуждая о грѣхѣ наслѣдственномъ, они согласны, что отъ злыхъ родителей большею частію рождаются и злыя дѣти; но притомъ

утверждаютъ, что грѣхи родителей не препятствуютъ спасенію дѣтей, и что въ дѣлѣ спасенія каждый самъ за себя долженъ будетъ дать Богу отвѣтъ.

17) Въ разсужденіи блаженнаго состоянія праведныхъ и рая, говорятъ, что царство въ силѣ, а рай въ словеси и что души праведныхъ въ рудѣ Божіей, а потому не прикоснется къ нимъ и мука; въ разсужденіи же мученія грѣшныхъ и ада (полагаютъ), что грѣшныя души во тьмѣ ходятъ, чающе себя скорой погябели, и что адъ стоитъ на злобѣ.

О переселеніи душъ послѣ смерти разсуждаютъ, что человѣкъ дѣломъ оправдится и дѣломъ погябнетъ; что дѣло приводитъ каждого въ свои мѣста, и что послѣ смерти нѣтъ уже покаянія.

18) Что касается до общаго воскресенія праведныхъ и грѣшниковъ, то духоборцы въ сужденіе о семъ не входятъ, предоставляя то единому Богу.

19) Вообще они не охотно или и вовсе не входятъ въ изъясненіе таинственныхъ вещей съ людьми, мало имъ извѣстными, основываясь въ томъ на изреченіи Спасителя, сказавшаго: не мечите бисера предъ свиньями. Они говорятъ, что теперь еще не время открывать сіи вещи, и что оныя скоро всемъ извѣстны будутъ.

Равнымъ образомъ и на вопросъ: какъ скоро ожидаютъ они пришествія Христова, отвѣчали, что судя по дѣламъ, въ мірѣ творящимся, надобно ему быть скоро.

20) Дабы человѣку спасти душу свою, то для сего не полагаютъ они нужнымъ быть въ ихъ обществѣ. Они говорятъ, что дѣло приводитъ ко спасенію, и для того нужно только уразумѣть путь Господень и исполнять его.

21) Театръ, по мнѣнію ихъ, есть школа сатанинская, гдѣ самъ сатана и діаволъ присутствуютъ. Плясуны, какъ на театрахъ, такъ и на прочихъ увеселеніяхъ уподобляются гусамъ, которые весной съ маткою выходятъ на траву, скачутъ и прыгаютъ, но все остаются гусями и познанія о Богѣ не имѣютъ; когда же приходитъ морозъ, то они садятся и пряхутъ свои ноги.

22) Въ убранствѣ покоевъ духоборцы не ставятъ никакого грѣха; напротивъ того, говорятъ еще, что человѣку христіанину прилично жить чисто и опратно (чѣмъ они и сами, по ихъ увѣренію, отличались всегда отъ прочихъ крестьянъ въ ихъ селеніяхъ), нужно только смотрѣть, чтобъ духъ не былъ привязанъ къ симъ убранствамъ.

То же думаютъ они о картинахъ въ покояхъ, о портретахъ извѣстныхъ людей и даже изображеніяхъ святыхъ. Они говорятъ, что таковыя картины служатъ украшеніемъ дома и пріятны для глазъ; но поклоняться имъ отнюдь не должно, и есть грѣхъ смертельный.

23) О бритвѣ бородъ и употребленіи табаку они говорятъ, что по-

елику ни борода, ни воздержаніе отъ табаку не составляютъ еще христіанина, то ни въ томъ, ни въ другомъ не полагаютъ ни малѣйшей важности. Если бы имъ, какъ крестьянамъ, прилично было ходить безъ бородъ, то бы они безъ всякаго затрудненія согласились себѣ оныя выбрить.

24) Когда духоворцы жили въ Россіи скрытнымъ образомъ, то необходимость, конечно, заставляла и ихъ исполнять тогда для виду наружные обряды греко-россійской церкви; но поелику они ихъ внутренно нисколько не уважали, то дабы не обнаружить образа мыслей своихъ, всякому обряду, всякой вещи, принадлежавшей къ наружному богослуженію, давали особыя свои значенія и истолкованія въ духовномъ смыслѣ. Напримѣръ, разсуждая о просфорахъ, они говорятъ, что:

Первая просфора есть согласіе православной вѣры; вторая—любовь не лицемѣрная; третья—поученіе въ правомъ достоинствѣ; четвертая—принятіе святыхъ таинъ; пятая—просвѣтитель.

Приобыкнувъ къ таковому іероглифическому выраженію мыслей, они придаютъ нравственное значеніе и многимъ другимъ предметамъ; такъ, напримѣръ, каждому дню седмицы приданы у нихъ слѣдующія значенія, въ родѣ краткихъ правоучительныхъ значеній:

Понедѣльникъ—вся дѣла Господня повѣда. Вторникъ—второе рожденіе человѣка. Среда—зоветъ Господь людей ко спасенію. Четвертокъ—чтите Господа и святыхъ Его. Пятница—пой, прославляй имя Его. Суббота—бойся суда Господня, дабы не погубить душу свою въ неправдѣ. Воскресенье—воскресни отъ мертвыхъ дѣла и приди къ царствію небесному.

Семь небесъ означаютъ у нихъ семь евангельскихъ добродѣтелей, такимъ образомъ:

Первое небо есть смиреніе; второе—разумѣніе; третье—воздержаніе; четвертое—братолюбіе; пятое—милосердіе; шестое—совѣтъ; седьмое—любовь; тамъ живетъ и Богъ.

Подобно сему двѣнадцать христіанскихъ добродѣтелей изображаются у нихъ въ видѣ двѣнадцати друзей. Сіи друзья суть:

- 1) Правда—человѣка отъ смерти избавляетъ
- 2) Чистота—человѣка къ Богу приводитъ.
- 3) Любовь—идѣ же любовь, тамо и Богъ.
- 4) Труды—тѣлу честь и душѣ вспоможеніе.
- 5) Послушаніе—скорый путь ко спасенію.
- 6) Неосужденіе—безъ труда человѣку спасеніе.
- 7) Разсужденіе—всей добродѣтели свыше.
- 8) Милосердіе—отъ него человѣка самъ сатана трепещеть.
- 9) Покореніе—самого Христа Бога нашего дѣла.

10) Молитва съ постомъ—она человѣка съ Богомъ соединяетъ.

11) Покаяніе—нѣтъ закона и заповѣди выше его.

12) Благодареніе—радостно Богу и ангеламъ Его.

Кто пойметъ сихъ двадцать друзей, за того человѣка заступятъ дванадцать ангеловъ и понесутъ душу его въ царство небесное.

Для образца предлагаются также здѣсь и двѣ молитвы изъ тѣхъ, какія читаются у нихъ въ собраніяхъ:

1.

Къ кому пойду отъ Тебя, Господа моего, отъ лица Твоего къ кому убѣгу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сиду во адъ, Ты тамъ еси; аще возьму крылья мои рано, вселюся въ послѣднія моря, тамо рука Твоя наставитъ меня и удержитъ меня десница Твоя. Къ кому пойду и гдѣ обрѣщу вѣчный животъ, аще 'не въ Тебѣ—Создателѣ моемъ? Къ кому пойду и гдѣ обрѣщу утѣшеніе, радость, пристанище, покой душѣ моей? Къ кому пойду отъ Тебе, Господи Боже мой, Ты глаголы живота имаши въ Себѣ? Ты еси источникъ живота, податель всѣхъ благъ Твоихъ. Возжажда къ Тебѣ душа моя, возжажда къ Тебѣ сердце мое, Боже живота моего! Усладимся пресвятаго Твоего имени, пресладкаго Господа моего Иисуса; да уранаена имъ будетъ душа моя, да уязвлено будетъ мое сердце, да ничто же будетъ мнѣ любезнѣе во всемъ житіи моемъ, паче пресвятаго Твоего духа; будутъ сладки словеса Твоя гортани моей и устомъ моимъ, паче меду; оправданія Твоя возжеланныи мнѣ будутъ, Господи, паче злата; каменія честна, много слаще, паче меда и сота.

2.

Како Тебе мы имѣемъ любить Господа своего; Ты бо еси животъ мой, Ты бо еси мое спасеніе, слава и похвала; Ты бо еси моя богатства, вѣчная сокровища; Ты бо еси моя надежда и упованіе; Ты бо еси мое радованіе, вѣчный покой; лучше ли мнѣ любить вещь суетную, или вещь безвѣстную, превратную или погубительную, ложную, нежели Тебе, истиннаго живота моего? Животъ Ты еси, мое спасеніе: сего ради всю надежду мою, вся упованія моя, вся желанія моя въ Тебѣ единомъ полагаю. Тебе, Господи! взыщу всѣмъ сердцемъ моимъ, всею душею моею, всѣмъ помышленіемъ моимъ; къ Тебѣ единому во углубленіе имамъ вся внутренняя, членова мнози; къ Тебѣ единому назишусь; весь буду въ Тебѣ, а Ты во мнѣ. Увѣиъ и познаю Тебе во истинномъ-во единомъ истиннаго Бога-Господа, Его же послалъ, Иисуса Христа. Во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ благодатію Твоего Пресвятаго Духа.

Духоборцы, пріѣзжавшіе въ прошломъ, 1804 г., въ Санктъ-Петербур-

бургъ для испрошенія своимъ собратіямъ дозволенія къ переселенію на Молочныя воды, при обратномъ ихъ отъѣздѣ въ свои мѣста предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, будучи вопрошаемы, не лучше ли имъ провести праздникъ въ Санктъ-Петербургѣ и послѣ онаго уже отправиться въ путь, сказали: для насъ все равно, потому что праздникъ съ нами, внутрь насъ.

Когда же увѣщаемы были, чтобы поселясь на Молочныхъ водахъ, жили они тихо и скромно и не старались обращать въ свою секту, то отвѣчали, что все, что надобно, уже посѣяно; что имъ не нужно болѣе объ ономъ стараться и что теперь настало время жатвы, а не посѣва.

* * *

II.

Правда о духоборцахъ.

Въ концѣ лѣта 1895 года въ нѣкоторыхъ столичныхъ и провінціальныхъ органахъ нашей печати стали появляться сообщенія и замѣтки о беспорядкахъ, возникшихъ среди поселенныхъ на Кавказѣ сектантовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «духоборцевъ». Подобныя статьи продолжаютъ попадаться изрѣдка и по сіе время и даже не только въ нашей русской прессѣ, но и въ заграничной. Такъ, на примѣръ, въскольکو мѣсяцевъ тому назадъ въ англійской газетѣ «Times» было помѣщено длинное повѣствованіе о духоборскихъ волненіяхъ какого-то неизвѣстнаго автора, присланное въ редакцію при письмѣ графа Л. Н. Толстого, въ которомъ нашъ маститый писатель рекомендуетъ это произведеніе редакціи «Times», какъ вполне достовѣрное и интересное по своему религіозно-общественному значенію. Еще позднѣе, довольно обширныя статьи, также неизвѣстныхъ авторовъ, были посвящены тому же вопросу въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Недѣль», въ «Варжевыхъ Вѣдомостяхъ» и др. Всѣ, однако, эти статьи и замѣтки, какъ русскія, такъ и иностранныя въ общемъ не выясняютъ достаточно подробно и обстоятельно суть дѣла, отчасти по своей отрывочности и неполнотѣ, отчасти же, вслѣдствіе своего явно-тенденціознаго направленія безусловно прятствующаго, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, всякому безпристрастному читателю представить себѣ общую картину дѣла во всей ея полнотѣ и ясности. А между тѣмъ и самое событіе по своей исключительности и связанный съ нимъ общій вопросъ о положеніи духоборцевъ въ нашей окраинѣ весьма интересны и въ историческомъ, и въ бытовомъ, и въ государственномъ отношеніяхъ. Важенъ также и тотъ воз-

возможный выходъ изъ ненормальнаго положенія вещей, которыми должно закончиться все дѣло на практикѣ. Настоящая статья и имѣетъ своею цѣлью изобразить весь ходъ событій по возможности кратко, ясно и безпристрастно.

Прежде всего однако необходимо, для выясненія многихъ существеннѣйшихъ причинъ возникшихъ волненій, коснуться хотя бы слегка, на основаніи имѣющихся въ литературѣ источниковъ, историческихъ судебъ секты въ нашемъ отечествѣ, а также нѣкоторыхъ основныхъ догматовъ исповѣдуемаго ею вѣроученія.

Секта духоборцевъ появилась въ Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ губерніяхъ Тамбовской и Екатеринославской. Названіе свое «духоборцевъ» сектанты получили въ 1785 году отъ екатеринославскаго архіепископа преосвященнаго Амвросія, признавашаго въ нихъ вѣроученія «противоборство» всѣмъ духовнымъ основамъ православной церкви. Самимъ сектантамъ это названіе очень понравилось, такъ какъ они объясняли его въ томъ смыслѣ, что они являются «борцами за Святаго Духа», поборниками Его, невидимо, но постоянно и исключительно присутствующаго въ нихъ средѣ. Благодаря такому своему свойству, удовлетворяющему обѣ стороны, названіе это мало-помалу завоевало себѣ право гражданства сперва въ языкѣ обыденномъ, разговорномъ, а затѣмъ утвердилось и въ дѣлахъ и сношеніяхъ официальныхъ.

Первыми основателями секты явились у насъ чужестранцы: квакеры и анабаптисты, заброшенные судьбою на югъ Россіи. Но эти пришлые люди положили лишь основаніе, краеугольный камень новой ереси, всѣ же дальнѣйшіе фазисы ея развитія и видоизмѣненія суть плоды дѣятельности и мышленія исключительно русскихъ людей, выросшіе на русской почвѣ. Причину первоначальнаго успѣха квакерской пропаганды, конечно, надо искать въ томъ социальномъ-экономическомъ положеніи, въ которомъ находилось тогдашнее крестьянство, изъ среды котораго исключительно и вышли первые агенты вѣроученія. Изнуренное тяжелой рекрутчиной, лорабощенное и подавленное неправосудіемъ, крѣпостнымъ правомъ и разнузданнымъ произволомъ мелкихъ властей — крестьянство, за отсутствіемъ добросовѣстныхъ духовныхъ пастырей, почти незнакомое съ внутреннею сущностью ученія православной церкви — жадно прислушивалось къ рационалистическому ученію квакеровъ, проповѣдывавшихъ о такихъ заманчивыхъ вещахъ, какъ о равенствѣ всѣхъ людей и о грѣховности военной службы. Новая секта мало-помалу стала расти и расширяться.

Но, если квакерское ученіе не могло быть терпимо въ Западной Европѣ, то тѣмъ менѣе оно могло быть допустимо въ тѣ времена у насъ

въ Россіи, не только вслѣдствіе отрицанія имъ основъ господствующей православной церкви, но и вслѣдствіе явнаго противорѣчія его всему социально-политическому строю государства, а въ особенности главному его основанію — крѣпостному праву, которое отвергалось новою сектою во всѣхъ его частяхъ. Понятно потому, что сектанты сразу подверглись гоненію и преслѣдованію какъ со стороны правительственной и духовной власти, такъ, въ особенности, со стороны господствовавшего класса общества — помѣщиковъ, существенные интересы которыхъ и затронувало, главнымъ образомъ, новое вѣроученіе. Гоненія эти, однако, какъ основанныя исключительно на насиліи и тяжкихъ наказаніяхъ — пользы принесли мало. Сектанты стойко и терпѣливо выносили наказанія, но отъ ученія своего не отрекались, а если и отрекались, то только наружно. Такое упорство вытекало не только изъ присущаго всѣмъ гонимымъ за вѣру фанатизма, но главнымъ образомъ поддерживалось и тѣмъ, что новое ученіе по своимъ основнымъ положеніямъ удовлетворяло нравственной потребности сектантовъ болѣе всѣхъ другихъ ученій и въ социальномъ, и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, а надежда на успѣшное распространеніе вѣроученія общала имъ въ будущемъ избавленіе отъ той тяготы, отъ которой они страдали. Прямимъ результатомъ гоненій явились лишь бѣгство и укрывательство сектантовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы ихъ не могли найти, а также всевозможныя ухищренія, чтобы скрыть слѣды культа отъ всѣхъ властей имущихъ.

Подобныя побѣги и укрывательства повліяли, конечно, неизбежно и на чистоту первоначальнаго ученія секты. Кладя въ основу ученія духовное совершенствованіе путемъ чтенія священнаго писанія и пѣнія псалмовъ въ собраніи вѣрующихъ, сектанты при укрывательствахъ не могли фактически удовлетворить этой потребности, отчасти за нераспространенностью въ тѣ времена книгъ священнаго писанія, отчасти же вслѣдствіе безграмотности большинства адептовъ новой вѣры. Пришлось ограничиться пѣніемъ псалмовъ заученныхъ наизусть; но при отсутствіи лицъ, могущихъ исправлять ошибки, допускаемыя неизбежно при такого рода передачѣ, въ эти псалмы постепенно стали вкрадываться извращенія текста, часто совершенно мѣняющія весь смыслъ псалма. Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти извращенія все болѣе и болѣе искажали смыслъ священныхъ пѣснь и въ концѣ концовъ получалась какая-то рифмованная импровизація, не имѣющая по существу уже никакого смысла, какъ это замѣтно и теперь въ тѣхъ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ, которыя распѣваютъ духоворцы при обращеніяхъ своихъ къ Господу Богу. Форма, такимъ образомъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ сектахъ окончательно поглотила внутренній смыслъ. Кромѣ того, за отсутствіемъ опредѣленнаго, признаваемого всѣми верховнаго пастыря секты, изъ среды сектантовъ стали

появляться отдѣльные самозванные проповѣдники, отличающіеся особой экзальтаціей, тѣмъ болѣе, что возможность подобныхъ появленій боговдохновенныхъ личностей входила въ догму вѣроваій сектантовъ. Эти проповѣдники, дѣйствуя на воображеніе своихъ темныхъ слушателей болѣзненными явленіями своей экзальтаціи, переходящими при передачѣ изъ устъ въ уста въ чудесныя явленія, являлись первоначально лишь истолкователями основнаго ученія, но потомъ, постепенно увлекаясь своею ролью и силою своего вліянія на массу, неизбѣжно стали вводить свои новыя положенія, измѣняющія въ основахъ вѣроученіе секты. Подобныхъ проповѣдниковъ и реформаторовъ было въ духоборческой сектѣ нѣсколько, но наиболѣе выдающимися изъ нихъ были: нѣкій Силуанъ Колесниковъ и особенно Савелій Капустинъ, который совершенно измѣнилъ первоначальныя основы ученія сектантовъ, а также придавъ сектѣ строгую организацію и установилъ ее въ настоящемъ ея видѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ гоненія, воздвигнутыя на секту, имѣли значеніе для ея развитія и положенія не только религіозное, но и политическое. Съ одной стороны, эти гоненія соединили и сплотили сектантовъ, какъ лицъ постоянно находящихся въ одинаковой опасности, въ одно общее цѣлое, съ другой озлобили сектантовъ противъ гонителей, а въ особенноти противъ всѣхъ лицъ административныхъ и вообще власть имущихъ, какъ осуществляющихъ эти гоненія на практикѣ. Озлобленіе это, какъ и вообще у большинства русскихъ раскольниковъ, никогда не переходило въ открытое противодѣйствіе силѣ—силою. Напротивъ, нѣкоторый ореолъ мученичества за вѣру всегда былъ пріятенъ сознанію сектантовъ, такъ какъ въ самомъ фактѣ мученичества они почерпали надежду на вознагражденіе за него въ жизни будущей; но тѣмъ не менѣе овлобленіе духоборцевъ противу притѣснителей оставило по себѣ слѣды даже въ ихъ вѣроученіи и обычаяхъ. Такъ, въ началѣ они стали придавать своимъ притѣснителямъ различныя оскорбительныя названія и прозвища, но дабы скрыть смыслъ этихъ названій придумывали различныя софистическія объясненія. Называютъ они, на примѣръ, всѣхъ православныхъ христіанъ раскольниками, такъ какъ они-де поклоняются иконамъ, писаннымъ на доскѣ, которая расколота (отколота отъ куска дерева); называютъ ихъ же идолопоклонниками, такъ какъ они-де поклоняются истуканамъ, ибо почитаютъ металлическій крестъ, который истуканъ (выкованъ молоткомъ) изъ металла; названіе греко-россійской вѣры сектанты перенесли въ грѣхо-россійскую въ доказательство грѣховности ея и т. д. Съ теченіемъ времени, при послѣдующихъ поколѣніяхъ подобныя софистическія толкованія, при всей ихъ наивности, превратились тѣмъ не менѣе въ предметъ вѣры и убѣжденій. Мало того, при продолжавшихся гоненіяхъ, вспоминая, что первые ихъ учителя были иновѣдцы, сектанты категорически отказа-

лись отъ своей русской народности, почему и ношеніе своего заимствованнаго отъ квакеровъ костюма и обязательное по примѣру тѣхъ же квакеровъ бритье бороды возвели въ культъ своего ученія. Отреклись они также и отъ своего національнаго имени, русскими себя признавать и называть перестали, твердо воспринявъ лишь излюбленное свое прозвище «духоборцевъ», которое принципиально и замѣнило имъ народное имя.

Общественно-правственная сторона жизни сектантовъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же гоненій, также сложилась у нихъ своеобразнымъ, двойственнымъ образомъ. Обстоятельства принудили ихъ замкнуться исключительно въ своей средѣ и сдѣлаться скрытыми относительно всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ. Не желая противиться силѣ силой по своему религиозному убѣжденію, они стали всячески лукавить передъ властью и, будучи наружно крайне почитательными, стали скрывать все, что только касается до ихъ дѣлъ. Будучи въ сношеніяхъ между собой крайне правдивы и честны, они такой лукавый образъ дѣйствій допустили лишь по отношенію къ лицамъ, чуждымъ ихъ вѣрш. Кромѣ того, дабы не имѣть дѣла съ властями, они ввели въ свой культъ требованіе не судиться и не обращаться къ властямъ съ какой бы то ни было жалобой, рѣшая всѣ дѣла промежъ себя. Вообще ихъ общее правило: всяческимъ образомъ избѣгать сношеній съ властями, исполнять ихъ требованія, говорить съ ними только по необходимости, вѣжливо и почитательно, но не откровенничать и никогда ничего имъ про свои дѣла не разяснять.

Гоненія на духоборцевъ возникли чуть ли не съ самаго начала возникновенія секты и продолжались до конца прошлаго вѣка, временами то усиливаясь, то ослабѣвая, но тѣмъ не менѣе всѣ эти гоненія въ тѣ времена практиковались только въ частныхъ случаяхъ, въ видѣ жѣръ случайныхъ, въ общемъ же новая секта особеннаго вниманія на себя правительства не привлекала. Общій правительственный взглядъ на секту выразился впервые лишь въ началѣ настоящаго столѣтія, когда въ 1802 году возникло въ Тамбовской губерніи первое громкое духоборское дѣло, ставшее предметомъ разбарательства высшихъ правительственныхъ сферъ и дошедшее до свѣдѣнія императора Александра I. Началось дѣло съ того, что экономическіе крестьяне селенія Троицкой Дубровы, въ дѣйствительности сектанты-духоборцы, но официально признаваемые за присоединенныхъ вновь къ лону православной церкви, народъ въ общемъ мирный, трезвый и трудолюбивый, отличавшійся домовитостью и зажиточностью и повинующійся приказаніямъ начальства—отказались всѣ, какъ одинъ человекъ, навѣхавшему къ нимъ на святкахъ православному священнику подходить по его требованію къ кресту, равно какъ и выплачивать ему по уставившемуся обычаю различные святочные подарки. Произошло это,

какъ потомъ выяснилось изъ дѣла, неисключительно вслѣдствіе строптивости сектантовъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе весьма грубого обращенія и многихъ насилій, допускаемыхъ по отношенію къ нимъ недостойнымъ священникомъ. Съ жалобой на различныя притѣсненія, терпимыя ими отъ причта, дубровскіе поселяне послали ходока къ тамбовскому губернатору Палицыну. Этотъ послѣдній по принятіи жалобы назначилъ по дѣлу слѣдствіе, окончившееся не въ пользу дубровцевъ. Многие изъ нихъ сами были уличены слѣдователями въ грубомъ и дерзкомъ обращеніи со священникомъ и кромѣ того было дознано, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили въ домахъ «еретическія собранія, соблазнявшія православный народъ». О результатахъ слѣдствія губернаторъ считъ долгомъ довести министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, а тотъ въ свою очередь довелъ все дѣло до свѣдѣнія государя. Вскорѣ послѣ того на имя губернатора былъ полученъ высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Со стороны гражданскаго начальства надлежитъ наблюдать, чтобы сектанты не дозволяли себѣ оказывать священникамъ грубостей или презрѣнія, а паче не допускать, чтобы явнымъ разглашеніемъ своей ереси причиняли они соблазны правовѣрнымъ, за что и предавать ихъ, какъ нарушителей общаго порядка, суду по законамъ».

Главныхъ вожаковъ дубровцевъ стали судить въ тамбовскомъ судѣ. Здѣсь они показали по поводу обвиненія ихъ въ измѣнѣ православію, что тамбовскіе священники угрозами склонили ихъ къ наружному принятію господствующей вѣры. При дальнѣйшихъ допросахъ они смѣло высказали и свое вѣроученіе. Они объявили суду, «что не почитаютъ православной церкви, животворящаго креста, святаго евангелія, иконъ—издѣлій рукъ человѣческихъ; креста рукою на себѣ не изображаютъ и на груди рукотворнаго креста не носятъ, но крестятся словомъ Божиимъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; таинства причащенія, покаянія, крещенія и прочихъ не принимаютъ; священниковъ ненавидятъ и въ дома къ себѣ не пускаютъ; имѣютъ же у себя единаго священника, преподобнаго и праведнаго, который есть Господь Богъ. Установленныхъ церковью постовъ не признаютъ, а всегда ѣдятъ молоко и мясо, кромѣ свиного, чтобы за яденіе его не подвергнуться одной участи съ православными и не погибнуть. Новорожденныхъ дѣтей оставляютъ безъ крещенія на всю жизнь. Бракъ не имѣютъ, а живутъ по любви кому съ кѣмъ угодно. Умершихъ хоронятъ дома и служатъ Богу духомъ, духомъ водятся, духомъ бодрствуютъ и утверждаютъ, отъ духа мечъ принимаютъ и этимъ духовнымъ мечемъ воинствуютъ и все имъ одолѣваютъ».

На вопросы, касающіеся до отношенія сектантовъ къ преобладающей власти и до распространенія ими ереси, они заявили: «Государя мы

письма почитаемъ, властямъ повинуемся, запрещенныхъ сборищъ не имѣемъ, по селу съ пѣніемъ духоворскихъ пѣсенъ не ходимъ и въ секту свою православныхъ не склоняемъ».

Для обвиненія духоворцевъ, тамбовскій епископъ Феофилъ прислалъ въ уѣздный судъ ректора семинаріи, но сектанты, несмотря на продолжительную миссіонерскую проповѣдь послѣдняго, остались непреклонны и твердо заявили, что православной вѣры они не хотятъ принять и не могутъ.

Въ концѣ концовъ судъ постановилъ: двухъ главныхъ виновныхъ изъ девяти обвиняемыхъ, наказавъ кнутомъ, сослать въ городъ Колу, а остальныхъ семерыхъ пощадно высѣчь плетью на площади ихъ же селенія. Всѣхъ дѣтей духоворцевъ судъ повелѣлъ обязательно крестить. Этимъ однако дѣло еще не кончилось.

Когда опредѣленіе суда, касающееся тѣлеснаго наказанія, приводилось въ исполненіе, то по чрезмѣрному усердію лицъ, производящихъ экзекуцію двое изъ наказуемыхъ оказались засѣченными на смерть. Родные этихъ несчастныхъ придумали совершенно своеобразный способъ протеста. Они взвалили трупъ одного изъ засѣченныхъ на телегу и приказали одному выборному изъ своей среды отвезти его въ городъ и сложить на дворѣ губернаторскаго дома, что тотъ въ точности и исполнилъ. По поводу такой оригинальной формы обжалованья возникло опять новое дѣло. Снова было назначено слѣдствіе и снова состоялся приговоръ суда, по которому выборный, привезшій трупъ, былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ Колу, а пять чelовѣкъ причастныхъ къ дѣлу—къ наказанію плетью.

Между тѣмъ на имя тамбовскаго губернатора послѣдовалъ новый высочайшій указъ, доказывающій, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ на духоворцевъ стали смотрѣть гораздо гуманнѣе, чѣмъ въ низшихъ. Указъ этотъ повелѣвалъ:

1) Отвести духоворцамъ въ удаленіи отъ селеній участки земли для кладбищъ, такъ какъ погребеніе мертвыхъ тѣлъ въ домахъ ни подъ какимъ видомъ не должно быть терпимо; погребать же на общахъ церковныхъ кладбищахъ духоворцевъ, какъ умершихъ внѣ церкви, запрещаютъ общія постановленія.

2) Назначивъ духоворцамъ такіе участки, строго взыскивать, чтобы своихъ умершихъ тамъ и хоронили, а въ случаѣ нарушенія ими этого правила предавать ихъ суду не за ересь, но за нарушеніе общей безопасности, и по суду сослать ихъ въ городъ Колу.

3) Правила, на терпимость духоворской секты принятыя, распространить и на некрещеніе младенцевъ; мѣстное начальство должно только смотрѣть, чтобы духоворцы не разглашали своей ереси внѣ семействъ

ихъ и не дѣлали ей никакихъ явныхъ оказательствъ подѣ страхомъ суда и наказанія.

Такимъ образомъ по смыслу этого указа ересь признавалась со стороны правительства вполне терпимою и сектѣ запрещалось только лишь совращеніе въ секту православныхъ.

Далѣе, относительно привоза мертваго тѣла на дворъ губернатора указомъ повелѣвалось тщательно разузнать о причинахъ смерти духоборца и предать суду мѣстныхъ городничаго и исправника за нерадѣніе ихъ къ служебнымъ обязанностямъ. Въслѣдствіе этого второе духоборское дѣло о привозѣ мертваго тѣла — подверглось новому пересмотру въ тамбовской уголовной палатѣ, причемъ палата, раскрывъ массу злоупотребленій, допущенныхъ прежними производителями дознаній и слѣдствій, вошла съ особымъ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ, который и смягчилъ наказаніе духоборцамъ, замѣнивъ шестя нѣсколькими ударами батогами. Исправникъ и городничій были по суду совершенно оправданы.

Вслѣдствіе все дѣло во всѣхъ его подробностяхъ было снова доложено министромъ юстиціи, княземъ Лопухинымъ, государю, послѣ чего послѣдовало вскорѣ новое высочайшее повелѣніе, еще болѣе гуманное, чѣмъ первый указъ.

По этому высочайшему повелѣнію отъ 16-го декабря 1804 года разрѣшалось всѣмъ духоборцамъ Тамбовской губерніи, а въ томъ числѣ и поселянамъ Троицкой Дубровы, «въ огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи» — выселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи на особо отведенную для нихъ казенную землю, извѣстную подѣ названіемъ «Молочныя воды». Вѣсть о такомъ распоряженіи государя принята была сектантами съ полнымъ восторгомъ. И дѣйствительно, имъ было чему радоваться. Государю угодно было не только прекратить всякія преслѣдованія противъ ихъ ученія, но даже назначить имъ для житья отдѣльную территорію, дабы оградить ихъ отъ всякихъ посягательствъ на ихъ вѣроученіе со стороны всѣхъ другихъ людей, чуждыхъ имъ по нравственному міросозерцанію и по религіознымъ вѣрованіямъ. Отношеніе къ сектантамъ императора Александра I, истолкованное именно въ этомъ смыслѣ, послужило для нихъ мѣриломъ при опредѣленіи ими на будущее время своихъ отношеній ко всякой правительственной власти и въ общемъ сильно способствовало поднятію ихъ нравственнаго духа, какое и не преминуло сказаться весьма скоро.

Едва лишь кончилось ихъ общее переселеніе въ новый край — продолжавшееся съ 1805 до 1813 г. — какъ тотчасъ же, восчувствовавъ силу своего объединенія, они обратились съ коллективною просьбою на высочайшее имя — признать за ними официально наименованіе «духобор-

цевъ», какъ названія, вытекающаго изъ сущности ихъ вѣроученія. Просьба ихъ была первоначально удовлетворена, но затѣмъ черезъ нѣкоторое время, какъ видно изъ именнаго высочайшаго указа 9-го декабря 1816 года, государь императоръ призналъ неудобнымъ присвоить имъ какое-либо особое названіе и повелѣлъ именовать ихъ наравнѣ съ другими мѣстными сектантами «поселенцами мелитопольскими» ¹⁾. Такое

¹⁾ Редакція считаетъ необходимымъ прибавить, что въ тотъ же день, 9-го декабря, императоръ Александръ писалъ херсонскому военному губернатору:

«Изъ двухъ представленій вашихъ къ управляющему министерствомъ полиціи, касательно поселенныхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ такъ называемыхъ духоворцевъ, вижу я, что вы испрашиваете переселенія ихъ съ нынѣшняго мѣста жительства на другое. Къ такому представленію побуждаетесь вы донесеніями о развратной будто бы ихъ жизни, зловерныхъ для общества правилахъ и желаніи разсѣвать оныя между другими.

«Въ свѣдѣствіе сего и по поданой со стороны самихъ духоворцевъ просьбы о защитѣ ихъ отъ притѣсненій, повелѣлъ уже я управляющему министерствомъ полиціи снестись съ вами о доставленіи подробнѣйшихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, до духоворцевъ касающихся.

«При семъ я признаю за нужное обратить ваше вниманіе особеннымъ образомъ на начало и причину переселенія сего рода людей изъ Слободско-Украинской и другихъ губерній въ Мелитопольскій уѣздъ губерніи Таврической на Молочныя воды.

«Сіе переселеніе ихъ послѣдовало именно, какъ вы и изъ повелѣнія моего, дашнаго бывшему новороссійскому губернатору Миклашевскому 25 января 1802 г., увидѣть можете, частію во уваженіе претерпѣннаго ими прежде разоренія, частію же во огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи. Они отдѣлены уже тамъ довольно отъ непосредственнаго съ прочими жителями сношенія и тѣмъ распространенію сей секты положены предѣлы. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ понимѣ правительство, не получая ни съ которой стороны жалобъ, ни донесеній о безпорядкахъ, имѣло всѣ причины полагать принятыя по сему мѣрн весьма достаточными.

«Отдаленіе сихъ людей отъ православной греко-россійской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: «ибо ревность Божию имѣють, но не по разуму». Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю выскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ гибели спасаемаго, коего ищутъ обратити на путь истинны. Истинная вѣра поражается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болюе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣрн строгости, истощенныя надъ духоворцами въ продолженіе 30 лѣтъ, до 1801 года, не токмо не истребили сей секты, но паче и паче приумножали число послѣдователей ея.

высочайшее повелѣніе вызвало сильнѣйшій протестъ со стороны сектантовъ, и они снова отправили выборныхъ, для подачи новаго прошенія по тому же предмету, настаивая на присвоеніи имъ названія «духоборцевъ», какъ имѣющаго для нихъ важное значеніе религіозное. По заслушанію этого прошенія въ Комитетѣ Министровъ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ объявленіи повѣренными отъ мелитопольскихъ поселенцевъ, что имъ не запрещается именовать самихъ себя духоборцами (Указъ 15-го мая 1817 года).

Въ этомъ новомъ проявленіи милостиваго отношенія государя къ ихъ просьбамъ духоборцы опять-таки почерпнули нѣкоторую долю самоувѣренности, основанной на сознаніи своего значенія, признаваемого, по ихъ истолкованію, и верховною властью. Не мало способствовало также развитію ихъ самоувѣренности и самый фактъ сплоченія всѣхъ русскихъ духоборцевъ на определенной, специально для нихъ отведенной территоріи. До этого они только и стре-

«Впрочемъ, мѣстныя начальства разныхъ губерній отзывались о духоборцахъ неоднократно весьма выгоднымъ образомъ со стороны ихъ поведенія, хотя и приносили жалобу на отпаденіе ихъ отъ православной церкви. Сенаторы Лопухинъ и Меледунскій-Меледкій при обзорѣнн ими въ 1801 году Слободско-Украинской губерніи, найдя тамъ сего рода людей, отдали имъ такъ-же во многомъ справедливость, хотя и не защищали ихъ заблужденій: ибо они судили о нихъ безпристрастнымъ и на любви христіанской основаннымъ образомъ.

«Всѣ сіи обстоятельства показываютъ довольно ясно, что не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять теперь надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самыхъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему ни принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ. Переселеніемъ таковымъ судьба ихъ отяготится снова и они наказаны будутъ уже по одному доносу безъ изслѣдованія истины, обвиненія и доказательства. Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ; а церковь православная, сколь ни желала бы обратитъ сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, только противныя духу главы ея, Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ своимъ сіе достопамятное изреченіе: «Аще ли бысте вѣдали, что есть, милости хочу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинныхъ».

«Руководясь духомъ симъ, духомъ истиннаго христіанства, можно всего лучше успѣть въ достиженіи желаемой цѣли по сему предмету. Колонію поселенцевъ сихъ я поручаю особенному и ближайшему вашему надвору и попеченію. Не полагаюсь ни на чьи доносенія, вы не оставите возникнуть сами безъ предубѣжденія во всѣ мѣстныя обстоятельства ихъ, узнать въ точности ихъ образъ жпани и поведеніе, вѣрять на нихъ окомъ безпристрастнымъ попечительнаго начальника, ищущаго пользы правительства во благѣ частномъ вѣранныхъ ему людей. Участъ сихъ поселенцевъ должна устроена быть безопасно. Надобно, чтобы они могли почувствовать, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ, и тогда только надежныѣ можно

мились къ тому, чтобы, вырвавшись какимъ бы то ни было способомъ изъ-подъ гнета и притѣсненій чуждыхъ имъ и по мыслямъ и по убѣжденіямъ людей, зажить сообща дружнымъ братствомъ и устроить свой собственный бытъ, основанный на принципахъ ихъ вѣроученія. Мечта ихъ теперь осуществилась на дѣлѣ и понятно, что это обстоятельство еще болѣе укоренило въ нихъ сознаніе въ правотѣ ихъ ученія и въ чудесной помощи Бога, невидимо покровительствующаго своимъ избраннымъ сынамъ. Тутъ же на новой территоріи, собранные изъ разныхъ мѣстъ и оставленные въ покоѣ, они продолжали детально разрабатывать свое вѣроученіе и выработали, наконецъ, свой особый религиозный культъ, или вѣрнѣе соціально-политическій кодексъ, такъ какъ у нихъ трудно отдѣлать одно отъ другаго, тѣмъ болѣе что собственно религиозная сторона ихъ ученія имѣетъ лишь цѣлью прикрывать соціально-политическія основы.

Сущность нѣсколько измѣненнаго новаго ученія духоборцевъ, до-

ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и выскрывать исполненія по законамъ его, кои столь для нихъ благотворны. Если бы открыто было вамъ не по одному извѣту чьему-либо, во дѣйствительно на самомъ дѣлѣ, что у поселенцевъ сихъ укрываются дезертиры, бѣглецы люди; если бы нашлось несомнѣнно, что они покушаются отвлекать другихъ отъ общей церкви по своему образу мыслей о религіи—тогда, обращая слухъ закона на таковыя противузаконыя поступки, надлежитъ положить имъ преграду. Но и тогда нельзя допустить, чтобы за одного или нѣсколькихъ виновныхъ, уличенныхъ въ преступленіи, отвѣчало и было истязуемо все общество сихъ поселенцевъ, не участвовавшее въ ономъ. При доносахъ и обвиненіи въ подобныхъ случаяхъ, требуется внимательный разборъ, отъ кого сіи доносы происходятъ и какія могли быть побудительныя причины къ онымъ. Такъ и упоминаемые въ представленіи вашемъ двое изъ духоборцевъ, кои, по обращеніи къ православной церкви, показали на сіе общество разныя преступленія и свидѣтельствовали о развратной жизни въ ономъ, могли учинить сіе по злобѣ или мщенію; ибо легко можетъ быть, что они отвергнуты были сами отъ общества за дурныя поступки или оставили оное изъ ссоры, или вражды. Одни показанія таковыхъ, едва ли вниманіе заслуживающія, не должны служить основаніемъ къ наложенію тотчасъ строгихъ слѣдствій, къ забранію подъ стражу, заключенію въ тюрьмы и истязанію людей, не обвиненныхъ еще ни въ какомъ зломъ умыслѣ или проступкѣ. Самое насѣдованіе подозрѣваемаго преступленія долженствуетъ происходить такимъ образомъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невинный не пострадалъ отъ онаго.

«Полагаясь на ваше благоразуміе, искреннее желаніе добра и усердіе къ службѣ, я удостовѣренъ, что вы въ поручаемомъ вамъ чрезъ сіе не оставите сообразоваться во всей точности съ изъясненными здѣсь мыслями моими, и ожидаю всевозможнаго отъ сего успѣха.

«Между тѣмъ имѣете вы донести мнѣ обстоятельно о мѣрахъ, какія вами въ слѣдствіе сего приняты будутъ и что вы найдете по принятіи вами сей колоніи подъ непосредственное ваше попеченіе».

Р е д .

шедшаго почти безъ перемѣнъ и до нашихъ дней, заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ:

Прежнее вѣрованіе, что среди сектантовъ незримо присутствуетъ Святой Духъ, измѣнилось и перешло въ ученіе, что Іисусъ Христосъ не покидаетъ земли, а постоянно воплощается въ міръ въ особо избранныхъ изъ нхъ среды боговдохновенныхъ личностей и этимъ путемъ управляетъ всею духоборскою общиною, которая поэтому является исключительно «Царствомъ Христовымъ». Изъ такого основнаго догмата ученія вытекаетъ, съ одной стороны, признаніе, что всякая иная власть въ государствѣ, равно какъ и всѣ правительственныя лица и учрежденія, какъ созданіе рукъ человѣческихъ, нечестивы и бесполезны въ истинномъ царствѣ Христовомъ; а съ другой, что подобный боговдохновенный избранныкъ, какъ выѣщающій въ себѣ Іисуса Христа, непогрѣшимъ, а потому полноправенъ и безконтроленъ въ распоряженіяхъ судьбою каждаго изъ сектантовъ и всей общины, какъ въ духовныхъ дѣлахъ, такъ и въ мірскихъ. Такимъ образомъ подобные люди признавались полновластными владыками сектантовъ, и духовными и свѣтскими.

Таинства у духоборцевъ безусловно отрицаются, и вся обрядная сторона вѣроученія упрощена до послѣдней степени; все сводится къ заунывнымъ напѣвамъ когда-то сочиненныхъ, въ теченіе долгаго времени переименовываемыхъ и никому теперь непонятныхъ псалмовъ; въ однообразномъ причитаніи рифмованныхъ и бессмысленныхъ обращеній къ Богу и въ братскомъ поцѣлуѣ съ троекратнымъ, волнообразнымъ подталкиваніемъ пожимаемой руки сосѣда на подобіе движенія кадильницы. Даже брачныя союзы не обставляются какимъ-либо духовнымъ ритуаломъ и все ограничивается согласіемъ главы секты и напоминаніемъ его супругамъ, что они должны жить мирно.

Но разорвавши связь съ родной народностью, правительствомъ и отечествомъ, у сектантовъ тѣмъ не менѣе сохранилось сознаніе, что они не могутъ прожить безъ связи съ какой-либо территоріей, составляющей для нихъ соединительное звено и точку опоры для жизни въ семь мірѣ. Для удовлетворенія этого сознанія ими было изобрѣтено совершенно своеобразное, какъ все въ этой сектѣ—«отечество». Фактически подъ этимъ именемъ разумѣлась земля, принадлежащая или составляющая надѣлъ главы секты, на которой строилось зданіе, служащее для молитвенныхъ собраній сектантовъ и въ которомъ постоянно жилъ главарь, имѣющій Іисуса Христа, со своими ближайшими сподвижниками и приближенными. Привыкнувъ укрывать отъ властей всѣ основы и вышнія проявленія своихъ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій, духоборцы дали этому учрежденію названіе «Сирогскаго дома» съ объясненіемъ, что цѣль его основанія — прирѣвніе и обезпеченіе престарѣ-

лыхъ вдовъ и сиротъ, не могущихъ содержать себя собственными трудами. Для поддержанія этого учрежденія каждый духоборецъ обязанъ былъ дѣлать опредѣленные взносы отъ получаемыхъ прибылей и доходовъ, которыми непосредственно и безконтрольно распоряжался глава секты, принявшій по этому названіе при официальныхъ сношеніяхъ съ властями—«Управляющаго Сиротскимъ домомъ».

Но истинное значеніе «Сиротскаго дома» въ сущности совершенно иное. Онъ-то и носилъ между духоборцами названіе «Отечества» и здѣсь-то и сосредоточено было все управленіе сектой. Хотя гаварь могъ фактически во всякое время, по своему усмотрѣнію, распорядиться имуществомъ каждаго изъ сектантовъ, но капиталы и имущество «Сиротскаго дома» составляли какъ бы его личный непосредственный удѣлъ; а такого имущества и капиталовъ въ «Сиротскомъ домѣ» находилось всегда на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Означенные сборы и имущество менѣе всего шли на удовлетвореніе тѣхъ гласныхъ нуждъ, для коихъ они были официально установлены, т. е. на обезпеченіе существованія вдовъ и сиротъ. Главнымъ назначеніемъ этого богатства было поддержаніе и выручка обидѣвшихъ и впавшихъ въ долги духоборцевъ. Такъ какъ однимъ изъ главныхъ догматовъ духоборскаго ученія былъ трудъ, то бѣдныхъ по дѣности или праздности въ сектѣ не допускалось; если же кто-либо впадалъ въ разореніе по несчастію, то «Сиротскій домъ» ставилъ его на ноги, не только давая все необходимое, но и снабжая широкою помощію для дальнѣйшихъ операцій. Хотя такіа пособія выдавались обыкновенно въ даръ, безвозмездно, но само собою складывалось, что облагодѣтельствованный и ставшій на ноги духоборецъ считалъ своей нравственною и религіозною обязанностію возвратить даже съ ляхвою «Сиротскому дому» полученную имъ своевременно помощь. Отсюда понятно, что какъ широко ни расходовались капиталы «Сиротскаго дома», они въ концѣ концовъ не только не изсякали, но напротивъ все преумножалось. Изъ суммъ того же «Сиротскаго дома» выплачивались за всѣхъ духоборцевъ всѣ подлежащія государственныя, земскія и общественныя денежныя подати и повинности, при чемъ сектанты объясняли себѣ подобныя уплаты вообще, что это ими платится «дань» правительству, какъ знакъ ихъ подчиненности только силѣ, но что такая уплата отнюдь не вытекаетъ изъ ихъ обязанностей вѣрнопопдавшихъ подобно всѣмъ другимъ жителямъ имперіи. Въ силу такого толкованія духоборцы всегда считали себя людьми свободными, не отбывающими никакихъ повинностей.

Таково было матеріальное значеніе «Сиротскаго дома» для духоборцевъ; но и нравственное его вліяніе на сектантовъ было всегда не ниже, если не выше. Глава секты или управляющій «Сиротскимъ домомъ» далеко не былъ доступенъ для всѣхъ вѣрующихъ. На общія

собранія сектантовъ онъ являлся обыкновенно серьезнымъ, задумчивымъ какъ бы отрѣшившимся отъ всего мірскаго, молчаливымъ, а если и заговорилъ рѣчь, то не просто говорилъ, а пророчествовалъ. Для посредства между владыкою, такимъ самозваннымъ богочеловѣкомъ, и остальными сектантами существовали «атаманы» «Сиротскаго дома», на обязанности конхъ лежало, гласно, управленіе по указаніямъ главара разроставшимся имуществомъ «отечества», а въ сущности это были его вѣрные агенты и соглядатаи, доносившіе ему о дѣйствіяхъ и поступкахъ cadaго изъ вѣрующихъ, а затѣмъ безпрекословно исполнявшіе всѣ его велѣнія. Отсюда вытекала поражающая простыхъ сектантовъ божественная прозорливость и всевѣдѣніе ихъ главы. Система шпионства, столь необходимая для прославленія всевѣдѣнія главара и для дисциплинировки секты, всегда была развита у духоборцевъ въ сильной степени. На ряду съ этимъ была установлена и лѣстница наказаній, главнымъ образомъ тѣлесныхъ и притомъ практикуемыхъ въ самомъ ужасномъ видѣ, о которомъ не принадлежащія къ сектѣ не имѣютъ понятія. Пускались въ ходъ и кнуты и кошки и тому подобныя орудія, составляющія принадлежность пытокъ и применявшіяся при малѣйшемъ неповиновеніи или уклоненіи отъ приказаній главы секты. Но самъ управляющій не выступалъ на сцену и въ подобныхъ случаяхъ, а приведеніе въ исполненіе его опредѣленій лежало на тѣхъ же атаманахъ, обязанныхъ дѣлать это быстро и въ точности, иначе они подвергались тѣмъ же жестокимъ наказаніямъ. Къ обязанностямъ атамановъ относилось также сообщеніе сектантамъ откровеній, дѣлаемыхъ управляющимъ о томъ, на примѣръ, что онъ видѣлъ, плавая на облакахъ, или о чемъ бесѣдовалъ съ явившимся къ нему китайскимъ посломъ и тому подобныя чудесныхъ или изъ ряду выходящихъ явленійхъ. Вѣрили-ли сами атаманы этимъ явленіямъ — трудно сказать; но вѣрно одно, что высказывать сомнѣнія имъ было, конечно, и опасно и невыгодно.

Для полноты характеристики отношеній между сектантами и ихъ главою слѣдуетъ добавить, что грамотность между духоборцами была запрещена и допускалась какъ исключеніе, а равно, что ни одинъ духоборецъ не имѣлъ права предпринять что-либо безъ разрѣшенія управляющаго «Сиротскимъ домомъ». Такимъ образомъ порабощеніе сектантовъ было полное и со стороны ихъ вождей были приняты всѣ мѣры для предупрежденія разсвѣнія годами сгущеннаго мрака. Продолжительность и постоянство подобнаго порабощенія изъ поколѣнія въ поколѣніе привели къ тому, что духоборцы не только не смѣли разсуждать, но даже утратили до нѣкоторой степени способность собственнаго мышленія и на все глядѣли глазами управляющаго общиной. Благодаря этому, когда во главѣ секты въ должности управляющаго «Сиротскимъ домомъ» стали появляться люди разгульные и безнравственные, не могущіе

скрыть отъ массы своихъ низменныхъ истинниковъ, духоборцы и на это не претендовали и не роптали, объясняя все лишь слабостью человѣческой природы своего вождя и даже просто тѣмъ, что такъ угодно «батюшкѣ, дѣйствующему по Божескому произволенію».

Держась вдали отъ массы сектантовъ, управляющіе «Сиротскими домами» точно также никогда не выступали въ качествѣ главы секты и предъначальствомъ. Напротивъ, они и въ этомъ случаѣ представлялись исключительно управляющими хозяйственною частью «Сиротскаго дома» въ узкомъ значеніи этого слова. Для сношенія же съ представителями администраціи и вообще вышнимъ міромъ, избирались, до поселенія духоборцевъ въ одномъ мѣстѣ, повѣренные и ходоки, а по образованіи изъ нихъ сельскихъ обществъ — установленные закономъ общественные старшины и другіе чины сельской администраціи. Но какъ выборъ должностныхъ лицъ, такъ и всѣ дѣйствія ихъ строго направлялись и контролировались въ «Сиротскомъ домѣ», главою секты, дававшимъ обязательныя указанія, представлявшіи изъ себя пророчества и составлявшія предметъ религіознаго культа. Поэтому въ духоборческихъ сельскихъ обществахъ всегда замѣчался крайне оригинальный и интересный фактъ, что со времени ихъ образованія не было ни одного приговора, рѣшавшаго дѣло по большинству голосовъ, а всѣ они постановлялись всѣми единогласно. Объясненіе этого явленія лежатъ именно въ указанномъ выше безусловномъ подчиненіи сельчанъ волѣ главы секты, диктовавшимъ всѣ рѣшенія ¹⁾).

Первымъ главою секты, «богочеловѣкомъ», считавшимся «вмѣщающимъ въ себѣ Иисуса Христа», былъ вышеозначенный Савелій Капустинъ, проповѣдникъ новаго ученія и организаторъ «Сиротскаго дома» и всей вообще секты въ настоящемъ ея видѣ. Импонируя своимъ послѣдователямъ привлекательнымъ наружнымъ видомъ, а равно и духовными качествами, какъ то: глубокимъ природнымъ умомъ, прекрасною памятью, замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, Капустинъ настолько умѣлъ увлечь духоборцевъ, что они не только признали въ немъ воплотившагося Иисуса Христа и поклонялись ему, но увѣровали даже въ ученіе о послѣдовательномъ переходѣ Христовой души въ его сына и дальнѣйшее потомство. Поэтому, послѣ смерти Савелія Капустина, земнымъ Христомъ и главою секты были признаваемы послѣдовательно

¹⁾ Изъ всего вышеизложеннаго видно, что „Сиротскій домъ“ составляетъ для духоборцевъ ветхозавѣтную еврейскую снѣнію — святое-святыхъ секты, безъ которой они жить не могутъ. „Духоборство, — говорятъ одинъ изъ администраторовъ въ своемъ донесеніи, — безъ „Сиротскаго дома“ безусловно не можетъ существовать, какъ тѣло безъ головы, думающей, рѣшающей и направляющей дѣйствія всѣхъ остальныхъ членовъ“.

его сынъ—Василій Калмыковъ ¹⁾, внукъ Иларіонъ (пришедшій съ духоборцами въ Закавказье), правнукъ Петръ и, наконецъ, жена послѣдняго—Лукерья Калмыкова.

Благодаря указанному обстоятельству у духоборцевъ образовалась своя управляющая сектою наслѣдственная, какъ они называютъ, «лннiя» или династія.

Но перечисленные догматы духоборческой секты не заключаютъ въ себѣ еще всего ученія, а составляютъ только его сущность. Подъ вліяніемъ этихъ главнѣйшихъ основаній новой вѣры, выработались не столько духовныя правила, сколько особая духоборческая этика, отступленій отъ которой, однако, не допускалось. Въ силу этой этики каждый духоборецъ долженъ былъ стараться съ русскими казаться русскимъ, съ поляками—полякомъ, съ турками—туркомъ и т. д. Письменность не допускалась. Духоборцамъ строго вѣнялось въ долгъ свято исполнять свои обязательства словесныя и воспрещалось вести дѣла въ судебныхъ или административныхъ учрежденіяхъ. Въ обыденной жизни духоборцы должны были вести себя скромно, смиренно; всѣмъ чиновнымъ людямъ, снявъ издали шапки, низко кланяться; отвѣчать на ихъ вопросы условными, заранѣе заученными фразами; вести трезвую жизнь, избѣгать всякихъ развлеченій и пустословій. За величайшій грѣхъ считалось не только произнесеніе, но и повтореніе за другимъ какого-либо грубаго слова или выраженія, на основаніи кореннаго догмата, что «не то грѣхъ, что входитъ въ уста, а то, что выходитъ изъ устъ». Духоборецъ какъ бы ни былъ зажиточенъ, обязанъ трудиться всю жизнь и можетъ заниматься только полевыми работами, скотоводствомъ и извозомъ. Другими отраслями промышленности и торговлею заниматься воспрещено, такъ какъ это неизбежно приводитъ въ близкое столкновеніе съ халдѣями, т. е. съ непринадлежащими къ сектѣ, и вводитъ въ грѣхъ. Всѣ помыслы духоборца должны быть направлены къ преумноженію своего экономическаго благосостоянія, дабы чрезъ это онъ могъ получить большую возможность способствовать возвеличенію «отечества», поэтому лѣнность не допускается и строго преслѣдуется. Духоборцы и духоборки всѣхъ возрастовъ обязательно должны носить точно опредѣленный костюмъ.

Въ этихъ правилахъ, выработанныхъ первыми вѣрочителями и оформленныхъ и утвержденныхъ послѣдующими главарами, секта за-

¹⁾ Перемена фамиліи у Василія Калмыкова произошла вслѣдствіе того, что самъ Савелій Капустинъ былъ, по свѣдѣніямъ, бѣглый солдатъ; по этому, опасаясь, что его сынъ будетъ записанъ въ кантонисты, онъ упросилъ своего тестя Никифора Калмыкова записать сына родившимся въ его семьѣ, почему Василій Капустинъ и принялъ фамилію Калмыкова.

стыла. Узаконенный религіозными вѣрованіями и поддерживаемый жестокими наказаніями, отъ которыхъ не избавлялись ни старики, ни женщины, ни дѣти, вышеприведенный режимъ жизни повелъ къ установленію среди духоборцевъ идеальной дисциплины, но, имѣя послѣдствіемъ большую ихъ зажиточность, весьма пагубно отозвался на ихъ умственномъ развитіи. Изъ сильныхъ и здоровыхъ тѣломъ людей—выработывались какіе-то автоматы, утратившіе способность свободного мышленія и являющіеся лишь слѣпыми исполнителями велѣній своего верховнаго владыки.

Съ водвореніемъ духоборцевъ на «Молочныхъ водахъ» сплоченіе ихъ достигло своего предѣла, равно какъ и порабощеніе отдѣльныхъ членовъ управляющему «Сиротскимъ домомъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ и распространеніе секты прекратилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что кругомъ была или необъятная степь, или поселки сектантовъ другихъ толковъ, въ свою очередь также фанатиковъ своего религіознаго убѣжденія и не поддававшихся влиянію другой вѣры. Казалось, главная цѣль правительства была достигнута, но такое положеніе вещей длилось не долго. Съ конца двадцатыхъ годовъ и въ послѣдующіе тридцатые года текущаго столѣтія югъ Россіи началъ быстро оживать и населяться различными поселенцами, и, съ прибытіемъ ихъ, духоборческая секта стала вновь распространяться. Поэтому въ концѣ тридцатыхъ годовъ состоялось повелѣніе императора Николая I—всѣхъ духоборцевъ, не желающихъ присоединиться къ православію, выселить въ Закавказье. Сектанты совершенно, повидямому, хладнокровно избрали послѣднюю мѣру, какъ ни тяжело было подобное переселеніе, вызвавшее оставленіе насиженныхъ и обработанныхъ мѣстъ, а равно и разореніе всего заведеннаго. Переселеніе совершилось въ 1841 году подъ руководствомъ упомянутаго выше тогдашняго главы секты Иларіона Калмыкова.

Въ Закавказьи для водворенія прибывшихъ сектантовъ избрано было въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, на бывшей въ то время русско-турецкой границѣ, высокое плоскогорье, извѣстное подъ названіемъ «Мокрыя горы», отличающееся настолько суровымъ климатомъ, что не всегда вырѣиваетъ ячмень. Окруженные со всѣхъ сторонъ чуждымъ туземнымъ населеніемъ, духоборцы еще болѣе замкнулись въ свей общинѣ и начали на прежнихъ основаніяхъ устраивать свою жизнь, ни на іоту не отступая отъ своихъ религіозныхъ и соціально-политическихъ доктринъ. Основывая отдѣльныя селенія, они даже присвоили имъ тѣ же самыя названія, которыя носили ихъ старыя селенія на «Молочныхъ водахъ». Осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ и убѣдившись, что хлѣбонашество, въ силу климатическихъ условій, не можетъ идти успѣшно, духоборцы обратили главнымъ образомъ вниманіе

на извозъ, въ чемъ, за бездорожьемъ и при примитивномъ способѣ передвиженія у туземцевъ, край сильно нуждался, а также на скотоводство, которому благоприятствовали обширныя пастбища на «Мокрыхъ горахъ».

Послѣ переселенія духоборцевъ въ Закавказье взглядъ на нихъ въ общемъ существенно измѣнился. Администрація внутреннихъ губерній имперіи, а также и общество болѣе всего возставали противу духоборцевъ за распространеніе ими ученія, влекущаго за собою разрушеніе установившагося общественнаго строя; на новомъ же мѣстѣ пропаганда духоборскаго ученія совсѣмъ не могла имѣть успѣха, съ одной стороны вслѣдствіе разноплеменности и различія нарѣчій, на которыхъ говорили ихъ сосѣди, нѣкоторые изъ коихъ были мусульмане и смотрѣли на нихъ какъ на христіанъ, а съ другой — и въ силу того, что для южныхъ народовъ, по самой ихъ натурѣ, суровый режимъ духоборчества являлся далеко не привлекательнымъ и особыхъ симпатій не вызывалъ.

Въ глазахъ же кавказской, русской администраціи вся эта своеобразная, тѣсно сплоченная община, съ своими главарями, желѣзною дисциплиною, однообразнымъ костюмомъ, представлялась симпатичнымъ трудолюбивымъ муравейникомъ, въ которомъ копошились добродушные русскіе люди, безпредѣльно послушные, аккуратно платившіе подати, отбывавшіе всѣ повинности съ чрезвычайнымъ усердіемъ и при сношеніяхъ съ должностными лицами высказывавшіе особенную услужливость и высокопочитаніе. Дѣйствительно, духоборцы не замѣчались ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ, одинаково чуждались всѣхъ сосѣдей, къ какой бы національности они ни принадлежали, и ни въ судебныхъ, ни въ административныхъ учрежденіяхъ не имѣлось о нихъ никакой переписки.

Живя такимъ образомъ изъ года въ годъ, духоборцы прожили въ Закавказьи полъ вѣка. За это время они сильно размножились и дошли до чрезвычайной зажиточности, невиданной въ Закавказьи въ крестьянской средѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадныя перевозочныя средства, они оказывали не маловажныя услуги правительству при передвиженіи войскъ, въ особенности во время послѣдней турецкой войны, за что были щедро вознаграждены матеріально и обласканы всячески, какъ лица, исполнявшія высокій патріотическій долгъ.

Но не одно только благоправіе духоборцевъ обращало на нихъ вниманіе администраціи. Кавказское начальство считало ихъ русскими людьми, русскими по крови и по духу, пострадавшими за свои вѣрованія и заброшенными на турецкую границу, среди чуждыхъ имъ по племени туземцевъ, въ пустынную мѣстность, на высоту 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Поселившись при столь неблагоприятныхъ условіяхъ, перенеся лишенія и нужду, они, благодаря упорному трудолюбію и

осмотрительной жизни, не только достигли матеріальнаго благосостоянія, но заставили все окрестное населеніе уважать себя и на далекой окраинѣ высоко подняли русское культурное знамя. Раскинувшіяся на обширной территоріи, среда ивцѣнскаго туземнаго населенія, прѣтущія села ихъ являла изъ себя отрадный видъ оазисовъ, а съ политической стороны представлялись этапными пунктами русскаго дѣла и вліянія въ краѣ. Всѣ эти соображенія и еще большія надежды на будущее дѣлали то, что духоборцы въ Закавказьи пользовались всегда симпатіями русскихъ властей.

Все было спокойно у сектантовъ и они, безъ всякихъ волненій, пережили тяжелый для всей секты моментъ, когда въ 1864 году бездѣтно умираетъ еще молодой глава секты—Петръ Калмыковъ и прекращалось мужское поколѣніе главенствующей линіи (династіи). Съ отчаяніемъ въ душѣ духоборцы спрашивали умирающаго вождя: «на кого, Петруша, вы изволите насъ покидать?» Умирающій, указавъ на жену свою Лукерью, изъ рода Губановыхъ, сказалъ: «оставляю вамъ вмѣсто себя вотъ эту мою кукушку; но послѣ нея не имѣть вамъ болѣе благодата Святаго Духа». Послушные священной для нихъ волѣ, духоборцы, послѣ смерти Петра Калмыкова, вдову его Лукерью провозгласили управляющею «Сиротскимъ домомъ».

Лукерья Васильевна Калмыкова была женщиною разсудительною, управляла подобострастно обожавшими ее духоборцами 22 года, и время ея правленія можетъ считаться золотымъ вѣкомъ духоборческой секты. Въ это время «Сиротскій домъ» наиболѣе развилъ свое матеріальное благосостояніе; разбогатѣли также и отдѣльныя лица, начавшія владѣть купленными или долгосрочно арендуемыми имѣніями, хранившіе большіе капиталы въ кредитныхъ учрежденіяхъ, державшіе крупныя подряды и т. п. ¹⁾ Но кризисъ близился.

Въ 1886 году, послѣ кратковременной болѣзни, скончалась Лукерья Калмыкова, не оставивъ завѣщанія и не указавъ на лицо, которое могло бы занять ея мѣсто. Но сдѣлать подобное указаніе умиравшей было крайне трудно, хотя она и сознавала, что духоборцы не могутъ оставаться безъ главаря. Должность управляющаго «Сиротскимъ домомъ» не была выборною, а составляла удѣлъ священной для духобор-

¹⁾ «Такое имущественное положеніе,—сказано въ донесеніи того же лица,—не только при отсутствіи гоненій, но при общемъ вниманіи и ласкѣ высшихъ административныхъ властей, вскружило голову духоборцамъ, и они начали смотрѣть на свое положеніе какъ на что-то должное, какъ на новую программу правительства, окончательно сознавшаго свои прошлыя ошибки и начавшаго заискивать у нихъ; такую переимѣну въ своемъ положеніи они приписывали твердой и мудрой политикѣ своихъ боговдохновенныхъ руководителей».

цевъ «линіи» Калмыковыхъ. Если четверть вѣка тому назадъ сама Лукерья, принадлежащая къ другому роду, заняла этотъ постъ,—то единственно благодаря непосредственному указанію глубоководимаго Петра Калмыкова, какъ его вдова и какъ особа, хорошо извѣстная всѣмъ духоборцамъ, жившимъ одной семьей, въ одной губерніи. Но въ годъ смерти Лукерьи дѣло стояло иначе: о бѣдствіяхъ и гоненіяхъ, такъ тѣсно сплотившихъ сектантовъ,—уже давно не было и помину; духоборцы въ послѣднее время раскинулись въ предѣлахъ трехъ губерній, (Тифлисской, Елисаветпольской и Карской области), что, вмѣстѣ съ пріобрѣтеннымъ многими личнымъ богатствомъ, разобщило интересы сектантовъ. Въ такое-то именно время и исчезаетъ послѣдній представитель рода Калмыковыхъ, связывавшихъ духоборцевъ вѣрою въ нихъ и почти вѣковою традиціею. Предстояло появиться новому Савелію Капустину, который смогъ бы соединить всѣхъ проживающихъ въ трехъ губерніяхъ Закавказья духоборцевъ вѣрою въ священность своей особы и такимъ способомъ начать новую линію. Но этому новому повелителю-пророку, какъ не имѣющему за собой прошлаго, пришлось бы заново, не ограничиваясь принятіемъ прежде существовавшей власти, утверждать свой авторитетъ въ социальномъ-политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ какими нибудь необыкновенными дѣйствіями или явленіями. Между тѣмъ устроить что-нибудь въ этомъ отношеніи являлось уже и затруднительнымъ, такъ какъ матеріальные интересы получили перевѣсъ и къ однимъ рассказамъ о чудесахъ отнеслись бы съ сомнѣніемъ.

При такихъ условіяхъ, казалось, не могло быть рѣчи о наследникѣ или замѣстителѣ власти Калмыковыхъ, но къ удивленію мѣстной администраціи подходящій сонскатель не замедлил проявиться въ лицѣ нѣкоего Петра Веригина, уроженца села Спасовки, Елисаветпольской губерніи.

Петръ Веригинъ, совсѣмъ молодой и рѣдкой красоты парень, грамотный, безпринципный духоборецъ послѣдніе годы жизни Лукерьи Калмыковой находился неслучно при ея особѣ и безпокойнымъ своимъ характеромъ, заносчивостью, стремленіемъ стать выше другихъ возбуждалъ противъ себя родныхъ и близкихъ къ Лукерьѣ лицъ, а также почетныхъ жителей села Горѣлаго, гдѣ помѣщался «Сиротскій домъ» и постоянно проживали главари секты; другими словами, Петръ Веригинъ возбуждалъ противъ себя главныхъ заправилъ секты. Но въ селевіяхъ, отдаленныхъ отъ Горѣлаго, въ средѣ темной массы духоборцевъ, воспитанныхъ на нелѣпыхъ преданіяхъ сверхъестественнаго могущества Калмыковыхъ, еще при жизни Лукерьи, начали носиться слухи, распускавшіеся какъ самимъ Веригинимъ, такъ и его многочисленною роднею,—заставлявшіе призадуматься заправилъ «Сиротскаго дома», что

этотъ статный молодой человекъ происхожденія не простаго, что онъ сынъ покойнаго Петра Калмыкова, плодъ посѣщенія имъ, незадолго до смерти, семьи Веригиныхъ въ селеніи Славянкѣ; что это служило будто бы причиной особенной близости его къ Лукерьи Васильевнѣ, державшей его при себѣ не какъ придворнаго, а какъ своего наслѣдника, котораго она частыми бесѣдами и наставленіями приготавливала къ высокому удѣлу его рода, на радость и счастье всѣхъ «православныхъ». Духоборцы въ силу своего воспитанія и традицій секты не могли составить себѣ представленія о возможности обойтись безъ замѣстителя Лукерьи Васильевны и «богочеловѣка» во главѣ секты, а потому все болѣе и болѣе принимала на вѣру слухи, льстившіе ихъ воображенію. Вслѣдствіе этого въ концѣ 1886 года въ сердцахъ большинства сектантовъ на столько укрѣпилось убѣжденіе въ высокомъ, божественномъ предназначеніи Петра Веригина, что послѣдній получилъ полную возможность вскорѣ послѣ смерти Лукерьи Васильевны выдвинуть свои притязанія на должность управляющаго «Сиротскимъ домомъ».

Встрѣтивъ большое сопротивленіе въ почетныхъ лицахъ села Горѣлаго, хорошо его знавшихъ, Веригинъ, чтобы сломить ихъ упорство и окончательно разсѣять могущія возникнуть сомнѣнія насчетъ правоты его дѣла, отправился на свою родину въ селеніе Славянку. Здѣсь при торжественной обстановкѣ, предъ всѣмъ народомъ, мать его, Анастасія, смиренно заявила, что сына своего Петра родила не отъ мужа Василія Веригина, а отъ Петра Калмыкова, удостоившаго ее, къ великой радости всей ея семьи, священнымъ вниманіемъ во время послѣдняго посѣщенія своего селенія Славянки; что великая тайна эта была извѣстна Лукерьѣ Васильевнѣ, которая ждала только возмужалости Петра, чтобы даже при жизни передать ему наслѣдіе его предковъ. Послѣ этого признанія, какъ сама Анастасія, такъ и мужъ ея повалились Петру въ ноги, а за ними повалился и народъ. Вслѣдъ за симъ было приступлено къ присягѣ на вѣрность Веригину и къ подписанію присяжныхъ листовъ. Такимъ образомъ была установлена преемственность и связь новаго избранника со священнымъ родомъ, почему новому главѣ и не представилось необходимымъ доказывать свое божественное происхожденіе какими-либо чудесами, такъ какъ это признавалось присущимъ ему въ силу рожденія.

Вслѣдъ за жителями селенія Славянки, приблизительно семь десятыхъ всего духоборскаго населенія, въ трехъ губерніяхъ, присягнули Веригину, подписали присяжные листы (почему и приняли прозвище «писанныхъ») и съ непоколебимой вѣрой въ непогрѣшимость своего избранника слѣпо передали свою судьбу въ его руки. Но этотъ чудесный избранникъ уже не походилъ на своихъ предшественниковъ, появлявшихся въ нынѣ времена, во времена гоненій и преслѣдованій. Это не

былъ раскольникъ съ инстинктами кротости голубя и осторожности змѣя. Это былъ балованный, самоувѣренный деревенскій парень, который въ наслѣдіи Савелія Капустина увидѣлъ лишь средство для удовлетворенія своихъ тщеславныхъ и разгульныхъ наклонностей. Окруживъ себя многочисленною свитой молодыхъ обожателей и обожательницъ, облекшись въ дорогую черкеску, какъ бы въ знакъ своего наслѣдственного верховнаго достоинства, Веригинъ явился въ Горѣлое и потребовалъ немедленнаго признанія его управляющимъ «Сиротскимъ домомъ» и передачу ему общественнаго имущества, грозя въ противномъ случаѣ взять завладѣть силой и истребить ослушниковъ. Но противъ такихъ требованій Веригинъ встрѣтилъ совершенно неожиданный и выходящій изъ традицій секты отпоръ. Известный мѣстной администраціи Алексѣй Зубковъ, старшина горѣловскаго сельскаго общества, занимавшій эту должность 26 лѣтъ (еще со временъ Петра Калмыкова), донесъ ахалкалакскому уѣздному начальнику, что по случаю смерти Лукерьи Калмыковой и предстоящаго дѣлежа ея наслѣдства происходятъ безпорядки, угрожающіе общественной безопасности, почему и ходатайствовалъ о принятіи мѣръ для водворенія порядка въ сельскомъ обществѣ, а равно обезпеченія наслѣдства.

Такое первое въ теченіе полулѣта обращеніе духоборцевъ къ содѣйствію администраціи по дѣламъ ихъ общины крайне всѣхъ удивило; въ средѣ же духоборцевъ, вѣрно оцѣнившихъ все значеніе этого событія для ихъ секты — вызвало возбужденіе и озлобленіе. «Родимый Зубковъ восхотѣлъ потоптать отечество и продать насъ» — говорили они въ отчаяніи, и съ этого времени Алексѣй Зубковъ, пользовавшійся въ теченіе предшествовавшихъ 25 ти лѣтъ особымъ почетомъ и уваженіемъ среди духоборцевъ, бывшій именитымъ общественнымъ дѣятелемъ и состоявшій официальнымъ атаманомъ «Сиротскаго дома», представителемъ общества въ званіи безсмыннаго старшины — внезапно сдѣлался въ глазахъ большинства его единоувѣрцевъ символомъ предательства и отступничества. Но означенный поступокъ Алексѣй Зубковъ сдѣлалъ, конечно, не отъ своего только лица, а вмѣя единомышленниковъ, при чемъ, для подобной измѣны священнымъ традиціямъ секты виѣлись у него свои особыя основанія.

Селеніе Горѣлое пользовалось всегда особеннымъ значеніемъ среди духоборцевъ, ибо здѣсь, какъ выше упомянуто, находится ихъ священныи «Сиротскій домъ», ревиденція управляющаго; селеніе было своего рода духоборческаѣ столица, духоборческій кремль, источникъ ихъ благополучія, символъ ихъ самостоятельности, ихъ отчизна; здѣсь же жили самыя почетныя семьи духоборцевъ; сюда наѣзжали на перепутьи и останавливались кавказскіе намѣстники, начальники губерній,

высшіе военныя и гражданскіе чины. Горѣловцы многое видѣли, о многомъ слышали, имѣли крупныя дѣла во многихъ пунктахъ Закавказья. Во время послѣдней турецкой войны молодежь селенія Горѣлага, находясь въ дѣйствовавшемъ отрядѣ, дѣлила съ русскими, братьями своими по племени и по языку, труды и опасности. Многіе горѣловцы лично были извѣстны бывшему намѣстнику кавказскому, Великому Князю Михаилу Николаевичу и не разъ удостоивались милостиваго одобренія его императорскаго высочества за примѣрное отбываніе государственныхъ и земскихъ повинностей; а равно съ горѣловскимъ обществомъ чаще всего бесѣдовали губернскія и уѣздныя власти, давая имъ различныя совѣты и неизбѣжно внося въ имъ умы извѣстную долю просвѣщенія.

Вслѣдствіе близости къ своему управленію и особому покровительству главарей секты, горѣловцы были богаче, а вслѣдствіе болѣе частыхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и представителями высшей и низшей административной власти — гораздо развитѣе духоборцевъ другихъ мѣстностей, а, главное, менѣе фанатичны. Въ силу священныкъ традицій секты они еще охотно подчинялись режиму «Сиротскаго дома», управлявшагося близкой имъ женщиной съ громаднымъ житейскимъ тактомъ, окруженной, въ качествѣ совѣтчинокъ, лучшими ихъ представителями, умудренными годами и опытомъ, преданными завѣту отцовъ. Но умерла Лукерья Васильевна и прекратилась священная линія (династія); секта ставилась въ критическое положеніе, а прежде чѣмъ успѣли опомниться и осмотрѣться заправила «Сиротскаго дома» — передъ ними явился узурпаторъ, молодой человекъ, хорошо имъ извѣстный по своей безнравственности и безпринципности, съ требованіемъ божескихъ почестей и безусловнаго себѣ подчиненія; человекъ, котораго незадолго передъ этимъ тотъ же Зубковъ грозилъ жестоко наказать за пьянство и распутство. Теперь передъ этимъ разгульнымъ мальчишкой тотъ же Зубковъ первый долженъ былъ пасть ницъ и передать ему, разгульному моту, общественное достояніе, а всѣ остальные горѣловцы вручить свою судьбу, и все это изъ-за того только, что кому-то пришло на умъ пустякъ слухъ, что Веригинъ сынъ Петра Калмыкова, а матеря его заблагоразсудилось поддержать этотъ слухъ своимъ ложнымъ завѣреніемъ. Но несмотря однако на все это, можетъ быть, почетные горѣловцы, дорожа интересами секты, и смирились бы и подчинились избранію большинства, если бы не чрезмѣрная заносчивость и безшабашный разгулъ, проявленный Петромъ Веригинымъ на первыхъ же порахъ, подъ упоеніемъ неожиданно выпавшаго на его долю успѣха, каковое поведеніе узурпатора заставило ихъ трепетать за судьбу не только ихъ самихъ, но и всего, что имъ дорого, и даже за цѣлость всей общины.

Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ горѣловцы отказались присягнуть Веригину и такимъ образомъ въ духоборческой сектѣ про-

изошелъ расколъ. Образовалось двѣ партіи: партія большинства, состоящая приблизительно изъ 700 семействъ съ Веригинымъ во главѣ, подъ названіемъ «большой партіи», и вторая партія, въ насмѣшку прованная самими сектантами «правительственною» или «меньшая», насчитывающая въ трехъ губерніяхъ не многимъ болѣе 200 семействъ.

Съ раздѣленіемъ на партіи прежде существовавшій между духоборцами миръ и братское согласіе не только были нарушены, но между партіями возгорѣлась даже страшная ненависть, и благодаря Веригину, провозгласившему себя открыто «пророкомъ» и «царемъ-царей», въ духоборьѣ Ахалкалакскаго уѣзда постоянно стали происходить беспорядки, потребовавшіе со стороны администраціи принятія нѣкоторыхъ репрессивныхъ мѣръ въ родѣ назначенія правительственныхъ старшинъ и т. п. и, наконецъ, высылки изъ края самого Веригина. Эти мѣры хотя и подѣлили предѣлъ открытому проявленію беспорядковъ, однако нисколько не внесли мира и спокойствія въ среду сектантовъ; напротивъ, возникшія несогласія между партіями все усиливались. Высылка Веригина привела его приверженцевъ въ совершенное вступленіе, пробудивъ ихъ заснувшій фанатизмъ. Будучи крайне не развиты и возмечтавъ о себѣ по бывшимъ примѣрамъ отношеній къ нимъ правительства, члены большой партіи были убѣждены, что власти никогда не коснутся такой священной для нихъ особы, какъ Веригинъ, а постигнувъ его кару они относили не къ беспорядочному поведенію ихъ избранника, не къ ослушанію имъ мѣстныхъ властей, а исключительно къ пронкамъ Зубкова, Губановыхъ и другихъ духоборцевъ малой партіи, почему на послѣднихъ и стали вымещать свою злобу. Прежде всего большая партія отстранила малую отъ общаго моленія, а представители ея перестали кланяться противникамъ, что составляло всегда одинъ изъ священныхъ обычаевъ секты. Затѣмъ та же большая партія запретила малой части совмѣстно съ нею свои стада; она же настояла, чтобы мужья, жены коихъ не желаютъ признать Веригина, изгнали послѣднихъ изъ своихъ домовъ; равнымъ образомъ жень послѣдовательницъ Веригина принудила бросить своихъ мужей изъ противнаго лагеря; наконецъ малой партіи запрещалось хоронить своихъ покойниковъ на общественномъ кладбищѣ.

При такихъ отношеніяхъ между членами одного и того же сельскаго общества дальнѣйшая однообщественность дѣлалась невозможною и теряла смыслъ.

М. Тебенъковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ М. М. Сперанскій въ Тюмени.

Вскорѣ по прибытіи въ Тобольскъ, Сперанскій отправился обозрѣвать Сибирскій край и, по прїѣздѣ въ Тюмень, остановился въ домѣ купца Ивана Васильевича Иконникова, гдѣ городское общество встрѣтило его съ хлѣбомъ и солью, поднесенными на дорогѣмъ серебряномъ блюдѣ. Сперанскій принялъ хлѣбъ и соль, а блюдо и солонку тотчасъ же возвратилъ; потомъ отправился въ присутственные мѣста. По обревизованіи дѣлъ въ ратушѣ, обративъ вниманіе на незначительность городскихъ доходовъ, предложилъ городскому обществу: не пожелаетъ ли оно, для усиленія ихъ, перевести въ Тюмень ирбитскую армарку и обдумавъ доложить ему, какое время будетъ для нея удобнѣе.

На слѣдующій день депутація отъ городского общества, явившись въ квартиру Сперанскаго, обратилась сначала къ прїѣхавшимъ съ нимъ чиновникамъ съ просьбою принять отъ общества пакетъ, значительнаго объема, наполненный деньгами, и не переводить къ нимъ армарку изъ Ирбита. Чиновники, уклонившись отъ такого предложенія, доложили о томъ Сперанскому, который, выйдя къ депутатамъ, и какъ будто не зная ихъ желаній, спросилъ:

— Что же, господа, какое время находите вы удобнымъ для открытія ирбитской у васъ армарки?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, — отвѣтили разомъ купцы: Кожевниковъ, Барашковъ, Проскураковъ и Прасоловъ, — неужна намъ эта армарка; не желаемъ потому, что съ учрежденіемъ ея не только падутъ цѣны на мѣстныя произведенія, но и кожевенные заводы разстроятся отъ привоза издѣлій и товара лучшаго качества, чѣмъ тюменскія, и отъ недостатка рабочихъ, которые во время армарки начнутъ пьянствовать.

Сперанскій, отпустивъ депутацію, сказалъ Иконникову: «Вотъ сущіе младенцы: не понимаютъ своей пользы!»

Передъ отъѣздомъ изъ Тюмени, посылая чиновниковъ въ казначейство за полученіемъ прогоновъ, Сперанскій шутливо замѣтилъ:

— Худо, господа, вы сдѣлали, что не взяли отъ депутаціи памятникъ; вотъ бы прогоны и остались въ государственной экономіи.

— Да и вы, ваше высокопревосходительство, не лучше насъ поступили, — отвѣчали тѣ, — возвратили столь богатое блюдо и солонку; они замѣнили бы порціонныя ваши.

Россія и Англія въ Турціи въ 1877—1878 гг.

Страница современной исторіи.

III.

Территориальная неприкосновенность Османской имперіи.—Интересы Россіи и Англіи на Востоке.—Принципы національностей.—Вопросъ о проливахъ.

Освѣщеніе, которымъ гордится нашъ вѣкъ, не заставило умолкнуть страсти. Такъ, въ стражахъ конституціонныхъ, хтя политика уже не направляется исключительно желаніемъ монарховъ и ихъ совѣтниковъ, и народы оставили за собою права контроля надъ нею черезъ своихъ представителей, но всегда-ли политика эта имѣетъ въ виду дѣйствительные ихъ интересы и не подпадаетъ-ли она вліянію національныхъ предрасудковъ? Эти предрасудки приобрѣтаютъ часто рѣшающую непреодолимую силу, не останавливающуюся передъ возможностью войны при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ и цѣною жертвъ вѣдъ всякаго соотвѣтствія съ ожидаемыми отъ побѣдъ выгодами. Странный, дѣйствительно, поступокъ со стороны государственныхъ людей, разумныхъ, предусмотрительныхъ и осторожныхъ, поступокъ, не находящій себѣ объясненія, если не принять во вниманіе заблужденій общественнаго мнѣнія, руководимаго страстями въ противность интересамъ, относительно судьбы государства!

Эти размышленія, примѣнимыя къ политикѣ вообще, сами напрашиваются, когда идетъ рѣчь о политикѣ Англіи на Востоке, покоящейся, какъ извѣстно, на принципѣ національныхъ воззрѣній: поддержа-

ніи Оттоманской имперіи въ ея территоріальной неприкосновенности. Этотъ принципъ, 40 лѣтъ тому назадъ, убѣдилъ Англію принять участіе въ коалиціи противъ Россіи, цѣною, какъ извѣстно, громадныхъ жертвъ и съ самыми ничтожными результатами. Этотъ-же принципъ убѣждалъ бы ее еще разъ дѣятельно защитить Турцію въ настоящей борьбѣ, несмотря на живую оппозицію извѣстной части англійской публики, если-бы только она нашла себѣ союзника въ той или другой изъ континентальныхъ крупныхъ военныхъ державъ. Наконецъ, этотъ-же принципъ болѣе, чѣмъ когда-либо, какъ кажется, руководитъ политикою с.-джемскаго кабинета съ тѣхъ поръ, какъ геройское и неожиданное сопротивленіе турецкихъ войскъ на Дунаѣ, увеличивъ симпатіи Англіи къ мусульманамъ, совершенно изгладило тяжелое впечатлѣніе, произведенное нѣкогда прекращеніемъ платежа процентовъ по государственному долгу, забіеніемъ консуловъ въ Салоникахъ и болгарскими звѣрствами.

Поэтому важно выяснить причину существованія этого принципа, чтобы убѣдиться, покоятся-ли онъ на истинныхъ, политическихъ, матеріальныхъ или нравственныхъ интересахъ Англіи, или-же является, какъ мы думаемъ, просто предрассудкомъ національной политики, переходящимъ по традиціи отъ поколѣнія къ поколѣнію и отъ министра къ министру, по традиціи, конечно достойной уваженія, но самой по себѣ недостаточной, чтобы служить основаніемъ политики большого государства, въ виду измѣненія, вносимаго во все временемъ и обстоятельствами.

Постараемся это выяснить.

Подъ охраною капитуляцій всѣ европейскія государства были нѣкогда одинаково заинтересованы въ сохраненіи Оттоманской имперіи и ея территоріальной неприкосновенности. Дѣйствительно, капитуляціи обезпечивали за иностранцами личныя преимущества и льготы, всякія выгоды огромной важности. Экстерриторіальность ставила иностранца въ зависимость отъ его національнаго закона: земля подъ нимъ была англійскою, французскою, нѣмецкою, смотря по тому, какого государства онъ былъ подданнымъ, а его личность, неприкосновенная и священная для чиновниковъ Порты, зависѣла только отъ его національныхъ властей, подлежала въ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ дѣлахъ исключительно законодательнымъ распоряженіямъ его страны.

Кромѣ того, промышленность, почти во всѣхъ ея отрасляхъ, и судоходство были освобождены отъ всякой пошлины; а ввозная иностранная торговля была обложена только 3 проц. сборомъ, между тѣмъ какъ благодаря фискальной системѣ, ошибочной во всѣхъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія интересовъ государства, вывозъ туземныхъ произведе-

деней былъ обложенъ пошлиною въ 5 процентовъ. Таковы условія, въ которыхъ находились иностранцы во время господства капитуляцій.

Иностранецъ пользовался въ Турціи гостепрѣимствомъ, быть можетъ, не столь сердечнымъ, сколько выгоднымъ и привлекательнымъ. Онъ чувствовалъ себя тамъ лучше, чѣмъ дома, на родинѣ, и передъ мѣстными властями онъ задиралъ носъ и съ гордостью заявлялъ: «*Noli me tangere; civis romanus sum*». Но если къ этому добавятъ, что, помимо всѣхъ этихъ преимуществъ, льготъ и привилегій, окружавшихъ иностранца, его имущество, личность и торговлю, сама Турція раскинулась на двухъ континентахъ и что ея великолѣпныя провинціи, съ ихъ естественными богатствами, были и продолжаютъ оставаться нетронутыми и заброшенными туземнымъ населеніемъ,—легко понять, насколько Европа была заинтересована въ сохраненіи въ этой части свѣта, при вышеизложенныхъ условіяхъ, важнаго пункта для сбыта своихъ произведеній, богатаго рынка сырья по дешевой цѣнѣ, широкаго поля для настойчивой дѣятельности иностранца, находившаго тамъ примѣненіе своихъ физическихъ и духовныхъ способностей, примѣненіе, выгодное для себя и полезное для страны.

Конечно, если при такомъ порядкѣ вещей всѣ державы были заинтересованы въ сохраненіи Турецкою имперією капитуляцій, то Англія, въ виду своей обширной торговли съ Востокомъ, была особенно заинтересована, такъ какъ она здѣсь находила сбытъ для своего каменнаго угля, мануфактурныхъ произведеній, желѣза и всякихъ товаровъ; всѣ эти выгоды для нея исчезали, если бы исчезла сама Турція, уступивъ мѣсто владычеству, болѣе разсудительному по части политической экономіи и болѣе свѣдущему въ системѣ обложеній. Изъ всѣхъ интересовъ Англіи на Востокъ интересъ торговый ближе всѣхъ другихъ лежитъ къ ея сердцу; откинуть его—и всѣ прочіе политическіе и нравственныя доводы въ пользу догмата о неприкосновенности Турціи не выдерживаютъ обстоятельной и безпристрастной критики. Поэтому, доказывая ихъ полную неосновательность, мы тѣмъ самымъ отводимъ имъ мѣсто въ ряду предразсудковъ.

Но долженъ былъ наступить моментъ, когда всѣмъ вышеуказаннымъ выгодамъ надлежало исчезнуть, одной за другой, а Турецкою имперіей продолжать свое существованіе. Скажемъ больше, онѣ должны были исчезнуть ради самаго существованія и сохраненія имперіи, а Англія, упуская изъ виду свойство своихъ сношеній съ Турцією и причины, по которымъ ей такъ дорого было существованіе прежней «Турціи капитуляцій», Англія, говоримъ мы, показала міру странное зрѣлище дѣятельнаго и добровольнаго соучастія въ преобразованіи Турціи въ государство общаго права, пренебрегая, съ непривычнымъ для нея безкорыстіемъ, важными интересами своей промышленности, тор-

говли и судоходства, приносимыми ею въ жертву благоденствію Турецкой имперіи.

Извѣстно съ какою настойчивостью, со времени уничтоженія янычаръ, западные кабинеты требовали отъ Порты, — какъ условія *sine qua non* ея политическаго существованія, — дѣйствительныхъ реформъ въ области внутренняго управленія имперіею.

По окончаніи крымской войны и по заключеніи мира настойчивость эта приняла характеръ повелительный, и допущеніе Турціи къ концерту европейскихъ державъ было подчинено, по тексту парижскаго договора, кореннымъ преобразованіямъ, которыя султанъ долженъ былъ произвести въ своихъ владѣніяхъ.

Приступивъ болѣе или менѣе твердо и ловко къ ломкѣ старыхъ учрежденій, реформаторы встрѣтили, или думали, что встрѣтили, главное препятствіе къ успѣху задуманнаго дѣла въ системѣ капитуляцій, покоящейся на особомъ принципѣ вѣземеельности и разности законодательства въ самомъ лонѣ имперіи, равно и на свободѣ и льготахъ разнаго рода, которыми иностранцы пользовались въ области промышленности, торговли и мореплаванія. Не можетъ быть хорошаго управленія безъ совершенной свободы дѣйствій, — говорили государственные люди Турціи. Установленіе равенства для различныхъ народностей требуетъ уничтоженія какъ административной автономіи, дарованной не мусульманскимъ общинамъ завоевателемъ и его непосредственными преемниками, такъ и личныхъ преимуществъ, которыми пользуются иностранцы и которыя не совмѣстимы съ правильнымъ отправленіемъ суда и полицейской дѣятельности. Ради этого равенства не менѣе необходимо устраненіе разныхъ помѣхъ, которыя вносятъ существующіе торговые договоры. Эти помѣхи препятствуютъ преобразованію, на разумныхъ началахъ и на истинныхъ принципахъ экономической науки, устарѣлой фискальной системы, противной дѣйствительнымъ интересамъ имперіи. Таковы главныя затрудненія, — прибавляли турецкіе министры, — которыя намъ приходится одолювать на томъ пути преобразованій, на который вы насъ такъ настойчиво толкаете. Окажите намъ содѣйствіе въ измѣненіи, въ области международныхъ сношеній, настоящаго положенія; оно не поправимо, доколѣ мы будемъ дѣйствовать въ столь тѣсныхъ границахъ. Къ тому же времена измѣнились; вѣземеельность имѣла смыслъ при недостаткахъ и пробѣлахъ прежней системы управленія, нынѣ уже осужденной, и если гарантіи, которыя вы находите въ совершенныхъ уже реформахъ, оставляютъ желать лучшаго, то пополнить и закрѣпить ихъ можно лишь устраненіемъ тѣхъ препятствій, на которыя мы указываемъ.

Таковы были аргументы Порты и отказать имъ въ нѣкоторой справедливости нельзя. Можно было-бы, конечно, возразить, что гарантіи,

особенно драгоценныя при старыхъ порядкахъ, не лишни были и теперь, хотя Турція и предприняла передѣлывать свои учрежденія по образцу западныхъ, такъ какъ согласованіе старыхъ и новыхъ учреждений имѣло послѣдствіемъ лишь увеличеніе административной неурядицы и смѣшеніе властей. Можно было бы возразить вромѣ того, что въ области упорядоченія государственныхъ доходовъ, реформы имѣли единственнымъ послѣдствіемъ злоупотребленіе займами и созданіе государственнаго долга систематически и быстро возроставащаго. Наконецъ, можно было аргументамъ оттоманскихъ реформаторовъ противопоставить и иные аргументы, не менѣе неумолимой логики...

Въ то время какъ Порты, подъ напоромъ требованій современнаго духа, спланила осуществить единство суда, администраціи и законодательства и съ шумомъ и гамомъ требовала отъ иностранныхъ державъ, чтобы онѣ отказались отъ преимуществъ и личныхъ льготъ, которыми пользовались ихъ подданные въ области промышленности и торговли, — она и не подозрѣвала, что, становясь странюю общаго права, утрачивала главное право на попеченіе Запада о сохраненіи ея неприкосновенности и независимости.

Такъ выходило по логикѣ, но въ данномъ случаѣ Турція оказалась правою въ противность самой логикѣ, такъ какъ Англія, столь ревниво охраняющая матеріальные интересы своихъ подданныхъ, повидимому ни въ грошъ не поставила потери, которыя они могутъ понести вслѣдствіе ея уступчивости, и поспѣшно согласилась на всѣ требованія Порты, энергически поддерживавъ ихъ передъ прочими европейскими державами.

Прежде всего предстояло во что бы то ни стало передѣлать фискальную систему, по общему отзыву діаметрально противоположную требованіямъ экономической науки; и для того освободить отъ сборовъ вывозимыя національныя произведенія, а произведенія иностранныя обложить болѣе высокими пошлинами. Англія подвергла пересмотру свои торговые договоры и тарифы, и ввозная пошлина была повышена съ трехъ на восемь процентовъ, при чемъ не предрѣшался вопросъ о правѣ Порты требовать, при возобновленіи договоровъ, новаго повышенія, даже до двадцати пяти процентовъ, на что англійскій кабинетъ уже далъ, какъ говорили, свое согласіе.

Санитарная и полицейская службы въ портахъ требовали значительныхъ расходовъ; Англія согласилась на обложеніе ея флота разными тягостными сборами, подъ названіемъ патентныхъ, измѣрительныхъ и якорныхъ. Затѣмъ, во имя безопасности мореплаванія, но, въ сущности, ради выгодъ одной французской компаніи, покровительствованной императоромъ Наполеономъ, Порты потребовала уплаты маячнаго сбора, и Англія поспѣшила согласиться и на этотъ сборъ, хотя дѣло шло между прочимъ и о маякахъ, поставленныхъ на Босфорѣ, пла-

ваніе по которому ночью было безусловно воспрещено дѣйствовавшими правилами.

Для украшенія городовъ и увеличенія благосостоянія ихъ жителей потребовались и городскія учрежденія. Англія не только согласилась на взиманіе городскихъ сборовъ, безусловно противныхъ трактатамъ, но и старалась склонить къ тому же представителей другихъ державъ и всѣми средствами побороть сопротивленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вообще не предвидѣлось уступокъ, на которыя бы она ни пошла, къ прямому ущербу своихъ подданныхъ и своей торговли, хотя она продолжала шумѣть о своихъ интересахъ на Востока. Дѣйствительно, она первая подписалась подъ извѣстнымъ протоколомъ 1867 года ¹⁾ и, дѣлая видъ, что приобрѣтаетъ для своихъ подданныхъ право владѣть недвижимою собственностью—о чемъ они ни мало не заботились, такъ какъ такое владѣніе въ Турціи не имѣетъ ничего привлекательнаго—она формально отказывалась, взаимѣнъ этой уступки, ничтожной до смѣшнаго, отъ личныхъ преимуществъ, которыми пользовались подданные королевы, отнынѣ подсудные въ извѣстныхъ случаяхъ турецкимъ властямъ; а поздиѣ съ непримѣною поспѣшностью—все во имя тѣхъ же интересовъ—она изъявляла согласіе на патентный сборъ, который пребывающіе въ Турціи англичане должны были платить за свой промыселъ наравнѣ съ подданными Порты.

Англійскій кабинетъ постоянно твердилъ, что, «вѣрный договорамъ, не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ вопросы внутренняго управленія».

При важности вопроса и значеніи затронутыхъ интересовъ, такой отвѣтъ былъ торжественнымъ и рѣшительнымъ освященіемъ установленнаго съ нѣкотораго времени политическаго образа дѣйствій сентъ-джемсакаго кабинета. Онъ вызвалъ во всемъ мірѣ неописуемое удивленіе, а Востокъ былъ не только удивленъ, но и ошеломленъ. Банкиры, капиталисты, промышленники, всѣ видѣли, какъ исчезала единственная надежда спастись отъ неминуемаго бѣдствія, надежда всеобщая, покоящаяся на увѣренности въ энергіи, съ которою англійское правительство всегда выступало на защиту интересовъ своихъ подданныхъ и которая

¹⁾ Примѣру Англии послѣдовала Австрія и прочія западныя державы. Россія же, какъ всегда, уклонилась отъ соглашенія, посягавшаго на права своихъ подданныхъ, опредѣленныя конвентуціями. Лишь въ 1873 году (8-го марта) русскимъ посломъ въ Константинополь и турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ подписанъ протоколъ о правѣ русскихъ подданныхъ владѣть недвижимою собственностью въ Турціи; но въ протоколѣ ясно установлялось, что законъ о такомъ владѣніи не отнималъ ни одной изъ льготъ, которыми ограждалась личность и движимое имущество иностранцевъ, приобрѣтшихъ недвижимою собственность.

При м. пер е в.

доселѣ внушала всѣмъ спокойную увѣренность. Такая увѣренность—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія—единственно побуждала населеніе Востока вѣрить кредитно-способности турецкаго правительства; безъ нея ни грекъ, ни армянинъ, ни турокъ—будь онъ самый искренній мусульманинъ—не помѣстилъ-бы самой ничтожной части своего имущества въ облигаціи оттоманскаго государственнаго долга. Но современникамъ были еще памяты буря, поднятая въ Англіи по поводу вознагражденія за убытки Притчарда, и блокада, которую навлекла на себя Греція вслѣдствіе ракламаціи жида Пачифико, грѣха котораго была незаконно продана органами афинской власти¹⁾,—и они не видѣли причинъ, по которымъ Англія лишила-бы ихъ своего покровительства въ сдѣлкахъ, заключенныхъ въ самой Англіи съ англійскими банкирами, въ самой торжественной формѣ, послѣ переговоровъ съ агентами турецкаго правительства, а иногда и съ самимъ посланцемъ султана, часто по совѣту англійскихъ министровъ, расточавшихъ передъ капиталистами увѣренія въ добросовѣстности и благонадежности заемщика...

Предоставляя людямъ болѣе свѣдущимъ объяснить такую странную перемѣну въ политикѣ Англіи, рассмотримъ тѣ моральные интересы, которые могутъ для нея существовать въ восточномъ вопросѣ.

По поводу событій въ Салоникахъ и въ Болгаріи и явнаго пристрастія, съ которымъ англійское правительство отнеслось къ агентамъ Порты, намъ довелось слышать отъ англійскихъ дипломатовъ, что Англія должна оказывать султану особое покровительство, такъ какъ онъ духовный владыка 40 милліоновъ подданныхъ императрицы Индіи. Пока Великобританія не отказалась отъ владѣній въ этой части свѣта, независимость и неприкосновенность Турціи, равно и владѣніе султаномъ проливами, при извѣстныхъ условіяхъ обезпечивающими безопасность, — имѣютъ для нея первостепенное значеніе.

Такъ-ли это? Не чудовищнымъ-ли предразсудкомъ руководился Гла-

¹⁾ Авторъ иронически упоминаетъ объ одномъ лишь ничтожномъ предметѣ домашней утвари проживавшаго въ Афинахъ португальскаго еврея Пачифико, домъ котораго былъ разграбленъ въ 1847 году. Незадолго передъ тѣмъ принявшій великобританское подданство, Пачифико предъявилъ къ греческому правительству требованіе о вознагражденіи, размѣры котораго во много разъ превышали дѣйствительную стоимость похищеннаго у него имущества; требованіе это было поддержано англійскимъ кабинетомъ, который, въ виду отказа афинскихъ властей уплатить требуемую сумму, выслалъ флотъ и блокировалъ Пирей, что чуть было не вызвало разрыва Англіи съ Франціей.

Притчардъ былъ англійскимъ консуломъ на островѣ Таити, находившемся съ 1842 года подъ протекторатомъ Франціи. Онъ постоянно возбуждалъ противъ послѣдней мѣстное населеніе и былъ оттуда высланъ французами въ 1844 г. Распоряженіе это вызвало бурю въ Англіи и дѣло едва не дошло до войны.

Прим. перев.

дство, когда онъ силится доказать—и въ данномъ случаѣ онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія—что нельзя быть въ одно и то-же время и вѣрноподаннымъ королевы и добрымъ католикомъ, т. е. слѣдовать заповѣдямъ церкви, глава которой иностранецъ, проживающій за границею? Въ силу какихъ непостижимыхъ рецептовъ британской логики та-же самая власть—всемогушее въ политикѣ общественное мнѣние—которая декретируетъ безапелляціонно, что нельзя быть англійскимъ гражданиномъ, подчиняться законамъ своей страны и зависѣть духовно отъ римскаго первосвященника,—допускаетъ безъ всякихъ затрудненій, что можно быть добрымъ индѣйцемъ, а слѣдовательно и добрымъ англійчаниномъ и быть подчиненнымъ духовной власти калифа въ Стамбулѣ? Между тѣмъ какая разница въ политическомъ положеніи этихъ двухъ духовныхъ владыкъ! Неужели римскій первосвятитель, лишенный той маленькой территоріи, которою онъ владѣлъ до объединенія Италіи, представляется для Англій болѣе грознымъ, нежели великій императоръ оттомановъ? Или заповѣди ислама, огнемъ и мечемъ распространявшаго свои владѣнія и подчинявшаго народы своему закону, причисляющаго кромѣ того убійство невѣрнаго къ дѣламъ угоднымъ Богу,—безвреднѣе, менѣе опасны для властителей странъ мусульманскихъ, нежели догматы католическіи—для монарховъ протестантовъ—ясно, строго предписывающій покорность установленнымъ властямъ и приписывающій этимъ властямъ божественное происхожденіе? Въ этомъ отношеніи сомнѣній быть не можетъ для того, кто хотя мало-мальски добросовѣстенъ. Но предрасудки, въ союзѣ со страстями, всегда заглушаютъ добросовѣстность и часто въ ущербъ интересамъ. Слово калифа, если бы ему захотѣлось возбудить религіозный пылъ дѣтей пророка, нашло бы въ ихъ сердцахъ искренній отголосокъ, благодаря отвращенію, которое они испытываютъ къ чужестранному владычеству; но если бы, подчиняясь духу времени, они сами схватились бы за оружіе, безъ всякаго возбужденія съ его стороны, то слово его было бы совершенно бесполезно ихъ успокоить, такъ какъ оно слишкомъ противорѣчило бы духу ислама! Наоборотъ, порядокъ всегда найдетъ самую твердую опору въ мощномъ словѣ первосвященника, когда онъ обращается къ истиннымъ католикамъ; оставаясь вѣрнымъ догматамъ церкви, онъ можетъ проповѣдывать лишь миръ, согласіе и покорность установленнымъ властямъ, лишь-бы онѣ не посягали на свободу совѣсти вѣрующаго.

Но допуская, что Англія обязана оказывать султану, въ его званіи калифа, особое покровительство, можно-ли, вопреки элементарной политической осторожности, ради удержанія спокойствія среди «правовѣрныхъ» Индіи и укрѣпленія его, султана, власти, поддерживать религіозный фанатизмъ протавъ христіанъ, стараться извинить его, когда онъ прорывается въ кровавыхъ расправахъ, возбуждать въ рядахъ мусуль-

манъ пропаганду, безъ того уже дѣятельную, въ пользу образованія наступательной и оборонительной лиги, разъяснять мусульманамъ значеніе изъ численности и угрожать ихъ гнѣвомъ христіанамъ всѣхъ странъ?

Между тѣмъ такова повидимому задача, которую себѣ поставили въ Турціи уже цѣлыхъ два года ¹⁾ англійская печать и англійская дипломатія, стремясь къ выполненію ея съ пыломъ, достойнымъ лучшей цѣли. Не лучше ли было бы, если бы онѣ строже отнеслись къ насліямъ мусульманъ именно потому, что императрица Индіи насчитываетъ 40 миліоновъ мусульманскихъ подданныхъ, не признающихъ принципа, что «всякая власть отъ Бога» и могущихъ въ одинъ прекрасный день створиться съ своими единовѣрцами изъ сосѣднихъ странъ, чтобы страхнуть иноземное, конечно, ненавистное, иго? Не было ли бы осторожнѣе со стороны Англій напомнить Турціи, по поводу послѣднихъ событій, то, что Европа въ теченіе полулѣтка твердитъ послѣдней: «религіозная терпимость, яркими буквами начертанная на входѣ въ знаніе современныхъ обществъ, касается и васъ. Исповѣдуйте свободно вашу вѣру, но подъ условіемъ, что религіозный духъ не будетъ нарушать порядка и мира, что никогда не будетъ рѣчи о «священной войнѣ», такъ какъ фанатизмъ заразителенъ; онъ распространяется съ быстротою пламени, и я не желаю, чтобы огонь добрался и до меня». Лишь такая рѣчь, по нашему мнѣнію, служа предостереженіемъ для мусульманъ Индіи, можетъ согласовать принципы великой христіанской державы съ выгодами величайшей державы мусульманской. И такую рѣчь—мы въ томъ увѣрены—Англія держала бы непремѣнно, если бы она не имѣла слабости, столь обычной у государственныхъ людей всѣхъ временъ, вести политику, покоящуюся болѣе на страхахъ, нежели на сознаніи собственныхъ выгодъ.

Этимъ однимъ можно объяснить покровительство, которое она оказываетъ калифу, въ то время какъ считаетъ себя ничѣмъ не связанной съ духовнымъ главою 10—12 милліоновъ католиковъ, своихъ подданныхъ.

Обращаясь къ второму аргументу, выставляемому Англіею въ оправданіе ея усилій, направленныхъ къ поддержанію Оттоманской имперіи и къ защитѣ калифа, мы должны сознаться, что не видимъ соотношенія между охраною обширныхъ англійскихъ владѣній въ Индіи и охраною турецкаго владычества, разумѣя подъ послѣднимъ вопросъ такъ называемый «проливовъ». До послѣднихъ годовъ неприкосновенность и независимость Турціи считались элементомъ сохраненія европейскаго равновѣсія и поддержки мира. Вслѣдствіе затрудненій, которыя встрѣ-

¹⁾ Настоящій очеркъ написанъ въ декабрѣ 1877 года.

тила бы передѣлка карты этой части Европы, затрудненій, вытекающихъ изъ разнообразія народностей и ихъ стремленій, предпочитали то, что существуетъ, тому, чѣмъ пришлось бы замѣнить, не достигнувъ при этомъ, быть можетъ, примиренія сталкивающихся въ этомъ вопросѣ разнородныхъ интересовъ. Это явное, протявъ котораго боролись, которыхъ страшились не безъ основанія. Это было вполне разумно. Но нынѣ, благодаря событіямъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, положеніе существенно измѣнилось и нужно много смѣлости, — въ которой у государственныхъ людей часто не было недостатка, — чтобы постичь возможность совмѣстнаго житія въ будущемъ мусульманъ и герцеговинцевъ, болгаръ и мусульманъ если не въ мирѣ и согласіи — такое требованіе было бы чрезмерно, — то при условіи взаимной терпимости, достаточной для предупрежденія столкновеній. Это было бы, впрочемъ, слишкомъ сладкою мечтою, и дѣйствительность не замедлила бы ее разрушить. Послѣ потоковъ крови, пролитыхъ въ долахъ Герцеговины и равнинахъ Болгаріи, въковая ненависть, подогрѣтая современными неистовствами со стороны укротителей мятежа, въ состояніи пассивнаго и скрытаго перешла въ борьбу слишкомъ упорную, слишкомъ продолжительную, чтобы намъ не прійти къ заключенію, что было бы, быть можетъ, болѣе разумно и болѣе осторожно рѣшительно приступить къ территоріальной перекройкѣ Оттоманской имперіи, нежели продолжать заботиться о ея неприкосновенности, поддерживая тѣмъ самымъ въ разныхъ пунктахъ ея неугасимые очаги безпорядковъ, возстаній и борьбы. Тѣмъ не менѣе, всякая полумѣра, съ трудомъ выработанный *modus vivendi*, чреватый бурями, однимъ словомъ, настоящая подклейка, представляли менѣе затрудненій, нежели коренное и окончательное разрѣшеніе, и потому имѣли бы болѣе шансовъ быть принятыми европейскимъ ареопагомъ.

Но какъ бы ни относились къ этому вопросу всеобщаго интереса, Англія не можетъ, наравнѣ съ другими двумя великими державами, Германіею и Франціею, желать ничего другаго кромѣ порядка, устойчивости и спокойствія; окажется задача разрѣшенною для этихъ двухъ державъ, она окажется разрѣшенною и для Англіи. Важно, поэтому, быть можетъ знать, не лучше ли было бы, если, при настоящемъ положеніи восточнаго вопроса и ради спокойствія Европы, установить равновѣсіе на новыхъ основаніяхъ, болѣе обезпечивающихъ его прочность.

Намъ, впрочемъ, нечего затрогивать этого вопроса; для насъ достаточно выяснить, какая связь между владѣніями въ Индіи и цѣлостью Турецкой имперіи.

Европейскія области этой великолѣпной имперіи не представляютъ для Англіи особаго, политическаго или торговаго, поля дѣйствій, нѣтъ ни средствъ ни расъ, ни религій, нѣтъ ни сосѣдскихъ отношеній, ни об-

мѣна мануфактурныхъ произведеній, получаемыхъ Турціею изъ Австріи и Германіи въ обмѣнъ на сырье, которое особенно пригодилось бы и для англійскаго промышленнаго производства. Поэтому для Англій нѣтъ основаній ссылаться на какіе-либо особые интересы, которые побуждаютъ ее вмѣшиваться въ распоряженія по улучшенію судьбы этихъ областей.

Но, быть можетъ, дѣло обстоитъ иначе по отношенію къ областямъ мало-азійскимъ. Долины Аравіи и Евфрата могли бы, говорятъ, представлять выгоды болѣе короткаго и быстраго сообщенія съ Индіею, и переговоры генерала Шенэ (Chesney) съ Портою о проведеніи евфратской желѣзной дороги шли слишкомъ долго, чтобы не понять, что Англія считаетъ себя очень заинтересованною въ недопущеніи водвориться сильной и, быть можетъ, враждебной власти на мѣстѣ нынѣшней власти султана. Но, къ счастью, въ умѣ государственныхъ людей Англій одерживаетъ въ эту минуту верхъ болѣе справедливая оцѣнка обстоятельствъ; воображаемая опасность завладѣнія Россіею долинами Аравіи и Евфрата, приводившая доселѣ англичанъ въ ужасъ, разсѣялась передъ декларациею лорда Дэрби (ноябрь 1877), который, на политическомъ банкетѣ, далъ ясно понять, что по мнѣнію кабинета, въ составъ котораго онъ входитъ, истинная линія сообщенія Англій съ Индіею черезъ Евфратъ не проходитъ. «Пока путь черезъ Суэзь,—сказалъ онъ,—не прерванъ, у насъ достаточно сообщеній». Что касается Месопотаміи и Аравіи, никто этими областями не прельщается; дипломаты и публицисты въ одинъ голосъ сохраняютъ ихъ за калифомъ, которому тамъ можетъ быть лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; нигдѣ, дѣйствительно, онъ не былъ бы принятъ со столь живыми симпатіями какъ въ этомъ, всегда пылающемъ, очагѣ религіознаго возбужденія; нигдѣ онъ не могъ бы проявлять своей двойной власти съ большею увѣренностью, чѣмъ въ этихъ странахъ, бывшихъ колыбелью пророка, небеснаго посланца, коего онъ преемникъ.

Намъ остается упомянуть объ Египтѣ. Для Англій Египетъ—дорога къ дому, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Суэзскій каналъ сократилъ путь. Ей представляется возможнымъ домогаться безусловнаго верховенства надъ этою областью, что было бы для нея, въ случаѣ переустройства Востока, великолѣпнымъ удѣломъ, вознагражденіемъ болѣе чѣмъ достаточнымъ за то, что она потеряла бы въ другомъ мѣстѣ, или за то, что досталось бы другимъ. При такомъ условіи Англія осталась бы въ выгодѣ при всякомъ измѣненіи въ европейскомъ равновѣсіи, несмотря на недавно высказанное Гладстономъ мнѣніе, что будь даже предложено королевѣ верховенство надъ Египтомъ, ея величество должна отъ него отказаться. Но это, конечно, было лишь одною изъ тѣхъ вспышекъ, къ которымъ этотъ государственный человѣкъ часто прибѣгаетъ, когда онъ оставляетъ власть. Мы же думаемъ, что судьба Египта—

единственный крупный интерес повелительницы Индіи въ восточномъ вопросѣ и изъ-за него вся Англія взялась бы за оружіе. Помимо выгодъ своего географическаго положенія, Египетъ, подъ разумнымъ и гуманнымъ управленіемъ, которое сняло бы съ несчастнаго мѣстнаго населенія сорокалѣтнюю фараоническую гнетъ, какъ бы предопредѣленный,—обогатить всякую цивилизованную державу, если она сѣмѣетъ использовать сказочное плодородіе почвы, и мы не вѣримъ, чтобы англійская полетница, отказываясь впервые отъ побужденій эгоизма и того завоевательнаго духа, которому она всегда подчинялась, пренебрегла, по совѣту г. Гладстона, столь богатую добычею. Правда, въ 1853 году ¹⁾, Англія отклонила сдѣланное ей Россією предложеніе взять Египетъ въ случаѣ раздѣла Турціи; но въ то время на Суэзскій каналъ смотрѣли какъ на фантастическую мечту, осуществленіе которой весьма измѣнило значеніе приобрѣтенія.

Для пополненія предпринятаго нами изслѣдованія, рассмотримъ вопросъ «проливовъ», какъ съ точки зрѣнія существующаго относительно ихъ порядка, запрещающаго входъ иностраннымъ военнымъ судамъ, такъ и по отношенію къ неудобствамъ для Англіи порядка противоположнаго, т. е. безусловной свободы мореплаванія.

Если допустить, что Англія, для охраны своихъ политическихъ интересовъ, имѣетъ въ виду лишь помѣшать занятію Босфора русскими и тѣмъ уберечь султана и столицу отъ всякаго нападенія съ этой стороны, то окажется, это гарантія, представляемая существующимъ порядкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ воображаемая. Всякое международное соглашеніе по этому вопросу,—подобное протоколу 1840 года, подтвержденному парижскимъ трактатомъ,—имѣетъ цѣну лишь въ мирное время, т. е. при такомъ положеніи вещей, которое дѣлаетъ совершенно безвреднымъ для султана доступъ въ Босфоръ военныхъ судовъ; въ военное же время, когда враждебныя дѣйствія влекутъ за собою прекращеніе силы договоровъ, соглашеніе теряетъ всякую цѣну какъ разъ въ то время, когда ему нужно имѣть силу, въ данномъ случаѣ для того, чтобы обезпечить Босфоръ. Имѣя въ Черномъ морѣ почтенный флотъ, способный оказать сопротивленіе броненосцамъ своего непріятеля, можетъ-ли Россія, послѣ объявленія войны, быть задержанною у входа въ проливъ обязательствами, которыя она взяла на себя въ Парижѣ? Она несомнѣнно предпочтетъ кратчайшій путь для занятія столицы имперіи, чтобы диктовать тамъ свои условія.

Весьма важно, поэтому, не упускать изъ вида возможности для

¹⁾ Известная бесѣда англійскаго посла Лорда Сеймура съ императоромъ Николаемъ, намекавшимъ на возможность распада Турціи.

Прим. перев.

Россія, въ случаѣ предъявленія ею какихъ-либо требованій Портѣ, поддержать ихъ значительными морскими силами и попытаться вступить въ Босфоръ. Но такая случайность, заслуживавшая полного вниманія государственныхъ людей Европы въ ту эпоху, когда Турція, считаемая неспособною защититься и не имѣвшая внушительнаго военнаго флота, вынуждена была прибѣгать къ слабой охранѣ международныхъ соглашеній,—нынѣ не имѣетъ того значенія, какое ей приписывали до сей поры. Нынѣ Турція обладаетъ сильнымъ флотомъ, броненосными судами разныхъ типовъ и можетъ себя охранить отъ всякой неожиданности. Изобрѣтенныя съ того времени торпеды служатъ удобнымъ средствомъ защиты, и если Босфору не суждено быть нейтрализованнымъ, то вооруженіе его береговъ, въ иныхъ мѣстахъ столь близкихъ одинъ къ другому, даетъ возможность Турціи защититься самой; мѣсто прежней безпомощности заступила оборонительная сила, значеніе которой, быть можетъ, Порта преувеличиваетъ, но которая настолько дѣйствительна, что Турція можетъ пренебречь вытекающими изъ соглашеній приврачными гарантіями, въ которыхъ она искала главнаго залога своего политическаго существованія.

Сами англичане при всемъ томъ, что въ вопросѣ о свободѣ плаванія черезъ проливы крѣпко держатся за свои политическія предразсудки по отношенію къ Востоку, склонны, повидимому, стать на нашу точку зрѣнія, если судить по недавно произнесенной (ноябрь 1877 г.) рѣчи одного вліятельнаго члена англійскаго парламента, Куртене. Онъ высказалъ и подробно развилъ мнѣніе, что Англія, въ случаѣ мирнаго договора между Турціею и Россіею, не должна настаивать на закрытіи проливовъ для большихъ военныхъ судовъ. Какъ было бы желательно, чтобы англійскій повинизмъ утратилъ свою первобытную рѣзкость и вступилъ открыто на тотъ путь умѣренности, который ему указываютъ графъ Дерби, Куртене и ихъ политическая партія.

Мы, какъ кажется, удѣлили интересамъ Англіи въ восточномъ вопросѣ все вниманіе, котораго они заслуживаютъ. Но изъ всѣхъ великихъ державъ, Англія, какое бы значеніе ни приписывали доводамъ ея національной политики, конечно не та, чьи интересы занимаютъ первое мѣсто при разрѣшеніи этого знаменитаго вопроса. Сопредѣльная съ Азіею и непосредственная въ Европѣ сосѣдка Турціи, Россія можетъ по праву взирать на себя какъ на прирожденнаго распорядителя судебъ этой части свѣта. Если къ сосѣдству, со всѣми вызываемыми имъ послѣдствіями, прибавить географическія условія южной границы, замыкающей къ Черному морю, ключи отъ котораго въ рукахъ у султана, тождество религіи и средство расъ, соединяющихъ большинство ея населенія съ христіанскимъ населеніемъ Турціи,—права Россія на преобладающій голосъ будутъ имѣть вполнѣ достаточное оправданіе. Если

въ наши дни являютъ всюду склонность дешево цѣнить соображенія религіозныя, то иначе отнесется къ столь модному въ наше время принципу національности и крупныхъ аггломератовъ. Принципъ этотъ, по нашему мнѣнію ложный, имѣетъ роковое вліяніе на благосостояніе народовъ, но онъ прельщаетъ міръ; монархи и государственные дѣятели вынуждены, благодаря условіямъ, созданнымъ общественнымъ настроеніемъ, почтительно передъ нимъ склоняться, какова бы ни была форма правленія. Крімъ того, за срокъ свыше ста лѣтъ Россія пролила слишкомъ много крови въ обѣихъ частяхъ Оттоманской имперіи, чтобы не видѣть въ жертвахъ, уже ею принесенныхъ, размѣръ жертвъ, которыя она еще принесетъ ради охраны интересовъ неопровержимой важности. Такъ какъ в Англіи и Россіи принадлежитъ первое мѣсто среди тѣхъ, кто заинтересованъ въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, то упомянувъ объ интересахъ Англіи, мы постараемся дать себѣ отчетъ и въ интересахъ Россіи, съ цѣлью выяснитъ положеніе каждой изъ нихъ и облегчить разрѣшеніе созданныхъ этимъ положеніемъ затрудненій.

Закрытіе проливовъ имѣетъ для Англіи, какъ мы, кажется, доказали, болѣе чѣмъ второстепенное, воображаемое, значеніе; но что выгоды для Россіи, свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы или закрытіе ихъ? Вопросъ важный и по которому—странное дѣло!—въ народномъ сознаніи и его представителяхъ, дипломатахъ и публицистахъ, мы видимъ глубокое разногласіе. Размышленія дипломатовъ и обсужденія публицистовъ ни мало вопроса не разъяснили и не выработали принципа или нормы для политики русскаго кабинета.

По мнѣнію однихъ, пока берега Босфора будутъ находиться подъ иностраннымъ владычествомъ, при которомъ Россія не можетъ получить для своего флота, при исключеніи другихъ державъ, свободнаго и ничѣмъ не обусловленнаго права прохода, принципъ *mare clausum* ¹⁾, при мѣненный къ Черному морю, будетъ всегда предпочтительнѣе безусловной свободы плаванія по проливамъ военныхъ флотовъ прочихъ державъ.

Россія, правда, заперта у себя, но здѣсь она безусловная хозяйка; по отношенію къ состоянію своихъ арсеналовъ, вооруженій къ организациіи флота, къ топографическимъ условіямъ своего побережья и, въ особенности, къ иноземной враждебной пропагандѣ среди мусульманскихъ ея подданныхъ,—она ускользаетъ отъ всякаго контроля. Она заперта, но воздѣйствіе, которое она могла бы оказывать въ Средиземномъ морѣ и въ Адриатикѣ, желательное, конечно, если бы оно могло дешево достаться,—не стоитъ тѣхъ выгодъ, которыхъ бы она лишилась при полной свободѣ плаванія всѣхъ флотовъ по проливамъ и по Черному морю.

Между Россією и Италією нѣтъ такихъ особенныхъ дѣлъ, вслѣдствіе

¹⁾ Море закрытое.

которыхъ первая предвидѣла бы случай, гдѣ ей можетъ оказаться необходимымъ поддержать свои требованія демонстраціею у береговъ полуострова. Австрія—ея сосѣдка, но въ случаѣ столкновенія съ ней, борьба завязалась бы всюду, только не на берегахъ Адриатики; наконецъ, Египетъ никогда не будетъ представлять для нея особеннаго значенія, и она встрѣтила бы тамъ стойкій и значительный флотъ, съ которымъ флотъ Чернаго моря, какъ бы быстръ ни былъ его ростъ, долго бороться окажется не въ состояніи. Что касается Греціи, то она всегда была предметомъ коллективнаго воздѣйствія всѣхъ великихъ державъ, и нынѣ менѣе чѣмъ когда-либо Россія окажется въ состояніи оказать ей дѣйствительную помощь.

Таковы аргументы приверженцевъ существующаго порядка вещей, аргументы, взявшіе верхъ на совѣтахъ, собираемыхъ императоромъ Николаемъ, когда онъ прикладываетъ руку къ трактату 3 (15) іюля 1840 года, входившіе впрочемъ въ его систему замыкать Россію въ границы, непроницаемыя для разрушительныхъ вѣяній извнѣ.

Приверженцы противоположнаго порядка вещей, то есть ничѣмъ не обусловленнаго открытія проливовъ, говорятъ, что откинуть Россію въ край озера и запереть ее тамъ, лишивъ совершенно свободнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ, это—то же, что поставить судьбу ея торговли и ея вывоза въ зависимость отъ отношеній къ Портѣ. Кроме того, лишать независимую державу права направлять свои морскія силы куда ей окажется нужнымъ, это — ограничивать ея права; такое ограниченіе тѣмъ болѣе ненавистно, что оно представляетъ лишь неудобства, которыя не возмѣщаются никакими выгодами и что, въ случаѣ войны съ Портою или съ державами, для которыхъ Порта будетъ всегда союзницею, оно никогда не помѣшаетъ непріятельскимъ флотамъ войти въ Черное море и разрушать все, что только они могутъ. Такимъ образомъ, за прекращеніемъ дѣйствій трактатовъ во время войны, закрытіе проливовъ перестаетъ существовать какъ разъ въ ту минуту, когда оно можетъ быть полезнымъ, и берега Россіи доступны нападенію непріятеля.

Наконецъ, умиротвореніе Кавказа и водвореніе твердой власти въ странахъ, изъ которыхъ удалено непокорное и враждебное населеніе, устраняютъ опасность, связанную съ свободнымъ доступомъ въ Черное море иноземныхъ флаговъ и отнимаютъ у шаге *clausum* главную его выгоду.

Такое, относительно проливовъ, другое мнѣніе, насчитывающее въ Россіи многихъ сторонниковъ; въ теченіе извѣстнаго періода оно брало верхъ, и мы поэтому имѣемъ право предполагать, что окончательное открытіе Босфора, какъ послѣдствіе новаго порядка вещей, имѣющаго быть созданнымъ ожидавшимися быстрыми и блестящими побѣдами, сильно повліяло въ высшемъ правительственномъ совѣтѣ въ пользу

объявленія войны. Улучшеніе судьбы славянъ Турціи не было, надо полагать, единственною причиною, побудившею императора Александра принять рѣшеніе, столь мало согласное съ отличительнымъ свойствомъ его характера, и преодолѣть истинно отвращеніе къ войнѣ.

Что касается до опасностей, которыя угрожаютъ Оттоманской имперіи, какъ то полагаютъ державы въ своихъ пожеланіяхъ о ея сохранности, мы не перестанемъ повторять, что нынѣ Турція въ состояніи сама защищаться и что отъ своего войска и своего флота она можетъ требовать большіхъ гарантій, нежели отъ международныхъ соглашеній. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ какъ Россія не связана условіемъ, ограничивающимъ ея морскія силы въ Черномъ морѣ, султанъ, при установленіи свободы плаванія по Босфору, одинаково будетъ спокоенъ или безпокоенъ, будь проливы открыты или закрыты, зная, что русскій флотъ, какимъ бы онъ ни былъ, крейсируетъ по Черному морю во всѣхъ направленіяхъ. Если ближайшій будущій конгрессъ приметъ такое рѣшеніе вопроса о проливахъ, т. е. откроетъ ихъ, нейтрализуетъ Босфоръ и его оба берега, наложитъ на великія державы обязательство уважать неприкосновенность имѣющей быть установленной нейтральной зоны, простирающейся отъ такого-то до такого-то пункта, такое рѣшеніе будетъ болѣе соответствовать видамъ дипломатіи Запада, нежели существующій нынѣ порядокъ. Русскій флотъ въ Черномъ морѣ пересталъ бы быть пугаломъ для султана и предметомъ безпокойства для Европы, а Россія, свободная отнынѣ проходить проливы когда вздумается и показывать свой флагъ въ Средиземномъ морѣ, не будетъ имѣть причинъ, которыя имѣетъ теперь, добиваться владычества надъ этимъ морскимъ рукавомъ и искать случая вызвать разчлененіе Оттоманской имперіи ¹⁾).

Но, быть можетъ, подобное соглашеніе не удовлетворитъ Англіи,

¹⁾ Въ историческомъ журналѣ нѣтъ мѣста для обсужденій, necessarily полемическаго свойства, вопроса современной политики, всегда волнующаго общественное мнѣніе Европы и, въ особенности, Россіи. Не входя поэтому въ оцѣнку указываемаго авторомъ способа рѣшенія вопроса о проливахъ, способа „соответствующаго видамъ дипломатіи Запада“, — мы ограничимся замѣчаніемъ, что такой проектъ, ясно сформулированный впервые, сколько намъ извѣстно, появляется въ трудахъ многочисленныхъ публицистовъ, писавшихъ на эту тему. Надо надѣяться, что вся относящаяся до этого вопроса аргументація автора обратитъ на себя вниманіе всѣхъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые занимаются изученіемъ *modus vivendi*, что должны обеспечить за нами спокойное и вѣрное движеніе къ неизмѣнной, намѣченной всею нашею исторіею цѣли: стоять твердою ногою въ преддверіи края, верховенство надъ которымъ имѣетъ для насъ жизненное значеніе, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ море пролитой русской крови въ теченіе почти двухъ вѣковъ.

Способъ, предлагаемый авторомъ, можетъ оказаться совершенно непри-

которая желала бы, чтобы Россія была вѣчно блокирована въ Черномъ морѣ. По ея мнѣнію, европейское равновѣсіе, подлежащее поддержкѣ во что бы то ни стало, когда оно направлено противъ московской державы, можетъ быть всюду нарушено въ ея, Англій, выгоду и пользу. Если же прочія великія державы нашли бы, что вышепомянутое соглашеніе не только не нарушать столь возжеланное равновѣсіе, но упрочить его въ бассѣйнѣ Средиземнаго моря, то Англій ничего бы другаго не осталось, какъ подчиниться такому соглашенію и сбавить свои требованія до справедливыхъ размѣровъ.

Таковы главнѣйшія обстоятельства, которыя мы сочли нужнымъ освѣтить, чтобы выяснитъ великіе интересы, связанные съ восточнымъ вопросомъ. Мы достигли цѣли, если читатель раздѣлитъ наше личное убѣжденіе и признаетъ отнынѣ вмѣстѣ съ нами, что интересы Англій— въ противность принятымъ взглядамъ, или вѣрнѣе, предразсудкамъ, господствующимъ въ высшихъ дипломатическихъ сферахъ Великобританіи—ограничиваются исключительно судьбою Египетскаго вице-королевства; что лишь фантазирующій англійскій шовинизмъ усматриваетъ воображаемую опасность для сношеній метрополии съ индійскими владѣніями, въ возможности для турецкой Арменіи, столь близко расположенной къ долинамъ Аравіи и Евфрата, подпасть подъ власть Россіи; что Англія въ вопросѣ о проливахъ заинтересована не болѣе, чѣмъ прочія державы, которыя должны желать, ради успѣховъ торговли, по возможности ничѣмъ не обусловленной свободы плаванія; что въ этомъ вопросѣ Россія занимаетъ особенное положеніе въ ряду другихъ государствъ, что нельзя не признать ея правъ на преобладающій голосъ въ этомъ дѣлѣ, и что ея честь столько же, сколько и заботы о матеріальныхъ успѣхахъ, предписываютъ ей требовать въ будущемъ отмены существующаго доселѣ порядка закрытія проливовъ для военныхъ судовъ большаго водоизмѣщенія; что, наконецъ, при настоящемъ положеніи Турціи, нейтрализація Босфора не повлекла бы за собою никакихъ опасностей для личнаго спокойствія султана и для независимости имперіи, а, наоборотъ, лучше обезпечивала-бы ея политическое существованія, нежели международныя соглашенія, которыя, запирая Россію въ Черномъ морѣ и стѣсняя ея свободу сообщенія съ моремъ Средиземнымъ, вызываютъ законное съ ея стороны неудовольствіе.

годнымъ, но если, при обсужденіи его русскими государственными людьми и общественными дѣятелями, исчезнетъ это разногласіе въ отзывѣхъ о порядкѣ пользования проливами, на которое справедливо указываетъ авторъ, и установится единый и волюнтарно опредѣленный взглядъ на то, что намъ нужно—шаге славшиш или шаге апертиш,—то уже въ одномъ этомъ окажется не мало пользы.

Прим. перев.

Къ біографіи Θεодосія архієпископа новгородскаго.

Указы изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Архангельскому губернатору Измайлову.

I.

Понеже канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ учинилась извѣстна, что статскій совѣтникъ и лейбъ-гвардія капитанъ-лейтенантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, гдѣ содержится въ тюрьмѣ чернецъ Θεодосъ, полъ деревянной и печь выломалъ, а по указу и по инструкціи чинить ему того не повелѣно. И для того по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію вышепрѣченной канцеляріи, велѣно, распечатавъ въ той тюрьмѣ вамъ, господину брегадиру, полъ деревянной и печь сдѣлать при себѣ и поставить караулъ по-прежнему, а печь топить съ надворья, и устье печное чтобъ близъ караула было. Декабря 21 дня 1725 года. (Подписано) генераль-маіоръ Ушаковъ.

II.

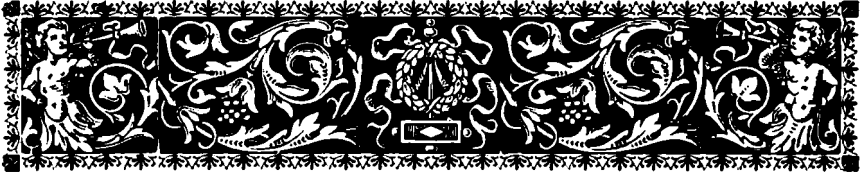
По ея императорскаго величества указу и по резолюціи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, велѣно по присланному отъ васъ, господина генераль-маіора, рапорту 20-го дня января, когда извѣстной чернецъ Θεодосъ, содержащійся подъ карауломъ въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, умереть, тѣло его похоронить въ томъ же монастырѣ. Архимандриту Порфирію указъ о томъ посланъ. 27-го января 1726 г. (Подписано) графъ Петръ Толстой.

III.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссійская указала чернецу Θεодосу, содержащемуся въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, пищу давать братскую, въ которыя времена какія старцамъ опредѣляется. И по силѣ того ея императорскаго величества указа изъ наличныхъ денегъ, кои на его, Θεодосово, содержаніе есть въ губерніи Архангельской, покупая потребное, кормить Θεодоса, какъ выше сего изображено. А давать пищу ему противъ одного брата. Февраля 3-го дня 1726 года. (Подписано) графъ Петръ Толстой.

Сообщилъ А. Подвысоцкій.

Два письма изъ эпохи Восточной войны

1853—1856 годовъ.

Восточная война 1853 — 1856 гг. давно уже изслѣдована во всѣхъ ея подробностяхъ, и относящіяся до нея дипломатическіе и иные документы опубликованы и комментированы разными историками и публицистами.

Предлагаемыя два частныхъ письма современника той эпохи ничего новаго въ исторію ея не внесутъ и не дадутъ новаго освѣщенія тому или другому событію времени единоборства Россіи со всею почти Европою. Тѣмъ не менѣе, исходя изъ-подъ пера публициста, жившаго въ ту пору въ Константинополь и хорошо освѣдомленнаго о всемъ происходившемъ, они не лишены извѣстнаго интереса. Съ одной стороны, они знакомятъ насъ съ совѣтами, которые Порты и ея западные друзья расточали молдавскому и валахскому господарямъ, очутившимся, съ момента вступленія нашихъ войскъ въ княжества, дѣйствительно, между молотомъ и наковальнею; съ другой—даютъ живую картину общественнаго настроенія въ Константинополь, гдѣ,—въ то время какъ европейскіе дипломаты напрягали всѣ усилія къ предотвращенію войны—войну ожидали и ея желали, въ убѣжденіи «полной неуравновѣженности» Россіи и въ сознаніи доказываемой англійскимъ посломъ (знаменитымъ лордомъ Рэдклиффомъ) необходимости воспользоваться случаемъ, чтобы хорошенько «проучить» Россію, въ надеждѣ, что она не оправится по крайней мѣрѣ въ теченіе полулѣтка...

Этимъ двумъ письмамъ мы предпосылаемъ небольшую историческую справку.

6-го мая 1853 года, собранный въ блистательной Портѣ торжественный совѣтъ для окончательнаго обсужденія предложеній чрезвычайнаго посла императора Николая, князя Меншикова, рѣшилъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ (42 изъ 44), что предложенія эти приняты быть не могутъ. Турецкимъ сановникамъ и не пришлось сообщить по принадлежности о принятомъ ими рѣшеніи; въ ту минуту какъ члены чрезвычайнаго совѣта расходились, князь Меншиковъ прислалъ въ Порту извѣщеніе объ окончательномъ разрывѣ, а три дня спустя, 10-го мая, отплылъ въ Одессу.

19-го мая, канцлеръ графъ Нессельроде дѣлаетъ послѣднюю попытку склонить турокъ къ уступчивости и отправляетъ рейсъ-эффенди (министру иностранныхъ дѣлъ) Решиду-пашѣ письмо, въ которомъ, впрочемъ, уже заявляетъ о принятомъ императоромъ Николаемъ рѣшеніи занять своими войсками Дунайскія княжества, отнюдь не ради войны съ султаномъ, а въ матеріальное обезпеченіе того, что оттоманское правительство, вернувшись къ болѣе справедливымъ чувствамъ, дастъ Россіи нравственныя гарантіи, тщетно ею требуемыя ¹⁾.

Письмо русскаго канцлера желаемаго дѣйствія не имѣло, и 21-го іюня передовыя колонны русскихъ войскъ перешли Прутъ ²⁾.

По вступленіи нашихъ войскъ въ княжества предстояло немедленно выяснить вопросъ объ управленіи ими. Въ обращенной къ жителямъ прокламаціи возвѣщалось, что «мы не намѣрены искать завоеваній, ни измѣнять коренныхъ законовъ, коими княжества управляются, и ихъ политическаго положенія, утвержденаго торжественными договорами». Но еще ранѣе того генеральному консулу нашему въ Бухарестѣ Халчинскому, предписывалось объявить молдавскому и валахскому господарямъ, Гягѣ и Штирбею, что со времени вступленія русскихъ войскъ они должны прекратить всякія сношенія съ оттоманскимъ правительствомъ, а равно и взносы слѣдуемой Портѣ дани, которая должна

¹⁾ „Dans quelques semaines les troupes recevront l'ordre de passer les frontières de l'Empire, non pour faire la guerre au Sultan, guerre, qu'il répugne à sa Majesté Impériale d'entreprendre contre un souverain qu'Elle s'est toujours plu à considérer comme un allié sincère et un voisin bien intentionné,—mais pour avoir des garanties matérielles jusqu'au moment où, ramené à des sentimens plus équitables, le gouvernement ottoman donnera à la Russie les sûretés morales qu'Elle, a demandées en vain depuis deux mois par ses représentans à Constantinople et en dernier lieu par son Ambassadeur“. Изъ письма гр. Нессельроде Решиду-пашѣ отъ 19 мая 1853 г.

²⁾ Здѣсь кстати вспомнить, что уже 5-го іюня, въ день отправленія изъ Порты отвѣта на письмо гр. Нессельроде, флоты Франціи и Англіи подошли къ Дарданелламъ и бросили якорь въ Безикской бухтѣ.

поступать, за время оккупации, въ распоряженіе императорскаго правительства ¹⁾).

Господари не могли не подчиниться этому распоряженію; съ своей стороны Порты, освѣдомившись о немъ, послѣдила заявить князьямъ Гикъ и Штурбею, что они должны уклониться отъ его исполненія и немедленно оставить княжества, подъ угрозой примѣненія къ нимъ тѣхъ мѣръ, которыя блистательная Порты найдетъ нужнымъ принять для охраны собственныхъ интересовъ ²⁾).

Протестъ Порты былъ напрасенъ; трудно сопротивляться словами распоряженію, объявленному предрержащею властью, каковою была власть командующаго оккупационною арміею. Положеніе господарей оказалось весьма затруднительнымъ. Изъ получаемыхъ ими изъ Константинополя свѣдѣній они могли убѣдиться, что Англія и Франція поддерживаютъ предъявленное имъ Портою требованіе.

Поставленные между двухъ огней, они, повидимому, не рѣшались опредѣленно дѣйствовать въ томъ или другомъ смыслѣ. Обстоятельство это послужило поводомъ русскому правительству, когда исчезли послѣднія сомнѣнія въ необходимости войны, поставить вопросомъ и

¹⁾ „Nous voulons parler de leurs relations avec Constantinople et le ministres Ottoman. Celles-ci doivent nécessairement cesser du jour où nos troupes occupent militairement le pays, et où toute action, toute ingérence de la part de la puissance suzeraine est temporairement suspendue.

Une autre conséquence de cette situation sera celle de la suspension du tribut que les provinces sont tenues de payer à la Porte. Ces sommes que les vestiaires encaisseront comme par le passé, doivent rester à la disposition du gouvernement Impérial qui se réserve d'en faire l'usage qu'il jugera le plus opportun“. Денеша гр. Нессельроде генер. консулу Халчпнаскому отъ 3 іюня 1853 года.

²⁾ Приводимъ относящійся до этого дѣла отрывокъ письма турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Решидъ-паша къ князю Григорію Гикъ отъ 13 іюля 1853 года.

... „Comme la cour de Russie a entamé le système de ces provinces par l'endroit qui regarde immédiatement la puissance propriétaire, c'est à dire par ses bases fondamentales, la Sublime Porte voit clairement que dans cet état de choses l'exercice de l'autorité légitime dans les Principautés de Valachie et de Moldavie est impossible. Par conséquent la S. Porte, ainsi que ses droits sacrés et incontestables l'exigent a décidé que Votre Altesse, ainsi que S. A. le Prince de Valachie quittiez provisoirement les Principautés et cette résolution a été communiquée aussi officiellement aux grandes puissances.

Il faut donc, que conformément aux ordres émanés du Trône Impérial, vous quittiez de suite la province. Et s'il arrive que vous agissiez d'une manière contraire à ces ordres souverains, la S. Porte, libre de son côté, prendra telles mesures qu'elle jugera conformes à ses propres affaires et à ses intérêts“.

командующему оккупационнымъ корпусомъ князю Горчакову предписывалось ¹⁾ имѣть довѣрительное объясненіе съ господарями (не ранѣе, впрочемъ, какъ по объявленіи войны) и спросить ихъ, желаютъ ли они, совершенно и искренно, оставаться на мѣстахъ при создавшемся исключительномъ положеніи, съ тѣмъ, чтобы добросовѣстно и честно по отношенію къ Россіи исполнять свои обязанности.

Спрошенные незадолго до начала военныхъ дѣйствій, господа заявили, что не считаютъ возможнымъ долѣе оставаться въ княжествахъ, и въ непродолжительномъ времени (октябрь 1853) выѣхали оттуда, сперва Штирбей изъ Бухареста, а затѣмъ Гика изъ Яссы ²⁾.

Приводимыя два письма Ногеса относятся именно къ той смутной для господарей эпохѣ, которая наступила для нихъ со времени занятія нами княжествъ. Они адресованы довѣренному лицу и родственнику князя Григорія Гики, логофету Мавроени. Ногесъ былъ главнымъ редакторомъ издававшейся въ Царьградѣ ежедневной французской газеты «Journal de Constantinople», о всемъ происходившемъ на берегахъ Босфора былъ превосходно освѣдомленъ и пользовался особымъ расположеніемъ посланниковъ западныхъ державъ. Хотя письма его къ Мавроени, по вышней ихъ формѣ, должны быть отнесены къ частной корреспонденціи, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что Ногесъ много писалъ по указанію иностранныхъ дипломатовъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы господа исполнили требованіе Порты и оставили княжества, и поручавшихъ ему передавать совѣты, которые неудобно было вложить въ уста официальныхъ представителей. Поэтому письма Ногеса, несмотря на ихъ частный характеръ, имѣютъ несомнѣнное документальное значеніе.

А. Гирсъ.

¹⁾ „...La Majesté vous invite à avoir une explication confidentielle avec les Hospodars des que la guerre aura éclaté, mais seulement alors, et leur demander franchement, s'ils veulent, ou non, continuer à s'acquitter des devoirs de leurs postes de manière à répondre aux exigences de cette situation exceptionnelle. S'ils le veulent de bonne foi, l'Empereur les maintiendrait dans leurs attributions, à condition qu'ils s'engagent sur leur honneur à se comporter loyalement envers nous et à exécuter avec zèle et fidélité les ordres de la cour Impériale. Le régime intérieur des Principautés ne subirait ainsi aucune modification apparente et, aux yeux du peuple, les Hospodars continueraient à administrer les deux provinces comme par le passé, tout en restant sous le contrôle et la surveillance de nos consuls“. Изъ депеши канцлера гр. Нессельроде къ Горчакову отъ 21 сентября 1853 г.

²⁾ По окончаніи войны послѣдній былъ снова призванъ Портою на молдавскій господарскій престолъ, но княжилъ не долго: въ припадкѣ меланхоліи онъ застрѣлся въ бытность свою въ 1857 году въ Парижѣ.

I.

Константинополь 12 июля 1853 г. ¹⁾

Въ прошлую среду вечеромъ Порты получила съ экстреннымъ курьеромъ извѣстiе о переходѣ русскими Прута, и у великаго визиря тотчасъ же собрался совѣтъ министровъ для обсуждения вопроса о томъ, что дѣлать. Въ совѣтѣ двѣ партiи: одна, которая хочетъ немедленно начать войну, и другая, которая желаетъ приступить къ ней лишь послѣ того, какъ будутъ истощены всѣ дипломатическiя средства, указываемыя представителями дружественныхъ и союзныхъ державъ. Во главѣ первой находится Мегеметь-Али-паша, военный министръ, а во главѣ второй—Решидъ-паша ²⁾. На совѣтѣ, о которомъ я говорю, эти двѣ партiи не сошлись, и такъ какъ Мегеметь-Али-паша—заклятый врагъ Решидъ-паши, который оплачиваетъ ему тѣмъ же съ лихвой, то онъ безъ промедленiя началъ дѣйствовать у султана, и въ прошлую пятницу мы узнали, что великiй визирь Мустафа-паша, приверженецъ выжидательной политики, былъ замѣненъ Мехмедъ-Рушди-пашею, главнокомандующимъ императорскою гвардiею и бывшимъ военнымъ министромъ, а Решидъ-паша замѣненъ Али-пашею, что составляетъ неловкость по отношенiю къ Австрiи изъ-за смирнскаго дѣла ³⁾. На слѣдующiй день хотя шелъ третiй день праздниковъ байрама, Порты была открыта, и войска отправились туда для прiема новыхъ сановниковъ; предстояло прочесть императорскiй гатъ (указъ), которымъ они назначались. Но утромъ этого дня, Каннингъ ⁴⁾, совѣщавшiйся наканунѣ съ Ла-куромъ ⁵⁾, отправился во дворецъ и имѣлъ очень продолжительную аудiенцiю у султана, которому высказалъ нѣсколько жесткихъ истинъ, и старое министерство было возстановлено въ прежнемъ составѣ. Несомнѣнно, что подобныя интриги въ ту минуту, когда русскiе захватываютъ оттоманскую территорiю, прискорбны, и тѣ, о которыхъ я говорю, произвели

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Рейсъ-эфенди (министръ иностранныхъ дѣлъ)

А. Г.

³⁾ Въ сожалѣнiю мы не могли выяснитъ, о какомъ смирнскомъ дѣлѣ идетъ рѣчь. Но, во всякомъ случаѣ, дѣло это особеннаго значенiя въ ту пору имѣть не могло и должно быть отнесено къ числу обычныхъ недоразумѣнiй или небольшихъ столкновенiй между представителями европейскихъ державъ и турецкими провинциальными властями. Въ данномъ случаѣ замѣшаемъ и американскiй посланникъ, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ настоящаго письма.

А. Г.

⁴⁾ Англiйскiй посолъ, переименовавшiйся въ Стратфорда Редклифа, послѣ того какъ былъ возведенъ въ лорды.

А. Г.

⁵⁾ Французскiй посолъ.

А. Г.

весьма грустное впечатлѣніе на дипломатическій корпусъ и на публику. Надо полагать, что ихъ строго осудятъ въ Европѣ, а русскіе по-смѣются.

Въ воскресенье я видѣлъ Решада-пашу и застаю его очень грустнымъ; все это ему ужасно претитъ. Спору нѣтъ, что турецкія войска охватило сильное нетерпѣніе; они хотять драться, но въ этомъ дѣлѣ надо идти вмѣстѣ съ представителями державъ, и, кромѣ того, Турція будетъ вполнѣ готова лишь черезъ мѣсяцъ. До тѣхъ поръ или придутъ къ соглашенію съ Россією, или останется лишь взяться за оружіе, и въ послѣднемъ случаѣ блистательная Порта съумѣетъ достойнымъ образомъ выдержать борьбу. На этихъ дняхъ Омеръ-паша писалъ изъ Шумлы, что онъ не можетъ долѣе сдерживать своихъ войскъ, которыя хотять переходить Дунай. Это не основаніе, чтобы спѣшить началомъ военныхъ дѣйствій, не будучи вполнѣ приготовленнымъ къ борьбѣ.

Въ прошлую среду я видѣлъ Каннинга и Ла-кура; они того мнѣнія, что вступленіе русскихъ въ княжества уничтожило Балта-Лиманскій договоръ и всѣ прочіе трактаты Турціи съ Россією; именно въ виду того, чтобы такъ и было, Франція и Англія не сдѣлали серьезныхъ попытокъ помѣшать оккупации. Такое военное дѣйствіе нужно было, чтобы увеличить виновность Россіи и подготовить къ мысли о европейскомъ конгрессѣ, сдѣлавшемся неотступной идеєю Людовика-Наполеона; мнѣ это говорилъ Ла-куръ, дѣлающій все, что въ его силахъ, чтобы предложеніе о томъ шло отъ Турціи. И по этому пункту существуетъ разногласіе въ совѣтѣ оттоманскихъ министровъ. Мегеметь-Али-паша боится конгресса, Решадъ-паша его желаетъ; на этомъ разногласіи и покоилась также послѣдняя интрига, направленная противъ Решада. Султана напугали мыслью о конгрессѣ. Между тѣмъ достовѣрно, что договоры Россіи съ Портою можно измѣнить лишь путемъ конгресса, безъ котораго судьба Турціи по прежнему будетъ неопредѣлена и не-надѣжна.

На конгрессѣ займутся также положеніемъ княжествъ, которыя хотять освободить изъ-подъ протектората Россіи, поставивъ ихъ подъ протекторатъ великихъ державъ и закрѣпивъ въ то же время ихъ связь съ Турцією. Таково вполнѣ твердо установленное воззрѣніе Каннинга и Ла-кура. Послѣдній сказалъ мнѣ, что онъ торопитъ Решада-пашу пересмотромъ въ либеральномъ духѣ органическаго устава княжествъ¹⁾,

¹⁾ Органическій регламентъ, выработанный Биселевымъ за время управленія имъ Дунайскихъ княжествъ, былъ введенъ въ дѣйствіе въ 1831 году.

съ тѣмъ чтобы, когда наступитъ время, султанъ самъ даровалъ новый уставъ.

Это весьма до вѣ р и т е л ь н о и, послѣ всего того, что я вамъ сообщилъ, было бы не дурно, быть можетъ, если бы князь Гика прислалъ мнѣ безъ замедленія свои замѣчанія по поводу измѣненій, которыя слѣдуетъ ввести въ уставъ, съ тѣмъ чтобы я могъ ихъ поддержать. Франція и Англія рѣшились вести дѣла круто и неопредѣленностями не удовлетворяться.

Но—и это мнѣ сказала Ла-куръ—нечего и помышлять ни одной минуты о независимости княжествъ или преобразованіи ихъ въ королевства. Если эта мысль будетъ только выражена, ей будетъ оказано величайшее сопротивленіе, и она повредитъ тѣмъ, кто ее выскажетъ. Онъ (Ла-куръ) того мнѣни даже, что князья не могутъ и не должны быть преданы никому другому кромѣ блистательной Порты, и, обращаясь къ Австріи и къ Россіи съ тѣми-же выраженіями, съ какими они увѣряютъ въ своей преданности императорскій диванъ, они подвергаютъ риску собственные интересы. И это также весьма до вѣ р и т е л ь н о.

Въ этихъ дѣлахъ вся Европа очевидно на сторонѣ Турціи и противъ Россіи. Поэтому не слѣдуетъ ничего такого ни говорить, ни писать и ни дѣлать, что могло-бы дать поводъ предполагать преданность къ кому-либо другому, а не къ Турціи. Такой взглядъ имѣетъ въ данную минуту рѣшающее значеніе. Дѣла Россіи чрезвычайн о п л о х и и не надо давать повода думать, что къ ней хотя мало-мальски присоединяются. Нѣтъ сомнѣнія, что господа будутъ сдѣланы пожизненными ¹⁾ и нынѣшніе князья, если только они прамуть къ свѣдѣнію замѣчанія г. Ла-кура, имѣютъ всѣ шансы остаться на своихъ мѣстахъ, когда будетъ приступлено къ окончательному устройству судьбы княжествъ, что не заставитъ себя долго ждать. Относятся-ли замѣчанія Ла-кура къ одному изъ князей или къ обоимъ—узнать я не могъ.

Въ прошлую среду было замѣчено русское военное судно близъ турецкаго села въ 20 миляхъ отъ входа въ Босфоръ. Сообщая мнѣ это извѣстіе, Каннингъ сказалъ: «меня сильно разбираетъ охота вызвать нашу эскадру». Онъ этого впрочемъ и понинѣ еще не сдѣлалъ, но на этихъ дняхъ на «Карадокъ» ²⁾ къ намъ прибыло около тридцати офицеровъ этой эскадры. Онъ мнѣ сказалъ также: «в ы , ж у р н а л и с т ь , и

¹⁾ По Балта-Лиманскому договору 1849 года они назначались на 7 лѣтъ.
А. Г.

²⁾ Станціонеръ, находившійся въ распоряженіи англійскаго посольства.
А. Г.

я, дипломатъ, будемъ умѣренны, но всегда поглядываю однимъ глазкомъ на войну; я ее ненавижу, но къ тому придется вести дѣло. По какому-то чуду providѣнія весь мѣръ противъ Россіи, и это чудо можетъ не повториться».

Достоверно извѣстно, что Австрія двигаетъ войска по направленію къ княжествамъ; это—демонстрація противъ Россіи. Турція взяла лодмановъ для Чернаго моря.

Протестъ противъ занятія княжествъ скоро появится.

Смирское дѣло кончено; подробности въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій «Journal de Constantinople». Австрія оказалась униженною американцами.

II.

Константинополь 2 апрѣля 1853 г.

Я ничего не получилъ съ галацкимъ пароходомъ, пришедшимъ третьяго дня, въ воскресенье. Мое письмо отъ 26 іюля было очень важное ²⁾ и касалось именно отозванія князей, и я возвращаюсь къ этому предмету, чтобы снова высказать вамъ мое искреннее убѣжденіе: если они окажутъ повиновеніе, то, что бы ни случилось, навѣрно останутся на своихъ мѣстахъ по улаженію всѣхъ дѣлъ, такъ какъ распоряженіе объ ихъ отозваніи было сдѣлано съ согласія четырехъ представителей великихъ державъ; это отчасти доказывается тѣмъ, что консулы Франціи и Англіи также отозваны, а если еще быть можетъ того не сдѣлано относительно консуловъ Австріи и Пруссіи, то лишь потому, что положеніе этихъ державъ по отношенію къ Россіи болѣе щекотливое. Если же они не повинуются, я увѣренъ, на основаніи всего того, что я изложилъ въ письмѣ отъ 26 іюля, что они будутъ немедленно смѣщены, развѣ будетъ установлено, что русскіе силою помѣшали имъ повиноваться. Лишь force majeure, установленная положительно, можетъ послужить имъ оправданіемъ и въ такомъ случаѣ на нихъ будутъ смотрѣть какъ на военно-плѣнныхъ.

Интриги уже начались: друзья Константина Кантакузина дѣйствуютъ противъ князя Штирбея, а пріятели Ласкара Кантакузина—противъ князя Гики. Подчиненіе отозванію положить предѣлъ дѣйствіямъ всѣхъ этихъ интригановъ: таково мнѣніе представителей державъ

²⁾ Надо предполагать, что оно затерялось.

которые могутъ тогда съ успѣхомъ орудовать въ пользу сохраненія на мѣстахъ обоихъ князей.

Я уже началъ свою кампанію противъ этихъ интригъ и надѣюсь, что наша возьметъ, если только князья сами намъ помогутъ своимъ поведеніемъ; въ противномъ случаѣ ничто ихъ не спасетъ, даже русская поддержка.

Начальники миссій почти увѣрены въ томъ, что предложенія Франціи и Англіи, о которыхъ лордъ Руссельъ говорилъ въ палатѣ представителей 14 іюля, отвергнуты петербургскимъ дворомъ, который хочетъ избѣгнуть всякаго соглашенія, вытекающаго изъ вмѣшательства державъ, чтобы впоследствии не имѣть съ послѣдними счетовъ, если бы новый конфликтъ возникъ между нимъ и Портою; нѣкоторые же изъ посланниковъ того мнѣнія, что послѣдній проектъ ноты Порты, о которомъ я вамъ говорилъ въ предшествующемъ письмѣ, будетъ Россіею принятъ. Въ ней сказано, что съ ея принятіемъ княжества будутъ очищены безъ промедленія, и турецкій посолъ отправится въ Петербургъ, чтобы сдѣлать соглашеніе окончательнымъ. Копія съ нея сообщена представителямъ четырехъ державъ при деклараціи, весьма ясной и даже энергичной, что это — послѣдняя попытка, которую можетъ дѣлать блистательная Порта.

Нѣтъ турка, который не находилъ бы этого проекта ноты вялымъ (пазуче) и мало достойнымъ блистательной Порты, и такъ какъ Решидъ-паша — авторъ этихъ бумагъ, то онъ съ каждымъ днемъ теряетъ почву, хотя для видимости перешелъ на сторону партіи войны. Печально заявить, но онъ въ совершенномъ одиночествѣ, и я не удивлюсь, если ему вскорѣ придется оставить власть. Онъ на волоскѣ отъ гибели, такъ какъ вель переговоры слишкомъ вяло: съ нѣкотораго времени всѣ хотятъ войны, даже и очень мирный Аали-паша, который имѣетъ много шансовъ снова ухватиться за портфель.

Для Турціи дѣло дошло до того, что для нея опасіе не имѣть войны, чѣмъ ее имѣть; всѣ, поэтому, желаютъ, чтобы проектъ ноты былъ отвергнутъ петербургскимъ дворомъ.

Крупная новость: Въ прошлую субботу три экстренныхъ курьера прибыли изъ Сербіи, одинъ къ капу-кехайъ ¹⁾ княжества (сербскаго), другой къ Каннингу и третій къ Ла-куру; всѣ трое съ однимъ и тѣмъ же нижеслѣдующимъ извѣстіемъ: австрійскій консулъ въ Бѣлградѣ потребовалъ отъ князя Александра распоряженія австрійскимъ войскамъ занять княжества, въ виду того что Молдо-Валахія уже занята русскими и

¹⁾ Названіе агентствъ, которыхъ вассальныя княжества держали при Портѣ. А. Г.

что английская и французская эскадры стоятъ въ Безиѣ, готовыя вступить въ Дарданеллы; такая мѣра могла бы предотвратить всякое возстаніе, которое, если только начнется, не замедлитъ распространиться по всей австрійской территоріи. Князь отказалъ на отрѣзъ, заявивъ, что онъ самъ счумѣетъ сохранить спокойствіе въ странѣ. Консулъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ австрійское правительство обойдется безъ разрѣшенія князя; послѣдній тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы пушками встрѣтить австрійцевъ, если они только явятся.

Новость эта породила здѣсь величайшее волненіе. Каннингъ и Вильденбрукъ ¹⁾ видятъ въ этомъ измѣну Австріи. Ла-куръ находитъ это до такой степени безумнымъ, что до сей поры этому не вѣритъ, а Порта, запросившая вчера по этому поводу Брука ²⁾, не слишкомъ спокойна насчетъ намѣреній вѣнскаго кабинета. Интернунцій робко заявляетъ, что эта мѣра въ интересахъ самой Порты, которая почему-то ея не желаетъ, а Вильденбрукъ наговорилъ Бруку не мало жесткихъ вещей. Приведи Австрія свой проектъ въ исполненіе,—это всеобщая война, но также и конецъ этой державѣ. Англія, Франція и Прусія обрушатся на нее: таково мнѣніе здѣшнихъ начальниковъ миссій.

Положеніе Брука, который еще на прошлой недѣлѣ выставялъ на показъ навлущія чувства по отношенію къ Турціи, стало весьма затруднительнымъ и весьма ложнымъ.

Русскій консулъ въ Адрианополѣ спустилъ флагъ; полагаю, что за нимъ скоро сдѣлаютъ то же всѣ русскіе консулы въ Турціи.

¹⁾ Прусскій посланникъ.

²⁾ Представителя Австріи, интернунція.

Императоръ Александръ I и графъ Армфельдъ.

(1811—1812 г.г.)¹⁾.

IV.

Несогласія членовъ комитета въ Петербургѣ и государственнаго совѣта въ Финляндіи. — Генераль-губернаторъ Штейнгель. — Отношенія Армфельда къ императору Александру I.

Намъ пришлось уже раньше замѣтить, что между членами финляндскаго комитета не было подчасъ единогласія и нерѣдко возникали между ними ссоры и недоразумѣнія. Съ самаго основанія комитета, многіе относились недовѣрчиво къ нему, вслѣдствіе чего проявлялась нѣкоторая натянутость въ отношеніяхъ. Когда Аминовъ, два мѣсяца спустя послѣ открытія комитета, пріѣхалъ изъ Финляндіи въ Петербургъ, съ цѣлью занять свою новую должность, онъ сталъ, по словамъ Армфельда, «критически относиться къ комитету» и въ свою очередь восторгался всѣми глупостями и ошибками финляндскаго совѣта. Комитетъ, особенно подъ предсѣдательствомъ Армфельда, получалъ характеръ высшей инстанціи, выше генерала-губернатора и финляндскаго государственнаго совѣта. Преимущества, которыми пользовался Армфельдъ у императора, и нетерпѣливость его характера могли бы подчасъ дурно повліять на дѣла Финляндіи, но сильная любовь къ отечеству руководила имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и уступала всякому другому чувству. Совѣтъ ча-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1896 года.

сто изъявлялъ свое неудовольствіе по поводу того, что комитетъ иногда измѣнялъ его рѣшенія; дѣятельность комитета увеличивалась съ каждымъ днемъ, но даже добродушный генералъ-губернаторъ графъ Штейнгель, и тотъ недружелюбно смотрѣлъ на новое учрежденіе и жаловался на то, что это «чертовское заведеніе» стало между нимъ и императоромъ. «Финляндія не имѣетъ ни минуты покоя,—замѣчалъ старикъ Штейнгель,— и всѣ несчастія происходятъ отъ этого комитета». Подобное настроеніе проявлялось всего сильнѣе въ Або, и не было тайной для Армфельда. «Я знаю, — писалъ онъ Аминуову,— что совѣтъ страшно недоволенъ комитетомъ, и имѣю на то доказательства; хотя ни въ чемъ не могутъ обвинять комитетъ, однако говорятъ, что онъ капризенъ и не снисходителенъ и т. д. Можетъ быть это и правда отчасти, но зато въ комитетѣ не мѣшаютъ, какъ въ совѣтѣ». Къ своимъ финскимъ коллегамъ Армфельдъ не относился съ особенной пріязнью. Въ своей меморіи о Финляндіи, которую онъ представилъ государю за нѣсколько времени до учрежденія финляндскаго комитета въ Петербургѣ, онъ характеризуетъ членовъ совѣта слѣдующими словами: «совѣтъ состоитъ изъ людей скорѣе непривыкшихъ обращаться съ крупными дѣлами, ихъ возрѣнія и манера приступать къ дѣламъ свидѣлствуютъ о томъ, что они люди съ честными намѣреніями, но лишены высшихъ интеллектуальныхъ способностей». Впослѣдствіи, когда недоразумѣнія стали все чаще и чаще повторяться, и жалобы изъ Або доходили до Петербурга, гнѣвъ Армфельда проявлялся въ самыхъ бурныхъ выраженіяхъ, которые ради уваженія его памяти не слѣдовало бы повторять ¹⁾).

Гнѣвъ Армфельда происходилъ также отъ того, что жители города Або противились перенесенію столицы въ Гельсингфорсъ; другъ Армфельда губернаторъ въ Нюландѣ Ф. Шериваль и Ернстремъ, оба желавшіе перестройки Гельсингфорса, часто въ письмахъ своихъ жаловались на упрямство жителей Або. Много приходилось Армфельду въ началѣ свей политической дѣятельности сѣтовать на неблагодарность своихъ соотечественниковъ. «Обитателямъ моей родины самъ Господь Богъ не въ силахъ угодить,—говорилъ онъ ²⁾),— они соединяютъ въ себѣ зависть, глупость, желаніе осуждать всякій поступокъ, равнодушіе къ общему благу, и радѣютъ лишь о собственныхъ интересахъ, страдая полнымъ отсутствіемъ того, что называется «esprit public»,—однимъ словомъ, имѣютъ всѣ пороки, способствующие лишь паденію государства и

¹⁾ „Або,— писалъ онъ Аминуову 5-го августа 1812 года,— что яма, наполненная болванами, варварами и мошенниками! Слѣдовало бы, подобно Алкивиаду, отрубить заднюю часть отъ собаки и бросить ее на дворъ совѣта, чтобы дать этимъ господамъ матеріалъ для размышленія, достойный ихъ ума“.

²⁾ Въ письмѣ Шеривалю отъ 23-го февраля 1812 г.

приближенію рода человѣческаго къ животному царству. Вотъ къ какому результату привело меня сближеніе съ моими соотечественниками, для которыхъ я въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ такъ много слѣлалъ. Я былъ бы крайне несчастливъ, если бы нашелся хоть одинъ фактъ, гдѣ можно было бы упрекнуть меня въ недостаткѣ заботы объ общемъ благѣ, или отступленіи отъ закона, или злоупотребленіи властью и общественнымъ довѣріемъ. Всѣ единогласно лаютъ, какъ обозленные цѣпныя собаки, но никто не въ состояніи указать на что-нибудь, кромѣ какъ на пустыя звуки». «Если меня удостоиваютъ названіемъ отца Финляндіи,—замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ ¹⁾),—то я нахожусь въ положеніи многихъ несчастныхъ родителей, имѣющихъ непослушныхъ и неблагодарныхъ дѣтей». Въ подобныя минуты, Армфельдъ былъ готовъ бросить дѣла Финляндіи на произволъ судьбы—въ руки тѣхъ, которые имѣли болѣе времени для сна и для критики, нежели онъ—и самому поселиться въ Оминне. Подчасъ ему снова казалось, что долгъ требовалъ отъ него не падать духомъ, и онъ надѣялся, что въ концѣ концовъ правда все-таки восторжествуетъ. Тогда онъ становился болѣе благоразумнымъ, не обращая вниманія ни на «финляндскія любезности», ни на русскіе кружки и шелъ своей дорогой впередъ. Еренстрѣму онъ писалъ 26 (14) сентября 1813 г.—«Если бы я служилъ моей родинѣ и моимъ соотечественникамъ, въ надеждѣ что получу за это какое-нибудь другое удовлетвореніе, чѣмъ то, которое нахожу въ самомъ себѣ, то я былъ бы, по всей вѣроятности, бездѣятельнымъ. Теперь, иду своей дорогой, не заботясь совсѣмъ о мнѣніи другихъ и переполненный презрѣніемъ къ моимъ соотечественникамъ, которые только послѣ моей смерти поймутъ, чѣмъ я былъ для нихъ,—быть можетъ это и къ лучшему».

Несмотря однако на то, что генераль-губернаторъ графъ Штейнгель принадлежалъ къ числу ненавистниковъ финляндскаго комитета, и что въ его канцеляріи подчасъ слишкомъ долго задерживались важныя дѣла, Армфельдъ былъ съ нимъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Мѣсяцъ спустя послѣ начала дѣятельности финляндскаго комитета, Штейнгель намѣревался уже подать въ отставку, разсердившась на то, что назначили въ члены финляндскаго совѣта челоуѣка, не рекомендованнаго имъ. Армфельдъ и Ребиндеръ употребили всѣ свои усилія, чтобы уладить это дѣло: Армфельдъ сталъ доказывать генераль-губернатору, «что онъ имѣлъ массу непріятностей съ русскимъ правительствомъ, которое не сочувствовало Штейнгелю, и общалъ содѣйствовать тому, чтобы императоръ не измѣнилъ своего хорошаго мнѣнія о немъ». Нѣсколько выписокъ изъ писемъ Армфельда къ братьямъ Шерваль, зимой

¹⁾ Еренстрѣму 29-го марта 1812 г.

1811—1812 годовъ, довольно живо характеризуютъ эти отношенія: «Хотятъ добратся до генерала-губернатора, — пишетъ онъ; — если не ошибаюсь, Сперанскій и военный министръ — тайные его враги. Они говорятъ объ его слабостяхъ и о томъ, что онъ вѣчно подъ бапшаконъ у своей жены и своихъ писарей, несмотря на свою честность. Если даже это и правда, то намъ, финнамъ, все-таки не приходится жаловаться на него; съ этой цѣлью я въ моей меморіи о Финляндіи написалъ государю, что «расположеніе и справедливость Штейнгеля къ своимъ соотечественникамъ похожи на тѣ самыя чувства, которыя мы предполагаемъ въ вѣ сердца нашего добраго монарха относительно насъ, и потому самое искреннее наше желаніе, — сохранить подольше этого достойнаго представителя нашего государя; и кажется, что эти слова произвели должный эффектъ».

Въ другой разъ, когда канцелярія Штейнгеля разсердила Армфельда, онъ писалъ (15-го февраля 1812 г.): «Онъ вѣроятно считаетъ себя опекуномъ государя, воображая, что безъ его согласія ни одна должность не можетъ быть занята и ни одна милость никому не оказана. Я сдѣлалъ все, что только требовалъ мой долгъ для того, чтобы поддержать старика, у котораго здѣсь нѣтъ никакой опоры. Если же онъ желаетъ самъ вредить себѣ, то я безсиленъ мѣшать ему; онъ самъ теряетъ больше всѣхъ, потому Финляндія, но во всякомъ случаѣ не я, до котораго они всѣми силами стараются добратся посредствомъ интригъ. Единственное мое желаніе — поскорѣй найти покой и, пока мнѣ еще не перестало везти во многомъ, переселиться въ Омине». Вліяніе Армфельда на комитетъ и отношенія его къ государю служили причиною тому, что высшіе финляндскіе чиновники подчасъ смотрѣли недобѣрчиво на него ¹⁾, а главное, ему завидовали. Все это вмѣстѣ взя-

¹⁾ Весной 1813 года возникло недоразумѣніе, продолжавшееся довольно долго; это случилось по возвращеніи Штейнгеля къ своей должности, которой управлялъ Армфельдъ во время его отсутствія въ качествѣ викарія. Судя по письму Армфельда къ Еренстрѣму изъ Або 11-го октября 1813 г. видно, что послѣ ихъ встрѣчи вновь восстановились между ними прежнія отношенія: „Я провелъ здѣсь 4 дня, — пишетъ Армфельдъ, — дабы посмотреть, какъ нашъ добрый, славный генералъ-губернаторъ поправляется, и я убѣжденъ въ томъ, что онъ скоро выздоровѣетъ и снова будетъ работать на благо страны, которую онъ любитъ больше, чѣмъ $\frac{3}{4}$ ея жителей. Его путешествіе открыло ему глаза на наше настоящее положеніе и дало ему возможность развить съ болѣею увѣренностію тѣ разумные планы, которые онъ строитъ для нашего счастья. Пока я нахожусь при дѣлахъ, я не перестану содѣйствовать ему во всемъ, и надѣюсь когда-нибудь сказать императору, что Финляндія никогда не имѣла и не будетъ имѣть генералъ-губернатора, который лучше бы исполнялъ свое назначеніе — т. е. соединялъ и согласовалъ интересы монарха съ интересами народа“

тое порождало ссоры, которыя впрочемъ не были долговременны. Армфельдъ въ глубинѣ души своей отдавалъ полную справедливость Штейнгейлю, сознавая его хорошія намѣренія и любовь къ родинѣ; онъ никакъ не могъ вообразить себѣ, чтобы первый сановникъ въ Финляндіи завидовалъ ему; самъ же Армфельдъ говорилъ всегда, что не желаетъ «играть роли» въ ущербъ генералъ-губернатору. «Боже мой,—прибавляетъ Армфельдъ,—если удалось бы мнѣ убѣдить Штейнгейля въ моемъ отвращеніи къ честолюбію и въ моемъ нежеланіи стать болѣе на виду, чѣмъ теперь. Я хочу работать для счастья моего отечества, но не въ роли перваго актера. Въ случаѣ надобности готовъ сыграть роль лакея, лишь бы только честнымъ образомъ достигнуть дѣла»¹⁾).

Тѣмъ не менѣе приходится сомнѣваться въ томъ, что Армфельдъ, несмотря на свою горячую любовь къ отечеству, согласился бы играть второстепенную роль на своемъ политическомъ поприщѣ; его характеру соотвѣтствовала болѣе роль «перваго актера». Положеніе, которое онъ занималъ, было таково, что никто не могъ вступить съ нимъ въ соревнованіе. Для Финляндіи онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ незамѣнимъ. Еренстрѣмъ говорилъ однажды кому-то изъ недовольныхъ: «Найдите мнѣ другого, который находился бы въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чтобы принести пользу нашему отечеству; гдѣ вы найдете столько способностей, соединенныхъ въ одномъ человѣкѣ?» Только личные враги Армфельда старались не признавать тѣхъ услугъ, которыя онъ принесъ своей родинѣ, и никто не могъ жаловаться на то, чтобы онъ повредилъ кому-нибудь или злоупотребилъ своимъ вліяніемъ на Александра I. Причиной этого вліянія были личные качества Армфельда, манера себя держать, которую онъ принялъ съ самаго начала и которой держался до конца.

«Ты можешь себѣ легко представить, — писалъ онъ Амину, — до какой степени моя самостоятельность и прямотушіе, когда вопросъ касается Финляндіи, всѣхъ удивляетъ. Съ государемъ мнѣ до этихъ поръ удавалось, ибо онъ говорилъ мнѣ не разъ: «Когда вы увидите, что вамъ противорѣчатъ, скажите мнѣ. У меня шпоры хорошія». Я придерживаюсь совѣта императора, и дѣла идутъ».

Часто приходилось Армфельду въ горячую рабочую пору проводить время въ частыхъ и длинныхъ бесѣдахъ съ императоромъ, которыя иногда затягивались до глубокой ночи. Для Армфельда часы разговора съ государемъ были настоящимъ праздникомъ, и онъ съ благодарностью относился всегда къ благородному монарху.

«Тѣ, которые желаютъ только вредить, — писалъ Армфельдъ, — распространяютъ слухъ, будто бы государь не любитъ работать и зани-

¹⁾ Еренстрѣму 5 февраля 1814 г.

маться, и что онъ избѣгаетъ соприкосновенія съ неприятными дѣлами и съ скучнымъ видомъ выслушиваетъ доклады и т. д. Это подлая ложь, ибо во всемъ его обширномъ государствѣ не найдется подобнаго ему раба и человѣка съ такимъ умомъ, порядкомъ и такимъ здравымъ сужденіемъ, какъ онъ... Каждый вечеръ работа длится отъ половины 7-го до 11-ти часовъ, а съ 6-ти утра до половины 3-го у него приѣмъ. Я счастливъ, что нашелъ относительно Финляндіи и остальнаго человѣчества въ нашемъ государѣ тотъ образъ мыслей и тѣ средства, которыми онъ пользуется, чтобы дѣлать добро» ¹⁾).

Во время этихъ длинныхъ занятій, государь касался различныхъ вопросовъ; часто разговоръ ихъ при этомъ переходилъ на современные событія. Достопамятный для Россіи и для всей Европы 1812 годъ измѣнилъ отчасти дѣятельность финляндскаго комитета. Армфельдъ предвидѣлъ, что такъ именно случится, и потому еще 10-го февраля 1812 года писалъ по этому поводу Шернвалю: «Меня пугаетъ мысль, что война, которая грозитъ намъ, помѣшаетъ мнѣ исполнить обширный проектъ о самостоятельности Финляндіи, ибо когда императоръ отправится въ армію, тогда придется намъ проститься съ правильнымъ ходомъ дѣлъ». Совмѣстная работа, сблизившая императора съ Армфельдомъ, приняла совершенно иной характеръ съ того момента, когда государь весной 1812 года уѣхалъ изъ Петербурга. Разныя обстоятельства препятствовали начать эту работу осенью того же года, пока Александръ I оставался въ столицѣ. Но Армфельду удалось впоследствии имѣть еще нѣсколько счастливыхъ часовъ работы съ обожаемымъ монархомъ, когда послѣдній, послѣ полутора годоваго отсутствія, въ 1814 г., со славой и побѣдой, вернулся въ Петербургъ, гдѣ русскій народъ и современники встрѣтили его любовью и благодарностью. Въ то время болѣзнь успѣла уже сломить силы Армфельда, и дни его были сочтены. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ императоръ вмѣстѣ съ Армфельдомъ на плоды ихъ совмѣстной работы, которая принесла такую громадную пользу Финляндіи въ 1811 и 1812 годахъ. Эти года, начиная съ 1809 г., могутъ всѣми считаться самой достопримѣчательной эпохой въ смыслѣ того, что было сдѣлано для Финляндіи.

V.

Положеніе Армфельда въ Петербургѣ передъ отечественной войной.—М. М. Сперанскій и его характеристика.—Интриги Армфельда противъ Сперанскаго.—Паденіе его и смысла.

1812 годъ—достопримѣчательный годъ въ европейской исторіи; эпоха эта сильно повліяла на судьбу Европы, какъ на судьбу того человѣка,

¹⁾ Къ Шернвалю 11 (23) ноября 1811 г.

который въ теченіи 10-ти лѣтъ держалъ ее подъ своимъ игомъ. Россія съ гордостью вспоминаетъ 1812 годъ и имѣетъ на это полное право, такъ какъ, идя во главѣ всѣхъ, она стала освободительницей цѣлой Европы. Слава и побѣды, выпавшія на долю «Святой Руси», не составляютъ однако ея главнаго достоинства. Совершенно справедливо отзывался о Россіи гениальный Жозефъ де Мэстръ (Joseph de Maistre), находившійся въ то время въ Петербургѣ и съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за событіями эпохи ¹⁾. «Въ теченіе этого памятнаго года, — говоритъ онъ, — русскіе заслужили великую славу, не подлежащую никакимъ обсужденіямъ. Слава эта заключалась въ столь большомъ патриотизмѣ, въ такой безграничной преданности и любви къ отечеству, что ничто на свѣтѣ не могло ихъ поколебать».

Армфельдъ принималъ участіе только въ началѣ этой войны, но не командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ. Принадлежа къ штабу государя и къ числу его главныхъ совѣтниковъ, онъ сопровождалъ отступающій русскій отрядъ изъ Вильны въ Смоленскъ. Мнѣніе, которое при этомъ составилось о дѣятельности Армфельда, довольно разнообразно, однако даже его враги и завистники не отрицаютъ огромнаго значенія, которымъ онъ пользовался, и живаго участія, которое онъ принималъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся всемірной войны.

Положеніе, занимаемое Армфельдомъ въ русской столицѣ передъ началомъ войны, было блестящее. Въ качествѣ главнаго представителя Финляндіи, онъ жилъ въ Петербургѣ на широкую ногу. Занимая, по приказанію государя, отведенный ему дворецъ, помѣшавшій не только его самого и семью его, но даже всю его канцелярію и огромный штатъ прислуги, онъ принималъ у себя съ необычайнымъ гостепріимствомъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Знакомство Армфельда не ограничилось, конечно, одной финской колоніей въ Петербургѣ. При дворѣ императора, матеря его и супруги, которые благосклонно принимали барона, вездѣ новый приближенный Александра I отличался своимъ умомъ, и привлекательностью. Въ высшихъ петербургскихъ салонахъ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Постоянныя приглашенія, какъ оффиціальныя, такъ и частныя, въ началѣ отнимали слишкомъ много времени у Армфельда, которое онъ желалъ между тѣмъ посвящать труду. «Если бы я былъ моложе, богаче и менѣе утомленъ свѣтомъ, — писалъ онъ своей женѣ, — я былъ бы самый счастливый изъ смертныхъ, въ томъ случаѣ конечно, если благосклонность царя и всеобщее уваженіе способствуютъ счастію человѣка. Но мнѣ не достаетъ спокойной, замкнутой жизни и тѣхъ друзей и близкихъ, съ которыми жестокая судьба разлучила меня. Утомительная жизнь, которую я веду, не подходитъ

¹⁾ Correspondance diplomatique.

къ моему возрасту. При всемъ томъ, что остается мнѣ дѣлать? Когда человѣкъ поставленъ, какъ я, во главѣ какого-нибудь дѣла, въ которомъ все нужно передѣлать, все привести въ порядокъ, приходится по неволѣ быть дѣятельнымъ». Участіе въ свѣтской жизни представляло для Армфельда необходимость, болѣе чѣмъ для кого-либо другаго ¹⁾.

Въ Петербургѣ между прочимъ ему приходилось встрѣчать много людей, съ которыми онъ раньше, въ теченіе своей жизни имѣлъ разные столкновенія. Въ русской столицѣ ему удалось свидѣться, напримѣръ, съ престарѣлымъ генераломъ Игельстремомъ, который вмѣстѣ съ Армфельдомъ подписалъ миръ при Верелѣ, и который въ Варшавѣ оказалъ рыцарскую помощь его женѣ, во время бѣгства ея изъ Италіи. Тамъ же, онъ встрѣтилъ графиню Литта, одну изъ самыхъ блестящихъ дамъ при русскомъ дворѣ, которая, по первому мужу Скавронская, принадлежала въ Неаполѣ къ одному и тому же кружку, что и Армфельдъ. Кружокъ этотъ способствовалъ пріятному пребыванію его въ Италіи, но и содѣйствовалъ впоследствии его преслѣдованію. Далѣе Армфельдъ свидѣлся съ герцогомъ Серра Каприола, посланникомъ неаполитанской королевы Королины, покровительствовавшимъ во время его бѣгства въ Россію и оставшимся въ Петербургѣ даже послѣ всѣхъ несчастій, постигшихъ неаполитанскую королевскую чету. Благодаря своимъ личнымъ качествамъ, своей любви и богатству, Каприола занималъ въ Петербургѣ видное положеніе въ обществѣ и въ политическомъ мірѣ. Несмотря на то, что онъ болѣе не служилъ на дипломатическомъ поприщѣ, на него смотрѣли въ столицѣ съ уваженіемъ, и для многихъ его слова имѣли огромное политическое значеніе. Въ его домѣ Армфельдъ находилъ развлеченіе и случай поговорить съ единомышленниками по политическимъ вопросамъ. Въ своихъ письмахъ Армфельдъ часто упоминаетъ о «*bon duc*» или о «неаполитанскомъ старичкѣ», какъ называли Каприола близкіе ему, и относится къ нему съ большой благодарностью. У стараго италіянскаго дипломата собирались друзья, такъ сказать «*de l'ancien régime*», которые въ сѣверной столицѣ считали себя спокойными отъ преслѣдованій Бонапарта. Между французскими эмигрантами въ этомъ кружкѣ появился извѣстный воинъ и авторъ мемуаровъ графъ Дамонвилль (d'Allonville), а также знаменитый легити-

¹⁾ Подчасъ онъ горько жаловался на свѣтскіе обычаи, которые въ молодости были ему такъ пріятны: „Петербургъ не для дѣловаго человѣка, относящагося какъ должно къ своему дѣлу; дворъ, великіе, ничтожные, ненужные и просители, всё воображаютъ, что существуютъ лишь для нихъ. Ложусь поздно, встаю рано, и когда анализирую, что я сдѣлалъ въ теченіе дня, то стыжусь, находя, что не сдѣлалъ и четвертой доли того, что дѣлалъ прежде“ (письмо женѣ отъ 9-го января 1812 г.).

мистъ одновременно и писатель Жозефъ де-Мэстръ (Joseph de Maistre), который въ Петербургѣ занималъ quasi дипломатическое мѣсто, какъ посланникъ низверженнаго короля Сардиніи. Къ этому кружку прикинулъ еще маркизъ Паулучи. Послѣ довольно бурной жизни, и удачнаго похода въ Грузію, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пользовался значительнымъ вліяніемъ. Далѣе, въ столицѣ можно было встрѣтить польскаго патріота Михаила Огюнскаго, работавшаго въ Петербургѣ по вопросу о восстановленіи Польши и надѣявшагося богѣе на благородство и либеральныя воззрѣнія императора Александра I, чѣмъ на неясныя и туманныя обѣщанія Наполеона. Въ домѣ Серра-Каприола бывали также знаменитые русскіе люди, въ родѣ: адмирала Мордвинова, друга дѣтства Александра I Новосильцева и т. д.

Но самымъ яркимъ врагомъ Бонапарта, былъ находившійся въ 1812 году въ Петербургѣ прусскій посолъ, баронъ фонъ-Штейнъ; ему ставили въ заслугу то, что благодаря его совѣтамъ, императоръ, несмотря на неудачи въ началѣ войны, крѣпко держался своего намѣренія вести борьбу не на жизнь, а на смерть. Этого принципа держался впрочемъ въ началѣ и Армфельдъ. Но характеръ нѣмецкаго государственнаго дѣятеля слишкомъ рѣзко отличался отъ характера Армфельда, чтобы между ними могла возникнуть большая симпатія. Въѣстѣ съ тѣмъ интересы Финляндіи и Швеціи, поглощавшіе Армфельда, отсутствовали конечно у Штейна; послѣдній отъ души сожалѣлъ, что «лилипутскія дѣла» Швеціи, въ теченіе войны, были вмѣшаны императоромъ въ политику. Однажды Штейнъ даже не поцеремонился высказать финляндскому статсъ-секретарю Ребиндеру, что правильнѣе было бы, если бы Александръ I обратилъ Финляндію въ русскую провинцію. Штейнъ характеризуетъ Армфельда слѣдующими словами: воззрѣнія его были дѣльные, но не глубокія, онъ былъ лишень твердой почвы и дѣйствовалъ скорѣй въ силу побочнаго вліянія, нежели по личному убѣжденію. Съ болѣею симпатіей отзывается объ Армфельдѣ французскій эмигрантъ графъ Далонвиль, который по образованію, а главнымъ образомъ вслѣдствіе военныхъ интересовъ, стоялъ ближе къ барону.

Далонвиль говоритъ, что Армфельдъ велъ самостоятельно дѣла помимо самихъ министровъ императора, тогда какъ Штейнъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ Армфельда. «Память объ Армфельдѣ всегда останется дорога для меня,—говоритъ онъ,—въ Россіи умѣли оцѣнить его опытность и его способности, одно время онъ былъ даже главой правленія. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка съ такими душевными качествами, съ такимъ быстрымъ усвоеніемъ и пониманіемъ дѣла и съ такой легкостью къ работѣ. Онъ казался всевѣдущимъ, но единственный недостатокъ его заключался въ томъ, что онъ хотѣлъ сразу об-

нять слишкомъ многое. Онъ потерялъ свое вліяніе именно въ тотъ моментъ, когда его способности были болѣе чѣмъ когда-либо нужны государству, которому онъ ревностно служилъ»¹⁾).

Съ удивленіемъ смотрѣли въ Швеціи бывшіе соотечественники Армфельда на возрастающую благосклонность и милость къ нему императора и на ту власть, которую онъ сумѣлъ приобрести въ Петербургѣ. Представитель Швеціи послѣ отъѣзда Стединга въ 1811 году, старый повѣренный въ дѣлахъ Шенбушъ, а затѣмъ графъ Карлъ Лёвенгильмъ упоминали часто въ своихъ депешахъ объ Армфельдѣ, одновременно сознавая и тѣ услуги, которыя послѣдній, благодаря новому положенію, оказывалъ своему бывшему отечеству. Разныя частныя дѣла шведовъ, которыя дипломатическимъ путемъ встрѣчали затрудненія, устраивались чрезвычайно легко съ помощью Армфельда.

Политическое сближеніе Россіи съ Швеціею, въ началѣ 1812 года, радовало Армфельда. Приближенный императора и его совѣтникъ не могъ быть въ глазахъ шведскаго регента, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, человѣкомъ ничего не значущимъ. Причины къ неудовольствію, которыя могъ имѣть Армфельдъ, нужно было во что бы то ни стало загладить. Карлъ Іоаннъ посылалъ ему черезъ посла своего Лёвенгильма дружественные поклоны, и даже лично извинился передъ женой Армфельда за нанесенную ей имъ же самимъ обиду.

Но благосклонность, съ которой императоръ относился къ Финляндцу, благодаря вліянію Армфельда, вызвала неудовольствіе русскихъ государственныхъ дѣятелей, за то, что онъ никогда не скрывалъ своего мнѣнія и слишкомъ неосторожно отзывался о русской системѣ управленія. Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ Армфельдъ писалъ: «Я веду открытую войну съ господами министрами насчетъ всего, что касается администраціи, финансовъ и таможи». Далѣе онъ пишетъ: «Надо быть здѣсь на мѣстѣ, надо войти въ постоянныя сношенія съ здѣшними чиновниками, чтобы удостовѣриться въ томъ,

¹⁾ D'Allonville «Memoires». Между современными авторами мемуаровъ, которые писали объ Армфельдѣ, слѣдуетъ упомянуть знаменитую герцогиню д'Абрантесъ, посвятившую Армфельду цѣлую главу въ своемъ сочиненіи, въ которой описана его ненависть къ Наполеону (memoires т. XVII). Благодаря этимъ и другимъ источникамъ, имя Армфельда появлялось въ историческихъ и литературныхъ произведеніяхъ того времени. Ланфре (Lanfrey-Histoire de Napoleon Bonaparte) называетъ его зачинщикомъ воинственныхъ главъ противъ Наполеона. „Memoires politique et militaire“ Армфельда имѣли громадное вліяніе на императора. Bernhardi (Geschichte Russlands in Staatengeschichte der neuen Zeit), который черпалъ изъ русскихъ источниковъ и недоброжелательно относился къ Армфельду, все-таки признаетъ, что послѣдній имѣлъ вліяніе на Александра I. „Хитрый шведъ,—говоритъ онъ,—умѣлъ воспользоваться обстоятельствами“.

какъ страна эта отстала отъ остальнаго міра; русскіе чиновники, это собраніе медвѣдей, или полированныхъ варваровъ. Фридрихъ II говорилъ, что Швеція на 100 лѣтъ отстала отъ вѣка; Россія по моему отстала на тысячу лѣтъ». Въ другомъ письмѣ онъ выражается такъ: «Въ Россіи не существуетъ законовъ, которымъ бы подчинялись; поэтому пока чиновники и обыватели не будутъ покоряться этимъ законамъ, они останутся во всѣхъ отношеніяхъ невыносимыми» ¹⁾.

Армфельдъ прекрасно сознавалъ опасность своего положенія и излишества своей откровенности. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: «Долго я не въ состояніи удержаться, я не могу говорить того, чего не думаю, особенно когда меня заставляютъ говорить. Молчать я, конечно, могъ бы, но въ такихъ случаяхъ императорская семья всегда увѣряетъ, что мои глаза и мускулы лица сами собой выражаютъ мои мысли. Носить же маску для меня нестерпимо, и потому лучше было бы поселиться въ Омнне».

Не только дѣла Финляндіи были причиной, что у Армфельда появились враги, но и внутренніе вопросы чисто русскаго характера. Армфельдъ составлялъ длинныя меморіи, касающіяся русской администраціи, финансовъ, административнаго и военнаго отдѣла. Хотя все это дѣлалось по приказанію императора, и Армфельдъ сознавалъ, что многіе изъ этихъ вопросовъ были чужды для него; но, какъ всегда, онъ надѣялся на свой опытъ и на «здравый смыслъ».

Однимъ только человѣкъ въ Россіи занималъ до Армфельда равное ему положеніе, пользуясь полнымъ довѣріемъ монарха: это былъ государственный секретарь М. М. Сперанскій. Имя его прославилось въ русской исторіи, и даже въ исторіи Финляндіи. Онъ олицетворялъ собой стремленіе къ реформѣ и либеральныя идеи новаго времени. Императоръ надѣялся найти въ немъ человѣка, могущаго организовать тотъ идеалъ государства, о которомъ онъ самъ мечталъ еще въ своей юности. Въ 1809—1811 годахъ, хотя и не номинально, Сперанскій былъ уже первымъ совѣтникомъ и министромъ Александра I и вносилъ реформы во многихъ областяхъ, сообразно требованіямъ Запада. Онъ на-

¹⁾ Въ письмѣ къ Ернстрему онъ пишетъ: „Несчастныя теоріи экономистовъ и фискальная система породили здѣсь чудовище, которое пожираетъ всѣ средства торговли и промышленности. Единственный человѣкъ, способный понять меня здѣсь—это императоръ. Сперанскій похожъ на остальныхъ теоретиковъ. Его императорское величество расчитываетъ поставить меня въ сношенія съ этими атлетами; я разрабатываю теперь дѣло, которое представляетъ для меня тѣмъ болѣе труда, что я не имѣю другихъ матеріаловъ, кромѣ здраваго смысла и опыта. Не знаю какъ выйду изъ этой борьбы. Финляндія—это мой „cheval de bataille“. Здѣсь еще не имѣютъ торговли, почему я принужденъ работать на этой, во всѣхъ отношеніяхъ неблагоприятной, почвѣ.

чалъ съ новаго судопроизводства и съ новой финансовой системы. Организовавъ новый Государственный Совѣтъ, въ которомъ самъ былъ докладчикомъ, Сперанскій ограничилъ министерскую власть и въ концѣ концовъ разработалъ проектъ конституціоннаго правленія для Россіи. Когда Армфельдъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1811 года прибылъ въ Петербургъ, Сперанскій находился тогда въ большой милости у императора. Однако же мнѣніе, составившееся о немъ въ вѣкоторыхъ слояхъ общества, было не въ его пользу, и въ 1810 году Карамзинъ, въ сочиненіи своемъ «Старая и новая Россія», направленномъ противъ Сперанскаго, осуждалъ поступки послѣдняго. Къ врагамъ Сперанскаго, принадлежавшимъ исключительно къ высшимъ классамъ въ Россіи, присоединялась также сестра императора, принцесса Ольденбургская, находившаяся въ то время въ Россіи. Однако, несмотря на всѣ эти обстоятельства, государь оставался непоколебимъ въ довѣріи къ своему приближенному и считалъ личнымъ оскорбленіемъ для себя, когда неудовольствіе противъ реформъ Сперанскаго доходило до его свѣдѣнія. Проектъ Сперанскаго о конституціонномъ правленіи въ Россіи, появившійся въ 1811 году, возбудилъ больше остальныхъ реформъ страхъ и неудовольствіе; несмотря на полное сочувствіе императора къ этому проекту, не удалось все-таки побѣдить Государственный Совѣтъ. Говорятъ, будто бы въ этомъ вопросѣ вдовствующая императрица своимъ вліяніемъ дѣйствовала противъ государственнаго секретаря ¹⁾. Несмотря однако на возбужденное со всѣхъ сторонъ неудовольствіе противъ Сперанскаго, онъ продолжалъ занимать свой постъ, и еще въ январѣ 1812 года Александръ I проявилъ къ нему новую милость, пожаловавъ ему высочайшій русскій орденъ. Три мѣсяца спустя, онъ былъ свергнутъ и по высочайшему повелѣнію отправленъ на жительство въ Пермь. Современники удивлялись быстрому паденію великаго государственнаго дѣятеля. Настоящимъ виновникомъ этого паденія считаютъ Армфельда, который является соперникомъ его въ пользованіи монаршею милостію. Несомнѣнно однако, что Армфельдъ участвовалъ въ интригахъ, способствовавшихъ удаленію Сперанскаго, ибо слухи эти подтверждаются бумагами, найденными у барона.

Изъ переписки Армфельда видно, что онъ съ самаго начала былъ недоволенъ той системой, которую принялъ Сперанскій при управленіи финляндскими дѣлами. Онъ неоднократно характеризовалъ государствен-

¹⁾ Шведскій повѣренный въ дѣлахъ Шенбуртъ писалъ 5 (17) октября 1811 г. въ Швецію: „Если удастся обратить вниманіе Александра I на пагубныя послѣдствія этого проекта, тогда Сперанскій несомнѣнно впадетъ въ немилость; вообще начинаютъ съ каждымъ днемъ сомнѣваться въ патриотическихкихъ чувствахъ государственнаго секретаря“.

наго секретаря слѣдующимъ отзывомъ: «Странная личность, которая иногда возвышаетъ насъ (финляндцевъ), а подчасъ даетъ намъ чувствовать нашу зависимость. Къ тому же онъ всегда считаетъ пустяками то, что касается Финляндіи». Армфельдъ сомнѣвался постоянно въ искренности расположенія Сперанскаго къ Финляндіи. Въ ноябрѣ 1811 года, онъ писалъ въ одномъ письмѣ къ Шернвалю: «Принципы соединенія старой Финляндіи были утверждены согласно моему желанію, но такъ какъ указъ объ этомъ долженъ быть составленъ Сперанскимъ, то не знаю, когда это дѣло получить движеніе: это, во всѣхъ отношеніяхъ важное событіе, встрѣтитъ по всей вѣроятности массу препятствій». Равнодушіе, съ которымъ государственный секретарь относился вообще къ дѣламъ Финляндіи, и соперничество въ милости императора были вѣчно причинами несогласія между нимъ и Армфельдомъ. Но основная причина паденія Сперанскаго, и содѣйствіе барона этому паденію, происходила отъ совершенно постороннихъ обстоятельствъ. Удаленіе Сперанскаго и новая политика Александра I, которой содѣйствовала Армфельдъ, совпадаютъ совершенно одновременно.

Михаилъ Михайловичъ, получившій въ виду громаднхъ надеждъ, возлагавшихся на него его школьными учителями, фамилію Сперанскаго, принадлежалъ къ сословію, которое въ Россіи стояло даже ниже крѣпостнаго; онъ былъ сынъ священника, и кличка «поповичъ» была въ глазахъ большинства чуть ли не браннымъ словомъ. Благодаря своему великому уму, онъ сдѣлалъ, несмотря на послѣднее обстоятельство, сдѣлать быструю и блестящую карьеру; даже враги его признавали въ немъ неутомимаго работника, замѣчательнаго стилиста и вообще человѣка съ громадными способностями. Сперанскій былъ въ свитѣ государя на конгрессѣ въ Эрфуртѣ, когда, по рассказамъ, Наполеонъ, пораженный будто бы замѣчательнымъ разговоромъ, который онъ имѣлъ съ государственнымъ секретаремъ, шутя предложилъ Александру I уступить ему этого государственнаго дѣятеля вмѣстѣ какого-нибудь королевства. Въ теченіе всѣхъ тѣхъ годовъ, которые слѣдовали за Эрфуртскимъ конгрессомъ, и пока продолжалась дружба между Россіей и Франціей, вліяніе и могущество Сперанскаго продолжали расти. Составилось общее мнѣніе, что Сперанскій почерпалъ планы своихъ реформъ во Франціи; что либеральныя его идеи, которымъ впрочемъ сочувствовалъ Александръ I, были взяты изъ французской философіи просвѣтительнаго вѣка и что, наконецъ, ему хотѣлось передѣлать русскіе законы по образцу Code Napoleon. Беспорядки, происходившіе во всемъ свѣтѣ, благодаря французской революціи, не представляли для Сперанскаго того отвращенія, которое испытывали вообще всѣ лица, убѣжденные въ томъ, что поддержаніе трона есть первое условіе благоустроеннаго государства; къ тому же государственный секретарь обладалъ громадною долей мисти-

цтва. Изъ гуманныхъ и другихъ цѣлей, онъ покровительствовалъ тайнымъ обществамъ, которыя въ то время процвѣтали въ Россіи и въ остальной Европѣ, и говорятъ, будто бы даже лично принималъ въ нихъ участіе. Наконецъ наступилъ критическій 1811 годъ, тотъ именно моментъ, когда Россія стала во главѣ всемірной борьбы противъ Франціи, и въ это время революціонныя идеи должны были быть отброшены въ сторону и лозунгомъ дня стало: «возстановленіе законнаго порядка». Философы, распространявшіе подобныя ученія, стали считаться «громадной чудовищной сектой», которая поклялась низвергнуть всѣ троны, сдѣлавъ орудіемъ своей цѣли самихъ царствующихъ особъ ¹⁾. Изъ писемъ Армфельда къ Дантрегу (d'Antraigues) и къ фонъ Генцу, мы узнаемъ именно этотъ образъ мыслей. Европа возстала противъ наполеоновскаго ига, ненависть къ угнетающему произвела переворотъ въ общественныхъ взглядахъ, касавшихся ученія о свободѣ, недавно проповѣданной во Франціи. Самъ Наполеонъ топталъ своими ногами эту свободу, во имя которой онъ сдѣлался деспотомъ всего свѣта. Либеральные проповѣдники того времени, придерживавшіеся принциповъ 1789 года, стали въ глазахъ общества подозрительными, и всѣмъ казалось, что цѣль ихъ стремленій заключалась лишь въ разрушеніи государства. Императоръ Александръ I могъ бы оставить при себѣ своего канцлера Румянцова, даже послѣ того какъ война съ Франціей была рѣшена, ибо канцлеръ представлялъ собой такое ничтожество, что мнѣніе его не имѣло никакого значенія ²⁾. Зато Сперанскому, реформатору и послѣдователю французскаго ученія, за котораго Наполеонъ былъ готовъ дать цѣлое королевство, нельзя было оставаться возлѣ императора и быть его приближеннымъ. Тѣ, которые стояли за войну, считали опаснымъ для ея осуществленія присутствіе Сперанскаго при русскомъ дворѣ; всѣ были убѣждены, что въ такомъ случаѣ борьба будетъ непродолжительная, и что Сперанскій, въ интересахъ французовъ, будетъ стремиться къ заключенію унижительнаго мира для Россіи съ Франціей, съ цѣлью потомъ продолжать въ государствѣ свою разрушительную работу. Въ одномъ

¹⁾ J. de Maistre. „Lettres et opuscules“. I: 259.

²⁾ Рассказываютъ, будто бы императоръ однажды сказалъ шведскому посланнику графу Левенгильму, когда послѣдній высказывалъ свои опасенія насчетъ французскихъ симпатій Румянцова: „Будьте спокойны, онъ безвреденъ, я оставляю его при себѣ, потому что онъ для меня удобенъ“. Даже французы не относились съ уваженіемъ къ Румянцеву; его аффектированныя манеры заставили ихъ дать ему кличку „la vieille marquise du marais“, и самъ Наполеонъ говорилъ о немъ: „le chancelier est un sot“ (смотри Peretz Steins Leben III: 60. 581).

недоконченномъ наброскѣ, написанномъ рукой Армфельда, Сперанскій обвинялся въ вышесказанномъ преступленіи ¹⁾.

Однако не одинъ Армфельдъ придерживался этихъ воззрѣній; русскіе «патріоты», принадлежавшіе къ высшему петербургскому обществу, смотрѣли давно уже съ недоброжелательствомъ на реформаторскую дѣятельность Сперанскаго. Его проектъ конституціи, задуманный и разработанный имъ въ столь критическую минуту, возбудилъ къ нему общія подозрѣнія. Карамзинъ, который говорилъ, что Сперанскій не что иное какъ «ученый школьникъ», принадлежалъ, какъ мы уже видѣли, къ числу его злѣйшихъ враговъ. Чиновники были недовольны его административными рѣшеніями; министры видѣли уничтоженіе своей власти; рѣшеніе Государственнаго Совѣта стало лишь одной проформой, члены его не уважались и мнѣнія ихъ не принимались ²⁾. Низшіе классы жаловались на увеличеніе податей, возникшихъ благодаря вооруженію и новымъ реформамъ, для уменьшенія государственнаго займа. Неудовольствіе, которое въ эту эпоху проявлялось въ Россіи повсемѣстно, было исключительно обращено на Сперанскаго, такъ какъ все сваливалось на него. Въ тотъ моментъ, когда самодержецъ всероссійскій болѣе всего нуждался въ силахъ своего народа, необходимо было ему пожертвовать своимъ приближеннымъ, противъ котораго были обращены всѣ выраженія неудовольствія. Графъ Ростопчинъ писалъ государю изъ Москвы, отъ своего имени и отъ имени всѣхъ московскихъ жителей, письмо, въ которомъ онъ обвинялъ Сперанскаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ французами, утверждая, что этой разбойничьей шайкѣ, съ помощью государственнаго секретаря открыта дорога въ Петербургъ. Вместе съ тѣмъ онъ убѣдительно просилъ государя, чтобы измѣна была выведена наружу, и чтобы была сдѣлана перемѣна въ управленіи ³⁾. Къ общимъ жалобамъ 1812 года присоединились доносы о предательствѣ и заговорахъ противъ самого государя. Говорили, будто бы Сперанскій велъ переговоры съ французскимъ посланникомъ Лористонемъ,

¹⁾ Въ этомъ наброскѣ Сперанскій характеризуется слѣдующимъ образомъ: „Сперанскій имѣетъ громадную власть; онъ удивительно уменъ и хитеръ, но такъ же самолюбивъ, какъ и невѣжественъ; жаждущій того, что даетъ только внѣшній видъ счастья, онъ неспособенъ постигнуть того блага, которое ведетъ къ спокойствію души. Онъ боится быть понятымъ и потому надѣваетъ на себя тысячу масокъ; иногда онъ гражданинъ и хорошій подданный, иногда ярый фрондьеръ, употребляющій всѣ усилія, чтобы убѣдить публику въ своихъ талантахъ, и не обнаруживающій своихъ силъ“...

²⁾ „Эти люди ничего не понимаютъ“, — говорилъ Сперанскій Тургеневу. Тургеневъ, который вообще заступался за Сперанскаго, называетъ его по этому поводу: „se faiseur“ и находитъ, что онъ обладаетъ „d'une impertinente confiance en soi même“.

³⁾ Bernhardi. Т. II 2, 692; Schnitzler, Rostopchine, 99.

будто онъ бралъ секретнымъ образомъ и въ интересахъ Франціи изъ министерства иностранныхъ дѣлъ шифрованныя депеши русскаго посла, чтобы съ ихъ содержаніемъ ознакомить враговъ Россіи. Тайныя общества, которымъ онъ покровительствовалъ, имѣли въ то время, по мнѣнію многихъ, дурныя помыслы противъ царя, и шли слухи о заговорахъ противъ императора.

Наслѣдный принцъ шведскій поспѣшилъ изъ Стокгольма въ 1812 году дать знать въ Петербургъ, что «дорогая особа императора находится въ опасности», и что Наполеонъ готовится укрѣпить свое вліяніе въ Россіи ¹⁾. Всѣ въ Петербургѣ указывали единогласно на Сперанскаго, какъ на главнаго заговорщика, и на его друга статсъ-секретаря Магницкаго, котораго всѣ также ненавидѣли за его дѣйствія. Неприличныя выраженія, сказанныя Сперанскимъ объ императорѣ, были переданы по адресу, равно какъ и каламбуръ, построенный на фамилии знаменитаго французскаго генерала Vaubans ²⁾.

Больше всего содѣйствовалъ въ мартѣ 1812 года паденію Сперанскаго злѣйшій врагъ его лифлянецъ фонъ Розенкампфъ, одновременно дѣйствовавшій съ Армфельдомъ. Какъ предсѣдатель финляндскаго комитета Армфельдъ имѣлъ постоянныя сношенія съ этимъ Розенкампфомъ. Въслѣдствіе реорганизациі русской законодательной комиссіи, Розенкампфъ лишился вліятельнаго мѣста, которое онъ занималъ съ 1804 года и былъ предсѣдателемъ названной комиссіи. Съ момента своей отставки онъ сдѣлался врагомъ Сперанскаго ³⁾. Написавъ форменный обвинительный актъ противъ государственнаго секретаря, онъ передалъ его Армфельду на разсмотрѣніе, который въ свою очередь исправилъ этотъ актъ. Въ этой статьѣ Сперанскій обвинялся въ стремленіи разрушить основы государства. «Онъ началъ свою карьеру, «sa carrière desorganatrice», — пишетъ Розенкампфъ, — уничтоженіемъ государственныхъ коллегій, одновременно уничтоживъ всякое единство и контроль въ управленіи; начавъ писать сводъ законовъ, онъ все время скрывалъ основные принципы; онъ ввелъ финансовую систему, которая подточила государственный кредитъ и отняла у правительства всѣ его средства; онъ унижилъ дворянское достоинство, задавилъ промышленность и увеличилъ бремя земледѣльца; увеличивъ

¹⁾ Письмо Николай къ Румянцеву 18-го марта 1812 года.

²⁾ Рассказывали, что графъ Ростопчинъ будто бы передалъ этотъ каламбуръ государю. См. Schnitzler. 98.

³⁾ Смотри Bernhardt (II, 641, 699). Здѣсь Розенкампфъ характеризуется весьма не симпатичной личностью. Даже въ спорѣ съ Сперанскимъ обвиняютъ его самого. Въ наброскѣ Армфельда, находящемся въ его бумагахъ, все, что касается ссоры Розенкампа съ Сперанскимъ, перечеркнуто.

число служащихъ, онъ одновременно увеличилъ число недовольныхъ. Сперанскій далеко не государственный дѣятель, онъ просто на просто «un innovateur temeraire», не имѣющій ни уваженія къ прошедшему, ни правильного взгляда на настоящее. Онъ не желаетъ счастья государству, хотя дѣлаетъ видъ, что это его цѣль; пользуясь софизмами, онъ такимъ способомъ избѣгаетъ анализа и упрековъ, и систематично преслѣдуетъ уже давно обдуманнѣйшій планъ паденія государства. Честолюбіе, гордость и презрѣніе къ людямъ поглощаютъ его. Сперанскій воображаетъ себя стоящимъ выше всего человѣчества и подобно Кромвелю убѣжденъ, что нѣтъ такой цѣли, которой онъ не можетъ достигнуть, и что судьба его отличается отъ судьбы простыхъ смертныхъ»¹⁾. Таковъ былъ смыслъ записки, которая, подобно обвинительному акту, была направлена противъ могучаго государственнаго секретаря.

Масса экземпляровъ этой статьи циркулировала по всему Петербургу. Въ концѣ ея былъ намекъ на то, что Сперанскій мечталъ послѣ паденія монархіи сдѣлаться правителемъ Россіи. Подобныя обвиненія послужили, конечно, причиной къ сильнымъ подозрѣніямъ, и государь приказалъ черезъ министра полиціи Балашева произвести разслѣдованіе. Послѣ долгаго разговора императора съ государственнымъ секретаремъ вечеромъ 29-го марта 1812 года, послѣдній былъ высланъ изъ столицы, безъ всякаго слѣдствія и суда. Пронесся слухъ, будто бы государь предложилъ ему выборъ между законнымъ судебнымъ слѣдствіемъ и высылкой, и что Сперанскій предпочелъ удалиться изъ Петербурга²⁾.

Одно время вся столица только и говорила о паденіи могущественнаго министра, и никто не сомнѣвался, что дѣло шло о государственномъ преступленіи. Извѣстіе о паденіи Сперанскаго было всѣми принято съ великой радостью; его біографъ М. А. Корфъ говоритъ, что на это смотрѣли какъ на первую побѣду надъ французами. Въ оправдательной статьѣ въ январѣ 1813 года изъ Перми, Сперанскому удалось оправдать себя передъ императоромъ; но только два года спустя по возвращеніи Александра I съ театра войны наказаніе бывшаго государственнаго секретаря было смягчено; въ концѣ царствованія Александра I Сперанскій былъ совершенно оправданъ и снова занялъ свое мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ. Потомство смотритъ на него, какъ на одного изъ замѣчательныхъ русскихъ законодателей, а исторія отдаетъ ему справедливость какъ государственному дѣятелю. Перестали также вѣрить во всѣ обвиненія, которыя приписывались ему до на-

¹⁾ Записка Розенкампфа напечатана отрывками у Тургенева.

²⁾ Смотри Bernhardt II, 696. Joseph de Maistre. Correspondance diplomatique

чала войны 1812 года. Говорятъ, что онъ былъ жертвой интригъ своихъ враговъ, и что въ интригахъ этихъ главную роль играла месть, мелкіе и личныя интересы. Въ оставшихся послѣ Сперанскаго запискахъ, онъ говоритъ, что Армфельдъ былъ одной изъ причинъ его паденія. Послѣдній былъ очень друженъ съ министромъ полиціи Балашевымъ и будто-бы предложилъ Балашеву и Сперанскому составить триумвиратъ, взять въ свои руки бразды правленія. Утверждаютъ, будто-бы Сперанскій съ отвращеніемъ отклонился отъ подобнаго предложенія, вслѣдствіе чего Армфельдъ, боясь, что будетъ донесено объ его планахъ, убѣждалъ Балашева, что инициатива этой исторіи принадлежитъ Сперанскому. Рассказываютъ также, что Армфельдъ прилюдно министра полиціи доложилъ обо всемъ государю и страшалъ его, въ случаѣ если онъ не согласится на это, въ свою очередь убѣдить императора, что Балашевъ былъ участникомъ въ этомъ заговорѣ ¹⁾. Этотъ рассказъ кажется не правдоподобнымъ. Если же онъ не совсѣмъ выдумка, то на него нужно смотрѣть какъ на результатъ какого нибудь мифа, высказаннаго Армфельдомъ. Быть можетъ Армфельдъ случайно выразилъ желаніе сблизиться съ Сперанскимъ и Балашевымъ, чтобы, работая вмѣстѣ, приобрести вліяніе; очень можетъ быть также, что Сперанскій отклонилъ подобное предложеніе, изъ боязни, что такимъ образомъ его собственная власть уменьшится. Но изъ всего этого нельзя еще вывести заключенія, что вопросъ шелъ о заговорѣ и о какомъ то «триумвиратѣ». Меньше всего можно заподозрить Армфельда въ этомъ желаніи, такъ какъ мы уже видѣли изъ предыдущаго, какъ подозрительно онъ относился къ Сперанскому, и до какой степени оба государственныхъ дѣятеля не походили въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ другъ на друга. Какимъ бы искушеніямъ Армфельдъ не подвергался благодаря своему честолюбію, отношенія его къ императору были таковы, что подозрѣнія въ его дурныхъ помыслахъ относительно государя лишены всякаго основанія. Затѣмъ благо Финляндія, и даже самого Армфельда зависѣли вполнѣ отъ расположенія монарха, тогда какъ въ чувствахъ Сперанскаго баронъ могъ сильно сомнѣваться. Наконецъ обвиненіе другаго въ задуманномъ преступленіи совсѣмъ не согласуется съ характеромъ Армфельда: въ его натурѣ, несмотря на необдуманные иногда поступки и слишкомъ большую поспѣшность, всегда было много рыцарскаго. Если же содѣйствіе Армфельда можно считать одной изъ главныхъ причинъ паденія Сперанскаго, то содѣйствіе это было послѣдствіемъ того, что приходилось барону слышать изъ собственныхъ устъ государя, въ долгихъ разговорахъ съ нимъ досылка Сперанскаго. Для барона это удаленіе представляло лишь

¹⁾ Смотри Бервгарди.

начало того крестоваго похода противъ Наполеона, котораго онъ такъ сильно желалъ. Несомнѣнно онъ находилъ, что Сперанскій былъ вреднымъ элементомъ для общества, и въ письмѣ къ своей дочери 12 іюня 1812 года онъ писалъ: «удаленіе Сперанскаго надѣлало много шуму. Все могло окончиться бѣльшимъ несчастіемъ, если бы не удалось отрѣзать всѣ нити этой интриги; такъ какъ приказанія государя по этому поводу не были исполнены (не произведено слѣдствія), то нельзя было доискаться истинныхъ доказательствъ и ближе ознакомиться съ планомъ заговора, въ обширномъ его смыслѣ, и съ тѣми способами, къ которымъ должны были прибѣгнуть для осуществленія его; въ этомъ и заключается все несчастіе. Откровенность, съ которой я дѣйствовалъ, мужество, которое я употребилъ, чтобы сорвать маску съ этого чловека, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ и милостью государя, наконецъ средства, которыя были даны ему для оправданія—все это вмѣстѣ взятое возбудило великое удавленіе всѣхъ русскихъ; слава и честь, выпавшія на мою долю по этому поводу, были преувеличены, такъ какъ я исполнилъ лишь свой долгъ».

Потомство не послѣдовало примѣру современниковъ, которые съ благодарностью приписывали Армфельду паденіе Сперанскаго, и напротивъ строго осудило его за это; приговоръ, произнесенный надъ государственнымъ секретаремъ, расходится съ исторіей. Хотя, судя по рассказамъ, Армфельдъ участвовалъ въ интригахъ противъ Сперанскаго, однако-же было бы не понятно, если бы онъ со своими политическими воззрѣніями не сталъ на сторонѣ тѣхъ, которые желали паденія «незвѣлаго реформатора» даже въ томъ случаѣ, если бы онъ не соперничалъ съ послѣднимъ въ довѣрїи и милостяхъ Александра I.

VI.

Экономическое и финансовое положеніе Россіи.—Участіе Армфельда въ политическихъ событіяхъ.—Проекты и предложенія.—Наступательно-оборонительный союзъ Россіи съ Швеціею.—Армфельдъ генераль-адъютантъ.

Почти въ связи съ паденіемъ Сперанскаго, возникъ вопросъ о финансовомъ положеніи Россіи. Экономическое положеніе обширнаго Русскаго государства было въ ту пору крайне серьезное; мѣры, принятыя государственнымъ секретаремъ въ 1810 году, были, какъ тогда говорилось, причиной этого критическаго положенія. Въ своей меморіи (въ мартѣ 1812 г.), Армфельдъ изложилъ государю свои воззрѣнія на поводы, послужившіе къ финансовому разстройству, и указывалъ на средства къ поправленію его. Намекая на Сперанскаго,

онъ говорить при этомъ, какъ опасно допускать вообще теоретиковъ, профессоровъ и «*gaisonneurs zrescience*» въ подобныхъ вопросахъ. Постоянныя жалобы на то, что въ Россіи циркулируетъ слишкомъ большое количество ассигнацій, и одновременно призывъ на помощь ученія о политической экономіи способствовали въ 1810 году къ уничтоженію государственнаго кредита и взаимнаго довѣрія. Стали употреблять всѣ усилія для того, чтобы уменьшить государственный долгъ. Одновременно съ этимъ увеличивались подати, такъ какъ слухи о предстоящей войнѣ породили новые налоги (указъ 10-го февраля 1812 г.). Въ моментъ общаго безденежья такой порядокъ вещей возбуждалъ громадное неудовольствіе. Новые налоги болѣе всего отражались на земледѣльцахъ и повышали на 10 процентовъ подати съ доходовъ на недвижимыя имущества. Въ виду этихъ неудовольствій и общей неурядицы, Армфельдъ предложилъ государю организовать финансовый комитетъ и тѣмъ помочь грустными обстоятельствамъ. Такой комитетъ былъ организованъ, и Армфельдъ сдѣлался энергичнымъ его членомъ. Работая надъ подобными, въ сущности для него незнаемыми дѣлами, онъ прибѣгалъ къ помощи швейцарскаго публициста Ф. Дивернуа (*François d'Ivernois*), извѣстнаго своими экономическими и политическими статьями въ анти-революціонномъ духѣ. Хотя Дивернуа былъ иностранцемъ, однако онъ получилъ англійское дворянство и находился уже давно въ хорошихъ отношеніяхъ съ Армфельдомъ, ведя раньше съ нимъ переписку и живя въ то время въ русской столицѣ. Этотъ опытный экономистъ, написавшій обширныя изслѣдованія, касавшіяся финансовыхъ дѣлъ Франціи и Англіи, нашелъ (говоритъ Армфельдъ), что «финансы Россіи находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ онъ этого ожидалъ». Дивернуа говорилъ, что даже предстоящая война не должна была возбудить какихъ-либо опасеній по этому поводу. Армфельдъ предложилъ государю сдѣлать внутренній государственный заемъ по примѣру Англіи. Кромѣ циркулировавшихъ уже кредитныхъ бумажекъ, долженствующихъ согласоваться съ металлическимъ обращеніемъ, слѣдуетъ Русскому государству выпустить облигаціи, представляя залогомъ недвижимыя государственныя имущества. Облигаціи эти станутъ процентными и дадутъ владѣльцамъ ихъ такія выгоды, что спросъ на нихъ будетъ постоянно увеличиваться. Предполагалось, что эти облигаціи принесутъ государству около 300 милліоновъ рублей. Вопросъ этотъ затихъ въ теченіе весны и лѣта 1812 г., но былъ снова возбужденъ въ концѣ того же года. Проекты, предложенные Армфельдомъ, были подписаны именемъ Дивернуа. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Армфельдъ называетъ эту статью «образцовымъ произведеніемъ». Въ ней предлагалось понизить стоимость кредитныхъ билетовъ на 30-ть процентовъ, а взамѣнъ остав-

шихся 70-ти процентовъ выдать процентныя облигаціи. Проектъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію новаго комитета, но былъ отвергнутъ вслѣдствіе возникшихъ сомнѣній по этому поводу у вліятельнаго прусскаго государственнаго дѣятеля барона фонъ-Штейна ¹⁾. Одновременно съ обсужденіемъ вопроса чисто внутренняго характера, вопросы внѣшней политики стояли также на очереди. Армфельдъ достигалъ постепенно давно желанной имъ цѣли; въ первые мѣсяцы 1812 года война не на жизнь, а на смерть противъ Наполеона была уже рѣшена. Въ виду предстоящей борьбы Армфельдъ поддерживалъ всюду обширныя сношенія; современники предполагали даже, что Армфельдъ и герцогъ Сера-Капріола изображали изъ себя вождей какой-нибудь тайной дипломатіи, агитирующей по всей Европѣ въ пользу войны. Армфельду присылались со всѣхъ сторонъ статьи, касающіяся устройства будущей коалиціи, каковыя сохранились до сихъ поръ, представляя изъ себя громадный историческій интересъ. Собственной рукой Армфельда изложены обширные государственные проекты, схожіе съ меморіей, представленной имъ государю лѣтомъ 1811 года. Большинство этихъ статей совѣтуютъ нападеніе на Францію со всѣхъ сторонъ одновременно, съ цѣлью ослабить оборонительную силу этой страны. Среди бумагъ Армфельда, находилась между прочимъ статья неизвѣстнаго англійскаго политика, предлагавшаго союзъ Россіи и Англіи, при чемъ Россіи предоставлялось взять на себя инициативу войны. Другой, тоже анонимный политикъ, находилъ, что Россія должна встать во главѣ коалиціи на сѣверѣ и оттуда идти противъ Франціи; Англія же вмѣстѣ съ Испаніей образуетъ такую же коалицію на югѣ Европы. Еще другая статья, присланная Армфельду, развѣиваетъ въ обширномъ смыслѣ вопросъ о томъ, что могла бы сдѣлать Россія, если бы, получивъ помощь, оружіе и деньги отъ Англіи, прибѣгла бы къ диверсіи въ странахъ близъ Средиземнаго моря, гдѣ болѣе всего страдаютъ подъ игомъ Франціи. Предлагалось «употребить на это черноморскую эскадру, освободить Геную и поддержать возстаніе въ Каталоніи». Въ четвертой статьѣ, также не подписанной и быть можетъ сочиненной самимъ Армфельдомъ, предполагалось, что Пруссія и Австрія будутъ на сторонѣ Франціи, но что Россія можетъ рассчитывать на союзъ съ Турціей и

* ¹⁾ Армфельдъ писалъ Еркенстрѣму 7 (19) октября 1812 г. „Серъ Ф. Диверну окончилъ свой финансовый планъ для Россіи. Посмотримъ, тѣ, которые здѣсь стоятъ во главѣ этого дѣла, поймутъ-ли что-нибудь; сильно сомнѣваюсь въ этомъ“. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ по тому же поводу 3-го января 1813 г. „Во всемъ государствѣ существуетъ лишь одинъ человекъ здравомыслящій и требующій знанія и свободы мнѣнія, — это императоръ. Остальные не видятъ далѣе своего носа. Въ этомъ отношеніи здѣсь полный мизеръ“.

Шведией. Турція могла бы удержать австрійское войско; отъ 30,000 до 40,000 шведовъ выступать на сѣверѣ Германіи, имѣя поддержку въ англійскомъ флотѣ, а англичане и испанцы сдѣлаютъ одновременно нападеніе на берега Франціи и на ея владѣнія въ Средиземномъ морѣ. Слѣдуетъ также здѣсь упомянуть о политическомъ письмѣ стараго революціоннаго генерала Дюмурье (Dumouriez) къ Армфельду, написанномъ вскорѣ послѣ начала войны, 6 (18) іюля 1812 года. «Надѣюсь,—пишетъ Дюмурье,—что государь поведетъ войну такими же путями какъ скины противъ Дарія. Слѣдовало бы шведамъ также появиться въ Помераніи и дать Бернадоту случай сыграть роль Густава Адольфа «s'il est de bonne foie». Далѣе, слѣдуетъ придумать какіе-нибудь переговоры, чтобы выиграть время, и воспользовавшись этимъ, устроить нападеніе въ тылъ Франціи, изъ Англии, Итали и Испаніи и т. д.». Однако же, самая замѣчательная изъ всѣхъ статей, написанныхъ въ то время, была меморія Армфельда (1811—1812 годовъ), съ примѣчаніями его же, отъ 19 (31) января 1812 года. Въ этой меморіи онъ повторяетъ свое мнѣніе о войнѣ, говоря, что послѣдняя должна быть непремѣнно оборонительная, отстраняя непріятеля отъ всякой возможности получить помощь. Онъ ожидаетъ отъ Австріи нейтралитетъ; совѣтуетъ оградить Пруссію и тайно способствовать къ возстанію въ Германіи, что должно непремѣнно разразиться при первой неудачѣ Наполеона. Далѣе онъ утверждаетъ, что необходимо сдѣлать нападеніе на Францію изъ Итали и Португаліи. Англія должна посредствомъ денегъ и оружія помочь возстанію въ Германіи и всѣми силами стараться поддерживать этотъ «священный огонь». Далѣе, Армфельдъ еще совѣтуетъ поддерживать въ шведахъ надежду на покореніе Норвегіи и пользуясь честолюбіемъ наслѣднаго принца шведскаго и его личной ненавистью къ Наполеону—склонить Швецію къ участію во всемірной борьбѣ.

Главная цѣль вышеупомянутой статьи была та, чтобы указать императору на необходимость имѣть въ Польшѣ союзниковъ для предстоящей войны. Съ давнихъ временъ, судьба Польши была близка сердцу Армфельда. Съ момента сближенія своего съ Александромъ I, онъ не переставалъ работать въ пользу самостоятельности этой страны. Какъ мы уже видѣли раньше, онъ въ Петербургѣ вступилъ въ сношеніе съ польскимъ патріотомъ Огинскимъ. Послѣдній надѣялся на содѣйствіе Армфельда. Когда вопросъ касался преобразования Польши въ самостоятельное государство передъ началомъ войны, Армфельдъ «былъ душой» въ этихъ разговорахъ; но какъ извѣстно, стремленія эти не привели ни къ какому результату. По письмамъ Армфельда видно, что онъ и на слѣдующій годъ возвращался къ тому же вопросу. Въ статьѣ своей о Польшѣ, баронъ съ жаромъ защищалъ ея интересы. «Раздѣленіе Польши,—писалъ онъ,—было политическимъ

преступленіемъ и громадной ошибкой со стороны Россіи. Россія пиѣла рагѣе того Польшу въ своей власти. Дабы предупредить народное возстаніе во время войны, покровительствуемое Франціей, слѣдовало бы объявить Польшу самостоятельнымъ королевствомъ съ собственными законами, собственной арміей и собственнымъ управленіемъ. Тогда великое герцогство Варшавское, образовавшееся послѣ Тильзитскаго мира и угнетенное французами, присоединилось бы къ новому Польскому государству. Императоръ Александръ I могъ бы содѣйствовать этому. Наполеонъ подобно цезарю разчитываетъ на свое счастье, но онъ никогда не научится искусству цезаря притягивать къ себѣ сердца. Очень важно было бы для Россіи осуществить этотъ проектъ при современныхъ обстоятельствахъ: тогда, съ одной стороны, можно будетъ ожидать благодарности и преданности поляковъ, вооруженную ихъ помощь, и одновременно симпатію всѣхъ ихъ соотечественниковъ, находящихся подъ чужимъ игомъ.

Арифельдъ не сомнѣвался въ томъ, что проектъ этотъ встрѣтитъ препятствіе не столько со стороны императора, сколько его русскихъ подданныхъ. Въ одномъ примѣчаніи къ этой статьѣ Арифельдъ говоритъ: «Въ Россіи не понимаютъ подобныхъ чувствъ; еще меньше привыкли здѣсь къ мысли, что на физическую силу не всегда можно полагаться, когда не существуетъ нравственной власти, которая дѣйствуетъ совершенно инымъ способомъ и приноситъ гораздо лучшіе результаты».

Освобожденіе Польши, финансовое положеніе Россіи и паденіе Сперанскаго принадлежали къ внутреннимъ вопросамъ обширнаго Русскаго государства; но главнымъ стремленіемъ того времени было несомнѣнно уничтоженіе французскаго ига и благополучный исходъ войны. Этотъ вопросъ былъ весьма близокъ Арифельду. Несмотря на то, что баронъ не принадлежалъ къ числу официальныхъ дипломатовъ той эпохи, неутомимо работающихъ перомъ, тѣмъ не менѣе, имя его часто упоминалось въ ихъ обширныхъ запискахъ, такъ какъ имя это представляло одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ російской столицѣ. Арифельдъ не былъ ослѣпленъ и видѣлъ грозящую опасность страшнаго предпріятія, но онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что наконецъ наступитъ всѣми ожидаемый рѣшительный моментъ. Баронъ писалъ въ одной изъ своихъ политическихъ записокъ: «Наполеонъ говоритъ самъ, что эта борьба будетъ послѣдняя. Но принимая даже въ соображеніе неисчислимыя источники и несомнѣнное искусство, которыми обладаетъ Бонапартъ, можно надѣяться, что счастье, приковавшее его взоръ къ Италиі, можетъ сдѣлать его слѣпымъ по отношенію къ Россіи».

Всѣмъ извѣстно изъ исторіи, что взятіе Наполеономъ Помераніи послужило поводомъ къ устройству шведскимъ наследнымъ прин-

*

цемъ коалиціи противъ Наполеона и къ заключенію наступательнаго и оборонительнаго союза съ Россіей. Это предложеніе со стороны Швеціи было сдѣлано въ Петербургѣ ея полномочнымъ посломъ графомъ Карломъ Левенгильмомъ. Взятіе Помераніи вызвало переворотъ въ образѣ мыслей шведовъ и принесло громадную пользу политикѣ. Въ началѣ 1812 года Армфельдъ писалъ: «Общественное мнѣніе въ Швеціи не что иное какъ блуждающій огонь или флюгеръ, поворачивающійся при каждомъ новомъ дуновеніи вѣтра. Наполеонъ сдѣлался въ ихъ глазахъ чудовищемъ только потому, что онъ взялъ Померанію!»

Графъ Левенгильмъ прибылъ въ Петербургъ 18-го февраля 1812 года, а 5-го апрѣля того же года уже былъ заключенъ трактатъ между Швеціей и Россіей, въ силу котораго Швеція обезпечивала покореніе Норвегіи, съ условіемъ, что она приметъ участіе въ предстоящей войнѣ ¹⁾. Приѣхавъ въ Петербургъ, Левенгильмъ нашелъ уже тамъ приготовленную почву для своей дѣятельности. По совѣту шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Шенбуша, хорошо знакомаго съ обстоятельствами, Левенгильмъ отправился съ нимъ къ государственному канцлеру, а отъ него къ Армфельду. Въ своихъ депешахъ Левенгильмъ не скрывалъ того обстоятельства что благопріятный исходъ дѣла зависѣлъ главнымъ образомъ отъ вліянія Армфельда на Александра I. Еще до прибытія Левенгильма въ столицу, Армфельдъ, какъ мы видѣли, налагалъ свое мнѣніе, насчетъ обѣщанія Швеціи содѣйствовать въ покореніи Норвегіи, не только въ своихъ политическихъ статьяхъ, но даже лично государю. Армфельдъ сдѣлалъ больше, составилъ планъ, какимъ образомъ покорить Норвегію для Швеціи.

Образъ дѣйствія принца былъ пріятнымъ сюрпризомъ для Армфельда. Вскорѣ по прибытію Левенгильма онъ писалъ: «Шведское государство дѣйствуетъ съ необыкновенной энергіей. Вадно въ какой школѣ находился принцъ; если же что-либо можетъ помѣшать ускоренію дѣла, то конечно однѣ лишь инструкціи Левенгильма. Сознаюсь въ томъ, что планы Бернадота очень хороши, и всѣ свѣдѣнія, данныя имъ, крайне интересны» ²⁾. Левенгильмъ, съ своей стороны, былъ очень благодаренъ Армфельду за его горячее участіе въ данномъ вопросѣ и воспользовался случаемъ выставить въ письмѣ наслѣдному принцу бывшаго своего начальника и друга въ лучшемъ свѣтѣ. Далѣе онъ на-

¹⁾ Подробности этого важнаго договора и дипломатическія письма, до и послѣ заключенія его, находятся въ разныхъ иностранныхъ сочиненіяхъ и между прочимъ въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“.

²⁾ Еренстрѣму 25-го марта 1812 года.

ходилъ, что въ слабомъ характерѣ Александра I произошла значительная перемена, и что Армфельдъ внушалъ государю ту громадную энергію и силу воли, которая замѣчается во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Между прочимъ Левенгильмъ писалъ: «Баронъ, лишенный характерныхъ чертъ славянскаго народа, произвелъ сильное впечатлѣніе на императора; съ добродушіемъ ему свойственнымъ и съ смѣлостью онъ указалъ Александру I, что онъ есть и чѣмъ онъ могъ бы быть. Пассивное противодѣйствіе, встрѣтившее наше предпріятіе здѣсь среди окружающихъ государя, было бы весьма трудно побѣдить, если бы сильное вліяніе Армфельда на императора не пришло намъ на помощь ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что Левенгильмъ былъ во всемъ обязанъ барону за благопріятный исходъ этого дѣла. Для Швеціи было очень важно, чтобы Армфельдъ продолжалъ сохранять то вліяніе, которымъ онъ пользовался въ Петербургѣ. Любовь его къ бывшему отечеству заставляла его дорожить тогдашними обстоятельствами, когда они позволяли ему одновременно выказывать преданность къ его новому властелину. По мнѣнію Левенгильма, наследный принцъ долженъ былъ выразить свои благія намѣренія государю и хорошія отношенія къ новому его совѣтнику. Наконецъ удовлетвореніе, данное лично принцемъ графинѣ Армфельдъ, уже укрѣпило эти отношенія. Переговоры шли безъ препятствій, и война приближалась. Несомнѣннымъ признакомъ войны было то, — говорилъ Левенгильмъ въ своихъ депешахъ, — что Армфельдъ поступилъ на русскую военную службу. Для того чтобы заставить Армфельда надѣть на себя русскую генеральскую форму, государь долженъ былъ дать ему свое честное слово (разсказываетъ Левенгильмъ), что онъ не согласится ни на какіе переговоры съ Наполеономъ, и что война — дѣло рѣшенное ²⁾. Въ этой же депешѣ Левенгильма было съ большимъ драматизмомъ описано, какъ Армфельдъ, одѣтый въ русскую генеральскую форму, былъ представленъ государемъ императрицѣ «какъ новый братъ его по оружію». «Мы общались, — сказалъ государь, обращаясь къ государынѣ, — не покидать другъ друга, и я надѣюсь быть достойнымъ -его». Императрица была очень тронута и любезно разговаривала съ Армфельдомъ. Левенгильмъ прибавляетъ,

¹⁾ «Вліяніе Армфельда на государя удивительно. Императоръ находитъ, что только у Армфельда встрѣчаются аналогичныя съ нимъ чувства!» Деша Левенгильма 12 марта (29 февраля) 1812 г.

²⁾ «Съ понедѣльника, — писалъ Армфельдъ Ернстрѣму 25-го февраля 1812 г., — я уже русскій генералъ-отъ-инфантеріи и первый генералъ-адъютантъ императора — это новая должность, значеніе которой мнѣ не извѣстно. Дальше я не могъ отказываться надѣть эту форму, ибо вся царская семья была такъ любезна ко мнѣ и такъ долго уговаривала меня. Ахъ, если бы я могъ совершить что-нибудь хорошее и умереть такъ, какъ я жилъ».

«что этотъ эпизодъ дастъ вашему королевскому высочеству понятие о располагающихъ къ себѣ качествахъ Александра I. Онъ умѣетъ побѣдить каждаго, находящагося вблизи его, благодаря своему благородству и кроткому обращенію».

Мѣсяць спустя, Армфельдъ былъ уже готовъ отправиться къ границѣ Литвы, откуда ожидалось нападеніе врага. Онъ выѣхалъ 25-го апрѣля, а государь уѣхалъ не много раньше. Старшій сынъ барона находился уже два мѣсяца въ качествѣ русскаго офицера внутри Россіи и числялся къ началу военныхъ дѣйствій въ арміи князя Багратиона. Своей дочери Армфельдъ писалъ: «Мнѣ 55 лѣтъ. Лучшія минуты моей жизни прошли, моя жена и дѣти нуждаются теперь лишь въ моихъ чувствахъ... значить я могу умереть, какъ жилъ, и оставить своимъ близкимъ немного славы и уваженія, которыя шли на перекоръ воюму и разбили моихъ враговъ тяжестью ихъ собственнаго ничтожества. Обдумавъ все это, я спокойно подчиняюсь судьбѣ и отдаю себя всѣмъ существомъ моимъ долгу человечества. Смотри и ты, мой другъ, съ этой точки зрѣнія на послѣднюю жертву, которую твой отецъ приноситъ памяти своего безсмертнаго друга, погибшаго жертвой того самаго преступленія, которое мы въ данную минуту идемъ побѣдить».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГУСТАВЪ IV
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА,
1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

VI ¹⁾).

Будбергъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Императрица, дѣйствительно, одно время враждебно настроенная противъ него, скоро увидѣла, гдѣ въ обвиненіяхъ генерала правда, гдѣ—ложь, и вернула старому слугѣ прежнее свое расположеніе. Въ первыхъ числахъ іюня Будбергъ былъ назначенъ посломъ въ Стокгольмъ. Извѣстіе это, послѣдовавшее, говорятъ, въ отвѣтъ на просьбу герцога Зюдерманландскаго назначить ему именно Будберга, вызвало необыкновенное оживленіе въ русской партіи въ Стокгольмѣ и радость въ шведскомъ народѣ. Рассказываютъ, что «уже на дорогѣ, какъ только онъ (Будбергъ) переступилъ границу, населеніе выражало радость свою видѣть опасность войны съ Россією окончательно устраненною. Ему дѣлались тысячи демонстрацій, которыя могли быть истолкованы въ смыслъ осужденія политическихъ дѣйствій правительства». Съ другой стороны, «когда ожидали генерала въ Стокгольмѣ, король и герцогъ-регентъ находились въ лагерѣ на дорогѣ, по которой онъ долженъ былъ ѣхать. Узнавъ день выѣзда его

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюль 1896 г.

изъ Петербурга, устроили маневры, какъ будто бы войска, предводительствуемая королемъ, возьмутъ его въ плѣнъ и отвезутъ къ королевскому завтраку, чтобы дружески принять его прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи выполнить всѣ принятія обычнаго формальности, необходимыя для официального представленія. Нездоровье, которое задержало Будберга на нѣсколько дней въ дорогѣ, разстроило эти любезныя приготовления»¹⁾. Прибывъ въ Стокгольмъ, онъ тотчасъ приступилъ къ обсужденію предмета своего посольства. Впрочемъ, въ шведскомъ кабинетѣ давно уже знали, какой характеръ примутъ возобновленные переговоры. Прямота и искренность должны быть положены въ основаніе, а путешествіе короля въ Петербургъ— стать первымъ условіемъ (*conditio sine qua non*) сближенія обоихъ государствъ.

Однако вопросъ о путешествіи короля былъ поставленъ такъ неумѣло, что для правительства съ неизбѣжными принципами онъ могъ имѣть только одно рѣшеніе, а именно отрицательное. Но не таково было шведское правительство. Дѣло въ томъ, что, отказывая императрицѣ въ желаніи ея видѣть у себя короля, стокгольмскій кабинетъ, какъ извѣстно, руководился принципами законности, не допускавшими юнаго монарха переступить границу его владѣній вплоть до совершеннолѣтія. На замѣчаніе вице-канцлера, графа Остермана, во время конференціи его со Стедингомъ 16-го апрѣля 1796 г., что «его величество ѣздилъ однако же въ Копенгагенъ», шведскій посолъ возражалъ, что «его величество не былъ въ Копенгагенѣ, а видѣлся съ кроузъ-принцемъ только на кораблѣ». По этому поводу Екатерина II поручала Будбергу выразить регенту (письмо отъ 18 апрѣля), «что только вслѣдствіе пожара, бывшаго въ прошломъ году въ Копенгагенѣ, король не былъ тамъ, и что, кромѣ того, срокъ его несовершеннолѣтія, продолженный завѣщаніемъ покойнаго короля на шесть мѣсяцевъ, сокращается въ глазахъ всѣхъ свѣдѣніями о зрѣлости его сужденій и его возрастомъ, ускореннымъ счастливою его натурой. Какъ бы то ни было, но, допуская подобные доводы, шведское правительство каждый разъ еще болѣе запутывало нить переговоровъ, а ссылаясь на законъ, отрѣзывало себѣ путь къ отступленію. Въ этомъ случаѣ баронъ Будбергъ давалъ очень хорошій совѣтъ стокгольмскимъ дипломатамъ: не торопиться отказомъ на требованіе русскаго двора, а подумать и, по крайней мѣрѣ, не присылать своего рѣшенія раньше прибытія генерала въ Стокгольмъ.

Въ шведской столицѣ ждали русскаго посла торжественныя приемы. Послѣ представленія Рейтергольмъ и Будбергъ приступили къ переговорамъ. Сразу обнаружилось, что препятствія, воздвигавшіяся и воз-

¹⁾ Сб. Ист. Об. IX, 266.

двигаемыя шведскимъ правительствомъ, были одною только проформой; что, въ сущности, стокгольмскій кабинетъ давно рѣшилъ уступить требованіямъ Россіи, но ждалъ на этотъ случай какого-нибудь благовиднаго предлога.

Главнымъ пунктомъ всѣхъ новыхъ обсужденій русскихъ и шведскихъ государственныхъ людей въ Стокгольмѣ, сталъ вопросъ о путешествіи короля въ Петербургъ. Какъ же «трактовалъ» этотъ вопросъ шведскій посланникъ Стедингъ? Слѣдующее донесеніе его Рейтергольму отъ 8 (19) іюня разъясняетъ это обстоятельство.

«Какъ ни быстро скачутъ курьеры, — писалъ онъ, — съ которыми мы посылаемъ наши депеши, мой дорогой другъ, но событія идутъ не медленнѣе ихъ. 20 (31) мая пріѣхалъ Виргинъ съ вашимъ письмомъ отъ 26 мая, въ которомъ находилось письмо его королевскаго высочества герцога Зюдерманландскаго для императрицы. Это было въ самый моментъ моего пріѣзда въ деревню, гдѣ я только что поселился съ цѣлью нѣсколько поправить свое здоровье и найти спокойствіе, котораго недостаетъ въ городѣ. Послать императрицѣ письмо было уже слишкомъ поздно; я поѣхалъ въ городъ на другой день утромъ, чтобы видѣть г. Маркова. Это теперь единственный министръ, съ которымъ я говорю о нашихъ дѣлахъ, такъ какъ только онъ одинъ живо интересуется ими и по многимъ причинамъ желалъ бы для нихъ благопріятнаго окончанія. Я увѣренъ даже, что онъ на нашей сторонѣ, на сколько это возможно для министра императрицы, для котораго высшимъ закономъ всегда служить слѣпое подчиненіе волѣ и капризу ея императорскаго величества. Г. Марковъ уѣхалъ въ Царское Село, и я принужденъ былъ, не теряя времени, послать къ нему курьера съ письмомъ его королевскаго высочества. Онъ предложилъ мнѣ совѣщаніе въ городѣ на слѣдующій день, куда я и отправился. Я нашелъ г. Маркова въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Императрица осталась очень довольна письмомъ его высочества герцога, и хотя нѣсколько удивилась, что не получила также письма отъ его величества, но тѣмъ не менѣе была очень расположена всѣми средствами содѣйствовать соглашенію и союзу, который предложилъ его королевское высочество. Назначеніе генерала Будберга на мѣсто посланника при королѣ, состоявшееся нѣсколько дней тому назадъ, было представлено мнѣ г. Марковымъ, какъ публичный и очевидный шагъ со стороны императрицы, имѣющій цѣлью выразить свое отношеніе къ его величеству и свое искреннее желаніе, какъ можно скорѣе возстановить самое лучшее взаимное пониманіе между обоими государствами. Послѣ этихъ любезностей, на которыя я, съ своей стороны, постарался отвѣтить какъ можно вѣжливѣе, я возобновилъ свое предложеніе приступить сейчасъ же къ составленію договора, который на прочномъ основаніи утвердилъ бы миръ и союзъ, долженствующій

отнынѣ существовать между Швеціей и Россіей. Г. Марковъ отвѣтилъ мнѣ, что императрица охотно согласилась бы на это, но при условіи, чтобы произошло свиданіе между королемъ и ею. Мы разсуждали о невозможности королю дать на это свое согласіе, а тѣмъ болѣе мнѣ, отъ имени его величества, брать такое обязательство, противное всѣмъ основнымъ законамъ королевства. Г. Марковъ согласился со мной, что въ моей власти было отвергать послѣднее, но не допускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отъ короля не зависѣло стать выше того закона, который препятствовалъ спокойствію и благу Швеціи. Послѣ долгихъ обсужденій по этому поводу мы условились, что я составлю проектъ трактата, а г. Марковъ, въ сопровожденіи вновь назначеннаго посланника и съ отвѣтомъ императрицы, прійдетъ ко мнѣ обѣдать послѣ завтра. Спѣша въ Царское Село для доклада государынѣ нашего договора, онъ просилъ меня въ особенности обратить вниманіе въ проектѣ на выраженную императрицей надежду видѣть короля: что съ этимъ пунктомъ я добьюсь всего, а безъ этого—ничего. Когда 24 іюня (4 іюля) г. Марковъ пріѣхалъ ко мнѣ, я показалъ ему черновикъ названнаго трактата. Это былъ договоръ, которымъ восстанавлился Верельскій трактатъ, т. е. уплачивались намъ субсиди и недомки; заключался торговый договоръ, устанавливался границы Финляндіи въ томъ соображеніи, чтобы, помощью нѣкотораго территориальнаго обмѣна владѣній, привести границу къ менѣе безобразному и болѣе военному виду, не спора объ *utterlig gräns* ¹⁾, какъ говорится. Наконецъ, въ совсѣмъ особомъ параграфѣ, оба монарха условились насчетъ свиданія, въ которомъ интересы государства и семейные были бы обсуждены такимъ образомъ, чтобы придти къ соглашенію сторонъ. Г. Марковъ, который въ этотъ день былъ особенно любезенъ, находилъ все прекраснымъ въ моей запискѣ, лишь бы только король назначилъ ближайшій срокъ своего путешествія. Надѣясь вообще на согласіе его величества принять предложеніе императрицы, которое я отправилъ въ Стокгольмъ съ г. Штеривалемъ, онъ объявилъ мнѣ, что составитъ контръ-проектъ, гдѣ параграфъ, касающійся свиданія, будетъ обозначенъ особо, однако такъ, чтобы императрицѣ и его величеству было удобно его принять. Я прождалъ нѣсколько дней обѣщаннаго проекта г. Маркова, который я долженъ былъ послать вамъ съ г. Виргинимъ, но было решено ждать отвѣта на предложеніе, сдѣланное раньше, или г. Марковъ былъ задержанъ чѣмъ нибудь, а о проектѣ я болѣе уже не слышалъ. Между тѣмъ мнѣ пришлось однажды видѣть графа Остермана, который скорчилъ гримасу, когда меня увидѣлъ, весьма недовольный тѣмъ, что я не говорю съ нимъ больше о нашихъ дѣлахъ, а обращаюсь исключительно къ г. Маркову. Ты знаешь

¹⁾ Т. е. о дальнѣйшихъ границахъ.

этому причины, мой милый другъ. Но, что заставило меня особенно поступать такимъ образомъ въ послѣднемъ случаѣ, это—желаніе дать ему почувствовать насколько глупъ былъ отбить его (внушенный ему, разумѣется) на мои объясненія о причинахъ нашихъ вооруженій въ Финляндіи. Тѣмъ не менѣе, онъ не удержался объявить мнѣ официально о назначеніи барона Будберга ¹⁾, присовокупивъ къ тому, что хотя онъ прекрасно знаетъ, что это извѣстіе не скажетъ мнѣ ничего новаго, но, не видѣвъ меня очень давно, онъ не могъ сдѣлать этого раньше. Я отвѣчалъ ему, что, дѣйствительно, новость эта была мнѣ уже извѣстна. Нужно тебѣ сказать, милый другъ, что назначеніе Будберга—исключительно дѣло самой императрицы. А такъ какъ Будбергъ лифлянецъ, и шагъ, сдѣланный имъ нынѣ, считается громаднымъ, то повышение его не встрѣтило здѣсь сочувствія ни у одного изъ русскихъ. Особенную же благосклонность къ нему государыни доказываетъ то, что соискателемъ на мѣсто Будберга явился генералъ Хорватъ, зять временщика ²⁾, котораго тотъ выписалъ изъ его губерніи и предназначилъ на названную должность. Говорятъ, г. Зубовъ былъ заживо задѣтъ этимъ отказомъ, выразивъ свое недовольство тѣмъ, что заставилъ г. Будберга прождать себя два часа въ передней, когда тотъ пріѣхалъ откланяться ему. Но отъ этого г. Будбергъ будетъ лишь внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ, и, хотя о г. Хорватѣ говорятъ много хорошаго, тѣмъ не менѣе, мы, я думаю, только выиграли отъ подобной замѣны. Извѣстно, что г. Будбергомъ вполне руководить одна императрица, тогда какъ другой находился бы подъ вліяніемъ своего зятя, не особенно расположеннаго къ намъ и предпочитающаго, быть можетъ, войну всему. Впрочемъ я не могу достаточно выразить тебѣ, насколько я доволенъ разнообразными бесѣдами съ нашимъ новымъ посланникомъ, его образомъ мыслей относительно тебя и вообще намѣреніями, которыя онъ мнѣ слегка обнаружилъ. Нѣсколько дней ранѣе пріѣзда г. Штеривала, я получилъ твое письмо отъ 20 мая. По обыкновенію и это письмо, написанное такъ же хорошо, какъ все, что исходитъ изъ твоего пера, было составлено съ намѣреніемъ произвести впечатлѣніе здѣсь. Зато я хорошо понялъ, что оно предназначалось одинаково для министровъ императрицы, какъ и для меня.

Я уже рассказывалъ тебѣ, мой другъ, какія проволочки во времени потребовались для осуществленія проекта, предложеннаго самимъ г. Марковымъ. Одновременно съ этимъ какъ молнія прилетѣлъ г. Штерц-

¹⁾ Стедингъ очевидно путаетъ: не баронъ, а генералъ Будбергъ былъ назначенъ въ Стокгольмъ министромъ-резидентомъ.

²⁾ Осипъ Ивановичъ Хорватъ, родомъ сербъ, екатеринославскій губернаторъ; былъ женатъ на сестрѣ Зубова.

вадь я привезъ мнѣ 10-го числа новаго стиля твои письма отъ 4-го юня. Ты былъ совершенно правъ предполагать, что эти письма не будутъ хорошо приняты императрицей: я убѣдился въ этомъ вполне изъ бесѣды съ г. Марковымъ на другой день по прїѣздѣ г. Штернвала. Ты не можешь себѣ представить, какъ вытянулось его лицо, когда я сообщилъ ему болѣе или менѣе все содержаніе твоего письма. Не отказывая вполне именованъ короля въ свиданіи, котораго желала императрица, я представилъ ему всѣ воздвигающіяся при этомъ препятствія и неудобства, въ тѣхъ формахъ, которыя замѣчены въ твоемъ письмѣ. Я сказалъ, что его королевское высочество убѣжденъ, что достаточно будетъ наложить эти доводы его королевскому величеству, чтобы онъ отклонилъ, по крайней мѣрѣ для данной минуты, осуществленіе проекта, противнаго всѣмъ законамъ Швеціи, а тѣмъ паче интересамъ самого короля. Я попробовалъ доказать г. Маркову, что во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чтобы свиданіе это, столь желанное и необходимое, было отложено до совершеннолѣтія короля. Марковъ въ своихъ возраженіяхъ доказывалъ совершенно противное тому, что я ему только что объяснялъ. Онъ видѣлъ благополучіе императрицы, равно какъ самого короля, исключительно въ названномъ свиданіи. Приведа въ примѣръ необыкновенный успѣхъ французскихъ начинаній, онъ настаивалъ болѣе чѣмъ когда-либо на необходимости императрицѣ заботиться о собственной безопасности, каковую она могла достигнуть лишь двумя путями: 1) совершенно обезвредивъ Швецію, исключивъ ее, въ одинъ изъ наиболѣе критическихъ для нея моментовъ, изъ числа враговъ Россіи, или 2) сдѣлавшись вѣрнымъ другомъ союзника короля. Первый путь вызываетъ отвращеніе въ императрицѣ, противорѣча ей нѣжнымъ чувствамъ и дружбѣ, которую она питала къ королю. Однако могутъ быть и такія обстоятельства, которыя принудятъ ее дѣйствовать противно собственнымъ намѣреніямъ. Что касается до втораго средства, то императрица вполне убѣждена, что до тѣхъ поръ нельзя рассчитывать на прочный договоръ съ Швеціей, пока она не удостовѣрится, личнымъ знакомствомъ, въ дружбѣ короля и въ чувствахъ лицъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ дѣлу. Ты видишь, милый другъ, что во всемъ этомъ много женскаго и не мало также самолюбія. Правда, что императрица, несмотря на свою старость, несомнѣнъ ошибается, когда рассчитываетъ на свойство своихъ чаръ среди окружающаго ея общества. Лично я не знаю никого, который бы умѣлъ такъ, какъ она, расположить къ себѣ всякаго и заставить любить себя тогда, когда она этого захочетъ. Замѣчая это г. Маркову, я показалъ ему одновременно, насколько разсужденія его были слабы и противорѣчивы. Онъ отвѣчалъ, что будь онъ, напримѣръ, убѣжденъ въ правотѣ того, что я говорю, даже тогда ему бы не удалось убѣдить въ томъ же императрицу оставить свое намѣреніе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ

объявилъ мнѣ, что баронъ Будбергъ былъ уже наканунѣ отъѣзда, когда неожиданно заболѣлъ гриппомъ, въ виду чего пролежить нѣсколько дней. Марковъ показалъ при этомъ письма, которыми будетъ снабженъ Будбергъ для короля и его королевскаго высочества, и которыя составлены были въ самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ. Онъ присовокупилъ, что сейчасъ ѣдетъ въ Царское Село, при чемъ увѣренъ, что будетъ дурно принять императрицей за сообщеніе привезенныхъ ему мною новостей. Затѣмъ я навѣстилъ барона Будберга. Я засталъ его очень больнымъ и весьма огорченнымъ содержаніемъ твоего письма, несмотря на то, что въ заключеніи своемъ я всегда повторялъ, что король не отказывается окончательно въ свиданіи съ императрицей, но что въ данную минуту это представляется невозможнымъ. Г. Будбергъ полагалъ, что нужно какимъ нибудь образомъ избѣгнуть этихъ препятствій, и выразилъ мысль, что императрица быть можетъ согласится прибыть на границу Финляндіи, для встрѣчи съ королемъ и его королевскимъ высочествомъ. Я не понимаю, какъ Будбергъ могъ предложить подобный проектъ, который г. Марковъ, напротивъ, всегда считалъ невозможнымъ. Г. Будбергъ говорилъ мнѣ также объ интригахъ и пронырствѣ лицъ здѣшняго общества, которые желали войны, однако, въ выраженіяхъ столь неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ, что едва возможно было ихъ понять. Въ прошлый понедѣльникъ я получилъ приглашеніе отъ г. Маркова пріѣхать къ нему на другой день. Когда я прибылъ, г. Марковъ объявилъ, что ничего не имѣетъ передать мнѣ отъ имени императрицы; что по прежнему онъ можетъ лишь повторить настоятельное подтвержденіе ея величествомъ своего мнѣнія; что она далека отъ мысли требовать отъ короля чего-либо поворнаго для него; что вполне прилично и почетно, разъ оба народа вооружены и готовы сразиться, самому королю стать во главѣ своихъ войскъ въ Финляндіи, а оттуда до Петербурга всего нѣсколько шаговъ; что, наконецъ, маленькое двухнедѣльное путешествіе, предпринятое съ цѣлью возстановить спокойствіе въ королевствѣ—можетъ лишь вызвать всеобщее одобреніе.

Я замѣтилъ на это г. Маркову, что онъ говоритъ въ такомъ духѣ о войнѣ, какъ будто бы послѣдняя не была явленіемъ фактически немыслимымъ между нами. Я объяснилъ, что война была бы противной всѣмъ правиламъ мудрой политики, явнымъ противорѣчіемъ всѣмъ признакамъ дружескихъ чувствъ, которыя успѣли уже выразить обѣ страны другъ другу, — наконецъ, она разрушила бы всѣ планы, которые дѣлали оба государства. Война не могла бы вознаграждать императрицу покореніемъ Финляндіи еще менѣе — прочнымъ союзомъ съ нами, столь желаннымъ ею. Одновременно, она не позволила бы и королю слѣдовать однажды принятой системѣ и не смотрѣть глазами враговъ Россіи. Въ отвѣтъ на это г. Марковъ оспаривалъ невозможность покоренія Финляндіи. По

его мнѣнію, это было дѣломъ одного похода; и вы бы очень смѣялись, мой милый другъ, слушая какъ г. Марковъ развивалъ совершенно безсмысленный планъ нападенія, и какъ я выходилъ побѣдителемъ изъ всѣхъ сраженій, данныхъ мнѣ имъ, словно подъ моею командой было 100 тысячъ войска. Въ заключеніе г. Марковъ замѣтилъ, что, въ случаѣ подобнаго несчастія, Россія, не имѣвшая другихъ враговъ, приобрѣла бы къ такимъ усиліямъ, что достигла бы несомнѣнныхъ успѣховъ и что весьма возможно, что въ нападенія на насъ она не была бы еще единственной державой. Все это было сказано частью шутя, частью совершенно серьезно; въ концѣ же концовъ г. Марковъ объявилъ мнѣ, что въ сущности бесполезно далѣе продолжать разговоръ на эту тему, такъ какъ онъ надѣется, что все то, о чемъ было говорено между нами—не сбудется. Получивъ же приказаніе императрицы не обсуждать оффиціально послѣдняго моего донесенія, онъ своею бесѣдой со мною имѣлъ цѣлью предупредить меня, что Будбергъ уже наканунѣ своего отъѣзда въ Стокгольмъ, вслѣдствіе чего, онъ меня умоляетъ подумать о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, т. е. о дѣлахъ Маркова и моихъ. Несомнѣнно, что случится одно изъ двухъ: или что г. Будбергъ успѣетъ въ томъ, въ чемъ мы потерпѣли крушеніе, и тогда вся слава (побѣды) достанется ему, или что самое дѣло не удастся—и наши всѣ труды пропадутъ. При этомъ онъ умолялъ меня сдѣлать послѣднія усилія для достиженія успѣха до пріѣзда Будберга въ Стокгольмъ. Я отвѣчалъ ему, что надѣюсь успѣть только въ томъ, что возможно и разумно; путешествіе же короля въ нынѣшнемъ году не представляется мнѣ ни тѣмъ, ни другимъ. Вотъ что я нашелъ нужнымъ сказать для императрицы и г. Маркова. Тебѣ же сознаюсь, мой милый другъ, что не вижу тѣхъ препятствій къ путешествію короля, которыя тебѣ представляются, особенно если считать миръ и союзъ съ здѣшней страной—нашей прямой выгодой. Поэтому все это не кажется мнѣ сомнительнымъ, главнымъ образомъ въ виду нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствъ. Въ эпоху всеобщаго переворота, каковымъ революція и французское оружіе грозили Европѣ, найдемъ ли мы помощь или сдѣлаетъ собственными средствами съ достаточной силой выдержать ударъ такой державы какъ Россія, равно какъ противорѣчить тѣмъ взглядамъ, которые подкапываются, увы, въ нынѣшнія времена подъ всѣ троны цѣлаго міра. Но союзъ, который обезпечиваетъ намъ спокойствіе, гарантируетъ у насъ права монархической власти,—подобный союзъ заслуживаетъ того, чтобы въ пользу его предприняли что-либо особенное. Съ другой стороны, вѣдъ мы войну, развѣ король не повелъ бы охотно свои войска за предѣлы своихъ владѣній и даже до Петербурга, съ исключительной цѣлью заключить хорошій миръ? Между тѣмъ этотъ миръ здѣсь, мой милый Рейтергольмъ,—миръ, не купленный ни золотомъ, ни кровью. Я не говорю, конечно, чтобы

король въ данномъ случаѣ являлся въ качествѣ посредника, еще менѣе ходатая мира,—напротивъ, онъ здѣсь равный, даже близкій родственникъ императрицы: молодой и сильный, отъ избавляетъ ея полъ и преклонный возрастъ отъ усталости маленькаго путешествія, въ то время когда благо человечества, спокойствіе и счастье Швеціи, а главнымъ образомъ опасность, которая вообще угрожаетъ всему Сѣверу, если французы осуществлять дѣйствительно свое намѣреніе вторгнуться въ Сѣверную Германію, настоятельно требуютъ подобнаго свиданія. Вотъ, мой нѣжный другъ, нѣкоторыя размышленія, которыя я счелъ долгомъ повергнуть на усмотрѣніе короля и его королевскаго высочества. Самыя искреннія стремленія, наиболѣе чистая любовь къ моему государю и отечеству ими руководили. Я могу, конечно, ошибаться въ своихъ положеніяхъ, но никогда не раскаюсь въ нихъ. Возраженіе же, что король не можетъ прибыть сюда до тѣхъ поръ, пока обстоятельства дѣла не приняли миролюбиваго характера, падаетъ болѣе или менѣе само собою съ назначеніемъ императрицею посла къ королю. Что же касается до трактата, то послѣдній, разумѣется, здѣсь никогда не будетъ подписанъ, пока дѣло останется все въ томъ же положеніи. Трактатъ только тогда будетъ составлять согласно нашему желанію, если вопросъ о свиданіи или, по крайней мѣрѣ, нѣчто равнозначущее сему будетъ предварительно установлено и включено въ условіе.—Ты усмотришь изъ депеши моей къ великому канцлеру, которую я прошу тебя прочесть вѣстѣ съ прибавленіемъ къ ней, что я послалъ Штернвалля извѣстить генерала Клингспора о пріѣздѣ Будберга».

А затѣмъ въ особомъ прибавленіи къ депешѣ тотъ же Стедингъ пишетъ:

«Все, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ для тебя, мой милый другъ. Я не могъ свыкнуться съ мыслью, что послѣ многихъ огорченій и большихъ трудовъ ты потерпишь крушеніе у пристани. Подозрѣніе и недовѣріе столь укоренились въ императрицѣ, что при малѣйшемъ затрудненіи или препятствіи она уже думаетъ, что это дѣло твоихъ рукъ и результатъ твоей ненависти къ ней и къ Россіи. Къ сожалѣнію подобное положеніе дѣлъ можетъ продолжаться вплоть до лачнаго вашего съ ней знакомства. Но безъ этого, — не пользоваться тебѣ ни спокойствіемъ, ни тишиной во время твоего управленія. Тебя уважаютъ и любить всѣ лица съ тобой знакомыя. Посланникъ Марковъ, даже Зубовъ вернули свое расположеніе тебѣ и болѣе или менѣе твои друзья. Какъ же не покоришь ты послѣ того императрицу, у которой масса тафта и которая любитъ людей умныхъ и сердечныхъ. Я чувствую, что превысилъ власть, давъ (своеобразное) толкованіе дѣлу, но я былъ обязанъ такъ сдѣлать, дабы не испортить начатаго, не порвать переговоровъ и вновь не погрузиться въ лабиринтъ сомнѣній, горечи и замѣшательства, откуда мы старались выйти. Что въ особенности меня смущаетъ,—такъ

это намѣренія короля, о которыхъ ты вообще выражаешься неясно. Интересно знать, расположенъ ли онъ противъ императрицы, равно какъ противъ здѣшней страны и противъ брака своего съ великой княжной? Если это такъ, то снова скажутъ, что это дѣло твоихъ рукъ. Но, мой другъ, какая печальная будущность насъ тогда ожидаетъ? Безъ сомнѣнiя, императрица нѣжно любить короля: его молодость, обстоятельства, какими сопровождалась смерть его отца, съ которыми она въ послѣднее время его жизни помирилась отъ искренняго сердца, наконецъ, надежда, которую она лелѣяла давно, что юноша войдетъ въ ея семью, — все способствовало тому, чтобы вызвать и укрѣпить это чувство. Если же императрица узнаетъ, что она ошиблась, и что король не любитъ ее, вся дружба ея обратится въ ненависть и недоброжелательство къ намъ, и тогда не видѣть намъ больше покоя отъ этой страны. Нужно правду сказать: при стремленiи къ завоеванiю, отличающемъ русской кабинетъ, вся Финляндiя до Торнео очень пригодна Россiи. Однако, я надѣюсь, что красота великой княжны избавитъ насъ отъ такого несчастiя и дастъ нашему юному монарху правленiе спокойное и славное, ибо я увѣренъ, что мужество его не позволитъ ему подпасть подъ влiянiе здѣшняго двора, а внушитъ напротивъ воспользоваться преимуществами союза и родства съ нимъ, ради собственнаго достоинства и процвѣтанiя его государства. Если же тѣмъ не менѣе путешествiе короля не можетъ состояться до достиженiя совершеннолѣтiя, то въ вашихъ рукахъ есть еще одно зредство выйти изъ затрудненiя. Именно: просить короля написать нѣсколько словъ императрицѣ о желанiи его жениться на великой княжнѣ. Подобнымъ предложенiемъ онъ сравнялъ бы горы».

Новыя притязанiя шведскаго кабинета не нравились русскому двору, какъ это видно изъ депеши Стединга отъ 11 (22) iюля.

«Твое письмо, милый другъ, — писалъ онъ отъ 7-го iюля, — мнѣ было доставлено въ прошлый четвергъ 3 (14) iюля въ 9 часовъ вечера. Генералъ Клингспоръ прислалъ его съ офицеромъ по имени Люксандеръ (Luscander). Одновременно онъ сообщилъ мнѣ, что курьеръ барона Будберга г. Вилламовъ пробѣжалъ черезъ Гельсингфорсъ наканунѣ полученiя вашего письма съ эстафетой, и такимъ образомъ опередилъ нашего курьера на цѣлыя сутки. Послѣднему, чтобы не быть задержаннымъ въ дорогѣ, пришлось также предъавлять свой курьерскiй паспортъ, находившiйся при немъ на всякiй случай, почему самая инструкция, согласно которой пробѣгъ депеши долженъ остаться тайной одинаково для русскихъ какъ и для шведовъ, не могла быть присоединена къ письму. Это конечно не большое несчастiе, исправленное тотчасъ заявленiемъ графу Маркову, что съ этимъ курьеромъ вы извѣщали меня въ нѣсколькихъ словахъ объ отправкѣ г. Вилламова, сославшись на депешу, которой онъ былъ снабженъ на мое имя. Эту депешу я получалъ лишь на слѣ-

дующій день, въ пятницу, когда обѣдалъ на дачѣ у г. Маркова по его приглашенію. Пройдя со мной въ кабинетъ, онъ передалъ мнѣ твое письмо, извиняясь, что продержалъ его такъ долго. По его словамъ, онъ только что вернулся изъ Царскаго Села, куда г. Вилламовъ прибылъ наканунѣ. Такъ какъ г. Марковъ казался задумчивымъ, даже немного огорченнымъ въ разговорѣ со мной, то я выразилъ ему удивленіе подобному настроенію, несоотвѣтствовавшему, по моему мнѣнію, хорошимъ вѣстямъ, полученнымъ отъ тебя. Вмѣсто отвѣта онъ просилъ меня прочесть твое письмо, а затѣмъ обѣщалъ прочесть депешу барона Будберга; послѣ чего, сказалъ онъ, вы вѣроятно будете въ состояніи судить, имѣемъ ли мы право радоваться или нѣтъ. Чтеніе началось. Марковъ по прежнему хранилъ упорное молчаніе, выражая лицомъ своимъ смущеніе. Я же какъ можно болѣе старался показать удивленіе тому, что можно возразить противъ предложенія, сдѣланнаго королею императрицѣ. Но въ душѣ, былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что, судя по первой части моего чтенія, предложенія будутъ отвергнуты государыней. Изъ трехъ статей, ихъ составляющихъ, первыя двѣ вполне ясны, опредѣленны и по характеру своему могутъ и должны быть приняты. Исполненіе ихъ примиряло бы короля съ проектированнымъ путешествіемъ и дало бы ему возможность начать свое царствованіе актомъ первостепенной важности для его государства. Третья статья неопредѣленна и немыслима для осуществленія. Да избавить насъ Богъ, другъ мой, отъ разрыва съ Франціей и запрещенія судамъ выходить изъ гавани. Я вполне убѣжденъ, что мудрость короля и совѣта предупредить подобное несчастье; но, если бы оно случилось, было бы безполезно, даже невозможно надѣяться, по моему, что Россія или другая держава заплатитъ намъ убытки. Предположивъ даже, что мы потеряемъ лишь сто кораблей, — число это конечно не преувеличено, если принять во вниманіе обширность нашей торговли, — такое число составитъ по самой низкой оцѣнкѣ убытокъ въ нѣсколько милліоновъ риксдалеровъ. Къ совершенной невозможности быть вознагражденными въ такой суммѣ, прибавляется еще затрудненіе найти способъ оцѣнки, ибо, принимая въ расчетъ торговныя спекуляціи, общая оцѣнка достигла бы безконечныхъ цифръ, вслѣдствіе чего никогда бы не закончились и разсужденія на эту тему. Однако не такія основанія представляются здѣсь. Мнѣ говорятъ, что не сумма расхода заставляетъ императрицу отвергнуть предложеніе: тщеславіе ея не позволило бы сознаться въ этомъ. Вотъ что довольно ясно далъ мнѣ понять г. Марковъ, послѣ прочтенія мною твоего письма и депешы барона Будберга. Послѣдняя содержала въ себѣ почти то же самое, что и твое письмо. Именно: записка его тебѣ, вызванная медленностью отвѣта на письма императрицы, и съ просьбою назначить совѣщаніе; твоя бесѣда съ нимъ и наконецъ извлеченныя то-

бою изъ кармана бумаги съ помянутыми предложеніями короля. Отвѣтъ посла заключался въ томъ, что онъ принималъ все *ad referendum*, но что онъ ожидалъ гораздо большаго усердія съ нашей стороны въ принятіи дружественнаго приглашенія императрицы. Деша эта была предназначена для министерства и написана въ совершенно официальномъ тонѣ. Г. Марковъ прочелъ мнѣ затѣмъ нѣсколько выдержекъ изъ письма, которое посолъ писалъ ему лично. Въ немъ онъ ссылался на другое письмо, адресованное императрицѣ. Но что было особенно замѣчательнаго въ томъ, что было показано мнѣ, такъ это то, что среди условій, предъявленныхъ нашимъ правительствомъ, хотя и не вошедшихъ въ тѣ статьи, которыя служили основаніемъ несогласія короля свидѣться съ императрицей,—ты ему назвалъ и просилъ принять во вниманіе одно, заключавшееся въ томъ, что во время означеннаго свиданія не будетъ разговора о бракѣ короля, какъ о томъ, который разстроился, такъ равно и о томъ, котораго желаютъ здѣсь. Императрица, согласившаяся въ письмахъ къ королю и его королевскому высочеству соблюдать эту статью, не отнеслась съ особеннымъ удовольствіемъ къ возвращенію разговора на ту же тему, не настолькоъ пріятною ей, чтобы желать еще повторенія. Такъ выразился г. Марковъ. Но все это было лишь маленькой непріятностью въ сравненіи съ третьей статьей нашихъ требованій, о которой я упоминаю ниже. Императрица поручила г. Маркову сказать мнѣ, что она ясно видитъ, что пунктъ этотъ былъ нарочно изобрѣтенъ, чтобы воспрепятствовать какъ путешествію короля такъ и всѣмъ переговорамъ. Она бы еще согласилась на первую и вторую статью условій нашего двора, но третья своею неудобноисполнимостью дѣлаетъ немислимыми и другія двѣ. Въ виду этого императрица рѣшила приказать своему послу порвать всякіе переговоры, которые не приводятъ ни къ чему, и ограничить свои обязанности заявленіемъ королю при всякомъ удобномъ случаѣ вѣжной дружбы, каковую императрица питаетъ къ нему съ самаго его дѣтства и каковую она сохранять за нимъ на всю жизнь. Что же касается предположеннаго свиданія, то посолъ долженъ былъ его отклонить или, вѣрнѣе, прекратить разговоры о немъ до совершеннолѣтія короля. Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, чтобы скрыть отъ г. Маркова удивленіе и горечь, которыя причинили мнѣ его слова. Поступалъ же я такъ не потому, конечно, что въ свиданіи, прельщавшемъ меня лично, но неудавшемся или отложенномъ, по крайней мѣрѣ до совершеннолѣтія его величества, я видѣлъ несчастье для Швеціи. Мнѣ было, однако, ясно, что недоувѣріе, со всѣми его послѣдствіями, должно вновь появиться; что коварные замыслы, противные спокойствію Швеціи и добрымъ отношеніямъ съ здѣшней страной, опять возьмутъ верхъ; что, наконецъ, въ эпоху страшнаго кризиса, которую переживаютъ въ данный моментъ всѣ государства и правительства,

состояніе неопредѣленности и недоумѣнія менѣ всего подходятъ Швеціи среди другихъ странъ. Причина понятна: такое состояніе даетъ новую пищу духу партійности, который, увы, подкапывается подъ насъ въ настоящую минуту и, ограничиваясь пока коварными замыслами и интригами двора, можетъ окончательно погубить наше отечество, когда бы всему прибавятся еще ссоры съ особѣями сильными и ловкими. Я уже не говорю тебѣ, милый другъ, о моемъ горѣ, видя всѣ наши труды потерянными, а корабль послѣ наиболѣе тяжелаго, какое можно только себѣ вообразить, плаванія, — разбитымъ у пристани. Несмотря на подобныя чувства, волновавшія меня, я сдѣлалъ видъ, что вполнѣ успокоенъ насчетъ намѣреній императрицы, даже согласенъ съ нею, относительно отсрочки поѣздки короля до будущаго года, но, въ то же время, я настаивалъ на необходимости заключить теперь же предложенный прочный союзъ между обоими дворами.

— Какъ, — вскричалъ г. Марковъ, — развѣ вы находите это возможнымъ при нынѣшнемъ настроеніи императрицы, не противъ короля, конечно, котораго она по прежнему нѣжно любитъ, наравнѣ, а быть можетъ даже больше своихъ дѣтей, но противъ вашего правительства, которое она снова подозрѣваетъ въ желаніи отдѣлаться шутками и коварными предложеніями, тогда какъ въ дѣйствительности здѣсь преслѣдуются нынѣ цѣли.

Однимъ словомъ, сухой отказъ надѣлалъ бы меньше зла, чѣмъ этотъ. Изъ разговора съ г. Марковичемъ я узналъ, что императрица была снова и весьма сильно возбуждена противъ нашей политики и противъ лицъ, руководившихъ послѣдней. Она предполагаетъ даже, что пріѣздъ курьера изъ Парижа въ Стокгольмъ и медленность въ отъѣздѣ барона Сталя изъ Парижа имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя, какъ кажется ей, мы воздвигаемъ. Г. Марковъ показался мнѣ далеко не раздѣляющимъ такіа чувства императрицы. Онъ намъ болѣе ютдалъ справедливости. Рассуждая довольно основательно о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи, онъ одобрялъ тѣ мотивы, которые заставляли насъ, по моему мнѣнію, беречь эту державу и оставить барона Сталя въ Парижѣ, такъ какъ онъ болѣе чѣмъ кто либо могъ предотвратить всякое столкновеніе съ названной державой. Но насколько г. Марковъ показался мнѣ основательнымъ и хорошо настроеннымъ въ (нашу пользу), настолько императрица своими намѣреніями доказывала противное. Она ожидала, — сказалъ мнѣ г. Марковъ, — что послѣ явныхъ поступковъ съ ея стороны, имѣвшихъ цѣлью сближеніе съ нами, мы выкажемъ относительно ея вѣжливость и немножко рыцарства, которыя столь пріятны женщинамъ вообще и императрицѣ въ особенности. Король и его королевское высочество, сложивши оружіе, которое они готовы были обнажить для заключенія

*

ссоры, и прибѣгая къ императрицѣ, чтобы лично обусловить прочный миръ и добрый союзъ, добились бы исполненія всѣхъ пунктовъ, столь желаемыхъ ими. Императрица показала бы примѣръ великодушія и не дала бы себя превзойти съ этой стороны. Но, вмѣсто того ей кажется, что мы пришли торговаться, пользуясь какъ обстоятельствами, такъ равно и громаднымъ желаніемъ ея познакомиться лично съ королемъ. Чтобы еще болѣе доказать г. Маркову, насколько императрица ошибалась, я взялъ ваше письмо ко мнѣ и перевелъ нѣсколько мѣстъ изъ него, которыя блистательно опровергали только что приведенные имъ доводы. Въ отвѣтъ на это онъ мнѣ сказалъ, что ужасно огорченъ оборотомъ дѣла, но что я, вѣроятно, слишкомъ хорошо знаю императрицу, чтобы допустить возможность съ ея стороны взмѣнить однажды принятому рѣшенію. Лично онъ, употребивъ тщетно все свое краснорѣчіе, больше ничего не въ состояніи сдѣлать и предоставляетъ мнѣ вновь самому попытаться завязать переговоры, которые къ большому сожалѣнію не удалась подъ его руководствомъ.

Хорошенько подумавъ, я рѣшилъ воспользоваться однимъ выраженіемъ, которое къ счастью встрѣчается въ твоёмъ письмѣ. Въ третьемъ параграфѣ предложеній короля, ты говоришь: въ случаѣ, если французы положатъ запрещеніе на наши суда и повредятъ нашей торговлѣ, императрица обязывается заплатить намъ убытки (что я было камнемъ преткновенія), или предупредить несчастье вліаніемъ своимъ на другія правительства и державы. Я обратилъ вниманіе г. Маркова на этотъ параграфъ и перевелъ его въ такомъ духѣ, что выборъ одного изъ двухъ пунктовъ сталъ еще опредѣленнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ названный параграфъ, утрачивая все, что было обиднаго для императрицы, представлялъ, напротивъ, явную противоположность тому, что заключалось въ депешѣ ея посланника. Оставался затѣмъ щекотливый вопросъ о субсидіи, которую мы теряемъ во Франціи, сближаясь съ Россіей, и которую король желалъ бы получить отъ императрицы. Но я тутъ, пока сохраняются враждебныя отношенія между Россіей и Франціей, существующія въ настоящее время, королю нельзя будетъ получить субсидію отъ двухъ державъ разомъ, и въ то время какъ онъ воспользуется одной, другая ему непремѣнно откажетъ. Въ виду сего его величество понесетъ значительный убытокъ только въ томъ случаѣ, если субсидія, которую онъ отвергнетъ, окажется превышающей другую, имъ принятую. Но ты можешь быть вполне увѣренъ, мой достойный другъ, что ежели даже императрица назначитъ намъ прибавку противъ того, что постановлено дроттингольскимъ трактатомъ, то она сдѣлаетъ это исключительно изъ личнаго расположенія къ королю, а никоимъ образомъ не во вниманіе къ тому, что мы теряемъ съ Франціей и что въ ея глазахъ заключаетъ въ себѣ одну изъ причинъ ея неудовольствій къ

намъ. По этому поводу я не могу не повторить того, что уже говорилъ не-разъ, а именно: что большое неучастіе, на мой взглядъ, для государства чувствовать необходимость въ субсидіяхъ, равно какъ брать ихъ. Такъ это или иначе, но я убѣжденъ, что Швеція и даже наше правительство были бы гораздо богаче, если бы обошлись безъ всякой помощи. Ты, разумѣется, понимаешь, что я не сообщалъ подобныхъ соображеній г. Маркову, — но, послѣ долгихъ разговоровъ на тему: что слѣдуетъ теперь намъ дѣлать, мы рѣшили, что, воспользовавшись побѣдкой въ Царское Село, по случаю крестинъ новорожденнаго великаго князя ¹⁾, онъ попроситъ отъ моего имени аудіенціа у князя Зубова.

Вмѣсто отвѣта я получилъ приглашеніе князя обѣдать у него въ прошлый понедѣльникъ. Приѣхавъ я засталъ у него г. Маркова. Пройдя со мною въ кабинетъ князь повторилъ мнѣ приблизительно то же самое, что сказалъ г. Марковъ. Онъ распространялся лишь относительно выраженій, которыя послѣдній употребилъ, чтобы выразить степень участія и дружбу, отличавшія императрицу. Ея величество совсѣмъ не сожалѣетъ о поступкахъ, совершенныхъ ею съ цѣлью показать, что она не чувствуетъ злобы къ нашему правительству за его неласковое обхожденіе съ нею въ прошломъ, но объясняетъ странное предложеніе ей сдѣланное желаніемъ вывернуться и выиграть время. Она рѣшила прекратить бесполезные переговоры и ждать совершеннолѣтія короля. На ее взглядъ было бы, разумѣется, большимъ несчастіемъ, если послѣ того, что произошло, чувства, которыя она надѣялась ему внушить съ момента вступленія его на престолъ, измѣнились бы настолько, что онъ забылъ всю нѣжность ее къ нему. Однако только въ послѣднемъ случаѣ она согласилась бы послушаться совѣта, внушаемаго ей политикой и интересами государства. Впрочемъ, князь Зубовъ былъ крайне учтивъ и благопріостоенъ. Тонъ его (рѣчи) сильно смягчился сравнительно съ тѣмъ, что было три мѣсяца назадъ въ послѣдней моей бесѣдѣ съ нимъ. Я увидѣлъ ясно, что онъ былъ очень радъ принять вновь участіе въ нашемъ дѣлѣ. Я не буду, однако, надѣяться тебѣ, дорогой мой Рейтергольмъ, повтореніемъ тѣхъ возраженій, которыя я противопоставилъ доводамъ князя Зубова: основанныя на разумности и дружбѣ, они могли лишь выйти побѣдоносными. Наконецъ, послѣ часоваго разговора князь пригласилъ г. Маркова и просилъ его написать яѣчто въ родѣ памятной записки, или письма, какъ мнѣ больше нравится, которую онъ былъ бы въ состояніи представить императрицѣ и въ которой заключалось бы данное мною объясненіе параграфа третьяго, обсужденнаго съ нимъ и съ г. Марковымъ. Конечно я въ тысячу разъ предпочелъ бы не давать письменнаго объясненія, предоставивъ (моимъ собесѣдникамъ) доволь-

¹⁾ Николай Павловича, род. 26 іюня 1796 года.

ствоваться словеснымъ, тѣмъ болѣе, что я не чувствовалъ себя достаточно уполномоченнымъ на подобный шагъ. Но отступить теперь, когда дѣла зашли такъ далеко, значило бы показывать слабость и недостатокъ довѣрія. Вотъ еще соображеніе, которое меня въ этомъ убѣдило. Означенный параграфъ только въ такомъ случаѣ долженъ быть приведенъ въ исполненіе, если мы поссоримся съ Франціей; но этому пока я не видѣлъ еще повода. Я нахожу даже особенно легкимъ предупредить подобную ссору. Но если бы она и произошла, то императрица мало того, что обязывается вознаграждать насъ за убытки, причиняемые Франціей, но сверхъ того, обѣщается еще,—актъ особенно важный для Швеціи,—дать это вознагражденіе изъ собственныхъ своихъ средствъ. Впрочемъ, она этого не желаетъ и никогда не сдѣлаетъ, несмотря на всякія обѣщанія. Однако, не впервые подвергаться мнѣ явной опасности, ради службы моему государю и отечеству. Успѣхъ, конечно, можетъ совсѣмъ не отвѣчать моимъ желаніямъ, но сердце мое послѣднія оправдываетъ, и я предаюсь волѣ судьбы и своего короля.

Поговоривъ еще довольно долго и поспоривъ насчетъ того, въ какомъ родѣ должна быть составлена помянутая записка, г. Марковъ взялся составить ее еще сегодня ночью (было 12 ч.) и привести мнѣ ее на другой день утромъ на мою дачу, въ 25 верстахъ отъ Царскаго. Сказано — сдѣлано; г. Марковъ пріѣхалъ ко мнѣ около 11 ч. вмѣстѣ съ рукописью, копію съ которой я тебѣ посылаю. Однако, содержаніе ея было совсѣмъ не то, какое я желалъ. Мы много спорили и въ концѣ концовъ сошлись на томъ, что завтра утромъ я отошлю ему статью для передачи князю, съ тѣми измѣненіями, которыя я найду нужнымъ сдѣлать. Чтобъ доказать мнѣ свое безграничное довѣріе (какъ онъ говорилъ), онъ показалъ, подъ условіемъ величайшаго секрета, письмо, написанное императрицей собственноручно барону Будбергу, которое она просила его отправить самое позднее въ четвергъ, т. е. вчера 10 (21) іюля. Составлено же оно было въ прошлую пятницу 4 (15) іюля, на другой день послѣ пріѣзда Вилламова. Нѣтъ сомнѣнія, что письмо написано было въ первую минуту гнѣва. На восьми страницахъ заключались всевозможныя отгѣнки вѣжностей для короля и равнообразившія замѣчанія относительно того, что государыня называла западной, поставленной ей нашимъ кабинетомъ. Въ заключеніе она думала, что вы перемѣнили ваши чувства относительно ея, но, получивъ черезъ посредство Будберга ваши коварныя предложенія, она видитъ, что ошиблась. Затѣмъ слѣдовали приказанія бездѣйствовать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нужно было содѣйствовать дружбѣ короля къ императрицѣ; излагались нѣкоторыя соображенія по поводу того критическаго положенія, въ которомъ находилась она относительно Швеціи, ея нетерпѣніе и убѣжденіе въ томъ, что не-

обходимо бы было съ этой стороны совѣтъ покончить дѣло; наконецъ, государыня выражала свое удовольствіе послу за образъ дѣйствій его, при чемъ тонъ всего письма свидѣтельствовалъ, что она питала много довѣрія къ нему и желала ему добра. За этимъ письмомъ слѣдовало первое прибавленіе отъ 5 (16) числа, почти въ томъ же тонѣ, однако чуть-чуть мягче. Второе прибавленіе было написано утромъ того дня, когда г. Марковъ находился у меня, т. е. во вторникъ. Въ немъ императрица заявляла, что письмо, которое ты мнѣ писалъ, объясняло третій параграфъ требованій нашего правительства, не вошедшій однако въ депешу посланника, но составлявшій часть тѣхъ возмутительныхъ (притязаній), которыми эта статья была снабжена. Конечно она соглашалась на 1 и 2 параграфы, но судя по тому, какое толкованіе дамъ я третьему параграфу, она прикажетъ объявить г. Будбергу, принимаетъ ли она также этотъ пунктъ, или нѣтъ. Она присовокупила, что посылаетъ впрочемъ ему это письмо прежде всего въ отвѣтъ на его обращеніе къ ней, дабы показать какое впечатлѣніе произвело послѣднее на нее, разсчитывая притомъ на осторожность его и умѣніе воспользоваться этимъ письмомъ. Все это вышестъ заключалось на 12 страницахъ ея почерка. То, что мнѣ предстояло совершить, было ужасно непріятно.

Меня особенно смущала мысль, что быть можетъ этотъ щекотливый параграфъ былъ здѣсь поставленъ нарочно, чтобы, вызвавъ отказъ русскаго правительства, имѣть такимъ образомъ предлогъ отказать и императрицѣ въ ея предложеніи. Впрочемъ, если бы это было такъ, развѣ ты это скрылъ бы отъ меня, развѣ твое письмо могло бы утаить выраженіе довольства при мысли о подобной поѣздѣ? Въ концѣ концовъ мое письмо къ князю было написано такъ, какъ оно изложено здѣсь въ копіи ¹⁾. Я хотѣлъ непременно въ него включить и даже вклю-

¹⁾ „Чтобъ окончательно устранить сомнѣнія,—писалъ Стедиягъ Зубову 8 іюля,—которыя вы высказали мнѣ при вчерашнемъ со мною объясненіи, я не колеблясь повторить вамъ теперь, что король, мой повелитель, раздѣляя желаніе ея императорскаго величества познакомиться съ нею лично, хотѣлъ бы предупредить сдѣланное ею дружественное приглашеніе, пріѣхать сюда еще въ теченіе лѣтняго сезона. Послѣднее, онъ, однако, не обставляетъ никакими условіями, если не почувствуетъ необходимости въ нихъ, принявъ во вниманіе завѣщаніе покойнаго блаженной памяти короля, нарушеніе котораго должно быть оправдано соображеніями высшаго порядка. Таковыми безъ сомнѣнія будутъ три статьи, предложенныя нашимъ дворомъ и которыя послужатъ основаніемъ для возобновленнаго союзу между двумя государствами. Первые двѣ статьи, а именно: установленіе границъ между обѣими державами и уплата поставленнаго дроттангольмскимъ трактатомъ субсидій, не представляютъ, какъ кажется, согласно выраженнымъ уже соображеніямъ, какихъ-либо серьезныхъ затрудненій. Что же касается до третьей статьи, рассматривающей вознагражденіе, которое Швеція желаетъ себѣ обезпечить за всѣ убытки и потери, которыя вслѣдствіе союзу съ Россіей мо-

чить при первомъ письмѣ, адресованномъ г. Маркову, что установленіе границъ будетъ сдѣлано въ пользу Швеціи. Но сначала князь Зубовъ, а потомъ г. Марковъ изустно и письменно мнѣ замѣтили, что императрица уже согласилась на эту статью въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ твоёмъ объясненіи посланнику. Въ виду сего необходимо было избѣжать такого оборота рѣчи, который напомнилъ бы императрицѣ другой, встрѣчающійся въ трактатѣ между Франціей и несчастнымъ королемъ сардинскимъ. Одно это обстоятельство могло заставить императрицу не соглашаться съ выраженіемъ и побудить разсмотрѣть и отвергнуть самую статью. Поэтому, дабы понравиться г. Маркову, я сохранилъ изъ его проекта все, что могъ, и даже ошибки стили. Этотъ министръ увѣдомилъ меня отъ имени императрицы, что если свиданіе состоится, то королю будетъ предоставлено руководить всѣмъ тѣмъ, что касается послѣдняго. Былъ даже разговоръ о помѣщеніи, которое займетъ король. Я предложилъ свой домъ, который разумѣется не столь хорошо устроенъ, чтобы принять великаго государя, но боги снизойдутъ къ Фелимону и сердце додѣлаетъ остальное. О, какъ обрадуется оно принять своего монарха, своего благодѣтеля и друга. — Да будетъ такъ. На все воля Божья!»

Баронъ Н. В. Дризенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

жетъ нанести ей Франція, то эта статья должна быть понята не иначе, какъ предположеніемъ, что ея императорское величество обязана доставить Швеціи, самыми дѣйствительными способами, всякое удовлетвореніе и вознагражденіе, котораго эта послѣдняя въ правѣ будетъ требовать отъ Франціи. Эти три пункта требованій моего двора настолько важны для него, что онъ не можетъ не настаивать на нихъ прежде всего, и настолько основательны, что, можно надѣяться, будутъ приняты безъ всякаго возраженія. Итакъ, я надѣюсь, князь, что объясненіями, которыя я имѣлъ честь дать вамъ, устранятся всѣ препятствія, и что наконецъ оба мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть возобновленіе близкаго союза нашихъ августѣйшихъ государей и сердечной ихъ дружбы, которая вытекаетъ изъ существующихъ между ними родственныхъ связей и изъ ихъ взаимнаго расположенія. Имѣю честь быть и проч.⁶

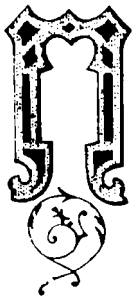

Записки Михаила Чайковского ¹⁾.

(Мехмед-Садыкъ паша).

XII.

Хрусциковский. — Бѣгство Тадеуша Валевскаго. — Вступленіе на Волынь генерала Дверницкаго и его отступленіе. — Холера. — Восстаніе на Украйнѣ. — Подольское восстаніе генерала Колюско. — Крестьяне въ Гальчинцѣ; выхождъ изъ дому.

Нослѣ контрактовъ всѣ возвратились домой и попрежнему пребывали въ невѣдѣніи и ожиданіи, какъ вдругъ съ первымъ таяніемъ снѣговъ пронеслась по Волыни вѣсть, что сюда прибылъ маіоръ Хрусциковский, первый и, можетъ быть, единственный агентъ, присланный изъ Царства Польскаго и, какъ увѣрили, уполномоченный ржондомъ и привезшій отъ него воззваніе. О немъ много слышали, говорили, но нельзя было никого найти, кто бы его видѣлъ, разговаривалъ съ нимъ и могъ бы сказать—человѣкъ это или мвѣъ. Насъ увѣрили, что Тадеушъ Валевскій увезъ его въ Мивочъ и будто бы тамъ, въ старинномъ погребѣ покойнаго генерала Карвицкаго, они разсуждаютъ о добрыхъ старыхъ временахъ Польши, когда тамъ водилось еще такое токайское, какого не пили ни Гогенцоллерны, ни Габсбурги, ни саксонцы, которые научили поляковъ пьянствовать, такъ какъ они не могли посулить имъ ничего иного, чтобы оторвать ихъ отъ славянства и вѣрнѣе онѣмечить. Нѣмцы, какъ жады, дерутся иной разъ между собой, какъ собаки за кость, до

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1896 года.

остервенѣнія, но едва завидать славянину, какъ накидываются на него кто съ чѣмъ можетъ: одинъ спаиваетъ его виномъ и пивомъ, другой отуманиваетъ его философiей, третiй обманываетъ его самъ и научаетъ измѣнѣ, а когда бѣднягу-славянина собьютъ съ толку, опутаютъ и загоняютъ въ волчью яму, тогда начинаютъ его мучить, пока не замучаютъ до смерти. Натравить два родственныя племя другъ на друга, заставить одно изъ нихъ угнетать другое—чтобы тамъ ни говорили—было дѣломъ нѣмцевъ, а мы поддавались ихъ совѣтамъ, довѣряли имъ самыя сокровенныя наши мысли и полагались на нѣмецкую дружбу и доброжелательство. Можетъ быть объ этомъ разсуждали и совѣщались эти два государственныхъ мужа, но все это осталось тайною, столь же глубокою, какъ глубока была Мизочскiй погребъ, который они, вѣроятно, не осушили до дна, ибо на днѣ его, видимо, не обрѣли истины, такъ какъ объ этомъ намъ не было объявлено ни словесно, ни письменно.

О Хрущиковскомъ все еще говорили, какъ о какомъ-то оборотнѣ, когда пришла вѣсть о сраженiи подъ Гроховомъ, а Игнатiй Струмило сталъ вездѣ разсказывать, что будетъ царствовать Янъ IV, который будетъ умнѣе Третьяго, потому что четыре это не три, и приводилъ доказательство этому изъ карточной игры. Но лучше всего въ этихъ извѣстiяхъ было то, что Хлопицкiй вернулся къ зеленому столу и не будетъ болѣе мѣшаться въ военныя дѣла. Въ Юго-Западномъ краѣ радовались этимъ извѣстiямъ, но въ то время, когда они дошли до насъ, Хрущиковскiй куда-то исчезъ, и о немъ не было ни слуха ни духа, а когда пришла вѣсть о побѣдахъ генерала Дверницкаго подъ Стоцкомъ и о томъ, что ему приказано отправиться на покаянiе въ Кiевъ, въ распоряженiе фельдмаршала Сакена, и когда еще стали утверждать, что Дверницкiй движется на Волынь, то исчезъ и Тадеушъ Валевскiй, и Волынь осталась безъ начальника, даже номинальнаго.

Говорятъ, что, узнавъ изъ достовѣрныхъ источниковъ о движенiи Дверницкаго на Волынь и о томъ, что возстанiе должно вспыхнуть, Валевскiй такъ перепугался, что не могъ ни ѣсть, ни спать и на всѣ вопросы окружающихъ отвѣчалъ: «оставьте меня въ покоѣ! Что я буду дѣлать съ этимъ начальствованiемъ, если и ничего не понимаю, и не знаю, что предпринять. Наконецъ, я не хочу быть начальникомъ и не буду: у меня слабыя нервы, меня такъ воспитали, что же мнѣ теперь дѣлать? Я въ этомъ совсѣмъ не виноватъ!».

Все это были доводы очень убѣдительныя, даже логичныя, но только надо было ихъ взвѣсить и изложить до принятiя на себя званiя начальника. Были и такiе господа, которые хотѣли свалить всю вину на Пиотровскихъ, говоря, что они изъ личныхъ расчетовъ нарядили зайца

въ лъвиную шкуру, какъ будто эта шкура могла вдохнуть лъвиную отвагу въ заячье сердце.

Я очень мало зналъ Тадеуша Валевскаго, встрѣчалъ его нѣсколько разъ въ обществѣ, но отъ него такъ и вѣяло духомъ легкомыслия и фанфаронства въ разговорѣ, обхожденіи и во всякомъ поступкѣ, и я просилъ Яна Омецинскаго не знакомить меня съ нимъ, а когда все-таки пришлось познакомиться, то меня болѣе всего поражало то, что лучшіе представители нашей молодежи окружили его ореоломъ твердости, и что такая женщина и патриотка, какъ Анна Карвицкая, выбрала его себѣ въ мужа.

Валевскій возвратился въ Мизочъ, тѣмъ не менѣе его сторону держали многіе помѣщики. Доколѣ поляки, подобные ему, будутъ пользоваться популярностью среди своихъ соотечественниковъ, до тѣхъ поръ будетъ страдать польское дѣло.

Викентій Тышкевичъ не пошелъ путемъ Валевскаго, а занялся, какъ могъ, организаціей приготовленій. Ни у него, ни у его замѣстителей и помощниковъ не было недостатка въ усердіи и добрыхъ намѣреніяхъ. Не имѣя возможности ни разыскать Хрусциковскаго, ни сговориться съ Валевскимъ, котораго уже не было на Волыни, онъ послалъ Іосифа Томашевскаго прямо къ генералу Дверницкому.

Только теперь русское правительство стало болѣе обращать вниманія на помѣщиковъ; правда, не было ни преслѣдованій, ни притѣсненій, но полиція слѣдила за всѣми движеніями поляковъ; однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были произведены аресты, но такъ мало значащіе, что не знали, приписывать ли ихъ политическимъ причинамъ, или нарушеніямъ карантинныхъ правилъ, такъ какъ холера уже появилась и сильно свирѣпствовала.

При такихъ обстоятельствахъ Іосифъ Томашевскій сѣзидилъ къ генералу Дверницкому и возвратился отъ него вмѣстѣ съ молодымъ Моржковскимъ, который находился при генералѣ Дверницкомъ со времени его перехода черезъ Бугъ до перехода черезъ галицкую границу.

Дверницкій перешелъ Бугъ во главѣ десяти эскадроновъ конныхъ егерей, восьми эскадроновъ уланъ и двухъ эскадроновъ кракусовъ Костюшки и Понятовскаго, четырехъ батальоновъ пѣхоты, подъ командой Петра Высоцкаго, которому приписывали нападеніе на бельведерскій дворецъ и начало всего возстанія, — и шести артиллерійскихъ орудій. Кавалерія Дверницкаго состояла изъ отставныхъ солдатъ, вновь призванныхъ на службу, изъ которыхъ были сформированы 5-й и 6-й эскадроны каждаго полка и которымъ были даны отборныя лошади. Офицеры также были избраны самые лучшіе. Эта кавалерія представляла боевую силу въ 3.000 человекъ. Съ ней можно было пройти вдоль и поперекъ весь свѣтъ, сражаясь и побѣждая, нужна была только добрая воля, а въ военныхъ

талантахъ у Дверницкаго не было недостатка. Едва онъ перешелъ Бугъ, какъ съ быстротою молніи напалъ на карпопольскихъ драгунъ, конми командовалъ генераль Эмме, и разбилъ ихъ; здѣсь-то и перешелъ въ ряды польскаго войска штабъ-ротмистръ Пезянкъ, бѣлоруссъ по происхожденію, сообщившій Дверницкому весьма важныя данныя о передвиженіяхъ и расположеніи русскихъ войскъ.

Тотчасъ послѣ Порыцкой побѣды, пріѣхавъ въ польскій лагерь молодой Моржковскій, съ достовѣрными донесеніями Дверницкому о томъ, что генераль Ридигеръ стягиваетъ свои войска къ Дубну, но что отдѣльные отряды такъ разсыяны, что, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, требуется, по крайней мѣрѣ, восемь дней, чтобы ихъ сосредоточить; что возстаніе Олизара уже подготовлено въ лѣсахъ Ковельскихъ и ждутъ только приказа генерала собираться во Владиміръ.

Моржковскій привезъ также Дверницкому проектъ, выработанный Нарцизомъ Олизаромъ и его такъ-называемыми «сibarитами», который состоялъ въ томъ, чтобы генераль двинулся въ Ковельскіе лѣса, гдѣ его войско усилится новыми повстанцами и гдѣ онъ найдетъ все нужное для прокормленія и содержанія войска, а перейдя оттуда черезъ Пинскія болота, онъ будетъ имѣть открытый путь для дѣйствій на Украинѣ; что генераль будетъ имѣть возможность собрать тамъ стотысячное войско и дѣйствовать оттуда, какъ изъ укрѣпленнаго лагеря. Этотъ проектъ, который, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказывался довольно практичнымъ, былъ выработанъ или самимъ Олизаромъ, или Феликсомъ Тржецякомъ, альфой и омегой стратегическихъ плановъ котораго были дѣйствія надъ Припетью, въ мозырскихъ и овручскихъ пущахъ. Онъ утверждалъ, что только тамъ небольшое войско можетъ противостоять сильнѣйшему неприятелю и организоваться само въ многочисленную армію, обучить своихъ солдатъ и запастись всякими припасами, не заботясь о противникахъ. Острова на болотахъ, обильныя ивами и сѣнокосами, доступъ къ которымъ можетъ быть прегражденъ вынудіемъ нѣсколькихъ бревенъ изъ плотинъ на этихъ болотахъ, представляютъ естественныя бастионы и крѣпости, а весь лѣсъ—укрѣпленный лагерь. Кто бы ни былъ авторомъ этого проекта, но онъ, во всякомъ случаѣ, служитъ доказательствомъ, что Нарцизъ Олизаръ со своимъ сибаритствомъ, стоилъ во сто разъ болѣе, чѣмъ Тадеушъ Валевскій со своей солидностью.

Зная выдающіяся военныя дарованія генерала Дверницкаго, вельзя допустить, чтобы онъ не помялъ всей важности и практичности этого проекта. Но, къ несчастію, въ военной кассѣ генерала было, какъ намъ передавали, такъ же пусто, какъ и въ его личной кассѣ, а генераль не хотѣлъ сознаться въ этомъ и покаяться, что совершилъ грѣхъ, растративъ общественныя деньги, не дошедши и до Буга; онъ давно

уже возилъ съ собою пустые сундуки, выкрашенные въ зеленый цвѣтъ, въ надеждѣ, что они снова наполнятся, и держался надменно, забывая, что не такъ виноватъ тотъ, кто совершилъ проступокъ, какъ тотъ, кто не хочетъ сознаться въ своемъ проступкѣ, потому что этимъ онъ впадаетъ въ новый грѣхъ.

Михаилъ Чапкій, назначенный начальникомъ двухъ повѣтовъ—Дубенскаго и Кременецкаго, но не вступившій въ исполненіе своихъ обязанностей, собралъ нѣсколько десятковъ помѣщиковъ, болѣе привычныхъ къ выпивкѣ, чѣмъ къ военному дѣлу, и пригласилъ Дверницкаго въ Боремль. Генералъ, помня старинную польскую пословицу, что гость, какъ свѣжая рыба, три дня хорошъ, а потомъ портится, рѣшилъ прогостить въ Боремль три дня, и, несмотря на постоянныя донесенія, что русскія войска стягиваются и что, двинувшись впередъ, онъ могъ бы разбить каждый отрядъ отдѣльно, остался на мѣстѣ и вслѣдствіе того былъ вытѣсненъ изъ Боремля, а затѣмъ и изъ Волыни. Но какъ было не остаться, когда тамъ такъ хорошо кормили: въ первый день предполагался борщъ и жаркое по-гусарски; во второй—супъ съ крупами изъ полотковъ, крупникъ изъ просо и жареная индюшка подъ соусомъ, а на третій—кислые щи изъ свиной грудники и сочни съ сыромъ и сметаной. Какъ-же тутъ было не остаться!

Два дня прошли спокойно; ѣли и пили въ замкѣ, какъ у Христа за пазухой, но на третій день пѣхота Петра Высоцкаго была отброшена съ праваго на лѣвый берегъ Стири, а русская артиллерія открыла такой огонь, что ядра стали попадать въ замокъ въ то время, когда въ столовой еще хрустѣли косточки отъ грудники, и гости не успѣли оттереть усы отъ сочной со сметаной.

Польскіе кавалеристы вскочили на коней; Дверницкій сталъ во главѣ ихъ. Не было уже ни времени, ни мѣста строятся въ боевой порядокъ, потому что русскіе наступали все сильнѣе и сильнѣе. Дверницкій водалъ въ атаку дивизионъ за дивизиономъ, опрокинулъ драгунъ и гусаръ, но не могъ сломить оранскихъ гусаръ, хотя они были вооружены одними саблями; онъ перемѣнилъ шесть лошадей и до поздней ночи сдерживалъ напоръ русскихъ. Когда наступила ночь и его никто уже не преслѣдовалъ, онъ спокойно отступилъ къ Почаеву.

Если бы при такой отвагѣ и способностяхъ онъ обладалъ благоразуміемъ и отнесся къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно, то не только бы могъ завладѣть орудіями, но и былъ бы избавителемъ отчизны.

Быстрыми переходами двинулся генералъ Дверницкій со своей храброй конницей въ Галицію, хотя никто, даже донцы генерала Ридгера не гнались за нимъ. Измученные польскіе солдаты заѣзжали въ встрѣчавшіеся дворы, чтобы утолить голодъ и отдохнуть, и нигдѣ ихъ

не беспокоили, развѣ какой-нибудь шляхтичъ, боясь, чтобы они не осушили до дна его погреба, шепнетъ имъ на ухо, что ему дали знать о приближеніи донцовъ, а за ними огромнаго войска, вѣроятно имѣющаго цѣлью отрѣзать ихъ отъ границы.

Разъ или два удалось такимъ образомъ выпроводить гостей, но потомъ повстанцы, въ отвѣтъ на подобныя сообщенія, только покручивали усы и говорили:

— Пускай идутъ! А ну-ка, хозяинъ, давай вина да водки; вотъ увидишь, какъ мы имъ зададимъ!

Шляхтичъ попадалъ въ свою собственную западню и долженъ былъ дѣлать довольный видъ, чтобы не поплатиться чубомъ, такъ какъ уланы и егеря были молодцы на расправу; старое польское войско научилось этому подъ командой цесаревича, а молодое войско—красусы, всякому измѣннику и шпиону не задумалось бы накинуть петлю на шею и задернуть его на висѣлицу.

Это отступленіе въ Галицію походило на масляничное катанье и потому не вызвало неудовольствія, и самого генерала, по польскому обыкновенію, ни въ чемъ не обвиняли. Не остановились даже въ Почаевѣ и не зашли въ костелъ поклониться святыни, хотя польскій солдатъ и очень набоженъ, но вѣдь это была Почаевская Божья Матерь, а не Ченстоховская, русская святыня, а не польская, поэтому солдаты въ Почаевѣ и не остановились, а спѣшили далѣе.

Генералу Дверницкому было очень прискорбно, что армія генерала Радигера его не преслѣдовала; онъ боялся, чтобы про него не сказали: «У страха глаза велики; бѣжали, когда за ними никто не гнался, такъ вѣдь и заяцъ не дѣлаетъ». Но, какъ самъ Дверницкій говорилъ, Богъ покровительствовалъ ему и всегда посылалъ то, на что онъ и не надѣялся. Такъ случилось и теперь. Генералъ Ротъ выступилъ со всѣмъ своимъ корпусомъ изъ Подолія. Уже изъ Сабинець, гдѣ генералъ въ послѣдній разъ завтракалъ на волынской землѣ у Эдуарда Петриковскаго, можно было видѣть отряды казаковъ и уланъ генерала Рота, а за ними пѣхоту и артиллерію.

Генералъ Дверницкій вскочилъ на коня и построилъ свое войско въ боевой порядокъ, раставивъ его длинной линіей вдоль границы, а зеленые ящики съ кассой выставилъ, какъ-будто артиллерійскій паркъ, на лѣвомъ крылѣ, за мостикомъ и плотиною, на мысѣ, между болотами; мостикъ онъ велѣлъ уничтожить, а плотину испортить, чтобы русскіе не зашли въ тылъ черезъ Галицію.

Дверницкій велѣлъ открыть огонь изъ орудій, чтобы вынудить Рота въ отвѣтъ и наступленію, которое заставило бы поляковъ перейти австрійскую границу. Но генералъ Ротъ и не отстрѣливался изъ пушекъ и не двигался впередъ къ австрійской границѣ, а какъ будто на зло

оставался на волынской территории; русское войско отдыхало, а разъезды были посланы во все стороны.

Дверницкий был не спокоен и все развѣзжалъ передъ фронтомъ войска, вполне готоваго къ сраженію. Іосифъ Томашевскій и молодой Моржковскій были при немъ. Генералъ замѣтилъ, что русскіе слѣпцы, такъ какъ оставляютъ въ покоѣ кассу, не интересуясь даже узнать, что это за ящики. Полчаса спустя увидѣли кучку донцовъ, обѣгущихъ къ ящикамъ съ кассой. Дверницкій смотрѣлъ въ ту сторону, не спуская глазъ, и не могъ скрыть своей радости.

— Слава Богу! Честь спасена!

Онъ повернулъ коня и, увидѣвъ русскіе разъезды, направлявшіеся къ правому крылу, указалъ на нихъ, посоветывался съ окружающими и сказалъ:

— Ясно, что насъ обходятъ и хотятъ вступить въ Галицію, а тутъ еще мнѣ доносятъ, что Ридигеръ двигается на насъ со всей арміей. Но надо рано встать, чтобы застать насъ врасплохъ!

Затѣмъ онъ приказалъ отступить на австрійскую территорию, и волынская экспедиція Дверницкаго окончилась.

Уже въ Галиціи, Томашевскій, спросивъ генерала, какія приказанія передастъ онъ чрезъ него на Украину и Подолію, получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Пускай возстаютъ, пускай сражаются. Только бы мнѣ раздѣлаться съ австрійцами, а тамъ, Богъ дастъ, перейду со всѣми моими войскомъ въ Подолію, около Каменца. Я не буду терять времени, и вы не теряйте!

Съ такимъ отвѣтомъ уѣхалъ Іосифъ Томашевскій.

Нельзя было сдѣлать больше и важнѣе ошибокъ военныхъ и политическихъ, чѣмъ сдѣлалъ Дверницкій: онъ указалъ путь бѣгства за границу, такъ сказать, пренебреженіе обязанностью защищать отечество, а не добросовѣстности политической. За это онъ заслуживаетъ безпощадное осужденіе и какъ человекъ, и какъ общественный дѣятель. Что онъ заслужилъ, то и должно быть ему воздано для примѣра другимъ.

Дверницкій, безъ сомнѣнія, былъ самый способный и самый счастливый изъ польскихъ генераловъ и доказалъ это на дѣлѣ, а не хвастовствомъ, фантастическими проектами или осужденіемъ и порицаніемъ другихъ. Онъ былъ, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени: хорошо образованный, начитанный, съ разносторонними способностями, онъ умѣлъ прикидываться передъ поляками простакомъ, чтобы не задѣть ихъ самолюбія и свойственнаго глупымъ людямъ желанія водить всѣхъ за носъ. Это былъ талантъ не дюжинный; благодаря ему онъ могъ властвовать надъ поляками и направлять ихъ, куда хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Онъ сумѣлъ шутя достигнуть высшихъ

военных чиновъ, но въ концѣ концовъ все пропутить: и славу, и зна- нія, и, что важнѣе всего, дѣло своей родины.

Для тѣхъ, которые были при Дверницкомъ, не было тайной, что онъ растратилъ деньги, данныя на волынскую экспедицію, въ Люблинѣ, Красноставѣ и Любартовѣ, прежде чѣмъ дошелъ до Буга, и не найдя у Михаила Чацкаго волынской кассы, которой и не существовало, при- томъ зная, что въ лѣсахъ не будетъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ припасахъ для продовольствія и снаряженія, но не найдется денегъ, о сборѣ которыхъ не было и рѣчи, и слыша, что на Украинѣ и въ Подо- лии наложена и собирается подать (слухи, по обыкновенію, были пре- увеличены: говорили чуть не о миллиардѣ, а можетъ быть и о нѣсколь- кихъ миллиардахъ), онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе добраться до этихъ денегъ, чтобы кто-нибудь другой не захватилъ ихъ въ свои руки. До- рога черезъ лѣса была длинная и медленная: по пути пришлось бы, по- жалуй, сражаться и организовать войско, и кто знаетъ, сколько бы вре- мени это заняло, а между тѣмъ другіе добрались бы, пожалуй, до этихъ миллиардовъ, и вотъ Дверницкій избралъ путь черезъ Почаевъ и Гали- цію. Можетъ быть генералъ и рассчитывалъ, что ему удастся также под- купить князя Меттерниха, какъ онъ подкупилъ генерала Куруту и Рож- нецкаго; шляхтичу, какимъ былъ Дверницкій, это не казалось неправдо- подобнымъ, ибо онъ видѣлъ, что князь Меттернихъ не менѣе его лю- билъ деньги, но съ тою разницею, что Меттернихъ копилъ ихъ, а онъ проматывалъ. Побуждаемый алчностью овладѣть миллиардами, онъ сдѣ- лалъ большую, непростительную военную ошибку, причѣмъ въ ней играло роль и желаніе скрыть фактъ растраты общественныхъ денегъ.

Ни у кого такъ не лежатъ сердце, какъ у меня къ рыцарскому образу Дверницкаго, который болѣе всѣхъ нашихъ генераловъ напоминаетъ Стефана Чарнецкаго и Конашевича-Сагайдачнаго; онъ одинъ изъ всѣхъ генераловъ являлся мужественнымъ вождемъ. Онъ превосходно командовалъ тысячами, но и во главѣ сотенъ и даже десятковъ готовъ былъ броситься въ битву. Это былъ отважный полководецъ, какъ же было не любить его, но какъ и не оплакивать того зла, которое онъ при- чинилъ!

Послѣ несчастнаго исхода возстанія, ему простили его грѣхи, окру- жили его ореоломъ популярности и снова допустили его водить себя за носъ, а онъ все грѣшилъ да грѣшилъ и умеръ, надѣлавъ рядъ полити- ческихъ ошибокъ, а если бы къ нему отнеслись иначе, можетъ быть онъ бы опомнился, и польское дѣло отъ этого бы выиграло. Мы учили въ школѣ, что Цицеронъ воскликнулъ съ римской трибуны: «До кото- рыхъ же поръ, Катилина, будешь ты испытывать наше терпѣнье!» По- чему же не найдется какого-нибудь Цицерона, который закричалъ бы полякамъ: до которыхъ же поръ будете вы поручать дѣла отечества

людямъ недобросовѣстнымъ и беззаботнымъ? Впрочемъ, если бы и нашия люди, которые стали бы дѣйствовать иначе, по своему, развѣ ихъ стали бы слушать и слѣдовать ихъ совѣтамъ?

Холера свирѣпствовала во всемъ краѣ, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Очень странно началась она въ Бердичевѣ. Въ домѣ одного раскольника, на дворѣ была найдена мертвая женщина, вся посинѣвшая, съ запекшеюся кровью на губахъ. Закричали: «холера!». Всѣ четырнадцать докторовъ, находившихся въ то время въ городѣ, тотчасъ были призваны; долго они осматривали трупъ, хотя осторожно, держась отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, и наконецъ, рѣшили, что это страшная, азиатская холера. Михаилъ Войцѣховскій, впоследствии графъ и знаменитый докторъ, бывшій въ то время случайно въ городѣ, не согласился съ тѣмъ, что смерть этой женщины была вызвана азиатской холерой, и одинъ осмѣлился дотронуться до трупа. Наконецъ, разыскали мужа покойной, спавшаго сномъ праведника въ какомъ-то сараѣ. Когда его разбудили и еще не протрезвившагося привели къ трупу жены, и онъ услыхалъ слово: «холера», поднялъ палку, которую держалъ въ рукѣ, и сказалъ:

— Проклятые доктора! Если бы я попотчивалъ васъ, какъ ее, этой палкой, вы бы всѣ забогѣли холерой и померли.

Онъ самъ сознался, и дознаніе подтвердило, что женщина умерла отъ побоевъ, но, къ несчастью, чрезъ нѣсколько дней появилась настоящая холера, и народъ остался при убѣжденіи, что причиной холеры былъ раскольникъ съ раскольницей. Вскорѣ нашли въ рѣкѣ трупъ раскольника со связанными руками и ногами, какъ колдуна, но слѣдствія не было произведено и виновныхъ не разыскивали.

Переполохъ и страхъ были велики, люди бѣжали въ лѣса, но это продолжалось не долго. Городскія власти выказали большую распорядительность; Михаилъ Войцѣховскій, назначенный въ Бердичевъ инспекторомъ народнаго здравія, не давалъ засыпать докторамъ, и надо сознаться, что его заботы о мѣрахъ къ предупрежденію эпидеміи и претращенію ея въ самомъ началѣ были такъ энергичны и успѣшны, что смертность въ Бердичевѣ, даже на Пескахъ, не была такъ велика, какъ опасались.

Надо признаться, что правительственные чиновники не воспользовались, какъ могли бы, появленіемъ холеры, чтобы пресѣчь сообщенія между помѣщиками и изолировать, если не отдѣльныя семьи, то отдѣльныя уѣзды. Правительство этого не сдѣлало, а напротивъ допустило повстанцевъ воспользоваться появленіемъ эпидеміи.

Помѣщики отлочно сумѣли устроиться на Украйнѣ и въ Подоліи, а нужно отдать должное Викентію Тышкевичу или тѣмъ, которые были его одекунами, что почти всѣ гражданскіе комиссары, назначенные по

случаю холеры, были уже посвящены въ заговоръ в, имѣя въ своихъ рукахъ власть надъ крестьянской стражей, устроили самымъ правильнымъ образомъ сообщенія между помѣщиками. Я не слышалъ ни объ одномъ случаѣ доноса по этому поводу; это доказываетъ одно изъ двухъ: или что крестьяне сочувствовали возстанію и желали новыхъ порядковъ, какъ иные утверждали впоследствии, или же, что комиссары прекрасно выработали свою организацію.

На Волыни, напротивъ, не было тогда никакой организаціи, никакой связи. Бѣгство Тадеуша Валевскаго и отступленіе Дверницкаго разрушили и ту организацію, какая была. Только нѣсколько кружковъ сгруппировалось вокругъ избранныхъ предводителей. Одинъ лишь Овруцкій повѣтъ былъ организованъ по-своему; но такъ какъ въ этомъ шляхетскомъ гнѣздѣ считалось за грѣхъ служить въ русской и даже въ польской арміи, подъ начальствомъ цесаревича, то во всемъ повѣтѣ не было военныхъ, кромѣ маршала Вильгельма, который два или три года служилъ юнкеромъ въ польскихъ гвардейскихъ гренадерахъ. Человѣкъ добросовѣстный и большой патріотъ, онъ не считалъ себя способнымъ предводительствовать повстанцами и послалъ Карла Пашковскаго съ молодымъ Галецкимъ къ Карлу Ружицкому съ просьбой прислать имъ офицера для организаціи возстанія. Ружицкій назначилъ для этого капитана Сасинскаго, служившаго нѣкогда въ наполеоновскихъ уланахъ; офицеръ обѣщалъ пріѣхать тотчасъ, но не пріѣхалъ, куда-то пропалъ, какъ и многіе другіе, рвавшіеся къ возстанію, но потомъ оказавшіеся Богъ вѣсть гдѣ.

Такъ сдѣлалъ и Іосифъ Залѣвскій, начальникъ кіевскаго повѣта и города Кіева. Испугавшись, что подъ его начальствомъ будетъ слишкомъ много народа и потому большая отвѣтственность, которая могла пасть на него, или, какъ говорили нѣкоторые, послушавъ совѣта Голѣвскаго, все еще сидѣвшаго въ тюрьмѣ, онъ выѣхалъ потихоньку въ Галицію, по примѣру Тадеуша Валевскаго. Много другихъ уроженцевъ Волыни изъ знатныхъ семей, занимавшихъ важнѣйшія должности между помѣщиками, присоединилось къ Дверницкому, чтобы уѣхать въ Галицію и вмѣстѣ съ нимъ съ шумомъ и трескомъ явиться въ Каменецъ-Подольскъ, подъ покровительствомъ Габсбурговъ и князя Меттерниха.

Въ Кіевѣ начались аресты и высылки, а въ результатъ, готовность, выказанная кіевлянами примкнуть къ возстанію, была причиною окончательнаго распущенія мѣстной милиціи, созданной двумя Болеславами, а Голѣвскому, за дѣльный и полезный совѣтъ, который онъ далъ Іосифу Залѣвскому, простили его вину и онъ избѣгъ висѣлицы.

Стремленіе уѣзжать въ Галицію охватило всѣхъ, подобно холерной эпидеміи; однажды мнѣ нездоровилось, какъ вдругъ получаю отъ двоюродной сестры письмо, въ которомъ она сообщала, что къ ней въ Адамъ

полу приехали Карлъ Ружицкій и Северинъ Пильховскій и оттуда, вмѣстѣ съ Дорожинскимъ собирались ѣхать къ генералу Дверницкому въ Галицію, но что она задержала ихъ и умоляетъ меня приѣхать, чтобы отговорить ихъ.

До Адампола было около ста верстъ, но у меня было четыре добрыхъ гнѣдыхъ коня; выѣхавъ вечеромъ, я былъ въ Адамполѣ подь утро, когда всѣ еще спали. — Комната, въ которой спали узники, была заперта на ключъ, который моя двоюродная сестра, Ѳедора Третьякова взяла къ себѣ, а возлѣ этой комнаты спалъ экономъ Липскій, чтобы они не вздумали выломать дверей или не ушли бы чрезъ замочную скважину, какъ панъ Твардовскій. Двоюродная сестра сама открыла двери, и мы застали обоихъ заключенныхъ встревоженными и совѣмъ готовыми. Мы обнялись и отъ всего сердца посмѣялись, ибо Северинъ Пильховскій рассказъ, какъ сестра, съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукахъ разогнала собравшихся на совѣщаніе о томъ, ѣхать ли за границу. Дорожинскій и Бакоръ поспѣшили уѣхать, а Пильховскаго и Ружицкаго Третьякова загнала въ комнату, продолжая держать въ рукѣ пистолетъ, со взведеннымъ куркомъ. Она была преданная патріотка, женщина съ возвышенными чувствами, понимавшая какъ нельзя лучше обязанности патріота и человѣка, взявшаго на себя роль начальника.

Она сама говорила мнѣ, что плѣнники нисколько не сопротивлялись, и когда она стала удерживать ихъ, они чувствовали справедливость ея словъ, и даже были довольны, отдѣлавшись отъ соблазна ѣхать въ Галицію; но если бы они не встрѣтили въ ней женщину съ сильной волей и твердыми убѣжденіями, то навѣрно уѣхали бы вмѣстѣ съ остальными.

Это было совершенно въ духѣ поляковъ: не исполнить своихъ обязанностей, а летѣть за другими не вѣдомо куда и за чѣмъ! Дорожинскій и Бакоръ, хотя родомъ изъ Подоли, стремились за Тадеушемъ Валевскимъ или за генераломъ Дверницкимъ, но какъ бы то ни было перешли въ Галицію и не приняли никакого участія въ повстаніи. Ихъ не интересовало даже посмотреть, что дѣлается въ королевствѣ польскомъ, они пережили трудное время за границей, а затѣмъ спокойно вернулись домой.

Взявъ съ собою Карла Ружицкаго и Северина Пильховскаго, я вернулся съ ними въ Галчинецъ; Карлъ Ружицкій тотчасъ серьезно принялся руководить повстанцами; по принятому нами на себя обязательству мы должны были первымъ дѣломъ выставить въ назначенное мѣсто 800 всадниковъ, которыхъ взялись снарядить Левъ Ледуховскій, Ивановскій, Трипольскій, Осерко, Піотровскій, Жолкіевскій, Гижицкій и другіе зажиточные помѣщики, — и 2.000 пѣхоты, которая должна была собраться въ лѣсахъ подь командою Тадеуша Струмилы, служившаго

въ польской арміи со времяъ Наполеона. Каждый изъ насъ долженъ былъ явиться на назначенное мѣсто со своимъ отрядомъ.

До насъ дошли слухи, что повстанцы украинско-польскіе собираются въ Красносельѣ, имѣніи Липковскихъ, въ Губникѣ у Еловицкихъ и въ иныхъ мѣстахъ, что Вацлавъ Ржевускій двинулся изъ Савраи со своими казаками, что съ нимъ находятся Сабатынный и ротмистръ Скурать, опытный вояка, что къ повстанью пристали подполковникъ Быдловскій, бывший адъютантъ генерала Ружницкаго, и отставной маіоръ Радзишевскій, служившій во 2-мъ уланскомъ полку польскаго войска, что изъ Бабчинецъ въ походъ выступаютъ—Юрій Корсакъ съ Побѣдзинскимъ, бывшимъ ротмистромъ русскаго войска, изъ Рогинецъ Выжиковскій, изъ Бѣляновки—Германъ и Іосифъ Потоцкіе и даже Юрій Абрамовичъ, на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, и что у нихъ уже были выборы вождя.

Воиственная шляхта хотѣла имѣть начальникомъ Вацлава Ржевускаго, но Еловицкіе и иные, любившіе дѣлать по своему и водить всѣхъ за носъ для своихъ корыстныхъ цѣлей, не любилъ эмира, полагая, что Ржевускаго, какъ человѣка умнаго, водить за носъ не придется. Онъ училъ шляхту, какъ различать сѣверъ и югъ по мху на дубахъ, какъ узнавать вѣтеръ по наклоненію травы, какъ по породамъ птицъ угадывать, въ какой находишься мѣстности—вблизи жилья, болота, лѣса или поля, какъ ориентироваться по звѣздамъ; все это онъ объяснялъ имъ, а Еловицкіе, Липковскіе и ихъ пріятели ходили между шляхтой и говорили:

— Ржевускій бредать; что намъ за дѣло до мха, травъ, птицъ и звѣздъ, намъ надо драться съ русскими.

Вождемъ избрали, по внушенію Еловицкихъ, отца и сыновей, стараго генерала Колыско. Викентій Тышкевичъ, думавшій постоянно о своемъ братѣ Генрихѣ, повѣривъ Еловицкимъ, которые увѣряли его, что старшій Колыско передастъ булаву въ руки Генриха, подтвердилъ этотъ выборъ, и Вацлавъ Ржевускій, истинный рыцарь въ бою, подобно генералу Козловскому, также заслужившему боевую славу, былъ устраненъ. Предводителемъ остался генералъ Колыско, человѣкъ съ роду не отличавшійся ни умомъ, ни способностями, но добросердечный.—Обладатель ярко-краснаго носа, напоминавшаго кораллы индюка, онъ былъ такъ старъ, что Еловицкій съ сыновьями чуть ли не водилъ его на помочахъ.

Собрано было 19 эскадроновъ кавалеріи, да еще казихъ! На Украинѣ смѣялись, говоря, что ея бывшіе сыны возстали изъ мертвыхъ и съѣли на коней! 4.000 пѣхоты подъ начальствомъ Владислава Загурскаго и 4 пушки подъ командой Эдуарда Еловицкаго; начальникомъ штаба былъ Орликовскій.—Съ такимъ войскомъ генералъ Колыско двинулся къ Дашеву, на пиръ къ графу Владимиру Потоцкому.

Много разсказывали намъ о приключеніяхъ отдѣльных отрядовъ:

такъ, напримѣръ, рассказывали про старика Выжиковскаго, какъ онъ потерѣлъ со своимъ отрядомъ отъ русскихъ конныхъ егерей, которые на него напали; рассказывали также о Корсакѣ или, лучше сказать, о Побѣдзинскомъ, какъ онъ, наступившій на берегу Днѣстра русскими уланами, спрятался на пасѣку; лошадей и людей помѣстилъ въ каретный сарай, гдѣ стояло нѣсколько десятковъ пустыхъ и поломанныхъ ульевъ; пчелы вылетѣли изъ нихъ роемъ и напали на взмыленныхъ лошадей улановъ; произошла сумятица и болѣе десяти улановъ съ конями утонули въ Днѣстрѣ, а прочіе разсѣялись въ разныя стороны. Корсакъ и Побѣдзинскій, воспользовавшись замѣшательствомъ, вывели лошадей изъ сарая, вскочили на нихъ и были таковы.

Рассказывали также о возстаніи Нагорничевскаго въ Литинскомъ повѣтѣ и о нападеніи на Литинь, гдѣ не было другаго русскаго войска, кромѣ инвалидовъ, подъ командой капитана Хлопицкаго, родственника извѣстнаго диктатора. У гарнизона не было никакого оружія; вѣроятно имъ также боялась дать его, какъ диктаторъ не хотѣлъ дать оружія Литвѣ и Юго-Западному краю. Капитанъ Хлопицкій вывелъ инвалидовъ за заставу, велѣлъ имъ снять шинели и при приближеніи неприятеля махать ими, какъ будто вытряхивая пыль, но по командѣ. Ждать пришлось недолго. Кавалерія Нагорничевскаго шла на рыскахъ съ горы по большой дорогѣ; самъ Нагорничевскій и Александръ Голыинскій были во главѣ. Какъ увидѣли инвалидовъ выстроенныхъ въ шеренгу, они съ громкимъ крикомъ: ура! поскакали впередъ галопомъ. Капитанъ Хлопицкій подпустилъ ихъ шаговъ на 30-ть и командовалъ: «махайте ребята!» Какъ замахали инвалиды шинелями, точно огромныя птицы крыльями, лошади повстанцевъ встали на дыбы, а всадники повстанцы полетѣли на землю. Волей неволей пришлось повернуть назадъ, и городъ былъ спасенъ.—Итакъ, въ то время какъ дядюшка Хлопицкій пожиналъ обильные лавры побѣды на Гроховскихъ поляхъ, племянникъ, хотя болѣе скромно, но все же увѣнчалъ себя лаврами въ Литинѣ. По истинѣ вся ихъ семья была проникнута воинственнымъ духомъ!

И намъ былъ назначенъ сборъ на 17 мая. Не полагаясь на крестьянъ, хотя любилъ ихъ и зналъ, что и они меня любятъ, я не рассчитывалъ выставить болѣе 30 человекъ, которыхъ и обязался привести съ собою. Недостававшее до этой цифры количество дворовыхъ я намѣревался пополнить молодыми людьми изъ чиншевой шляхты моихъ другихъ деревень—Семаково и Агатовки. Мои сестры Ружицкая и Алонза были въ домѣ, а я, занятый приготовленіями, былъ въ конюшнѣ, когда казакъ прибѣжалъ сказать мнѣ, что къ намъ пріѣхалъ какой-то офицеръ и съ нимъ четыре жандарма. Я поспѣшилъ къ нимъ. Мой управляющій, Антонъ Топчевскій, совершенно перепуганный, провелъ офицера въ мою комнату, гдѣ были разложены сѣдла, ружья и прочіе военные до-

спѣхи, и угощалъ его тамъ виномъ и закуской. Офицеръ этотъ былъ ротмистръ Красовскій, адъютантъ генерала Левашова, человекъ весьма вѣжливый и воспитанный. Онъ заговорилъ со мною по-французски, заявивъ, что всего, что находится въ этой комнатѣ, онъ не видитъ, что ему приказано арестовать моего управляющаго Антона Топчевскаго, а меня просить отправиться въ Житомиръ для личнаго объясненія съ генераломъ Левашовымъ; что такое же точно приказаніе было послано и приведено въ исполненіе относительно моего двоюроднаго брата, Льва Ледуховскаго, что въ Житомирѣ находится генералъ Корженевскій, пріятель генерала Левашова, который навѣрное уладитъ это дѣло. Мнѣ пришло въ голову, что все это было придумано генераломъ Корженевскимъ, который хотѣлъ такимъ образомъ сохранить мнѣ имѣніе, жизнь и удержать меня отъ участія въ повстаніи. Впослѣдствіи оказалось, что это такъ и было на самомъ дѣлѣ.—Хотя я не сердился на него за это ни въ ту пору, ни впослѣдствіи, но я вовсе не хотѣлъ воспользоваться такимъ оборотомъ дѣла; къ тому же, взявъ на себя извѣстное обязательство, я долженъ былъ его исполнить. Поэтому я отвѣчалъ офицеру самымъ вѣжливымъ образомъ, что это приказаніе теперь уже исполнено быть не можетъ, и подошелъ къ пистолетамъ, которые лежали на столѣ заряженные, рѣшивъ защищаться и не отдаться ему въ руки живымъ.

Въ эту минуту въ церкви зазвонили въ колокола. Въ первый моментъ я подумалъ, что крестьяне нападаютъ на пановъ, чего ожидали всѣ помѣщики, но замѣтивъ, что офицеръ поблѣднѣлъ какъ полотно, я понялъ, что это было что-то иное. Подойдя къ офицеру я сказалъ: «Что-то будетъ?»

Въ эту минуту мы услышали, что дверь изъ сада была выломана, и толпа крестьянъ со всего Галчинца ввалилась въ домъ. Въ то время какъ одинъ кричали: «нашего пана хотятъ арестовать—не дадимъ его», другіе схватили офицера. Въ залу вошли жандармы съ саблями на голо, но ихъ сабли мигомъ очутились въ рукахъ крестьянъ, и сами они были повалены на землю. Раздался крикъ: «повѣсить, повѣсить».

Мнѣ пришлось употребить всю свою власть и пустить въ ходъ просьбы, чтобы удержать ихъ отъ этого своеволія.—Я добился по крайней мѣрѣ того, что жандармовъ связали и заперли въ подвалъ, гдѣ было отличное вино.

Затѣмъ я приказалъ Топчевскому послать въ Семаки и Агатовку за шляхтой, но всѣ старики нашего села сказали мнѣ низко кланяясь:

— Дѣти наши пойдутъ съ тобою, панъ, ни одного шляхтича не нужно тебѣ, и нашихъ будетъ достаточно; намъ лѣта не позволяютъ сѣсть на коня, такъ пусть же дѣти наши съ тобою сражаются.

Всѣ кони были готовы, даже тѣ, на которыхъ я не рассчитывалъ;

лучшія крестьянскія упряжныя лошади были выставлены и осѣдланы; сто молодыхъ парней готовы были идти воевать.—Это все были такіе молодцы, что сердце радовалось, и нельзя было достаточно на нихъ взглядѣться. Самые богатые хозяева, имѣвшіе трехъ, четырехъ сыновей, отпускали ихъ всѣхъ и кланялись мнѣ въ ноги, прося взять ихъ съ собою.

Я обнялъ моихъ сестеръ, Стася Ружицкаго и отправилъ ихъ въ Агатовку къ моей замужней сестрѣ Сосницкой, обнялъ моего стараго слугу Игнатія, который плакалъ и говорилъ:

— Нѣтъ ничего удивительнаго, что паничъ дѣлаетъ глупости,—онъ еще молодъ и неразуменъ, а вотъ что павъ капитанъ (рѣчь шла о Ружицкомъ), имѣя дѣтей, летитъ задравши хвостъ, какъ мотылекъ на огонь, Богъ знаетъ куда и зачѣмъ—это странно.

Серебро, котораго у меня оказалось много, даже послѣ того какъ я взялъ все нужное на дорогу, и драгоценныя вещи были оставлены не спрятанными и не запертыми, такъ какъ некому было этимъ заняться. Впослѣдствіи я узналъ, что вся движимость, даже экипажи и лошади, были вывезены и выведены крестьянами въ степь, куда ушли также и всѣ жители села. Когда пришли донцы, то нашли въ Гальчинцѣ однѣ только голыя стѣны, поживиться было нечѣмъ! Правительство, опасаясь, чтобы примѣръ Гальчинскихъ крестьянъ не былъ пагубенъ для другихъ, поручило моему дядѣ маршалку Яну Кавтѣ Глешбоцкому проавести слѣдствіе; онъ уговорилъ крестьянъ вернуться, и по его настоянію моя сестра Ружицкая была назначена опекуной Гальчинца, а мой зять Сосницкій—ея помощникомъ.

Въ Агатовкѣ, какъ мнѣ рассказывалъ потомъ Станиславъ Ружицкій, старшій сынъ Карла Ружицкаго, дѣло происходило иначе. Донцы, явившись туда, начали хозяйничать по своему: пробовали водку и ветчину, пекли и варили; Сосницкій все молчалъ, но когда онъ увидѣлъ, какъ они съ пивками стали гоняться за его любимыми индюками и ловить ихъ, онъ не выдержалъ, надѣлъ на плафрокъ всѣ свои ордена, вышелъ и закричалъ на донцовъ такъ грозно, что они тотчасъ оставили его индюковъ въ покоѣ и убрались изъ Агатовки.

Ко мнѣ прибыли два брата Выговскихъ (потомки по прямой линіи гетмана)—Антоній, мой повѣренный, и Станиславъ, мой школьный товарищъ. Ихъ послала въ повстаніе мать (рожденная Берковская). Когда они заявили ей, что у нихъ нѣтъ ни ружей, ни палашей, она сказала:

— А руки Выговскихъ, развѣ это не оружіе? У васъ есть руки, берите оружіе.

Кромѣ братьевъ Выговскихъ, изъ шляхты со мною были Антоній Топчевскій, управляющій моимъ имѣніемъ, который меня выростилъ; Феликсъ

Росоловскій, мой камердинеръ, Гарайскій и Сѣдлецкій, чиншевые шляхтичи; прочіе всѣ были крестьяне.

Собраться было назначено за плотиною, противъ овина. Всѣ уже были на коняхъ, когда мы увидѣли процессію, подвигавшуюся по плотинѣ. Во главѣ шель священникъ Нѣмяловскій, девяностолѣтній старецъ, въ облаченіи и съ дарами въ рукахъ; за нимъ церковнослужители несли Евангеліе, Распятіе и святую воду, развѣвались хоругви, шель церковный староста, крестьяне и толпа народа обоого пола.

Пойдя къ нимъ на встрѣчу, я спросилъ, куда идетъ священникъ?

— Тебя благословить, панъ, и молодежь, которая идетъ воевать, — отвѣчали мнѣ.

Я сказалъ священнику, что мы сію минуту уѣзжаемъ и что судьба наша въ рукахъ Божіихъ, а онъ останется тутъ и его могутъ преслѣдовать и наказать. На это старецъ отвѣчалъ со слезами на глазахъ:

— Мнѣ девяносто два года, мнѣ все равно, умереть ли сегодня или завтра, я выросъ въ Сѣчѣ, Богъ даровалъ мнѣ долгую жизнь, чтобы служить ему, онъ далъ мнѣ еще разъ возможность увидѣть казаковъ и благословить ихъ.

Затѣмъ, я первый, а за мною всѣ прочіе преклонили колѣна, пригнули на вѣрность службѣ, поцѣловали Распятіе и Евангеліе. Священникъ окропилъ насъ святою водою, благословилъ, и мы цѣловали ему руку.

У насъ была готова дарственная грамота крестьянамъ. Мы вручили священнику Нѣмяловскому составленный заранѣе актъ, коимъ передавали крестьянамъ во владѣніе землю, которую они обрабатывали. Нѣмяловскій, съ двумя старцами, Степаномъ Салопомъ и Григоріемъ Кржученкомъ взяли его и положили возлѣ Евангелія.

Затѣмъ стали прощаться; иные плакали, но большинство напутствовало насъ словами: «Сражайтесь такъ, какъ сражались наши предки, Господь съ вами, да хранитъ Онъ васъ, возвращайтесь со славой!»

Мы сѣли на коней и выѣхали изъ села; я ѣхалъ впереди, на гнѣдомѣ конѣ, а молодежь слѣдовала за мною, по два въ рядъ. Все это были почти юноши, только двоимъ было за тридцать лѣтъ. Изъ нихъ одинъ, Степанъ Левчукъ—Заремба, человекъ обстрѣленный, сражавшійся за Дунаемъ, захотѣлъ на старости лѣтъ вновь показать свою казацкую удаль. Онъ держалъ въ рукахъ хоругвь, которую вышила панна Роза Загѣсская; на этой хоругви, по малиновому атласу, былъ вышитъ серебромъ архангелъ Михаилъ съ поднятымъ мечемъ, попирающій ногами змія. Панна Роза вышивала эту хоругвь по ночамъ, тихонько отъ отца и братьевъ, и отдала ее мнѣ въ подарокъ со словами:

— Да поможетъ вмѣхъ Господь!

Все это происходило среди бѣла дня, ибо мы выступили изъ Галчинца въ самый полдень, перешли почтовый трактъ и на большой дорогѣ никого не встрѣтили, кромѣ еврейскаго фургона, что сочли за доброе предзнаменованіе, и сосѣда Сильвестра Хруковскаго, который разнесъ по окрестностямъ вѣсть: «Уже пошли!»

Это было 15-го мая 1831 года, а сборъ былъ назначенъ, на Кравинецкомъ хуторѣ, 16-го мая.

Помню, что я взялъ съ собою четырехъ борзыхъ. Перейдя почтовую дорогу, мы повернули направо, въ Гвоздовскій дѣсъ и на опушкѣ его остановились въ кустахъ, съ цѣлью дожидаться вечера. Мой конь, очень дорогой, постоянно ржалъ и не было возможности заставить его замолчать; я велѣлъ его убить, и это было очень кстати, потому что вскорѣ мы услышали топотъ лошадей и увидѣли сотню донцовъ, двигавшихся по дорогѣ изъ Ренъ въ Катериновку.

Съ наступленіемъ темной ночи мы тронулись въ путь, прошли мимо Сосновки, перешли Гвилопять, а потомъ прошли черезъ Пилипы, гдѣ жила павна Северина. Мы видѣли огни въ домѣ, слышали звука фортепiano; мнѣ очень хотѣлось заѣхать проститься, но обстоятельства заставляла спѣшить и не рисковать ничѣмъ.

Мы дошли безо всякихъ приключеній до назначеннаго пункта и застали тамъ только Карла Ружицкаго и Яна Омецинскаго съ нѣсколькими десятками всадниковъ, но вдругъ, точно по уговору, съ другой стороны хутора показался отрядъ. Михаилъ Грудзинскій, на ворономъ арабскомъ конѣ, ѣхалъ во главѣ 25-ти улановъ Петербургскаго полка, изъ великороссійскихъ губерній, и 15-ти казаковъ, изъ Кизичовки. Вскорѣ прибыли остальные ¹⁾. Когда мы сосчитали собравшихся, то у насъ оказалось только 220 человекъ конницы, но зато отборной.

Крестьянъ, желавшихъ идти воевать, была масса, и если бы мы захотѣли, то могли бы набербовать ихъ тысячи. Ко мнѣ приходили крестьяне изъ Кодни и другихъ окрестностей, кланялись и просили взять ихъ съ собою. Но кромѣ меня, который былъ моложе всѣхъ лѣтами, всѣ

¹⁾ Братья Будзинскіе, Михаилъ и Викентій, съ Антономъ Трипольскимъ изъ Тютювника; старикъ Станиславъ Дунинъ, служившій въ гусарахъ, майоромъ, еще при Павлѣ I; его родственникъ Флоріанъ Куликовскій; братья Пильховскіе изъ Терехова; Тадеушъ Пшиборовскій, инженеръ-капитанъ времени Наполеона; Адамъ Барановскій, изъ австрійскихъ гусаръ, еще времени Екатерины II; братья Доморадскіе, братья Тулинскіе изъ Тютювника, Титъ Старжинскій изъ Ренъ, слѣпой Моргулецъ, служившій поручикомъ подъ начальствомъ Косцюшки, со своимъ племянникомъ, два брата Осташевскіе, Вишковскій, Мартинъ Вележнскій, въ свѣтло-зеленой одеждѣ, отороченной краснымъ сафьяномъ; Антоній Шашкевичъ, извѣстный вертопрахъ, но все же человекъ храбрый и выдающійся, Реаушевскій и Рожинскій.

смотрѣли на нашъ походъ, какъ на гайдамачину. Самъ Карлъ Ружицкій не понялъ его смысла и потому не пошелъ въ Овручъ и Радомысль, какъ бы слѣдовало. Михаилъ Грудзинскій, доблестный офицеръ, приказалъ своимъ уланамъ быть поляками, и они были ими по приказанію; нѣкоторые, правда немногіе, измѣнили даже окончанія своихъ фамилій на скій, вичъ; я одинъ остался при своемъ и называлъ своихъ людей ихъ прежними именами и казаками.

Но я никакъ не могъ убѣдить другихъ, что, сочувствуя полякамъ, Украинѣ также слѣдовало подняться.

XIII.

Сборъ повстанцевъ.—Бердичевское возстаніе.—Сраженіе подъ Чудновомъ.—Походъ на Подолію и возвращеніе назадъ.—Графъ Ростворовскій изъ Мирополя.—Сраженіе подъ Молочками и пораженіе пѣхоты.—Іосифъ Стецкій въ Межиричѣ Корецкомъ.—Походъ на Дубровицу.

Въ тотъ же день изъ повстанцевъ было сформировано девять взводовъ, составившихъ три эскадрона. Амуниція и вооруженіе были казачкія. Три взвода въ каждомъ эскадронѣ были вооружены пиками, съ осиновыми древками, саблями и пистолетами, висѣвшими на перевязяхъ, въ ножнахъ и кабурахъ; сабель не было только у унтеръ-офицеровъ—у 30 человекъ изъ моего отряда и у 25 изъ отряда Грудзинскаго; точно также и пистолетовъ. Третьи взводы вооружены были карабинами, а такъ какъ карабиновъ было не болѣе 30, то недостающее количество было пополнено охотничьими двустволками и одностволками, которыхъ было достаточно, такъ что и нѣкоторые изъ вооруженныхъ пиками имѣли ружья; нѣкоторые были вооружены вмѣсто сабель ятаганами, кинжалами и даже ножами. Одежда повстанцевъ была разныхъ пѣтговъ, но казачкаго покроя, и у всѣхъ были черныя барашковые, малороссійскія шапки; на трехъ человекъ полагался котелокъ и сумка со всякими солдатскими принадлежностями. Лошади были отличныя, породистыя, хорошо выѣзженныя и большею частью приученныя, на охотѣ, къ выносливости и быстрому бѣгу; всадники также знали свое дѣло, были смѣлыя наѣзники и любили своихъ коней такъ, какъ казакъ способенъ любить свою лошадь.

Воевой строй былъ въ одну шеренгу; маневрировали согласно правиламъ польской кавалеріи.

Въ кассѣ было болѣе 150.000 рублей золотомъ и серебромъ, изъ которыхъ 50.000 было внесено нами, повстанцами и князьями Радзи-

виллами изъ Бердичева, а 100.000 были даромъ бердичевскихъ евреевъ, доставившихъ еще котелки, немного оружія, болѣе 100 казацкихъ сѣделъ и 30 отборныхъ лошадей. Кромѣ того, они прислали 16 молодыхъ евреевъ для исполненія обязанностей шпионовъ, принявъ содержаніе ихъ на свой счетъ.

У всѣхъ офицеровъ было по нѣсколько вьючныхъ и верховыхъ лошадей; у меня ихъ было семь. Нельзя было имѣть никакихъ повозокъ, только одна повозка, запряженная тройкой, назначалась для кассы и аптеки, которая была у насъ обильно снабжена медикаментами. Медицинскій персоналъ также былъ у насъ довольно великъ: три цирюльника—еврея и еврей аптекарь, всѣ изъ Бердичева; кромѣ того, докторъ медицины, Виленскаго университета, Терлецкій, который былъ впоследствии униатскимъ священникомъ. Былъ у насъ и капеланъ—ксендзъ базилианинъ изъ Любара, Коломыйскій, отличавшійся рыцарскими наклонностями.

Въ тотъ же день мы исполнили нѣсколько первоначальныхъ военныхъ упражненій, и отрядъ усвоилъ себѣ начала военной выправки. Трубачей у насъ не было, и вмѣсто воинственнаго крика «ура!» вѣдѣно было кричать: «Слава Богу!» Съ этимъ возгласомъ удалые запорожцы въ старину бросались въ сѣчу, когда они шли со своимъ атаманомъ Брюховецкимъ на татаръ, во славу Божию. Ночью мы выставили патрули и дѣлали объѣзды по окрестности; всѣ военныя эволюціи исполнялись нами такъ успѣшно, что и донцы Платова, увидавъ насъ, повинувъсь внушенію сердца, а не чужимъ наговорамъ, заключили бы насъ въ свои объятія, какъ истыхъ братьевъ-казаковъ. Охота съ борзыми и безпрестанные развѣды по степямъ, днемъ и ночью, дали намъ такую споровку, что каждый изъ повстанцевъ, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ истиннымъ казакомъ.

Карлъ Ружицкій остался одинокомъ, такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ связей и сношеній ни съ Варшавскимъ народнымъ ржондомъ, ни съ однимъ изъ отрядовъ повстанцевъ, кромѣ Овручскаго и Радомысльскаго, да и съ ними его сношенія ограничивались посылкою къ нимъ какого-нибудь дѣльнаго и знающаго свою службу офицера. Можетъ быть, онъ и рѣшился бы, наконецъ, пойти по берегу Тетерева въ Радомысльскій лѣсъ, а оттуда въ Овручъ, но мнѣ кажется, что наступившія событія помѣшали исполненію тѣхъ плановъ, которые могли бы совершенно измѣнить положеніе дѣлъ не только въ юго-западныхъ губерніяхъ, но даже въ Литвѣ и Польшѣ.

Ко мнѣ прибыла депутація стариковъ изъ Кодини и Солотвина, съ требованіемъ прислать къ нимъ отрядъ за молодежью-казаками, которые уже совсѣмъ готовы. Они жаловались, что у нихъ взяли Льва Ледуховскаго, жаловались на своего помѣщика, генерала Корженевскаго,

говоря, что онъ никуда не годится, не умѣетъ сѣсть на коня, никогда не охотится; что хотя онъ не угнетаетъ крестьянъ, и имъ живетъ у него лучше, чѣмъ гдѣ-либо, ибо барщина не такъ велика и работать приходится не болѣе, какъ вездѣ, но когда Богъ посылаетъ войну, то такихъ помѣщиковъ надобно вѣшать, — это куколь, сорная трава, засоряющая поле. Подобныя слова беспокоили Карла Ружицкаго; будучи, какъ оказалось, выдающимся офицеромъ и рыцаремъ на войнѣ, онъ былъ весьма недалекъ въ политикѣ и, какъ большинство поляковъ, не зналъ, чего онъ хочетъ, не имѣлъ гражданскаго мужества и всё его политическія дѣла сводились къ словамъ: какъ Богъ дастъ!

Я отправлялъ кодненскихъ и солотвинскихъ депутатовъ, обѣщавъ имъ скорѣе быть къ нимъ, и въ то же время предупредилъ генерала Корженевскаго, советуя ему быть осторожнѣе. Я поступилъ въ этомъ случаѣ честно, по совѣсти, но не политично. Генералъ Корженевскій остался въ Житомирѣ, а въ Кодню, Солотвинъ и сосѣднія мѣста послалъ сильный отрядъ русскаго войска. Самая смѣлая, отважная часть кодненскихъ гайдамаковъ была этимъ обезсилена, парализована, и дорога въ Радомысль, шедшая по берегу Тетерева и, по соображеніямъ стратегическимъ и политическимъ, наиболѣе удобная, сдѣлалась почти недоступна. Можно еще было пройти по ней, но нельзя уже было возбудить въ этой мѣстности народъ къ возстанію и увеличить отрядъ повстанцевъ, бывшихъ уже подъ ружьемъ.

Карлъ Ружицкій тотчасъ понялъ сдѣланную ошибку, но исправить ее не было никакой возможности. Мы рѣшили тогда уйти въ лѣса и тамъ, двигаясь маршами и контръ-маршами, по окраинамъ лѣсовъ, возбудить возстаніе на берегахъ Тетерева и горнаго Гнилопята, до самой Случи. Руководителемъ его былъ назначенъ Тадеушъ Струмпло, и въ его районѣ были расположены желѣзнодорожные и лѣсопильные заводы, Тригоры, съ монастыремъ инвалидовъ и ветерановъ базилианскаго ордена; Новая Троя пани Дзялынской; Новый Римъ сенатора Илинскаго и Чудновскій желѣзнодорожный заводъ—главные пункты сбора и дальнѣйшихъ операцій. Базилианскій монастырь въ Тригорахъ заключалъ въ себѣ польскія духовныя силы всей округы; тамъ было убѣжище всѣхъ базилианъ Юго-Западнаго края, удрученныхъ старостью, болѣзнями и уже отбывшихъ положенные годы учительской дѣятельности. Они жили тутъ по-шляхетски: охотились, болтали, писали, читали, вели умныя бесѣды. Это были разумные и ученые поляки, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ окрестными жителями, всецѣло преданные польскому дѣлу, но только съ казацкой окраской, да иначе и быть не могло въ орденѣ, пополнявшемся шляхтичами изъ юго-западной Руси. Сколько разъ, проѣзжая черезъ Тригоры, это родовое имѣнье Выговскаихъ, а это случалось не рѣдко, слышалъ звуки

охотничьяго рожка и лай гончихъ собакъ и увдавъ этихъ старцевъ, пробравшихся съ ружьями между скаль, я весь отдавался мечтамъ, и думалъ о томъ, подарилъ ли эти старцы Украину храброй молодежью и насколько они могли воодушевить своимъ примѣромъ и совѣтами этихъ удалыхъ сыновъ Украины. Должно быть, подобныя мысли приходили въ голову и Карлу Ружицкому, такъ какъ мы шли въ направленіи къ Тригорамъ.

Мы миновали Глубочекъ—имѣнье Требича, домашняго врача Суворова, который совершилъ съ нимъ всѣ турецкія кампаніи и рассказывалъ намъ много интереснаго объ этомъ русскомъ богатырѣ, объ этомъ великомъ славянинѣ. Докторъ Требичъ часто говаривалъ намъ, что вся нелюбовь Суворова къ полякамъ происходила оттого, что поляки не хотятъ быть славянами.

Отъ корчмы, на границѣ буковыхъ лѣсовъ, принадлежавшихъ извѣстному Тышкевичу, находившихся въ управленіи Тадеуша Струмилы, насъ догналъ молодой Вагutowичъ, сынъ житомирскаго адвоката, который прозывался «безносикомъ», такъ какъ у него отъ рожденія не было носа, что дѣлало лицо его отвратительнымъ; онъ былъ очень рѣчистъ, держался демократическихъ взглядовъ, любилъ покричать, къ тому же отличался бездѣльничествомъ и большимъ честолюбіемъ. Мы знали его за сторонника будущей централизаціи и еще болѣе—будущаго коммунизма. Онъ говорилъ, кричалъ о томъ, что никто ничего не дѣлаетъ, не умѣетъ дѣлать, но все это были одни пустыя слова, безъ всякаго содержанія.

Корчма стояла на распутьи двухъ большихъ дорогъ: направо—на Тригоры, и налѣво—на Новую Трою и, далѣе, на Житомиръ, до котораго было болѣе 40 верстъ плохой дороги, черезъ лѣса, которая называлась жидовскою дорогою или жидовскимъ шляхомъ. Развѣзды уже возвратились съ обвѣихъ дорогъ, наши казаки были уже на коняхъ и построились по-взводно въ колонну; офицеры находились передъ фронтомъ, а Карлъ Ружицкій въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ въ сторонѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ, разговаривалъ съ какимъ-то шляхтичемъ, пріѣхавшимъ изъ ближайшей окрестности.

Вагutowичъ выѣхалъ впередъ и, по-цицероновски, сталъ держать рѣчь:

— Дворяне! за грибами что-ли ведутъ васъ въ лѣсъ? Бабамъ только пристало собирать грибы, а вамъ, отважной молодежи, надо расковать цѣпи, сковывающія народъ, искупить саблей насилія, совершенныя вашими отцами, ихъ несправедливости, ихъ тиранства! Дубы и сосны, которыя окружаютъ васъ,—не люди; люди плачутъ въ Житомирѣ, взываютъ къ вамъ, кричатъ вамъ: измѣнники, измѣнники! За мной, дворяне, на Житомиръ! на Житомиръ!

Онъ обнажилъ саблю, и почти всѣ офицеры, съ Севериномъ Пильховскимъ во главѣ, послѣдовали его примѣру, крича: «на Житомиръ, на Житомиръ!» и поскакали за безноскикомъ. Поскакалъ даже старый Дунинъ. Передъ фронтомъ осталось только трое: Мих. Грузинскій, Янъ Омецинскій и я. Казаки стояли на мѣстѣ и пересмѣивались, говоря:

— Ну и павичи!

Ружицкій вскочилъ съ мѣста, сѣлъ на коня, но недовольные уже возвращались одинъ за другимъ, пристыженные, какъ борзые съ поджатыми хвостами. Вагутовичъ не возвратился, да и хорошо сдѣлалъ. Всякій бранилъ его, приговаривая въ полголоса: «пустой болтуны, негодяй!» Ружицкій не произнесъ ни одного слова укоризны, но такъ посмотрѣлъ на нихъ, что они рады были бы отъ стыда провалиться сквозь землю, хотя это вышло совсѣмъ по-польски, въ польскомъ духѣ. Къ счастью, во главѣ отряда стоялъ первый эскадронъ, состоявшій изъ казаковъ; иначе, если бы всѣ понеслись, за офицерами, на Житомиръ, одинъ Богъ знаетъ, что бы изъ этого вышло; всякій былъ бы въ правѣ сказать: Карлъ Ружицкій вооружилъ людей, организовалъ возстаніе, а безноскикъ подхватилъ ихъ, повелъ чертъ знаетъ куда, и все дѣло лопнуло, какъ мыльный пузырь, подобно тому, какъ разлетаются въ дребезги всѣ политическія мечтанія поляковъ.

Это происшествіе имѣло, однако, хорошія послѣдствія. Послѣ неудачной выходки, въ отрядѣ водворился порядокъ и слѣзное повинованіе; всѣ поняли, что у нихъ не достаетъ ума для того, чтобы командовать, но есть достаточно доброй воли для того, чтобы повиноваться, а Карлъ Ружицкій, съ своей стороны, понялъ, что у него нѣтъ совѣтниковъ, и съ тѣхъ поръ поступалъ по собственному усмотрѣнію; въ этомъ и заключалась главная сила бердичевского возстанія.

Подъ самыми Людьми мы получили очень непріятное извѣстіе. Тадеушъ Струмило, который принялъ командованіе надъ пѣшими повстанцами, не взвѣсилъ ни своихъ способностей, ни важности принятыхъ на себя обязанностей, однимъ словомъ, поступилъ легкомысленно, какъ это у насъ часто бываетъ. Когда же онъ увидѣлъ массу предстоявшихъ трудовъ и еще болѣе опасностей, то вмѣсто того, чтобы сознаться въ своей неспособности или трусости, что нанесло бы ударъ только его самолюбію, а не дѣлу и дало бы возможность пособить горю, онъ постоянно доносилъ, что вошелъ въ сношенія съ базилианами въ Тригорахъ и со всѣми жителями лѣсныхъ хуторовъ, что можно рассчитывать не на 2.000, а на 10.000 повстанцевъ. Когда же онъ узналъ о моемъ выступленіи изъ Гальчинца, то вмѣсто того, чтобы отправиться въ Буки, гдѣ жилъ и гдѣ былъ одинъ изъ сборныхъ пунктовъ повстанцевъ, уѣхалъ къ своему брату Игнатію, котораго не засталъ дома, а вмѣсто

него встрѣтилъ исправника, пріѣхавшаго произвестн обыскъ и арестовать Игнатія. Онъ тотчасъ заявилъ исправнику, что онъ—Тадеушъ Струмилло, братъ Игнатія, и готовъ ѣхать вмѣсто него. Исправникъ, человѣкъ добрый и сочувствовавшій полякамъ, не хотѣлъ его арестовать, говоря, что Петра не берутъ вмѣсто Павла, то панъ Тадеушъ наговорилъ ему дерзостей, чтобы попасть подъ арестъ и быть отвезеннымъ въ Житомиръ. Когда переодѣтый крестьяниномъ базилианинъ, привезшій намъ это извѣстіе, выѣзжалъ изъ Тригоръ, туда вступала уже сотня донскихъ казаковъ и полкъ-баталіона пѣхоты, а другіе русскіе отряды были посланы въ Новую Трой, Новый Рямъ и на Чудновскій заводъ. Теперь уже не было и рѣчи ни о нашей пѣхотѣ, ни о треугольнике для нашихъ операцій, образованномъ тремя крайними пунктами: Новый Рямъ, Новая Троя и Тригоры.

Мы возвратились въ Дрыловъ и туда пріѣхало къ намъ шестеро слугъ Камилла Піотровскаго, вооруженныхъ двустолками, которые сообщили намъ, что ихъ паничъ и всѣ Піотровскіе, такъ же какъ Заблоцкіе и Францишекъ Янковскій, не взирая на просьбу своихъ крестьянъ съѣсть на коней и вести ихъ въ повстаніе, убѣжали изъ домовъ своихъ, Богъ знаетъ куда, но что крестьяне готовы къ возстанію и ждутъ насъ.

Впослѣдствіи мы узнали, что многіе изъ помѣщиковъ, притомъ молодыхъ, добровольно отдавали себя въ руки властей, даже платили за то, чтобы ихъ арестовали, съ цѣлью избѣжать необходимости примкнуть къ возстанію. Эти господа, какъ и Тадеушъ Струмилло, котораго вскорѣ выпустили на свободу, объясняли свое поведеніе боязнью вызвать въ край гайдамачину, разбой, вида какъ крестьяне стремились въ повстаніе. Какъ нелѣпы были эти объясненія!

Одинъ изъ такихъ дворянъ, котораго я не хочу называть, такъ какъ онъ носить прославленную предками фамилію, испугавшись, когда крестьяне пришли звать его, говоря: «пора на коней, панъ, Гальчинскій панъ и другіе ужъ выступили со своими казаками, пора и намъ», едва не заплакалъ, говоря, что онъ боится войны, не пойдетъ и убѣжить, а они пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Тогда крестьяне стащили его съ постели, вымазали дегтемъ, облѣпили его перьями и оперенную такимъ образомъ пташку выпустили въ поле, крича ему въ слѣдъ: «бѣги, бѣги, ты не соколъ Украинскій, а галченокъ».

Убѣгая онъ наскочилъ на эскадронъ гусаръ Ахтырскаго полка, шедшій въ село, чтобы арестовать его. Гусары хотали надъ этимъ грехомъ, но въ селѣ арестовали многихъ крестьянъ и отправили въ тюрьму въ Житомиръ. Четверо дворовыхъ этого помѣщика, главные зачинщики злосчастнаго съ нимъ приключенія, успѣли вскочить на коней и нагнать насъ. Они рассказали намъ объ этомъ безобразномъ слу-

чай, невольно вызвашемъ нашъ смѣхъ. Но Ружицкаго все это тревожило, онъ боялся на самомъ дѣлѣ, чтобы не начались разбои.

Мы прошли Дрыловъ на разсвѣтѣ. Наши шпионы, еврей, донесли намъ о появленіи разъѣздовъ Ахтырскаго гусарскаго полка въ окрестностяхъ Чуднова; а одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ даже видѣлъ нѣсколько гусаръ, разъѣзжавшихъ около Чудновской дороги. Такъ какъ, по свѣдѣніямъ шпионовъ, опушки лѣсомъ были заняты пѣхотой и отрядами гусаръ и донцовъ, то мы направились влѣво, въ степь, и, свернувши съ дороги къ селу Бабушкамъ, расположились на отдыхъ въ долину, которая прекрасно скрывала насъ отъ взоровъ идущихъ и ѣдущихъ по большому торговому тракту изъ Бердичева въ Чудновъ.

Ружицкій велѣлъ пустить лошадей пасться и накормить людей, а самъ разговаривалъ со шпионами и съ Бабушкинскимъ экономомъ, который ѣхалъ изъ Чуднова; никто изъ насъ не осмѣливался приблизиться къ нимъ, но мы догадывались, что готовится нѣчто важное. Наконецъ, былъ позванъ Михаилъ Грудзинскій, и начальникъ (такъ мы звали Ружицкаго), сталъ съ нимъ о чемъ-то говорить, указывая рукою по направленію къ Чуднову. Затѣмъ тремъ взводамъ 1-го эскадрона, моему, Ява Омецинскаго и Адольфа Пильховскаго, было приказано сѣсть на коней, и мы пошли прямо на Чудновскую дорогу. Грудзинскій командовалъ нами. Станиславъ Дунинъ двинулся съ однимъ взводомъ влѣво на холмъ между Бабушками и Чудновымъ, Пржиборовскій, также съ однимъ взводомъ, пошелъ къ рошицамъ, которыми начинались Чудновскіе лѣса, а Ружицкій со 2-мъ эскадрономъ—въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ за нами по большой дорогѣ.

Мы шли колонной, по-взводно, форсированнымъ маршемъ и едва взошли на пригорокъ, какъ увидѣли по ту сторону отрядъ гусаръ, которые отступили и открыли длинную колонну пѣхоты. Грудзинскій тотчасъ скомандовалъ «рысью», потомъ: «опустить пики», «въ галопъ» и «слава Богу!» Пѣхота была атакована такъ неожиданно, что командиръ ея не успѣлъ даже скомандовать; раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но мы уже смяли ее и, какъ ураганъ, пронеслись вдоль всей колонны. Мы доскакали до Чуднова; гусары укрѣпили въѣздъ, поставивъ поперекъ его возы въ видѣ баррикады; но мы разрушили всѣ преграды и преслѣдовали гусаръ въ самомъ Чудновѣ; изъ нихъ пало 18 человекъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ; 22 солдата и одного офицера мы взяли въ плѣнъ; только двое изъ этого отряда успѣли убѣжать.

Послѣ этой побѣды мы возвратились къ Бабушкамъ, въ долину. Часть оружія и амуницію, которую мы не могли забрать съ собою, зарыли въ землю на мѣстѣ, указанномъ экономомъ, принявъ мѣры для сохраненія вещей отъ порчи. Лучшихъ лошадей мы взяли съ собою, а худшихъ выпустили въ поле. Плѣннымъ русскимъ было выдано по полтишнику на

человѣка, и, съ наступленіемъ ночи, Туминскій съ отрядомъ нашихъ казаковъ вывелъ ихъ на опушку лѣса и отпустилъ на всѣ четыре стороны; офицеры были доставлены въ Турчиновку и эконому было поручено отвезти ихъ въ Житомиръ.

Въ нашемъ лагерѣ была величайшая радость, подобно тому, что испытываетъ молодой охотникъ, когда ему впервые удается положить на мѣстѣ волка, и я, хотя передъ тѣмъ уже нѣсколько недѣль былъ такъ боленъ, что не могъ ничего ѣсть кромѣ курицы и компота и пить чай, почувствовалъ себя въ тотъ вечеръ совершенно здоровымъ, ко мнѣ вернулася аппетитъ и душевная радость побѣдила тѣлесную немочь.

Если бы, послѣ этой побѣды, мы имѣли возможность остаться въ этой мѣстности, пойти на Бердичевъ, Кодню или вступить въ лѣса, то среди крестьянъ, безо всякаго участія съ нашей стороны, даже помимо нашего желанія, вспыхнуло бы восстаніе, которое могло перейти въ гайдамачину, смотря по тому, какъ бы его направили. Но можно смѣло сказать, что крестьяне не были враждебны къ помѣщикамъ, къ шляхтѣ и полякамъ. Они забыли свои обиды, были готовы брататься съ шляхтой. Правда, имъ были непонятны цѣли, которыя преслѣдовали поляки, но они были не прочь повоевать. Если крестьяне не понимали поляковъ, то, въ свою очередь, и поляки не понимали нашихъ крестьянъ; даже тѣ изъ нихъ, которые родились, выросли и постоянно жили между ними, не старались понять ихъ внутренній міръ, ихъ жизнь, поэтому всѣ ихъ затѣи и не удались. Мнѣ кажется, что благоразуміе должно было подсказать полякамъ, что отдаленіе отъ славянства, политическое невѣдѣніе и непониманіе должны погубить польское дѣло.

Мы двинулись на Подолію безъ всякаго распоряженія со стороны высшаго начальства. Карлъ Ружицкій, не отважившійся въ самомъ началѣ на какой-нибудь смѣлый планъ, постыдно обманутый своими товарищами-помѣщиками (обманъ этотъ долженъ былъ вызвать въ будущемъ колебанія и неувѣренность въ его стратегическихъ операціяхъ), потерявъ моментъ, когда онъ могъ воспользоваться и настроеніемъ народа и неподготовленностью непріятеля, — былъ вытѣсненъ изъ опорныхъ пунктовъ, избранныхъ имъ для своихъ военныхъ дѣйствій, и какъ бы ошупью искалъ выхода изъ своего положенія.

Мы шли прямо на Хмельникъ, а потомъ повернули направо и, послѣ двухдневнаго похода, остановились въ Жеребкахъ, имѣніи генерала Корженевскаго, находившемся въ арендѣ у какой-то пани Рогинской или Роговинской, у которой было четыре взрослыхъ сына, изъ нихъ двое служили прежде офицерами въ русской арміи, а теперь были въ отставкѣ. Тамъ мы застали еще нѣсколькихъ молодыхъ людей, бывшихъ въ сраженіи подъ Дашевымъ, и отъ нихъ-то мы и услышали впервые объ этомъ пораженіи и о сопровождавшихъ его обстоятельствахъ.

Генералъ Колыско прибылъ подъ Дашевъ во главѣ отряда изъ 3.000 отборной конницы, 4.000 пѣхоты и 4 орудій. Графъ Владимиръ Потоцкій, владѣлецъ Дашева, устроилъ великолѣпное пиршество по случаю прибытія генерала и повстанцевъ, бывшихъ подъ его командой. Въ самый день торжества было донесено о приближеніи генерала Рота съ двумя уланскими полками—Смоленскимъ и Курляндскимъ—и 4-мя орудіями. Сила отряда генерала Рота не превышала 1.500 человекъ (улановъ и артиллеристовъ). Вацлава Ржевускаго выслали съ эскадрономъ конныхъ казаковъ въ Левухи, въ 7 верстахъ отъ Дашева. Въ тотъ моментъ, когда готовились сѣсть за столъ, было получено извѣстіе, что Ржевускій со своими казаками вступилъ въ сраженіе съ авангардомъ Рота. Еловицкіе и Лицковскіе стали кричать: «Пусть сражается, пусть покажетъ себя!» Черезъ нѣсколько часовъ было дано знать, что казаки Ржевускаго отступаютъ, а генералъ Ротъ со всѣми силами спѣшить къ Дашеву. Снова закричали: «Пусть приходитъ, мы себя покажемъ». И не встали изъ-за стола, не оставили своихъ стакановъ. Вскорѣ прискакали Петръ Копчинскій и двое Сабатынскихъ съ извѣстіемъ, что Ржевускій погибъ, что видѣли, какъ онъ упалъ со своего гнѣдаго арабскаго коня, что Скурать еще сражается, но не можетъ удержать неприятеля. Тогда отдали приказъ войску стронуться, а сами остались допивать тосты. Только когда дали знать, что русскіе уже показались, командиры сѣли на лошадей, совершенно пьяные. Генералъ Колыско и старшій Еловицкій сѣли, не на коней, а на дрожки и уѣхали со всею поспѣшностью. Побѣдзинскій, командовавшій эскадрономъ Корсака, ударилъ на русскихъ улановъ, доскакалъ до пушекъ и сталъ рубить канонировъ, но здѣсь погибъ съ большею частью своего храбраго эскадрона. Прочіе эскадроны не тронулись съ мѣста. Ихъ начальники были не въ состояніи произнести ни одного слова команды, а когда появились начальникъ штаба Орликовскій и скомандовалъ: «Спасайся, кто куда можетъ!»—то эскадроны бросились бѣжать вразсыпную; каждый бѣжалъ туда, куда несъ его конь и гналъ страхъ. Русскіе уланы взяли въ плѣнъ всю пѣхоту повстанцевъ со всѣми пушками и почти третью часть кавалеріи. Дрожки съ генераломъ Колыско и старикомъ Еловицкимъ, благодаря искусству кучера, благополучно добрались до дѣса. На другой день изъ семитысячнаго отряда повстанцевъ на-лицо оказалось не болѣе 400 кавалеристовъ; но бѣглецы стали мало-по-малу собираться, и силы поляковъ увеличились присоединеніемъ Нагорничевскаго и Александра Гозынскаго съ 500 кавалеристовъ.

Что повстанцы были храбры—это они доказали подъ Ободнымъ и Тывровомъ; подъ Дашевымъ же командиры по-просту пропали сраженіе и военную славу. На слѣдующій день уже распѣвали:

Pod Daszowem polaków moskal w ucho bije,
 Kołysko ze starszyzną miód i wino pije.
 Kołysko ze starszyzną hulaią w palacu,
 A moskale polaków mordują na placu.
 Kołysko ze starzyzną z Daszowa uciekli,
 A moskali polaków okropne wysiekli ¹⁾.

Эту пѣсню и много другихъ въ томъ же родѣ, сложенныхъ по тому же поводу, я слышалъ на Дунаѣ и въ Балканахъ отъ бердичевского мѣщанина Рачица, повстанца, бывшего подъ Дашевымъ; а рассказъ о пораженіи я передалъ слово въ слово, какъ рассказывали повстанцы, которыхъ мы застали въ Жеребкахъ.

По моему убѣжденію, только кутежъ, которому поляки часто предавались, забывая свои обязанности и все, что есть святаго на свѣтѣ, могъ довести ихъ до такого пораженія. Такіе эскадроны, какими командовалъ Вацлавъ Ржевускій, и другіе, которые насчитывали въ своихъ рядахъ цѣлыя доблестной молодежи со всей Подоли и Украйны, не могли быть разбиты въ нормальномъ состояніи. Надменная шляхта предавалась подобнымъ кутежамъ и при Пастахъ и при Ягеллонахъ, но при Саксонской династіи они стали явленіемъ повседневымъ. Нѣмцы спонии славявъ. Въ возстаніе 1831 г. кутежи были причиною большихъ и рѣшительныхъ пораженій подъ Боремлемъ, Дашевымъ, подъ Калишанами. У аристократовъ и престопаодья ни одно собраніе не обходилось безъ обильной ѣды и выпивки. Казалось, поляки думали найти премудрость на днѣ своихъ стакановъ.

Сама хозяйка Жеребковъ и двѣ ея кузины были горячими патріотками, но всѣ четыре брата, рослые, какъ дубы и такіе же крѣпкіе, какъ это дерево Украйны, указывая на примѣры подъ Боремлемъ и Дашевымъ, утверждали, что нельзя бороться съ русскими, а надо сидѣть тихо и ждать лучшей поры; можетъ быть они и были правы, если говорили по убѣжденію. Они все повторяли, обвиная насъ: «Мы удивляемся вамъ, но сожалѣемъ васъ».

Каждый изъ молодежи, бѣжавшей изъ-подъ Дашева, на наше приглашеніе идти съ нами отвѣчалъ: «Нѣтъ, намъ достаточно и этого!» Хозяева развели этихъ молодыхъ людей къ окрестнымъ помѣщикамъ, чтобы укрыть ихъ до болѣе спокойнаго времени, а мы отправились въ походъ по направленію къ Пикову.

И командиръ, и солдаты нашего отряда знали о пораженіи подъ Дашевымъ, видѣли отчаяніе и страхъ повстанцевъ, которыхъ мы встрѣ-

¹⁾ Т. е. подъ Дашевымъ русскій бьетъ поляковъ въ ухо, а Колюско со старшиной пьютъ медъ и вино. Колюско со старшиной пируютъ въ паладцѣ, а на площади русскіе убиваютъ поляковъ. Колюско со старшиной убѣждали изъ Дашева, а русскіе поляковъ въ конецъ изрубилъ.

тели въ Жеребкахъ, но все-таки не теряя бодрости: глядя на своего начальника, они весело улыбались, во взорѣ ихъ свѣтилась отвага, и, казалось, они безъ словъ говорили: «Веди насъ хоть на край свѣта, мы готовы идти за тобой хоть въ воду».

По дорогѣ мы встрѣтили Константина Бернатовича и Михаила Езерскаго и нѣсколько другихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ храбрый стрѣлокъ Визовскій. Константинъ Бернатовичъ подтвердилъ намъ все, что говорилось о сраженіи подъ Дашевымъ, но увѣрялъ, что повстанцы съ Украйны и Подолія собираются снова, что Нагорничевскій и Александръ Голынский присоединились къ повстанцамъ и что въ составѣ ихъ, въ настоящее время, насчитываютъ около 2.000 кавалеристовъ, что это войско направляется къ Каменецъ-Подольску, гдѣ возстаніе вспыхнуло во многихъ мѣстахъ и гдѣ ожидаютъ генерала Дверницкаго, который ведетъ съ княземъ Меттернихомъ переговоры о сдачѣ оружія и коней и, по окончаніи ихъ, навѣрно перейдетъ границу подъ Гусатинимъ, и что эти переговоры будутъ имѣть успѣхъ, такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ получитъ разрѣшеніе прибыть въ Варшаву для того, чтобы вступить на польскій престолъ.

Намъ не особенно нравились эти рассказы, намекавшія на то обстоятельство, что нѣмцы поставятъ насъ на ноги и сдѣлаютъ изъ насъ настоящій народъ,—который, надобно замѣтить, несмотря на все свое легкомысліе и безпечность, все же останется народомъ славянскимъ, такъ-что это походило немного на заботы волка о долголѣтіи и счастьи овечки. Въ это время къ намъ пріѣхалъ нѣкто Гаршмингаль, нѣмецъ, управлявшій имѣніемъ одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ; онъ привелъ съ собою славнаго заводскаго жеребца, изъ конюшенъ Вацлава Ржевускаго, котораго я купилъ у него за сто червонцевъ. Довольный своею продажей, нѣмецъ пустился въ откровенность и сообщилъ намъ, что генерала Дверницкаго не выпустятъ изъ Австріи, что есть распоряженіе отвезти его въ Штейермаркъ, что никакой эрцгерцогъ не поѣдетъ въ Варшаву, чтобы вступить на польскій престолъ, что дѣйствительно князь Адамъ Чарторыйскій, вслѣдствіе настояній Станислава Малаховскаго и Владислава Замойскаго, обратился къ австрійскому императору съ просьбой о назначеніи одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ въ польскіе короли, но что это письмо Чарторыйскаго князь Меттернихъ отослалъ въ Петербургъ съ полковникомъ Фахомъ, тѣмъ самымъ, который обезоружилъ генерала Дверницкаго. При этомъ князь Меттернихъ писалъ канцлеру Нессельроде, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ посылаетъ ему отреченіе князя Адама Чарторыйскаго отъ его правъ на польскій престолъ, что въ этихъ правахъ былъ весь смыслъ повстанія и опасность для Россіи, ибо только король, кто бы имъ ни былъ, Константинъ или Адамъ, могъ бы отстоять существо-

ваніе и независимость Польши; что усмиреніе возстанія и побѣда русскихъ составляютъ только вопросъ времени, что Россія можетъ сдѣлать теперь съ поляками и съ Польшею, что хочетъ, и что Австрія оказала Россіи величайшую услугу и желаетъ, чтобы канцлеръ довелъ о ней до свѣдѣнія императора Николая. Гаршмингель утверждалъ, что онъ знаетъ обо всемъ этомъ навѣрное, такъ какъ видѣлъ самого Фаха, который останавливался у него и рассказалъ ему все это по-пріятельски, хотя его и считаютъ венгерцемъ, но онъ по происхожденію такой же нѣмецъ, какъ и Гаршмингель.

Нѣмчура смѣялся надъ этимъ ерцгерцогомъ въ коронѣ Ягеллоновъ и надъ тѣми 100 тыс. австрійцевъ, которые должны были сражаться за поляковъ и жертвовать за нихъ жизнію, говоря: «Вы, господа поляки, любите строить воздушныя замки и пускать мыльные пузыри, но не любите считаться съ правдой и имѣть съ нею дѣло».

Нѣмецъ разговаривался и сталъ доказывать намъ, что въ политикѣ насъ можно приравнять къ чехамъ, кроатамъ и сербамъ: каждый изъ насъ хочетъ дѣйствовать самъ по себѣ и потому стоитъ особнякомъ, а умные люди берутъ насъ за чубъ и ведутъ на привязи, какъ собачекъ, какъ рабовъ. Нѣмцы, — говорилъ онъ, — гораздо умнѣе, они держатся другъ за друга, какъ жида, и, желая сохранить свою самобытность, достигнуть этого, такъ какъ у нихъ есть умъ и единодушіе. Онъ смѣялся надъ тѣмъ, что мы могли повѣрить, будто австрійскій императоръ станеть воевать за поляковъ и за польское дѣло. Развѣ императоръ, — говорилъ онъ, — не знаетъ исторію? развѣ онъ не учился ей? Чѣмъ же отплатили Габсбургамъ оба Болеслава за ихъ сочувствіе славянству? Что было, то могло повториться вновь; поляки могутъ и не захотѣть идти на помочахъ у нѣмцевъ и быть ихъ слугами.

Разговоръ съ Гаршмингелемъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что я сознавалъ, что въ его словахъ о князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ и о Меттернихѣ было много правды, такъ же какъ и въ другихъ его рѣчахъ. При нашемъ разговорѣ присутствовалъ Янъ Омецинскій, съ которымъ мы отправились къ Ружицкому и передали ему все слышанное. Онъ тоже серьезно задумался и хотя, по обыкновенію, говорилъ мало, но по лицу его было замѣтно, что онъ обдумывалъ, какъ дѣйствовать впредь.

Мы выступили въ Подолію и направились къ австрійской границѣ. Не помню названія деревушки, до которой мы дошли черезъ три дня, помню только, что она принадлежала Ярошинскимъ. Ночь была темная; мы расположились вблизи деревни. Какой-то почтенный старецъ-экономъ, два сына и зять котораго были въ повстаніи (последняго, я помню, звали Дыбчаковскимъ; это былъ храбрый повстанецъ), выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и сообщилъ какія-то новости начальнику. Ружиц-

кій приказалъ мнѣ взять шесть казаковъ изъ моего взвода и слѣдовать за нимъ, а остальному войску разставить часовыхъ и пустить лошадей на пастбу, а также послать за горячей пищей для отряда, приготовленной уже предупредительнымъ экономомъ. Ружицкій, я, экономъ и шесть казаковъ, обвязавъ палаши сѣномъ, а копыта лошадей войлокомъ, который имѣли при себѣ на всякій случай, проѣхали черезъ деревню и выѣхали въ поле; намъ было приказано соблюдать величайшую тишину, что мы свято исполнили. Такимъ образомъ мы проѣхали версты пять по отлогой докатости, и мало-по-малу глаза наши привыкли кое-что различать въ темнотѣ; наконецъ мы очутились надъ оврагомъ и тутъ остановились. Экономъ указалъ начальнику рукою на множество огоньковъ, разсыянныхъ по долинѣ, а вдали, на пригоркѣ, видѣлись болѣе ясные огни, которые время отъ время вспыхивали яркимъ пламенемъ, какъ будто передъ нами горѣло какое-нибудь мѣстечко. Мы простояли съ четверть часа въ молчаніи, словно окаменѣвъ; начальникъ съ экономомъ стояли въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и тоже молчали. Царила глубокая тишина, нзрѣдка прерываемая криками водяныхъ птицъ, трещаньемъ коростелей и переключаньемъ перепеловъ. Потомъ мы, такъ же молча, возвратились обратно. Когда мы подъѣхали къ деревнѣ, начальникъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Ты видѣлъ, что въ долинѣ расположился лагеремъ генералъ Щуцкій съ батальономъ пѣхоты, настолько увѣренный въ отсутствіи близости повстанцевъ, что отрядъ спитъ безъ часовыхъ, какъ будто въ мирное время. Мы могли бы легко взять въ плѣнъ весь батальонъ, до единаго человѣка, но что изъ этого выйдетъ? Намъ надо соединиться съ войскомъ Колыско, которое расположилось на противоположныхъ высотахъ, слѣться съ этимъ войскомъ и раздѣлить его судьбу. — Что ты объ этомъ думаешь?

Я началъ умолять Ружицкаго не нападать на отрядъ Щуцкаго и не присоединяться къ войску Колыско, утверждая, что мы пропадемъ среди господствующаго тамъ безпорядка и вынуждены будемъ вмѣстѣ съ ними со стыдомъ бѣжать въ Галицію. Я совѣтывалъ возвратиться въ наши лѣса и, если тамъ нельзя будетъ удержаться, то отступить въ Польшу. Если намъ суждено погибнуть, то мы должны погибнуть со славой, сохранивъ доброе имя. Я былъ въ этотъ моментъ очень краснорѣчивъ, какъ говорилъ мнѣ впоследствии самъ Ружицкій, и увлекъ его силой своего вдохновенія. Онъ размышлялъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ:

— Вудуть кричать и пусть кричатъ! Такъ и сдѣлаемъ, — отступимъ въ лѣса и въ Польшу.

Когда мы возвратились къ войску, Константинъ Бернатовичъ и Михайлъ Езерскій уже знали о генералѣ Щуцкомъ и о близости Ко-

лыско, и вѣсть эта скоро разнеслась между нашими офицерами. Было много сторонниковъ соединенія съ Колыско, и это было весьма естественно, но когда спросили объ этомъ Михаила Грудзинскаго, считавшагося послѣ начальника самымъ дѣльнымъ офицеромъ, онъ сказалъ:

— Для меня, господа, не существуетъ ни личныхъ желаній, ни воли, а только приказъ начальника; молчаніе и послушаніе — наша обязанность, и если мы станемъ высказывать свои мнѣнія и подавать совѣты, то погибнемъ, какъ и тѣ; а что они погибнуть, въ этомъ я увѣренъ, иначе быть не можетъ.

Послѣ этого разговора никто изъ офицеровъ не смѣлъ высказывать начальнику своего мнѣнія, не будучи спрошенъ. Бернатовичъ, который хотя и былъ офицеромъ въ нашемъ отрядѣ, но все еще считался делегатомъ украинско - подольскихъ повстанцевъ, пошелъ къ Ружицкому и долго доказывалъ ему необходимость соединенія. Начальникъ слушалъ молча и усмѣхался по обыкновенію, но когда Бернатовичъ сказалъ, что въ противномъ случаѣ на начальника и весь нашъ отрядъ падетъ тяжкій упрекъ въ нежеланіи подать помощь братьямъ и въ трусости, кроткій Ружицкій вдругъ покраснѣлъ, разсердился и проговорилъ:

— Идите, сударь, вонъ!

Въ первый и послѣдній разъ слышали мы подобныя слова изъ устъ начальника. Затѣмъ онъ приказалъ садиться на коней, и мы, еще до разсвѣта, покинули свою стоянку и направились къ роднымъ мѣстамъ. Бернатовичъ остался съ нами и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ отряда. Михаилъ Езерскій куда-то пропалъ въ ту же ночь, — онъ былъ слабого здоровья и вовсе не годился для военной службы, — вѣроятно онъ возвратился домой, такъ какъ я о немъ болѣе ничего не слышалъ.

Едва мы дошли до Мирополя, какъ получили извѣстіе о пораженіи Колыско подъ Майданскомъ и объ отступленіи остатковъ его войска въ Галицію, за австрійскую границу. Не знаю, соединился ли онъ тамъ съ генераломъ Дверницкимъ, но только несомнѣнно пошелъ по его слѣдамъ; но это не было поставлено ему въ вину, и разумѣется всѣ нашли, что это было естественнымъ результатомъ происшедшихъ событій. Вацлавъ Ржевускій, который не интриговалъ, не пустословилъ, а сражался, какъ подобало польскому шляхтичу, потому бывшихъ гетмановъ и Ржевускому, палъ на полѣ битвы на глазахъ свидѣтелей, вполне достойныхъ вѣры, каковы Петръ Купчинскій, и братья Владиславъ и Карлъ Сабатинскіе. Но за нимъ не хотѣли признать славной смерти и рассказывали, будто онъ бѣжалъ съ поля битвы, былъ схваченъ крестьянами и забить до смерти палками. Смѣло утверждаю, что этого не было и что крестьяне не стали бы его бить, потому что онъ всегда пользовался ихъ любовью, и его храбрые подвиги заслужили ему любовь народа; поэтому я не вѣрю этимъ розсказнямъ какъ самой нелѣпой сказкѣ. Тѣ, которые

помѣшали ему сдѣлаться начальникомъ, запятнали его память, чтобы казаться непогрѣшимыми.

Въ нѣсколько недѣль со времени ухода нашего въ повстаніе положеніе дѣлъ въ нашихъ мѣстахъ измѣнилось. Генераль Ротъ, дѣятельный, неутомимый и притомъ одаренный недюжинными военными талантами, безъ шума и преслѣдованій очищаль край отъ повстанцевъ и восстанавливалъ прежніе порядки. Въ Подоліа и на Украйнѣ было много арестовъ, слѣдствій и судовъ, но не было ни нападеній крестьянъ, ни грабежей, ни рѣзни по подговорамъ властей, какъ это было нѣсколько лѣтъ спустя въ Галиціи, по наущенію австрійскаго правительства. Русское правительство сознавало свою силу, поэтому дѣйствовало открыто, неприбѣгало къ подпольнымъ интригамъ; итакъ какъ Россія—страна славянская, то она наказала, но не погубила поляковъ-славянъ. Совсѣмъ иначе должно было поступать правительство въ Австріи, странѣ въ полномъ смыслѣ слова нѣмецкой, вся политика которой стремится къ онѣмченію или совершенному поглощенію славянской національности. Но поляки, помимо своей воли и своего жалкаго политическаго разума, были и есть славяне и таковыми останутся.

Въ окрестностяхъ Бердичева вездѣ были расположены отряды русскихъ войскъ. Большая часть помѣщиковъ, арестованныхъ по распоряженію властей или по собственной просьбѣ, возвратилась домой. Утѣшая себя извѣстіями о неудачѣ возстанія, гордясь своимъ умомъ и прикидываясь патриотами, они говорили: «Мы ждемъ болѣе удобнаго времени!»

Поляки часто такъ поступали, это была не новость.

Карлъ Ружицкій, сознавая невозможность веденія партизанской войны ни въ Бердичевскомъ уѣздѣ, ни въ чудновскихъ лѣсахъ, рѣшилъ спрятать часть кассы, которая была въ звонкой монетѣ, въ надежномъ мѣстѣ; съ этимъ порученіемъ были посланы Михаилъ Будзинскій и старшій Фалинскій въ Брагаловъ, гдѣ деньги и были сданы на попеченіе пани Піотровской. Они привезли оттуда вѣсть, что возстаніе вспыхнуло въ Овруцкомъ и Радомысльскомъ уѣздахъ и что русскія войска выступили изъ Житомира и Кіева для усмиренія повстанцевъ. Мы не имѣли еще объ этихъ вспышкахъ подробныхъ свѣдѣній, но Будзинскій и Фалинскій сообщили намъ, что тѣ помѣщики, которые уклонялись отъ возстанія, требовали отъ правительства военныхъ отрядовъ для охраненія ихъ личностей и имущества, подъ предлогомъ возбужденія умовъ среди крестьянъ, на вѣрность которыхъ правительство будто бы не можетъ полагаться въ виду ихъ благопріятнаго отношенія къ возставшимъ. Между прочимъ и владѣлецъ Мирополя, графъ Растворовскій, слыша о нашемъ приближеніи, просилъ о присылкѣ сильнаго отряда, чтобы пре-

градить намъ путь и захватить насъ. Все это было сообщено рассказчику въ Брагаловѣ, какъ фактъ вполне достовѣрный.

Эти вѣсти были получены нами, когда мы подходили къ Мирополю. Будзинскій, отдавая начальнику отчетъ объ исполненномъ имъ порученіи, не скрылъ отъ него, разумѣется, и о поступкѣ графа Растворовскаго. Возбужденные этимъ слухомъ Северинъ Пильховскій, Мартинъ Вылежинскій и Антонъ Шашкевичъ хотѣли немедленно отправиться и сурово наказать Растворовскаго за неблагодарство и отсутствіе патриотизма, но Ружицкій не дозволилъ этого. Съ панскаго двора было взято все необходимое для войска, но за все немедленно было уплачено; въ этомъ и состояла вся наша месть трусливому шляхтичу и плохому патриоту.

Ружицкій, зная, что войска двигаются сюда и что непріятелю извѣстны наши движенія, измѣнилъ направленіе пути, и мы пошли прямо на Краснополь, имѣніе Оскерокъ, литвиновъ, издавна поселившихся на Волыни. Оба Оскерко, люди рослые и здоровенные, были въ числѣ тѣхъ, которые принадлежали къ бердичевскому возстанію, принесли присягу, но не явились въ условленное время на сборный пунктъ. Мы застали ихъ обонхъ дома; у нихъ же застали и Казимира Жолкѣвскаго. Оскерко, стоя на колѣняхъ, распѣвалъ псалмы Давида, а Жолкѣвскій жаловался, что страдаетъ вередями.

Оскерко, со слезами и стономъ заявили намъ, что не имѣютъ никакого призванія къ военному дѣлу, что они пойдутъ въ ксендзы и будутъ молиться Богу за Польшу, но сражаться не могутъ. Ихъ старуха мать, возбужденная патриотическимъ негодованіемъ, проклинала ихъ, говоря:

— Если бы отецъ вашъ воскресъ, онъ умеръ бы вторично отъ стыда и отчаянія, видя такихъ сыновей.

Жолкѣвскій жаловался на вередъ, хромая на обѣ ноги и не находя себѣ мѣста. Глядя на него было и грустно и смѣшно. Скоро намъ пришлось оставить ихъ, такъ какъ было получено извѣстіе о приближеніи къ Краснополю русскихъ войскъ, вызванныхъ графомъ Растворовскимъ.

Положеніе наше было слѣдующее: между Краснополемъ и Молочками, на разстояніи 5 верстъ, шла широкая дорога, орошенная съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами и обсаженная деревьями; справа и слѣва отъ нея были вспаханные поля, окаймленные болотами, тянувшимися отъ Краснополя до Молочекъ; дорога представляла видъ острова, съ котораго можно было выйти только въ одной изъ названныхъ деревень, гдѣ были плотины и мосты.

Едва прошли мы съ версту отъ Краснополя, какъ одинъ изъ нашихъ шпионовъ далъ знать, что въ Молочкахъ находятся русскія войска. Мы очутились тогда какъ бы въ западнѣ между двумя русскими отрядами, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ полу-батальона пѣхоты и взвода

уральскихъ казаковъ. Это былъ батальонъ, вызванный графомъ Растворовскимъ; онъ былъ раздѣленъ пополамъ съ дѣлью пресѣчь намъ дорогу, такъ какъ командиръ этого батальона, весьма дѣльный офицеръ, прекрасно зналъ мѣстность.

Ружицкій выстроилъ нашъ отрядъ: два взвода стали на дорогѣ, — мой во главѣ, а за нимъ взводъ Северина Пильховскаго; по обѣ стороны дороги, за рвами, также было поставлено по взводу, а еще три взвода, подъ командою Грудзинскаго, остались въ тылу для прикрытія отряда, уже вступившаго въ Краснополъ.

Мы двинулись такимъ образомъ къ Молочкамъ. Командиръ русскаго батальона, находившійся въ Молочкахъ, вывелъ свою пѣхоту впередъ къ мостику, переброшенному черезъ широкій ровъ, велѣлъ сломать этотъ мостикъ и построилъ отрядъ въ каре въ нѣкоторомъ разстояніи за рвомъ. Уральцы остались въ деревнѣ, чтобы припасти для насъ оковы, веревки и телеги для перевозки плѣнныхъ.

Мы шли впередъ и сердце радовалось тому, какъ весело и бодро смотрѣли кони и всадники. За 300 шаговъ до рва насъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ; пули засвистѣли вокругъ насъ: мы пошли рысью, а потомъ голопомъ и неслись такъ быстро, что все только мелькало передъ нашими глазами. Пройдя шаговъ 80, раздалась команда: «въ пики!» Опустивъ пики, мы во весь опоръ понеслись на неприятеля. Передъ самымъ рвомъ, существованія котораго мы и не подозрѣвали, мой конь былъ раненъ пулею въ шею, взвился на дыбы и однимъ скачкомъ, какъ бѣшеный, перепрыгнулъ черезъ канаву, и я очутился по ту сторону рва, въ каре неприятеля; мои казаки послѣдовали за мною. У меня потемнѣло въ глазахъ; я рубилъ направо и налево, но признаюсь, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю. Скоро русскій отрядъ былъ смятъ; майоръ, схвативъ ружье, закричалъ: «въ штаны!» но его ударили пикой съ такой силой, что ея острие прошло насквозь. Битва была упорная и продолжалась съ часъ ¹⁾).

Отрядъ, находившійся въ Краснополѣ, не пришелъ на помощь своимъ, а отступилъ, взявъ съ собою братьевъ Оскерокъ и Жолкѣвскаго. Грудзинскій занялъ Краснополъ, и такъ ему сообщили, что Жолкѣвскій совершенно поправился отъ своихъ вередовъ.

Мы вошли въ Молочки, гдѣ громада приготовила намъ угощеніе, а еврей-шпикарь выставилъ всѣ напитки, какіе только были у него въ корчмѣ, и униженно просилъ, чтобы мы пили.

Эта побѣда чрезвычайно ободрила крестьянъ, но не помѣщиковъ,

¹⁾ Необходимо отмѣтить ту особенность записокъ Чайковскаго, что при описаніи стычекъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, поляки всегда были побѣдителями.

которые совершенно упали духомъ, боялись даже говорить о повстаніи и доходили до такой трусости, что крестьяне надъ ними смѣялись, и когда мы приходили въ какую-нибудь деревню и спрашивали о томъ, гдѣ помѣщикъ, намъ зачастую отвѣчали:

— Ужъ убѣжалъ или спрятался въ погребъ, не сталъ ожидать васъ, но мы васъ ждали.

Въ этихъ словахъ слышалась насмѣшка и презрѣніе.

Мы перешли Случъ въ Барановкѣ, а въ Правотынѣ узнали о разгромѣ Овручскаго повстанья и о рѣшительномъ пораженіи подъ Бѣлосорокой радомысльскихъ повстанцевъ. Мы не могли узнать подробностей объ этихъ несчастныхъ стычкахъ, слышали только, что русскія войска расположены значительными отрядами надъ Случью до Новоградъ Волинска, гдѣ была главная квартира дивизионнаго генерала Сулимы. Тогда мы удалились отъ рѣки и, перейдя почтовый трактъ между Дѣдовцами и Корцемъ, двинулись прямо на Межиричъ-Корецкій, гдѣ было мѣстопробываніе маршалка Іосифа Стецкаго и гимназія отцовъ паровъ.

Ректоромъ гимназіи былъ въ то время мой прежній наставникъ, ксендзъ Бенчковскій. Намъ приняли очень сердечно; всѣ ученики хотѣли присоединиться къ повстанцамъ; пришлось употребить силу и запереть мальчиковъ въ монастырѣ; старшимъ дано было позволеніе записываться въ повстанцы, и нашъ отрядъ увеличился молодыми людьми, которыхъ ксендзъ Бенчковскій снабдилъ оружіемъ; они разукрасили себя оригинальными головными уборами изъ лисьихъ и волчьихъ шкуръ, а у братьевъ Петяцкихъ были шапочки изъ заячьихъ шкуръ съ плюмажемъ. Отличныхъ лошадей промыслилъ для нихъ тотъ же Бенчковскій изъ конюшенъ княгини Любомірской.

Маршалокъ Іосифъ Стецкій лежалъ на смертномъ одрѣ, но когда ему сказали о приходѣ повстанцевъ и о томъ, что и я нахожусь въ числѣ ихъ, онъ непремѣнно захотѣлъ видѣть меня, такъ какъ я былъ ученикомъ любимой имъ гимназіи. Мы съ Омединскимъ отправились къ нашему бывшему начальнику. Онъ плакалъ, обнимая меня, и дрожащимъ голосомъ разспрашивалъ о повстаніи, о нашемъ прибытіи, о нашихъ сраженіяхъ. Слушая наши рассказы, онъ оживился отъ радости. На своей престоли, съ сѣдыми волосами, съ типичнымъ польскимъ лицомъ, на которомъ ясно отражался его патриотизмъ и сердечное къ намъ отношеніе, онъ напомнилъ мнѣ изображеніе гетмана Ходкевича, отдающаго свою булаву Любомірскому. Когда въ комнату вошелъ Ружидкій, маршалокъ закричалъ.

— Моего сиваго коня для пана начальника!

На этомъ конѣ Стецкій ѣздилъ 12 лѣтъ и такъ любилъ его, что не отдастъ бы за миллионъ; а жена маршалка говорила, шутя:

— Не знаю, о комъ больше печалелся бы Юсефъ—обо мнѣ или о своемъ сивомъ, а вѣдь онъ меня любитъ—сколько лѣтъ мы прожили вмѣстѣ.

Сиваго ввели въ комнату и подвели къ постели больного. Стецкій погладилъ его и сказалъ:

— Вотъ тебѣ новый господинъ! Неси его на враговъ Польша!

Затѣмъ отдавъ приказъ надворнымъ казакамъ и музыкантамъ садиться на коней.

Музыканты Стецкаго были настоящіе артисты, большею частью гѣмпы; между ними былъ только одинъ полякъ Мохницкій. По привязанію маршалакѣ они сѣли на коней, но потомъ скоро возвратились; съ нами осталось только двое—Мохницкій и молодой Нудера, храбрый солдатъ, хотя нѣмецъ по имени и происхожденію, но казакъ душою.

Такимъ образомъ въ Межиричѣ нашъ отрядъ увеличился до 300 человекъ, и былъ укомплектованъ 3-й эскадронъ, поступившій подъ команду Тадеуша Приборовскаго; въ этотъ эскадронъ вошли межиричскіе студенты, шляхта и казаки Стецкаго.

Повстанцы прошли передъ окнами Стецкаго; больной, поддерживаемый докторомъ и дворецкамъ, приподнялся съ постели и благословилъ насъ.

За нами шли возы съ оружіемъ, захваченнымъ подъ Молочками; этимъ оружіемъ мы хотѣли снабдить овручскихъ повстанцевъ, такъ какъ Ружицкій все еще имѣлъ намѣреніе проникнуть въ овручскій повѣтъ. Извѣстія, полученныя нами въ Правотынѣ, заставили насъ удалиться отъ береговъ Случи, но теперь мы снова приблизились къ рѣкѣ Мы подходили къ деревнѣ Тышицѣ, лежащей на берегу Случи. Деревня была разбросана на большомъ протяженіи, и еще въ Межиричѣ шпіоны донесли, что по дорогѣ отъ Новгородъ-Волинска къ Корцу показался какой-то русскій кавалерійскій отрядъ, но мы не думали, что онъ могъ такъ скоро догнать насъ, и начальникъ свѣспилъ достигнуть лѣса, до котораго оставалось не болѣе двухъ верстъ. Въ это время Адамъ Доморадскій донесъ о нападеніи на нашъ обозъ сильного русскаго отряда, которому онъ не могъ оказать сопротивленія.

Начальникъ отдавъ приказаніе пройти чрезъ деревню на рысакъ. За деревней справа протекала Случь, огибая лугъ, заросшій мѣстами лозой; слѣва огромное болото тянулось до самаго лѣса. Приблизительно въ двухъ тысячахъ шагахъ отъ деревни былъ мостикъ черезъ ручей, протекавшій по болоту и впадавшій въ Случь; за этимъ мостикомъ, по обѣ стороны были вспаханныя поля, а въ полуверстѣ начинался лѣсъ.

Пройдя деревню на рысакъ и проскакавъ черезъ мостикъ, мы выстроились и стали ждать непріятеля. Русскій отрядъ состоялъ изъ двухъ эскадроновъ конныхъ егерей Дертскаго полка, подъ командой

подполковника Петерса, который ручался генералу Левашову, что онъ насъ догонитъ, разобьетъ и возьметъ въ плѣнъ. Онъ шелъ бодро впередъ, по деревнѣ прошелъ рысью и, перейдя мостикъ, приказалъ своимъ двумъ эскадронамъ выстроиться по обѣ стороны дороги и открыть огонь.

Ружичкій, видя, что конные егеря остановились, командовалъ: «съ мѣста въ карьеръ, лѣки внизъ, съ Богомъ!» Первый эскадронъ нашихъ казаковъ загналъ одну часть конныхъ егерей въ болото, второй эскадронъ—въ Случь и въ деревню, а болѣе 30 нашихъ казаковъ, съ Грудзинскимъ и со мною во главѣ, вышли изъ деревни и нагнали нашъ обозъ, который былъ захваченъ конными егерями; мы отбили его, взяли въ плѣнъ конвой, а возы съ оружіемъ отослали въ Тышицу.

Къ ночи мы пришли въ Кашовку, гдѣ застали помѣщиковъ Ровенскаго уѣзда, съѣхавшихся туда съ женами и дѣтьми. Между ними были пани Ворцелева и сестра ея, панна Качевская, обѣ замѣчательныя красавицы и прекраснаго воспитанія. Мы провели вечеръ танцуя мазурку и вальсъ. Это была истинно рыцарская награда за наши труды. Шампанское пѣнилось въ бокалахъ; произносились различные тосты, преимущественно за прекрасный полъ; оживленнѣе всѣхъ прошелъ тостъ въ честь панны Анели Пенковской, о храбрости и патриотизмѣ которой много рассказывали намъ участники повстанья въ Овручскомъ и Радомысльскомъ уѣздахъ, конхъ имъ тутъ видѣли.

Панна Анеля Пенковская, молодая дѣвушка, лѣтъ 18, блондинка, съ голубыми глазами, высокая, стройная, была замѣчательно хороша собою; она находилась все время въ обозѣ радомысльскихъ повстанцевъ, собравшихся подъ начальствомъ своего маршалка Онуфрія Голецкаго. У нихъ поднялся вопросъ объ установленіи сообщенія съ обозомъ овручскихъ повстанцевъ, бывшихъ подъ командой маршалка Вильгельма Головинскаго. Нѣсколько человекъ, посланныхъ съ этою цѣлью, было захвачено донцами, занимавшими границу между двумя уѣздами. Панна Анеля вызвалась добратся до овручскаго обоза. Одѣтая амазонкою, на прекрасной лошади, въ сопровожденіи одного конюха, она успѣла обмануть бдительность донцовъ и, по лѣсамъ и по полямъ, доѣхала до лагеря Головинскаго въ тотъ моментъ, когда тамъ началось сраженіе съ русскими. Головинскій сообщилъ ей, что если ему удастся прорваться сквозь ряды русскихъ, онъ направится къ Бѣлосорокѣ для соединенія съ радомысльскими повстанцами, и просилъ Голецкаго сѣсть къ тому же пункту. На возвратномъ пути прекрасная амазонка подверглась нападенію со стороны донцовъ, ея конюхъ былъ убитъ, а сама она избѣжала погони и прибыла въ лагерь Голецкаго, гдѣ, отдавъ отчетъ въ исполненіи порученія, въ тотъ же день заболѣла горячкой; ее отвезли къ матери, и она вскорѣ скончалась. Отъ тѣхъ же бѣглецовъ мы узнали,

что совѣтъ начальниковъ овручскаго повстанья, въ отвѣтъ на извѣстныя слова диктатора Хлопицкаго, постановилъ слѣдующее: если Варшава не хочетъ быть столицей Польши, Литвы и Руща, то пусть Овручь будетъ Варшавой, и тотчасъ выслать свое войско противъ многочисленнаго русскаго отряда, не дождавшагося амуниціи, о которой хлопоталъ Головинскій и въ которой ему отказали, сказавъ:

— Пусть гетманы холоднымъ оружіемъ остановятъ врага и истребить его!

Гетманы исполнили часть этого приказанія, дрались холоднымъ оружіемъ до изнеможенія, но непріятели не остановили, а сами погибли и съ ними погибло повстаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФИНЯ Р. С. ЭДЛИНГЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ В. Г. ТЕПЛЯКОВУ

Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, рожденная Стурдза сестра известнаго писателя и дипломатическаго дѣятеля, Александра Скарлатовича, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ женщинъ эпохи Александра I. Будучи любимой фрейланой императрицы Елисаветы Алексѣевны, она была свидѣтельницей всѣхъ замѣчательныхъ событій, которыя прошли черезъ все александровское царствованіе.

Роксандра Скарлатовна родилась 12 октября 1786 г. въ Константинополѣ. Отецъ ея, Скарлатъ Дмитріевичъ, молдавскій господарь, вслѣдъ за яскскимъ миромъ (1792) переселился въ Россію; мать ея была гречанка изъ рода князей Мурузи. Огромное состояніе ихъ, оставшееся на родинѣ въ чужихъ рукахъ, разстроилось; въ своемъ новомъ отечествѣ молдаванскіе эмигранты купили усадьбу въ Могилевской губерніи, гдѣ занимались хозяйствомъ, а главнымъ образомъ всѣ ихъ заботы были направлены на воспитаніе и образованіе дѣтей, которымъ руководила сама мать, при помощи вывезеннаго изъ Молдавіи француза Допань. Какъ только дочери Роксандрѣ исполнилось 17 лѣтъ, родители рѣшили выйти изъ замкнутаго круга деревенскаго уединенія и возвратиться къ свѣтской жизни; съ этою цѣлью они стали показываться въ Петербургѣ. Домъ ихъ былъ открытъ для друзей, среди которыхъ часто появлялись князь Иисланти и графъ Каподистрія; въ ихъ гостинныхъ собиралось самое разнообразное общество; въ большомъ свѣтѣ скоро замѣтили и полюбили умную и не по лѣтамъ образованную Роксандру Скарлатовну. Явившись ко двору она обратила на себя вниманіе молодой императрицы, которая вскорѣ приблизила ее къ себѣ. Въ это время началась отечественная война. Императоръ уѣхалъ въ дѣйствующую армію, а госу-

дарыня въ тѣсномъ кругу своихъ приближенныхъ переселилась во дворецъ на Каменномъ островѣ. Грустный и озабоченный вернулся Александръ I изъ арміи въ сѣверную столицу; около этого времени онъ познакомился съ фрейлиной Стурдзой и часто находилъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ этой женщиной, которая поражала его изяществомъ и силою своихъ убѣжденій. Послѣ изгнанія непріятеля, когда союзныя войска, одушевляемыя присутствіемъ императора Александра I, двинулись къ предѣламъ Франціи, государыня выѣхала изъ Петербурга, чтобы навѣстить своихъ родныхъ въ Германіи и встрѣтиться тамъ со своимъ августѣйшимъ супругомъ. Дѣвица Стурдза была назначена сопровождать императрицу. Во время этого путешествія Роксандра Скарлатовна близко познакомилась съ баронессой Крюденеръ и Юнгомъ Штиллиангомъ; тогда же она вела переписку съ графомъ Каподастріа, который вскорѣ былъ приближенъ къ государю. Потомъ во время конгресса дворъ перѣехалъ въ Вѣну. Здѣсь, среди пышнаго блеска баловъ, спектаклей и вечеровъ, императоръ часто встрѣчался съ фрейлиной Стурдзой, которую мало занимала вся эта мишурная роскошь придворной жизни; видимо и самъ государь тяготился этими празднествами среди всѣхъ сплетенъ и интригъ, его окружающихъ, и въ задушевныхъ бесѣдахъ высказывался откровенно.

Въ 1816 г. дѣвица Стурдза вступила въ бракъ съ графомъ Эдлингъ, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и маршаломъ при веймарскомъ дворѣ. Побывавъ въ Россіи, онъ вернулся къ своему посту, но скоро однако оставилъ службу. Въ 1822 г. супруги получили въ даръ отъ императора 10.000 десятинъ земли въ Бессарабіи; прошло нѣсколько лѣтъ и на мѣстѣ пустынныхъ земель явилось, благодаря попеченію владѣтелей, благоустроенное имѣніе Маназыръ. Живя въ тишинѣ деревни, графиня Эдлингъ вся была проникнута стремленіемъ помогать бѣднымъ и сиротамъ. Въ имѣніи было открыто ею училище для немущихъ дѣтей, устроена лечебница для больныхъ; около Одессы, благодаря ея попеченіямъ, возникъ сиротскій домъ и собраны были суммы для устройства женскаго монастыря. Во время греческаго возстанія Роксандра Скарлатовна принимала дѣятельное участіе въ облегченіи участи своихъ единовѣрцевъ: она жертвовала деньгами, ходатайствовала за угнетенныхъ, переписывалась съ княземъ А. Н. Голицынымъ, при помощи котораго ей удалось осуществить мысль о сборѣ по всей Россіи пособій для грековъ и выкупа плѣнныхъ у турокъ. Братъ ея, Александръ Скарлатовичъ Стурдза, состоявшій одно время секретаремъ при графѣ Каподистріа, затѣмъ при князѣ А. Н. Голицынѣ, оставилъ по разстроенному здоровію службу въ 1830 г. и поселился въ Одессѣ; здѣсь, какъ и всегда, сестра Роксандра была его задушевымъ другомъ. Около этого времени познакомился съ графиней Эдлингъ, состоявшій при графѣ М. С. Воронцовѣ, В. Г.

Тепляковъ. Предлагаемыя письма даютъ прекрасную характеристику графини Эдлингъ и обращаютъ на себя вниманіе глубиною и талантливымъ наложеніемъ мыслей. Въ 1841 г. Роксандра Скарлатовна лишилась своего супруга, а 16 января 1844 г. скончалась сама, горячо оплаканная братомъ, его дочерью и внуками и, за неизмѣнѣмъ своихъ дѣтей, тѣми сиротами, которымъ посвятила половину своей жизни. См. «Дань памяти гр. Р. С. Эдлингъ, урожденной Стурдза». Одесса 1844.— «Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza) demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Élisabeth Alexéevna». Moscou 1888.

А. Э. Шидловскій.

Графиня Р. Эдлингъ—В. Г. Теплякову. ¹⁾

1.

31 апрѣля 1834 г. Манзырь.

Къ вамъ, кажется, можно примѣнить поговорку объ отсутствующихъ: съ глазъ долой—изъ сердца вонъ; вы не только не пріѣхали ко мнѣ, какъ я надѣялась, но даже не писали какъ общались. Все же я думаю, въ одинъ прекрасный день вы вспомните меня, теперь же посылаю вамъ рекомендательное письмо для Константинополя. По счастливой случайности мой хорошій знакомый г. Доне, который, какъ я вамъ говорила, можетъ быть такимъ полезнымъ въ Константинополѣ знакомымъ, точно съ неба упалъ ко мнѣ на дняхъ, не знаю откуда. Онъ общался снабдить васъ письмами и разными свѣдѣніями; но онъ будетъ въ Одессѣ только 15 мая. Если вы до тѣхъ поръ еще не уѣдете, освѣдомьтесь о немъ на хуторѣ Гоголь, гдѣ онъ останавливается; вы въ немъ встрѣтите человека очень обязательнаго и который будетъ вамъ очень пріятенъ въ путешествіи. Но уѣдете ли вы? Я въ этомъ не совсѣмъ увѣрена, зная, какъ несчастна ваша звѣзда. Благословляю свою звѣзду, что я оставила городъ. Здѣсь мои деревья, мои животныя и даже мои люди—всѣ, кажется, счастливы моимъ присутствіемъ. Душа успокаивается въ уединеніи и воображеніе оживляется у этого источника природы, который не можетъ иссякнуть. Весна этотъ годъ такая цвѣтистая и прелестная; у насъ много соловьевъ, тепло, какъ на югѣ, и растительность великолѣпная. За моимъ оазисомъ, правда, начинаются обширныя степи,

¹⁾ Всѣ письма печатаются въ переводѣ съ французскаго.

но эти степи всё покрыты стадами; тотъ, кто, одаренъ нѣкоторой поэзіей, легко можетъ представить себѣ тутъ колодезь Іакова, постуховъ Халдеи и всё эти идиллическія картины, которыя прельщаютъ насъ своей простотой въ колыбели человѣчества. Здѣсь чувствуешь себя хорошо; а главное—находишь отдыхъ; а отдыхъ былъ бы, кажется, необходимъ для васъ. Что дѣлаетъ ваша бѣдная поэзія среди всёхъ этихъ завтраковъ, вечеровъ и дуэлей, слухъ о которыхъ дошелъ до насъ? Въ ожиданіи что вы сообщите новости, прошу васъ принять выраженіе искренняго моего участія, которое я питаю къ вамъ и которое несколько не имѣнилось моимъ общеніемъ съ природою. Потрудитесь передать Чорба, что я отчаявалась также его видѣть, а все-таки желаю отъ всей души, чтобы онъ исполнялъ по крайней мѣрѣ свои предположенія въ отношеніи сестры и тетки.

2.

12 іюля 1834 г. Манзырь.

Я получила ваше письмо изъ Константинополя, за которое тысячу разъ благодарю. Оно пробудило во мнѣ тоску по родинѣ. Я очень рада, что вы не ошиблись въ своемъ ожиданіи и наслаждаетесь одной изъ тѣхъ хорошихъ и рѣдкихъ минутъ жизни, которыя есть отдыхъ божественный, а онъ помогаетъ намъ легче переносить горести, неизбежныя въ нашемъ существованіи. Не въ одну изъ такихъ отрадныхъ минутъ пишу вамъ. Домъ мой наполненъ больными; мужъ мой первый слегъ и былъ три недѣли прикованъ къ дивану опухолью ноги. Южныя губернія страдаютъ опять отъ засухи. Мы будемъ имѣть столько же горестей, если не больше, какъ прошлый годъ, и тѣ, которыхъ, Боже мой, называете вы несчастными, сами еще стараются ухудшить наше положеніе, но я надѣюсь, ихъ приберутъ къ рукамъ. Ничего не могу сказать вамъ о свѣтлѣйшемъ¹⁾ (гр. Воронцовѣ); говорятъ, онъ грустенъ, озабоченъ подъ давленіемъ большой денежной отвѣтственности касательно военнаго продовольствія въ 1829 г. Его ждутъ въ Одессу; говорятъ, что онъ поѣдетъ въ Измаилъ и къ 30 августа въ Петербургъ. Я убѣждена, что его сношенія съ графомъ Нессельроде легко доставятъ ему случай помочь вашему опредѣленію въ константинопольскую миссію, и, зная его любезность, не сомнѣваюсь, что, если вы къ нему обратитесь, онъ для васъ это сдѣлаетъ. Тогда подъ шумъ волнъ Босфора ваша фантазія доставитъ намъ наслажденія, достойныя вашего таланта.

¹⁾ Въ подлинникѣ: *illustrissimo*.

Какъ нравится вамъ статья (?) Вяземскаго на альманахъ; онъ какъ будто сговорился съ барышнею Штиглицъ, которая отдавала пальму первенства Сафонову. Онъ же предпочитаетъ Растопчину и Норова. Я всему этому очень смѣялась.

Хотѣлось бы мнѣ написать вамъ побольше, но я совсѣмъ измучена. У насъ большое общество, и я не имѣю ни минуты отдыха; въ то же время не хочу пропустить случая отправить это письмо въ Одессу. Прощайте; пишите мнѣ, на сколько можете часто, и будьте увѣрены въ преданности, которую я питаю именно къ вамъ, потому что рассчитываю, что найду въ васъ то, что такъ можно рѣдко встрѣтить въ людяхъ, а именно: прямоту, доброту, таланты и правдивость.

3.

27-го апрѣля 1835 г. Манзырь.

Съ удовольствіемъ получила ваше письмо изъ деревни. Въ немъ выражается благотворное вліяніе природы и уединенія. Я увѣрена, что вамъ понравится эта жизнь, которую вы прежде не могли оцѣнить. Вы не могли въ вашей бурной молодости понять всю прелесть роднаго дома, между тѣмъ для васъ это пока минута отдыха, un momento di riposo, какъ говорятъ итальянцы. Меня удивило, что Родофиникину ¹⁾ не дали никакого отвѣта, и я написала г-жѣ Пуль, прося ее требовать отъ Щербинина ²⁾, чтобы этотъ отвѣтъ былъ посланъ какъ можно скорѣе. Къ сожалѣнію, графъ вернется въ Одессу не ранѣе 15 го или 20-го сентября. Разъ вы получите этотъ отвѣтъ, держитесь Родофиникина и не адресуйтесь къ другимъ подчиненнымъ, это могло бы оттолкнуть его, а онъ—личность очень вліятельная при вице-канцлерѣ ³⁾. Онъ написалъ моему брату, что такъ господа Б. и Ф. общаются много и, конечно, не дѣлаютъ для васъ, но онъ рѣшился дѣйствовать одинъ и сдѣлаетъ это по возвращеніи вице-канцлера. Я въ то же время опять напишу Голицыну, и увѣрена, что, если вы не перемѣните своего желанія, то будете имѣть успѣхъ. Эту зиму Одесса будетъ люднѣе, чѣмъ когда-нибудь. Ожидаютъ графа Льва Потоцкаго, графа Бобрин-

¹⁾ Константинъ Константиновичъ Родофиникинъ былъ членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, потомъ управляющимъ азиатскимъ департаментомъ при этомъ министерствѣ. († 30-го мая 1838 г.).

²⁾ Михайла Павловичъ Щербининъ, чиновникъ при канцеляріи графа М. С. Воронцова. Впоследствии написалъ біографію своего начальника.

³⁾ Гр. Карлъ Васильевичъ Нессельроде.

*

скаго съ ихъ семействами, Марью Антоновну Нарышкину ¹⁾, семейство Фонтонъ и множество другихъ. Фонтонъ былъ у насъ въ Манзырѣ и, вѣроятно, во-очію убѣдился, что можно быть счастливымъ и полезнымъ вдали отъ свѣта и дѣлъ. Разсчитываю вернуться въ Одессу въ первыхъ числахъ октября; думала поѣхать въ Крымъ, но обыкновенный въ это время холодъ задерживаетъ меня. Признаюсь, впрочемъ, что мнѣ жаль расстаться съ Манзыремъ. Въ деревнѣ я люблю даже эти длинные осенніе вечера у каминъ, съ хорошей книгой, съ грустными воспоминаніями и мыслями о другомъ, лучшемъ мірѣ. Я достала себѣ второй томъ Dostigne; онъ вовсе не такъ замѣчательнъ, какъ первый. Я прочла опроверженіе аббата Ботанъ ²⁾, прочтала также путешествіе Ламартина на Востокъ; это—не что иное, какъ дневникъ; но есть мѣста весьма интересныя. Въ томъ полномъ уединеніи, въ которомъ я живу, чрезвычайно пріятно сообщаться мыслью съ цивилизованнымъ міромъ. Можетъ быть вы когда-нибудь посѣтите меня здѣсь, тогда вы будете представлять цивилизацію, а я—степь, но тѣмъ не менѣе разговоръ нашъ будетъ пріятенъ. Н. Нарышкина ³⁾, провела со мною нѣсколько дней, и дружба наша еще скрѣпилась въ этой простой, деревенской жизни, которая можетъ быть пріятна только для людей, другъ другу сочувствующихъ. Прощайте, дорогой Тепляковъ; не надѣясь, что вы вернетесь въ Москву и нуждаясь все-таки въ артистѣ-поварѣ, я адресовалась къ какому-то прусскому консулу, Штрауху, одному изъ столповъ Москвы, съ просьбой его прислать. Если вы, паче чаянія, знакомы съ этимъ господиномъ и если вы вздумаете посѣтить столицу прежде вашего отправленія въ Петербургъ, постарайтесь узнать, найденъ ли этотъ артистъ. Прощайте еще разъ; мужъ мой и всѣ мои друзья васъ вспоминаютъ.

4.

25-го мая 1836 г. Манзырь.

Получила ваше письмо изъ Москвы съ искреннимъ удовольствіемъ. Мнѣ нравится ваша привязанность къ милой, старой столицѣ; я съ

¹⁾ Марья Антоновна, рожденная княжна Четвертинская, была фрейлиной императрицы Екатерины II, вышла потомъ замужъ за Дмитрія Львовича Нарышкина.

²⁾ Louis-Eugène-Marie Batain, французскій философъ и богословъ (†1867), написавшій много сочиненій. Вѣроятно, здѣсь говорится объ его: „Philosophie du christianisme. (1835)“.

³⁾ Наталья Федоровна Нарышкина, рожденная гр. Радошчина.

вами согласна, что, если ваше желаніе не исполнится, вы должны поселиться въ Москвѣ не для того, чтобы прозябать, по вашимъ словамъ, а жить хорошей, простой жизнью; отъ этой жизни мы никогда не удаляемся безъ сожалѣнія и всегда съ удовольствіемъ къ ней возвращаемся. Въ Москвѣ проснется ваша любовь къ литературѣ, и вы тамъ найдете тѣ умственные наслажденія, которыхъ вы не имѣли въ Одессѣ, потому что нашъ милый городъ не отличается въ этомъ отношеніи. Впрочемъ я васъ утѣшаю, а можетъ быть этого вовсе не нужно. Князь Голицынъ каждый годъ, на словахъ, ѣдетъ въ Крымъ, но говорятъ, что дѣйствительно этою весною многіе оставили Петербургъ. Я также обрѣтаюсь въ моей пустынѣ и нахожу ее прелестной. Жду мое семейство и нѣкоторыхъ друзей, съ которыми еще болѣе буду наслаждаться спокойствіемъ и удовольствіями деревенской жизни. Нарышкина, которая прислала мнѣ это письмо для васъ, обѣщаетъ непремѣнно пріѣхать сюда, послѣ чего она также отправляется въ Москву. Въ Мавзырѣ я могу, наконецъ, спокойно заняться чтеніемъ; здѣсь мнѣ никто не мѣшаетъ, какъ въ Одессѣ. Я вся погрузилась въ вашемъ Sismondi ¹⁾, чтобы познакомиться съ испанской литературой; но оказывается, что въ этомъ предметѣ я столько же свѣдуща, какъ и онъ, благодаря нѣмецкимъ переводамъ, единственному источнику, которымъ и онъ пользовался. Прочла также нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Ламартина о Востокаѣ. Его рассказъ о свиданіи съ леди Стенгопъ ²⁾ очень интересенъ; вы

¹⁾ Jean-Charles-Léonard Simonde de Sismondi, женеvскій историкъ и экономистъ. Здѣсь говорится объ его: „De la littérature du midi de l'Europe“ (Paris. 1813—1829. 4 v.).

²⁾ Леди Стенгопъ (lady Esther Stanhope), женщина извѣстная своею эксцентричностью и страннымъ характеромъ; она была старшею изъ трехъ дочерей графа Чарльза Стенгопъ, англійскаго пэра, отъ перваго его брака съ Эстеръ Питтъ, дочерью знаменитаго Чатама; родилась въ Лондонѣ въ 1776, умерла въ Дижунѣ (Сирія) въ 1839 г. Она получила воспитаніе, живя въ деревнѣ, вдали отъ родителей; здѣсь, предоставленная почти себѣ, она росла на попеченіи слугъ, ее окружающихъ, среди которыхъ проявляла свой деспотическій и надменный характеръ; она никого не любила; одинъ только Питтъ пользовался ея расположеніемъ. Послѣ смерти Питта, леди Стенгопъ покинула родину и отправилась на Востокъ. Побывавъ въ Греціи и Египтѣ, она поселилась въ Сиріи, выбравъ своей резиденціей Дижунъ. Здѣсь она слыла пророцѣей, ходила въ восточномъ костюмѣ, была извѣстна окрестному населенію подъ именемъ царицы Тадморъ. Ламартинъ во время путешествія по Востоку въ 1833 г. посѣтилъ эту замѣчательную женщину. „Повидимому,—говоритъ онъ,—ея религиозные взгляды были обдуманнѣе, хотя смутнѣе смѣшеніемъ различныхъ вѣрованій, среди которыхъ ей было суждено жить: мистическое настроеніе друзей, покорность Провидѣнію и фатализмъ мусульманина, религія еврея, ожидающаго Мессію, и нравственное ученіе христіанина, вѣрующаго въ Спасителя—все это освѣщено было колоритомъ фантазіи съ примѣсью сверхъестественнаго воображенія, подогрѣваемаго одиночествомъ и размышленіемъ...“

такъ любите необыкновенные характеры; вамъ слѣдовало бы посѣтить Ливанскія горы, чтобы съ нею познакомиться. Никлевичъ—ничто въ сравненіи съ нею. Кстати о Никлевичѣ; онъ положительно общается пріѣхать въ Маназыръ къ 10-му іюня. Мы ему приготовили хорошее фортепіано, и я надѣюсь, что онъ и здѣсь заживется, какъ въ Hôtel du Nord. Г-жа Катакази написала мнѣ изъ Аеннъ, что она вздыхаетъ по Россіи. Примите это къ свѣдѣнію. Прощайте; я думаю, вы не имѣете времени читать мои письма среди свѣтскаго вихря, въ которомъ я васъ отсюда вижу. Желаю вамъ всякаго успѣха. Пока не забывайте меня и рассчитывайте на мою дружбу. Мужъ мой шлетъ вамъ свой привѣтъ.

P.S. Благодарю васъ за повара; я очень рада была, узнавъ, что его можно имѣть на такихъ условіяхъ. Въ эту минуту у меня есть поваръ, но осенью, можетъ быть, воспользуюсь свѣдѣніями; которыми обязана вамъ.

5.

3-го апрѣля 1836 г. Одесса.

Еще до полученія вашего письма, дорогой Тепляковъ, я уже знала хорошую новость, которую вы мнѣ сообщаете. Князь Голицынъ уже писалъ мнѣ о благопріятномъ оборотѣ вашего дѣла, а теперь Родофинкинъ извѣстилъ моего брата о вашемъ назначеніи въ Константинополь. Всему этому я уже порадовалась, но вы такъ мило и съ такимъ чувствомъ приписываете мнѣ вашъ успѣхъ, что я поняла все наслажденіе содѣйствовать карьерѣ поэта. Шутки въ сторону; я очень счастлива, что вы, наконецъ, достигли пристани. Ваше существованіе было невыносимо; никогда это не забывайте, чтобы потомъ въ случаѣ неприятностей и неудачъ вамъ бы всегда помнить, что васъ даже въ Петербургъ не хотѣли пускать, но что теперь эта побѣдка не только доставила вамъ прекрасное и завидное назначеніе, но примирила васъ съ самимъ собою, изгладивъ слѣды прошлаго и возвративъ вамъ это доброе расположеніе, столь необходимое человѣку, чтобы жить и умереть въ довольствѣ. Это стоитъ всей поэзіи лорда Байрона, не говоря уже о будущности, которая открывается передъ вами; вполне будетъ зависѣть отъ вашего ума, чтобы эта будущность была самая блестящая. Объ этомъ мы потолкуемъ на свободѣ, когда вы вернетесь. Пока вѣрьте, что никто болѣе меня не принимаетъ участія во всемъ, что до васъ касается. Вы все-таки скрывали передо мной свой истинный характеръ, но благодаря моей женской провицательности, я скоро поняла васъ. Благородство души, прямота, правдивость, набожность. Налетѣвшая

бури все взволновала; слава Богу, она миновала, вздохнете же, наконецъ, и не забудьте Того, который поддержалъ васъ 10 лѣтъ тому назадъ въ томъ грустномъ отчаяніи, въ которомъ вы находились, протянулъ вамъ руку помощи и никогда васъ не оставитъ. Вы видите, что я не потеряла привычку поучать васъ, но сердце мое преисполнено такою за васъ благодарностью Богу, какою, какъ видите, вы можете вполне со мною раздѣлить. Надѣюсь васъ увидѣть, когда вы будете въ нашихъ краяхъ. Время моего отъѣзда въ Манзырь еще не рѣшено, потому что въ началѣ мая братъ ¹⁾ мой со своимъ семействомъ уѣзжаетъ въ Берлинъ. Мать моя остается на своемъ хуторѣ; я съ ней не разстанусь, пока она совершенно не устроится. Во всякомъ случаѣ я васъ уважу. Если вы пойдете на Тирасполь, прямой дорогой, вамъ скажутъ, переѣхала ли я въ Манзырь. Возьмите потомъ на Каушаны, станція на другой сторонѣ Днѣстра, а оттуда на почтовыхъ въ Манзырь. Переѣхавъ ручей подъ Тирасполемъ, вы минуете Бендеры и до Манзыря вамъ останется одна станція—Каушаны. Если же вы пойдете на Бендеры, то до меня двѣ станціи, хотя всего 12 верстъ разницы. Если не въ Манзырѣ, то вы меня найдете въ Одессѣ, въ моемъ маленькомъ домѣ; тутъ я веду все ту же однообразную жизнь; она меня иногда утомляетъ, но хорошія книги помогаютъ мнѣ ее переносить. Мнѣ попалась книга, мало извѣстная. Авторъ этой книги еще живъ; онъ женевскій пасторъ; заглавіе ея «*Leçons de la parole de Dieu*» («Уроки о словѣ Божіемъ»); это—грандіозно. Взглядъ его—чистота и христіанство; онъ касается съ глубокою увѣренностью самыхъ страшныхъ задачъ судьбы человеческой. Онъ начинается съ происхожденія зла и кончается вѣчнымъ блаженствомъ. Жизнь этого почтеннаго старца пройдетъ на землѣ незамѣтно; но я увѣрена, что горчичное сѣмя, брошенное имъ въ сухую землю, разрастется послѣ него въ вышину, и въ вѣтвяхъ его будутъ укрываться птицы. Надѣюсь, что вы помните это евангельское изреченіе? Я спрашивала себя, отчего въ нашъ вѣкъ, когда желѣзныя дороги и пароходы такъ быстро переносятъ товары и праздыхъ людей съ одного конца міра на другой, мысль человѣка, уединенно работающаго въ тиши своего кабинета, распространяется такъ медленно. Вслѣдствіе этого я просила брата написать Moulinié ²⁾ и сказать ему, что въ Одессѣ

¹⁾ А. С. Стурдза отправился въ Германію для поправленія своего здоровья и свиданія съ своимъ тестемъ, знаменитымъ врачомъ Х. В. Гуффеландомъ.

²⁾ Moulinié (Charles-Etienne-François), швейцарскій писатель († въ Женевѣ въ 1836 г.). Онъ исполнялъ обязанности пастора, былъ замѣчательнъ своею благочестивою жизнью, написалъ много духовныхъ сочиненій. Здѣсь говорится объ его: „*Leçons de la parole de Dieu sur les points les plus importants de la foi chrétienne*“. Paris, 1821—1826. 5 в.

существуютъ души, близкія его душѣ по той же вѣрѣ и любви. Отвѣтъ его доставилъ мнѣ самую живую радость. Но довольно теперь; надѣюсь, скоро имѣть удовольствіе потолковать съ вами, да хранить васъ всегда Господь. До свиданія.

P.S. Я очень тронута памятью ш-ше Хитрово; я также не забыла ее, такъ какъ она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ впечатлѣніе. На дняхъ напишу ей, чтобы предложить покупателю на ея землю въ Бессарабіи.

6.

25-го сентября 1836 г.

Пользуюсь отходомъ парохода, чтобы отвѣчать на ваше первое письмо изъ Константинополя, которымъ я осталась не совсѣмъ довольна. Боюсь, чтобы вы тамъ не выказали свой дурной нравъ, что ни къ чему хорошему не поведетъ. Подумайте: дабы быть любимымъ, нужно прежде всего быть любезнымъ, чего вы никогда не добьетесь, если съ самаго начала показываете свое дурное расположеніе духа. Умоляю васъ, не обращайте вниманія на маленькія непріятности, неразлучныя съ вашимъ расположеніемъ, и не забывайте, сколько людей были бы довольны вашему малѣйшему промаху, чтобы повредить вамъ. До сихъ поръ вы успѣвали благодаря специально благоволенію къ вамъ государя; но это еще не все. Ему не можетъ быть извѣстна незначительная мелочь вашей жизни, и вы не найдете въ немъ поддержки, если примѣнять къ вамъ фатальное названіе «безпокойный человекъ». Займитесь же пока древностями Константинополя и постарайтесь, чтобы добрейшій Бутеневъ ¹⁾ узналъ васъ такимъ, какой вы есть; онъ скоро пойметъ ваше прекрасное сердце, ваше поэтическое воображеніе, хотя иногда странное и эксцентричное. Въ виду этихъ прекрасныхъ, столь рѣдкихъ въ наше время, качествъ, онъ извинитъ непостоянство вашего ума, вашу раздражительность и скажетъ себѣ, что человекъ не даромъ родится повтомъ. Надѣюсь, вы не разсердитесь на мои замѣчанія, а главное — будете слѣдовать моимъ совѣтамъ. Мое убѣжденіе таково, что вы должны забыть Петербургъ, по крайней мѣрѣ на годъ. Если будущимъ лѣтомъ ихъ величества доставятъ намъ счастье видѣть ихъ здѣсь, ваша судьба можетъ измѣниться. Я радѣлаю мнѣніе вашего друга Р., что дипломатія вамъ вовсе не къ лицу, но нужно было съ

¹⁾ Аполинарій Петровичъ Бутеневъ, тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Портѣ Оттоманской.

чего-нибудь начать. Теперь же, когда вамъ покровительствуетъ государь в князь Голицынъ, то, конечно, найдутъ средства устроить васъ въ Петербургъ подъ тѣнью лавровъ Аполлона. Нетерпѣиємъ дѣла не портите. Я въ городѣ вотъ уже двѣ недѣли; мать моя еще въ деревнѣ пользуется послѣдними хорошими днями, и я была бы очень рада пожить немного среди природы, которая всегда такъ благодѣтельно на меня дѣйствуетъ; но по какому-то странному несчастію я всегда лишена этого единственного для меня удовольствія. Не есть ли это предзнаменованіе, что ни къ чему въ жизни не надо привязываться, даже къ мысли о Богѣ, но всегда искать Его мысленно, сама оставаясь въ уединеніи. Хорошо не понимаю этого; но чѣмъ больше я живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе сознаю себя чуждой окружающему и чувствую, что моего умственнаго развитія на это мнѣ совсѣмъ не хватаетъ; я хотѣла бы разбить ледъ, который мѣшаетъ мнѣ проникнуть внутрь себя. Видите, какъ перо мое осмѣливается желать понять мою душу, но я прощаю ему то, ибо это — для васъ. Гамалѣй сказалъ, что вы не получили сочиненія о Востокѣ, которое я вамъ однако послала въ вашъ отель утромъ рано въ день вашего отъѣзда. Неужели его задержали? Скажите, получили ли вы его? Прощайте. Пишу вамъ наскоро, потому что поздно, а пароходъ скоро отойдетъ. Нетерпѣливо желаю узнать, слѣдуете ли вы моимъ совѣтамъ. Пока пишете мнѣ чаще и рассчитывайте на мою искреннюю дружбу.

7.

18-го февраля 1837 г. Одесса.

Вотъ уже слишкомъ двѣ недѣли перо мое готово, чтобы писать вамъ въ ожиданіи отхода парохода: но онъ задержанъ въ пристани скопившимся льдомъ. Я вооружилась терпѣиємъ и хочу за то вознаграждать васъ громаднымъ письмомъ; прошу васъ поглотить его безропотно. Многое и многое имѣю сообщить вамъ; но начну съ бѣднаго Пушкина, смерть котораго, вѣроятно, васъ такъ же огорчила, какъ и меня. Конечно, вамъ уже извѣстны всѣ подробности о ней и васъ, вѣроятно, тронуло вниманіе къ нему государя, который пожелалъ облегчить ему переступить порогъ вѣчности съ успокоеніемъ и утѣшеніемъ религіи. Подобное высокое движеніе души христіанской не было бесполезно; такъ г-жа Пуль пишетъ мнѣ, что Пушкинъ, бывши нѣсколько часовъ до сего страшно раздраженнымъ, сталъ кротокъ, какъ ангелъ, просилъ помилованія своему сопернику и не принималъ ничего, какъ только изъ рукъ жены. Если Господь, какъ я надѣюсь, принялъ по своему милосердію

эту, столь богато одаренную душу, нужно только сожалѣть о тѣхъ, которые повергли его въ такое безуміе, которое отняло его отъ насъ. Указываютъ на одну даму, извѣстную намъ обомнѣ; говорятъ, что она была орудіемъ этого ужаснаго злодѣянія. Мнѣ не вѣрится это.

Въ Одессѣ также много умершихъ, больше всего молодые. Несчастіе, поразившее семейство Маразли, пугаетъ воображеніе. Сынъ вернулся изъ путешествія, чтобы умереть, а дочь послѣдовала за нимъ двѣ недѣли спустя. Орминъ выражаетъ такую глубокую грусть, и я теперь упрекаю себя, что не вѣрила его любви. Можете себя представить, какъ не гармонируетъ масляница со всѣмъ этимъ трауромъ. Между тѣмъ Нарышкины устраиваютъ домашній спектакль Гр. Виттъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, а Воронцовы—въ Крымъ на первой недѣлѣ поста. Къ 1 сентября въ Вознесенскъ ждутъ ихъ величества со свитой. Неизвѣстно, состоится ли ихъ путешествіе въ Крымъ, но мы ихъ увидимъ въ Одессѣ. Вотъ вамъ новости дня.

Чтобы вернуться къ жизни внутренней и самой, конечно, важной въ этомъ мірѣ, скажу вамъ, что на-дняхъ я прочла книгу, которая доставила мнѣ такое большое удовольствіе, что я выпишываю ее изъ Петербурга и вамъ также пришлю экземпляръ. Это—«Le Christ devant siècle». (Христосъ передъ лицомъ науки). Заглавіе неправильное; это—не аскетическое сочиненіе, но оно сосредоточиваетъ въ себѣ самыя свѣтлыя доказательства истины; этому мы обязаны современной наукѣ, которая, въ силу своего безпристрастія, много и заботливо трудилась, чтобы подтвердилось св. писаніе. Великолѣпный этотъ результатъ удивляетъ и радуется въ одно и то же время. Вообще не знаешь, какъ благодарить Бога за то, что христіанство снова пробудилось во Франціи, и что она опять съ неожиданнымъ рвеніемъ и ясностью мысли потрудилась въ духѣ Господнемъ, чего отъ нея трудно было ожидать. Я чувствую такую неизъяснимую радость, что могла бы проводить цѣлыя дни, размышляя о таинственныхъ путяхъ, которые Провидѣніе себѣ избираетъ для спасенія страждущаго человѣчества. Но для васъ, который пока въ этотъ предметъ особенно не вдается, на сегодня достаточно. Перейдемъ къ литературѣ. Говорятъ, васъ остро раскритиковали въ журналахъ, но я надѣюсь, вы не удостоите на это отвѣтить. Вы должны довольствоваться похвалою тѣхъ, которые дѣйствительно любятъ поэзію и, сами обладая талантомъ, уважаютъ его въ другихъ. Вотъ, что пишетъ мой братъ о второмъ томѣ вашихъ сочиненій, который я послала ему въ Берлинъ: «Если Тепляковъ уѣхалъ къ мѣсту своего назначенія, и вы будете ему писать, то выразите ему мою признательность за его книгу и скажите ему, что дѣйствительно двѣ изъ его ера-війскихъ алегій привели меня въ восторгъ, особенно та, гдѣ онъ описываетъ сраженіе. Это—поэзія, и высокая поэзія».

Я привожу вамъ его собственныя слова, а мнѣнiемъ моего брата нельзя пренебрегать. Жуковский, я и многіе другіе того же мнѣнiя.

Намъ говорили о случаяхъ чумы въ домѣ г-на Бутенева. Неужели эта чума никогда не кончится? Неужели вы должны сидѣть безвыходно въ вашей квартирѣ, неужели вы ни съ кѣмъ интереснымъ не познакомились? Здѣсь—все тѣ же лица, все та же безцѣльная потеря времени, какъ я всегда въ Одесѣ; такъ что не можешь дожидаться минуты отъѣзда въ деревню, чтобы тамъ, на свободѣ хоть немного воспользоваться способностью мыслить. Я намѣрена уѣхать тотчасъ послѣ Пасхи. Подѣлитесь со мною вашими планами; куда вы отправитесь! Я надѣюсь тѣмъ не менѣе, что, когда возобновится пароходное сообщеніе, я буду имѣть частыя отъ васъ извѣстія. Не будьте слишкомъ требовательны насчетъ отвѣтовъ. Не всегда бываешь расположена писать; иногда мѣшаетъ какое-нибудь огорченіе, или головная боль, или тысяча разныхъ дѣлшекъ. Достаточно, чтобы существовало сердечное участіе или дружба, а въ этомъ вы не должны никогда сомнѣваться.

8.

17-го марта 1837 г.

Ваше милое и доброе письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, благодарю васъ за него. Всѣ дальнѣйшія письма будутъ приняты съ большимъ удовольствіемъ. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы муза ваша вдохновилась и воспѣла Пушкина. Несомнѣнно, что царская милость заставила радостью умиляться его ангела-хранителя, плачущаго надъ его смертнымъ одромъ, озаривъ свѣтомъ новаго ореола, который на челѣ умирающаго гораздо выше земной славы. Если трудъ вашъ удастся, то я увѣрена, что князь Голицынъ съ удовольствіемъ его представитъ государю императору, который увидитъ, что не напрасно оказалъ вамъ свое покровительство. Меня очень тронуло извѣстіе, что первая особа, о которой послѣ катастрофы спросилъ Пушкинъ, была Карамзина ¹⁾, предметъ его первой и благородной привязанности. Хитрово ²⁾, кото-

¹⁾ Екатерина Андреевна, дочь А. И. Вяземскаго, жена исторіографа Карамзина.

²⁾ Елизавета Михайлова, дочь фельдмаршала Голенничева-Кутузова-Смоленскаго; въ первомъ бракѣ была за графомъ Федоромъ Ивановичемъ Тивенгаузеномъ († 1806), во второмъ за Николаемъ Федоровичемъ Хитрово, посланникомъ во Флоренціи († 1819). Это—женщина незабвенная въ петербургскихъ преданіяхъ. П. А. Вяземскій рассказываетъ: „Утра ея (впрочемъ продолжающіася отъ 1 до 4 пополудни) и вечера дочери ея, графини Фикельмонъ, неизгла-

рую хотѣли очернить въ общественномъ мнѣніи, приписывающемъ большое участіе ей въ этой интригѣ, ухаживала за Пушкиннымъ до его послѣдней минуты, и я нахожу, что это обстоятельство служить ей оправданіемъ.

Меня очень огорчило извѣстіе о кончинѣ князя Гагарина ¹⁾, шурина Свѣчной; знаю какое для нея это будетъ огорченіе. Скажите мнѣ пожалуйста, въ Константинополѣ еще ея племянникъ ²⁾ или нѣтъ; сообщите о немъ нѣкоторыя подробности; я знала его ребенкомъ и вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ. Все, что близко Свѣчной, для меня также дорого. Надѣюсь, что онъ достоинъ такой очаровательной тетушки, будучи знакомой съ которой можно повѣрить въ возможность совершенства на этой землѣ. По вашему описанію Константинополя кажется, что это не подходящее мѣсто для молодого человека, едва показавшагося въ свѣтъ. Что касается васъ, повторяю — терпѣніе. Нужно дожидаться событий, а не создавать ихъ во что бы то ни стало. Въ видѣ развлеченія вы хорошо дѣлаете, что прогуливаетесь въ Азію, но не пытайтесь переимѣнять вашего положенія до осени. Это во всякомъ случаѣ было бы преждевременно.

Что сказать вамъ еще? Одесса все та же, какъ вы ее знаете. Графъ и графиня Воронцовы уѣзжаютъ 28 марта въ Крымъ, и все общество разсыпается въ разные стороны. Выхожу по Манзырь, но не знаю, когда еще поѣду туда. Здоровье матери моей очень разстроилось. Братъ мой вернется только въ іюлѣ. Скажите, когда именно вы думаете оставить Константинополь, чтобы мнѣ не писать вамъ туда напрасно. Наталья Нарышкина не увидетъ изъ Одессы и будетъ очень рада, если вы ей напишете; ея дружба къ вамъ не измѣнилась. Я ее вижу часто,

димо вѣрваны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастье въ нихъ участвовать. Вся животренещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ салонахъ". Говоря далѣе о смерти Пушкина, Вяземскій добавляетъ: „Извѣстно, что тутъ замѣшано было и дипломатическое лицо. Тайна безъименныхъ писемъ, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрѣнія, почти неопровержимыя, но нѣтъ положительныхъ юридическихъ уликъ. Хотя Елизавета Михайловна, по семейнымъ связямъ своимъ, и примыкала къ дипломатической средѣ, но здѣсь она безусловно и исключительно была на русской сторонѣ. Въ Пушкинѣ глубоко оплакивала она друга и славу Россіи". (См. изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 г. „Русск. Архивъ“, 1877, т. I, стр. 513 и 514).

¹⁾ Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ († 12 февраля 1837), бывший посланникомъ въ Римѣ и Мюнхенѣ, былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Соймоповой, сестрѣ Свѣчной.

²⁾ Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, художникъ-любитель, занималъ одно время должность вице-президента Академіи Художествъ.

она меня учить англійскому языку; это — интересно для насъ обѣихъ. Прощайте, дорогой Тепляковъ, будьте здоровы, успокойтесь и рассчитывайте всегда на мою дружбу.

Рамовскій, наконецъ, издаетъ нѣсколько отрывковъ изъ русскаго сочиненія моего брата, а Родофиникину была поручена цензура. Какъ трудно, чтобы пропустили что-нибудь особенно знаменитое и доблестное изъ русской исторіи. Боюсь, что именно эту-то часть и не напечатають. Fiat.

9.

16 февраля 1838 г. Одесса.

Наконецъ сообщеніе началось, и я могу теперь заглядить свою вину передъ вами; увѣрю васъ, что вины собственно не существовало, дружба моя къ вамъ и доброе о васъ мнѣніе никогда не разрывались. Было бы слишкомъ долго распространяться о причинахъ моего молчанія. Приходить возрастъ, когда перестаешь быть общительной, когда исчезаетъ потребность дѣлиться своими впечатлѣніями и мыслями. Душа сосредоточивается въ самой себѣ, всѣ предметы для нея сходятся въ одну лучъ, который исходитъ отъ своего вѣчнаго источника и съ трудомъ расходится въ другія стороны. Боюсь не быть понятою, безсильною убѣдить и предпочитаешь сама съ собой мечтать о своихъ друзьяхъ. Выводъ изъ всего этого тотъ, что вы должны простить мнѣ мое молчаніе. Не буду говорить вамъ также о чумѣ, землетрясеніи, ни о страшно холодной зимѣ, которая, кажется, хочетъ теперь насъ оставить. Вслѣдствіе этого у меня нѣкоторая хворость и страстное желаніе деревни, чистаго воздуха, всей прелести лѣта, чего, кажется, никогда достаточно не цѣнишь. Наконецъ, 24-го я буду свободна; можетъ быть, воспользуюсь этимъ, чтобы удалиться на короткое время въ Манзырь и отдохнуть тамъ, пока установившаяся весна не позволитъ мнѣ переѣхать туда со всей семьей. Что касается вашихъ дѣлъ, то я предпочла бы не говорить, какъ не нравится мнѣ ваша попытка, о которой говорите мнѣ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Я предвижу неуспѣхъ и, если бы смѣла, то сильно пожурила бы васъ; но къ чему — разъ дѣло сдѣлано. Къ тому же вы очень расположены дѣйствовать по-своему; а вамъ не слѣдовало бы самому себѣ особенно довѣряться, потому что повѣтческій умъ не всегда — хорошій совѣтникъ. Графъ Толстой ¹⁾ говорилъ о васъ съ участіемъ и

¹⁾ Ген.-майоръ, графъ Александръ Петровичъ Толстой съ 6 декабря 1837 до 23 февраля 1840 г. былъ военнымъ губернаторомъ въ г. Одессѣ съ управленіемъ такъ же и гражданскою частію; потомъ до 1855 г. былъ въ отставкѣ, когда поступилъ на службу начальникомъ Нижегородскаго ополченія.

дружбою; думаю, намъ слѣдуетъ очень радоваться его назначенію. Онъ ждетъ сюда жену, говорятъ—она женщина набожная. Графъ и графиня Воронцовы и мадамъ Ольга собираются уѣхать въ Англію на это лѣто. Несмотря на всѣ свои невзгоды, Одесса привлекаетъ многихъ иностранцевъ, которые съѣзжаются сюда лѣтомъ. Когда вы покинете Константинополь, быть можетъ на возвратномъ пути завернете сюда, я буду очень рада васъ видѣть; братъ, мужъ и все мое семейство одинаково будутъ рады повидаться съ вами и просить меня передать вамъ это. Нахожу большую отраду въ обществѣ моего брата и моей племянницы. Пишите мнѣ, сообщайте ваши поэтическія мысли, не замѣняйте поэзіи; она была вашей вѣрной подругой въ счастья и несчастія, и вы не должны оставаться неблагодарнымъ. Прощайте, мои добрыя пожеланія будутъ сопровождать васъ повсюду.

10.

6 августа 1838 г. Одесса.

Ваши письма изъ Бейрута и Іерусалима дошли до меня аккуратно. Я была глубоко тронута видѣть, что вы еще думаете обо мнѣ среди пустынь и у гроба Господня; благодарю васъ отъ всего сердца. Только теперь сознаешь, до какой степени источникъ человѣческихъ привязанностей чистъ и благороденъ, а это потому, что онъ не зависитъ отъ всего того, что приковываетъ насъ къ землѣ: времени, пространства, привычекъ жизни. Съ чувствомъ счастья я мысленно переносилась съ вами ко гробу Христа, нашего Божественнаго Искупителя. То немного, что вы объ этомъ говорите, проникло мнѣ въ душу. Пусть воспоминаніе о минутахъ, проведенныхъ тамъ, будетъ для васъ источникомъ радости и утѣшенія въ будущемъ. Хотя я не придаю большой цѣны реликвіямъ, такъ какъ мнѣ кажется дѣлать изъ нихъ предметъ своего обожанія было бы обоготвореніемъ матеріи, я все-таки хотѣла бы, чтобы вы привезли мнѣ изъ Іерусалима нѣсколько листовъ или немного дерева отъ тѣхъ старыхъ оливокъ, корни которыхъ были орошены слезами Бога-Человѣка и смочены тѣмъ кровавымъ потомъ, рассказъ о которомъ заставляетъ содргаться слабыя существа, когда доходишь до этого таинственнаго мѣста въ описаніи страданій человѣчества, представленныхъ въ страданіяхъ Спасителя. Поданная вами надежда увидать васъ этой зимой въ Одессѣ мнѣ улыбается, и я уже воображаю себѣ пріятные вечера, которымъ мы будемъ обязаны вамъ. Я вамъ не писала все это время потому, что жизнь моя въ этомъ году была полна волневій, прежде всего по случаю свадьбы моей племянницы ¹⁾ Маріи. Вы знаете, какъ я люблю ее, этотъ единственный и послѣдній отпрыскъ моего рода. Вы-

¹⁾ Дочь А. С. Стурдзы вышла замужъ за Евгенія Григорьевича Гагарина.

бирая ей супруга по своему усмотрѣнію, я брала на себя отвѣтственность, которая заставляла меня дрожать. Она выходитъ за князя Евгенія Гагарина, брата того, который былъ въ Константинополѣ. Этотъ молодой человѣкъ самаго счастливаго характера, вполне принять нами и поселится въ здѣшнихъ краяхъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Свадьба состоится черезъ мѣсяць въ Манзырѣ; ее отложили потому только, что я была вынуждена пріѣхать въ Одессу для леченія минеральными водами. Мое здоровье было совсѣмъ не хорошо это лѣто, но, кажется, воды принесли мнѣ пользу. Здѣсь я опять встрѣтилась съ графиней Нессельроде, которая также принимала участіе въ сватовствѣ моей племянницы, что насъ очень сблизило. Она оплакиваетъ бѣднаго Родофинкина ¹⁾, къ которому, повидимому, была очень привязана. Эта утрата, конечно, огорчила васъ; всѣ о немъ сожалеютъ. Если бы Бутеневъ вернулся въ Константинополь къ первымъ числамъ сентября, графиня Нессельроде отправилась бы туда, и вы нашли бы въ ней очень замѣчательную женщину. Графъ Воронцовъ покидаетъ насъ 13 августа, чтобы ѣхать въ Берлинъ, гдѣ онъ встрѣтитъ его величество 6-го сентября. Тамъ рѣшится будущая судьба Одессы. Графъ Толстой, можетъ быть, не останется здѣсь губернаторомъ, но онъ твердо рѣшился не покидать еще такъ скоро эти мѣста. Его жена чрезвычайно интересная особа; она мнѣ страшно нравится своей оригинальностью и простотой своего прекраснаго сердца. Общество значительно увеличилось; сбывается то, что я всегда желала; Одесса становится такимъ большимъ городомъ, что скоро уже перестанутъ ежеминутно сталкиваться другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы можетъ быть хорошо бы сдѣлали, поселившись тутъ, чтобы предаваться единственному истинному наслажденію жизни — наукѣ и независимости, не говорю о поэзіи, потому что она исчезаетъ, какъ любовь. Доказательство этого мы имѣемъ въ послѣдней повѣсти Ламартина «Паденіе Ангела»; я еще совсѣмъ ошеломлена ею. Это чтеніе было точно ударъ обухомъ по головѣ. Я никогда не повѣрила бы, что такой прекрасный талантъ превратится въ какой-то кошмаръ безъ интереса и безъ всякой прелести. Неужели ничто не должно сохраниться на этомъ житейскомъ морѣ? Это причинило мнѣ истинное горе. Дѣйствительно, я думаю, что леди Стенгопъ не мало способствовала разстройству этой жизни. Вы мнѣ пишете о ней только нѣсколько словъ мимоходомъ. Повидимому, вы не были ею очарованы. Прошу васъ, если вы не вернетесь къ намъ эту зиму, напишите мнѣ по крайней мѣрѣ какія-нибудь подробности обо всемъ, что вы видѣли и испытали въ своихъ странствіяхъ. Я сохраняю для васъ нѣсколько хорошихъ книгъ, вышедшихъ недавно какъ бы для того, чтобы вознаградить насъ немного за всѣ нелѣпности, которыя окутываютъ насъ. Но письмо мое стано-

¹⁾ К. К. Родофинкинъ скончался 30 мая 1838 г.

вится слишкомъ длинно, а пароходъ долженъ уходить. Желаю, чтобы это письмо дошло до васъ и увѣрило бы, что вы всегда найдете ту же дружбу. Мой братъ, мой мужъ, всѣ мои интересуются вашимъ успѣхомъ и счастливымъ возвращеніемъ. Еще разъ прощайте. Да сохранить васъ Господь, которому вы поклонялись въ святыхъ мѣстахъ, и да приведетъ васъ обратно на родину!

11.

(9 декабря 1838 г. Одесса).

Вотъ письмо мое къ князю Голицыну; въ немъ прошу его представить васъ Потемкиной, которой вы должны преподнести какъ бы отъ меня бутылочку воды изъ рѣки Иордана и четки изъ Иерусалима. Присоединяю такъ же мою посылочку сенатору Нечаеву ¹⁾; живетъ онъ въ Москвѣ въ домѣ Мальцева. Пожалуйста передайте князю Голицыну, что здоровье мое не хорошо, кромѣ того я въ горѣ, видя мою мать при смерти ²⁾; скажите ему также, что, несмотря на это, я занимаюсь сборомъ денегъ для основанія монастыря ³⁾, съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, чтобы успѣть получить разрѣшеніе Синода до возвращенія Воронцова, которому съ его англійскими взглядами можетъ быть это нововведеніе здѣсь не понравится. Я прошу только сказать ему объ этомъ наединѣ.—Вотъ всѣ мои порученія. Да сопутствовать и покровительствуетъ вамъ Господь Богъ. Умоляю васъ быть осторожнымъ и не спѣшить въ вашихъ рѣшеніяхъ. Терпѣніе—это сальный архимедовъ рычагъ, особенно, когда онъ опирается на твердую спокойную и разумную волю. Прощайте. Съ радостью получу отъ васъ вѣсточку, но не требуйте аккуратности въ моихъ отвѣтахъ. Еще разъ прощайте.

¹⁾ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ съ 1819 г. былъ членомъ одной изъ масонскихъ ложъ, служилъ въ Москвѣ при военномъ генералъ-губернаторѣ, князѣ Д. В. Голицинѣ, женился на Софьѣ Сергѣевнѣ Мальцевой; потомъ былъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ; въ 1829 г. былъ назначенъ членомъ комиссіи духовныхъ училищъ, а въ 1833 г. опредѣленъ на мѣсто князя Мещерскаго оберъ-прокуроромъ Синода; принималъ дѣятельное участіе въ сближеніи униатовъ съ православною церковью. Въ 1836 г. онъ по болѣзни жены жилъ въ Крыму, и въ этомъ году на его мѣсто былъ назначенъ графъ Протасовъ, а Нечаевъ—присутствующимъ въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ Сената («Руководящіе дѣатели духовнаго просвѣщенія въ Россіи» И. А. Чистовича. С.-П.-Б., 1894, стр. 312—362).

²⁾ Султана Стурдза, рожденная княжна Мурузи († 9 марта 1839 г.).

³⁾ Графиня Эдлингъ собрала около 40.000 руб. для основанія въ Одессѣ женскаго общежительнаго монастыря, названнаго Михаило-Архангельскимъ, въ чертѣ котораго и погребена; по ея волѣ, высказанной незадолго передъ кончиной, въ 1846 г. былъ освященъ храмъ Воскресенія Христова, выстроенный при ея гробницѣ.

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга третья.

ПОВѢСТВОВАНИЕ

Священно-архимандрита отца Фотія ¹⁾.

Свѣдѣніе, данное отъ о. Фотія императору, съ котораго времени противу тайныхъ обществъ вредныхъ дѣйствуетъ.—Благоволеніе явное императора къ о. Фотію за ревность противу Библейскаго общества и прочихъ вредныхъ нововведеній.—Позволеніе отъ императора Александра о. Фотію во всякое время пріѣзжать въ Петербургъ.—О звѣрномъ числѣ 666.—Свѣдѣніе краткое императору Александру отъ о. Фотія о заговорѣ подѣ апокалипсическимъ числомъ звѣриннымъ 666.—О прелести врага подѣ видомъ тысящелѣтняго царствования Христова на землѣ въ смерть и пагубу.—О ревности противу Библейскаго общества попечителя Казанскаго округа М. Л. Магницкаго.—Дѣйствіе англійскихъ властей въ пользу падающаго Библейскаго общества.

Императору внушено было, что о. Фотій, по личности и неудовольствію дѣйствіе имѣя противу князя Голицына, проклатію его подвергъ. Посему императоръ желалъ удостовѣриться, съ котораго времени о. Фотій дѣйствуетъ противу тайныхъ обществъ, вредныхъ церкви святой и государству. Дабы истребить въ сердцѣ императора дѣйствительно подозрѣніе о себѣ, о. Фотій, составивъ записку за нѣсколько лѣтъ, когда противу кого именно дѣйствовалъ, а тѣмъ дабы сдѣлать внушеніе царю, въ чемъ по связи съ злочестивыми виновенъ также князь Голи-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г. іюль.

цынъ. Будучи законоучителемъ, о. Фотій со всюю дѣйствовалъ силою противу Лабзина, ересеначальника дерзкаго, и его сообщниковъ; а князь Голицынъ покровительствовалъ ему, устроилъ сему злочестивцу быть при переводѣ святаго евангелія, псалтири, и ходатайствовалъ о его наградахъ предъ лицомъ царя; также дѣйствовалъ противу издаваемыхъ книгъ Лабзина, «Сіонскаго Вѣстника» и прочихъ злочестивыхъ и зловредныхъ, и противу всѣхъ его развратовъ. Дѣйствовалъ о. Фотій противу начальницы жепророковъ Татарниновой, скопцовъ, противу сочиненій Хвостовой, выдаваемой за христіанку; дѣйствовалъ въ Санктъ-Петербургѣ, Москвѣ противу начальниковъ ложъ масонскихъ и разныхъ сектъ, и на самого князя Голицына сдѣлать старался вплиніе, дабы отвратить его отъ сообщенія съ ересіархами и злочестивыми. Наконецъ, противу Госнера, новаго ересіарха. онъ дѣйствовалъ, котораго князь Голицынъ во всемъ покровительствовалъ, и который подъ названіемъ библейскія церкви и вѣры—новую свою вводилъ, посредѣ Санктъ-Петербурга подъ покровомъ самого императора проповѣдывалъ, распространялъ, книги печаталъ, на евангеліе отъ Матвея толкованіе сдѣлалъ, и книги всего до 3.500 экземпляровъ было напечатано съ согласія князя Голицына. Директоръ же по просвѣщенію и любимецъ князя Голицына Василій М. Поповъ, собственноручно по своему злочестивому духу, исправлялъ; въ чемъ участвовалъ нѣкто еще генераль-лютеранинъ Брискорнъ и другіе. О всемъ семъ краткую послѣ словеснаго объясненія записку составилъ и послалъ императору для свѣдѣнія Фотій, что не по личности онъ дѣйствуетъ, и что уже симъ давно занимается. Вручена же была записка оная чрезъ начальника царскихъ войскъ Феодора П. Уварова, который жилъ въ самомъ дворцѣ, яко любимецъ царевъ и другъ его. Съ оной записки здѣсь списокъ прилагается подъ названіемъ: дѣла убогаго Фотія съ 1817 по 1824 годъ противу тайныхъ обществъ.

Записка убогаго Фотія съ 1817 по 1824 годъ противу тайныхъ обществъ.

1) Въ 1817 году убогій Фотій поступилъ законоучителемъ и настоятелемъ во 2-й кадетскій корпусъ и дѣйствовалъ противу масоновъ, и люминовъ, методистовъ, противу Лабзина и прочихъ, и разорвалъ связь духовныхъ лицъ и членовъ Синода съ тайными обществами и масонами.

2) Въ 1818 году убогій Фотій дѣйствовалъ съ опасностію жизни противу «Сіонскаго Вѣстника», Лабзина, ложъ масонскихъ, ересей, и старался ходъ расколовъ ихъ останавливать. За введеніе же нѣкоторыхъ

духовныхъ лицъ въ ложу, и за то, что духовника Фотіева, морскаго корпуса законоучителя, принявъ въ ложу свою, масоны направляли его въ морскомъ корпусѣ въ церковь въ олтарь урину испустить и образъ мѣстной Богородицы разрѣзать подлѣ царскихъ вратъ (за что послѣ онъ лишился и ума),—Фотій храбро подвизался за вѣру, за святиню и содержался три дня подѣ присмотромъ за стойкость и правду въ лаврѣ, дабы царю не донесъ о тѣхъ соблазнахъ.

3) Въ 1819 году убогій Фотій дѣйствовалъ противу ересей, расколовъ, масоновъ, Лабзина, Хвостовой, Татариновой, секты лжепророковъ и противу всѣхъ книгъ, издаваемыхъ противъ вѣры и правительства.

4) Въ 1820 году убогій Фотій дѣйствовалъ тоже и за проповѣдь, говоренную: Бога бойтеса, царя чтите—27 апрѣля; отъ тайныхъ обществъ чрезъ дѣйствіе Тургенева, неизвестно какъ, но былъ удаленъ въ самый разоренный монастырь, дабы голодомъ и скорбію уморить его.

5) Въ 1821 году убогій Фотій, будучи въ Деревяницахъ въ Новѣ-градѣ, дѣйствовалъ на тайныя общества въ Санктъ-Петербургѣ и Москвѣ, чрезъ преданныхъ ему о Христѣ.

6) Въ 1822 году убогій Фотій дѣйствовалъ противу Криднеръ, Татариновой и всѣхъ масоновъ. Былъ вызванъ въ Санктъ-Петербургъ, познакомился съ княземъ Голицынымъ и всѣ прилагалъ средства обратитъ его на правый путь. Жаль около 4-хъ мѣсяцевъ, уча правовѣрію и всѣ ереси и расколы, секты и общества обличая въ книгахъ и въ людяхъ, и всачески Голицыну внушалъ на словахъ и въ письмахъ, дабы онъ пересталъ секты поддерживать, но старался бы ихъ уничтожить.

7) Въ 1823 году монастырь Фотія былъ сожженъ огнемъ, и его дѣйствіе остановилось; но все ему было доноσιμο въ Новѣ-городѣ.

8) Въ 1824 году убогій Фотій 1-го февраля былъ вызванъ въ Санктъ-Петербургъ для дѣйствія за церковь, вѣру и спасеніе царя и отечества. Пріѣхалъ, началъ дѣйствовать противъ еретика и вольнодумца Г'оснера,—его секты, всѣхъ ересей, расколовъ и замысловъ, подѣ видомъ религіи распространяемыхъ въ книгахъ, и всачески открывалъ князю Голицыну, дабы онъ донесъ царю. Тихо дѣйствовалъ Фотій до сего дня по присягѣ, по любви къ царю, вѣрою и правдою служа и Богу угождая. Ему же буди честь и слава во вѣки. Аминь. 1824 года іюня 17 дня.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе сіе краткое, снова усмотрѣлъ благое дѣйствіе отца Фотія и желалъ изъявить свое благоволеніе, помышляя, что онъ за благочестивую ревность оскорбилъ его выговоромъ въ 14 день іюня, въ который представлялся ему. По чему внушилъ первому своему любимцу графу Аракчееву къ себѣ, въ село Грузино, пригласить отца Фотія, добрѣ принять его, угостить и вну-

*

шить, чтобы не опасался неудовольствій болѣе за проклятіе князя Голицына.

Злочестивые иностранцы, а болѣе всего предводители тайныхъ обществъ, и англичане, новыхъ ересей начальники, вкравшись въ довѣренность у императора, имѣя связь съ княземъ Голицынымъ и многими изъ знатныхъ вельможъ русскихъ, заводили свои распоряженія и дѣйствія въ Россіи чрезъ Библейскія общества. Явно посреда столыцы, предъ очами Всероссійскаго Синода, архіереевъ, внушенія и сочиненія дѣлались, противныя святой церкви, но всё, не имѣя живой вѣры, служа міру, не имѣли ни силъ, ни духа воспротивиться распространенію Библейскаго общества. Архіереи всё почти способствовали къ тому. Никакой пользы нельзя было ожидать какъ отъ перевода новаго св. евангелія, такъ и отъ распространенія Библейскаго общества. Подъ сею благовидною личною священною скрывались козни англичанъ, методистовъ и прочихъ, дабы возжечь внутри Россіи въ самой церкви пламень смущенія, несогласія, и ввести нѣкое новое исповѣданіе религіи, отмѣнивъ православную вѣру.

Зная весь вредъ, отъ Библейскаго общества происходящій, какой еще можетъ происходить всюду, всёми проповѣдывалъ противу Библейскаго общества, противу книгъ новаго перевода, противу распространителей англичанъ, внушалъ императору о семъ, внушалъ его приближеннымъ, внушалъ знатымъ, обличалъ изъ самыхъ новоученій библейскихъ злочестивыхъ, побуждалъ дѣйствовать, говорить и писать митрополита, министра новаго по просвѣщенію А. Шишкова, внушалъ графу Аракчееву, побуждалъ разумныхъ вельможъ писать и проповѣдывать явно и безбоязненно. А между тѣмъ краткую записку для понятія составилъ, послалъ къ императору подъ названіемъ: о дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ на Россію чрезъ Библейское общество. Здѣсь она помѣщается, дабы извѣстно было сынамъ церкви и отечества, какое зло сами русскіе по злостіи и невѣрію дѣлали своей православной церкви и своему любезному отечеству. Вотъ она!

О дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ на Россію чрезъ Библейское общество.

Библейское общество для святой православной церкви вовсе не нужно. Оно выдуманно отъ тайныхъ обществъ, и есть тоже у методистовъ, иллюминатовъ, что у франкъ-масоновъ ложа. Въ семъ Библейскомъ обществѣ члены какъ въ хаосѣ смѣшаны,—правовѣрные съ еретиками и отступниками отъ вѣры, что можетъ-ли быть безъ соблазна для правовѣрныхъ, тѣмъ паче, когда методисты, (т. е. бознетворцы),

суть главные агенты оного. Они же, будучи комиссіонерами отъ тайныхъ обществъ, дѣйствуютъ въ Россіи по планамъ оныхъ къ великому вреду церкви и государства ¹⁾. Въ томъ не мало содѣйствовали члены же Библейскаго общества Лабзинъ и проч. переводя, сочиняя и печатая книги противу церкви, вѣры и правительства. Да и во всѣхъ дѣйствіяхъ Библейскаго общества, кто, имѣющій разумъ Божій и благовидѣніе, не усмотритъ, что подъ предлогомъ Библейскаго общества внушается и готовится реформа церкви и государству, чего безъ разрушенія и паденія церкви и государства достигнуть не можно? Библейское общество виною есть, что многіе оставили святая церкви, подъ видомъ чтенія библіи, начали открыто собираться въ домахъ; по деревнямъ малаканы, раскольники, субботники (т. е. жидовщина) дали открытый ходъ своимъ сборищамъ, имѣя агентовъ и ходатаевъ себѣ во всемъ въ С.-Петербургѣ.

Сверхъ безчисленныхъ вредныхъ дѣйствій и направленій нельзя умолчать здѣсь и о томъ, что Библейское общество безъ всякой причины поспѣшило перевести и напечатать пятокнижіе Моисеево. Спѣшить оно же какъ можно поскорѣе разослать оное по губерніямъ. Субботники (т. е. жидовщина), по терпимости усилившіеся, увидѣвъ отдѣльно начертанный законъ Божій и далѣе ничего не зная, во въ руки получивъ, тысячами умножатся. А отъ сего произойдетъ раздраженіе церкви въ ихъ кругѣ, чего комиссіонеры тайныхъ обществъ, методисты англійскіе и русскіе, будучи въ тайнѣ исполнители извѣстнаго плана, а наружно члены Библейскаго общества, съ усиліемъ желаютъ достигнуть.

Горе великое на Россію грядетъ, если не затворится дверь расколамъ и реформѣ, чрезъ Библейское общество отверзтая. Дьяволъ, яко же левъ рыкающій, ходитъ искій кого поглотити подъ предлогомъ Библейскаго общества чрезъ вліяніе тайныхъ обществъ.

1824 года іюня 14-го вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Императоръ сверхъ словесныхъ объясненій, получая хотя краткія, но истинны исполненныя внушенія и свѣдѣнія на бумагѣ о Библейскомъ обществѣ, явно усматривая вредъ, происходящій и произойти неминуемо еще болѣе могущій, ежели оное останется во всей своей

¹⁾ Въ собраніи бумагъ Фотія находится (кн. 1, № 37). копія съ рапорта полковника Берха съ границъ Бухаріи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ сообщается, что находящіеся въ Оренбургской губ. англійскіе миссіонеры оказались шпионами англійскаго правительства. Благодаря англійскимъ миссіонерамъ, бухарцы разбили одинъ русскій отрядъ. Главкомандующій на Кавказѣ генералъ Ермоловъ считалъ миссіонеровъ лицами политически неблагонадежными. «Русск. Архивъ», 1893 г., 12 кн., 560.

силѣ, сожалѣлъ, что въ такое заблужденіе былъ введенъ и самъ покровительствовалъ Библейское общество, положилъ намѣреніе скорѣе оное безъ шума уничтожить ¹⁾, къ архимандриту же Фотію, за справедливое открытіе всего необязательно, явно старался свое монаршее благоволеніе оказывать разными образами.

Такъ-то Господь единъ сильный помогаль отцу Фотію стоять противу многочисленнаго общества злоумышленниковъ и челоуѣкоугодниковъ, подъ видомъ Библейскаго общества вмѣсто распространенія бльшихъ вѣры, едино смущеніе и скверну разсѣивающихъ.

Какъ первому государственному челоуѣку, императоръ всѣ тайны и дѣла важныя вѣрзалъ для разсмотрѣнія и дѣйствія графу Аракчееву. Ему также были вручены и многія тайныя, поданныя отъ отца Фотія. бумаги о тайныхъ обществахъ, сектахъ и вредностяхъ церкви и государству. Между прочимъ отъ императора было повелѣно ему же обо всемъ лично съ отцомъ Фотіемъ переговорить, что было на бумагахъ написано. Для совершеннаго уничтоженія всѣхъ тайныхъ скопищъ и дѣйствій вражнихъ, нужда требовала архимандриту Фотію иногда прѣзжать въ С.-Петербургъ. Онъ же такъ сталъ извѣстенъ, что безъ особыхъ докладовъ, по слабости духа, епархіальный архіерей Серафимъ опасался выписывать, или, какъ прочимъ, давать позволеніе на прѣздъ. Государю же угодно было, дабы отецъ Фотій не престовалъ дѣйствовать на уничтоженіе обществъ и всѣхъ вредностей противъ церкви и государства, лично прѣзжая въ С.-Петербургъ, когда нужно. Почему высочайше повелѣлъ графу Аракчееву извѣстить о. архимандрита Фотія, что ему позволяется во всякое время прѣзжать въ С.-Петербургъ, когда угодно будетъ; и для объявленія того лично восхотѣлъ самъ императоръ Александръ прежде отъѣзда своего въ вояжъ изъ С.-Петербурга видѣть отца Фотія и назначилъ время тому.

Въ сіе время отецъ архимандритъ пребывалъ для отдыха въ Юрьевъ монастырѣ, и тамъ же была дщерь его духовная и ученица, — сподвижница во всѣхъ дѣлахъ касательно церкви и отечества, графиня дѣвица Анна.

¹⁾ Со времени удаленія кн. Голицына отъ званія президента Библейскаго общества, трудно выяснитъ дѣйствительныя отношенія къ послѣднему со стороны императора Александра I. Новый президентъ общества митропол. Серафимъ двумя письмами на имя государя отъ 11-го и 28-го декабря 1824 года («Русскій Архивъ», 1868 г., 940—945.) настойчиво просилъ о закрытіи Библейскаго общества. О томъ же самомъ и еще съ большею энергіею хлопоталъ А. С. Шишковъ (записки въ «Чтен. общ. ист. и древн.» 1868 г., кн. III). Но императоръ отмалчивался и не давалъ повелѣнія о закрытіи общества. Библейское общество, по представленію митрополитовъ Серафима и Евгенія, было закрыто уже императоромъ Николаемъ I, указомъ, даннымъ митропол. Серафиму 12-го апрѣля 1826 года.

Серафимъ митрополитъ по выѣздѣ отца Фотія изъ Санктъ-Петербурга, оставаясь опасаясь какъ бы, пріѣхалъ въ Новъ-городъ для отдыха нѣкоего послѣ шумнаго происшествія и необыкновеннаго при паденіи князя Голицына, общества вредныхъ и министерства духовнаго просвѣщенія. Получивъ извѣстіе отъ графа Аракчеева отецъ Фотій о пріѣздѣ въ Санктъ-Петербургъ, дабы лично явиться къ императору, представилъ оное архіерею своему Серафиму митрополиту, который не зная, чему приписать таковое необыкновенное требованіе, не безъ страха былъ.

Наступило время ѣхать, — и отецъ Фотій отправился въ Санктъ-Петербургъ, гдѣ пребывалъ въ домѣ дщери дѣвицы Анны, которая, оберегая отца своего, также пріѣхала. Пріѣздъ необыкновенный Фотія въ Санктъ-Петербургъ много страха и ужаса сдѣлалъ вновь разсѣяннѣмъ, разбитымъ партіямъ, обществамъ и поборникамъ онымъ. Но архимандритъ Фотій, будучи всегда скрытенъ во всѣхъ тайнахъ и дѣлахъ до церкви и отечества, чѣмъ откровеннѣе все въ себѣ имѣлъ, тѣмъ болѣе подавалъ собою страха.

Въ день Преображенія Господня, по предварительномъ свиданіи съ графомъ Аракчеевымъ, отецъ Фотій 6-го августа удостоился лично быть у императора Александра; его царское благоволеніе весьма было явно въ словахъ и всѣхъ дѣйствіяхъ. Сидѣлъ отецъ Фотій у него въ особомъ мѣстѣ, въ маломъ покойцѣ, противу лица царева и говорилъ о разныхъ дѣлахъ, вещахъ и о душевной пользѣ, много о спасеніи души. Императоръ же, желая узнать, спрашивалъ отца Фотія о многомъ, наконецъ, изъявляя свое царское благоволеніе отцу Фотію, пріязнь вновь нѣкоторыя бумаги ¹⁾ для свѣдѣнія своего ²⁾, такъ какъ самъ поврежденъ былъ въ познаніяхъ истинъ вѣры, пріемля прежде заблужденіе о ть м а с а е-

¹⁾ При своемъ представленіи государю 6-го августа Фотій вручилъ ему особую записку «о книгахъ г-жи Гюнъ». Эта записка, представляющая изъ себя перечень сочиненій Гюнъ, переведенныхъ на русскій языкъ, находится въ собраніи бумагъ Фотія (кн. 1, № 17).

²⁾ Очень можетъ быть, что въ этотъ же самый пріѣздъ въ Петербургъ архимандритъ Фотій обратился съ слѣдующимъ краткимъ посланіемъ къ императору Александру Павловичу.

«Помазанникъ Божій!

Радуйся! Радуйся! Радуйся!

Господь силъ съ нами, съ нами Богъ!»

Все, что имѣешь у себя бумажное, до времени въ тайнѣ содержи. Все будетъ во благо, будетъ прекрасно! Слава Божія возсіяетъ въ насъ. При семъ второй томъ посылаю книги, въ которомъ прочти о методистахъ и ихъ цѣли разрушить церкви и царство, и всякую власть истребить, и сдѣлать всемірную революцію. Страницы: 300 — 303 до конца; и стран. 238, 290, 291, 293 и 294. Вотъ подъ видомъ набожности что дѣлается въ методистахъ! (Собраніе бумагъ Фотія кн. 1, № 38).

дѣтнемъ чувственомъ Христовомъ царствіи на землѣ, отпустилъ въ свое мѣсто о. Фотія.

Повелѣніе императорское о прїѣздѣ всегда въ Санктъ-Петербургъ отцу Фотію состоялось 1824 года изъ Царскаго Села отъ 1-го августа, и оно есть слѣдующее съ подлиннаго списано:

• Царское Село 1-го августа 1824 года.

Почтенный мой отецъ
архимандритъ Фотій!

По прїѣздѣ моемъ сюда, я имѣлъ счастье докладывать всемилостивѣйшему нашему государю императору о нашихъ свиданіяхъ, и его величеству весьма пріятно было слышать ваше усердіе къ пользѣ церкви Божіей и отечеству. Его величество еданожды на всегда вамъ, отецъ архимандритъ, позволяеть прїѣзжать въ Санктъ-Петербургъ, когда вамъ нужно будетъ. А въ доказательство благоволенія его величества къ вамъ, государю императору угодно васъ видѣть лично у себя въ Санктъ-Петербургъ, прежде его отъѣзда въ вояжъ, а потому и изволить полагать вашъ прїѣздъ въ Санктъ-Петербургъ, расположивъ такъ, чтобы вы могли быть у государя между 3-мъ и 10-мъ числами сего мѣсяца, въ которое время государь изволить имѣть пребываніе свое въ Санктъ-Петербургъ на Каменномъ островѣ; слѣдовательно, по прїѣздѣ вашемъ въ Санктъ-Петербургъ, прошу меня увѣдомать въ мой домъ петербургской запискою.

О полученіи сего письма и о расположеніи вашемъ, въ разсужденіи прїѣзда вашего въ Санктъ-Петербургъ, прошу меня съ симъ же посланнымъ увѣдомить.

Прося вашего благословенія пребуду на вѣки вашъ покорный сынъ и слуга

Г. Аракачевъ ¹⁾.

При свиданіи своемъ отецъ Фотій вручилъ императору свѣдѣніе я о звѣрномъ числѣ 666, о вліяніи англичанъ на церковь російскую и вѣру святую въ ней, и оно есть слѣдующее:

Открытіе заговора подѣ звѣрными апокалипсическимъ числомъ 666 и о вліяніи Англіи подѣ тѣмъ предлогомъ на Россію.

Что въ XVII-мъ вѣкѣ въ 1666 годуучинило сѣ въ Европѣ и Азіи, къ чему поводомъ было число апокалипсическое 666, то же карбонарія и тайныя общества, церковныя мятежники, сатаномъ оболещенныя, устро-

¹⁾ Это письмо графа Аракачева къ архимандриту Фотію напечатано въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей російскихъ» 1868 года, кн. 1, смѣсь, стр. 270.

ли доселѣ и еще мнѣе устроить въ 1836 году; къ чему поводомъ есть, аки бы кабалистикомъ открывається и заключається число звѣрное 666 такимъ образомъ: трижды $666=18$, и $6 \times 6=36$.— Будто бы выйдетъ годъ 1836. А для сего всѣ затѣи, книги библіи и общества поддѣлываются для устроєнія того. Уже вмѣсто втораго пришествія Христова съ небесъ, молва и ученіе распространяется, что Христось Мессія придетъ еще на землю царствовать на 1.000 лѣтъ, и какъ въ 1666 году молва носилась, что должна произойти на землѣ важная перемѣна, такъ и нынѣ молва и ученіе носится, что важная перемѣна будетъ въ 1836 году; тогда явился самозванецъ - лже-мессія, ложный Христось, и нынѣ ученіе распространяется, что въ 1836 году аки-бы придетъ Христось ¹⁾, Царь-Царей и Господь-Господей. Тогда отъ Англии произошло, и нынѣ оттуда же идетъ весь плыветь чрезъ проливъ Библейскаго общества.

И токмо одни правовѣрные христіане могутъ знать сію ложь и забвѣться, послѣдуя ученію церкви и святыхъ отцовъ, а прочіе, не имущіе праваго ученія, въ сіе заблужденіе непремѣнно впадутъ и много бѣды надѣлаютъ въ своихъ земляхъ и мѣстахъ: жидаи и колонисты держатся сего заблужденія.

Для образца нужно прочесть въ памятникѣ всеоб. и соб. книгъ 10, въ октябрѣ 16 числа, на стран. 216 и далѣе. И происки и замыслъ

¹⁾ Подъ вліяніемъ мистическихъ сочиненій, въ русскомъ обществѣ того времени дѣйствительно стала распространяться мысль о близкой кончинѣ міра. Такъ, въ 1818 году священникъ города Балты, Подольской губ., Феодосій Левицкій началъ свою проповѣдь о близости кончины міра и страшнаго суда Божія. Онъ написалъ, какъ уже извѣстно, по этому поводу специальное сочиненіе, которое и представилъ Александру I. Свои мысли о близости кончины міра о. Левицкій подтверждалъ ссылками на сочиненія Генриха Штутлинга («Побѣдная повѣсть») и др. Идея Феодосія Левицкаго раздѣлилъ в другой священникъ Федоръ Лисевичъ. («Русск. Старина» 1880 г., сентябрь, 150—155). Въ тоже самое время, когда началъ свою проповѣдь о. Левицкій, въ городѣ Мовырѣ, Минской губерніи, предводитель мѣстнаго дворянства, бывший однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Библейскаго общества, написалъ цѣлую книгу по поводу скорого наступленія кончины свѣта («Русская Старина», 1880 г., сент., 143). Въ 1819 году въ Пензѣ также явился проповѣдникъ всеобщаго покаянія и близкой кончины міра—это вѣето Тихонъ Смирновъ. Для того, чтобы на себѣ самомъ показать примѣръ покаянія, Смирновъ въ великій четвергъ самъ принесъ публичное въ церкви предъ народомъ покаяніе во всѣхъ своихъ грѣхахъ (Иннокентій, еп. пензенскій и саратовскій, очеркъ В. Жмакина, стр. 148). На Дону, въ Новочеркасскѣ, вѣето отставной есаулъ Котельниковъ пророчествовалъ о скорой кончинѣ міра и указывалъ даже годъ ея именно 1823. («Христ. Чтеніе» 1882 г., 11—12 кн. Ересь есаула Котельникова). Авторъ «Побѣдной повѣсти» указываетъ и самый точный годъ (1836) втораго пришествія Христова. «Христ. Чтеніе» 1872 года, апрѣль, стр. 703—704.

Англіи, бывшій на Россію и начавшійся въ 1776 году, гдѣ напечатано: о предпріятіи соединить англійскихъ нонжуровъ съ православною греческою церковію.

1824 года августа 6-го вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Какъ прежде во всѣ вѣки врагъ діаволь враждовалъ на святую церковь Христову, такъ и въ настоящее время въ русскомъ царствѣ, гдѣ господствуетъ вѣра Христова и церковь восточная православная, разныя пакости къ разстройству ея умышлялъ. По Рождествѣ Христовомъ въ 1666 году, въ Европѣ и Азій поводомъ было къ церковнымъ мятежамъ число 666, чѣмъ слуги вражіи, церковные мятежники и воспользовались тайные враги отъ тайныхъ нечестивыхъ обществъ, вѣдая, что удобнѣе всего сдѣлать возмущеніе въ государствѣ чрезъ потрясеніе вѣры и церкви; и потому подъ разными видами добрыми старались смущеніе и раздоръ всѣвать чрезъ книги, науки и выдумали, что въ 1836 году будетъ таинственно звѣриное число 666, и что должна произойти важная перемѣна на землѣ въ церкви христіанской. Самъ императоръ Александръ былъ вовлеченъ въ сіе заблужденіе. Книжки, подъ видомъ духовнымъ, во множествѣ еретическія противу ученія истиннаго вѣры и церкви, подъ покровомъ государя, по дѣйствию особому князя Голицина, печатались. Архіереи, духовные пастыри и учителя видѣли вредъ, но боялись даже противу того говорить, а другіе были согласны на все изъ мірскихъ видовъ: нигдѣ, ни въ академіи, ни въ семинаріи, ниже кто-либо изъ первыхъ архіереевъ не вооружался противу лжеученія.

Лжеученіе вышло оное отъ англійскихъ ересіарховъ и богоотступниковъ чрезъ Библейское общество. Здѣсь подъ видомъ духовной цѣли заключалась политическая, дабы потрясти государство Россійское, сильное и страшное многаямъ, внутреннимъ смущеніемъ и раздоромъ. Цѣль лжеученія была у нечестивыхъ: новую библейскую религію ввести вездѣ, содѣлать соединеніе религіи и церквей чрезъ уничтоженіе восточной, западной и существующихъ прочихъ христіанскихъ вѣровсповѣданій.

Почему разнымъ образомъ писалъ и внушалъ императору Александру отецъ Фотій, открывая вредъ лжеученія и злую цѣль подъ звѣринымъ числомъ 666 и подъ прелестнымъ ученіемъ о чувственномъ тысящелѣтіи Христовомъ на землѣ. А дабы удобнѣе могло свѣдѣніе подаанное впечатлѣться во уши и сердце императора Александра и тѣмъ истребить заблужденіе въ немъ, въ которое единственно князь Голицынъ, прельщенный отъ ересіарховъ, его, царя, вовлекалъ, какъ выше оное свѣдѣніе помѣщено, краткое сдѣлалъ о. Фотій, и кратко въ ономъ всю изобразилъ (дѣятельность) лукавыхъ англійскихъ распространителей ученія новаго въ Россіи.

Таковое дѣйствіе отца Фотія о силѣ Божіей великое имѣло вліяніе

на сердце благочестиваго императора. Онъ вскорѣ, познавая вредъ лжеученія и нововведеній, тайно и явно, но тихо и мирно старался уничтожить посѣянные плевелы.

Вселукавый врагъ приумыслилъ на основаніи священныя писанія прельщать людей. Сверхъ многихъ козней, общую сѣть для всѣхъ придумалъ, хотящихъ въ слѣдъ ума своего и воли своея ходить, что будетъ-де на земли чувственно Христосъ царствовать, вси съ Нимъ должны соцарствовать и блаженствовать, и всему должна пріити измѣна великая. Но сѣю сѣтію вселюблюю врагъ, хотяи уловить изъ числа вѣрующихъ себѣ, приумыслилъ проповѣдывать заблужденіе оное. Враги церкви православныя и отечества подъ симъ помышляли сдѣлать потрясеніе въ цѣломъ Россійскомъ государствѣ; въ книгахъ и актахъ проповѣдывали со всею дерзостію такъ, что неустовые лжеучители не стыдился писать, назначая самый годъ, мѣсяцъ и часъ пришествія тысящелѣтію. Неустовый сумасбродъ, нечестивецъ Юнгъ Штмлингъ, безумная баба Гіонъ, новая Іезавель, покушающаяся своимъ витійствомъ разсыпать еретическія ученія, богоотступники въ Россіи А. Лабзинъ и всѣ чтители ново-библейской проповѣди, съ жаромъ распространяли для своихъ цѣлей лжеученіе: переводили книги, сочиняли вновь, печатали. Многіе, несвѣдушіе въ истинахъ вѣры, прельщались новостію ученія. 1836 годъ назначили враги вѣры и спокойствія временемъ для новаго вѣры и церкви, и какого-то новаго царя, и новое вдыхали ученіе, приуговоряющее къ пріятію новаго перемѣны на земли. Между многими книжками вражними особенно «Воззваніе о послѣдованіи въ внутреннему влеченію Духа Христова», было во множествѣ напечатано и разслано для призванія къ новой вѣрѣ, къ новому духу, къ новому дѣйству, чаянію и совершенству нѣкому.

Никто не хотѣлъ изъ пастырей церкви обличить лжеученіе и остановить потокъ злобы; вредъ былъ очевиденъ и неминуемъ. Почему сверхъ словесныхъ многихъ и письменныхъ внушеній прежнихъ, особо свѣдѣніе краткое, для удобнѣйшаго пріятія въ умъ и сердце, восхотѣлъ Фотій составить, и, составивъ, оное вручилъ благочестивому императору Александру. Ибо за большее дѣло разсудилъ дѣйствовать на умъ и сердце самого царя, нежели на многихъ. Оное свѣдѣніе 1824 года 6-го августа вручено царю; и есть таковое подъ названіемъ:

О революціи подъ именемъ тысящелѣтняго Христова царствія, готовимой къ 1836 году въ Россіи чрезъ вліяніе тайныхъ обществъ и англичанъ-методистовъ.

1) Чувственное тысящелѣтнее царствіе земное Христово признано за ересь вреднѣйшую и заблужденіе еще по Рождествѣ Христо-

вомъ въ 117 году во II-мъ вѣкѣ, а послѣдователи названы еретиками хиліастами. Оеатръ зри стран. 141.

2) О тысящелѣтнемъ царствіи земномъ Христовомъ такъ сказано въ церковно-библейской исторіи, стран. 801: «Къ сямъ грезамъ (т. е. расколамъ, ересямъ) присовокупляютъ грубый хиліазмъ, или мнѣніе о тысящелѣтнемъ чувственными удовольствіями блаженномъ царствованіи Іисуса Христа».

3) Въ исторіи объ Англіи церковной стран. 839 и 840 сказано, что во время Кромвеля, похитителя престола и кровопійцы, въ числѣ церковныхъ мятежниковъ были (т. е. карбонаріи церковные) общатели тысящелѣтняго царствія на землѣ, и подъ мнѣніемъ сямъ много зла сдѣлано, сіе мнѣніе нынѣ есть маска набожности, дабы подъ нею скрыть страшное лице мятежничества.

4) Но сію ересь—мнѣніе о тысящелѣтнемъ царствіи земномъ, давно проклятую, яко сѣмя мятежей и революціи,—еретики, вольнодумцы, церковные мятежники и карбонаріи подъ именемъ филадельфійцовъ, устрояютъ, возвѣщаютъ, ожидаютъ: сія моровая язва, родившаяся (т. е. общество филадельфійское) въ Англіи, распространилась отъ женщины англичанки Анны Леады стран. 878.

А нынѣ уже ересь и заблужденіе о тысящелѣтнемъ Христовомъ царствіи, аки-бы уже имѣющемъ бытъ въ 1836 году, въ Европѣ и Россіи вольнодумцами распространялось, подъ сямъ прикровомъ, тайныя общества и карбонаріи хотятъ бросить въ Россію огонь мятежа и проч. Но слава Богу! Рукою царя, —своего раба и избранныхъ слугъ, оный огонь отдаляется,—и отдаляется, угаснетъ и божье не будетъ, если и еще мѣры малыя возьмутся.

5) О семъ тысящелѣтнемъ царствіи земномъ Христовомъ, или о бунтѣ, готовимомъ карбонаріями, съ похвалою и восхищеніемъ говорится: (зри отчетъ «Вибл. Рос. Общ.» за 1819 годъ стр. 90—96) и что общество тайное карбонаріевъ для сего есть и названо: Царствіе Божіе. (Зри стр. 97). Господи, помози и спаси насъ и всѣхъ и вся-Аминь.

1824 года августа 6-го вручено его императорскому величеству Александру I.

Да не осуждаетъ кто-либо отца Фотія отъ богомудрыхъ за таковыя свѣдѣнія подаваемыя. Сему были многія причины. Отецъ Фотій дѣйствовалъ одинъ противу многихъ тысячъ и всѣхъ въ свое время. У него времени не доставало много писать красно и глубоко. Онъ самъ что успѣвалъ при удобныхъ случаяхъ, то и дѣлалъ, а никому не довѣрялъ не токмо переписывать, но ниже открыть дерзалъ; втайнѣ единому Богу свѣдущу, дѣйствовалъ на сердце царево. Отъ множества скопившихся дѣлъ, едва иногда успѣвалъ кое-какъ самъ своею рукою

написать, дабы послать или вручить во-время царю для свѣдѣнія нужное. Многое по неудобности не успѣвалъ списать, а прямо какъ успѣвалъ написать, такъ подавалъ, и для храненія никакого списка иныхъ хартій не оставалось, которыя царю были вручены.

Какъ сердце царево въ рудѣ Божіей, то царь дѣйствовалъ иногда не такъ скоро, какъ надобно было ожидать, противу враговъ вѣры и отечества внутреннихъ своихъ. И посему дабы враги не могли успѣвать во-время своего отдыха, отецъ Фотій не унывалъ побуждать царя всѣчески къ скорѣйшему дѣйствию, и осмѣлился послать къ царю при отъѣздѣ своемъ отецъ Фотій изъ Санктъ-Петербурга на бумагѣ внушеніе о томъ, которое есть слѣдующее подъ названіемъ:

«1824 года августа 7-го. Записка настоятельная, дабы взять рѣшительныя мѣры къ пренращенію революціи, готовимой втайнѣ.

Непремѣнно и немедленно нужно нынѣ выслать нѣкоторыхъ изъ столицы навсегда. По прежнему плану поданному все выполнить нужно, т. е. лица, въ ономъ выставленныя, отъ своихъ мѣстъ должно удалить, ибо изъ опыта видно, что съ намѣренія партизаны все затѣвали на вредъ церкви и отечеству. Со времени открытія тайнъ нечестія по слѣпотѣ, жесточенности и прелести, не токмо главные партизаны не раскалялись, но и всякія крамолы, замыслы, смятенія и кощунства хитрѣйшимъ образомъ чрезъ другихъ содѣлають: 1) для того, что домогаются занять прежнія своя позиціи; прежнія личности и выгоды: чрезъ что будутъ всеусильно домогаться прійтти въ прежнее свое положеніе; 2) потому, что при всякихъ случаяхъ партизаны, грозя смертію и льстя тѣмъ, кои разрушаютъ ихъ замыслы, будутъ всѣ сатанинскіе способы свои и козни изобрѣтать, дабы какъ-нибудь или истребить преданныхъ престолу и церкви, или другъ съ другомъ ихъ поссорить, но дабы, удаливъ ихъ и разсѣявъ, самимъ укорениться опять въ своихъ затѣяхъ: ибо планъ есть единственный вредныхъ партизановъ тотъ, чтобы добрыхъ людей и полезныхъ, преданныхъ церкви и отечеству, истреблять подъ разными благовидными предлогами.

Нѣсколько лѣтъ непрестанно Фотій, съ великою горестію взирая на ходъ зла, стремящагося къ разрушенію св. Божія церкви и вѣры, а съ тѣмъ къ уничтоженію и потерѣ благоденствія въ Россіи, по необходимости не могъ не видѣть и ходъ политическій, соображаясь съ исторією протекшихъ вѣковъ. Ибо, какъ два глаза, двѣ руки и двѣ ноги близки между собою и весьма соединены въ человѣкѣ, такъ въ государствѣ близки и соединены церковь, и гражданство. А по сему по всѣмъ обстоятельствамъ нужно теперь нѣчто рѣшительное начатое додѣлать, но тихо, кротко, скрытно, впрочемъ не безъ строгости и правосудія.

Если же происходит какое-либо несогласіе между нѣкоторыми адѣсь въ столицѣ, то сему виною есть неутомимое дѣйствіе партизановъ, скрытнѣйшимъ образомъ дѣйствующихъ, церковныхъ и политическихъ мятежниковъ. Всѣ они весьма нынѣ ослабѣли, разсѣялись, но еще думаютъ, что не удастся ли укрѣпиться и собираться имъ во едино. Хотя они не могутъ прежнихъ позицій занять, но шуму, молвы, разныхъ безпокойствъ и неудовольствій много надѣлать могутъ, такъ что начало оныхъ трудно будетъ отыскать послѣ. И такъ, помолившись Господу Богу, исполняя долгъ присяги объ узнанномъ вредѣ немедленно доносить, представляю при семъ записку, на кого нужно теперь особенно обратить вниманіе. Благодать же и миръ и радость буди тебѣ, царю, и всѣмъ усерднымъ сынамъ церкви и отечества отъ Господа и Бога Спаса Іисуса Христа во вѣки. Аминь.

1824 года августа 7-го дня, вручено его императорскому величеству Александру I-му.

Жатва открылась въ сіе время, но жателѣй было мало. Поприще Богъ открылъ преславное всѣмъ на ономъ подвизаться, но изъ всѣхъ почти никого не обрѣталось избранныхъ: иные во тмѣ невѣдѣнія были, а другіе пристрастны были къ міру, что боялись мѣтнію невыгодному подпасть у самыхъ своихъ враговъ нечестивыхъ. Тѣ, которые по долгу и совѣсти должны были дѣйствовать во благо церкви, отечества, отщипать пшеницу отъ плевеловъ, желали, дабы всѣмъ угодить, отъ всѣхъ добрѣ слышать и въ покоѣ жить. А посему отъ архіереевъ, архимандритовъ, ректоровъ и всѣхъ духовныхъ учителей, никто устъ не отверзалъ противудѣйствовать злу въ своихъ мѣстахъ. Слышно было, что старецъ архимандритъ Герасимъ въ Москвѣ всѣмъ и всюду возглашалъ противу нечестія, книгъ и введеній нечестивыхъ, имѣлъ ревность по Бозѣ, хотя былъ не изъ числа ученыхъ, но простецъ. Еще нѣкто священникъ града Москвы Михаилъ, у церкви Положенія Ризы служай, также велию ревность имѣлъ по вѣрѣ. Изъ мірскихъ же нѣкто сенаторъ и статсъ-секретарь Кикинъ дышалъ ревностью по вѣрѣ, и попечитель Казанскаго учебнаго округа.

Между многими словесными и частными дѣйствіями, попечитель М. Л. Магницкій ¹⁾, отъ 24 маія 1824-го года такъ представилъ въ до-

¹⁾ У Фотія и Магницкаго не было полного тождества въ воззрѣніяхъ. Магницкій составилъ рассужденіе, кажется еще нигдѣ не напечатанное (имѣется въ собраніи бумагъ Фотія—ин. I, № 5), «о терпимости», написанное имъ подъ влияніемъ толковъ о вѣротерпимости, слишкомъ неправильно понятой и примѣнявшейся въ царствованіе Александра I. Въ этомъ рассужденіи Магницкій прямо говоритъ: «послѣ проповѣди евангелія нетерпимость мѣтнѣй была необходимою принадлежностью истинной религіи». Фотій въ своемъ письмѣ къ графу Аракчееву, также нигдѣ не напечатанномъ, по во-

несеніи своемъ президенту новому Серафиму митрополиту, по Библейскому обществу:

«Ваше высокопреосвященство изволите, я думаю, припомнить, что въ засѣданіяхъ Библейскаго комитета два раза была рѣчь о богохульномъ выраженіи, поставленномъ на персидскомъ переводѣ Новаго Завѣта, котораго не смѣю и произнести. Въ первый разъ просилъ, чтобы важное сіе дѣло основательно изслѣдовано было, а во второй, чтобы оставшіеся экземпляры сего перевода были сожжены.

«Первое мое мнѣніе оставлено безъ вниманія, не знаю, той ли же участи подвержено и второе; но знаю то, что чѣмъ болѣе вспоминаю страшное дѣло сіе, тѣмъ сильнѣе тревожитъ меня совѣсть слѣдующими разсужденіями. 1) Заключающій въ себѣ богохульное выраженіе персидскій переводъ ¹⁾, распространенъ въ Персіи и официально подвешенъ шаху. Какъ увѣрить теперь персіянъ, что въ подлинникѣ выраженія сего нѣтъ, а въ переводѣ ошибка. 2) Если въ преложеніи на персидскій языкъ, одинъ изъ классическихкихъ восточныхъ, могло проскользнуть по ошибкѣ богохульство, то чего не можетъ быть въ тѣхъ торопливыхъ переводахъ на многіе языки дикіихъ, у коихъ нѣтъ еще и писемъ. 3) Послѣ сего величайшаго на землѣ несчастія для Библейскаго общества, можно ли еще ожидать, чтобы на дѣлѣ его было Божіе благословеніе? 4) Каждый членъ общества не будетъ ли отвѣчать предъ Богомъ за всѣ дѣла его, участвуя въ нихъ и деньгами и согласіемъ?

«По всѣмъ симъ неоспоримымъ по чувству моему движеніямъ обличающей меня совѣсти, готовился я просить увольненія меня отъ Библейскаго общества, но удержанъ былъ тѣмъ только, что надѣялся видѣть скорое паденіе его отъ другихъ причинъ.

просу о раскольникахъ держится совершенно другаго взгляда, чуждаго всякаго фанатизма и нетерпимости, въ которыхъ такъ привыкли всѣ обвинять Фотія. «Не благоразумно,—пишетъ Фотій,—на сихъ простецовъ (раскольниковъ) наводить угнетеніе или явно ихъ плѣнять со враждою». Вмѣсто того онъ совѣтуетъ раскольническихъ начетчиковъ поручать руководству опытныхъ священниковъ, которые должны вести бесѣды съ ними «съ кротости, миръ и любви». Кромѣ того Фотій даетъ совѣтъ самимъ православнымъ священникамъ чаще проповѣдывать слово Божіе и учить народъ «образомъ житія своего». Письмо Фотія къ Аракчееву о вредномъ состояніи военныхъ поселенъ въ Новгородской губерніи отъ 1830 года. «Сборникъ бумагъ Фотія» кн. II, № 33.

¹⁾ Изданіе Новаго Завѣта на персидскомъ языкѣ сдѣлано въ 1815 году съ копій манускрипта, привезеннаго въ Петербургъ бывшимъ англійскимъ посланникомъ при дворѣ персидскомъ Сиръ-Горъ Узелеемъ. Переводъ этотъ былъ сдѣланъ извѣстнымъ своею ученостью Мартяномъ въ Ширазѣ, а копія снята здѣсь переводчикомъ иностранной коллегіи. Неисправности, вкравшіяся въ это изданіе, были предметомъ обсужденія въ особомъ комитетѣ за два

«Нынѣ правленіе императорскаго казанскаго университета, представляя мнѣ о раздачѣ книгъ св. писанія ученикамъ въ награду за успѣхи, упоминаетъ и о евангеліи на персидскомъ языкѣ. Изъ сего я вижу, что книга сія не только не уничтожена, но еще и распространяется библейскими отдѣленіями.

«Почитая сей случай вызовомъ меня, согласно съ чувствомъ совѣсти моею, на то дѣйствіе, отъ котораго одно благоприличіе доселѣ меня удерживало, приѣмлю я смѣлость покорнѣйше просить ваше высокопреосвященство принять торжественное отреченіе мое отъ всѣхъ богопротивныхъ, по моему разумнію, дѣйствій Библейскаго общества, и благоволить исходатайствовать мнѣ совершенное отъ онаго увольненіе ¹⁾».

Такое дѣйствіе среди столицы Магницкаго, извѣстнаго своимъ умомъ и просвѣщеніемъ, который, прежде бывъ въ числѣ тайныхъ враговъ церкви и вѣры, но обратился, чувствовалъ всю гнусность нововведеній, сильно дѣйствовалъ,—имѣло великое вліяніе на умы и сердца многихъ. Самыя духовныя лица католическія церкви ²⁾ и учителя лютеранскія съ восторгомъ радовались паденію Библейскаго общества. Ибо, ясно видѣвъ въ своихъ исповѣданіяхъ упадокъ приходовъ въ приверженности законной, видѣли и признавались, что цѣль Библейскаго общества есть сдѣлать подрывъ вѣрѣ Христовой всѣхъ исповѣданій вездѣ.

Изъ британскаго и иностраннаго Библейскаго общества изъ дома 10-го Графской улицы изъ Лондона, 23 августа 1824 года, прислано отъ правителя оной письмо къ новому президенту російскаго Библей-

года до письма Магницкаго. Продажа и всякое употребленіе сего изданія были приостановлены и, наконецъ, предпріято было новое изданіе Нового Завѣта на персидскомъ языкѣ. «Христ. Чтеніе» 1872 г. апрѣль, 662—663.

¹⁾ Митрополитъ Серафимъ письмо Магницкаго представлялъ государю Александру I, который поручилъ митрополиту, пригласивъ Магницкаго къ себѣ, сдѣлать ему строгій выговоръ за помѣщеніе въ своемъ письмѣ выразивій, оскорбительныхъ для членовъ Библейскаго общества. Высочайшій рескриптъ митрополиту Серафиму отъ 16 іюля 1824 года. «Христіанское Чтеніе» 1872 г., апрѣль, 664—665.

²⁾ Въ собраніи бумагъ Фотія (кн. 11, № 5) имѣется «выписка изъ окружнаго посланія папы Льва XII отъ 3 мая 1824 года», въ которой безусловно осуждается Библейское общество и переводъ свящ. писанія на народныя языки. «Не безъизвѣстно вамъ,—пишетъ папа своимъ епископамъ,—что общество Библейское скитается смѣло по вселенной, которое, презрѣвъ преданія св. отцовъ и въ явную противность постановленію тридентскаго собора, стремится совокунными силами въ тому, чтобы перевести священное писаніе на природныя языки всѣхъ народовъ, или, лучше сказать, исказить библію превратнымъ переводомъ». О чтеніи библіи на природныхъ языкахъ папа заявляетъ, что оно произведетъ больше вреда, нежели пользы.

скаго общества Серафиму митрополиту таковое, дабы оно поддерживало въ Россіи.

«Милостивѣйшій Государь!

«Недавно мы получили свѣдѣніе, что вслѣдствіе увольненія его сіятельства князя Голицына отъ должности президента російскаго Библейскаго общества, ваше высокопреосвященство сдѣланы президентомъ сего столь важнаго учрежденія.

«Взирая съ величайшимъ удовольствіемъ и съ благоговѣнною благодарностію ко Всемогущему Богу на чрезвычайныя старанія російскаго Библейскаго общества о распространеніи св. писанія, мы со смиреннымъ упованіемъ на продолженіе Божіей помощи, смѣемъ напередъ съ удовольствіемъ увѣрять себя, что сіе дѣло любви подъ покровительствомъ в. в. болѣе и болѣе будетъ возрастать въ успѣхъ своемъ. Надѣмся, что вы примете сіе письмо, какъ доказательство нашего усерднаго желанія сохранять тѣ согласныя расположенія, которыя издавна такъ счастливо существовали между общими нашими учрежденіями.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ высочайшемъ почитаніи отъ нижайшаго слуги вашего высокопреосвященства Тайншота, президента британскаго и иностраннаго Библейскаго общества».

Сіе лестное писаніе начальника, повидимому, ревностнаго по Библейскому обществу, а втайнѣ тайнаго врага вѣры и государства Россійскаго, иновѣрца, еретика, не имѣло вліянія, и токмо дало понять болѣе, какъ для тайныхъ связей и цѣлей англичанамъ нужно имѣть подъ видомъ Библейскаго общества въ Россіи своихъ дѣлопроизводителей.

Между тѣмъ въ разныхъ иностранныхъ книгахъ во Франціи, въ домопостяхъ и случаяхъ зловредная тайная цѣль Библейскаго общества англійскаго, имѣющаго вліяніе на всѣ страны, объяснилась. Даже сами въ безуміи своемъ дѣлопроизводители въ рѣчахъ своихъ и дѣйствіяхъ дерзали преждевременно являть то зло, какое отъ нихъ готовится. Въ Россійскомъ царствѣ—православная вѣра и церковь святая истинная, но пастыри челоукоугодія ради допустили въ Россіи у себя свободно иновѣрнымъ, нечестивымъ проповѣдывать и распространять вѣру, какъ бы въ ней не было людей и разума. Самые ученые архіереи сдѣлались послушными рабами иновѣрцевъ и, навывкнувъ разнымъ толкамъ, водимы отъ духа вражія усердно, согласились истинное слово Божіе, на славянскомъ церковномъ нарѣчій св. церковію принятое, порочить, и новое свое сдѣлать, когда сѣли въ собраніи для перевода св. писанія на простой площадный русскій языкъ.

Никакой не было нужды Библейское общество вводить для печатанія библій, ибо оныя издавна печатались, смотря по нуждѣ и требованію при синодальныхъ типографіяхъ. Но оно было учреждено въ Рос-

сін. Святія, когда приступали, нуждою влекомые, къ переводу св. писаній, и учителя церкви всегда онымъ занималися въ безмолвіи, въ молитвахъ, воздержаніи, смиреніи, и отнюдь не имѣли совѣта и общенія въ переводѣ съ еретиками, врагами вѣры и церкви; а въ Санктъ-Петербургѣ было собраніе переводчиковъ:

1) Разсылались отрывки изъ Новаго Завѣта школьникамъ въ академіи.

2) Неискуснымъ учителямъ; а съ еврейскаго вручалось переводить священнику Герасиму Павскому, чуждому благодати и истины. Сей человекъ есть суетумудръ; живеть, дѣйствуетъ и учитъ по мудрованію плоти; никакого здраваго разсужденія не имѣеть; въ гордости своей всѣхъ считаетъ лжецами и невѣжами, а себя просвѣщеннымъ и знающимъ, въ чемъ отъ словъ, отъ дѣлъ, отъ опыта лично увѣренъ бывъ, нишу о немъ тако. Пастыри церкви и учителя истины Христовы имѣли и имѣютъ его за вреднаго человека для церкви ¹⁾. Иные считаютъ его неблагочестивымъ, иные безбожникомъ, иные благимъ, и иные еретикомъ. Чего же можно было ожидать отъ него добраго. Ему давали несвѣдущему еврейскаго языка, умершаго давно, не съ греческаго 70-ти толковниковъ перевода, а прямо съ еврейскаго псалтирь переводить, который такъ нидѣ искажилъ, соглашаяся съ переводами разными латинскими и другими, что у новаго съ истиннымъ переводомъ греческимъ, церковнымъ славянскимъ, противность совершенная видна. Чтенія и пѣнія церковныя несогласны, какъ будто Златоустъ и прочіе, жившіе на востокѣ, не знали еврейскаго языка, что вездѣ кон мѣста о Христѣ согласно толковали они и, въ церковныхъ службахъ и пѣніяхъ наложивъ, написали, тѣ самыя въ рускомъ новомъ неистовомъ переводѣ псалтиря иначе напечатаны, уничтожающія или пророчества, или таинство о Сынѣ Божіемъ. Всѣ виновные въ допущеніи неистоваго перевода, а паче всѣхъ, какъ ученый первый дѣйствователь, митрополитъ Филаретъ, предъ Богомъ и св. церковію, онъ никакого извиненія не заслуживаетъ. Всѣ, подписавшіе къ напечатанію псалтири на рускомъ языкѣ, или согласны въ цѣли съ тайными обществами противу церкви и государства Россійскаго, или по невѣжеству и мало-вѣрію, или по человекуюгодію, или страха ради, дабы не лишиться чести и отличій и благоволенія въ мірѣ, а особенно у президента Библейскаго общества и министра духовныхъ дѣлъ, коего владычеству нечестивому все подпало духовенство Россійскія церкви грѣхъ ради своихъ, и который все дѣйствовалъ къ паденію единыя Христовы вѣры. Въ переводѣ священныхъ писаній также виновенъ много Григорій архіерей ²⁾. Кто

¹⁾ О Павскомъ см. „Русскую Старину“, 1880 годъ, № 3 и № 4, стр. 509, 712—721.

²⁾ Это былъ Григорій Постниковъ, епископъ ревельскій, викарій с.-петербургскій (до 1826 года), ученикъ и другъ митрополита Филарета, умершій въ санѣ петербургскаго митрополита въ 1860 году.

имѣть разумъ, тотъ ясно усмотритъ испорченность Новаго Завѣта въ самыхъ важныхъ словахъ, на коихъ догматы церкви стоятъ. Вотъ до чего доходило въ церкви православной, что какъ во времена древле, нынѣ въ оное время не было никого защитниковъ вѣры.

Объ освященіи соборныя церкви въ великомъ Новѣ-градѣ, въ Юрьевѣ—монастырѣ, во имя Спаса нерукотвореннаго образа.

Когда еще въ началѣ подвиговъ своихъ и въ 1819 году вооружался отецъ Фотій противу тайныхъ обществъ франкъ-масонскихъ ересей и прочихъ злобъ, тогда на сердцѣ своемъ положилъ храмъ создать Спасителю Богу, ежели онъ дастъ побѣду и одолѣніе на враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Въ сіе лѣто новосозданный соборъ ¹⁾ о пяти главахъ, каменный, украсивъ приуготовилъ Богу, содѣйствующу ко освященію. И 1824 года 22 октября въ день Казанскія Богородицы имъ, архимандритомъ Фотіемъ, освященъ храмъ сей при многочисленномъ собраніи народа. И началась совершаться непрестанно служба Господня въ храмъ семъ и возженный огонь былъ неугасаемъ въ свѣтильникахъ. А по освященіи началъ Фотій и прочее благочиніе и благоустроеніе болѣе и болѣе во святой обители вводить и братію собирать, дабы не именовъ, но и дѣломъ воставить святую обитель.

О потопѣ, бывшемъ въ С.-Петербургѣ 1824 года, ноября 7-го дня.

Стараяся о благоустроеніи обители своея, отецъ Фотій жилъ въ монастырѣ, но дѣла требовали его личнаго присутствія и дѣйствія въ С.-Петербургѣ. А оныя дѣла еще касались до церкви, вѣры и прочихъ обстоятельствъ прежнихъ, о коихъ писано было и представлено императору и выше частію уже показано. Почему собрался, по званію Серафима митрополита, Фотій пріѣхать въ С.-Петербургъ на подвигъ противу враговъ. Въ оное время, особенно 7-го числа ноября, страшная буря была частію съ дождемъ: въ Юрьевѣ сорвало крышу съ ограды желѣзную на 80 сажень и бросило всю на землю съ восточной ограды. Помолився Богу, онъ пустился въ путь свой, ѣхать даже не было возможности противу вѣтра, толь былъ силенъ: когда ѣхалъ по дорогѣ въ

¹⁾ Соборъ въ честь Всемиловитава Спаса Нерукотвореннаго Его образа Фотій началъ строить въ 1823 году на мѣстѣ прежней каменной церкви во имя св. благовѣрныхъ князей Феодора и Александра Невскаго, сгорѣвшій, съ прилежавшими къ ней постройками, во время пожара, бывшаго въ Юрьевѣ монастырѣ 21 января 1823 года. Спасскій соборъ отличается особеннымъ богатствомъ своихъ внутреннихъ украшеній. Макарій, Истор. описаніе Юрьева монастыря, изд. 2, 24—29.

С.-Петербургъ, то въ ямахъ и деревняхъ увидѣлъ индѣ цѣлыя крыши съ домовъ сорваны бурею, индѣ цѣлыя двери раскрыты, индѣ лѣса повалены, и сломаны до корня. И такъ много и часто видѣлъ таковыхъ поврежденій, что дивился. Приѣхавъ въ Царское Село, увидѣлъ, что по аллеямъ, близъ шоссе, кое-гдѣ оставались младыя посаженныя дерева цѣлы, а прочія всѣ по корень изломаны бурею: индѣ въ рощахъ вдругъ сряду сотни были деревъ изломаны. Приѣзжая къ С.-Петербургу узналъ, что былъ потопъ великъ въ ономъ. Приѣхавъ въ заставу почти изъ первыхъ проѣзжихъ 8-го числа ноября, на другой день потопа, едва могъ еще проѣзжать по проспекту, ибо страшное зрѣлище видно было вездѣ отъ наводненія: заборы, тыны, палисады, мосты, лодки, древа, лѣса, дрова, доски съ мѣста на мѣсто въ одно снесены, въ безобразныхъ кучахъ лежали и индѣ вовсе прохода не можно было имѣть. Индѣ мосты были снесены, индѣ двери и окна у домовъ были разбиты. Индѣ провалы на дорогахъ, индѣ мертвые скоты дохлые лежали во множествѣ. Весь народъ какъ въ безуміи былъ, унылъ, вездѣ все было печально, кто безъ хлѣба былъ отъ разрушенія печей, кто безъ удовольствій; у всѣхъ были разныя нужды. Вода хотя и сбыва съ площадей, но въ рѣкѣ весьма высоко стояла и грозила еще приливомъ. Плачь, стонъ, ужась. бѣдность и несчастіе многихъ поражали до крайности сердце. Кое-какъ съ трудомъ доѣхалъ Фотій до дома дочери графини дѣвяти Анны Орловой-Чесменской и у ней остановился; ибо не можно еще было въ Невское проѣхать по причинѣ разрушеній. Узнавъ, что императоръ Александръ отъ разоренія и страшныхъ зрѣлищъ въ столицѣ своей въ великой печали и скорби, Фотій посвѣщилъ къ нему писать и его утѣшалъ посланіемъ, дабы не унывалъ, а на Бога уповалъ; а между тѣмъ внушалъ ему дѣла Божія начатія довершить, да не прогнѣвается Господь за грѣхи многихъ на всѣхъ.

Скажу при семъ случаѣ то, что великое вліяніе имѣлъ потопъ на сердце чувствительнаго императора Александра. Онъ просто не принималъ сего, а почиталъ за нѣкое для себя знаменіе отъ Бога, и смиренно предавался волѣ Божіей, и какъ слышно было, началъ втайнѣ посты содержать.

О новой сектѣ въ донскомъ войскѣ, возникшей для содѣйствія къ реформѣ и революціи.

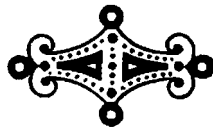
Какъ выше было сказано и представлено отъ Фотія императору, что отъ Библейскаго общества, изъ книгъ отчетовъ его, новыхъ сочиненій и книгъ разсылаемыхъ, а особенно отъ «Воззванія о послѣдованіи истиннѣму»¹⁾

¹⁾ Это сочиненіе имѣетъ слѣдующее точное названіе: «Воззваніе къ чело-вѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Сиб. 1820 г. Переводъ Истробцева.

многія секты составились, и многіе въ такое безуміе пришли, что, отступивъ отъ правыя вѣры, подѣлали свои секты, и сами сдѣлались главами. Сіе между многими примѣрами оправдалось событіемъ неприятымъ. Въ донскомъ войскѣ есаулъ Котельниковъ ¹⁾ объявилъ себя духоносцемъ и именно Предтечею Христа, грядущаго на 1.000 лѣтъ акыбы царствовать. Войсковое начальство съ нимъ не могло совладать: онъ писалъ тайно и явно, несмотря на военную стражу, книги и письма къ архіереямъ, министрамъ и кн. Голицыну. О всемъ подробно описать не можно: онъ былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и содержался по секрету. Но императоръ благоволилъ отдать его на обращеніе архимандриту Фотію. Почему и былъ обращаемъ не малое время оный есаулъ. Заблужденія же его въ чемъ состоятъ, то главныя можно видѣть изъ выписки, сдѣланной по высочайшему повелѣнію изъ книгъ и записокъ есаула Котельникова. Для лучшаго уразумѣнія при семъ, въ чемъ секта состояла, здѣсь выписка императору поданная помѣщается ²⁾.

Съ прекращеніемъ автобіографіи Фотія, прекращается и его общественная дѣятельность. Дальнѣйшая жизнь Фотія съ 1825 года по 1838 годъ, посвященная исключительно благоустройству Юрьева монастыря, изложена въ рукописи въ «Запискахъ келіарха». Со вступленіемъ на престолъ новаго императора Николая Павловича, на сцену общественной и государственной дѣятельности выступили новыя лица. Фотій и новому императору представлялъ нѣкоторыя бумаги, за которыя государь отъ 6-го февраля 1826 г. выразилъ ему свою благодарность и разрѣшилъ ему писать прямо въ собственные руки о всемъ, что найдетъ онъ нужнымъ. Затѣмъ 18-го мая того же года императоръ Николай подтвердилъ данное Фотію разрѣшеніе пріѣзжать въ Петербургъ во всякое время, когда только найдетъ нужнымъ.

Фотій скончался въ Юрьевѣ монастырѣ 26 февраля 1838 года и погребенъ тамъ съ необыкновенною торжественностью.

¹⁾ Объ есаулѣ Евлампіѣ Котельниковѣ см. «Христ. Чтеніе». 1882 г., № 11—12. «Вѣстн. Европы» 1871 г., кв. III. Статя Пыпина: Библейская секта. и въ «Русской Старинѣ» (1871 годъ, т IV, изд. 1, 95—96).

²⁾ Эта выписка озаглавляется такъ: «Замѣчаніе съ выпискою изъ Острога Серпа книги Е. Котельникова», напечатана въ «Христіанск. Чтеніи» 1882 г., № 11—12 въ статѣ Жмакина.

Къ характеристикѣ нравовъ въ XVIII вѣкѣ.

Премилосердый мой государь батюшко-братецъ Ѳедоръ Петровичъ! Въ милости Божіи множество лѣтъ здравствуй купно и съ сожительницею своею, а моею государынею-невѣстучкою съ Марею Андреевной и съ дѣтками своими. Поздравляю тебя съ сыномъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, дай Богъ тебѣ вырастить велика. А про меня изволите напаятовать: и я въ Пустозерскомъ острогѣ и съ женою своею счисляюся съ живыми. Прошу тебя, братецъ, не оставить моей деревнишка: пріѣхать осенью и насидѣть вина и прислать ко мнѣ въ Пустозерской острогѣ съ чело-вѣкомъ моимъ Степаномъ, да изъ крестьянъ дву чело-вѣковъ. А я вина прислать двадцеть два ведра за нынѣшній годъ и за прошлой; а ежели крестьяня вашу милость не стануть слушать, то побей челомъ, въ городъ возьми солдатъ и бей кнутомъ. Нече, братецъ, не погнѣвайся, что была посылка, а послать не съ кѣмъ: только одинъ Степаъ... ¹⁾ Послалъ пѣшкомъ, а лошадей оставилъ у себя: путь послѣдней. И съ нимъ же мѣху послалъ десять бобровъ на подарки, а и больше бы я послалъ, да вы знаете — каковъ онъ?.. А ежели бы (были) мужики, — и больше бы я надѣлил. Чини для Бога, пришли крестьянъ поранѣе, чтобы конечно пріѣхали къ Рождеству Христову, а эти хошь пріѣхали да упоздали; что весна захватила, то и лошадей у себя покинуть; что было бы и послать (коѣ-что) излишнее — да упоздали: путь послѣдней. А мнѣ Андришка здѣсь надобеть и не съ кѣмъ послать. Да посылаю тебѣ, братецъ Ѳедоръ Петровичъ, рукавицы теплыя — оленья, а подложены теплымъ, да еще тебѣ посылаю шапку свою. Впрочемъ остаюся слуга я братъ Яковъ Митусовъ. 1739 году марта 19 дня. На адресъ: Государю моему братцу Ѳедору Петровичу, его милости Дивину. Пустозеро.

Сообщ. А. Е. Мерцаловъ.

¹⁾ Край письма оторванъ.

СПЕРАНСКІЙ И ДВА НИКИТИНА.

Въ запискахъ государственнаго секретаря В. Р. Марченки, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» за нынѣшній годъ, рассказаны любопытныя «событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся, при вступленіи на престолъ императора Николая I», при чемъ сообщены нѣкоторые слухи, ходившіе по Петербургу въ дни «междупарствія» 1825 года, когда Россія «оставалась шестнадцать дней безъ повелителя», отъ присяги отказавшемуся отъ престола великому князю цесаревичу Константину Павловичу до присяги его младшему брату великому князю Николаю Павловичу. Между прочимъ, Сенатъ, предписавъ о «повсемѣстной присягѣ императору Константину», долженъ былъ послать донесеніе объ этомъ въ Варшаву, гдѣ находился императоръ. Служившій въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, игрокъ-милліонеръ Никитинъ подарилъ наложницѣ министра юстиціи 10.000 рублей за то, чтобъ съ этимъ донесеніемъ послали въ Варшаву его, вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго курьера.

Какой же это Никитинъ? Въ то время, о которомъ пишетъ Марченко, этого игрока, этого милліонера знали всѣ, даже и императоръ Николай Павловичъ; въ настоящее время его картежные подвиги никого не интересуютъ и самое имя его никому неизвѣстно. Издатель записокъ Марченки, профессоръ Вильбасовъ, высказалъ догадку, что этого игрока Никитина звали **Василій Поликарповичъ**, при чемъ поставилъ вопросительный знакъ, свидѣтельствующій о его сомнѣніи ¹⁾. Сомнѣніе оправдалось, догадка оказалась вполне неудачною. Въ мѣсяцесловѣ на 1832 годъ значится, что въ 1-мъ департаментѣ Сената состоялъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ статскій совѣтникъ **Павелъ**

¹⁾ «Русская Старина», 1896, май, 308

Ефимовичъ Никитинъ, котораго, вѣроятно, Марченко и титудуетъ «игрокомъ-милліонеромъ».

Говоримъ «вѣроятно», такъ какъ не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній объ игрокѣ Никитинѣ. Даже и относительно карточной игры, время, о которомъ говоритъ Марченко, ни мало не походило на время Екатерины, когда имена игроковъ публиковались въ газетахъ. «Карточные академики достойны наказанія», писала Екатерина и, казняя ихъ удаленіемъ изъ столицы въ провинцію, подъ надзоръ городничихъ, мудрая императрица приказывала «вносить имена ихъ въ публичныя вѣдомости, дабы всѣ отъ обмана ихъ остерегались»¹⁾.

О другомъ Никитинѣ, Василии Поликарповичѣ, до настоящаго времени сохраняется память какъ о свѣдущемъ юристѣ-практикѣ, полезномъ общественномъ дѣятелѣ и честномъ человекѣ. Онъ былъ 20 лѣтъ предсѣдателемъ 1-го департамента Санкт-Петербургской гражданской палаты и временно, по высочайшему повелѣнію, управлялъ Петербургскою губерніею; въ теченіе 30-ти лѣтъ былъ депутатомъ петербургскаго дворянства; ему, между прочимъ, обязаны своимъ учрежденіемъ тюремный комитетъ и комитетъ о нищихъ, и, наконецъ, онъ много содѣйствовалъ созданію въ Петербургѣ церкви св. Михаила-Архангела и Волковской богадѣльни. Онъ умеръ въ 1876 году «голъ, какъ голъ родился», и погребенъ на Кузьминскомъ кладбищѣ, въ Царскомъ Селѣ.

Наилучшимъ аттестатомъ его знаній и дѣятельности служить уваженіе М. М. Сперанскаго. Окончивъ капитальный «Сводъ Законовъ», Сперанскій обратился, 2-го іюля 1831 года, къ В. П. Никитину съ слѣдующею запискою:

«Вслѣдствіе словеснаго моего предварительнаго извѣщенія, позвольте мнѣ обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею прозбою взглянуть внимательнымъ и опытнымъ вашимъ окомъ на бумаги, кои представитъ вамъ г-нъ Цеймеръ²⁾, и дать ему словесно или письменно ваши наставленія и примѣчанія. Есть вещи, кои нельзя иначе объять, какъ опытомъ. Мое желаніе всегда было одно и то же, а именно, чтобъ составить Сводъ, сколь можно на практическомъ производствѣ основанный, и я увѣренъ, что ваши совѣты тутъ принесутъ истинную пользу.

«Примите свидѣтельство совершеннаго моего почитанія

«Сперанскій».

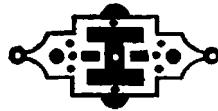
¹⁾ Смирдинъ, III, 404; Чтенія, 1863, III, 181; Русскій Архивъ, 1872, I, 872.

²⁾ Максимъ Карловичъ, 1802—1882, въ то время переводчикъ въ Сенатѣ, завѣд. совѣт.; съ 1853 г. сенаторъ, позже почетный опекунъ, дѣйств. тайн. совѣт.

Между этими двумя Никитиными, однофамильцами, не было ничего общаго, и они, кажется, не были даже знакомы. Сперанскій тоже не зналъ игрока Никитина; императоръ Николай Павловичъ не зналъ юриста Никитина. Когда В. П. Никитинъ былъ представленъ къ производству въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, императоръ вычеркнулъ его изъ списка, прибавивъ: «никогда игроку не дамъ этого чина». Недоразумѣніе, конечно, объяснилось, и В. П. Никитинъ получилъ позже и чинъ тайнаго совѣтника.

Приводимъ это преданіе, какъ любопытную черту времени, не какъ объясненіе, тѣмъ менѣе оправданіе, повтореннаго спустя много лѣтъ смѣшенія двухъ различныхъ Никитиныхъ.

Проф. В. Вильбасовъ.

О ввозѣ иностранныхъ книгъ въ Россію.

I.

Указъ императора Александра I генералу-отъ-инфантеріи, рижскому военному губернатору, управляющему Лифляндскою, Эстляндскою и Курляндскою губерніями, князю Голицыну.

18 августа 1802 г. С.-Петербургъ.

По представленію вашему желая Дерптскому университету доставить возможность получать изъ-за границы нужныя ему книги, написалъ я министру коммерціи, какъ тѣ изъ нихъ, кои прямо университетомъ выписываемы будутъ, такъ и привозимыя пріѣзжающими въ сей университетъ учеными, пропускать чрезъ Палангенъ безъ задержанія, наблюдая только ту осторожность, чтобы, подѣ предлогомъ книгъ, не было провозимо товаровъ или запрещенныхъ или безпошлинно. Въ разсужденіи же цензуры тѣхъ книгъ, университетъ имѣеть поступать по даннымъ ему предписаніямъ.

II

Письмо Н. Н. Новосильцева Ф. И. Шуберту.

5 сентября 1804 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь мой, Федоръ Иваковичъ! Его императорское величество, усмотрѣвъ съ неудовольствіемъ изъ донесенія г. министра коммерціи, что между иностранными книгами, выписанными Академією Наукъ, привезено одно сочиненіе подѣ названіемъ «*Histoire de Pierre III avec l'histoire secrète des amours de Catharina II*», котораго и самое заглавіе показываетъ, что оно не должно быть впускаемо въ Россію,—высочайше повелѣтъ миѣ изволикъ строжайше изслѣдовать, кѣмъ и для кого именно таковая книга выписана. Почему, препровождая къ вамъ оригинальный реестръ, въ которомъ книга сія въ числѣ прочихъ упомянута, покорно прошу васъ, немедленно разыскавъ кѣмъ она въ означенный реестръ помѣщена, и для какого употребленія была предназначена, о томъ меня увѣдомить. Ожидая таковыхъ свѣдѣній, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ милостивый государь мой вашимъ покорнымъ слугою Николай Новосильцевъ.

Поправка къ статьѣ: «Т. Гр. Шевченко въ Астрахани»

Во 3-й книжкѣ «Русской Старины» за настоящій годъ сообщены г. Василюмъ Кларкомъ такія невѣрныя біографическія свѣдѣнія изъ жизни украинскаго поэта Т. Г. Шевченки, что оставить ихъ безъ исправленія невозможно.

Г. Василій Кларкъ сообщаетъ, правда не свои (потому-то еще болѣе удивительныя) свѣдѣнія, а воспоминанія Клопотовскаго, бывшаго студента Кіевскаго университета, «слушавшаго лекціи Шевченки и знавшаго его, какъ профессора!»

Мнѣ, какъ занимающемуся біографіею нашего поэта-художника и изучившему всѣ извѣстные доселѣ матеріалы о жизни Шевченки, извѣстно положительно и документально, что Т. Г. Шевченко никогда не былъ профессоромъ Кіевскаго университета и «не читалъ» лекцій по теоріи живописи и художествъ; слѣдовательно г. Клопотовскій не могъ знать Шевченки «какъ профессора» и не могъ «слушать его лекцій въ университетѣ».

Невѣрно сообщеніе г. Кларка и о томъ, что Шевченко въ «то же время состоялъ членомъ археографической комиссіи, получалъ въ теченіе года не менѣе 12.000 р.; жалъ въ Кіевѣ очень открыто, раскопками же кургановъ занимался мало и неохотно, а проводилъ время въ компаніи молодежи и въ кружкѣ Костомарова».

Все это неправда. Въ дѣйствительности было такъ: въ сентябрѣ 1845 г. (когда Костомарова еще не было въ Кіевѣ) Шевченко, какъ художникъ, былъ приглашенъ въ археологическую комиссію для срисовыванія видовъ съ историческихъ памятниковъ. Въ ноябрѣ ему дана была командировка и выдано на расходы при поѣздкѣ сто пятьдесятъ рублей; изъ нихъ онъ издержалъ 96 р. 16 к., а остальныя возвратилъ въ комиссію. Въ декабрѣ того же года онъ сдѣланъ сотрудникомъ комиссіи съ жалованьемъ по 150 р. въ годъ. Въ іюлѣ 1846 г. онъ отправился съ профессоромъ Иванішевымъ на раскопки могилы Перетихи (въ Васильковскомъ уѣздѣ), а 21 сен-

тября вновь командированъ въ Подольскую и Волынскую губерніи для собранія этнографическихъ свѣдѣній, историческихъ документовъ и пр. На расходы по этой командировкѣ ему отпущено 150 р. и болѣе командировокъ и денегъ на расходы онъ не получалъ. По постановленію комиссіи 1 марта 1847 г. онъ уволенъ отъ сотрудничества и хотя ему слѣдовало выдать 25 руб. жалованья за январь и февраль 1847 г., но таковое не было ему выдано, а по постановленію комиссіи 20 августа (когда Шевченко находился уже болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ ссылкѣ въ Орскій рядовымъ) слѣдовавшее ему жалованье рѣшено «записать на приходъ комиссіи», такъ какъ «Шевченко за полученіемъ его не являлся»¹⁾.

Костомаровъ же переселился въ Кіевъ только въ іюнѣ 1846 г., но вскорѣ уѣхалъ въ Одессу и возвратился только въ августъ того же года²⁾.

Невѣрно сообщеніе и о пребываніи Шевченки въ Астрахани. Шевченко въ Астрахань прибылъ 5 августа 1857 года (возвращаясь изъ ссылки) и долженъ былъ здѣсь ожидать отплытія парохода въ Нижній-Новгородъ. До 15-го августа знакомыхъ у него не было въ Астрахани; послѣ 15-го онъ познакомился съ Незабытовскимъ, Клопотовскимъ и др. и возобновилъ старое знакомство съ Сапожниковымъ, который, нанявъ для своей поѣздки весь пароходъ «Князь Пожарскій», пригласилъ съ собою и Шевченко, который, впрочемъ, еще до этого приглашенія купилъ уже для себя билетъ до Нижняго.—Пароходъ вышелъ изъ Астрахани 22-го августа; шелъ не останавливаясь, кромѣ случаевъ для нагрузки дровъ и т. п. и пришелъ въ Нижній 20-го сентября. Тогда же администрація пароходства о пріѣздѣ Шевченки заявила полиціи, которая гораздо ранѣе прібытія «Князя Пожарскаго» была извѣщена, что на немъ ѣдетъ Шевченко, и обязала администрацію пароходства немедленно дать свѣдѣніе въ полицію о прібытіи парохода.—Поэтому всякія предположенія о томъ, что Шевченко «прібытіе свое въ Нижній заявилъ поздне, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ», не основательны точно такъ же, какъ неоснователенъ рассказъ о покупкѣ Сапожниковымъ рисунковъ Шевченки за 800 р. и т. п. Получа такую крупную сумму, Шевченко, по прібытіи въ Нижній, не нуждался бы въ деньгахъ³⁾.

Наконецъ въ полнѣ невѣрны свѣдѣнія г. Кларка о Лохвицкомъ и объ «Основѣ». Лохвицкій былъ въ Кіевѣ какимъ-то чиновникомъ, а не профессоромъ университета, археологіею хотя и занимался, но почти ничего въ ней не смыслилъ. «Основу» издавалъ не Кулишъ, а Бѣлозерскій.

А. Конисскій.

¹⁾ „Кіев. Стар.“ 1894, кн. 2 стр. 230—244.

²⁾ „Литератур. наследіе“, стр. 64.

³⁾ См. Записки о журналѣ Т. Г. Грушевскаго—Шевченки. Львовъ 1894 г.

**Библиографическій указатель книг и статей по русской исторіи, вышедшихъ
въ 1896 году.**

и, Г. Л. Егоръ Егоровичъ Замысловскій (некрологъ). — «Историческ. Вѣстникъ» 1896, июль.

Афанасьевъ, Н. А. Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ (некрологъ). — «Историч. Вѣстн.» 1896, июль.

Полевой, П. Н. Воспоминаніе объ А. К. Живневскомъ. — «Историч. Вѣстникъ» 1896, июль.

Тимирязевъ, В. А. Пioniеры просвѣщенія въ Западной Сибири. (Оконч.). — «Историч. Вѣстникъ». 1896, июль.

Мартьяновъ, П. К. Изъ старой записной книжки. — «Историч. Вѣстн.» 1896, июль.

Благовѣщенскій, А. А. Шевченко въ Петербургѣ. — «Историч. Вѣстн.» 1896, июль.

Сатшииновъ, Н. И. Воспоминанія пропащаго человека. (прод.). — «Историческій Вѣстн.» 1896, июль.

Военскій, К. А. Очерки Курляндской старины. Гл. I. — «Историч. Вѣстн.» 1896, июль.

Маиновъ, Д. Л. Изъ воспоминаній Туркестанца. — «Истор. Вѣстн.» 1896, июль.

Шильдеръ, Н. К. Дипломатъ по повелѣн. Графъ Петръ Александровичъ Толстой. — «Историч. Вѣстн.» 1896, июль.

Антоновъ, В. М. Эпизоды изъ Кавказской войны. — «Историч. Вѣстн.» 1896, июль.

Записки Рафаила Михайловича Зотова. I—III. — «Историч. Вѣстникъ» 1896, июль.

Риттихъ, П. А. Наши сношенія съ Персіей и ея политическое положеніе въ XIX стол. (оконч.). — «Русскій Вѣстн.» 1896, июль.

Овсянниковъ, Н. Н. Православіе въ исторіи русскаго народа (оконч.). — «Русскій Вѣстн.» 1896, июль.

Шильдеръ, Н. К. Столѣтній юбилей рожденія императора Николая I. — «Русскій Вѣстн.» 1896, июль.

Соколовскій, П. А. Уголовное узаконеніе. — «Русское Богатство». 1896, № 5.

Васильевъ, А. Вѣротерпимость въ законодательствѣ и жизни въ царствованіе императора Александра I. — «Наблюдатель». 1896, июль.

Проф. Овсяннико-Куликовскій, Д. Тур-

геньевъ и Толстой. — «Сѣверн. Вѣстн.» 1896, № 6.

Пономаревъ, Е. П. Памяти Михаила Ильича Бочарова, академика пейзажной живописи и декоратора Имп. театровъ. — «Ежегодникъ Имп. Театр.» Сезонъ 1894—1895.

Проф. Суворовъ, Н. Монастыри и церкви, какъ юридическія лица. — «Журн. Юрид. Общ.» 1896, июль.

Дружининъ, Н. Крестьяне и общее гражданское право. (оконч.). — «Журн. Юридич. Общ.» 1896, июль.

Стаховъ, В. В. Воспоминанія о моей сестрѣ. IX—XI. — «Книжки Недѣли». 1896, июль.

Маларевскій, Г. Очеркъ исторіи и современнаго состоянія народнаго образованія въ Сибири (прод.). — «Народное Образованіе», 1896, кн. VI.

Миланковъ, П. Н. Очерки по исторіи русскаго культуры (прод.). — «Миръ Божій», 1896, июль.

Епанчинъ, Н. Дѣйствія передоваго отряда ген.-ад. Гурко въ войну 1877—1878 г. (прод.). — «Военн. Сборн.» 1896, июль.

Гершельманъ, Сергѣй. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ (прод.). — «Военный Сборн.» 1896, июль.

С., А. Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 г. (прод.). — «Военный Сборн.» 1896, июль.

Лященко, А. I. Къ исторіи Харьковскаго университета. Циркуляръ профессора З. Я. Каряева. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическ. Общ.» Т. 8.

Алякрисскій, Н. И. Памяти Н. С. Тихомирова. — «Сборникъ Харьковск. Историко-филологич. Общ.» Т. 8.

Багалея, Д. И. Г. С. Сковорода. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.» Т. 8.

Зеленогорскій, Ф. А. Г. С. Сковорода, какъ философъ. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общ.» Т. 8.

Лебедевъ, А. С. Г. С. Сковорода, какъ богословъ. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общ.» Т. 8.

Юбилейное чествованіе памяти Г. С. Сковороды 13 ноября 1895 г. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.» Т. 8.

- Левандовскій, А. Г. Н. Ф. Одарченко (некрологъ). — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.». Т. 8.
- Дриновъ, М. С. Обзоръ ученой дѣятельности И. М. Собѣстіанскаго. — «Сборн. Харьковскаго Историко-филологич. Общ.». Т. 8.
- Степановъ, А. и Муплевскій, Н. Надгробныя рѣчи. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.». Т. 8.
- Сулацель, Н. Ф. Памяти И. М. Собѣстіанскаго. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическ. Общ.». Т. 8.
- Степановъ, А. Н. Памяти И. М. Собѣстіанскаго. — «Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическ. Общ.». Т. 8.
- Некрологъ проф. К. З. Кучина. — «Записки Имп. Харьк. Универс.». 1896, Кн. I.
- Некрологъ проф. И. М. Собѣстіанскаго. — «Записки Имп. Харьк. Унив.». 1896. Кн. I.
- Проф. Багалъи, Д. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. — «Записки Имп. Харьк. Унив.», 1896. Кн. I.
- Флоринскій, В. М. Первобытныя славяне по памятникамъ ихъ донаторической жизни. Ч. II, вып. I. — «Извѣстія Томскаго универс.». Книга 9-я.
- Шмакскій, Ор. Два документа въ исторіи событій въ Средней Азійи въ 1868 г. — «Средняя Азія». — «Научно-литерат. Сборникъ».
- Смирновъ, Е. Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента. — «Средняя Азія». — «Научно-литер. Сборникъ».
- Русскій отрядъ въ пустынь (эпизодъ изъ Хивинскаго похода). — «Средняя Азія». — «Научно-литер. Сборн.».
- Проф. Буцинскій, П. Вѣнчаніе царей на царство. — «Вѣра и Разумъ», 1896, № 8.
- Протополовъ, Н. Очерки по исторіи древне-русской письменности (продолженіе). — «Вѣра и Разумъ», 1896, № 4—№ 7.
- Прот. Смирновъ, А. Филаретъ, архіепископъ тверской, ярославскій и московскій. — Москва, 1896.
- Николюскій, Б. В. Николай Николаевичъ Страховъ. Критико-біографич. очеркъ. — Спб., 1896, 1.
- А., С. Коронованіе русскихъ государей. — Спб., 1896.
- Соболю, Н. П. Словарь русскихъ художниковъ XI—XIX в. Т. II, вып. I. — Спб. 1895.
- Балабановъ, Иванъ. Памяти И. С. Аксакова. — Спб., 1896.
- Обзоръ событій въ царствованіи

императоровъ Николая I и Александра II. — Спб., 1896.

Будилевичъ, А. С. О значеніи русскаго похода въ 1849 году для австро-угорскихъ народовъ. (Изъ «Русской Бесѣды»). — Спб., 1896.

Преображенскій, Г. Н. Полная исторія Россійскаго государства. — Москва, 1896.

Балтышъ-Именскій, Н. Н. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1801). Часть вторая. — Москва, 1856.

Федоровъ, Іосифъ. Вѣнокъ на могилу въ Божѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III. — Вильна, 1896.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 2-я, томы VI—X. Изданіе 2-е. — Спб., 1896.

Бороздинъ, А. К. главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія. — Спб., 1896.

Неустровъ, А. Н. Литературныя дѣятели XVIII в. I. Василій Григорьевичъ Рубанъ. — Спб., 1896.

Перцовъ, П. Философскія теченія русской новизны. — Спб., 1896.

Милославскій, П. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Изданіе ред. журнала «Міръ Божій». — Спб., 1896.

Кн. Щербатовъ. Ген.-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Т. V. — Спб., 1896.

Князь Мансуровъ. Наканунѣ двухвѣковаго юбилея (Страничка изъ исторіи 25-го юбилейнаго Смоленскаго полка). — Варшава, 1896.

Алексеевскій, А. И. Памяти Императора Всероссійскаго Александра III. Новое изданіе. — Спб., 1896.

Историческій очеркъ существованія и дѣятельности Балтійскаго судостроительнаго и механическаго завода. — Спб., 1896.

Костяминъ, С. Памяти Александра Николаевича Островскаго. — Вильна, 1896.

Сазоновъ, Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—95). Т. II. — Спб., 1896.

Хардинъ, Д. Г. И. Поршневъ. Некрологъ. — Спб., 1896.

Чайковскій, А. Далекое прошлое Туркестана. — Спб., 1896.

Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ. — Спб., 1896.

Шидловскій, Ф. Историческій очеркъ развитія водозабнаго дѣла въ рускомъ флотѣ. — Спб., 1896.

Празднованіе 800 лѣтія г. Рязани. — Рязань, 1896.

Писецкій, Гаврилъ. Историческіе

очерки Орловскаго Введенскаго дѣвчяго монастыря.—Орелъ, 1896.

Подполк. Васильевъ. Краткій очеркъ исторіи 11-го сапернаго баталіона.—Одесса, 1896.

Кашенскій, П. В. Вопросъ или недоумѣніе? (Въ вопросу объ иностранныхъ поселеніяхъ на югѣ Россіи).—Москва, 1896.

Письма П. І. Шафарика къ О. М. Бодявскому (1838—1857), съ приложеніемъ писемъ П. І. Шафарика къ В. И. Григоровичу, приготовленныхъ къ изданію П. А. Лавровымъ и М. Н. Свержанскимъ. (Изъ „Чт. въ И. О. Им. Др. Росс.“, 1896, кн. I—II).—Москва, 1896.

Керсуискій, Иванъ. Раненбургская Петропавловская пустынь.—Рязань, 1896.

Фрейманъ, фонъ О. Р. Пажи за 184 года (1711—1896). Биографіи бывшихъ нажей съ портретами Вып. 7.—Фридрихсгамъ, 1896.

Прот. Никольскій, В. Матеріалы для исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ.—Памятникомъ древней письменности СХV.—Спб., 1896.

Мостовскій, М. С. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Чтеніе для народа. Изд. 3-е.—Москва, 1896.

Петровский Хотьковъ дѣвчій монастырь. Изданіе восьмое.—Сергіева Лавра, 1896.

Дмитревскій, И. Дубровицы, знатное село, живіе князя С. М. Голицына.—Москва, 1896.

Тобеньковъ, М. Древнѣйшія сношенія Руси съ приазовскими странами.—Тифлисъ, 1896.

Романовскій, М. Л. Историко-статистическое описаніе Вѣлостокской дворцовой Александро-Невской церкви института благородныхъ дѣвицъ.—Вильна, 1896.

Шеленинъ, Иванъ. Прошлое и настоящее г. Вилейки.—Изъ „Вилейск. Вѣстн.“ 1896, № 30 и 32.—Вильна, 1896.

Маноцковъ, В. И. 25-лѣтіе Пермскаго уѣднаго земства.—Пермь, 1896.

Ушаковъ, Ф. А. Владычьи палаты архіеп. Макарія въ Псковѣ.—Псковъ, 1896.

Подп. Губеръ. Историческая справка по переселенческому дѣлу въ Закаспійской области.—Спб., 1896.

Бычкінъ, А. А. Профессоръ Павелъ Андреевичъ Костычевъ. (Изъ Записокъ И. Общ. Сел. Хоз. Южн. Россіи“ за 1895).—Одесса, 1896.

Константинопольское патриаршее подворье въ Москвѣ, съ церковью во

имя преп. Сергія, игумена радонежскаго, въ Крапивкахъ.—Москва, 1896.

Достойновъ, Л. Историческая записка объ Одесскомъ реальномъ училищѣ.—Одесса, 1896.

Лисаревскій, В. Е. Петръ Геронимовичъ Адамьянъ (воспоминанія).—Одесса, 1896.

Докладъ о реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго собора, произведенной согласно заключеніямъ Имп. Моск. Археол. Общества.—Москва, 1896.

Поруч. Ломанъ, Д. Кадню священнаго коронованія.—Чтеніе для народа.—Спб., 1896.

Ушаковъ, Ф. А. Матеріалы для исторіи Псковскаго кадетскаго корпуса.—Псковъ, 1896.

Румшъ, М. И. Къ священному коронованію Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Спб., 1896.

Краткій очеркъ дѣятельности Архангельскаго мѣстнаго управленія «Росс. Общ. Краснаго Креста» съ 1876 по 1896 г.—Архангельскъ, 1896.

Кривошамъ, М. Г. Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей.—Спб., 1896.

Артевъ, М. А. Монастырскіе острова Валаамъ и Коневецъ.—Изданіе товарищества. М. О. Вольфъ.—Спб., 1896.

Хойновскій, І. А. «Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси». Вып. I. Съ портретомъ и XX табл. рисунковъ.—Кіевъ, 1896.

Киричевъ, В. Л. Десятилѣтіе Харьковскаго Практическаго Технологическаго института.—Харьковъ, 1896.

Поруч. Бодышевъ, Памятка 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка.—Харьковъ, 1894.

Документы, относящіеся до возмнновенія французской церкви св. Лудвига въ Москвѣ.—Спб., 1896.

П., М. И. Прошлое Нижняго Новгорода.—«Нов. Время», 1 іюня.

Некрологъ.—А. Н. Труворовъ, директоръ Археол. Института.—«Новостн», 1 апр.

Некрологъ.—Д-ръ Л. М. Гросманъ.—«Новостн», 26 апрѣля.

Некрологъ.—Проф. И. П. Сокальскій.—«Новостн», 5 мая.

Некрологъ.—В. П. Желиховская.—«Новостн», 6 мая.

Некрологъ.—Проф. Э. Б. Шене.—«Новостн», 10 мая.

Некрологъ.—Прот. К. К. Крупскій.—«Новостн», 10 мая.

Некрологъ.—Д. Н. Модзалевскій.—«Новостн», 14 мая.

Директоръ училища глухонѣмыхъ Левъ Николаевичъ Модзалевскій — Некрологъ. — «Нов. Время», 14 мая.

Проф. Новороссійскаго университета В. А. Яковлевъ. Некрологъ. «Нов. Время», 16 апр.

Архіепископъ Донатъ. Некрологъ. «Нов. Время», 18 апр.

Г., С. Артистка - аристократка. (Ю. Н. Липская). — Приложение къ газ. «Нов. Время», 27 апр.

С—я, Памяти Ю. Н. Липской. — «Новости», 25 апр.

Женщина-химикъ В. Е. Богдановская (по мужу Попова). Некрологъ. «Нов. Время», 30 апрѣля.

Вице-директоръ департамента жел. дор. дѣль, ст. сов. Г. С. Ягубовъ. Некрологъ. — «Нов. Время» 2 мая.

Некрологъ. — Г. С. Ягубовъ. «Новости», 2 мая.

Библиографъ Н. В. Губерти. Некрологъ. — «Нов. Время», 4 мая.

Некрологъ. — Библиографъ Н. В. Губерти. — «Новости», 4 мая.

Бывшій профессоръ Спб. университета Егоръ Егоровичъ Замысловскій. Некрологъ. — «Нов. Время», 11 мая.

Некрологъ. — Проф. Е. Е. Замысловскій. — «Новости», 11 мая.

Ген.-лейт. графъ Николай Павловичъ Граббе. Некрологъ. — «Нов. Время», 11 мая.

Директоръ московск. главнаго архива и. н. дѣль, д. т. с. баронъ Ѳ. А. Бюлеръ. Некрологъ. — «Нов. Время», 12 мая.

Некрологъ. — Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ. — «Новости», 12 мая.

Проф. А. Г. Столѣтовъ (некрологъ). — «Нов. Время», 17 мая.

Некрологъ. — Проф. А. Г. Столѣтовъ. — «Новости», 18 мая.

Некрологъ. — Петръ Владиміровичъ Алабинъ. — «Нов. Время», 21 мая.

А. Н. Островскій (по поводу 10-ти лѣтъ со дня его кончины) — Приложение къ газ. «Нов. Время», 1 июня.

Некрологъ. — Г. А. Колпаковскій. Членъ военнаго совѣта. — «Правит. Вѣстн.», 25 апр.

Некрологъ. — Генералъ Г. А. Колпаковскій. — «Нов. Время», 25 апр.

Некрологъ. — Проф. Казанскаго университета Н. А. Ѳирсовъ. — «Правит. Вѣстн.», 1 мая.

Проф. Казанскаго университета Н. А. Ѳирсовъ. Некрологъ. «Нов. Время», 1 мая.

Некрологъ. — Проф. Н. А. Ѳирсовъ. — «Новости», 4 мая.

Витовскій, В. Н. Священное коронованіе русскихъ царей и царицъ. — Казань 1896.

Александровъ, А. И. Рѣчи студентовъ Казанскаго университета при прощаніи съ М. Н. Мусиянымъ-Пушкинымъ бывшимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, 22 апрѣля 1845 г. — Казань, 1891.

Булгановскій, Д. Нижегородскія легенды. — Спб. 1896.

Дьяконовъ, М. Бобыли въ XVI и XVII в. (Изъ Журн. Мин. Нар. Пр. 1896, № 4). — Спб. 1896.

Богдановъ, Петръ. Дѣлушка Крыловъ для чтенія въ сельской школѣ. — Спб. 1896.

Преображенскій, Ив. Десятилѣтіе церковной школы за время съ 1883 по 1893 г. Спб. — 1896.

Брамсонъ, Л. М. Къ исторіи начальнаго образованія евреевъ въ Россіи. — Спб. 1896.

Бѣликовъ, В. Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу. — Казань, 1896.

Соколовъ, И. Святыи Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. — Спб. 1896.

Прот. Смирновъ, П. Исторія христіанской православной церкви. Изд. 10-е. — Спб. 1896.

Щербина, В. О кievской старинѣ. Изд. второе, испр. и дополн. Киевъ, 1896.

Свящ. Булгановскій, Д. Искыкъ-кульскій православный миссіонерскій монастырь въ Средней Азій. — Спб. 1896.

Святыи преподобно-мученикъ Макарій, архимандритъ озургскій, перелазскій чудотворецъ. Петроградъ. 1896.

Свящ. Красовъ, А. В. Зыряне и св. Стефанъ епископъ пермскій. — Спб. 1896.

Аметистовъ, А. К. О благотворительности прот. М. И. Соколова († 5 июля 1895). — Спб. 1896.

Норольковъ, А. Аeonъ и подвижники-келліоты. — Спб. 1896.

Прот. Смирчанскій, В. Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній о Псковской епархіи. — Островъ, 1895.

Очеркъ жизни затворника Святогорской пустыни іеросхимонаха Іоанна. Изд. седьмое. — Одесса 1896.

Святогорская Успенская обшежительная пустынь въ Харьковской епархіи. Изд. пятое. — Одесса 1896.

Св. Стефанъ, первосвятитель пермскій. — Пермь 1896.

Рыбановъ, С. Г. Церковный звонъ въ Россіи. — Спб. 1896.

Препод. отцы Сергій и Германъ Валаамскіе Чудотворцы. 4 изд. — Спб. 1896.

Толычева, Т. Св. Стефанъ Перискій. Изданіе четвертое.—Спб. 1896.

Д., С. Коронованіе русскихъ государей. Изданіе второе.—Спб. 1896.

Асмархановъ, А. Священное коронованіе русскихъ государей.—Спб. 1896.

Э., А. Московскій Кремль. Воспоминаніе о его прошломъ.—Спб. 1896.

Телловъ, К. Коронованіе русскихъ царей.—Спб. 1896.

Дѣдовъ, М. Г. Священное коронованіе русскихъ государей.—Новгородъ 1896.

Публичное собраніе Имп. Ак. Наукъ въ память ея почетнаго члена Дмитрія Александровича Ровинскаго 10 декабря 1895 г.—Спб. 1896.

Червинскій, В. Памятка Кубанскаго казачьяго войска.—Спб. 1896.

Краткая записка о развитіи и состояніи грамотности въ Повѣнецкомъ уѣздѣ за 25-ти-лѣтній періодъ времени.—Петроаводскъ 1896.

Императоръ Александръ III.—Спб. 1895.

Сартуновскій, С. Э. Лейбъ-гвардіи сводный полкъ на Кавказѣ въ Персидскую войну съ 1826 по 1828 г.—Спб. 1896.

Поруч. Блудоровъ, Н. Краткая исторія 5-го пѣхотнаго Калужскаго Императора Вильгельма I полка.—Спб. 1896.

Астраханскій сборникъ, издаваемый Петровскимъ Обществомъ исследователей Астраханскаго края. Вып. I.—Астрахань 1896.

Поруч. Ломаиъ, Д. Ко дни священнаго коронованія и миропомазанія ихъ императорскихъ величествъ государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Феодоровны. «Чтеніе для народа».—Спб. 1896.

Переписка Я. Б. Грота съ П. А. Плетневимъ.—Издана подъ редакц. проф. Я. Б. Грота. Т. II. Спб. 1896.

Лалаевъ, М. С. Императоръ Нико-

лай I, вѣдитель русской школы. Спб. 1896.

Бусса, Ф. О. Переселеніе крестьянъ моремъ въ южно-уссурійскій край въ 1883—1893 гг. Съ картою.—Спб. 1896.

Сиповскій, В. Д. Родная старина Изд. 3-е. Спб. 1896.

Носиловъ, К. Священникъ-математикъ. Приложение къ газетѣ «Нов. Время» 6 іюля 1896.

Загадочная московская корона.—Приложеніе къ газ. «Нов. Время», 6 іюля 1896.

Некрологъ. Посланникъ въ Токио. гофмейстеръ высочайшаго двора. Михаилъ Александровичъ Китросъ. «Нов. Время», 2 іюля 1896.

Императоръ Николай I и Рашель. Приложеніе къ газ. «Нов. Время», 29 іюня 1896.

Вороновъ, А. Преобразовательные планы въ началѣ царствованія императора Николая I.—«Нов. Время», 28 іюня 1896.

П., В. Памяти М. И. Казн.—«Нов. Время» 28 іюня 1896.

Некрологъ.—А. С. Фаминцынъ.—«Нов. Время» 27 іюня 1896.

Некрологъ.—М. И. Казн.—«Нов. Время» 26 іюня 1896.

Памяти Д. Д. Соколова.—«Нов. Время» 25 іюня 1896.

П. Царь-рыцарь. Историч. характеристика.—«Нов. Время» 25 іюня 1896.

П., М. И. Нашъ балетъ до италъянцевъ.—«Нов. Время» 19 іюня 1896.

Къ столѣтію Волинской духовной семинаріи.—Приложеніе къ газ. «Нов. Время» 15 іюня 1896.

Императоръ Николай I.—«Прав. Вѣст.» 1896, № 137, 138, 139, и 141.

Замѣчательнѣйшія древности Туркестанскаго края.—«Правит. Вѣстн.» 18 и 19 іюня 1896.

О началѣ русскаго флота.—«Правит. Вѣстн.» 1896, 9 іюня.

Подписка на Памятникъ Луи Пастеру

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастёру въ Парижѣ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ гевіевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. главный военно-медицинскій инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая № 8—7), г. городской голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, № 7), г. главный медицинскій инспекторъ флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, № 30), г. инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ В. В. Стутуганъ (Фурштатская, № 37), г. начальникъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., № 6), г. директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., № 14), г. директоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12), г. профессоръ ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, № 43) и г. дѣйствительный членъ ИМПЕРАТОРСКАГО Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., № 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастёру въ Парижѣ, твердо надѣется, что не призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастёра, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа. Еще недавно, по случаю смерти Луи Пастёра, въ многочисленныхъ некрологахъ и статьяхъ, были освѣжены въ памяти общества всѣ подробности научнаго подвига, совершеннаго Луи Пастёромъ. Перечислять всѣ эти подробности снова нѣтъ надобности; достаточно сказать, что его мыслью Пастёра питалась не только теоретическая наука, но и житейская практика, и что ему обязаны своими крупнѣйшими успѣхами и биологія, и патологія, и промышленность. Многіе запутанные вопросы науки разрѣшены Луи Пастёромъ; многія тысячи жизней сохранены благодаря ему; цѣлыя отрасли промышленности упрочились въ своемъ развитіи благодаря ему же. Было бы утѣшительно думать, что въ уваженіи къ памяти славнаго дѣятеля, приваждящаго тѣломъ Франціи, а духомъ всему человѣчеству, соединятся всѣ образованные русскіе люди, и что, принося посильную лепту въ честь его имени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпимся въ рѣшительности чтить науку и ея истинныхъ творцовъ.

Россия покрывалась сѣтью желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ.

Подаявъ матеріальное благосостояніе своихъ подданныхъ, Александръ II не меньшее вниманіе обратилъ и на духовно-правственное ихъ благосостояніе: выработавъ новый уставъ духовно-учебныхъ заведеній, на содержаніе которыхъ начало поступать ежегодное пособие въ 1.500.000 руб.; учреждены училища для дѣвчатъ духовнаго званія; въ отношеніи свѣтскихъ учебныхъ заведеній: изданъ новый университетскій уставъ, облегченъ всѣмъ доступъ въ высшія учебныя заведенія; учреждено множество казенныхъ стипендій, и открыты новыя университеты: Новороссійскій, Варшавскій и Томскій, а также Историко-Филологическій институтъ. Предоставлена несравненно большая свобода печати, существенно измѣненъ цензурный уставъ, разрѣшена масса новыхъ журналовъ и другихъ періодическихъ изданій.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. А. А. Царевскаго обращаетъ на себя вниманіе сравненіе Александра II, но широтѣ и значенію его реформъ, въ Петромъ Великимъ. „Разница ихъ дѣятельности обнаружилась только вслѣдствіе разныхъ условий времени, а также и вслѣдствіе различія ихъ личныхъ характеровъ“. Настойчивый и рѣшительный Петръ дѣйствовалъ принудительно, насильственно, а кроткій сердцемъ Александръ II дѣйствовалъ мирно и кротко. Реформы Петра Великаго были до и ко ю старыхъ порядковъ, а реформы Александра II были созданы вѣкъ новыхъ порядковъ. Въ противоположность Петру, Александръ Николаевичъ дѣйствовалъ въ духѣ своего народа, на почвѣ неизбѣжныхъ основъ его бытія и характера,—такъ что расколѣнны въ адресѣ своемъ имѣли, дѣйствительно, полное основаніе сказать Александру II: „Государь! въ твоихъ новизнахъ намъ старина наша слышится“.

Вторая половина разбираемаго нами историческаго очерка посвящена авторомъ личности императора Александра II и его мученической кончинѣ, и читается такъ же легко, какъ и первая часть труда г. Царевскаго. Въ концѣ своего очерка авторъ снова обращается къ торжеству 30-го августа 1895 года и описываетъ его довольно яркими красками.

Книгу проф. А. А. Царевскаго смѣло можно рекомендовать для ученическихъ библиотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Достоинствомъ внутренняго содержанія очерка г. Царевскаго вполне соотвѣтствуетъ и его внѣшность: книга издана безукоризненно.

Н. И-ш-ъ.

Л. М. Савеловъ. Родъ дворянъ Савеловыхъ (Савелковы). Москва 1895. Напечатано въ колѣч. 150 экз.

Наша не особенно богатая генеалогическая литература пополнилась новымъ трудомъ Леонида Михайловича Савелова, заглавіе котораго выписано нами выше.

Происхожденіе Савеловыхъ покрыто мракомъ неясности, и врядъ-ли когда-нибудь удастся разсѣять этотъ мракъ, такъ какъ слишкомъ много прошло времени и слишкомъ мало удѣлено документовъ того времени, и то немногое, что извѣстно о первомъ, вполне достоверномъ, лицѣ Савеловской родословной — Иванѣ Кузьмичѣ (1471 г.), сохранилось совершенно случайно. Существующіе генеръ Савеловы, — по словамъ автора, — идутъ отъ двухъ старшихъ звуковъ этого Ивана Кузьмича, изъ которыхъ старшій Иванъ Гивъшавичъ¹⁾, переселенный въ Можайскъ, ставъ родоначальникомъ Можайской или Московской линіи, а второй, Поникъ Гивъшавичъ, переселенный въ Ростовъ, — родоначальникомъ Ростовской вѣтви.

Въ предисловіи къ своему труду А. М. Савеловъ высказываетъ предположенія о родоначальникѣ рода Савеловыхъ и сообщаетъ свѣдѣнія о другихъ представителяхъ этого дворянскаго рода. Тутъ же авторъ жалуется на невозможное равнодушіе²⁾, съ каковымъ относятся къ исторіи своего рода его представители: многіе изъ нихъ врядъ-ли знаютъ свои родословныя дальше дѣда.

Въ родословной описи, составленной на основаніи различныхъ источниковъ, помѣщено болѣе двухъ сотъ именъ представителей этого дворянскаго рода, а въ приложеніяхъ, — въ концѣ книги, — напечатаны жалованія грамоты разнымъ лицамъ этого рода, съ соблюденіемъ ореографіи подлинниковъ.

Н. И-ш-ъ.

¹⁾ Сынъ Гивъша или Гивъша Ивановича, который служилъ въ Новгородѣ и первый ставъ писателемъ Савеловымъ.

²⁾ Въ мартовской книгѣ нашего журнала за 1891 г. Л. М. Савеловымъ помѣщено приглашеніе сообщить ему документы, относящіеся до этого рода; кромѣ того, ко многимъ изъ Савеловыхъ онъ адресовался письменно, но на приглашеніе это ни кто не отозвался, и на свои письма авторъ почти не получилъ отвѣтовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ:

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинверлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о пѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (35 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (24 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (1 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (13 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (45 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	12 книгъ (206 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	12 книгъ (144 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (25 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1895 гг.,	12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

СЕНТЯБРЬ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Борьба академиковъ съ директоромъ С. Г. Домашневичемъ. Акад. Б. С. Веселовскаго	457—492	XI. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XIV	647—659
II. Духоборцы, ихъ ученіе, организація и настоящее положеніе. (Оконч.). М. Тебенъкова	493—526	XII. Изъ бумагъ Винтора Григорьевича Теплякова А. Ф. Шидловскаго	661—672
III. Графиня Анна Орлова-Чесменская и архимандритъ Фотій: 1) Письмо крестьянъ графини Орловой-Чесменской " янв. 1826 г. Сообщ. А. А. Комовская. 2) Къ біографіи Фотія. Сообщ. А. Слезкинскій	527—540	XIII. Записная книжка «Русской Старины»: Императоръ Павелъ I въ своихъ письмахъ и распоряженіяхъ. Сообщ. баронъ Н. В. Дрезенъ и Е. В. Чехихинъ. (стр. 541). — Письмо Нерсеса кн. Д. И. Долгорукову 1854 г. (590). — Письмо кн. А. Н. Голицына М. М. Серафимову 1819 г. Сообщ. акад. А. Ф. Вычкова. (616). — Запрещеніе исторіографу Миллеру заниматься генеалогіею. Сообщ. акад. К. С. Веселовскій. (626) — Рескриптъ императора Александра I о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1805 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. (646). — Указъ Правительствующему Сенату объ уничтоженіи орудій пытки 1827 г. (660). — Два письма кн. А. И. Чернышева къ В. И. Фрейгангу. (673).	
IV. Петръ Ильичъ Чайковскій. Изъ Лизаева	545—552	XIV. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).	
V. Изъ семейной хроники Льва Павловича	553—572		
VI. Александръ Семеновичъ Шишовъ и двѣ всеподданнѣйшія его записки	573—589		
VII. Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Гл. VII—VIII	591—615		
VIII. Егоръ Егоровичъ Замысловскій	617—620		
IX. Наставленіе по поводу сбора милиціи въ 1806 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ	621—625		
X. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. VII. Варова Н. В. Дрезена	627—645		

ПРИЛОЖЕНИЕ: Портретъ Егора Егоровича Замысловскаго. Гран. К. А д т ъ .

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

*Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по поведѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская. 39.

1896.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиографическій листокъ.

Сочиненіе Н. В. Гоголя изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и Владиміромъ Шенрокомъ. Съ приложеніемъ портрета Гоголя, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и 3-хъ снимковъ съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя. Томъ VI. Москва и Спб. изданіе А. Ф. Маркса. 1896. 832+VIII. Цѣна 3 рубля.

Редактированіе десятаго изданія сочиненій Гоголя принялъ на себя извѣстный ученый и знатокъ русской литературы, Николай Саввичъ Тихонравовъ. Неумолимая смерть не дала ему окончить этого образованаго изданія, которое блистательно довелъ до конца стлжавшій себя извѣстность изслѣдованіями о Гоголѣ — Владиміръ Ивановичъ Шенрокъ.

Въ разсматриваемомъ нами томѣ первые двадцать листовъ напечатаны подъ редакціей Н. С. Тихонравова; имъ же составлены варианты къ статьямъ: „Непогода“, „Хромой чортъ“, „О поэзіи Козлова“ и къ „Женитьбѣ“. Всѣ остальные варианты и примѣчанія (кромѣ очерка исторіи текста „Ревизора“) составлены г. Шенрокомъ, такъ какъ послѣ Н. С. Тихонравова не осталось никакихъ готовыхъ матеріаловъ и рукописей.

Поконный ученый старался сохранить въ своемъ изданіи тѣ изъ особенностей Гоголевскаго правописанія, которымъ великій писатель оставался вѣренъ постоянно (напр. Гоголь всегда писалъ: „всякой“, „мѣлкій“). Не находя возможнымъ установить строгую границу между нѣкоторыми прихотливыми особенностями Гоголевскаго правописанія и случайными орфографическими ошибками нашего писателя, г. Шенрокъ отмѣчаетъ то и другое въ вариантахъ, удерживая лишь, по примѣру Н. С. Тихонравова, такіа особенності Гоголевской транскрипціи, какъ напр., „суревный“, „щекатурка“.

Содержаніе шестаго тома сочиненій Гоголя составляютъ слѣдующія произведенія. Прежде всего: стихотвореніе „Непогода“, — любовитное тѣмъ, что оно — единственное изъ сохраненныхъ литейскихъ стихотвореній Гоголя. „По настроенію и содержанію его, — говоритъ г. Шенрокъ въ своихъ редакціонныхъ примѣчаніяхъ, — съ нѣкоторою вѣроятностію можно предполагать, что оно было написано въ то время, когда Гоголь особенно сильно тосковалъ послѣ смерти

отца, и характеръ его измѣнился замѣтно для товарищей, — когда его грусть бросалась въ глаза“.

„Хромой чортъ“ относится къ тому времени, когда Гоголь собиралъ матеріалы для малороссійскихъ повѣстей и дѣлалъ по поводу ихъ замѣтки. Статья „О поэзіи Козлова“ написана Николаемъ Васильевичемъ на листѣ сѣрой писчей бумаги, на которой ясно видны водные знаки съ обозначеніемъ года (1829). Впервые эта статья была напечатана В. И. Шенрокомъ въ нашемъ журналѣ¹⁾.

Относительно комедіи „Женитьба“, первоначальное названіе которой, какъ извѣстно, было „Женяхи“, — г. Шенрокъ говоритъ: „намъ извѣстны пять обработокъ пьесы: первый набросокъ, передѣлка 1834 г., послѣдняя петербургская редакція, первая римская редакція и вторая римская редакція, при чемъ первая римская редакція очень сходна, а вторая почти тождественна съ полнѣйшимъ впервые въ 1842 году печатнымъ текстомъ „Женитьбы“.

Къ „Ревизору“ чаще, нежели въ какому-либо изъ своихъ произведеній (не исключая и перваго тома „Мертвыхъ душъ“), обращался Гоголь для передѣлокъ и дополненій: къ 1834 году относятся первые наброски „Ревизора“ и только въ 1842 году, почти одновременно съ первою частью „Мертвыхъ душъ“, получилъ онъ свою окончательную отдѣлку: явилось „созданіе плотное, сухое, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности“. Въ заключеніе довольно пространнаго примѣчанія къ „Ревизору“ напечатана афиша перваго представленія „Ревизора“ въ Москвѣ: роль Сквозника-Дмухановскаго исполнялъ Щенкинъ, Хлестакова — Ленскій, Добчинскаго — Шумскій, Осипа — Орловъ.

За исторіей текста „Ревизора“ слѣдуютъ: отрывокъ „Александръ“, „Программа лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ“, библиографія среднихъ вѣковъ и выдержки изъ лекцій по исторіи этого періода.

Вслѣдъ за упомянутыми статьями напечатаны: „Петербургская сцена въ 1886 г.“, „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.“, при чемъ приводятся какъ первоначальные²⁾ наброски, такъ и

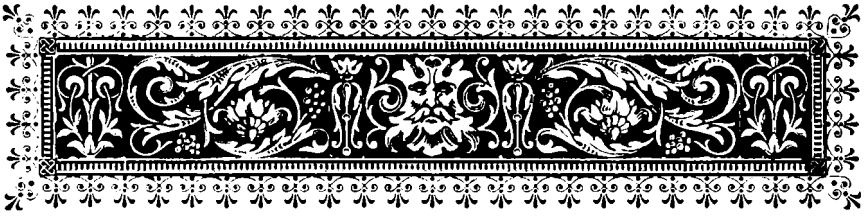
¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1890 г. мартъ, стр. 850—852.

²⁾ Эти наброски представляютъ значительное сходство съ редакціей помѣщенной въ

ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ ЗАМЫСЛОВСКІЙ.

(род. 6 юня 1841 г. † 9 мая 1896 г.).

БОРЬБА АКАДЕМИКОВЪ СЪ ДИРЕКТОРОМЪ

С. Г. ДОМАШНЕВЫМЪ.

(Страничка изъ внутренней жизни Академіи Наукъ)

(1775—1782 г.г.)

I.

Назначеніе Домашнева директоромъ Академіи Наукъ.—Его прошлое.—Вмѣшательство въ ученые работы академиковъ.—Вопросъ о составленіи „Полной російской географіи“.—Самовластіе Домашнева.

Во время президентства графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, назначеннаго въ это званіе императрицею Елисаветою 21-го мая 1746 года, когда ему было не болѣе 22-хъ лѣтъ отъ роду, и отбывшаго въ 1750 году на малороссійское гетманство, дѣлами по управленію Академіей завѣдовали: сперва канцелярія Академіи, а съ 1766 года директоры.—Они-то и были настоящими начальниками и хозяевами Академіи, хотя Разумовскій и продолжалъ считаться президентомъ до 1798 г. Первымъ такимъ директоромъ былъ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, двадцати-четырехъ лѣтній юноша (родился 1743, іюля 8), младшій изъ братьевъ Орловыхъ. Состоявшій о его назначеніи указъ 6-го октября 1766 года гласилъ: «Ея императорское величество, видя съ крайнимъ сожалѣніемъ Академію Наукъ въ великомъ нестроеніи и почти въ совершенномъ упадке, восхотѣла для скорѣйшаго поправленія ея и приведенія въ прежнее цветущее состояніе, взять оную въ собственное свое вѣдомство для учиненія въ ней реформы, къ лучшему и полезнейшему ея поправленію. А какъ нынѣ

исполненіе онаго дѣйствительно начатся имѣть, то за нужно почли определить такую поверенную отъ ея императорскаго величества персону, черезъ которую бы ея величество даваемыя свои повелѣнія оной Академіи объявлять, такъ и нужды ея вѣдать могли, и для сего избрали впредь до указа ея императорскаго величества камеръ-юнкера графа Владиміра Орлова, коего довольное въ наукахъ сведеніе и охота его и склонность къ онымъ ея величеству весьма извѣстны, повелевая притомъ ему: имѣть дирекцію канцеляріи и исполнять во всемъ по темъ отъ ея императорскаго величества ему графу Орлову даваемыхъ повелѣніемъ, которые яко словесныя онъ въ Академіи записывать будетъ».

Но директорство графа Орлова было непродолжительно. Когда братъ его Григорій Орловъ, 25-го апрѣля 1772 г., отправился изъ Царскаго Села на конгрессъ, въ Фокшаны, и отъѣздъ этотъ показалъ, что положеніе его при дворѣ измѣнилось, и мѣсто его въ милостяхъ императрицы занялъ съ марта 1774 г. Потемкинъ, то всѣ пять братьевъ Орловыхъ одинъ за другимъ удалились отъ службы. Графъ Владиміръ Григорьевичъ, бывший въ то время уже камергеромъ, подалъ, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, прошеніе объ увольненіи отъ должности директора Академіи, и былъ уволенъ указомъ 5-го декабря 1774 г. отъ всѣхъ дѣлъ, съ чиномъ генераль-поручика и съ сохраненіемъ ему по смерти его камергерскаго жалованья.

По удаленіи своемъ изъ Академіи, Орловъ угощалъ 3-го февраля 1775 г. всѣхъ академикомъ обѣдомъ, причемъ былъ необыкновенно привѣтливъ со всѣми. Это подало поводъ секретарю конференціи, І. А. Эйлеру замѣтить: «отчего начальникъ нашъ не всегда вель себя такимъ образомъ, и почему въ то время, когда онъ еще имѣлъ власть надъ нами, приходилось намъ выносить на себѣ только всю тяжесть его желѣзнаго скипетра»¹⁾.

На мѣсто Орлова, въ исходѣ 1775 г. директоромъ Академіи былъ назначенъ камеръ-юнкеръ, впоследствии камергеръ Сергій Герасимовичъ Домашневъ, — человекъ очень близкій семейству Орловыхъ, пользовавшійся ихъ особымъ покровительствомъ, и конечно — имъ же обязанный честию быть «командиромъ» высшаго ученаго учрежденія. Княгиня Е. Р. Дашкова, не долюбливавшая братьевъ Орловыхъ и распространявшая поэтому и на Домашнева свое нерасположеніе, оставила слѣды своихъ чувствъ къ нимъ въ своихъ «запискахъ», въ которыхъ между прочимъ читаемъ²⁾:

¹⁾ Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова. Составленъ внукомъ его, графомъ Владиміромъ Орловымъ-Давыдовымъ. Спб. 1878, т. I, стр. 318.

²⁾ Mémoires de la Princesse Dashkoff, d'après le manuscrit revu et corrigé par l'auteur, въ изданіи П. И. Бартечева. „Архивъ князя Воронцова“. Книга 21, М. 1881, стр. 156.

«Je fis aussi conpaissance (во время заграничнаго путешествія, въ бытности княгини во Франкфуртѣ) avec le plus jeune des Orloff, le Comte Walodimir, homme borné, n'ayant acquis dans les études, qu'il fit en Allemagne, qu'un ton pédant et une persuasion bien dénuée de fondement, qu'il était fort savant. Il avait pris tous les sophismes de Jean-Jacques Rousseau pour des syllogismes, et adopta toutes les rapsodies de cet éloquent, mais dangereux écrivain. J'étais bien loin de prévoir alors qu'il serait à la tête de l'Académie des Sciences de St. Petersburg, qu'après lui un autre directeur, tout aussi inepte, monsieur Domachneff, créature des Orloff, occuperait cette place, et que je leur succéderais dans cet emploi» ¹⁾).

Домашневъ, какъ кажется — сынъ любимой камеръ-фрау императрицы Елисаветы, Анны Дмитриевны Домашневой ²⁾, родился, по указанію Лонгинова, около 1742 года, а по другимъ — въ 1746 г., учился въ Московскомъ университетѣ, гдѣ былъ товарищемъ Фонвизина, съ которымъ остался и потомъ пріятелемъ. По своему времени онъ былъ человекъ образованный и рано вступилъ на литературное поприще, печатая много стиховъ и прозы въ издававшихся въ 1760—1763 годахъ въ Московскихъ журналахъ: «Полезное увеселеніе» и «Свободные часы». Творенія его, повидимому, нравились современникамъ ³⁾. Новиковъ, въ своемъ «Словарѣ о Россійскихъ писателяхъ» называетъ его оды весьма изрядными и заслуживающими похвалы, и замѣчаетъ, что «сочиненное имъ краткое описаніе нѣкоторыхъ нашихъ стихотворцевъ» весьма не худо. Конечно, для нашего времени литературные труды Домашнева не покажутся «весьма изрядными»; но зато они даютъ намъ ключъ для объясненія того явленія, что человекъ незнатнаго рода, не надѣленный отъ природы какими-либо выдающимися качествами ума, подымается, безъ особаго труда, на такую высоту, на которой онъ

¹⁾ Переводъ: Въ то время я познакомилась съ младшимъ изъ Орловыхъ, графомъ Владиміромъ, человекѣмъ ограниченнымъ, для котораго плодомъ его ученія въ Германіи были лишь тонъ педанта и напрасная увѣренность въ своей учености. Онъ принялъ всѣ софизмы Жанъ-Жака Руссо за силлогизмы и усвоилъ себѣ всѣ рапсодіи этого краснорѣчиваго, но вреднаго писателя. Въ то время я никакъ не могла предвидѣть, что онъ будетъ поставленъ во главѣ петербургской Академіи Наукъ, что послѣ него это мѣсто будетъ занимать человекъ столь же неспособный, господинъ Домашневъ, креатура Орловыхъ, и что я буду его преемницей.

²⁾ Отецъ Домашнева, Герасимъ Яковлевичъ, состоялъ въ 1760 году коллежскимъ совѣтникомъ и присутствовалъ въ Соляной конторѣ.

³⁾ О литературныхъ трудахъ Домашнева см. статьи: М. Н. Лонгинова въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. III, стр. 205; П. А. Ефремова „Матеріалы для Русской Литературы“. Сиб. 1867.

становится извѣстенъ императрицѣ и вступаетъ въ ряды царедворцевъ.

Едва окончивъ курсъ ученія, двадцатилѣтній юноша—Домашневъ, рано познавъ истину, что «въ сердцѣ льстецъ всегда отыщеть уголокъ», пишетъ и печатаетъ «Оду на восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины II» (Спб. 1762 г.). Конечно, она не осталась незамѣченной, не осталась и безъ награды. Великая Екатерина, любя рюмованный еміямъ, была щедра въ этихъ случаяхъ; довольно припомнить богатые подарки, какихъ удоставались славословія пѣвца Фелицы. Когда потомъ раздался «громъ побѣдъ» русскихъ надъ турками, Домашневъ явился въ роли Пиндара, для возвеличенія «гласомъ трубнымъ» подвиговъ чесменскаго героя. Двѣ его торжественныя оды, одна: «На побѣды надъ турками и на взятіе Хотина» (Спб. 1769), другая: «На побѣду, одержанную российскимъ флотомъ надъ турками при Чесмѣ» (Спб. 1771) послужили къ тому, что авторъ сталъ фаворитомъ мощныхъ въ ту пору братьевъ Орловыхъ. Ихъ то покровительствомъ и пользовался онъ во время своего служенія, сперва офицеромъ въ полевыхъ полкахъ, а затѣмъ въ генераль-штабѣ, достигъ чина майора артиллеріи и участвовалъ въ дѣлахъ противъ турокъ, начальствуя легиономъ албанцевъ, на вербованныхъ по приказанію Орлова.

Домашневъ много путешествовалъ за границую, но отъ этихъ путешествій не осталось слѣдовъ въ архивныхъ документахъ. Впрочемъ вотъ одинъ случай.

Чувствуя себя персоной важной, онъ, будучи проездомъ въ Женевѣ, счелъ для себя обязательнымъ, слѣдуя примѣру всѣхъ европейскихъ знаменитостей, сдѣлать визитъ au roi Voltaire. Посланное имъ фернейскому философу письмо съ просьбою о позволеніи пріѣхать къ нему, онъ подписалъ: «Sergei Domachneff, major d'artillerie au service de sa Majesté l'Impératrice de Russie». Вольтеръ не пожелалъ его принять и свое письмо къ нему съ такимъ отказомъ подписалъ: «Voltaire, gentilhomme ordinaire du Roy». Это очень изумило Домашнева, и за разъясненіемъ загадки онъ обратился къ одному русскому, бывшему въ ту пору въ Женевѣ, который сказалъ ему, что нужно быть майоромъ артиллеріи, чтобы получить отъ господина Вольтера подобное письмо¹⁾.

Вступивъ въ Академію съ правами и полномочіями директора, Домашневъ при первомъ своемъ появленіи въ конференціи, въ засѣданіи 11-го декабря 1775 г. счелъ необходимымъ произнести вступительную рѣчь на французскомъ языкѣ. Не владея достаточно этимъ языкомъ

¹⁾ Письмо академика Н. Озерецковскаго къ І. А. Эйлеру изъ Казани, отъ 15-го августа 1782 г.—въ архивѣ конференціи Академіи Наукъ.

и не имѣя ораторскаго таланта, онъ сказалъ нѣсколько вычурныхъ и нескладныхъ фразъ, свидѣтельствовавшихъ о желаніи автора польстить императрицѣ, но виѣсть ясно указывавшихъ на непониманіе оратора свойствъ ученыхъ трудовъ и задачъ Академіи. Это непониманіе отражалось на Академіи въ теченіе семилѣтняго директорства Домашнева тѣмъ чувствительнѣе, что онъ признавалъ за собою право полновластнаго распоряженія Академіей, всѣми ея дѣлами и состоящими при ней лицами, прямо объявляя, что всѣ его распоряженія имѣютъ законную силу, равную съ постановленіями регламента, даннаго Академіи верховною властью, и должны быть исполняемы всѣми безпрекословно, съ слѣпымъ повиновеніемъ. Такое отношеніе Домашнева къ возложенной на него должности служило почвою для постоянныхъ взаимныхъ неудовольствій и столкновеній между имъ и академиками.

Не имѣя яснаго понятія о томъ, какъ возникаютъ и зрѣютъ труды, направленные къ расширенію человѣческихъ знаній, Домашневъ принималъ на себя непосильное для него дѣло — руководить ученыхъ въ ихъ кабинетныхъ занятіяхъ, указывать имъ новыя задачи для ихъ изслѣдованій, контролировать ихъ научную дѣятельность, однимъ словомъ — быть начальникомъ въ той сферѣ умственной работы, въ которой свобода необходима какъ первое и существенное условіе успѣха. Домашневъ требовалъ, чтобы каждый академикъ представлялъ ему, въ началѣ каждаго года, письменный рапортъ о томъ, чѣмъ предполагаетъ заниматься въ теченіе года. Понятно, что многое въ такихъ рапортахъ должно было оправдывать поговорку *l'honneur prouvoise et Dieu dispose*, и академики должны были смотрѣть на эти посвященія ученаго директора въ тайники ихъ ученаго творчества, какъ на пустую формальность, которую она исполняли только повинуваясь приказу начальника. Но Домашневъ смотрѣлъ на это иначе. Считая, что оны содѣйствуютъ тѣмъ успѣху наукъ, онъ не пропускалъ ни одного года безъ напоминанія академикамъ о представленіи ему означенныхъ рапортовъ, а послѣ пяти лѣтъ своего директорства, 10 января 1780 года, письменно предложилъ академикамъ — «начать ихъ занятія въ этомъ году пересмотромъ всѣхъ доставленныхъ ими послѣдовательно годичныхъ проектовъ ученыхъ работъ, и разсмотрѣніемъ всего, что служило къ ускоренію или къ замедленію ихъ осуществленія, для пріисканія затѣмъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ, съ одной стороны, къ устраненію встрѣтившихся затрудненій, а съ другой — къ увеличенію устойчивости благопріятныхъ ихъ стремленій въ обстоятельствахъ».

Измысливъ такую оригинальную организацію ученаго труда, Домашневъ устанавливаетъ, чтобы отнынѣ, въ началѣ каждаго года, вслѣдъ за прочтеніемъ регламента, въ конференціи производимъ былъ означенный пересмотръ, со внесеніемъ въ протоколъ всѣхъ разсужденій,

какія будутъ имъ вызваны. Само собою понятно, что эта фантазія академическаго законодателя-самозванца такъ и осталась безъ практическаго приложенія.

Полагая, что и безъ спеціальныхъ познаній можно составлять удобоисполнимые проекты новыхъ ученыхъ предпріятій, Домашневъ былъ неутомимымъ въ придумываніи разныхъ задачъ, которыми приказывалъ академикамъ заниматься. Въ 1776 (12-го сентября) онъ поручаетъ конференціи «составить и издать полную географію Россійской имперіи, — математическую, физическую, съ изображеніемъ политическаго состоянія Россіи», и для исполненія этого дѣла назначаетъ особый комитетъ изъ академиковъ: Румовскаго, Палласа, Лепехина и Гильденштедта. Нужды нѣтъ, что для такого громаднаго предпріятія еще вовсе не было подготовлено необходимыхъ основныхъ элементовъ, безъ которыхъ задуманная «Полная географія» была бы зданіемъ безъ фундамента; объявленіе объ этомъ новомъ большомъ научномъ предпріятіи предназначалось для приданія блеска полувѣковому юбилейному засѣданію Академіи 29-го декабря 1776 г. На немъ академикъ Румовскій и прочиталъ программу (prospectus) придуманной директоромъ «Полной географіи», которую Академія публично обязалась издать, т. е. продала шкуру звѣря, котораго еще не убила. Вначалѣ мысль объ этомъ предпріятіи очень занимала Домашнева. Въ первомъ послѣ юбилея засѣданіи конференціи, 9-го января 1777 г., онъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на «Полную географію» какъ на важнѣйшій предметъ для занятій комитета; затѣмъ 13-го февраля онъ требуетъ составленія болѣе подробнаго плана изданія и усиливаетъ составъ исполнительнаго комитета присоединеніемъ къ прежде назначеннымъ членамъ еще академика Лаксмана, адъюнктовъ Иноходцева и Георги, инспектора гимназій Бакмейстера и конректора Стритера. 6-го марта членамъ комитета приказано собираться по средамъ, въ 10 часовъ утра, въ залъ конференціи, причемъ одинъ изъ членовъ долженъ былъ вести журналъ происходившихъ въ комитетѣ совѣщаній; 7-го апрѣля Домашневъ снова напоминалъ комитету о порученномъ ему дѣлѣ, вслѣдствіе чего члены комитета представили конференціи, въ засѣданіи 1-го мая, болѣе подробный планъ «Полной географіи Россіи», съ четырьмя протоколами своихъ засѣданій. Но живетъ только то, что способно жить, и мертворожденный проектъ Домашнева дажѣ этого, болѣе подробнаго, плана не пошелъ. Но изобрѣтательность начальника и руководителя ученыхъ предпріятій Академіи не изсякла.

Въ 1777 г., по случаю бывшаго въ Петербургѣ 10-го сентября большаго наводненія, онъ требуетъ, чтобы Академія составила подробное описаніе этого явленія (засѣданіе 15-го сентября), и чтобы придумала самые лучшіе способы и снаряды для наблюденія надъ высотой уровня воды въ Невѣ (засѣданіе 25-го сентября). Мало того, онъ поручаетъ астрес-

ному Лекселю дѣлать въ его квартирѣ метеорологическія наблюденія (4-го декабря); возлагаетъ на адъюнкта Георги разсмотрѣніе и изданіе бумагъ, оставшихся по смерти академика Фалька (4-го декабря 1780 г.) и такъ далѣе.

Въ дѣлахъ конференціи онъ простираетъ власть свою до мелочей. Чтобы купить книгу, понадобившуюся для ученыхъ работъ, нужно было испрашивать разрѣшенія у директора. Когда въ 1778 году конференція составила списокъ необходимыхъ для академическихкихъ занятій газетъ и журналовъ научнаго содержанія, которые она считала нужнымъ выписывать въ томъ году черезъ почту, Домашневъ вычеркнулъ изъ списка нѣкоторые, а въ замѣнъ ихъ включилъ другіе, которыхъ конференція не требовала.

Но всего болѣе проявлялось самовластіе Домашнева въ дѣлахъ, касавшихся личнаго состава Академіи; тутъ все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія директора. Почетныхъ членовъ русскихъ онъ назначалъ самъ одинъ, не спрашивая конференціи, хотя публично и объявлялось, что они избраны Академіей. Относительно иностранныхъ почетныхъ членовъ въ первое время еще соблюдался прежній порядокъ баллотировки въ конференціи, но когда стало случаться, что предлагавшіеся Домашневымъ иностранные ученые не были конференціею избираемы и однако, несмотря на то, нѣкоторые изъ нихъ, по настоянію директора все-таки были приняты въ члены Академіи, то баллотированіе иностранныхъ членовъ вышло совсѣмъ изъ употребленія, и всѣ назначенія этого рода стали дѣломъ одного Домашнева. Въ 1781 г., 12-го марта, онъ лично своею властью вычеркнулъ Лаксмана изъ списка академиковъ.

Одною изъ жертвъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ самовластія директора, былъ Никита Петровичъ Соколовъ, избранный уже послѣ Домашнева въ ординарные академики по химіи. Когда въ 1768 году, въ директорство графа Орлова, снаряжались экспедиція для изслѣдованія въ физическомъ отношеніи разныхъ частей Россіи, то Соколовъ былъ взятъ въ Академію изъ старшаго класса (т. е. богословія) Троицко-Сергіевской Лавры и участвовалъ, въ качествѣ студента, въ шестилѣтнемъ путешествіи Палласа по Сибири; по возвращеніи оттуда, въ награду за свои труды и оказанные успѣхи въ наукахъ, былъ посланъ на счетъ Академіи въ иностранные университеты, гдѣ кромѣ наукъ, указанныхъ Академіей, занимался по своей охотѣ изученіемъ медицины такъ успѣшно, что удостоился отъ Страсбургскаго университета степени доктора. По возвращеніи своемъ въ 1780 году изъ чужихъ краевъ, онъ представилъ въ Академію, въ засѣданіи конференціи 11-го сентября, для полученія мѣста адъюнкта, мемуаръ на латинскомъ языкѣ о дѣйстви сѣры на металлы (*de tractatione metallorum cum sulphure*). Разсматривавшіе

его академика Палласъ, Лепехинъ и Гильденшмидтъ и адъюнктъ Георгъ далъ о немъ самый одобрительный отзывъ (въ засѣданіи конференціи 22-го февраля 1781), который и былъ представленъ Домашневу, но онъ не далъ этому дѣлу никакого хода. Тогда Соколовъ, въ заботахъ о пріисканіи себѣ средствъ существованія, подалъ въ апрѣлѣ того года въ медицинскую коллегію прошеніе о допущеніи его къ докторскому экзамену для полученія права на медицинскую практику, по примѣру товарища его по Троицко-Сергіевской Лаврѣ, адъюнета Академіи и доктора медицины Озерецковскаго. Коллегія обѣщала удовлетворить это прошеніе, но Домашневъ, хотя и далъ Соколову свое на то согласіе, но затѣмъ написалъ въ медицинскую коллегію, именемъ Академіи, чтобы академическихъ «элевовъ» до медицинской практики не допускать. Коллегія, конечно, это сообщеніе уважила, такъ какъ оно было сдѣлано именемъ Академіи; между тѣмъ въ Академіи вопросъ о допущеніи «элевовъ» до медицинской практики вовсе и не былъ обсуждаемъ: нельзя же было признать такимъ обсужденіемъ то, что Домашневъ приказалъ занести безъ всякихъ разсужденій въ протоколъ засѣданія конференціи 17-го мая 1781 г., что «элевамъ» Академіи запрещается принимать ученые степени и подвергаться испытаніямъ въ иныхъ учрежденіяхъ, безъ позволенія директора.

Не довольствуясь тѣмъ, что онъ отнялъ такимъ образомъ у Соколова средство улучшить его положеніе, Домашневъ 8-го мая приказалъ экзекутору взять Соколова подъ арестъ и держалъ его шесть дней, не объявляя причины такого заключенія, а явившись въ засѣданіе конференціи 28-го мая, объявилъ, что вслѣдствіе неправильнаго образа жизни «элева» Соколова (а это былъ въ то время, хотя и съ этикеткой элева, человекъ 38 лѣтъ отъ роду, докторъ медицины одного изъ замѣннѣйшихъ въ ту пору европейскихъ университетовъ), онъ, директоръ, считаетъ его недостойнымъ званія адъюнкта, — пригрозивъ, что приметъ и болѣе строгія мѣры, если этотъ «элевъ» не исправится въ своемъ поведеніи. Доведенный такимъ обиднымъ для него обращеніемъ до отчаянія, Соколовъ обратился сперва въ комиссію Академіи, а потомъ къ директору съ просьбою объ увольненіи его изъ Академіи, для того чтобы поискать счастья въ другомъ мѣстѣ. Но на такую просьбу Домашневъ не далъ никакого отвѣта, а отъѣзжая на время въ Херсонъ, прислалъ въ комиссію Академіи ордеръ, чтобы «элевъ» Соколовъ переводилъ на русскій языкъ химію Макера и представлялъ бы черезъ каждыя двѣ недѣли то, что имъ переведено, въ конференцію, по донесеніямъ которой о годности сдѣланныхъ переводовъ производить Соколову половину того жалованья, какое онъ дотогдѣ получалъ.

Доведенный такимъ ожесточеннымъ преслѣдованіемъ до крайности, Соколовъ взмолился о защитѣ къ самой императрицѣ. Въ поданномъ

имъ всеподданнѣйшемъ прошеніи ¹⁾ онъ просилъ: 1) сдѣланное Домашневымъ распоряженіе о недопущеніи его до докторскаго экзамена отменить и дозволить ему медицинскую практику, если по экзамену окажется того достойнымъ; 2) опредѣлить его при Академіи къ соотвѣтственной его познаніямъ должности, или же отъ службы Академіи уволить, и 3) нанесенное ему Домашневымъ «безчестіе загладить и возвратить ему честь его».

Послѣдствія этой жалобы изложены въ журналѣ академической комиссіи 10-го сентября 1781 года. Въ немъ мы читаемъ:

„Указами ея императорскаго величества, изъ Правительствующаго Сената присланными въ комиссію Академіи Наукъ отъ 7-го и 9-го сего сентября, знать дано: 1) что по именному ея императорскаго величества указу, объявленному г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ генералъ - прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ сего сентября въ 1-й день, коимъ ея величество по поданному отъ доктора Никиты Соколова прошенію высочайше повелѣть соизволила: дать знать Академіи Наукъ о непріятствіи Соколову просить экзамена въ медицинскоѣ коллегіи, и если она найдетъ его знающимъ отправлять медицинскую практику. А впрочемъ буде онъ болѣе при Академіи быть не желаетъ, ея величество повелѣваетъ его отпустить и, по знанію и способности сходно собственному его желанію, опредѣлить на докторское мѣсто въ здѣшнемъ губернскомъ статѣ или пномъ департаментѣ, гдѣ есть ваканціи; причемъ угодно ея величеству, чтобы примѣтить Академіи, что ея величество не пріемлетъ за благо подобное принужденіе человѣку, каковое описано въ просьбѣ Соколова“. Правительствующій Сенатъ приказали: о непремѣнномъ исполненіи по сему высочайшему ея императорскаго величества указу съ приложеніемъ копии съ поданнаго ея величеству отъ доктора Соколова прошенія въ комиссію послать указъ, съ такимъ отъ Сената примѣчаніемъ, чтобы Академіи Наукъ и впредь въ подобныхъ сему случаяхъ держалась точнаго предписанія сего высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія. Вслѣдствіе онаго положено въ комиссіи Академіи Наукъ учинить слѣдующее: 1) для вѣдѣнія о семъ его превосходительству г. Академіи директору, такожъ въ академическое ученое собраніе послать сообщеніе; 2) поелнку ея императорскому величеству угодно примѣтить Академіи, что ея величество не пріемлетъ за благо подобное принужденіе человѣку, каковое описано въ просьбѣ Соколова, и предписываетъ Академіи, чтобы она и впредь въ подобныхъ сему случаяхъ держалась точнаго предписанія сего высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, то при семъ случаѣ донести Правительствующему Сенату, что все принужденіе, въ жалобѣ доктора Соколова описанное, учинено было ему единственно г. директоромъ Академіи, безъ малѣйшаго комиссіи согласія и свѣдѣнія; о содержаніи его, Соколова, подъ арестомъ дошло до комиссіи по прошенію, поданному отъ него во время его ареста, во заштити его противъ приказанія г. директора, какъ въ семъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ комиссіи никакой силы не имѣла и не имѣетъ. Во исполненіе нмѣя сего высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, правящему комиссарскую должность поручику Устинову дать ордеръ, чтобы онъ, удержавъ

¹⁾ Оно дословно напечатано М. И. Сухомлиновымъ въ біографіи Н. П. Соколова, включенной въ *Исторію Россійской Академіи*, вып. 3, стр. 131—136.

ное у доктора Соколова, не взирая на запрещеніе г. директора, выдать ему жалованіе по вывѣснѣй сентябрь мѣсяць по окладамъ полное, изъ статской академической суммы немедленно“.

По сообщеніи этого указа ученому собранію Академіи, конференція въ засѣданіи 17-го сентября (1781) постановила донести Сенату, что «конференція нисколько не причастна поступкамъ, на которые жаловался докторъ Соколовъ, и что все, записанное о немъ въ ея протоколахъ, занесено было въ нихъ единственно по приказаніямъ директора, безъ всякаго обсужденія со стороны академиковъ, о согласіи которыхъ на такое занесеніе никогда не было спрашиваемо».

Затѣмъ оставалось, согласно высочайшему указу, рѣшить—опредѣлить ли Соколова на соотвѣтствующую его познаніямъ должность, или же уволить отъ Академіи. По передачѣ этого вопроса въ конференцію, положено большинствомъ голосовъ академиковъ, что Соколовъ достоинъ назначенія въ адъюнкты Академіи. Несмотря на это, Домашневъ все-таки не принялъ его въ число адъюнктовъ, и только полтора года спустя, когда директоромъ Академіи была назначена княгиня Дашкова, Соколовъ назначенъ въ мартѣ 1787 года адъюнктомъ, а въ сентябрѣ 1787 года, по предложенію Дашковой и по единогласному выбору членовъ конференціи, возведенъ въ ординарные академики.

Не въ одномъ этомъ проявлялось самовластіе Домашнева, но, какъ сейчасъ увидимъ, оно простиралось и на все, что касалось Академіи.

II.

Пререканія академиковъ съ директоромъ по поводу присланной изъ Швеціи коллекціи минераловъ.—Пронзвольныя дѣйствія Домашнева.—Совѣщаніе по поводу ихъ на квартирѣ у Леонарда Эйлера.—Результаты совѣщаній.

Въ навигацію 1780 г. была получена отправленная моремъ, изъ Стокгольма, въ двухъ ящикахъ, коллекція минераловъ изъ шведскихъ рудниковъ. Такъ какъ ящики были адресованы на имя директора Академіи, то Домашневъ распорядился принятіемъ ихъ, помѣстивъ коллекцію въ своей квартирѣ, и почти два года не сообщалъ о ней ничего конференціи. Академики, однако, знали о существованіи коллекціи и догадывались, что она была прислана не лично для Домашнева, а для Академіи. Поэтому, конференцъ-секретарь І. А. Эйлеръ, объѣдая 13-го декабря 1781 г. у шведскаго посланника барона Нолькена, завелъ рѣчь объ этой коллекціи, чтобы узнать, кому собственно она была назначена. Баронъ Нолькенъ, не будучи въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ, написалъ объ этомъ въ Стокгольмѣ сенатору графу Ульриху Шеферу,

отъ котораго коллекція была прислана, и полученное отъ него письмо, сообщил Эйлеру. Такъ какъ изъ него было видно, что коллекція была прислана въ даръ Академіи, для пополненія ея минералогическихъ собраний, то Эйлеръ, представляя это письмо конференціи въ засѣданіи 4-го марта 1782 г., присовокупилъ, что для разысканій о судьбѣ коллекціи онъ обращался въ комиссію Академіи, и по собраннымъ тамъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно посылка сенатора Шефера была получена директоромъ, о чемъ и было положено конференціею тотчасъ же увѣдомить барона Нолькена.

Домашневъ, узнавъ объ этомъ сообщеніи, написалъ Эйлеру письмо, читанное въ засѣданіи конференціи 7-го марта; въ немъ онъ объявлялъ, что дѣйствительно получилъ, почти два года тому назадъ, коллекцію шведскихъ минераловъ и помѣстилъ ее въ своей квартирѣ въ ожиданіи того времени, когда въ кунсткамерѣ будетъ приведена въ надлежащій видъ зала, предназначенная для такихъ коллекцій. Затѣмъ, онъ дѣлалъ упрекъ конференцъ-секретарю въ томъ, что за свидѣніями объ этой коллекціи онъ не обратился къ нему, Домашневу, такъ какъ это было бы «естественнѣе, чѣмъ обращаться къ конференціи, до которой этого рода дѣла вовсе не касаются». Эйлеръ на этотъ упрекъ отвѣчалъ, что онъ счелъ своимъ долгомъ, въ этомъ случаѣ, сообразоваться съ письмомъ барона Нолькена, желавшаго, чтобы доставленные имъ свидѣнія были сообщены Академіи. Между тѣмъ послѣдняя фраза въ письмѣ Домашнева возбудила оживленныя возраженія: академикъ Лексель замѣтилъ, и съ нимъ всѣ согласились, что все, присылаемое для Академіи, подъ какимъ бы то ни было адресомъ, должно быть предъявляемо и сообщаемо конференціи, какъ собранію, которое представляетъ собою собственно составъ Академіи; что ей одной принадлежитъ право отвѣчать лицамъ, присылающимъ что-либо для Академіи, какъ равномѣрно она же должна распределять получаемые для нея предметы, отправленіемъ: однихъ—прямо въ кунсткамеру, а другихъ—въ кабинеты, устроенные для разнаго рода коллекцій.

Все это очень сердило Домашнева, который не допускалъ, чтобъ конференція занималась присылаемыми для Академіи предметами, иначе какъ по приказанію директора. Присутствуя въ засѣданіи конференціи 14-го марта, онъ опять возбудилъ вопросъ о шведской коллекціи и вызвалъ со стороны конференціи заявленіе, что въ ея засѣданіяхъ никогда не было рѣчи объ этой коллекціи до того времени, пока ей было предъявлено письмо барона Нолькена, освѣдомлявшагося о судьбѣ подарка, сдѣланнаго Академіи сенаторомъ Шеферомъ. На это Домашневъ возразилъ, что онъ-то собственно и просилъ о присылкѣ сказанной коллекціи для Академіи, что онъ же заплатилъ расходы на ея доставку, и что хотя онъ на время помѣстилъ ее у себя въ квартирѣ, но вовсе не

дѣлалъ изъ этого тайны, и что по его порученію академикъ Палласъ составилъ, для передачи сенатору Шеферу, списокъ шведскихъ минераловъ, которыхъ еще нѣтъ въ академическомъ собраніи.

На это Палласъ объявилъ, что онъ никогда не составлялъ такого списка, а Эйлеръ замѣтилъ, что сказанное директоромъ не согласуется съ тѣмъ, что видно изъ письма графа Шефера, а именно—что Академія обязана единственно г. шведскому сенатору подаркомъ, полученнымъ для нея г. директоромъ, который не долженъ былъ такъ долго медлить извѣщеніемъ о немъ Академіи. Вслѣдствіе этого Домашневъ, соглашаясь, что можетъ быть въ сдѣланномъ имъ изложеніи кое-что не совсѣмъ точно въ подробности, повторилъ свое прежнее заявленіе, что до всего, получаемого имъ для Академіи, равно какъ до всего того, что онъ выписываетъ для нея, конференціи нѣтъ никакого дѣла, и что поэтому онъ не обязанъ давать ей о томъ отчета.

Это утвержденіе директора вызвало со стороны академикомъ рѣшительный протестъ. Они объясняли, что было бы противно всякому академическому порядку, если бы начальникъ или совѣтъ, его представляющій (т. е. академическая коммиссія), принимали присылаемые для Академіи подарки или дѣлали бы для нея покупки, не извѣщая ея; что такія извѣщенія необходимы по существу дѣла и согласны съ намѣреніями дарителей; что это наблюдается во всѣхъ академіяхъ и наблюдалось и въ нашей Академіи при предшественникахъ г. Домашнева. Во время директорства графа Владиміра Григорьевича Орлова конференція всегда была спрашиваема о всѣхъ приобрѣтеніяхъ для академической библиотеки и для другихъ кабинетовъ, точно такъ, какъ она была всегда извѣщаема о получаемыхъ подаркахъ. Поэтому, было бы новшествомъ, и новшествомъ вреднымъ для интересовъ науки—лишать конференцію возможности узнавать о всѣхъ подобныхъ приобрѣтеніяхъ. На этомъ основаніи положено записать въ протоколъ, что конференція никакъ не согласна съ означеннымъ заявленіемъ г. директора.

Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи конференціи, т. е. 18-го марта, читано было письмо Домашнева, адресованное на имя конференціи, съ препровожденіемъ копій съ письма, въ которомъ баронъ Нолькенъ, отвѣчая на вопросъ его, сообщаетъ, что за разъясненіями относительно коллекціи шведскихъ минераловъ онъ обращался къ сенатору Шеферу по желанію г. Эйлера, который просилъ его о томъ отъ имени Академіи. Поэтому Домашневъ находилъ такой поступокъ секретаря очень страннымъ, такъ какъ онъ дѣйствовалъ именемъ Академіи, которая о томъ ничего не знала, и прибавлялъ, что сдѣлаетъ все должное для того, чтобы подобныя поступки впредь не могли повторяться, принятіемъ къ тому нужныхъ мѣръ.

На эти угрозы конференцъ-секретарь отвѣчалъ изложеніемъ того, какъ дѣло было: будучи удивленъ тѣмъ, что конференція не получала никакого свѣдѣнія о подаренной Академіи коллекціи минераловъ, о которой ходилъ слухъ, что она уже и получена два года тому назадъ, онъ счелъ своимъ долгомъ воспользоваться свиданіемъ съ барономъ Нолькенымъ, чтобы просить его о разъясненіи вопроса объ этой коллекціи, и эту просьбу онъ сдѣлалъ болѣе какъ секретарь Академіи, чѣмъ какъ частный человѣкъ. Онъ поступилъ такимъ образомъ въ силу авторитета, связаннаго съ его званіемъ, такъ какъ тутъ дѣло шло о чести Академіи, которую въ Швеціи могли по справедливости обвинять въ неизвинительной небрежности, не получая отъ нея такъ долго изъясненія должной благодарности за принесенный ей даръ. Въ заключеніе секретарь обратился къ членамъ конференціи, къ каждому по-одиночкѣ, дабы они рѣшили: заслуживаетъ ли его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ порицанія.

Всѣ единогласно одобрили дѣйствія секретаря, нѣкоторые даже благодарили его за то, что онъ сдѣлалъ, и заявили, что и они, не имѣя званія секретаря Академіи, сдѣлали бы тоже самое, если бы къ тому представился случай, даже сочли бы себя обязанными поступить точно такимъ-же образомъ.

Все это длинное препирательство de lapa sargina, подробно записанное въ цѣломъ рядѣ протоколовъ, обильно пересыпанное съ обѣихъ сторонъ шпильками и худо скрываемымъ взаимнымъ нерасположеніемъ, представляетъ собою характерную страницу изъ внутренней исторіи Академіи той эпохи. Ничего подобнаго этой борьбѣ между академикомъ и ихъ начальникомъ протоколы конференціи не представляютъ ни до Домашнева, ни послѣ него.

Попреки академикомъ директору изъ-за шведской коллекціи раздражали Домашнева, и онъ избралъ особый способъ, чтобы выместить на нихъ свое неудовольствіе. Онъ прислалъ записку, въ которой объявилъ, что имѣетъ сдѣлать конференціи нѣкоторыя предложенія и для этого назначаетъ экстренное засѣданіе въ понедѣльникъ 21-го марта. Когда члены конференціи собрались въ это засѣданіе, то получили отъ Домашнева записку такого содержанія:

«Господа! вы доселѣ не исполнили параграфа регламента на этотъ годъ. Я поручаю вамъ его исполнить для того, чтобы я могъ исполнить тѣ, которые отъ него зависятъ».

Не будучи одарены мудростью Эдипа, для уразумѣнія неудобопонятной загадки, академики должны были въ изумленіи переглянуться, и записали въ протоколъ: «спросить его превосходительство, о какомъ параграфѣ регламента онъ говоритъ и какой смыслъ имѣетъ послѣдняя фраза его записки».

На этотъ вопросъ, предложенный Домашневу въ формѣ протокола, за подписью всѣхъ академикомъ, онъ отвѣчалъ назначеніемъ новаго чрезвычайнаго собранія конференціи (въ среду 23-го марта), но самъ и въ это засѣданіе не явился, сказавшись больнымъ, а только объявилъ, черезъ Палласа, что параграфъ регламента, на который онъ указывалъ, «есть § 14-й о представленіи академиками своему президенту записокъ о ихъ занятіяхъ».

Едва спорный вопросъ о шведской коллекціи нѣсколько затихъ, по крайней мѣрѣ на время, какъ на смѣну ему явился новый поводъ къ конфликту. Въ засѣданіи конференціи 8-го апрѣля (1782) прочитанъ былъ данный академической комиссіи ордеръ, которымъ Домашневъ завѣдываніе кабинетомъ естественной исторіи отнялъ у Котельникова и передалъ Палласу. Противъ этого распоряженія, конференція тотчасъ возразила въ своемъ протоколѣ, что хотя должность хранителя не касается ея непосредственно, однако она не можетъ смотрѣть равнодушно на то, что г. директоръ собственною властью смѣщаетъ стараго академика съ должности, которую онъ всегда честно исполнялъ въ теченіе 11-ти лѣтъ; что такимъ своевластьемъ подрывается прочность академическихъ назначеній, такъ какъ каждый академикъ долженъ былъ бы впредь опасаться подвергнуться такой же участи, если бы единственно отъ начальника зависѣло смѣщеніе его съ должности.

Для совѣщанія о томъ, какъ поступить въ этихъ обстоятельствахъ, академики собрались на другой же день (9-го апрѣля) у старѣйшаго изъ нихъ, высокоуважаемаго всѣми Леонарда Эйлера, который по причинѣ своей слѣпоты уже рѣдко появлялся въ засѣданіяхъ. Великій математикъ былъ предваренъ о прибытіи къ нему товарищей и о послѣднихъ поступкахъ съ ними Домашнева; поэтому онъ приготовилъ на этотъ случай, въ особой запискѣ, изложеніе своихъ мыслей и совѣтовъ. По выслушаніи и обсужденіи этой записки, рѣшено было, съ согласія Леонарда Эйлера, отправить къ директору депутацію, чтобы просить его отменить распоряженіе о смѣщеніи Котельникова съ должности завѣдующаго кунтскамерою. Депутатами назначены: Лепехинъ, Фуссъ, Озерцовскій и конференцъ-секретарь І. А. Эйлеръ, и имъ поручено представить Домашневу, главнымъ образомъ, о слѣдующемъ:

1) Академики позволяютъ себѣ думать, что находятся къ своему директору въ отношеніяхъ не низшихъ сравнительно съ тѣми, въ какихъ состоятъ въ другихъ государственныхъ коллегіяхъ члены къ своимъ президентамъ. Поэтому г. Домашневъ не можетъ имѣть притязанія на власть—смѣщать по своему усмотрѣнію академикомъ, безъ высочайшаго на то указа, или безъ согласія конференціи и безъ объявленія причинъ такой строгости.

2) На основаніи этого принципа, въ справедливости котораго нельзя

въ благодѣтельное царствованіе нашей всемилостивѣйшей государыни дерзаетъ усомниться, приказъ директора, лишающій академика Котельникова одной изъ его должностей, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, прежде чѣмъ его превосходительство не объявитъ причинъ, побудившихъ его къ тому, или же высочайшаго повелѣнія, которому онъ повиновался.

3) Такъ какъ Котельниковъ былъ назначенъ законнымъ порядкомъ въ должности завѣдующаго бібліотекою и соединенными съ нею кабинетами любопытныхъ вещей и естественной исторіи, то нельзя сложить съ него эту должность безъ предоставленія имъ формальнаго свидѣтельства его преемника въ томъ, что имъ принято все въ цѣлости. Но такое свидѣтельство не можетъ быть выдано прежде, чѣмъ не будутъ возвращены и разставлены по своимъ мѣстамъ всѣ предметы, принадлежащіе этимъ кабинетамъ.

4) Такъ какъ директоръ до сихъ поръ удерживаетъ въ своей квартирѣ почти два года коллекцію шведскихъ минераловъ, присланныхъ Академіи въ даръ графомъ Шеферомъ, то конференція полагаетъ, что прежде какихъ-либо перемѣнъ слѣдуетъ эту коллекцію перенести въ кабинетъ естественной исторіи.

5) Наконецъ, такъ какъ послѣ того, что случилось съ Котельниковымъ, академики должны страпиться позже или ранѣе со стороны г. директора, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, сокращенія ихъ жалованья, то они формально и единогласно протестуютъ противъ всякихъ такихъ деспотическихъ дѣйствій и льстятъ себя надеждою, что его превосходительство почувствуетъ силу ихъ покорнѣйшаго представленія и отменить ордеръ, данный имъ комиссіи (относительно Котельникова).

Въ заключеніе академики просятъ г. директора о категорическомъ и скоромъ отвѣтѣ на ихъ почтительнѣйшее прошеніе и представленіе.

Эти рѣшенія, въ формѣ протокола о совѣщаніяхъ, бывшихъ въ квартирѣ Леонарда Эйлера, по подписаніи ихъ членами конференціи, были вручены депутатамъ, которые должны были на другой же день (вторникъ, 12-го апрѣля) представить ихъ Домашневу. Въ этотъ же день академики собрались въ экстренное засѣданіе, въ которомъ депутаты и дали отчетъ о своихъ объясненіяхъ съ директоромъ. По прочтеніи представленнаго ему отъ имени конференціи прошенія, Домашневъ обѣщалъ отвѣчать письменно; депутаты сначала настаивали, чтобы онъ далъ свой отвѣтъ немедленно, затѣмъ просили, чтобы онъ прислалъ свой письменный отвѣтъ къ пятницѣ (15-го апрѣля); но Домашневъ не соглашался на назначеніе срока. Между тѣмъ депутаты имѣли съ нимъ продолжительныя объясненія (длвившіяся около двухъ часовъ, съ 9 до 11 часовъ утра, какъ отмѣчено въ протоколѣ), которыя они готовы сообщить, для вне-

сенія въ протоколъ, если бы г. директоръ слишкомъ долго не отвѣчалъ письменно на ихъ представленія.

По выслушаніи этого отчета депутатовъ, конференція положила: 1) буде директоръ не пришлетъ своего отвѣта до пятницы (15-го апрѣля), то просить его о присылкѣ такового къ понедѣльнику (18-го апрѣля); послѣ же этого срока она ожидать болѣе не будетъ и 2) поручила конференцъ-секретарю написать Котельникову и Палласу: первому, чтобы онъ не сдавалъ ключей отъ кунсткамеры и другихъ кабинетовъ кому бы то ни было, а второму—чтобы онъ до времени остановился порученномъ ему директоромъ разстановкою минераловъ.

Въ слѣдовавшемъ затѣмъ пятницомъ засѣданіи конференціи, ожидавшійся отъ директора отвѣтъ состоялъ изъ слѣдующей записки:

«За отказомъ г. Палласа принять въ свое завѣдованіе какую-либо часть кабинетовъ, необходимы иныя распоряженія, которыя и будутъ сдѣланы по этому предмету; въ то же время я сообщу гг. академикамъ въ особенности относительно того, что можетъ ихъ касаться въ этомъ дѣлѣ, равно какъ и высочайшія повелѣнія, до сего относящіяся».

Этого общаго Домашневымъ сообщенія академикамъ пришлось еще долго дожидаться, а между тѣмъ, въ томъ же засѣданіи 18-го апрѣля конференція узнала, изъ сообщенной академическою комиссіею копій съ отношенія генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго, о состоявшемся 14-го декабря прошлаго (1781) года высочайшемъ повелѣніи о томъ, чтобы впредь до рѣшенія дѣла объ академическихъ ссорахъ ни одна изъ сторонъ, подъ страхомъ монаршей немилости, не давала повода къ новымъ жалобамъ. Дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьба академиковъ съ ихъ шефомъ какъ бы приостановилась, но затѣмъ вновь возобновилась и особенно когда Домашневъ поручилъ конференціи отобрать у Котельникова ключъ отъ милицъ-кабинета. Тогда, 22-го августа 1782 г., Котельниковъ обратился въ конференцію съ просьбою о защитѣ.

«Хотя,—писалъ онъ,—директоръ отнятіемъ у меня безвинно половины ежегоднаго жалованья весьма ощутительнымъ образомъ далъ мнѣ почувствовать дѣйствіе своего ко мнѣ неблаговоленія, однакожь благоразсудилъ оное усугубить принятіемъ изъ моего вѣдѣнія кунсткамеры, съ которымъ сопряжена часть моего пропитанія. И хотя почтенное собраніе гг. академиковъ благоволило учинить въ мою пользу директору справедливое представленіе, но директоръ, не взирая на сіе, изволилъ прислать въ ученое собраніе ордеръ касательно изыятія изъ моего вѣдѣнія милицъ-кабинета, умалчивая о томъ, что по сему дѣлу принадлежить до меня особливо, будто бы онаго кабинета въ моемъ вѣдѣніи никогда не бывало. Сей поступокъ г. директора принуждаетъ меня думать, что его превосходительство принялъ намѣреніе взять отъ меня

кунсткамеру по частямъ, образомъ нечувствительнымъ и такъ не токмо лишить меня той выгоды, которой я за долговременную службу, по должности библиотекаря, ожидать имѣю, но и привлечь на меня худыя слѣдствія.

«Прошу почтенное собраніе продолжить благоволеніе свое ко мнѣ, которое уже въ предпріятіи мѣрь къ моему защищенію оказать изволило». Конференція положила, не взирая на ордеръ директора, сохранить за Котельниковымъ завѣдываніе милицъ-кабинетомъ.

III.

Иполить Ѳедоровичъ Богдановичъ редакторъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“.—Покровительство, оказываемое ему Домашневымъ.—Неспособность редактора газеты.—Протестъ академикомъ.—Защита Богдановича Домашневымъ.

Недоразумѣнія съ милицъ-кабинетомъ еще не были окончены, какъ возникла новая ссора по поводу издававшихся Академіею «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», редакторомъ которыхъ былъ Иполить Ѳедоровичъ Богдановичъ. Послѣдній пользовался особымъ покровительствомъ Домашнева какъ сотоварищъ по парнасу, а быть можетъ и по университету. Въ годъ назначенія Домашнева директоромъ Академіи, Богдановичъ, какъ выразился Н. М. Карамзинъ ¹⁾, «положилъ на жертвенникъ грацій» свою «Душеньку», и приобрѣлъ ею, вмѣстѣ съ громкою на русскомъ парнасѣ славой, и благоволеніе императрицы. Когда онъ затѣвалъ издавать на 1779 годъ свой литературный журналъ, то Домашневъ сообщилъ объ этомъ конференціи и пригласилъ академикомъ и адъюнктомъ—оказать содѣйствіе титулярному совѣтнику Богдановичу въ предпринятомъ имъ изданіи, доставленіемъ ему «поучительныхъ статей» ²⁾. Въ то же время онъ далъ ему мѣсто при редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», съ жалованіемъ по 500 руб. въ годъ «за сочи-

¹⁾ Въ его статьѣ: „О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ“, напечатанной при собраніи сочиненій творца «Душеньки», изданномъ въ Москвѣ въ 1809 г. Платономъ Бекетовымъ.

Богдановичъ родился въ 1843 году, слѣдовательно былъ, по годамъ своимъ, почти ровесникомъ Домашнева, и учился также въ Московскомъ университетѣ.

Послѣ „Душеньки“, т. е. послѣ 1775 года, Богдановичъ еще писалъ, но мало или съ небреженіемъ, какъ бы нехотя, или въ „дремотѣ гевія“ (Карамзинъ).

²⁾ См. протоколъ засѣданія конференціи Академіи, 11-го декабря 1778 г.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1896 г., т. I. XXVII. СЕНТЯБРЬ.

неніе и изданіе оныхъ Вѣдомостей». Но видно не даромъ говорится, что дѣло мастера боится, и что бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ; творецъ «Душеньки» доказалъ на дѣлѣ, что можно быть хорошимъ повстомъ и весьма плохимъ редакторомъ политической газеты. Редакторская его дѣятельность подала поводъ къ войнѣ между академиками и директоромъ, которая и велась въ формѣ протоколовъ.

Въ протоколѣ конференціи 19-го іюля 1782 года записано:

«Конференція, принявъ къ свѣдѣнію, что въ публикѣ ставятъ въ вину всей Академіи появленіе съ нѣкоторыхъ поръ статей, худо выбранныхъ и нерѣдко дѣтскихъ—«въ Русскихъ (С.-Петербургскихъ) Вѣдомостяхъ», которыя дѣйствительно стали посмѣшищемъ всего города, положила объявить настоящимъ протоколомъ, что академическая конференція, т. е. Академія въ собственномъ смыслѣ, нисколько не причастна этимъ «Вѣдомостямъ»,—и представить его превосходительству господину директору о необходимости поручить редакцію этой газеты болѣе разумнымъ людямъ, дабы публика не имѣла повода жаловаться, а конференція не была бы вынуждена публиковать свое настоящее постановленіе».

Такъ какъ въ этомъ засѣданіи Домашневъ не присутствовалъ, то по заведенному порядку, протоколъ, по подписаніи его членами, былъ сообщенъ ему для свѣдѣнія; а отъ него возвращенъ съ слѣдующею собственноручною его припискою на поляхъ: «Пришлите мнѣ копію съ деклараціи публики, и я посмотрю что надлежитъ сдѣлать, такъ какъ газета, въ томъ видѣ, какъ она нынѣ издается, служитъ средствомъ для образованія многочисленной и наиболѣе здоровой части городского населенія».

Эта приписка, вмѣстѣ съ подобною же, сдѣланною Домашневымъ на другомъ протоколѣ (о V-мъ томѣ «Актовъ» Академіи), была доложена конференціи въ засѣданіи 22-го августа, и вызвала собою такое занесенное въ протоколъ постановленіе: «г.г. академики съ изумленіемъ увидѣли, что его превосходительство господинъ директоръ написалъ на поляхъ двухъ послѣднихъ протоколовъ замѣчанія о постановленіяхъ конференціи, относящихся до V-го тома «Актовъ» и до «Русскихъ Вѣдомостей». При всемъ своемъ уваженіи къ начальнику, они не могутъ скрыть отъ себя, что подобный образъ дѣйствій никакъ не можетъ быть оправданъ ни регламентомъ Академіи, ни порядками, соблюдаемыми во всѣхъ коллегіяхъ имперіи. Поэтому академики вынуждены заявить, что они видятъ въ этомъ образѣ дѣйствій его превосходительства знакъ явнаго неуваженія къ цѣлой Академіи, а такъ какъ для нихъ безразлично, какого рода обращеніе испытываютъ они отъ своего начальника, то они вынуждены покорнѣйше просить его превосходительство—сообщать свои замѣчанія, буде таковыя понадобятся, отдѣльно отъ протоколовъ, и тогда

конференція не упуститъ внести ихъ въ протоколъ слѣдующаго засѣданія. Согласно съ этимъ положено: при представленіи его превосходительству каждаго протокола прикладывать листъ чисто й бумаги, на которомъ директоръ могъ бы излагать свои замѣчанія».

Въ томъ же протоколѣ, въ отвѣтъ на сдѣланную Домашневымъ приписку о «Русскихъ Вѣдомостяхъ», внесено такое заключеніе: «стоитъ перелистовать «Вѣдомости» за послѣдніе годы, чтобы найти въ нихъ множество такихъ статей, которыя не только не могутъ нисколько служить «для образованія и наиболѣе здоровой части публики», но скорѣе возбуждаютъ смѣхъ и жалость къ газетчику, какъ напримѣръ животное, введенное въ собраніе академикомъ, которое маханіемъ головы оцѣняеть и одобряеть бывающія тамъ чтенія, см. стр. 436 № 58, 20-го іюля 1781 года «Вѣдомостей». Конечно, для «наиболѣе здоровой части публики» не слишкомъ было бы лестно сказать, что такая статья помѣщена для ея наученія».

Чтобы понять всю ядовитость этой цитаты, нужно раскрыть «С.-Петербургскія Вѣдомости» на указанной страницѣ; тамъ мы читаемъ:

„Разныя навѣстія. Пишутъ изъ Стокгольма, что жена одного тамошняго живописца причина къ ружамъ ¹⁾ молодого лося, котораго на послѣдокъ въ тамошнюю академію наукъ представила. Притомъ пишутъ забавнымъ образомъ, что сей лось, пріобученный къ свободному съ людьми обхожденію, увидѣвъ тогда въ академическомъ засѣданіи одно порожнее мѣсто, тотчасъ самъ помѣстился на ваканцію, со всѣмъ приличнымъ лосю благочиніемъ. Въ немъ примѣчена была въ ученое собраніи даже нѣкоторая наклонность къ произнесенію рѣчи, но какъ лоси въ языкѣ своемъ ограничены, то сей новый собесѣдникъ удовольствовался показать академикамъ свое усердіе разеваніемъ рта и нѣкакимъ рыкомъ, хотя въ протчемъ нивому не вразумительнымъ ²⁾. Стокгольмская академія, пріемля всякую рѣдкость съ признательностью, не оставила помянутую живописцеву жену безъ награжденія за то, что она имѣла славу показать и на самомъ дикомъ звѣрѣ примѣръ добраго воспитанія“.

Помѣщеніе въ протоколѣ, который подлежалъ просмотру директора, опредѣлительнаго указанія на сатиру, на него написанную, имѣло все значеніе насмѣшки въ лице и ставило того, противъ кого была направлена эта злая выходка, въ крайне трудное положеніе: взглянуть на нее, какъ на дерзость со стороны академикомъ, каковою она дѣйствительно и была, значило бы узнать себя въ сатирѣ; сдѣлать видъ, что сатира до него не относится—это было легче, но не могло никакъ помѣшать другимъ видѣть его осмѣяннымъ. Помѣщеніе въ протоколѣ указанія на статью «Вѣдомостей» ясно говорило, до чего Домашневъ «неуважать себя заста-

¹⁾ Т. е. сдѣлала домашнимъ.

²⁾ Припомнимъ, что сказано выше о рѣчи Домашнева при вступленіи въ Академію.

вилъ». Академики какъ бы боялись, чтобы эта болѣе чѣмъ прозрачная сатира на него не осталась незамѣченной имъ, какъ она осталась, конечно, незамѣченной редакторомъ газеты Богдановичемъ, пропустившимъ ее не иначе какъ въ «дремотѣ генія», говоря словами Карамзина.

Этотъ эпизодъ съ животнымъ, попавшимъ въ Академію, имѣлъ для Домашнева рѣшающее значеніе: онъ дошелъ до свѣдѣнія императрицы и въ связи съ другими дѣлами повелъ въ концѣ года къ увольненію его отъ должности директора.

Передъ самымъ своимъ увольненіемъ Домашневъ прислалъ въ конференцію, къ засѣданію 23-го декабря 1782 г. составленное имъ оправданіе Богдановича, которое не удостоилось внесенія въ протоколъ засѣданія, но которое не лишне будетъ привести здѣсь въ дословной передачѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей правописанія. Домашневъ, не всегда подчинявшійся законамъ гражданскимъ, легко освобождалъ себя отъ соблюденія и законовъ грамматики и даже логики.

„Выписка изъ журнала директора Домашнева отъ 8-го декабря 1782 года.

„Г. ассесоръ Богдановичъ проситъ его превосходительство, что онъ, употребляя все свое раченіе въ исправленіи препорученной ему должности пзданія газетъ, не думалъ претерпѣть столько оскорбленій, сколько онъ видитъ, что даже поставлены ему въ преступленіе нѣкоторыя мнимыя ошибки, за нѣсколько лѣтъ въ газетахъ учинившя, хотя самое главное изъ оныхъ могло быть только отъ разности вкуса его, г. Богдановича, и господъ профессоровъ, изъ коихъ многимъ и російскій языкъ чуждъ, и кои вознегодовали на него столь сильно и можно сказать мстительно, что дѣлали даже директору домогательство, чтобы лишить его мѣста, отнять у него довѣренность, и симъ публично оказать его неспособнымъ даже и къ изданію «Вѣдомостей» за то, что онъ съ лишнимъ за годъ предъ тѣмъ гдѣ-то говорилъ неучтиво объ ослахъ: то онъ, г. Богдановичъ, не требуя и не дѣлая въ семь защитенія, когда судьба его могла подвергнуться столь страшному отъ г. профессоровъ говенію за ословъ, но дабы только не раздражить ихъ болѣе и сохранить для себя тишину, столь его духу и здоровью нужную, отрекается отъ изданія сихъ газетъ. Почему, хотя въ разсужденіи таланта г. ассесора Богдановича, оказавшаго оной разными достоподражаемыми сочиненіями публикѣ извѣстными, и вкуса его въ выборѣ артикуловъ въ газеты, связи ихъ и черезъ то составленіе нечувствительнымъ образомъ курса новой исторіи ¹⁾, крайне его превосходительству сожальательно для Академіи онаго лишиться, но съ другой стороны его превосходительство не можетъ настоять, чтобы сей благородный писатель, честь російскихъ письменъ, столь былъ подъ начальствомъ его превосходительства уязвляемъ, такъ что выискавшаи за пять и шесть лѣтъ типографскія погрѣшности господани профессорани комиссіи допесены высочайшей власти; и хотя бы таковая ошибка у автора, а особливо газетъ, въ неотсрочное и скорое время исправляемихъ, и прокрасться могла, то слѣдовало бы отмѣтить и то, чемъ сочиненіе его отлично и возвышено; и гдѣ слу-

¹⁾ Не разумѣется ли здѣсь написанное Богдановичемъ послѣ 1775 года „Историческое изображеніе Россіи“,—опытъ легкій и несовершенный, по замѣчанію Карамзина.

чалось, чтобъ газетная ошибка, нетрогующая ничьяго лица, но съ другихъ газетъ въ числѣ странныхъ и любопытныхъ случаевъ внесенная, могла быть преступленіемъ, о которомъ высочайшей власти непосредственно доносить должно было? Въ разсужденіе чего его превосходительство, протестуя честью своею, что онъ не можетъ быть какъ искренно признательнымъ къ достоинствамъ и трудамъ его, г. ассесора Богдановича, и свидѣтельству ему свое истинное въ томъ признаніе.

IV.

Требованіе директора, чтобы академики предложили задачи для четырехъ премій.—Возраженіе академиковъ.—Споръ по поводу издаванія календаря и изъ-за Академической гимназіи.—Произвольное удерживаніе жалованья академикамъ.—Жалоба ихъ Сенату.—Увольненіе Домашнева отъ должности директора Академіи Наукъ.

Считая себя начальникомъ и распорядителемъ даже и въ ученыхъ дѣлахъ Академіи, Домашневъ 29-го сентября 1782 г. далъ конференціи слѣдующее предписаніе:

«Усердствуя дать болѣе восчувствовать свѣту щедроты ея императорскаго величества, всеавгустѣйшей Академіи покровительницы, на науки изливаемые, и имѣя въ главномъ виду распространеніе оныхъ, по силѣ 64 пункта Академіи Наукъ регламента, симъ устанавливается, что, начиная съ вышшняго года, отъ Академіи предлагаемо будетъ изъ награжденія изъ каждаго класса по одной задачѣ, какъ-то: изъ математическаго, физико-математическаго, химическаго и естественной исторіи, съ награженіемъ за рѣшеніе каждой изъ сихъ задачъ медали въ 100 червонныхъ. Почему ученое собраніе имѣеть, выбравъ изъ каждаго класса по три таковыхъ задачи, представить оныя директору къ пятому на десять наступающаго октября для опредѣленія тѣхъ изъ оныхъ, кои въ программу внесены быть должны, что ежегодно дѣлать къ торжественнѣйшему дню коронованія ея императорскаго величества, высочайшей покровительницы Академіи». 29-го сентября 1782 г. Домашневъ.

По выслушаніи этого новаго «установленія» г. директора, конференція отложила обсужденіе его до слѣдующаго засѣданія.

Вслѣдъ затѣмъ, Домашневъ, явившись въ засѣданіе 10-го октября, продиктовалъ слѣдующій вопросъ:

«Въ силу установленія 29-го сентября предложили-ли г.г. академики, каждымъ по своей части, задачи для четырехъ премій, упомянутыхъ въ этомъ установленіи?»

На это конференцъ-секретарь отвѣтилъ, что конференція присту-

вила тотчасъ же къ обсужденію предложенія, которое г. директору угодно было назвать «установленіемъ». Въ виду того, что по силѣ 31 статьи регламента Академіи, всякій вопросъ, относящійся до успѣха наукъ, долженъ быть рѣшаемъ по большинству голосовъ, и что той же статьею поставляется академикамъ въ обязанность испрашивать по этого рода дѣламъ мнѣніе старшихъ академиковъ, конференція рѣшила спросить предварительно мнѣніе Леонарда Эйлера, который и далъ свой отзывъ для доклада собранію.

На это директоръ возразилъ, что въ чтеніи этого отзыва нѣтъ надобности, такъ какъ онъ требовалъ только представленія задачъ, а Эйлеръ такихъ задачъ не предлагаетъ. Поэтому конференція признала нужнымъ внести въ протоколъ мнѣніе Эйлера, которое состояло въ слѣдующемъ:

«Эйлеръ утверждаетъ, что новое установленіе г. директора не согласно съ статьею 65 регламента, и что поэтому оно не можетъ быть принято какъ таковое (т. е. какъ установленіе) конференціею иначе, какъ если г. директоръ объявитъ объ этомъ повелѣнію какой-либо высшей власти. Во-первыхъ, умноженіе числа премій нисколько не можетъ способствовать большому успѣху наукъ, тѣмъ болѣе, что выборъ задачъ становится болѣе и болѣе труднымъ, и что Академія, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, принуждена либо награждать весьма посредственныя сочиненія, или же откладывать присужденіе наградъ съ года на годъ и, наконецъ, совсѣмъ прекращать конкурсъ. Во вторыхъ, нѣтъ никакой причины думать, чтобы умноженіемъ премій можно было дать болѣе восчувствовать свѣту милостивое оказываемое ея величествомъ наукамъ покровительство, о которомъ повсемѣстно свидѣлствуютъ доказательства, несравненно болѣе блистательныя, чѣмъ то, что проектируетъ г. Домашневъ. Наконецъ, важная статья, такое умноженіе премій противорѣчитъ штату Академіи и превышаетъ ея средства, которыя, вслѣдствіе нѣсколькихъ неправильныхъ дѣйствій, уже подверглись значительному уменьшенію, и по всей вѣроятности, еще болѣе сократятся. Но даже если бы директоръ нашелъ средство пополнить недостачи въ доходахъ Академіи или даже увеличить ихъ противъ прежняго, то и тогда у Академіи есть столько внутреннихъ потребностей, что не слѣдуетъ ими жертвовать для мелочной славы, блистать передъ публикой учащенною раздачею наградъ, въ то время когда означенныя потребности остаются неудовлетворенными и со-дня-на-день возрастаютъ».

Академики, выслушавъ мнѣніе своего старшины и вполне согласившись съ нимъ, протестовали противъ назначенія новыхъ премій, причемъ замѣтили, что и безъ того Академіи предстоитъ раздача премій по четыремъ объявленнымъ уже задачамъ, что составитъ расходъ въ

400 червонцевъ, и что противно регламенту Академіи выдавать болѣе одной преміи въ годъ. На это Домашневъ возразилъ, что онъ имѣетъ право дѣлать измѣненія въ регламентѣ, что онъ уже сдѣлалъ всѣ распоряженія для покрытія этого новаго расхода; что впрочемъ забота объ этомъ не есть дѣло конференціи, а онъ, Домашневъ, еще не считаетъ нужнымъ указать собранію на источникъ для покрытія расхода на новыя преміи.

Собраніе, съ своей стороны, возражало на это, что въ такомъ случаѣ г. директоръ не можетъ требовать отъ Академіи, чтобы она обѣщала публикѣ раздать премій на 800 червонцевъ, не зная, откуда ихъ можно будетъ взять, и не имѣя поэтому достаточнаго обезпеченія возможности исполненія своихъ обѣщаній публикѣ, и это тѣмъ болѣе, что директоръ далъ академикамъ явное доказательство недостаточности академическихъ денежныхъ средствъ, сокративъ, безъ всякихъ иныхъ причинъ, содержаніе, какимъ они пользовались съ учрежденіемъ Академіи. Въ предположеніи же, что г. директоръ открылъ новый источникъ доходовъ, академики, прежде чѣмъ согласиться на учрежденіе новыхъ премій, считаютъ своимъ долгомъ представить его превосходительству, что вмѣсто употребленія новаго дохода на блестящую вывѣску, было бы болѣе согласно съ благими намѣреніями справедливой и милостивой покровительницы Академіи, употребить его на возстановленіе и упроченіе внутренняго благосостоянія Академіи, замѣщая на примѣръ мѣста, остающіяся вакантными уже много лѣтъ; пополняя бібліотеку, на которую слѣдовало употреблять сумму, ежегодно назначаемую на нее по штату; и въ особенности возстановляя гимназію, какъ публичное учрежденіе, дававшее въ прежнее время для Академіи адъюнктовъ, и кромѣ того, много полезныхъ людей для службы въ разныхъ другихъ коллегіяхъ имперіи, и которое могло бы быть и теперь весьма полезнымъ государству, но которое, по свидѣтельству нынѣшняго инспектора гимназій, Лепехина, пришло въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ полный упадокъ. Возстановленіе этого заведенія было бы дѣломъ наиболѣе соответственнымъ благотворнымъ видамъ государыни, которая еще недавно дала увлекательный примѣръ истинно материнскихъ заботъ объ учрежденіи въ обширной имперіи достаточнаго числа нормальныхъ школъ.

На все это Домашневъ только повторялъ, что онъ хорошо обдумалъ свое новое «установленіе», что онъ не имѣетъ ни малѣйшей надобности давать о томъ отчетъ конференціи, что все, касающееся распредѣленія суммъ, не есть дѣло академиковъ, и что въ концѣ концовъ онъ требуетъ отъ нихъ только проекта конкурсныхъ задачъ.

Конференція, не входя въ обсужденіе основательности этихъ мотивовъ и для исполненія сколько-нибудь желанія г. директора, положила

сообщить ему задачи, которыя еще оставались въ архивѣ и въ дополненіе къ которымъ нѣкоторые академики взяли представить директору прямо отъ себя нѣсколько новыхъ; но при этомъ поручили секретарю внести въ протоколъ формальный и торжественный протестъ конференціи противъ публикаціи этихъ задачъ отъ имени Академіи, повторяя, что, въ силу 31 статьи регламента, конференція никакъ не можетъ позволить такую публикацію, прежде чѣмъ не будутъ вполне устранены всѣ сдѣланныя возраженія и не будетъ восстановлено благосостояніе зависящихъ отъ Академіи учрежденій, тѣмъ болѣе, что установленіе новыхъ премій не есть дѣло спѣшное, и что составленный директоромъ проектъ еще требуетъ исправленія замѣчаемыхъ въ немъ неудобствъ.

При этомъ конференцъ-секретарь замѣтилъ, что вмѣсто учрежденія новыхъ премій и погони за славой въ чужихъ краяхъ, гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ поддержанія славы Академіи было бы болѣе скорое обнародованіе ея собственныхъ трудовъ, замедляемое теперь разными затрудненіями и препятствіями ¹⁾.

Это засѣданіе (10-го октября) закончилось тѣмъ, что секретарь напомнилъ директору о томъ, что онъ еще не далъ отвѣта на просьбы, представленныя ему 12-го апрѣля депутатами конференціи, и между прочимъ, касавшіяся коллекціи минераловъ, присланныхъ изъ Швеціи, доселѣ не сданной въ минералогическій кабинетъ. Домашневъ на это отвѣчалъ, что онъ держитъ ее еще въ своей квартирѣ, на углу 7 линіи, потому что не считаетъ удобнымъ довѣрить ее Котельникову. Конференція возразила на это, что такое недовѣріе совершенно неосновательно и находится въ противорѣчій съ послѣдствіями проверки этого кабинета, произведенной по приказанію директора нѣсколькими академиками; и что нельзя упрекнуть Котельникова въ какомъ-либо недостаткѣ честности.

На это директоръ возразилъ, что онъ не довѣряетъ не честности, а познаніямъ Котельникова ²⁾. Но и это заявленіе не осталось безъ возраженія. Академики замѣтили, что не нужно познаній для того, чтобы хранить въ цѣлости небольшое собраніе минераловъ; что означенная коллекція должна во всякомъ случаѣ храниться въ одномъ изъ кабинетовъ Академіи, хотя бы и не въ вѣдѣніи Котельникова ³⁾, и наконецъ,

¹⁾ Въ этихъ словахъ содержится также упрекъ Домашневу за то, что онъ обременялъ другими работами граверовъ Академіи, которые поэтому не могли своевременно исполнить чертежи къ V тому «Алтовъ» и тѣмъ задерживали весьма долго выпускъ въ свѣтъ этого тома академическихъ трудовъ.

²⁾ Какъ будто самъ Домашневъ могъ быть сулѣемъ этихъ познаній.

³⁾ Но всѣ эти повторительныя указанія оставались Домашневымъ безъ вниманія, и только въ директорство вятгини Дашковой эта коллекція была перенесена въ кабинетъ естественной исторіи Академіи.

что директоръ самъ еще недавно иначе отзывался о заслугахъ Котельникова въ своемъ представленіи Сенату о производствѣ его въ надворные совѣтники.

Послѣдняя стычка Домашнева съ академиками произошла въ засѣданіи конференціи 18-го ноября (1782). Печатаніе календарей на слѣдующій (1783) годъ было задержано Домашневымъ несвоевременными измѣненіями въ послѣднихъ корректурныхъ листахъ, такъ что можно было опасаться, что календарь не выйдетъ въ свѣтъ къ новому году. Поэтому въ засѣданіи конференціи 11-го ноября академикъ Крафтъ возбуждалъ предложеніе, какое онъ уже и прежде дѣлалъ, объ ускореніи печатанія календаря. Конференція, разсмотрѣвъ измѣненія въ корректурныхъ листахъ, изъ-за которыхъ произошло замедленіе печатанія, и находя эти измѣненія несущественными, поручила секретарю настоятельно просить директора приказать редактору календаря ограничиться на этотъ годъ лишь самыми существенными поправками, представивъ ему, что, въ случаѣ жалобъ публики на чрезвычайное опозданіе выхода въ свѣтъ календаря, конференція будетъ вынуждена объявить публично, что она этому нисколько не причастна. — Въ слѣдовавшемъ затѣмъ засѣданіи, 14-го ноября, — І. А. Эйлеръ доложилъ, что на письмо, посланное имъ вслѣдствіе этого порученія господину директору, онъ не получилъ никакого отвѣта. Тогда конференція поручила адъютанту Головину лично явиться къ Домашневу и повторить ему представленіе конференціи относительно календаря. Исполнивъ это порученіе Головинъ, въ засѣданіи 18-го ноября, донесъ, что директоръ отвѣчалъ, что конференція нѣтъ никакого дѣла до календарей ¹⁾, и что онъ одинъ отвѣчаетъ за нихъ, даже если бы они и совсѣмъ не вышли въ свѣтъ. Въ эту минуту вошелъ въ собраніе Домашневъ и, занявъ свое мѣсто, спросилъ секретаря, что онъ вносить въ протоколъ? Отвѣчая на это, Эйлеръ прочелъ предыдущій параграфъ о заявленіи Головина. Тогда Домашневъ сталъ выговаривать конференціи, что она мѣшается не въ свое дѣло и что сама причиняетъ затрудненія въ печатаніи календаря. Вслѣдствіе этого Лексель спросилъ, какія именно затрудненія были ею дѣлаемы? На это Домашневъ приказалъ Лекселю молчать и его не перебивать. Лексель тотчасъ же возразилъ, что онъ его не перебивалъ, а молчать не будетъ. Тогда Домашневъ, возвыся голосъ, сказалъ: «м о л ч и т е». Послѣ такого неожиданнаго обращенія, Лексель всталъ и вышелъ изъ собранія. Когда вскорѣ послѣ этого ушелъ и Домашневъ, конференція положила внести всю эту сцену въ протоколъ и послала просить Лекселя возвратиться въ засѣ-

¹⁾ Между тѣмъ календари составлялись всегда академиками и ежегодно, въ засѣданіяхъ конференціи, академики были приглашаемы къ составленію разнаго рода статей и обсуждались и другія дѣла, касавшіяся этого наданія.

даніе. Дескель исполнилъ желаніе товарищей и просилъ всѣхъ присутствовавшихъ сказать — пребывалъ ли онъ директора, и всѣ отвѣчали отрицательно.

Во время преній въ конференціи о несвоевременности установленія четырехъ новыхъ ежегодныхъ премій, было указано Домашневу, что Академическая гимназія была за послѣдніе годы (т. е. въ директорство его) приведена въ упадокъ. На этотъ очень серьезный упрек Домашневъ самъ продиктовалъ отвѣтъ для внесенія въ протоколъ, 21-го октября 1782 г. Онъ говорилъ, что со времени своего отъѣзда въ прошломъ году въ Херсонъ¹⁾, онъ не получалъ отъ инспектора гимназій, академика Лепехина, никакого рапорта о состояніи гимназій.

Такое несогласное съ истиною заявленіе заставило Лепехина подать въ конференцію 24-го октября того года оправдательную записку, которая простымъ изложеніемъ фактовъ ясно обличала Домашнева въ неправдѣ и рисовала выразительными чертами положеніе, въ какое было приведено въ его директорство одно изъ полезнѣйшихъ подвѣдомыхъ Академіи учрежденій. Записка Лепехина составляетъ важный документъ для характеристики Домашнева, какъ администратора, а вмѣстѣ и для справедливой оцѣнки того, что могла сдѣлать въ то время Академія на пользу русскаго просвѣщенія. Поэтому не будетъ лишнимъ привести здѣсь этотъ документъ вполнѣ:

„Его превосходительство, двора ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ и Академіи Наукъ господинъ директоръ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, въ ученомъ собраніи сего октября 21-го дня присутствуя, по причинѣ упоминаемаго состоянія гимназій, въ журналѣ сего собранія отъ 17-го числа конференцъ-секретарю господину Эйлеру въ особенномъ журналѣ замѣтить приказалъ, будто бы я, яко инспекторъ гимназій, со времени отбытія его въ путешествіе до сего времени никакъ о гимназій не увѣдомлялъ, на что почтеннѣйшему собранію имѣю честь объяснить слѣдующее.

„Его превосходительство, будучи главный въ Академіи начальникъ, въ случаѣ каковаго-либо съ моей стороны упущенія, имѣлъ всегда совершенное право требовать отъ меня отчета въ управленіи такимъ департаментомъ, въ коемъ воспитывается юношество, имѣющее заступитъ первѣйшія по Академіи должности; но что я въ семъ не дѣлалъ упущеній, доказываетъ то:

1) „По возвращеніи его превосходительства въ Санктъ-Петербургъ изъ путешествія въ исходѣ ноября мѣсяца 1781 году не упустилъ я письменно довести его превосходительству, что въ отсутствіе его ученіе въ гимназій продолжимо было обыкновеннымъ порядкомъ; что учитель нижняго французскаго класса Тирри отрѣшенъ отъ гимназій за данное имъ, именемъ Академіи, свидѣтельство въ знаніи французскаго языка пріѣзжему чужестранцу: что я, дабы сей классъ не былъ празденъ до пріисканія новаго учителя, склонилъ господина учителя Фоссе принять на себя обученіе сего класса съ общагнѣемъ того жалованья въ прибавокъ, которое получалъ помянутый Тирри.

¹⁾ Въ началѣ іюня 1781 г.

Фоссе обучалъ сей классъ съ 22-го октября 1781 года по генварь мѣсяцъ 1782, однако за сей излишній трудъ еще и по сіе время не заплачено.

2) „Когда по публикаціи, сдѣланной со стороны комиссіи, явились охочіе французы для принятія на себя учительской должности, то всѣ сіи отсылаемы были его превосходительствомъ въ комиссію. Сія поручила мнѣ сдѣлать выборъ изъ кандидатовъ, изъ коихъ и былъ удостоенъ по всѣмъ преимуществамъ г. Ледіотъ, о чемъ я комиссіи донесъ письменно рапортомъ, кой представленъ былъ въ комиссіонномъ журналѣ его превосходительству; да и я не упустилъ случая о семъ донести словесно; однако у сего учителя чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ удерживаемо было жалованье, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ.

3) „Что я въ февралѣ мѣсяцѣ сего года представлялъ его превосходительству о недостаточномъ числѣ на академическомъ иждивеніи содержащихся гимназистовъ, доказывается то данное имъ, господиномъ директоромъ, комиссіи предложеніе о принатіи двухъ вольныхъ учениковъ Севергина и Александра на казенное содержаніе, и въ коемъ его превосходительство упомянуть дозволилъ, что они принимаются по моей рекомендаціи.

4) „Въ мартѣ мѣсяцѣ имѣлъ я честь увѣдомить его превосходительство письменно о всѣхъ учителяхъ, въ гимназіи находящихся, и какимъ обученіемъ каждый изъ нихъ занятъ.

5) „Тогда же увѣдомлялъ я его превосходительство о состояніи студентовъ, что число ихъ только двое составляютъ, а именно — Петровъ и Васильевъ, и что по сей причинѣ г. адъютантъ Гакаманиъ, бывшій тогда конректоромъ гимназіи, не могъ давать своихъ наставленій; но и изъ сихъ Васильевъ отпущенъ былъ въ Орловскій уѣздъ.

6) „Въ остальное время навбогѣ надлежало мнѣ попечительствовать о испрошеніи денегъ на содержаніе гимназистовъ; ибо экономъ удержаніемъ оныхъ доводимъ былъ часто до крайности.—Таковыя представленія принуждень я былъ дѣлать его превосходительству троекратно, изъ коихъ на послѣднее, писанное 30-го севтября, имѣю и письменный отзывъ; но и затѣмъ выдача послѣднихъ денегъ не прежде, какъ 19-го сего мѣсяца, воспослѣдовала; удержанныя же за прошедшій годъ 232 рубля еще и по сіе время не выданы.

„(изъ крайности принудили меня приносить жалобы между сочленами академического собранія, что обучающіеся на казенномъ иждивеніи гимназисты доходятъ до крайности; что малое ихъ число, ибо нынѣ дѣйствительно учащихъ только двадцать восемь человекъ, а по штату академическому надлежало имъ быть пятьдесятъ, кромѣ 40, коихъ Академія, въ сплу высочайшаго именнаго повелѣнія, обязана воспитывать и наставлять въ руссійскомъ правописаніи для наполненія ими приказныхъ мѣстъ,—не можетъ удовлетворить тѣмъ ожиданіямъ, каковыхъ отъ сего училища по справедливости требовать надлежитъ. Сіе самое подало поводъ г. академику Брафту, при разсужденіи о задаваемыхъ вопросахъ, замѣтить, что опредѣляемыя за рѣшеніе сихъ вопросовъ деньги лучше употребить на поправленіе, то есть на содержаніе полнаго числа учащихъ въ гимназіи, нежели платить чужеземцамъ.

„Въ заключеніе за нужное почитаю присовокупить, что, во все время надзиранія моего надъ гимназіею, побуждало меня единое усердіе, а не каковое-либо вознагражденіе; ибо я сего никогда не желалъ, не получалъ, никогда не выпускалъ изъ виду моей обязанности, и старался доводить молодыхъ людей, сколько гимназическія ученія спосібшествовать могутъ, до того, чтобъ они были полезны и Академіи и обществу, что самымъ опытомъ дока-

зять не трудно. И посему часто я бывалъ въ гимназiи, свидѣтельствовалъ успѣхи учащихся и труды учащихся, въ чемъ могу свидѣтельствовать съ учащими и учащими; надзираю строго надъ прѣзжими учителями, требующими отъ Академіи свидѣтельства, присутствуя почти всегда самъ при таковыхъ экзаменахъ. Но сколь мое усердіе ни велико и въ семъ званіи быть Академіи полезнымъ, однако нынѣшнія обстоятельства принуждаютъ меня всекорно испрашивать отъ сей должности увольненія. 24-го октября 1783 года. Академикъ Иванъ Лепехинъ.

Не только одна гимназія терпѣла во всемъ недостатокъ отъ неполученія необходимыхъ денежныхъ средствъ, но и академики часто не получали слѣдующаго имъ содержанія. Хозяйственною частью въ Академіи завѣдывала тогда учрежденная еще въ 1766 г. такъ называвшаяся «Академическая коммиссія», замѣнившая собою прежнюю «Канцелярію Академіи» и состоявшая, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ трехъ членовъ-академиковъ. При Домашневѣ, такими членами были академики—Штелинъ, Котельниковъ и Румовскій. Долго крѣпились они въ неравной борьбѣ съ своевольнымъ начальникомъ, но, наконецъ, не выдержали и прибѣгли къ защитѣ Сената. Ихъ «покорнѣйшій рапортъ» Сенату отъ 3-го ноября 1781 г. рисуется во всей неприглядности характеръ распорядковъ Домашнева по хозяйственной части Академіи.

„Въ исполненіе указа Сената,—сказано въ рапортѣ,—требовавшаго отъ коммисіи объясненія относительно удержанія директоромъ Домашневымъ у членовъ коммисіи ихъ жалованія, коммисія доноситъ Сенату, что г. директоръ при отъѣздѣ изъ С-Петербурга ¹⁾ на общемъ академическомъ спискѣ, отданномъ комиссару, написалъ собственноручно: «по сему списку г. комиссару Устинову производить жалованіе, кромѣ академиковъ, въ коммисіи находящихся, конимъ до окончанія по книжной лавкѣ и магазейну счетовъ, половинное. Юня 3-го дня».

„Потомъ комиссаръ Устиновъ, въ присутствіи коммисіи, объявилъ данный ему отъ г. директора ордеръ: „хотя предписано отъ меня было, чтобы члены коммисіи ежемѣсячно меня репортовали о производствѣ препорученныхъ имъ заупущенныхъ счетовъ; но какъ они того черезъ пять мѣсяцевъ не сдѣлали, то до окончанія счетовъ производить имъ жалованіе половинное, съ тѣмъ что другая половина, по окончаніи оныхъ, выдана будетъ такъ же“.

Юня 3-го дня.

„Изъ сихъ предписаній директора можетъ показаться, что у членовъ коммисіи удержано жалованье или для того, что счеты по книжной лавкѣ и магазейну не окончены, или для того, что черезъ пять мѣсяцевъ не репортовали директору о производствѣ заупущенныхъ аки бы членами коммисіи счетовъ.

„Хотя бы сіи причины были и истинны, но имѣлъ ли г. директоръ право власть свою распространять до того, чтобы штрафовать, по волѣ своей, цѣлое присутственное мѣсто—коммисія предаетъ на правосудіе Правительствующаго Сената.—А что она ни по той, ни по другой причинѣ не подлежала такому прискорбному штрафу, Сенатъ изъ слѣдующаго усмотрѣть назоветъ:

¹⁾ Въ юнѣ 1781 г.

„Коммиссія всегда имѣла попеченіе объ окончаніи счетовъ по книжной лавкѣ, но въ то время когда г. директоръ первый разъ во время своей дирекціи предписалъ окончить старые по книжной лавкѣ счета, еще не поданы были въ коммиссію отъ комиссара Сборомирскаго шнуrowыя книги, и для того къ ревизіи оныхъ приступить не могла.

„Еще во время директорства графа Владиміра Григорьевича Орлова коммиссія, имѣя попеченіе о счетахъ по книжной лавкѣ и видя, что за семь лѣтъ не внесены отъ комиссара приходныя и расходныя книги, въ 1770 году учинила книгамъ академическимъ ревизію и положила оную за основаніе: поставила форму шнуrowымъ книгамъ и предписала комиссару, чтобы оныя впредь изъ года въ годъ вносили въ коммиссію для освидѣтельствованія, прилагая стараніе о приведеніи въ порядокъ и о внесеніи въ коммиссію шнуrowыхъ книгъ и за прошлыя семь лѣтъ.

„По сему предписанію комиссаръ внесъ книги:

за 1771 годъ	—	въ 1772 году.
» 1772	»	» 1773
» 1773	»	» 1774
» 1774	»	» 1775
» 1775	»	» 1776

коп по мѣрѣ вступленія ихъ въ коммиссію и были освидѣтельствованы. Въ теченіе сихъ пяти лѣтъ, пока предписанія коммиссіи по Академіи имѣли надлежащую силу, и комиссаръ безпрепятственно могъ упражняться въ должности своей, внесены отъ него книги и за два послѣднія до того года, а именно 1764 и 1765 г.

„Но когда г. директоръ, по прибытіи своемъ изъ Москвы въ 1775 году, самолично вступилъ въ дирекцію Академіи и ввелъ новый образъ правленія, то уже шнуrowыя книги:

за 1776 годъ	внесены въ коммиссію въ 1778 году
» 1777	»
»	»
»	»
»	»
»	» 1778

коп въ коммиссіи равномѣрно и освидѣльствованы. О невнесенныхъ же за прошлыя годы при дачѣ новыхъ шнуrowыхъ книгъ, коммиссія ежегодно предписывала о подачѣ въ коммиссію для освидѣльствованія, а сколько словесно напоминала, того исчислить не можетъ.

„Г. директоръ напротивъ того черезъ 5 лѣтъ дирекціи своей о счетахъ по книжной лавкѣ и не помышлялъ, ибо въ 1780 году декабря 17-го числа даннымъ коммиссіи повелѣніемъ, полагая основаніе новому присутственному мѣсту, т. е. экономической экспедиціи, между прочимъ членамъ коммиссіи предписалъ, старые счета по книжной лавкѣ окончить къ 1-му числу іюля 1784 года и объ успѣхѣ сей ревизіи ежемѣсячно себя увѣдомлять. Никакая радость не могла тогда сравняться съ радостію членовъ коммиссіи, видя, что черезъ 5 лѣтъ наконецъ г. директоръ обратилъ вниманіе свое на счетахъ. Но при всемъ томъ коммиссія тогда не только окончить, но ниже начать ревизію по книжной лавкѣ счетовъ не могла, потому что шнуrowыя книги въ оную еще не были внесены, и для того, потребовавъ отъ комиссара Сборомирскаго отвѣтъ, для чего не внесены имъ въ коммиссію шнуrowыя книги, журналомъ своимъ 22-го января 1781 года предписала ему подать въ коммиссію къ предписанному г. директоромъ термину шнуrowыя книги, а ежели возможно — и ранѣе, и для скорѣйшаго окончанія оныхъ препоручила исправленіе по книжной лавкѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, въ отвѣтъ комиссара показанныхъ, помощнику его Вильковскому. Сей журналъ представленъ былъ директору купно съ отвѣтомъ

отъ комиссара поданнымъ, и потому комиссія объ успѣхѣ этого дѣла рапортомъ утрудять директора причинъ не имѣла, ибо изъ онаго онъ видѣлъ, что она къ ревзійн приступити не можетъ, и небезвѣстно было г. директору, что должность его не во внесеніи въ шуровыя книги прихода и расхода, но въ освидѣтельствованіи оныхъ состоятъ.

„По сему предписанію комиссаръ Сборомирскій обѣщался представить шуровыя книги на разсмотрѣніе прежде нежели къ 1-му іюля, во и директоръ, чтобы не мѣшать Сборомирскому въ приведеніи въ концу шуровыхъ книгъ, а потомъ въ неокончаніи счетовъ возложить вину на комиссію, мая 1-го дня, по представленію ассесора Богаевского, безъ всякаго согласія комиссіи приказалъ комиссару сдавать книжную лавку помощнику его Вильковскому. Отнявши сдачею книжной лавки больше двухъ мѣсяцевъ, привелъ его въ несостояніе окончить шуровыя книги къ назначенному времени, а комиссію приступити къ свидѣтельству оныхъ, и при отъѣздѣ своемъ въ разсужденіи членовъ комиссіи далъ комиссару выше сего упомянутыя приказанія, а о комиссарѣ Сборомирскомъ, прежде нежели подалъ онъ въ комиссію шуровыя книги и окончилъ сдачу книжной лавки, въ генеральномъ спискѣ противъ имени его написалъ: *выбылъ, находится при Академіи подъ счѣтомъ*; комиссіи же отъ 3-го мая предписалъ комиссара Сборомирскаго болѣе при Академіи не числитъ въ дѣйствительно служащихъ и жалованія не производить и до окончанія сдачи книгъ и счетовъ содержать въ Академіи подъ присмотромъ.

„По отбытіи г. директора въ предпринятую имъ экспедицію, комиссія, увидя данныя комиссару повелѣнія объ удержаніи у членовъ комиссіи жалованія, въ Москву представляла г. директору, что она, за невнесеніемъ по книжной лавкѣ шуровыхъ книгъ, къ ревзійн ихъ приступити не можетъ, и что комиссаръ Сборомирскій отъ приведенія ихъ къ концу отвлеченъ былъ сдачею книжной лавки по приказанію его превосходительства, и потому просила, чтобы изволилъ уничтожить выше сего упомянутыя приказанія о удержаніи у насъ жалованія, но отъ него никакого отвѣта не получила.

„Въ августѣ мѣсяцѣ внесены отъ комиссара въ комиссію шуровыя книги и отданы въ счетное помытѣ для учиненія изъ нихъ выписи; какъ скоро онѣ представлены будутъ комиссіи, такъ скоро она къ разсмотрѣнію ихъ приступити.

„Изъ сего Правительствующій Сенатъ усмотрѣлъ изволить, что комиссія ни по той, ни по другой причинѣ не подлежала штрафу, г. директоромъ положенному, что она все, что могла по утѣсненному своему положенію, сдѣлала, и больше пеклась о счетахъ, нежели г. директоръ.

„Но чтобы показать Правительствующему Сенату истинную причину, побудившую г. директора поступити съ комиссіею столь обиднымъ образомъ, комиссія должна начать объясненіе свое издадека, которое она и проситъ Правительствующій Сенатъ удостоити своего милостиваго и правосуднаго вниманія.

„Съ начала вступленія своего въ Академію настоящій директоръ, присутствуя перѣдко въ комиссіи, требовалъ иногда отъ членовъ ея согласія и совѣта, и по тѣхъ поръ дѣла по Академіи шлѣли порядочное теченіе. Потомъ, когда въ разсужденіи нѣкоторыхъ издержекъ и распоряженій по Академіи, пользу и распространеніе науки въ виду пеннѣющихъ, члены комиссіи по долгу своему и по силѣ высочайшаго указа, даннаго директору о комиссіи, стали дѣлать благопрістойное представленіе, то директоръ, не терпя оныхъ, уже тому бо-

лѣе трехъ гдѣтъ какъ пересталъ присутствовать въ комиссіи и началъ давать не въ комиссіи, но въ домѣ своемъ словесныя приказанія на выдачи денегъ, регламентомъ Академіи неположенныхъ, и дѣлать распоряженія, сообразныя съ своими личными выгодами, съ казенными вещами и служителями академическими поступать какъ со своими собственными, и когда на украшеніе департаментовъ Академіи, на приготовленія для приѣма графа Готтливскаго, на иллюминацію, на украшеніе покоевъ въ академическомъ домѣ, имъ занятыхъ, и на другія подобныя предпріятія издержано было до нѣсколькихъ тысячъ, то дѣйствительный статскій совѣтникъ Штелинь именовъ комиссіи словесно на дому представлялъ г. директору, что такковыя издержки не нужны, и что онъ виною, что комиссія не можетъ преступить къ распространенію училища своего и къ постройкѣ магазина для книгъ, за наемъ котораго платитъ ежегодно съ лишнимъ 500 руб. и о которой многократно въ комиссіи было ему представляемо. Но г. директоръ представленія сего не принялъ въ уваженіе и въ отвѣтъ сказалъ, что онъ сіе дѣлаетъ по данной ему власти и въ выдачахъ, по приказаніямъ его дѣлаемыхъ, одинъ отвѣчаетъ. Съ того времени началъ притѣснять комиссію всевозможнымъ образомъ, исключать членовъ комиссіи отъ правленія дѣлъ по Академіи, давая рѣшенія на всѣ дѣла на дому и дѣлать распоряженія по мыслямъ своимъ безъ согласія и совѣта комиссіи. Самую же комиссію приводилъ въ презрѣніе по Академіи, присылая обидныя для членовъ и присутствующему мѣсту непріятныя предложенія, препоручая иногда имъ должности, ни званію, ни профессіямъ ихъ непрістойныя.

„Комиссія, терпѣливо снося отъ директора явныя притѣсненія, ласкала себя по сіе время надеждою, что онъ перемѣнитъ когда-нибудь свои поступки, и не вида средства къ пресѣченію безъ согласія ея дѣлаемыхъ ненужныхъ издержекъ и по Академіи распоряженій, къ оправданію своему много средства изобресть не могла какъ означать въ журналахъ выдачи за работы, которыя по приказаніямъ директора дѣлаемы были и доходили до свѣдѣнія комиссіи. Журналы сіи до 1780 г. директоръ принималъ трудъ самъ подписывать, а съ сего года и подписывать оныя пересталъ.

„Уже въ 1777 году самому директору тягостными для Академіи начали казаться расходы для передѣлки и украшенія покоевъ, имъ занятыхъ, ибо, увида въ журналѣ комиссіи 20-го іюля, подписанномъ уже членами, что показана въ немъ нѣкоторая сумма, издержанная для оныхъ по его приказанію, при подписаніи вымаралъ слова сіи для покоевъ его высокородія, а послѣ того вмѣсто покоевъ его высокородія приказалъ писать неопредѣленно для нѣкоторыхъ покоевъ или для росписанія залы, опредѣляемой г. директоромъ для содержанія засѣданій, до россійскихъ писменъ устанавливаемыхъ, или наконецъ для исправленія препорученной отъ директора работы.

„Несмотря на сіе комиссія продолжала означать въ журналахъ по приказаніямъ директора дѣлаемыя издержки, конхъ всѣхъ теперь за краткостію времени исчислить будучи не въ состояніи, въ примѣръ имѣеть честь Правительствующему Сенату представить нѣкоторыя.

„По занятіи въ академическомъ домѣ, называемомъ Волковъ, до 19 покоевъ, по вытѣсненіи помѣщенныхъ въ ономъ нѣкоторыхъ академическихъ служителей и словолитную палату къ ущербу ея въ сырне погребѣ переселивши, на перестройку оныхъ, на раскрашиваніе стѣнъ и плафона, не считая того, что оныя почти ежегодно академическими художниками перекраши-

ваются, на дрова, на балконы и на баню, для директора устроенную, съ водою въ одну изъ Невы рѣки трубы, въ разные времена по приказанію директора издержано слишкомъ 4.300 руб.

„На украшеніе библіотеки, кунсткамеры разными группами и позолоченными фигурами, на раскрашиваніе стѣнъ въ разныхъ случаяхъ предпріятое, и повнѣ продолжающееся позолоченіе, на украшеніе глобусной башни издержано слишкомъ 8.000 руб.

„Въ вознагражденіе разнымъ, но наипаче трудившимся въ украшеніи кунсткамеры и цоколей директора и въ споспѣшествованіи его намѣреніямъ, до наукъ не касающимся, выдано до 5.000 руб.

„На бывшую въ 1777 году огромную иллюминацію, неизвѣстно по какой причинѣ устроенную, и на другія, не столь огромныя, въ томъ числѣ на одну два раза строенную и наканунѣ того дня, для котораго была строена, по приказанію директора слоанную, до 1.900 руб.

„На двѣ ливреи одному изъ академическихкихъ солдатъ, временемъ въ швейцары выржающемуся, издержано слишкомъ 340 руб.

„Сими и подобными учрежденіями, перемѣщеніемъ департаментовъ съ мѣста на мѣсто, принятіемъ на академическое издѣваніе для своей акнбы корреспонденціи трехъ секретарей одного послѣ другаго, живописцевъ и другихъ ненужныхъ для Академіи людей— достигъ наконецъ г. директоръ, нѣмѣя всегда въ виду свои выгоды, до того, что въ 5 лѣтъ дирекціи его издержано больше, нежели въ предыдущіе 5 лѣтъ до его дирекціи, около 83.000 руб.

„Показаніемъ въ журналахъ комиссіи подобныхъ издержекъ будучи огорченъ, г. директоръ приступилъ сперва къ отнятію изъ вѣдѣнія ея академическихкихъ департаментовъ, препоручая оныя въ главное смотрѣніе довѣреннымъ своимъ людямъ, а наипаче Богаевскому, изъятія отъ похвальнаго и томительнаго надзиравія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Штелина, и вѣряя нѣкоторые человѣку, по его собственному признанію, никакого понятія о препорученныхъ ему художествахъ не имѣющему. Черезъ сихъ довѣренныхъ особъ началъ давать въ департаменты словесныя приказанія, не оставляя и слѣдовъ въ комиссіи, отъ нихъ принимать представленія, до департаментовъ касающіяся, отиѣтая комиссіи съ презрѣніемъ, а письменныя иногда раздирая. Комиссія не смѣла утруждать Правительствующій Сенатъ исчисленіемъ, koliko она число въ сіе время предложеній, присутственному мѣсту неприличныхъ, отъ г. директора получила. Для примѣра державъ представить при семъ дѣло ассесора Штофенгагена, 35 лѣтъ служившаго съ похвалою при Академіи, и наборщика Темнева.

„Но какъ о денежныхъ издержкахъ необходимо свѣдѣніе должно было доходить до комиссіи, имѣвшей въ храненіи какъ штатную, такъ и экономическую сумму, изъ которыхъ наипаче послѣднюю, потомъ и трудами департаментовъ приобретаемую, г. директоръ располагалъ по своимъ видамъ и намѣреніямъ, то чтобы и свѣдѣнія объ ней отнять отъ комиссіи, декабря 17-го дня 1780 г., полагая основаніе экономической экспедиціи, опредѣлилъ казначеемъ экономической суммы правившаго тогда при комиссіи секретарскую должность академика Протасова, а потомъ переводчика Богаевского въ ту же экспедицію членомъ, именуя его иногда главнонадзирающимъ надъ типографіею ассесоромъ.

„Симъ предложеніемъ предписалъ директоръ комиссіи отдать г. Протасову подъ сохраненіе экономическую сумму, а комиссіи вмѣсто того препоручилъ, какъ выше сего донесено, окончить старыя счета безъ приходныхъ

п расходныхъ книгъ въ 1-му числу юля п о усилѣхъ сей ревнѣи ежемѣсячно себѣ репортовать, присовокупляя, что коммиссія не имѣетъ дѣлъ важнѣе содержанія какъ повѣрки счетовъ, и не взирая на то, что именнымъ ея императорскаго величества указомъ повелѣно директору съ членами коммиссіи, отъ ея императорскаго величества назначеннымъ, не только разсматривать всѣ дѣла по Академіи, но и управлять оными.

„Коммиссія, въ разсужденіи отдачи подѣ сохраненіе экономической суммы академика Протасова, въ журналѣ своемъ января 22-го дня 1781 опредѣлила, что за силою указа 1736 г. отдачи оной подѣ сохраненіе ему не можетъ. Слѣдъ на законѣ основаннымъ опредѣленіемъ г. директоръ, будучи уже раздраженъ и именуя оное лбедою, во всѣ департаменты Академіи далъ приказаніе, чтобы вступающіе въ нихъ деньги отдаваемы были прямо подѣ сохраненіе академику Протасову. Равное далъ приказаніе и комиссару Устинову, приемлющему назъ присутственныхъ мѣсть по сообщеніямъ коммиссіи деньги, присылаемыя за дѣла, въ академическихъ департаментахъ исправляемыя, а академику Протасову предписалъ: расходъ онымъ производить едлпственно по даваемымъ на таковыя случаи отъ себя приказаніямъ и учрежденіямъ.

„Съ того времени коммиссія ни о числѣ экономической суммы, ниже на какія потребности она употребляется, по іюнь мѣсяцъ никакого свѣдѣнія не имѣла, а должна будучи по законамъ отвѣтствовать за ея цѣлость, письменно директору представила, чтобы благоволилъ о сей казвѣ сдѣлать такое распоряженіе, по которому бы коммиссія свободна была отъ отвѣта за цѣлость, объявляя, что ежели г. директоръ представленія сего рѣшенія не удостоитъ, то члены коммиссіи привуждены будутъ о безопасности своей представить куда надлежитъ.

„Не получая на сіе отъ г. директора никакого отвѣта и видя приближающееся его отсюда безъ отвѣта отбытіе мая 31-го дня, принуждена была коммиссія представить о семъ въ 1-й департаментъ Правительствующаго Сената и просить, чтобы, въ случаѣ въ экономичеи казвѣ недочета, на членовъ коммиссіи оного введено не было. Г. директоръ, получа свѣдѣнія о подаваномъ въ Правительствующій Сенатъ донесеніи, сугубо ожесточился на коммиссію и во гнѣвѣ своемъ давалъ комиссару наканунѣ отбытія своего выше сего упомянутыя приказанія о удержаніи у членовъ коммиссіи жалованія.

„Изъ сего Правительствующій Сенатъ усмотрѣлъ изволить истинную причину, побудившую директора удержать у членовъ коммиссіи жалованье. п намѣреніе, съ которымъ учредилъ оныя экономическую экспедицію. Какимъ образомъ потомъ тѣлился г. директоръ подчинить коммиссію экономической экспедиціи, какіе съ пути своего прислалъ въ коммиссію ордера объ отдахѣ въ вѣдомство Богаевскому приказныхъ служителей и всѣхъ письменныхъ комисскихъ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ спасеніе и оправданіе коммиссіи, потому что въ нихъ означены приказанія г. директора о выдачѣ денегъ, какъ выше сего допесено, объ отдахѣ ему же, Богаевскому, аклбм для разсмотрѣнія всѣхъ письменныхъ предложеній, отъ г. директора въ коммиссію присылаемыхъ и показывающихъ опытъ терпѣнія и притѣсненнаго состоянія коммиссіи, п какія наконецъ экзекутору Герасимову послыалъ приказанія о побужденіи коммиссіи въ окончаніи счетовъ безъ шуровыхъ книгъ и паблюденій установленнаго г. директоромъ невзвѣстнаго коммиссіи порядка, п о послѣдствіяхъ отъ того происшедшихъ—коммиссія имѣла уже честь донести Правительствующаго Сената первому департаменту.

„Но молчаніемъ прешла одно изъ экономической экспедиціи сообщенное въ комиссію г. директора повелѣніе, потому что не видѣла еще тогда причины, для которой г. директоръ понуждалъ комиссію толь строго окончить по книжной лавкѣ счета, а потомъ поспѣшилъ исторгнуть изъ рукъ ея и запечатать комиссара Сборомирскаго шнуровыя книги. Повелѣніе сіе гласитъ тако: «какъ предписанной находящимся при комиссіи Академіи Наукъ профессорамъ Штелину, Котельникову и Румовскому по книжной лавкѣ счетовъ срокъ истекаетъ, то экономической экспедиціи надлежащимъ ли образомъ оныя сдѣланы ихъ освидѣтельствовать, и когда найдутъ въ порядкѣ, то давъ помянутымъ профессорамъ въ томъ квитанцію, оныя счета запечатать отдать въ архивъ».

„Понимѣя учиненная изъ оныхъ частная выписка открыла причину сего поспѣшнаго повелѣнія, ибо оказалось, что по приказаніямъ директора, по большей части словеснымъ, выдано ему безденежно изъ книжной лавки съ переплетомъ слишкомъ на 1.080 руб. Ассесору Федору Туманскому, по приказанію директора, въ Глуховъ отпущено книгъ на продажу безъ поручительства за цѣлость слишкомъ на 1.761 рубль. Книгопродавцу Вейтбрехту въ разныя времена по приказаніямъ же директора на кредитъ выдано слишкомъ 3.832 рубля.

„Изъ приложенной при семъ копіи и перевода письма г. директора Правительствующій Сенатъ усмотрѣть изволить, что все сіе и многое сему подобное распоряжаетъ г. директоръ, утверждая себѣ право, что все, что имъ ни будетъ опредѣлено, имѣетъ силу регламента, и что комиссія не должна иначе поступать какъ по правиламъ, директоромъ поставленнымъ, и для того комиссія Академіи Наукъ Правительствующій Сенатъ, сіе священное мѣсто, всепокорно просить выикнуть въ ея состояніе и дать указъ, какого правила она въ исполненіи приказаній г. директора держаться должна“.

Въ Сенатѣ академики нашли себѣ защитника въ лицѣ генераль-прокурора князя Александра Александровича Вяземскаго. Когда о столкновенияхъ и ссорахъ Домашнева съ академиками дошло до свѣдѣнія императрицы, она повелѣла Вяземскому произвести о нихъ разслѣдованіе ¹⁾, которое показало, что причины этого печальнаго явленія заключались столько же въ недостаткахъ устарѣвшаго уже академическаго регламента, сколько въ неумѣлости Домашнева, его безтактности и неспособности управлять дѣлами ученаго учрежденія. Вслѣдствіе этого, 7-го ноября 1782 г. высочайше повелѣно: «д. т. с. генераль-прокурору князю А. А. Вяземскому, тайнымъ совѣтникамъ: графу Александру Романовичу Воронцову и Петру Васильевичу Завадовскому и дѣйств. ст. сов. Эпинусу и Пастухову разсмотрѣть все установленіе здѣшней Академіи Наукъ и, на какомъ ей бытъ основаніи, сочинить новые проекты устава и штата. Вскорѣ затѣмъ (въ концѣ декабря) послѣдовало увольненіе Домашнева отъ должности директора, и высочайшимъ указомъ 24-го явля-

¹⁾ Любопытныя бумаги и документы, относящіяся до этого слѣдствія, напечатаны въ „Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ 1866, кн. IV, отд. V, стр. 159—184.

ря 1783 г. дирекція надъ Академіей препоручена статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой.

Нѣсколько строкъ, записанныхъ Дашковой въ ея извѣстныхъ «Мемуарахъ», могутъ служить эпизодомъ къ исторіи семилѣтняго директорства Домашнева.

Княгиня Дашкова на другой день по назначеніи отправилась утромъ къ императрицѣ, въ уборную въ комнату гдѣ собирались секретари и разныя начальствующія лица для принятія ея повелѣній. «Каково было мое удивленіе,—говоритъ княгиня,—когда въ числѣ ихъ я увидала Домашнева, который подошелъ ко мнѣ и объявилъ, между прочимъ, что готовъ дать мнѣ разъясненія относительно моей должности. Въ изумленіи отъ такого безстыдства я отвѣчала сколь можно учтивѣе, что правиломъ моимъ будетъ пещись о славѣ и благосостояніи Академіи, а что впрочемъ, при полномъ моемъ невѣжествѣ, я буду прибѣгать къ указаніямъ ея величества, которая общаца руководить мною. Въ то самое время, какъ онъ что-то собирался сказать, императрица пріотворила дверь и, увидя насъ, вновь ее затворила и позвонила. Дежурный камеръ-лакей побѣжалъ туда и возвратясь передалъ мнѣ приказаніе государыни войти въ ея комнату. «Я очень рада васъ видѣть», сказала императрица, «dites moi, je vous prie, qu'est-ce que cet animal de Domaschneff pou voit bien vous dire?»¹⁾

Этимъ словомъ, которое, разумѣется, остается на отвѣтственности автора записокъ, сканано все. Съ этого времени Домашневъ, какъ лишившійся благоволенія Екатерины, уходитъ съ глазъ исторіи и, не удостоиваясь уже никакихъ наградъ и служебныхъ повышеній и не заявляя о своемъ существованіи никакими дѣлами, скрывается даже отъ присяжныхъ біографовъ, до самой своей смерти, послѣдовавшей ровно за сто лѣтъ передъ симъ,—въ 1796 году.

На этомъ и мы могли бы разстаться здѣсь съ Домашневымъ, если бы не просился еще подъ перо связанный съ его именемъ образчикъ сатирическаго творчества того времени. Сохраненіемъ этого образчика мы обязаны почтенному бібліофилу Александру Степановичу Ефремову, въ бумагахъ котораго онъ былъ найденъ сыномъ его, извѣстнымъ знатокомъ исторіи русской литературы, Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ, и напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ»²⁾. Это злая сатира на Домашнева, написанная въ формѣ акаеиста. Въ ней разныя черты его біографіи посыпаны, если не аттической, зато крупною солью злости. Но не одна эта злость, а болѣе подборъ чертъ, относящихся до дѣятельности Домашнева, какъ директора, указываютъ на то, что авторъ са-

¹⁾ Mém. de la Princesse Daschkow, 1 с. стр. 203—204.

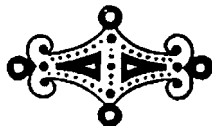
²⁾ 1872 г., № 10, стр. 2032.

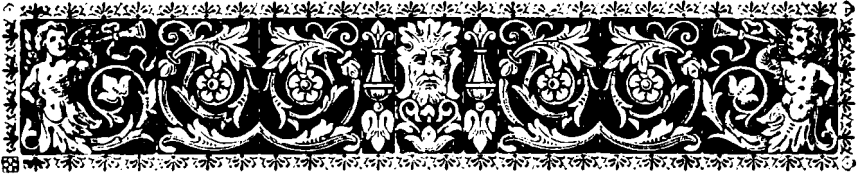
тиры, конечно, скрывался въ стѣнахъ Академіи. Вся сатира явно носить на себѣ отпечатокъ того озлобленія, какое было порождено дѣйствіями Домашнева въ качествѣ директора. Конечно, сатира не есть обвинительный актъ, въ который вносятся только факты, юридически провѣренныя, и мы не имѣемъ права считать исторически вѣрными тѣ позоряшіе Домашнева факты, которые сатирикъ не задумался огласить на основаніи, можетъ быть, ходячихъ расказней, а не то и самъ выдумалъ. Читаемый нами въ концѣ акаѳиаста прилѣвъ академическихъ прилосовъ:

«Се грядетъ малоумный въ Академію и съ мудрыми присутствуетъ на сѣдалицѣ.

«Время, время лишится его, да не до конца погибнетъ Академія». показываетъ, что сатира сочинена въ то время, когда Домашневъ былъ еще директоромъ.

Академикъ К. С. Веселовскій.

ДУХОВОРЦЫ, ИХЪ УЧЕНІЕ, ОРГАНИЗАЦІЯ

и

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ¹⁾.

Въ 1888 году, спустя годъ послѣ высылки Веригина, враждующія партіи, искажая нѣсколько умышленно объясненіе существа своего ученія и смысла прежнихъ событій, сводили свои жалобы и требованія къ слѣдующему: первая или малая партія съ Зубковымъ во главѣ, не пускаясь въ откровенность насчетъ прошлаго секты, съ обычными приѣмами смиренія и покорности, заявила, что была-де у нихъ управлявшая «Сиротскимъ домомъ» Лукерья Калмыкова, женщина смиренная и занимавшаяся благотворительными дѣлами, за что и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ; послѣ ея кончины значительная часть духоборцевъ избрала на ея мѣсто нѣкоего Веригина, жителя другой губерніи, присягнула ему и, пользуясь на всѣхъ общественныхъ сходкахъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, хотѣла заставить и ихъ признать не указанную въ законахъ власть этого Веригина, именуя его «пророкомъ» и «царемъ»; между тѣмъ они, духоборцы малой партіи, желаютъ пребывать вѣрноподданными его императорскаго величества всемилостивѣйшаго нашего государя и пользоваться покровительствомъ государственныхъ законовъ, почему и ходатайствуютъ о защитѣ ихъ личности и имущества отъ насилій приверженцевъ Веригина.

Совсѣмъ иначе держали себя и говорили духоборцы второй или большой партіи. Сохраняя, какъ и прежде, нѣкоторый внѣшній видъ уваженія къ власти, снимая шапки и низко кланяясь, они, тѣмъ не менее, выказывали крайнее раздраженіе и ожесточеніе противъ прави-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г. августъ

тельства и его органовъ за высылку Веригина, котораго власти, по ихъ мнѣнію, основанному на отношеніи къ нимъ правительства въ предшествовавшіе годы,—не въ правѣ были касаться, что бы онъ ни дѣлалъ. Общее содержаніе ихъ постоянныхъ официальныхъ заявленій сводилось къ слѣдующему: «мы жили себѣ смирно, но вотъ Зубковъ, Губановы и другіе духоворцы малой партіи отняли у насъ «Сиротскій домъ», захватили наши общественные капиталы, пустили насъ по-міру, а избраннаго нами управляющаго «Сиротскимъ домомъ» сослали; этими поступками ихъ мы лишились «отечества», безъ котораго никакъ не можемъ жить: «да благоволено будетъ усмирить горьловцевъ, возвратить намъ отечество и успокоить насъ».—Такимъ образомъ сущность этой просьбы, постоянно повторяемой, заключалась въ возвратѣ «отечества» или «Сиротскаго дома»

Лица, не ознакомившіяся близко съ духоворческою сектою, въ томъ числѣ и многіе служащіе, не понимая истиннаго значенія этихъ ходатайствъ и принимая ихъ въ прямомъ смыслѣ, полагали, а нѣкоторые и теперь полагаютъ, что дѣло идетъ о тѣхъ скромныхъ деревянныхъ постройкахъ въ селеніи Горьломъ, которыя занимала Лукерья Калмыкова, и о тѣхъ нѣсколькихъ тысячахъ рублей денегъ, которыя по судебному рѣшенію достались Михаилу Губанову по наслѣдству отъ сестры его Лукерьи. На дѣлѣ же дальнѣйшія объясненія администраціи съ духоворцами выяснили, что,—ходатайствуя о возвращеніи имъ «отечества» или «Сиротскаго дома» и о томъ, чтобы уняли малую партію, большая партія тѣмъ самымъ требовала отъ правительства возобновленія всего учрежденія съ управляющимъ «Сиротскимъ домомъ» т. е. 1) чтобы Веригинъ былъ возвращенъ изъ ссылки; 2) чтобы администрація убѣжденіемъ или силой заставила духоворцевъ малой партіи присягнуть на вѣрность Веригину, какъ законному избраннику, или чтобы въ случаѣ сопротивленія они были навсегда выселены изъ края; 3) чтобы въ первомъ случаѣ зданія «Сиротскаго дома» и оставшіеся послѣ Лукерьи Калмыковой капиталы были переданы Веригину, какъ общественное ихъ имущество, дорогое имъ не столько по цѣнности своей, сколько по воспоминаніямъ; въ случаѣ же выселенія малой партіи они отказывались отъ зданій и капиталовъ, такъ какъ намѣрены были построить новый «Сиротскій домъ» и собрать новые капиталы, и 4) съ установленіемъ въ Закавказьи духоворской общины на прежнихъ основаніяхъ, мѣстныя власти должны оставить ихъ въ покоѣ, какъ это было при жизни Лукерьи Калмыковой, не вмѣшиваться въ ихъ дѣла и довольствоваться усерднымъ отбываніемъ ими податей и повинностей. Если же, — прибавляли они, — всѣ эти просьбы не могутъ быть и не будутъ уважены, то пусть имъ разрѣшать переселиться изъ Ахалкалакскаго уѣзда и устроиться по-своему въ другомъ мѣстѣ. Конечно, подобныя

требованія удовлетворены быть не могли, а вслѣдствіе этого члены большой партіи дѣлались все раздражительнѣе и все назойливѣе въ своихъ заявленіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все, касающееся внутренней жизни, веригинцы стремились сохранять въ глубочайшей тайнѣ, какъ отъ мѣстныхъ властей, такъ равно и отъ ненавистныхъ имъ духоборцевъ малой партіи. Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что они часто сносились съ Веригинимъ, получали отъ него указанія, посылали большія суммы денегъ на его содержаніе и въ своихъ заявленіяхъ были руководимы его на мѣстниками—«временными управителями Сиротскаго дома». Подобныя сношенія побудили администрацію ходатайствовать объ усиленіи полицейскаго надзора за Веригинимъ въ мѣстѣ его ссылки.

Рядомъ съ этимъ всѣмъ бросалось въ глаза, что члены большой партіи не ведутъ болѣе той образцово-трудовой жизни, которою такъ отличались въ прежнія времена до 1887 года, что они постоянно собираются на сходки и совѣщаются со своими единомышленниками Елисаветпольской губерніи и Карсской области и что вообще искусственно поддерживаютъ чрезвычайное возбужденіе въ своей средѣ.

По прошествіи лѣтъ четырехъ со времени раскола у духоборцевъ, отношенія между партіями до того обострились, что было возбуждено ходатайство о распредѣленіи горѣловскаго сельскаго общества на два общества: собственно горѣловское, гдѣ могли бы водвориться всѣ духоборцы малой партіи, и спасское (изъ селеній Спасскаго, Орловки, Богдановки, Ефремовки, Тамбовки, Родионовки и Троицкаго) для духоборцевъ большой партіи. При этомъ послѣдніе заявляли съ увѣренностью, что такое раздѣленіе положитъ конецъ напряженному состоянію, въ какомъ они пребываютъ, живя совмѣстно съ ненавистными «халдеями», т. е. представителями малой партіи.

Осуществленіе такого раздѣленія представляло весьма много затрудненій, но благодаря энергичнымъ усиліямъ обѣихъ партій оно состоялось въ началѣ 1893 года.

Но и послѣ означеннаго событія духоборцы новаго спасскаго общества, волнуемые лицами, приходившими со свиданія съ Веригинимъ, не находили себѣ покоя и не давали его другимъ. Всѣ убѣжденія и увѣщанія мѣстныхъ административныхъ властей оставались безъ результата. Было ясно, что они твердо рѣшились слушаться лишь однихъ своихъ тайныхъ наставниковъ, исполняющихъ указанія Веригина и преслѣдующихъ свои личныя непонятныя для постороннихъ цѣли. При такомъ настроеніи духоборцевъ никто изъ постороннихъ не могъ заручиться ихъ довѣріемъ, не могъ пріобрѣсти на нихъ вліянія, и стало очевиднымъ, что дальнѣйшая ихъ судьба будетъ зависеть отъ того образа дѣйствій, какой они сами заблагоразсудятъ избрать. Кромѣ того, обращало на себя вниманіе, что въ послѣдніе два года къ своимъ постоян-

нымъ просьбамъ о возстановленіи «отечества» они стали прибавлять угрозы, которыя въ устахъ духоборцевъ, людей хотя темныхъ, но крѣпкихъ духомъ и легко поддающихся фанатизму, заставляли чего-то опасаться: «Поймите,—говорили они,—мы безъ отечества жить не можемъ. Что бы вы ни дѣлали—мы не успокоимся, не отстанемъ отъ правительства и никому не дадимъ покоя. Пусть лучше насъ всѣхъ перебьютъ. Хотите не хотите, а вамъ придется стрѣлять въ насъ». По временамъ, казалось, они даже искали случая вызвать мѣстныхъ власти на болѣе рѣшительный относительно ихъ образъ дѣйствій; такъ, то въ одномъ селеніи, то въ другомъ, они вдругъ, ни съ того ни съ сего, отказывались платить подати или отбывать тѣ или другія повинности, и приходилось прибѣгать къ татарской разъѣздной командѣ для водворенія порядка. Тѣмъ временемъ среди нихъ носились нелѣпыя слухи, о величественной, полной чудесъ жизни Веригина у Бѣлаго моря, слухи, поддерживаемые его агентами и волновавшіе его невѣжественныхъ приверженцевъ. Кто-то изъ возвратившихся отъ Веригина духоборцевъ, рассказывалъ, что видѣлъ его возсѣдающимъ на престолѣ съ сіяніемъ вокругъ головы, имѣя по правую руку русскаго посла, а по лѣвую китайскаго; другой повѣствовалъ, что самъ видѣлъ толпу чертей, вызванныхъ Веригинымъ изъ преисподней и предназначенныхъ для истребленія горѣловцевъ. При различныхъ торжественныхъ случаяхъ жизни государства, распускались слухи и возбуждались ожиданія о необычайно пышномъ и величавомъ возвращеніи Веригина, на бѣломъ конѣ, на слогахъ и т. п. Словомъ, духоборческое населеніе жило нервною болѣзненною жизнью, постоянно находилось въ возбужденіи и въ ожиданіи какихъ-то невѣдомыхъ событий.

Послѣднее, передъ настоящими событіями, анти-административное движеніе духоборцевъ большой партіи было проявлено по вопросу о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ. Духоборцы, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ губерніи, были призваны къ составленію сельско-хозяйственныхъ капиталовъ: эту ничтожную для себя повинность они отбывали аккуратно до 1893 года, когда послѣдовало раздѣленіе ихъ на два сельскихъ общества. Вериганъ, освѣдомившись о существованіи подобнаго налога и образованіи общественныхъ капиталовъ, усмотрѣлъ въ этомъ вмѣшательство администраціи во внутреннія дѣла духоборцевъ, нарушеніе его верховныхъ правъ, а главное—стремленіе уничтожить этимъ путемъ существованіе «Сиротскаго дома», почему воспретилъ своимъ приверженцамъ продавать хлѣбъ и вносить деньги въ отдѣленіе банка. Едва такое распоряженіе Веригина достигло до мѣста, какъ тотчасъ же потянулись къ начальству съ письменными и словесными заявленіями и общественными приговорами депутаты спасскаго общества о томъ, что вѣра ихъ положительно воспрещаетъ имъ допу

скать правительственный надзоръ въ дѣлахъ по храненію ихъ общественныхъ суммъ, какого бы наименованія онѣ ни были. Когда же имъ указывалось на примѣръ горьловцевъ, то они отвѣчали, съ обычною дерзостью: «Ну, горьловцы совсѣмъ другое, они на всякое дѣло способны; а мы скорѣе предпочтемъ погибнуть, чѣмъ согласиться на что-либо, противное нашей совѣсти».

Съ означеннымъ дѣломъ духоборцы надѣлали мѣстной администраціи въ теченіе дѣлаго года, со свойственною имъ назойливостью и, въ виду неуступчивости правительственныхъ лицъ, отказались, наконецъ, отбывать эту повинность съ такою рѣшимостью и съ такимъ упорствомъ, что вынудили, вслѣдствіе неутвержденія въ законодательномъ порядкѣ проекта о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ, испросить разрѣшенія о возвращеніи принадлежащихъ имъ денегъ и исключеніи спасскаго сельскаго общества изъ числа обществъ въ губерніи, имѣющихъ сельско-хозяйственные капиталы.

Возвращеніе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ духоборцы громко праздновали, какъ истинную побѣду надъ правительствомъ и даже, измѣняя полувѣковой традиціи, приступили къ открытой пропагандѣ среди окрестнаго туземнаго населенія: «Вотъ поступайте какъ мы,—говорили они,—тогда и васъ будутъ бояться; сначала было, губернаторъ и руками и ногами, а потомъ сдался; видите ничего съ нами не подѣлаешь, а все почему?—стоимъ всѣ за-одно, всѣ какъ одинъ человекъ».

Съ осени прошедшаго года въ средѣ спасскаго сельскаго общества или большой партіи начало вновь замѣчаться чрезвычайное броженіе: участились сходки, шли тайныя совѣщанія съ духоборцами другихъ губерній и было замѣтно, что у нихъ происходятъ какіе-то внутренніе споры и несогласія. Какъ выяснилось впоследствии броженіе это закончилось тѣмъ, что къ началу 1895 года духоборцы спасскаго общества въ свою очередь распались на два лагера: болѣе половины изъ нихъ, въ числѣ четырехсотъ слишкомъ семействъ, провозгласили себя партіей «постниковъ» или «бѣлыхъ» т. е. людей постомъ и молитвой обѣленныхъ передъ Богомъ; остальные же, около 300 семействъ, остались при прежнемъ вѣрованіи, причемъ послѣдніе тогда же обратились черезъ уѣзднаго начальника къ губернатору съ заявленіемъ, что среди нихъ образовалась указанная третья партія «постниковъ», усвоившая себѣ нѣкоторыя новыя не раздѣляемыя ими убѣжденія, и просили губернатора не смѣшивать ихъ съ означенными «постниками» и не привлекать къ ответственности за дѣянія приверженцевъ новой партіи. При просьбѣ были представлены депутатами списка всѣхъ ихъ довѣрителей, общающихся сохранять полный порядокъ и подчиняться требованіямъ начальства.

Обращеніе къ начальству съ такою странною для приверженцевъ

Веригина просьбою было крайне необычно и невольно заставляло предполагать о какихъ-то новыхъ, необыкновенныхъ затѣяхъ третьей партіи.— Несмотря однако же на искательство у администраціи защиты отъ какой-то опасности, прибывшіе депутаты остались вѣрны присущему духоборцамъ лукавству и отозвались совершеннымъ невѣдніемъ того, что произошло и происходитъ среди «постниковъ». Такимъ образомъ, приходилось только догадываться о предстоящихъ событіяхъ и зорко наблюдать.

Вслѣдъ за указаннымъ заявленіемъ, въ средѣ третьей партіи было замѣтно большое волненіе и лихорадочная дѣятельность. «Постники» начали выбирать свои влады изъ Ахалкалакской кассы банка, и деньги дѣлить поровну между собою; вмѣстѣ съ тѣмъ они распродавали спѣшно, по дешевой цѣнѣ, свое имущество и скоть, приводили въ порядокъ фургоны, покупали бурки, запасались оружіемъ и, повидимому, дѣятельно готовились къ выступленію куда-то въ далекій путь. Въ духовной ихъ жизни замѣчались также нѣкоторыя перемѣны, а именно: они чаще стали сходить на общественныя моленья, перестали ѣсть все мясное и во многомъ измѣнили свой образъ жизни. Не представлялось возможности точно узнать, что происходило среди нихъ и каковы были ихъ намѣренія, такъ какъ они держали это въ тайнѣ, но судя по тому, что они сами о себѣ рассказывали, можно было вывести заключеніе, что, по примѣру Веригина и по его указанію, они будто бы видоизмѣнили вѣру и, согласно новаго ученія, считаютъ за грѣхъ ѣсть мясо, а также воздерживаются отъ сношеній съ женами, дабы со смертію ихъ естественно прекратился ихъ родъ. Они утверждали, что носятъ Царствіе Божіе въ самихъ себѣ и поэтому не могутъ признавать существующихъ властей, поставленныхъ отъ людей и являющихся представителями неправды и нечестія; что въ силу этого, а главное по причинѣ сосѣдства съ горѣловцами, не могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, а навсегда покидаютъ этотъ край.

Весною 1895 года «постники» изобрѣли еще одну новую форму протеста: они порѣшили отказаться отъ отбыванія воинской повинности, которую въ теченіе шести лѣтъ, со времени введенія ея въ Закавказьи, несли безропотно и даже хорошо. Въ исполненіе послѣдняго рѣшенія родители приказали дѣтямъ своимъ, служившимъ въ рядахъ кавказскихъ войскъ, немедленно сдать оружіе подлежащему начальству съ объявленіемъ объ отказѣ продолжать службу; таковое распоряженіе старшихъ было въ точности исполнено солдатами, тогда же преданными за это суду, а духоборцы изъ той же партіи, проживавшіе дома, въ тѣхъ же видахъ должны были возвратитъ начальству свои запасные билеты и ополченскія свидѣтельства.

Наконецъ, въ двадцатыхъ числахъ іюня тафлисскій губернаторъ по-

лучилъ отъ ахалкалакскаго уѣзднаго начальника донесеніе по телеграфу о томъ, что духоборцы спасскаго общества намѣреваются 29-го іюня поголовно напасть на Горѣлое и уничтожить такъ называемый «Сиротскій домъ». Увѣдомля объ этомъ, уѣздный начальникъ въ виду численнаго перевѣса на сторонѣ «постниковъ» и ихъ сильнаго фанатизма, а также для престѣвленія могущихъ возникнуть беспорядковъ — просилъ о присылкѣ въ уѣздъ трехъ ротъ пѣхоты и трехъ сотенъ казаковъ. Тотчасъ по полученіи этого увѣдомленія губернаторъ немедленно лично выѣхалъ въ Ахалкалакскій уѣздъ, и тутъ же на мѣстѣ уѣздный начальникъ доложилъ ему о событіяхъ, вызвавшихъ его ходатайство о принятіи столь экстраординарныхъ мѣръ. Оказалось, что составленный «постниками» планъ дѣйствій, который они усиливались держать въ тайнѣ, состоялъ въ слѣдующемъ: не желая болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ пребывали на своей территоріи, они рѣшились покинуть Ахалкалакскій уѣздъ; передъ уходомъ они желали достойно отпраздновать именины Петра Веригина такимъ дѣломъ, которое доставило бы ему наиболѣе удовольствія. Для этого рѣшено было: 29-го іюня внезапно напасть на Горѣлое, сжечь «Сиротскій домъ» и истребить приверженцевъ Зубкова и Губановыхъ. При этомъ «постники» въ ожиданіи этого дня рѣшительно отказались отъ всякихъ сношеній съ властями и повиновенія имъ, почему еще наканунѣ отказались выставить лошадей для проѣзда губернатора, заявивъ, что не желаютъ входить съ нимъ въ какія бы то ни было объясненія.

По прибытіи въ городъ Ахалкалаки начальникъ губерніи всталъ тамъ представителей духоборцевъ первой и второй партіи, туда же мѣрами полиціи были доставлены 24 человѣка руководителей третьей партіи. Горѣловцы встрѣтили представителя власти съ видимою радостью, приглашали поспѣшить къ нимъ на помощь и заявляли, что хотя они и рѣшились твердо защищаться до послѣдняго человѣка, но что опасаются численнаго превосходства «постниковъ». Они получали приказаніе поспѣшить возвращеніемъ въ Горѣлое, куда по полученнымъ свѣдѣніямъ уже подходили экстренно вызванныя изъ Александрополя войска и куда губернаторъ самъ долженъ былъ прибыть на слѣдующій день.

Затѣмъ представлены были депутаты второй партіи, во главѣ которыхъ находился Воробьевъ, одинъ изъ намѣстниковъ Веригина. Они низко кланялись, умоляли не смѣшивать ихъ съ «постниками», не дѣлать отвѣтственными за преступныя дѣянія сихъ послѣднихъ, напоминали о предшествовавшихъ заявленіяхъ своихъ въ этомъ духѣ и просили пощады для себя и для своихъ семей. Чтобы болѣе отгнѣнить до чего члены второй партіи далеки отъ солидарности съ «постниками», представившіеся депутаты требовали поголовной казни этихъ отщепенцевъ, какъ разбойниковъ, недостойныхъ жить и т. п. О себѣ же и о своихъ едино-

мышленникахъ представители заявляли, что готовы во всемъ повиноваться властямъ, исполнять всѣ требованія закона и какъ доказательство своей покорности приводили, между прочимъ, что солдаты ихъ партіи остались вѣрными своему долгу и впредь будутъ служить образцово.

Несмотря однако на такое необычное съ ихъ стороны выраженіе похвальныхъ чувствъ, губернаторъ счелъ полезнымъ принять ихъ заявленія сухо; указавъ имъ, что настоящее безумное поведеніе «постниковъ» является результатомъ того безпокойнаго состоянія, въ какомъ они сообщали пребывали въ продолженіе восьми лѣтъ, и что «постники» только высказали теперь, въ неприличной формѣ и съ непрошеною откровенностью, то, что кроется въ душѣ каждаго послѣдователя Веригина. А такъ какъ подобный порядокъ не можетъ продолжаться, то губернаторъ и обѣщавъ просить начальство водворить разъ навсегда спокойствіе среди духоборцевъ. Въ заключеніе, онъ объявилъ имъ, что въ свое время они узнаютъ о распоряженіяхъ касательно ихъ; до того же совѣтовалъ вести себя добропорядочно и оказывать всякое содѣйствіе чинамъ полиціи, пригрозивъ въ противномъ случаѣ тяжкими послѣдствіями.

Наконецъ наступило время объясненія съ представителями третьей партіи. Появились 24 вожака партіи «постниковъ», обратившіе на себя особенное вниманіе полиціи мятежной пропагандой и доставленные въ городъ мѣрами полиціи, а по ихъ выраженію «взятые въ плѣтъ». Вошли они безъ поклона, безъ привѣтствія, съ презрительной улыбкой на устахъ и съ дерзкимъ видомъ, какъ бы выражающими недоумѣніе—гдѣ они и кого передъ собой видятъ. Какъ бы не обращая никакого вниманія на губернатора, будто говоря съ кѣмъ-то другимъ, повели они бесѣду приблизительно слѣдующаго содержанія: «Мы—православные христіане, управляемые самимъ Богомъ; чувствуя присутствіе въ насъ самихъ Царствія Божія, мы не можемъ признавать надъ собою властей языческихъ, погрязшихъ въ неправдѣ, обманѣ и безчестіи; мы не можемъ жить, какъ живутъ русскіе подданные; не можемъ подчиняться законамъ, потому что у насъ свой законъ, своя вѣра; наша вѣра возбращаетъ намъ нести какую бы то ни было правительственную службу, но если бы правительство пожелало, мы могли бы войти съ нимъ въ соглашеніе касательно податей, такъ какъ вѣра наша не препятствуетъ намъ платить подати; между тѣмъ этимъ не довольствуются и насъ хотятъ заставить дѣлать то, что противно нашей совѣсти, какъ-то: присягать земному царю, выставлять новобранцевъ, исполнять распоряженія мѣстныхъ властей и т. п. Мы знаемъ, (что) дѣйствительно Христосъ сказалъ: воздайте кесарю кесарево; но знаемъ также истинное значеніе этихъ словъ; это совсѣмъ не то, въ чемъ насъ хотятъ убѣдить. Горьловцы никакъ не могутъ идти намъ въ примѣръ. Мы никогда не оставимъ ихъ въ покоѣ, да и они тоже не дадутъ намъ покоя, потому что мы ихъ

видѣть даже не можемъ и не переносимъ сосѣдства съ ними. У насъ отняли все, что намъ дорого, а съ такимъ положеніемъ вещей мы никогда не примиримся. Мы счастливы, что настало время, когда правительство нашлось вынужденнымъ окончательно раздѣляться съ нами».

Губернаторъ напомнилъ имъ, что они сами въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ говорили и какія обѣщанія и при какихъ обстоятельствахъ давали; на это нѣкоторые изъ нихъ грубо отвѣчали: «это неправда; мы никогда этого не говорили; у насъ и въ помыслахъ этого не было»; другіе же выражались такъ: «ну что-жь — что говорили, мало ли что говорили прежде; прежде смотрѣли такъ, теперь смотримъ иначе». Въ заключеніе губернаторъ передалъ имъ неудовольствіе высшаго начальства и предупредилъ, что они могутъ подвергнуться тяжелымъ наказаніямъ. На это они разсмѣялись и возразили: «мы смѣемся надъ вашими наказаніями; всѣ эти тюремныя заключенія, ссылки — все это очень старо и намъ не въ диковину; такими пустяками насъ не напугаете». Такимъ образомъ дальнѣйшая бесѣда дѣлалась невозможною, и губернаторъ приказалъ ихъ вывести, задержавъ на время самаго младшаго изъ нихъ, лично извѣстнаго ему и часто бывавшаго въ Тифлясѣ. Очувшись одинъ передъ губернаторомъ, этотъ духоборецъ видимо смутился, и когда губернаторъ сталъ стыдить его и доказывать всю нелогичность ихъ поступковъ — отвернувшись и избѣгая смотрѣть въ глаза, какъ бы нехота отвѣчалъ: «кто теперь гоняется за тѣмъ, что умно и что полезно; тутъ и рѣчи быть не можетъ о стыдѣ, а слѣдуемъ за своей судьбой и идемъ на смерть. Вы видите все перепуталось и перемѣшалось; сами не понимаемъ — какъ все это произошло. Тутъ ничего не подѣлаешь; пусть каждый идетъ своей дорогой».

На другой день губернаторъ отправился черезъ Богдановку и Орловку въ Горѣлов. Въ Богдановкѣ уже стояли казаки, прибывшіе накануне изъ Ардагана.

При въѣздѣ въ Горѣлов все населеніе вышло къ начальнику губерніи навстрѣчу съ шумными возгласами радости и благодарности за спасеніе отъ угрожавшей опасности. Женщины плакали, пѣли псалмы и всѣ низко кланялись и выражали, что они твердо вѣровали, что правительство не отдастъ ихъ на истребленіе. Мужчины утверждали, что не только они, но даже бабы и дѣти приняли рѣшеніе скорѣе погибнуть защищаясь, чѣмъ преклониться передъ врагами. У самаго селенія уже стояли лагеремъ три роты Бакинскаго пѣхотнаго полка, къ которымъ горѣловцы относились безъ различія чиновъ съ особеннымъ умиленіемъ, видя въ нихъ своихъ избавителей и защитниковъ, и ничего не жалѣли, дабы облегчить войскамъ пребываніе среди нихъ.

Изъ «постыжковъ» въ этотъ день на пути губернатора ни одного не попадалось ни въ Богдановкѣ, ни въ Орловкѣ, точно также ни одного

изъ нихъ не явилось и въ Горьлово. Тѣмъ не менѣе губернаторъ, несмотря на формальный отказъ ихъ входить съ нимъ въ какія бы то ни было объясненія, находилъ нужнымъ еще разъ переговорить съ ними, дабы узнать, что они намѣрены далѣе дѣлать, для чего и приказалъ созвать ихъ на другой день на общую сходку въ селеніе Богдановку. Между тѣмъ въ теченіе всего дня получались извѣстія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ «постниковъ», изъ каковыхъ свѣдѣній усматривалось, что совершенно неожиданное для всѣхъ появленіе войскъ произвело на нихъ весьма сильное впечатлѣніе, и что они въ громадномъ числѣ собрались у одной пещеры въ трехъ верстахъ отъ селенія Орловки, съ тѣмъ чтобы отпраздновать день именинъ Веригина и обсудить сообща вопросъ—что имъ теперь далѣе дѣлать. Пріѣзжавшіе изъ Орловки духоборцы другихъ партій рассказывали, что «постники» приняли какое-то отчаянное рѣшеніе, которое должно всѣхъ удивить. «Не рассчитывайте на войска, — кричали они встрѣчавшимся имъ горьловцамъ, — мы ихъ не боимся; покажемъ себя, всѣхъ удивимъ». Доходили также слухи о томъ, что «постники», несмотря на присутствіе войскъ, рѣшили напасть на Горьлово, вызвать войска на дѣйствіе оружіемъ, и такимъ образомъ съ боемъ отступить въ предѣлы Турціи въ вадеждѣ, что, быть можетъ, туда же къ нимъ правительство отпуститъ и Веригина, благодаря чему они оснуютъ свою общину въ новомъ мѣстѣ. Въ виду всѣхъ этихъ слуховъ, для предупрежденія могущихъ быть безпорядковъ, съ вечера у всѣхъ выходовъ изъ селенія Горьлаго были поставлены значительные караулы, а по селенію ходили патрули. Сами горьловцы бодрствовали всю ночь. На разсвѣтѣ къ селенію подѣхало нѣсколько десятковъ фургоновъ «постниковъ», но послѣ перваго оклика быстро удалились по направленію къ Орловкѣ.

На другой день утромъ, къ часу, назначенному для сбора «постниковъ» и переговоровъ съ ними, явился къ губернатору старшина спасскаго общества и доложилъ, что «постники» рѣшительно отказались видѣться съ губернаторомъ и отправились опять къ той пещерѣ, гдѣ были и наканунѣ.

Въ часъ дня губернаторъ выѣхалъ изъ Горьлаго и направился въ селеніе Богдановку. При вѣздѣ въ это селеніе ему встрѣтилось множество фургоновъ съ духоборцами и духоборками третьей партіи; оказалось, что казаки, окруживъ ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они собрались на сходку, гнали ихъ въ селеніе, гдѣ назначено имъ было мѣсто сбора. При приближеніи начальника губерніи казаки отделили въ одну кучку тысячную толпу духоборцевъ, съ трудомъ отогнавши въ сторону женщинъ, объявившихъ, что она хотятъ находиться вмѣстѣ съ мужчи-

нами. Губернаторъ пробовалъ заговорить съ ними, но тщетно ¹⁾; при первыхъ же его словахъ въ толпѣ раздались крики: «не снимайте шапокъ, не смотрите на него, не говорите съ нимъ». Казаки и всадники земской стражи были крайне возмущены и раздражены поведеніемъ этой нафанатизированной толпы, — но губернаторъ счелъ нужнымъ удержать ихъ отъ всякихъ насилій и продолжалъ свой путь. Въѣхавъ въ самое селеніе онъ нашелъ здѣсь также толпу «постниковъ», собственно жителей этого селенія, которыхъ казаки заранѣе поставили всѣхъ вмѣстѣ и заставили снять шапки. Подойдя къ нимъ губернаторъ заговорилъ, но они тотчасъ же шумно стали перебивать его и мѣшали ему продолжать. Замолчали они только тогда, когда онъ имъ пригрозилъ, въ случаѣ если они не перестанутъ шумѣть, тутъ же прибѣгнуть къ силѣ. По водвореніи тишины губернаторъ объявилъ имъ, что въ виду ихъ поведенія никакой бесѣды съ ними быть не можетъ и что убѣждать ихъ въ чемъ бы то ни было онъ не намѣренъ, но что, въ виду присутствія войскъ, пришедшихъ водворить силою оружія порядокъ среди духоборцевъ, — онъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ спросить ихъ отъ лица высшаго начальства въ край, — признаютъ ли они себя русскими подданными и намѣреваются ли подчиняться требованіямъ государственныхъ законовъ; при этомъ просилъ ихъ уяснить себѣ хорошо этотъ вопросъ и обсудивъ отвѣтить. Едва лишь губернаторъ замолкъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались жестооченные крики: «нѣтъ не признаемъ себя русскими подданными, не подчинимся законамъ, никогда не подчинимся неправдѣ, скорѣй всѣ умремъ».

Видя невозможность и неумѣстность дальнѣйшихъ переговоровъ съ фанатиками, губернаторъ отошелъ отъ ихъ группы, отправился къ духоборцамъ второй партіи, собравшимся также въ одну кучку и стоявшимъ не вдалекѣ. Въ это время нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ личностей изъ «постниковъ» выдѣлились изъ массы и, держа какія то бумаги въ рукахъ, стремительно бросились къ губернатору и съ криками — «ей, господинъ, возьми твои билеты» стали бросать эти билеты ¹⁾ на землю и топтать ихъ ногами, съ присовокупленіемъ различныхъ непристойныхъ восклицаній. Только напоромъ лошадей казакамъ и всадникамъ земской стражи удалось оттѣснить ихъ къ мѣсту, гдѣ стояли ихъ единомышленники, вогнать обратно въ толпу и водворить относительный порядокъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно произошло новое событіе: нѣсколько рукъ изъ толпы «постниковъ» поднялось кверху, видимо указы-

¹⁾ Они не хотѣли привѣтствовать губернатора, не снимали шапокъ, строили гримасы и отворачивались.

¹⁾ Это были запасные нижніе чины съ запасными и ополченскими свідѣтельствами.

вая на что-то происходящее на небѣ; потому же направленію устремились всѣ взоры остальныхъ — я вдругъ всѣ «постыики» пали ницъ, потомъ встали на колѣни и, кладя земные поклоны, привялись громко благодарить Господа за ниспосланную помощь. Въ дальнѣйшемъ разъяснилось, что «постыики» увидѣли на одномъ проносившемся по небу облакѣ плывущаго Петра Веригина, который закричалъ имъ: «стойте крѣпко и ничего не бойтесь». Въ такомъ появленіи обожаемаго ями повелителя «постыики» признали особую милость для себя и указаніе на правоту ихъ дѣла. Ясно, что экзальтація и фанатизмъ достигли высшаго предѣла, при каковыхъ условіяхъ ни убѣжденіе, ни даже сила не могли оказывать на этихъ людей никакого существеннаго вліянія; приходилось искать другія мѣры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ изложенныя событія неволью заставляли опасаться, чтобы «постыики», претерпѣвъ полную неудачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, поставивъ себя въ безвыходное положеніе по отношенію къ мѣстной администраціи, стоящей передъ ними во всеоружіи власти, къ тому же поддерживаемые всеобщими насмѣшками, въ особенности горьловцевъ, не рѣшились бы, въ припадкѣ отчаянія, на что либо неожиданное въ цѣляхъ самоистребленія, тѣмъ болѣе, что изъ того, что они рассказывали сами о себѣ, можно было вывести предположеніе, что подобное изувѣрское дѣяніе не шло въ разрѣзъ съ ихъ новымъ ученіемъ. Дабы не допустить ихъ до этого, а также чтобы предупредить столкновение между партіями, такъ какъ раздраженіе однихъ противъ другихъ дошло до крайнихъ предѣловъ, — начальникъ губерніи счелъ необходимымъ принять нѣкоторыя экстраординарныя мѣры. Такъ, напримѣръ, воспретить духоборцамъ и духоборкамъ всѣхъ трехъ партій подѣ страхомъ наказанія выѣзжать изъ своихъ селеній безъ особаго письменнаго разрѣшенія вновь назначеннаго правительственнаго старшины и безъ конвоя отъ казаковъ или чапаръ; всѣ сходки и сборища какъ въ селеніяхъ, такъ и въ особенности внѣ оныхъ разгонять силою; вокругъ селеній и по дорогамъ назначать конные разъѣзды, которымъ приказано силою заставлять духоборцевъ подчиняться новымъ правиламъ и т. п.

Одновременно съ происходившими событіями, а отчасти и подѣ вліяніемъ оныхъ, выяснилось, что духоборцы «постыики», разѣ перехода къ настоящимъ своимъ активнымъ дѣйствіямъ, имѣли другому принципу своей секты и занимались мятежной пропагандой среди туземнаго населенія, какъ-бы нища въ немъ сочувствія и поддержки. Такъ, сокрушая свое благосостояніе, распродалая за безцѣнокъ имущество и скотъ и видимо собираясь куда-то въ дальній путь, духоборцы третьей партіи объявляли удивленнымъ туземцамъ во всеуслышаніе: «намъ не нужно никакихъ властей, безъ которыхъ мы всегда обходились и обойдемся и впредь; мѣстныя власти хороши для васъ, грузинъ, армянъ, та-

тарь, а мы управляемся самимъ Богомъ; прощайте, скоро услышите о насъ». Независимо сего, похваляясь своимъ довольствомъ и молодецтвомъ, они говорили окрестному туземному населенію: «чего смущаетесь, глядя на насъ? развѣ не видите какіе мы молодцы; мы люди бодрые духомъ, къ тяжелому труду привычны, всѣ какъ одинъ человекъ; мы нигдѣ не пропадемъ; не то что вы, люди ни на что неспособные; вы и дышать то можете лишь при содѣйствіи правительства; подождите немного, скоро примутся за васъ и за вѣру вашу, тогда посмотримъ что вы запоете; мы изъ всякаго обстоятельства выйдемъ побѣдителями, а вамъ конецъ; да и теперь, на нашемъ мѣстѣ, васъ всѣхъ перебили бы, а насъ не смѣютъ тронуть».

Подобныя рѣчи невольно возбуждали мѣстное населеніе, въ особенности мусульманское, видѣвшее въ духоборцахъ лучшихъ изъ русскихъ людей, пользовавшихся особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей, ставившихся всѣмъ въ примѣръ, и зажиточностью своею приобрѣвшихъ извѣстный авторитетъ въ той мѣстности. Въ настоящее время эти русскіе люди, съ которыми они прожили мирно пол-вѣка, внезапно приглашаютъ ихъ не слушаться законныхъ властей и усиливаются убѣдить ихъ, что подъ именемъ «православный Бѣлый Царь» они должны разумѣть Петра Веригина, такъ какъ онъ есть ихъ царь, ихъ, «православныхъ» и «бѣлыхъ». Когда-же эти русскіе люди перешли отъ словъ къ дѣлу, то такіе поступки вызвали во всемъ окрестномъ населеніи, какъ сельскомъ, такъ и г. Ахалкалаки, крайне удручающее впечатлѣніе и глухой говоръ, вслѣдствіе чего пришлось для успокоенія туземныхъ жителей, въ особенности мусульманъ, вызвать почетныхъ отъ нихъ жителей и разъяснить имъ значеніе происходящихъ безпорядковъ и ожидающія ослушниковъ послѣдствія.

Дальнѣйшее положеніе ненормального порядка вещей въ ожиданіи, что «постники» одумаются и сознаютъ свою вину—являлось совершенно невозможнымъ, почему приходилось покончить съ ними какимъ-бы то ни было путемъ, но только возможно скорѣе, дабы не оставлять ихъ вполне безнаказанными и произвести впечатлѣніе, какъ на колеблющихся духоборцевъ второй партіи, такъ и на окрестное туземное населеніе, которое могло бы истолковать себѣ безнаказанность фанатиковъ совершенно превратно и въ смыслъ, для интересовъ власти нежелательномъ. Такою мѣрою, болѣе радикальною, чѣмъ предыдущія, и удовлетворяющей потребности минуты, являлось немедленное удаленіе партій «постниковъ» изъ предѣловъ Ахалкалакскаго уѣзда и расселеніе ихъ по губерніи не кучно, но вразбродъ вопреки ихъ желанію жить сосредоточенно, что могло бы лишь вести къ продолженію проявленія ихъ своеволия и словомъ и дѣломъ.

Но прежде однако, чѣмъ приводить означенную мѣру, одобренную

высшимъ кавказскимъ начальствомъ, въ исполненіе, начальникъ губерніи—въ виду ея суровости—счелъ нужнымъ еще разъ попытаться склонить «постниковъ» на какое либо соглашеніе. Въ этихъ видахъ до примѣненія уже опредѣленнаго наказанія, какъ бы забывая прошедшее—всѣмъ духоворцамъ было объявлено, что всѣ тѣ изъ нихъ, которые отказываются отъ повиновенія властямъ и подчиненія существующимъ законамъ, подлежатъ немедленному аресту и высылкѣ; но что тѣ, которые пожелаютъ изъявить покорность, могутъ остаться на своихъ мѣстахъ. При этомъ было разъяснено, что на первое время начальство согласно удовлетвориться однимъ простымъ заявленіемъ о нежеланіи переселиться. Вместе съ тѣмъ же выяснились «постникамъ» всѣ тяжести ожидающаго ихъ наказанія, и чины уѣздной полиціи и частные ахалкакскіе горожане, связанные съ сектантами торговыми интересами, старались втолковать имъ, что высланные будутъ водворяемы по-семейно среди людей негостепріимныхъ, чуждыхъ имъ по языку и обычаямъ, безъ клочка земли, безъ надежды на заработки, въ мѣстностяхъ нездоровыхъ и т. п.—словомъ картина ихъ будущей жизни рисовалась въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. Кроме того, для осуществленія переселенія на практикѣ былъ назначенъ трехдѣльный срокъ съ предоставленіемъ каждому права до переѣзда границы Ахалкакскаго уѣзда заявлять о желаніи своемъ остаться на мѣстѣ жительства, каковое заявленіе вызывало разрѣшеніе возвратиться. Но и эта попытка къ возможному смягченію ихъ фанатическаго упорства не привела ни къ какому благопріятному результату. Напротивъ того, освѣдомившись о распоряженіяхъ къ выселенію, «постники» приняли это извѣстіе съ проявленіями величайшей радости и не только отказались отъ всякихъ предложенныхъ льготъ, но просили только объ одномъ, чтобы ихъ скорѣе двинули въ путь. При этомъ они какъ бы смягчились и вступили въ переговоры съ чинами уѣздной полиціи относительно наименѣе скорѣйшаго и удобнѣйшаго выполненія губернаторскихъ распоряженій.

Пользуясь этой переменной въ настроеніи, начальникъ губерніи счелъ нужнымъ еще разъ призвать къ себѣ нѣкоторыхъ лично ему извѣстныхъ «постниковъ» и вступалъ съ ними въ бесѣду. Они держали себя спокойно, относились къ губернатору крайне почтительно, но говорили, какъ люди убѣжденные, безповоротно принявшіе извѣстное рѣшеніе и порвавшіе со всѣмъ прошлымъ. Сущность ихъ объясненій сводилась къ слѣдующему: «мы заслужили смерть и пощадъ себѣ не просимъ. Мы слѣдали то, что намъ повелѣно свыше, дѣлайте и вы что знаете; какъ мы не можемъ отступить отъ своихъ обязанностей, такъ и вы не должны отступать отъ вашихъ; мы служимъ одному царю, а вы другому; мы другъ друга не поймемъ и не убѣдимъ; вы смотрите на насъ какъ на сумасшедшихъ, и это насъ нисколько не удивляетъ потому, что и мы, въ

свою очередь, смотримъ точно такъ же на васъ и на подобныхъ вамъ, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ вы одни люди, а мы другіе; мы здѣсь больше жить не можемъ, и возьмите насъ скорѣе отсюда. Если намъ не жаль покидать имущества нашего, добытаго тяжелымъ полувѣковымъ трудомъ, то не странно-ли вамъ за насъ жалѣть о немъ; тоже самое скажемъ и о дѣтяхъ нашихъ: не вы ихъ родили, не вы вскормили, а потому и не можете ихъ любить болѣе чѣмъ мы ихъ любимъ; за ваше сердечное участіе мы вамъ не скажемъ спасибо, да и начальство ваше за это тоже благодарить васъ не станетъ; такъ къ чему же вамъ утруждать себя; поэтому приступайте скорѣе къ чему нужно: или перебейте всѣхъ насъ, или сошлите; чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ будетъ лучше и для васъ и для насъ; здѣсь мы никого не будемъ слушаться, всѣхъ измучимъ, а на новыхъ мѣстахъ будемъ вести себя смиренно и выполнять всѣ требованія мѣстнаго начальства. Какія бы ни ожидали насъ лишенія и строгости, мы будемъ переносить ихъ съ терпѣніемъ и даже съ благодарностью, потому что таково наше ученіе; мы не горѣловцы, да вообще говоря, мы даже и не духоборцы, а къ чему вамъ знать кто мы; общаемъ только, что во всемъ будемъ послушны и на васъ ни за что пенять не будемъ».

На вопросы о томъ, какъ они объясняютъ противорѣчіе въ ихъ поведеніи, выражающееся въ томъ, что по новому ученію они не могутъ держать оружія въ рукахъ, почему отказались служить въ войскахъ, не смѣютъ обидѣть даже курицу, а между тѣмъ вооружались и намѣревались истребить горѣловцевъ, спрашиваемые отказывались давать отвѣты или отсылались уклончиво. «Намъ и смотрѣть-то на нихъ противно и тошно,—говорили они,—не то что сражаться съ ними; мы только рѣшили собраться всѣмъ народомъ въ Горѣлое 29-го іюня, чтобы спросить, что они рассчитываютъ дѣлать? быть можетъ они и покаются бы, повинились, подчинились бы и удостоились бы Царствія Божія». На вопросъ: что они сдѣлали бы, если-бъ горѣловцы не впустили ихъ и дали вооруженный отпоръ, отвѣчали, что не знаютъ, что бы они сдѣлали въ этомъ случаѣ. Стороною же «постники» рассказывали, что стрѣлять въ горѣловцевъ они не намѣревались, а что по всей вѣроятности нѣкоторыхъ изъ нихъ они замучили бы до смерти.

Приготовленія «постниковъ» къ выселенію шли не только въ полномъ спокойствіи, но они, благодаря Бога за проявленіе къ нимъ милости, опасались только одного, чтобы начальство не отмѣнило своего распоряженія о ссылкѣ. Наперерывъ другъ передъ другомъ они старались попасть въ первую партію ссылаемыхъ, увѣряя, что они-то и есть самые безпокойные въ селеніи и зачинщики мятежа. Забирая съ собою только самое необходимое, и покидая все остальное вмѣстѣ съ посылками, полными всякаго добра жилищами своими, выселявшіеся совершенно равнодушно

успокаивали людей, чистосердечно печалившихся объ ихъ судьбѣ. «Ничего, — говорили они, — какъ бы тамъ ни было худо — все-таки тамъ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь; пугаютъ, что мы тамъ всѣ погибнемъ — что-жъ на это воля Божія; но сослали насъ прежде на Молочную, — мы тамъ хорошо устроились, взяли оттуда, прислали сюда въ Закавказье — мы устроились еще лучше; дасть Богъ и теперь не пропадемъ; вѣдь Богъ и тамъ также будетъ съ нами». Одно только, что огорчало переселяемыхъ и чему не хотѣли они вѣрить — это свѣдѣніе объ оставленіи ихъ въ предѣлахъ губерніи; повидимому они хотѣли и рассчитывали на отправленіе ихъ въ Сибирь и въ общей массѣ, т. е. повтореніе уже бывшихъ переселеній.

8-го іюля, т. е. черезъ недѣлю послѣ начала безпорядковъ, первая партія ссылаемыхъ, въ которую вошли наиболѣе видные заправилы бывшихъ волненій, собранная изъ семи селеній спасскаго общества, по 5 семействъ съ cadaго селенія, въ числѣ 35 семействъ и 52 фургоновъ, была готова къ выступленію и, въ ожиданіи движенія, еще наканунѣ собралась подъ г. Ахалкалаки, гдѣ и имѣла ночлегъ. Желая напутствовать ихъ въ дорогу, но не придавая этому оффиціальнаго вида, губернаторъ отправился къ нимъ одинъ, пѣшкомъ, какъ бы прогуливаясь; узнавъ его издали, они стали снимать шапки и вытягиваться въ линію передъ фургонами. Онъ увидѣлъ въ числѣ этихъ лицъ и такихъ, которые за недѣлю передъ симъ въ Богдановеѣ дѣлали гримасы, кричали «эй, господинъ» и пр.; но теперь это были совершенно другіе люди, стояли чинно, почтительно и смиренно. Указавъ имъ вновь на ихъ мятежное поведеніе и разъяснивъ, куда именно ихъ направляютъ, при какихъ условіяхъ они будутъ жить, какія строгія касательно ихъ инструкціи даны мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, губернаторъ совѣтовалъ не ухудшать на новыхъ мѣстахъ поселенія дурнымъ поведеніемъ своего и безъ того тяжелаго положенія. Въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ ссылаемые благодарили его за вниманіе къ нимъ, за участіе къ дѣтямъ и просили не утруждать себя безпокойствомъ за ихъ судьбу. «Тамъ живутъ люди, — говорили они, — слѣдовательно и мы проживемъ; по всей вѣроятности намъ даже будетъ тамъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ намъ никакъ нельзя болѣе оставаться; на новыхъ же мѣстахъ будемъ во всемъ послушны распоряженіямъ начальства». Всѣ говорили спокойно, какъ люди довольные своею судьбою, добившіеся желаемаго исхода, и бывшего возбужденія какъ не бывало.

Въ послѣдующія двѣ недѣли были выселены изъ Ахалкалаккаго уѣзда остальные духоворцы третьей партіи («поставки»), всего въ числѣ 439 семействъ и 4.000 душъ. Выселеніе этихъ послѣднихъ прошло также совершенно спокойно. Такимъ образомъ, въ теченіе самаго короткаго времени поднята, оторвана отъ большихъ хозяйствъ и обрабо-

танной земли значительная масса людей, съ разселеніемъ ихъ въ различныхъ частяхъ губерніи, и при этомъ не только не было употреблено силы, но даже понужденія въ видѣ повторенія приказанія; — примѣръ необычайный и объяснимый только тѣмъ, что сами эти люди заранѣе рѣшили переселеніе и приготовились къ нему, но только въ иныя, чѣмъ оказалось, мѣста.

Такимъ образомъ возбужденіе было усмирено и приняты возможныя мѣры для предупрежденія безпорядковъ въ будущемъ, но чтобы вполне ясно судить о цѣлесообразности этихъ мѣръ — являлось необходимымъ еще болѣе и подробно выяснитъ всю суть возникшихъ между духоборцами отдѣльныхъ партій недоразумѣній, такъ какъ въ этой-то сути и заключается, очевидно, корень всѣхъ безчинствъ и волненій. Такое разъясненіе сути дѣла важно было и въ смыслѣ разъясненія вопроса о томъ, чего можно ожидать, послѣ удаленія «постниковъ», отъ поведенія духоборцевъ двухъ партій, оставшихся на своихъ старыхъ мѣстахъ. Преслѣдуя означенную цѣль, интересующіеся вопросомъ лица и обратились вновь къ переговорамъ и объясненіямъ съ представителями обѣихъ оставшихся партій. Переговоры эти выяснили много весьма интереснаго и существеннаго.

Смыслъ объясненій первой партіи горьловцевъ, получившіяся изъ суммы многихъ частныхъ переговоровъ съ отдѣльными личностями, сводится въ общемъ къ слѣдующему; «Мы — духоборцы, избалованы милостію правительства, а потому возгордились и потеряли голову; прежнее воспитаніе наше было основано на чудесахъ, на нелѣпыхъ разсказахъ нашихъ отцовъ, и мы привыкли вѣрить всякому вздору; при этомъ сами мы никогда ни о чемъ не разсуждали, а приучены были лишь слѣпо исполнять приказанія нашего управляющаго; поэтому, когда пришлось жить собственнымъ умомъ — мы растерялись. Правительство тоже немного виновато въ случившемся: къ чему было такъ много возиться съ нами? Если бы на первыхъ же порахъ хорошенько трянули, человѣкъ бы съ сотню съ Веригинымъ во главѣ повѣсили, остальныхъ бы перепороли и заполнили наши села татарскою экзекуціею, то мы давно бы перестали блажить. А то вышло такъ: при Лукерѣ Васильевнѣ мы и думать ни о чемъ не смѣли, были тише воды, ниже травы; чуть что не по ихнему — въ подземелье, кандалы, кошки, а теперь вотъ уже 8 лѣтъ глупый народъ не признаетъ никакой власти, бросилъ трудиться, беспокоитъ начальство, надо всѣмъ насмѣхается и все это ему безнаказанно сходить, — народъ и обезумѣлъ. Въ настоящее время уже кажется совсѣмъ уничтожены, а послушали бы какъ похваляются: «мы, говорятъ, не только вамъ, горьловцамъ, но и вашимъ покровителямъ зададимъ еще, стоимъ за своихъ и покажемъ себя. За васъ губернаторъ и казаки, а у насъ Богъ впереди. Посудите сами хорошенько —

чья возьметъ?» Духоборцы второй партіи въ разладѣ съ «пестниками», и они очень злы другъ на друга, но и имъ нельзя довѣрять. Они теперь перепуганы и покорны, а повѣрьте, они сами не знаютъ, что еще будутъ дѣлать—это такіе же Веригинскіе птенцы. Конечно, и между нами есть люди не искренніе, въ особенности между стариками. Теперь они смѣются передъ начальствомъ надъ тѣмъ, что духоборцы большой партіи вѣрятъ, будто Веригинъ творить всякія чудеса, а забываютъ, что они сами толковали намъ о такихъ же чудесахъ, творившихся будто бы Лукерьею Васильевною во время земной жизни ея милости. Даже и теперь нѣкоторые изъ нихъ стараются убѣдить насъ, что она почиваетъ въ могилѣ нетлѣнною. Но мы уже не тѣ, чтобы всякому вздору вѣрять, и хотимъ жить какъ живутъ другіе люди; поэтому надѣемся отстать отъ прежнихъ заблужденій и не станемъ болѣе поклоняться мужику какъ Богу. Будемъ во всемъ послушны властямъ, исполнять всѣ требованія закона и думать лишь о своихъ дѣлахъ. Если же среди насъ и явится какой-нибудь возмутитель, то тотчасъ же доложимъ начальству и выдадимъ его. Что же касается до «постниковъ», то о нихъ нечего и говорить; перестрѣлять ихъ да и только. Мы слышали, что они жалуются на то, будто насъ всѣхъ притѣснили мѣстныя власти,—это совершенный вздоръ; ви насъ, не нашихъ отцовъ никто не притѣснялъ, и мы отъ начальства ничего кромѣ покровительства не видѣли».

Насколько искренни подобныя заявленія и въ особенности насколько они выражаютъ стремленіе большинства первой партіи—судить трудно, въ особенности, если принять во вниманіе способность духоборцевъ къ лести и лжи и всю обстановку разгрома, при которой давались эти показанія.

Болѣе существенныя свѣдѣнія удалось получить отъ молодыхъ духоборцевъ второй партіи, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія показаніе Алексѣя Воробьева, одного изъ наиболѣе даровитыхъ духоборцевъ, бывшаго замѣстителя Веригина и временно управлявшаго «Сиротскимъ домомъ», а также руководившаго за послѣдніе семь лѣтъ всѣми интригами и предъявленіями претензій, прикрывая все это обычными духоборческими приѣмами, лицемеріемъ, лукавствомъ, скрытностью и притворствомъ, прикидываясь наивнымъ и непонимающимъ. Извинившись предварительно за все прошлое свое поведеніе, Воробьевъ прямо заявилъ, что «настало время говорить правду, и я постараюсь высказать ее настолько ясно, на сколько это будетъ въ моихъ силахъ. Мы всегда жили на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ живутъ другіе общества, потому что у насъ выработался свой особенный общественный строй, намъ однимъ присущій и составлявшій наше «отечество», заключавшееся, главнѣйшимъ образомъ, въ «священномъ Сиротскомъ

домѣ» и управляющемъ онымъ. Эти особенности и сдѣлали то, что мы составляемъ отдѣльную тѣсно сплоченную общину и называемся «духоборцами», и если бы какія-нибудь обстоятельства по нашей винѣ или помимо ея измѣнили этотъ строй и лишили бы насъ «отечества», то этимъ самымъ мы уже перестали бы быть духоборцами, потому что мы оттого и духоборцы, что намъ присущъ именно этотъ особый общественный строй. Кто пожелаетъ понять это, тотъ пойметъ также и то, насколько непослѣдовательно удивляться тому, что духоборецъ не можетъ оставаться духоборцемъ и отказаться отъ того, что онъ называетъ «отечествомъ». Чтобы понять, почему мы такъ измѣнились съ 1887 года, нѣтъ надобности добиваться, какъ относились духоборцы къ личности своего «управляющаго» съ духовной стороны, т. е. смотрѣли ли они на него, какъ на Христа, или какъ на пророка—это безразлично, потому что нынѣ смотрѣли на него, какъ апостолы смотрѣли на Христа, считали его «Спасителемъ» или «дверью въ царствіе небесное»; нынѣ считали «богочеловѣкомъ» или земнымъ богомъ; другіе почитали только пророкомъ; а были люди и разумные, которые просто смотрѣли на него, какъ на обыкновеннаго человѣка. Важнѣе значеніе его среди насъ, какъ дѣятеля общественнаго. Въ этомъ отношеніи «управляющій» былъ верховнымъ главою нашей общины, ничѣмъ не ограниченный въ своей власти, который всѣмъ распоряжался, все направлялъ, и всякій изъ насъ одинаково считалъ своею священною обязанностью безпрекословно ему повиноваться. На этомъ подписывались (присягали) духоборцы, въ этомъ прошла вся ихъ исторія и это тотъ порядокъ, который къ нимъ привился; въ немъ видѣли мы все наше спасеніе. Въ теченіе этого вѣка управляли нами Калмыковы и наконецъ Лукерья, вдова послѣдняго изъ нихъ, а съ нею прекратилась священная для насъ линія (династія). Тогда, естественно, мы были вынуждены прибѣгнуть къ избранію представителя новой линіи и, по тѣмъ или другимъ причинамъ, выборъ нашъ остановился на Петрѣ Веригинѣ, которому мы и подписались (присягнули). Но Зубковъ и Губановы, и прежде не любившіе Веригина, не признали его, не подчинились общему избранію и увлекли за собой другихъ духоборцевъ, въ числѣ слишкомъ 200 семействъ. Этимъ Зубковъ и Губановы измѣнили духоборческому дѣлу, продали «отечество» и поставили общину въ безвыходное положеніе. Они не могли не сознавать, что ихъ слишкомъ мало, чтобы подчинить себѣ большинство, а сами въ свою очередь не приняли избраннаго большинства, облеченнаго во власть, безъ которой они сами не могутъ обойтись, пока будутъ считать себя духоборцами. Между тѣмъ, если бы они подчинились рѣшенію большинства, то Веригинъ вступилъ бы спокойно въ управленіе общиною и, несмотря на свою неопытность, со временемъ бы присмотрѣлся и управлялъ бы, вѣроятно, не хуже своихъ пред-

шествениковъ Калмыковыхъ; народъ жилъ бы покойно, и мѣстные власти, какъ и прежде, были бы довольны нами. Когда же произошелъ разладъ, то это настолько сильно взволновало духоборцевъ и самого Веригина, что утрачено было спокойствіе и все дѣло поведено было не съ соответствующею обстоятельствамъ осторожностью. Духоборцы, раздраженные упорствомъ меньшинства, слишкомъ громогласно и публично величали Веригина пророкомъ и царемъ, а у Веригина не хватало ловкости и терпѣнія, чтобы преодолѣть препятствія. Сюда же примѣшались интриги Зубкова; послѣдствіемъ всего этого и была между прочимъ высылка Веригина.

«Духоборцы, въ большинствѣ люди неразвитые, не понимали, что для правительства Веригинъ не что иное, какъ простой духоборецъ и крестьянинъ, а воображали, что его, какъ лицо особенно для нихъ священное, никто не посмѣетъ тронуть; когда же его выслали, они увидѣли, что ошиблись, и по глупой кичливости возмечтали, что могутъ заставить правительство возвратитъ его. Для достиженія послѣдняго, мы пускали въ ходъ все, что могли, а не достигая цѣли, раздражались и бросались на всѣ мѣры. Не смѣя высказываться откровенно и не умѣя взяться надлежащимъ образомъ за дѣло, стремились ввести администрацію въ заблужденіе и были вынуждены прибѣгать къ обману, лжи и клеветамъ. Весь ходъ дѣла близко вамъ извѣстенъ, почему скажу откровенно: мы теперь чувствуемъ до чего виноваты передъ правительствомъ, но извольте принять въ соображеніе, что мы, духоборцы, никогда не жили своимъ умомъ и до того времени никогда не имѣли сношеній съ властями, такъ какъ всѣми подобными дѣлами всегда вѣдалъ нашъ «управляющій»; онъ одинъ могъ всѣхъ успокоить, всѣхъ сдержать, а его-то я не было между нами. Общество все больше и больше волновалось, а разные говоруны еще больше разжигали его всякими недѣлостями; если же кто-нибудь пытался успокаивать общество, объясняя, что однимъ упорствомъ и строптивостью съ правительствомъ ничего не подѣлаешь, то это ни къ чему не вело потому, что народъ рассуждалъ такъ: «у насъ отняли отечество, безъ котораго мы жить не можемъ; мы ни передъ чѣмъ не должны останавливаться, чтобы обрѣсти его; мы видимъ, какъ напримѣръ русскіе, присягнувъ своему царю, готовы за него и за вѣру свою идти въ огонь и въ воду, не щадя своего живота и не спрашивая насколько это выгодно. Веригинъ имѣетъ для насъ такое же значеніе, почему мы также должны быть готовы сложить за него наши головы и не избѣгать случаевъ пострадать за него и не взвѣшивать на сколько это умно и полезно. Если правительство поучаетъ русскихъ, что крѣпко стоять за ихъ вѣру, царя и отечество есть священная обязанность каждаго изъ нихъ, то можетъ ли оно упрекнуть

насъ въ томъ, что мы поступаемъ такъ же по отношенію нашей вѣры, нашего царя (владетелина) и нашего отечества».

«Многіе изъ насъ ясно сознавали несостоятельность такого разсужденія, но въ то время не могли не раздѣлять основнаго убѣжденія остальныхъ духоборцевъ касательно того, что покуда мы остаемся духоборцами, мы не можемъ отказываться отъ Веригина и успокоиться. Вотъ почему мы постоянно волновались и тщетно хватались за все, что могли, чтобы помочь бѣдѣ. Такъ проходили года. Тѣмъ временемъ, Веригинъ, живя въ Шенкурскѣ, сошелся съ нѣкоторыми сосланными туда, какъ и онъ, сектантами, а такихъ тамъ было много; были и штундисты и баптисты и толстовцы. Онъ велъ съ ними бесѣды и читалъ ихъ книги. Нѣкоторые изъ насъ, посѣщавшіе Веригина въ Шенкурскѣ, сами видѣли его за чтеніемъ сочиненій графа Толстаго. Въ послѣднее время духоборцы Карсской области—Верещагинъ и Елисаветпольской губерніи—Конкинъ, да и другіе, возвратившись отъ Веригина, передавали намъ, о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ на вѣру и на жизнь, установившихся у Веригина, по ознакомленіи его съ нѣкоторыми новыми для него религіозными ученіями, и отъ его имени предлагали намъ принять ихъ къ руководству. Наставленія эти касались существенныхъ сторонъ жизни и во многомъ не сходились съ основными убѣжденіями духоборцевъ. Тѣмъ не менѣе, разъ они предлагались отъ имени Веригина, то и принимались многими весьма охотно. Главнѣйшимъ образомъ они заключались въ слѣдующемъ:

- 1) всегда помнить, что надо служить одному Богу и больше никому;
- 2) изъ этого вытекаетъ между прочимъ, что такъ такъ военное ремесло противно Богу, то духоборцы не должны отбывать воинской повинности;
- 3) имуществу духоборцевъ должно быть раздѣлено поровну между всѣми духоборцами;
- 4) духоборцы навсегда должны отказаться отъ употребленія мясной пищи, такъ какъ добываніе ея вызываетъ пролитіе крови, и
- 5) духоборцы должны воздерживаться отъ сношеній съ женщинами и этимъ путемъ способствовать къ естественному прекращенію ихъ рода.

«Всѣ эти правила должны повести къ торжеству основнаго догмата: не бояться погубить плоть, лишь бы душа пребывала въ чистотѣ и цѣлости. Въ этихъ видахъ возбраняется также пить водку, курить табакъ и вообще дѣлать что-либо такое, что не составляетъ непосредственной необходимости для существованія и не приноситъ никакой пользы для души. Это ученіе именуется у насъ «вѣрою первобытныхъ христіанъ», а исповѣдующіе его называютъ себя «первобытными, истинными и православными христіанами». Помимо Верещагина, Конкина и пріѣзжавшихъ отъ Веригина лицъ, дѣлу распространенія этого вѣроученія среди насъ содѣйствовалъ также проживав-

шій въ Башкичетахъ ссыльный князь Хилковъ; онъ охотно велъ бесѣду съ духоборцами, поучалъ ихъ правиламъ, которыхъ самъ придерживался, и раздавалъ книги для прочтенія. Но само собою разумѣется, что собственно князя Хилкова, какъ самостоятельнаго проповѣдника, никто бы не послушался, не будь на то соизволенія Веригина. Въ числѣ ходившихъ по рукамъ книгъ были сочиненія Сократа, Діогена и Эпиктета; въ нихъ говорилось о наставленіяхъ, о которыхъ упомянуто выше, на сколько можемъ запомнить, въ слѣдующемъ видѣ:

- 1) надо служить одному Богу и больше никому;
- 2) люди не должны оказывать другимъ сопротивленія, какъ бы жестоко за это ни страдали. Въ этомъ случаѣ рекомендуется слѣдовать примѣру Эпиктета: нѣкій человекъ билъ его по ногѣ; Эпиктетъ сказалъ ему спокойно: «не бей, сломаешь мнѣ ногу»; но тотъ продолжалъ наносить ему удары и сломалъ ногу; на это философъ добродушно возразилъ бывшему его: «говорилъ тебѣ, что сломаешь». Въ силу этого наставленія, человекъ долженъ переносить всѣ бѣдствія и страданія съ терпѣніемъ и смиреніемъ; въ самыя тяжелыя минуты жизни онъ долженъ за все благодарить Бога и не долженъ противиться даже врагамъ; если кто страдаетъ отъ другаго, то они оба заслуживаютъ сожалѣнія, — первый потому, что онъ страдаетъ, а второй потому, что онъ творитъ противное Богу;
- 3) владѣть оружіемъ и, въ особенности, причинять имъ вредъ какой бы то ни было Божьей твари есть величайшій грѣхъ;
- 4) въ виду вышесказаннаго, человекъ не долженъ употреблять пищу, въ составъ которой входитъ что-либо изъ царства животныхъ;
- 5) для торжества духа, т. е. главной цѣли жизни, плоть должна быть совершенно порабощена; человекъ достигаетъ этого черезъ воздержаніе; онъ долженъ избѣгать малѣйшей роскоши, бесполезныхъ удовольствій, празднаго препровожденія времени и довольствоваться исключительно естественными произведеніями природы, и
- 6) человекъ не долженъ думать о плоти, даже въ интересахъ самосохраненія; поэтому не представляется надобности въ брачномъ сожителствѣ.

«Въ книгахъ писано еще многое въ этомъ духѣ.

«Такія поученія хотя и грѣшатъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, но нисколько не представляются противными убѣжденіямъ совѣсти. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ лучше красить человека, какъ добродѣтель во всѣхъ ея видахъ, незлобливость, смиреніе, воздержаніе отъ излишествъ, скромный трудъ и т. п., но несмотря на это многіе изъ насъ испугались новаго ученія и призадумались. Прежде всего мы не могли уяснить себѣ, насколько новыя правила могутъ соотвѣтствовать условіямъ, въ коихъ мы живемъ въ государствѣ совмѣстно

съ другими людьми. Мы не могли додуматься—какія могутъ произойти отъ этого для насъ послѣдствія, и опасались, чтобы изъ желанія сдѣлать лучше не навлечь на себя какой-нибудь новой бѣды; опасались, чтобы не случилось съ нами того, что случилось съ третьею партіею. Такъ, напримѣръ, предлагавшіяся намъ наставленія вовсе не склоняли къ тому, что «постники» продѣлывали на нашихъ глазахъ во имя этихъ правилъ. Желая выдѣлиться отъ всѣхъ послушаніемъ, смиреніемъ, непротывленіемъ злу и т. п., они начали съ того, что явили небывалое среди насъ сопротивленіе самымъ законнымъ требованіямъ властей, начали чинить всѣмъ грубости и обратились въ прямыхъ бунтовщиковъ, которыхъ слѣдовало истребить въ интересахъ порядка. Мы этого именно и боялись и не спѣшили провозглашать себя приверженцами новаго ученія. Но большинство духоборцевъ большой партіи, думая, что творять угодное Веригину, безъ всякой подготовки и съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ усердіемъ, бросились на новое ученіе, и всякій сталъ усваивать и толковать его по степени своего пониманія. Такимъ образомъ они, сами того не предусматривая, перестали быть, собственно говоря, духоборцами, и у насъ произошло новое раздѣленіе. Хотя мы и не пристали къ нимъ, но этимъ еще далеко не выяснили нашего настоящаго положенія. Дѣло въ томъ, что мы присягнули Веригину, какъ главѣ нашего духоборческаго строя и оставались вѣрными ему; теперь, какъ мы слышимъ и видимъ онъ самъ какъ будто пересталъ быть духоборцемъ, и мы даже между собою не можемъ установить по отношенію къ нему нашихъ сердечныхъ чувствъ. Если мы будемъ при данныхъ условіяхъ, во имя духоборчества, держаться Веригина, переставшаго быть духоборцемъ, то это приведетъ насъ къ участи третьей партіи, чего мы отнюдь не желаемъ; не знаемъ такъ же, какъ и отказаться отъ него, такъ какъ это было бы противно всѣмъ правиламъ духоборцевъ; вотъ мы пока и пребываемъ въ такомъ недоумѣніи и не знаемъ чѣмъ оно разрѣшится. Мы рѣшились переждать и осмотрѣться, но во всякомъ случаѣ будемъ оказывать властямъ всякое повиновеніе и безпрекословно подчиняться всѣмъ безъ исключенія существующимъ законамъ, наравнѣ съ прочимъ благонадежнымъ населеніемъ государства. Насъ могутъ упрекать, считая людьми ненадежными, на которыхъ нельзя положиться, и, къ сожалѣнію, для этого имѣется много основанийъ такъ думать о насъ. Тѣмъ болѣе, что послѣ всего случившагося мы, пожалуй, сами другъ другу не довѣряемъ. Но Богъ милостивъ, постараемся встать на ноги, выбьемся изъ той колеи, на которую попали хотя не по своей винѣ, но не можемъ сказать какъ и когда это сдѣлаемъ.

«Вы изволите говорить, что мы глупы, и смѣтаетесь надъ нами, сравнивая съ сосѣдями нашими армянами, которыхъ, по вашимъ словамъ, нельзя будто убѣдить въ томъ, что другой армянинъ летаетъ на обла-

кахъ. Дѣйствительно; но изъ насъ далеко не всѣ видѣли Веригина на облакахъ и вѣрять подобнымъ негѣпостямъ; а людей неразумныхъ можно найти и между армянами. Если дозволено будетъ доложить, — иногда и духоборцамъ приходится изъ приличія удерживаться отъ смѣха, глядя на армянъ; такъ, напримѣръ, эти самые армяне, во время засухи, приносятъ съ величайшимъ почетомъ, иногда за сто верстъ, доску съ изображеніемъ другаго такого же какъ они человѣка, бросаются переть нею на колѣни и такимъ образомъ обходятъ свои поля, въ полномъ убѣжденіи, что отъ этого пойдетъ дождь; мы вѣдь тогда не смѣемся надъ ними, что они доску почитаютъ за Бога; для чего же имъ смѣяться надъ нами, если скажетъ что либо глупое какой-нибудь нашъ дуракъ. Повѣрьте, мы такіе же люди какъ и другіе, не хуже ихъ; правда, мы попали въ тяжелыя обстоятельства; но дасть Богъ станемъ на ноги, хотя и не можемъ доложить какъ и когда это сдѣлаемъ. Поэтому, просимъ низайте, дайте намъ на это время, пощадите насъ и наши семьи.

«Мы не знаемъ, кто были Сократъ, Діогенъ и Эпиктетъ; не знаемъ, были ли они христіане, были ли русскіе. Новое ученіе начало проникать къ намъ года два тому назадъ. Верещагинъ, Василій Веригинъ (братъ Петра) и Конкинъ болѣе всего хлопотали объ его распространеніи; по ихъ вниѣ произошло у насъ разладъ. Онъ возникъ сначала изъ-за дѣлежа имущества, такъ какъ многіе изъ насъ, т. е. оставшіеся во второй партіи, отказались отъ такого дѣлежа, находя его неразумнымъ. Затѣмъ пошли несогласія и по другимъ вопросамъ, и въ началѣ настоящаго года мы окончательно разошлись, о чемъ и докладывали уѣздному начальнику. Одно время ⁴⁾ мы ожидали, что Веригина помиловать, и онъ будетъ возвращенъ, но этого не случилось. «Постыники» сильно озлобились на это; они не знали чтó и придумать, чтобы высказать свое неудовольствіе противъ мѣстныхъ властей. Поведеніе ихъ такое, что о немъ и говорить противно. Они держатъ себя и не какъ духоборцы, и не какъ толстовцы, и не какъ штундисты, изъ чего ясно, что не вѣра причиною такого ихъ поведенія. Они просто чѣмъ-то возгордились и потеряли разумъ. Они сами не знаютъ чего хотятъ, и никто ихъ не понимаетъ и имъ не сочувствуетъ. Теперь мы кланяемся горѣловцамъ, ведемъ съ ними бесѣду и относимся къ нимъ такъ же, какъ къ другимъ; вѣроятно и впредь не измѣнимъ этихъ отношеній. Мы додумались, что не за чѣмъ враждовать, но совсѣмъ сойтись съ ними мы еще не можемъ и не надо принуждать насъ къ этому. Можетъ быть со временемъ это и сдѣлается само собой, но теперь еще не время объ этомъ думать. У горѣловцевъ пока все спокойно, но они не должны кичиться этимъ передъ

⁴⁾ Послѣ всемірнѣйшихъ манифестовъ о восшествіи на престолъ государя императора и бракосочетаніи ихъ императорскихъ величествъ.

другими духоборцами; мы всё воспитаны на однихъ началахъ и другъ съ другомъ схожи. У нихъ покойно потому, что все до сегодняшняго дня осталось въ Горѣломъ въ томъ же видѣ, какъ было при Лукерѣ Васильевнѣ: тотъ же старшина Зубковъ, тотъ же атаманъ Батуринъ, тѣ же люди въ «Сиротскомъ домѣ»,—а это много значить. Но вотъ, когда не станетъ какого-нибудь изъ нихъ, придется производить выборы должностныхъ лицъ, пойдутъ раздоры и не будетъ у нихъ власти, призванной все рѣшать, вотъ тогда посмотримъ, что будутъ дѣлать горѣловцы. Они и теперь увѣряютъ, что Веригинъ—Антихристъ, а что Христосъ придетъ еще; не смѣшно ли это и не доказываютъ ли подобныя сужденія, что и у нихъ завтра можетъ появиться свой «Христосъ», который поставитъ все вверхъ дномъ, а жить безъ него они не могутъ, пока будутъ считать себя духоборцами. Мы знаемъ, что «постыяки», въ безсильной злобѣ стараются убѣждать незнающихъ, будто мы претерпѣвали притѣсненія отъ мѣстныхъ властей; это неправда; ни мы, ни наши отцы никакого стѣсненія отъ начальства не видѣли. Теперешнее положеніе есть послѣдствіе внутренняго раздора, раздоръ идетъ у насъ между отцомъ и сыномъ, между мужемъ и женою, между братьями и сестрами; причемъ же тутъ можетъ быть начальство?»

Таковы объясненія, которыя удалось получить отъ самихъ духоборцевъ и которыя могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для общаго сужденія о положеніи секты въ настоящее время, какъ проливающія нѣкоторый свѣтъ на тѣ внутреннія причины, которыя послужили главнымъ образомъ поводомъ къ разобщенію духоборцевъ между собою и къ открытой враждѣ между отдѣльными партіями. Съ внѣшней стороны положеніе дѣлъ въ настоящее время такое: представители первой и второй партій, всего свыше 450 семействъ, живутъ на старыхъ своихъ мѣстахъ тихо и спокойно и никакого сопротивленія распоряженіямъ властей не оказываютъ. Нѣкоторая враждебность между обѣими партіями хотя еще и чувствуется, но никакихъ внѣшнихъ проявленій этой враждебности не замѣчается. Духоборцы третьей партіи, расселенные мелкими группами по четыремъ уѣздамъ Тифлисской губерніи, живутъ пока въ большинствѣ подъ открытымъ небомъ въ своихъ громадныхъ крытыхъ фургонахъ, представляющихъ изъ себя какъ бы передвижные дома. Такой образъ жизни на подобіе кочевниковъ ими избранъ по собственному желанію, такъ какъ имъ не возбраняется навязать себѣ жилища у мѣстныхъ жителей.

Покончивъ такимъ образомъ съ фактической стороною настоящаго духоборческаго движенія и изложивъ сущность тѣхъ нравственно-религіозныхъ мотивовъ, подъ влияніемъ которыхъ возникла распря, перешедшая въ открытую вражду между отдѣльными партіями сектантовъ,

воснемся вкратцѣ общаго хода историческихъ событій въ духоборческой сектѣ, какимъ онъ представляется изъ разсмотрѣнія всего дѣла и изъ котораго прямо и логично вытекаетъ послѣдовательность всѣхъ дальнѣйшихъ замѣчаемыхъ въ судьбѣ секты явленій до послѣднихъ безпорядковъ включительно.

Въ самомъ началѣ нѣсколько отдѣльныхъ личностей, соединенныхъ общими убѣжденіями, выработавшимися на почвѣ социально-религіозной, но опасавшихся преслѣдованій, образуютъ изъ себя нѣкоторое сообщество тайное. Спустя извѣстный періодъ времени, при разростаніи числа adeptовъ новаго ученія, далѣе скрываться въ тайнѣ представляется для сообщества невозможнымъ, отчасти, вслѣдствіе частыхъ проявленій принциповъ новаго ученія въ отдѣльныхъ случаяхъ виѣшней жизни, отчасти же и вслѣдствіе постоянного вмѣшательства въ дѣла сообщества постороннихъ, власть имущихъ людей, доканывающихъ во имя своихъ интересовъ до сути дѣла. Союзъ людей тайный принужденъ такимъ образомъ въ силу необходимости сдѣлаться союзомъ явнымъ и вмѣстѣ съ этимъ переходомъ заявить о своемъ правѣ на существованіе. Правительство сильной имперіи, среди которой союзъ образовался, признаетъ за нимъ таковое испрашиваемое имъ право и отводитъ ему отдѣльную территорію, отказываясь при этомъ отъ вмѣшательства въ его религіозно-нравственный и частно-общинный бытъ, и требуя лишь отъ его членовъ виѣшняго подчиненія извѣстнымъ существующимъ законамъ и исправнаго взноса податей. Союзъ такимъ образомъ приобретаетъ, кромѣ уже бывшихъ въ немъ элементовъ твердаго сплоченія общности племени, общности языка и,—общности социально-религіозныхъ убѣжденій, еще два новыхъ существенныхъ элемента а именно: общность виѣшняго социального быта и общность территоріи, получаемой имъ, по толкованію членовъ союза, отъ правительства имперіи на условіяхъ—не преступать извѣстныхъ законовъ и выплачивать аккуратно ежегодную дань. Для образованія изъ сообщества самой твердой формы общежитія государства не достаетъ такимъ образомъ еще одного элемента, а именно—общности власти. Хотя по ученію, исповѣдуемому членами союза, таковая власть и имѣется—это власть чисто-теократическая, власть Господа Бога, правящаго всѣмъ міромъ, но эта власть, до ея реализаціи на землѣ, является слишкомъ отвлеченною, и во всякомъ случаѣ авторитетъ власти обще-государственной, власти русскаго царя, помазанника Божія, остается неволью, въ силу унаслѣдованныхъ отъ русскіхъ предковъ традицій, непоколебимымъ и неизмѣнимымъ, а тѣмъ препятствуетъ окончательному обособленію союза. Отдѣльные вожаки секты, выдающиеся и по уму и по способностямъ и жаждущіе именно такого обособленія союза въ силу эгоистическихъ стремленій, отлично понимаютъ такое положеніе вещей, но и сознаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для того, что-

бы бороться со столь сильнымъ авторитетомъ какъ власть русскаго государя, единственнымъ возможнымъ противобѣсомъ въ глазахъ народа можетъ явиться лишь власть воплотившагося Бога, и вотъ появляется новый догматъ въ ученіи союза о воплощеніи въ лицѣ избранныхъ лицъ изъ духоборцевъ самого Сына Божія Іисуса Христа, а вслѣдъ за сими первый богочеловѣкъ—Савелій Капустинъ, дѣлающійся уже законнымъ земнымъ владыкой и правовѣрнымъ деспотическимъ правителемъ всего союза. Реформа эта, превратившая окончательно и принципиально прежній социальнo-религіозный союзъ людей въ отдѣльное государство—по всѣмъ вѣроятіямъ должна была породить во внутренней жизни сектантовъ много преній и препирательствъ и даже, можетъ быть, противобѣдствій со стороны отдѣльныхъ личностей, но въ общемъ идея ея должна была восторжествовать, такъ какъ по существу своему она въ интересахъ союза, какъ самостоятельнаго цѣлаго, была совершенно вѣрна и логически вытекла изъ всѣхъ предыдущихъ событій. Такимъ образомъ организовалось правильно образовавшееся государство въ государствѣ и просуществовало въ этомъ видѣ до нашихъ дней.

Вся послѣдующая политика главарей новаго миниатюрнаго государства совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ всего предыдущаго. На первыхъ порахъ они хлопочутъ изъ всѣхъ силъ достичь по мѣрѣ возможности еще большаго обособленія отъ имперіи — своего бывшего отечества. Новому народу не достаетъ еще своего собственнаго имени, онъ все еще принужденъ довольствоваться названіемъ русскихъ сектантовъ, Мелитопольскихъ поселянъ — и вотъ начинаются настоячивыя хлопоты о признаніи за нимъ самостоятельнаго названія «духоборцевъ». Ходатайство это уважено только на половину, но вожаки довольны и этой полу-побѣдой: сектантамъ все-таки дано право открыто именовать себя «духоборцами» т. е. «не русскими», а въ этомъ-то и состояла вся суть ихъ ходатайствъ. За новымъ народомъ признано такимъ образомъ правительствомъ, выдѣлившимъ его изъ себя, и его новое имя.

Далѣе, первому властителю необходимо для поддержанія устроеннаго имъ государства упроченіе власти на будущее время, въ томъ же ея видѣ, а при этомъ желательно, съ эгоистической точки зрѣнія, упрочить эту власть именно въ своемъ родѣ—и вотъ появляется новое ученіе, также принятое народомъ на вѣру и также возведенное въ догматъ— о переходѣ души Христовой послѣдовательно отъ отца къ сыну одного и того же избраннаго рода, и въ результатѣ получается установленіе правильной, наслѣдственной верховной династіи. Важно также для главарей навсегда укоренить въ народѣ сознаніе о его независимости отъ властей имперіи и вообще о политической самостоятельности, и вотъ начинается рядъ проповѣдей, истолковывающихъ народу его положеніе совершенно въ превратномъ, но въ выгодномъ для главарей смыслѣ. По

этихъ проповѣдямъ русскій царь выдѣлилъ духоборцевъ изъ своего государства и отдалъ имъ землю съ условіемъ лишь платить дань. Такимъ образомъ, «отечество» духоборца—уже не вся Русская земля, а только та, на которой они живутъ, вмѣщающая въ себѣ и ихъ учрежденія, и ихъ собственную верховную власть, которая собственно и является олицетвореніемъ ихъ новаго отечества. Въѣсть съ тѣмъ русскій царь силенъ и могущественъ и съ нимъ по-неволѣ нужно жить мирно и исполнять нѣкоторыя его требованія, но только тѣ, которыя разрѣшаетъ глава духоборскаго народа, только одинъ и властный приказывать вѣрующимъ. Всякія русскія власти не могутъ вмѣшиваться во внутренніе безпорядки духоборцевъ, а если эти власти и вмѣшиваются иногда, то не иначе какъ съ соизволенія главара духоборцевъ. Всѣ русскіе люди, входящіе въ сношенія съ духоборцами или наѣзжающіе къ нимъ по различнымъ дѣламъ, и служебнымъ и частнымъ,—суть или гости, или какъ бы послы, или представители дружественной державы, и обращаться надо съ ними такъ, какъ укажетъ въ каждомъ случаѣ главарь.

Но проводя эти и подобныя имъ принципы въ сознаніе народа и тѣмъ закрѣпощая его своей власти, главари, очевидно, сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ и всю опасность, грозящую имъ со стороны русскихъ властей, въ случаѣ если бы таковыя принципы провозглашались къмъ либо публично и громогласно. Изъ этого опасенія и происходитъ тотъ кодексъ лжества, лицемерія, скрытности и лжи, который они, пользуясь слѣпой вѣрой своихъ простодушныхъ послѣдователей и пріобрѣтая, вѣроятно, при этомъ къ помощи различныхъ шарлатанскихъ приемовъ, заставили воспринять послушный народъ, какъ нѣчто таинственно-священное и обязательно-необходимое, при всѣхъ сношеніяхъ съ лицами, къ сектѣ не принадлежащими, а въ особенности же со всякаго рода представителями власти могущественнаго Русскаго государства.

Но тотъ же кодексъ навязываемаго духоборцамъ обязательнаго міровоззрѣнія и поведенія не могъ, конечно, ограничиваться лишь тѣмъ, что касалось, такъ сказать, только вѣшной политики государства; онъ неминуемо долженъ былъ способствовать вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ стремились главари въ области своей политики внутренней. Вождямъ нуженъ былъ народъ смиренный, покорный и неспособный къ проявленію какого либо протеста. Изъ этого начала должны были простекать всѣ основныя положенія внутренней дисциплины, и они дѣйствительно выразились въ этомъ смыслѣ совершенно рельефно. Отсюда: гоненіе на грамотность, какъ на элементъ, способствующій развитію интеллектуальныхъ силъ народа; обязательное отчужденіе, въ тѣхъ же видахъ, всѣхъ сектантовъ отъ вѣшняго міра, какъ отъ грѣховнаго (халдеевъ); требованіе безусловнаго и безпривкословнаго повиновенія главарямъ и ихъ агентамъ; постоянныя напоминанія о томъ, что главарь

во всякое время волею всевластно распоряжаться личностью и имуществомъ каждаго члена секты и т. п. Отсюда же и система жестокихъ наказаній, производимыхъ келейно при всякомъ случаѣ уклоненія отъ требованій главара. Вотъ общая картина той политики, которой держались главари и благодаря которой имъ удалось мало-по-малу совершенно измѣнить суть и смыслъ первоначальнаго сообщества, превративъ его изъ союза религіозно-либеральнаго—въ общество самаго деспотическаго типа. На такую перемѣну, происшедшую въ характерѣ духоборческаго сообщества, правительство надлежащаго вниманія своевременно не обратило, отчасти, благодаря той скрытности, которую проявляли духоборцы во всемъ, что касалось ихъ внутренней жизни, отчасти же и вслѣдствіе простаго нежеланія тревожить и волновать трудолюбивый муравейникъ наружно-покорныхъ и симпатичныхъ сектантовъ, а между тѣмъ всѣ дальнѣйшія событія именно изъ такового перехода секты отъ одного типа общенія къ другому и происходятъ.

Тиранія духоборческихъ деспотовъ, какъ основанная исключительно на себялюбивой политикѣ главарей, прикрывающихся лишь наружно стремленіемъ принципиальнаго служенія общественному дѣлу, несмотря на всѣ ихъ усилія, долго продолжаться не могла и конечнымъ результатомъ ея паденія, а вслѣдъ за симъ и разрушенія всего искусственно созданнаго государственнаго строя секты и являются всѣ описанные выше волненія и беспорядки. Споспобствовали паденію духоборческаго государства главнымъ образомъ тѣ существенные элементы разложенія, которые зародились внутри самого общественнаго организма, какъ прямыя послѣдствія его ненормальности.

Секта возникла и распространялась въ тѣ давнія времена, когда отдѣльныя личности низшихъ сословій страдали отъ неправды и произвола и претерпѣвали многія муки, и физическія и нравственныя. Сплоченіе сектантовъ между собою и постоянное стремленіе ихъ къ выдѣленію своего сообщества изъ общаго строя тогдашней русской государственной жизни являлось въ тѣ времена совершенно естественнымъ, такъ какъ мотивомъ его служило вполне понятное желаніе избавиться отъ гнета окружающей ихъ среды. Далѣе, это сплоченіе и единеніе, при существованіи во внѣшнемъ мірѣ тѣхъ же тяжелыхъ условій жизни, легко поддерживалось и собственнымъ сознаніемъ сектантовъ; дисциплиной же, введенной главарами, устанавливался сверхъ того и принципъ полнаго отчужденія отъ внѣшняго міра. Принципъ этотъ усвоился, очевидно, народомъ весьма охотно, такъ какъ условія жизни въ этомъ внѣшнемъ мірѣ оставались почти тѣ же, отъ которыхъ они и спасались. Легко переносился въ то время народомъ и суровый режимъ наказаній, применяемыхъ главарами, такъ какъ онъ по своей жестокости все-таки не превосходилъ обыкновенныхъ мѣръ взысканій, къ которымъ народъ

успѣлъ привыкнуть и ранѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ исходилъ отъ власти, признанной самимъ народомъ добровольно, законной и правомѣрной. Такимъ образомъ секта представляла изъ себя живой протестъ противу существовавшихъ порядковъ, въ этомъ то и заключалась вся ея сила и значеніе, какъ сообщества обособленнаго. Но вотъ прошли года, и реформы правительства мало-по-малу совершенно измѣнили старый строй жизни. О прежнихъ насиліяхъ, несправедливостяхъ и суровыхъ взысканіяхъ осталось одно лишь слабое воспоминаніе, и въ общемъ жизнь потекла на совершенно иныхъ началахъ, гораздо болѣе гуманныхъ и справедливыхъ. Причины, вызвавшія протестъ въ большинствѣ, безслѣдно пропали, и самая форма протеста въ силу положенія вещей явилась уже совершенно ненормальной. Все зданіе духоворческаго сообщества уподобилось крѣпости, огражденной твердыми стѣнами и вмѣщающей въ себя прекрасно дисциплинированный гарнизонъ, но на которую никогда никто и не думаетъ нападать ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не претерпѣвая никакихъ посягательствъ на свои личныя и имущественныя права со стороны враждебнаго имъ лишь по принципу виѣшняго міра, сектанты невольно въ силу самыхъ требованій жизни входили съ этимъ міромъ все въ болѣе тѣсныя и близкія сношенія. Это общеніе, противу котораго ничего не могла подѣлать никакая дисциплина, конечно, должно было принести свои плоды. И дѣйствительно, умственный кругозоръ духоворцевъ постепенно расширялся; получались сравненія и выводились умозаключенія часто далеко не въ пользу своего собственнаго быта; зарождалось понятіе о свободѣ личности, совершенно подавленной вѣковой политикой главарей; появились и окрѣпли личныя и имущественныя интересы, а также и забота объ обезпеченіи ихъ неприкосновенности. Такія и подобныя имъ послѣдствія сношеній съ виѣшнимъ міромъ, конечно, еще болѣе отгѣнили ненормальность причинъ замкнутости секты и, подрывая довѣріе къ эгонистической политикѣ главарей, расшатывали ихъ авторитетъ въ глазахъ многихъ отдѣльныхъ сектантовъ.

Не мало способствовало разрушенію государственнаго строя секты и еще одно обстоятельство, чисто случайное, а именно—прекращеніе мужскаго поколѣнія главарей и являвшееся, въ силу необходимости, правленіе женское—послѣдней изъ Калмыковыхъ, Лукерьи Васильевны. Обстоятельство это впрочемъ не столько важно по своему внутреннему значенію, сколько въ томъ смыслѣ, что оно во многомъ способствовало ускоренію развязки. Не будь его, и государственный строй секты, несмотря на свою ненормальность, благодаря вѣковой традиціи, вкоренившейся въ народъ—могъ еще долго держаться искусственно и въ будущемъ вызвать недоразумѣнія, еще болѣе сложныя и серьезныя. Послѣдняя правительница при всемъ своемъ умѣ и тактѣ принуждена была, какъ женщи-

на, привлечь къ управленію цѣлый рядъ помощниковъ, черезъ что, съ одной стороны, нарушался на практикѣ единоличныиъ деспотическій принципъ правленія, а съ другой—большое число лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія, а черезъ нихъ и ихъ родственники и близкіе невольно утрачивали вѣру въ святость и непогрѣшимость распоряженій главы секты. Кроме того, то же фактическое раздѣленіе власти должно было способствовать поднятію между отдѣльными личностями, стоявшими у власти, ихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ. И дѣйствительно, во время правленія Лукерьи Васильевны матеріальное благосостояніе отдѣльныхъ приближенныхъ къ ней личностей, преимущественно горьловцевъ, равно какъ и приобретенное ими личное властное вліяніе на народъ достигли своего апогея.

Всѣ изложенныя обстоятельства подтачивали въ корнѣ государственныя основы секты, упрядняя смыслъ дальнѣйшаго ея существованія въ такомъ видѣ, который она усвоила себѣ за послѣднее столѣтіе. И дѣйствительно: зачѣмъ управляющій сектой, когда святость и божественность его происхожденія сомнительны; зачѣмъ его деспотическая диктаторская власть, когда не отъ кого защищаться, а между тѣмъ онъ можетъ разрушить благосостояніе каждаго; зачѣмъ такая строгая и тяжелая организація, направленная къ самозащитѣ, когда никакой опасности нѣтъ; зачѣмъ новый властный главарь, когда для многихъ его появленіе влечетъ за собою отреченіе отъ приобретенной личной власти. Судя по приведеннымъ показаніямъ представителей второй партіи, даже при жизни Лукерьи Калмыковой начались колебанія въ сектѣ; тогда уже появились сомнѣнія въ ея святости и способности творить чудеса, и если прежняя стройность въ управленіи и поддерживалась, то лишь въ силу инертности массы и нежеланія второстепенныхъ главарей, ея помощниковъ, выпустить фактическую власть изъ своихъ рукъ. Но со смертію Лукерьи Васильевны распаденіе строя секты сдѣлалось неизбежнымъ. Конечно, если бы во главѣ секты появился энергичный человѣкъ, способный внушать къ себѣ страхъ и уваженіе или вообще покорить умы сектантовъ,—онъ задержалъ бы на время разрушеніе этого строя, но это была бы только временная отсрочка. Духоборческое государство отжило свой вѣкъ, утратило значеніе и потеряло смыслъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, первыми протестантами противу стараго порядка вещей явились тѣ лица, для которыхъ реформа являлась наиболѣе выгодною и полезною, а именно: наиболѣе состоятельные, развитые и приобретенные привычку повелѣвать—горьловцы. За ними пошло на первыхъ порахъ хотя лишь меньшинство изъ сектантовъ, но этого они не убоялись, отлично понимая, что что бы тамъ ни говорили и ни принимали ихъ противники, русскія власти не могутъ дать ихъ въ обиду, и, конечно, не ошиблись въ расчетѣ: сила оказалась на ихъ сторонѣ, и

противники ничего противъ нихъ предпринять не могли и не смѣли. Такимъ образомъ первый шагъ къ разрушенію «государства» духоборцовъ былъ сдѣланъ; все послѣдующее окончательное распаденіе его представлялось лишь вопросомъ времени.

Но какъ бы ни былъ понятенъ и логиченъ весь ходъ дальѣйшихъ событій—ускореніе по возможности естественнаго пути процесса разложенія духоборческаго строя являлось во всѣхъ отношеніяхъ весьма желательнымъ и полезнымъ, такъ какъ дальѣйшее продолженіе неопредѣленности могло-бы вызвать множество весьма печальныхъ и пагубныхъ послѣдствій. Такую критическую эпоху въ своей жизни народъ не могъ переживать спокойно, а обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ наружныя волненія и беспорядки могли бы вызвать необходимость различныхъ общихъ репрессивныхъ мѣръ, примѣненіе которыхъ, конечно, только бы разожгло фанатизмъ сектантовъ и способствовало бы ихъ сплоченію, т. е. только бы вредило дѣлу. По счастью, излюбленный сектантами методъ скрытности и выѣшней дисциплинировки сослужилъ въ данномъ случаѣ великую службу дѣлу. Съ самаго начала распри между большой и малой партіями и вплоть до прошлаго лѣта броженіе между духоборцами хотя и замѣчалось, но въ общее волненіе, требующее строгихъ репрессивныхъ мѣръ, не переходило, а между тѣмъ процессъ разложенія въ ихъ средѣ продолжалъ свое дѣло непрерывно. Распри и раздоръ зародились, наконецъ, и между членами большой партіи, по сіе время дружно настаивающими на возвращеніи ихъ избраннаго вождя, а съ тѣмъ вмѣстѣ инстинктивно отстаивающими и привычный имъ строй ихъ общины. Открытыя волненія и беспорядки вспыхнули такимъ образомъ только тогда, когда въ сектѣ произошелъ уже новый расколъ, т. е. когда въ общемъ уже большинство духоборцевъ открыто разорвали связующія ихъ между собою цѣпи и тѣмъ окончательно разрушили ту форму общежитія, въ которой они находили по сіе время главные устои своего исключительнаго, самобытнаго существованія.

Сущность причинъ, вызвавшихъ этотъ новый частный расколъ въ рядахъ большой партіи, насколько она выяснилась изъ объясненій отдѣльных членовъ второй партіи, позволяетъ, между прочимъ, достаточно ясно судить и о томъ, чего можно ожидать отъ поведенія этой партіи въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что когда духоборцы большой партіи «подписывались» т. е. присягали своему новому избранному вождю Петру Веригину — это былъ самый обыкновенный духоборскій парень, хотя и грамотный и не глупый по природѣ, но совершенно необразованный; теперь же послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ссылки, судя по его воззваніямъ и прокламаціямъ, которыя онъ, къ сожалѣнію, несмотря на установленный за нимъ надзоръ, имѣетъ возможность пересылать къ своимъ приверженцамъ, оказывается, что онъ успѣлъ за это время многому научиться, многое услышать и о многомъ прочесть. Весьма вѣроятно, что

всѣ эти его обращенія къ духоборцамъ исходятъ и не изъ-подъ его пера, а людей болѣе его интеллигентныхъ, но сути дѣла это не имѣетъ, такъ какъ большинство духоборцевъ слѣпо вѣрять, что все это исходитъ отъ него. Въ этихъ своихъ обращеніяхъ къ народу Веригинъ, какъ замѣтили нѣкоторые изъ его приверженцевъ, во многомъ измѣнилъ старое ученіе духоборцевъ, добавивъ къ нему много новыхъ правилъ, доселѣ духоборцамъ неизвѣстныхъ. Эти новыя прибавленія и породили новый расколъ. Въ то время какъ «постники», самые фанатичные изъ сектантовъ, толкуютъ дѣло такъ: «вождь нашъ—воплотившійся Христосъ, а потому онъ имѣетъ право предписывать намъ что угодно, и мы все-таки обязаны ему во всемъ повиноваться»; другая часть большой партіи смотритъ на вопросъ нѣсколько иначе и разсуждаетъ такъ: «по нашему духоборческому ученію Христосъ можетъ воплотиться только въ духоборца, а такъ какъ Веригинъ принялъ новое ученіе, то онъ уже не духоборецъ, слѣдовательно и Христосъ не могъ въ него воплотиться, а разъ онъ не Христосъ, и повиноваться ему не слѣдуетъ». Мысль эта, какъ совершенно съ точки зрѣнія духоборческаго ученія послѣдовательная и логичная, и заставила вторую партію отдѣлиться отъ третьей и занять положеніе самостоятельное—какъ бы выжидательное. Кто первый внесъ эту мысль въ среду членовъ большой партіи—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ она, въ силу своей разсудочности и наличности въ ней здраваго смысла, имѣетъ въ себѣ гораздо болѣе элементовъ стойкости и убѣдательности, чѣмъ слѣпая вѣра «постниковъ», допускающихъ, что если бы даже ихъ вождь предписывалъ имъ правила, совершенно противныя и христіанскимъ началамъ и нравственности, то они и тогда бы обязаны были ему повиноваться, т. е. совершенную нецѣльность. Этому-то разсудочно-толковому отношенію къ предмету вѣроятно и суждено въ будущемъ послужить звеномъ для соединенія второй партіи съ первой, тѣмъ болѣе, что горьловцы съ точки зрѣнія своей чисто-религіозной логики ведутъ себя и толково и дѣльно. Во внѣшнемъ своемъ поведеніи, они хотя и отреклись отъ Веригина, но общими духоборческимъ своимъ принципамъ не измѣнили. Такъ, напримѣръ, «Сиротскій домъ» и капиталы, перешедшіе по опредѣленію суда Губанову, какъ наслѣдство послѣ смерти его сестры, фактически остаются и по сіе время, по примѣру прежнихъ лѣтъ, какъ бы достояніемъ общественнымъ, съ тою только разницею, что подъ опредѣленіемъ слова «общество» разумѣются пока только члены малой партіи, такъ какъ остальныхъ членовъ большой партіи, а въ особенности «постниковъ», горьловцы за духоборцевъ не признаютъ. Такимъ образомъ первая партія, измѣнивъ принципамъ государственнымъ въ общемъ, религіознымъ и общественнымъ духоборческимъ принципамъ не измѣняетъ, а напротивъ, какъ бы является ихъ поборницей и охранительницей. Такое отношеніе къ дѣлу горьловцевъ, въ особенности при наличности зародившагося у второй партіи критическаго взгляда на главу секты, дастъ

основаніе надѣяться, что желательное сліяніе обѣихъ этихъ партій осуществится снова на почвѣ принциповъ, и общественныхъ и религиозныхъ. Такимъ образомъ, надо полагать, что бѣльшая часть духоворцевъ (такъ какъ соединенныя двѣ партіи въ общемъ составляютъ большинство) и притомъ самыхъ изъ нихъ зажиточныхъ и сравнительно интеллигентныхъ — спокойно останутся умиротворенные на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, сильные своими нравственными традиціями и бодрые духомъ, но лишены лишь элемента наиболее опаснаго, элемента обособленной, незаконной власти. Не пройдетъ въ такомъ случаѣ и двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ, какъ это новое, обновленное въ своей организаціи сообщество русскихъ образцовыхъ тружениковъ снова разцвѣтетъ въ полномъ блескѣ на нашей окраинѣ и на сей разъ дѣйствительно высоко подыметъ культурное знамя русской народности, въ русскомъ государствѣ и на русской территоріи.

Въ концѣ концовъ несчастными жертвами настоящаго замѣшательства являются лишь слѣпыя фанатики третьей партіи «постники». Принявъ по приказанію своего повелителя новую вѣру, образовавъ изъ себя такимъ образомъ новую секту, они совершенно разорвали связь со своими бывшими единовѣрцами, изъ братьевъ превратились въ ихъ враговъ, и дальнѣйшее совмѣстное пребываніе тѣхъ и другихъ сдѣлалось немислимымъ. «Постники» отлично сами понимаютъ свое положеніе, а потому громко настаиваютъ на скорѣйшемъ выселеніи ихъ изъ края. Судить о вредѣ новой секты въ практической жизни пока преждевременно, такъ какъ ученіе ея практикуется еще весьма недавно и, наконецъ, оно можетъ подвергнуться и новымъ измѣненіямъ, но во всякомъ случаѣ пока лишь ясно, что секта эта является гораздо болѣе вредною, чѣмъ секта духоворческая. Но тѣмъ не менѣе, судьба «постниковъ» вызываетъ невольное къ нимъ сожалѣніе; они все-таки не преступники, а лишь жертвы того увлеченія идеей, вѣрности кореннымъ чувствомъ долга, которое при иной обстановкѣ могло бы вызвать къ нимъ лишь симпатіи. Остается надѣяться, что здравый практическій смыслъ, присущій натурѣ русскаго крестьянина, къ какому бы ученію онъ ни принадлежалъ, поможетъ имъ въ практической жизни переработать навязываемое имъ назвѣ новое ученіе и вылить его въ формы, способныя дать имъ возможность хотя бы существовать гдѣ бы то ни было, пользуясь покровительствомъ законовъ. Грустно подумать, что нѣсколько тысячъ людей честныхъ и трудолюбивыхъ принуждены страдать и мучиться изъ-за прихоти одного властолюбиваго эгоиста и единственно въ силу своего нравственнаго принципа, продолжительное и безпрепятственное исповѣданіе котораго возвело его въ крѣпкій, непоколебимый догматъ, свято примѣняемый заблудшими фанатиками, несмотря на всю его безразсудность, нелѣпость и непрактичность.

М. Тебеньковъ.

ГРАФИНЯ АННА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ

и

АРХИМАНДРИТЬ ФОТІЙ.

І.

Письмо крестьянъ графини Орловой-Чесменской.

“ января 1826 г.

Премилосердая наша мать, добрая помѣщица!

Мы, рабы твои, рабы бывшіе, а теперь стали свободные, по твоей-ли волѣ, или по видамъ твоего обладателя, очаровавшаго тебя до изступленія. Мы служили тебѣ вѣрою и правдою; мы имѣли тогда кусокъ вѣрнаго хлѣба, мѣста постояннаго, но теперь скитаемся по бѣлу свѣту; и хотя питаемся съ нуждою, но мы готовы глотать и гнилую корку—лишь бы слышать о тебѣ вѣсти добрыя, полу и роду твоему приличныя. Но, ахъ больно сердцу рабскому, сердцу рабскому, но усердному, что ты впала наша мать въ руки волка хищнаго, волка хитраго и неумнаго. Онъ проводитъ у тебя дни и ночи вопреки правилъ святыхъ отецъ, ко всеобщему православныхъ соблазну ¹⁾. Онъ осѣтилъ тебя съ ногъ до головы; онъ очаровалъ тебя ягодицами Бринскихъ лѣсовъ. Ты обожаешь его не какъ въ Богѣ человекъ, но какъ въ человекѣ страстномъ Бога. Ты унизила себя предъ нимъ до самой низкой подлости; ты готова для него всѣмъ на свѣтѣ жертвовать, а онъ, видя твое изступленіе, обираетъ тебя ничѣмъ не щадя и ограбляетъ тебя до ниточки, разорить тебя и Богомъ

¹⁾ Горе человекъ тому, имъ же соблазнанъ приходитъ. Аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстей. Матѣ. гл. 18, ст. 6 и 7.

вѣренныхъ тебѣ крестьянъ, за которыхъ ты и за послѣдняго отдашь предъ Богомъ отвѣтъ. Ты ни мало не входилъ въ ихъ состояніе, но оставила на произволъ глупыхъ и жадныхъ управителей. Уже стоишь ихъ колеблеть небеса, и хотѣшь видѣть участь ихъ горькую твоей послѣдній рабъ; но ты, бывъ опоена опіемомъ изступленія,—спишь спячкою глубокою, а пробудить тебя некому. Онъ удалилъ отъ тебя какъ родныхъ твоихъ, такъ и искреннихъ умныхъ друзей, а окружилъ тебя льстецами низкими и рабами подлыми, угождающими твоимъ и его страстямъ для своихъ видовъ. Ты раступилъ, раступилъ, мать сыра-земля; ты поднимись, подымись гробовая доска; ты проснись, проснись, баринъ добрый нашъ изъ вѣчности, баринъ добрый нашъ, краса русскихъ бояръ: мы очень знаемъ, что тѣнь твоя содрогнется, видя дѣла твоей дочери; но ты взгляни, взгляни хотѣшь одинъ разъ на нее; ты вскормилъ, вспоилъ и училъ ее быть русскою барынею, истинною христіанкою, а не пустосвяткою; она славу твою геройскую и память добрую помрачила, домъ царя русскаго, церковь Божию, іерархію посрамила, проживая въ древней обители, освященной истинными подвижниками по полугоду съ празднолюбцами и тунеядцами. Ты опомнись, опомнись наша добрая мать, уврачуй себя отъ демонскаго навожденія животворящимъ крестомъ. Ты послушай-ка нашего рабскаго совѣту; ты подумай-ка сама хорошенько и здравомысленно: станетъ-ли истинный святильникъ, если онъ не адскій факель, святить на одинъ только слабый полъ женскій, да и то на одинъ богатый, а мужицъ умныхъ какъ демоновъ бояться? Солнце праведное свѣтитъ на всѣхъ равно. Станетъ ли истинный подвижникъ, обрекшійся на нищету и власяницу, гоняться за плотскими украшеніями, за убранствами богатыми, за отличіями брилліантовыми, за шубами собольими и чернобурыхъ лисицъ? Станетъ ли носить рубахи фланскаго полотна, разѣзжать четверкою въ великошпной колесницѣ съ лакеями въ богатой ливреѣ, пренебрегать ихъ и считать за скотовъ? Ахъ! такіе пути не ведутъ въ царство небесное, но ведутъ прямо во тьму кромешную. Мы бывали много разъ у Святотроицкой лавры, въ лаврѣ святаго Сергія, истиннаго подвижника; мы видали тамъ изъ негнѣнныхъ его одеждъ самыя бѣдныя и изъ русской простой ткани; мы слышали и читали, что и пища его была хлѣбъ да вода, а не сладкія кушанья, не заморскія вина, не стерляжья уха, не иноземные фрукты и не кievскія варенья, не различныя жиле, не кашицы и кисели съ миндальнымъ молокомъ: но его пища была—простое сочиво.

Не прогнѣвайся, наша мать, на простую нашу рѣчь,—но усердную: она излилась у насъ изъ глубокихъ сердецъ съ слезами горькими. Мы вѣдь знаемъ, что ты имѣешь еще сердце доброе, но умъ очарованный. Тебѣ толкуютъ все въ превратномъ видѣ и ублаживаютъ отъ правильной народной молвы, что хотящіе благочестно жити, гонимы будутъ,—все это такъ, да

благочестія въ обѣихъ васъ не видно, кромѣ заблужденія. И такъ опомнись, наша мать, и образумься, и прибѣгни къ общей нашей Помощницѣ Божіей Матери; будь по-прежнему христіанкою и уклоняйся, какъ апостолъ Павелъ говоритъ, отъ учителей поныряющихъ въ дома и плѣняющихъ женщица ¹⁾, не умѣющихъ себя научить, но другихъ поучающихъ, слушай общаго ученія церкви, нашей матери, будь по-прежнему сирымъ и вдовымъ покровительницею, а разореннымъ и немощнымъ изъ своей собратіи помощницею, и не затворяй твоего сердца къ нищей братіи ²⁾, не бросай твоего добра, отцемъ заслуженнаго, предъ бродягами и тунеядцами. Таковыя жертвы, не мни, не дадутъ тебѣ ни угла въ рай, ни отцу твоему не сдѣлаютъ ни малѣйшей отрады. Не мечи бисера передъ свиніями, да не попрутъ его ногами.

Бывшіе рабы твои.

Сообщила А. А. Комовская.

II.

Къ біографіи Фотія.

Въ 1837 году наканунѣ праздника Воздвиженія Фотій, безъ разрѣшенія высшей духовной власти, устроилъ крестный ходъ изъ подвѣдомственнаго ему Клопскаго монастыря въ свою обитель, т. е. въ Юрьевъ монастырь.

Объ этомъ узналъ мѣстный викарій Теодосій, которому всякая оплошность Фотія была на руку. Онъ настойчиво домогался вытѣснить его въ Хутынский монастырь и сдѣлать Юрьевскій мѣстопребываніемъ викарныхъ архіереевъ. Теодосій всячески хулилъ Фотія предъ начальствомъ и вообще пускалъ въ ходъ доносы, лишь бы только выжить его изъ Юрьевской обители. «Многоразличныя козни» дѣлалъ Теодосій подъ строгимъ секретомъ; въ глаза же льстилъ Фотію, высказывалъ расположеніе и любовь. Все это Фотій прекрасно зналъ, но не подавалъ виду. Словомъ, при встрѣчахъ, оба монаха разсыпались

¹⁾ То-есть незамужнихъ дѣвицъ.

²⁾ Вотъ истинный христіанскій постъ, и за таковой постъ если ты призовеши Бога, Онъ услышитъ тебя; а впрочемъ какъ-бы ты ни воедерживалась отъ яствъ и питія и въ качествѣ и въ количествѣ, и хоть-бы до того себя пизурила, что и шея твоя согнулась какъ серпъ; то такового поста безъ перваго Бога не приметъ отъ тебя; и какъ ты ни воли къ Нему, Онъ не услышитъ тебя. Читай ты и обладатель твой Исаія пророка главу 58-ю.

въ любезностяхъ и даже называли себя друзьями, а тайно держали за пазухою камень.

Воспользовавшись незаконно совершеннымъ крестнымъ ходомъ Θεодосій писалъ митрополиту Серафиму, что юрьевскій архимандритъ «великое нечестіе и беззаконіе содѣялъ», благословилъ неустановленный крестный ходъ изъ Клопскаго въ Юрьевъ монастырь и тѣмъ привлекъ массы народа, выходявшаго изъ ближнихъ деревень къ пути слѣдованія.

Митрополитъ потребовалъ отъ Фотія объясненія. Архимандритъ сразу заподозрилъ Θεодосія и больше прежняго озлобился на него.

Вдругъ чрезъ двѣ-три недѣли пріѣхалъ Θεодосій въ Юрьевъ, по-развѣдать отъ Фотія что-нибудь о крестномъ ходѣ, чтобы еще подлить масла въ огонь. Фотій, увидя подѣхавшаго викарія, бѣжалъ изъ кельи и сталъ скрываться въ монастырскихъ садахъ, не желая встрѣчаться съ «тайнымъ врагомъ». Долго разыскивалъ по монастырю Θεодосій Фотія: ходилъ по кельямъ братіи, заглядывалъ въ сараи, амбары, былъ на постройкахъ и, наконецъ, увидѣлъ его крадущагося по дорожкѣ въ саду. Скрыться Фотію отъ зоркихъ глазъ преслѣдователя было повдно; его замѣтилъ викарій и радостно привѣтствовалъ: «Отче, Фотій, ты здѣсь!» Фотій встрѣтилъ его подобострастно, какъ подчиненный начальника и попросилъ благословенія.

— На что тебѣ мое благословеніе, — отозвался пріятельски викарій. Фотій молчалъ.

— Ты на меня сердить? — спросилъ викарій, при видѣ хмураго, насупившагося архимандрита.

— Развѣ что у тебя, владыко, на меня въ сердцѣ сдѣлано, а у меня причины нѣтъ ко гнѣву, — смиренно отвѣчалъ настоятель монастыря.

При дальнѣйшемъ разговорѣ, Θεодосій ловилъ Фотія насчетъ незаконнаго крестнаго хода, но тотъ былъ остороженъ и ловко уклонялся. Онъ все время жаловался на свою болѣзнь, казался непривѣтливымъ и даже не пригласилъ викарія къ себѣ въ келью. Тѣмъ не менѣе монахи разстались дружески: обнялись и поцѣловались.

Въ Петербургѣ за крестный ходъ рѣшено было сдѣлать Фотію выговоръ. Графиня Анна Чесменская, какъ одна изъ послушнѣйшихъ овецъ Фотія, защищала предъ Серафимомъ своего «отца святаго», но митрополитъ убѣждалъ ее, что только одинъ викарій Θεодосій, черезъ котораго послѣдуетъ выговоръ, будетъ о немъ знать. По ходатайству графини выговоръ замѣнили подпискою, которая была изложена въ бумагѣ, данной Θεодосію митрополитомъ Серафимомъ. Тамъ же заключалось и порученіе, которымъ викарій обязывался съѣздить къ Фотію и отобрать отъ него подписку, слово въ слово согласную съ заключающеюся въ бумагѣ.

О днѣ, въ который прїѣдетъ Θεодосій за подпиской, Фотій узналъ стороною. День этотъ былъ 9-ое ноября. Фотій выслалъ за двѣ версты верховаго, чтобы онъ далъ заранѣе знать о приближеніи викарія.

Въ полдень карета съ Θεодосіемъ, имѣя впереди верховаго-послушника, катилась по монастырскому шоссе, красиво усаженному ивами и то-полями. Едва лошади остановились у святыхъ вратъ обителя, какъ съ съ колокольни раздался звонъ во всѣ колокола.

Фотій ласково и приниженно встрѣтилъ Θεодосія, который былъ «въ изступленіи, весь темень и трепещущій».

— На что такая новость—звонъ?—спросилъ викарій.

Архимандритъ отвѣтилъ весело и вмѣстѣ съ гѣмъ лукаво.

— У насъ викарія бывали рѣдко, но мѣтко. Всегда ихъ срѣтали и провождали со звономъ среди дня.

— На что-же верховой былъ?

— Воля это моя: лучше же съ честью срѣтить, нежели безъ чести,—говорилъ съ улыбкою архимандритъ.

Θеодосій переѣхался «изъ чернаго въ свѣтлый образъ» и отпра-вился съ Фотіемъ въ келью. Часа два говорили они о постороннихъ дѣлахъ; наконецъ, викарій, состроивъ печальную фizioномію, началъ:

— Вотъ какое мнѣ странное порученіе дали. Не напрасно сердце мое болѣло и говорилъ я, что предъ какою-нибудь бѣдою. На, читай, что мнѣ прислано. При этомъ викарій подалъ Фотію официальную бумагу.

— Худо вижу, не могу читать, — говорилъ архимандритъ.

Тогда Θεодосій самъ сталъ читать, а Фотій время-отъ-времени перебивать его такими словами: «это такъ», «мое дѣло», «что за бѣда», «имѣю право».

Послѣ чтенія Фотій раздраженно сказалъ:

— Не будетъ по сему такъ, нигдѣ и никогда. Я уже привыкъ давать подписки и обязательства не первый разъ, не первое искушеніе, всего бывало со всѣми, а это ничего не значить.

Θеодосій продолжалъ оправдываться, говоря, что митрополитъ просилъ у него по этому дѣлу отзыва, и онъ далъ его, будто бы, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о Фотіи.

— Ты, владыко, свое дѣло сдѣлалъ; твоя была воля, но можно-бъ меня, какъ друга, спросить, и потомъ писать,—упрекалъ архимандритъ викарія.

— Я послѣ не смѣлъ прїѣхать, когда ты меня принялъ строго, а не дружески,—напомнилъ Θεодосій о послѣднемъ свиданіи.

— А котораго числа ты писалъ?

— 16-го октября.

— А ты владыко изволилъ быть у меня 27-го октября. Слѣдовательно

писано было до моего строгаго обращенія; къ этому времени даже дѣло уже было рѣшено.

Почувствовавъ себя попавшимъ въ просакъ, Феодосій перемѣнился въ лицѣ, сталъ замянуть разговоръ и просилъ приступить къ дачѣ подписки, но Фотій не переставалъ являть викарїя.

— Благодарю покорно, что ты весьма въ мою пользу донесъ и потому ничего не вышло важнаго.

Послѣ этихъ словъ Фотій, при помощи лупы, сталъ выписывать изъ бумаги подписку, которая заключалась въ слѣдующемъ:

«Во исполненіе предписанія его высокопреосвященства, милостивѣйшаго отца и архипастыря, даю сію подписку рукою моею, что противныхъ церковнымъ правиламъ дозволеній въ благочиніи состоящимъ монастырямъ и настоятелямъ съ братією не будетъ и самъ отступать не буду».

Написавъ слово «братією», Фотій прибавилъ отъ себя — «какъ не было противныхъ дозволеній церковнымъ правиламъ, такъ и не будетъ другимъ дано и самъ отступать не буду».

Когда Феодосій сталъ опротестовать вставленные слова, Фотій вскочилъ со стула и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Крестный ходъ не есть дозволеніе церковнымъ правиламъ противное. А у меня совсѣмъ не объ томъ подписка берется, моя воля есть писать подписку. А противныхъ церковнымъ правиламъ дозволеній я не токмо не дамъ и не сдѣлаю и отъ митрополита и Синода не приму ни подъ какимъ видомъ. Никого и ничего не убоюсь я.

Феодосій слушалъ взволнованнаго архимандрита внимательно, участливо и въ концѣ монолога даже прослезился. Искринки-ли были слезы викарїя—судить трудно, но тѣмъ не менѣе Фотій, какъ самъ писалъ графинѣ Орловой, считъ ихъ за признакъ покаянія.

Положивъ въ карманъ бумагу и подписку, викарїй сталъ прощаться. Монахи обнялись и крѣпко поцѣловались. Также торжественно, съ такимъ же трезвономъ, провожаемый до самой кареты Фотиємъ, выѣхалъ изъ Юрьева монастыря въ Новгородъ викарїй Феодосій.

Вотъ по поводу этой подписки, крестнаго хода и нѣкоторыхъ другихъ поступковъ Фотія, написано помѣщаемое ниже письмо Фотія графинѣ А. Орловой-Чесменской подъ заглавіемъ:

О многоразличныхъ козняхъ вражійхъ, и многихъ скорбяхъ на пути царствія Божія, и о непостоянствѣ архіерея и безуміи.

Радуйся, чадо мое. Господь съ тобою.

1.

Пишешь ты мнѣ отъ 21-го ноября тако:

«Посылаю нарочно узнать, отче мой святей, о твоёмъ дражайшемъ здравіи. Вообрази удивленіе твоего вѣрнаго чада. Какъ я писала къ тебѣ, что въ субботу собиралася быть у митрополита Серафима, то я исполнила; но только вижу послѣ всеобщаго бдѣнія, что со мною митрополитъ совершенно холоденъ и даже грубо обходится. У него были еще какіе-то другіе поспѣтели. Когда они встали принять его благословеніе, ѣхать домой, то и твое вѣрное чадо встала за ними и, прощаясь съ владыкою, говорю ему: „какъ мнѣ прискорбно васъ видѣть невеселымъ и немощнымъ“. Онъ мнѣ паки на сіе отвѣчаетъ, что много у него есть заботъ и неприятностей, и когда я стала просить у него тебѣ, моему отцу святому, благословеніе, то онъ промолчалъ. Я же ему сказала: „неужели вы все еще гнѣваетесь на моего отца?“ Онъ, митрополитъ, какъ закричить:—„я на него очень сердитъ за подписку, онъ мнѣ совсѣмъ не такую даль, какую надобно“. На сіе ему отвѣчало твое вѣрное чадо, что „теперь не желаю васъ больше беспокоить“, и уѣхала. Признаюсь, очень расстроена и сердита на Суслова, который меня недѣлю тому назадъ узѣрнулъ, что митрополитъ, получивши твою подписку, остался спокоенъ, такъ какъ я и тебѣ сообщила, родитель мой святей. — А вышло все напротивъ — такъ сердитаго я еще не видала старца, каковъ онъ былъ нынѣ. Нынѣ же утромъ отправилася я паки къ митрополиту узнать навѣрное все какъ есть, пріѣхала я къ нему въ полдень, и онъ меня продержалъ у себя ровно три часа. Слава Богу, что вся желчь его вылилася на твоего многобѣднаго чада. Онъ долженъ быть алопамятенъ: всѣ малѣйшія приключенія и случившіяся въ 17 лѣтъ его пребыванія здѣ (здѣсь?) мнѣ попрекалъ. Я отъ тебя хотѣла скрыть, что онъ меня очень прежде гонялъ за то, что я причащалася въ жертвенникѣ изъ смиренія, говоря, что какія-то генеральша будто по всему городу сіи вѣсти разноситъ и до него она дошли ¹⁾. Я ему и дала слово, что ежели сіе его беспокоитъ, то впредь оваго никогда не будетъ. Онъ симъ не удовольствовался, нынѣ открылъ мнѣ самъ, что ежели я не ошибаюсь, послалъ къ тебѣ бумагу 19 ноября, чтобы никто у тебя не пріобщался ²⁾. Ты можешь вообразить, какъ сія нечаянность разразилася

¹⁾ Графиня Орлова пріѣзжала въ Юрьевъ монастырь нѣсколько разъ въ году, а къ празднику Рождества Христова обязательно. Въ послѣднемъ случаѣ она оставалась до половины января. Затѣмъ жила въ теченіе всего Великаго поста и св. Пасхи, пріѣзжала къ Троицнну дню и на мѣстный праздникъ Воздвиженія креста. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Фотій имѣлъ обыкновеніе причащать графиню у жертвенника въ алтарь.

²⁾ Здѣсь графиня Орлова говоритъ о слѣдующемъ ордерѣ митрополита архимандриту Фотію:

«Симъ предписывается вамъ, чтобы вы, во набѣжаніе соблазна, сами не принимали къ себѣ на исповѣдъ и Св. Хр. Таинъ не пріобщали никого изъ

надъ главою твоего бѣднаго чада, какъ громовая туча. Горько я у него плакала. Онъ послѣ немного смягчился и говорить, что сіе никто не будетъ знать кромѣ его и тебя; но мнѣ отъ сего все-таки нелегче, и немного погодя еще сказала: — „ежели онъ будетъ исполнять все по своему уставу, то оно можно какъ разрѣшить“. Еще рассказывалъ, что Клопскій и Перекомскій монастыри велѣлъ ректору отдать во благочиніе. Я ему на сіе отвѣчала: „вы вѣрно моему отцу снѣмъ сдѣлали большое удовольствіе“. — „Нѣтъ, сударыня, я и не думалъ ему снѣмъ угодить, а дѣлаю ему въ наказаніе“.

Кратко тебѣ скажу, отче, что налилъ онъ въ душу и сердце твоего многобѣднаго чада всю горечь. Слава Богу, будетъ за все и за все! Крайне дурно поступилъ секретарь со мною, не давши мнѣ ничего знать объ ономъ, Богъ съ нимъ. Что же мнѣ дѣлать, отче мой родной и святой! Совершенно мое сердце отпало отъ него: онъ долженъ быть лукавый и прелукавый человѣкъ. Господа ради, береги только свое дражайшее здравіе, отче мой, умоляю тебя со слезами горячими. Ничего мнѣ тогда не будетъ больно, когда только узнаю, что ты здоровъ и миренъ; прошу и молю объ ономъ нашего Многоименнаго Бога. Можетъ быть, ты не знаешь сію новость, что твое вѣрное чадо, по мнѣнію митрополита, находится въ прелести оттого, что тебя люблю всею душою и всѣмъ сердцемъ. Ахъ, Боже мой! какъ онъ несносенъ, то и вообразить нельзя. Признаюсь, они всѣ одинъ какъ другой! Кіевскаго митрополита давно уже не видала, и онъ что-то мнѣ противенъ сталъ. Какъся тебѣ, святѣйшій мой родитель. Твоими святыми молитвами твое вѣрное чадо, благодареніе Богу, довольно мирна. Уповаю на милосердіе Божіе, что все скоро будетъ какъ по-старому. Такъ-ли, сладчайшій мой отче? Повергаюсь къ твоимъ пречистымъ ногамъ, лобызая ихъ со всею любовію, равно и святыя твои руки. Прошу святыхъ твоихъ молитвъ и твоего благословенія, перекрести съ головы до ногъ. Будь веселъ и радостенъ; всѣ снѣмъ глупости прости митрополиту, а по человѣчеству они очень чувствительны. Увѣрена, что Господь не посрамитъ нашу съ тобою надежду на Пресвятую Богородицу. Хорошо янѣмъ твоему чаду праздникъ, нечего дѣлать, надо терпѣть. Благослови и напиши, какъ ты себя чувствуешь. Дщерь твоя о Господѣ.

2.

Отъ 22-го же ноября ты пишешь такъ:

«Вчера вечеромъ послала я нарочнаго къ тебѣ, отче мой святой, узнать о твоёмъ здравіи, дражайшемъ для меня, и жду его обратно съ нетерпѣніемъ. Дай Господи, дабы ты былъ только здоровъ, а снѣмъ нечаянности сильны разстроить всякое даже крѣпкое здравіе! О, враже, враже, что ты не выдумашь! Смущать и нарушать даже покой отшельниковъ, какъ ты, святѣйшій мой родитель. Станемъ терпѣть, родитель мой святой, Бога ради все. Только я думаю, что твое многобѣдное чадо не такъ-то скоро пойдеть теперь ко владыкѣ Серафиму, развѣ будетъ отъ тебя особенное ва то приказаніе, ко-

женскаго пола, какого-бъ это изъ нихъ состоянія ни былъ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей, впредь до особаго нашего о семъ рассмотрѣнія, съ тѣмъ что ежели вы нарушите сіе предписаніе наше, то подвергаете себя строгому по законамъ сужденію.

торое, будь увѣренъ, исполню съ удовольствіемъ. А, Богъ дастъ, передъ моимъ отъѣздомъ въ нашъ рай Божій непременно митрополиту скажу о колоколѣ и постараюсь сіе сдѣлать съ Божіей помощію умненько. Прости Бога ради, ежели я вчера что-нибудь несвязное написала къ тебѣ, сильно была скорбна. Нынѣ, благодареніе Богу, чувствую себя получше, но только все плакать хочется. Что думаю—исполню, и сіе облегчить твоего вѣрнаго превѣрнаго чада. Ты только береги здравіе, какъ возможно. Признаюсь тебѣ откровенно, я очень рада, что не давала еще читать твое посланіе брату, которое ты ему велѣлъ прочесть о митрополитѣ Серафимѣ. Вотъ какъ на свѣтѣ все идетъ: ты за него и за секретаря его горою стоишь, а они оба Богъ вѣсть какія пакости и нечѣпости выдумываютъ; ты себѣ повѣрить не можешь, какъ она для меня всѣ досадны и, просто сказать, гадки. Гдѣ правду теперь искать? только у Господа нашего многомилостиваго, а у людей ея нѣтъ болѣе. Жаль и вообразить, что и у духовныхъ лицъ, то есть у архіереевъ, она исцѣла. Богъ съ ними со всѣми, только, дай Господи, такъ какъ ты пишешь, сладчайшій мой родитель, намъ съ тобой платить за зло добромъ и быть отъ нихъ всѣхъ подалѣе. Прости имъ, Господи,—не вѣдать вонстинну, что творять. Дай, Господи, твоему вѣрному чаду позабыть скорѣе все то, что слышала вчера отъ разсерженнаго старца. Бога ради, не огорчайся ничѣмъ, право не стоитъ труда, святѣйшій мой родитель. Да утѣшитъ тебя Самъ Господь своею благодатію изобильно. Благослови и перекрести дочь твою вѣрную и превѣрную, на вѣки о Господѣ преданную.

3.

Отъ 23-го ноября пишешь ты дочь моя тако:

• Да утѣшитъ тебя Самъ Господь Богъ, отче мой святой, истинный и единственный мой Ангелъ Хранитель и утѣшитель за утѣшеніе ваше, которое ты вселилъ въ сердце твоего превѣрнаго чада. Вчера вечеромъ имѣла счастье получить отъ тебя, моего сладчайшаго родителя пакетъ съ Алексѣемъ и еще святую просфору и благословенный хлѣбъ, а нынѣ образъ Спасителя нашего и Введенія во храмъ Пресвѣтлыя Нашея Владычицы Богородицы и пресладкое святое твое посланіе съ Матѣемъ. Кляняюся тебѣ земно за всѣ твои великія милости къ твоему немощному чаду, которое радуется и тѣмъ, что, благодареніе Богу и твоимъ святымъ молитвамъ, она съ митрополитомъ (ожесточеннымъ напрасно) по желанію твоему исполнила и не ввела тебя въ стыдъ. Что дѣлать, святѣйшій мой родитель, надобно терпѣть и стараться разорить козни вражьи. Твое же посланіе нынѣ утромъ отпривила къ Суслову, которое ему было вручено въ собственныя руки, равно и другой пакетъ. Охъ, какъ я рада, что ты здоровъ, родитель мой святѣйшій, только мнѣ и нужно знать. Богъ съ ними со всѣми, лишь бы ты былъ только миренъ и радостенъ у меня. О! врагъ, что ты ни творишь съ людьми! Читая твое утѣшительное посланіе, я, твое чадо, разливалась въ слезахъ, но только не горестными, а радостными по твоей милости, святѣйшій мой отче. Знаешь-ли ты, отчего такъ было устроено, дабы въ самый день Введенія Пресвѣтлыя Богородицы намъ нанести сей ударъ? Оттого, что ты будто меня ввелъ въ алтарь святой, въ который у тебя одинаго нѣтъ мирскимъ людямъ входа, какъ мнѣ самъ говорилъ митрополитъ, во Святаа Святыхъ, подобно Божіей Матери, и произвелъ въ такой духовный санъ. Какъ тебѣ кажется сія выдумка?

Ты и вообразить не можешь, какія выдумки выдумалъ врагъ устами митрополита. Прости, Господи, ему вся прегрѣшенія, а на него не сѣтую, а только то мнѣ досадно, что онъ тебя совсѣмъ не знаетъ и судить Богъ вѣсть какъ. Сіе чувствительно и больно сердцу моему. Признаюся откровенно, не ожидала я сего теперь отъ митрополита. Богъ дастъ, при свиданіи обо всемъ переговоримъ, отче святій. Истинно какъ твое предсказаніе сбылося, что искушеніе за искушеніемъ послѣдуетъ. Да вообрази, какъ я у Серафима митрополита въ воскресеніе сидѣла и слушала его прекрасныя сія рѣчи, пріѣхалъ Г. Протасовъ и сидѣлъ у него. — Я же хотѣла встать и ѣхать, но онъ меня не пустилъ, говоря, что нѣтъ еще со мною переговорить. И такъ тотъ долженъ былъ уѣхать, а я осталася у него до половины четвертаго часа съ полудня. Слава Богу да будетъ за все, радуюся и веселюся, что все вышло на твоего вѣрнаго чада, а не на тебя, моего сладчайшаго родителя, котораго люблю болѣе чѣмъ когда либо. Прошу святыхъ твоихъ молитвъ и благословеній, твоя духовная дщерь А. Г. О. Ч.э.

Отвѣтъ на писанное.

Прочитай всѣ три твои посланія, въ конхъ ты описываешь напасть свою и горе, а не удивляюся. Двѣ вещи я вывожу изъ сего: или митрополитъ, доживъ почти до 75 лѣтъ, самъ не читалъ житій святыхъ кромѣ сказокъ и искусно не жилъ, и искушенія не видалъ за добродѣтели, потому что онъ добрыхъ не творилъ николи, или, правя Слово истинны, не позналъ истинны и самъ правдою и судомъ, а паче Божіею милостію не жилъ въ санѣ архіерейскомъ. Не стоитъ много писать его рѣчи, слова, бабін басни, какъ сама пишешь, что онъ говорилъ, генеральша какая-то по всему городу гласитъ о насъ вѣсти бѣсовскія; отчего же онъ безъ основанія повѣрилъ лаянію ада земнаго на святыхъ и прісныхъ своихъ и привелъ все во исполненіе, какъ судія самый неправедный, Бога не бояйся и людей не стыдится. Онъ съ невѣдомою бабою тебѣ наравнѣ не далъ вѣры ко оправданію, ни мнѣ—служителю Господа. Ежели-бъ другое лицо онъ такъ дерзко безъ суда повосмилъ какъ тебя, то бы могъ самъ подъ судъ быть отданъ, и сказали бы судіи праведно мірскіе, что отъ старости онъ изъ ума выжилъ. Онъ ли, митрополитъ Серафимъ, меня не позналъ доселѣ? Онъ ли не дозналъ доселѣ, что можно тебѣ вѣру нѣтъ болѣе всѣхъ другихъ? и вотъ сія прописанная тобою бѣсовская тайна беззаконія, скрытаяся на его сердцѣ, заставила въ недовѣдомомъ дѣлѣ ирслзати викарія ко мнѣ и отобрать подписку, что я-де впрдѣ дозволеній, противныхъ правиламъ церковнымъ, не буду давать въ благочиніи состоящимъ у меня настоятелямъ съ братією, и самъ отступать отъ нихъ не буду. Не я въ минуту подписки даемой, а Самъ Святій духъ научилъ меня написать противу замысла тайны сердечныя въ митрополитъ. Онъ бы могъ послѣ меня погубить съ подпискою. А викарій Феодосій всеслепъ и донесъ и убѣждалъ меня дать подписку, дабы вывернуться здѣ, что тайно онъ будто отъ меня слышалъ и написалъ справедливо митрополиту. Вотъ какая барыня разгласила: Феодосій внушилъ кое-кому разгласить и написать какъ другой свидѣтель. Это я дозналъ все достоверно. Онъ, Феодосій, съ моихъ словъ вѣкиихъ, ему говоренныхъ, какъ безумный безумно переначилъ и, азъ познавъ, донесъ тайно. А Серафимъ любитъ таковыхъ викарныхъ, лишь бы на насъ писали что-нибудь, какъ люди дѣловыя. Но некому было меня остеречь: три

члена, о семъ слышавше и судивше, и не видѣвше истинны, за пустое сочли и дали Серафиму на волю и намъ не открыли смѣха достойныя скаски о насъ. Митрополитъ, просто сказать, отъ врага побуждаемъ, хотѣлъ меня уловить, а Богъ, меня остерегая и ловца моего сильнаго отъ міра премудростію лова и въ коварствѣ коварнаго зацѣпая, остерегъ, и я подписку далъ самому митрополиту на стыдъ: какъ и е-было противныхъ дозволеній церковнымъ правиламъ, такъ и не будетъ другимъ дано и самъ отступать не буду. А ежели бы далъ подписку, то значить оправдалъ бы доносъ Федота и судъ Серафима неправедный. Вотъ они оба и остались сами посмѣяны отъ Бога и взорвало стараго: есть-ли-бы отъ Бога было все дѣло дѣлано и для Бога, то-бъ не такъ надобно съ нами поступать было. Что же? Отъ причастія и, просто сказать, отъ церкви насъ хотѣлъ разлучить пастыря, меня, слугу Божіаго, и тебя, рабу Господню, и все зло отъ бѣса выдуманное въ посмѣваніе не намъ, а Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, въ праздникъ Введенія Ея во храмъ, устроено сдѣлать. Это чадо мое знаешь ли что сдѣлано? кощунство надъ святynieю, имено надъ Богородицею; ибо какъ Христосъ страдаетъ и бываетъ въ Своихъ меньшихъ, такъ и Пресвятая въ своихъ вѣрныхъ рабахъ и душахъ. Одинъ діаволъ могъ такъ устроить посмѣваніе свое. Въ день праздника сего и суды не судятъ въ христіанахъ и дѣла всѣ оставляются; а намъ судъ въ одни почти часы сдѣланъ и поворъ. Зри теперь, какъ дѣло надобно разумѣть. Все я терпѣлъ доселѣ и вичѣмъ не оскорбляюся; во могу ли стерпѣть кощунство надъ Пресвятою Дѣвою Богородицею? Нѣтъ, я въ 1824 гѣто за дѣвство Богородицы стоялъ противу хулителей Ея, а имѣю стою и стану крѣпко на камени вѣры за Пресвятую противу кощунства. Помни, душе моя, что сотворилъ первый изъ архіереевъ, панагію носилъ, на панагію Марію и рабовъ Ея въ день входа Ея во Святая Святыхъ. Теперь судъ будетъ Божій скоро съ Судьями. Божія Матерь за себя постоитъ. Какъ то ты, архіерей, дашь отвѣтъ сѣдлающему на престолѣ славы Своея, и предъ самымъ милосердіемъ Божиимъ, кое есть Богородица, оправдишься. Судъ безъ милости не сотворшему. Я всегда слышалъ одни насмѣшки отъ Серафима надъ Богородицею: и вотъ онъ самъ дѣломъ посмѣялся въ праздникъ Введенія намъ. Суди, Господи, за козни сіи вражін обидящимъ ма и побори боранція насъ. Отнынѣ на вѣки душа отпадетъ за кощунство отъ людей согрѣшившихъ. Не будетъ нога моя во вѣкъ по гласу пастыря-наемника во адъ. Пусть царствуетъ и владычествуетъ тамъ рука, нюхающая въ честь плоду, въ началѣ почитаемому за бога здравія и добра, табакъ. А я буду всемирно до крайняго истощенія въ раи моемъ сидѣть и молиться Богу глаголя: Господи! прости мнѣ, не вѣдать бо что творять. Во тмѣ и сѣни смертнѣй сѣдять: ходять во тмѣ. Истинно и вѣрно слово Господне: ходяя во тмѣ (?) не поткнется, яко видить свѣтъ; а сѣбецъ сѣвица аще водить, оба въ яму падуть. Такъ то Федось ведетъ стараго у насъ. Согрѣшу, ежели иначе помыслию и объ нихъ тебѣ напишу. Что слово, то божба у Федота: ¹⁾ онъ принимаетъ все имя Господа Бога, не соблюдаетъ заповѣди, не видить, что грѣшнѣтъ, претякается и мнитъ и гласитъ слѣпому, что видить совершенно свѣтъ Божій. Ахъ! ежели-бъ видѣли свѣтъ Христовъ, то-бъ поруганіе въ праздникъ и за дѣло не сдѣлали злодѣямъ. Мнѣ за вѣру и преданность дава панагія драгоцѣнная и крестъ и благодать. А меня безчестятъ какъ еретика, но безъ суда. Слава Богу, что все напрасно терпимъ Христа ради и пречистыя Его Матери, и

¹⁾ Въ своемъ письмѣ Фотій называетъ викарія то Федось, то Федотъ.

святыхъ угодниковъ. Потеримъ, потеримъ, ангель земной мой, и с... намъ послѣ.

Сіе намъ попущено пострадать подобно и святымъ страсотерицамъ, прежде насъ бывшимъ и пострадавшимъ. Образъ одинъ человѣческій былъ, а уста были дьявольскіе. Посмѣяніе изблевавшія не въ нѣтъ день, а именно въ день праздника Пресвятыя. Теперь скажу еще и то: что же за дѣло худое было-бы, ежели-бы Богъ и тебѣ дакъ благодать быть во Святая Святыхъ? Святой оltарь есть мѣсто, кое можетъ нарещиса всячески, и еще болѣе нежели древле Святая Святыхъ, а игуменіи, монахини и бѣлицы монастырскія безъ возбранно ходитъ и дѣла дѣлають во св. оltарѣ. Да вездѣ нигдѣ по Россіи и мірскіе люди всякіе противу правилъ изволятъ ходитъ по святому оltарю. Сіе дѣлается у Серафима митрополита всегда въ С.-Петербургѣ въ лаврѣ и въ его крестовой церкви, а кромѣ царя единого никому не слѣдуетъ во св. оltарь входить. У Фотія въ Юрьевѣ исполняется свято. Никто мірской не входить во св. оltарь. Жертвенники въ соборахъ отдѣлены отъ оltаря, куда и всякому мірскому входить можно. Что же за бѣда есть-ли-бъ и твоя нога коснулась не токмо жертвенника, но и святого оltаря? Жизнь твоя вся и по лѣтамъ и дѣламъ, и по вѣрѣ за тебя постоятъ не менѣе монашества, монастырскія и бѣлицъ права? И такъ ты и въ самомъ дѣлѣ не согрѣшила бы, когда бы тоже всѣмъ обыкновенное сдѣлала. Но ты въ жертвенникѣ отдѣльною приобщалася ради смиренія.

Федотъ или кто другой, по-просту, Богомъ данный человѣкъ, посланный донесъ, все едино: но почто архіереи совѣтъ другими глазами на св. случаи и дѣла смотреть и ушами все слышать и въ сердцѣ судъ не по правиламъ церкви творять. Почто возбраняеть не токмо въ жертвенникѣ приобщитъ алчущую душу хлѣба животнаго, Христа Бога нашего, но и вовсе въ церкви? Онъ о тебѣ судъ сдѣлалъ предъ собою, а я тебѣ предъ мною судъ дѣлаю. Христосъ съ Богородицею и святыми невидимо предстоятъ и зрятъ праведный мой судъ, и судъ мой есть Божій. Въ уставѣ церковномъ сказано: аще архіерей или іерей, или чтець, или пѣвецъ не постился во св. и вел. постѣ, да извержется изъ сана. Аще же монахъ лакомства ради будетъ ѣсть рыбу во св. и великій постѣ, кромѣ дна Благовѣщенія и недѣли яицъ, ниже въ самую Пасху приобщится. Митрополитъ и его чины и монашествующіе ѣдятъ весь постѣ великій рыбу и елей и вино и все употребляютъ безъ разбору постное запрещенное: а они монахи. Священники и мірскіе люди отъ царя до раба не токмо не должны асти мяса и прочаго во св. вел. постѣ, но и рыбы. И такъ митрополитъ, а особенно монашествующій человѣкъ не долженъ въ самую Пасху служить и приобщаться, такъ какъ отвергалъ постѣ, заповѣдь церковную не соблюдя. Вотъ не я, а прямо заповѣдь Господня запрещаетъ имъ служить и приобщаться, пока исправятся, а они не исправляются и служатъ и приобщаются — почто же въ насъ судъ не тако дѣлають? Намъ правила и совѣсть наша не воспрещаетъ служить и приобщаться, хотя мы и недостойны съ тобою всегда. И такъ мы будемъ дѣло и слово Божіе исполнять свято предъ Богомъ: не лишимъ себя Христа, а приемлемъ радостно въ сердца наши Свята я Святыхъ, а не токмо видимъ на полѣ оltарный. Теперь тайна беззаконія вышла наружу. И плюнь и дунь на судъ неправедный, радуйся, что за Пресвятую ты безчестіе пріяла еси въ житіи, яко же и сама Матерь Божія, святѣйшая всѣхъ святыхъ. Вотъ тебѣ, Фотіе, плата за то, что не будь святъ, не живи свято, не давай святая другимъ, не дѣлай святымъ: міръ бо любитъ свое. Видно ты не отъ міра сего и дѣла наши не таковы,

что ненавидитъ насъ міръ. Я радуюся и смѣюсь, когда мнѣ посмѣвается міръ за вѣру, благочестіе, и святію. Я не смотрю ни на что, дѣлаю дѣло свое свято передъ Богомъ и не боюсь суда человѣческаго. Судія есть мнѣ Господь и моя совѣсть.

Теперь зри, какъ все я тебѣ развязалъ и святую душу твою въ міръ привожу. Се иго Христовой вѣры и брема! Неси все ради любви Сладчайшаго жениха Иисуса Христа и будешь введена во Святая Святыхъ у Бога. Смѣяться тутъ нечего: 'праздникъ празднуется не токмо для воспоминанія, что было во святыхъ, но что и намъ тожде духовно подобаетъ дѣлать и отъ Бога маду восхитать. Скажи пожалуйста, гдѣ же мы будемъ на небесахъ, когда во Святая Святыхъ не будемъ введены? — во адѣ. Итакъ разуму духовному о тебѣ смѣяться не слѣдовало архіерею старику, что-де будто я ввелъ тебя во свяотарь, какъ Богородицу Дѣву Захарія архіерей, и поставилъ въ какой-то духовный (чинъ?). Кто сіе видѣлъ, кто слышалъ, кто суть свидѣтели, въ какомъ чинѣ мы у Бога: можетъ быть Богъ судить тамъ быть архіереемъ надъ Серафимомъ и судією, какъ онъ надо мною здѣсь. А ему судить Богъ съ Ѳеодотомъ быть, можетъ и еще менѣе, нежели въ санѣ моемъ архимандрическомъ. Тамъ все явлено будетъ по дѣламъ, а не по бабінмъ разговорамъ и словамъ Серафима. Сей свѣтъ на волю данъ. Будетъ судъ и міру всему, и судіямъ земли, и мада комуждо по дѣламъ. Духовно разумѣя, да не отказывается и чести святыхъ, за кою уста Серафима понесли насъ, какъ Каіафа и Анна Христа въ насмѣшку говорили, называя царемъ: а онъ и точно былъ Царь Славы и Господь, смирившійся насъ ради и волю пострадавшій. Боятся врагъ, что благодать насъ Христова явно осѣняетъ, возвышаетъ, что мы и во святыхъ являемся совѣтъ не таковы другимъ, каковы сами въ себѣ мыслимъ. Мы, грѣшныя и недостойныя всегда, и намъ предають тѣла святыхъ, и зато поносятъ, да не будемъ явно святы, но да таимся отъ міра и смиряемся. Святыхъ быть намъ правила церковныя не запрещаютъ, а еще и представляютъ по вся дни множество святыхъ, да кому хотимъ посгѣдуемъ, лишь бы освятиться и просвѣтиться намъ въ житіи здѣсь. Кому ни за что, а намъ скорби за все. Слава Богу! Все прощая поругателямъ, а кощунство меня отвратило отъ смѣющихся въ дѣлѣ святыхъ. О! какъ злѣ придумано безчестіе намъ во св. праздникъ! Не знаю мудрецъ тако устроилъ. Кѣмъ бы ни было сіе выдуманно, сдѣлано отъ людей, но діаволъ, искуситель всему виною. Начало же скорби сдѣлалъ слѣпецъ Ѳеодотъ, и распространялъ разсужденіе о томъ старшій человѣкъ изъ ума выжившій. Богъ съ ними: прости имъ, Господи, вся ихъ согрѣшенія. А дабы съ ними не погибнуть самую вещь, удалился какъ можно далѣе отъ всѣхъ духовныхъ и мірскихъ.

Св. Арсеній великій, будучи въ царской палатѣ, помолился Богу глаголя: „Господи, настави мя како спасуся?“ и пришелъ гласъ: „Арсеніе! бѣгай людей и спасешся“, и бѣжалъ въ монастырь. И въ монастырѣ помолился глаголя: „Господи, научи мя како спасуся?“ и пришелъ гласъ: „Арсеніе, бѣгай молчи, безмолвствуй: сіи суть корни безгрѣшія“. И тако жилъ святій. И слышавъ житіе его архіепископъ прислалъ напередъ узвать, отворить ли ему дверь? и отвѣтъ далъ архіерею Арсеній: „когда придешь, отворю дверь, но когда тебѣ отворю и всѣмъ отворю и богѣ здѣсь уже не буду“. — Помысль говорить мнѣ, что время уже и мнѣ тако начало положить, да свободенъ буду отъ слышанія, видѣнія и глаголанія. Въ уставѣ нашемъ написано: сиди въ кельи, и келья всему тебя научитъ. Вотъ съ Богомъ мое начало. По мѣрѣ же силъ и ты положи такое начало. Полно

*

бяснн старца слушать, и другихъ въ архіереяхъ святыхъ искать надъ своимъ святымъ отцемъ, когда ты его за такового считаешь. Видно отъ міра за худшаго считаемаго своего, лучшаго въ немъ не обрящешь наставника, учителя и отца, какого Богъ тебѣ далъ, тѣмъ буди довольна и спасена будешь. Онъ ангелъ твой хранитель видимо и утѣшитель. Я благословіе даю на все доброе. Обратимъ все во благо, и побѣдимъ благамъ злое.

Итакъ, пришедъ вать благословіе у митрополита же, скажп тако: „Начало съ Богомъ благое хотимъ, владыко святыи, положить отънынѣ противнаго церковнымъ правиламъ не дѣлать во всей силѣ, сколько можно будетъ бѣгать людей, молчать, безмолвствовать и въ своемъ мѣстѣ сидѣть, дабы душу спасти: благослови и не прогнѣвайся, когда будетъ совершенно по правиламъ что дѣлано: — прости насъ, въ чемъ согрѣшили“, и поклонися до земли! И сіе будетъ уже прощаніе наше на вѣки съ нимъ. Но ты не открывай и не толкуй, а скажи просто, уже отходя вонъ отъ него и все нужное сдѣлавъ. Будемъ стараться міръ не соблазнять: но святые и святое все было одно міру соблазнъ и судъ.

Теперь все рѣшено. Конецъ и Богу слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Радуйтесь и веселитесь, Фотіе и Анно, яко меда ваша многа на небѣсѣхъ. Радуйся Анно, Господь съ тобою! радуйся, Фотіе, поруганныи за Христа. Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его! и намъ дарова животь вѣчный: поклоняемся Его тридневному воскресенію † † †.

Отецъ, наставникъ и учитель — грѣшныи Фотій.

Сообщилъ А. Слезкинскій.

1837 года ноября 25.
Юрьевъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I-й

ВЪ СВОИХЪ ПИСЬМАХЪ И РАСПОРЯЖЕНІЯХЪ.

1.

Рескрипты и указы 1797 года.

Рескриптъ генералъ-лейтенанту Архарову.

26-го января 1797 г

Господинъ генералъ-лейтенантъ Архаровъ ¹⁾. Полку вашего капитанъ Хлоповъ отставленъ 28 ноября, по указъ объ ономъ изъ военной коллегіи къ вамъ посланъ, о полученіи коего отъ 22 декабря вы рапортовали; но оный Хлоповъ показывается отпущеннымъ впредь до отставки. Почему я заключаю, что вы рапортовъ вашихъ сами не читаете.

2.

Рескриптъ Ѳ. Ѳ. Буксевдену.

9-го марта 1797 г.

Далъ я позволеніе по пребыванію здѣсь (въ Павловскѣ) генералъ-лейтенанта Вадковскаго ²⁾ женѣ его здѣсь жить съ дѣтьми; по сему

¹⁾ Архаровъ Николай Петровичъ былъ въ то время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и въ то же время тверскимъ и новгородскимъ наместникомъ.

²⁾ Вадковскій Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ командиромъ вновь сформированнаго тогда Павловскаго полка.

542 ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I ВЪ СВОИХЪ ПИСЬМАХЪ И РАСПОРЯЖЕНІЯХЪ.

случаю извольте Федоръ Федоровичъ къ ней съѣздить и предупредить ее, что если будетъ отъ нее малѣйшая сплетня, не устройство, или будетъ принимать чужестранныхъ, или претензія быть допущенною во дворецъ въ мое общество, то ту же минуту вышлю не только отсюда (изъ Павловска), но и изъ столицы. Вамъ благосклонный Павелъ.

Приписано собственноручно: «Мужу я позволилъ на нѣсколько часовъ иногда ѣздить по дѣламъ въ С.-Петербургъ, но наблюдайте, чтобъ отнюдь не ночевалъ.

3.

Рескриптъ генералъ-лейтенанту Зоричу.

20-го мая 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Зоричъ ¹⁾. Получа рапортъ о полку вашемъ отъ 15 мая, отсылаю къ вамъ обратно, удивляясь, что вы до сихъ поръ не по формѣ ихъ пишете. Совѣтую вамъ заниматься болѣе службою и обрядомъ въ ней установленнымъ.

4.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и нашей военной коллегіи президенту графу Салтыкову.

21-го августа 1797 г. Гатчино.

Изъ жалованья генералъ-маіора Тормасова ²⁾ повелѣваемъ вычитать ежегодно по сту рублей и отдавать оныя въ пенсіонъ иностранцу Готфриду Никанду, въ удовлетвореніе за бой и увѣчы, причиненное ему помянутымъ генералъ-маіоромъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный.

¹⁾ Зоричъ Семень Гавриловичъ—основатель шлювскаго кадетскаго корпуса и шефъ Изюмскаго гусарскаго полка.

²⁾ Тормасовъ Александръ Петровичъ, впоследствии графъ, былъ въ то время шефомъ Орденскаго кирасирскаго полка.

5.

Отношеніе графа Ѳ. В. Ростопчина генералъ-лейтенанту Зоричу.

18-го сентября 1797 г.

Государь императоръ соизволилъ указать написать вашему превосходительству, что, послѣ случившагося въ правленіе ваше полкомъ, не дурно будетъ жить вамъ въ Шкловѣ.

Сообщилъ баронъ Н. В. Дризенъ.

Три рескрипта императора Павла дѣйствительному тайному советнику Нагелю 1800 года ¹⁾.

6.

19-го мая 1800 г. Павловскъ.

Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Нагель. Къ крайнему моему удивленію, дошло до свѣдѣнія моего, что въ дерптскихъ газетахъ, подъ № 36, напечатано, что около Дерпта въ рандевѣ существуетъ Лезе-библіотека или Лезе-Гезелшафтъ, о каковыхъ подобныхъ заведеніяхъ въ Лифляндской губерніи Рижская Цензура доселѣ ни отъ кого никакихъ свѣдѣній не имѣетъ, изъ которой (библіотеки) въ окрестныя мѣста чрезъ почту рассылаются къ чтенію книги, не токмо сомнительныя, но даже уже запрещенныя. Почему повелѣваю вамъ, тотчасъ по полученіи сего, предписать, буде окажутся гдѣ какія книги изъ упомянутаго Лезе-Гезелшафтъ выпущенныя, оныя забрать и истребить. Пребываемъ вамъ благосклонный.

Крайне дивлюсь вашей оплошности.

7.

13-го іюня 1800 г. С.-Петербургъ.

Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Лифляндскій и Эстляндскій гражданскій губернаторъ Нагель. Вслѣдствіе рапорта ва-

¹⁾ Изъ архива бывшей канцеларіи прибалтійскихъ генералъ-губернаторовъ.

544 ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I ВЪ СВОИХЪ ПИСЬМАХЪ И РАСПОРЯЖЕНІЯХЪ.

шего, отъ 24-го іюня о жалобѣ, прежде и нынѣ приносимой отъ крестьянъ на помѣщицу ихъ мызы Перрафферъ графиню де-ла-Гарди, которазуміе требуетъ запретить ей чинить крестьянамъ ея притѣсненія, налагая на нихъ изнурительныя работы и прочія тягости, то потому повелѣваю вамъ объявить ей въ томъ мою волю, и если послѣ этого она не перемѣнитъ своихъ поступковъ, то оную мызу взять въ казенное вѣдомство и, отобравъ всѣхъ бѣжавшихъ отъ кого слѣдуетъ, причислить всѣхъ ихъ въ вѣдомство же казенное и теперь же повѣстить всѣмъ помѣщикамъ, что если они что свыше вакенбуха требуютъ и налагать станутъ, то съ имѣніемъ всѣхъ ихъ поступлено будетъ такимъ же образомъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

8.

11-го августа 1800 г. С.-Петербургъ.

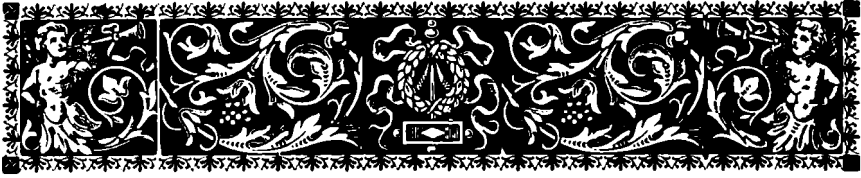
Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, и Лифляндскій и Эстляндскій гражданскій генералъ-губернаторъ Нагель.

Не видя никакой надобности въ отправленіи въ чужіе края изъ числа кураторовъ Дерптскаго университета, для пріисканія тамъ профессоровъ къ преподаванію наукъ въ ономъ, о чемъ доносите вы мнѣ въ рапортѣ вашемъ августа отъ 4-го числа, нахожу я, что въ разсужденіи сего можно довольствоваться тѣми, кои въ Россіи находятся и въ коихъ равномѣрно можно найти всѣ потребныя качества со стороны наукъ и поведенія.

Пребываю вамъ благосклонный.

Сообщилъ Е. В. Чешихинъ.

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ ЧАЙКОВСКІЙ.

(Изъ воспоминаній артиста-музыканта).

Въ большой залѣ московскаго благороднаго собранія, 27-го января 1891 года, шла репетиція къ симфоническому концерту Эд. Колонна. Было девять часовъ утра. Въ громадныхъ окна пробивался сѣренькій свѣтъ запоздалаго зимняго утра, будто боролся съ яркимъ пламенемъ свѣчей пошпировъ и причудливыми бликами скользилъ по массивнымъ, бѣлымъ коринфскимъ колоннамъ. Игра свѣта, и еще тонушіе въ утреннемъ полумракѣ ряды колоннъ; то замирающіе, то яростные звуки симфонической поэмы «Бури» Чайковскаго, и напряженныя лица оркестровыхъ артистовъ, увлеченныхъ своимъ тяжелымъ трудомъ, — все это отдавало чѣмъ-то необычнымъ, фантастическимъ. Возлѣ меня раздались осторожные шаги, и человекъ одѣтый весьма просто, но со вкусомъ, точно тѣнь, прислонился къ мрамору колонны. Это былъ самъ творецъ «Бури», П. И. Чайковскій. Должно быть по привычкѣ, онъ провелъ правой рукой по серебрянымъ волосамъ и, мелькомъ бросивъ взглядъ въ мою сторону, пристально устремилъ его по направленію оркестра. Тамъ было не ладно. Одинъ за другимъ артисты привставали, о чемъ-то шептались и не слушали дирижера, нетерпѣливо стучавшаго палочкой по пошпирту. Но вдругъ все оживилось, и въ залѣ раздалась оглушительная фонфара духовыхъ и струнныхъ инструментовъ. Казалось, вотъ-вотъ массивныя, крѣпкія колонны не выдержатъ бурнаго разгула звуковъ, потолокъ треснетъ, и все погибнетъ такъ же дружно, какъ дружно заиграли артисты привѣтствіе Петру Ильичу Чайковскому. Онъ смущенно началъ раскланиваться издали, но слыша этотъ настойчивый горячій привѣтъ, застѣнчиво направился къ эстрадѣ. По тому, какъ радушно композиторъ

пожималъ руки оркестрантамъ, какъ онъ ласково улыбался имъ, и по тому какъ при видѣ Чайковскаго сіяли ихъ лица, безошибочно можно было сказать, что отношенія творца-художника къ своимъ воспроизводителямъ были самыя теплыя и искреннія.

До этого дня я не былъ знакомъ близко съ великимъ музыкантомъ. Правда, при встрѣчѣ мы раскланивались, пожимали другъ другу руки, обмѣнивались общими и короткими фразами. Однако, все это носило лишь случайный, шалочный характеръ знакомства. Но вотъ въ весну 1892 года въ Москву пріѣхало оперное кievское товарищество И. П. Прияшникава. Этому товариществу, явившемуся съ намѣреніемъ ставить здѣсь русскія оперы, Чайковскій сочувствовалъ сильно. Это доказалъ онъ тѣмъ, что согласился охотно и безвозмездно дирижировать тремя операми: своимъ «Евгеніемъ Онѣгинимъ», «Демономъ» А. Рубинштейна и «Фаустомъ» Гуно. Въ то время я участвовалъ въ оркестрѣ товарищества. Отсюда, собственно, и началось мое знакомство съ Чайковскимъ. Однажды, во время представленія «Князя Игоря» Бородина, ко мнѣ подошелъ постоянный дирижеръ товарищества г. Прибикъ. Онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ театральную контору. Чайковскій стоялъ среди комнаты и, разговаривая съ В. Сѣровой, жадно курилъ папиросу. При нашемъ появленіи В. Сѣрова вышла въ сосѣднюю комнату. Чайковскій съ удивленіемъ взглянулъ на меня, потомъ на г. Прибика, и разсмѣявшись сказалъ:

— Иосифъ Вечеславичъ! да мы давно съ вами знакомы, давно...

Послѣ этого г. Прибикъ ушелъ, а я съ глазу на глазъ остался съ Чайковскимъ. Онъ быстро докурилъ папиросу, вынулъ вторую и еще одну предложилъ мнѣ.

— У меня до васъ дѣло и очень важное,—сказалъ онъ.—Здѣсь нѣтъ времени, да и неудобно говорить. Будьте добры, зайдите ко мнѣ за-просто, только утромъ, часовъ въ восемь, или и того раньше; я ужъ на ногахъ.

Прошло нѣсколько дней и мнѣ не удалось быть у Петра Ильича, потому что репетировали «Евгенія Онѣгина» и авторъ его уставалъ порядочно. На одной изъ репетицій Чайковскій подошелъ ко мнѣ очень взволнованный. Оказалось, что причиной тому были самыя простыя остановки, удлиннявшія репетицію до поздняго часа.

— Неужели всегда такъ?—озабоченно спросилъ онъ меня.

— Вашу оперу,—отвѣчалъ я,—и знаютъ хорошо, да и порядки въ труппѣ образцовыя, а бываетъ и хуже.

— Да, но каково же оркестру все время сидѣть и разуучивать съ пѣвцами?!—замѣтилъ онъ.

Кстати сказать, что Чайковскій, по своей нервности, на одномъ мѣстѣ сидѣть не любилъ: онъ стоялъ не только на репетиціи, но и во время

спектакля, когда дирижировалъ, а въ квартирѣ или расхаживалъ изъ угла въ уголь, или старался возможно чаще мѣнять положеніе тѣла на стулѣ.

Во время дирижированія оперой, не только своей, но и другихъ авторовъ, онъ волновался чрезмерно. Малѣйшій промахъ на сценѣ или въ оркестрѣ отзывался въ немъ болью. Въ этихъ случаяхъ лицо Чайковского то блѣднѣло, то покрывалось красными пятнами, палочка въ рукахъ дрожала, глаза разбѣгались, и онъ часто прибѣгалъ къ стакану съ водою.

По окончаніи «Евгенія Онѣгина», Петръ Ильичъ положилъ на пюпитръ дирижерскую палочку и, не обращая вниманія на вызовы и аплодисменты публики, довольно внятно проговорилъ:—«Какая мѣка!»

У выхода изъ оркестра на сцену мы встрѣтились, и я просто не узналъ его. Онъ казался страшно истомленнымъ, блѣднымъ, усталымъ. Платокъ, весь смоченный потомъ, дрожалъ въ его рукѣ, да кажется и все его тѣло было точно въ лихорадкѣ.

— Когда же вы придете?—спросилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

Я пришелъ на слѣдующій же день. Петръ Ильичъ занималъ тогда два номера въ большой Московской гостиницѣ, противъ зданія думы. Было еще половина восьмага утра. Сонная прислуга едва бродила по корридорамъ. Тѣмъ не менѣе Чайковскій, одѣтый въ халатъ, сидѣлъ уже за чаемъ. Въ номерѣ было накурено. На диванѣ лежали утреннія газеты, на столѣ разбросаны были толстые журналы послѣднихъ выпусковъ.

Петръ Ильичъ встрѣтилъ меня необычайно предупредительно и любезно. Онъ налилъ мнѣ стаканъ чаю и началъ было говорить о чемъ то, какъ въ комнату вошелъ лакей и подалъ телеграмму, изъ которой онъ узналъ, что выбранъ въ почетные члены одесскаго «общества музыкальныхъ труженниковъ».

Въ это утро намъ не удалось потолковать о томъ дѣлѣ, для котораго звалъ меня Чайковскій. Пока онъ говорилъ объ одесскомъ обществѣ, кто-то постучалъ въ дверь, и въ комнату вошелъ генералъ. За нимъ пришелъ директоръ одного изъ провинціальныхъ оперныхъ театровъ, потомъ художникъ и дирижеръ. Петръ Ильичъ говорилъ съ каждымъ по-долгу, и въ его бесѣдѣ обнаруживалась громадная начитанность. Не было отрасли искусства, съ которою онъ не былъ знакомъ хоть отчасти, если не всецѣло. Онъ только избѣгалъ вопросовъ о музыкѣ и ея дѣтеляхъ, хотя нѣкоторые и вызывали и наталкивали его на то.

Пока намъ удалось разговориться о дѣлѣ, прошло болѣе мѣсяца. За это время я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ характерныхъ фактовъ изъ жизни композитора. Онъ обладалъ выдающейся памятью и не забывалъ многочисленныхъ просьбъ. Возвращаясь изъ своихъ артистическихъ поѣздокъ, Петръ Ильичъ тотчасъ же летѣлъ въ консерваторію, или къ лю-

дямъ, имѣющимъ съ ней какія-либо связи. Онъ самымъ трогательнымъ, самымъ сердечнымъ образомъ описывалъ тогда участь рекомендованнаго ему «талантливаго молодого человѣка», погибающаго въ провинціи.

— Какъ жаль, что у насъ только двѣ консерваторіи, — говорилъ онъ. А желающихъ учиться такъ много, что приходится отказывать. Можетъ изъ нихъ вышла бы хорошіе музыканты.

И представьте скорбь Чайковскаго, когда ему не удавалось помочь «талантливому молодому человѣку». Вотъ, напримѣръ, что произошло разъ на моихъ глазахъ. Въ номеръ гостиницы вошла довольно пожилая женщина. При видѣ ея, лицо Чайковскаго покрылось почти мертвенной блѣдностью, онъ какъ бы весь застылъ отъ удивленія.

— Здравствуйте, Петръ Ильичъ! — Вы узнали меня?

— Какъ же, какъ же! — засуетился онъ... Садитесь...

Женщина сѣла и рассказала слѣдующее. Кажется дѣло было въ Кіевѣ. Ея восьмилѣтняя дочь въ присутствіи Чайковскаго играла на форте-піано, и такъ плѣнила хорошей игрой, что онъ обѣщалъ матери пристроить малютку въ консерваторію, конечно, бесплатно. Мать долго ждала. Въ это время онъ послалъ ей письмо, съ извѣщеніемъ, что малютку не принимали на казенный счетъ. Извѣщеніе не дошло до матери, такъ какъ она была уже по дорогѣ въ Москву, благо къ тому пошла оказія.

— Боже мой, — говорилъ съ сожалѣніемъ Чайковскій, — вы истратились.

Мать какъ только могла стала успокаивать композитора. Въ это время ему подали письмо изъ Петербурга.

— Читайте, читайте! — крикнулъ радостно Чайковскій, — подавая письмо отчаявшейся, но потомъ обезумѣвшей отъ счастья женщины. Ея дочь была принята. И нужно было видѣть, какая свѣтлая, дѣтская радость заиграла на лицѣ Петра Ильича.

Чайковскій вообще очень внимательно, участливо относился къ артистической молодежи. Ее онъ окрылялъ своими заботами, бодрилъ и направлялъ по тернистому пути къ искусству. При мнѣ раза два онъ получалъ съ почты свертки рукописей композиторовъ, просившихъ или просмотрѣть, или высказаться о произведеніи. Онъ не жалѣлъ времени на исправленіе рукописи, времени — часто очень ему дорогаго, только бы не задержать эту рукопись. Однажды я засталъ его за нотными листами. Онъ чертилъ по нимъ синимъ карандашомъ, напѣвалъ потихоньку мелодіи и разсуждалъ вслухъ.

Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ относился Петръ Ильичъ и къ оркестровымъ артистамъ. Онъ часто твердилъ:

— Они столько трудятся и получаютъ совсѣмъ маленькое вознагра-

гражденіе. Это несправедливо. Вотъ пѣвцы: они не всегда заслуженно берутъ громадные деньги. Неужели этому нельзя помочь?

П. И. Чайковскій охотно принималъ званіе члена музыкантскихъ вспомогательныхъ обществъ, убѣждалъ другихъ вступать въ эти учрежденія, разъяснялъ благоую мысль сплоченности. Словомъ, сочувствіе свое къ артистамъ оркестра онъ старался выказать хоть въ чемъ-нибудь. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Какъ-то утромъ къ Петру Ильичу пришелъ концертмейстеръ-скрипачъ частной оперы. Онъ просилъ Петра Ильича написать отзывъ объ его исполнительныхъ достоинствахъ. Тотъ охотно усѣлся за столъ и нѣсколько разъ повторилъ:

— Очень радъ!

Не успѣлъ Чайковскій написать свою аттестацію, какъ входятъ второй артистъ съ тою же просьбой. Опять пишетъ Чайковскій. Вслѣдъ за тѣмъ появляется третій, четвертый.

— Вы послѣдній?—спрашиваетъ вдругъ Чайковскій.

— Н-вѣтъ... Тамъ еще...

Дверь пріотворяется, и въ корридорѣ дѣйствительно ждутъ очереди еще человекъ восемь-девять. Петръ Ильичъ не выдержалъ и добродушно разсѣялся.

— Ну, господа,—сказалъ онъ,—заготовлю къ завтрашнему дню.

При этомъ онъ записалъ имена, фамиліи и спеціальность игравшихъ подъ его управленіемъ артистовъ, прося всѣхъ зайти за «удостовереніями» на слѣдующій день.

Но вотъ, наконецъ, спустя уже нѣсколько мѣсяцевъ, намъ удалось поговорить о дѣлѣ.

— Вы напечатали статью о жизни музыкантовъ,—сказалъ онъ, долго думая о чемъ-то и потирая лобъ;—признаюсь, я прочелъ ее съ жадностью. Я давно интересовался жизнью этихъ трудолюбивыхъ людей. Отъ благосостоянія ихъ зависитъ прогрессъ музыки. Оркестръ—своего рода инструментъ. Не жалѣемъ же мы на хорошій инструментъ ни средствъ, ни попеченій, ни заботъ. Это дѣлаемъ мы для нѣмага дерева или металла, изъ котораго онъ сдѣланъ. Какъ же не отнестись сочувственно къ живому инструменту—оркестру. Вы согласны?

— Конечно.

— Можетъ мое сравненіе нѣсколько неудачно, но не въ томъ суть. Въ своей статьѣ вы жалуетесь, что у музыкантовъ мало вспомогательныхъ обществъ. Вѣрно. Общества—это гарантія лучшей жизни всякому человѣку, а артисту въ особенности. Не пробовали ли вы отъ теорій перейти къ примѣненію своихъ мыслей на практикѣ?

Я отвѣчалъ, что не пробовалъ. Произошло долгое молчаніе. Петръ Ильичъ снова задумался, а потомъ спросилъ:

— Вы отдались бы такому дѣлу?

Я отвѣтилъ положительно, но при томъ указалъ на многія условія, препятствовавшія осуществленію такой мечты.

— Ахъ, что условія!—петерсбливо перебилъ онъ.—Нужны деньги, связи,—я на все готовъ...

И онъ опять замолчалъ. Въ эти минуты я просто не узналъ Чайковского: болѣе или менѣе спокойный, теперь онъ показался мнѣ крайне раздраженнымъ.

— Нужно же когда-нибудь это сдѣлать,—продолжалъ онъ,—возьмитесь. У самого у меня нѣтъ времени, у меня много еще заботъ.

Это были послѣднія его слова, и въ сущности разговоръ на этомъ и кончился. Я началъ готовить матеріалы къ составленію устава «Общества взаимопомощи оркестровыхъ артистовъ». Я выписывалъ ихъ откуда только могъ. Прочитывая Чайковскому, я хотѣлъ этимъ остановить его вниманіе на какомъ-либо типѣ общественныхъ учрежденій. Но это его не удовлетворяло.

Весной 1892 года онъ уѣхалъ за границу. Для руководства онъ обѣщалъ мнѣ выслать отсюда уставы германскихъ ферейновъ. Я ждалъ долго, и однако послышки не было. Тѣмъ временемъ мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ, гдѣ я игралъ въ симфоническомъ оркестрѣ «Акваріума». Оркестромъ этимъ въ то время дирижировали Каанусъ и Энгель. Въ вечеръ, посвященный исключительно произведеніямъ русскихъ композиторовъ, г. Энгель поставилъ сюиту Чайковского изъ балета «Щелкунчикъ». Въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, она исполнялась тогда впервые. И каково было мое изумленіе, когда я увидалъ въ залѣ Чайковского, нарочно пріѣхавшаго послушать свое произведеніе. Въ антрактѣ я бросился въ залъ, но въ дверяхъ столкнулся съ композиторомъ.

— Ба!—воскликнулъ онъ.—Какъ я радъ...

Мы вышли въ садъ и незамѣтно удалились въ одну изъ глухихъ его аллеекъ.

— Пожалуйста не вините меня. Уставы я искалъ, но толку изъ этого не вышло. Я думаю придется отложить до осени.

Я успокоилъ его какъ могъ, и сказалъ, что къ разработкѣ устава приступилъ самостоятельно, безъ позаймствованій. Пока мы успѣли кое о чемъ перекинуться, раздался звонокъ. Я торопился идти въ оркестръ, и мы расстались.

Чайковский пробился сквозь густую стѣну стоявшей публики и стагъ въ уголку. Но подошелъ Н. А. Римскій-Корсаковъ и увелъ его въ ряды кресель. «Щелкунчикъ» до того понравился слушателямъ, что оркестру пришлось повторять чуть ли не каждый нумеръ этой сюиты. Когда она кончилась, Чайковский быстро всталъ, направляясь къ выходу. Ему за-

городили дорогу и умышленно не пускали къ двери. Кто-то крикнулъ «автора».

— Автора, автора! На эстраду! — кричали сотни голосовъ.

Человѣкъ четыре подхватили Чайковскаго подъ руки и буквально поволокли къ эстрадѣ. Оторопѣвшій, сконфузившійся онъ началъ отклевываться, и въ залѣ поднялся невообразимый шумъ, крикъ, особенно когда оркестръ заигралъ тушь. Дамы вырывали изъ своихъ петличекъ цвѣты и бросали ихъ Чайковскому. Когда оваціи немного ослабли, Петръ Ильичъ, весь обливаясь потомъ, тяжело переводя дыханіе, пришелъ въ нашу артистическую комнату. Онъ поблагодарилъ артистовъ за хорошее исполненіе и, подходя отъ одного къ другому, со всѣми перецѣловался.

Послѣ этого мы прошли опять въ садъ. Публика и тутъ начала ему рукоплескать. Растерявшись совсѣмъ, Чайковскій опрометью бросился къ дверямъ главнаго выхода, вскочилъ на извозчика и скрылся.

Дня черезъ два я проходилъ по Невскому. Кто-то назвалъ меня по фамиліи. Я обернулся и увидалъ Петра Ильича. Онъ собирался снова за границу, непремѣнно обѣщаясь привести оттуда уставы. Затѣмъ я только изъ газетъ узнавалъ о Чайковскомъ, а къ осени того же года о немъ пропали всякія извѣстія.

Только осенью 1893 года я вновь встрѣтился съ Чайковскимъ въ Москвѣ. Первые слова, какими онъ меня встрѣтилъ, были:

— Ахъ, эти уставы... Представьте...

— Но они теперь были бы излишни. Я принесъ готовые экземпляры устава задуманнаго общества.

Петръ Ильичъ обрадовался этому несказанно.

— Наливайте чай, а я...

При этомъ онъ выхватилъ у меня свертокъ и съ сіяющимъ лицомъ весь погрузился въ чтеніе. Прежде читалъ онъ молча и спокойно, а потомъ засуетился, вскакивалъ со стула, подошелъ къ письменному столу и поспѣшно началъ водить карандашемъ. Онъ ставилъ то знаки вопроса, то восклицанія. Я стоялъ за его спиной и слѣдилъ за отмѣтками.

— Почему же въ общество не могутъ вступить пятидесятилѣтніе? — спросилъ онъ, — это не справедливо. Затѣмъ преимущества, привилегіи? Всѣ должны быть равны...

И Чайковскій порывисто подчеркивалъ кажущіяся ему неточности. Боже мой! — черезъ какой-нибудь часъ времени уставъ весь былъ перепачканъ карандашемъ. Изъ всѣхъ замѣтокъ видно было, что доброта и гуманность этого человѣка не знали предѣла.

— Петръ Ильичъ! — сказалъ я, — что же вы оставляете въ уставѣ?

— Добро!.. Нужно посоветоваться съ юристомъ. Тутъ много вопросовъ его специальности.

Потомъ онъ подвинулъ къ себѣ стаканъ налитаго чаю и задумался.

— Какое сложное дѣло,—проговорилъ онъ.

Петръ Ильичъ думалъ, кого бы привлечь въ члены учредители, и назвалъ нѣсколько фамилій. Когда я собирался уходить, онъ взялъ свою визитную карточку и, наскоро написавъ нѣсколько строчекъ, прибавилъ:

— Отдайте карточку моему пріятелю присяжному повѣренному Ш. Онъ посмотритъ уставъ.

Это было глубокой осенью. Моросилъ дождь, шумѣлъ вѣтеръ, стояла слякоть. Сверхъ обыкновенія, я зашелъ къ Чайковскому часовъ въ шесть по полудни, но засталъ его дома. Онъ очень обрадовался мнѣ, и больше кажется потому, что въ его одиночество я внесъ нѣкоторую долю разнообразія. Онъ былъ чѣмъ-то удрученъ. Разговоръ не клеился. Провожая меня, Петръ Ильичъ съ какимъ-то искусственнымъ оживленіемъ сказалъ:

— Мы можетъ не увидимся... На время я ѣду въ Петербургъ. Впрочемъ, ворочусь черезъ мѣсяцъ. Когда покончите съ уставомъ, пришлите. Я похлопочу. Пишите на имя главной дирекціи казенныхъ театровъ, или на имя г. Юргенсона.

Мы простились. На первомъ симфоническомъ концертѣ г. Сафонова получилъ телеграмму. Петръ Ильичъ заболѣлъ! Вѣсть эта распространилась съ удивительной быстротой не только въ музыкантскихъ кружкахъ, но и въ средѣ публики, присутствовавшей на концертѣ. В. И. Сафонова то и дѣло спрашивали о здоровьи Чайковского. Дня черезъ два я былъ въ консерваторіи. Тамъ я узналъ, что у Чайковского холера! Ужасная вѣсть скоро подтвердилась телеграммами изъ Петербурга. Въ средѣ оркестровыхъ артистовъ замѣчалось уныніе, скоро перешедшее въ отчаяніе. Чайковского не стало!.. Первый театр, куда я направился съ печальнымъ извѣстіемъ, былъ Шеллапутина. Меня предупредили: тамъ уже служили панихиду. Первые слезы я увидаль на лицахъ оркестровыхъ артистовъ, тѣхъ, кому незабвенный Петръ Ильичъ хотѣлъ посвящать остатки своихъ дней. Но нужно надѣяться, что благотворныя мысли и попытки его не пропадутъ безслѣдно. Это будетъ лучший памятникъ великому человеку и музыканту нашей родины.

Ив. Липаевъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ¹⁾.

I.

Нравственное состояніе сестры Пушкина послѣ кончины брата. Взглядъ ея на Дантеса-Гекерена. Выдержки изъ писемъ ея къ отцу за 1837 годъ.

Ужасное извѣстіе о насильственной кончинѣ А. С. Пушкина расшатало и безъ того слабый организмъ родной сестры поэта— матери моеи, Ольги Сергѣевны Павлицевой. Хотя она и была спасена искусствомъ врачей, но ударъ оказался слишкомъ сильнымъ, чтобы не оставить по себѣ самыхъ пагубныхъ послѣдствій, отразившихся на ея здоровьи.

— Смертельная рана, нанесенная брату на поединкѣ, никогда не закроется въ душѣ моеи, говорила мнѣ мать.

По смерти брата она посвятила себя всецѣло домашнему очагу и нашла утѣшеніе въ религіи. Чтеніе священныхъ книгъ и произведенія христіанскихъ философовъ были для нея отрадой.

Анализируя чувства антипатіи Пушкина къ Дантесу, она пришла къ слѣдующему заключенію:

¹⁾ Предлагаю вниманію читателей третій отдѣлъ моихъ записокъ, нахожу необходимымъ сказать, что первый отдѣлъ, печатавшійся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1888 году, вышелъ въ 1890 году отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», а второй, — заключавшій въ себѣ дополненіе къ отрывкамъ дневника Александра Сергѣевича съ 1833 по 1835 годъ, — напечатанъ въ томъ же 1890 году на страницахъ журнала «Русское Обозрѣніе». Въ предлагаемомъ же отдѣлѣ изложены семейныя событія съ 1837 по 1841 годъ, касающіяся покойнаго моего дяди Александра и его близкихъ родныхъ.

Л. П.

— Красота человѣческой души, — говорила она, — ни мало не зависитъ отъ красоты физической; не даромъ у всѣхъ народовъ сложилась поговорка: «н а р у ж н о с т ь о б м а н ч и в а». Можно быть идеаломъ ума, благородства, добродушія съ наружностью Эвопа и Квазимодо, и извергомъ съ профилемъ Аполлона. Точно такъ же чувство симпатіи или антипатіи къ той или другой личности ни мало не зависитъ отъ наружности: мы — по присущимъ душѣ нашей свойствамъ, если только они въ насъ не огрубѣли — чувствуемъ нерѣдко безотчетное влеченіе къ людямъ некрасивымъ и наоборотъ: иные красавцы или красавицы могутъ производить на насъ впечатлѣніе отталкивающее: намъ неловко при нихъ, желаемъ держаться отъ нихъ подальше. Первое впечатлѣніе рѣдко обманываетъ, и если бы мы не дѣялись сообразоваться съ голосомъ души нашей, то избѣгли бы многого. Чувство антипатіи большею частію взаимно, и едва ли не къ нему примѣняется поговорка: «Сердце сердцу вѣсть подаетъ».

Вообще моя мать придавала, подобно своему брату-поэту, громадное значеніе таинственному голосу души, который, предупреждая каждаго изъ насъ, какъ бы говоритъ: «стой на стражѣ!»

— Предчувствіе, говорила мнѣ мать, никогда не обманывало ни меня, ни обоихъ моихъ братьевъ. Братъ Александръ выразилъ предчувствіе въ стихахъ на послѣднюю, встрѣченную имъ, лицейскую годовщину и въ предсмертной элегіи ¹⁾, когда жаждалъ покоя вдали отъ заразительной сферы, готовившей ему кровавый конецъ. Впрочемъ предчувствія и гораздо раньше были предметомъ его грустныхъ пѣсень.

Привожу въ переводѣ съ французскаго выдержки изъ писемъ Ольги Сергѣевны къ ея отцу за 1837 годъ.

Варшава 27-го апрѣля 1837 года.

«Милый папа! отъ души посылаю вамъ сердечное, утѣшительное «Христосъ воскресъ». Да поможетъ намъ Создатель милосердный мужественно перенести ужасное горе; оно облегчится теплой вѣрой въ Того, Кто, возставъ изъ мертвыхъ, показалъ намъ весною весну нашего воскресенія, за которымъ послѣдуетъ безконечное лѣто вѣчности. . . .

«О покойномъ братѣ продолжаютъ въ обществѣ безконечные разговоры, какъ мнѣ на дняхъ передавалъ добрыйшій полковникъ Франковскій, бывший боевой товарищъ брата Леона — теперь же мирный ли-

1) «Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просить
Летать за днями дни, и каждый день увосить
Частицу бытія!!...»

тераторъ и инспекторъ гимназій. По его словамъ, Александра разбирають и какъ поэта, и какъ человѣка. И въ могилѣ покоя не даютъ. Его враги рассылають о немъ клеветы самыя нелѣпыя изъ Петербурга не только сюда, но и за границу, куда отправляють въ печать письма и статьи съ цѣлью унижить геній брата, оцѣненный лучшими людьми Россіи и ея Монархомъ. Враги Александра договариваются до того, что утверждаютъ, будто бы онъ писалъ не иначе, какъ угощаясь даже не шампанскимъ, а простымъ пѣнникомъ, да и то въ минуты вдохновенія. Но братъ никогда пьяницей не былъ, а писалъ именно въ минуты вдохновенія, не по заказу, какъ пишутъ доклады старые столоначальники.

«Нападая на Александра, его враги рассказываютъ объ его заносчивости, безпрестанныхъ дуэляхъ, безсердечности къ роднымъ, отсутствіи друзей, укоряють его въ злости, выставляютъ безбожникомъ, увѣряя даже, будто бы онъ никогда опратно не одѣвался.

«На это можно отвѣчать: покойный братъ конечно былъ гордъ, не позволялъ себѣ наступать на ногу; быть же безсердечнымъ къ роднымъ—ему и въ голову не приходило: сколько разъ выручалъ онъ насъ всѣхъ изъ бѣды, хотя посѣщалъ родительскій домъ довольно рѣдко и рѣдко съ вами переписывался ¹⁾. Что у брата не водилось друзей—чистая выдумка и сверхъестественная глупость. А его лицеисты — Дельвигъ, Пущинъ, Комовскій, Кюхельбекеръ? затѣмъ Жуковскій, Плетневъ, Вяземскій—кто же они ему были? Покойный Александръ, можно сказать, былъ богатъ друзьями. Что онъ былъ золъ—черная клевета! А кто же на смертномъ одрѣ упранивалъ друзей не мститъ Дантесу, кто же наконецъ—что тоже знаю—сказалъ Даршіаку на мѣстѣ поединка, послѣ того какъ ранилъ врага: я думалъ, что убить его доставить мнѣ удовольствіе, а теперь чувствую, что нѣтъ? Правда, послѣднее письмо брата къ старику Геккерену, и обида, нанесенная этому господину, шли въ разрѣзъ съ природной добротой Александра, но анонимныя письма вывели его изъ терпѣнія.

«Безбожникомъ братъ отнюдь не былъ, хотя въ молодости и мучился сомнѣніями. Теплую же вѣру его доказываютъ и частыя посѣщенія храма Божія, и любовь къ чтенію Священнаго Писанія, и многія другія дивныя религіозныя стихотворенія,—а наконецъ и христіанская кончина.

«Въ заключеніе, какое кому дѣло до его сюртуковъ, галстуковъ,

¹⁾ Пушкинъ дѣйствительно рѣдко хаживалъ къ родителямъ, и однажды, на вопросъ Петра Александровича Плетнева, давно ли онъ ихъ видѣлъ, отвѣчалъ: «очень недавно». — «Понимаю», — сказалъ Плетневъ, — «ты можешь недавно во снѣ ихъ видѣлъ».

жилетовъ, перчатокъ? Какая мелочь, и какой вздоръ! Братъ, конечно, считалъ туалетъ послѣдней своей заботой, но никогда, на сколько помню, не появлялся не только неприлично, но и плохо одѣтымъ, хотя и не слѣдовалъ новѣйшей модѣ. Слишкомъ хорошо онъ понималъ, что, живя въ обществѣ, слѣдуетъ платить ему дань, если не внутренней, то внѣшней стороною.

«Вотъ какія мысли высказала я нашему другу Франковскому. Онъ при мнѣ ихъ набросалъ, и пошлетъ ихъ за своею подписью въ какой то французскій журналъ.

«Признаюсь: униженіе памяти брата меня возмущаетъ; возмущаетъ и мужа, хотя съ покойнымъ Александромъ онъ не сошелся: братъ былъ поэзія, а мужъ мой—самая обыденная проза; но мой Николай Ивановичъ всегда уважалъ Александра, и сказалъ мнѣ: «жалъ, что меня не было въ Петербургѣ во время роковыхъ послѣднихъ событій; несчастія бы не было». Мужъ принялъ извѣстіе о дуэли и кончинѣ бѣднаго брата не ломая гнусной комедіи, не надѣвая никому пустозвонными причитываньями, будто бы смерть Александра ему ощутительнѣе чѣмъ отцу, брату и сестрѣ покойнаго, какъ причитываютъ другіе, говоря, что Пушкинъ принадлежитъ больше имъ чѣмъ и а м т.,—имъ—какъ поклонникамъ его генія!»..

19-го сентября 1837 г.

«Все дѣло никого не навѣшала, но въ концѣ концовъ не могла не заплатить долгъ вѣжливости и нашимъ русскимъ, и полякамъ, благодарить отъ души и тѣхъ и другихъ за участіе въ моей страшной скорби. Имя моего брата произносится здѣсь всѣми, можно сказать, съ благоговѣніемъ...

«Совершенно раздѣляю мнѣніе княгини Елизаветы Алексѣевны ¹⁾, что гораздо было бы лучше брату Александру—послѣ первыхъ же анонимныхъ писемъ, перечислиться сюда, въ Варшаву, на службу въ дипломатическую канцелярію князя Ивана Федоровича (Варшавскаго); онъ принялъ бы моего брата съ радостью. Александръ не тратился бы, наряжая Наташу на балы и рауты, жилъ бы по карману и, не терзаясь заботами, посвящалъ бы себя вполне божественному дару, который, вдали отъ житейскихъ мелочей, засіялъ бы новымъ блескомъ. Вѣдь и здѣшнее русское общество стужило бы оцѣнить этотъ даръ. Не говорю уже, какъ мнѣ было бы отрадно видѣть его, а могъ ли онъ сомнѣваться въ моихъ теплыхъ чувствахъ къ нему, его женѣ и дѣтямъ? Но что же дѣлать! Прошлаго не вернешь, а кто изъ насъ можетъ предвидѣть завтра, что насъ ожидаетъ?..»

¹⁾ Супруга фельдмаршала Паскевича, рожденная Грибоѣдова.

26-го сентября 1837 г.

«Недавно я вамъ писала, милый папа. Теперь посылаю не письмо, а цѣлое посланіе.

«Безоблачная погода продолжается, и неужели къ Варшавѣ можно примѣнить пѣсню Гетевской Миньоны:

„Kennst du das Land, wo die Citronen blühen?“

«Новостей никакихъ, исключая моего знакомства съ нашимъ православнымъ архіереемъ Антоніемъ¹⁾.

«Антоній назначенъ въ Варшаву еще въ январѣ; въ маѣ онъ уѣхалъ въ Почаевъ, и вернулся сюда лишь на прошлой недѣлѣ. Въ прошлую среду я встрѣтила его у княгини Паскевичъ, которая меня ему представила, какъ давнишнюю подругу юности и сестру Пушкина.

«Антоній произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто бы со мною давно знакомъ. Меня очаровала его пріятливость, отсутствие клерикальной натянутости и увлекательная, умная бесѣда. На другой день я его навѣстила, а вчера онъ отдалъ мнѣ визитъ; обласкавъ моего маленькаго Леона²⁾; этотъ былъ въ восторгѣ, кинулся къ архіерею на шею и, обнимая его, сталъ плакать навзрыдь—Богъ знаетъ почему.

«Сегодня я посѣтила опять преосвященнаго послѣ обѣдни въ соборѣ. Въ концѣ обѣдни онъ вышелъ съ посохомъ въ рукахъ и безъ приготовленія сказалъ проповѣдь на слова Спасителя: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы», а потомъ изложилъ вкратцѣ, въ связи съ этимъ текстомъ, жизнь апостола Іоанна, память котораго сегодня и празднуется.

«Богослуженіе было вполне благолѣпно. Архіерей служилъ съ четырьмя священниками, двумя іеромонахами и четырьмя діаконами. Пѣвчіе, свыше тридцати, привезенные имъ изъ Малороссіи, не испортили бы голосами и итальянской оперы; маленькіе же пѣвчіе пѣли какъ ангелы, а концертъ—«Живыи въ помощи Вышняго»—сочиненіе Бортиянскаго—очаровалъ меня въ такой степени, что и сказать не могу. Архіерей мнѣ говоритъ, что и поляки любятъ слушать его хоръ, являясь съ этой цѣлью въ нашу православную церковь довольно часто.

¹⁾ Преосвященный Антоній—впослѣдствіи съ 1843 по 1848 г.—митрополитъ новгородскій и петербургскій былъ первымъ—съ 1837 по 1848 годъ—православнымъ архіепископомъ варшавскимъ и новогоріевскимъ. Управляя варшавской епархіей, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ священно-архимандритомъ Почаевской лавры—въ Волынской губерніи, подобно какъ и его преемники архіепископы Никаноръ—(тоже съ 1848 по 1856 митрополитъ петербургскій), и Арсеній, назначенный въ августѣ 1860 года по кончинѣ кievскаго митрополита Филарета на мѣсто сего послѣдняго. Антоній присоединилъ къ православію значительное число униатовъ въ Царствѣ Польскомъ. Л. П.

²⁾ Мнѣ тогда было три года, и я Антонія конечно не помню.

Л. П.

«Нашъ соборъ, недавно освященный во имя Животворящей Троицы, передѣланъ изъ католической церкви монашескаго ордена «Piаровъ» на Долгой улицѣ. Онъ не стоитъ отдѣльно, а примыкаетъ къ другимъ домамъ съ обѣихъ сторонъ. Въ одномъ изъ нихъ и живетъ преосвященный, изъ покоевъ котораго ведетъ лѣстница къ южнымъ дверямъ храма; въ томъ же домѣ, со стороны Медовой улицы, архіерейская церковь и небольшое подворье для монашествующей братіи, а въ другомъ домѣ — православное духовное училище.

«Внутренній видъ собора совершенно католическій: не достаетъ лишь вынесенныхъ скамеекъ и упраздненной каеэды. Боковыхъ придѣловъ нѣтъ; по обѣимъ же сторонамъ темные корридоры и образа безъ окладовъ. Бѣлый иконостасъ прекрасенъ, а шесть большихъ иколя и множество меньшихъ — работы извѣстныхъ здѣшнихъ художниковъ: Кокуляра и Смуглевича. Особенно хороши Спаситель и Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, напоминающая Сикстинскую Мадонну. Веліколѣпны и запрестольный образъ Животворящей Троицы.

«Размѣромъ соборъ не много больше Спаса Преображенія въ Петербургѣ; построенъ не квадратнымъ, а продолговатымъ крестомъ. Наверху довольно помѣстительные хоры.

«Старшій протоіерей, онъ же и ректоръ училища, при церкви ¹⁾ на блюдаютъ, чтобы во время богослуженія мужчины стояли направо, а женщины и малолѣтніа дѣти налѣво. Простонародья въ церкви не замѣтила, что и не удивительно: русскихъ мало; зато храмъ переполненъ военными мундирами. Во время обѣдни, у главныхъ дверей, дежурятъ два жандарма.

«Православныхъ церквей здѣсь, въ Варшавѣ, три: соборъ, цитадельная и выстроенная еще при послѣднемъ польскомъ королѣ Понятовскомъ греческая церковь на Подвальной улицѣ; входъ въ нее со двора — позади частнаго дома. Иконостасъ довольно богатъ; есть и каеэда.

«Домовыхъ православныхъ церквей — кромѣ архіерейской при соборѣ — двѣ: Замковая, посѣщаемая фельдмаршаломъ и высшимъ обществомъ, и Узядовская, при военномъ госпиталѣ, обѣ съ деревяннымъ иконостасомъ, довольно просторныя и высокія ²⁾.

¹⁾ Таковымъ былъ тогда мой впоследствии законоучитель Теофілъ Марковичъ Новицкій. І. П.

²⁾ Съ тѣхъ поръ число церквей увеличилось: въ 1840 г., при томъ же архіепископѣ Антоніи, передѣлана изъ католическаго костела и освящена церковь во имя, если не ошибаюсь, Владимірской Божіей Матери на прославленномъ штурмомъ 26-го августа 1831 г. предмѣстьи Воля; при преемникѣ Антоніи Никонорѣ воздвигнутъ благолѣпный храмъ воицъ Лазенковскаго дворца; въ январѣ 1849 года, при архіепископѣ Арсеніи, освящена въ домѣ Свято-Троицкаго собора вторая, архіерейская, небольшая церковь, а при архіепископѣ

«Заключаю мое подробное письмо, содержаніе котораго какъ видите чисто духовное—парю словъ и о греко-униатской церкви. Она произвела на меня довольно странное впечатлѣніе.

«Попала я туда совершенно случайно. Проходя въ одинъ изъ праздничныхъ дней по Медовой улицѣ, я поравнялась съ домомъ, надъ которымъ возвышается католическій крестъ. Большая дверь, открытая настежь, вела въ обширный притворъ; въ притворѣ съ одной стороны католическое деревянное изваяніе Распятія, а съ другой—кропильница.

«Много публики входило въ церковь, откуда раздавалось наше стройное православное пѣніе, сопровождаемое звуками органа. Взойдя въ церковь, я увидѣла нѣсколько рядовъ скамеекъ, занятыхъ людьми разныхъ сословій, много было крестьянъ и крестьянокъ въ здѣшней польской одеждѣ.

«Иконостасъ совершенно какъ нашъ, но къ обѣимъ боковымъ стѣнамъ приставлены католическіе алтари; надъ каждымъ образа — одинъ св. Онуфрія—какъ мнѣ передавали послѣ—а другой св. Василія въ полукатолическомъ облаченіи ¹⁾. Пѣвчіе на хорахъ исполнили подъ аккомпаниментъ органа «Херувимскую» Борнганскаго.

«Обѣдню на славянскомъ языкѣ служилъ священникъ съ двумя дьяконами, поминутно присѣдавшими и произносившими прошенія на ектеніи поочередно на распѣвъ—по католически. Облаченіе священнослужителей не то наше, не то католическое. Священникъ и дьяконъ выбриты, острижены, а на маковкѣ носятъ тонсуру.

«Поминаніе во время великаго входа священникъ оканчивалъ тоже по-славянски именемъ «Святѣйшаго отца Григорія папы римскаго, в заключительномъ возгласомъ: «во вѣки вѣковъ», а не какъ у насъ «во вѣки вѣковъ». Во время всей обѣдни царскія врата не закрывались. «Вѣрую» не пѣли, а прочелъ однимъ изъ пѣвчихъ на хорахъ; во время же освященія Св. Даровъ, при раскрытыхъ царскихъ дверяхъ, очутились у алтаря два мальчика, одѣтые какъ наши исползачики, и зазвонили въ колокольчики, а священникъ, не кладя поклона, присѣлъ на колѣни.

«Вслѣдъ за «Отче нашъ» заигралъ органъ, и на хорахъ пропѣли стройно «Хвалите Господа съ небесъ» концертомъ.

Юанниѣи—гѣтомъ 1867 году — приходская на предмѣстьи Прагѣ, въ византійскомъ стилѣ. Въ 60-хъ годахъ устроено нѣсколько полковыхъ церквей и церковь русской гимназій. Наконецъ, въ настоящее время, воздвигается новый соборъ на Саксонской площади.

Л. П.

¹⁾ Эта церковь принадлежала греко-униатскому монашескому ордену св. Василія (basilianow). Нынѣ она православная церковь, послѣ обращенія униатовъ.

Л. П.

«Причастниковъ было не мало, но между ними дѣтей не замѣтно.

«Когда кончилась обѣдня на славянскомъ языкѣ, хоры опустѣли, и началось на всѣхъ скамьяхъ совершенно нескладное пѣніе въ унисонъ мужчинами и женщинами молитвы «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ» — по-польски; слова я поняла. Повторяли разъ двѣнадцать если не больше, послѣ чего священникъ, облачившись въ католическую сутану, взошелъ на кафедру откуда сталъ кричать немилосердно по-польски, жестикулировать и бить себя въ грудь нѣо всей силы мощными кулаками. Прихожане закивали головами, а прихожанки—еще громче проповѣдника—стали рыдать на всю церковь. Это подѣйствовало на мои нервы, и съ меня было довольно.

«Пора кончить письмо, но не могла писать короче объ интересныхъ для меня предметахъ.

«Крѣпко обнимаю. Кузинамъ кланяюсь».

8-го октября 1837 года.

«Говоря о фельдмаршалѣ я скажу, что онъ очень доволенъ службой моего мужа; впрочемъ, неудивительно: исполняя трудныя обязанности помощника статсъ-секретаря, мужъ работаетъ безъ отдыха и срока ¹⁾ Кромѣ того, Иванъ Федоровичъ намѣренъ предоставить ему и педагогическую дѣятельность; полагаетъ назначить его членомъ здѣшняго совѣта народнаго просвѣщенія. Удивляюсь энергіи мужа: пишетъ статьи въ петербургскія и московскія газеты, занимается и польской литературой ²⁾, задумалъ издавать здѣсь русскую газету ³⁾, да трудится надъ біографіей Александра, въ чемъ ему тоже помогу ⁴⁾.

¹⁾ Отецъ мой, Николай Ивановичъ Павлицевъ, составлялъ тогда, по порученію князя Варшавскаго, „Историческое обозрѣніе правъ и преимуществъ польскаго дворянства“, разработывая проектъ законоположенія о томъ же дворянствѣ. Этотъ проектъ былъ утвержденъ, вслѣдствіе чего четыре пятыхъ шляхтичей, не доказавъ своихъ дворянскихъ правъ, обратились въ крестьянское сословіе. Отецъ нажилъ себя этимъ не мало враговъ—явныхъ и тайныхъ. Таковой же результатъ повлекла за собою и другая, проведенная имъ, мѣра въ 1849 году—сокращеніе штата чиновниковъ канцеляріи общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената, котораго онъ былъ оберъ-прокуроромъ.

Л. П.

²⁾ Н. И. Павлицевъ доставлялъ покойному М. Погодину въ Москву полемическія статьи, а Ѳ. Булгарину для „Сѣверной Пчелы“ „Варшавскія письма“; съ польскаго же языка перевелъ тогда сочиненіе Мохнацкаго: „О новой эпохѣ польской поэзіи“.

³⁾ Эту мысль удалось Н. И. Павлицеву осуществить гораздо позднѣе—въ 1864 году, когда онъ основалъ, при содѣйствіи Н. А. Милютина и князя В. А. Черкаскаго, первую русскую газету въ Привисланской окраинѣ—„Варшавскій Дневникъ“, издаваемую и до сихъ поръ.

⁴⁾ Отецъ мой сталъ собирать біографическія даныя о своемъ шуринѣ—

«Итакъ, фельдмаршалъ благоволилъ къ мужу, а что еще лучше, уважаетъ его, не позволяя себѣ рѣзкаго тона, хотя, въ знакъ особеннаго къ нему расположенія, и говорить ему ты. Съ нѣкоторыми же приближенными его свѣтлость не церемонится и расправляется иногда съ ними par voie de fait ¹⁾, что однако не мѣшаетъ ему быть прекраснымъ человѣкомъ, и какъ говорятъ французы — «благодѣтельнымъ брюзгою» (un bougu bienfaisant). Долго-ли мой мужъ пробудетъ въ Варшавѣ — неизвѣстно. Кажется задался цѣлью быть полезнымъ отечеству и въ здѣшнемъ краѣ. Мои же мечты — непробываніе въ Польшѣ: строю тысячу воздушныхъ замковъ. Желаю переселиться хоть въ Москву, убѣдить мужа развязаться съ Варшавой. Говорятъ, въ будущемъ году упразднить пограничную таможду въ Ковнѣ, и diligансы будутъ ходить изъ Петербурга прямо сюда ²⁾».

II.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ — братъ поэта. — Отношенія его къ роднымъ, характеристика и прохождение службы ³⁾.

Левъ Сергѣевичъ, по словамъ сестры его, былъ баловнемъ своихъ родителей. Они передъ нимъ благоговѣли, въ особенности отецъ Сергѣй

поэтъ немедленно послѣ его кончины; но къ обработкѣ ихъ не приступалъ, и только въ началѣ пятидесятихъ годовъ вручилъ издателю сочиненій Пушкина, П. В. Анненкову, описаніе — со словъ моей матери, — дѣтства ея знаменитаго брата.

Л. П.

¹⁾ Паскевичъ дѣйствительно третировалъ подчиненныхъ, но послѣ трехъ разокъ зачастую выхлопывалъ жертвамъ своего гнѣва, кому ленту, кому лишнюю звѣздочку на эполетахъ. Въ особенности доставалось отъ него дежурному генералу г. В. и двумъ оберъ-полиціймейстерамъ гг. С. и А., изъ которыхъ одинъ былъ впоследствии, послѣ Шапова, главнымъ директоромъ мѣстной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, а другой — управляющимъ театрами и казенными дворцами.

Не могу при этомъ не привести слѣдующій анекдотъ, рассказанный мнѣ отцомъ: Паскевичъ, будучи недоволенъ какимъ то распоряженіемъ начальника штаба дѣйствующей арміи князя М. Д. Горчакова — впоследствии втораго, послѣ князя Варшавскаго, намістника Царства Польскаго, — вышелъ при объясненіи съ Горчаковымъ изъ себя и возвысилъ голосъ. Горчаковъ вспылилъ въ свою очередь и заявилъ Паскевичу: „Не забивайте, ваша свѣтлость, что я прямой потомокъ Рюрика, слѣдовательно, не позволю вамъ возвышать противъ меня голоса“.

Л. П.

²⁾ Предположеніе это осуществилось только въ 1851 году. До того времени варшавскіе diligансы — такъ называемые „штейнелеры“, ходили изъ Варшавы только до Ковны съ пассажирами, отправлявшимся въ Петербургъ. Въ Ковнѣ пассажиры подвергались досмотру провозимыхъ ими вещей и дожидались въ Ковнѣ русскихъ почтовыхъ каретъ часовъ семь, если не болѣе.

Л. П.

³⁾ Настоящая глава моихъ воспоминаній коснется младшаго брата поэта — моего втораго дяди — Льва Сергѣевича Пушкина, прозваннаго „храбрымъ“

Львовичъ, который считалъ его умнѣе старшаго сына—поэта. Всякую мало-мальски остроумную выходку «храбраго капитана» дѣдъ мой повторялъ съ восторгомъ, а юморстическія письма любимца разнашивалъ по знакомымъ. Гордился Сергѣй Львовичъ дѣ-нелья подвигами и орденами своего «Веніамина» да уплачивалъ неоднократно денежныя его долги.

— Если я, старшая дочь, напишу отцу,—говорила мнѣ мать о моемъ стѣснительномъ положеніи,—то Сергѣй Львовичъ притворится, что письма моего не получалъ или же отвѣтитъ, что радъ бы помочь, но неурожай, непредвидѣнные расходы и т. д. препятствуютъ исполнить это. Напротивъ того, если отецъ узнавалъ о какой-либо дорого стоящей «храброму капитану» драгунской пирушкѣ, то развѣвалъ ротъ, крестился, и приговаривалъ «que la volonté du Ciel soit faite», отпиралъ шкатулку и высылалъ Леону требуемое. Не даромъ наградилъ его и прозвищемъ «Веніамина». А Веніаминъ не унывалъ: такъ, уѣзжая изъ Варшавы въ началѣ 1834 года, онъ не позабылъ угостить на прощанье весь Финляндскій полкъ въ рестораиѣ нѣкоего Гута, вслѣдствіе чего и получился знаменитый Гутовскій долгъ капитана, очень беспокоившій Александра Сергѣевича ¹⁾).

На этой пирушкѣ,—какъ сообщилъ мнѣ мой отецъ,—Левъ Сергѣевичъ, сохраняя какъ и всегда, совершенную трезвость, несмотря на многочисленныя тосты, очаровалъ веселостью и любезностью не только разстававшихся съ нимъ однополчанъ, но и постороннихъ, сажая за столъ всякаго, кто бы туда ни появлялся. Въ оживленной бесѣдѣ отличился и А. Н. Вульфъ, тоже оставлявшій Варшаву ²⁾, а мой отецъ, присутствовавшій на этомъ праздникѣ, рассказывалъ мнѣ слѣдующую вы-

капитаномъ“, о которомъ можно сказать: былъ онъ рыцарь безъ страха и упрека, человекъ высокой души и золотого, любящаго сердца.

Кромѣ хранящихся у меня писемъ моихъ дѣда и бабки Пушкиныхъ, писемъ моей матери, и изустныхъ ея рассказовъ о своемъ младшемъ братѣ,—материалами для этой главы послужили: напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1873 и 1874 года, замѣтки князя П. А. Вяземскаго, записки Н. И. Лорера—боеваго товарища Льва Сергѣевича,—книга П. В. Анненкова, подъ заглавіемъ: „Материалы для біографіи и оцѣнки произведеній А. С. Пушкина“ и наконецъ, доставленная мнѣ копія съ формулярнаго списка моего дяди, сыномъ его, Анатоліемъ Львовичемъ Пушкинымъ.

¹⁾ Объ этомъ долгѣ дядя Александръ упоминаетъ, между прочимъ, въ письмѣ къ брату 3-го іюня 1836 года. (См. томъ VIII Суворинскаго изданія сочиненій Пушкина 1887 года. Стр. 148). Л. П.

²⁾ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ былъ душевнымъ другомъ обоимъ братьевъ Пушкиныхъ, а его сестра, Анна Николаевна Вульфъ и Евпраксія Николаевна баронесса Вревская—подругами моей матери. Мать же ихъ—Прасковья Александровна—рожденная Выдомская—по второму браку Оси-

ходу Льва Сергѣевича, доказывавшую способность дяди выносить крѣпкіе напитки безъ нарушенія присущей ему трезвости.

Попросилъ онъ ресторатора Гута передъ обѣдомъ налить ему рюмку водки. Гуть впопыхахъ беретъ бутылку и, не разглядѣвъ ярлыкъ, наполняетъ рюмку чистымъ спиртомъ, который дядя Левъ и выпиваетъ не морщась.

— «Attendez, au nom du Ciel, mon capitaine!» вскрикиваетъ спохватившійся Ганимедъ—je me suis trompé c'est de l'esprit de vin!

— Mais c'est très bon, versez encore!—отвѣчалъ Левъ Сергѣевичъ.

Александръ Сергѣевичъ, получивъ объ этой пирушкѣ отъ Вульфа подробныя свѣдѣнія, сообщалъ ихъ князю П. А. Вяземскому, прибавивъ, что на знаменитомъ банкетѣ распорядителемъ былъ зять Амфитріона—не драгунъ финляндскій, а франтъ гражданскій—скромный домохозяинъ Павлицевъ.

Тогда-то князь Вяземскій и Пушкинъ написали вдвоемъ стихотворное посланіе поэту В. А. Жуковскому за границу «Сватъ Иванъ какъ пить мы станемъ» и проч. При этомъ Пушкинъ пощадилъ своего брата; но Вяземскій, подсмѣиваясь надъ участіемъ въ пирушкѣ скромнаго Николая Ивановича Павлицева, включилъ и моего отца въ это досужее произведеніе ¹⁾.

пова,—очень уважалась Пушкинымъ—поэтомъ. Александръ Сергѣевичъ велъ съ нею переписку, считалъ ее женщиной практической, всегда готовой давать умные совѣты, и посвятилъ ей, между прочимъ, вѣдѣстные стихи: „Быть можетъ ужъ не долго мнѣ въ изгнаньи мирномъ оставаться“ и проч.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, до поступленія въ военную службу, обучался въ Дерптскомъ университетѣ,—гдѣ снискалъ себѣ большую популярность между студентами и сблизился въ 1823 году съ Пушкинымъ въ особенности. Пушкинъ пишетъ ему тогда изъ Михайловскаго въ Дерптъ:

„Здравствуй Вульфъ пріятель мой
Пріѣзжай сюда зимой
Да Языкова--поэта
Затащи ко мнѣ съ собой“ и пр.

А. Н. Вульфъ скончался въ 1883 году, въ селѣ Тригорскомъ, близъ села Михайловскаго,—рѣчными Пушкинскихъ. Тѣло его предано землѣ на тригорскомъ же сельскомъ кладбищѣ. Л. П.

¹⁾ „Надо,—пишетъ князь Вяземскій въ этомъ посланіи,—помянуть и тѣхъ, которые, на примѣръ, между прочими:“

„Раба Божія Петрищева,
Извѣстнаго автора Радищева,
Пушкина—не Мусина, не Овѣгнискаго, а Бобріщева,
Нашего славнаго поэта, зятя Павлицева,
Сенатора Кутузова-Голеніщева,
И рада Христа, всякаго добраго вищаго“...

Л. П.

Угощая товарищей, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ никогда не позволялъ угощать себя, строго придерживаясь наставленій брата-поэта, который писалъ ему, между прочимъ еще въ 1822 году изъ Кишинева:

«Никогда не принимай благодареній. Благодареніе, въ большинствѣ случаевъ, коварство. Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ»...

Между тѣмъ розказни о безпрестанныхъ якобы кутежахъ дяди Льва, далеко не заслуживаютъ довѣрія. «Не знаю право,—говорилъ онъ моей матери,—на кого взводить больше напраслины, на моего ли брата, или на меня?»

И дѣйствительно, обвиненія въ исключительномъ поклоненіи Бахусу младшаго Пушкина такъ же безосновательны, какъ и клеветы на его брата. Левъ Пушкинъ слишкомъ уважалъ себя, слишкомъ гордился, что онъ своему «брату брать», а другъ обоихъ Пушкинскихъ, поэтъ баронъ Дельвигъ пишетъ въ 1827 году Александру Сергѣевичу:

«Благодарю тебя за вѣсти обо Львѣ. Для него, думаю, будетъ полезна Кавказъ и армейскій полкъ. Пьетъ онъ, какъ я замѣтилъ, болѣе изъ тщеславія, нежели изъ любви къ вину. Толку въ винѣ не знаетъ, пьетъ же, чтобы перепить другихъ. Ты такъ же молодъ былъ, какъ нынѣ молодъ онъ. Помнишь, сколько изъ молодчества выпилъ лишняго! Онъ пьяницей не будетъ. У него умъ растеть еще, и растеть хорошо. Увидишь какимъ вырастетъ».

Отзывы знавшихъ мою мать боевыхъ товарищей ея младшаго брата были для нея страдой. Сплетни о немъ распускались отнюдь не его сослуживцами, а посторонними недоброжелателями обоихъ Пушкинскихъ; но и эти люди, приписывавшіе дядѣ Льву и такіе пороки, о которыхъ онъ понятія не имѣлъ, сознавались, что беззавѣтной храбрости, честности и сердечной доброты у него отнять нельзя; а его соратники говорили единодушно, что такихъ примѣрныхъ товарищей и сострадательныхъ людей какъ Левъ Пушкинъ поискать надо. «Миръ праху твоему Левъ Сергѣевичъ», заключаетъ розказъ о немъ Лореръ.

Веселость и добродушіе «храбраго капитана» привлекали къ нему всякаго. Меланхолика разсмѣшить, огорченнаго утѣшить, недоразумѣнія между товарищами уладить, поединкамъ воспрепятствуетъ, а въ стѣпенныхъ денежныхъ обстоятельствахъ,—на сколько ему возможно,—выручать.

Кошелекъ его былъ всегда открытъ нуждающимся однополчанамъ, коль скоро туда попадали ассигнаціи, высылаемыя или Сергѣемъ Львовичемъ, или Александромъ Сергѣевичемъ. Если же товарищ извиняется, что не можетъ возратить денегъ въ срокъ,—то энергически отпалываетъ: «Убирайтесь къ миллиону чертей, другъ милый» (онъ ни съ кѣмъ кромѣ Соболевскаго не былъ на ты), «какъ вамъ не совѣстно напоми-

нать мнѣ о всякомъ вздорѣ? Не я васъ одолжилъ, а вы меня, не побрезгавъ бездѣлицей. Отдадите когда можно, а умрете, такъ на томъ свѣтѣ». При этомъ смѣялся, шекоталъ и душилъ друга въ геркулесовскихъ своихъ объятіяхъ.

Кромѣ офицеровъ, обожала дядю Льва и рядовые, не нарушая однако по отношенію къ нему правилъ строжайшей дисциплины. «А во на, а детъ батъка!»—говаривали солдатики одинъ другому.

Во Львѣ Сергѣевичѣ,—какъ увѣряла моя мать и его друзья—чувство поэзіи было развито до утонченности, а его сужденія о литературныхъ произведеніяхъ, которыя онъ подвергалъ строгой критикѣ, оказывались, большею частію, совершенно вѣрными.

Изучивъ, въ дни первой молодости,—подъ руководствомъ моей матери Ольги Сергѣевны—отечественныхъ и иностранныхъ писателей, дядя Левъ и въ средѣ кавказцевъ дѣлился своими познаніями, далеко не будучи легкомысленнымъ и пустымъ, какъ постарались представить его люди вовсе его не знавшіе, или же выводившіе о немъ заключенія по наслышкѣ.

Генералъ Раевскій очень благоволилъ къ младшему Пушкину. Въ Нижегородскомъ полку Левъ Сергѣевичъ находился у Раевского въ качествѣ адъютанта, а въ сущности былъ его душевнымъ другомъ. Они были неразлучны, и дядя, вспоминая это время, говаривалъ: «когда мы съ Раевскимъ командовали полкомъ, случилось то-то, а то-то»...

Одѣвивъ литературный слогъ Льва Сергѣевича, Раевскій всегда прибѣгалъ къ его содѣйствию. Такъ, въ 1838 году, послѣ разгрома лагеря у буховъ, Раевскій составилъ объ этомъ дѣлѣ подробное донесеніе государю императору Николаю Павловичу при помощи Пушкина, равно какъ и обзорніе путешествія по восточному берегу Чернаго моря, прочитанное его величествомъ съ выраженіемъ полного удовольствія.

Память моего дяди Льва Сергѣевича мнѣ дорога, почему, изобразивъ его характеристику, считаю долгомъ указать на его служебную дѣятельность, о которой имѣются лишь очень скудныя свѣдѣнія.

По словамъ Ольги Сергѣевны, военная служба была завѣтною мечтою ея младшаго брата; но Сергѣй Львовичъ опредѣлялъ сына,—когда тотъ послѣдній окончилъ курсъ наукъ въ университетскомъ бывшемъ пансіонѣ—на службу гражданскую, въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Являясь на службу всякій день, Левъ Сергѣевичъ говорилъ своей сестрѣ: скучаю въ департаментѣ невыносимо! Та же школа, чиновники тѣ же школьники, а эъзекуторъ записываетъ фамилія кто не является, или опаздываетъ, точно такъ же какъ инспекторъ училища; но въ училищѣ учишься, а въ департаментѣ разучиваешься, переписывая безграмотные восторги столоначальниковъ.

Одѣвивъ такимъ образомъ чиновничье житье-бытье, дядя больше

двухъ лѣтъ не выдержалъ и промѣнялъ департаментскіе подвиги на военные. Безъ вѣдома родителей онъ подалъ въ отставку, а въ мартѣ 1827 года очутился, въ самый разгаръ персидской кампаніи, юнкеромъ покрывшаго себя неуязвимою славой Нижегородскаго драгунскаго полка.

Проявивъ отличную храбрость при осадѣ крѣпости Абась-Абада, Левъ Сергѣевичъ награжденъ былъ чиномъ; отличился затѣмъ при разбитіи полчищъ Абазь-мирзы, взятіи Сардарь-Абада и покореніи Эри-вани, обративъ на себя за мужество особенное вниманіе Паскевича.

Весной 1828 года открылись военныя дѣйствія противъ Турціи, въ которыхъ братъ поэта стяжалъ новые лавры.

Съ окончаніемъ турецкой кампаніи, Левъ Пушкинъ отпросился въ отпускъ и, проживъ въ Петербургѣ болѣе года, хлопоталъ переводъ въ Фяндляндскій драгунскій полкъ, дѣйствовавшій противъ польскихъ мятежниковъ.

- Поступивъ такимъ образомъ вторично подъ начальство Паскевича, Левъ Сергѣевичъ и въ польскую кампанію отличился подъ Пултускомъ, Плонскомъ, Яновомъ, Щучиномъ и въ преслѣдованіи повстанцевъ къ прусской границѣ, за что награжденъ двумя чинами и знакомъ военнаго достоинства.

До 1834 года Левъ Сергѣевичъ проживалъ въ Варшавѣ у своихъ родителей, а въ апрѣлѣ того же года, изъ угожденія своему отцу, опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но не могъ вынести вторичнаго, по его выраженію, чиновничьяго школьничества болѣе трехъ мѣсяцевъ, вышелъ въ отставку, путешествовалъ по Россіи, а послѣ кончины матери, Надежды Осиповны, вновь поступилъ въ 1836 году въ ряды кавказскихъ войскъ.

Въ 1839 году состоялась экспедиція Раевского къ восточному берегу Чернаго моря. Пушкинъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, отличился въ упорномъ дѣлѣ при высадкѣ войскъ въ устьяхъ рѣки Субаша и находился въ непрерывныхъ перестрѣлкахъ; въ апрѣлѣ 1840 года ходилъ въ экспедицію съ генералъ-адъютантомъ Граббе и участвовалъ во всѣхъ блистательныхъ дѣлахъ генераловъ Лабинцева, Галафѣева, Фрейтага и князя Голицына.

Изъ всего изложеннаго можно судить объ энергіи, отвагѣ и распорядительности младшаго Пушкина, заслужившаго прозваніе «храбраго капитана».

Въ маѣ 1842 года Левъ Сергѣевичъ, по постигшей его тяжелой болѣзни, оставилъ службу и съ большимъ прискорбіемъ покинулъ Кавказъ.

III.

Дѣятельность Н. И. Павличева по народному просвѣщенію въ Царствѣ Польскомъ.—Устройство русской книжной торговли въ Варшавѣ.—Записка графу Уварову.—„Польская исторія“ и оппозиція латинскаго духовенства.—„Историческій атласъ Россіи.“—Служба Павличева въ бывшемъ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго.

Моя мать, Ольга Сергѣевна, пораженная неожиданною наследственною кончиною брата-поэта, располагала возвратиться вмѣстѣ съ моимъ отцомъ въ родной ей Петербургъ, гдѣ проживалъ Сергѣй Львовичъ, и своимъ личнымъ присутствіемъ и заботами облегчить дѣду моему скорбь и тягость одиночества. Но отецъ, связанный службой при Паскевичѣ, не нашель это удобнымъ и порѣшилъ, какъ онъ выражался, посвятить себя патриотической дѣятельности въ Привислянскомъ краѣ.

Между тѣмъ русскій кружокъ въ Варшавѣ увеличился давнишними знакомыми Ольги Сергѣевны, въ числѣ которыхъ находились ея родственники. Изъ нихъ генераль-адъютантъ С. П. Шиповъ былъ въ 1838 году назначенъ главнымъ директоромъ бывшей комиссіи внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, а свиты его величества генераль-маіоръ Н. А. Окуневъ—попечителемъ варшавскаго учебнаго округа. Особенно обрадовалъ мою мать пріѣздъ ея троюроднаго брата барона Николая Романовича Бистрома—сына родной внучки Ибрагима Петровича Ганнибала—Фелиціаны Адамовны Роткирхъ. Раздѣляя взглядъ моего отца, Николай Романовичъ сказалъ ему: «Если тебѣ суждено остаться здѣсь, въ Варшавѣ, то водворяй русскій духъ».

Бистромъ попалъ совершенно Николаю Ивановичу въ тонъ, и тутъ же они положили осуществить эти мысли какъ можно скорѣе. Въ энергическомъ содѣйствіи Шипова и Окунева не могло быть сомнѣнія, равно какъ и въ поддержкѣ православнаго архіепископа Антонія, негодовавшего, что дѣти православнаго духовенства ополячивались, посѣщая мѣстныя школы.

Результатомъ бесѣдъ моего отца съ этими лицами оказалось заявленіе Паскевичу директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, генераль-адъютанта Шипова и попечителя варшавскаго учебнаго округа, генераль-маіора свиты его величества Окунева—о необходимости научнаго образованія юношества въ русскомъ духѣ, причемъ оба они выразили желаніе возложить исполненіе этой задачи на зятя русскаго поэта.

— Шиповъ и Окуневъ желаютъ твоего сотрудничества,—сказалъ моему отцу князь Варшавскій,—но не отвлекутъ ли тебя занятія по ихъ

части отъ твоихъ прямыхъ обязанностей? Впрочемъ, одно другому не помѣшаетъ: будешь полезенъ и въ совѣтъ, и по дѣламъ народнаго просвѣщенія, а теперь напиши мнѣ, что надо бы сдѣлать по учебной части.

Въ августѣ 1838 года отецъ, сохраняя должность помощника статсъ-секретаря бывшаго государственнаго совѣта въ Царствѣ Польскомъ, назначенъ былъ членомъ мѣстнаго совѣта народнаго просвѣщенія, въ званіи котораго ввелъ во всѣхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ (повѣтовыхъ) училищахъ русское преподаваніе—сначала историческихъ, а потомъ и математическихъ наукъ, для чего прискивалъ опытныхъ русскихъ наставниковъ, самъ преподавая по-русски въ дополнительныхъ курсахъ Варшавской губернской гимназіи русскую исторію, статистику и географію. Преодолывалъ онъ всевозможныя затрудненія со стороны враждебныхъ намъ элементовъ и преслѣдовалъ свою задачу такъ неутомимо, что—восемь лѣтъ спустя—русское преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго привилось окончательно, а польскій языкъ занялъ въ нихъ мѣсто иностраннаго.

Заботясь о распространеніи среди польской молодежи русскаго чтенія, Николай Ивановичъ воспользовался прїѣздомъ въ томъ же 1838 году купца Всеволода Максимовича Истомина, для устройства въ Варшавѣ русской книжной торговли, и исходатайствовалъ заключеніе съ Истинымъ контракта по снабженію училищъ книгами, не выше петербургскихъ цѣнъ. Тогда же, Павлищевъ, напечатавъ для гимназическаго курса сокращенную русскую исторію по Устрялову, представилъ записку министру народнаго просвѣщенія графу С. С. Уварову о необходимости преподаванія также польской исторіи, но на русскомъ языкѣ, и графъ предложилъ конкурсъ для составленія по этому предмету руководства.

Черновая вышеозначенной записки хранится у меня, изъ которой привожу слѣдующую не безынтересную выдержку:

„Цѣль преподаванія русской исторіи состоитъ въ томъ, чтобы, постепеннымъ раскрытіемъ прошедшаго, освоить юношу съ той истиной, что Россія бытіемъ и благоденствіемъ одолжена самодержавію, и что нынѣшняя Россія есть плодъ мудрыхъ дѣяній русскихъ вѣнценосцевъ, заботившихся о славіи государства и благѣ народномъ. Эта истина, внушая уваженіе къ прошедшему, даетъ чувствовать цѣну настоящаго и вселяетъ въ сердцахъ добраго гражданина любовь къ престолу, славному своимъ тысячелѣтнимъ бытіемъ. Словомъ, цѣль обученія отечественной исторіи—образованіе добрыхъ гражданъ, и никакіе умозрительные выводы философіи не могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ исторіей.

„Опредѣливъ такимъ образомъ цѣль и важность предмета, я убѣдился, что преподаваніе исторіи въ здѣшнихъ училищахъ, какъ простой лѣтописи или хронологіи фактовъ, противурѣчитъ цѣли. Наукѣ необходимо дать формы, доступныя извѣстному возрасту, и вотъ почему я старался изложить главныя событія прагматически, выражая въ нѣсколькихъ словахъ причины и слѣдствія яснымъ простымъ, понятнымъ дѣтскому возрасту. Мы должны преподавать не лѣтопись, а науку; иначе лучше совсѣмъ не учить исторіи.

„Раздѣленіе русской исторіи на три части я принялъ по Карамзину, наравнѣ съ системою котораго едва ли выдержитъ дѣленіе Шлецера на пять частей, или Устрялова на двѣ, а систему сего послѣдняго—Западной и Восточной Руси, я замѣнилъ своею, выведенною изъ лѣтописей системою: Великой, Малой и Бѣлой Руси. Время же переименованія Руси въ Россію опредѣлилъ по грамотамъ и договорамъ.

„Синоптической таблицей удѣловъ я хотѣлъ показывать, какъ нужна исторія удѣльныхъ княжествъ, до сихъ поръ никѣмъ не обработанная, а сливая русскія дѣла съ польскими, указавъ точки взаимнаго ихъ сближенія, наиримѣръ: основаніе Руси Рюрикомъ—основаніе Польши Семовитомъ, кончина Ярослава Мудраго—кончина Казимира-Обновителя, нашествіе монголовъ—пришествіе тевтонцевъ, сверженіе татарскаго ига—освобожденіе Поморья изъ-подъ власти тевтонцевъ, единодержавіе Петра—кончина Собѣсскаго, и т. д.

„Трудъ мой заставляетъ желать многого, но по крайней мѣрѣ не упрекнуть меня я нивъ сомнительности фактовъ, почерпнутыхъ мною изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, ни въ пристрастіи, которое должно быть чуждо добро-совѣстному дѣписателю.

„Теперь—да позволено мнѣ будетъ сказать насчетъ необходимости преподаванія здѣсь польской исторіи.

„Польскую исторію нужно знать не только здѣшнимъ уроженцамъ, но и каждому русскому, если вспомнимъ слова Екатерины Великой, что всякому народу знаніе своей собственной исторіи и географіи нужнѣе, нежели постороннихъ; однакожь безъ знанія иностранныхъ народовъ исторіи, иначе же сосѣдственныхъ дѣяній, своя не будетъ ясна и достаточна.

„Вспомнимъ также, что большая часть событій на пространствахъ отъ Волги до Вислы развивалась изъ политическихъ отношеній Кіева и Москвы къ Кракову и Варшавѣ, и согласимся, что польскія дѣла надлежало бы подробно раскрыть даже въ училищахъ имперіи. Тѣмъ болѣе надобно знакомить здѣшнихъ юношей съ дѣяніями ихъ предковъ, не оставляя ихъ искать разрѣшенія вопросовъ о минувшемъ въ сочиненіяхъ, совершенно противныхъ настоящему, правдивому порядку вещей.

„Писатель, приступающій къ повѣствованію о польской старинѣ, подвергаетъ себя такимъ трудамъ, какіе чужды дѣписцу всякаго инаго народа. Ему предстоитъ, во-первыхъ, хотя и легкая, но незавидная доля быть творцомъ польской исторіи, ибо таковой исторіи нѣтъ въ строгомъ смыслѣ.¹⁾ Единственное сочиненіе Бандке не заслуживаетъ имени исторіи: это лишь матеріалъ безсвязный, нестройный, и не всегда вѣрный, а прочіе польскіе бытописатели только пытались изложить исторію своей родины, начиная съ Нарушевича, и никто изъ нихъ не довелъ ее далѣе исхода прошлаго вѣка; но и тутъ лучшіе опыты принадлежатъ французамъ—Солнъялу и Массюету. Но кому же спрашивается—неизвѣстно, какъ эти французы писали исторію народа, всего замкъ былъ имъ знакомъ по двумъ-тремъ записнымъ фразамъ? Что же касается учебныхъ книгъ Ваги, Делевеля, Миклашевскаго, то, по предвзвѣтому взгляду да извращенію фактовъ, названія исторіи онѣ не заслуживаютъ.

¹⁾ Напоминаю читателямъ, что записка моего отца Н. И. Павличева относится къ 1838 году.

„Во-вторыхъ, добросовѣстнаго писателя ожидаетъ крайне утомительная обязанность опровергать, на всякомъ шагу, небылицы, внесенныя другими въ лѣтопись Польши, разрушая старыя зданія, нагроможденныя, въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, руками равныхъ почитателей польской были. Опровергать эти нелѣпности необходимо, поелику онѣ, освещенныя вѣками, обратились для многихъ въ непреложныя истины.

„Въ такомъ печальномъ положеніи долго находилось преподаваніе польской исторіи въ частныхъ и общественныхъ школахъ, безъ вниманія къ забавнымъ результатамъ, какіе выводилъ оттуда не одинъ смѣтливый юноша; да и въ самомъ дѣлѣ: прослушавъ похвальное слово отъ начала до конца золотой вольности, „рокошамъ“¹⁾, конфедераціямъ, сообразительный ученикъ изумлялся, какимъ образомъ въ заключеніе этихъ славныхъ дѣлъ, вдругъ пришли сосѣди и подѣлили государство? Нельзя же такъ поступить съ государствомъ, гдѣ существуетъ истинная любовь къ отечеству, законы, деньги, войско, крѣпости...

„Между тѣмъ школьникъ, не будучи въ состояніи самъ—безъ предварительныхъ объясненій—разрѣшить себѣ эту мудреную задачу, оставался въ заблужденіи, что такой внезапный переломъ есть только временное состояніе, а временное состояніе пройдетъ скоро, и все пойдетъ опять по старому.

„Съ такими-то предрасудками и долженъ бороться каждый, пишущій польскую исторію. Если текстъ его книги составляетъ одинъ томъ, то читатель долженъ простить ему два тома комментариевъ, иначе его исторія попадетъ въ разрядъ небылицъ или пристрастныхъ сочиненій. Внося въ русскую исторію польскія дѣла, я вынужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сослаться на слова тѣхъ самыхъ писателей, которые наиболѣе пользуются всеобщимъ довѣріемъ....

„Я старался вывести ту истину, что Польское государство разрушилось само собою, отъ тяжести своего безначалія и извурительной религіозной борьбы. Завязка начинается съ кончиной Казимира Великаго, узелъ ея скрѣпляется Брестской унией, казачкія войны наполняютъ XVII столѣтіе, а религіозная борьба—XVII-е и XVIII-е. Печальную эту картину сопровождаютъ врагомы, конфедераціи и разрывы сеймовъ, и шагъ за шагомъ приближается моментъ, когда никакія усилія человѣческія не спасутъ Польскаго государства отъ гибели. Въ этой картинѣ юный умъ видитъ перстъ Божій, не рошеть на враговъ иноземныхъ, и мирится съ настоящимъ положеніемъ, слушая приговоръ писателя Феррана, который говоритъ: ²⁾

„Если кто либо потрудится вспомнить всевозможныя бѣдствія, постигшія поляковъ въ теченіе прошлаго столѣтія, въ особенности послѣ 1733 года, тотъ долженъ признать, что поляки утратили одно лишь прежнее политическое существованіе, бывшее для нихъ единственно источникомъ раздоровъ и несчастій, и которое никогда бы не улучшилось среди встрѣчаемыхъ пренонъ въ ихъ предрасудкахъ, привычкахъ и плохихъ учрежденіяхъ; теперь же они приобрѣли существованіе, согласное съ государствами, часть которыхъ нынѣ они составляютъ, и если это новое ихъ состояніе,—какъ по всему надо полагать—упрочится, то полякъ, сдѣлавшійся гораздо болѣе свободнымъ, бу-

¹⁾ Рокосхи—по польски крамолы, возмущенія.

Л. П.

²⁾ Слѣдующія строки перевожу съ французскаго текста на русскій.

Л. П.

дети въ состояніи, пользуясь преимуществами, предоставленными ему самой природой, оживлять всегда пренебрегаемое пшъ земледѣліе, и освободить свою торговлю отъ разорительной монополіи евреевъ“.

„Нельзя не пожалѣть, что польская исторія не обработана критическимъ образомъ, а пока этого не будетъ, въковыя предразсудки всегда найдутъ пищу въ народномъ тщеславіи, препятствуя распространенію истинъ, разсѣянныхъ въ запискахъ современниковъ или сокрытыхъ въ государственныхъ архивахъ“.

Пожелавшихъ участвовать въ конкурсѣ составленія цѣлесообразнаго руководства польской исторіи по-русски или по-польски, явились, кромѣ моего отца, ученый Балинскій и графъ Потоцкій. Отецъ написалъ «Польскую исторію» по-русски, перевелъ это сочиненіе на мѣстный языкъ, подъ заглавіемъ: «Dz e j e P o l s k i», и, получивъ за него въ 1843 году премію, всеялостивѣйше награжденъ брилліантовымъ перстнемъ, а графъ Уваровъ, въ хранящемся у меня письмѣ автору отъ 18-го марта 1844 года, выразилъ свое сочувствіе въ слѣдующихъ строкахъ:

«Мнѣ пріятно видѣть окончаніе похвальнаго труда и надѣяться, что, обращаясь не только въ рукахъ обучающагося юношества, но и вообще любителей историческихъ свѣдѣній, помянутый трудъ принесетъ ожидаемую пользу. Сужденіе людей безпристрастныхъ оцѣнить вашу трудъ по достоинству».

И дѣйствительно: люди безпристрастные между поляками отнеслись къ труду Николая Ивановича безъ всякаго шовинизма, такъ какъ авторъ, основываясь на изысканіяхъ польскихъ же историковъ, подрѣплялъ ихъ же мнѣніями свои доказательства о невозможности политической независимости Рѣчи Посполитой. Въ числѣ такихъ безпристрастныхъ лицъ оказался и польскій славянофилъ-законовѣдъ Вечеславъ Мацѣевскій. Онъ писалъ отцу между прочимъ слѣдующее:

«За полезный и основательный трудъ вашъ будутъ признательны не только преподаватели и отцы семействъ, но и всякій любитель исторіи славянскихъ племенъ; такому любителю ваша «Польская исторія» послужитъ настольной книгой. Она будетъ содѣйствовать ускоренію момента примиренія, показывая необходимость тѣснаго слиянія Польши съ Россіей, послѣ чего мнѣ остается сказать: Счастливъ, кто разгадалъ свою эпоху! Честь ему и успѣхъ».

Попечитель же Варшавскаго учебнаго округа Н. А. Окуневъ въ 1845 году, писалъ моему отцу:

«Чѣмъ больше будетъ въ обращеніи составленный вами переводъ вашей «Польской исторіи», тѣмъ, кажется, ощутительнѣе должна быть предполагаемая польза, а чтобы дать ходъ этой книгѣ въ польскомъ переводѣ, ближайшимъ средствомъ нахожу необходимымъ раздавать ее въ награду ученикамъ при годичныхъ испытаніяхъ. Ученики возвратятся

*

домой съ книгою, которая останется въ кругу родныхъ, друзей, и конечно будетъ читаема».

Но увы! Сочиненіе отца вызвало негодованіе шляхтичей и нѣкоторыхъ есеидзовъ; первые возмущались опроверженіемъ нелѣпостей предковъ, а вторые — разоблаченіемъ интригъ латинскаго духовенства противъ православнаго народа въ областяхъ, входившихъ, до раздѣла Польши, въ составъ Рѣчи Посполитой. Посылая моему отцу подметныя письма, угрожающія ему даже смертію, эти господа сообщали въ заграничныя журналы противъ него самыя нелѣпыя слухи. Дерзость же есеидза католической соборной церкви св. Іоанна въ Варшавѣ—Декерта дошла до того, что онъ съ каедры этой церкви предалъ «Польскую исторію» Павлицева аваемъ; но тутъ вступились русскія власти, и Паскевичъ усмирилъ Декерта по своему.

Въ тотъ же періодъ времени Н. И. Павлицевъ составлялъ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній «Историческій атласъ Россіи», и за этотъ трудъ, посвященный покойному великому князю Михаилу Павловичу, автору, въ 1846 году, всемилостивѣйше былъ пожалованъ брилліантовый перстень въ тысячу рублей ¹⁾.

Изъ работъ же его по мѣстному государственному совѣту, замѣчательны утвержденные законопроекты: 1) о сокращеніи почетныхъ титуловъ, и 2) постепенная замѣна въ главныхъ комиссіяхъ польскихъ чиновниковъ русскими.

Въ январѣ 1841 года, съ упраздненіемъ государственнаго совѣта Царства Польскаго, Николай Ивановичъ былъ назначенъ помощникомъ оберъ-прокурора общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената.

Левъ Павлицевъ.

¹⁾ Второе изданіе атласа Н. И. Павлицева, съ посвященіемъ памяти великаго князя Михаила Павловича, вышло въ 1873 году; наданіе это значительно пополнено гѣтописью и новыми картами. Л. П.

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ

и

ДВѢ ВСЕПОДДАННѢЙШИЯ ЕГО ЗАПИСКИ.

I.

А. С. Шишковъ по воспоминаніямъ К. С. Сербиновича.

Возникшій еще въ концѣ прошлаго столѣтія, но съ особою силою разгорѣвшійся въ началѣ нынѣшняго, споръ между защитниками стараго и приверженцами новаго слога долго занималъ всѣхъ въ нашей литературѣ, пока наконецъ общее мнѣніе не рѣшило его въ пользу той стороны, на которой остались всѣ лучшіе современные таланты. Людямъ свойственно ошибаться, простиительно отставать свои убѣжденія съ горячіюстію; но жаль, когда споры доходятъ до личностей, а еще болѣе жаль, когда остается въ потомствѣ такое о лицахъ мнѣніе, которое основываютъ не столько на собственныхъ ихъ дѣйствіяхъ, сколько на отзывѣхъ ихъ противниковъ, отзывѣхъ рѣдко безпристрастныхъ.

Такому мнѣнію подвергались многіе защитники стараго слога, вмѣстѣ съ учрежденіемъ «Бесѣды русскаго слова». Но учредителей этой «Бесѣды» одушевляла заботливость не только о сохраненіи стараго или устарѣшаго слога, но и объ огражденіи отечества отъ иноземныхъ вліяній, вредныхъ въ эпоху безумной французской революціи. Не одинъ Шишковъ стоялъ во главѣ этого общества, но и Державинъ, въ домѣ котораго общество собиралось, и со смертію котораго прекратилось въ 1816 г. Въ «Бесѣдѣ» участвовали многіе почтенные и знаменитые своими заслугами люди, которыхъ нельзя было заподозрить въ чувствахъ недостойныхъ. Не удивительно, что «Бесѣда» съ

начала ея учрежденія (1810 г.) имѣла за собою особенное сочувствіе петербургской публики. Тогда намъ невыносимо было тяготѣіе униженной для Россіи Наполеоновои политики, и многымъ казались подозрительны всякія восхваленія французскихъ писателей XVIII вѣка, которымъ приписывалась и самая революція. Наполеонъ же былъ чадомъ революціи и, поработивъ Европу, угрожалъ порабощеніемъ и Россіи. Посѣтители публичныхъ собраній «Бесѣды» пріѣзжали по чувству патриотизма, если и не по убѣжденіямъ литературнымъ. Такъ пріѣзжали туда и Дмитріевъ, другъ Карамзина, и въ тоже время искренній пріятель Державина и Шишкова. Когда Россія восторжествовала въ Европѣ надъ всемірнымъ завоевателемъ, тогда, казалось, намъ уже нечего было опасаться иноземныхъ вліяній. Такимъ образомъ и «Бесѣда русскаго слова» утратила часть своего значенія. «Бесѣда русскаго слова» перестала уже привлекать къ себѣ публику въ политическомъ отношеніи; за ней признавалась одна лишь забота о сохраненіи чистоты отечественнаго языка въ прежнемъ видѣ, тогда какъ въ публикѣ уже развился вкусъ къ рѣчи болѣе общеупотребительной.

Что касается до отношеній этого общества къ тогдашнему московскому литературному движенію, то, оставивъ въ сторонѣ князя Шаховскаго и нѣкоторыхъ другихъ задорныхъ, можно сказать, что люди благоразумные изъ пристрастныхъ къ старому слогу боялись искаженія языка отъ безразсуднаго подражанія Карамзину многихъ молодыхъ хотя и не талантливыхъ литераторовъ, доходившаго до смѣшнаго въ чуждыхъ нашему языку галлицизмахъ и въ употребленіи иностранныхъ словъ безъ нужды. Недоумѣвали, къ чему поведетъ все это. Изъ лучшихъ новыхъ талантовъ Жуковскій только начиналъ свое поприще; за нимъ шелъ Батюшковъ, и оба стали особенно славиться только съ 1812 года. И конечно, долго бы еще не прекращалось это недоумѣіе и не скоро бы молодые таланты овладѣли полемъ словесности, если-бы не явилась исторія Карамзина и не произвела бы рѣшительнаго перелома въ убѣжденіяхъ даже большей части предубѣжденныхъ противъ него. Когда же она явилась, тогда и Шишковъ и всѣ благоразумнѣйшіе члены «Бесѣды» и Академіи Наукъ успокоились. Они убѣдились, что нечего опасаться искаженія языка, ежели молодое поколѣніе станетъ подражать слогу Карамзина, уже изучившаго всю отечественную старину и вынесшаго изъ нѣдръ ея глубокое знаніе свойствъ русской рѣчи.

Не могу здѣсь не прибавить еще нѣсколько словъ о Шишковѣ, понесемъ на себѣ всю отвѣтственность за учрежденіе «Бесѣды русскаго слова». Я былъ близокъ къ нему и притомъ этою близостію былъ обязанъ Карамзину. Шишковъ былъ сознательно и глубоко пріверженъ къ отечественной старинѣ и до крайности къ старому слогу, увлекааясь притомъ любимую своєю гипотезою о происхожденіи всѣхъ

языковъ отъ славянскаго. Онъ писалъ свободно и многословно, не забываясь впрочемъ о художественной обработкѣ слога. Лучшимъ у него выходило то, что писано имъ отъ полноты сердечнаго убѣжденія. Таковы его манифесты; и очень могло стать, что, при выборѣ савонника для столь важнаго дѣла, вмѣлся въ виду его слогъ, церковно-русскій, который могъ сильнѣе дѣйствовать на нашъ православный народъ. Впрочемъ это одно предположеніе; а то не подлежитъ сомнѣнію, что выборъ палъ на него за рѣчь его «О любви къ отечеству». Сказывали, что при чтеніи этой рѣчи въ публичномъ собраніи «Бесѣды», сардинскій посланникъ, графъ Местръ, пріѣхавшій, какъ и многіе иные, изъ любопытства, напрасно старался узнать о подробностяхъ чтенія. Восторгъ былъ такъ великъ, что никто не обращалъ вниманія на его вопросы: онъ узналъ только, что всѣ русскіе одушевлены самымъ горячимъ чувствомъ патриотизма. Карамзинъ могъ бы сказать такую рѣчь изящнѣе и даже сильнѣе, но едва ли бы могъ возбудить подобный восторгъ, если-бъ сказалъ въ иное время. А это сказано было наканунѣ войны 1812 года!

Шшковъ былъ мужъ правдивый, который безъ всякой лести, въ простотѣ сердца говорилъ царямъ какъ что понималъ по чувству любви къ отечеству, чуждаясь личныхъ выгодъ и не боясь лишиться милости царской за правду. Когда онъ спорилъ о языкѣ, опасаясь искаженія его, то можно было замѣчать въ немъ негодованіе, но не злость. Зависти былъ онъ также чуждъ совершенно. Личностей всегда избѣгалъ и въ Разсужденіи его о старомъ и новомъ слогѣ, при выпискѣ критикуемыхъ имъ фразъ, никого изъ употребившихъ ихъ сочинителей не называлъ по имени. Надобно было журналу «Меркурію» самому назвать Карамзина, чтобы упрекнуть Шшкова въ выпискѣ этихъ фразъ изъ сочиненій Карамзина. На это Шшковъ отвѣчалъ: «Меркурій» упоминаетъ здѣсь о господинѣ К..., котораго я лично не имѣю чести знать (это было еще въ 1804 г.), и какъ сочинитель самъ не есть сочиненіе его, то, по долгу уваженія моего къ именамъ людей, и не считалъ бы я себя въ правѣ входить о немъ въ какія либо разсужденія, если бы не вынужденъ былъ издателемъ «Меркурія», который говоритъ, что я фразы сего писателя поставилъ наравнѣ съ фразами ученическими. Я нигдѣ въ книгѣ моей не говорилъ о господинѣ К..., и не только никого не назвалъ въ ней по имени, но даже и о заглавіи тѣхъ книгъ, изъ которыхъ выбиралъ я несоответственныя языку нашему рѣчи, отнюдь не упомянулъ. Слѣдовательно, съ моей стороны самымъ строжайшимъ образомъ соблюдена была всякая возможная скромность».

Не такъ поступали съ нимъ нѣкоторые изъ молодыхъ противниковъ его: они прямо безъ всякой церемоніи осыпали яма его эпиграммами и

сарказмами, и хотя правда была на ихъ сторонѣ, но въ способѣ нападенія могла извинить ихъ только пылкость молодости.

Въ 1816 году Державинъ, пользуясь временнымъ пребываніемъ Карамзина въ Петербургѣ, познакомилъ его съ Шашковымъ. Въ письмѣ Николая Михайловича къ супругѣ сказано: «я видѣлъ и Шашкова: бесѣдовали съ нимъ около 3 часовъ въ троюмъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною... о происхожденіи славянскихъ словъ».

Очевидцы сказывали мнѣ, что Карамзинъ, видѣвшись первый разъ съ Шашковымъ, сказалъ ему: «люди, не знающіе коротко ни васъ, ни меня, вздумали изображать меня врагомъ вашимъ. Они слишкомъ ошибаются. Я привыкъ уважать добросовѣстность писателей, имѣющихъ въ виду общую пользу, хотя и не согласныхъ съ моимъ убѣжденіемъ. Я не врагъ вашъ, а напротивъ того, считаю себя обязаннымъ вамъ за многое, что было высказано вами и удержало меня отъ ошибокъ». Съ тѣхъ поръ они остались навсегда добрыми знакомыми и съ пріятностію посѣщали другъ друга.

Александръ Семеновичъ Шашковъ, по словамъ самого Николая Михайловича, былъ человекъ честный и добросердечный. Карамзинъ говоритъ даже объ его голубиномъ незлобін¹⁾. Мудрено-ли, что, несмотря на свои литературныя предубѣжденія, онъ полюбилъ Карамзина за его скромность и миролюбіе.

Съ 1816 года, т. е. со времени ихъ знакомства, Шашковъ могъ уже получить полное понятіе о слогѣ его «Исторіи», тѣмъ болѣе что Николай Михайловичъ читалъ отрывки сначала великой книгѣ Екатерины Павловны, въ Твери, а потомъ и императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и въ вѣкоторыхъ частныхъ домахъ. Когда же «Исторія» вышла въ свѣтъ (т. е. въ 1818 году), самъ Шашковъ, имѣя ее въ рукахъ, немного могъ найти въ ней такого, что ему прежде не нравилось въ его слогѣ. Онъ отдавалъ полную справедливость благонамѣренному труду и таланту автора.

Не слыхалъ я отъ Александра Семеновича Шашкова горячихъ похвалъ этой «Исторіи» до самаго 1829 года, т. е. до изданія въ свѣтъ XII тома, уже по кончинѣ Карамзина. Александръ Семеновичъ получилъ этотъ томъ лѣтомъ, находясь временно въ Москвѣ, куда и мнѣ случилось пріѣхать въ іюль и застать его только что кончившаго чтеніе книги. «Вообрази себѣ,—сказалъ онъ, лишь только меня увидѣлъ,—я не могъ оторваться отъ этой книги, я прочелъ ее безъ отдыха и нахожу

¹⁾ Вотъ что писалъ онъ въ Москву къ своей супругѣ: «Шашковъ проситъ меня, чтобы я предложилъ ему когонибудь въ члены Академіи. Кого-же? Развѣ Блудова, Дашкова, въ надеждѣ на его голубинное незлобіе»; а въ другомъ письмѣ: «Люблю Шашкова за его доброе сердце».

превосходною: въ цѣломъ томѣ я замѣтилъ только три выраженія, которыхъ, по мнѣнію моему, надлежало бы избѣгнуть въ такомъ прекрасномъ слогѣ».

Наконецъ (кто бы могъ подумать?) Александръ Семеновичъ дѣйствительно прочелъ всѣ томы, когда уже былъ совсѣмъ слѣпъ: т. е. ему прочла ихъ племянница второй его супруги (дѣвица Сесилія Окенская), и онъ прослушалъ все это безсмертное твореніе съ полнымъ наслажденіемъ.

Изъ другихъ нашихъ первоклассныхъ писателей, Шишковъ отдавалъ полную справедливость Жуковскому, особенно въ нравственномъ направленіи его поэзіи; любовался удачными мѣстами его стихотвореній, (напримѣръ, началомъ баллады «Свѣтлана»), но никакъ не могъ привыкнуть къ часто встрѣчающимся у него фигурамъ подражанія и другимъ особенностямъ и вообще къ его романтической школѣ.

И Жуковский, когда мы шли за гробомъ Шишкова, сказалъ мнѣ: «это нашъ послѣдній долгъ истинно честному и правдивому человѣку».

Съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ сошелся Шишковъ очень дружелюбно, когда судьба привела ихъ быть сослуживцами въ продолженіе года съ небольшимъ. Съ Дашковымъ же не было ему и случая сойтись.

Шишковъ имѣлъ роднаго племянника, тоже Александра (Ардальоновича) Шишкова, автора Восточной Лютни, друга Пушкина и подражателя ему не только въ стихахъ, но и въ южескихъ увлеченіяхъ: чѣмъ дядя былъ очень недоволенъ. Но въ Пушкинѣ признавалъ онъ истинный талантъ. Онъ ему нравился болѣе Жуковского—за особенную чистоту языка и всегдашнюю ясность.

Извѣстны стихи Пушкина въ посланіи къ цензору, когда Шишкову ввѣрено было министерство народнаго просвѣщенія:

„Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа,
Священной памятью двѣнадцатаго года“.

Шишковъ не искалъ ничьей похвалы, и Пушкинъ также не мало не думалъ льстить ему, но сказалъ именно то, что чувствовалъ.

Вышедшій потомъ уже, въ 1826 году, строгій цензурный уставъ Шишкова не могъ нравиться Пушкину, хотя и не могъ собственно стѣснять его, потому что онъ самъ для себя былъ строгій цензоръ, но при новомъ цензурномъ уставѣ онъ не разъ жаловался на цензоровъ.

И впоследствии Пушкинъ никогда не выходилъ изъ предѣловъ уваженія къ этому старцу, одностороннему въ сужденіяхъ о литературѣ, но почтенному по своимъ душевнымъ свойствамъ и заслугамъ.

II.

Два всеподданнѣйшія записки А. С. Шишкова.

1.

О главнѣйшихъ распоряженіяхъ министерства народнаго просвѣщенія съ юня 1824 года по январь 1826 года.

1) При самомъ вступленіи моемъ въ отправленіе должности министра народнаго просвѣщенія произнесъ я въ главномъ правленіи училищъ двѣ рѣчи, изъ коихъ первую, объяснивъ въ чемъ именно состоитъ истинное просвѣщеніе и какого содѣйствія ожидаю я отъ гг. попечителей и другихъ членовъ главнаго правленія училищъ въ возможномъ дѣлѣ образованія русскаго юношества, постановилъ основаніемъ распоряженій своихъ по сей части слѣдующее главное правило: Науки, изощряющія умъ, не составляютъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго. Во второй рѣчи, предваривъ слушателей, что, вопреки данныхъ прежде Великою Екатериною и Благословеннымъ Александромъ высочайшихъ указовъ, нѣкоторыя книги, содержащія въ себѣ несогласныя съ вѣроисповѣданіемъ нашимъ толкованія о вѣрѣ, безъ надлежащаго разсмотрѣнія печатались и выпускались, между тѣмъ какъ книги, въ опроверженіе сихъ ложныхъ толкованій написанныя, подвергались строгому запрещенію, — распространился я о силѣ и важности высочайшаго его императорскаго величества указа, послѣдовавшаго по сему случаю на мое имя въ 17-й день ноября 1824 года, которымъ повелѣвалось мнѣ истреблять и обличать всякія разсѣяныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя лжеученія. Вслѣдствіе чего я пригласилъ всѣхъ гг. членовъ главнаго правленія училищъ обратить особенное вниманіе на книги, въ которыхъ усмотрять они что либо противное вѣрѣ, правительству или доброй нравственности, и замѣчанія свои представлять въ главное правленіе училищъ, которое не оставитъ принять нужныя мѣры къ прекращенію и обузданію таковой дерзости злонамѣренныхъ умствователей.

2) Извѣстно, что подъ видомъ изъясненія таинствъ природы, толкованія священнаго писанія и защищенія правъ гражданина и чело-вѣка, книгопечатаніе наше наводнено было противными вѣрѣ и правительству сочиненіями и переводами. Нѣкоторыя изъ нихъ и, можно сказать самыя зловредныя, были духовнаго содержанія, и напечатанныя безъ разсмотрѣнія духовной цензуры, обращались во множествѣ между всѣми состояніями людей, рассылались въ духовныя и свѣтскія

училища, раздаваемы были воспитанникамъ въ награду за прилежаніе въ наукахъ и благо нравіе. Тридцать томовъ таковыхъ сочиненій министерство народнаго просвѣщенія препроводило въ Святѣйшій Синодъ на разсмотрѣніе, и въ то же время отобрало ихъ изъ книгохранилищъ всѣхъ своихъ учебныхъ заведеній, взяло изъ обращенія между воспитывающимся въ нихъ юношествомъ, и такимъ образомъ пресѣкло пагубныя плоды, которые неминуемо долженствовали произрасти отъ того въ юныхъ умахъ ятомецевъ. Святѣйшій Синодъ учинилъ таковыя же предварительныя распоряженія по своему вѣдомству. По важности сего дѣла я буду имѣть счастье особо донести о немъ вашему императорскому величеству.

3) Уставы высшихъ и другихъ учебныхъ заведеній, составленные при образованіи университетовъ въ 1804 году и послѣдовавшихъ годахъ, будучи по большей части списками отъ уставовъ иностранныхъ учебныхъ заведеній, недостаточно приравнены къ свойствамъ и обычаямъ нашимъ, требовали значительныхъ перемѣнъ и дополненій, тѣмъ паче, что болѣе нежели двадцати-лѣтняя опытность показывала важныя неудобства, которыя непременно надлежало отклонять. На сей конецъ при главномъ правленіи училищъ учрежденъ особый комитетъ, для составленія проекта устава учебныхъ заведеній, которому поставлено въ обязанность разсмотрѣть всѣ существующія доселѣ по части министерства народнаго просвѣщенія постановленія и распоряженія и, принявъ въ соображеніе мнѣніе университетовъ и попечителей оныхъ, приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія.

4) Министерство народнаго просвѣщенія отъ самаго начала своего не имѣло постояннаго плана, которымъ бы всегда руководствуясь могло оно въ продолженіе времени всѣ части онаго привести въ желаемое устройство. Дабы помочь сему неудобству, приглашены всѣ члены главнаго правленія училищъ къ представленію мнѣній своихъ о составленіи таковаго плана. Между тѣмъ канцелярія министра занимается обзорѣемъ узаконеній, существующихъ по части народнаго просвѣщенія въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ государствахъ Европы; а для пособія при семъ занятіи, требованы отъ университетовъ свѣдѣнія и замѣчанія, сдѣланныя разными профессорами во время путешествій ихъ въ чужихъ краяхъ, на счетъ образованія, порядка и хода народнаго просвѣщенія въ иностранныхъ государствахъ.

5) Съ распространеніемъ училищъ не приготовлены были учебныя книги для единообразнаго преподаванія наукъ; профессоры и учителя въ общемъ наставленіи юношей слѣдовали каждый своему произволу и понятіямъ; отсель одна и та же наука преподавалась разнообразно, иногда съ недостаткомъ, иногда съ примѣшаніемъ многихъ излишествъ, и часто съ упущеніемъ изъ виду главнѣйшихъ въ просвѣ-

щеніи основаній: чистой христіанской вѣры и доброй нравственности. Для прекращенія таковыхъ безпорядковъ поставлено въ обязанность ученаго комитета: 1-е, изъ всѣхъ ученыхъ книгъ избрать для каждой науки лучшія, которыя въ настоящемъ ихъ видѣ безъ всякой перемѣны могутъ и должны оставаться въ употребленіи на будущее время; 2-е, отдѣлать тѣ изъ учебныхъ книгъ, которыя хотя и могутъ быть употреблены для предполагаемой цѣли, но съ допущеніемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ или дополненій; 3-е, означить, какія именно учебныя книги, за всѣми сими распоряженіями, нужно будетъ составить вновь. И наконецъ, изложить, на какомъ основаніи какъ сіе составленіе, такъ и означенное выше пополненіе учебныхъ книгъ можетъ быть произведено благоуспѣшно. Но какъ въ исполненіи всѣхъ сихъ предположеній пройдетъ не малое время, то на первый случай составить опредѣлительное указаніе авторовъ, коими должно руководствоваться по всѣмъ частямъ преподаваній, и симъ распоряженіемъ упразднить затруднительную необходимость разсматривать отдѣльно конспекты или обзорнія преподаваній каждаго профессора и по каждой наукѣ.

6) Имѣя въ виду, что одно изъ главнѣйшихъ средствъ содержать учебныя заведенія во всегдашней дѣятельности, порядкѣ и устройствѣ есть неупустительные осмотры сихъ заведеній, министерство народнаго просвѣщенія заблаговременно обратило вниманіе свое на сіе важное дѣло и, не нашедъ полныхъ и удовлетворительныхъ во всѣхъ частяхъ правилъ для руководства визитаторовъ, учредило временный комитетъ при главномъ правленіи училищъ для составленія особой на сей конецъ инструкціи. Трудъ сей приведенъ къ окончанію, и судя по тому, что основаніемъ онаго по нравственной части принято слово Божіе и ученіе нашей православной церкви, и что все прочее, относящееся къ осмотру учебныхъ заведеній, изложено съ надлежащею ясностію и подробностію, не остается желать ничего болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ строго подтверждены къ исполненію существующія объ осмотровѣ учебныхъ заведеній попечителями, членами университета и деректорами училищъ узаконенія, и плоды сей, оставшейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ употребленія, мѣры, къ немалому утѣшенію начальства начинаютъ оказываться не въ одномъ учебномъ округѣ.

7) Кромѣ сихъ общихъ мѣръ касательно осмотра учебныхъ заведеній, министерство народнаго просвѣщенія не упускало пользоваться случаями узнавать о состояніи ихъ отъ постороннихъ и даже не принадлежащихъ къ нему лицъ. Въ семъ намѣреніи, и имѣя въ виду, что путешественникъ, не обнаруживающій порученія осматривать учебныя заведенія, нрѣдко гораздо болѣе имѣетъ возможности открывать настоящее ихъ положеніе, нежели нарочно посылаемые на сей конецъ визитаторы, поручено было статскому совѣтнику Свиньину сдѣлать

замѣчанія объ учебныхъ заведеніяхъ, которыя встрѣтятся ему на пути его въ Грузію. Г. Свининъ, окончивъ путешествіе свое, представилъ общія замѣчанія о ходѣ просвѣщенія въ Южномъ краѣ Россіи, которыя, будучи прочитаны въ главномъ правленіи училищъ, переданы для соображенія комитету составленія проекта устава учебныхъ заведеній. Сверхъ того, посланъ отъ министерства состоящій по особымъ порученіямъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія въ званіи камергера коллежскій совѣтникъ Беревкинъ для осмотра учебныхъ заведеній: Орловской, Воронежской и Калужской губерній. Порученіе сіе приводится нынѣ къ окончанію, и состояніе учебныхъ заведеній въ трехъ вышеозначенныхъ губерніяхъ приведено будетъ въ надлежащую извѣстность.

8) Недовольствуясь собраніемъ обстоятельныхъ и подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ вообще учебныхъ заведеніяхъ, я почелъ за нужное личнымъ обзорѣніемъ удостовѣриться въ благосостояніи нѣкоторыхъ университетовъ. Для сего, съ высочайшаго блаженной памяти государя императора соизволенія, осмотрѣвъ мною Дерптскій университетъ и приступлено къ осмотру С.-Петербургскаго, хозяйственную часть коего обзорѣла уже, по порученію моему, директоры департамента народнаго просвѣщенія и канцелярія моей. Во время четырехъ-дневнаго моего пребыванія въ Дерптѣ осматривалъ я университетскія зданія, клинику, бібліотеку, кабинеты и другія къ учебнымъ пособіямъ относящіяся заведенія; присутствовалъ лично на пятнадцати профессорскихъ лекціяхъ, выкалъ въ нравственное направленіе преподаваній, старался развѣдать отъ постороннихъ живущихъ тамъ людей о поведеніи и образѣ мыслей учащихся и учащихъ, и имѣлъ удовольствіе замѣтить во всемъ надлежащій порядокъ и устройство. Дерптская гимназія и тамошнее уѣздное училище при осмотрѣ моемъ также дали себя замѣтить съ выгодной стороны; о послѣдствіяхъ сего осмотра я имѣлъ счастье докладывать въ подробности блаженной памяти государю императору въ 19-й день іюля протекшаго (1825) года. Строительная часть С.-Петербургскаго университета, при обзорѣніи оной директорами департамента и канцеляріи моей, не представила желаемаго благоустройства. Усмотрѣнная ими неисправность въ веденіи счетовъ и въ расходованіи строительныхъ суммъ, несоблюденіе существующихъ на сей конецъ правилъ и неполнота отчетныхъ документовъ—поставили меня въ необходимость поручить хозяйственному комитету главнаго правленія училищъ встребовать отъ исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рунича, всѣ веденныя имъ по сему случаю приходо-расходныя книги съ принадлежащими къ нимъ документами и разсмотрѣть ихъ во всей подробности. Я тѣмъ болѣе почиталъ сію мѣру необходимою, что въ

число назначенныхъ на строенія и передѣлки по С.-Петербургскимъ университетскимъ зданіямъ и гимназіи 1.300,000 рублей, израсходовано уже до 740,000 рублей. О послѣдствіяхъ такового распоряженія моего я буду имѣть счастье повергнуть на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе особенное донесеніе.

9) Дабы судить непогрѣшительно, достигаютъ ли предположенной правительствомъ цѣли всѣ какъ высшія, такъ среднія и низшія учебныя заведенія, т. е. успѣваютъ-ли первыя на пути усовершенствованія наукъ и полезныхъ знаній и содѣйствуютъ ли послѣднія къ распространенію въ народѣ необходимыхъ для благосостоянія его свѣдѣній, поставлено въ обязанность попечителямъ ежегодно представлять отчеты о дѣйствіяхъ университета и ихъ учебныхъ округовъ не только по хозяйственной, но преимущественно по нравственной и учебной частямъ. А чтобы имѣть картину постепеннаго приращенія и хода просвѣщенія въ университетахъ, со времени ихъ учрежденія, требованы историческія записки сихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

10) Объявлено во всеобщее свѣдѣніе и строго подтверждено, чтобы, на основаніи указа 1757 года, ни подъ какимъ видомъ не допускаемы были къ воспитанію юношества въ частныхъ домахъ учителя, не получившіе свидѣтельствъ отъ нашихъ университетовъ о познаніяхъ и способности ихъ преподавать науки, также безъ достаточнаго удостовѣренія въ доброй ихъ нравственности. Но дабы со временемъ можно было вовсе упразднить участіе иностранцевъ въ образованіи российскихъ юношей, составленъ проектъ учрежденія училища русскихъ наставниковъ и воспитателей, который и разсматривается нынѣ въ главномъ правленіи училищъ.

11) Преподаваніе славянскаго языка, на которомъ написаны всѣ наши священныя и церковныя книги, на которомъ соблюдаются историческія древности народа нашего, повсемѣстно введено въ употребленіе. До сего времени не было даже ни одной печатной славянскоѣ грамматикѣ, которую бы можно было принять въ руководство, и первая таковая только недавно издана въ свѣтъ.

12) На изученіе языка греческаго, съ котораго мы взяли священное писаніе и ученіе православной вѣры нашей, не обращено было должнаго вниманія, и языку латинскому, чуждому для насъ по многимъ отношеніямъ, отдавалось явное преимущество. Нынѣ изученію греческаго языка возвращены отнятыя у него права и преимущества.

13) Въ обширномъ Виленскомъ и Дерптскомъ учебныхъ округахъ, языкъ русскій хотя и считался въ числѣ классныхъ предметовъ ученія, но подданные русскіе, даже образованные въ заведеніяхъ, отъ щедротъ монарха нашего воздвигнутыхъ, не знали господствующаго въ государ-

ствѣ языка. Для отклоненія сего важнаго неудобства приняты надлежащія мѣры.

14) Новый цензурный уставъ, сіе необходимое для блага народнаго постановленіе, составленный въ проектѣ при прежнемъ министерствѣ, разсматривается нынѣ съ тою внимательностію, какой требуетъ важность сего дѣла. Сдѣланныя по сему случаю замѣчанія переданы въ ученый комитетъ, и не безъ причины можно надѣяться, что скоро цензура наша, получивъ новое образованіе и новые способы, безпрепятственно станетъ на стражѣ и безъ великихъ усилій, какъ нынѣ, будетъ охранять читателей не только отъ всякихъ зловредныхъ, но и отъ всѣхъ бесполезныхъ умствованій.

15) Система философскихъ наукъ, имѣющая руководствомъ мерцающій свѣтильникъ естественнаго разума, и отъ того всегда не надежная и шаткая въ самомъ основаніи своемъ, разсматривается нынѣ при свѣтѣ откровенія. Уже собраны на сей конецъ мнѣнія всѣхъ членовъ главнаго правленія училищъ, и скоро сіе важное дѣло приведено будетъ къ желаемому окончанію.

16) Въ числѣ русскихъ классическихъ книгъ, употребляемыхъ до сего времени въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, не было такой, въ которой бы основанія нравственной Богословіи собраны были и расположены систематически. Чтобы помочь сему неудобству, приглашенъ профессоръ духовной академіи, протоіерей Кочетовъ, ко второму изданію сочиненной имъ книги, подъ заглавіемъ: «Черты дѣятельнаго ученія вѣры». Плавъ сего изданія распространенъ согласно съ видами министерства, и самое сочиненіе усовершенствовано. Всѣ содержащіяся въ немъ истины изложены ясно, опредѣлительно и сообразно съ ученіемъ нашей церкви. А потому и почтено за нужное ввести книгу сію во всеобщее по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія употребленіе.

17) Даны двумъ новымъ попечителямъ и для свѣдѣнія прочихъ печатаются въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія наставленія. Сущность содержанія ихъ состоитъ въ попеченіи о благоустройствѣ учебныхъ заведеній, о распространеніи просвѣщенія въ юношества на твердомъ основаніи слова Божія, о сохраненіи въ чистотѣ православнои нашей вѣры, о соблюденіи и передачѣ въ потомство, безъ всякой примѣси, врожденной намъ преданности къ государю и любви къ отечеству.

18) Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія составились въ разное время многія вольныя ученые общества, на нравственную цѣль коихъ не обращемо было доселѣ надлежащаго вниманія. Здѣсь разумѣется нравственная цѣль по заключенію изъ трудовъ и дѣйствиі сихъ обществъ. Нынѣ поставлено въ непремѣнную обязан-

ность ихъ, во-первыхъ, доставить обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ ознаменовали они существованіе свое со времени ихъ учрежденія, и во-вторыхъ, доставлять ежегодно отчеты о занятіяхъ своихъ или представлять ежемѣсячныя о томъ записки.

19) Обращая, по званію моему, бдительное вниманіе на такъ называемый господствующій духъ времени и имѣя въ виду, что главнѣйшіе источники распространенія у насъ между образованнѣйшею частію народа, такъ называемаго общественнаго мнѣнія, суть повременныя изданія, я съ самаго вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія не престававъ наблюдать, чтобы въ нихъ не заключалось ничего такого, что бы могло хотя слегка и косвеннымъ образомъ имѣть наитіе на умы къ нарушенію уваженія къ святынямъ, преданности къ престолу и отечественнымъ постановленіямъ. Такимъ образомъ изданія сіи, только размножившіяся въ отечествѣ нашемъ и служившія нерѣдко пищею праздности или, что еще хуже, легкимъ способомъ распространенія ложныхъ и противу-правственныхъ мнѣній, приведены по возможности къ настоящей цѣли существованія ихъ, къ распространенію полезныхъ въ среднемъ классѣ народа свѣдѣній.

20) Для полезнаго занятія с.-петербургской публики и для доставленія удобнаго случая желающимъ пріобрѣсть нужныя познанія, министерство народнаго просвѣщенія дозволило открыть въ столицѣ вольныя курсы профессорамъ: Соловьеву—курсъ опытной физики въ кабинетѣ Росляна, и Бутырскому—курсъ россійской словесности.

21) Обращено особенное вниманіе на частныя учебныя заведенія въ столицѣ, осмотры коихъ производятся нынѣ ректоромъ и членами С.-Петербургскаго университета.

22) Неупустительное присутствіе мое на всѣхъ годичныхъ испытаніяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ столицы доставило мнѣ возможность судить объ успѣхахъ въ наукахъ воспитывающагося въ нихъ юношества и, что важнѣе,—о нравственномъ направленіи преподаваній. При сихъ случаяхъ вообще не замѣчено ничего къ невыгодѣ сихъ заведеній какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ.

23) Сдѣлано распоряженіе объ изданіи, вмѣсто журнала министерства народнаго просвѣщенія, записокъ на новомъ и гораздо полезнѣйшемъ основаніи.

24) Усилены дѣйствія ученаго и хозяйственнаго комитетовъ главнаго правленія училищъ назначеніемъ въ нихъ новыхъ членовъ. При чемъ поставлено за правило: независимо отъ ежемѣсячнаго свидѣтельства суммъ, свидѣтельствовать ежегодно все казенное имущество.

2.

О главнѣйшихъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ и о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по протестантскимъ церквамъ въ Россіи, съ 1824 по 1826 годъ.

О духѣ нынѣшняго римскаго правительства.

По возведеніи нынѣшняго папы на римскій престолъ, посланникъ нашъ г. Италинскій предувѣдомилъ российское министерство, что сей первосвященникъ и окружающіе его прелаты уклоняются отъ правилъ терпимости и умѣренности, коими предмѣстникъ его руководствовался, и желаютъ, сколько возможно, возстановить прежнюю власть римскаго престола.

Вскорѣ появилось у католическихъ епископовъ въ Россіи окружное посланіе сего папы, доставленное къ намъ мимо посланника нашего и мимо министерства, хотя неоднократно подтверждено было римскому правительству и получено отъ него обѣщаніе, всѣ его декреты и посланія къ духовенству въ Россіи, сообщать российскому министерству чрезъ нашу миссію.

По разсмотрѣніи въ главномъ управленіи помянутой буллы, открыты въ оной разныя внушенія по тѣмъ видамъ, кои обнаруживалъ посланникъ. Она возносила западную церковь, яко единую истинную, вѣѣ коей нѣтъ спасенія; поощряла къ нетерпимости, изображала неприкосновенность верховной власти преемника св. апостола Петра; возлагала обязанность соблюдать свято права его и установленія, повелѣвая прибѣгать во всѣхъ сомнѣніяхъ и во всякихъ нуждахъ къ папѣ.

Въ сей буллѣ видно было присвоеніе той неограниченной монархической власти папы въ дѣлахъ церковныхъ, которая возникла въ среднихъ вѣкахъ и, бывъ несовмѣстна съ правами государей, поставлена нынѣ самими католическими державами въ надлежащіе предѣлы. Такъ въ Австріи, въ богословскихъ книгахъ, утвержденныхъ правительствомъ для употребленія въ училищахъ, опровергается мнѣніе о непогрѣшимости папы, яко преемника Петра Апостола, и о полнотѣ его власти; и тамъ изданы подробныя учрежденія, кои духовенство безпрекословно исполнять должно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, кои, не касаясь догматовъ вѣры, имѣютъ отношеніе къ гражданскимъ установленіямъ.

По симъ соображеніямъ я полагалъ окружное посланіе новаго папы запретить, на что совершенно согласился министръ иностранныхъ дѣлъ, и на что, по разсмотрѣніи дѣла въ комитетѣ министровъ, послѣдовало въ августѣ мѣсяцѣ минушаго года высочайшее соизволеніе.

Посему главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій обращаетъ нынѣ особенное вниманіе на то, чтобы сія духовная

власть не выходила изъ установленныхъ для нее предѣловъ. Недавно представлялся къ сему слѣдующій случай:

О буллѣ, коадьютору самогитскаго епископа данной.

Наши сношенія съ римскимъ дворомъ касаются по большей части также духовнаго утвержденія епископовъ, всемилостивѣйше наименованныхъ въ сей санъ. По перепискѣ съ симъ дворомъ, съ 1816-го года продолжавшейся, получена наконецъ булла о посвященіи коадьютора самогитской римско-католической епархіи князя Игнатія Гедройца. Къ сей буллѣ присоединено нѣсколько разныхъ посланій и разрѣшеній, и между прочимъ: 1-е, особое дозволеніе коадьютору князю Гедройцу удержатъ въ семь званій два прежнія его мѣста: первое—прелата архидіакона самогитской каеодры, и второе—настоятеля Шавельской церкви. Но никогда наше правительство, какъ и католическія державы, не допускало власти папы раздавать бенефиціи по своему произволению; а зависить сіе отъ самодержавной власти и отъ тѣхъ лицъ, коимъ государь предоставляетъ распредѣленіе низшихъ духовныхъ бенефиціи; 2-е, особое посланіе къ вассаламъ епископскимъ, чтобы они повиновались князю Гедройцу и служали ему. Сіе предполагаетъ власть папы повелѣвать крестьянамъ столовыхъ епископскихъ имѣній,—между тѣмъ какъ римско-католическое духовенство владѣетъ сими имѣніями по соизволенію государя императора, а не по какому либо праву, отъ папы исходящему; 3-е, разрѣшеніе князю Гедройцу, какъ будущему епархіальному архіерею, выдавать изъ церквей и монастырей укрывающихся тамъ преступниковъ и дезертировъ, требуя однако-же отъ свѣтскаго начальства общанія подъ клятвою, что они не будутъ наказаны.

Я представилъ въ комитетъ министровъ, что всѣ таковыя разрѣшенія папскія должны быть оставлены безъ дѣйствія.

О буллѣ, изданной для празднованія юбилея.

Вмѣстѣ съ помянутымъ выше окружнымъ посланіемъ прислана была булла, въ которой папа Левъ XII объявлялъ юбилей или празднованіе святаго лѣта, каковое въ римской церкви учреждается чрезъ каждые 25 лѣтъ. Въ сей буллѣ папа приглашалъ католиковъ къ покаянію и къ моленіямъ ваппаче въ самомъ Римѣ, яко столицѣ христіанства, гдѣ поучать прощеніе грѣховъ и духовныя милости.

Поелику подобное празднество дозволено было при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1775 году, то и по нынѣшней буллѣ дозволено праздновать юбилей въ Россіи.

О декретѣ, касающемся тайныхъ обществъ.

Въ 1821 году издава была Пиемъ VII булла противъ общества карбонаровъ и другихъ тайныхъ обществъ. Сею буллою воспрещено духовнымъ и свѣтскимъ людямъ римскаго вѣроисповѣданія участвовать въ сихъ обществахъ какимъ либо образомъ или содѣйствовать онымъ и поставлено въ обязанность каждому объявлять о всѣхъ тѣхъ, кои находятся въ обществѣ карбонаровъ, объ ихъ уставахъ и дѣйствіяхъ епископамъ или тѣмъ, до кого сіе относится. На неисполнителей сего постановленія папа изрекъ проклятіе и отлученіе отъ церкви, отъ котораго никто, кромѣ его самого, разрѣшить не могъ, развѣ въ часъ смертный.

Блаженной памяти государю императору благоугодно было обнародовать сію буллу; но предварительно его величество желалъ знать, согласно ли сіе будетъ съ намѣреніями папы. Папа Пій VII изъявлялъ признательность за таковое къ нему вниманіе и полагалъ, что официальное обнародованіе буллы произведетъ благотворное дѣйствіе для общественнаго спокойствія.

Послѣ сего булла обнародована въ церквахъ католическихъ и униатскихъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, а потомъ изданъ и общій государственный законъ, запрещающій тайныя общества.

Спустя нѣкоторое время, митрополитъ Сестренцевичъ представлялъ, чтобы исходатайствовать у папы дозволеніе епископамъ римской церкви давать отпущеніе тѣмъ, кои нѣкогда принадлежали къ тайнымъ обществамъ, но оставили уже оныя.

Вслѣдствіе чего полученъ былъ въ 1824 году, уже при новомъ папѣ, декретъ римской конгрегаціи. Но по разсмотрѣніи онаго въ главномъ управленіи иностранныхъ исповѣданій найдено, что конгрегація даетъ отпущеніе и тѣмъ, кои послѣ буллы вошли въ тайныя общества и состоятъ въ оныхъ; что власть дѣлать подобныя послабленія распространена на нѣсколько лѣтъ впередъ и предоставлена неограниченному числу духовныхъ, и даже разрѣшалось нѣкоторымъ образомъ скрывать существованіе сихъ обществъ, а священникамъ и другимъ духовнымъ чинамъ, кои находились бы въ тайныхъ обществахъ, не только прощались духовное исключительство, но и дозволялось производить ихъ въ дальнѣйшія духовныя степени.

Такимъ образо мъ сей декретъ римской конгрегаціи уничтожалъ то благотворное для общественнаго спокойствія дѣйствіе, котораго покойный папа Пій VII ожидалъ отъ буллы противу тайныхъ обществъ, и ослаблялъ самый государственный законъ. Въ сіе время открыты были въ польскихъ губерніяхъ тайныя общества Филаретовъ и другія.

*

Государь императоръ, по докладу моему, призналъ дѣйствіе римской конгрегаціи столь важнымъ, что изволилъ объявить намѣреніе свое писать собственноручно о томъ къ папѣ, повелѣвъ возвратить декретъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Послѣдствія сего дѣла неизвѣстны мнѣ.

О предположеніяхъ къ лучшему образованію управленія протестантской церкви.

По управленію протестантскимъ духовенствомъ въ Россіи я долженъ былъ имѣть преимущественно то въ виду, что въ сей церкви основался духъ новой философіи, поправшій христіанство, завезенный къ намъ иностранцами и тѣми, кои въ иностранныхъ университетахъ искали познаній протестантской религіи. Блаженной памяти государь императоръ еще въ 1819 году обратилъ вниманіе на состояніе сей церкви и предположилъ устроить управленіе оной на твердомъ основаніи, возвращая ее къ тѣмъ догматамъ и правиламъ, кои реформаторы въ началѣ шестнадцатаго вѣка приняли, держась положеній первобытной христіанской церкви, и кои съ того времени европейскими державами въ разныхъ торжественныхъ трактатахъ были признаны. Но сіе предположеніе о лучшемъ устройствѣ протестантской церкви въ Россіи не могло еще быть приведено въ дѣйствіе. Представленные о томъ проекты не отвѣчали намѣреніямъ его величества. Хотя для сего призванъ былъ изъ Финляндіи епископъ Сигвеусъ и поставленъ здѣсь с.-петербургскимъ евангелическимъ епископомъ, но въ сочиненномъ имъ новомъ учрежденіи о управленіи протестантскою церковью не найдено тѣхъ прочныхъ основаній, кои могли бы споручительствовать правительству въ томъ, что сія церковь будетъ хотя постепенно приводима къ прежнимъ твердымъ ея постановленіямъ. Въ такомъ положеніи сего дѣла государю императору благоугодно было, предъ отъѣздомъ отсюда, указать мнѣ нѣкоторыя мѣры, о коихъ я особо буду имѣть счастье доложить вашему императорскому величеству.

О новомъ ученіи въ протестантской церкви.

Нововведенія, въ протестантской церкви допущенныя, протекаютъ главнѣйше изъ свободы мнѣній и толкованій о вѣрѣ. Изъ сего начала выводится, яко бы священникъ въ ученіи и отправленіи вѣры долженъ сообразоваться съ мыслями и желаніями своихъ прихожанъ; а подъ сими предлогомъ предоставленъ на волю пастора выборъ церковныхъ молитвъ, пѣсней и чтеній священнаго писанія; по чему весь составъ и

обряды богослуженія не имѣютъ нынѣ въ лютеранской церкви никакого твердаго основанія. Такимъ образомъ народъ въ Остзейскихъ нашихъ провинціяхъ развращается въ вѣрѣ и развращается въ нравственности; ибо все, что имѣетъ связь съ религіею, напримѣръ, разныя церковныя постановленія о бракахъ, о запрещеніи ихъ въ близкихъ степеняхъ родства, о недопущеніи разводовъ—измѣнены разными предлогами. О семъ обстоятельно представлено мною въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ комитетъ министровъ, по поводу разныхъ статей Положенія объ освобожденіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндскихъ крестьянъ, внесенныхъ въ отмѣну церковныхъ установленій.

О сектѣ благочестивыхъ.

Въ послѣднихъ годахъ открыта здѣсь между финнами лютеранскаго исповѣданія секта людей, называющихъ себя благочестивыми. Они изъ словъ священнаго писанія: «повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкамъ» выводятъ, что не должно повиноваться повелѣніямъ начальства, когда оное запрещаетъ имъ религіозныя ихъ дѣйствія. По мнѣнію ихъ всякій, кто бы онъ ни былъ, можетъ проповѣдывать слово Божіе, а благочестіе ихъ состоитъ въ громкихъ вздыханіяхъ и сѣтованіяхъ, въ сильныхъ тѣлесныхъ потрясеніяхъ, пляскѣ и въ свободномъ обращеніи лицъ обоого пола между собою, почему бракъ почитаютъ она противнымъ религіи. По упорности ихъ въ столь вредныхъ мнѣніяхъ, надлежало употребить строгія мѣры, дабы не допустить распространиться сей сектѣ; а потому на основаніи заключенія особаго комптета ¹⁾, отданы 29 человѣкъ изъ числа упорнѣйшихъ, мужчины въ крѣпостныя работы, а женщины въ рабочіе дома на пять лѣтъ.

¹⁾ Комитетъ сей составляли: графъ Милорадовичъ, министръ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь баронъ Ребиндеръ, епископъ Сигвеусъ.

Письмо католикоса всѣхъ армянъ Нерсеса кн. Димитрію Ивановичу Долгорукову ¹⁾).

6 марта 1854 г. № 106, г. Тифлисъ.

Благодѣяніе и мощное покровительство, оказанныя вами армянамъ исходатайствованіемъ у его высочества шаха персидскаго всемилостивѣйшаго прощенія армянскому во имя Спасителя монастырю всѣхъ накопившихся на немъ по нынѣ долговъ и освобожденія его навсегда отъ повинностей, состязали вамъ, достойному сыну церкви, безпредѣльную, вѣчную признательность всего армянскаго народа и напечатлѣли на скрижаляхъ сердецъ ихъ безсмертное имя ваше на ряду съ именами тѣхъ великихъ благотворителей націй, которые за служили вѣковую благодарность.

Хотя за неоднократныя благодѣянія вашего сіятельства я имѣлъ уже счастье изъявить вамъ глубочайшую благодарность мою и всей вѣрной мнѣ паствы, письмомъ отъ 20-го октября 1851 года за № 361, но постоянно имѣя ихъ въ памяти, я вновь приношу усердную мою благодарность за все оказанное вами армянской націи, какъ внушенное вамъ истинно христіанскимъ религіознымъ чувствомъ преданности къ св. церкви.

Моля Всевышняго ниспослать небесное Свое благословеніе на ваше сіятельство и на дарованное Имъ вамъ семейство, я возсылаю къ Нему усердныя мольбы, да продлитъ Онъ благословенную жизнь вашу для блага христіанства и на радость облагодѣтельствованнаго вами армянскаго народа, и да осѣнитъ васъ десницею Его на поприщѣ многотруднаго служенія вашего.

Благоволите, ваше сіятельство, во славу имени августѣйшаго императора всероссійскаго, котораго вы служите представителемъ, продолжая изливать благодѣянія ваши на армянъ, оказывать вмѣстѣ съ тѣмъ мощное ваше покровительство и содѣйствіе недавно прибывшему по дѣламъ націи въ Тегеранъ епархіальному армянскому епископу въ Испаганѣ Фаддею въ дѣлахъ его по управленію вѣрной ему паствы Христовой, и примите увѣреніе, что все оказанное вами его преосвященству я приму въ собственное одолженіе и истинное благодѣяніе, оказанное моею націи.

Я полагаю, что и ея сіятельство княгиня рекомендовала вамъ помянутаго епископа по благосклонному вниманію своему къ нему.

¹⁾ Бышему посломъ въ Тегеранъ.

Императоръ Александръ I и графъ Армфельдъ.

(1811—1812 г.г.)¹⁾.

VII.

Императоръ Александръ въ Вильнѣ.—Предположенія и планы относительно предстоящихъ дѣйствій.—Планъ Армфельда.—Вступленіе Наполеона въ русскіе предѣлы.—Отступленіе.—Лагерь при Дриссѣ.

Въ Вильнѣ, въ столицѣ Литвы, близкой къ границѣ великаго герцогства Варшавскаго, гдѣ Наполеонъ собралъ свою громадную армію, находились нѣсколько недѣль до начала войны самъ императоръ. Въ качествѣ генералъ - адъютанта Армфельдъ долженъ былъ также явиться въ Вильну, но онъ получилъ приказаніе во время своего путешествія инспектировать магазины арміи въ Остзейскихъ провинціяхъ. Ему пришлось по непроходимой дорогѣ въ началѣ мая ѣхать черезъ Нарву, Дерптъ, Ригу, и Либаву въ Шавли Ковенской губерніи²⁾.

Тамъ онъ встрѣтился съ государемъ, осматривавшимъ въ той мѣстности двадцатипяти-тысячное войско. Армфельдъ съ радостью глядѣлъ на выpravку солдатъ и, въ надеждѣ на побѣду, рисовалъ себѣ самыя

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1896 года.

²⁾ Въ Либавѣ онъ встрѣтилъ своего стараго друга и бывшаго покровителя его семьи графа Палена, котораго онъ не видалъ со смерти Павла I. О Паленѣ онъ писалъ 6-го мая: «Какая славная голова, и какъ полезенъ онъ могъ бы быть намъ въ предстоящей борьбѣ. Но его нельзя предложить, государь очень возбужденъ противъ него, и въ нѣкоторыхъ вещахъ его нельзя оправдать».

яркія картины будущаго. «Если мы въ состояніи выдержать, — писалъ онъ ¹⁾, — если мы даже будемъ вначалѣ побиты, то все-таки въ концѣ концовъ восторжествуемъ. и въ этомъ я лично убѣжденъ». 13-го мая Армфельдъ былъ въ Вильнѣ.

Русскіе историки много рассказываютъ объ интригахъ, о разнообразныхъ мнѣніяхъ, о нерѣшимости императора въ выборѣ плана обороны, о безпечности, наконецъ, съ которой, пользуясь развлеченіями польской жизни, русскіе проводили время, во время пребыванія главной квартиры въ Вильнѣ. Но вдругъ пронесся неожиданно слухъ, что французская армія идетъ черезъ Нѣманъ и быстро подвигается къ столицѣ Литвы. Главная квартира, въ виду возможной катастрофы, принуждена была отступать, а вмѣстѣ съ нею и отрядъ русскаго войска; это отступление дало, конечно, началу войны не совсѣмъ доблестный характеръ. Въ частныхъ письмахъ Армфельда встрѣчается описаніе интересныхъ подробностей, касающихся пребыванія главной квартиры въ Вильнѣ. При первой встрѣчѣ своей съ императоромъ въ Шавляхъ, Армфельдъ въ своихъ письмахъ выражаетъ неудовольствіе по поводу арміи. Читатель не забудь вѣроятно, что уже годъ тому назадъ Армфельдъ въ одной «меморіи» своей развивалъ планъ похода и политики Россіи въ 1812 году, предлагая оборонительную систему ²⁾. Несмотря на это онъ находилъ тѣмъ не менѣе, что Россія должна была начать войну, прибѣгая къ наступательнымъ движеніямъ къ западной границѣ государства. Вопреки совѣтамъ Армфельда, былъ предложенъ другой, давно знакомый планъ оборонительнаго движенія, въ который входило отступление отъ границы къ Дриссѣ, какъ одна изъ первоначальныхъ мѣръ.

Этотъ проектъ былъ представленъ недавно произведеннымъ въ генералы Пфулемъ (Pfull). Онъ былъ уроженцемъ Вюртемберга и перешелъ послѣ пораженія Пруссіи на русскую военную службу; онъ былъ военнымъ теоретикомъ и, несмотря на это, имѣлъ довольно неправильные взгляды на военное дѣло. Съ самаго начала войны, Армфельдъ возставалъ противъ того, что давалось непріятелю слишкомъ много свободнаго времени для пробужденія инициативы. Во время своего путешествія въ Вильну онъ писалъ слѣдующее: «Мы ждемъ, чтобы что-нибудь, впрочемъ не знаю что именно, уало съ неба намъ на помощь, и даемъ время непріятелю проявлять дѣвольскую дѣятельность; если не удастся мнѣ убѣдить государя отклониться отъ совѣтовъ, которые парализуютъ военныя дѣйствія, тогда я считаю, что мы пропали. Канцлеръ Румянцевъ (поклонникъ Наполеона) нашелъ достойнаго себѣ това-

¹⁾ Женѣ своей 7-го мая 1812 г.

²⁾ Армфельдъ приписываетъ себѣ многое изъ того, что не принадлежало ему; то, что высказано было еще тогда, когда Армфельда не было въ Россіи.

рища между военными, а именно—известнаго генерала Пфуля, находившагося раньше въ прусской службѣ. Этотъ господинъ слыветъ за тактика и справа и слѣва даетъ такіе совѣты, какъ будто онъ нанятъ Наполеономъ. Предвижу, что кто-нибудь изъ нихъ сломаетъ себѣ шею; я не могу равнодушно переносить, чтобы обманывали императора и государство, и тотчасъ по приѣздѣ моемъ въ Вильну представлю снова меморію». Армфельдъ сдержалъ свое обѣщаніе. Тотчасъ по прибытіи своемъ въ главную квартиру, онъ написалъ статью, въ которой убѣдительно совѣтовалъ прибѣгнуть къ наступательной системѣ. «Всякая пассивная оборона не принесетъ ни въ какомъ случаѣ благопріятнаго результата,—писалъ онъ,—кромѣ того, если не иѣшать инициативѣ непріятеля, то никогда не удастся русскимъ устоять противъ французской арміи». Въ этой самой статьѣ онъ также совѣтуетъ приобрести расположеніе поляковъ въ Литвѣ и въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, дабы они въ совокупности перешли на сторону Россіи. «Ваше императорское величество не нуждается въ помощи оружія, чтобы побѣдять ихъ,—писалъ онъ:—вамъ надобно лишь сохранить покоренное». Онъ всячески старался поддержать императора въ тяжелыя, нервнѣйшія минуты, по мѣрѣ того, какъ приближалась катастрофа, и умолялъ государя не терять вѣру въ собственные силы. Повидимому статья Армфельда не принесла желанной пользы, ибо въ главной квартирѣ продолжали придерживаться планамъ Пфуля, который лишь въ самомъ себѣ находилъ защитника. Исторіи, описывающіе событія войны 1812 года, также согласны съ тѣмъ, что планы Вюртембергца были не примѣнимы къ дѣлу. Какъ известно, планы эти послужили поводомъ къ тому, что русскіе раздѣлились на двѣ главныя арміи. Одна, «первая западная армія», подъ командой военнаго министра генерала Барклая-де-Толля, въ данный моментъ собралась въ Вильнѣ,—съ цѣлью, при появленіи непріятельскаго отряда, тотчасъ начать отступленіе по направленію къ дрисскому укрѣпленному лагерю. Другая армія, подъ предводительствомъ князя Багратіона, должна была на югѣ Россіи встрѣтить detachментъ французской арміи; предполагалось, что Багратіонъ будетъ идти съ юга по направленію къ Москвѣ. Между Дриссой, находящейся къ сѣверу отъ Вильны, и арміей князя Багратіона, которая двигалась по направленію къ юго-западу, былъ оставленъ, благодаря плану Пфуля, удобный проходъ для громаднѣхъ Наполеоновскихъ силъ; оборонительная линія, которую представляли собой двѣ большія рѣки Двѣнрѣ и Двина, оставлена была безъ вниманія, такъ что около полмилліона людей всѣхъ странъ Европы могли безъ особенныхъ усилій вторгнуться въ самое сердце Россіи. Не было, конечно, возможности организовать военную силу, пока не удалось соединить въ одно обѣ русскія арміи, хотя даже впоследствии сила эта оста-

валась второстепенной. Въ теченіе переговоровъ и обсужденій въ главной квартирѣ, Армфельдъ возбуждалъ вопросъ о сосредоточеніи обѣихъ русскихъ армій по направленію къ Слониму (Slonim) на югъ отъ Вильны. вмѣсто того чтобы идти обратно за рѣкой Двиной, слѣдовало занять линію, идущую на западъ отъ Вильны около рѣкъ: Нѣмана, Нарева и Буга. Предложеніе это называли «странной идеей» и стали увѣрять, что въ такомъ случаѣ не было бы гарантіи русскимъ не быть обойденными французами.

Въ сущности говоря, нельзя было считать предложеніе Армфельда военнымъ планомъ, а лишь опроверженіемъ плановъ Пфуля отступать къ Дриссѣ. Во время своего путешествія изъ Вильны Армфельдъ писалъ: «Я не придерживаюсь мнѣнія, что слѣдуетъ наступать, пока вся армія, во-первыхъ, не будетъ сосредоточена, а во-вторыхъ, пока не будетъ извѣстна вполне сила непріятели; я хотѣлъ пока, чтобы мы всѣ соединившись заняли сильную позицію, дабы спасти тѣмъ Польшу и не покидать страну, которая при случаѣ можетъ удвоить число непріятели и продолжать войну такъ, что она станетъ неудобнѣе для насъ, чѣмъ для Бонапарта». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Отступленіе совершилось, и Польша покинута *d'un coup*, Литва же разорена. Въ этомъ дѣлѣ я не причемъ, такъ какъ ни генералъ Барклай, ни я, мы не хотѣли, чтобы войско двигалось рачьимъ шагомъ. Нѣманъ, Бугъ и Наревъ представляютъ собой прекраснѣйшія позиціи позади Гродны». Въ лицѣ Барклая-де-Толли Армфельдъ нашелъ вначалѣ поддержку относительно своихъ воззрѣній, но скрытый и слишкомъ безсильный Барклай не былъ въ состояніи поставить на своемъ, и потому мнѣніе его не получило должнаго значенія и было заглушено другими. Въ то время, когда французскіе отряды съ каждымъ днемъ все ближе и ближе подвигались къ границѣ, почти каждый генералъ, находившійся въ главной квартирѣ, предлагалъ свой планъ дѣйствій—но большинство только для того, чтобы уничтожить планы Пфуля ¹⁾. Генералъ Беннигсенъ, извѣстный своими дѣйствіями въ войну 1806—1807 годовъ, находился подобно Армфельду въ главной квартирѣ въ качествѣ генералъ-адъютанта и совѣтника императора, но безъ опредѣленной команды. Армфельдъ находилъ, что Беннигсенъ вначалѣ сочувствовалъ планамъ Пфуля, но вскорѣ сдѣлался его противникомъ. Онъ хотѣлъ встрѣтить французовъ недалеко отъ Вильны и тамъ начать сраженіе. Самый же яркій

¹⁾ Вольцогенъ, участвовавшій въ составленіи плана Пфуля, однимъ заступался до послѣдней минуты за него. Армфельдъ считался первымъ врагомъ Пфуля; авторъ называетъ его «натриганомъ». Толь въ своемъ *Denkwürdigkeit* выражается объ Армфельдѣ слѣдующимъ образомъ: «Война, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была ему незнакома; онъ, быть можетъ, не искалъ опредѣленной должности, но не хотѣлъ остаться безъ вліянія».

врагъ Пфуля былъ маркизъ Паулучи. Александръ I стоялъ въ нерѣшимости лицомъ къ лицу съ различными мнѣніями, которыя подавались со всѣхъ сторонъ, и, не обладая самъ достаточной военной опытностью, видимо падалъ духомъ. Къ числу тѣхъ, которые настаивали на отступленіи, принадлежалъ также и государственный канцлеръ Румянцевъ, находившійся въ ту пору также въ Вильнѣ и до послѣдней минуты увѣрявшій, что войны не будетъ. Онъ говорилъ между прочимъ, что Наполеонъ для того только выступаетъ со своими отрядами черезъ Пруссію и Польшу, чтобы сдѣлать русскимъ своего рода демонстрацію. Нѣкоторое время передъ началомъ войны у Румянцева былъ ударъ, который до крайней степени изуродовалъ ему лицо; вслѣдствіе этого приключенія онъ долженъ былъ вскорѣ подать въ отставку. Армфельдъ подшучивалъ надъ нимъ говоря, что ротъ его сталъ такъ же кривъ, какъ и умъ, и что онъ въ одно время «ragalisé et ragaliseur». Былъ еще одинъ человекъ, который, по словамъ Армфельда, составлялъ вмѣстѣ съ Пфулемъ и Румянцевымъ «неспособную троицу»: это былъ генералъ - интендантъ арміи Канкринъ, плачевнымъ образомъ заботившійся о провіантѣ для войска. Когда отступление было рѣшено въ Вильнѣ, тогда было собрано много фуража и организованы магазины, покинутые впоследствии и послужившіе только на пользу французамъ ¹⁾. Армфельдъ составилъ и на этотъ счетъ предложеніе государю, который нашелъ его подходящимъ «très utile», но совѣты Армфельда по этому вопросу не были все-таки примѣнены къ дѣлу ²⁾. Жизнь, настроеніе духа и событія, происходившія въ главной квартирѣ при началѣ войны, описаны Армфельдомъ въ видѣ дневника въ письмахъ къ его женѣ.

Вильна, 15-го мая 1812 года. «Благородный Барклай-де-Толли почти отстраненъ, хотя и не официально, отъ всякаго вліянія; правда, что онъ немного медлителейъ и слабъ, но честь и храбрость—самыя большія его качества. Здѣсь образовался тайный совѣтъ, заключающійся въ искателѣ счастія Бенигсенъ, проклятомъ Пфулѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ. Аракчеевъ будетъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, а Пфуль генералъ-квартирмейстеромъ, оба никогда не нюхавшіе пороха. При всякомъ приближеніи непріятеля надо, по ихъ мнѣнію, отступать и оставлять польскія провинціи, которыми, разумѣется, тиранъ тотчасъ завладѣетъ и организуешь на мѣстѣ 200,000-оевойско и т. д. Дабы замаскировать свой настоящій планъ, составляющій наше несчастіе, они берутъ примѣръ съ Вел-

¹⁾ Вольтгенъ, по рекомендаціи котораго былъ назначенъ Канкринъ, также отмѣчаетъ неудовольствіе императора къ генералъ-интенданту.

²⁾ «Возникъ вопросъ о томъ,—говоритъ Армфельдъ,—чтобы я взялъ на себя завѣдываніе интендантствомъ, но я боялся, что мнѣ придется начать дѣло очень крупными непріятностями».

лингтона; но поляки вѣдь не испанцы, къ тому же у насъ не существуетъ какого-нибудь *Torre de Vedgas*, на котораго можно напустить непріятеля и въ тотъ же моментъ подвараулить и разбить его. Все вышесказанное держится подъ секретомъ отъ меня, но такъ какъ здѣсь не можетъ быть ничего сокровеннаго, то я знаю все. Намѣреваюсь открыто все высказать государю; вѣроятно, послѣдствіемъ моей откровенности будетъ мой собственный прїѣздъ въ слѣдъ моему письму, ибо я не желаю быть свидѣтелемъ безчестія. Можетъ быть Бонапартъ и не будетъ наступать, въ такомъ случаѣ эта чаша минуетъ меня. Впрочемъ ты можешь сказать Ангелу ¹⁾ и Неаполитанскому старичку ²⁾ все, что касается этого; лучше предупредить ихъ, иначе имъ это можетъ показаться непонятнымъ».

Вильна 23-го мая 1812 года. «Я взялъ открыто сторону поляковъ, и государь изъявилъ мнѣ по этому поводу свое сочувствіе. Они хотятъ дать все, что я просилъ у нихъ, но зато желаютъ сдѣлать собственную самооцѣнку и регулировать свои траты. Трудно однако вдолбить все это въ голову тѣхъ, которые находятся при дѣлѣ» ³⁾.

31-го мая. Въ главной квартирѣ интригуютъ, шумятъ и мѣшajúтъ всякой разумной дѣятельности. Въ настоящую минуту въ ходу тайная интрига противъ военнаго министра. Надѣюсь однако, что имъ ничего не удастся сдѣлать, ибо такъ какъ мнѣ самому нечего бояться, то я не стану скрывать правды отъ моего господина (государя)».

12-го іюня. «Когда дѣло касается однихъ только принциповъ, тогда государь великолѣпенъ, а что вообще его мало знаютъ, и что entourage его плохой, это опять другая статья. Если бы Господу Богу было угодно дать ходъ апоплексіи ⁴⁾, тогда политическій маршъ у насъ тотчасъ бы оживился; этотъ человѣкъ—только папка, мѣшающая колесу двигаться».

13-го іюня. «Если мнѣ суждено пережить всѣ современные событія, тогда я заплачу свою дань, и большаго отъ меня требовать не могутъ. Я люблю государя настолько, насколько можно любить существо удивительно доброе и благонамѣренное, и которому мое отече-

¹⁾ Ангель, это императрица Елисавета Теодоровна; Армфельдъ часто такъ называлъ ее въ своихъ письмахъ.

²⁾ Герцогъ Серра-Каприола. Передъ своимъ отъѣздомъ, Армфельдъ обѣщалъ императрицѣ давать ей знать черезъ жену «всю правду» относительно арміи.

³⁾ Впрочемъ какихъ-нибудь особенныхъ дѣйствій въ пользу поляковъ не было сдѣлано. Огинскій рассказываетъ (III: 158), что государь предполагалъ издавать въ Вильнѣ франко-польскую газету, чтобы повліять на общественное мнѣніе въ Литвѣ, сдѣлавъ Армфельда редакторомъ этой газеты. Планъ этотъ однако не осуществился.

⁴⁾ Намекъ на канцлера Румянцева.

ство обязано за то счастье и за то положеніе, въ которое оно поставлено въ сравненіи съ многими другими государствами. Я не могу быть ему иначе какъ сердечно преданнымъ за его милостивое обращеніе со мной. Надѣюсь, что императоръ будетъ тогда считать мою задачу оконченной, когда услуги мои если и не принесутъ желанной пользы, то воздадутъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, ту справедливость, что я руководился всегда самыми лучшими намѣреніями. Хочу къ этому времени, близъ праха моего отца, собрать въ Омине вокругъ себя моихъ дѣтей и, воспользовавшись минутнымъ счастьемъ, оставить службу навсегда¹⁾).

Изъ этого грустнаго письма видно, что воинственное настроеніе Армфельда пало, и хотя онъ ни минуты не сомнѣвался въ благомъ намѣреніи императора, но съ грустью смотрѣлъ на то, что монархъ не рѣшался на тотъ шагъ, въ которомъ онъ видѣлъ единственное спасеніе. Государь продолжалъ еще долго придерживаться планамъ Пфуля и относился хладнокровно ко всемъ тѣмъ проектамъ, которые подносились ему со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ императоръ оставался твердымъ въ своемъ намѣреніи не заключать мира съ Наполеономъ, несмотря даже на то, что многіе изъ окружающихъ желали этого и совѣтовали ему кончить перемиріемъ. Въ концѣ мая въ Вильну прибылъ посланный Наполеономъ графъ Нарбонъ, подъ предлогомъ послѣднихъ переговоровъ передъ сраженіемъ, но ему пришлось вернуться обратно ни съ чѣмъ. Армфельдъ встрѣчалъ этого французскаго дворянина когда-то, при дворѣ Людовика XVI, но съ тѣхъ поръ какъ онъ поступилъ на службу къ Наполеону и носилъ «проклятую ливрею корсиканца», баронъ не желалъ больше знаться съ нимъ. Нарбонъ все-таки напомнилъ ему о давнишнемъ знакомствѣ и получилъ на это вѣжливыи, но чрезвычайно холодный отвѣтъ. Послѣ отвѣзда французскаго посла, Армфельдъ писалъ: «Переговоровъ не было, но къ несчастію мы не гонимъ этихъ мерзавцевъ и не нападаемъ на врага... Je fais le diable à quatre, но къ сожалѣнію это не помогаетъ, такъ какъ я одинъ, и мое рвеніе принимается за озлобленіе.

¹⁾ Это письмо напечатано у Шинкеля въ «Воспоминаніяхъ» IX: 235, но съ той только разницей, что оно помѣчено 1813 годомъ. Въ «Воспоминаніяхъ» этихъ говорится, что Армфельдъ въ этомъ году попалъ въ пленность и что, пріѣхавъ въ Вильну, получилъ приказаніе вернуться обратно въ Петербургъ. Его переписка отъ 1813 года несомнѣнно доказываетъ, что онъ никогда не былъ въ Вильнѣ въ 1813 году. Личныя отношенія государя къ Армфельду оставались всегда хорошими, хотя они не могли такъ живо поддерживаться во время пребыванія императора въ Польшѣ и Германіи. — Выраженіе усталости и желаніе успокоиться въ своемъ Омпие часто встрѣчается въ письмахъ Армфельда, даже въ то время, когда вліяніе его на государственныя дѣла было неоспоримо.

Въ Вильнѣ находился одновременно съ другими шведскій посолъ графъ Левенгюльмъ, который поддерживалъ воинственные наміренія императора, и депеши котораго соотвѣтствуютъ вполнѣ описанію Армфельда касательно главной квартиры. Вскорѣ послѣ Нарбонна прибылъ въ Вильну генералъ Тавастъ, бывшій соперникъ Армфельда въ Помераніи; онъ собирался въ Константинополь, чтобы отъ лица Швеціи вести переговоры о заключеніи мира между Россіей и Турціей. Армфельдъ находилъ, что Тавастъ не такъ энергично отстаивалъ передъ государемъ необходимость войны противъ Франціи, насколько дѣлалъ это Левенгюльмъ. Въ главную квартиру пріѣзжалъ также адмиралъ Бентингъ, который велъ переговоры отъ имени Англіи—говорятъ, будто бы этотъ адмиралъ первый подалъ мысль о встрѣчѣ государя въ Або съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ. Наконецъ, въ Вильну пришла радостная вѣсть, что давно желанный миръ съ Турціей заключенъ. Въ штабѣ государя было рѣшено, что такое радостное извѣстіе должно быть ознаменовано празднествомъ въ замкѣ Закреть, находящемся недалеко отъ Вильны. По словамъ Армфельда, его выбрали распорядителемъ этого праздника. Однако же приготовленія къ этому торжеству не обошлись безъ дурныхъ предзнаменованій: выстроенный для этого случая танцевальный залъ провалился за нѣсколько дней до торжества, и архитекторъ, строившій его, съ отчаянія утопился. Одновременно пронесли слухъ, что французы готовятся перейти черезъ Нѣманъ и вступить въ русскія владѣнія. Былъ по этому случаю возбужденъ вопросъ, отложить ли предполагаемый праздникъ до другаго раза, въ виду боязни, «что вдругъ непріятель также появится на балу». Армфельдъ нашелъ подобныя слова «жалкими и смѣшными». Праздникъ состоялся и былъ во всѣхъ отношеніяхъ блестящъ. Все, что было въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ высокопоставленнаго, богатаго и красиваго, собралось въ тѣнистомъ паркѣ замка вмѣстѣ съ воинственнымъ штабомъ императора. Блестящая иллюминація, музыка и пѣніе соединялись съ прелестью тихаго, ароматнаго, лѣтняго вечера. Государь, который въ тотъ вечеръ успѣлъ привлечь къ себѣ всѣ сердца, принималъ живое участіе въ танцахъ ¹⁾.

Свидѣтель этого торжества, подробно описывая его, говоритъ между прочимъ: «Смотря на любезность и мягкость государя ко всѣмъ въ этотъ вечеръ, нельзя было повѣрить, что онъ, именно въ теченіе этого самаго вечера и во время танцевъ, узналъ, что французы перешли Нѣманъ, и что посты ихъ находятся всего лишь въ 10 миляхъ отъ Вильны ²⁾». Такъ

¹⁾ Армфельдъ писалъ изъ Вильны: «Государь заставляетъ всѣхъ обожать себя, и вскружилъ головы всѣмъ польскимъ женщинамъ».

²⁾ Графиня Choiseuil Gouffier въ своихъ запискахъ.

оно и было въ дѣйствительности. Праздникъ въ замкѣ Закреть остался блестящимъ воспоминаемъ для участвовавшихъ въ немъ, представляя тяжелый контрастъ ужасамъ войны, которые черезъ нѣсколько времени ожидали Россію. На другой день большая часть лицъ главной квартиры успѣшила выѣхать изъ Вильны. Армфельдъ уѣхалъ 26-го іюня. — «Во всякомъ случаѣ, я не желаю попасть въ когти Наполеона», — писалъ онъ наканунѣ своего отъѣзда изъ Вильны. Медленно и неохотно оставилъ 27-го іюня, послѣднимъ изъ всѣхъ генераловъ, благородный главнокомандующій русской арміи Барклай-де-Толли тотъ городъ, который онъ хотѣлъ лично защищать.

Утромъ 28-го іюня французы вступили въ Вильну. Тотчасъ послѣ перехода Нѣмана, Наполеонъ издалъ всѣмъ извѣстную прокламацію, въ которой съ гордостью напоминаетъ о своихъ побѣдахъ при Аустерлицѣ и при Фридландѣ, предсказывая, что вторая польская война будетъ славой для Франціи, подобно войнѣ, бывшей при Тильзитѣ «*La Russie est entraînée par la fatalité, ses destins doivent s'accomplir*» — говорилось въ этой прокламаціи. Предсказанія эти къ счастью не сбылись. Гордый побѣдитель шелъ на встрѣчу собственной гибели, хотя къ сожалѣнію было такое ужасное время, когда на долю его противниковъ выпадало много тяжелыхъ минутъ.

Уѣзжая изъ Вильны Армфельдъ съ негодованіемъ писалъ: «Для того чтобы слѣдовать планамъ Пфуля, мы начинаемъ съ отступленія». Главная квартира собралась снова въ Свенцянахъ, приблизительно на полдорогѣ къ Дриссѣ. У Дриссы предполагалось устроить лагерь за Двиной для отступающей арміи; тутъ она должна была найти защиту, которую нельзя было имѣть въ Вильнѣ. Армфельдъ писалъ изъ Свенцяна 27-го іюня: «Я провелъ весь вчерашній день на большой дорогѣ вмѣстѣ съ отступающимъ отрядомъ; подобнаго случая еще никогда не бывало со мной во всю мою 40-лѣтнюю службу. Увидимъ, что Господь намъ дастъ! Если удастся Багратиону соединиться съ нами, тогда мы можемъ черезъ 3 или 4 дня двинуться впередъ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если Господь будетъ держать нейтралитетъ, намъ удастся поколотить его (Наполеона). Иначе же, если соединеніе армій не удастся, и намъ придется продолжать отступленіе, то мы пропали. Я высказалъ устно и письменно свои соображенія, теперь пусть будетъ что будетъ, моя честь не будетъ страдать. Если можно было бы начать наступательныя дѣйствія, тогда прокламація Бонапарта не произвела бы никакого эффекта, но когда дадутъ ему время, тогда можетъ случиться такъ, что 150.000 вооруженныхъ поляковъ пойдутъ на насъ, и вмѣсто того чтобы война быть чужестранной, она превратится въ національную. Поляки, покинутые русскими, которыхъ они по глупости и по непопечливости своей такъ сильно ненавидятъ, могутъ сдѣлаться врагами Рос-

сн, и съ ними опасно будетъ шутить... Плохо идутъ дѣла, но Господь всемогущъ, и я рѣшился жертвовать всѣмъ, чтобы только открыть глаза нашему монарху».

Отступленіе происходило въ тишинѣ и въ большомъ порядкѣ, зато труды и лишения, которые приходилось испытывать арміи, были не малы; даже офицеры высшихъ чиновъ не избѣжали этихъ лишеній. Ночевать приходилось въ амбарахъ и развалинахъ, которые не могли защитить отъ постоянного проливнаго дождя; неопрятность, царствующая въ жидовскихъ корчмахъ, которыми эта мѣстность переполнена, дѣлали пребываніе въ нихъ невыносимымъ. «Намъ приходится очень сѣверно здѣсь,—писалъ Армфельдъ своему товарищу Аминову.—Клянусь, что Саволакскъ и Норвегія—рай небесный въ сравненіи съ этой проклятой страной, гдѣ жиды, тараканы, влопы и блохи изобилуютъ въ неувѣроятномъ количествѣ, но зато полное отсутствіе того, что необходимо для жизни». Армфельдъ говоритъ, что армія терпѣла въ этомъ бесполезномъ отступленіи болѣе нужды и всякихъ лишеній, чѣмъ въ остальныхъ сраженіяхъ.

Къ 1-го іюля успѣли добраться до Видвы, маленькое мѣстечко возлѣ Дриссы, переполненное жадами. Армфельдъ писалъ оттуда: «Если бы намъ удалось соединиться съ арміей Багратиона, о чемъ я уже двѣ недѣли тому назадъ слезно умолялъ, тогда мы успѣли бы сразиться съ успѣхомъ для насъ, но такъ какъ въ несчастію паденіе Пруссіи не уничтожило всѣхъ пруссаковъ, то мы имѣемъ здѣсь генерала Пфуля, котораго адъ прислалъ намъ, и который готовитъ все къ тому, чтобы намъ быть побитыми, если Бонапартъ не сдѣлаетъ какой-нибудь ошибки и не будетъ мѣшкать нападеніемъ». Въ Видзѣ пронесся слухъ, что Наполеонъ имѣлъ длинный разговоръ въ Вильнѣ съ посланнымъ императоромъ, министромъ полиціи Балашевымъ, который требовалъ объясненія по поводу прекращенія мира и предлагалъ—*pro forma*—протянуть руку въ знакъ примиренія. Исторія сохранила въ памяти этотъ разговоръ, въ которомъ Наполеонъ далъ ходъ своей злобѣ и ненависти противъ Россіи, осмѣлившейся пренебрегать имъ; вся злоба эта была главнымъ образомъ направлена противъ обружающихъ императора и подстрекающихъ его къ войнѣ. Съ особеннымъ ожесточеніемъ отзывался Бонапартъ о своемъ старомъ врагѣ Армфельдѣ, стремленія котораго въ этомъ дѣлѣ были ему извѣстны. «Я имѣлъ счастье,—писалъ Армфельдъ, узнавъ отъ Балашева, что говорилъ про него Наполеонъ,—получить названіе сумасшедшаго, способнаго на всякаго рода низость. О Швеціи Бонапартъ отозвался, что она имѣетъ способность превращать свой народъ въ сумасшедшихъ, даже тамъ, гдѣ раньше проглядывалъ кое-какой умъ; въ его глазахъ Карлъ XII былъ полоумный, Густавъ IV сталъ такимъ же; что же касается Бернадота, то послѣдній

давно потерялъ разсудокъ ¹⁾. Перейдя Двину, мы 8-го іюля увидѣли, наконецъ, укрѣпленія Дриссы». Не долго думая Армфельдъ написалъ о своихъ впечатлѣніяхъ: «Я не могъ себѣ представить ничего глупѣе и севернѣе этихъ укрѣпленій. Если бы я былъ государемъ, то непременно приказалъ бы повѣсить того, кто начерталъ планъ подобнаго безобразія, одновременно съ тѣмъ, который исполнялъ его». Укрѣпленія были недокончены и северно построены.

Французы намѣревались перейти Двину около Полоцка, откуда Наполеонъ со своей, болѣе чѣмъ вдвое сильной арміей, могъ въ Дриссѣ поразить весь отрядъ Барклая. Вторая русская армія, подъ начальствомъ Багратіона, не устояла бы долго противъ той массы, которую Наполеонъ, послѣ уничтоженія главной арміи, выслалъ бы изъ корпусовъ, состоящихъ подъ предводительствомъ Даву и короля Вестфаліи на подкрѣпленіе. Положеніе было критическое, и настроеніе прибывшей въ Дриссу арміи ужасное. Вся злоба обратилась наконецъ на того, который заманилъ армію въ эту мышеловку; стали упрекать Пфула даже въ измѣнѣ. «Всѣ думаютъ,—писалъ Армфельдъ,—что главную роль здѣсь играетъ измѣна; никто не предполагаетъ, что это просто глупость». Армфельдъ писалъ изъ Дриссы: «Даву въ Мянскѣ. Что дѣлаетъ Багратіонъ? Что дѣлаемъ мы? Невозможно дольше оставаться въ такомъ положеніи, иначе чортъ насъ возьметъ пожалуй. Мы не дѣлаемъ даже никакихъ рекогносцировокъ; быть можетъ, въ этой арміи не знаютъ даже что это такое... Неудовольствіе и отчаяніе сверхъ всякихъ описаній; войско упало духомъ. Всѣ удивляются, что государь слушается еще измѣнниковъ... и общее желаніе, чтобы императоръ подъ какимъ-нибудь предлогомъ уѣхалъ въ Москву. Араччевъ этого также желаетъ, и потому я думаю, что такъ оно и будетъ. Быть можетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это и хорошо, ибо тогда Пфуль и другіе ему подобные будутъ парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ и перестанутъ вліять на государя. Если императоръ

¹⁾ Записка Балашева (по-французски). Въ русскомъ сочиненіи Дубровина „Отечественная война 1812 — 1815 г.“, у Тьера „Histoire du consulat et de l'Empire“ (XIV; 54) и въ статьѣ Тена „Napoleon Bonaparte“ въ „Revue des deux mondes“ 1887 г. описанъ отзывъ Наполеона объ Армфельдѣ и объ остальныхъ совѣтникахъ Александра I. „Императоръ Александръ I очень плохо окруженъ,—говорилъ Наполеонъ,—какъ не стыдно ему сближаться съ такими низкими людьми! Какой-то Армфельдъ, человѣкъ безнравственный, интриганъ, негодяй и пьяница, извѣстный лишь своими преступленіями; онъ одновременно и злѣйшій врагъ Россіи. Затѣмъ какой-то Штейнъ, выгнанный изъ своего отечества, страшный негодяй, голова котораго est mise à prise, еще какой-то Беннигсень... Пускай Александръ I поручаетъ управленіе Финляндіи этому Армфельду, это было бы еще ничего, но приближить его въ своей персонѣ, fi donc!... Какъ можно терпѣть возлѣ себя какихъ-то Штейновъ, Армфельдовъ и еще какого-то Винцингероде?“

пойдетъ въ Москву, то не знаю, зачѣмъ ему везти меня съ собой «en срещасіе». Отсюда слѣдуетъ, что я, вѣроятно, скоро прибуду въ Петербургъ, и потомъ отправлюсь въ Финляндію, для того чтобы приготовить все къ моей отставкѣ. Къ несчастію я убѣдился въ томъ, что съ тѣми, которые обманываютъ государя, ничего не подѣлаешь... Что будетъ съ нами, если мы будемъ вести войну такимъ образомъ какъ теперь, имѣя въ главной квартирѣ человекъ 50, не приносящихъ никакой пользы, — я не знаю? Принадлежа самъ къ числу послѣднихъ, я могу безцеремонно говорить такимъ образомъ и имѣю претензію утверждать, что я знаю то, что говорю. Маркизь Паулучи, бывшій начальникъ штаба главнокомандующаго, способности котораго одинаково велики, какъ смѣшны его преувеличенія, оставилъ свою должность; говорятъ, что онъ не хотѣлъ служить подъ начальствомъ Пфуля и ему подобныхъ и находить, что самъ понимаетъ лучше пруссаковъ. Герцогъ Ольденбургскій покровительствуетъ этой «прусской гадинѣ», которую вся армія ненавидитъ».

Эти рѣзкія выраженія вполнѣ характеризуютъ то настроеніе, которое царствовало въ главной квартирѣ. Наконецъ, удалось нѣкоторымъ лицамъ убѣдить государя покинуть планы Пфуля и искать соединенія съ арміей Багратіона. 17 генераловъ арміи собрались по этому поводу у генерала Тучкова и рѣшили изложить государю свои опасенія относительно положенія арміи и просить у императора отставки Пфуля. Армфельдъ передалъ генераламъ свою записку, составленную по этому поводу (отъ 12-го іюня), а Паулучи заявилъ громогласно, что не соглашается оставаться начальникомъ штаба въ томъ случаѣ, если не попросятъ Пфуля удалиться ¹⁾. Однако Пфуль не сразу уступилъ настойчивымъ требованіямъ пылкаго итальянца. Государь принялъ его отставку, но несмотря на это, онъ все-таки продолжалъ оставаться въ милости у монарха. Впрочемъ императоръ пересталъ слушать его совѣты, и Армфельдъ писалъ что: «къ счастью въ данный моментъ парализированы всѣ Пфули». Наконецъ было рѣшено покинуть Дриссу и идти къ юго-востоку, чтобы встрѣтиться съ арміей Багратіона, которую не теряли надежды найти у Дибра, Орши или въ Смоленскѣ.

¹⁾ Судя по депешамъ Левенгильма изъ Дриссы отъ 2 (14) іюля 1812 года, шведскій посланникъ сопровождалъ русскую главную квартиру. Его депеши полны обсужденій военныхъ плановъ Пфуля.

VIII.

Положеніе Армфельда при арміи Барклая-де-Толли.—Соединеніе армій подъ Смоленскомъ.—Несогласія въ главной квартирѣ.—Ненависть въ войскахъ къ иностранцамъ.—Желаніе Армфельда покинуть армію.—Письмо къ нему императора Александра I.—Отъѣздъ изъ арміи.—Пожалованіе графскаго титула.—Временное назначеніе Армфельда генералъ-губернаторомъ Финляндіи.—Патріотизмъ русскаго народа.

Поведеніе Армфельда въ Вильнѣ и въ Дриссѣ измѣнило отчасти его отношенія къ императору Александру I. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: «Я сталъ не такъ хорошъ, какъ прежде, хотя со мной продолжаютъ быть любезными; замѣчаю, что стали стѣсняться правды, которую я говорилъ и продолжаю говорить; пускай будетъ что будетъ.—Что же касается до меня, то я рѣшилъ остаться такимъ, какимъ былъ всегда, т. е. въ совершенномъ согласіи относительно моей совѣсти, даже если бы это было невыгодно для меня въ данную минуту. Увидимъ, каковы будутъ дѣла при возвращеніи изъ Москвы. Если же тогда не захотятъ рѣшиться на что-нибудь болѣе полезное и умное, то я скоро удалюсь».

Отступленіе продолжалось черезъ Полоцкъ, Витебскъ, въ Смоленскъ. Государь сопровождалъ армію до Полоцка, и оттуда отправился въ Москву, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ. Отъѣздъ его произошелъ едва замѣтнымъ образомъ. Армфельдъ, Беннигсенъ и несчастный, недовольный и всѣми осмѣянный Пфуль сопровождали армію Барклая-де-Толли до Смоленска, но не командовали никакимъ отрядомъ. Армфельдъ говоритъ, что онъ сопутствовалъ арміи лишь только потому, что Барклай-де-Толли изъявлялъ желаніе, чтобы онъ находился при главной квартирѣ ¹⁾. «Крайне опасно для насъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ долго не соединяться съ арміей Багратіона,—пишетъ Армфельдъ.—Болѣе чѣмъ осторожный генералъ продолжаетъ ползти по Россіи и не приходитъ намъ на помощь». Эта мѣшкотня имѣла однако свои причины: она происходила, какъ извѣстно, отъ маневровъ маршала Даву противъ Багратіона. Изъ Витебска Армфельдъ писалъ: «Полное отсутствіе хорошихъ картъ, лазутчиковъ и правдивыхъ извѣстій уничтожаютъ всякую энергію и заставляютъ всѣхъ падать духомъ». Не менѣе заботъ доставляла Армфельду мысль о тѣхъ опустошеніяхъ, которыя русскіе произвели въ Литвѣ. «Судя по тому, какъ безобразно дѣйствуетъ наша армія, въ особенности гвар-

¹⁾ Армфельдъ писалъ Ерѣнстрему изъ Витебска 20-го іюля: «Если бы главнокомандующій не требовалъ моего присутствія теперь, тогда я былъ бы уже вмѣстѣ съ авангардомъ генерала Тучкова въ окрестностяхъ Орши».

дейская дивизія, — писалъ Армфельдъ, — приходишь къ заключенію, что война—самая ужасная вещь на свѣтѣ. Въ той мѣстности, которую мы только что прошли, не осталось ничего кромѣ насѣкомыхъ и грязи: люди и животныя похищены или сбѣжали, дома поломаны, окна выбиты, засѣянные поля истоптаны, изгороди и все, что служить для порядка, исчезло. Великій князь Константинъ Павловичъ всему этому не нарадуется. Если бы мы теперь получали Польшу обратно, то она была бы намъ, въ продолженіе 50-ти лѣтъ по крайней мѣрѣ, менѣе полезна чѣмъ Сибирь съ ея крайнимъ сѣверомъ, потому что къ ненависти польскаго народа, которую они уже давно къ намъ питаютъ, присоединилось еще разореніе».

Съ тѣхъ поръ какъ Наполеону не удалось заставить армію Барклай-де-Толли въ Дриссѣ, онъ неустанно преслѣдовалъ отступающій отрядъ. Бонапартъ надѣяся заставить русскихъ сразиться въ Витебскѣ; кровавыя встрѣчи, происшедшія въ этой мѣстности 25-го и 26-го іюля, между отдѣльными корпусами обѣихъ армій, убѣдили его въ своемъ превосходствѣ. Пушечная пальба въ одномъ изъ этихъ сраженій, происходившая между Мюратомъ и генераломъ Остерманъ-Толстымъ, разбудила Армфельда въ Витебскѣ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ къ мѣсту сраженія и съ восторгомъ смотрѣлъ на храбрую оборону русскихъ, несмотря на громадныя ихъ потери. Русскій главнокомандующій встрѣчалъ съ отчаянною храбростью нападеніе врага, и въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ не сомнѣвался больше въ побѣдѣ, было получено вѣстіе, что Багратионъ подходитъ къ Смоленску. Барклай-де-Толли быстро собрался и направился туда же. Наполеонъ, приготовившійся къ окончательному сраженію, нашель утромъ 28 го іюля поле совершенно пустымъ; русскій отрядъ отступилъ съ такой необычайной быстротой, что Наполеонъ сначала не зналъ, по какому направленію пошелъ Барклай. Дорога къ Смоленску была покрыта болотами и затрудняла преслѣдованіе, поэтому Наполеонъ потерялъ въ Витебскѣ вѣскольکو дорогихъ для него дней, въ промежуткѣ которыхъ обѣ русскія арміи успѣли соединиться въ одну. Армфельда поражаело то обстоятельство, что армія Барклай-де-Толли избѣгла грозящей ей опасности во время своего быстрого, неожиданнаго отступленія. Изъ Смоленска онъ писалъ Ерѣнстрему 4-го августа 1812 года: «Мы счастливо добрались до Смоленска. Отступленіе изъ Витебска было совершено подъ командой молодого генерала Палена, начальствующаго арьергардомъ; этотъ случай останется всегда чудомъ въ военной исторіи. Бонапартъ велъ самъ корпуса Мюрата, Богарне и маршала Нея, но, несмотря на это, русская армія отступала прямо передъ его носомъ черезъ громадное поле, верстъ въ 25 длиной; французской кавалеріи было бы болѣе чѣмъ легко раздавить насъ въ этотъ моментъ. Яни-

когда въ жизни не испытывалъ такой боязни, какъ въ этотъ день, бывъ убѣжденъ, что мы пропали; всѣ мои надежды были возложены на чудную казачью лошадь, которую я получалъ отъ атамана».

Во время этого движенія въ головѣ Армфельда созрѣли новыя мысли, и онъ убѣдился въ томъ, что ему слѣдуетъ покинуть армію, гдѣ онъ, не командуя ничѣмъ и не довѣряя тѣмъ, которые вели дѣло, чувствовалъ себя совершенно лишнимъ. Отступая изъ Витебска, онъ въ очень грустномъ тонѣ писалъ своей женѣ 27-го 28-го: «*Qu'avais-je à faire dans cette galère?*» Вотъ мысль, которая преслѣдуетъ меня ежеминутно, особенно тогда, когда вижу, что ничего не могу сдѣлать, боясь что-нибудь испортить. Хорошія идеи и совѣты не принимаются никѣмъ; одни не принимаютъ ихъ потому, что ослѣплены, другіе изъ ревности, боясь раздѣлить славу съ другими. Однимъ словомъ, жребій бронеѣ — остается лишь желать скорѣй убраться и утѣшиться уединенной жизнью въ Оминѣ».

Въ Смоленскѣ произошло всѣми желанное соединеніе съ арміей Багратиона, которая, послѣ сраженія при Могилевѣ и вслѣдствіе долгаго утомительнаго марша, уменьшилась до 45 тысячъ человекъ. Счастье видѣть, наконецъ, своего старшаго сына въ цѣлости, несмотря на участіе послѣдняго въ тяжеломъ походѣ Багратионовской арміи, а главное, надежда, что когда-нибудь прекратится это безконечное отступленіе, все это, вмѣстѣ взятое, заставляло Армфельда рисовать себѣ будущее въ болѣе свѣтлыхъ краскахъ. Тотчасъ послѣ своего приѣзда въ Смоленскъ онъ писалъ ¹⁾: «Если бы мы были умны, если бы существовало между нами единство, и хватило бы хлѣба, то чортъ бы взялъ его (Наполеона) тогда». Дальше онъ пишетъ: «Нельзя сказать, чтобы намъ не доставало чего-нибудь, лишь бы не сдѣлать дурнаго употребленія изъ данныхъ намъ средствъ. Чудное, превосходное, храброе и выносливое у насъ войско. Генералъ Паленъ рожденъ для того, чтобы быть самымъ знаменитымъ воиномъ въ Европѣ. Генералъ Ермоловъ, генералъ Корфъ — люди съ великимъ талантомъ. Самое незначительное обстоятельство въ нашу пользу можетъ имѣть для насъ счастливый оборотъ» ²⁾.

Однако между обоими главнокомандующими, Барклаемъ-де-Толли и Багратиономъ, не хотѣвшимъ уступать другъ другу, не существовало согласія; въ главной квартирѣ продолжали происходить тѣ же раздоры, какіе были подчасъ въ Вильнѣ и въ Дриссѣ; благородный Барклай сдѣлался, подобно Пфулю, для всѣхъ «*bête poïée*». Пфуль также находился въ Смоленскѣ, но не игралъ ужъ тамъ никакой роли. Въ одномъ письмѣ къ Шернвалю отъ 4-го августа, Армфельдъ выражалъ свои опасенія от-

¹⁾ Графинѣ Армфельдъ 1-го августа 1812 года.

²⁾ Аминову 5-го августа 1812 г.

носительно несогласія между обоими главнокомандующими: «Вы уже изъ бюллетеней знаете, — писалъ онъ, — что сдѣлано нами полезнаго, бесполезное же, которое продолжаютъ дѣлать, всплываетъ наружу, хотя мы этимъ и не хвастаемся. Благородный главнокомандующій не созданъ для того, чтобы командовать такимъ множествомъ людей; у него полное отсутствіе твердой воли и рѣшительности; кромѣ того, онъ ревнивъ, обидчивъ и принимаетъ только совѣты отъ своихъ адъютантовъ, или отъ своихъ писарей. *A la longue* это не годится, и если государь не скоро вернется въ армію, предвижу много несчастья. Все что я могу сдѣлать въ данную минуту, это содѣйствовать, чтобы между обоими главнокомандующими царствовала какая нибудь гармонія. Старая, давнишняя дружба моя съ Багратиономъ послужила мнѣ на пользу. Генераль Беннигсенъ, обладающій большими талантами и желающій здѣсь играть роль, возбудилъ вслѣдствіе этого неудовольствіе остальныхъ генераловъ, указавъ имъ на совершенныя ими глупости. Всюду лишь встрѣчаются человѣческія слабости! И никто не вспоминаетъ старую пословицу: *que la critique est aisée, mais l'art est difficile*».

Амфрельду было не по себѣ въ роли посредника, и онъ находилъ положеніе свое крайне неприятнымъ. На него и на Беннигсена, который также въ качествѣ зрителя сопутствовалъ армію, смотрѣли какъ-то подозрительно. Армфельдъ имѣлъ нѣкоторое основаніе чувствовать всю неловкость своего положенія ²⁾). Всеобщее недоброжелательство, которое сначала было обращено на пруссака Пфуля, перешло понемногу и на остальныхъ генераловъ иностраннаго происхожденія, находящихся въ то время въ русской арміи.

Почтенный и благородный генераль Барклай-де-Толли, родившійся въ Лифляндіи и по происхожденію своему шотландецъ, долженъ былъ вслѣдствіе враждебнаго настроенія противъ всего, что было иностраннаго, уступить во всемъ князю Кутузову. Грубо насмѣхались надъ нѣмецкими генералами всѣ находящіеся въ русской арміи; рассказываютъ, что будто Ермоловъ, на вопросъ императора, какую онъ желаетъ получить награду, отвѣтилъ саркастически, что желаетъ быть произведенъ

¹⁾ Въ своемъ оправдательномъ письмѣ государю, Барклай указывалъ императору на то неудобство, которое во многихъ отношеніяхъ представляло пребываніе не командующихъ ничѣмъ генераловъ въ главной квартирѣ. Онъ говоритъ далѣе, что генералы эти распространяли повсѣмѣстно извѣстія о всѣмъ, что совершалось въ главной квартирѣ, осуждая дѣйствія начальства. Къ тѣмъ, которые поступали такимъ образомъ, онъ причисляетъ герцога Александра Вюртембергскаго, Беннигсена, Корсакова и Армфельда (смотр. Бергарди *Toll's Denkwürdigkeit*, I: 300). Дружественныя отношенія Армфельда къ Багратиону измѣнили отношенія Барклая къ нему.

«въ нѣмцы» ¹⁾). Даже Армфельдъ, который никакимъ образомъ не могъ считаться за послѣдователя стратегическихъ плановъ Пфуля, и тотъ чувствовалъ на себѣ всю тягость и послѣдствія подобнаго настроенія. Вѣроятно, въ отвѣтъ на личныя жалобы Армфельда своей жёнѣ по этому поводу, она писала ему тѣ нѣсколько строкъ, которыя мы приводимъ изъ ея письма: «Мнѣ кажется, что если бы самъ Господь Богъ прислалъ сюда одного изъ своихъ ангеловъ не русскаго происхожденія, то и тогда бы стали, вѣроятно, злословить и приписывать ему небывалыя преступленія».

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, и тому, что возвращеніе государя, при которомъ состоялъ Армфельдъ, предвидѣлось не скоро, послѣдній рѣшился, тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Смоленскъ, просить разрѣшенія покинуть армию. Въ письмѣ къ своей дочери, баронъ извѣщаетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ о своемъ намѣреніи: «Мы собрались здѣсь цѣлыми массами, не зная въ сущности, что намъ дѣлать, и даемъ Бонапарту возможность дѣйствовать какъ ему угодно. «Отсутствіе государя фатально; я совершенно теряю голову, и потому просилъ разрѣшенія уѣхать, такъ какъ здѣсь становится въ концѣ концовъ невыносимо; я сильно страдаю, и предпочелъ бы ежедневно находиться въ огнѣ или на аванпостахъ, нежели здѣсь въ настоящемъ моемъ положеніи. Ты говоришь о томъ, мой другъ, что пуля можетъ сдѣлать! Когда человѣку минуло 55 лѣтъ, и когда онъ становится столь близкимъ какъ я, тогда не нужно уже пули для того, чтобы покончить свою жизнь. И безъ этого существуетъ такъ много другихъ причинъ, чтобы перестать жить на свѣтѣ». Въ своемъ письмѣ къ государю Армфельдъ проситъ у него разрѣшенія отправиться въ Петербургъ, гдѣ финляндскія дѣла требуютъ его присутствія, а впослѣдствіи вернуться уже навсегда въ Финляндію. Судя по отвѣту государя на это письмо, видно, что Армфельдъ далъ волю своимъ чувствамъ, обращаясь письменно къ монарху, и высказавъ ему свои сомнѣнія и опасенія относительно того, за что онъ потерялъ довѣріе императора къ себѣ ¹⁾). Отвѣтъ госу-

¹⁾ Бергарди. Tolls Denkwürdigkeit I: 304. De Maître. Correspondance diplomatique I, 173. Передаютъ выраженіе, сказанное кѣмъ то изъ русскихъ о генералѣ Паулчи: «Мы предпочитаемъ быть побѣжденными французами, нежели спасенными итальянцемъ».

¹⁾ Копія съ этого письма сохранилась между бумагами Армфельда. У Шинкеля (Воспоминанія) есть копія съ письма Армфельда къ государю, въ которомъ онъ жалуется на то, что у него отняли счастье «сопровождать его на поле битвы и славы». Далѣе баронъ говоритъ о своемъ желаніи оправдать себя и покинуть общественную жизнь. Говорится также, что письмо это написано будто бы въ 1813 г., и что Армфельдъ по дорогѣ въ Вильну получилъ отказъ государя явиться въ главную квартиру. Изъ вышесказаннаго

дара отъ 28-го іюля (8-го августа) доказываетъ, что опасенія Армфельда на этотъ счетъ были лишены всякихъ основаній. Въ этомъ письмѣ императоръ объясняетъ причину, почему Армфельду не было предложено сопровождать государя въ Москву, и даетъ барону «честное слово», что его довѣріе къ нему, съ тѣхъ поръ какъ опытъ показалъ во многомъ правдивость предсказаній Армфельда, скорѣе увеличилось, нежели уменьшилось. Разрѣшеніе писать въ Петербургъ было дано Армфельду, но государь не хотѣлъ одновременно слышать объ его удаленіи отъ финляндскихъ дѣлъ. Императоръ ожидалъ извѣстій изъ Швеціи, чтобы тотчасъ по полученіи ихъ, отправиться въ Або на встрѣчу наслѣдному принцу шведскому. Затѣмъ императоръ говоритъ, что съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстій изъ Смоленска, и подтверждаетъ свое твердое намѣреніе продолжать войну съ французами. Письмо императора Александра I заслуживаетъ вниманія и приводится здѣсь цѣликомъ.

С.-Петербургъ. 28-го іюля 1812 года. «Я получилъ ваши два письма, генераль, отъ 18-го и 22-го. Первое письмо было послано въ Москву, но застало меня только здѣсь, такъ что я получилъ ихъ оба почти одновременно. Къ искреннему моему сожалѣнію я вижу, что огорчилъ васъ, и конечно не желалъ этого сдѣлать. Сочтя необходимымъ совершить маленькое путешествіе внутри моего государства, я былъ принужденъ сократить мою свиту, насколько это было возможно. Такими образомъ всѣ принадлежація къ ней лица, не только флигель-адъютанты, остались въ арміи;—напримѣръ, мой дядя принцъ Вюртембергскій, генералъ Беннгсенъ, вы, генералъ Пфуль, принцъ Августъ Гольштинскій и многіе другіе, слѣдовательно я не могъ думать, что это обстоятельство могло огорчить васъ.

«Меня удерживаетъ здѣсь только отвѣтъ изъ Швеціи. Мнѣ было уже сообщено, что адмиралъ Бентингъ прибылъ въ Стокгольмъ, поэтому я ожидаю лишь извѣстія, куда отправится королевскій принцъ, чтобы тотчасъ ѣхать къ нему на встрѣчу. Если вы захотите воспользоваться этимъ временемъ съ цѣлью пріѣхать сюда, предоставляю вамъ поступить соотвѣтственно вашему желанію—но не удаляйтесь въ Финляндію—не могу скрыть отъ васъ, что это мѣсто въ вашемъ письмѣ меня огорчило.—Я желаю, чтобы вы продолжали управлять дѣлами Финляндіи, находясь вблизи меня. Почему вы думаете, что потеряли мое довѣріе? Даю вамъ честное слово, что это неправда, и чтобы быть откровеннымъ, скажу вамъ, что мое довѣріе къ вамъ увеличилось, такъ какъ опытъ доказалъ мнѣ, что вы были правы во многомъ. Вы также оши-

видно уже, что Армфельдъ никогда не дѣлалъ путешествія въ Вильно въ 1813 году. Письмо это скорѣй написано государю изъ Смоленска, подъ впечатлѣніемъ того, что императоръ пересталъ относиться къ нему попрежнему.

баетесь думая, что я сомнѣваюсь въ вашихъ искреннихъ чувствахъ ко мнѣ. Я васъ уважаю, генераль, и считаю неспособнымъ дѣйствовать вопреки вашему образу мыслей; слѣдовательно я вѣрю одинаково вашимъ чувствамъ ко мнѣ, какъ вѣрю вообще всему, что вы мнѣ говорите. Вы сильно ошибаетесь, если думаете, что я пріятно провожу здѣсь время. Не въ моемъ характерѣ наслаждаться жизненными удовольствіями, когда всѣ остальные страдаютъ.—Я долженъ вамъ сказать, что мучаюсь здѣсь болѣе, чѣмъ находясь въ арміи. Все мое время посвящено труду, и всѣ мои мысли тамъ, гдѣ вы находитесь.

«На другой день послѣ моего приѣзда я видѣлъ Ребиндера, и мы окончили съ нимъ всѣ необходимыя дѣла, которыя комитетъ представилъ мнѣ, и между прочимъ вопросъ объ устраненіи голода. Я подписалъ всѣ бумаги, какъ вы узнаете отъ Ребиндера; отсюда вы увидите, что я не теряю времени. Жители Финляндіи меня очень тронули; съ каждымъ днемъ я все больше ихъ люблю. Статья, которую вы мнѣ прислали, превосходна, а та, которая предназначена для напечатанія въ газетахъ, написана въ наилучшемъ духѣ. Насчетъ организаціи батальоновъ въ Финляндіи, Ребиндеръ вамъ сообщитъ черезъ два-три дня то, что мы рѣшили по этому поводу. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю вѣстія изъ главной квартиры. Но какой бы ни былъ результатъ, будьте увѣрены, что я рѣшилъ бороться до послѣдней крайности. Примите, генераль, увѣреніе въ моей дружбѣ и въ моемъ уваженіи» ¹).

¹) Письмо государя. J'ai reçu Vos deux lettres, Général, du 18 et du 22. La première a été me chercher à Moscou, et m'a suivi jusqu'ici, de manière que je les ai reçues à peu près ensemble. J'ai vu avec un véritable regret, que je Vous ai peiné, et certainement sans le vouloir. Ayant trouvé indispensable de faire une course momentanée dans l'intérieur de l'Empire, j'ai dû rendre ma suite aussi peu nombreuse que possible. Ainsi toutes les personnes qui y sont attachées—non seulement les aides-de-camp—sont restées à l'armée, comme mon oncle le prince de Wurtemberg, le général Beningsen, Vous, le général Phull, le prince Auguste de Holstein et plusieurs autres personnes. Je ne pouvais donc pas croire, que la chose puisse Vous affliger.

Ce n'est que les réponses de Suède qui me retiennent ici. J'ai déjà la nouvelle que l'amiral Bentinck est arrivé à Stockholm; ainsi à toute heure j'attends d'être instruit du point où se rendra le Prince Royal, pour m'y acheminer à l'instant. Si, profitant de ce temps, Vous désirez faire une course ici, je Vous en laisse le maître; mais non pour Vous retirer en Finlande—car je ne Vous cache pas que cette partie de Votre lettre m'a peinée—mais pour continuer à en gérer les affaires auprès de moi.—Pourquoi croyez-Vous avoir perdu de ma confiance? Je Vous proteste ma parole d'honneur, qu'il n'y a pas un mot de vrai à cela; et peut-être si Vous voulez que je sois franc, est elle augmentée, car l'expérience m'a prouvé, que Vous avez eu raison dans bien des choses. Vous vous trompez aussi, quand Vous croyez que je doute de Vos bons senti-

Армфельдъ воспользовался разрѣшеніемъ покинуть армию и изъ Смоленска поспѣшилъ въ Петербургъ. Государь уже отбылъ въ Або, чтобы тамъ встрѣтиться съ своимъ новымъ союзникомъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Петербургѣ, Армфельдъ уѣхалъ также въ Або, и находился тамъ въ тѣ достопамятные дни, когда Александръ I и Карлъ Іоаннъ совѣтовались о судьбѣ Сѣвера и всей остальной Европы. Армфельду пришлось тамъ свидѣться съ тѣми, которые годъ тому назадъ изгнали его изъ Швеціи, т. е. съ наслѣднымъ принцемъ Карломъ Іоанномъ и его совѣтникомъ Ветерстотомъ. Обхожденіе наслѣднаго принца въ ту пору съ Армфельдомъ доказывало, до какой степени онъ раскаявался и сожалѣлъ о своемъ поспѣшномъ и несправедливомъ поступкѣ относительно барона. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ съ Армфельдомъ, предложилъ ему свои услуги и милости въ Швеціи и обѣщался позаботиться о будущности младшаго сына барона, оставшагося въ Швеціи ¹⁾). Императоръ Александръ пожаловалъ не только ему и его дѣтямъ, но и даже приемной его дочери графскій титулъ. «Это большая любезность со сто-

ments pour moi. Je Vous estime, Général, et je Vous crois incapable de tenir un langage contraire à Votre pensée; ainsi j'ajoute autant de foi à ce que Vous me dites de Vos sentiments pour moi, comme à toute autre chose que Vous m'assurez.

Vous êtes bien dans l'erreur, en croyant que je passe ici mon temps à des choses agréables. Il n'est pas dans mon caractère de jouir des plaisirs de la vie, quand la chose publique souffre.—Je Vous dirai même que je me tourmente plus ici, que je ne me tourmentais à l'armée. Tout mon temps est voué au travail, et toutes mes pensées sont là, où Vous êtes.

Le lendemain de mon arrivée j'ai vu Rehbinden, et nous avons terminé les choses les plus essentielles, que le comité avait à me présenter, entre autres celle pour obvier à la disette. J'ai signé tous les papiers, comme Vous le saurez par lui. Ainsi Vous voyez, que je n'ai pas perdu mon temps. J'ai été bien touché des dispositions des habitant(s) de la Finlande, tous les jours je les aime davantage. La pièce que Vous m'avez envoyée, est parfaite et la pièce—pour être insérée dans les gazettes—écrite dans le meilleur sens possible.—Pour les bataillons qu'on veut former en Finlande Rehbinden dans deux ou trois jours Vous fera parvenir le résultat de ce que nous avons arrêté ici.

J'attends avec la plus grande impatience des nouvelles du quartier général. Mais qu'elle que soit l'issue, persuadez-Vous, que je suis résolu à lutter jusqu'à l'extrémité.

Recevez, Général, l'assurance de mon amitié et de mon estime.

Alexandre.

¹⁾ Армфельдъ пишетъ своей дочери: «Когда наслѣдный принцъ встрѣтилъ меня въ Або, онъ всячески старался загладить свою вину относительно меня и спросилъ, не можетъ ли онъ быть мнѣ чѣмънибудь полезенъ». Магнусъ Армфельдъ—единственный изъ сыновей Армфельда, который остался въ шведской военной службѣ. Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ адъютанты короля и въ камергеры. Только въ послѣдніе дни царствованія Карла-Іоанна, онъ переселился въ Финляндію.

роны императора, — писалъ онъ, — хотя самъ по себѣ этотъ титулъ не представляетъ для меня никакого значенія¹⁾. Въ Або, Армфельдъ принялъ на себя званіе канцлера университета, которое Сперанскій носилъ до него. Онъ искренно желалъ лишь одного — искреннѣе чѣмъ кто-либо изъ его соотечественниковъ — чтобы Швеція подняла оружіе и вмѣстѣ съ Россіей стала бороться противъ общаго врага — Наполеона, и помогла бы возстановить нарушенный порядокъ въ Европѣ. Раньше чѣмъ кто нибудь изъ остальныхъ его соотечественниковъ онъ указалъ своему повелителю (Александру I) тѣ средства, которыми можно бы было наградить Швецію за ея содѣйствіе Россіи. Любовь къ старому отечеству не погасла у Армфельда — но опытъ заставилъ его убѣдиться въ томъ, что миръ на Сѣверѣ былъ бы вѣрнѣе обезпеченъ соединеніемъ Швеціи съ Норвегіей, нежели завоеваніемъ Финляндіи для Швеціи. Армфельдъ находился въ Або въ качествѣ довѣреннаго лица русскаго императора; личные его симпатіи и благодарность привязывали его болѣе крѣпкими узами къ новому монарху, нежели къ наслѣдному принцу шведскому, ради котораго онъ былъ вынужденъ эмигрировать. Удовлетвореніе, полученное имъ впоследствии, не могло все-таки изгладить горечь воспоминаній, которую онъ привезъ съ собой изъ Швеціи. Далѣе, онъ не могъ и не хотѣлъ противоудѣйствовать интересамъ Александра I, бывъ его совѣтникомъ, въ особенности въ тотъ моментъ, когда благо Швеціи и Финляндіи и даже всей Европы зависело отъ русскаго политика, въ которой онъ лично участвовалъ. Ни шведы, ни финляндцы, какого бы мнѣнія они ни были относительно политики 1812 года, никто изъ нихъ не можетъ утверждать, что если бы даже Армфельдъ хотѣлъ дѣйствовать изъ-за патріотическаго чувства въ этомъ духѣ, то это не сдѣлало бы ему чести.

Живя въ Петербургѣ, графъ Армфельдъ съ обычной для него энергіей принялся за управленіе финляндскими дѣлами, но и тогда, равно какъ и прежде, находилъ свой трудъ неблагоприятнымъ. Неудовольствіе его, относящееся къ управителю Финляндіи, часто высказывается въ его болѣе интимныхъ письмахъ къ друзьямъ. Настроеніе духа барона часто мѣняется; надежды на свѣтлую будущность чередовались съ печалью и усталостью къ жизни, и подчасъ желаніемъ удалиться отъ всего. «Благодаря разнымъ причинамъ мое удаленіе становится необходимымъ, — писалъ онъ осенью 1812 года²⁾, — хотя теперь не зашла еще рѣчь о моей отставкѣ. Пускай все раньше успокоится и придетъ въ мирное настроеніе. Мнѣ хотѣлось бы раньше сказать, пока я не распрощусь со своей

¹⁾ Генералъ губернаторъ въ Финляндіи, Штейнгель, получилъ одновременно съ Армфельдомъ графскій титулъ.

²⁾ Шервалю 17 (29) ноября 1812 г.

дѣятельностью, что финляндскія дѣла пришли, наконецъ, въ должный порядокъ; слѣдуетъ привести Финляндію въ такое состояніе, чтобы она нуждалась только въ хорошемъ часовомъ мастерѣ, который изрѣдка заводилъ бы механизмъ и присматривалъ за нимъ. Съ помощью же ландтага и стремленій нашего добраго и прекраснаго монарха, можно надѣяться, что мечты мои осуществляются—даже черезъ нѣсколько лѣтъ». Нѣсколько дней до этого, Армфельдъ, правда въ болѣе безнадежномъ тонѣ, но зато довольно характеристично, описывалъ Ерѣнстрему ¹⁾ свою дѣятельность. «Должность генералъ губернатора ²⁾ приноситъ мнѣ массу заботъ. Ничто не дѣлается согласно моему желанію. Убѣжденіе мое въ негодности нашей администраціи растетъ съ каждымъ днемъ. Я смѣнилъ Карналя въ Вазѣ. Ерѣнстольпе и Егергорнъ также больше не годятся ³⁾ Нельзя же наконецъ беречь ихъ, когда вопросъ касается общаго блага. Я не могу относиться такъ хладнокровно ко многимъ вопросамъ, какъ дѣлаетъ это Штейнгель, или позволять писарямъ своимъ имѣть какое нибудь вліяніе; тѣмъ не менѣе я нахожу, что должность эта невыносима, такъ такъ приходится заниматься почти всѣмъ самому, и, не имѣя времени для отдыха, чувствовать и днемъ и ночью громадную тяжесть. Императоръ потѣшается надъ моимъ неудовольствіемъ и увѣряетъ, что я созданъ для этой должности».

Кромѣ финляндскихъ дѣлъ, было у Армфельда еще много другихъ серьезныхъ заботъ; несомнѣнно то, что чѣмъ болѣе политика Европы и Россіи приходила въ критическое положеніе, тѣмъ болѣе великія событія, происходившія въ эту эпоху, поглощали все вниманіе Армфельда. Онъ продолжалъ до конца 1812 года находиться вблизи императора, и когда государь отправился въ армію, то тотчасъ же далъ понять своему приближенному, что ожидаетъ его пріѣзда туда ⁴⁾. Изъ вѣрныхъ источниковъ доходили до Армфельда слухи объ ужасныхъ событіяхъ, происходившихъ осенью того года; онъ слышалъ о кровавомъ

¹⁾ 14-го ноября 1812 г. (библіотека въ Упсалѣ).

²⁾ За отсутствіемъ графа Штейнгеля, отправленнаго на театръ военныхъ дѣйствій, графъ Армфельдъ временно исправлялъ его должность.

³⁾ Выписка изъ письма къ Шернвалю 20-го декабря 1812 года: «Я осажденъ со всѣхъ сторонъ просьбами и претензіями людей совершенно никуда не годныхъ; господа эти находятся подъ покровительствомъ лицъ, въ свою очередь воображающихъ, что я только ради каприза не достаю имъ денегъ, мѣсть и разныхъ милостей. Слѣдовало бы развивать въ людяхъ вообще болѣе точное понятіе о долгахъ и достоинствахъ; съ этой цѣлью можно бы было устраивать лекціи въ Абосскомъ университетѣ».

⁴⁾ Государь писалъ Армфельду: «Стараюсь всѣми силами оправдать то мнѣніе, которое вы составили себѣ обо мнѣ: надѣюсь, что это удастся мнѣ... Если продлится мое пребываніе въ арміи, то я буду просить васъ присоединиться къ намъ и заранѣе дамъ вамъ знать объ этомъ. Весь вашъ!» (30-го декабря 1812 г.).

сраженіи подъ Бородинымъ, о взытіи Москвы и о страшномъ пожарѣ въ древней русской столицѣ: «Наполеонъ или я, я или онъ! — воскликнулъ государь, получивъ извѣстіе, что французы вступили въ Москву, — оба одновременно мы не можемъ властвовать: за это время я сумѣлъ узнать его». Армфельдъ не сочувствовалъ той осторожности, съ которою новый главнокомандующій Кутузовъ велъ войну; но онъ все-таки не сомнѣвался въ ея благополучномъ исходѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Армфельдъ находился въ Петербургѣ, онъ могъ съ болѣею объективною обсуждать тяжелыя событія, чѣмъ тогда, когда находился въ арміи. По этому поводу онъ писалъ: «Искренно желаю, чтобы намъ удалось убѣдиться въ томъ, что эта война равняется окончанію воинственныхъ побѣдъ Наполеона!—Это убѣжденіе можетъ отчасти поправить наши глупости. Испанія, освобожденная въ данный моментъ отъ ига, до самой рѣки Эбро, можетъ служить для насъ хорошимъ примѣромъ. Послѣднія извѣстія оттуда радостныя»¹⁾. Среди бумагъ Армфельда, сохранился собственноручный набросокъ его, въ которомъ онъ живо описываетъ настроеніе, вызванное событіями 1812 года. Это скорѣй игра воображенія — быть можетъ позаимствованная въ бесѣдахъ интимнаго кружка, собиравшагося у обѣихъ государынь — чѣмъ проектъ съ практической цѣлью. Благодаря своему остроумію, изложеніе наброска представляетъ изъ себя извѣстный интересъ. Въ немъ, напримѣръ, сравниваются дѣяствія Наполеона съ нашествіемъ сарациновъ, готовъ и вандаловъ. Какъ во времена рыцарства слѣдовало бы теперь организовать, подъ знаменемъ креста, братство, съ цѣлью защитить религію, тронъ и отечество для освобожденія Европы отъ тяжелаго ига. Александръ I, вставъ во главѣ новыхъ крестоносцевъ, далъ бы свое согласіе всѣмъ желающимъ поступать въ это братство. Не рыцари среднихъ вѣковъ совершили крестовый походъ противъ Наполеона, а русскій народъ. Жители покинули города и села, сожгли свое имущество и жертвовали своею жизнью для того, чтобы отомстить за долгій и тяжелый гнетъ. Скоро счастье повернулось въ пользу русскихъ; бодрость и надежды появились одновременно у столычныхъ жителей.

Паденіе Наполеона было несомнѣнно; приближеніе зимы и народное всепоглощающее чувство мести достигли фанатизма, способствовавшего этому паденію. Въ перепискѣ Армфельда можно слѣдить за развитіемъ того настроенія, которое испытывалъ весь русскій народъ въ ту эпоху. За разсказами о безчеловѣчныхъ поступкахъ французовъ слѣдовало описаніе ихъ собственныхъ страданій и мести русскихъ. Отчаяніе, завладѣвшее всѣми, когда пришло извѣстіе о Московскомъ пожарѣ, смѣнилось въ декабрѣ мѣсяцѣ восторженной радостью. Изъ исторіи извѣстно,

¹⁾ Ерѣвстрему 30-го сентября 1812 г.

какъ Наполеонъ, тщетно искавшій средствъ помѣшать пожару въ Москвѣ, былъ принужденъ въ концѣ октября 1812 года подумать объ отступленіи. Въ пылу своего негодованія, онъ передъ тѣмъ чтобы покинуть Москву взорвалъ на воздухъ древнее жилище русскихъ царей, могущественный Кремль. Солдаты его разорили все то, чего огонь не успѣлъ уничтожить. Въ Петербургѣ носились ужасные слухи, что монахи въ своихъ священныхъ обителяхъ были обесчещены французами въ алтарѣ монастырской церкви, и что 19 изъ нихъ лишили себя жизни. Взрывъ негодованія какъ эхо пронесся среди русскаго народа. Когда Армфельдъ узналъ объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ Наполеономъ, о совершенно бесполезномъ уничтоженіи Кремля, онъ воскликнулъ въ негодованіи ¹⁾: «Это душа лакейская съ головой Аттилы или Нерона!» Армфельдъ рассказываетъ, что за обѣдомъ во дворцѣ, когда разговоръ коснулся насилія и грубыхъ дѣйствій Наполеона, то кроткая императрица Елисавета Ѳеодоровна сказала: «Я впрочемъ довольна его поступкомъ во-первыхъ потому, что онъ служитъ доказательствомъ тому, что для него плохо кончилось, а во-вторыхъ, что все, что онъ запятналъ своимъ прикосновеніемъ, болѣе не существуетъ ²⁾».

«Я встрѣтилъ людей, вернувшихся изъ Москвы и изъ арміи,—писалъ Армфельдъ въ томъ же письмѣ;—подробности, которыя описываютъ они, доказываютъ, на сколько «великій полководецъ» ошибся въ своихъ расчетахъ, и что гнѣвъ его очень похожъ на сумасшествіе. Люди и лошади умираютъ сотнями ежедневно отъ голода. Люди такъ же не знакомы съ хлѣбомъ, какъ лошади съ овсомъ (исключая гвардіи). Въ Москвѣ генералы питались кошками и воронами, а солдаты ѣли лошадиное мясо. 4.000 раненыхъ терпятъ всякаго рода лишенія и умираютъ съ голоду. Однимъ словомъ, ни съ чѣмъ нельзя сравнить тотъ ужасъ и то опустошеніе, которые оставляетъ послѣ себя этотъ человѣкъ на подобіе «дьявола». Нѣсколько дней спустя онъ писалъ: «Мой сынъ, не бывъ во все поэтомъ, сдѣлалъ описаніе всѣхъ ужасовъ, которые представлялись его глазамъ; онъ не хуже Данта рассказываетъ, что послѣ того какъ съѣдаютъ лошадей, начинаютъ ѣсть трупы людей—это слишкомъ ужасно, чтобы даже думать объ этомъ!» «Такъ кончилъ онъ (Наполеонъ)—писалъ Армфельдъ своей дочери,—этотъ знаменитый челоѣкъ, не щадившій ни корокованныхъ лицъ, ни министровъ ихъ,—тотъ челоѣкъ, который сталъ страшилищемъ всѣхъ народовъ, до той минуты пока Испанія не научила послѣднихъ дѣлать различіе между постыднымъ образомъ жизни и смертью, что менѣе позорить челоѣка. Русскій народъ превзошелъ Испанію и покрылъ себя незабвенной и безсмертной славой. Не-

¹⁾ Въ письмѣ Ерѣнстрему 3-го ноября 1812 г.

²⁾ Письмо Армфельда Ерѣнстрему 12-го ноября 1812 г.

исчислимы тѣ жертвы, которыя были принесены русскими изъ любви къ Богу, своему дорогому отечеству и обожаемому монарху. Что за народъ эти русскіе! Какимъ духомъ національности воодушевлены они! Я не позволю себѣ ни минуты сравнивать все то, что я раньше пережилъ, всѣ воспоминанія мои, которыя одно за другимъ, подобно туманнымъ картинамъ, проходятъ передъ моимъ воображеніемъ, со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ пришлось видѣть въ Россіи».

(Окончаніе слѣдуетъ).

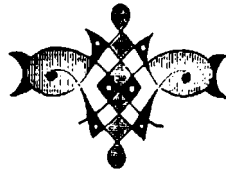
Письмо князя А. Н. Голицына М. М. Сперанскому.

Января 16-го, 1819. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь, Михаила Михайловичъ. Извините меня, что я замедлил отвѣтомъ на Ваше письмо поздравительное со днемъ Рождества Спасителя нашего, что нынѣ исполняя, благодарю покорнѣйше за желанія христіанскія, которыя взаимно примите и отъ меня. Слава Господу, что въ сіи времена хотя и зло идетъ къ своему совершенству и утонченію, но и много ищущихъ истины, а какъ мы увѣрены, что истина восторжествуетъ, то и бояться нечего, а надѣяться и просить силъ у Того, Кто иного не желаетъ какъ царствовать въ нашихъ сердцахъ.

Одинъ нѣмецкій теософъ писалъ ко мнѣ, я не помню, сообщалъ ли я Вамъ оное: что зло утончается (*se spiritualise*), съ другой стороны и добро также, наконецъ какъ то такъ и другое, часъ-отъ-часу изощряясь, должно наконецъ пробить свою оболочку или, иначе сказать, сбросить съ себя личину, и нѣкоторымъ образомъ будучи наго, зло съ добромъ безъ закрывки встрѣтятся, тогда долженъ придти раздѣлитель, чтобъ положить конецъ и дать восторжествовать истинѣ. При семъ оныя привелъ и физическій примѣръ, когда двѣ силы въ атмосферѣ встрѣтятся, тогда также раздѣлитель (молнія) является и ударъ. Пожелавъ Вамъ здоровья, пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга, князь Александръ Голицынъ.

Сообщ. академикъ А. Э. Бычковъ.

Егоръ Егоровичъ Замысловскій.

(Родился 6-го іюня 1841 г., умеръ 9-го мая 1896 г.).

Бывшій профессоръ русской исторіи въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ Егоръ Егоровичъ Замысловскій, скончавшійся 9-го мая текущаго года, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ современныхъ дѣятелей на поприщѣ изученія прошлыхъ судебъ нашего отечества.

Егоръ Егоровичъ родился въ Гроднѣ 6-го іюня 1841 года, а образованіе получалъ въ Петербургѣ: сперва учился онъ въ частномъ пансіонѣ, потомъ во 2-й гимназіи, а по окончаніи въ ней курса въ 1857 году, поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, откуда вышелъ въ 1861 году со степенью кандидата.

Еще въ гимназіи особенно любилъ онъ уроки исторіи, которую преподавалъ тамъ талантливый и знающій преподаватель Вл. О. Эвальдъ; въ университетѣ же, на двухъ послѣднихъ курсахъ, онъ слушалъ лекціи русской исторіи у Н. Ив. Костомарова. Кромѣ того, вскорѣ по выходѣ изъ университета Замысловскій имѣлъ случай сблизиться съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Такимъ образомъ, склонность къ историческимъ занятіямъ пробудилась въ Егорѣ Егоровичѣ очень рано, и онъ рѣшилъ посвятить себя ученой дѣятельности, избравъ предметомъ своей спеціальности русскую исторію.

Какъ извѣстно, приготовленіе къ этой карьерѣ сопряжено со многими затрудненіями, особенно для человѣка, не обеспеченнаго въ матеріальномъ отношеніи. А таково именно было положеніе Замысловскаго. Еще будучи студентомъ, онъ принужденъ былъ содержать себя частными уроками; такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ и по выходѣ его

изъ университета, пока наконецъ не удалось ему въ 1864 году получить скромное мѣсто учителя исторіи въ домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Затѣмъ въ 1866 году онъ занялъ такую же должность въ женскомъ Павловскомъ институтѣ, въ 1867—въ Александровскомъ лицей, и наконецъ, въ 1869 году былъ приглашенъ къ преподаванію русской исторіи въ Историко-Филологическомъ институтѣ, въ помощь профессору Вестужеву-Рюмину.

Такимъ образомъ, въ годы молодости Замысловскому приходилось много отвлекаться отъ работъ чисто ученаго характера. Но онъ обладалъ удивительною энергіей въ трудѣ, и благодаря этому свойству, именно въ эти ранніе годы успѣлъ положить прочную основу своимъ обширнымъ познаніямъ не только въ специальной области русской исторіи, но и въ кругу всѣхъ наукъ, имѣющихъ къ ней отношеніе. Такъ, между прочимъ, онъ много занимался въ то время географіей, и это навело его на мысль составить «Учебный атласъ по русской исторіи». Первое изданіе этого труда, потребовавшего отъ Замысловскаго не только основательнаго изученія нашей историко-географической литературы, но и самостоятельныхъ изысканій, относится къ 1865 году; впоследствии атласъ выдержалъ еще два изданія, при чемъ постоянно подвергался улучшеніямъ и дополненіямъ; къ нему былъ приложенъ объяснительный текстъ, содержащій въ себѣ очеркъ исторіи расширенія русской государственной области; въ 1884 году атласъ былъ увѣнчанъ Петровскою преміей ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и до сихъ поръ остается лучшимъ нашимъ учебнымъ пособіемъ въ своемъ родѣ.

Выпустивъ первое изданіе атласа, Замысловскій принялся за составленіе магистерской диссертациі, темою для которой онъ избралъ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Скудость изданныхъ матеріаловъ по этому періоду заставила Егора Егоровича обратиться къ изученію архивныхъ источниковъ, преимущественно въ Москвѣ. Эти архивныя работы были для него очень важною школою: изъ него выработался отличный знатокъ нашихъ старинныхъ официальныхъ документовъ, съ правильными возрѣніями на приемы ихъ научнаго изданія; понятно поэтому, что еще въ 1869 году онъ былъ избранъ въ число членовъ археографической комиссіи, для которой немало потрудился впоследствии. Но въ то же время архивныя разысканія задержали составленіе диссертациі, и только въ 1871 году Замысловскій могъ выпустить первую часть своего сочиненія; но это не была еще исторія царствованія Ѳедора Алексѣевича, а лишь введеніе къ ней и обзорніе печатныхъ источниковъ, относящихся къ этому времени. Такимъ образомъ, книга Замысловскаго имѣла по преимуществу критическій характеръ, и въ этомъ смыслѣ достоинства ея весьма значительны: сужденія автора

отличаются большою осторожностью, но въ то же время они проникательны и мѣтлы. Какъ пособие для оцѣнки нашихъ археографическихъ сборниковъ, сочиненіе Замысловскаго содержитъ въ себѣ очень полезныя и важныя указанія.

Сочиненіе это, представленное въ С.-Петербургскій университетъ какъ диссертация, доставило Егору Егоровичу степень магистра русскій исторіи и проложило путь къ университетской кафедрѣ. Оставивъ преподаваніе въ Павловскомъ институтѣ и лицѣѣ, Замысловскій съ осени 1871 года началъ свои чтенія въ университетѣ, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ въ Историко-Филологическомъ институтѣ званіе экстраординарнаго профессора.

Преподавательская дѣятельность Егора Егоровича въ университетѣ продолжалась 19 лѣтъ, до осени 1890 года, когда по болѣзни онъ долженъ былъ выйти въ отставку; сперва онъ состоялъ въ званіи доцента, а въ 1884 году получилъ званіе профессора. Чтенія его въ университетѣ состояли какъ изъ общихъ курсовъ, такъ и изъ специальныхъ; послѣдніе посвящались отдѣльнымъ отраслямъ исторической науки. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣли строго фактической характеръ и знакомили слушателей какъ съ главными чертами историческихъ явленій, такъ и съ воззрѣніями на нихъ ученыхъ. Особенно любилъ Замысловскій руководить занятіями своихъ слушателей-спеціалистовъ, направлялъ ихъ первоначальныя ученныя работы, возбуждалъ въ нихъ критическій тактъ и такимъ образомъ подготовилъ цѣлый рядъ молодыхъ дѣятелей на поприщѣ русской исторіи.

Въ исходѣ 1880 года Замысловскій былъ призванъ къ высокой обязанности преподавать всеобщую и русскую исторію великому князю Николаю Александровичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, и его августѣйшему брату великому князю Георгію Александровичу и велъ это преподаваніе въ теченіе десяти лѣтъ.

Въ 1884 году Замысловскій защитилъ свою вторую диссертацию—на степень доктора русской исторіи, подъ заглавіемъ «Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія о Россіи». Это сочиненіе, стоившее автору восьмилѣтняго труда, должно быть признано капитальнѣйшею изъ работъ Замысловскаго, отражающею въ себѣ всѣ лучшія его свойства какъ ученаго: разнообразіе познаній, критическую осторожность и чрезвычайную пылливость, приводившую его къ весьма любопытнымъ и важнымъ выводамъ. Заключая въ себѣ богатые матеріалы для оцѣнки едва ли не главнѣйшаго изъ западно-европейскихъ сочиненій о древней Россіи, книга эта вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на значеніе этого сочиненія въ общей географической литературѣ своего времени и въ то же время выставяетъ на видъ заслуги русскихъ людей въ сферѣ географическихъ открытій.

*

Кромѣ названныхъ самостоятельныхъ произведеній значительнаго объема, Егору Егоровичу принадлежатъ еще рядъ изслѣдованій меньшаго размѣра, какъ напримѣръ: «О сношеніяхъ Россіи съ Польшей и Скандинавскими государствами при Фѣдорѣ Алексѣевичѣ» (отрывки изъ оставшейся не написанною исторіи его царствованія), «О сношеніяхъ Россіи съ Англіей при Иванѣ Грозномъ», «О древнихъ чертежахъ Сибири», «О составѣ начальной лѣтописи» и пр., и рядъ критическихъ статей о сочиненіяхъ: Д. А. Корсакова «Мера и Ростовское княжество», Н. П. Барсова «Очеркъ географіи начальной лѣтописи», В. С. Борзаконскаго «Исторія Тверскаго княжества», архимандрита Леонида «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ» и Ю. В. Толстаго о «Московіи» Милтона. Наконецъ, подъ редакціей Егора Егоровича вышли изданный Археографической комиссіей переводъ «Сказаній Массы и Германа о Смутномъ времени» и четыре выпуска «Лѣтописи занятій» той же комиссіи; въ этомъ послѣднемъ изданіи между прочимъ помѣщены приготовленныя Замысловскимъ къ печати «Посланіе старца Авраамія», весьма любопытное для начальной исторіи раскола, и «Извлеченія изъ переписныхъ книгъ 1676—1682 годовъ».

Мы далеко не перечислили всего, что было напечатано Замысловскимъ, но и изъ приведеннаго выше поименованія его трудовъ видно, что это былъ ученый дѣятель въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, разумно и усердно трудившійся въ горячо любимой имъ научной области, относившійся ко всякой своей работѣ съ величайшею добросовѣстностью и, благодаря тому, оставившій послѣ себя такой вкладъ въ науку, который надолго сохранить въ ней значеніе.

Какъ человекъ, Замысловскій оставилъ по себѣ свѣтлую память среди всѣхъ его знавшихъ; онъ пользовался общимъ глубокимъ уваженіемъ за благородство своего характера, за прямоту и безкорыстіе, за строгую преданность своему долгу, за твердость своихъ убѣжденій и за мягкость своего прекраснаго сердца.

Послѣдніе годы жизни Егора Егоровича были полны тяжелыхъ страданій; жестокая болѣзнь, заставившая его покинуть службу и ученые занятія, была послѣдствіемъ лишеній, испытанныхъ имъ въ молодости; она рано состарила его и не поддавалась никакимъ усиліямъ врачей; онъ медленно угасалъ и послѣ шестилѣтнихъ страданій скончался въ возрастѣ далеко отъ старости.

Наставленія по поводу сбора милиціи въ 1806 году.

5-го декабря 1806 года, по полудни въ 9 часовъ, с.-петербургскій губернаторъ Петръ Степановичъ Пасевьевъ получилъ собственноручно подписанную императоромъ Александромъ I инструкцію о составленіи милиціи, отъ 4 декабря, а 18-го декабря министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. Кочубей прислалъ слѣдующій секретный циркуляръ отъ 17-го декабря 1806 г. № 3020, въ коемъ изложены слѣдующія дополнителныя наставленія по случаю сбора милиціи.

«Въ высочайшемъ манифестѣ и особенной инструкціи, на имя вашего превосходительства данной, изображены подробно правила, коими начальники губерній и дворянство руководствоваться должны въ составленіи губернскаго земскаго войска.

«Но сверхъ сихъ общихъ правилъ есть предметы, кои въ дѣлѣ семъ къ особенному наблюденію вашему предлежатъ, и о коихъ, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, имѣю честь сообщить вашему превосходительству слѣдующее:

I. Къ успѣшному образованію милиціи прежде всего нужно, чтобъ всѣ имѣли истинное понятіе о цѣли и существѣ ея.

Цѣль сего вооруженія есть, имѣть въ готовности сильный отпоръ противъ такого непріятеля, который пріобыкъ, пользуясь своимъ счастіемъ, дѣйствовать не одною силою оружія, но и всѣми способами оболъговія черни, который, врываясь въ предѣлы воюющихъ съ нимъ державъ, всегда старается прежде всего испровергать всякое повповненіе внутренней власти, возбуждать поселянъ противъ законныхъ ихъ владѣльцевъ, уничтожать всякое помѣщичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренныя основанія государствъ, похищать законное достояніе и собственность прежнихъ владѣльцевъ, возводить на мѣста язъ людей ему преданныхъ, и такимъ образомъ, перемѣняя

весь видъ правительства, на развалинахъ прежняго порядка утверждать свое жестокое самовластіе. Изъ сего видно, что война съ такимъ непріателемъ не есть война обыкновенная, гдѣ одна держава спорить съ другою о правѣ или пространствѣ владѣній. Въ настоящей войнѣ каждый владѣлецъ собственности, каждый помѣщикъ долженъ признавать себя лично и непосредственно участвующимъ, ибо цѣль непріятеля есть испровергнуть всякое личное преимущество, всякое право собственности, въ государствѣ существующее.

«Ваше превосходительство поставите себѣ въ обязанность внушать помѣщикамъ сіи истины. Они покажутъ имъ очевидностію, что каждый изъ нихъ, содѣйствуя сему ополченію, будетъ содѣйствовать не только общей безопасности государства, но и защищать собственное свое личное право, достояніе своихъ дѣтей, своего рода, собственность своихъ владѣній.

«Показавъ такимъ образомъ истинную цѣль настоящаго ополченія, должно имѣть точное и ясное повятіе о существѣ его. Изъ высочайшаго манифеста и изъ инструкціи ваше превосходительство видѣли, что предметъ учрежденія сего состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть въ готовности сильное ополченіе, которое бы могло двинуться на защиту нашихъ предѣловъ, когда то признано будетъ нужнымъ. Изъ сего само собою слѣдуетъ:

1) что люди, составляющіе милицію, доколѣ не будетъ дано повелѣніе отъ начальства выступить изъ квартиръ, должны оставаться въ своихъ селеніяхъ;

2) что, оставаясь въ селеніяхъ, они должны пребывать во всемъ, что до службы милиціи не касается, въ крестьянскомъ ихъ быту, и слѣдовательно исправлять по земскому и волостному ихъ управленію всѣ тѣ повинности, которыя не препятствуютъ ихъ назначенію и службѣ. Само собою разумѣется, что во время нахождения ихъ въ милиціи не должны они быть употребляемы ни въ какія посылки или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣста жительства ихъ, дабы тѣмъ не затруднилось образованіе сего земскаго войска;

3) что въ казенныхъ селеніяхъ они должны быть наравнѣ съ другими и послушны мѣстному ихъ начальству;

4) что въ селеніяхъ помѣщичьихъ они должны быть въ той же зависимости и послушаніи къ помѣщикамъ, какъ и прежде;

5) что въ казенныхъ селеніяхъ земское начальство, а въ помѣщичьихъ владѣльцы имѣютъ право и обязанность прекращать и наказывать безпорядки, каковыя отъ сихъ людей произойти могутъ;

6) что доколѣ люди, въ милицію вписанные, остаются въ своихъ селеніяхъ, все различіе ихъ отъ прочихъ поселянъ состоитъ въ томъ, что они во всемъ относящемся къ устройству милиціи должны быть

послушны сотеннымъ и прочимъ для войска сего установленнымъ начальникамъ, никакъ не разрывая между тѣмъ тѣхъ откошеній, въ коихъ они, какъ крестьяне, по селеніямъ ихъ состоятъ;

7) что наконецъ земскіе и волостные начальства и помѣщики обязаны не только не препятствовать дѣйствию начальниковъ войска сего во всемъ, что къ устройству его принадлежитъ, но и должны всемѣрно ему содѣйствовать.

II. Составивъ такое образованіе сего войска и объ отношеніяхъ его понятіе, ваше превосходительство въ главную себѣ обязанность имѣете не только изъяснить сіи правила земскимъ начальствамъ и помѣщикамъ и вразумлять о нихъ самихъ крестьянъ, но и охранять точное ихъ исполненіе со всею возможною точностію. Благоустройство, тишина и подчиненіе въ селеніяхъ не менѣе и при образованіи сего войска состоятъ на вашей отвѣтственности и попеченіи, какъ и во всякое другое время.

III. Дабы болѣе еще обезпечить тишину и благоустройство селеній при образованіи сего войска, въ инструкціяхъ главнокомандующимъ постановлено правиломъ, чтобъ оружіе какъ огнестрѣльное, такъ и всякое другое, коимъ войско сіе снабжено будетъ, употребляемо было единственно въ сборныхъ ихъ мѣстахъ въ тѣ дни, кои для обученія ихъ назначены будутъ, чтобъ обученіе сіе состояло по большей части въ однихъ первоначальныхъ и необходимыхъ правилахъ воинскаго дѣла, и чтобъ поселяне сколь можно менѣе отрываемы были экзерціціями отъ собственныхъ своихъ работъ. Сообразно сему ваше превосходительство не оставите чрезъ земскую полицію и сами имѣть наблюденіе за тѣмъ, исполняются ли въ точности устанавливаемые правила, чтобъ въ дома людей, вписанныхъ въ милицію, оружіе никакъ не было отпускаемо; чтобъ по окончаніи ученія хранимо оно было въ мѣстахъ, особенно для сего опредѣленныхъ, и чтобъ частные, сотенные и другіе начальники держались въ обученіи сихъ людей правилъ, кои имъ отъ главнокомандующихъ предписаны будутъ,—и есть ли вы усмотрите какое либо по всѣмъ симъ отношеніямъ отступленіе, вы будете имѣть обязанностію относиться о томъ въ случаяхъ нужды къ главнокомандующему областію, не стѣсняя впрочемъ распоряженій командующаго губернской милиціею, дабы противудѣйствіямъ двухъ властей не воспрепятствовать успѣху дѣла.

Само собою впрочемъ разумѣется, что у людей, кои съ собственнымъ своимъ оружіемъ будутъ на ученіе являться, какъ то: у людей дворовыхъ, егерей, также стрѣлковъ и охотниковъ изъ крестьянъ, оружіе имъ принадлежащее и по окончаніи ученія не должно быть отбираемо, такъ какъ и прежде они имъ пользовались.

IV. При наблюденіи сихъ правилъ, къ охраненію въ селеніяхъ вну-

тревней тишины и спокойствія необходимыхъ, ваше превосходительство обратите вниманіе ваше и на другіе предметы, къ устройству сего войска принадлежаціе. Нѣтъ сомнѣнія, что, зная всю важность сего дѣла, вы поставите себѣ долгомъ руководствовать внушеніями вашими всѣхъ тѣхъ, кои сверхъ возлагаемой на нихъ обязанности пожелаютъ содѣйствовать успѣху дѣла своими особенными приношеніями. Но возбуждая ревность ихъ къ общему благу, вы будете при томъ наблюдать, чтобъ ревность сія направляема была сколь можно къ полезнѣйшей цѣли. Направленіе сіе необходимо нужно. Здѣсь уже открылись примѣры пожертвованій весьма значительныхъ. Отдавая всю справедливость похвальнымъ побужденіямъ, на коихъ они основаны, нельзя однакоже не признать, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ подать поводъ къ разорительной роскоши и примѣромъ своимъ по неправильному поревнованію ввести людей недостаточныхъ въ важныя и тягостныя для нихъ издержки и сверхъ того обратить значущую часть народнаго богатства на предметы излишніе, между тѣмъ какъ она могла-бы съ большею пользою употреблена быть на предметы существенно нужные. Изъ сего открывается необходимость направлять совѣтами и внушеніями ревность пожертвованій сколь можно къ полезнѣйшему концу.

V. Одинъ изъ способовъ, гдѣ ревность сія наилучше дѣйствовать можетъ, состоитъ въ томъ, чтобъ богатые помѣщики пособляли сколь можно недостаточнымъ, поставкою за нихъ людей, или одѣяніемъ ихъ, или пособіемъ въ ихъ вооруженіи и продовольствіи. Такимъ образомъ опыты отличнаго усердія къ успѣху ополченія могутъ быть сопряжены съ частною благотворительностію, а конецъ или крайнее послѣдствіе ихъ будетъ общая польза. Ваше превосходительство не оставите склонять приличнымъ образомъ почетнѣйшихъ дворянъ къ такому вспомоствованію, внушая имъ, что сей образъ приношенія болѣе можетъ быть его величеству благоугоденъ, нежели другія не столь полезныя пожертвованія.

Само собою впрочемъ разумѣется, что такое направленіе усердныхъ расположеній должно быть съ вашей стороны ограничено одними совѣтами и внушеніями и не можетъ полагать никакой отъ власти зависящей преграды собственному каждому произволу. Всѣ приношенія должны быть въ мѣстахъ своихъ принимаемы съ совершеннымъ одобреніемъ и предварительнымъ съ вашей стороны увѣреніемъ въ монаршемъ къ нимъ благоволеніи.

Я надѣюсь, что ваше превосходительство, извѣщая меня о всѣхъ таковыхъ приношеніяхъ, не оставите особенно и немедленно доносить о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отступленіемъ отъ правилъ, здѣсь предписанныхъ, охраненіе общей тишины и спокойствія нарушено быть

можетъ, принимая между тѣмъ на мѣстѣ, по сношенію съ командующимъ и главнымъ областнымъ начальникомъ милиціи, всѣ тѣ мѣры, какія къ скорому возстановленію порядка удобнѣйшими признаны будутъ.

Впрочемъ я считаю излишнимъ напоминать, что по всѣмъ предметамъ, доставленія и устройства земскаго войска принадлежащимъ, особенное вниманіе вашего превосходительства должно быть обращено, дабы отъ земскихъ, городскихъ и волостныхъ начальствъ и чиновъ низмѣйшаго поположенія къ злоупотребленіямъ, привязкамъ и корысти не было допускаемо. Есть-ли неослабное за симъ наблюденіе и въ обыкновенномъ теченіи службы нужно, то въ дѣлѣ столь чрезвычайномъ и толикой важности оно должно быть еще необходимѣе и дѣятельнѣе. Вы не оставите посему при малѣйшихъ признакахъ таковыхъ злоупотребленій, доходя до истины, отрѣшать и предавать виновныхъ всей строгости законовъ».

Сообщилъ Г. И. Студенкинъ.

Запрещеніе историографу Миллеру заниматься генеалогією.

Въ журналѣ канцеляріи Академіи 1748 г. февраля 6-го, читаемъ:

«Понеже профессоръ исторіи графъ Миллеръ партикулярно поднесъ Его Сіятельству Г-ну Президенту ¹⁾ таблицу родословную Высочайшей фамилии Ея Императорскаго Величества, о которой ему никогда отъ Его Сіятельства приказано не было, того ради Его Сіятельство, не разсматривая онаго родословія, приказалъ изъ Канцеляріи помянутую таблицу Миллеру отдать и объявить, чтобы онъ ни въ какія родословныя изслѣдованія не токмо Высочайшей фамилии Ея Императорскаго Величества, но и партикулярныхъ людей безъ особливаго на то указу не вступалъ и никому бы такихъ родословій, подъ опасеніемъ штрафа, не подносилъ, а трудился бы только въ одномъ томъ, что ему поручено отъ Президента или, въ отбытности его, отъ Канцеляріи, какъ то изображено въ его контрактѣ, чего ради отдать ему, Миллеру, сію родословную таблицу обратно, и изъ сего журнала сообщить копію» ²⁾.

Сообщ. академикъ К. С. Веселовскій

¹⁾ Графу Разумовскому.

²⁾ О запрещеніи Миллеру заниматься генеалогією упоминаетъ и Пекарскій въ своей біографіи Миллера (въ „Исторіи императорской Академіи Наукъ“), но не приводитъ полнаго текста этого распоряженія Разумовскаго.

ГУСТАВЪ IV

II

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА,

1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

VII ¹⁾.

Возобновленные переговоры очень медленно подвигались къ разрѣшенію. Здѣсь не лишнее замѣтить, что г. Марковъ, довѣряя Стедвигу дипломатическія «тайны» (какъ будто онъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло), игралъ въ сущности очень ловкую комедію. На самомъ дѣлѣ, шведскому послу было показано лишь официальное письмо императрицы, которое она не только позволяла, но даже приказывала обнаружить. Тотъ, кто пожелалъ бы сравнить это послѣднее съ тѣмъ, что писала «секретно» Екатерина генералу Будбергу, тотъ увидѣлъ бы существенную разницу ¹⁾. Въ дѣйствительности императрица давно свыклась съ мыслью видѣть свою внучку шведской королевой, но остерегалась показать это шведскимъ министрамъ, основательно полагая, что подобное сознание дастъ поводъ къ упрямству съ шведской и къ уступкамъ съ русской стороны, Екатеринѣ же не хотѣлось уступать.

Конечно, исключительная привязанность къ королю была не болѣе какъ красивой угрозой въ устахъ императрицы, раздуваемая кстатн и

¹⁾ См. „Русскую Старину“, августъ 1896 г.

¹⁾ См. „Сб. Ист. Об.“ IX, 274—282.

некстати въ дипломатической перепискѣ русскаго кабинета, эта любовь не помѣшала бы Екатеринѣ въ случаѣ чего поступиться нѣжными чувствами ради обще-государственной пользы. Само собой разумѣется, что въ интересахъ лицъ, составлявшихъ государеву свиту, было преувеличивать недовольство императрицы настоящимъ положеніемъ дѣлъ и грозить дурными послѣдствіями для Швеціи.

Однако среди хаоса мнѣній и пересудовъ пробивался иногда спасительный лучъ примиренія. Мы уже видѣли (изъ донесенія Стединга), на какой почвѣ могли сойтись обѣ державы: первые два пункта принимались безъ оговорокъ, относительно же третьяго (вопроса о вознагражденіи), императрица высказалась прямо (въ письмѣ отъ 10-го іюня), что «разсматривая эту послѣднюю статью, какъ устанавливающую обязательство каждой изъ договаривающихся сторонъ поддерживать и защищать интересы другой, всякій разъ какъ они будутъ несправедливо нарушены, статья эта и двѣ предыдущія, будучи приняты при утверженіи Дроттнингольмскаго трактата, и составятъ затѣмъ предметъ обязательства, которое она (императрица) готова заключить со Швеціею»¹⁾. Наконецъ 17-го іюня, послѣ долгаго спора, или «продолжительнаго приступа», какъ выражался Будбергъ²⁾, Россія одержала побѣду: рѣшено было ѣхать въ Петербургъ черезъ двѣ недѣли³⁾. Сообщая объ этомъ императрицѣ черезъ секретаря посольства барона Будберга, генераль Будбергъ скрываетъ, однако, отъ своей государыни маленькую и любопытную подробность послѣднихъ совѣщаній. Итакъ желаніе Екатерины II осуществилось: король Густавъ IV будетъ въ Петербургѣ. Нетрудно представить себѣ восторгъ петербургскихъ дипломатовъ при полученіи этого извѣстія. Ликоваль и Стедингъ, который еще такъ недавно считалъ свое дѣло проиграннымъ.

«Мой добрый другъ Виргинъ,—писалъ онъ Рейтергольму,—прибылъ сюда въ прошлую субботу ровно черезъ 24 часа послѣ барона Будберга,

¹⁾ Сб. Ист. Об., IX, 281.

²⁾ Донесеніе генерала Будберга отъ (18) 29 іюля 1796 г. Ibid., 282.

³⁾ Г. Чумиковъ, пользовавшійся для своей статьи („Рус. Арх.“ 1887, I) «шведскими источниками», рассказываетъ, что для убѣжденія короля въ необходимости поѣзда «пріѣхали къ содѣйствію обоимъ предметомъ любви Густава IV, Модэ и Пиеръ: онѣ должны были употребить свое вліяніе на обожавшаго ихъ короля». Послѣдняго обстоятельства совсѣмъ нѣтъ въ донесеніи Будберга графу Маркову: «... Курьеръ Стединга прибылъ въ 3 часа утра. Баронъ Рейтерпльмъ вскрылъ депеши и дѣлую ночь занимался предметами, о коихъ въ нихъ говорилось. Въ 6 часовъ утра онъ отправился къ регенту и наложилъ ему необходимость достигнуть согласія короля на поѣздку до отбытія курьера, чтобы удалить всѣ недоброжелательныя вліянія. Въ 7 часовъ разбудили его величество и черезъ полчаса рѣшеніе было принято окончательно. (Донесеніе отъ (25-го іюня) 5-го августа 1796; Сб. Ист. Об. IX, 295).

какъ ты условился съ русскимъ посланникомъ. Никогда онъ не пріѣзжалъ такъ кстати и не привозилъ мнѣ болѣе пріятной новости, чѣмъ теперь. Итакъ я еще разъ въ этой жизни увижу моего короля, сына Густава III, и всѣхъ, къ кому я испытываю чувства почтенія и нѣжности. Благословляю за это Верховное Существо и не сомнѣваюсь, что дѣло, которое ведется съ столь чистыми намѣреніями и при обстоятельствахъ, явно обнаруживающихъ персть Провидѣнія, будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія, какъ для человѣчества вообще, такъ въ особеннота для нашего отечества. Излишне было бы говорить тебѣ, что пріѣздъ короля и его королевскаго высочества доставляетъ величайшее удовольствіе императрицѣ и вообще всѣмъ. Но среди лицъ, которые особенно интересуются этимъ, я долженъ назвать (кромѣ императрицы) графа Маркова; онъ въ полномъ восторгѣ. Я увѣренъ, что ты будешь доволенъ имъ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не считался особенно расположеннымъ къ намъ. Эта новость облетѣла городъ съ быстротою молніи, и г. Марковъ замѣтилъ шутя, что виновникомъ этого являюсь я, потому что я официально извѣстилъ объ этомъ графа Остермана. Въ тотъ же самый день, когда пріѣхалъ Виргинъ, послѣ того какъ баронъ Будбергъ вручилъ мнѣ письмо, которое ты послалъ съ нимъ для меня, я сдѣлалъ слѣдующее. Этотъ милый баронъ былъ у меня лишь спустя полтора дня послѣ пріѣзда въ Петербургъ. Онъ извинялся за это промедленіе, объясняя его тѣмъ, что долженъ былъ съѣздить въ Царское Село, а кромѣ того распросы и разговоры съ императрицей и министрами заняли у него много времени. Я просилъ его передать г. Маркову, что желалъ бы имѣть съ нимъ разговоръ у князя Зубова, и на слѣдующій день утромъ я получилъ приглашеніе на ужинъ къ его сіятельству въ Царское. Тамъ былъ Марковъ. Онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и началъ поздравлять меня. Князь оказалъ мнѣ такой же пріемъ, хотя съ нѣкоторою свойственною ему сдержанностью, которая въ данномъ случаѣ могла истекать еще изъ другихъ обстоятельствъ. Я сохранилъ въ тайнѣ свой продолжительный разговоръ съ графомъ Остерманомъ, который состоялъ отчасти въ любезностяхъ, отчасти въ увѣреніяхъ съ моей стороны, что я не говорилъ съ нимъ ни слова объ этихъ переговорахъ и о другихъ дѣлахъ, которыя происходили въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Весь этотъ разговоръ велся лишь для формы и не имѣлъ никакого значенія. Другого рода была бесѣда съ княземъ Зубовымъ; я расскажу тебѣ о ней, какъ только буду имѣть удовольствіе тебя увидѣть. Пока же достаточно сказать слѣдующее. Онъ увѣрялъ, что императрица въ восхищеніи, что увидитъ столь дорогихъ родственниковъ, какъ король и его королевское высочество; она тебѣ очень благодарна за то, что своими совѣтами ты ускоришь событіе, которое окажется такое вліяніе на спокойствіе и счастье дзухъ націй; теперь она

желаетъ только того, чтобы король и его королевское высочество не соскучились у нея. Она вполне одобряетъ, что король и его королевское высочество предпочитаютъ путешествовать инкогнито, потому что такимъ образомъ они будутъ менѣ стѣснены и могутъ видѣться чаще и безъ стѣснительныхъ формальностей. Императрица была также очень рада, я это хорошо видѣлъ, что король и его королевское высочество пожелали помѣститься въ моемъ домѣ, потому что такимъ образомъ легче сохранить инкогнито, другая же причина, о которой умалчивала, заключалась въ томъ, что необходимо было бы выселить слишкомъ много лицъ и даже часть императорской фамилии, для того чтобы приготовить достойное помѣщеніе для его величества. Говорили много о вкусахъ его величества и о томъ, какія удовольствія онъ больше предпочитаетъ. Императрица очень озабочена вопросомъ о томъ, какъ я помѣщу короля, его королевское высочество и ихъ многочисленную свиту въ своемъ небольшомъ домѣ, и по близости его мнѣ предлагаютъ всевозможное содѣйствіе, лишь бы только помѣщеніе мое это допускало. Меня спрашивали, сколько потребуется лошадей для васъ, причемъ на нѣкоторые предложенные мнѣ вопросы я могу отвѣтить только тогда, когда получу отъ тебя болѣе подробныя инструкціи, которыя, по моимъ соображеніямъ, передасть мнѣ нашъ другъ Шверинъ. О нашихъ политическихъ дѣлахъ и переговорахъ мы коснулись лишь слегка, я сдѣлалъ это нарочно, потому что мнѣ не казалось особенно выгоднымъ разговаривать объ этомъ съ княземъ Zubovымъ, такъ какъ изъ такого разговора нельзя извлечь много пользы. Мы много разсуждали о положеніи дѣлъ въ Европѣ, причемъ я былъ очень удивленъ, что мнѣніе г. Зубова о Франціи значительно измѣнилось сравнительно съ прежнимъ. Г. Марковъ, который во время этого разговора удалился, вернулся опять, и мы съ нимъ очень откровенно бесѣдовали о томъ, чтобы король остался доволенъ своимъ путешествіемъ. Онъ согласился съ этимъ, повидимому, совершенно искренно, хотя въ политикѣ невозможно искоренить разныя «если» и «но» и всевозможныя ограниченія, которыя происходятъ изъ желанія дать какъ можно меньше и получить столько, сколько возможно. Думать иначе доказывало бы только незнакомство съ русскимъ министерствомъ и вообще со всѣми кабинетами. Онъ не доплатилъ намъ около 600.000 riksdaler субсидіи, я думаю, что мы можемъ получить эту сумму если не всю заразъ, то по крайней мѣрѣ безъ большаго убытка, и это одно уже стоитъ поѣздки въ Петербургъ. Здѣсь желаютъ назначить комиссію для установленія границы, и я очень жалѣю объ этомъ, такъ какъ эти комиссіи никогда ничего не кончаютъ. Я предложилъ взять хорошую карту (ты долженъ запастись ею, мой добрый другъ), линейку и компасъ и устроить совѣщаніе между представителями обѣихъ сторонъ, которые должны приступить къ дѣлу съ благими намѣреніями и быть

знакомыми съ мѣстностью, а также съ политическими и военными интересами обѣихъ странъ. Но теперь я не долженъ говорить съ тобой обо всемъ этомъ. Намъ придется достаточно обсуждать эти вопросы, когда я буду имѣть счастье тебя видѣть, и какъ мало останется тогда времени для дружбы! Однако я не могу пройти молчаніемъ, что въ какую сторону ни повернули бы переговоры—въ болѣе выгодную или менѣе, во всякомъ случаѣ главная цѣль короля будетъ достигнута, если только между обѣими странами возобновится доброе согласіе на стойкихъ и прочныхъ основахъ. Швеція не нуждается въ побѣдахъ, ей предстоитъ еще много труда, чтобы побѣдить свою почву и климатъ,—она должна только поддержать свою независимость и конституцію. Нами часто пользовались какъ застрѣльщиками для нападенія на эту имперію, и за эту ошибку мы заплатились потерей нашихъ провинцій и благосостояніемъ. Если эта держава должна ослабнуть и погибнуть, то это случится не вслѣдствіе нападеній ея сосѣдей, но благодаря ея громадности, духу завоеванія и недостаткамъ ея управленія. Теперь же, мой добрый другъ, перейдемъ къ тому, что должно занимать насъ въ данный моментъ.

«Рѣшено, что король и его королевское высочество будутъ жить въ Петербургѣ инкогнито, но кромѣ этого мнѣ надо знать во-первыхъ, подъ какимъ именемъ они будутъ путешествовать и, во-вторыхъ, подробный списокъ лицъ, которыя будутъ ихъ сопровождать, и ихъ слугъ. Я долженъ знать также ливрею короля и всѣхъ лицъ, которыя съ нимъ пріѣдутъ. Очень важно, дорогой другъ, чтобы насколько возможно ограничить количество слугъ, которые здѣсь большею частью бывають бесполезны, такъ какъ не знаютъ ни языка, ни мѣстности. Король и его королевское высочество могутъ пріѣхать въ городъ на извозчикахъ (iswoschick), и я озабочусь приготовленіемъ для нихъ двухъ простыхъ удобныхъ каретъ на случай, если они не пожелаютъ воспользоваться каретами двора или моимъ экипажемъ. Поваровъ и офиціантовъ (office) совсѣмъ не надо. Я имѣю очень хорошаго повара, и если король пожелаетъ, то каждый день можно сервировать столъ на сто персонъ. Моему повару я обязанъ даже половиной своей репутаціи и друзей, онъ доставилъ бы мнѣ ихъ еще больше, еслибъ я не умѣрялъ его усердія. Для короля такъ же какъ и для меня это составитъ большую экономию въ расходахъ.

«Затѣмъ я долженъ знать число почтовыхъ лошадей, которыя необходимы королю въ дорогѣ (объ этомъ меня постоянно здѣсь спрашиваютъ), а также число каретъ, которое необходимо здѣсь нанять для лицъ его свиты. Я позволю себѣ по этому поводу предложить, чтобы всѣ кучера были одѣты одинаково въ синій костюмъ русскаго поворя, обшитый широкимъ серебрянымъ галуномъ съ желтымъ поясомъ (кушакомъ). Карета короля будетъ отличаться отъ

кареты его королевскаго высочества только тѣмъ, что будетъ запряжена въ восемь лошадей. Я непремѣнно долженъ получить приказанія обо всемъ этомъ, чтобы можно было заказать платье къ сроку. Кстати, сообщи мнѣ, какъ будетъ одѣтъ король и его спутника. Я долженъ предупредить тебя, что короткое платье здѣсь не въ модѣ. Я его носилъ сначала, но потомъ былъ вынужденъ бросить, такъ какъ императрица его не выноситъ, находя, что оно недостаточно длинно сзади. Куртки, которыя вошли въ моду, дѣйствительно нѣсколько длиннѣе, но по покрою онѣ похожи на одежду русскаго солдата, которую ввелъ князь Потемкинъ, заимствовавъ ее отъ австрійскихъ солдатъ, хотя и русскіе и австрійскіе офицеры надѣваютъ ее лишь изрѣдка, когда бывають въ полку. Я не нахожу неудобнымъ, чтобы король одѣвался въ длинное платье, если онъ этого пожелаетъ, такъ какъ надо сообразоваться съ обычаями той страны, гдѣ находишься, и такъ какъ кромѣ того у короля есть полки, которые носятъ длинное платье. Но всего лучше, дорогой мой другъ, явиться здѣсь въ мундиръ и если возможно, то всѣмъ въ одинаковыхъ мундирахъ. Въ прежнее время въ нашей арміи былъ очень простой, вполне военный и очень красивый костюмъ, именно тотъ, который носилъ Карлъ XII и его драбанты. Такая простота будетъ выгодно отличаться въ глазахъ русскихъ отъ всей нестроты, мишуры, или какъ ее тамъ зовутъ, отъ всей роскоши одежды, которую вы здѣсь увидите. Тогда будутъ говорить, что характеръ обоихъ націй выражается даже въ одеждѣ. Почему бы и тебѣ, во время пребыванія здѣсь, не носить мундира или форменнаго платья?

«Наше придворное платье хорошо въ Швеціи, а внѣ страны оно покажется слишкомъ бѣднымъ, такъ какъ видъ его невольно напоминаетъ прежній, пышный костюмъ Бургундіи, съ которымъ наше платье, сшитое изъ обыкновенной матеріи, имѣетъ сходство только по покрою. Но ливренъ, по моему, красивѣе, потому что короче, и я ихъ оставилъ попрежнему для своей прислуги. Объ одеждѣ сказано уже достаточно ¹⁾. Впрочемъ я забылъ сказать, что императрица врагъ чернаго цвѣта. Теперь мнѣ остается только, дорогой мой другъ, отвѣтить на твой вопросъ относительно подарковъ, какіе нужно поднести. Что касается этого, здѣсь нѣтъ никакого ограниченія, хотя границы слѣдуетъ поставить; мы были бы очень счастливы, если бы могли найти золотую средину между чрезмѣрной расточительностью, такъ какъ она все-таки необходима, и самой строгой экономіей. Кромѣ того, слѣдуетъ принять

¹⁾ Кн. Адамъ Чарторыйскій рассказываетъ (Memoires, I, 119), что костюмъ шведовъ, походившій на испанскую одежду, особенно понравился при русскомъ дворѣ (см. у Б р и к н е р а, „Вѣстн. Евр.“ 1890, IX, 8).

во вниманіе, что здѣшніе министры и придворные чрезвычайно избалованы въ этомъ отношеніи. Что касается императрицы, то для нея не надо выбирать чегонибудь роскошнаго, но всего лучше какуюнибудь рѣдкость, напримѣръ красивыя вазы или столы изъ шведскаго порфира, фарфоръ или какойнибудь античный медальонъ съ рѣзбой (античную камею), такъ какъ она большая любительница этихъ вещей. Самымъ приятнымъ подаркомъ, какой его величество можетъ ей сдѣлать, будетъ конечно портретъ короля. Здѣсь въ настоящее время находится превосходный портретистъ г-жа Ле-Бренъ (Le Brun), которая могла бы написать портретъ, но мнѣ кажется, это удобнѣе исполнить въ Швеціи. Г-жа Бренъ за самый маленькій портретъ беретъ полторы тысячи рублей, судите же, сколько долженъ заплатить ей король. Для удобства я прилагаю небольшой списокъ лицъ, который король, по всей вѣроятности, пожелаетъ подарками, но кромѣ того всегда надо ожидать чрезвычайныхъ и непредвидѣнныхъ случаевъ. Этотъ списокъ можно еще пополнить орденами, но шведскіе ордена драгоцннѣе брилліантовъ и слѣдуетъ опасаться, какъ-бы не возникъ обмѣнъ орденовъ между нами и Россіей. Не дай Богъ, чтобы русскіе ордена когданибудь вошли въ моду въ Швеціи. Вирганъ сообщилъ мнѣ, что изъ Стокгольма послали въ Берлинъ за подарками. Если чегонибудь не хватитъ, то вы легко достанете это здѣсь, потому что въ Петербургѣ теперь есть все лучшее въ этомъ родѣ, напримѣръ брилліанты, которые здѣсь не дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Надо спѣшить, прощай, мой лучшій другъ. Вирганъ хочетъ взять дилижансъ, чтобы застать еще васъ въ Стокгольмѣ, я также намѣренаюсь отправиться въ Ловизу или въ Гельсингфорсъ, какъ только меня увѣдомятъ о днѣ твоего прибытія туда. Вирганъ надѣется, что ты пошлешь его немедленно сюда или возьмешь съ собой. Дѣйствительно, трудно найти болѣе милаго юношу и болѣе проворнаго курьера, чѣмъ онъ. Я привезу съ собой своего друга Шенборна и захвачу нѣкоторую сумму денегъ русской монетой. Я думаю, ты очень доволенъ, что король пріѣдетъ сюда только черезъ двѣ недѣли. Мнѣ кажется, что и здѣсь не особенно огорчены этой отсрочкой, такъ какъ теперь заняты приготовлениями, которые требуютъ много времени. Если я пропустилъ въ письмѣ чтонибудь важное, то тебѣ скажетъ это податель письма. Повергни къ ногамъ короля и его королевскаго высочества ихъ покорнаго слугу. Прощай. Какъ я счастливъ, что увижу и обниму тебя».

А затѣмъ въ припискѣ:

«Ты не можешь представить, мой дорогой другъ, какъ здѣсь тобой довольны. Будбергъ рассказываетъ каждому, что путешествіе не со-

стоялось бы безъ тебя ¹⁾. Князь Зубовъ и Марковъ точно также разсыпаются въ похвалахъ тебѣ. Это для тебя довольно безразлично, но важно то, по моему глубокому убѣжденію, что ты сослужилъ большую службу своему королю и отечеству, если бы даже здѣшніе переговоры и не оказались такъ счастливы, какъ мы этого желаемъ. Вопросъ лишь въ томъ, чтобы не поссориться съ Франціей, но, мнѣ кажется, этого можно избѣжать. Извини, мой другъ, за мой плохой почеркъ. Моя рука опять оцѣмѣла, а состояніе моихъ нервовъ страшно удручаетъ меня. Передай мой горячій привѣтъ Эссену. Прощай, мой добрый другъ ²⁾.

Какъ было условлено, 1 (12) августа Густавъ Адольфъ и герцогъ зюдерманландскій, путешествовавшіе подъ именемъ графа Гага и графа Ваза, съ многочисленной свитой отправились моремъ изъ Стокгольма въ

¹⁾ Бар. Будбергъ въ этомъ случаѣ повторялъ только то, что писалъ генералъ Будбергъ графу Маркову: „успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ обязанъ я главнымъ образомъ усердію и энергіи, которыя употреблялъ баронъ Рейтергольмъ чтобы устранить затрудненія, препятствовавшія его благопріятному окончанію. Упорный во всемъ, что принимается, онъ въ настоящее время настолько же стоитъ за союзъ съ Россією, на сколько мѣшалъ его осуществленію нѣсколько времени назадъ“. (Сб. Ист. Об. IX, 290).

²⁾ Къ письму приложена приблизительная свѣта расходамъ короля въ Петербургѣ. Нельзя сказать то, чтобы Стедингъ не соблюдалъ экономіи въ распредѣленіи суммъ, потребныхъ для подарковъ, путешествія короля и проч.: общій итогъ доведенъ до шімішм'а.

Князю Зубову подарокъ на память, въ видѣ табакерки съ портретомъ (boite á portrait) или брилліантовое кольцо солитеръ, цѣною въ рубляхъ 20,000

Графамъ: Остерману, Безбородко и Маркову, каждому по табакеркѣ съ портретомъ, цѣною въ 8.000 р., всего на сумму 24,000

Г. оберъ-камергеру, оберъ-штабмейстеру и оберъ-гофмаршалу, каждому подарокъ цѣною въ 6.000 р., всѣмъ на сумму 18,000

Гофмаршалу высочайшаго двора, с.-петербургскому губернатору и генералъ-губернатору Финляндіи (Commandant général en Finlande), каждому подарокъ цѣною въ 4.000 р., всѣмъ на сумму 12,000

Дежурному камергеру, камеръ-юверу и другимъ лицамъ, которыхъ нельзя перечислить кавѣрное, 10 подарковъ, изъ коихъ 5 по 3.000 р. каждый и 5 другихъ по 2.000 р., всего 25,000

Приблизительно десять подарковъ меньшаго размѣра, каждый цѣною въ 1.000 р. и ниже, всего 10,000

Расходъ разнаго рода, для стражи, лакеевъ, конюховъ, всего вмѣстѣ 10 тысячъ дукатовъ, золотыхъ 45,000

Расходъ по путешествію отъ границы до Санктъ-Петербурга и обратно, равно какъ пребываніе въ Петербургѣ 50,000

Всего въ рубляхъ 204,000

или приблизительно отъ 112 до 115.000 риксдалеровъ гамбургскаго банка.

Або. Здѣсь на границѣ Финляндіи ждали ихъ съ пріивѣтствіемъ Екатерины II, камергеръ высочайшаго двора графъ Виейлгорскій и баронъ Будбергъ. Графъ Виейлгорскій лилъ къ королю шведскому письмо императрицы, и для врученія послѣдняго обратился къ содѣйствію барона Рейтергольма.

Изъ Або высокіе путешественники продолжали дорогу сухимъ путемъ до Петербурга, куда прибыли 3(14) августа. Здѣсь ихъ ожидалъ самый дружественный, самый роскошный пріемъ ¹⁾. Екатерина II, была такъ счастлива исполненіемъ своего желанія, что по полученіи извѣстія о выѣздѣ короля шведскаго изъ Стокгольма, послала генералу Будбергу знаки ордена св. Александра Невскаго. Самъ Будбергъ не сопровождалъ путешественниковъ: онъ мотивировалъ свое пребываніе въ Стокгольмѣ необходимою поддерживать интересы обоихъ дворовъ въ отсутствіе короля и регента, на что давно уже испросилъ разрѣшеніе императрицы. Свита короля была довольно многочисленна. Характеризуя наиболѣе замѣчательныхъ лицъ, генералъ Будбергъ долше всего останавливался на личности барона Флеминга. «Хотя баронъ Флемингъ, первый камеръ-юнкеръ,—говоритъ онъ,—не находится на службѣ, тѣмъ не менѣе не рѣшились исключить его изъ свиты въ томъ соображеніи, что король питаетъ къ нему большую дружбу и довѣріе. Чувства эти столь сильны, что враждебная правительству партія рассчитываетъ на него какъ на своего главнаго дѣятеля» ²⁾. А въ другомъ мѣстѣ: «Въ свитѣ есть одинъ молодой человекъ, осторожный и скрытный, который можетъ со временемъ сдѣлаться опаснымъ могущественному Рейтергольму. Это баронъ Флемингъ».

Торжественное свиданіе монарховъ состоялось два дня спустя послѣ пріѣзда. Оно произошло по специальной программѣ, выработанной императрицею собственноручно и предложенной ею въ видѣ вопросовъ генералу Будбергу.

«Пишу для вашей памяти то, что я желала бы знать навѣрное, и то, въ чемъ вы будете уговариваться съ шведскимъ посломъ: 1) какъ король желаетъ быть принятымъ, официально, или нѣтъ? Если онъ пріѣдетъ подъ именемъ графа Гаги, какъ король его отецъ, то я полагаю, что онъ пожелаетъ тогда быть принятымъ не оффиціально, какъ дорогой родственникъ. Это не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій и

¹⁾ «...Онъ (король) былъ принять такъ, какъ никакого государя никогда не принимали ни при одномъ иностранномъ дворѣ». (Изъ письма неизвѣстнаго лица графинѣ Сенъ-При; «Сб. Ист. Об.», IX, 343). Сама государыня была озабочена встрѣчей гостей и писала къ с.-петербургскому генералъ-губернатору Н. П. Архарову: «Николай Петровичъ, держи ухо востро» («Рус. Арх.» 1866, 462).

²⁾ «Сборн. Истор. Обзор.» IX, 293, 294.

позволить мнѣ облегчить первый шагъ къ знакомству; 2) какимъ образомъ пожелаетъ король познакомиться со мной? Въ томъ случаѣ, если посоль не получитъ приказаній на этотъ счетъ, вы ему предложите слѣдующее:

3) Я прибуду въ городъ въ день, назначенный для свиданія, и направлюсь въ Эрмитажъ между 6-ю и 7-ю часами вечера. Король подъѣдетъ къ большой лѣстницѣ, ведущей въ Эрмитажъ, близъ мостика черезъ каналъ вдоль набережной. Маршалы двора встрѣтятъ его у начала лѣстницы. Только высшіе чины двора будутъ встрѣчать короля, начиная съ лѣстницы вплоть до моей комнаты. Король зайдетъ ко мнѣ, если онъ этого пожелаетъ, вмѣстѣ съ регентомъ, а свита его останется съ высшими чинами двора въ залѣ, по сосѣдству съ моей комнатой. Послѣ первыхъ привѣтствій, я попрошу короля перейти въ бильярдную, гдѣ будутъ находиться только мои внуки со своими супругами и мои внучки съ гувернантками. Я ихъ представлю королю. Потомъ войдетъ свита его величества, которую онъ мнѣ назоветъ, а я ему назову свою. Когда это будетъ сдѣлано, я предложу королю перейти въ прежнюю залу Эрмитажа, гдѣ все приготовлено для маленькаго бала, въ родѣ тѣхъ, которые посоль имѣлъ случай видѣть столько разъ.

«Если королю будетъ угодно танцевать, онъ откроетъ балъ мануэтомъ съ великой княгиней Елизаветой, если же онъ не пожелаетъ танцевать одинъ, тогда великій князь Александръ съ великой княжной Анной и Константинъ съ одной изъ сестеръ своихъ будутъ тоже танцевать минуту, для того чтобы лучше сохранить инкогнито. Если же королю не будетъ угодно танцевать въ началѣ бала, его откроютъ полонезомъ, какъ вообще дѣлается. Я думаю, что при подобныхъ распоряженіяхъ можно будетъ избѣгнуть всякихъ затрудненій, и его величество познакомится со всѣми нами, самъ не замѣчая того; въ особенности если король не пожелаетъ подвергнуть себя этикету, принятому въ Эрмитажѣ, съ тѣхъ поръ какъ послѣдній существуетъ, а именно находится въ немъ безъ всякой церемоніи, безъ стѣсненія, садясь гдѣ угодно и не вставая ни для кого. Послѣ бала сервированъ будетъ ужинъ, а потомъ маленькій спектакль, или продолженіе бала, въ зависимости отъ того, утомился ли его величество или нѣтъ.

«Въ Эрмитажѣ три человѣка, за однимъ столомъ, имѣютъ одинъ билетъ. Король можетъ выбирать или не выбирать своихъ сосѣдей, равно какъ въ театрѣ послѣ ужина»

Въ назначенный день всѣ присутствующіе были въ парадной формѣ. Шведскихъ гостей встрѣтили при входѣ Зубовъ и оберъ-гофмаршалъ князь Барятинскій. Двери въ покой императрицы были для герцога и короля растворены вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ. Престарѣлая Екатерина встрѣтила своихъ гостей съ необычайной и искренней

привѣтливостью, глаза ея блистали отъ радости. Густавъ Адольфъ сразу очаровалъ всѣхъ ¹⁾. По окончаніи представленій, балъ былъ открытъ минугомъ, потомъ слѣдовалъ ужинъ, словомъ, все исполнено было какъ въ программѣ. Съ этого дня праздники смѣнялись праздниками, балы—спектаклями и вечерами. Петербургское общество, видя то удовольствіе, съ которымъ императрица старалась развлекать Густава Адольфа, не отставало въ различныхъ затѣяхъ. Дипломатическій корпусъ и аристократія непрерывно старались давать королю великолѣпные праздники и увеселять его во все время его пребыванія. Государыня сама назначала дни, въ которые графы: Остерманъ, Безбородко, Самойловъ и Нарышкинъ, должны были устраивать балы, обѣды и ужины. Праздникъ, данный Безбородко 28-го августа, по словамъ участвовавшего на немъ Державина, стоилъ 40.000 рублей.

Между тѣмъ переговоры шли своимъ чередомъ. Петербургское общество немножко поразила непобѣдимая молчаливость и постоянная меланхолия юнаго монарха, но потомъ объяснили это печальнымъ обстоятельствомъ, которое ознаменовало начало царствованія Густава IV, и рѣшили не обращать на это никакого вниманія. Наконецъ, вскорѣ обнаружилось, что шведскій король страстно влюбился въ великую княжну Александру. Произошло это послѣ нѣсколькихъ танцевъ на придворныхъ балахъ и двухъ невинныхъ прогулокъ подъ тѣнистыми сводами деревь Таврическаго сада, когда впервые, безъ свидѣтелей прозвучало слово любви... Осчастливленный женихъ въ тотъ же день присилъ руки великой княжны у императрицы. Екатерина, не отвѣчая ничего положительнаго (она ссылалась на бракъ короля съ принцессою Мекленбургскою, официально еще не расторгнутый), обѣщала дать королю отвѣтъ черезъ три дня, присовокупивъ, однако, что «вслѣдствіе личнаго къ нему расположенія, предложеніе это ей пріятно». Тотчасъ было написано и послано въ Гатчину письмо къ великому князю. Отвѣтъ конечно ждалъ короля благоприятный. Императрица и родители великой княжны соглашались на бракъ, но государыня кромѣ того обставляла его двумя условіями: «первое, что прежде всего имъ будетъ устраниено затрудненіе, представляемое условіями съ Мекленбургскимъ домомъ, второе, что ея внука сохранить религію, въ которой она рождена и воспитана». Теперь, разумѣется, трудно судить, какой былъ расчетъ императрицы сразу загромождаъ различными «условіями» дѣло, на половину выигранное ею съ пріѣздомъ короля, но впоследствии она сознавалась, что «съ этихъ поръ только со стороны самого графа Гаги возбуждено множество затрудненій» ²⁾; напро-

¹⁾ Чумиковъ. Сватовство Густава IV Адольфа, «Русск. Архивъ», 1837 I, 76—77. См. также „Сб. Ист. Общ.“ XXI; 690, 691.

²⁾ „Сб. Ист. Общ.“ IX, 300, 301

тивъ, «регентъ и его приближенные не встрѣчали никакихъ и надѣялись устранить и тѣ, которыя находилъ король». Однако на первыхъ порахъ все шло прекрасно. Предвидя однако возможность возобновленія подобныхъ «сомнѣній», Екатерина приказала составить «отдѣльную статью договора, которая бы обезпечивала королевѣ свободу совѣсти и свободное исповѣданіе религіи, въ которой она рождена и воспитана»¹⁾. Мало того, она написала королю письмо, въ которомъ съ очень малою убѣдительною, но большимъ педантизмомъ, переводила несложный вопросъ о вѣроисповѣданіи великой княжны на почву особо-государственной важности. Король, увлеченный своимъ чувствомъ, не прочелъ письма, или если прочелъ его, то не обратилъ особеннаго вниманія. Въ то же время было сообщено мекленбургскому двору объ отказѣ шведскаго короля жениться на принцессѣ мекленбургской, а частыя свиданія Густава-Адольфа съ высоконазначенной невѣстой побудили императрицу назначить день обрученія. Этому событію предшествовалъ разговоръ короля съ великой княгиней Маріей Федоровной, безъ котораго не совѣмъ станеть понятно словесное предложеніе, сдѣланное императрицею герцогурегенту. Вотъ этотъ разговоръ въ томъ видѣ, въ какомъ его записала для Екатерины II сама великая княгиня:

«... Я начала съ того, что сказала ему, какъ груститъ малютка, видя его печальнымъ, какъ беспокоится о немъ, и просила говорить со мной откровенно, какъ съ другомъ. Онъ возразилъ: «Я уже просилъ ее успокоиться сказавъ ей, что нѣтъ ничего опаснаго».

Затѣмъ, поблагодаривъ меня за дружбу, которую я ему оказываю, прибавилъ:

— Когда она будетъ у меня въ Стокгольмѣ, настанеть конецъ всѣмъ моимъ печалямъ.

Тогда, уловивъ его на словѣ, я отвѣчала:

— Но вы еще долго не будете видѣться. Вы взаимно любите другъ друга (этому предшествовало множество увѣреній въ дружбѣ съ обѣихъ сторонъ и сожалѣній о предстоящей разлукѣ), и я предвижу, что вы станете тосковать по ней, а она по васъ; будете взаимно тревожиться. Сочтемъ примѣрно, сколько мѣсяцевъ проведете вы въ разлукѣ?

Насчитали восемь мѣсяцевъ и при этомъ у молодаго человѣка на-вернулись слезы на глазахъ.

— Это очень долго, прибавила я.

Онъ мнѣ сказалъ: «О да, очень долго!»

Тогда у меня точно молнія блеснула въ умѣ, и я сказала:

— Вы говорите, что ваши печали окончатся, когда она будетъ съ вами въ Стокгольмѣ! Почему же бы вамъ не ускорить этой минуты?

¹⁾ „Сб. Ист. Общ.“ IX 302.

На это онъ возразилъ: «Я очень бы этого желалъ, но для этого существуютъ только два времени года: осень и весна, — зимою же это невозможно.

— Но, яамѣтила я смѣясь, —отчего бы вамъ не жениться теперь?

Онъ отвѣчалъ: «дворъ не въ полномъ сборѣ и апартаменты не готовы».

— О, возразила я, —что касается до двора, его собрать недолго, а если кто кого любитъ, тотъ не обращаетъ вниманія на апартаменты. Вы женитесь, малютка поѣдетъ съ вами —и дѣло съ концомъ.

Тогда онъ отвѣчалъ: «Но море опасно».

Тутъ подала голосъ Александрина: «Съ вами, — сказала она, — я всегда буду считать себя въ безопасности».

Это весьма тронуло короля, у котораго во все продолженіе разговора были слезы на глазахъ.

Я ему сказала: «Довѣртесь мнѣ, Густавъ. Вы говорите, что желали бы поскорѣ видѣть окончаніе дѣла?»

— Очень бы этого желалъ, —отвѣчалъ онъ, — но это зависитъ отъ герцога.

Тогда я сказала: «Что же, хотите ли, Густавъ, чтобъ я переговорила съ императрицей? Принимаю это на себя, и, конечно, ея величество васъ не скомпрометируетъ».

Онъ отвѣчалъ: «Да, но только, чтобы она сдѣлала предложеніе регенту какъ бы отъ себя, но отнюдь не отъ меня».

Это онъ сказалъ съ большимъ чувствомъ и съ радостью; очень ласково благодарилъ меня, и разговоръ прервался увѣреніями въ дружбѣ и нѣжности съ малюткою. Онъ часто цѣловалъ ей руки, обнималъ ее, говорилъ самыя нѣжныя вещи. Хорошее расположеніе духа до такой степени овладѣло его сердцемъ, что это отразилось и за ужиномъ, за которымъ онъ былъ разговорчивъ и ласковъ съ малюткой даже при постороннихъ. Онъ меня увѣрялъ, что никому не скажетъ, о чемъ мы говорили¹⁾.

День обрученія назначенъ былъ на 21-ое сентября. Оставалось оформить нѣкоторыя обязательства, касающіяся собственно брака. О нихъ заблаговременно позаботилась императрица въ словесномъ своемъ предложеніи, сдѣланномъ графу Ваза (герцогу эдерманландскому):

1-ое. Составить въ четвергъ договоръ, между нами раньше условенный.

2-ое. Я говорила: Девятимѣсячный срокъ по-моему слишкомъ длиненъ. Мнѣ казалось, что между друзьями и родственниками было бы полезно, пріятно и даже необходимо его уменьшить. Поэтому я предла-

¹⁾ „Рус. Старина“ 1874 г., IX, 481—484.

гала, чтобы первымъ актомъ короля, при наступленіи его совершеннолѣтія, было бы назначеніе посла, который въ эту же осень явился къ великой княжнѣ, будущей супругѣ его величества. Прибывъ сюда, посолъ, уполномоченный королемъ, во имя его, женился бы заочно на моей внучкѣ; тотчасъ послѣ церемоніи будущая королева уѣхала бы въ Або. Адмиралъ Стедингъ и прочіе моряки занялись бы составленіемъ плана путешествія, для чего надлежало потребовать ихъ письменнаго мнѣнія.

3-ое. При подобныхъ распоряженіяхъ, можно избѣгнуть большаго количества издержекъ и формальностей.

Присовокупляю отвѣты на слышанныя мною возраженія и смѣю надѣяться, что они будутъ способствовать къ устраненію тѣхъ затрудненій, которыя могутъ возникнуть при обсужденіи названныхъ предложеній.

Первое, какъ между нами уже условленное, не подлежитъ обсужденію. Второе, съ сегодняшняго дня по 1-е ноября н. с. осталось шесть недѣль, промежутокъ достаточно длинный, чтобы выбрать посла, которому будетъ приказано готовиться къ отъѣзду и какъ можно скорѣе прибыть сюда. Касательно поздняго времени года, то отвѣтъ на это слѣдующій: тысяча людей ѣздитъ и благополучно совершаетъ путешествіе. Противъ холода у насъ есть шубы и другія теплыя одежды. Обыкновенный переѣздъ моремъ не длиненъ, и даже тотъ путь, который избрали графы, не затруднителенъ и вполне доступенъ. Остается лишь сказать о помѣщеніи короля, еще не совсѣмъ готовомъ. Если послѣднее (по величинѣ своей) двойное, то никакихъ затрудненій не предвидится. Королева приноситъ съ собой полную обстановку, почему, если явится необходимость, то этотъ отдѣлъ ея приданого можно будетъ выслать впередъ. По прибытіи на мѣсто, вѣздъ королевы совершится со всей pompой и торжествомъ, къ которымъ привыкла шведская нація. Въ случаѣ недостатка въ экипажахъ, таковыя найдутся вѣроятно среди вещей, привезенныхъ ею.

По пріѣздѣ своемъ, будущая королева, вмѣстѣ со своимъ супругомъ королемъ, примутъ брачное благословеніе по обряду лютеранскому, и все окончится безъ всякихъ затрудненій и расходовъ для обонхъ государствъ; тѣ же самыя приготовленія, которыя готовятся по случаю совершеннолѣтія короля, послужатъ съ нѣкоторыми измѣненіями и къ бракосочетанію, доставя удовольствіе всѣмъ, не исключая и меня.

Въ четвергъ 21-го сентября, въ день назначенный для обрученія, въ полдень собрались шведскіе и русскіе уполномоченные, чтобы подписать договоръ. Со стороны короля должны были быть регентъ и трое государственныхъ чиновъ¹⁾, а съ русской стороны члены императорской фа-

¹⁾ Рейтергольмъ, Стедингъ и Эссенъ.

мили и министры ¹⁾, въ томъ числѣ: генералъ графъ Салтыковъ и генеральша Ливень. Договоръ заключался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Чтобы навѣки озаменовать возстановившееся мнѣ согласіе и скрѣпить еще болѣе узы семейныя и родства, существующіе между государями, король, восхищенный блестящими качествами, соединившимися въ лицѣ ея императорскаго высочества великой княжны Александры Павловны, избралъ ее въ свои супруги. Въ виду того, что его величество просилъ лично руки великой княжны и императрицы и у августѣйшихъ родителей принцессы и получилъ на то согласіе какъ великаго князя и великой княгини, такъ равно и самой великой княжны, контрактующими сторонами было условлено, что предложеніе его величества и отвѣтъ на него войдутъ въ особую статью, составляющую отдѣльную часть настоящаго договора. Кромѣ того, было постановлено, что статья эта послужитъ формальнымъ условіемъ брака между его величествомъ королемъ шведскимъ и ея императорскимъ высочествомъ великой княжной Александрой, безъ необходимости какой-либо новой санкціи или новаго полномочія на этотъ предметъ. Что же касается другихъ параграфовъ къ утвержденію, равно какъ распоряженій по устройству свадьбы и путешествія ея императорскаго высочества, то послѣднія будутъ установлены заблаговременно до отъѣзда.

«Въ утвержденіе вышеназложеннаго, мы нижеподписавшіеся, полномочные министры, скрѣпляемъ настоящую особую статью во имя правъ нашихъ (en vertu de nos pleins pouvoirs) собственноручною подписью и приложеніемъ печатей герба нашего»).

Къ великому удивленію русскіе увидѣли, что отдѣльной статьёю, касающейся свободы вѣроисповѣданія великой княжны Александры, нѣтъ въ числѣ актовъ ²⁾. Они спросили у шведовъ, куда она дѣвалась. Тѣ имъ отвѣчали, что это распоряженіе короля, и что онъ хотѣлъ самъ объясниться объ этомъ съ императрицей. Уполномоченные

¹⁾ Остерманъ, Безбородко и Марковъ.

²⁾ Написано Стедингомъ, исправлено Рейтергольмомъ (Сток. Кор. Арх.).

³⁾ Эти и слѣдующія подробности я заимствую изъ собственноручнаго письма Екатерины II къ генералу Будбергу (Сб. Ист. Об. IX, 304 и дальше).

Отсутствіе настоящей статьи тѣмъ болѣе должно было показаться страннымъ, что содержанію ея посвящалась специальная записка Маркова, написанная имъ Рейтергольму за нѣсколько дней до обрученія. „Я представилъ императрицѣ, — пишетъ онъ, — отчетъ касающійся предложенія, сдѣланнаго мнѣ вчера вечеромъ вашимъ превосходительствомъ, совместно съ двумя вашими коллегами. Ея величество находитъ, что тѣмъ болѣе было затрудненій и формальностей въ переговорахъ по предмету, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе потребуются ясно и точно обставить этотъ вопросъ. По этому поводу она приказала мнѣ снова поставить на очередь обсужденіе онаго, прилагая къ нему статью въ томъ видѣ, въ которомъ она была редактирована впервые и представлена на совѣщаніяхъ. Отъ точнаго пониманія вышеупомянутой статьи будетъ зависть исходъ переговоровъ и заключеніе, которое сдѣлаетъ ея императорское величество, въ случаѣ ежели ея положенія и чувства по отношенію къ королю будутъ поняты такъ, какъ они этого заслуживаютъ. Прямите“ и проч. (отъ 13-го сентября 1796 г. Сток. Кор. Ар.).

ея величества тотчасъ послали ей сказать объ этомъ обстоятельствѣ. Было 4 часа послѣ обѣда. Императрица сообразила, что до обрученія не увидитъ ни короля, ни регента, а что послѣ обрученія будетъ уже слишкомъ поздно говорить объ этомъ. Итакъ она рѣшила послать тотчасъ же графа Маркова къ регенту и королю сказать имъ о необходимости, чтобъ эта статья, прежде обрученія, была подписана вмѣстѣ съ остальными статьями договора въ томъ видѣ, какъ о ней состоялось соглашеніе уполномоченныхъ. Онъ вернулся черезъ два часа съ плохими вѣстями, не добившись подписанія статьи. Тогда государыня продиктовала записку, которая содержала сущность отдѣльной четвертой статьи, и велѣла сказать регенту, что если король подпишетъ эти строки, продиктованныя ею, то императрица на время удовлетворится этимъ документомъ, но если онъ не подпишетъ, то это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ. Названная же записка содержала слѣдующее:

«Я формально обѣщаю предоставить ея императорскому высочеству великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, моей будущей супругѣ и королевѣ шведской, полную свободу совѣсти въ исповѣданіи религіи, въ которой она рождена и воспитана, и прошу ваше величество считать это обѣщаніе за самый торжественный и обязательный для меня актъ, который я только могу совершить». Графъ Марковъ пошелъ снова въ помѣщеніе короля и вмѣсто яснаго и откровеннаго отвѣта принесъ отъ короля письмо, написанное рукою его величества, составленное въ темныхъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «Такъ какъ я далъ уже ея императорскому величеству честное слово, — писалъ король, — что великая княжна никогда не будетъ стѣсняема въ дѣлѣ ея совѣсти и во всемъ томъ, что касается ея религіи, и ея величество, казалось, удовольствовалась этимъ, то я увѣренъ, что она не сомнѣвается нисколько въ томъ, что я знаю священныя обязанности, которыя возлагаетъ на меня это обѣщаніе, такъ что всякое другое письмо будетъ совершенно излишне. 11 (22) сентября 1796 года. Подписано: Густавъ Адольфъ». Ростопчинъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что Екатерина, выслушавъ отъ Маркова докладъ о шведскомъ королѣ, не могла выговорить ни слова и съ отвореннымъ ртомъ оставалась нѣсколько минутъ, пока камердинеръ ея, Зотовъ, извѣстный подъ именемъ Захара, принесъ и подаль ей стаканъ воды. Оправившись, она встала съ мѣста въ великомъ гнѣвѣ и два раза ударила Маркова тростью, а Безбородкѣ сказала: «Я проучу этого мальчишку», потомъ сбросила съ себя мантию и измученно опустилась въ кресло.

Между тѣмъ, въ этотъ день былъ назначенъ еще балъ и ужинъ у великаго князя цесаревича. Можно судить, какъ чувствовали себя при такихъ условіяхъ члены императорской семьи и приближенные государыни. «Малютка рыдаетъ и именемъ Бога проситъ, чтобы ей не быть на

балѣ,—писала великая княгиня императрицѣ,—говорить, что чувствует себя нездоровой. Я все-таки уговариваю ее одѣваться, но она просить меня ее оставить. Она очень расстроена». Императрица отвѣчала на это: «Такъ какъ я никакого разрыва не дѣлаю, а хочу только разъяснить дѣло, то у меня голова кругомъ пошла и я заболѣла,—вотъ и все. Я отложила собраніе до другого дня. Добраго вечера. Завтрашній день пойдет своимъ порядкомъ»¹⁾). Однако послѣдующіе дни были не лучше предыдущихъ. Король былъ угрюмъ и не податливъ. «Онъ постоянно повторяетъ слова Палата: что написалъ, то я написалъ; я не измѣню никогда того, что я написалъ. При этомъ онъ былъ неучтивъ, упрямъ и упоренъ, не хотѣлъ даже ни говорить, ни слушать того, что ему говорили». Регентъ и шведскій посланникъ Стедингъ были въ отчаяніи.

Первый часто обращался къ королю по-шведски и представлялъ ему о послѣдствіяхъ его упрямства, но императрица слышала, что Густавъ отвѣчалъ ему съ гнѣвомъ. Второй попробовалъ снова прибѣгнуть къ тѣмъ доводамъ, которые еще такъ недавно мы читали въ его донесеніяхъ. Онъ умолялъ короля во имя блага народа и пользы короны не доводить дѣла до крайности. По словамъ шведскаго посла, оскорбленія и гнѣвъ императрицы могли увлечь ее до того, что она не только объявитъ войну Швеціи, но приметъ мѣры противъ личной свободы короля, который находится теперь въ ея власти. Наконецъ, подъ ружьемъ стоитъ 100.000 вполнѣ снаряженнаго войска, готоваго по первому знаку начать военныя дѣйствія. Но всѣ эти представленія не произвели никакого впечатлѣнія на Густава; онъ отвѣчалъ: «Я скорѣе подвергнусь всѣмъ личнымъ опасностямъ, чѣмъ рѣшусь идти противъ моей совѣсти».

— Но если, государь, дѣло идетъ о вашей коронѣ? возразилъ Стедингъ.

— Такъ пусть же лучше снимутъ съ моей головы корону—воскликнулъ король съ горячностью, сопровождаемой весьма выразительнымъ тѣлодвиженіемъ,—нежели я сдѣлаю что-либо противъ своихъ убѣжденій.

Удивленный такими рѣшительными словами,—говорить далѣе Чумиковъ²⁾),—и вида, что угрозы личной опасности не дѣйствуютъ на короля, Стедингъ попытался тронуть въ немъ чувство сыновней любви и представилъ ему горькую участь, которая можетъ постигнуть его мать. «Вдовствующая королева, мать вашего величества,—говорилъ онъ,—можетъ подвергнуться оскорбленіямъ толпы. Взгляните на Францію....

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1874. IX, 486.

²⁾ «Русск. Арх.» 1887, I, 85—86. Оставляемъ этотъ рассказъ на отвѣтственности автора, такъ какъ онъ нигдѣ не дѣлаетъ соответствующихъ цитатъ.

Разъяренная чернь можетъ повлечь ее по улицамъ столицы, и Швеція сдѣлается поприщемъ тѣхъ ужасовъ, которые свирѣпствуютъ въ настоящее время въ той странѣ».

Эти слова не могли не опечалить короля; слезы потекли по его лицу и онъ со вздохомъ спросилъ: «Неужели мой отказъ повлечетъ за собой такія послѣдствія?»

— Непремѣнно, если ваше величество не одумаетесь,—отвѣчалъ Стедингъ. Къ чему же дагѣ упорствовать? продолжалъ онъ. Существуетъ ли нація или духовенство, которыя могли бы протавиться желанію процесса остаться при своей вѣрѣ; я увѣренъ, что во всей Швеціи не найдется и одного каплана ¹⁾, который бы испытывалъ и половину вашего угрызенія совѣсти. Если уже она такъ сильно дѣйствуетъ въ васъ, то спросите совѣта у духовенства...

Такое заключеніе дало толчекъ новому направленію дѣла. Было рѣшено (и ничто уже не могло убѣдить короля въ протавномъ), что скрѣпленіемъ брачнаго договора подождать до полученія подробнаго мнѣнія стокгольмской духовной консисторіи. На этомъ настаивалъ теперь король, а пока требовалъ скорѣйшаго выѣзда изъ Петербурга. Отъѣздъ назначенъ былъ на 22-ое сентября, или 1-ое октября новаго стиля.

Передъ отъѣздомъ состоялось послѣднее свиданіе короля съ императрицей. Оно ни чуть не улучшило, не измѣнило положенія дѣла. Король и императрица были официально сухи, отдѣлывались комплиментами и только подъ конецъ, какъ бы для проформы, Густавъ IV выразилъ свое сожалѣніе, что «вопросъ о религіи вызвалъ препятствія исполненію его желаній». Императрица оживилась (быть можетъ еще разъ мелькнула въ ней надежда увидѣть мечту оя осуществленной) и отвѣчала королю: «вы должны сами знать, что вамъ слѣдуетъ дѣлать, и вольны дѣлать все, что вамъ угодно; но я не могу перемѣнить моего мнѣнія, а мнѣніе это таково, что вамъ вовсе не слѣдовало бы говорить о религіи; этимъ вы сами себѣ наносите большой вредъ, такъ какъ, если бы когда нибудь моя внучка была настолько слаба, что согласилась бы перемѣнить религію, знаете ли вы, что изъ этого вышло бы? Она потеряла бы всякое уваженіе къ себѣ въ Россіи, а вслѣдствіе того и въ Швеціи». Относительно послѣдняго король хотѣлъ оспорить мнѣніе императрицы, но она сказала ему: «пусть такъ, но на что же вамъ она, если она потеряетъ уваженіе къ себѣ въ Россіи». Это, повиданному, поразило Густава и онъ замолчалъ. Молчаніе продолжалось долго; потомъ поговорили о погодѣ, императрица предложила пригласить регента, король подошелъ къ двери, чтобы его позвать. Когда онъ вошелъ,

¹⁾ Пасторъ безъ прихода, также помощникъ пастора.

государи простились, императрица позвала свиту, и они удалились» ¹⁾). Черезъ два дня шведскій король уѣхалъ, предварительно пославъ секретаря шведскаго посольства Женнингса выразить великому князю и великой княгинѣ прощальныя привѣтствія короля и регента ²⁾).

Баронъ Н. В. Дризенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сб. Ист. Об. IX. 322, 323.

²⁾ Регентъ, кромѣ того, написалъ весьма прочувственное письмо цесаревичу и его супругѣ, на которое тѣ отвѣчали выраженіями той же преданности и родственнаго участія (см. «Русс. Стар.» 1874, IX, 497 и дальше).

Рескриптъ Императора Александра I С.-Петербургскому гражданскому губернатору Пасевьеву о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

9 іюня 1805 г.

При указѣ изъ Правительствующаго Сената получите вы въ свое время докладъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, мнѣ поднесенный и мною подтвержденный, объ условіяхъ, заключенныхъ санктпетербургскимъ помѣщикомъ статскимъ совѣтникомъ Шкуринымъ (Сергѣемъ) съ крестьянами, отпускаемыми имъ вѣчно и потомственно на волю.

Когда по содержанию сего доклада совершена будетъ, по установленному порядку, объ увольненіи сихъ крестьянъ запись, и когда вслѣдствіе того они поступать въ званіе свободныхъ земледѣльцевъ, вы не оставите принять къ особенному наблюденію вашему слѣдующее:

1) По новости сего состоянія нужно подтверждать земскому суду, въ зависимость коего по земской полиціи люди сіи поступить имѣютъ, чтобъ ограждаемы они были отъ всякаго притѣсненія и чтобъ во внутреннемъ распорядкѣ земель, въ собственность ими владѣмыхъ, никакого препятствія чинимо имъ не было; за чѣмъ и не оставите вы особенно наблюдать.

2) Если впослѣдствіи найдутъ они нужнымъ размежеваться отъ крестьянъ помѣщичьихъ, вы не оставите оказать имъ въ семъ потребную помощь и защиту. Когда же согласно условіямъ, съ ними заключеннымъ, приступятъ они къ раздѣленію собственныхъ ихъ земель на участки, вы доставите имъ къ сему нужные способы, отрядивъ къ нимъ землебра и принявъ въ наблюденіе, чтобъ въ раздѣлѣ семъ отъ одного другому обиды и неуравнительности допущено не было.

Сообщилъ Г. И. Студенкинъ.

Записки Михаила Чайковского ¹⁾.

(Мехмедъ-Садикъ паши).

XIV.

Дубровица. — графъ Плятеръ. — Станиславъ Ворцель. — Походъ на Ковель. — Поворотъ на Щацкія озера. — Любомль. — Ксаверій Браницкій. — Переходъ черезъ Бугъ. — Прибытіе въ Замостье. — Генералъ Хржановскій. — Приказы генерала Сиржинецкаго. — Возвращеніе въ Замостье. — Ширъ. — Генералъ Крысинскій.

Извѣстія о подавленіи повстанья въ Овручскомъ и Радомысльскомъ уѣздахъ заставили Ружицкаго измѣнить первоначальное намѣреніе идти на Березну и оттуда черезъ лѣса къ Мозырю. Мы повернули въ другую сторону, оставили Березну вправо и пошли на Дубровицу, имѣніе графа Плятера, гдѣ былъ монастырь и школа ксендзовъ шiarовъ.

Графъ Плятеръ, какъ и Іосифъ Стецкій, лежалъ при смерти, но его сестра, особа весьма почтенная, встрѣтила насъ гостепрѣимно и рассказала намъ, что отрядъ Нарциза Олизара разбитъ подъ Владиміромъ и разсѣянъ, но что большая часть составлявшихъ этотъ отрядъ повстанцевъ со Станиславомъ Ворцелемъ во главѣ скрывается въ лѣсахъ. Пораженіе это объясняли тѣмъ, что командиры были приглашены, по случаю праздника Пасхи, къ сосѣднему помѣщику, куда они и отправились, а въ лагерь было привезено много провизіи и вина. Повстанцы пировали, а въ это время на нихъ внезапно напалъ эскадронъ конныхъ егерей и сотня донцовъ; убитыхъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1896 года.

было мало, но много полу-пьяныхъ было взято въ плѣнъ, а командиры ушли въ лѣса и заграницу, въ Галицію; нѣкоторые успѣли даже бѣжать въ Царство Польское. Только одинъ Феликсъ Тржецякъ съ отрядомъ въ 40 человекъ пробился въ Галицію и оттуда, оставивъ австрійцамъ оружіе и лошадей, съ пѣшими людьми перешелъ въ Царство Польское.

Изъ Дубровицы мы двинулись къ Рафаловкѣ въ надеждѣ собрать свѣдѣнія о разсыянныхъ повстанцахъ. Въ Рафаловкѣ былъ роскошный домъ Олизара, прекрасная бібліотека, въ которой находились всевозможныя польскія и русскія сочиненія и даже заграничныя изданія. Самъ графъ былъ ловеласъ и даже Донъ-Жуанъ. Къ нему съѣзжались въ Рафаловку, какъ въ Эмсъ или Баденъ-Баденъ, дѣвицы безприданницы со своими двоюродными братьями и вдовушки со своими покровителями. Онъ за ними ухаживалъ, давалъ имъ приданое и выдавалъ замужъ.

Николай Ворцель, женатый на разведенной женѣ Олизара, говорилъ про него:

— Нарцисъ истинный меценатъ, онъ не только покровительствуетъ наукамъ, но и прекраснымъ Божьимъ созданіямъ.

Теперь его дворецъ былъ пустъ, въ немъ разгуливать вѣтеръ, но сюда явилось нѣсколько сосѣднихъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ мы получили вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, что Станиславъ Ворцель и его товарищи скрываются въ ковельскихъ лѣсахъ около Владиміра; и что въ ихъ бандахъ числится около 500 человекъ.

Еще изъ Дубровицы Михаилъ Будзинскій и Антонъ Топчевскій были посланы взять сукно, заготовленное для уланской дивизіи, и дали квитанцію въ томъ, что приняли сукно по распоряженію полковника Ружицкаго, командира авангарда корпуса генерала Дверницкаго. Эта квитанція была послана управителемъ графа Плятера властямъ въ Кіевъ и была получена тамъ одновременно съ донесеніемъ подполковника Петерса о томъ, что онъ столкнулся съ десяти-тысячнымъ кавалерійскимъ корпусомъ (?), въ составѣ котораго были войска во французскихъ мундирахъ. За французскіе мундиры были приняты заячьи головные уборы двоихъ Петкецкихъ и фантастическіе лисьи и волчьи костюмы учениковъ Межирицкой школы. Тогда былъ отданъ приказъ 3-й гусарской дивизіи генерала Лашкарева пресѣчь намъ дорогу къ Бугу, а 2-й конно-егерской дивизіи генерала Словинскаго отрѣзать намъ путь въ Галицію и соединиться съ гусарами для совмѣстныхъ дѣйствій. При каждой изъ этихъ дивизій было по 12 орудій и по отряду пѣхоты¹⁾. Бердичевскіе шпіоны тотчасъ увѣдомили насъ о движе-

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что все это писано авторамъ по слуху, и многіе изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ далеко недостовѣрны. Р е д.

ніи русскихъ войскъ и объ ихъ численности. Мы очутились въ критическомъ положеніи: отъ Царства Польскаго мы были отрѣзаны русскимъ войскомъ, бросаться въ лѣса не могли, потому что пѣхота генерала Кайсарова съ нѣсколькими полками донцовъ была растянута отъ Кіева черезъ Мозырь до Бобруйска, другіе русскіе отряды были расположены отъ Бобруйска до Брестъ-Литовска; возвратиться въ Подолю и на Украйну также было невозможно, потому что генераль Ротъ, разбивъ и вытѣснивъ въ Галицію повстанцевъ и успокоивъ край, двинулся со своимъ корпусомъ къ Старо-Константинову и занялъ линію Случи до Новоградъ-Волынска и по направленію къ австрійской границѣ до Почаева.

Выйдя изъ Рафаловки, мы расположились отдохнуть у какой-то деревушки. Ружацкій сильно усталъ и задремалъ подъ деревомъ, Мартинъ Вылежинскій, который былъ очень вооруженъ помѣщиками противъ засѣдателя Каминскаго, сталъ просить начальника отдать въ его распоряженіе этого плохаго патриота. Ружацкій, не понявъ спросонья въ чемъ дѣло и думая, что рѣчь идетъ о конѣ, сказалъ:

— Возьми его себѣ.

Мы всѣ въ это время спали, Вылежинскій не сталъ вызывать охотниковъ исполнить задуманную имъ расправу надъ засѣдателемъ, но такъ какъ онъ отличался большою физическою силою (гнулъ подковы, могъ остановить на всемъ ходу экипажъ, схватывъ его за переднее колесо, и шута перекидывалъ черезъ заборъ лошадь, взявъ ее за переднія ноги), то взялъ Каминскаго и повѣсилъ его при помощи слугъ на деревѣ. Каминскій не просилъ пощады, но укорялъ повстанцевъ за этотъ поступокъ и грозилъ имъ Божьей карой за отложеніе отъ Россіи. Онъ умеръ съ достоинствомъ и, какъ мы узнали послѣ, до назначенія засѣдателемъ былъ дѣльнымъ офицеромъ русской арміи и горячимъ сторонникомъ соглашенія поляковъ съ русскими. Говорили также, что, несмотря на всю его суровость и непреклонность къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ его образа мыслей, это былъ человѣкъ очень почтенный.

Повѣсивъ Каминскаго, Вылежинскій стоялъ подъ деревомъ. Въ это время какой-то бѣднякъ упалъ къ его ногамъ со словами:

— Пана! Я не виноватъ, я дѣлалъ только то, что мнѣ приказывали. У насъ служба не дружба.

Вылежинскій нахмурилъ брови и сурово спросилъ:

— Кто ты такой?

— Я писарь пана засѣдателя, но я не виноватъ.

— Виноватъ или не виноватъ, но такому большому чиновнику, какъ твой засѣдатель, нельзя обойтись безъ писаря на томъ свѣтѣ.

Съ этими словами онъ схватилъ бѣднягу и повѣсилъ его на другой вѣткѣ.

Когда мы узнали объ этомъ происшествіи, то всѣ были очень возмущены, а на лицѣ Ружицкаго выразилось неудовольствіе. Этотъ поступокъ объясняли жалобами помѣщиковъ; жалобъ было, правда, много и онѣ были вѣскія, но все же лучше было бы обойтись безъ вѣшанья, которое было единственнымъ пятномъ на бердичевскихъ повстанцахъ. Это событіе имѣло послѣдствіемъ, что мы перестали относиться къ Вылежинскому по-товарищески, отдавали справедливость его отвѣгъ, его силгъ, но сторонились его.

Мы миновали Ковель, и къ ночи прибыли во Владиміръ. Здѣсь къ намъ присоединился Станиславъ Ворцель, но онъ былъ одинъ, — о 500 повстанцахъ не было ни слуху, ни духу. Ружицкій, собравъ необходимыя для себя свѣдѣнія, разослалъ повсюду циркуляры съ требованьемъ доставить подводы и какъ можно скорѣе исправить дорогу до Ковеля. Приказаніе было отдано вечеромъ; наши многочисленныя повозки съ оружіемъ и съ сукномъ были поставлены на опушкѣ лѣса и къ нимъ запрещено подходить.

На слѣдующій день мы выступили по направленію къ Ковелю, но пошли въ обходъ, дѣлая видъ, будто, видя невозможность перехода черезъ Бугъ, мы двигались на Подолю. На почтовой дорогѣ нашъ авангардъ захватилъ курьера съ бумагами отъ генерала Лашкарева къ генералу Слотвинскому. Бумаги были вскрыты, и мы увидѣли изъ нихъ, что Лашкаревъ увѣдомлялъ Слотвинскаго о намѣреніи, довольно многочисленнаго, какъ было сказано въ бумагахъ, авангарда войскъ Дверницкаго напасть на Ковель и о томъ, что это, вѣроятно, военная хитрость, имѣющая цѣлью облегчить соединеніе этого войска съ войскомъ, находящимся въ Мозырскихъ лѣсахъ, гдѣ уже происходили сраженія повстанцевъ съ корпусомъ Кайсарова. Поэтому, онъ, Лашкаревъ, сплшитъ зайти съ первой бригадой — полками Ахтырскимъ и Александрійскимъ — намъ въ тылъ, а вторую бригаду: Мариупольскій и Оранскій полки, оставляетъ надъ Бугомъ между Шацкими озерами. Курьеръ сообщалъ, что Лашкаревымъ было послано три курьера съ такими же депешами, изъ нихъ двое проѣхали благополучно, а онъ попалъ въ наши руки; это былъ поручикъ Ахтырскаго гусарскаго полка, родомъ литвинъ. Онъ сообщалъ намъ также, что согласно принятой диспозиціи, самъ Лашкаревъ не поспѣетъ къ Ковелю раньше полудня слѣдующаго дня и не рассчитываетъ, чтобы мы пришли туда раньше; что въ Ковель теперь не болѣе одного батальона пѣхоты и сотни казаковъ, но ночью или на разсвѣтѣ туда придутъ конные егеря. Отъ этого же курьера мы узнали, какимъ путемъ идетъ генералъ Лашкаревъ и что въ Любомлѣ находится семейство Браницкихъ, старшій сынъ которыхъ, Ксаверій, поручикъ 1-го гв. гусарскаго полка, весьма

интересный, по его словам, молодой человек и отличается большим патриотизмом.

Къ вечеру мы дошли до Ковеля, гоня передъ собою кучку донцовъ, которые отступая отстрѣливались; мы же вовсе не стрѣляли, но понеслись рысью къ предмѣстью, откуда мѣстный гарнизонъ, вышедшій было противъ насъ, отступилъ въ городъ, переправившись туда на лодкахъ, такъ какъ съ моста была разобрана вся настилка. Мы не стрѣляли и по гарнизону, но въ предмѣстьи зажгли бивачные огни, какъ бы намѣреваясь тамъ расположиться; сами же стали на такомъ пунктѣ, гдѣ насъ изъ города не было видно. Накормивъ лошадей и людей и отправивъ наши повозки подъ присмотромъ шпионовъ въ окрестность села Перевоза надъ Бугомъ, о чемъ было извѣстно одному только начальнику, мы двинулись, часа за два до восхода солнца, къ Шацкимъ озерамъ.

На разсвѣтѣ предстала передъ нашими глазами обширная водная поверхность, обрамленная зеленью, на которой подобно брилліантамъ блестяла роса; а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ озера мы увидѣли шедшій по почтовому тракту отрядъ русской кавалеріи съ орудіями: это была бригада генерала Лашкарева. Она надвигалась быстро; мы свернули влѣво, въ небольшую долину, опустили пикетъ и какимъ-то чудомъ остались незамѣченными непріятелемъ, который прошелъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ по пригорку.

Часа черезъ два мы пошли къ Любомлю; не дойдя до него съ версту, мы расположились отдохнуть на пригоркѣ такъ, чтобы не быть на виду, повернувшись фронтомъ къ дорогѣ на Брестъ-Литовскъ. Одиный взводъ, подъ командою Яна Омецинскаго, напалъ на Любомль, а половина третьяго эскадрона пошла ему на подмогу; послышалась перестрѣлка, и мы увидѣли какъ по ту сторону села отступали гусары Мариупольскаго полка, занимавшаго Любомль. Оба полка, Мариупольскій и Оранскій, соединились за Шацкими озерами, чтобы дать намъ зайти за эти озера, а затѣмъ ударить на насъ съ тыла и загнать между озерами, гдѣ не было проѣзжей дороги и гдѣ насъ могли бы окончательно истребить.

Ружицкій, замѣтивъ этотъ маневръ гусаръ и получивъ о томъ подтвержденіе отъ шпионовъ, приказалъ третьему эскадрону перевезти наши повозки къ Бугу, а первый и второй эскадроны пошли проселками къ селенію Перевозамъ.

Янъ Омецинскій вернулся въ Любомль, но не видѣлъ тамъ Браницкихъ; ихъ гувернантка француженка, m-me Cordonnier приняла его очень любезно и сказала, что Ксаверій куда-то пропалъ, что его искали, но нигдѣ не могли найти; она боялась, не случилось ли съ

*

нимъ какой бѣды. Мы пожалѣли объ этомъ, такъ какъ намъ говорили, что онъ горячо желалъ вступить въ ряды повстанцевъ.

У Перевозовъ мы забрали дровяныя барки и наскоро стали наводить мостъ, но въ это время близъ Дорогобича, лежавшаго по ту сторону рѣки, стали показываться донцы; тогда начальникъ приказалъ первому эскадрону переправиться черезъ Бугъ вплавь и прогнать ихъ.

Мы бросились вплавь, по-взводно; рѣка была не широка, но глубока и быстра, а берегъ крутой. Солдаты, плыва по полуэвводно легко, могли держаться вмѣстѣ и не отставать другъ отъ друга, тогда какъ офицеры, плыва по одиночѣмъ, были отнесены теченіемъ довольно далеко, до того самаго мѣста, гдѣ наводили мостъ. На противоположной крутой берегъ пришлось карабкаться по-одиночѣмъ; не понимаю, какимъ образомъ никто изъ насъ, повстанцевъ, не слетѣлъ съ коня; донцы по насъ не стрѣляли, и лишь только полэскадрона переправилось черезъ рѣку, мы стали преслѣдовать ихъ и заняли Дорогобичъ, который они были вынуждены оставить; мы ихъ далѣе не преслѣдовали, а только выставили въ поле пикеты и ведеты.

Нашъ обозъ и цѣлыхъ два эскадрона благополучно перешли Бугъ черезъ мостъ, и мы были уже по ту сторону рѣки, въ Царствѣ Польскомъ и шли къ Рудкамъ, когда наши шпіоны дали знать, что гусары, направившіеся къ Шацкимъ озерамъ, вернулись и снова собираютъ барки для наведенія моста; вскорѣ имъ же шпіоны сообщили, что дивизионъ гусаръ полка принца Оранскаго также перешелъ Бугъ и преслѣдуетъ насъ.

Ружицкій, подъ Дорогобичемъ и по всему пути получалъ отъ мѣстныхъ помѣщиковъ свѣдѣнія о русскомъ войскѣ; насъ повсюду встрѣчали и привѣтствовали женщины: жены, сестры и родственницы офицеровъ. Мы провели ночь въ полѣ, въ компаніи поляковъ и полекъ, пришедшихъ насъ привѣтствовать, а на утро двинулись далѣе.

Справедливы были слова одного изъ нашихъ старыхъ казаковъ:

— Говорили, что когда мы придемъ въ Польшу, такъ увидимъ тамъ поляковъ; вотъ мы и въ Польшѣ, а тутъ вездѣ встрѣчаешь русскихъ, гдѣ же это поляки, что они дѣлаютъ?

Мы вступили въ Польшу въ недобрый часъ. Экспедиція генерала Янковскаго не удалась; поговаривали уже о пораженіи поляковъ подъ Остроленкой, но утверждали вмѣстѣ съ тѣмъ, что генералъ Хржановскій идетъ на Волинь. Въ это время генералъ Ридигеръ съ нѣсколькими тысячами русскаго войска стоялъ уже въ Войславичахъ, и его отряды подходили къ Замостью. Генералъ Крейцъ съ такимъ же многочисленнымъ отрядомъ приближался къ Замостью со стороны Люблина, и его авангардъ уже занялъ старое Замостье. Генералъ Кайса-

ровъ оставилъ Волынь и Полѣсье и шелъ къ Бугу. Трудно было генералу Хржановскому, ожидавшему въ Замостьѣ грядущихъ событій!

Мы рѣшились идти къ нему на соединеніе.

Генералъ Хржановскій хорошо зналъ о томъ, что мы перешли Бугъ и уже второй день сражаемся съ русскими, но когда комиссаръ Люблинскаго воеводства Романовскій сообщалъ ему объ этомъ, то онъ отвѣчалъ, какъ передалъ намъ комиссаръ:

— Пусть сражаются, зачѣмъ было приходить сюда!

Никто не выѣхалъ намъ на встрѣчу въ деревню, гдѣ мы остановились на отдыхъ. Константинъ Бернатовичъ былъ посланъ къ Хржановскому съ рапортомъ отъ Ружицкаго. Когда онъ возвратился, то засталъ насъ уже двинувшимися къ крѣпости и сообщалъ, что генералъ съ войскомъ ждетъ насъ на гласисѣ. На этомъ гласисѣ мы увидѣли два батальона пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и генерала Хржановскаго, который принялъ насъ съ недовольной миной и велѣлъ отвести кирпичный заводъ, гдѣ намъ приказано было расположиться, а обозъ пренести въ крѣпость.

Размѣстивъ насъ, Ружицкій отправился немедленно къ Хржановскому, но пробылъ у него недолго и видимо былъ недоволенъ оказаннымъ ему приемомъ. Онъ тотчасъ написалъ подробный рапортъ генералу Скржинецкому, въ то время бывшему главнокомандующимъ повстанцами, и на слѣдующее утро отослалъ этотъ рапортъ по назначенію съ Пильковскимъ и Бернатовичемъ, по совѣту Хржановскаго, который сказалъ:

— Лучше всего напишите сами генералу Скржинецкому и пошлите къ нему одного изъ вашихъ повстанцевъ.

Посланные отправились, и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ Станиславъ Ворцель. Отъ приближенныхъ генерала Хржановскаго мы узнали, что онъ писалъ главнокомандующему, предлагая зачислить насъ въ первый конно-егерскій полкъ.

Корпусъ генерала Хржановскаго состоялъ изъ четырнадцати пѣхотныхъ батальоновъ,—изъ коихъ особенно выдѣлялся пятый полкъ и батальонъ стрѣлковъ Сандомірскаго полка. Сверхъ того у него было два полка кавалеріи: конные егеря и кракусы, каждый по 4 эскадрона, и четыре батареи артиллеріи. Это было превосходное войско.

Холодный приемъ подѣйствовалъ на насъ очень непріятно. «Вотъ и сражайся за отечество»—говорили мы другъ другу.

Офицеры старыхъ полковъ, въ особенности конные егеря, коими командовалъ нѣкто Пашекъ или Пашыкъ, по примѣру генерала Хржановскаго смотрѣли на насъ свысока; только одни кракусы, не знаю почему, отнеслись къ намъ очень дружелюбно и пригласили на пирушку, на которой было выпито не мало венгерскаго и шампанскаго. Тутъ мы

встрѣтили многихъ украинцевъ и подолянъ изъ повстанцевъ Колыскъ; въ числѣ ихъ были Германъ и Іосифъ Потоцкіе, Еловицкіе, Собанскіе и др. Они привѣтствовали насъ сердечно, отъ всей души, какъ родныхъ братьевъ.

Въ это время въ Замостьѣ было сформировано два эскадрона кракусовъ, а въ Звѣржинцѣ два подольскихъ эскадрона подъ командою Верещинскаго.

Кракусы, въ особенности маіоръ Казиміръ Любенскій, человекъ весьма образованный и храбрый, были очень недовольны бездѣйствиємъ Хржановскаго и громко жаловались на то, что генералъ теряетъ время; держать ихъ въ крѣпости какъ въ тюрьмѣ; что русскіе успѣли бы позабыть о существованіи поляковъ и о повстаніи, если бы не явились украинцы. Эти слова дошли до слуха Хржановскаго, и онъ долженъ былъ уступить общественному мнѣнію. На третій день послѣ нашего прибытія онъ выступилъ во главѣ четырехъ-тысячнаго отряда съ батареей артиллеріи, съ цѣлю предпринять экспедицію къ Грубешову. Она окончилась неудачей. Донцы взяли въ плѣнъ одного офицера и 15 кракусовъ и разбили эскадронъ конныхъ егерей, пришедшій имъ на помощь, который потерялъ убитыми одного офицера и 18 человекъ солдатъ.

Это не помѣшало Хржановскому устроить торжественный въѣздъ въ крѣпость. Генералъ вернулся въ Замостье во главѣ войска, на конѣ взятомъ у насъ; такъ какъ онъ былъ очень малъ ростомъ и имѣлъ коротенькія ножки, то походилъ, сидя на лошади, на маленькій пузырь, ножки его не доставали и боковъ лошади. Конь гарцовалъ, а генералъ, подбрасываемый имъ какъ волною, качался на огромномъ сѣдлѣ взадъ и впередъ; два кракуса везли за нимъ плѣннаго донца, за которыми слѣдовалъ цѣлый взводъ солдатъ и все остальное войско съ пѣснями и музыкой. Этотъ торжественный въѣздъ послужилъ предметомъ насмѣшекъ со стороны повстанцевъ; Іосифъ Потоцкій нарисовалъ на него каррикутуру, а другой повстанецъ написалъ стихи, въ которыхъ сравнивалъ пріемъ, оказанный бердичевскимъ повстанцамъ съ триумфальнымъ въѣздомъ генерала Хржановскаго. Каррикутура и стихотвореніе тотчасъ дошли до свѣдѣнія генерала, который былъ вѣ себя отъ гнѣва, хотя онъ прекрасно зналъ, что мы тутъ не причемъ, такъ какъ никто изъ насъ не выходилъ на встрѣчу войску, возвратившемуся съ нимъ изъ экспедиціи, и мы преспокойно сидѣли въ кирпичномъ заводѣ, обдумывая свою дальнѣйшую судьбу въ Польшѣ. Однако генералъ выместилъ на насъ свою злобу: призвавъ на слѣдующій день Ружицкаго, онъ объявилъ ему, что такъ какъ мы не входимъ въ составъ его войскъ, то до полученія приказаній отъ главнокомандую-

щего онъ прекращаетъ выдачу намъ провіанта и фуража. Ружичкій не возражалъ, но только спросилъ:

— Позволятъ-ли генералъ намъ самимъ добывать фуражъ?

Генералъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Можете грабить край, это я вамъ разрѣшаю. И тотчасъ отдалъ приказъ коменданту крѣпости генералу Крысинскому выпускать насъ изъ крѣпости и впускать въ нее безпрепятственно.

Возвратившись на кирпичный заводъ, Ружичкій засталъ тамъ комиссара Романовскаго, очень возмущавшагося поведеніемъ Хржановскаго относительно насъ. Романовскій сообщилъ, что въ эту же ночь черезъ Грабовичиѣ должны пройти русскій транспортъ съ провіантомъ и фуражемъ и стадо воловъ, посылаемые къ австрійской границѣ, гдѣ ожидаютъ прибытія корпуса генерала Кайсарова. Когда стемнѣло, первый эскадронъ двинулся къ Грабовчику подъ командою Станислава Дунина. Проводникомъ былъ слуга комиссара Романовскаго.

Ждать пришлось недолго; въ лѣсу скоро раздался скрипъ телегъ приближавшагося транспорта; при немъ былъ весьма незначительный конвой, такъ какъ русскіе, послѣ неудачной экспедиціи Хржановскаго, стали очень безпечны. Какъ только мы приблизились къ транспорту, конвой, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, отступилъ, и въ наши руки досталось много провіанта и фуража. Мы возвратились на разсвѣтъ, такъ что о нашей экспедиціи мало кому было извѣстно.

Ружичкій велѣлъ оставить намъ припасовъ на 25 дней, а остальное отослать Хржановскому для продовольствія его войска. Капитану Твардовскому, исполнившему это порученіе, Хржановскій приказалъ поблагодарить Ружичкаго.

Но и трехъ дней не прошло, какъ Хржановскій, призвавъ Ружичкаго, приказалъ ему выступить на слѣдующій день съ его повстанцами въ Томашевъ, взявъ съ собою продовольствіе и фуражъ, и заняться тамъ шитьемъ мундировъ.

Мы двинулись въ Томашевъ, имѣніе графа Островскаго, лежащее на самой границѣ. Въ трехъ миляхъ отъ Томашева, къ деревнѣ Крыница, стягивалась третья русская гусарская дивизія, а генералъ Кайсаровъ, которому было приказано обложить съ его корпусомъ Замостье, занялъ уже всю окрестность. Мѣстные жители Томашева, евреи, относились очень недружелюбно къ полякамъ и благоволили къ русскимъ, такъ какъ поляки ихъ притѣсняли и вѣшали. Намѣреніе Хржановскаго сбыть насъ съ рукъ и вынудить къ переходу въ Галицію было очевидно.

Ружичкій рѣшилъ спать намъ на первыхъ порахъ мундиры казацкаго покроя, коричневые шаровары съ бѣлыми лампасами, бѣлыя куртки, коричневые казакинны съ откидными рукавами и съ бѣлыми

обшлагами. Шапки предполагалось сдѣлать черныя барашковыя съ бѣлымъ донышкомъ. Это былъ парадный мундиръ; для ежедневнаго употребленія сдѣланы были сермяжныя шаровары и коричневыя казакины, но безъ откидныхъ рукавовъ и бѣлыхъ отворотовъ; приборъ къ мундирамъ былъ серебряный какъ у всей польской кавалеріи. Со временемъ предполагалось сдѣлать намъ синіе шаровары и атласныя куртки.

Служебныя обязанности были распределены слѣдующимъ образомъ: одинъ эскадронъ занималъ караулы и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто не выходилъ изъ мѣстечка; второй эскадронъ стоялъ на площади съ осѣданными лошадьми. третій былъ занятъ въ конюшняхъ, гдѣ лошадямъ задавали кормъ; лучшія лошади были поставлены въ конюшни и предназначены на смѣну.

Всѣ портные, которыхъ можно было найти въ Томашевѣ, были созваны и работали сидя на возахъ, запряжныхъ тройками лошадей, которыя могли каждую минуту двинуться въ путь, такъ какъ возницы были тутъ же, наготовѣ. Спитые, но еще не сданные мундиры складывались на воза, игравшіе роль цейхгаузовъ. Все было обставлено такъ, что мы могли каждую минуту выступить изъ мѣстечка со всѣмъ обозомъ, не оставивъ по себѣ слѣда.

Такимъ образомъ, пройдя тысячу верстъ по краю, занятому русскими войсками, мы были обречены генераломъ Хржановскимъ, не вѣдомо за какіе грѣхи, на бедѣйствіе. Много лѣтъ спустя, когда я уже былъ генераломъ и пользовался извѣстностью, Хржановскій, объясняя въ моемъ присутствіи князю Адаму Чарторыйскому свое тогдашнее поведеніе, сказалъ:

— Я хотѣлъ напугать Кайсарова и облегчить себѣ выходъ изъ Замостья; я зналъ, что Ружицкій можетъ и съ нѣсколькими эскадронами совершить доблестный подвигъ, и далъ ему случай отличиться; его эскадроны доказали, что на ихъ отвагу и стойкость можно положиться.

— Прекрасно,—возразилъ князь Адамъ,—это объясняетъ посылку отряда въ Томашевъ, но какъ объяснить, генералъ, ваше желаніе умирить его голодомъ въ Замостьи?

— Ваше сіятельство, у всякаго свой характеръ: мнѣ дѣлали непріятности, и я платилъ тѣмъ же.

На томъ разговоръ и прекратился.

Во время войны только одинъ Скржинецкій высоко цѣнилъ Ружицкаго за его военныя способности; но до тѣхъ поръ пока онъ не сдѣлался товьянистомъ¹⁾, у него и послѣ повстанія была масса завистни-

¹⁾ Т. е. послѣдователемъ ученія Товьянскаго, польскаго мистика (родился 1799 г. † 1878 г.), который проповѣдывалъ полное перерожденіе человѣчества чрезъ постепенное и непрерывное вдохновеніе и коренную реорганизацію всѣхъ соціальныхъ отношеній. В. Т.

ковъ и недоброжелателей, несмотря на то, что онъ вполне сочувствовалъ польскимъ стремленіямъ и шель рука объ руку со своими соотечественниками.—Но когда узнали, что онъ томянись, то его впервые оцѣнили, стали прославлять воспѣвать въ стихахъ, сожалѣли о томъ, что ему не было отдано должнаго, что ему уже не удастся болѣе выказать своихъ способностей, своего ума и доблести. Въ этомъ также сказанъ польскій характеръ, который былъ одною изъ причинъ упадка нашей народности и невозможности поднять ее.

Мы пробыли въ Томашевѣ восемь дней; все это время наша служба была очень тяжела и опасна, такъ какъ мы могли ежеминутно подвергнуться нападенію. На восьмой день, какой-то эконокъ изъ окрестностей Замостья, переодѣтый крестьяниномъ, прибылъ къ намъ съ депешами отъ Хржановскаго и сказалъ, что едва пробрался къ намъ, такъ какъ гусары развѣзжаютъ по дорогѣ въ Звѣржинцу.

Тогда Ружицкій двинулся со своимъ Волынскимъ коннымъ или первымъ казачьимъ полкомъ изъ Томашева къ Замостью, гдѣ получилъ дальнѣйшія приказанія, за подписью корпуснаго командира, генерала Хржановскаго.

Совершенно въ иныхъ выраженіяхъ былъ написанъ приказъ генерала Скржинецкаго, полный той сердечности и патріотизма, о коихъ мы мечтали на Украинѣ. Ружицкій былъ произведенъ въ маіоры и получилъ крестъ за военныя заслуги; нашъ отрядъ получилъ названіе Волынскаго коннаго или 1-го казачьяго полка. Второй казачій полкъ былъ сформированъ Лудовикомъ Стецкимъ. Всѣ наши офицеры были утверждены, по представленію Ружицкаго, въ занимаемыхъ ими должностяхъ. Вновь сформированнымъ полкамъ была объявлена благодарность за услуги, съ присовокупленіемъ, что офицеры и солдаты доказали, что они могутъ служить примѣромъ и образцомъ для всей легкой кавалеріи и что изъ старыхъ казачьихъ полковъ никто не будетъ принятъ во вновь сформированные полки.

Когда этотъ приказъ былъ объявленъ полку, то онъ вызвалъ всеобщую радость; всѣ говорили: «хотя бываютъ Хржановскіе, но зато есть и Скржинецкіе. Наконецъ-то мы въ Польшѣ».

Мундиры были почти всѣ окончены, и розданы эскадронамъ, которые въ новой формѣ имѣли чрезвычайно красивый видъ. Ружицкій рѣшилъ по этому случаю устроить угощеніе: на площадь выкатили бочки съ виномъ и водкой и доставили огромное количество всякихъ снѣдъ, какъ на настоящій Лукулловскій паръ. Чтобы дать людямъ возможность отдохнуть, было приказано оставить въ караулѣ только одинъ заводъ, а командовавшему имъ офицеру было предписано не пропускать евреевъ, пробирающихся изъ города въ поле. Лошади были разсѣдланы, и мы уже собирались приступать къ угощенію, когда Ружицкій получилъ извѣстіе, что нѣсколько евреевъ перешло черезъ цѣпь ча-

совыхъ. Тотчасъ было приказано сѣдлатъ коней, усилить караулы, кони строго приказано не пропускать ни одной души, велѣно разбить бочки, изъ коихъ вино и водка ручьями полились по улицамъ, и разобрать съѣстные припасы.—Въ тотъ же вечеръ мы выступили изъ Томашева, увозя съ собою всё наши пожитки. Черезъ часъ послѣ нашего ухода, на городъ съ трехъ сторонъ напали гусары, увѣренные, что захватятъ насъ врасплохъ. Обманутые въ своихъ расчетахъ, они, не найдя насъ, не разузнали, куда мы пошли, и донесли въ главную квартиру, что мы отступили въ Галицію.

По дорогѣ въ Звѣржинецъ мы напали на гусарскій патруль, высланный Мариупольскимъ полкомъ, и захватили въ плѣнъ двухъ рядовыхъ. Отъ нихъ мы узнали, что генераль Кайсаровъ въ Криницѣ и стягиваетъ пѣхоту, такъ какъ ему приказано взять Замостье, куда онъ и направляется. Въ Звѣржинцѣ мы застали Верещинскаго съ сформированнымъ имъ подольскимъ легиономъ; это было отличное войско, — все красавцы уланы. Тутъ мы узнали о пораженіи повстанцевъ подъ Остроленкой, о подвигахъ 2-го уланскаго полка, въ которомъ всё четыре эскадронныя командиры были убиты, о чудесахъ храбрости, оказанныхъ генераломъ Бемомъ и его артиллеріей. Вѣсти были не веселыя и не предвѣщали ничего хорошаго. Наши русины постоянно твердили: «трудно, чтобы Польша существовала безъ короля». Теперь же всё провозглашали королемъ Адама I и повторяли слова княгини Анны Чарторыйской, супруги князя Адама, которая, упавъ къ его ногамъ, умоляла его или принять царскій вѣнецъ, или уѣхать изъ Варшавы и Польши, такъ какъ, вступивъ на престолъ, онъ можетъ спасти Польшу и даже навѣрно спасетъ ее; оставаясь же только княземъ Чарторыйскимъ, онъ скорѣе повредитъ польскому дѣлу, нежели принесетъ ему пользу.—Въ этихъ словахъ было много правды, но Станиславъ Малаховскій и Владиславъ Замойскій насмѣхались надъ патриотизмомъ княгини и, дѣйствуя своимъ умомъ, позаимствованнымъ у нѣмцевъ, навлекли на бѣдную Польшу новыя бѣды.

Въ Звѣржинцѣ мы застали и референдарія Валицкаго, ѣхавшаго въ Константинополь въ качествѣ посла отъ ржонда народоваго къ турецкому султану. При немъ состоялъ помощникомъ майоръ Вережчинскій. Ни изъ словъ посла, ни изъ его бумагъ не было видно, чего желалъ или могъ желать ржондъ отъ султана. Въ грамотахъ были пышныя фразы о Карловицкомъ трактатѣ, о пріязни Мустафы IV къ полякамъ, о побровительствѣ, оказанномъ турками барскимъ конфедератамъ, но много было словъ, а мало дѣла. Новому послу очень хотѣлось все намъ рассказать, все прочитать.—Я замѣтилъ, что надо бы испросить позволенія султана поднять казаковъ, оставшихся на Дунай послѣ войны 1828 г., вторгнуться съ ними въ Бессарабію и на Украину и возбудить тамъ среди народа возстаніе во имя казачества и короля польскаго.

Валицкій съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня, вытаращивъ глаза.

— Какіе казаки?—что это за казаки? Казаки насъ бьютъ, а мы будемъ обращаться къ нимъ за помощью?

Едва растолковали ему, что это за казаки. Онъ задумался, пробормоталъ молитву и сказалъ:

— Да вѣдь это схизматики,—и замолчалъ.

Вережчинскій съ нимъ не поѣхалъ, предпочитая остаться со своимъ отрядомъ. Что сдѣлалъ Валицкій въ Константинополѣ, чего онъ тамъ добился, объ этомъ я не могъ узнать ни тамъ, ни въ Варшавѣ. Я знаю только, что онъ былъ въ Константинополѣ, что у него была красивая дочь и самъ онъ былъ ревностнымъ католикомъ и горячимъ сторонникомъ австрійскаго двора.

Мы пришли въ Замостье вмѣстѣ съ подольскимъ легиономъ. Этотъ разъ насъ ожидалъ иной пріемъ: генералъ Крысинскій вышелъ намъ на встрѣчу со всѣмъ войскомъ и устроилъ великолѣпное угощеніе для всѣхъ офицеровъ и солдатъ нашего полка. Зала мѣстнаго собранія была роскошно убрана; въ ожиданіи танцевъ уже собрались хорошенькія барышни; мы танцевали и веселились, какъ будто о русскихъ не было и помина. Добрый генералъ Крысинскій плакалъ, глядя на нашу молодежь. Не было Хржановскаго, и все было по польски, словно на другой день по заключеніи уніи между Польшей, Литвою и Россіей.

Исполнить приказаніе, переданное нашему отряду отъ имени Хржановскаго, было весьма затруднительно. Онъ уже выступилъ съ войскомъ изъ Замостья, оставивъ обозъ съ негоднымъ оружіемъ, испорченныя пушки и болѣе 500 человекъ больныхъ и приказавъ Ружицкому препроводить все это на лѣвый берегъ Вислы, по той самой дорогѣ, по которой онъ прошелъ со своимъ корпусомъ и по которой шли за нимъ слѣдомъ два корпуса русскихъ войскъ подъ начальствомъ Крейца и Радигера. Отряды этихъ двухъ корпусовъ стояли эшелонами, начиная отъ стараго Замостья. Къ инструкціи, составленной въ штабѣ Хржановскаго, генералъ присовокупилъ собственноручно:

— По вышеуказанной дорогѣ я прошелъ самъ, слѣдовательно она доступна для войска; если же г. маіоръ найдетъ другую, болѣе доступную дорогу, то ему разрѣшается, на его личную отвѣтственность, провести по ней вѣренную ему команду.

Видно въ Хржановскомъ заговорила совѣсть. У него было до шестнадцати тысячъ храбраго войска съ орудіями, съ самымъ малымъ обозомъ; неудивительно, что онъ могъ пройти, имѣя непріятеля только въ тылу. Мы же находились въ совершенно иномъ положеніи.

Получивъ этотъ приказъ, Ружицкій сказалъ Крысинскому, что на слѣдующій день выступаетъ въ походъ, но поведетъ обозъ къ назначенному мѣсту по той дорогѣ, которую признаетъ наиболѣе удобною.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Указъ Правительствующему Сенату объ уничтоженіи орудій пытки.

9 февраля 1827 года.

«Изъ представленнаго намъ на утверженіе мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу о служиломъ сотникѣ войска Донскаго Григоріи Левицкомъ, сужденномъ за истязаніе малороссіянина Климова, усмотрѣли мы, что Климовъ посаженъ былъ Левицкимъ въ станичной избѣ въ какуюто неподвижную колоду, каковаго рода колоды узаконеніями не допускаются, и потому быть не должны. А какъ таковой произвольный способъ содержать въ неподвижныхъ колодахъ арестантовъ есть ни что иное, какъ родъ пытки;—изъ дѣла же видно, что Климовъ отъ послѣдствій сей пытки умеръ;—событіе ужасное и доказывающее совершенное небреженіе мѣстнаго начальства объ отвращеніи жестокостей;—то по сему обстоятельству повелѣваемъ Правительствующему Сенату, на строжайше подтвердить повсемѣстно, дабы никто и нигдѣ не осмѣливался, подъ предлогомъ удержанія отдаваемыхъ подъ стражу лицъ отъ побѣговъ, изобрѣтать и употреблять иныхъ способовъ наказанія или содержанія, кромѣ тѣхъ, какіе въ узаконеніяхъ опредѣлены; сверхъ того предписать начальникамъ губерній, чтобъ по осмотрѣ повсюду мѣсть, гдѣ содержатся арестанты, если окажутся еще гдѣ подобныя орудія, то ихъ истребить, подъ личною въ противномъ случаѣ отвѣтственностію гражданскихъ губернаторовъ и губернскихъ прокуроровъ».

Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова ¹⁾.

В. Г. Тепляковъ—Н. В. Кукольнику ²⁾.

22-го февраля 1837 г. ³⁾.

Вы, можетъ быть, изволите на меня гнѣваться, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Несторъ Васильевичъ, за неисполненіе обѣщанія писать вамъ съ очарованныхъ береговъ Веспора; но надобно поцѣвѣсти, подобно намъ, подъ его зачумленнымъ небомъ, чтобы вполне оправдать насъ, брошенныхъ въ среду всѣхъ 10-ти язвъ, конми Господь Богъ покаралъ вѣкогда рабовъ фараоновыхъ. Я до сихъ еще поръ почти не видѣлъ Константинополя. Отъ 4-хъ до 9-ти тысячъ жертвъ должны еженедѣльно задыхаться въ объятіяхъ черной жницы или чумы, говоря презрѣнною прозою. Теперь алчность ея начинаетъ ослабѣвать; но одному Богу извѣстно, когда зараза совсѣмъ перестанетъ скитаться по слѣдамъ челоуѣка. Однимъ словомъ—дѣло покажѣтъ шло совсѣмъ не объ ученыхъ изслѣдованіяхъ, но о томъ, какъ бы не умереть съ голоду или съ холоду, или въ непрерывной бесѣдѣ съ одною своею особой. Красны бубны за горами, гласитъ пословица. Большая притомъ разница—мимо-летний взоръ путешественника или узы прикованнаго къ здѣшнимъ мѣстамъ чинодѣя.

Какое горестное извѣстіе привезла намъ отъ васъ послѣдняя почта. Такъ, вѣтъ уже на землѣ нашего Пушкина! Сердце надрывается при мысли, какимъ образомъ и кѣмъ похищена подобная жизнь у гордив-

¹⁾ См. Русскую Старину 1896 г. № 4.

²⁾ Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (р. 1809 г. † 1868 г. въ Тагарогѣ) принадлежалъ къ числу плодovitыхъ русскихъ писателей; онъ писалъ прозою и стихами, но приобрѣлъ извѣстность своими драматическими пьесами. Лучшія произведенія его въ прозѣ заимствованы изъ русской старины.

³⁾ Съ черноваго подлинника.

шагося имъ отечества. Не оставьте, если возможно, сообщить подробности этого роковаго событія. Дошедшія о немъ сюда вѣсти до того разноголосны, что я не могу составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ узлѣ этой кровавой драмы.

Если ослабѣвающая чума (этимъ здѣсь все начинается и все оканчивается) позволить прогуливаться, наконецъ, по Стамбуду, то я обещаю вамъ со временемъ нѣсколько посильныхъ эскизцовъ, если буду, впрочемъ, увѣренъ, долетаютъ ли по крайней мѣрѣ до васъ мои грамотки, sine qua non. При этомъ случаѣ считаю за нужное вамъ сказать, что самъ Пинеагоръ не больше моего обожалъ симпатическое эхо. На этотъ конецъ благоволите препроводять свои ко мнѣ грамотки черезъ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и именно черезъ служащаго тамъ Николая Ивановича Любимова. Ради Бога повѣдайте (?) ¹⁾ о томъ, что дѣлается на родномъ Сѣверѣ и особенно въ мѣрѣ литературномъ и художественномъ. Всего же больше о вашихъ личныхъ занятіяхъ. Во время кратковременнаго нашего знакомства, первобытность вашей природы возбудила всю мою симпатію. Надѣюсь, что судьба сблизитъ насъ когда-нибудь покороче.

Не оставьте сказать отъ меня крѣпко-накрѣпко руку Бенедиктову ²⁾ и поклониться отъ всей души Ю. Н. Бартеневу. Все, повидимому, препятствуетъ мнѣ измучить нѣсколько верблюдовъ на пескахъ ливійскихъ, начертать его имя на обелискахъ луксорскихъ и помолиться за него въ Іерусалимѣ, ибо, кромѣ невѣроятнаго самоотверженія для странствованій по Востоку, мое крайне разстроенное здоровье и миллионъ другихъ препятствій возбуждаютъ въ душѣ моей неодолимую тоску по отчизнѣ.

Прощайте почтеннѣйшій Несторъ Васильевичъ; сердцемъ и душою вашъ В. Т...

В. Г. Тепляковъ—К. К. Родофиникину ³⁾.

1.

8-го января 1837 г. ⁴⁾.

Въ дополненіе къ сообщеннымъ уже министерству свѣдѣніямъ, имѣю честь представить вашему высоко-превосходительству нѣкоторыя по-

¹⁾ Это слово трудно разобрать.

²⁾ Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ, поэтъ (р. 1807, † 1873.).

³⁾ Константинъ Константиновичъ Родофиникинъ, действительный тайный совѣтникъ, былъ въ то время управляющимъ азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ умеръ 30-го мая 1838 г. на 78 году отъ роду; погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры.

⁴⁾ Съ черноваго подлинника. Приблизительно такого же содержанія

дробности проишествія, окровавившаго здѣсь, наканунѣ латинскаго новаго года, Софійскую мечеть.

Али-Риза-эффенди ¹⁾, турецкій государственный казначей присутствовалъ тамъ въ теченіе Рамазана, вмѣстѣ съ другими министрами, при вечернемъ намазѣ. Въ концѣ богослуженія, одинъ изъ предстоявшихъ протѣснился до мѣста, занимаемаго обыкновенно высшими сановниками, и пронзилъ одного изъ нихъ своимъ ятаганомъ. Въ свѣченномъ тогда же убійцѣ узнали одного изъ прежнихъ слугъ Али-Риза-эффенди, а въ его жертвѣ самого государственнаго казначея.

Судъ совершился такъ-же быстро, какъ самая кара преступленія; но его истинная причина унесена за предѣлы здѣшняго міра.

Спустя нѣсколько дней случилось мнѣ плыть въ турецкомъ яликѣ по Босфору. Занятый мысленно этимъ трагическимъ событіемъ, принялся я допрашивать о подробностяхъ его своего рейса, Османлы, надѣленнаго здравымъ смысломъ, подобно большинству правовѣрныхъ. Онъ объявилъ, что находился въ мечети при убіеніи эффенди и на площади при казни Муссы, его прежняго чегодара. «За что поднялъ онъ руку на своего господина?» За то, что сей послѣдній, любя его нѣкогда больше другихъ своихъ служителей, выслалъ внезапно изъ дому и не переставалъ преслѣдовать всѣмъ своимъ могуществомъ. Желая удалить Муссу изъ Константинополя, эффенди приказалъ вручить ему 500 піастровъ ²⁾, съ условіемъ, чтобы онъ непременно возвратился въ Лазистанъ, свою отчизну. Мусса покорился волѣ министра и только въ началѣ послѣдняго Рамазана появился снова въ столицѣ. Тамъ гоненія Али-эффенди возобновились надъ нимъ непримиримѣе прежняго, и слѣдуя по пятамъ Муссы, тѣснили его прочь отъ всякаго средства къ существованію. Приведенный въ отчаяніе, сей послѣдній посягнулъ на жизнь, его угнетавшую, съ явной увѣренностью заплатить за нее своею собственною, ибо, совершивъ убійство, не искалъ даже въ бѣгствѣ спасенія. При отрицательномъ отвѣтѣ на вопросъ: живъ ли еще эффенди, Мусса возразилъ: «воля Аллаха да совершится теперь надо мною!» Ровно черезъ 24 часа его голова откланялась туловищу.—Но какихъ свойствъ былъ этотъ Мусса?—«Самыхъ кроткихъ и миролюбивыхъ!»—А эффенди?—«Душа благая и чистая: Пророкъ да приметъ ее на свое лоно».—Вслѣдствіе чего же сей послѣдній перемѣнилъ столь внезапно на ненависть милость и столь упорно желалъ отдѣлаться цѣлымъ пространствомъ отъ прежняго своего любимца?—Кто знаетъ?

письмо было написано В. Тепляковымъ князю А. Н. Голицину; черновой списокъ его на французскомъ языкѣ сохранился въ бумагахъ В. Т.

¹⁾ Эффенди, турецкое слово, обозначающее — „господинъ“, „повелитель“.

²⁾ Піастръ=5,5 копѣйки.

Въ самомъ дѣлѣ, никто ничего не вѣдаетъ. Разстройство ли умственнаго организма, глухая ли ревность какой-нибудь гаремной страсти, или ярость обманутаго честолюбія раздули эту таинственную ненависть и воспламенили жаръ мести, переходящей, какъ извѣстно, изъ рода въ родъ между соотчичами преступнаго чегодара ..

Чума начинается мало-по-малу ослабѣвать. Въ рапортахъ обоихъ лагеретовъ (католическаго и греческаго) было показано по истеченіи предпослѣднихъ 15-ти дней 282 жертвы и только 141 въ концѣ послѣдняго полумѣсяца. Аллахъ да исполнитъ къ будущей чумѣ благое намѣреніе падишаха касательно огражденія столицы карантинами, боихъ линій должны, по слухамъ, возникнуть съ четырехъ противоположныхъ сторонъ, а именно: въ Скутари, въ Фанаракии, въ Дарданеллахъ и въ окрестностяхъ Адрианополя. Говорятъ, что султанъ назначилъ уже на этотъ ковецъ 20 милліоновъ піастровъ—предпріятіе столь благотѣльное, но неодинаково во всѣхъ частяхъ сбыточное, судя по закоренѣлости оттоманскаго фанатизма. Въ доказательство я бы не желалъ окончить письма своего, не прояснивъ его сумрачнаго начала рассказомъ о забавномъ судѣ надъ здѣшнимъ бимъ-башою и не подтвердивъ такимъ образомъ въ тысячу первый разъ неоспоримой истины, что горе и смѣхъ суть двѣ нераздѣльныя стнхія здѣшняго міра.

Бывшій сераскиръ Хозревъ-паша приказалъ начальнику расположеннаго здѣсь (въ Буюкъ-Дере) батальона сообразоваться насчетъ карантинныхъ мѣръ съ наставленіями европейскихъ министровъ, что и руководствовало до сихъ поръ всѣ операціи Мустафы-бея: окурка мусульманскихъ бородъ, гоненіе собакъ и проч., и проч. начали производиться съ такимъ усердіемъ, что комендантъ Босфора, Гафизъ-паша, вызванный воплемъ и скрежетомъ правовѣрныхъ, явился лично въ Буюкъ-Дере и, погонявъ порядкомъ бимъ-башу, приказалъ ему прекратить всѣ гяурскія хитрости. Нѣсколько выписокъ изъ корана, пригвожденныхъ къ воротамъ добрыхъ мусульманъ, казались ему талисманами, гораздо болѣе существенными. Черезъ нѣсколько дней ворота запестрѣли таковыми рецептами; но не взирая на то, о гяурившіи съ бимъ-баша не переставалъ прибѣгать къ европейскимъ средствамъ. Вслѣдствіе такого упорства былъ онъ недавно позванъ къ суду и по приказанію новаго сераскира отвѣчалъ, между прочимъ, на слѣдующіе вопросы:

- 1) Какъ онъ осмѣлился окуривать проходящихъ?
- 2) Почему, вопреки явному запрещенію корана, допустилъ тереть больныхъ солдатъ своихъ водкою?
- 3) Какъ дерзнулъ онъ осудить на смерть въ Керенъ-Бурну (батарея между Буюкъ-Дере и Тарапией) трехъ собакъ, что должно быть противно совѣсти всякаго добраго мусульманина и проч. и проч.

Отвѣтъ на это уголовное обвиненіе нисколько не уступаетъ ему въ оригинальности, вотъ онъ:

Г. Дойль, секретарь англійскаго посольства, былъ ко мнѣ присланъ отъ своего посланника съ извѣстіемъ, что эти три собаки бѣшеныя, и потому просилъ истребить ихъ. Сначала я предпочелъ удалить собакъ по получа ихъ назадъ послѣ трикратнаго изгнанія въ Азію отъ коменданта противоположнаго берега, рѣшился исполнить желаніе англійскаго посольства.

Кончилась эта знаменитая процедура перемѣщеніемъ Гафизъ-паши въ Родось и двухнедѣльнымъ арестомъ Мустафы-бея съ воспрещеніемъ мѣшаться во что бы то ни было, кромѣ обязанностей его прямой службы. Черезъ нѣсколько дней, впрочемъ, новый сераскаръ, усмотрѣвъ, вѣроятно, изъ рапорта бимъ-баши, участіе европейскихъ министровъ въ его преступленіи, позвалъ къ себѣ Мустафу-бея и осыпалъ его многоразличными привѣтствіями. Это, безъ сомнѣнія, какъ нельзя больше любезно со стороны его свѣтлости; но я конечно не осмѣлился бы наполнять письма своего подобными фарсами, если бы, соединенные съ безконечностью другихъ доводовъ, они не вели къ заключенію, что сѣмена иноземнаго просвѣщенія падаютъ здѣсь изъ горсти сѣятеля на невоздѣланную или мало имъ сродную и слѣдовательно до сихъ еще поръ непокорную почву. Много бы, впрочемъ, можно было бы сказать кое-чего объ этомъ любопытномъ предметѣ.

На дняхъ намъ сказанъ походъ въ Перу. Оттуда надѣюсь я расцвѣчать инымъ разнообразіемъ свои письма и находить предметы, больше достойные вашего ободрительнаго вниманія.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и безконечной преданности имѣю честь быть навсегда.

2.

6-го (18) февраля 1837 г. Пера ¹⁾.

Спѣшу принести вашему высокопревосходительству чувства своей новой, живѣйшей признательности за объявленное мнѣ наконецъ асесорство. Пусть множество кораблей, выплывшихъ гораздо позже изъ пристанища, оставили мою ладью давнымъ давно позади на морѣ жизни, но благопріятный вѣтеръ, округлившій нѣсколько на этотъ разъ ея паруса тѣмъ отраднѣе сердцу плователя, чѣмъ очевиднѣе драгоцѣнное участіе,

¹⁾ Съ черноваго подлинника.

склонившее наконецъ желѣзные вѣсы жребія въ его пользу. Всего-жъ утѣшительнѣе мысль, что высшая ступень общественной лѣстницы достигается не всѣми съ единой цѣлью отталкивать ближняго. Непонятно одно то, почему, вопреки высочайше дарованному мнѣ старшинству съ 1830-го года, Сенатъ считаетъ меня въ настоящемъ чинѣ только съ мая прошлаго 1836-го года. Я впрочемъ лишь мимоходомъ осмѣливаюсь касаться этого обстоятельства, ибо предаю себя безусловно столько же въ настоящемъ, сколько въ будущемъ одному внушенію вашего, милостивый государь, благодѣтельнаго къ себѣ расположенія.

Въ прошломъ письмѣ своемъ не успѣлъ я представить вашему высокопревосходительству достаточныхъ свѣдѣній о трагической смерти Али-Риза-эффенди, турецкаго министра казначейства. Предшествовавшія ей обстоятельства до того странны и поразительны, что, не взирая на свой баснословный характеръ, они кажутся мнѣ достойными вниманія ума наблюдательнаго даже по одному тому, что могутъ служить отличительной чертою народа, сохранившаго до сихъ еще поръ свою младенческую вѣру въ чудесное, главную стихію его жизни — вѣшной и внутренней.

Разсказываютъ, что наканунѣ постигшаго его бѣдствія, мудрый сонъ посвѣтилъ душу эффенди. Хазрети-Халедъ, одинъ изъ спутниковъ Мухамидовыхъ, прозванный мечемъ Божиимъ ради неимовѣрной его храбрости, предсталъ министру во всемъ своемъ грозномъ величїи и пригласилъ его къ себѣ въ гости; пенялъ, что онъ (Али-Риза) совсѣмъ позабылъ тю р б е (надгробный памятникъ), воздвигнутый ему въ Эйюбѣ. Извѣстно, что этимъ именемъ называется теперь одно изъ предмѣстій Константинополя, отъ мечети, сооруженной Мухаммедомъ II ¹⁾ на мѣстѣ, гдѣ была обрѣтена могила Эйюба, знаменосца пророкова, погибшаго во время семилѣтней осады Византіи при Іезидѣ ²⁾, первомъ халифѣ оммїадскомъ въ 52-мъ году Эгиры (672 Р. Х.). Возмущенный столь дивнымъ видѣніемъ, Али-Риза поспѣшилъ передать его на другой день своему ходжѣ. Должно замѣтить, что каждый почетный турокъ, не исключая даже самого султана, имѣетъ своего х о д ж у (чтеца, наставника, и вмѣстѣ нѣчто въ родѣ древняго vates). Ходжа истолковалъ Али-Риза-эффенди его сонъ не въ добрую сторону и совѣтовалъ отправить немедленно к у р б а н ъ (умилостивительную жертву) на могилу Халеда. Али-Риза-эффенди отозвался желаніемъ поклониться лично гробу святаго и, занятый этой мыслью, поѣхалъ къ вечернему н а м а з у въ храмъ св. Софіи. Тамъ, у входа въ мечеть, одинъ престарѣлый нищій остано-

¹⁾ Магомедъ II—завоеватель Константинополя (1453 г.).

²⁾ Іезидъ (Езидъ) халифъ изъ династіи Омейядовъ, сынъ Моавія, царствовалъ съ 680—683 по Р. Х.; онъ убилъ Гуссейна, сына Али.

вилъ его просьбой о подаваніи. Терзаемый какимъ-то неотразимымъ предчувствіемъ, Али-Риза вынулъ моментально пзъ-за пазухи цѣлую горсть мелкой золотой монеты и наполнилъ ею простертую руку нищаго. Столь неожиданное благополучіе привело сего послѣдняго въ изступленіе такого восторга, что (онъ) успѣлъ только вымолвить: «Аллахъ да наспошлетъ тебѣ вѣнецъ ше х и да (мученика вѣры!)» Предстоявшій убійца не проронилъ этого желанія и совершилъ злодѣйство, оправдывая его между прочимъ намѣреніемъ доставить оффенди вѣнецъ ше х и да въ самую душеспасительную для него минуту. Вслѣдствіе столь благого произволенія вымолилъ онъ отъ сераксир-паша обѣщаніе предать землѣ его казенное тѣло, обреченное морскимъ волнамъ по приговору закона. Такъ кончилось это изумительное событіе. Ровно черезъ двое сутокъ послѣ вѣщаго приглашенія Халедова, Али-Риза-оффенди покоится не вдалекѣ отъ его тюрбе на кладбищѣ Эйюбской мечети. Если трудно утвердить это роковое сдѣяніе обстоятельствъ на какомъ бы то ни было рациональномъ основаніи, то можно ли, съ другой стороны, отказать ему въ мѣстѣ подлѣ тѣхъ происшествій, которыя ускользаютъ въ исторіи отъ всякаго анализа умственной нашей гимнастики и не подобному ли сновидѣнію былъ, между прочимъ, обязанъ завоеватель Мухаммедъ II одной изъ самыхъ блистательныхъ побѣдъ своихъ въ Азіи!

Недавно привезенъ сюда плѣнный Ревендись-бей, начальникъ одной изъ Курдинскихъ таифъ, или обществъ, кочующихъ на границѣ Персіи, въ пашалыкѣ Багдадскомъ. Взятъ онъ, говорятъ, главнокомандующимъ таврской арміею, покойнымъ Решидъ-пашою, вслѣдствіе жалобъ персидскаго правительства на разбой курдинцевъ. Свиту Ревендись-бея составляютъ между прочимъ около 80-ти лошадей, навьюченныхъ по слухамъ большею частью золотомъ. Съ ними вмѣстѣ прибыло также 60 лошадей съ имуществомъ умершаго Решада, коего султанъ Махмудъ II есть самый прямой и законный наслѣдникъ. Относительно его особы рассказываютъ, что, по смерти отца его, подданные или вассалы бея не хотѣли признать надъ собой его власти подъ предлогомъ, что онъ одаренъ слишкомъ слабымъ характеромъ для управленія народомъ, столь воинственнымъ, и больше, нежели сомнительной храбростью для участія въ ихъ удаельствѣ и опустошеніяхъ. На первый пунктъ этого обвиненія, Ревендись-бей отвѣтствовалъ, что время покажетъ, умѣлъ ли онъ учить слушниковъ плясать съ веревочнымъ ожерельемъ на воздухѣ; касательно же своей личной твердости духа, Ревендись разсудилъ за благо послѣдовать примѣру неустрашимаго римлянина, вырвавъ одинъ изъ своихъ собственныхъ глазъ и бросивъ его передъ, окаменѣлое столь мужественнымъ поступкомъ, собраніе. Все это заставляетъ нѣсколько сомнѣваться въ совершенной точности разсказа автора «Исторіи воен-

ныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи¹⁾ касательно демократическаго управленія тайфъ курдинскихъ и политической ничтожности ихъ предводителей. Извѣстно, что народъ сей, принадлежащій большею частью къ расколу Іезидовъ, раздѣляетъ уваженіе знаменитой леди Стенгопъ къ злему духу. Языкъ и вѣра курдинцевъ ожидаетъ еще ученыхъ изслѣдованій, которыя, по словамъ приведеннаго писателя, могли бы озарить Азію новымъ свѣтомъ. Таковыя изслѣдованія тѣмъ заманчивѣе, что, кромѣ свидѣтельства Ксенофонта и римскихъ историковъ, г.г. Клапротъ и Малькольмъ²⁾ указываютъ намъ въ Шахъ - Наме, извѣстной эпопеей Фирдоуси, на любопытный мифъ о древнемъ происхожденіи курдинцевъ. Поэтъ говоритъ, что Зочукъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, еврейскій Нимродъ, умершій 1790 лѣтъ послѣ потопа) убилъ, наущенный злымъ духомъ, отца своего Мурдаса и рѣшился, вопреки религиозному запрещенію, употреблять мясную пищу. За доставленіе ему этого наслажденія сатана просилъ дозволеніе подѣловать Зочука въ плечи. Едва уста лукаваго къ нимъ прикоснулись, какъ вдругъ два змѣя, свиста возникли изъ плечъ Зочука. Полагали, что онъ погибнетъ немедленно отъ ихъ жала; но демонъ, явившійся въ образѣ лекаря, увѣрилъ царя, что ему совершенно нечего страшиться, если только змѣи будутъ питаться мозгами человѣческими. Это лекарство произвело желаемое дѣйствіе. Изъ двухъ ежедневныхъ жертвъ одна была спасаема и отправляема въ горы царскимъ поваромъ. Эти-то, избавленные отъ гибели, образовали впоследствии племя курдинцевъ и проч.

Здѣшнія насущныя новости не представляютъ покамѣстъ ничего особенно замѣчательнаго. О послѣдствіяхъ Триполискаго³⁾ событія нѣтъ еще никакихъ слуховъ. Вашему высокопревосходительству извѣстны уже, вѣроятно, подробности чумы, закравшейся въ чертоги нашихъ дипломатовъ. Слава Богу, что изъ этого не вышло ничего губельнаго. Другая здѣшняя новость есть похищеніе брильянтовъ Капитанъ-паши и пытка, выдержанная по сему случаю его челядинцами. Все это кончилось смертью одного молодаго грека, любимца Агмедова, уличеннаго въ воровствѣ и застрѣленнаго собственноручно Капитанъ-пашею.

¹⁾ „Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ“. Соч. Ушакова. 3 ч. Спб. 1836.

²⁾ Малькольмъ—дипломатъ и англійскій историкъ († 1833), написалъ много важныхъ сочиненій, касающихся исторіи Востока.

³⁾ Когда въ г. Триполи султаномъ былъ назначенъ намѣстникъ, Рауфъ-паша, то мѣстныя партіи, недовольныя своимъ зависящимъ положеніемъ отъ султана, подняли возстаніе, которое только черезъ вѣсколько мѣсяцевъ было усмирено появленіемъ турецкаго флота передъ этимъ городомъ.

Американецъ Броунъ, заключившійся добровольно въ одномъ изъ здѣшнихъ чумныхъ лазаретовъ для наблюденій надъ свойствами заразы, оставилъ на дняхъ въ вождѣнномъ здравіи гнѣздище этой ужасной болѣзни и объявилъ, что достаточно ознакомился съ ея симптомами для употребленія лекарства своего брата, предохранительнаго отъ чумныхъ міазмовъ, но отнюдь не исцѣляющаго зараженныхъ, по его собственнымъ словамъ.

Французскія газеты толкуютъ о появленіи своихъ пароходовъ въ здѣшнихъ водахъ около будущаго марта мѣсяца; члены здѣшняго французскаго посольства говорятъ, что едва ли это предпріятіе осуществится даже къ концу іюля. Англичане назначаютъ сюда равномерно, по свидѣтельству смирской газеты, нѣсколько огромныхъ пароходовъ. Говорятъ, что австрійское пароходное плаваніе по Дунаю грозитъ также расширить кругъ своей дѣятельности. Какое раздолье для коммерціи и для толпы праздношатающихся по обширному Божьему міру!

Миссія представляла уже вѣроятно министерству подробности отбытія лорда Понсонби ¹⁾ въ Англію (со) всей надлежащей отчетливостью.

За всѣмъ тѣмъ, крайне ослабѣвшая чума не перестаетъ еще напоминать намъ отъ время до времени о своемъ здѣсь существованіи. Недавно переселеніе въ Перу возбуждаетъ во мнѣ надежду разнообразить болѣею занимательностью свои донесенія, если только горестное положеніе моего разстроеннаго въ конецъ здоровья не пересилитъ милліона другихъ окружающихъ меня затрудненій.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія...

3.

4-го (16) мая 1837 г. Аенны ²⁾.

Можетъ быть вашему высоко-превосходительству уже извѣстно, что константинопольской нашей миссіи угодно было отправить меня въ концѣ прошлаго марта курьеромъ въ Грецію. Нѣтъ сомнѣнія, что знакъ столь обязательнаго вниманія былъ бы для меня еще драгоцѣннѣе, если

¹⁾ Лордъ Понсонби — англійскій дипломатъ; онъ былъ назначенъ въ 1832 г. посломъ отъ англійскаго правительства въ Константинополь въ то самое время, когда въ Лондонѣ появила ошибку въ томъ, что оставили Порту безъ помощи въ войнѣ съ Мегмедомъ-Али.

²⁾ Съ черноваго подлинника.

бы отдалили отъ Стамбула во всякое другое время года, кромѣ того, въ которое слабость чумы заставляетъ сближаться съ предметами, большею частью непреступными по причинѣ ея свирѣпости. Ознакомленный кромѣ того довольно коротко съ Эладой еще прежнимъ своимъ путешествіемъ ¹⁾, я долженъ признаться, что не безъ сожалѣнія простился съ надеждой извлечь наконецъ какую-нибудь пользу изъ своего пребыванія въ Константинополѣ. Впрочемъ, какъ бы то ни было—вотъ уже слишкомъ мѣсяць, какъ я обитаю подъ небомъ Аттика, въ ожиданіи своего обратнаго отправленія. Вмѣняю себѣ, между тѣмъ, въ обязанность представить вашему высоко-превосходительству нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій надъ Афинами древними и современными.

Возстановленіе храма побѣды, составляющаго лѣвое крыло Пропилей, поразило меня, вмѣстѣ съ очисткой сего послѣдняго зданія отъ массы постороннихъ стѣнъ и пристроекъ, совсѣмъ не той подавляющей красотой и величіемъ, которыми я столько удивлялся въ 1834 г. Самое замѣчательное слѣдствіе этихъ работъ есть открытіе одной изъ Каріетидъ, которой существованіе предполагалось до сихъ поръ въ Римѣ, по мнлости копія, выдававшейся тамъ же за подлинникъ. Всѣ эти статуи за исключеніемъ одной, похищенной Л. Эльгиномъ, будутъ вмѣстѣ съ архитектурными обломками поставлены по мѣстамъ, сообразно съ обозначеніемъ Павзанія и другихъ древнихъ писателей. Множество другихъ статуй, вазъ, барельефовъ, мраморовъ съ надписами и проч. отысканы со времени послѣдняго моего путешествія въ Грецію. Образцы, современнаго Периклу ваанія и зодчества, многія изъ этихъ драгоценностей открыты станутъ, безъ сомнѣнія, на ряду съ тѣми извѣстными памятниками древности, которыми Италия привлекаетъ къ себѣ путешественниковъ, и по своей исторической важности обогатятъ археологію свѣдѣніями, которыя будутъ, вѣроятно, не совсѣмъ бесполезны для новѣйшихъ наукъ и художествъ. Жаль только, что вещественныя средства здѣшняго правительства столь несорази́мны съ его просвѣщенною любовью къ ваящому.

Новый королевскій дворецъ, котораго до сихъ поръ существуетъ одинъ фундаментъ и начало нижняго этажа, поразило меня, впрочемъ, столько же огромностью своего основанія, сколько ослѣпительнымъ блескомъ пантеліскаго мрамора, долженствующаго составить всѣ колонны, пилястры, карнизы и внутреннюю отдѣлку зданія. Принятый для него

¹⁾ В. Г. Тепляковъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1834 г. по порученію графа Воронцова совершилъ путешествіе по Турціи и Греціи. О пребываніи въ послѣдней сохранился путевой дневникъ, въ которомъ не мало интересныхъ свѣдѣній о древностяхъ классической Греціи, со снимками надписей съ античныхъ мраморовъ.

ионійско-дорическій орденъ зодчества заимствованъ у древнихъ храмовъ, вѣнчавшихъ вершину Акрополиса. Счастливымъ выборомъ мѣстности соотвѣтствуетъ вполне будущей красотѣ чертоговъ, коихъ главный фасадъ господствуетъ надъ всей панорамой города, надъ опоясывающей его оливковой рощею, надъ всѣмъ горизонтомъ, прегражденнымъ цѣпью горъ, въ концѣ залива Аеинскаго.

Что могу я сказать вамъ, милостивый государь, о современныхъ Аеинахъ и нестройности, противоборствующей здѣсь успѣхамъ общественнымъ. Физиономія Греціи сохраняетъ, повидимому, все прежнее выраженіе ненависти къ ея баварскимъ полкамъ и чиновникамъ. Ихъ продолжаютъ почитать главнымъ источникомъ этой политической болѣзненности, на которую каждый здѣсь жалуется. Господствующее мнѣніе превозноситъ устройство правительственной машины въ совершенномъ разногласіи съ коренными народными потребностями; государственные доходы въ пущемъ, нежели когда-нибудь, разладѣ съ расходами, между тѣмъ какъ налоги на внутреннюю промышленность, пошлины на товары привозные возрастаютъ по мѣрѣ уменьшенія денежныхъ оборотовъ. Нѣсколько возникшихъ въ городѣ и въ Пирей домиковъ, нѣсколько встрѣчаемыхъ тамъ лавокъ и магазиновъ, нѣсколько дорогъ, проложенныхъ вокругъ столицы, не ручаются почти нисколько за прочность передвиженія вещей, за ту общественную довѣренность, которая благопріятствовала бы иммиграціи—главному условію народнаго благосостоянія въ странѣ, столько же плодородной, сколько бѣдной жителями. Г. Рутгардъ, которому я былъ представленъ съ самого своего прибытія въ Грецію, кажется полнымъ искренняго стремленія къ ея пользамъ; но сколько трудовъ потребно для окончательнаго примиренія партій, перешедшихъ, повидимому, отъ прежнихъ бурь къ изворотамъ глухихъ интригъ, разъединяющихъ составъ политическій! Жажда порядка проявляется, впрочемъ, довольно сильно между большинствомъ жителей, ибо увѣряютъ, что самые заклятые враги покойнаго президента жалѣютъ о немъ до того, что начинаютъ служить панихиды за упокоеніе его души, неразгаданной отъ ослѣпленія. Замѣчательно, между прочимъ, что во время недавняго землетрясенія въ Идрѣ народъ не переставалъ его приписывать толчкамъ, которыми Каподистрія преслѣдуетъ Мавромихали въ земной утробѣ.

На дняхъ имѣлъ я честь быть представленнымъ королю и королеві Греціи. Его величество удостоилъ между прочимъ воспоминаніемъ, что видѣлъ уже меня тому назадъ два года у себя въ Навплии. Относительно же королевы всѣ похвалы ея очаровательной наружности отступаютъ далеко отъ существенности. Говорятъ, что ея внутреннія качества не уступаютъ вѣшнимъ ни умомъ, ни любезностію.

Переходя съ вершины Акрополиса во дворецъ короля Оттона, изъ

плѣнительной Кифисіи (древнее сельское убѣжище правителей Аттики, Екатеринбургъ нынѣшнихъ Аѳинъ) къ обрядамъ дипломатическимъ, вчера попалъ я на открытіе новаго аѳинскаго университета. Послѣ обыкновеннаго молебствія пять ораторовъ произнесли королю, присутствовавшему на устроенномъ для него возвышеніи, пять рѣчей, превыспреннихъ, какъ увѣряютъ, единственно по ихъ неизмѣримой длиннотѣ и надутости. Великія имена Фермопилъ, Саламина, Мараеона и проч. звучали ежеминутно въ соединеніи съ терминами, болѣе микроскопическими, со всѣми школьными снарядами математики, логики и риторики. Король произнесъ риторическій отвѣтъ свой по-гречески.

Не слишкомъ яркимъ блескомъ поражаетъ путешественника и здѣшняя публика, а наступающіе жары грозятъ растопить ее совершенно. Домъ нашего министра, полного увлекательной вѣжливости сердца, которая столь предпочтается условіямъ свѣтской любезности, составляетъ едва ли не единственное сборное мѣсто аѳинскаго общества.

Не знаю, удастся ли мнѣ порыскать снова по Греціи. Знакомый впрочемъ довольно хорошо съ нѣкоторыми ея частями, я не слишкомъ ропщу въ отношеніи къ самому себѣ на чуму, завезенную въ Паросъ пришедшимъ изъ Сиріи судномъ. Увѣряютъ, между тѣмъ, что появленіе заразы ограничилось однимъ усугубленіемъ карантинныхъ предосторожностей по всѣмъ островамъ и берегамъ Греціи.

А. О. Шидловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два письма князя Александра Ивановича Чернышева къ В. И. Фрейгангу.

1.

С.-Петербургъ 11 (23) іюля 1817 г.

Я никакъ не хочу упустить перваго удобнаго случая, не выразивъ вамъ благодарности за всѣ тѣ доказательства дружбы, которыя вы мнѣ оказали во время моего пребыванія въ Брюсселѣ; повѣрьте, что мое сердце умѣетъ ихъ цѣнить по достоинству; кажется нами остались очень довольны въ Парижѣ. Судя по письму Поццо (ди Борго) ко мнѣ, все будетъ зависѣть отъ того, на сколько добросовѣстно исполнять у насъ то, что нами обѣщано. Я вручилъ вашъ мемуаръ его величеству и говорилъ ему о всѣхъ, какъ думаю, и ручаюсь, что вамъ болѣе и желать нечего. Я ему сообщилъ, что мы будемъ съ вами въ перепискѣ, что, казалось, ему доставило удовольствіе; теперь, когда онъ изъявилъ согласіе показывать ему то, что вы мнѣ будете писать, вы должны въ своихъ письмахъ подробно и правдиво излагать все то, что можетъ обращать его вниманіе; старайтесь всегда ясно отличать все достовѣрное отъ однихъ предположеній; при характерѣ государя это необходимо. Его величество согласился на просьбу генерала Фуля относительно его желанія какъ для себя, такъ и для васъ, и пока вы получите небольшое пособіе, которое вамъ не зачтется въ награду. Я самый счастливый человѣкъ подлѣ моей жены, которая красивѣе, нежели когда-либо; она была восхищена всѣмъ тѣмъ, что я ей привезъ, и любить меня все болѣе и болѣе, какъ она сама выразила на подаренной мнѣ ею печати. Я жду съ нетерпѣніемъ музыкальную тетрадь, которую Югансонъ долженъ привезти изъ Парижа. Пишите мнѣ часто о принцѣ (Оранскомъ), старайтесь его видѣть и быть посредникомъ того, что онъ пожелаетъ передать мнѣ; будьте впрочемъ предусмотрительны въ предположеніяхъ, которыя вы сдѣлаете на его счетъ, если бы онъ нарушилъ свои обѣщанія; скажите ему также, что считаютъ весьма важнымъ возвращеніе извѣстнаго письма. Прощайте, мой дорогой другъ; то что я вамъ пишу, не имѣетъ ни начала, ни конца; отвѣчаю вамъ за одно, что люблю васъ отъ всего сердца и весь вашъ А. Чернышевъ.

Извините за мое маранье; спѣшу въ Царское Село. Мое почтеніе вашей женѣ и поклонъ вашему сыну.

Пишите мнѣ о графѣ де Ко и о принцѣ Августѣ. Получилъ ваше письмо.

2.

С.-Петербургъ 16 (28) января 1818 г.

Я получилъ, къ моему большому удовольствію, нѣсколько вашихъ писемъ, мой любезный Фрейгангъ; я ихъ всё показывалъ государю и многія изъ нихъ имѣли счастье заслужить его одобреніе, тѣмъ болѣе, что вы предвидѣли событія и ихъ намъ сообщили почти прежде, нежели мы ихъ получили официально. Прошу васъ продолжать мнѣ писать; вѣрьте, что хотя я и лѣнивъ противъ васъ, тѣмъ не менѣе вы занимаете мѣсто въ моемъ сердцѣ, и я вамъ искренно преданъ. Я предлагалъ здѣсь оставить васъ постоянно въ Брюсселѣ съ увеличеніемъ вамъ содержанія. Вы могли бы тамъ слѣдить за многими и сообщать ваши наблюденія министру и двору, между тѣмъ какъ ваше пребываніе въ Гагѣ очень мало выгодно во всѣхъ отношеніяхъ ¹⁾. Каподистрія понялъ мою мысль, но Нессельроде ей воспротивился, не знаю почему; надѣюсь, что будущю осенью мы увидимся, когда великіе политическіе интересы насъ приближать къ Рейну ²⁾. Я написалъ принцу Оранскому два письма, которыя мнѣ продиктовала моя преданность къ нему; не знаю, будетъ ли онъ ими доволенъ, но на его мѣстѣ я бы смотрѣлъ на нихъ, какъ на самыя сильныя доказательства моей къ нему привязанности. Прощайте, мой любезный другъ, простите за мое маранье, я очень тороплюсь; только что пріѣхалъ сюда на двѣ недѣли съ государемъ. Преданный вамъ сердцемъ и душою А. Чернышевъ.

Мое почтеніе вашей женѣ и поклонъ вашему сыну. Засвидѣтельствуйте мое усерднѣйшее высокопочитаніе принцу (Оранскому) и передайте мой дружескій поклонъ Фулю

Сообщилъ А. В. Фрейгангъ.

¹⁾ Для удовлетворенія интересовъ и самолюбія какъ голландцевъ такъ и бельгійцевъ, нидерландскій дворъ, со всѣми министрами и съ дипломатическимъ корпусомъ, пребывалъ попеременно годъ въ Гагѣ, и годъ въ Брюсселѣ. Изъ предложенія А. И. Чернышева видно, что онъ уже тогда придавалъ особенный вѣсъ Брюсселю и недоувѣрялъ Бельгій, которая 12 лѣтъ спустя отложила отъ Голландіи.
А. Ф.

²⁾ Конгрессъ въ Ахенѣ происходилъ въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ 1818 г.
А. Ф.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1896 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Императоръ Николай I въ 1828—1829 гг.
(Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа).
Гл. II. (Окончаніе). Сообщ. Н. К. Шильдеръ 3—27
- II. Воспоминанія, мысли и признанія челоѵка,
доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина. Гл. XVII—XIX . 201—226
- III. Записки Михаила Чайковскаго. Перевела
съ польскаго В. В. Тимошукъ. Гл. XII—
XIV. стр. 367—404, 647—659
- IV. Петръ Ильичъ Чайковскій. Ив. Липаева. 545—552

Портреты.

- I. Портретъ Виктора Григорьевича Теплякова. Грав. К. Адтъ.
(При 7-й книгѣ).

II. Портретъ графини Роксандры Скарлато-
вны. Эдлингъ. Грав. К. Адтъ.
(При 8-й книгѣ).

III. Портретъ Егора Егоровича Замыслов-
скаго. Грав. К. Адтъ.
(При 9-й книгѣ).

**Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Раз-
сказы, матеріалы и замѣтки.**

	страниц.
I. Попытки къ заведенію торговли Россіи съ Японіей въ 1791 г. сообщ. Нараяновичъ.	28
II. Россія и Англія въ Турціи въ 1877—1878 гг. Гл. II—III.	31—44, 295—311
III. Князь В. А. Черкасскій и гражданское управ- леніе въ Болгаріи 1877—1878 гг. Окончаніе Д. Г. Анучина.	стр. 45—81, 231—254
IV. Приказъ помѣщицы П. М. Черниковой о выборѣ рекрутъ. Сообщ. кн. А. Л. Голицынаъ	82
V. Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину (1830—1833 гг.)	83—98
VI. Основаніе русскаго флота. Историческій очеркъ Професс. Дм. Цвѣтѣева.	99—112
VII. Замѣтки о домѣ Романовыхъ. Г. М.	113—117
VIII. Замѣтки о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуй- скихъ. Г. М.	118—125
IX. Высочайшій указъ отъ 8 мая 1801 г. о снятіи амбарго съ англійскихъ судовъ	126
X. Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Гл. I—VIII.	стр. 127—152, 323—348, 591—615
XI. Густавъ IV и вел. княжна Александра Па- вловна 1794—1796 гг. Гл. VI—VII. Барона Н. В. Дризена.	стр. 153—162, 349—366, 627—645
XII. Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга третья.	163—199, 423—443

XIII.	Указъ изъ С.-Пет. Губерн. Правленія объ именованіи прапорщика Шервуда — Шервудъ-Вѣрнымъ.	200
XIV.	Два письма по поводу кончины императора Николая I, отъ 25 февраля 1855 года.	255
XV.	Духоборцы, ихъ ученіе, организація и настоящее положеніе: 1) вѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ** 2) Правда о духоборцахъ М. Тебенъкова . . . стр. 257—293,	493—526
XVI.	Графъ М. М. Сперанскій въ Тюмени	294
XVII.	Къ біографіи Θεодосія архіепископа новгородскаго Сообщ. А. Подвысоцкій . . .	312
XVIII.	Два письма изъ эпохи Восточной войны 1853—1856 гг. А. Гирса . . .	313—322
XIX.	Графиня Р. С. Эдлингъ въ письмахъ къ В. Г. Теплякову А. Θ. Шидловскаго . . .	405—422
XX.	Къ характеристикѣ нравовъ въ XIX вѣкѣ. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ . . .	444
XXI.	Сперанскій и два Никитина. Проф. В. Бильба-сова . . .	445—447
XXII.	О ввозѣ иностр. книгъ въ Россію; Высочайшій указъ князю Голицыну 18 августа 1802 г.— Письмо Н. Н. Новосильцева Θ. И. Шуберту отъ 5 сентября 1804 г. . . .	448
XXIII.	Поправка къ статьѣ «Т. Гр. Шевченко въ Астрахани». А. Конисскаго . . .	449—450
XXIV.	Борьба академикомъ съ директоромъ С. Г. Домашневымъ. Академ. К. С. Веселовскаго.	457—492
XXV.	Графиня Анна Орлова-Чесменская и архимандритъ Фотій: 1) Письмо крестьянъ графини Орловой-Чесменской « » янв. 1826 г. Сообщ. А. А. Комовская; 2) Къ біографіи Фотія. Сообщ. А. Слезкинскій . . .	527—540
XXVI.	Императоръ Павелъ I въ своихъ письмахъ и распоряженіяхъ. Сообщ. Н. В. Дризень и Е. В. Чешихинъ.	541—544
XXVII.	Изъ Семейной хроники Льва Павлищева.	553—572
XXVIII.	Александръ Семеновичъ Шишковъ и двѣ всеподданнѣйшія его записки. . . .	573—589
XXIX.	Письмо католикоса всѣхъ армянъ Нерсеса кн. Дмитрію Ивановичу Долгорукову отъ 6 марта 1854 года	590

XXX.	Письмо князя А. Н. Голицына М. М. Сперанскому отъ 16-го января 1819 г. Сообщ. акад. А. Ѳ. Вычковъ	страниц. 616
XXXI.	Егоръ Егоровичъ Замысловскій	617—620
XXXII.	Наставленія по поводу сбора милиціи въ 1806 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ	621—625
XXXIII.	Запрещеніе историографу Миллеру заниматься генеалогіей. Сообщ. акад. К. С. Веселовскій.	626
XXXIV.	Рескриптъ императора Александра I-го о свободныхъ хлѣбопашцахъ отъ 9-го іюня 1805 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ	646
XXXV.	Указы Правительствующему Сенату объ уничтоженіи орудій пытки отъ 9 февраля 1827 г.	660
XXXVI.	Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова. А. Ѳ. Шидловскаго	661—672
XXXVII.	Два письма князя Александра Ивановича Чернышева къ В. И. Фрейгангу	673

Библиографическіе указатели.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 года. стр. 227—230, 451—455.

Библиографическій листокъ.

1. Д. И. Иловайскаго мелкія сочиненія, статьи и письма. Выпускъ второй. Москва. 1896 г. Н. К.-ш.-а. (на оберткѣ іюльской книги).
2. Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая бібліотека. Ф. Павленкова. В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ М. А. Протопопова Н. К.-ш.-а (тамъ же).
3. Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова. Н. К.-ш.-а (тамъ же).
4. Императоръ Александръ II Освободитель въ памяти своего народа.— По поводу открытія памятника Александру II въ Казани. 30 августа 1895 г. проф. А. А. Царевскаго. Казань 1896 г. Н. К.-ш.-а. (на оберткѣ августовской книги).
5. Л. М. Савеловъ. Родъ дворянъ Савеловыхъ. (Савеловы). Москва. 1895 г. Напечатано въ количествѣ 150 экз. Н. К.-ш.-а (тамъ же).

6. Сочиненіе Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописами автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихоновымъ и Владиміромъ Шенрокомъ. Съ приложеніемъ портрета Н. В. Гоголя, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и трехъ снимковъ съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя. Томъ VI. Москва и Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1896 г. 832+VIII. Цѣна 3 руб. Н. К.-ш.-а (на оберткѣ сентябрьской книги).
7. То-же. Томъ VII. Съ приложеніемъ собственноручныхъ рисунковъ Н. В. Гоголя: портрета Пушкина и домиковъ Гоголя. Спб. 1896 года. 1090+V. Цѣна 3 руб. 50 коп. Н. К.-ш.-а. (тамъ же).

Съ 1-го сентября 1896 года, въ г. НЬЮ-ІОРКЪ Сѣверо-Восточной Америки
будеть издаваться новый журналъ

„ПРАВОСЛАВНЫЙ АМЕРИКАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

(Органъ православный американской миссіи).

Болѣ важныя и существенныя статьи будутъ печататься
въ два текста—русскій и англійскій—параллельно.

Журналъ будетъ выходить дважды въ мѣсяцъ,—каждаго 1-го и 15-го
числа. Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ три доллара, въ Россіи
шесть (6) рублей съ пересылкой.

Подписка принимается — въ Америкѣ: **America. New York
City, 323 second avenue, Reverend Alexander Hotovitzky.**

Въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція «Церковнаго Вѣстника» — для
перевода въ Нью-Іоркъ. Статьи и корреспонденціи направлять
исключительно по первому адресу.

Соотвѣственно задачамъ Русской Православной Миссіи въ Аме-
рикѣ, нашъ журналъ имѣетъ цѣлю: возвѣщать въ инославной средѣ
догматическую и историческую правду Православія, какъ путемъ ра-
скрытія положительнаго ученія церкви, такъ и путемъ разъясненія и
опроверженія заблужденій противниковъ. Защищать правоту русскаго
православнаго дѣла отъ непріязненныхъ выходовъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ
газетъ, враждебно относящихся къ успѣхамъ русскихъ миссіонеровъ
въ этой странѣ. Всѣмъ православнымъ—переселенцамъ изъ «Ста-
раго края» внушать чувства любви и преданности своей вѣрѣ и ро-
динѣ, воодушевляясь которыми они могли бы не только противостоять
неблагопріятному вліянію окружающей инославной среды, но и сами—
вліять на нее. Приобщая путемъ печати душу и сердце этихъ людей къ
жизни роднаго народа,—одновременно и въ читателяхъ Стараго Свѣта
вызывать участіе къ жизни и быту ихъ далекихъ земляковъ. Посте-
пенно знакомить мѣстныхъ иностранныхъ читателей—американцевъ съ
дѣйствительнымъ типомъ русскаго человека, съ духомъ и обычаями
русской страны, поселяя въ американской средѣ—на мѣсто предубѣ-
жденія—симпатіи къ нашему родному народу...

Начиная изданіе въ скромныхъ размѣрахъ, редакція «Православна-
го Американскаго Вѣстника» твердо убѣждена, что сочувствіе лицъ,
которымъ близки интересы русскаго православнаго дѣла вообще, облег-
читъ тѣ исключительныя трудности, съ которыми неизбѣжно сопряжено
изданіе русскаго журнала за границей,—подаритъ ей читателей и со-
трудниковъ и позволитъ, такимъ образомъ, постепенно расширять про-
грамму журнала и тѣмъ самымъ—возводить дѣло отъ малаго къ большому.

Редакторъ, Настоятель Русской церкви въ г. Нью-Іоркѣ,

Священникъ А. ХОТОВИЦКІЙ.

поддѣлкія „Рецензіи, написанныя для „Современника“.

Далѣ помѣщена „Коласка“ въ первоначальной редакціи, которая замѣтно отличается отъ печатныхъ редакцій, начиная съ первой помѣщенной въ „Современникѣ“ 1836 года. „Особенно подвергалось передѣлкѣ, — по замѣчанію В. И. Шенрока, — описаніе послѣобѣденнаго настроенія и разговоръ всего общества, собравшагося у генерала, послѣ приглашенія Чертокудникъ къ себѣ какъ генераловъ, такъ и офицеровъ; здѣсь въ значительной степени переработана цѣлая страница рукописнаго текста“.

Изъ переводныхъ статей Гоголя въ VI томѣ помѣщена комедія „Сганарель, или мужъ, думающій, что онъ обманутъ женою“ (Sganarel, ou le mari imaginaire), соч. Мольера, которое какъ и „Дядька въ затруднительномъ положеніи“ (Z'ajo nell'imbarazzo); соч. Джіованни Жиро¹⁾, была переведена Гоголемъ для М. С. Щенина. Первоначально переводъ комедіи Мольера былъ сдѣланъ друзьями Щенина, но Гоголь взялся исправлять этотъ переводъ и передѣлалъ почти каждую фразу.

За небольшою статью о Мериме слѣдуетъ: „Учебная книга словесности для русскаго юношества“ и „1846 годъ“ — небольшая записка, которая, — какъ предполагаетъ г. Шенрокъ, — Гоголь имѣлъ обыкновеніе писать предъ наступленіемъ каждаго новаго года, высказывая въ нихъ мечты и желанія вмѣстѣ съ мольбою объ ихъ исполненіи.

По содержанію статьи „О сословіяхъ въ государствѣ“ видно, что этотъ набросокъ принадлежитъ къ послѣднимъ годамъ литературной дѣятельности Николая Васильевича. „Объявленіе объ изданіи русскаго словаря“ написано не ранее 1847 года, такъ какъ въ этомъ объявленіи Гоголь упоминаетъ о „Словарѣ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ“, вышедшемъ въ 1847 году. Послѣ отрывковъ и набросковъ разныхъ лѣтъ редакторомъ помѣщенъ полный текстъ карманныхъ записныхъ книжекъ Н. В. Гоголя и наконецъ примѣчанія и варианты.

Вотъ содержаніе шестаго тома. Что касается внѣшности изданія, то мы не погрѣшимъ, если назовемъ его образцовымъ: книга напечатана крупнымъ, четкимъ шрифтомъ

и на хорошей бумагѣ. Къ этому тому приложены: портретъ Гоголя, граверованный Врокгаузомъ, и три снимка собственноручныхъ рисунковъ Николая Васильевича, относящихся къ послѣдней спѣнѣ „Ревизора“.

То же. Томъ VII. Съ приложеніемъ собственноручныхъ рисунковъ Н. В. Гоголя: портрета Пушкина и домиковъ Гоголя. СПб. 1896 г. 1090+V. Цѣна 3 р. 50 к.

Седьмымъ томомъ заканчивается собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Въ этомъ томѣ помѣщены „Мертвая душа“, а именно: первая и вторая полныя редакціи перваго тома; сохранившіеся отрывки изъ первоначальной редакціи; страницы, передѣланныя Гоголемъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома; размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома; вновь найденныя страницы изъ второй части и новыя наброски изъ первой части.

Такъ какъ „Мертвая душа“ представляютъ собою еще неокончательно выработанный матеріалъ, исправлять который было бы противно цѣлямъ изданія, не допускавшаго никакихъ произвольныхъ измѣненій — то В. И. Шенрокъ, слѣдуя авторитетному примѣру Н. С. Тихонова, при которомъ были уже набраны¹⁾ двѣ первые полныя редакціи „Мертвыхъ душъ“, — вполне сохранилъ текстъ этихъ черновыхъ редакцій даже и тамъ, гдѣ онъ является испорченными.

Вслѣдъ за примѣчаніями редактора и вариантами, занимающими болѣе трети книги, помѣщены: описаніе рукописей, хронологическій и четыре алфавитныхъ указателя (два — собственныхъ именъ и два предметные); при чемъ указатели къ тексту отдѣлены отъ указателей къ примѣчаніямъ и вариантамъ. Въ эти указатели всѣ названія лицъ и предметовъ внесены въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ каждомъ данномъ мѣстѣ Гоголевскаго текста, а также текста примѣчаній редактора. Кромѣ того приложены: портретъ А. С. Пушкина, набросанный Гоголемъ, и факсимиле собственноручной акварели Николая Васильевича, изображающей передній и задній фасады дома въ Васильевкѣ.

Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать лучшаго.

Н. И-ш-ъ.

V т. разсматриваемаго изданія, стр. 486 — 507, а первые были напечатаны въ Пушкинскомъ „Современникѣ“ за 1836 годъ.

¹⁾ Она напечатана во II т. этого изданія.

¹⁾ Сохранить этотъ наборъ, — говоритъ г. Шенрокъ, — оказалось невозможнымъ, и вся работа должна была повториться вновь.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИН-
НАДЦАТЬ руб.**—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по
существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ ма-
газинѣ А. Э. Цинверлинга (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп.,
д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ:
Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова
(Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный
дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова
(Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ,
въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
разказы о пѣльнѣ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы въ
біографіяхъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и пре-
данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (35 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (24 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (1 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (13 экз.), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., 12 книгъ (206 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., 12 книгъ (144 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (25 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 — 1895 гг., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

